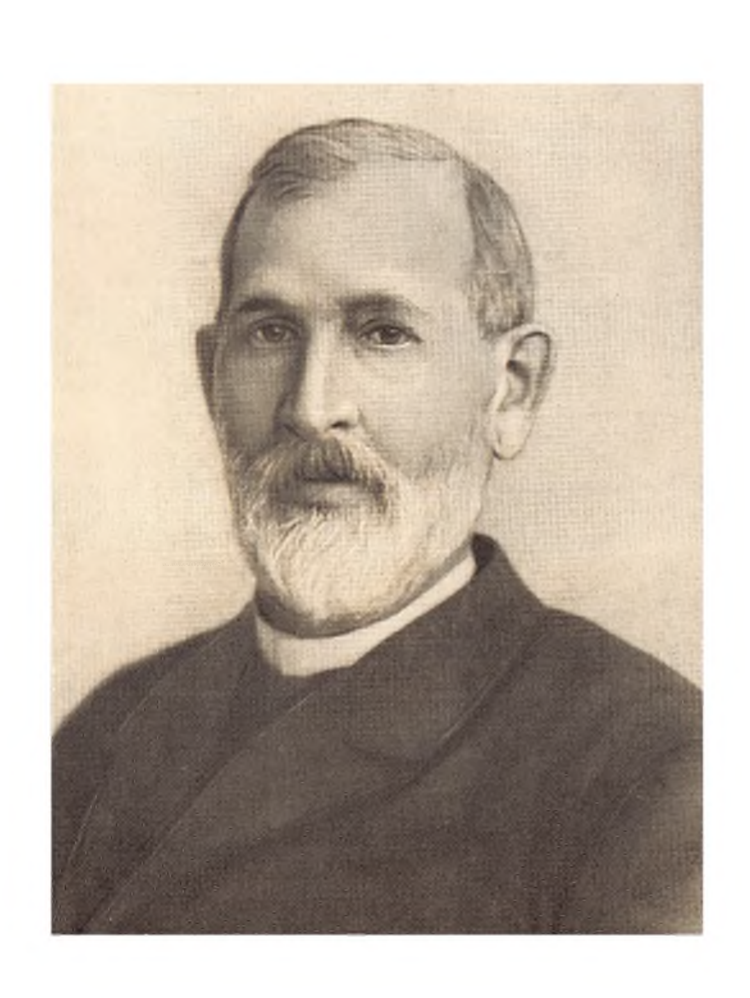
Ф. И. БУСЛАЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

УЧПЕДГИЗ • 1959

Ф. И.
БУСЛАЕВ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ГРАММАТИКА

Академия наук СССР
Отделение литературы и языка

Ф. И. БУСЛАЕВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР
Москва 1959

Издание осуществлено под наблюдением
Комиссии по истории филологических наук
при Отделении литературы и языка
Академии наук СССР

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ

кандидаты филологических наук
И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко,
А. И. Толкачев

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу настоящего издания „Исторической грамматики русского языка“ Ф. И. Буслаева положено последнее, 5-е издание (М., 1881), но текст его сверялся с предшествующими изданиями. В случаях явных опечаток или ошибок в текст автора, а также и в приводимые в книге примеры внесены исправления по предшествующим изданиям; эти исправления в комментариях не оговариваются.

Авторский текст в настоящем издании дается в современной орфографии, однако сохранены без изменения принятые Буслаевым варианты написаний отдельных иностранных слов (напр., *организм, елегия, ексарх*...). Пунктуация автора в целом сохранена; лишь в некоторых случаях, главным образом при выделении вводных слов, знаки препинания поставлены по современным правилам. В ряде случаев пунктуация исправлялась, если постановка или отсутствие знака препинания в предшествующих изданиях носила характер опечатки.

Орфография примеров из русских памятников до XVII в. в обеих частях книги сохранена без изменений, за исключением употребления заглавных букв в отдельных словах (см. ниже). Примеры, идущие от автора, заимствованные из произведений писателей XVIII—XIX вв, и из произведений устного народного творчества, а также диалектные примеры даны по-разному в „Этимологии“ и „Синтаксисе“. В 1-й части книги и в этих примерах сохранена орфография автора по следующим причинам: 1) здесь постоянно речь идет о написании тех или иных слов; 2) в этой части автор часто обращается к этимологии слова или генезису отдельных форм. Во 2-й части книги сохранение старой орфографии примеров из источников после XVII в. не казалось столь обязательным, поэтому для упрощения набора они даются в современной орфографии. Сказанное не относится к тем случаям, когда автора интересует написание отдельных слов или речь идет о формах древнерусского языка (типа *еси далъ*). В разделах, посвященных синтаксическому употреблению разных частей речи, сохранено принятое автором написание (слитное, раздельное или через дефис) наречий, сложных числительных и местоимений. Сохранено также и правописание союзов в разделе о сложном предложении. Имеющиеся в соответствующих разделах случаи разного написания одних и тех же слов (напр., *пять сот* и *пять-сот*) не унифицировались.

В соответствии с современной нормой слова типа *бог, князь, церковь* и т. п., названия народов, отделов наук и другие, писавшиеся ранее с заглавной буквы, в настоящем издании даются со строчной как в тексте автора,

так и в примерах. (Следует заметить, что как в 5-м, так и в других изданиях употребление заглавной буквы в указанных словах не проводится последовательно.)

Написание иностранных примеров сохранено в том виде, в каком оно дано у автора.

Единичные случаи, когда в примеры, приведенные автором, были внесены исправления, оговариваются в подстрочных примечаниях. Без примечания оставлены только исправления диакритики как в русских, так и в иностранных примерах.

В настоящем издании унифицированы способы сокращения грамматических терминов, географических названий и некоторых других слов в тексте автора, а также названий цитируемых источников. Однако в тех случаях, когда автор употребляет те же термины, названия и т. д. полностью, они оставлены без сокращения.

Некоторые изменения внесены в употребление курсива, разрядки и кавычек при выделении примеров, идущих от автора. В единичных случаях допущено изменение курсива на кириллицу.

К настоящему изданию приложен список принятых в тексте сокращений слов (грамматических терминов, географических названий и др.); список источников по сравнению с предшествующими изданиями пополнен (из текста книги) и в некоторых случаях уточнен. В конце книги дана библиография трудов Ф. И. Буслаева по языкознанию.

В качестве приложения к книге дано предисловие к 1-му изданию „Исторической грамматики" (к „Опыту исторической грамматики"), в котором излагаются теоретические взгляды автора по целому ряду вопросов, а также указываются наиболее важные, с его точки зрения, работы по языкознанию, вышедшие к тому времени. В изданиях 2—5-м это предисловие не перепечатывалось.

Ф. И. БУСЛАЕВ КАК ЛИНГВИСТ

Автор „Исторической грамматики русского языка" Федор Иванович Буслаев (1818—1897) принадлежит к числу выдающихся представителей русской науки. Он оставил целый ряд замечательных работ в области языкознания и истории русской литературы (главным образом древней и устного народного творчества), а также в области истории древнерусского искусства; эти труды в свое время составили эпоху и в известной мере не утратили значения и интереса до сих пор.

Проблемами языкознания Буслаев занимался главным образом в первый период своей научной деятельности (40—60-е годы). Основательную подготовку по языкознанию он получил еще во время пребывания в Московском университете (1834—1838). Уже здесь, а также в первые годы по окончании университета Буслаев изучает целый ряд языков, как древних, так и современных. Вместе с тем пробуждаются и его научные лингвистические интересы, развитию которых способствовали университетские учителя (И. И. Давыдов, М. П. Погодин, С. П. Шевырев и другие). По поручению проф. Давыдова Буслаев переводит „Общую грамматику" А. И. де Саси в немецкой переделке И. С. Фатера (изд. в Галле и Лейпциге в 1804 г.) и дополняет ее примерами из русских и старославянских памятников письменности[1]. Кроме того, для проф. Шевырева Буслаев составил систематический свод грамматик М. Смотрицкого, М. В. Ломоносова, академической грамматики 1802 г., грамматик Н. И. Греча и А. Х. Востокова, грамматики старославянского языка И. Добровского. В круг вопросов, связанных с изучением древнерусской письменности, ввели Буслаева занятия с проф. Погодиным, в библиотеке которого он изучает древние памятники по рукописям. Еще студентом Буслаев знакомится также с основными достижениями западноевропейской лингвистики. Наибольшее влияние оказывают на него сочинение В. Гумбольдта „Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts" и „Deutsche Grammatik" Я. Гримма.

По окончании университета Буслаев в течение нескольких лет работает преподавателем русского языка в московских гимназиях, а также домашним учителем в семье известного московского мецената графа С. Г. Строганова, продолжая одновременно свои научные занятия. Вместе с семьей Строганова, сыгравшего большую роль в его жизни, Буслаев в 1841—1843 гг. совершает

[1] Перевод был одобрен факультетом к печати, но издание не осуществилось.

поездку за границу, где получает возможность познакомиться с памятниками искусства и достижениями западноевропейской науки.

С 1847 по 1881 г. Буслаев читает лекции в Московском университете по курсам языковедческого и историко-литературного цикла. Следует отметить, что Буслаев впервые в России начал преподавать сравнительную грамматику индоевропейских языков и историческую грамматику русского языка. В 40—60-е годы Буслаев создает свои основные лингвистические труды: „О преподавании отечественного языка“ (1844), „О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию“ (1848), „Опыт исторической грамматики русского языка“ (1858)[1]. К этому же времени относятся рецензии Буслаева на лингвистические труды Г. П. Павского („Филологические наблюдения над составом русского языка“), К. С. Аксакова („О русских глаголах“), И. И. Срезневского („Мысли об истории русского языка“), А. С. Хомякова („Сравнение славянских слов с санскритскими“); в 1861 г. выходит в свет его „Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков“.

В начале 60-х годов Буслаев отходит от проблем языкознания и занимается по преимуществу древнерусской литературой и устным народным творчеством, а позже — историей древнерусского искусства. В работах этого периода Буслаев касается вопросов языка лишь попутно, разрабатывая главным образом этимологию отдельных слов или групп слов.

Лингвистическая деятельность Буслаева началась в то время, когда в европейском языкознании наметилось значительное оживление. В связи с общим подъемом национального самосознания в первой половине XIX в. повышается интерес к развитию культуры каждого отдельного народа, в том числе и к языку как форме проявления „национального духа“. Общее развитие языкознания этого времени определяется утверждением в науке нового и чрезвычайно плодотворного сравнительно-исторического метода, основы которого были заложены в трудах Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова, Я. Гримма. Большое влияние на развитие европейского языкознания этого времени оказали также идеи В. Гумбольдта о языке как непрерывном творческом процессе и вместе с тем как о целом, все части которого связаны между собой.

Влияние идей этого нового направления в языкознании определило в значительной степени всю лингвистическую деятельность Буслаева, который впервые широко использовал методы исторического и сравнительного изучения языка в применении к русскому материалу. Общие взгляды на язык и его историю складываются у Буслаева в известной мере под влиянием идей В. Гумбольдта и Я. Гримма. В соответствии с положениями Гумбольдта Буслаев рассматривает язык как целостный организм, постоянно развивающийся и деятельный. Как и Гумбольдт, он связывает развитие языка с развитием мышления.

Для Гумбольдта и Гримма язык не был замкнутым в самом себе миром, в языке они видели отражение духовной жизни народа. Так же понимает язык и Буслаев. „Разумную цель лингвист имеет тогда, — писал он, — когда, не

[1] В дальнейшем этот труд, подвергшийся некоторой переработке, издавался под названием „Историческая грамматика русского языка“.

ограничиваясь исследованием букв, приставок, окончаний, стремится в изучении языка изучать духовную жизнь самого народа“ [1]. Наибольшее влияние на Буслаева оказали работы Гримма, в которых вопрос о языке как отражении духовной жизни народа ставится не в абстрактно-философском плане, как у Гумбольдта, а в плане конкретных разысканий из истории языка и культуры немецкого народа. Называя себя „одним из самых ревностных и преданнейших последователей“ Гримма, Буслаев писал: „Этот великий ученый был мне вполне по душе. Для своих неясных, смутных помыслов, для искания ощупью и для загадочных ожиданий я нашел в его произведениях настоящее откровение“ [2]. Общей направленностью своих трудов Гримм повлиял на Буслаева не только как на лингвиста, но и как на филолога в широком смысле слова. Буслаеву импонировали попытки Гримма проникнуть в далекое прошлое народа и романтическая идеализация старины, характерная для работ этого ученого. Разрабатывая русский материал, который никем до него в этом плане не исследовался, Буслаев стремится в языке (точнее в его лексическом составе), в литературе, народной поэзии, искусстве найти отражение древнейших особенностей культуры, быта и религиозных верований народа.

Свои лингвистические исследования Буслаев создавал, опираясь также на значительные к тому времени достижения в области славянского языкознания. В трудах известных славистов — И. Добровского, А. Х. Востокова, В. Копитара, П. И. Шафарика, Ф. Миклошича — ставились и находили определенное разрешение проблемы исторического изучения фонетики и грамматического строя отдельных славянских языков, славянских языковых групп, а главным образом — вопросы о происхождении и судьбах старославянского языка как общего источника при изучении истории отдельных славянских языков. Общие выводы и конкретный языковой материал, который мог почерпнуть Буслаев из работ по славянскому языкознанию, позволили ему рассматривать русский язык на фоне других славянских языков.

Деятельность Буслаева как исследователя русского языка определялась также развитием русского языкознания первой половины XIX в. и успехами, достигнутыми русскими учеными в этой области. В этот период, с одной стороны, продолжается начатое еще Ломоносовым изучение грамматического строя русского литературного языка, а с другой — поднимаются вопросы, связанные с историей языка. Однако степень изученности русского языка в этих двух аспектах была ко времени Буслаева различной. Разработка вопросов грамматического строя литературного языка, связанная непосредственно и со школьным преподаванием, имела в России известную традицию, которая сказалась на общем плане построения грамматики Буслаева, на классификации и характеристике частей речи. Видимо, больше других на Буслаева повлияла „Русская грамматика“ А. Х. Востокова, в которой, по словам акад. В. В. Виноградова, автору „удалось наметить основные грамматические категории, связанные с каждой из частей речи, и охарактеризовать их с удивительной про-

---

[1] Ф. И. Буслаев, Рецензия на книгу А. С. Хомякова „Сравнение славянских слов с санскритскими“, „Отечественные записки“, 1855, сентябрь, отд. IV, стр. 37.

[2] Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, М., 1897, стр. 326.

стотой и краткостью"[1], и „Практическая русская грамматика" Н. И. Греча, в основе которой лежала логистическая концепция; взгляды Греча повлияли главным образом на синтаксическую часть грамматики Буслаева.

В плане исторического изучения русского языка до 40-х годов XIX в., т. е. до времени появления первых работ Буслаева, сделано было немного. Из числа трудов, появившихся до этого времени, необходимо назвать в первую очередь „Рассуждение о славянском языке" Востокова (1820), где впервые (если не считать отдельных высказываний сравнительно-исторического характера в заметках по языку Ломоносова) сравнительно-исторический метод был использован при изучении материала славянских языков (прежде всего старославянского). Сопоставив русский язык со старославянским, Востоков указал тем самым пути для исторического изучения русского языка. Собственно историческое изучение русского языка начинается едва ли не с 40—50-х годов XIX в. Параллельно с Буслаевым в этом направлении работают такие ученые, как А. Х. Востоков, М. А. Максимович, М. Н. Катков, И. И. Срезневский, П. А. Лавровский. В работах этих ученых поднимаются вопросы о происхождении русского языка и об отношении его к другим славянским языкам, об основных этапах в историческом развитии русского языка, о роли старославянского языка, а также изучаются отдельные явления фонетики и грамматики в их истории. Необходимо особо отметить труды Востокова, посвященные изданию и описанию древнерусских и южнославянских памятников, и его же „Церковнославянский словарь".

В историю русского языкознания Буслаев вошел прежде всего как один из основоположников исторического изучения русского языка. Работа Буслаева в области истории русского языка шла по трем основным направлениям: 1) изучение истории языка в связи с историей народа (главным образом с историей его духовной жизни) и в сопоставлении с развитием мышления; 2) палеографическое и лингвистическое описание и издание старославянских и древнерусских рукописей; 3) изучение фактов истории языка для объяснения звуковой и грамматической системы современного ему литературного языка.

С работ Буслаева и Срезневского начинается то направление в изучении истории русского языка, которое характеризуется стремлением связать историю языка с историей народа. Первым опытом анализа языкового материала в этом плане является раздел „Материалы для русской стилистики" в работе „О преподавании отечественного языка" (1844) Буслаева. Буслаев часто пишет о том, какое большое значение имеет язык для изучения истории народа, точнее — истории его духовной жизни. Через посредство языка старается он заглянуть в далекие эпохи жизни русского народа, а также и других народов, например готов (см. его диссертацию). Эти попытки Буслаева связать историю языка с историей народа были важны для дальнейшего развития русского языкознания не столько конкретными выводами, сколько своей общей направленностью. Последователем Буслаева в этом отношении был крупнейший историк русского языка А. А. Шахматов. Однако понимание процесса разви-

---

[1] В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, „Ученые записки МГУ", 1946, вып. 106, т. III, кн. 1, стр. 49.

тия языка у Буслаева еще очень условно и абстрактно. Это объясняется в значительной мере тем, что историю конкретного языка, связанную с историей духовной жизни его носителей, Буслаев заключает в абстрактную схему двух этапов развития языка вообще, обусловленных развитием человеческого мышления. Первый период отличается от второго большей конкретностью в значениях слов и грамматических форм. „Сравнительная грамматика Боппа и исследования Гримма привели меня к тому убеждению, — писал Буслаев, — что каждое слово первоначально выражало наглядное изобразительное впечатление и потом уже перешло к условному знаку отвлеченного понятия, как монета, которая от многолетнего оборота, переходя из рук в руки, утратила свой чеканный рельеф и сохранила только номинальный смысл ценности“ [1].

Мысль о двух периодах в развитии языка, к которой Буслаев не раз возвращался в своих работах, легла в основу его диссертации „О влиянии христианства на славянский язык“, где периоды в истории языка связываются с историей духовной жизни народа, а именно — с заменой языческой религии христианством. Сравнивая лексику двух переводов евангелия — готского перевода IV в., сделанного епископом Ульфилой, и Остромирова евангелия, — Буслаев старается показать бо́льшую степень отвлеченности в значениях слов во втором переводе, что́ объясняется продолжительным влиянием христианских идей на славянский язык. Отсюда Буслаев делает вывод о том, что „славянский язык задолго до Кирилла и Мефодия подвергся влиянию христианских идей“ [2].

В другом плане рассматривается вопрос о связи языка с жизнью народа в „Материалах для русской стилистики“. В памятниках письменности и в фольклорных произведениях славянских народов (главным образом русского) Буслаев находит материал для характеристики отдельных сторон юридического и военного быта наших предков, их семейных отношений, их представлений о природе и т. д. В качестве примера можно привести следующее место из раздела „Быт семейный и общественный“: „Наследственное неподвижное имение искони называлось производными от *дед* и *отец*, *дедина* (еще в Суде Любуши) [3] и *отчина*: что указывает на древнейшее утверждение права собственности родством. Равномерно и престолонаследие выражалось словами *дедний*, *отний*, *отечний*, кои были постоянным эпитетом стола или престола: и благодаря бога вниде въ Киевъ и сѣдѣ на столѣ дѣдъни отечьни, Воскр. сп., II, 36“ [4]. Обе названные работы не являются узколингвистическими. Они написаны в широком филологическом плане. Главным объектом исследования является лексический состав языка.

Многое сделал Буслаев в отношении филологического исследования и издания памятников. Им были изучены рукописи и старопечатные книги разных книгохранилищ России и осуществлено два издания: „Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные

---

[1] Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, стр. 282.

[2] Ф. И. Буслаев, О влиянии христианства на славянский язык, М., 1848, стр. 210.

[3] См. примечание 8 на стр. 585.

[4] Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, М., 1844, ч. II, стр. 250.

из XV рукописей Московской Синодальной библиотеки...“ [1] и „Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков“ (М., 1861). В „Материалах“ опубликованы снимки ряда рукописей XI—XVI вв. и дано описание палеографических и языковых особенностей некоторых из них. К описанию приложен небольшой словарь древнерусского языка. Хрестоматия Буслаева явилась, по словам Ягича, „для своего времени очень драгоценным обогащением русско-славянской филологии...“ [2]. Будучи замечательным собранием образцов древнерусской письменности, хрестоматия и в настоящее время представляет большой интерес. В ней помещены полностью или в извлечениях памятники XI—XVII вв.: древнерусские (оригинальные и переводные) и старославянские (по преимуществу русского извода); многие из этих памятников были здесь опубликованы впервые. В приложении даются произведения народной словесности XVIII и первой половины XIX в., часть которых издавалась впервые по рукописям. Приведенные в основной части хрестоматии тексты сопровождаются историко-литературными и лингвистическими комментариями. Здесь дается общая характеристика правописания и языка памятника, в ряде случаев отмечаются также диалектные особенности. Так как памятники расположены в хронологическом порядке, то сумма комментариев к ним „составляет, — как пишет автор в предисловии, — как бы историю языка и письменности в практическом изложении“.

О третьем направлении в деятельности Буслаева как историка языка, а именно — об изучении фактов исторических для объяснения звуковой и грамматической системы современного ему литературного языка, будет сказано ниже, в связи с рассмотрением „Исторической грамматики“.

В исследованиях по истории русского языка Буслаев широко пользуется сравнительно-историческим методом, горячим сторонником и популяризатором которого он был.

Сравнительное и историческое изучение языка Буслаев рассматривает как два плана, тесно сплетающиеся и взаимопроникающие: „... исторический [метод] обыкновенно идет рука об руку с сравнительным; притом исторический есть уже вместе и сравнительный, ибо предполагает сравнение форм языка в различных периодах времени; а сравнительный вместе и исторический, ибо сравнивает языки различных времен“ [3]. У Буслаева есть высказывания о том, что язык, в частности русский, должен изучаться как методом сравнительным, и прежде всего путем сравнения с наиболее близкими языками — славянскими (особенно церковнославянским), так и путем сопоставления данных одного языка в разные периоды его исторического развития. В своих работах Буслаев постоянно сопоставляет данные современного ему русского языка с данными других индоевропейских языков и с материалами русских памятников разного времени. План сравнения с другими языками выступает главным образом в первых двух его больших работах („О преподавании отечественного языка“ и „О влиянии христианства на славянский язык“), а также в заметках по этимологии отдель-

[1] В сб. „Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских...“, М., 1855, стр. 1—58.

[2] И. В. Ягич, История славянской филологии, СПБ, 1910, стр. 537.

[3] Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, ч. II, стр. 2.

ных слов. На сравнении же прежде всего с языковыми фактами, извлекаемыми из памятников письменности, построена „Историческая грамматика“, где, в силу ограниченности цели данного труда, сравнение с другими языками, особенно неславянскими, занимает второстепенное место.

Необходимо отметить, что Буслаев широко ввел в круг материалов, изучаемых сравнительно-историческим методом, данные русских говоров. Он писал о том, что диалектные особенности — не случайные „неправильности“: „все разнообразие звуков в областных наречиях, уклоняющееся от общеупотребительного говора, основывается на твердых лингвистических законах“ [1]. Сравнение с диалектным материалом, имеющее место уже в первых работах Буслаева, особенно широко дается в „Исторической грамматике“.

Популяризируя сравнительно-исторический метод, Буслаев называл его „точным микроскопическим анализом“ [2] и указывал на необходимость пользования им как методом строго научным, что выгодно отличало Буслаева от некоторых предшествующих и современных ему ученых, в трудах которых нередко сравнивались слова разных (в том числе и неродственных) языков на основании внешних, часто случайных созвучий. Критикуя А. С. Хомякова за ошибки, допущенные им при рассмотрении в сравнительном плане материала разных языков, Буслаев сформулировал ряд положений о сравнительно-историческом методе, из которых главным является требование исходить при сравнении из строгих фонетических соответствий в родственных языках и действующих в этих языках звуковых законов и учитывать при этом характер отношений между сравниваемыми языками (не смешивать „первобытное родство“ с историческим заимствованием) [3]. Однако необходимо отметить, что в конкретных исследованиях Буслаева эти выдвинутые им требования не всегда соблюдаются, что объясняется общим уровнем развития науки его времени и, в частности, слабой разработанностью вопросов фонетики русского языка.

Значительное место в деятельности Буслаева занимает разработка вопросов звукового и грамматического строя современного литературного языка. В своих воспоминаниях он писал: „Современная книжная речь была главным предметом моих наблюдений. В ней видел я итог постепенного исторического развития русского народа, а вместе с тем и центральный пункт, окруженный необозримой массою областных говоров“ [4].

Литературный язык своего времени Буслаев впервые описал в „Материалах для русской грамматики“ (второе приложение к работе „О преподавании отечественного языка“). „Материалы...“ состоят из отдельных очерков, посвященных характеристике звуков и форм русского языка (раздел синтаксиса представлен лишь небольшими заметками). В основной части работы „О преподавании отечественного языка“ изложены методические взгляды Бус-

---

[1] Ф. И. Буслаев, Рецензия на „Словарь областных речений великорусского наречия“, Известия ОРЯС, т. I, вып. 4, СПБ, 1852, стр. 167.

[2] Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, стр. 300.

[3] См. рецензию Буслаева на книгу А. С. Хомякова „Сравнение славянских слов с санскритскими“.

[4] Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, стр. 282.

лаева, которые были тесно связаны и с его лингвистической деятельностью. Здесь впервые в России поставлен вопрос о том, что изучение родного языка в школе не должно ограничиваться начальным, чисто практическим, а должно быть дополнено в старших классах научным изучением, которое даст возможность учащимся понять систему языка и действующие в языке закономерности. Буслаев показывает, что понимание системы современного языка во всей ее сложности возможно только при историческом подходе к языку. „Речь, теперь нами употребляемая, — пишет он, — есть плод тысячелетнего исторического движения и множества переворотов. Определить ее не иначе можно, как путем генетическим, отсюда необходимость исторического исследования“ [1]. В соответствии с выдвинутым требованием Буслаев сопоставляет здесь, как и позже в „Исторической грамматике“, факты современного ему языка с материалами древнерусских памятников и данными других индоевропейских языков. Сравнение с индоевропейскими языками занимает в этой работе большее место, чем в „Исторической грамматике“, тогда как материалы памятников привлекаются в меньшей степени.

Работа „О преподавании отечественного языка“ была, по мнению ее автора, только первым зародышем того, „чему быть следует“. Более полно в свете поставленных им теоретических и методических требований литературный язык первой половины XIX в. был описан Буслаевым в „Исторической грамматике русского языка“. В понятие „историческая грамматика“ Буслаев вкладывал несколько иной смысл, чем это принято в настоящее время. Он не ставил своей задачей написать труд по истории русского языка. „Историческая грамматика“ составлялась как пособие для преподавания русского языка в средних учебных заведениях. Буслаев назвал свою грамматику исторической потому, что она написана с учетом достижений сравнительно-исторического метода в тех пределах, в каких научные достижения могут быть введены в школьное преподавание: система современного языка получает здесь историческое освещение. „Историческая грамматика“ должна была стать, по мысли автора, грамматикой нового типа, принципиально отличной от тех практических руководств, которые строились в соответствии с традициями общефилософских грамматик XVIII в. Буслаев борется против схоластики в школьном преподавании, против изучения грамматики родного языка как суммы правил, составленных на материале языка избранных образцовых писателей. Буслаев расширяет понимание книжного языка, грамматика которого должна изучаться в школе: „... под именем книжного языка, она [историческая грамматика] разумеет не только слог высокий (чем ограничивалась старинная практическая грамматика), но и речь разговорную, в сочинениях содержания повествовательного, драматического и т. п. Притом она находит столь же правильный русский язык в сочинениях стихотворных, как и в прозаических...“ [2]. Каждое поколение писателей вносит в язык что-то новое, книжный язык развивается, и грамматика не должна быть тормозом на пути развития языка. Однако то новое, что вводится в книжный язык писателями, чтобы стать грамматической нормой,

[1] Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, ч. II, стр. 165.

[2] Ф. И. Буслаев, Опыт исторической грамматики русского языка, М., 1858, предисловие, стр. XX.

должно, по мнению Буслаева, пройти известную проверку временем, поэтому в „Исторической грамматике“ Буслаев рассматривает литературный язык „от Ломоносова до Пушкина“, оставляя в стороне писателей — своих современников.

„Историческая грамматика“ принципиально отличается не только от принятых в то время школьных руководств, но и от всех существовавших до нее русских грамматик тем, что факты современного книжного языка автор стремится объяснить с точки зрения действующих в языке закономерностей. В качестве источников, которые дают ему необходимый для этого материал, Буслаев привлекает старославянский язык, древнерусский, современные говоры, а также другие индоевропейские языки, главным образом близкородственные — славянские. В соответствии с поставленной задачей Буслаев собрал для „Исторической грамматики“ огромный фактический материал. Помимо произведений русских писателей XVIII — начала XIX в., им были изучены памятники древнерусской письменности XI — XVII вв. разных стилей и жанров, памятники старославянского языка, а также опубликованные в его время материалы по русской диалектологии и устному народному творчеству. По богатству и разнообразию материала ни одна из работ предшественников или современников Буслаева не может идти в сравнение с „Исторической грамматикой“.

Исторический подход к фактам языка позволил Буслаеву объяснить наличие в языке таких форм, которые, с точки зрения чисто синхронной, должны квалифицироваться как исключения. Например, Буслаев исторически рассматривает так называемые „неправильные“ склонения и спряжения (§ 82), изменения в основе при склонении существительных с древней основой на согласный звук (§ 62), формы, являющиеся остатками форм двойственного числа (§ 90). Исторически объясняет он стилистическое различие некоторых параллельных образований в языке, одни из которых восходят к древнерусскому языку, другие — к старославянскому (см., например, § 55, 76). Так же стремится Буслаев обосновать и действующие в его время орфографические нормы. В отличие от предшествующих русских грамматик, в „Исторической грамматике“ нет специального раздела, посвященного правописанию. Четко разграничивая в системе правописания „принятое обычаем“ от правил, отражающих действующие или действовавшие в русском языке законы, Буслаев рассматривает последние (правила) в связи с изложением самих закономерностей в языке (см., например, о правописании ѣ в § 25, о правописании наречий в § 72).

Исторический подход к фактам языка имел место уже в трудах предшествующих русских ученых, однако до Буслаева не было попыток интерпретировать в этом плане факты русского языка в их целостной системе. Буслаеву принадлежит заслуга создания первого труда, в котором поставлена задача дать историческое освещение разным сторонам языкового строя. Первая часть „Грамматики“ посвящена описанию звуковой и морфологической системы русского языка. В главе „Звуки и соответствующие им буквы“ дается характеристика звуков русского литературного языка, а также подробно описываются чередования, объясняющиеся главным образом звуковыми процессами, происходившими в общеславянский период. Здесь же отмечаются некоторые явления, имеющие место в русских говорах. В главах, посвящен-

ных морфологии, Буслаев дает анализ форм словообразования и форм словоизменения всех частей речи. Раздел о словообразовании особенно интересен и богат по материалу. Во второй, синтаксической части „Грамматики“ в центре внимания автора находится характеристика синтаксического употребления частей речи, а также описание типов связи слов в составе словосочетаний. В связи с рассмотрением синтаксического употребления частей речи Буслаев анализирует грамматические категории, присущие каждой из них (например, залог, вид, наклонение глагола). Больше, чем его современники, уделяет Буслаев внимания синтаксису предложения; в частности, он довольно подробно рассматривает вопрос о второстепенных членах предложения. Во вторую часть „Грамматики“ включен также ряд материалов по исторической стилистике и поэтике.

„Историческая грамматика“ Буслаева представляет значительный интерес и для современного читателя, хотя его грамматическая система, безусловно, устарела. В „Грамматике“ содержится богатый материал по истории литературного языка конца XVIII — первой трети XIX в. (см., например, наблюдения автора о колебании в употреблении тех или иных форм словоизменения или словообразовательных моделей, об употреблении синтаксических конструкций). Не утратил также интереса и большой, собранный Буслаевым материал из древнерусских памятников, а также наблюдения автора по истории отдельных форм и конструкций в русском языке.

„Грамматика“ Буслаева отличается от предшествующих историческим подходом к фактам языка. Сама же грамматическая система, лежащая в ее основе, не является оригинальной: во многом существенном Буслаев следует уже сложившейся грамматической традиции (основным принципам классификации частей речи, логико-грамматическому подходу к явлениям синтаксиса). Однако в традиционную грамматическую схему Буслаев вносит некоторые изменения. Так, классификация частей речи пополняется у Буслаева за счет выделения как самостоятельной части речи числительного. Более отчетливо, чем в предыдущих грамматиках, ставится вопрос о разграничении частей речи на знаменательные и служебные. Основным критерием выделения служебных частей речи для Буслаева являются не собственно грамматические признаки (в первую очередь синтаксическое употребление), а отсутствие конкретных лексических значений; поэтому Буслаев ошибочно относит к служебным частям речи местоимение, местоименное наречие, числительное и глагол-связку.

Синтаксическая система Буслаева в основе своей логистична. Несмотря на то, что Буслаев не раз писал об опасности смешения понятий логики и грамматики при анализе фактов языка (см., например, критику общесравнительных грамматик Готшеда и Аделунга и взглядов Беккера в предисловии к „Опыту исторической грамматики“), его собственный труд не свободен от подобных ошибок. Логистический подход Буслаева к синтаксису сказался прежде всего в определении предложения („суждение, выраженное словами“) и различных его типов. Исходя из того, что в суждении присутствуют обычно два члена, Буслаев все типы предложения рассматривает как двусоставные (в том числе и безличные). Центром предложения для Буслаева является сказуемое, которое обязательно выражается глаголом. К этому типу предложений Буслаев пытается свести все другие типы предложений в русском языке,

характеризуя их как восходящие к глагольным и получившиеся в результате сокращения или опущения глагола. Учение Буслаева о „сокращении" и „опущении" в целом антиисторично: живые факты языка подводятся под определенную, заранее составленную схему. То же следует сказать и о трактовке некоторых конструкций, объясняемых „слиянием" (напр., предложений с однородными членами)[1].

Анализ языкового материала приводит Буслаева к пониманию того, что многое в языке не может быть объяснено с точки зрения логистической концепции. Буслаев говорит о сложном, противоречивом взаимоотношении между языком и мышлением и не отказывает языку в наличии собственных законов, не зависимых от законов логики. Эти особенности, составляющие своеобразие каждого языка, объясняются, по Буслаеву, наличием в языке художественного, изобразительного начала, или творческой фантазии, а также коммуникативной функцией языка. Употребление языка как средства общения было причиной появления в нем таких, например, форм, как повелительное наклонение, вопросительные слова, местоимения 1-го и 2-го лица; творческой фантазией языка объясняется, например, род неодушевленных существительных, формы 1-го и 2-го лица таких глаголов, которые не могут быть отнесены к человеку.

Различным соотношением логического и художественного начала определяются два периода в развитии языка: в древнейший период на первый план выступает творческая фантазия языка, значение слов и грамматических форм здесь конкретнее и образнее; с течением времени логическое начало берет верх в языке: „С успехами народного мышления... синтаксис ... подчиняется отвлеченным категориям логики"[2]. С развитием логических начал, общих для разных языков, языки теряют в своем своеобразии и сближаются между собой. Однако и в поздний период сохраняются отдельные элементы древней системы, и именно они интересуют Буслаева как исследователя в первую очередь.

Буслаев не всегда правильно определяет и не всегда последовательно выдерживает грамматические критерии при анализе языковых явлений. Так, например, при характеристике инфинитива за основу берется признак генетический, а не грамматические признаки, присущие данной форме в современном языке; поэтому Буслаев, отмечая в инфинитиве ряд глагольных черт,

---

[1] Обстоятельная критика синтаксических взглядов Буслаева дана А. А. Потебней (в его труде „Из записок по русской грамматике"), для которого вместе с тем наблюдения и выводы Буслаева во многих случаях послужили исходным моментом в его собственных синтаксических исследованиях.

С точки зрения современной науки сложная и противоречивая синтаксическая система Буслаева разобрана акад. В. В. Виноградовым в книге „Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)", М., изд. МГУ, 1958. Рассматривая взгляды русских ученых с середины XVIII до конца XIX в., акад. Виноградов определил место Буслаева в истории научной разработки синтаксиса русского языка.

[2] Ф. И. Буслаев, Рецензия на „Мысли об истории русского языка" И. И. Срезневского, „Отечественные записки", 1850, т. LXXII, октябрь, отд. V, стр. 45.

все же относит его к категории имени. Характеристика залоговых значений дается на основе различных признаков: так, возвратный залог выделяется на основании морфологического признака (частица *-ся*), другие залоги, например действительный, — на основании синтаксических связей (наличие прямого дополнения). Противоречиво дано Буслаевым учение о второстепенных членах предложения. Принципы классификации (по значению и по способу грамматической связи с другими словами) у Буслаева перекрещиваются, и в результате некоторые формы характеризуются им как определительные или обстоятельственные по значению и дополнительные по форме.

„Историческая грамматика" Буслаева, по глубине и сложности содержания не соответствующая возможностям средней школы, не стала практическим учебником. На ее основе Буслаев написал „Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянскою" [1], по которой много лет велось преподавание в школе. Грамматические взгляды Буслаева (прежде всего изложенная им классификация частей речи и его синтаксическая система) оказали большое влияние на школьные грамматики. Логицизм в подходе к синтаксическим явлениям не преодолен до конца в школьном преподавании и до наших дней.

И. Кузьмина, Е. Немченко, А. Толкачев.

---

[1] Первое издание вышло в 1869 г.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ О Ф. И. БУСЛАЕВЕ[1]

1. Абакумов С. И., Современный русский литературный язык, М., 1942 [гл. VII. Краткие сведения из истории русской грамматики].
2. Архангельский А. С., Ф. И. Буслаев в своих „Воспоминаниях" и ученых трудах, Казань, 1899.
3. Будде Е. Ф., О заслугах Ф. И. Буслаева как ученого-лингвиста и преподавателя, „Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете", т. XIV, вып. 4, Казань, 1898.
   То же. Отд. отт., Казань, 1898.
4. Булаховский Л. А., Лингвистическое и методическое наследство Ф. И. Буслаева (1847—1937), „Русский язык в школе", 1937, № 5.
5. Буслаев Ф. И., Журнал „Литературная учеба", 1938, № 6.
6. Бычков А., Ф. И. Буслаев, „Журнал Министерства Народного Просвещения", ч. CCCXIII, 1897, кн. 10.
7. Виноградов В. В., Из истории изучения русского синтаксиса [от Ломоносова до Потебни и Фортунатова], М., изд. МГУ, 1958.
8. Виноградов В. В., Русская наука о русском литературном языке, „Ученые записки Московского государственного университета", вып. 106. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. 1, М., изд. МГУ, 1946.
9. Войнаховский К., Значение трудов акад. Ф. И. Буслаева в истории науки о русском языке, Сб. „Памяти Ф. И. Буслаева", М., 1898.
10. Горницкий П. Е., Очерк жизни и деятельности Ф. И. Буслаева, „Филологические записки", 1898, вып. I.
11. Грунский Н. К., Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, вып. I—III, Юрьев, 1910—1911.
12. Кирпичников А. И., Буслаев Федор Иванович, „Критико-биографический словарь русских писателей и ученых" С. А. Венгерова, т. V, СПБ, 1897.
13. Котляревский А. А., Об изучении древней русской письменности, „Филологические записки", 1879, вып. IV—V, VI; 1880, вып. IV, V, VI, Воронеж, 1881.
14. Кульман Н., Из истории русской грамматики, СПБ, 1917.

[1] Список рецензий на отдельные труды Ф. И. Буслаева см. в „Библиографическом указателе литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 г.", вып. I—VI, М., 1954—1957.

15. Львов А. С., Взгляды Ф. И. Буслаева на историческое преподавание русского языка в средней школе, „Русский язык в школе", 1941, № 2.
16. Мелкумян Р. Л., Буслаев как исследователь русской стилистики, „Научные труды Ереванского государственного университета", т. XXXIV, 1951.
17. Миллер В. Ф., Памяти Федора Ивановича Буслаева. Речь и отчет, читанные в торжественном собрании имп. Московского университета 12 января 1898 г., М., 1898.
18. „Памяти Ф. И. Буслаева" [сб.], М., 1898.
19. Петрова Е. Н., Академик Федор Иванович Буслаев и его значение для школы. Вступительная статья в книге: Ф. И. Буслаев, О преподавании отечественного языка, Л., 1941.
20. Петрова Е. Н., Элементы теории семантических гнезд у Ф. И. Буслаева, „Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена", т. XX, Л., 1939.
21. Пыпин А. Н., История русской этнографии, т. II, СПБ, 1891.
22. Сперанский М. Н., Памяти Ф. И. Буслаева, СПБ, 1898.
23. Танков А. А., Воспоминания о Буслаеве, „Исторический вестник", 1897, сентябрь.
24. Четыре речи о Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 29 января 1898 г., СПБ, 1898. [Речи А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, Н. И. Жданова и директора учительской семинарии В. А. Воскресенского.]
25. Ягич И. В., История славянской филологии, СПБ, 1910.
26. Языков Д. Д., Федор Иванович Буслаев (Историко-литературный очерк по его „Воспоминаниям" и вновь собранным материалам), „Русский вестник", 1897, сентябрь, „Современная летопись".
27. Языков Д. Д., Труды Ф. И. Буслаева (библиографический указатель). Речь и отчет, читанные в торжественном собрании имп. Московского университета 12 января 1898 г., М., 1898.

ЭТИМОЛОГИЯ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1[1]. Язык есть не случайное изобретение, совершенное одним или несколькими лицами, а необходимое выражение дара слова, которым творец отличил человека от прочих животных. Образование языков сокрыто от нас в глубине веков, предшествовавших появлению народов на историческом поприще. Знаем только, что ни один народ, даже на самой низкой ступени общественного быта, без языка не обходился. — В церковнославянских книгах речением я з ы к именуется не только дар слова, но и самый народ, согласно с той истиною, что язык образуется не отдельными лицами, а целым народом, составляя его существенное достояние.

Мы не имеем никаких исторических свидетельств, на которых могли бы основать предположение о том, что люди сначала пользовались только отдельными членораздельными звуками, потом сложили их в слоги, а слоги в слова и наконец связали слова в стройное целое для выражения мысли. Напротив того, из истории всякого языка убеждаемся, что первоначальная форма, в которой выразился дар слова, есть уже целое п р е д л о ж е н и е: что совершенно согласно с существенным назначением дара слова — передавать мысли членораздельными звуками; ибо только в целом предложении мысль может быть выражена. Потому образование как частей речи, так и изменений их основывается на законах синтаксических, ибо совершается по требованию мысли: следовательно, только в предложении получают свое значение отдельные слова и их окончания и приставки. Таким образом, и членораздельные звуки, сложившиеся в слова, и каждое отдельное слово суть не что иное, как живые члены целого живого состава, именуемого предложением.

Так как предложение образовалось в разговоре между лицами, а разговор состоит во взаимном сообщении и подробном изложении мыслей; то сочетание мыслей должно было выразиться в языке сочетанием предложений. Ряд соединенных предложений называется р е ч ь ю.

П р и м е ч. Из сказанного явствует, что все построение языка, от отдельного звука до предложения и сочетания предложений, представляет нам живую

связь отдельных членов, дополняющих друг друга и образующих одно целое, которое в свою очередь дает смысл и значение каждому из этих членов. Такое взаимное отношение в речи между частями и целым именуется организмом языка. Только впоследствии, помощию науки, дошли до того, что стали разлагать это живое целое на отдельные члены, каковы: мысль и выражающие ее звуки, предложения и части речи, целые слова и их корни, приставки и окончания. Первоначально все эти составные части языка разумелись только в целом, т. е. в речи. Согласно с таким представлением о языке, как живом организме, в котором все части нераздельно соединены в одно целое, мы употребляем речение слово в значении не только отдельной части речи, но и целого разговора, беседы, проповеди, т. е. целой речи; напр., говорим: *духовное слово, похвальное слово, Слово о полку Игореве* и проч.

§ 2. В самую отдаленную эпоху история находит народы уже разделенными на множество языков и наречий. По языкам разделяются целые народы, по наречиям — племена каждого из них.

Языки церковнославянский и наш русский, как отдельные наречия, суть члены одного, общего им обоим славянского языка, который в свою очередь, вместе с языками индусов, персов, греков, римлян, кельтов, немцев и литовцев, входит, как отдельный член, в общий состав языков индоевропейских.

Как родство всех этих языков, так и разделение их по наречиям относится к эпохе доисторической. Все они суть языки самостоятельные, и потому ни один из них не происходит от другого.

Примеч. Кроме нашего индоевропейского поколения, важны в истории человечества: 1) поколение семитическое, между языками которого особенно замечателен еврейский, на котором писаны книги Ветхого завета; и 2) поколение северное, к которому, между прочими, принадлежат языки: чудской и татарский.

К языкам индоевропейским в Азии принадлежат так называемые арийские языки, именно: язык древних индусов, в его важнейших наречиях: санскритском и пракритском; и язык древних персов, сохранившийся в священных книгах этого народа, известных под именем Зендавесты. Древнейшее наречие индусов, на котором писаны Веды, т. е. священные книги этого народа, называется ведийским. — Цыганы говорят на одном из наречий языка индусов.

В Европе ранее других индоевропейских языков образовались литературно языки классические, т. е. греческий и латинский; прочие же, именно: кельтский, немецкий, литовский и славянский, позднее выступили на историческом поприще, но, по составу своему, столь же древни, как и языки классические.

Важнейшие наречия языка греческого суть: эолическое, дорическое, ионическое и аттическое. Средневековой греческий язык именуется византийским. Нынешние греки пользуются наречием новогреческим, которое относится к древнегреческому так же, как романские языки к латинскому.

Латинский язык имел при себе несколько областных италийских наречий, каковы: умбрийское, оскское, сабинское и нек. др. В средние века от латинского образовались языки романские, а именно: провансальский, французский, итальянский, испанский, португальский, ретороманский (под которым разумеются некоторые местные наречия Швейцарии) и румынский (к которому принадлежит наречие валашское), отличающийся от прочих языков романских славянскою примесью.

К племени немецкому принадлежит несколько языков и наречий, подразделяемых на два главные отдела: на собственно немецкий и скандинавский. К немецкому причисляются: 1) готский (на который в IV в. н. э. переведено было Ульфилою Св. писание); 2) верхненемецкий, с наречиями: древним, средним и новым, образовавшимся со времен Лютера; и 3) нижненемецкий, к которому принадлежат наречия: а) древнесаксонское с наречиями нидерландскими; б) фризское и в) англосаксонское, из которого впоследствии образовался, при значительном влиянии французского, язык английский. — К отделу скандинавскому причисляются языки: 1) скандинавский, или древнесеверный, с нынешним наречием исландским, 2) датский и 3) шведский.

Из соплеменных языков ближе всех к славянскому литовский, разделяющийся на три наречия: 1) собственно литовское, 2) латышское и 3) древнепрусское.

§ 3. Славянский язык, по своим наречиям, делится на два отдела: на юго-восточный и западный. I. К юго-восточному принадлежат наречия: 1) церковнославянское (на которое, во второй половине IX в., переведено с греческого языка Св. писание), иначе называемое древнеболгарским, с наречием новоболгарским; 2) наречие сербское; 3) наречие хорутанское, или словинское, и 4) наречия, составляющие язык русский: а) великорусское, б) украинское* и в) белорусское. — II. К западному отделу принадлежат: 1) наречия чешские: а) собственно чешское и б) словацкое; 2) польское; 3) наречия лужицкие: а) верхнее и б) нижнее; и 4) полабское, или древанское, уже вымершее.

Разделение славянского языка на наречия относится ко временам, предшествовавшим появлению славян на историческом поприще.

Из разделения славянского языка на наречия явствует: 1) что русское не произошло от церковнославянского, но искони было так же самостоятельно, как и это последнее; и 2) что церковнославянское, вместе с русским, принадлежа к одному и тому же отделу славянских наречий, весьма вразумительно русскому народу и потому было легко усвоено им в языке церкви.

Примеч. 1. О названии словѣне, *словене* и *славянъ* см. в § 24.

Примеч. 2. Наречия юго-восточные отличаются от западных как по месту жительства племен, так и по некоторым грамматическим приметам.

В древнейшую эпоху, как свидетельствуют письменные памятники до XIV в., славянские наречия более нынешнего сближались между собою, по

* Здесь и далее термин „малорусский“ заменен на „украинский“. *(Изд.)*

грамматическому построению; но вместе с тем, так же как и теперь, строго отличались друг от друга. Вообще должно заметить, что чем язык древнее и первобытнее, тем более дробится по местным говорам.

Наречия юго-восточные, к которым принадлежит и наш язык, нам понятнее западных.

Только в отношении к славянскому языку, как совокупности всех наречий славянских, языки русский, церковнославянский, польский, чешский и др., должны быть именуемы наречиями; обыкновенно же, не только в разговоре, но и на письме, они называются языками.

Примеч. 3. Древний язык церковнославянский, на который первоначально переведено было Св. писание, собственно принадлежал, вероятно, славянам Солуни (см. § 13) и окрестных областей, частию вошедших в состав царства Болгарского. Потому, в отношении государственном, этот язык и называется древнеболгарским.

§ 4. Наш язык стал называться *русским* с той отдаленной эпохи, когда первыми русскими князьями было положено начало государственному устройству нашего отечества.

В старину под именем *Руси* разумели не только русский народ, но и русскую страну, и притом сначала южную часть ее, а потом и все прочие. От слова *Русь* образовалось прилагательное *русскій* (в старину: *русьскыи, руськыи, рускый, рускій*), которым до XVI в. означали все принадлежащее нашему отечеству, а равно и язык. С XVI в. грамотные люди стали вводить в книжный язык новые речения *Россія* и *россійскій*.

Примеч. Древнейшие сведения о речениях русского языка относятся к половине X в. Император греческий Константин Багрянородный, в своем сочинении „Об управлении империею“, приводит названия днепровских порогов, русские и славянские, с греческими объяснениями. Под русскими он разумеет названия на каком-то языке, русскому человеку непонятном, вероятно, на одном из северных немецких наречий; под названиями же славянскими разумеет собственно наши, славяно-русские. — В Златостр. XII в. роусь и роусьскый (см. § 68); в Летописце Никифора патриарха Царегр. по сп. Кормчей 1282 г. роусь; в Русск. правде по тому же сп. роусинъ (русский); в предисловии к Библ. 1499 г. всеа́ руси; в послесл. к Апостолу, изд. в Москве в 1564 г., всеа̀ вели́кіа Росіа и всеа́ русіи. В XVII в. формы *россы, россіяне, россійскій* даже признавались древнейшими на основании ложного словопроизводства, распространенного Синопсисом Иннокентия Гизеля: ру́скій или па́че россійскій народъ, тіижде су́ть славя́не... ѿ россѣянїа по мно́гимъ стра́намъ пле́мене своего, россѣяны, а̀ потомъ россы прозва́шася. По изд. киево-печ. 1674 г. (См. Хр.)

§ 5[2]**.** Сопутствуя народу как в исторической его жизни, так и в размещении его по областям, язык претерпевает двоякого рода изменения: 1) по времени, в течение которого народом употребляется, и 2) по пространству, по которому он, вместе с народом, распространился. Изменения первого рода именуются

исторически ми, второго рода — областны ми, известными под именем областных наречий.

В истории языка то наречие выступает перед прочими, которое принадлежит средоточию государственной власти. Из наречий русского языка, преимущественно перед другими, образовалось великорусское, которое и называют языком русским, в отличие от украинского и белорусского.

Областная речь именуется просторечием, или языком народным (а также и простонародным), в отличие от языка книжного, литературного, искусственного или образованного. Первоначально язык книжный не мог отличаться от народного; ибо первым писателям свойственно выражаться в письме так, как говорят. Но следующие за ними грамотные люди учатся читать и писать уже по тем книгам или рукописям, которые оставлены были им в наследство от поколения предшествовавшего; и потом, в свою очередь, передают свое собственное писание поколениям последующим. Таким образом, в течение времени, составляется язык книжный, основанный на литературном предании, и значительно отличающийся от живой, разговорной речи. Книжный язык русский уже с древнейших времен отличался от разговорного, потому что образовался на основе церковнославянских книг, по которым наши грамотные предки учились читать и писать. Язык книжный, подчиняясь правилам и обычаю писцов, распространяет однообразный уровень по местным говорам; напротив того, местные наречия стремятся к обособлению и дробятся на множество различных говоров, потому предлагают бóльшее разнообразие и богатство грамматических форм, нежели язык книжный, стремящийся к искусственному однообразию. Борьба разнообразных местных говоров с искусственным однообразием книжной речи составляет главное содержание истории языка.

Из областных наречий великорусских, московское более прочих приняло участие в образовании нашего книжного языка.

Примеч. 1. Наречия великорусского языка суть следующие: 1) московское, 2) на север от московского — новгородское, 3) на юг — рязанское, 4) на восток — владимирское. — К московскому ближе прочих рязанское. Псковское, олонецкое, вологодское, архангельское принадлежат к северному, или новгородскому. Наречие смоленское относится уже к языку белорусскому. Все эти наречия различаются между собою грамматическими признаками, из которых важнейшие суть:

1) По звукам гласным: а) явственное произношение звука *о* не только там, где он означается на письме, но иногда и вместо книжного *а* (во владимирском, новгородском), или же наоборот; б) замена звука *о*, стоящего без ударения, звуком *а* (в московском, рязанском); в) употребление *и* вм. *ѣ* (частию в новгородском); г) обоюдный переход звуков *у* и *в* (в новгородском); д) смягчение звука *ъ* в *ь* (в рязанском).

2) По звукам согласным: а) смягчение звуков *д* и *т* в *дз* и *тс* или *ц* (частию в новгородском); б) произношение звука *г* — либо твердое, как *g* (в новгород-

ском, владимирском), либо мягкое, как *h* (в рязанском); в) обоюдный переход звуков *ц* и *ч* (в новгородском); г) чистое произношение звука *г* в окончании род. пад. ед. ч. прилагательных и местоимений муж. и ср. р. *-аго, -его, -ого* (в рязанском и частию в новгородском), или замена звуком *в* (в московском, владимирском); д) вм. *что* — *щё* (частию в новгородском) и *што* (преимущественно в московском). В областных наречиях различие в выговоре букв обозначается особенными терминами. Так, в ряз. *егунами* называют тех, которые усиливают слог *го*; в ворон. *щекун* — кто говорит *щё* вм. *что;* в пск., тверск. *штокать* — говорить *што* вм. *что.*

Все эти приметы основаны на законах языка, а не на случайных ошибках в выговоре (см. ниже, в главе о звуках).

Примеч. 2. Так как памятники древнерусской литературы были написаны в разных областях нашего отечества: в киевской, новгородской, псковской, владимирской, московской и др.; то древнерусский язык, в письменных памятниках, предлагает образцы различных областных наречий. Ибо этот язык, так же как и нынешний, распадался на областные наречия, хотя и не столь резко, как теперь, отличавшиеся одно от другого. — Древнейшая письменность западной и южной Руси нам понятнее нынешних наречий белорусского и украинского.

После московского, наречие новгородское почитается важнее прочих областных, как потому, что, ведя свою историю от XI в., оно особенно богато письменными памятниками от XI до XVI в. включительно, так и потому, что доселе удержало в народной речи много остатков древнейшего русского языка.

§ 6. Во всяком языке должно отличать основные з а к о н ы, которыми определяются существенные его свойства, от отдельных ф о р м, к которым законы прилагаются. Так, напр., гортанные звуки *г, к, х,* по закону, господствующему в славянском языке, смягчаются в *з, ц, с* и потом в *ж, ч, ш.* Отдельные формы, на которые этот закон оказал свое действие, напр., в цс. богъ, бози, боже и проч. (См. § 37, II.)

Изменения, которым подвергся русский язык, как в течение веков, так и в разделении по местным наречиям, касаются не столько основных его законов, сколько отдельных форм. Искони образовавшиеся в нашем языке законы сочетания звуков, законы склонения и спряжения, согласования и управления и проч., с немногими видоизменениями, и доселе остаются, в существе своем, те же самые; напр., в формах *дамъ, ѣмъ,* сохраняется первоначальный знак 1-го лица *м* (цс. дамь, ѩмь, §§ 58, 85, 86). Но отдельные формы, к которым эти законы применяются, с течением времени претерпевали изменения: выходили из употребления формы старые и вносились новые; напр., во 2-м лице ед. ч. тех же глаголов употребляются формы новые *дашь, ѣшь,* вм. древних *даси, ѣси* или *яси.* Иные формы остались в областном употреблении и не вошли в язык книжный; напр., *дасй* и *ѣси* употребляются и доселе в новгородском наречии; иные, сохранившись в литературе, не приняты в просторечии; напр., *прежде* (цс. прѣжде)

вм. народного *преже, переже* (§ 36). Оттого нет никакой возможности дать удовлетворительный отчет, почему из нескольких грамматических форм, подчиненных одному и тому же закону, одни в современном литературном языке удержались, другие исчезли.

§ 7. Изменяются грамматические формы, вносятся в язык новые и забываются прежние действием особенной силы, которая, вместе с основными законами, врождена всякому языку и которая действует в нем неукоснительно, пока он не вымер вместе с народом. Эта сила именуется употреблением. Употребление действует на язык двояко: 1) благодетельно, по обычаю сохраняя в нем древнейшие формы, как следы некогда действовавшего в нем закона; потому, напр., в нынешнем языке удержались окончания двойственного числа: *два, двѣ, оба, обѣ, двою*-родный, *очи, уши, плечи, колѣни* и проч. (§ 90); и 2) разрушительно, вытесняя прежние формы, а вместе с тем ослабляя и силу тех законов, на которых они основаны; так, напр., те же числительные *два, двѣ, оба, обѣ,* доселе сохранив в именительном падеже окончание двойственного числа, в прочих падежах склоняются по множественному: *двухъ, обоихъ, обѣимъ* и проч.

§ 8. С утратою грамматических форм может ослабевать и сила самых законов. Тогда употребление, мимо закона, прибегает к новым сочетаниям звуков и слов, руководствуясь вновь возникающими правилами. Так, напр., наш язык, сохранив только некоторые формы двойственного числа и уклонившись от закона, на котором они основаны, дал числительным *два* и *оба* особенное синтаксическое согласование: 1) еще не совсем забыв, что эти слова остались в двойственном числе, он согласовал с ними существительные имена не во множественном числе, а в особенной форме, хотя и сходной с родительным падежом единственного, однако напоминающей и окончания именительного падежа двойственного; напр., *два стола, оба стола, двѣ книги, обѣ книги;* 2) слова же определительные: местоимения и прилагательные, при существительных с такими же окончаниями, употребил во множественном числе и, вопреки общему правилу о согласовании, составил весьма странное сочетание слов, каково, напр., „два человѣка сильные“, „обѣ новыя книги“; и, наконец, 3) в противность как понятию о двойственном числе, так и законам согласования, синтаксические правила, касающиеся употребления речений *два, оба,* распространил на такие числительные, которые уже двойства не выражают, именно на *три* и *четыре;* напр., *три стола, четыре стола.*

§ 9. Употребление языка надобно отличать двоякое: в обширном и в тесном смысле. В обширном смысле употребление языка распространяется на все его местные наречия; в тесном смысле оно ограничивается речью книжною.

Для изучения законов русского языка равно важны: и язык разговорный с его местными видоизменениями, и язык книжный. Просторечие не только расширяет силу закона, стесняемую книжною речью, но иногда вернее и тверже держится первоначального закона, уже нарушенного в речи книжной. Так, напр., книжный язык удержал в спряжении глагола *хотѣть* только формы *хотимъ, хотите,* для того чтобы согласить 1-е и 2-е лицо с 3-м: *хотятъ;* и все три лица множественного числа подвести под правило 2-го спряжения. Напротив того, просторечие, следуя общему всем славянским наречиям закону, употребляет формы: *хочемъ, хочете* (и даже *хочутъ*), в согласии с церковнославянскими: хощемъ, хощете, и с формами ед. числа: *хочешь, хочетъ,* проспрягавшимися по 1-му спряжению, как и хощемъ — *хочемъ,* хощете — *хочете.* Эти областные формы употреблялись уже в старину (напр., в Новг. лет., 31, 34), но впоследствии были окончательно устранены из книжного языка Ломоносовым (см. § 422 его Грамматики). Впрочем, образцовые писатели, следуя просторечию, употребляют иногда *хочемъ, хочете,* вм. *хотимъ, хотите;* напр., Пушкин, в следующем стихе, из Бориса Годунова: „котораго *захочемъ* наказать“ I,300; Дмитриев в басне Ласточка и Птички: „какъ *хочете* меня зовите“.

В местных наречиях, менее книжного языка подвергавшихся изменениям, сохранилось больше старины.

§ 10. В грамматике должно отличать законы от правил. Грамматические правила основываются на современном употреблении книжного языка. Так, напр., употребление слов *преждній* (вм. *прежній*) и *преже, пережe* (вм. *прежде*), в современной книжной речи, правилами грамматическими возбраняется; несмотря на следующее противоречие: *прежній* — правильно, хотя и происходит от мнимо неправильного *преже,* с окончанием *-ній;* а *преждній* — неправильно, хотя и происходит от принятой книжною речью формы *прежде,* с тем же окончанием *-ній.*

Грамматические законы основываются на свойствах языка постоянных и не зависящих от временного употребления, ограниченного только некоторыми формами. Отсюда понятно, что правила грамматики иногда могут стать в противоречие с законами языка, как это видно в предложенных примерах. По законам языка, равно правильны формы: как *преждній,* так и *преже, пережe,* с тою только разницею, что, по закону смягчения *д* в *жд* и в *ж, преждній* (от слова *предъ*) есть форма церковнославянская, в отличие от русской — *прежній,* а *преже* и *пережe* — формы русские вместо церковнославянской *прежде,* усвоенной современным употреблением, по влиянию языка книжного (§ 36). — Примеры значительного противоречия грамматических правил законам языка предлагает современная орфография буквы *ѣ* (§ 25).

В употреблении языка принято согласоваться с правилами. Но чтобы понять правило, необходимо знать тот закон, к кото-

рому оно относится. Тогда, с одной стороны, легче усвояются правила, а с другой — самое употребление языка в разговоре и на письме становится отчетливее. Так, напр., по правилу надобно писать: *сдѣлать,* а не *здѣлать, здѣсь,* а не *сдѣсь;* между тем как, по законам языка, оба эти слова должны бы писаться одинаково: или оба с буквою *с: сдѣлать, сдѣсь,* или оба с *з: здѣлать, здѣсь.* Первого начертания требует производство, последнего — закон изменения звуков (§ 31). По производству, в обоих словах начальные звуки (*с, з*) суть приставки: в глаголе *сдѣлать с* есть предлог *съ,* а в наречии *здѣсь з* употреблено вм. *с,* от которого образовалось указательное местоимение *сей* (§ 73). Но по закону сочетания звуков, *с* перед *д* изменяется в *з:* в современном правописании, на наречие *здѣсь* (от древнего *сьде*) этот закон распространился, а на глагол *сдѣлать* — не распространился.

§ 11. Современный русский язык представляется совокупностию грамматических форм самого разнообразного происхождения и состава. Одни из них сходны с формами церковнославянского языка, как напр. *есмь, прежде;* другие от них отличны, напр. *хотимъ, хотите;* иные сохранили на себе остатки древнейшего употребления, напр. слова в двойственном числе: *два, оба;* иные старину подновили так, что трудно определить тот закон, по которому они составлены; напр., в согласовании: *два великiе мужа;* иные чисто русские и старинные формы, вытесненные из языка письменного, сохранились в областном просторечии; напр., *прежъ* — сокращение старинной, но русской формы *преже,* вместо церковнославянской *прежде;* иные же, вполне соответственные им, удержались как в просторечии, так и в языке книжном; напр., не только церковнославянская форма *между,* но и русская *межъ,* несмотря на то, что *межъ* относится к *между* точно так же, как *прежъ* к *прежде,* по закону изменения церковнославянского *жд* на русский звук *ж.*

Такое разнообразие форм объясняется историческим образованием языка. Из богатых запасов языка церковнославянского и древнерусского, а также нынешнего областного, наш современный образованный язык удержал в своем составе те грамматические формы, которые оказались в употреблении нужными, какого бы времени и происхождения они ни были. Следовательно, грамматика нашей книжной речи относится к истории русского языка, как часть к целому; а чтобы ясно уразуметь какую-нибудь часть, надобно рассматривать ее в связи с целым. Сам язык указывает на эту живую связь нынешней образованной речи с древнею, в общих законах, проходящих по грамматическим формам той и другой. Потому, чтобы отчетливо объяснить себе грамматические формы современного русского языка, необходимо исторически рассматривать их первоначальный вид и позднейшие изменения, подводя и то и другое под общие законы. Так, напр., чтобы объяснить, почему слова *кромѣ, внѣ* оканчиваются на *ѣ,*

необходимо эти частные случаи подвести, в историческом обозрении, под общий закон образования наречий по падежам (§ 72).

§ 12. Из предыдущего явствует, что мы получили бы превратное понятие об истории языка, если бы стали рассматривать ее так же, как историю какого-либо искусства, ремесла или даже науки. Все эти отрасли народного образования возникают из малых начатков и постепенно совершенствуются. Что же касается до языка, то мы не знаем первых начатков его; знаем только, что все языки, в их древнейшую эпоху, нам доступную по оставшимся памятникам, отличаются особенною полнотою и разнообразием грамматических форм.

Русский язык, в связи с церковнославянским, уже в самых древних памятниках нашей письменности, не только так же богат и разнообразен в своих грамматических формах, как и язык нынешний, но даже во многом его богаче и совершеннее. Потому мы должны обращаться к древнему языку, не с тем, чтобы из сравнения с ним современной образованной речи определять ее успехи; а преимущественно с тем, чтобы яснее понять ныне употребительные грамматические формы, сблизив их с соответствующими им древними. Так, напр., из сближения нынешних форм *бояться, молиться*, с древнейшими *боятися, молитися* (боꙗтисѧ, молитисѧ), объясняется, почему в обоих глаголах перед *ся* должно ставить *ь* (§ 27).

§ 13[3]. История нашего книжного языка ведет свое начало со времен изобретения славянской грамоты.

До принятия христианской веры, славяне (по древнейшему свидетельству о славянских письменах) *чертами и рѣзами читали и гадали,* т. е. употребляли какие-то начертания; приняв же христианскую веру, стали выражать славянскую речь греческими и латинскими буквами. Наконец, в начале второй половины IX в., уроженцы города Солуня, Константин, в монашестве наименованный Кириллом, и брат его Мефодий, приступив к переводу Св. писания на славянский язык, усмотрели необходимость в славянской азбуке. Эта азбука тогда же и была изобретена Кириллом, по имени которого и доселе именуется кирилловскою, или кириллицею. Изобретатель удержал в ней почти все греческие буквы, приноровив к ним звуки славянского языка. Для прочих же звуков, которых в греческом не имеется, начертания частию взяты были из других алфавитов, частию изобретены вновь.

Сверх кирилловской, есть еще другая славянская азбука, отличающаяся от нее начертаниями. Она именуется глаголицею, глаголитою или глаголитскою. Время изобретения ее неизвестно.

Примеч. Черноризец Храбр, живший в конце IX или в начале X в., в своем сочинении О письменехъ говорит следующее: „прѣжде оубо словѣне не

имѣхѫ книгъ, нѫ чрьтами и рѣзами чьтѣхѫ и гатаахѫ, погани сѫще, крьстивше же сѧ, римьсками и грьчьскыми письмены нѫждаахѫсѧ писати". „потомь же чловѣколюбьць богъ, строѧи всѣ, и не ѡставлѣѧ чловѣча рода безъ разоума, нѫ вьсѧ къ разоумоу приводѧ и спасению, помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ свѧтаго костантина философа, нарицаемаго кирила, мѫжа праведна и истинна, и сътвори имъ писмена три десѧте и осмь, ѡва оубо по чиноу грьчьскыхъ писменъ, ѡва же по словѣньстѣи рѣчи".

Церковнославянская речь, еще в X в., была выражаема латинскими буквами, как это свидетельствует Фрейзингская рукопись X в., содержащая в себе славянские молитвы, начертанные латинскими буквами.

История глаголитской письменности восходит до X в.

§ 14. Св. писание было переведено на древнейшее наречие болгарских славян, значительно отличающееся от новоболгарского (§ 3).

От болгарских славян азбука перешла к нам в переводах Св. писания и церковных книг, вскоре после ее изобретения, вероятно, при первых христианах, появившихся на Руси, еще задолго до св. Владимира.

Рукописей, писанных Кириллом и Мефодием, до нас не дошло. Древнейшие же списки церковнославянских книг, начертанные кирилловскими буквами, по месту, где были составлены, весьма различны. (См. Хрестоматию.)

Примеч. 1. Древнейшие из рукописей, писанных в России, следующие: 1) Евангелие, переписанное дьяконом Григорием в Новегороде, в 1056—1057 г., для посадника Остромира, почему этот список именуется Остромировым. 2) Изборник (т. е. сборник), переписанный дьяконом Иоанном в 1073 г. для великого князя Святослава, по имени которого обыкновенно и называется Святославовым. Эта рукопись заключает в себе статьи не только духовного, но и светского содержания. 3) Подобный же Изборник, писанный тем же лицом и для того же князя, в 1076 г. — Первый памятник, т. е. Остромиров список евангелия, принадлежит к русской письменности северной, именно к новгородской; два последние—к южной, киевской.

Между писанными вне России, одна из самых замечательных по древности, есть рукопись, известная под именем Супрасльской. По языку она принадлежит болгарским славянам; относится к XI в.; содержит в себе некоторые жития святых и слова св. Иоанна Златоуста.

Из старопечатных книг церковнославянских важнейшая в истории нашей грамотности есть Библия, напечатанная в 1581 г., в городе Остроге, и потому известная под именем Острожской.

Сведения о первоначальных отличительных свойствах церковнославянского языка почерпаются из древнейших его памятников. В рукописях церковнославянских, переписанных в России, даже в самых древних, заметно уже влияние языка русского, внесенное в них русскими писцами. В последствии времени, церковные книги, быв постоянно переписываемы, значительно уклонились от первоначального характера древней церковнославянской письменности.

Таким образом, в истории церковнославянского языка надобно отличать два периода: к первому относится язык древнейший,

в наибольшей чистоте сохранившийся в древнейших его памятниках; ко второму — язык позднейший, образовавшийся под влиянием русского: это тот язык, которым мы пользуемся в ныне употребительных церковных книгах.

Чтобы понять грамматические формы нового церковнославянского языка, необходимо знать, чтó в нем собственно принадлежит древнему и чтó внесено из русского.

Русский язык, по грамматическому составу, оказывается в двояком родстве с языком церкви: во-первых, по племенному родству, оба они суть наречия одного общего им целого, т. е. языка славянского (§ 3); и во-вторых, тот и другой, в историческом своем развитии, состоят в обоюдной зависимости: язык церкви изменился у русских под влиянием их речи и в свою очередь оказал действие на образование нашего языка, не только книжного, но частию и разговорного.

Примеч. 2. И другие славянские наречия юго-восточного отдела состоят в таком же отношении к древнему церковнославянскому, как и русский.

§ 15. Из древнейшего свидетельства о славянских письменах нам известно, что первоначально изобретено было для нашей азбуки только 38 букв. Но в Остромировом списке евангелия насчитывается их уже 46. Они суть следующие:

Начертание	Значение	Начертание	Значéние
а	а	т	т
ꙗ	я	оу	у
б	б	ȣ	у
в	в	ю	ю
г	г	ф	ф
д	д	х	х
є	е (э)	ц	ц
ѥ	е	ч	ч
ж	ж	ҁ или ч	число 90
ѕ	з	ш	ш
ꙁ	з	щ	щ
и	и	ъ	ъ
ї	и	ы	ы
к	к	ь	ь
л	л	ѣ	ѣ
м	м	ѫ	носовые
н	н	ѭ	гласные
о	о	ѧ	звуки
ѡ	о	ѩ	
ѿ	от	ѯ	кс
п	п	ѱ	пс
р	р	ѳ	ѳ
с	с	ѵ	ѵ

Из этих же букв, за исключением немногих, составлен и нынешний русский алфавит. Самое название их в русском языке удержалось церковнославянское: *азъ, буки, вѣди, глаголь* и проч.

Примеч. 1. О некоторых начертаниях должно заметить следующее:

1) В древней письменности буквы и (и) и і равно могли полагаться, как перед согласною, так и перед гласною. Слово миръ писалось одинаково в обоих значениях: и согласия, и вселенной.

2) ѿ есть начертание сложное: состоит из ѡ с постановленною наверху буквою т.

3) Буквы ѫ, ѧ называются юсами. Они означали гласный звук, сопровождаемый носовым *н* или *м* (§ 28).

4) Буквы ꙗ, ѥ, ю, ѭ, ѩ суть не что иное, как а, е, у, ѫ, ѧ, облеченные гласною і, что явствует как из произношения, так и из начертания (§ 26).

5) Равномерно и ы есть начертание, составленное из двух, именно: из ь и і; первоначально обе эти буквы в начертании *ы* соединялись: ь-і. В церковнославянском языке *ы* имеет два выговора: чистый и носовой (§§ 25 и 28).

6) Буква ѵ, ѵ (ижица) произносится двояко: как *и* и как *в*; употребляется только в иностранных словах, заимствованных из греческого языка; напр. *мѵро, сѵмволъ, еѵангеліе*. В О. ев. еѵлие и евангелие; у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. еваньгелию.

7) Сверх исчисленных начертаний, в старинных церковнославянских памятниках встречаются некоторые другие, каковы: для гласного носового звука — Ѧ, для смягченных *л* и *н* — ꙉ и ꙋ, и др.

8) Буква ѕ (зѣло) первоначально служила только числительным знаком 6-ти, и не ранее XV-го века стала употребляться вместо буквы *з*.

9) Большое или раздвоенное ѡ в древнейших рукописях употреблялось очень редко.

10) Буквы ѕ, ѯ и ѱ из русского алфавита исключены, потому что оказались ненужными.

Примеч. 2. Сверх начертания букв, церковнославянское письмо отличается от нынешнего: 1) сокращением слов, особенно часто встречающихся в речи; выпуск букв в таких словах означается титлами; напр.: ц҃рь — царь, пр҃ркъ — пророк, гл҃а — глагола и проч., причем должно заметить, что в древнейших рукописях сокращений встречается значительно меньше, нежели в позднейших; 2) употреблением некоторых надстрочных знаков (ударений и придыханий), поставляемых над буквами. Важнейшие из них в древних рукописях следующие: а) знак смягчительный, поставляемый над твердыми гласными для означения мягкого или йотированного произношения; напр., его вм. ѥго, и б) знак, означающий выпуск ь-я среди слов; напр., что вм. чьто.

Примеч. 3. По образцу греческой письменности, в церковнославянских книгах буквы служат для числительных знаков. А именно:

а҃	в҃	г҃	д҃	е҃	ѕ҃	з҃	и҃	ѳ҃	і҃	аі҃	ві҃	гі҃	ді҃	еі҃	ѕі҃	зі҃	иі҃	ѳі҃	к҃	ка҃
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21

л҃	м҃	н҃	ѯ҃	о҃	п҃	ч҃	р҃	с҃	т҃	у҃	ф҃	х҃	ѱ҃	ѡ҃	ц҃	а҃	в҃	г҃
30	40	50	60	70	80	90	100	200	300	400	500	600	700	800	900	1000	2000	3000

и проч.

Сверх того, в древних памятниках, 90 означалось особенным начертанием ч҃, а 900 — буквою ѧ҃.

Примеч. 4. Почерк рукописей бывает уставный, полууставный и скорописный. Почерк уставный, или устав, отличается четким, крупным и округленным письмом; полууставный, или полуустав, составляет переход от устава к скорописи. Древнейшие рукописи писаны уставом; полуустав появился в конце XIV в. и наиболее был употребителен в XV и XVI в.; с половины XVI в. начинается письмо скорописное.

Гражданская печать введена Петром Великим.

§ 16. Буквы всякого алфавита, в наибольшей точности, передают произношение звуков только во время изобретения или введения письмен; притом только в том наречии, для которого составлен алфавит. Поэтому с изменением произношения, по мере исторического развития языка, а также с распространением письменности одного наречия на другие, неизбежно происходило разногласие между письменами и звуками живой речи. Так, например, в великорусском языке хотя и употребляется на письме буква *ѣ*, но в произношении не отличается от простого *е* (§ 25). Бывали и такие случаи, что письменность, взятая из чужого языка, и в древнейшую эпоху не буква в букву соответствовала каждому звуку того языка, который стал ею пользоваться. Пример такого разногласия видим между языком и письменностью французов, англичан и некоторых других народов, усвоивших себе латинскую азбуку.

Русские читают свою грамоту, изменяя письмена по выговору, не только общепринятому, но даже иногда по местному или провинциальному. Распространяя грамотность, просвещение мало-помалу сглаживает эти местные уклонения от принятого образованными людьми произношения, наиболее сближенного с начертанием слов; однако до тех пор, пока язык не вымер, не может оно заставить говорящих произносить буква в букву каждое слово, как оно по принятому правилу пишется. Потому, пользуясь правилами грамматики в правописании родного языка, постоянно отступаем от них в произношении.

Что же касается до письмен церковнославянской литературы, то мы должны выговаривать их без всякого изменения на русское произношение; как потому что, вероятно, было время, когда церковнославянская грамота в наибольшей мере соответствовала произношению; так и потому что, не зная, как читали ее некогда на месте, где переведено было Св. писание, мы не имеем права искажать старину, подновляя ее современным обычаем. Оттого

речь церковнославянская, возбуждая в русских некоторое благоговение уже самыми звуками, хотя понятными, но отличными от ежедневного говора, составляет приличное дополнение торжественности нашей церковной службы.

§ 17. Источники исторической грамматики русского языка суть следующие:

1[4]. Церковнославянский язык, как древнейшего, так и позднейшего периода (§ 14). Изучение этого языка необходимо по двум причинам: во-первых, потому что он есть язык нашей православной церкви и книг церковных, оказавших такое значительное влияние на наш язык и литературу, что нынешний русский язык литературный или язык образованного общества представляет нераздельное сочетание элементов русского наречия с элементами церковнославянского; и, во-вторых, потому что это последнее наречие, состоящее в ближайшем сродстве с русским, восходит своею письменностию к древнейшей эпохе и таким образом в большей чистоте сохраняет те общие с русским языком свойства, которые в этом последнем уже значительно видоизменились и утратили свою первоначальную чистоту и ясность. Так, напр., наше прошедшее время изъявит. наклонения изменяется не по лицам, а по родам, потому что есть не иное что, как прошедшее причастие, которое в церковнославянском языке, для означения изъявит. наклонения, употребляется с глаголом вспомогательным; напр., єсмь далъ, єси далъ, єсть далъ; а по-русски, за выпуском вспомогательного, просто *далъ* (§§ 55 и 88). Быв первоначально причастиями, наши формы прошедшего времени изъявит. наклонения могут переходить в прилагательные, приняв полное окончание; напр., *былъ былой, жилъ жилой, бывалъ бывалый* (§ 55).

В рассуждении церковнославянского языка, надобно строго отличать письменность древнейшую от подновленной русскими писцами (§ 14). Многие формы русского языка объясняются именно только древнейшими, основными свойствами наречия церковнославянского, которые некогда были существенною принадлежностью и языка русского. Так, напр., позднейшая письменность, удержанная и в ныне употребительных церковных книгах, уже смешала буквы ѧ и ꙗ, позабыв носовое произношение первой (§ 28). Между тем этою буквою объясняются в русском языке многие формы; напр., склонение имен среднего рода: *имя, знамя* и проч.; в род. падеже *им-ен-и, знам-ен-и,* потому что первоначально писались: имѧ, знамѧ, т. е. *имен, знамен* (§ 95). Теперь мы пишем и произносим *мнѣть, мню, жать, жму, жну;* но, без сомнения, первоначально и в русском языке произносились эти слова так же, как сохранилось их начертание в древнейшей церковнослав. письменности, т. е. мьнѣти, мьнѭ, жѧти, жьмѫ, жьнѫ, именно с буквою ь в середине этих слов и с ѧ в третьем слове; потому что, хотя в русском глаголе *мнѣть* и не удержалось *ь,* но след его сохранился в его усилении или подъе-

ме в звук *н:* *минать (по-минать),* и хотя мы уже забыли носовой звук в слове *жать,* но, в звуках *м* и *н,* сохранили его в формах *жму* и *жну* (§ 28 и 30).

2. Прочие славянские наречия, поскольку они объясняют свойства славянского языка вообще и русского наречия в особенности. Так, носовые звуки сохранились в большей полноте в наречии польском (§ 28); дв. число в хорутанском и в обоих лужицких наречиях (§ 84); зват. падеж, значительно утраченный в великорусском языке, господствует во всех прочих славянских наречиях (§ 90).

3. Собственно русский народный язык, как древний, так и нынешний, великорусский, украинский и белорусский, с их местными видоизменениями.

а) Древнерусский язык, в старинных памятниках нашей письменности, оказывается в бо́льшей или меньшей чистоте, смотря по тому, как много заимствовал сочинитель в свое писание из языка церковнославянских книг. — В сочинениях духовного содержания, напр. в проповедях, в поучениях духовных лиц, в постановлениях церкви и т. п., преобладает язык церковнославянский; в сочинениях светского содержания, напр. в летописях, в юридических актах, в древних русских стихотворениях, пословицах и т. п., преобладает язык русский, разговорный.

б) Нынешнее просторечие, видоизменяемое по местным или областным особенностям. В нем сохранилось древнейших и существенных свойств русского языка больше, нежели в современной образованной речи (§ 9).

Значение и польза языка древнерусских памятников и областного просторечия, в грамматическом изучении современной образованной речи, определяются самым существом исторической грамматики русского языка (§§ 5, 6, 9, 11 и 12).

4. Образцовые писатели, устроившие наш современный язык книжный. Из них важнейшие суть Ломоносов, Карамзин и Пушкин. Ломоносов первый указал как на существенные отличия языка русского от церковнославянского, так и на взаимное отношение обоих. Карамзин сблизил книжную речь с современным языком образованного общества и с языком древнерусских письменных памятников. Пушкин, совершенствуя начатое Карамзиным, оживил книжную речь внесением в нее разговорных форм из просторечия. — Кроме Пушкина, в образовании современного языка важнейшее участие приняли Жуковский и Крылов. Первый придерживался церковнославянского языка и речи книжной, второй — просторечия. Пушкин дал пример обогащать современную речь всеми сокровищами родного слова, где бы они ни были, в церковнославянских книгах и в древнерусских памятниках, или в просторечии.

Язык, ныне употребляемый образованными людьми, составился под влиянием литературного.

В правилах для употребления языка, грамматика пользуется авторитетом образцовых писателей, т. е. их примером, свидетельством и указанием.

§ 18. Грамматика есть наука о языке. Отдельные грамматические формы подводит она под общие законы (§ 6) и отличает видоизменения последних, происшедшие от употребления (§§ 7 и 8), как в разговорном, так и в книжном языке (§ 9). Для руководства в практическом употреблении языка, как в разговоре, так и особенно на письме, она основывается на авторитете языка книжного или литературного (§ 17), строго отличая общепринятые правила от законов (§ 10).

Как состав нынешней образованной речи (§§ 11 и 12), так и успехи ее, при содействии образцовых писателей (§ 17) — объясняются в русской грамматике по способу историческому.

§ 19. Грамматика делится на две части: на этимологию, или словопроизведение, и синтаксис, или словосочинение. Первая рассматривает каждое слово в отдельности; вторая рассматривает слова во взаимном их сочетании, в предложениях простых и сложных.

Так как значение частей речи и их изменений определяется в синтаксической связи слов (§ 1); то этимология не входит в рассуждение об этом предмете и ограничивается только звуковою частью речений. Она рассматривает сначала свойства звуков, потом образование слов помощию производства и сложения и наконец изменение слов по склонениям и спряжениям; синтаксис же объясняет значение и употребление частей речи и их изменений, состав предложений простых и сочетание их в предложениях сложных и в периодах. — Таким образом, этимология и синтаксис отдельно исследуют то, чтó в языке существует в совокупности, именно: членораздельные звуки и мысли, ими выражаемые (§ 1). Первое составляет предмет этимологии, второе — синтаксиса.

Применение грамматических законов к письменному употреблению языка называется орфографиею, или правописанием; а применение тех же законов к произношению называется просодиею, или словопроизношением. Обе эти части грамматики основываются уже на этимологии и синтаксисе, и потому, для большей ясности, должны быть излагаемы в связи с ними.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗВУКИ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИМ БУКВЫ

§ 20. Слово состоит из одного или из нескольких слогов, потому слова бывают односложные, напр. *да, но;* или многосложные, напр. *мѣ-ра, хо-ро-шо*. В произношении подчиняем слоги многосложного слова одному, на котором возвышаем голос, или делаем ударение; напр., *бѣдá, свидѣтельство.* В слоге всегда бывает гласный звук, или один; напр., *а, у;* или с согласным; напр., *на, но;* или же с несколькими согласными; напр., *дно, чув-ство.*

Примеч. Так как ъ и ь первоначально были гласными буквами, то в сочетании с согласным могли составлять слог; напр., слъ-нь-це (солнце), прь-сть (персть), см. § 27.

Мягкими гласными звуками ꙗ, ю, ѥ, состоящими из твердых *а*, *у*, *е*, с тонким ї, выражается не чистый гласный звук, а целый слог, содержащий в себе сочетание гласного звука с согласным *j* (§§ 24, 26 и 32).

Звуки человеческой речи отличаются от крика животных, от пенья птиц и вообще от всякого звука в окружающей природе, особенным свойством, известным под именем членораздельности. Звуки, составляющие язык, называются членораздельными потому, что могут разделяться на члены или мельчайшие части, известные под именем звуков гласных и согласных. Так, напр., в слове *громъ* собственно слышится один звук, произнесенный мгновенно; однако этот один звук можем разделить на его простейшие, уже неделимые составные части, т. е. членораздельные звуки: *г*, *р*, *о*, *м*.

§ 21. Каждый членораздельный звук в азбуке означается особым начертанием. Так как в чтении произносим слова не буква в букву, как они написаны (§ 16); то грамматика полагает строгое различие между буквами и членораздельными звуками, которые ими выражаются. Звуки, в течение времени, изменяются от произвола в произношении гораздо свободнее, нежели буквы на письме. Чтоб оградить правильность книжного языка от порчи, грамматика подчиняет на письме современный выговор правилам

языка книжного, по преданию удержавшего доселе многие свойства древнейшего алфавита, и тем сберегает первоначальный вид речений. К остаткам старины, освященным давностью и преданием, принадлежат в современном правописании весьма многие правила; напр., о буквах *ъ*, *ѣ*, а частию и о букве *ь*. Основываясь только на предании, пишем *смотрѣлъ*, а не *смотрелъ*; *читаешь*, а не *читаешъ* или *читаеш*.

Для того, чтобы отчетливо и сознательно укрепиться в правописании, необходимо понять правильное отношение между буквами и звуками, т. е. между завещанным по преданию начертанием и между произволом выговора.

Современное правописание основано на истории нашего языка, состоящей в связи с письменностию церковнославянскою. Так, напр., для того, чтобы решить недоумение, как правильнее писать: *лекарь* или *лѣкарь* — должно обратиться к свидетельству древней церковнославянской письменности, где постоянно встречаем: лѣкарь, лѣчьба и проч., согласно с законами языка (§ 43).

§ 22[6]. Звуки делятся на г л а с н ы е и с о г л а с н ы е.

Г л а с н ы е в церковнославянском суть следующие: а, ꙗ, ѣ, ѥ, и, о (ѡ), ꙋ (оу), ю, ъ, ы, ь, ѧ, ꙙ, ѫ, ѭ*. Русский язык, прежде других звуков, утратил носовые; потом смешал в произношении звук *ѣ* с *е* и значительно ограничил употребление звуков *ъ* и *ь*. Остальные гласные он удержал все, присовокупив *ё*, явственно, слышимое в выговоре, но не отличаемое особенною буквою на письме. Так же не отличаем на письме *е* от ѥ; однако в произношении употребляем *е* мягкое и *е* твердое, для изображения которого ставится буква *э*.

С о г л а с н ы е звуки в церковнославянском и в русском одни и те же. Отсюда видно, что последний отличается от первого более по звукам гласным, нежели по согласным.

П р и м е ч. В XVII и XVIII в. вместо *ё* употреблялось *іо*.

В древнерусской письменности мягкий звук *е* (т. е. ѥ) обозначался начертанием є.

1. О ГЛАСНЫХ

§ 23. Г л а с н ы е звуки, в отличие от согласных, могут быть произносимы протяжно или кратко, — с ударением или без ударения. Такое изменение звука называется к о л и ч е с т в е н н ы м. Долготу и краткость гласных мы уже не отличаем, а пользуемся только повышением голоса, т. е. ударением и понижением. Этот способ произношения оказывает свое действие на свойства гласных. В большей чистоте они слышатся, когда на них ударяем голосом; напр., в слове *хорошó* последнее *о* звучит явственно, тогда как два первые — неопределенны; в словах: *нáчалъ*, *вязáлъ*,

* В этом перечне, по-видимому, случайно пропущен ѣ. (*Ред.*)

звуки *а* и *я* (в слогах *ча* и *вя*) также неявственны. Для того, чтобы узнать, какою буквою изобразить неявственный гласный звук, следует припомнить себе такую грамматическую форму, в которой те же слова или их корни имеют ударение над звуками, подавшими повод к недоразумению. Так, формы *нача́ть, повя́зка* показывают ясно, что должно писать: *началъ, вязалъ*, или форма *нове́некъ* показывает, что должно писать: *новенькой*, а не *новинькой*.

Примеч. В наречиях: владимирском, новгородском, сибирском, буква *о* не изменяется на *а*, а слышится явственно; в наречии же белорусском еще более, нежели в московском, заметна наклонность к произношению *а* вместо *о*.

Древние русские писцы, следуя выговору, часто ошибаются в правописании. Соображая ошибки, вкравшиеся в старинную письменность от выговора, составляем понятие о том, как наши предки произносили звуки, и преимущественно гласные, наиболее подвергающиеся изменению.

§ 24[7]. Все разнообразие гласных звуков подводится к следующим основным: *и, е, а, о, у*. Из них *и, а, у* первоначальные, звуки же *е* и *о* составляют переход: *е* от *а* к *и*, *о* от *а* к *у*.

Примеч. 1. История родственных нашему языков ясно показывает, как из слияния звуков *аи* происходит *е*, а из слияния *ау* — *о*. См. Приложение.

Об основных гласных звуках должно заметить следующее:

1. *А* есть самый чистый гласный звук. Крайние же звуки, т. е. *и* и *у*, переходят уже к согласным. Звук *и*, как латинский и немецкий *j*, приставляясь к твердым гласным: *а, у* и проч., образует *я, ю* и проч. (как бы *ja, jу*); потому лат. januarius, Trajanus, Jupiter, нем. jahrmarkt и проч., нашими буквами изображаются: *я*нварь, Тра*я*нъ, *Ю*питеръ, *я*рмарка. — Звук *у*, сокращаясь в произношении, переходит в согласный *в*; напр., *завтра* вм. *заутра*.

Примеч. 2. Как в нынешнем областном просторечии, так и в древнерусской письменности, звуки *у* и *в* заменяют друг друга. Напр., у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. **вьгодника** (вм. *угодника*, род. пад. ед. ч.); в Смол. гр. 1229 г. **оу Ризе, вздоумаль, оусхочеть** вм. *въ Ризѣ* (т. е. в Риге), *вздумалъ, всхочеть* (т. е. захочет); в Волынск. ев. XIV в. *у* вм. *в*: **оуторою, оу чрево, оузьдвигьноу, оу вѣкы, аоураамля**, вм. *второе, въ чрево, вздвигну, въ вѣкы, Авраамля*, и наоборот *в* (и именно **вь**) вм. *у*: **со вьученікы, вьвидѣвь, вьже, вьбо** вм. *со ученикы, увидѣвъ, уже, убо*; в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сп. XIV в.: **вьучьнуть** вм. *учнуть*; у Фр. Скорины, в послесловии к кн. Иова: **в старомъ месте**, вм. *въ старомъ мѣстѣ*. В настоящее время обоюдный переход *у* и *в* особенно господствует в украинск. наречии; напр., *уси* вм. *всѣ*, *удова* — *вдова, у поли — въ полѣ*, и наоборот: *вмеръ* вм. *умеръ, вже — уже*. Из великорусск. наречий, напр., в рязанском: *уси* вм. *всѣ, въ мене — у меня, втѣшить — утѣшить*, Кал., I,222,225; в наречиях пск. и тверск. *в* вм. *у*:

вгодить — угодить, вже — ужели, вдарить — ударить, вказать — указать, вкрасть — украсть, в тульск. *вченикъ — ученикъ*. В моск. говоре сохранилось в названии улицы *Устрѣтенка* вм. *Встрѣтенка*. Из прочих наречий: в сербск. *уз* вм. цс. въз; напр., *узети* (и *вазети*) вм. възѧти; *удовица* вм. *вдовица*.

Примеч. 3. В украинск. наречии господствует звук *и*, в который переходят прочие гласные, особенно *о*; напр., *пися — послѣ, видъ вистока — отъ востока*. Это свойство в виде исключения встречается и в великорусск. наречиях, напр. в пск.: *игнище* (вм. *огнище*) — место на конской паствё, от разложенного огня выгоревшее. Наоборот, *и* переходит в *а* в слове: *аскраметка* (вм. *искрометка*) в пск.

Примеч. 4. Уже в древнейших цс. памятниках, а также и в других слав. наречиях, вм. *Рома* или *Ромъ* (Roma) употребляется *Римъ*.

2. Второстепенное значение звуков *о* и *е* явствует из следующего:

а) В некоторых словах происходят они от первоначальных гласных, преимущественно от *а*. А именно: *о* от *а*: а) в словах иностранных, вошедших уже в древнейшие церковнославянские книги; напр., ольтарь*, т. е. олтарь (вм. алтарь, как в О. ев; altare), поганъ (вм. паганъ, paganus, т. е. языческий), полата (palatium), оцьтъ, оцетъ (вм. ацетъ, acetum, т. е. уксус), сотона (вм. сатана, satanas); б) в предлогах *по* и *роз* вм. *па* и *раз*; напр., в словах: *па-мять* и *по-мню; па-сын-окъ, па-дчер-ица* (от слов *сынъ, дочь*, с предлогом *па* вм. *по*); у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. па-вечерніаа; *раз-умъ, раз-доръ*, и *ро́зъ-искъ, ро́з-вальни*. Но вм. *славянинъ, славяне*, в древнейших цс. и русск. памятниках, с *о* вм. *а*, и с *ѣ* (*е*) вм. *я* (§ 25): у Черноризца Храбра по сп. 1348 г. словѣне, в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. словенинъ, в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сп. XIV в. словене.

Примеч. 5. В просторечии говорится: *плотишь, плотитъ, заплотишь, заплотитъ*, вм. *платишь, платитъ, заплатишь, заплатитъ*, при глаголе *платить, плачу* (от слова *плата*). Принято писать: *платишь, платить* и проч.

А переходит в *о* в словах: *равный* и *ровный* (равнина), *разный* и *розный, дубрава* и *дуброва* (дубравушка) и нек. др. В обл. языке *о* и *е*, вм. *а* и *я*, в окончаниях род. пад. ед. ч. прилагательных, т. е. *-ово, -ого, -ево, -его* вм. *-аго, -яго*: в новг., арх., олон. и др. В древнем языке, по наречиям: в Русск. правде по Новг. списку Кормч. 1282 г. тысячького, кыевьского, бѣлогородьского; в Новг. гр. ѿ великогь кнѧзя (вм. *великого*), 1294—1304 г.; сь готского берега, около 1301 г.; в Смол. гр. 1229 г. готского, лучьшего.

б) Звуки *е* и *о*, соответствуя церковнославянским *ъ* и *ь* (§ 27), оказываются беглыми: напр., *крот-о-къ, крот-ка, от-е-цъ, от-ца* (цс. кротъкъ, кротъка; отьць, отьца).

---

* Исправлено. В предшествующих изданиях ольтарь. *(Ред.)*

Примеч. 6. В некоторых словах замечается обоюдный переход звуков *о* и *е*; напр., ρоба и *ребенокъ, ребята; себя* и древнерусское и областное *собя*, при общеупотребительном *собою*.

Примеч. 7. В белорусск. господствует *я* или *а* вм. *е*; напр., *зялёный* вм. *зеленый*, *мяне — мене* (меня), *зямля — земля*, *жана — жена*.

Примеч. 8. О подъеме звуков *ъ* и *о* в *а* см. § 30.

§ 25. При помощи количественного изменения гласных (§ 23) произошли: первоначально краткие: *ъ*, *ь*, *й*, иначе называемые полугласными, и первоначально долгие, к которым принадлежат *ы* и *ѣ*. Так как долготу и краткость гласного звука мы теперь не отличаем, то естественно могли забыть первоначальное значение букв *ѣ*, *ъ*, *ь*. Буква *ѣ* для нас стала то же, что́ *е*; а *ъ* и *ь* имеют теперь смысл только слитно с согласными, показывая твердое или мягкое их произношение; напр., *плѣнъ* и *день*, *объ-явить* и *друзь-ями* и проч.; первоначально же в славянском языке *ъ* означало краткие звуки *а*, *у*, *о*, а *ь* — краткие *и*, *е* и частию *а*; см. § 27 и Приложение. Что же касается до звука *й*, то в нем и доселе сохранилось произношение краткое, так как он употребляется без ударения, после гласных; напр., *свой*, в отличие от *свои́*.

В древних памятниках церковнославянской и русской письменности над кратким *й* не ставилось знака; напр., покои вм. *покой*, твои вм. *твой* и проч.

Примеч. 1. В церковнославянскую азбуку было внесено из греческой двоякое *о*: краткое — о и долгое ѡ, но в самом языке славянском такого количественного различия в произношении этого звука не было. Впрочем, позднейшие грамматисты, пользуясь двояким начертанием: о и ѡ, употребляли последнее: 1) в словах иностранных, в которых греки ставили ѡ; напр., Іаковъ, Іѡсифъ; 2) в междометии ѡ и в предлогах ѡ, ѡбъ, ѿ; 3) в начале некоторых слов; напр., ѡгнь, ѡнъ; 4) в окончании падежей мн. числа, для отличия от созвучных им числа единственного; напр., род. пророкъ, отрѡкъ; дат. оучеником и т. п.; 5) в родительном ед. числа мужского рода местоимений и прилагательных, для отличия от винительного; напр., єгѡ, свѧтагѡ; 6) в наречиях, для отличия от прилагательных ср. рода; напр., ѕѣлѡ. — Эти правила грамматистов не имеют отношения к свойствам самого языка, потому что противоречат употреблению буквы *о* в древнейших рукописях; введены же они были впоследствии только для точности в грамматическом разборе церковнославянского текста.

1. О звуке *ы* должно заметить следующее:

а) По произношению, этот звук, как видно уже из самого начертания его ы, состоящего из *ъ* и *и*, есть звук твердый, соответствующий мягкому *и*. Потому *и*, с предшествующим *ъ*, переходит в *ы*; напр., слова *объ-искъ, предъ-идущій,* произносятся *обыскъ, предыдущій*. Наши прилагательные полного окончания на *-ый*, напр. *добрый*, образовались из древнейших церковносла-

вянских на -ы или-ѫ-и, напр. добры или добрѫи, а последние из краткой формы на -ъ, напр. добрѫ, с окончанием *и*: добрѫи, и потом с прибавлением еще *и*: добрѫии или добрыи (§ 58).

Примеч. 2. Так как *ъ* равняется звуку *у* (как и другим гласным твердым); то в Фрейзинг. рук. ы с точностию передается лат. буквами ui; напр., mui — мы, buiti — быти; и наоборот, *уи* или *ви* может перейти в *ы*; напр., в Уряднике сокол. пути *молытъ* вм. *молвитъ*.

б) По употреблению в образовании слов, звук *ы* есть не что иное, как видоизменение звука *у*; что явствует из многих слов напр., *духъ, душа* и *(вз)дыхать, дышать*; *студ-ить* и *сты-нуть* (вм. *стыд-нуть*); *слухъ* и *слыхать, слышать*; *(на)ука, уч-ить, (при)уч-ить* и *(в)ык-нуть, (при-в)ык-ать*. Формы плы-ти, слы-ти имеют при себе корни *плу-, слу-*.

в) По происхождению своему, *ы* есть звук долгий, в противоположность краткому *у* (см. Приложение); т. е. *ы* равняется двум кратким *у*. Потому если *ы* переходит в *в*, т. е. в краткое *у*, то перед *в* ставилось в цс. *ъ*, которое также соответствовало краткому *у*. Таким образом, *ы* переходило в *ъв*, а по-русски, или с утратою *ъ*, в *в*; напр., бы-ти — *(за)бы-ть* *(за)*бѫв-енѫ *(за)бв-еніе*; или с переходом в *о* — в *ов*; напр., (оу)мы-ти — (оу)мѫв-енѫ *(у)мов-енъ*.

Примеч. 3. В народном языке, по областным наречиям, иногда вместо *ы* употребляется *у*, особенно в северных наречиях; напр., в новг. *промутйть* вм. *промытить* (от *мыто*) — отдавать в наем; в олон., пермск. *буватъ* вм. *бываетъ*; в пск. и тверск. *муслить — мыслить, студа — стыдъ, студливый — стыдливый* (согласно древнему *студъ* вм. *стыдъ*), *сынуть — сунуть*. В украинск. особенно замечательно *бути* вм. *быти*. В курск. *досыда* вм. *досуда*.

Примеч. 4. В украинск. наше *и* произносится твердо, как *ы*; напр., *жыты — жити* (жить), *чытаты — читати* (читать). В Волынск. ев. XIV в. сь нымь вм. сь нимь.

2. Буква *ѣ* первоначально означала долгий звук *е*, что̀ доселе явствует из слова *нѣтъ*, цс. нѣсть, в котором *ѣ* произошло от долгого *е*, образовавшегося из слияния двух *е*, разделенных, по законам благозвучия (§ 30), вставкою звука *j*: не-есть, т. е. *не-j-есть*, вм. *не-есть* (точно так, как цс. нѣсмь, нѣси, вм. *не-есмь, не-еси* и проч.).

Ударением иногда заменяем мы долготу звука; потому и в корнях слов, за немногими исключениями, и в некоторых окончаниях, полагаем на *ѣ* ударение. Напр., в корнях слов: *вѣ́съ, вѣ́сить, взвѣ́шивать, привѣ́шиванье, увѣ́систый; нѣ-*, в словах: *нѣ́кто, нѣ́что, нѣ́который, нѣ́которыми, нѣ́сколько, нѣ́гдѣ, нѣ́когда*. Исключения в этом случае происходят от силы окончаний и приставок, иногда изменяющих ударение; напр., *бѣ́лый, бѣ́ленькой* и *бѣли́ла, бѣлова́тъ, впро́бѣль*; — употребляется

ударение на *ѣ* в окончаниях; напр., в словах: *смотрѣлъ, терпѣть*, откуда *терпѣніе; умнѣйшій* и проч.; но говорится и *терпѣлйвъ, прекра́снѣйшій* и проч.

Чтобы не ошибиться в употреблении *ѣ* в словах, помещенных в следующей росписи, в которых сверх этой буквы есть еще *е*, следует помнить, что буквою *ѣ* должно означать тот звук, на котором стоит ударение; напр., *бесѣ́да, невѣ́ста, нѣ́мецъ, сѣ́веръ, телѣ́га, человѣ́къ, лелѣ́ять, желѣ́зо.*

Хотя уже с древнейших времен русский язык смешал буквы *ѣ* и *е*, однако, пользуясь указаниями истории церковнославянского и русского языков, позднейшая орфография находит некоторые основания, по которым отличает букву *ѣ* от *е*. А именно:

1) Последний звук, состоя в связи с цс. ь, тем самым изобличает свое краткое произношение; потому он вставляется и опускается для благозвучия; тогда как долгий звук *ѣ* не вставляется и не опускается. Вот почему в следующих словах должно писать *е*, а не *ѣ*: *очевид-е-цъ, самовид-е-цъ* (при глаголе *видѣть*), род. падеж *очевид-ца, самовид-ца,* цс. очевид-ь-ць, самовид-ь-ць; *от-е-цъ, от-ца,* цс. от-ь-ць, от-ь-ца; *кач-е-ство,* кач-ь-ство (слич. *богат-ство*, вм. древнерусского и народного *богат-е-ство*, цс. богат-ь-ство, § 60); *гор-е-къ*, цс. гор-ь-къ, откуда наше *гор-ь-кій* и проч. 2) Будучи звуком несамостоятельным, *е* весьма часто переходит в *ё*; тогда как долгий звук *ѣ* удерживает свое чистое произношение. — Здесь оказалось исключение в тех немногих словах, в которых, по смешению звуков *ѣ* и *е*, русский выговор взял верх над словопроизводством. Впрочем, наше правописание в этом случае непоследовательно. А именно: принято писать: *звѣзды, гнѣзда, сѣдла, пріобрѣлъ, цвѣлъ, надѣванъ* (от корня *дѣ*, откуда и *одежда*), хотя и произносим в этих словах *ѣ* как *ё*.

В следующей росписи, расположенной по порядку согласных, предшествующих букве *ѣ*, исчисляются коренные слова, в которых принято употреблять эту букву. Но предварительно должно заметить, что в роспись внесены некоторые глаголы, оканчивающиеся в настоящем времени изъявительного наклонения на *-ѣю* и в прошедшем причастии действительного залога на *-ѣлъ*; напр., *сѣю, смѣю-сь, дѣ-ть* (причастие прошедшее *дѣлъ*; напр., „куда ты *дѣлъ*“) и др. Такие слова употребляют *ѣ* по общему правилу, по которому ни один глагол не может оканчиваться в настоящем времени изъявительного наклонения на *-ею*, а в прошедшем причастии на *-елъ*.

Б

Бѣг-ать.

Бѣд-а, бѣд-ный, бѣд-ить, по-бѣд-ить.

Бѣл-ый.

Бѣсъ.

В

Вѣд-ать (*при глаголе* видѣть, § 30), вѣс-ть (*при областном: в тверск.* вяха *вѣсть*), со-вѣсть, вѣд-и (*название буквы*), не-вѣжда, вѣжди (*по сродству*

глаголов видѣть *и* вѣдать, § 30).
Вѣжа.
Вѣко.
Вѣкъ, у-вѣч-ить.
Вѣна *(имя города)*.
Вѣно *(приданое, при древнем церковнославянском глаголе* вѣнити — *продавать)*.
Вѣнъ *(венок; областное слово, в сиб., откуда:* вѣн-окъ, вѣн-ецъ *и проч.* (§ 44).
Вѣр-ить.
Вѣс-ить *(при глаголе* висѣть, § 30).
Вѣтвь.
Вѣтъ *(цс. слово), откуда* вѣч-ать, вѣщ-ать (§ 36), обѣтъ, обѣщ-ать, *вм.* об-вѣтъ, об-вѣщ-ать (§ 38); по-вѣтъ *(уезд)*.
Вѣха *(шест, ставимый при дорогах для показания пути)*.
Вѣ-ять, вѣ-тръ (§ 59); по-вѣть.
Звѣзда.
Звѣрь.
Не-вѣста *(при старинном слове* с-вѣсть — *свояченица)*.
Свѣжiй.
Свѣтъ.
Цвѣтъ.
Человѣкъ.

Д

Дѣва.
Дѣдъ.
Дѣ-, *откуда:*
1) дѣ-ть, дѣ-вать, о-дѣ-ть, о-дѣ-вать, из-дѣ-ваться; и
2) дѣ-я-ть, дѣ-ло, дѣл-ать, не-дѣля (§ 43); на-дѣ-я-ться.
Дѣл-ить.
Дѣти *(при форме* дитя).

З

Зѣ-вать, зѣвъ, рото-зѣй *(при глаголе* зiять).
Зѣло *(название буквы, при церковнослав. прилагательном* зѣльнъ — *сильный, крепкий;* зѣло—*сильно крепко)*.
Зѣн-ица *(слич. употребляемое в просторечии* зѣн-ки — *глаза)*.

Л

Лѣвый.
Лѣз-ть, лѣс-т-ница.
Лѣк-арь, лѣч-ить (§ 43).
Лѣнь.
Лѣп-ить *(при глаголе* лип-нуть, § 30).
Лѣпый, не-лѣпый.
Лѣса *(веревка у уды)*.
Лѣсъ, лѣш-iй.
Лѣто.
Лѣха *(борозда, гряда, ряд; слово церковнославянское и русское областное)*.
Глѣбъ *(собственное имя)*.
Желѣза.
Желѣзо.
Калѣка.
Клѣть, клѣт-ка.
Колѣно.
Лелѣ-ять.
Млѣ-ть.
Плѣнъ.
Плѣсень.
Плѣшь.
Полѣно.
Слѣдъ.
Слѣпой.
Телѣга.
Хлѣбъ.
Хлѣвъ.

М

Мѣдь.
Мѣлъ.
Мѣна.
Мѣра *(сюда же относится* лице-мѣръ).
Мѣсто.
Мѣс-яцъ.

Мѣс-ить, мѣш-ать, по-мѣх-а (§ 37).
Мѣхъ, мѣш-окъ.
Мѣт-ить.
Змѣй, змѣя (*при древней форме* змій).
Смѣ-яться, смѣхъ.

Н

Нѣ-, *в словах* нѣ-кто, нѣ-когда *и проч.* (§ 75).
Нѣга, нѣж-ный.
Нѣмъ, нѣм-ецъ.
Воз-гнѣт-ить, под-гнѣт-а.
Гнѣвъ.
Гнѣдой.
Гнѣздо.
Днѣпръ. } *собств. имена*
Днѣстръ.
Онѣга, Онѣгинъ,
Печенѣгъ.
Снѣгъ.

П

Пѣгій.
Пѣна.
Пѣн-язь.
Пѣст-овать, пѣст-унъ.
Пѣх-ота, пѣш-ій, пѣш-комъ.
Спѣ-ть, спѣ-хъ, спѣш-ить, у-спѣ-ть, у-спѣ-хъ.
Пѣ-ть, пѣ-с-ня, пѣ-ніе.

Р

Рѣд-кій.
Рѣдька.
Рѣз-ать, рѣз-вый.
Рѣка.
Рѣ-па, рѣп-ица.
Рѣсн-ица.
Рѣт-, *откуда:* рѣс-ти, об-рѣс-ти, об-рѣт-ать, вс-т-рѣч-ать (§ 38).
Рѣчь, на-рѣч-іе (*но* реку, реченный, *откуда* речен-іе, *имеют* е).
Рѣш-ить; рѣха, *в слове* про-рѣха.
Рѣш-ето, рѣш-ет-ка.
Рѣ-я-ть.
Брѣ-ю (*при неокончательном наклонении* брить).

Грѣхъ.
Зрѣ-ть.
Крѣп-кій.
Орѣхъ.
Прѣ-ть.
Прѣс-ный.
Свирѣпый.
Стрѣ-ла.
Стрѣ-ха, за-стрѣ-ха (*при областном глаголе* за-стрѣ-ть, *или* за-стря-ть).
Хрѣнъ.

С

Сѣверъ (*при форме* сивер-ко).
Сѣд-, сѣс-ть, сѣд-ал-ище, сѣд-ло, о-сѣд-лый, бе-сѣд-а (*но* село, селить, населять *употребляются с* е).
Сѣдой.
Сѣку, сѣчь.
Сѣр-ый.
Сѣра.
Сѣно.
Сѣнь, сѣни, о-сѣн-ять.
Сѣт-ов-ать.
Сѣть.
Сѣ-я-ть, сѣ-мя.
По-сѣт-ить.

Т

Тѣло.
Тѣнь, с-тѣнь, с-тѣна.
Тѣсный.
Тѣсто.
Тѣх-, у-тѣх-а, тѣш-ить.
Тѣ-я-ть, за-тѣ-я-ть, за-тѣ-я.

Ц

Цѣв-ка, цѣв-ни-ца (*при коренном* цѣвь; *именительный мн. числа, в областном просторечии:* цѣвья).
Цѣд-ить.
Цѣл-ый, цѣл-ов-ать *(в старину имело значение „здороваться“).*
Цѣль.
Цѣна.

Цѣпь, цѣпъ, цѣпл-яться, цѣп-ен-ѣть.

Буквою ѣ *начинаются только два коренные глагола:*

Ѣду, ѣзжу, ѣхать.

Ѣ-мъ (цс. ꙗмь, вм. яд-мь, § 38), *откуда происходят:* ѣд-а, н-ѣд-ро (цс. ꙗд-ро *и* ѣд-ро, *или с приставным* н: нꙗдро *и* нѣдро); *с приставками* об-, с-, мед- *и др.:* об-ѣдъ, об-ѣдній, цс. с-н-ѣс-ти; мѣд-в-ѣдь *и др.*

Из предложенной росписи видно, что буква *ѣ*, в корнях слов, соединяется с согласными губными и зубными, и преимущественно с плавными *л, м, н, р,* и с придыхательными *в* и *с*; с звуками же гортанными (за исключением названия буквы *хѣръ*) и с небными сочетаться не может.

В дополнение к этой росписи об употреблении буквы *ѣ* должно заметить следующее:

1. В практическом отношении:

а) В словах, заимствованных из чужих языков, звук *е* изображается буквою *е*, а не *ѣ*; потому должно писать, напр.: *медикъ, сцена* (medicus, scena) и проч.

б) В некоторых собственных именах, заимствованных из чужих языков, принято писать *ѣ* только потому, что в этих именах иностранное *i* выговариваем, как *е*; напр., *апрѣль* вм. *априль, Алексѣй* вм. *Алексій, Сергѣй* вм. *Сергій* (Aprilis, Ἀλέξιος, Σέργιος) и др.; но *Андрей* (Ἀνδρέας), *Тимоѳей* (Τιμόθεος) и др. употребляются с буквою *е*. С бóльшим основанием ставится *ѣ* в тех собственных именах, в которых эта буква соответствует греческому двоегласному звуку αι; напр., *Матѳѣй* или *Матвѣй* (Ματθαῖος), *Елисѣй* (Ἐλισαῖος).

В словах *индѣецъ, индѣйскій* принято писать *ѣ* вместо первоначального *и* (в слове *Индія*); хотя в других случаях изменяется *и* на *е*; напр., *библія, библейскій.*

в) Некоторые пишут ошибочно, с буквою *ѣ*, слова: *мѣлкій* (при глаголе *мол-оть*, откуда *мельница*), *прилѣжный, прилѣжать* (при глаголе *лежать,* по древнейшему начертанию прилежати), *линѣйка* (при форме *линейный*), *грамотѣй* (от греч. γραμματεύς), вм. *мелкій, прилежный, линейка, грамотей.* В речении *копѣйка* принято писать *ѣ* безо всякого основания.

Примеч. 5. Употребление буквы *ѣ*, в окончаниях слов, объясняется при разборе самых окончаний.

2. В отношении к языку церковнославянскому:

Наше правописание весьма погрешительно в рассуждение буквы *ѣ*. По принятому основанию, надлежало бы ставить эту букву везде, где она употребляется в церковнославянском языке. В некоторых случаях мы следуем древнейшему правописанию, в некоторых же, безо всякой причины, отступаем от него. Так, напр., пишем *ѣ* вм. *е*: в формах сравн. степени: *болѣе* (и усе-

ченно *болѣ*), *менѣе* (и усеченно *менѣ*) вм. цс. болѥ, мьнѥ (§ 69); в наречиях *гдѣ, здѣсь* вм. цс. къде или где, сьде (§ 73); и наоборот, *е* вм. *ѣ*, в словах: *клей, песокъ, бремя, темя*, и во мн. др., вместо цс. клѣи, пѣсъкъ, брѣмѧ, тѣмѧ и проч.

Из многих случаев употребления буквы *ѣ*, в церковнославянском языке, должно заметить следующие:

а) В корнях слов, после *л* и *р*, с предшествующим согласным звуком; напр., млѣко (молоко), брѣгъ (берег), врѣмѧ (время), прѣ (пре), прѣдъ (пред), трѣзвъ (трезв), чрѣда (череда), чрѣзъ (через) и проч. Это правило удержано нашею орфографиею в словах: *Глѣбъ, клѣть, плѣнъ* (при форме *полонъ*), *плѣсень, плѣшь, слѣдъ, слѣпъ, хлѣбъ, хлѣвъ, брѣю, грѣхъ, зрѣть, прѣть, крѣпкій, прѣсный, стрѣла, стрѣха, хрѣнъ.*

б) В дв. числе склонений и спряжений: α) в имен. и вин. падежах имен и местоимений жен. и ср. рода; напр., двѣ (две) рыбѣ (две рыбы), мѣстѣ (два места), тѣ; β) в имен. падеже местоимения азъ:вѣ (мы двое); γ) в 1-м лице глаголов; напр., биѥ-вѣ (мы двое бьем), бихо-вѣ (мы двое били).

в) В повелит. наклонении глаголов 1-го спряжения; напр., идѣте (идите), вънемлѣте (внемлите).

г) В глаголах вѣд-ѣ-ти, мьн-ѣ-ти, въждел-ѣ-ти, откуда ныне употребляемые отглагольные формы: *вѣд-ѣ-ніе, свѣд-ѣ-ніе, мн-ѣ-ніе, со-мн-ѣ-ніе, вождел-ѣ-нный*. Равномерно и *трѣніе* писалось с *ѣ*, при глаголе трѣти (тереть, древнерусск. *терть*).

д) В окончании -ѣль, доселе удержанном в словах *куп-ѣль* и *свир-ѣль* (§ 59).

Слова *надежда* и *одежда*, уже в древнем церковнославянском, имеют *е* вм. *ѣ*, потому что происходят не прямо от корня *дѣ* (в глаголе дѣ-ꙗ-ти), а от удвоения его в форме *дед*, или смягченно: *дежд* (§ 49), откуда деждѫ (т. е. *дѣну*), в О. ев. одеждемъсѧ (т. е. *одѣнемся*).

Формы рекѫ, рекъ, рещи, уже в древнем церковнославянском, имеют *е*, при форме прошедшего времени рѣхъ.

3. Первоначальные свойства звука *ѣ* оказываются:

а) Из замены его звуком *я*, почему он и назван *ять*, без сомнения, на основании произношения в том наречии, где составлена была номенклатура славянской азбуки, именно в наречии древнеболгарском, в котором, по свидетельству рукописей, действительно *ѣ* и *я* переходят друг в друга. Напр., в Супр. рук. высѣкъ, ныниа, вм. высꙗкъ, нынѣ; в Парем. XII в. ѣко, ѣвити, ѣже, вм. ꙗко, ꙗвити, ꙗже, и наоборот: вꙗ, звꙗрь, дрꙗво, вм. вѣ, звѣрь, дрѣво (см. Хр.). На этом основании в древнем цс. преходящее время употребляется или с ѣ, напр. хотѣаше, валѣаше, бѣаше, или с ꙗ, напр. хотꙗаше, валꙗаше, бꙗаше. В настоящее время из слав. наречий преимущественно польское отличается употреблением ꙗ

вм. ѣ; напр., *бялы, вяра, лясъ, квятъ, гвязда*, вм. *бѣлый, вѣра, лѣсъ, цвѣтъ, звѣзда*. В древнерусском и в областном языке сравн. степень оканчивается на *яе* (или *ае*) вм. *ѣе*; напр., *смѣляе* вм. *смѣлѣе* (§ 69). После небных *ж, ч, ш, щ*, а иногда и после зубного *ц*, звук *ѣ* переходит в *а*; напр., *нижайшій* вм. *нижѣйшій, слышать* вм. *слышѣть*, при форме *слыхать*; на этом же основании пишут: *цѣловать* и *цаловать*. Остаток первоначального родства звуков *я* и *ѣ* оказался в формах: *ядъ* и *ѣда*, ꙗсти и с-н-ѣсти, *ѣсть*.

Примеч. 6. В областном великорусск., в ряз., *вятка* вм. *вѣтка*, в тверск. *вяха* вм. *вѣсть*, в ворон. *дятва* вм. *дѣтва* (собир. от *дитя, дѣти*); в белорусск. *звязда* вм. *звѣзда*.

б) Из соответствия звуку *а*; напр., в древн. цс. нашему предлогу *пра* соответствует *прѣ*, в сложных: прѣбаба, прѣдѣдъ, прѣмати, прѣотьць, вм. *прабаба, прадѣдъ, прамати, праотецъ*; в Болг. парем. XII в. трѣва вм. *трава* (см. Хр.).

Примеч. 7. Собственно говоря, замена *ѣ* звуком *а* отличается от замены звуком *я* только твердым или мягким, йотированным произношением одного и того же звука, именно *а*; потому в некоторых словах чередуются все эти три звука; напр., адро, ꙗдро и н-ѣдро. — Замечательно в великорусск. областном употребление *а* вм. *ѣ* или *я*, в словах от *ѣсть* или ꙗсти: в волог. *адай* вм. *ѣдай* (ешь), в калужск. *адъ* — *ядъ* (еда).

в) Из замены звуком *и*: из других слав. наречий особенно в чешском; напр., *бида, вира*, вм. *бѣда, вѣра*; из русских, особенно в украинском, впрочем, частию и в великорусском, как в древнем, так и областном, особенно в новг.; напр., *кимъ, мисто, хлибъ, бида*, вм. *кѣмъ, мѣсто, хлѣбъ, бѣда*. В общем употреблении: *змій* и *змѣя, дитя* и *дѣти* (в древн. цс. дѣтѧ).

Примеч. 8. В древнерусск. языке обоюдный переход *ѣ* и *и*: в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. *мечѣ своѣ*, вм. *мечи свои*; у Дан. Паломн. по сп. XV в. *нелзи, вни*, вм. *нельзѣ, внѣ*, и наоборот: *пакѣ, многѣ, скотѣ*, вм. *паки, многи, скоти*. Слово *вирша* произнесено по украинск. выговору, от лат. versus (через польск. *вѣрш*); но в старых польско-русских книгах встречается с *ѣ*; *вѣрша* или *вѣршъ*; напр., кладачъ сихъ вѣршов (т. е. автор сих стихов), в Перл. многоцв., по черниг. изд. 1646 г. — В нынешнем великорусск., по областным говорам, *и* вм. *ѣ*: в олон. *ихать* вм. *ѣхать*; „золото не *мидіетъ (мѣдѣетъ, мѣднѣетъ)*, серебро не *зелизіетъ*“ *(желѣзѣетъ)*; „по *всимъ* землямъ“; „на *добри кони*“, Рыбн., I, 296; II, 160, 169, 258. В вятск. *исти* — есть; в костр. *дію* — дею, делаю, в выражении: „то и *дію*“; в пск. *синь* вм. *сѣнь*, в словах: *зäсина, зäсинье* — место в тени.

г) Из подъема звуков (§ 30). Звуки *ь* и *и*, усиливаясь и удлиняясь, переходят в *ѣ*; напр., мьн-ѣти мѣн-ити, *висѣть вѣшать, видѣть вѣдать*.

Примеч. 9. Так как при подъеме звук *и* усиливается приставкою к нему *а, о* или *е* (т. е. *аи, ои, еи*); то соответствующее нашему *ѣ* в хорут. наречии *еи* есть не иное что, как усиленный в подъеме звук *и*; напр., *срейда мейсто,* вм. *срѣда, мѣсто.*

4. Уже в древнейшие времена русский язык заменял *ѣ* звуком *е*, как свидетельствуют рук. даже XII—XIII столетия.

Примеч. 10. Напр., в Мстисл. ев. 1125—1132 г. времѧ; в Галицк. ев. 1143 г. древа, тревоую; в Парем. 1271 г. предь и мн. др. И наоборот, в тех же рукописях неправильно употребляется *ѣ* вм. *е*. См. Хр.

§ 26. Между гласными звуками отличаются чистые от носовых и облеченных звуком *i* (или йотированных, § 32). Как носовые, так и облеченные звуком *i*, отличаются от чистых звуков тем, что к гласному присовокупляют согласный: носовые — после гласного звука; напр., ѫгры = *он-гры* или *ун-гры* (венгры), имѧ = *им-ен,* откуда *им-ен-и*; облеченные же звуком *i* ставят согласный звук *j* (йот) перед гласным; напр., *я*, т. е. цс. ꙗ = *ja* и проч.

Облеченные звуком *i* (или йотированные) иначе называются мягкими, в противоположность твердым; а именно:

твердые, или чистые гласные звуки:	мягкие, или облеченные звуком *i*:
а	ꙗ, *я*
е (э)	ѥ (є)
у	ю
ѫ	ѭ
ѧ	ѩ

Звуки *ъ* и *ы* относятся к твердым, а *ь* и *и* к мягким. Твердому *о* соответствует мягкое *е*, переходящее в *ё* или *іо*.

Твердое *э* употребляется: 1) в иностранных речениях, в начале слова, и, после гласного звука, среди слова; напр., *экваторъ, поэзія*; и 2) в начале некоторых русских слов, каковы, напр., *этотъ, экой, эва* и нек. др.

В составе языков церковнославянского и русского соблюдается:

1) соответствие твердых мягким и 2) переход твердых в твердые и мягких в мягкие; напр.:

вод-*а*	добр-*ый*	пул-*я*	син-*ій*
вод-*ы*	добр-*аго*	пул-*и*	син-*яго*
вод-*о*-ю	добр-*ы*мъ	пул-*е*-ю	син-*и*мъ
вод-*ъ*		пул-*ь*	

При мягком гласном смягчается и согласный звук; потому формы *пуля, пулю* произносятся как бы *пульа, пульу,* и проч.

Хотя звук *ѣ* соответствует и твердым и мягким гласным: почему, напр., говорится и *вод-ѣ,* и *пул-ѣ;* однако имеет способность смягчать согласные (§ 37).

О звуках мягких и об отношении их к твердым должно заметить следующее:

1. Смягчающий звук *і* соответствует придыханиям *в, г* и *с* (§ 32).

2. Смягчение гласных помощию звука *і* составляет одно из отличительных свойств как церковнославянского языка, так и русского. И тот и другой, с течением времени, более и более развивали это свойство. Потому в древнейшем языке чаще встречаются твердые звуки, вместо позднейших, уже смягченных. Напр., аворъ — *яворъ,* агода — *ягода,* азъ — *язъ,* аице — *яйце,* оугъ — *югъ,* оунъ — *юнъ,* оуноша — *юноша,* ѫзы — *(узы),* ѭзы — *(юзы),* откуда *союзъ* (при глаголе *съ-узить,* в древн. цс. сѫѭзъ); *христіане христіяне;* и наоборот, древнерусск. *юха* вм. *уха* и проч. Вставка звука *і* между гласными употребляется во избежание неприятного стечения звуков; напр., *одѣяніе,* т. е. *одѣ-і-аніе,* вм. *одѣ-аніе* (§§ 30 и 32).

Иностранные слова, оканчивающиеся на *іа,* по-русски имеют на конце *я;* напр., *Германія, Азія, Италія.* В словах же, от них произведенных, принято удерживать *а,* если предшествующая ей буква *і* не изменилась на *ь;* напр., *азіатскій;* если же изменилась на *ь,* то пишут *я;* напр., *итальянскій.* На этом основании отличается правописание слов: *крестьянинъ* и *христіанинъ;* впрочем, многие пишут *христіянинъ, христіянскій.* От слова *Россія* производное *россіянинъ* сохраняет *я.*

Примеч. 1. В О. ев. встречаем и древнейшие, несмягченные формы, напр. аице вм. ꙗице, и смягченные, напр. диꙗволь вм. диаволь, июдеи вм. їоудеи; равно как и в Супр. рук.; напр., крьстиꙗнь, откуда наше *крестьянинъ* (§ 58) вм. *христіанинъ* и проч. В древней чешск. письменности встречаются уже смягченные звуки: (в Суде Любуши[8]) iaz ꙗзъ, в отрывке Ев. от Ио. X в. iegda югда, ïuse юже вм. *уже.* В Фрейзинг. рук. тоже X в. иногда чистая гласная, нейотированная; напр., emu ємоу, est єсть, иногда смягченная приставкою *і* или *g;* напр., iezem, gezim, gezm — юсмь, iaz (*язъ* вм. *азъ*). Что же касается до рукописей среднеболг. и среднесербск. от XIV в. и позднее, то в них встречаются гласные несмягченные после гласных; и чем позднее рукопись, тем больше господствует это правило. Напр., в Болг. сб. 1345 г. сїа оубоавса вм. сїꙗ оубоꙗвьсꙗ; в Сербск. рук. XV в. таинаа вм. таинаꙗ; богатаа вм. богатаꙗ (Тих. Пам.).

3. Русский язык заменяет твердыми гласными цс-ие мягкие:

а) В употреблении *ъ* вм. цс. ь, как в склонении, напр. *врачемъ* вм. цс. врачьмь, так и в спряжении, напр. *дамъ, ѣмъ, дастъ, ѣстъ, плететъ, плетутъ,* вм. цс. дамь, ꙗмь, дасть, ꙗсть, плететь, плетѫть. У Фр. Скорины в переводе Библ. кн. 1517 г. употребляются не только будеши, вложишь, но и по нынешнему про-

изношению: спишь, въстанеши (см. Хр.). Как остаток старины у нас сохранились: *есмь, есть* (а не *есмъ, естъ*), *вѣсть,* напр. в изречении: „богъ *вѣсть*".

Примеч. 2. Уже в древнейших церковнославянских памятниках встречаем употребление *ъ* вм *ь*; напр., в Супр. рук. юсмъ вм. юсмь. В О. ев. вѣмъ, пришьлъ, вм. вѣмь, пришьлъ. — Вообще должно заметить, что в болг. рукописях обыкновенно употребляется *ъ* вм. *ь*, и наоборот: что́ указывает на смешение твердых с мягкими. Рукописи сербск. отличаются употреблением *ь* вм. *ъ*, и вместе с тем вообще смешением твердых с мягкими. Напр., в Ипат. мучен. по сербск. сп. XV в.: бысни вм. биюни, слишати вм. слышати, ти вм. ты, илы вм. или, рибж, вїю вм. рыбж, выж, изъ мора, по морю вм. изъ мора, по морю. В Сербск. требн. 1423 г. вь сьнь вм. въ сънъ (в сон). См. Тих. Пам.

Как остаток древнейшего произношения у нас сохранились, в областном говоре, формы: *будеть, будуть* и проч., вм. *будетъ, будутъ.*

б) В употреблении *о* вм. цс. ю; напр., *одинъ, озеро, олень,* вм. цс. юдинъ, юзеро, юлень.

Примеч. 3. В древнерусск. языке: в О. ев. олеи вм. юлей, въ геонѣ вм. въ геюнѣ; у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. оже, одьва, къ одиной, вм. юже, юдьва, къ юдиной; в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. постоянно оже (в других сп. вариант аще); в Жит. Бор. и Гл. по сп. Сильвестр. XIV в. козоръ, озерама, пришолъ, вм. ковєрь, юзерама (дв. ч. твор. пад.), пришьлъ; в Колядн. XV в. осень вм. юсень, а в Сербск. коледарн. XV в. асена (см. Тих. Пам.). — Цс. пелынь и наше *полынь;* в Сб. XV в. бєбрь, в Сл. о полку Игор. *бебрянъ,* и наши *бобръ, бобровый; Волосъ* (скотий бог) у Нестора по Лавр. списку, *Велесъ* в Сл. о полку Игор. (Боян, Велесов внук); *волотъ* и *велетъ* — великан, от имени народа велеты; в переводе Притч. Солом. Фр. Скорины 1517 г. волотовѣ IX, 18; в Лексик. Памвы Берынды 1653 г. исполинъ: гїгантъ, велеть, олбрымъ... Слич. названия урочищ *Волотово, Волотова могила, Волотово поле,* наконец, *волотка* — курган вообще. — В обл. яз. *о* вм. *е:* в олон. *още, одва,* вм. *еще, едва;* в сиб. *доболый* вм. *дебелый;* в орл. *попелъ* вм. *пепелъ;* и наоборот, *е* вм. *о*: в ряз. *есеня* вм. *осень.* В украинск. *iого, ордань, опоньча, лобода,* вм. *его, ердань, епанча, лебеда.*

Иные формы употребляются в древнем языке и с мягкими и с твердыми гласными; напр., у Нест. в Жит. Феодос. XII нестеръ и несторь, там же котера и в лет. *котора* (ссора, усобица); цс. топль и тєпль; *пепелъ* и в Сильвестр. сб. XIV *попелъ,* как и в польск. — Вообще польск. наречие употребляет *о, ё,* вм. *е* и даже вм. *ѣ;* напр., *чоло, вёдę, пёснка,* вм. *чело, веду, пѣсенка.*

4. Звук *ё* (т. е. *io*) принято изображать различными способами: в иностранных словах, или начертанием *io,* напр. *маiоръ;* или *ió,* напр. *буль-ióнъ;* или *о,* напр. *почталi-онъ, серi-озно,* вм. *почталь-ióнъ, серь-ióзно,* или вм. *почталь-ёнъ, серь-ёзно;* в русских же словах — просто буквою *е;* напр., *ежъ* вм. *ёжъ* или *iожъ, конемъ* вм. *конёмъ* или *конióмъ.*

§ 27 [9]. Церковнославянский язык отличается от русского употреблением **кратких**, или **полугласных** *ъ* и *ь*, и **носовых**.

А. В древнем церковнославянском языке буквы *ъ и ь* были в бóльшем употреблении, нежели в русском и в позднейшем церковнославянском, в которых им соответствуют: *о* букве *ъ* и *е* букве *ь*.

Буквы *ъ* и *ь* в древнем церковнославянском языке ставятся:

1) В корнях слов; напр., бъд-ръ *бодръ*, дъх-нѫ *дохну*, съх-нѫ *сохну*, сълъ в формах посълъ (*посолъ*, потому имен. пад. мн. ч. *послы*, цс. посъли) и посълати, числит. съто *сто* (потому *пять сотъ*, цс. пѧть сътъ); союз нъ *но*, слитн. предл. възъ- *воз-* или *вз-*; вьсь, вьсѩ, вьсе — *весь, вся, все*, дьнь *день* (потому *дни*, цс. дьни), шьлъ *шелъ*.

2) В образовании слов, перед суффиксами: а) В именах сущ.: порѧдъ-къ *порядо-къ*, клѣтъ-ка *клѣт-ка*, оть-ць *оте-цъ* (при форме оть-нии *от-ній*), овь-ца *ов-ца* (слич. лат. ovi-s), срьдь-це *серд-це* (потому *поряд-ка, клѣт-о-къ, от-ца, ов-е-цъ, серд-е-цъ*, цс. порѧд-ъ-ка, клѣт-ъ-къ, от-ь-ца, ов-ь-цъ, срьд-ь-цъ). б) В прилаг.: кратъ-къ кратъ-ка — *крато-къ, крат-ка;* чоудесь-нъ *чудесе-нъ*, божь-скыи *божескій*. в) В причастиях: бывъ-ши *быв-ши*, могъ-ши *мог-ши*, шьдъ-ши *шед-ши*.

3) В сложении слов: съ-сѫдъ *со-судъ*, съ-вѣтъ *со-вѣтъ*, възъ-носити *воз-носить*, отъ-селѣ *от-селѣ*, пѫть-шьствие *путе-шествіе;* но вместо *ъ* употребляется уже *о:* бого-словие, брато-любие.

4) Во флексиях; напр., в твор. пад. ед. ч. имен муж. р.: кънѧз-ь-мь *княз-е-мъ*, бог-ъ-мь *бог-о-мъ*.

Общий закон славянского языка в отношении окончания слов состоит в том, что там, где не слышится на конце гласный звук (как он слышится, напр., в словах *вод-а, земл-я*), ставятся *ъ* или *ь*; а так как это звуки первоначально гласные, то все слова в славянском языке оканчиваются собственно на звук гласный (за немногими исключениями, см. § 95).

На этом законе основывается употребление *ъ* и *ь* и перед суффиксами, которые в виде отдельного слова следуют за темою слова или его туловищем, которое, тоже в виде самостоятельного слова, оканчивается на звук гласный, на *ъ* или *ь*, как, напр., в формах дрьзъ и сльнь, к которым прилагаются суффиксы -къ и -це: дрьзъ-къ, сльнь-це (*дерзо-къ, солн-це*). Слич. § 42.

Примеч. 1. Уже в древнейшую эпоху, русские произносили буквы *ъ* и *ь*, как *о* и *е*: потому писец Остромирова евангелия, по русскому выговору, пишет: сотьникъ вм. сътьникъ, пришедъи (пришедший) вм. пришьдъи; твор. пад. ед. числа муж. и ср. родов на -омь вм. -ъмь; напр., гласомь, родомь, словомь. В Изб. Свят.

1073 г. кото вм. къто; в Мстисл. ев. 1125—1132 г. пришедъ вм. пришьдъ; в Добрил. ев. 1164 г. писецъ, перьсты, весь, предо, со, вм. письць, прьсты, вьсь, прѣдъ, съ Особенно любопытно в Псалт. 1296 г. начертание предлогов: предъо, съо, вм. предо, со. См. Хр. Ныне употребительный церковный язык, по русскому произношению, заменяет *ъ* и *ь* буквами *о* и *е*; напр., соверши, день, вм. съвръши, дьнь.

В древнерусск. смешиваются в употреблении *ъ* и *о*, *ь* и *е*, подчиняясь выговору, то есть продолжение гласного звука и ударение на нем означается буквами *о* и *е*, а краткость — буквами *ъ* и *ь*. Это особенно заметно в наречиях смол. и новг. Напр., в Смол. гр. 1229 г. 1) *о* и *е (ѣ)* на конце слов вм. *ъ* и *ь*: *берьго, миро, на оустоко, князѣ, будете, оу дълго, оумрете, путе, всехо коупьче*, вм. *берегъ, миръ, на востокъ, князь, будеть, въ долгъ, умреть, путь, всѣхъ купцовъ;* 2) и наоборот, *ъ* и *ь* в конце же слов вм. *о* и *е (ѣ)*: *вѣдомъ, посль, за окъ, старость, дъ*, вм. *вѣдомо, послѣ, за око, старостѣ, до;* 3) в падежах *ъ* и *ь* вм. *о* и *е (ѣ)*: *дѣревъмъ, веремьнемь, инъмоу, събою, женъю, на сѣбѣ, тьхъ*, вм. *деревомъ, временемъ, иному, собою, женою, на собѣ, тѣхъ;* 4) в спряжении *ь* вм. *е*: *имьть, хъчьть*, вм. *имѣть, хочеть;* 5) среди слов *ъ* и *ь* вм. *о* и *е (ѣ)*: *за нъгоу, мьжю, мьтати, мьсто, хъчеть, възя, дъбрыми, на въдѣ*, вм. за ногѫ, межѫ, метати, мѣсто, хощеть, волꙗ, добрыми, на водѣ; 6) особенно любопытно начертание *въдино* вм. *въ одино, во едино;* наконец 7) безъо вм. *безъ*, как в Псалт. 1296 г. съо. — В полоцк. гр. около 1300 г. *оу Полотеско* вм. *въ Полотьскъ;* в грамотах новг.: 1294—1304 г. *всего Новагоръда — всего Новагорода, ко кърольвымо моужьмо — къ королевымъ мужемъ, квамо — къ вамъ, посъло — посолъ, новгоръдескыи — новгородьскыи, имить — имите;* вообще в новг. гр. XIV в. *пъдати — подати, послухо — послухъ, къ зеру — къ озеру, берьзовый — березовый, събѣ — собѣ;* в Софийск. врем. XVI в. денемь, дени, вм. дьньмь (днем), дьни. В церковных книгах по местному говору: в Парем. 1271 г. ваше, терпите, дѣюте, юсте, вм. вашь, трьпить, дѣѭть, юсть, а также ю вм. *й*, на конце слов: мою, твою, въ покою, вм. *мой, твой, покой.* В Волынск. ев. полногласие выражается не только употреблением *о* и *е* вм. *ъ* и *ь*, напр. июдеюмо вм. июдеюмь, но и постановлением *ъ* и *ь* на конце строки при переносе после всякой согласной, как бы для протяжения голоса, напр. съ-лазоу, гъ-лаголю, высь-те, точно так же, как протяжение ю при переносе слога -моу в слове юмоу писец выразил прибавкою о и перенес так: юо-моу; согласно с этим он удвояет иногда *о* для протяжения голоса; напр., идооша, боогоу, и вместе с тем разлагает ю на ие: мооие (вм. идоша, богоу, мою). Полногласный способ выражения кратких гласных усвоен нотными стихирарями, как древними, так и позднейшими; потому что протяжение голоса в пении удлиняло краткие *ъ* и *ь*, изменяя их в *о* и *е*. Напр., в Стихир. XIV в. на бомбицине (принадл. автору): денесь дѣваꙗ ражаете твореца весьмо (вм. дьньсь дѣваꙗ ражають творьца вьсѣмь); отдельные слова: на конце слов: миро, быко, ваше, наше, оумоме, вм. миръ, бывъ, вашь, нашь, оумьмь; в приставках: соверть вм. съмрьть; перед суффиксами: таине-ство, грѣше-ныи, духове-ныи, свѣте-лыи, приимо-ше, пришедо-ши, вм. таинь-ство, грѣшь-ныи, доуховь-ныи, свѣть-лыи, приимъ-ше, пришьдъ-ше; в корне слов: изберань вм. изьбрань, в местоим. чето вм. чьто. По рук. Рум. муз. XVI в.: „не *помолимося* (вм. помолимъсѧ) фарисеиски, братие; ибо возносяй себе *сомирится*" (вм. съмиритьсѧ). По одной рук. XVII в.: раздѣли же море израилетескимо людемо се бого наше, вм. израильтьскимь людемь, богь нашь. В Паис. сб. XIV в. могла

вм. мьгла; в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб. XIV в. межда вм. мьжда, ѿ Рогониды вм. оть Рогънеды. Если к слову, оканчивающемуся на ъ, прибавляются местоимения *тъ* или *сь*, то ъ переходит иногда в *о;* напр., в Ев. 1307 г. работь, праздьникось, вм. рабь ть, праздьникь сь; в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. *холмоть, градось;* в Ипат. сп. лет. *свѣтось*. Так же *й* переходит в *е*; напр., в Злат. цепи XIV в. хоудыесь вм. хоудый сь. Это свойство доселе сохраняется в просторечии; напр., *доброе-тъ, человѣко-тъ, князе-тъ* (§ 58).

Полугласные звуки *ъ* и *ь,* в образовании слов, соответствуют: *ъ* гласным твердым; напр., дъх-нѫ и *духъ,* съх-нѫ и *сухъ,* бъд-ръ (бодр), бъд-ѣти и боудити; *ь* — гласным мягким; напр., мьнѣти, поминати (§ 30); слово възьмѫ составлено из въз и имѫ, почему должно писать: *возьму, возьмемъ,* а не *возму, возмемъ;* церковнославянские формы: боудеши, боуди, быти, мати, переходят в русские: *будешь, будь, быть, мать.* Переход *и* в *ь,* перед гласным звуком, столь обыкновенный в нынешнем языке (напр., *варенie — варенье*), замечается уже в древнейшем периоде церковнославянского языка; напр., в памятниках глаголитской письменности: цръквьѭ (вм. -иѭ), истьлѥньѥ (вм. -иѥ).

Примеч. 2. В древнерусск. *ь* вм. *и* во 2-м л. ед. ч.; напр., в Повести о Дракуле по сп. XV в. чинишь, кажнишь (казнишь), у Скорины в Библ. кн. 1517 г. вложишь; и наоборот, *и* вм. *ь* в глаголах 3-го л. ед. и мн. ч., перед *и* (его); напр., у Нест. в Жит. Феодос. XII в. нарицюти и, оболоучашети и, люблящахоути и, вм. нарицють и и т. д.; в Злат. цепи XIV в. *и* вм. *ь:* не ходити вм. не ходить; в Волынск. ев. XIV в. *и* вм. *ь* перед *и*: въпрашахоути вм. въпрашахоуть и (его). См. § 84. — Переход *и* в *ь* или даже в *ъ* во 2-м л. ед. ч. в слав. наречиях восходит к X в.; потому что уже в Фрейзинг. рук. встречаются zadenes, prides, вм. задѣнеши, придеши.

На родстве звуков *ъ* и *у* основывается переход речения *нѣтъ* в разговорную форму *нѣту,* употребляемую и в книжном языке, как в позднейшем, напр. у Держ. „за счастiе поруки *нѣту*", I,277; так и в древнейшем, напр. в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. *нѣту* и *нѣтуть;* также *нѣту* в Новг. лет. XIV в.

Примеч. 3. Употребление *ы* вм. *ъ* в древн. языке; напр., в Парем. 1271 г. кы вм. къ (см. Хр.); в областном: в смол. „*кы* собору", „*сы* кораблишка", Кал., I,127; в народных стихах для размера; напр., *жимыши-бымыши,* т. е. жимшибымши, вм. *жимъши-бымъши,* Кал., I,68. — В древнерусск. *ъ* переходит в *ы* в 1-м л. мн. ч. глаголов прош. и преходящ. вр. перед *и* (его); напр., у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. видѣхомы и, в Сильвестр. сб. XIV в. проводихомы и, вм. видѣхомъ и, проводихомъ и.

В слове *человѣкъ* звуку *е* должно было соответствовать древнейшее *ь* в цс. чьловѣкъ, но уже в самых ранних церковнославянских памятниках встречается без *ь:* чловѣкъ, что́ употребляется и у других слав. племен; напр., у чехов тоже *чловѣкъ;* а в русск. уже в XII в., напр. у Нестора в Жит. Феодос. чєловѣци.

Употребление полугласных *ъ* и *ь* после согласных, на конце слов, в русском языке, принадлежит к остаткам глубокой древности, свидетельствуя нам, что славянский язык не мог ни одного слова оканчивать только на согласный звук; но непременно требовал, чтобы к согласному присовокуплялся, если не гласный, то полугласный, либо твердый *ъ*, либо мягкий *ь*. Потеряв полугласное значение, обе эти буквы стали обозначать в русском языке только твердое или мягкое произношение согласных.

В правописании принято удерживать *ъ* и посреди слов, именно сложных, перед гласным звуком, когда этим последним начинается вторая часть сложного речения; напр., *предъ-идущій, съ-умѣть, подъ-емлю*. Впрочем, это правило не во всех случаях наблюдается, именно: в предлоге *съ* принято удерживать *ъ* перед гласными, как твердыми, так и мягкими; напр., *съумѣть, съузить, съиграть, съѣсть* и проч.; в прочих же предлогах *ъ* удерживается только перед мягкими гласными; потому пишут, напр., *изъявить, отъиграть, разъиграть* и проч. и *изустно, отучать, разумъ* и проч.

Не должно смешивать *ъ* с *ь* в словах *объяснить, объявить* (а не *обь-яснить, обь-явить*) и в др., сложенных с предлогом *объ*. В слове *подъячій* принято писать *ъ*, а не *ь*, хотя по производству здесь первоначально был звук *ь*, сократившийся из *i*, ибо *подъячій* происходит от слова *под-дьякъ*, составленного из предлога *подъ* и *дьякъ* (первоначально *діакъ*; слич. *дьяконъ* и *діаконъ*). В Юрид. акт. под 1655 г. *подъячей,* но в Уложении царя Алекс. Мих. по изд. 1649 г. подьѧчєй.

Примеч. 4. В древнейших церковнославянских рукописях болгарского письма, ъ и ь ставятся после плавного звука, когда он присовокупляется к согласному твердому; напр., влъкъ, слъньце, срьдьце; русские же писцы ставят ъ и ь перед плавным: вълъкъ, сълъньце, сьрьдьце, или вълкъ, сълньце, сьрдьце, следуя в этом случае нашему выговору: *волкъ, солнце, сердце.* Сверх того должно заметить, что в письменности древнерусск. правильно отличаются ъ и ь, из которых первая буква соответствует твердому о, а вторая мягкому е, между тем как в древнеболг. и древнесербск. ъ и ь смешиваются, как напр. вльkъ, срьдьце, вм. влъкъ, срьдьце. Кроме того, сербское письмо позднейшее обходится только буквою ь, заменяя ею букву ъ; напр., вльkь, вм. влъкъ. И в современном сербском, равно как и в чешском, смешение *ь* с *ъ* обозначилось тем, что обе эти буквы безразлично переходят — в сербск. в *а,* напр. *дан, сан,* в чешск. в *е,* напр. *ден**, *сен,* вм. дьнь, сънь, а по-русски *день, сонъ.* В Фрейзинг. рук. X в. *ъ* и *ь* не только выражаются первоначальными *у* и *i*, но и переходят и тот и другой в *е*; напр., nu — нъ (но), pulti — плъти, dine, dini — дьне, дьни, ze — сь, zil — сьль (вм. съль, посол), zemirt — съмрьть, vuez — вьсь (весь). В чешск. отрывке Ев. от Ио. X в. ke — къ, ue — въ, kegdi — къгда, den — дьнь, temi — тьмы. В Ипат. мучен. по сербск. сп. XV в. по васе вм. по вьсѧ; в Сербск. громн. XV в. число лѧ̈вово вм. львово (Тих. Пам.).

---

* Исправлено. В предшествующих изданиях *день. (Ред.)*

§ 28[10]. Б. Носовые звуки суть ѫ и ѧ (или облеченные звуком *i*: ѭ и ѩ). Первоначально произносились они как *ам, ан, ям, ян, ом, он, ем, ен* (или с краткими *ъм, ън, ьм, ьн*). Буквы эти постоянно употреблялись в древнейшей цс. письменности. Ставились они только перед согласными, напр. дѫти, жѧти; перед гласными же разлагались: ѫ на ъм, а ѧ на ьм и ьн; потому от тех же глаголов наст. вр. дъм-ѫ, жьм-ѫ, жьн-ѫ.

Хотя в древнейшие уже времена русский язык утратил носовые звуки, однако некогда они в нем были, что́ явствует из многих грамматических форм, которые объясняются только этими звуками. Так, напр., если бы мы не знали, что слова: *знамя, имя, племя, пламя* и др., первоначально писались: знамѧ, имѧ, плѣмѧ, пламѧ (т. е. *знамен, имен, племен, пламен*); то не могли бы объяснить, почему, в косвенных падежах, оказывается слог *ен: знам-ен-и, им-ен-емъ, плем-ен-а, плам-ен-и*. Отсюда ясно, почему было бы ошибочно написать: *знам-ѣн-итый, плам-ян-ный* и проч. Впрочем, утратив первоначальный звук, изображаемый буквою ѧ, употребляем и *плем-ян-никъ* (вм. *плем-ен-никъ*), *безъимянный* и *безъименный* и нек. др. — Равномерно, если бы мы не знали, что глаголы *начать, мять, жать* первоначально писались: начѧ-ти, мѧ-ти, жѧ-ти, т. е. *начьн-ти, мьн-ти, жьм-ти* и *жьн-ти;* то приняли бы их за неправильные, потому только, что в спряжении их оказываются звуки *н* и *м: начну, мну, жму, жну*.

Остатков носового звука ѫ сохранилось в русском языке меньше. Впрочем, некоторые из ныне употребительных форм объясняются этим звуком. Так, напр., мы говорим: *угры* (название народа) и *венгры,* на том основании, что это название первоначально изображалось: ѫгры, ѫгринъ (οὐγγαρικός, hungaricus, нем. ungarn), откуда с придыханием *в* (§ 32) образовалось польск. *венгры,* перешедшее и к нам и заменившее собою древнюю форму *угры.* — Слова, сложенные с предлогом *су* (вм. *со* или *съ*), соответствуют церковнославянским, с предлогом сѫ; напр., *супругъ* (при глаголе *сопрягать*) сѫпрѫгъ, *сусѣдъ* (в просторечии, вм. *сосѣдъ*) сѫсѣдъ и проч.

Примеч. 1. Что в эпоху перевода Св. писания с греч. на славянский юсы имели носовой звук, служит доказательством употребленная в О. ев. форма лѫгина (т. е. *Лонгина,* сотника), греч. Λογγίνου.

В церковнославянском языке надобно отличать употребление букв ѫ и ѭ от ѧ и ѩ. Две первые перешли у нас в *у* и *ю*, а две вторые в *а* и *я*.

Звуки ѫ и ѭ, в древнем церковнославянском, употребляются:

1) В корнях слов; напр., ѫгълъ, ѫгль, ѫзъкъ, бѫдѫ, дѫбъ, мѫдръ, мѫжь, рѫка и проч.

2) В склонении: а) в вин. пад. ед. числа имен и местоимений жен. рода; напр., вѣрѫ, благѫ, благѫѭ, ѭ (ее); б) в твор. падеже

ед. числа имен женского рода и местоимений; напр., вѣрож, благож, юж (ею), мънож, тобож, собож.

3) В спряжении: а) в 1-м лице ед. числа наст. и буд. времен; напр., идѫ, знаѭ, исцѣлѭ; б) в 3-м лице мн. числа тех же времен, в 1-м спряжении; напр., идѫть, знаѭть, възьмѫть (возьмут); в 3-м лице мн. числа преходящего времени; напр., бияахѫ (они били).

4) В образовании слов: а) в причастиях наст. времени действ. залога глаголов 1-го спряжения; напр., могы (могущий), при котором прочие формы с буквою ѫ; напр., могѫща (могущего), могѫщи (могущая); б) в образовании глаголов слогом нѫ (русск. *ну*); напр., дъхнѫти (дох-ну-ть); в) в предлоге сѫ (*со, съ*); напр., в словах: сѫсѣдъ, сѫпрѫгъ.

Звуки ѧ и ѩ, в древнем церковнославянском, употребляются:

1) В корнях слов; напр., жѧти, мѧти, ѩти, откуда *ем-лю*, брѧцати, откуда *бр-ен-чать* (при форме *брякать* вм. *бр-ен-кать*), звѧцати, откуда *зв-ен-ѣть, звонъ* и *звяк-нуть*, фрѧгъ (Φράγγος, Francus), откуда прилаг. *фряжскiй;* в Кормч. 1282 г. калѧды и каланди (καλάνδας). См. Хр.

2) В склонении: а) в род. пад. ед. числа имен жен. рода; напр., доушѧ (души); б) в имен. падеже мн. числа местоимений, а также имен жен. рода; напр., вьсѧ (всѣ), добрыѩ (добрыя), каплѩ (капли); в) в вин. падеже мн. числа сущ. имен муж. рода; напр., мѫжѧ (мужей); и прилаг. имен и местоимений муж. и жен. родов; напр., благыѩ, ѩ (их).

3) В спряжении: а) в 3-м лице мн. числа наст. и буд. времен глаголов 2-го спряжения; напр., хвалѧть, исцѣлѧть; б) в 3-м лице мн. числа прош. времени; напр., ведошѧ, рекошѧ.

4) В образовании слов, а именно: а) некоторых существительных ср. рода; напр., знамѧ, имѧ, телѧ (теленок); б) местоимений мѧ, тѧ, сѧ; в) причастий; напр., любѧ, любѧи.

Буква ы иногда употребляется, в древнем церковнославянском языке, взамен носовых; а именно: 1) в образовании существительных; напр., камы (= камен), т. е. нынешнее *камень*, ѩчмы (= ѩчмен) — нынешнее *ячмень;* пламы и пламѧ — *пламень* (*ень* = ы, ѧ); 2) в окончании причастий; напр., пекы (пекущий), могы и могѫщи и проч.

Так как носовые звуки стали чужды русскому языку, то уже в древнейших русских списках церковнославянских памятников, по влиянию русского выговора, носовые буквы иногда заменяются чистыми: *у, ю, а, я.* Потому все выше исчисленные случаи употребления носовых букв встречаем в О. ев. и в правильном виде,

т. е. согласно со свойствами древнейшего языка, и в неправильном, т. е. с изменением этих букв по русскому выговору.

Примеч. 2. Примеры из Остромирова списка евангелия: ю (вм. ѭ, т. е. ее), ꙗ (т. е. *я*, вм. ѩ — их), ꙁемлю вм. ꙁемлѭ, оставлю вм. оставлѭ, каплꙗ вм. каплѩ и проч. В Галицк. ев. 1143 г., соответственно русскому выговору, букв ѫ и ѭ вовсе нет, а ѧ не отличается от ꙗ и после шипящих переходит в а.

В немногих словах ѧ переходит в *е;* напр., уже в древнем цс. лебедь вм. лебѧдь (откуда лебѧждь, *лебяжій*), польск. *łabędź;* цс. кладѧзь и наше *колодезь*. В слове *заяцъ*, цс. заѩць, ѧ сокращается в *й* в косв. пад.: *зайца, зайцу* и проч.

Позднейший церковнославянский язык, в нынешних церковных книгах, по влиянию русского, вовсе не употребляет ѫ и ѭ, заменяя эти начертания соответствующими им оу и ю; что же касается до начертания ѧ, то хотя и удержал оное, но смешал с ꙗ. Старинные грамматисты, желая дать какое-нибудь значение букве ѧ, которой носовое произношение уже было затеряно, употребляли ее по произвольно выдуманным правилам. На таком правиле, напр., основано двоякое начертание слова *языкъ:* ѧзыкъ — в значении дара слова и ꙗзыкъ — в значении народа. Но первоначально, и в том и в другом значении, это слово писалось: ѩзыкъ.

Прим. 3. Носовые звуки доселе сохранились между славянскими наречиями, особенно в польском, в котором они означаются начертаниями ą и ę, соответствующими цс-им ѫ и ѧ; напр., в корнях слов: *trąba, ręka, pięta, ięcz*, вм. трѫба, рѫка, пѧта, ѩти; в спряж. *mrę* — мрѫ, *mrą* — мрѫть, *chwalę* — хвалѭ, *chwalą* — хвалѧть; в прич. *niosący* — несы, несѫщи, *chwalący* — хвалѧ, хвалѧщи; в склон. *mę, cię* — мѧ, тѧ, *mną, tobą* — мноѭ, тобоѭ, *imię* — имѧ, *rybę* — рыбѫ, *rybą* — рыбоѭ. В Фрейзинг. рук. X в. юсы выражаются не только одними гласными *у, о, е,* но и с присоединением иногда к ним носового *н*; напр., не только moiv, tvoriv, zodni, vmoku, vzel, вм. моѭ, творѭ, сѫдьний, въ мѫкѫ, въꙁѧль, но и poronso вм. порѫтѫ, sunt — сѫть, mogoncka — могѫща.

Примеч. 4. В древиеболг. и среднеболг. ѫ и ѧ употребляются, но смешиваются между собою; напр., в Парем. XII в. тьмоѧ, водоѧ, вьсеѧ ꙁемлеѧ, вм. тьмоѭ, водоѭ, вьсеѭ ꙁемлеѭ (см. Хр.); в Болг. сб. 1345 г. оуклонишѫсѧ, раждегошѫсѧ вм. оуклонишѧсѧ, раждегошѧсѧ; вьсеѫ ꙁемлѧ вм. вьсоѩ ꙁемлѧ. В среднесербск. иногда ѫ переходит в ѹ; напр., в рук. XV в. бѣхѹ, сѹщи, вм. бѣхѫ, сѫщи, но ѧ обыкновенно в *е*; напр., в Сербск. требн. 1423 г. ме, те, стоеть, вм. мѧ, тѧ, стоѩть; в Сербск. коледарн. XV в. жетва вм. жѧтва; в Сербск. сб. XV в. приюше, не спещи нь бдещи, име, време, вм. приѩшѧ, не сьпѧщи нь бьдѧщи, имѧ, врѣмѧ; в Ипат. мучен. по сп. XV в. *е* и даже *ь* вм. ѫ: вьнетрь, сьщимь, вм. вънѫтрь, сѫщимь (Тих. Пам.). В древнеболг. нѫ вм. нь (но), тысѫшта вм. тысѧща, в сербск. тысѹща (в Ипат. мучен.). В новоболг. ѫ и ѧ слышатся глухо, переходя в *ъ, ь* и *е*. В чешск. ѧ переходит в *а* и *е*; напр., *десать* * — десѧть, *ме, те* — мѧ, тѧ; а ѫ в *у;* напр., *мука* (как и в русск.) — мѫка.

---

* Форма сомнительна; в современном литературном чешском языке deset. *(Ред.)*

§ 29. Русский язык отличается от церковнославянского, в отношении гласных звуков, вставкою *о* или *е* перед плавными *л* и *р*, употребляя *еле, ело, оло, ере, оро,* вместо церковнославянских: ла, лѣ, лє, ра, рѣ, рє, предшествуемых согласным звуком (слич. § 30). Для примера предлагается здесь несколько церковнославянских слов в сличении с русскими: гладъ — *голодъ,* гласъ — *голосъ,* злато — *золото,* класъ — *колосъ,* младъ — *молодъ,* слама — *солома,* млєко (древнее млѣко) — *молоко,* градъ — *городъ,* прагъ — *порогъ,* брада — *борода,* сребро — *серебро,* брєгъ (древнее брѣгъ) — *берегъ,* прєдъ (древнее прѣдъ) — *передъ,* прє- (напр., *пре-ложить,* древнее прѣ-) — *пере-* (напр., *пере-ложить*), чрєзъ (древнее чрѣзъ) — *черезъ;* длань — русск. областное *долонь* (украинск. *долоня*), откуда, с перестановкою звуков, общеупотребительное *ладонь,* и проч.

Относительно этого свойства, в историческом развитии нашего языка, должно заметить следующее:

1) Вставка гласных *о* или *е,* перед *л* или *р,* существовала в русском языке искони, как свидетельствуют древнейшие письменные памятники.

Примеч. 1. Уже в Остромировом списке евангелия, именно в послесловии и святцах, по влиянию выговора писца, вошли русск. формы: володимира, новѣгородѣ, перегнжвъ, вм. церковнославянских: владимира, новѣградѣ, прѣгнжвъ. Замечательно, что в слове перегнжвъ писец соединил свойства обоих языков, вставив *е* перед *р* и удержав ж. В Изб. Свят. 1073 г. поросѧте, полонєнъ, ӡолоба, ӡолобь, вм. прасѧте, плѣнъ, ӡлоба, ӡлобь; в Изб. Свят. 1076 г. норозы, ворогъ, веремѧ, вередихъ, вм. нравы, врагъ, врѣмѧ, врѣдихъ; в Галицк. ев. 1143 г. половы, половелъ, исполовемъ, вм. плѣвы, плѣвелъ, исплѣвемъ; в Кормч. 1282 г. о полонѣ, молока, молоди, вм. о плѣнѣ, млѣка, млади. См. Хр.

2) В древнерусских памятниках, вставку гласных *о* и *е* встречаем в бо́льшем употреблении, нежели теперь. Напр., писалось: *володѣти, молодшій, веремя, ворогъ, переже, шеломъ,* вм. ныне употребительных: *владѣть, младшій, время, врагъ, прежде, шлемъ* и проч. В выражении: *на сторожѣ,* вм. *на стражѣ,* сохранилась древняя народная форма: *сторожа* (слич. *сторожъ,* откуда *о-сторож-ный*), вм. *стража.*

Примеч. 2. Из множества полногласных форм в древнерусск. письменности приводится несколько примеров: у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. иӡмолода, сороучицю (цс. срачицѫ), оболоучашети, городоу, въ володимирьскоую оболость, пороӡдьнъ (цс. праӡдьнъ, новое русск. *порожній);* в Смол. гр. 1229 г. вѣремьнемь (цс. врѣменьмъ); в лет. по Лавр. сп. 1377 г. переписалъ, деревлѧне, паволока (цс. павлака — ткань, одеяние); в Злат. цепи XIV в. тероӡвыи (цс. трѣӡвыи); в Паис. сб. XIV в. пороӡдью (цс. праӡдьнѫѭ); в Сл. о полку Игор. *хороброе, пороси* вм. *праси,* мн. ч. имен. пад. от *прахъ.* См. Хр. — В Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб. XIV в. хоромовъ рубити, въ ӡамороӡь. В Уложении царя Алекс. Мих. по изд. 1649 г. сторо̀жа — стража.

3) В областном просторечии и доселе вставка гласных *о* и *е*, перед плавными, почти столь же употребительна, как была она в древних памятниках.

Примеч. 3. Напр., пск. *сóлодко* и *солóдко* — сладко, олон. *черево* — чрево; новг., волог., сиб., тверск., влад. *бóлого* — благо, откуда волог., смол. *бóлозе* (благо); *болого* уже в Русск. правде; а *болозе* в послов. XVII в. „у худа ума не *болозе* ногамъ". В украинск. *ворогъ, нагорода, бервенó*, вм. *врагъ, награда, бревно*. В смол. тоже *бервенó*.

4) Современный язык образованного общества и язык книжный, представляя смесь церковнославянского с русским, употребляют: 1) церковнославянские формы: *владѣть, прежде, младшiй, срамъ* и проч., вм. русских: *володѣть, переже, молодшiй, соромъ* и проч.; 2) русские формы: *корова, ворона, воробей, горохъ* и проч., вм. церковнославянских: крава, врана, врабїй, грахъ и проч.; 3) и те и другие; напр., *пламя* и *полóмя, младшiй* и *моложе, влеку* и *волоку, чрезъ* и *черезъ, пре-* и *пере-*.

Несмотря на такую смесь форм русских с церковнославянскими, мы отличаем одни от других: 1) по значению; напр., *норовъ* и *нравъ, порожнiй* и *праздный, порохъ* и *прахъ, морочить* и *мрачить, хоромы* и *храмъ, хоронить* и *хранить, беремя* и *бремя, берегу* и *брегу (небрегу, пренебрегаю), вередъ* и *вредъ, волость* и *власть, голова* и *глава* и проч.; и 2) по употреблению: в речи книжной и витиеватой: *брегъ, глава, злато, сребро, стражъ* и проч.; в речи же разговорной: *берегъ, голова, золото, серебро, сторожъ* и проч. Потому слова нравственного значения, напр. *бремя, владѣть* и проч., приняли форму церковнославянскую; а слова, имеющие значение вещественное и употребляемые в ежедневной речи, напр. *воробей, горохъ, корова* и проч., удержали форму русскую. В приветствиях: „*здравствуйте*", „*здравiя* желаю" и „*здорово* живешь" употребляется и та и другая форма, для выражения различных оттенков речи.

5) В нашем литературном и особенно в стихотворном языке долго господствовали формы церковнославянские, каковы: брегъ, глава, младъ и проч.; но со времени Пушкина стали свободнее употребляться полногласные, чисто русские.

6) Впрочем, некоторые краткие формы, как остатки старины, допускает и просторечие. Напр., в песнях встречаем: „*злато-серебро*", „*младъ* ясенъ соколъ", „я *млада младенька*" — „*молодой-младой* Соловниковъ", Рыбн., I,81.

Примеч. 4. Вообще русский язык наклонен к полногласию, которым часто пользуется в песнях для размера стиха и протяжения голоса в пенье; напр., в влад. „при *семёратныимъ* часѣ" вм. *смертныимъ*, Кал., I, 97.

§ 30. Употребление гласных подчиняется законам: I. изменения и II. сочетания этих звуков.

I. Важнейший закон изменения гласных, оказывающий действие на весь этимологический состав церковнославянского и русского языков, есть усиление, или подъем, этих звуков. Вместе с гласными пользуются тем же законом и плавные *р* и *л*.

Усиление гласных и плавных: *р* и *л*, происходит двояким образом: или 1) через перемену гласных (преимущественно кратких на долгие): *ь* на *и* и *ѣ*; *ъ* на *у*, *ы*, *а* и *о*; *е* на *о*; *о* на *а*; *и* на *ѣ* и ѧ на ѫ; или же 2) через вставку звуков *а*, *е*, *о*, перед плавными *р* и *л* и перед гласными *и* и *у* (или *ы*).

Усиливая, таким образом, гласный или плавный звук, грамматическая форма изменяет и самое значение свое: или из глагола становится именем, или принимает значение винословное (напр., *вѣшать*, при глаголе *висѣть*), или переходит из одного вида глаголов в другой, или же изменяет свой смысл вообще.

Сказанное объясняется следующими примерами, в основу которых приняты, где нужно, церковнославянские формы, сличенные с русскими.

Примеч. 1. Церковнославянские формы необходимы здесь потому, что правильнее русских сохранили свой первоначальный состав.

1. Перемена гласных

1) Перемена *ь* на *и* и *ѣ*; напр., мьн-ѣти (*мню, по-мню*) помин-ати и мѣн-ити; свьт-ѣти свь-нѫти и свѣтъ свѣт-ити; бьр-ати бир-ати; жьд-ати жид-ати (*о-жид-ать*); пьр-ати пир-ати (*по-пир-ать*); пьх-ати пих-ати. От древн. пьс-ати позднейшее пис-ати. Сюда же принадлежит перемена краткого гласного, содержащегося в ѧ, т. е. ьм, ьн, на и, т. е. на им, ин: жѧ-ти, клѧ-ти, мѧ-ти, чѧ-ти (вм. *жьм-, жьн-, кльн-, чьн-*) — жим-ати, жин-ати, клин-ати, мин-ати, чин-ати (с предлогами: *за-жим-ать, за-жин-ать, про-клин-ать, пере-мин-ать, на-чин-ать*). Тем же путем образовалось: им-ати, им-ѣти от ꙗ-ти, как бы вм. *іём-ти*.

2) Перемена *ъ* на *у* и *ы*; напр., бъд-ѣти (бодрствовать) боудити, глъх-нѫ-ти (глохнуть) *глухъ глушить*, съх-нѫ-ти (сохнуть) *сухъ сушить*, дъх-нѫ-ти (дохнуть) *духъ душить*, съп-ати (*за*)*сып-ать*, зък-ати (*за*)*зыв-ать*, лъг-ати (*при*)*лыг-ать*, ръв-ати (*вы*)*рыв-ать*, тък-нѫ-ти (*при*)*тык-ать*, гъ-нѫ-ти (вм. гъб-нѫ-ти) гыб-ати (*при*)*гиб-ать* (*и* вм. *ы*), ръд-ѣти ръд-ръ (красный, слич. в арх. *рёдрый* — рыжий) и рыждь, *рыжій*.

3) Перемена *ъ* на *а* и *о*; напр., мрък-нѫ-ти (меркнуть) мракъ *мрач-ить по-мрач-ать, морокъ мороч-ить*, мрьз-нѫ-ти (мерзнуть) мразъ *морозъ мороз-ить*. Сюда же относится форма

гън-ати гонъ гон-ити, откуда гон-іѫ*, а от гън-ати наст. вр. жен-ѫ, с смягчением *г* в *ж* (§ 37).

4) Перемена *е* на *о;* напр., *теку токъ (ис-токъ, по-токъ) точ-ить* (т. е. заставить течь; напр., *„точить* кровь", *„точить* воду"), *везу возъ воз-ить, реку рокъ у-рокъ пpi-у-роч-ить.*

5) Перемена *о* на *а;* напр., *клон-ить клан-яться, твор-ити тварь.*

6) Перемена *и* на *ѣ;* напр., *вис-ѣть вѣсъ вѣс-ить вѣш-ать, лип-нуть лѣп-ить, вид-ѣть вѣжди* (§ 36) *вѣд-ать* (§ 107).

7) Перемена ѧ на ѫ; напр., грѧз-нѫ-ти *(грязнуть грязь)* грѫзъ по-грѫз-ити *(грузъ грузить);* звѧц-ати звѫкъ *(звукъ звучать);* мѧтѫ *(мяту)* мѫт-ити *(мутить с-мута);* трѧс-ти трѫсъ (землетрясенье) *трусъ трусить.*

Перемене ѧ на ѫ соответствует, в некоторых словах, переход звуков *ен* в *он;* напр., *зв-ен-ѣть зв-он-ъ зв-он-ить.*

2. Вставка гласных *а, о, е*

1) Перед плавными *р* и *л;* напр., зр-ѣти (смотреть) з-о-рѩ з-а-рѩ *з-а-рево* и *з-о-ръ (по-зоръ у-зоръ) з-ó-рить (по-зорить) з-а-риться* (§ 107); *зр-ѣть* (созревать) *зор-йть* (приводить в зрелость); *мр-у м-о-ръ м-о-рить; бр-ать б-е-ру; пл-ати* (т. е. *пылать,* от пла-ти образуется пла-мѧ) *п-а-лить* (т. е. жечь); *(за) кл-ать к-о-лю.* Формы *(в)зир-ать, (у)мир-ать, пыл-ать,* от зр-ѣти, мр-ѣти, пл-ати, предполагают подъем *ь* и *ъ* от форм: зьр-ѣти, мьр-ѣти, пъл-ати. — На этом же законе основывается и полногласие русского языка при плавных *р* и *л* (§ 29); напр., цс. гр-адъ, пл-ѣнъ, бр-ати, кл-ати, пр-ати, мл-ѣти, пл-ѣти, мр-ѣти, пр-ѣти, тр-ѣти и русск. *г-о-р-одъ, п-о-л-онъ, б-о-р-оть, к-о-л-оть, п-о-р-оть, м-о-л-оть, п-о-л-оть, м-е-р-еть, п-е-р-еть, т-е-р-еть.*

2) Вставка *о* перед *и,* вследствие чего коренной звук *и* переходит в *ои;* напр., *пи-ть п-о-й (водо-пой) п-о-ить; гни-ть гн-о-й гн-о-ить*; ли-ти лои (слич. арх. *про-лой* — пролив); чи-ти (по-чи-ти) кои *(по-кой);* жи-ти от корня *жив-* гои (в древнесербск. — покой, мир, в других наречиях зн. „лекарство", „пища", и т. п.), откуда *го-ить* — кормить, лечить, ухитить, одним словом, давать жить. В обоих последних примерах *к* и *г* смягчаются в *ч* и *ж* (§ 37).

Примеч. 2. В цс. гоило — укрепление, в Прол. XV в. В областном языке: в вятск. и вообще в сиб. *гóить* — ухитить избу, дать пристанище, приютить, угощать; в ряз. *гóйный* — взрачный, взрослый, т. е. упитанный, выросший в холе; напр., *гойный молодецъ.*

---

* Исправлено. В предшествующих изданиях гон-ѫ. *(Ред.)*

3) Вставка *а* и *о* перед *у* (причем *у*, сокращаясь, переходит в *в*, по § 24-му); напр., слоу-ти (*слыть, слыву,* от *слу-ти* образовалось *слу-хъ) сл-а-ва сл-а-вить сл-о-во сл-о-вить (благословить)* (§ 107).

Мягкий звук *ю* поднимается мягким же *е* в *ев;* напр., рю-ти рек-ж, *плю-ю пл-ев-ать, клю-ю кл-ев-ъ* (действие клюющего) *кл-ев-ать;* но орудие этого действия выражается в форме *клювъ.*

В практическом отношении должно заметить, что в продолженном виде *у* настоящего времени поднимается в *ов* в неопределенном наклонении. Напр., *совѣт-у-ю, сѣт-у-ю — совѣт-ов-ать, сѣт-ов-ать* (а не *совѣтывать, сѣтывать);* тогда как формы на *-ывать* и *-ивать* имеют в наст. времени *-ываю* и *-иваю;* напр., *сказ-ывать, разсматр-ивать — сказ-ываю, разсматр-иваю.*

4) Так как *ы* родственно звуку *у* (§ 24), то, при своем подъеме, изменяется в *ав* и *ов*, а иногда и в *ва;* напр., *бы-ть б-а-в-ить (при-быть* и *при-бавить, у-быть* и *у-бавить, за-быть* и *за-бавить), пл-ы-ть* (вм. *плу-ти,* как *слы-ть* вм. *слу-ти) пл-а-в-ать* и *пл-а-в-ить; р-ы-ть р-о-въ, кр-ы-ть кр-о-въ;* к-ы-с-нжти (киснуть) *к-ва-съ к-ва-сить.*

Замечательные особенности в подъеме предлагают формы: зкб-нжти зьн-о-бz зьн-о-б-ити и ньз-ити (откуда с подъемом *ь* в *и:* низ-ати) — *ноз-а (за-ноза) ноз-ити,* откуда *ножъ.* Слич. § 46.

II. При стечении гласных, язык устрояет благозвучие грамматической формы различными средствами. Из них важнейшие суть:

1. Уподобление звуков. Если стоят рядом два гласные звука, различные по выговору, то один из них или вполне изменяется в другой, или к нему приноровляется: в первом случае уподобление бывает полное, во втором — неполное. Пример полного оказывается в предложном падеже единственного числа существительных, оканчивающихся на *й* и *е*, с предшествующим *i*, и в дательном и предложном имен на *я*, с предшествующим *i*; напр., *о Василiи, во мнѣнiи, Софiи, на линiи* (вм. *о Василiѣ, во мненiѣ, Софiѣ, на линiѣ*). Потому и в правописании такие слова отступают от общего правила, по которому предложный и дательный падежи оканчиваются на *ѣ*. Если звук *i*, предшествующий звукам *й, я, е*, переходит в *ь*, то уподобление становится ненужным; тогда в дательном и предложном падежах, вместо *и,* оказывается первоначальный *ѣ*; напр., *Софья, Софьѣ, о Софьѣ.* В именах, оканчивающихся на *е,* слышится *ѣ* явственно, когда на этом последнем звуке стоит ударение; напр., *о житьѣ́;* без ударения же *ѣ* смешивается с *и,* как в выговоре, так и на письме; напр., *на ученьи* и *на ученьѣ.*

Неполное уподобление оказывается в переходе мягких *я, ь, й* и др. в *е;* и твердых *а, ъ* и др. в *о;* напр., *пут-ь пу-т-е-мъ,*

дом-ъ дом-о-мъ, во-й во-и-нъ во-е-вать, мудр-ъ мудр-о-вать, цс. сь (сей) *с-е-го, с-е-му* и проч.; цс. тъ (тот) *т-о-го, т-о-му* и проч.; в словах сложных; напр., *пут-е-шествіе* при слове *пут-ь; вод-о-падъ,* при слове *вод-а.* Отступление от этого закона замечается в сложных: *кров-о-пролитіе* вм. *кров-е-пролитіе, чест-о-любіе,* при словах *кров-ь, чест-ь.*

Важнейший случай уподобления полного оказывается в церковнославянском склонении имен прилагательных, состоящем в приставке местоимения и, ꙗ, ѥ, род. ѥго, дат. ѥмоу и проч., к кратким окончаниям прилагательных (§ 99). Вместо нова-ѥго, новоу-ѥмоу, обыкновенно употребляются, в древнейших церковнославянских памятниках, формы, образовавшиеся через уподобление гласных: нова-аго, новоу-оумоу и проч.; но встречаются и в древнейшем виде, то есть без уподобления; напр., в Супр. рук.: осѫжденоу-ѥмоу *(осужденному),* в Болгарском паремейнике XII в.: тврьда-ѥго *(твердаго),* крѣпка-ѥго *(крѣпкаго)* и др.

2. Вставка звуков согласных (и звука *j*); а именно: 1) вставка *в;* напр., *одѣ-в-а-ть* (обл. *одѣ-в-ало* вм. *одѣ-j-ало,* т. е. *одѣяло*), *бы-в-ать* (вм. *бы-ать*), *зѣ-в-ать* (вм. *зѣ-ать*); 2) *j*; напр., *одѣ-j-ати* (т. е. одѣꙗти, вм. *одѣ-ати*), *зі-j-ать* (т. е. *зіять*); 3) *н;* напр., *за-н-имать, по-н-имать, при н-емъ* (вм. *при емъ*), *съ нею* (вм. *съ ею,* §§ 32 и 33); 4) *б*; в предлоге *объ,* вм. *о,* перед твердыми гласными; напр., *объ урокѣ, об отцѣ,* вм. *о урокѣ, о отцѣ.*

Такая вставка звуков объясняется законами благозвучия церковнославянского и русского языков, которые не терпят двух гласных рядом и разделяют их или вставкою согласного, напр. *одѣ-в-ать,* или приставкою *j* к гласному, изменяя последний в *я, ю,* ѥ и проч.; напр., *одѣ-ять* вм. *одѣ-j-ать.* На этом законе основывается переход иностранных *Генуа, Падуа* и др. в *Генуя, Падуя,* а также и склонение этих имен; напр., *Геную, Падую* и проч., вм. *Гениу, Падуу.*

Иностранные слова: *по-эзія* (а не *по-j-эзія*), *те-атръ* (а не *те-j-атръ* или *теятръ*), *прові-антъ* (а не *прові-j-антъ* или *провіянтъ*), в образованном языке, не принимают вставного *j.*

Примеч. 3. Вставкою *j* объясняется переход древнейших *іунь, іуль,* в позднейшие *іюнь, іюль* (т. е. *і-j-унь, і-j-уль*), а также иностранных *океанъ, театръ, провіантъ* и др. в народные формы: *океянъ* или *окіянъ* вм. *оке-j-анъ, теятръ, провіянтъ* и др.

В формах: *объ немъ, объ нихъ, объ языкѣ* и в др. оказываются две вставки, именно: *о-бъ н-емъ, о-бъ н-ихъ, о-бъ j-азыкѣ;* а в формах: *о немъ, о нихъ, о языкѣ* — одна вставка. На письме употребляются и те и другие формы.

3. Приставка звука; напр., приставка *е* к формам болѥ, мьнѥ и проч., в наречиях: *болѣе, менѣе* и проч.

4. Переход гласных в согласные; а именно:

1) *у* и *ы* в *в* (ъв); напр., *жу-ю жв-ачка, четыре чет-в-еро,* чет-ъв-єро (см. § 24). После шипящих вм. *ы* пишем *и;* потому в форме *шв-ея* от гл. *ши-ть* переходит в *в* не *и,* а *ы* (вм. *шы-ть*); в цс. шьвъ (т. е. шов) — шитье.

2) ѧ в *ьн* и *ьм;* напр., ж-ѧ-ти, (за)ч-ѧ-ти, ꙗ-ти (*жать, за-чать, при-н-ять*)*:* ж-ьн-ѫ и ж-ьм-ѫ, (за)ч-ьн-ѫ, ѥм-л-ѭ (*жну, жму, начну, при-емлю*)*;* см. § 28.

5. Сокращение гласных звуков. Оно особенно оказывается в переходе языка от форм древнейших к позднейшим.

1) В церковнославянском языке; напр., сокращение древнейшего глагола имаамь в позднейший имамь (§ 85); преходящего времени; напр., бѣахъ в бѣхъ или бꙗхъ и проч. (§ 84).

2) В русском языке: а) опущение гласных *о* и *е;* напр., *огонь огня, отецъ отца;* б) переход *и* в *ь;* напр., *братья, друзья* (вм. *братія, друзія*); в) сокращение гласных, на конце слов, в полугласные *й* и *ь;* напр., *рукой* (вм. *рукою*), *одной* (вм. *одною*), *дивлюсь* (вм. *дивлюся*), *брось, пусть* (вм. *броси, пусти*) и проч.; г) опущение гласных в словах, взятых из чужих языков; напр., *Д-и-митрій* и *Д-митрій:* первое употребляется в книжной речи, а второе в обыкновенной, разговорной. — Разговорное *Ерусалимъ* (вм. *Іерусалимъ*) иногда употребляется и в книжном языке; напр., у Батюшкова: „тебѣ сей даръ, пѣвецъ *Ерусалима!*“, II, 9.

3) Самый важный случай сокращения гласных оказывается в переходе древних форм прилагательных полных, образовавшихся помощию уподобления, в позднейшие; напр., добраадго *добраго,* доброуоумоу *доброму,* добрыимъ *добрымъ,* добрыихъ *добрыхъ* и проч. Позднейший церковнославянский язык, равно как и наш книжный, имеет уже только сокращенные формы; напр., добраго, добромоу и проч. Но древнерусский язык и областное просторечие пользуются еще некоторыми полногласными формами; напр., *родимыихъ, удалыимъ* и проч. (§ 99).

Примеч. 4. В древнем языке цс. и русск.: 1) приставка гласных: в слове исполинъ или исполъ, вм. древнейшего сполинъ, мн. ч. споли (в Супр. рук., в Парем. 1271 г.), от собственного имени народа Spalei (§ 152). — 2) Опущение гласных; особенно важно в словах рало, ратаи, употребляющихся уже в древнейших памятниках, от гл. орати (см. Прилож.); и доселе как в великорусск., так и в украинск. употребляется *рало* вм. *орало.* — В областном просторечии: 1) приставка гласных, как в северном новг. наречии, так и в украинск. Напр., в пск. *авсегда, авчера, ильзя, индравъ;* в пск. и тверск. *ильнище, ильнуть,* вм. *всегда, вчера, льзя, нравъ, льнище, льнуть;* в украинск. *изъ, икъ, иржа, иржати,* вм. *съ (зъ), къ, ржавчина, ржать;* уже в Волынск. ев. XIV в. ис нимь

вм. съ нимь. Вообще в великорусск. просторечии: *овторникъ* или *авторникъ, аржаной, алляной,* вм. *вторникъ, ржаной, льняной* (в Жит. Феодос. XII в. въ сѣмени льнанѣмь); в Сл. о полку Игор. *аркучи* вм. *ркучи* (говоря). 2) Опущение гласных: особенно в украинск. опущение *и* в начале слов; напр., *Гнатъ, голка, грати,* вм. *Игнатъ* (Игнатій), *иголка, играти;* то же в украинск. *ще* вм. *еще, мати* (польск. *мацъ*) вм. *имать, имѣть*; слич. в яросл. *му, мешь* и т. д., вм. *иму, имешь* и т. д., то есть имею, имеешь. В слове *серьга* (уже у Скорины в переводе Библ. кн. 1517 г. *серга*) опущен в начале звук *и,* заменивший первоначальное *у:* оусерѧзь, в Лексик. Памвы Берынды 1653 г. исерага; в великорусск. обл. яз., волог., пермск. *исерьга.*

6. Сокращение целых слогов. В древнерусск. глаголы продолж. вида могли сокращать *-ыва-* в *-у-*; напр., *разсказуетъ, написуетъ,* как и теперь употребляют: *обязуюсь, испытуемый,* вм. *обязываюсь, испытываемый.*

2. О СОГЛАСНЫХ

§ 31[11]. Согласные звуки делятся на плавные и твердые. Плавные суть *л, м, н* и *р.* Остальные относятся к твердым. Из числа последних звуки *в, г* (*h*), *с* и *j* (смягчающий гласные *а, у* и др. в *я, ю* и в др.) называются придыханиями (§ 32). Как твердые, так и плавные звуки подразделяются по органам произношения: 1) на губные: *б, п, ф, в, м;* 2) гортанные: *г* (*g*), *к, х;* 3) зубные: *д, т, ѳ, з, с, ц;* 4) небные: *ж (жд), ч, ш, щ (шт);* 5) язычные: *р, л;* и 6) носовые, к которым принадлежит *н* (*м*). Звуки *з, с, ц,* в отличие от *д, т, ѳ,* именуются свистящими, в соответствие шипящим: *ж, ч, ш, щ.*

Гласные, принимая свойства согласных, заметнее отличаются по органам произношения: *и* (через *j*, как по французскому, так и по немецкому выговору) относится к небным, *у* (переходящее в *в*) к губным, ѫ и ѧ к носовым.

Между звуками каждого органа должно отличать звучные (mediae, средние) от отзвучных (tenues, тонкие); звуки: *б, г, д, ж, з* суть звучные; им соответствуют отзвучные: *п, к, т, ш, с:* что̀ явствует из нашего произношения, заменяющего звуки звучные отзвучными в конце слов при полугласных *ъ* и *ь;* напр., *групъ* вм. *грубъ, друкъ* вм. *другъ, дѣтъ* вм. *дѣдъ, дрошъ* вм. *дрожь, восъ* вм. *возъ.* От звучных и отзвучных звуков отличаются придыхательные: *ф, ѳ* и *х,* означаемые, в латинском алфавите, сочетанием тонких *p, t, c* (т. е. *k*) с придыханием *h;* а именно: *ph* (ф), *th* (ѳ), *ch* (х).

Звуки одного органа называются одноименными, а звуки одной степени, т. е. звучные, отзвучные и придыхательные, — одностепенными.

1. В образовании слов обыкновенно одноименные переходят друг в друга; напр., бьчела (в О. ев.), бъчела (в Изб. Свят. 1073 г.),

украинск. *бджола* или *бжола* в наше *пчела;* книга (в Мин. XI в., в Кормч. 1282 г.) и наше *книга; вередить* (от врѣдъ) и *бередить;* в западн. слав. наречиях *патрить (патршиць)** и у нас *мотрѣть (смотрѣть, смотрити); пасха, крестъ,* и в просторечии *паска, хрестъ;* уже в Изб. Свят. 1073 г. вм. крьстити — христити (вероятно, по сближению с именем Христосъ). *Что* по областным наречиям переходит в *што* (в моск.) и в *що* или *щё* (в украинск., волог., костр., пск., тверск., калужск., орл., тамб.).

Примеч. 1. В Толк. псалт. XII и в Сербск. требн. 1423 г. що; в Смол. гр. 1229 г. и в полоцк. гр. около 1300 г. што; в Лексик. Памвы Берынды по Кутеинск. изд. 1653 г. что: што, що.

Звуку щ собственно русских памятников соответствует шт — болгарских и сербских. Напр., в Супр. рук. хоштѫ, в О. ев. хощѫ. Впрочем, по влиянию болгарских подлинников, в древнейших русск. рук. встречается и шт вм. щ, частию в О. ев. и в др., но особенно в Изб. Свят. 1073 г.

Примеч. 2[12]. В областном языке обоюдный переход одностепенных: в украинск. *куля* вм. *пуля;* в украинск., пск., олон. *гля* вм. *для;* особенно замечателен в украинск. переход *к* в *с*, в словах: *ласощи* и *лакоты* — лакомство, при прилаг. *ласый — лак-омый,* гл. *ла́совати.* Слич. *влак-но* и *власъ, волосъ.* См. Прилож.

2. Буквы *ф* и ѳ употребляются только в иностранных словах. Первой соответствует греч. φ, лат. *f* и *ph*, а второй — греч. ϑ, лат. *th*; напр., *философія, фигура, каѳедра* — греч. φιλοσοφία, κάϑεδρα, лат. philosophia, figura, cathedra. Впрочем, в произношении русск. язык не чуждается звука *ф*, заменяя им *в* перед *к, т* и на конце слов; напр., произносят *фторникъ, фкомъ, столофъ,* вм. *вторникъ, въ комъ, столовъ.* В произношении ѳ смешивается с *ф;* потому некоторые пишут: *Федоръ, Афанасій,* вм. *Ѳедоръ, Аѳанасій.* В некоторых иностр. словах буква ѳ произнесена у нас как *т;* напр., *театръ* вм. *ѳеатръ;* в народном языке *темьянъ* (и в древнем, напр. у Дан. Паломн. по сп. XV в.) вм. *ѳиміамъ;* замечательно в Галицк. ев. 1143 г. голгота вм. голгода (греч. γολγοϑᾶ).

Примеч. 3. В обл. языке *ф* переходит: 1) в *п*; напр., украинск. *сапьянъ — сафьянъ;* 2) в *х*; напр., *Хлоръ — Флоръ,* собств. имя; в украинск. *Хараонъ — Фараонъ;* 3) в *хв;* напр., в пск., тверск. *хворсъ — форсъ,* но особенно в украинск. *хвертъ, хвига — фертъ, фига.* Слово *кварта* в ворон. произносится *хварта,* и потом *хв* переходит в *ф,* в сиб. *фарта.* Точно так же *Тихвинъ* в просторечии произносится *Тифинъ;* в украинск. *форостъ, фалыты,* вм. *хворостъ, хвалити.* В лет. *Тферь* вм. *Тверь.* — Слово *просфора* — в древнерусск., как и доселе в украинск. *проскура,* в великорусск. *просвира.*

---

* Ср. современную чешскую форму patřiti, современную польскую — patrzeć. *(Ред.)*

3. В произношении отзвучные одного органа перед звучными другого изменяются в звучные, и наоборот; напр., *здѣлать* вм. *сдѣлать, коропка* вм. *коробка.* Правописание в таких формах следует производству слов, а не произношению. Впрочем, вследствие выговора, удержались и в правописании: *гдѣ* вм. *кдѣ*, цс. къдє, *здѣсь* вм. *сдѣсь,* от цс. сьдє; *здоровъ* — цс. съдравъ. Такое изменение звуков называется уподоблением. В древнем церковнославянском и древнерусском языках правописание бо́льшею частию подчинялось, в этом случае, выговору; потому, напр. в О. ев., встречаем: беспечали вм. безъ печали, беспорока вм. безъ порока и проч. При этом происходит иногда сокращение и выпуск звуков; напр., в Ев. XII в. бещадъ вм. безъчадъ, в Изб. 1073 г. бечьстые вм. безъчьстыє; очень обыкновенно вообще в древних памятниках: исхнѫти, исѣщи, ичисти, ищисти, вм. изъсъхнѫти, изъсѣщи, изъчисти и мн. др. В Смол. гр. 1229 г. искоюго вм. изъ своюго, в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. ищехъ вм. изъ чехъ (из чехов).

Примеч. 4. В русск. выговоре *к* перед *т* переходит в *х;* напр., вм. *кто* — *хто* (уже в Паис. сб. XIV в.).

В нынешнем русском правописании принято изменять букву *з* на *с:* в предлогах *воз-, из-, низ-* и *раз-,* перед *п, к, т* и перед придыхательным *х;* напр., *востокъ* вм. *воз-токъ* (*востекать,* т. е. восходить), *исключать* вм. *из-ключать* (*ключать, за-ключать*), *ниспадать* вм. *низ-падать, раскатъ* вм. *раз-катъ;* в предлогах же *без-* и *чрез-* или *через-*, перед теми же звуками, принято оставлять букву *з;* напр., *безпокоить, черезполосный.* Старинные писцы в этом случае были последовательнее нас.

Примеч. 5. Замечательное изменение отзвучных в звучные предлагают украинск. предлоги: *видъ* или *одъ, изъ* или *зъ*, вм. *отъ, съ.*

§ 32[13]. Придыхания и звуки плавные составляют более подвижную и легкую часть согласных, служа как бы переходом от гласных к согласным твердым.

А. О придыханиях должно заметить следующее:

1. Самое обширное значение, в церковнославянском и русском, получило придыхание *і* (*j*). Оно имеет способность смягчать как гласные звуки, приставляясь перед ними; напр., *а* в *я* (ꙗ, і + а, см. § 26), так и согласные, следуя за ними; напр., *богъ, бож-ій.* Смягчительная сила этого звука оказывается и в сокращениях его: *ь* и *й,* из которых первое смягчает согласные, за которыми следует; напр., *бог-ъ,* цс. бож-ь-ство, русск. *бож-е-ство; Авраам-ъ,* прилаг. *Авраамл-ь;* а второе — гласные, перед которыми оказывается; напр., *поко-й,* род. пад. *поко-я* (вм. *поко-й* + *а*), дат. *поко-ю* (вм. *поко-й* + *у*).

Букву *ь*, в качестве придыхания, или йота (*j*), должно отличать от простого краткого *и*, переходящего тоже в *ь*, как напр. в форме *буд-ь*, сократившейся из *буд-и*. Придыхательное *ь* всегда смягчает звуки согласные, к которым прилагается, но на письме большею частию не означается особою буквою, а сливается с смягченным согласным звуком; напр., *люб-ить любл-ю* вм. *любь-ю, свѣт-ить свѣщ-а* или *свѣч-а* вм. *свѣть-а* (иначе *любj-ю, свѣтj-а*). Смягчение гласных и согласных посредством йота *j* (или *ь*) именуется йотациею, а смягченные звуки — йотированными (§§ 34 и след.).

Звук *й* часто бывает остатком мягкого гласного; напр., *мое-й* вм. *мое-я* (т. е. *мое-j-а*, или *мое-й-а*), *истино-й* вм. *истино-ю* (т. е. *истино-j-у*, или *истино-й-у*). Впрочем, в иных случаях, *й*, так же как и *ь*, есть только краткое *и*; напр., в повелит. наклонении: *по-й*, в соответствии краткому *ь*: *будь* вм. *буди* (§ 25).

Переход *j* в *ж*, в слове *жидъ* (вм. *иудей*), относится к древнейшим временам, потому что формы жидовинъ, жидовьскы встречаются уже в церковнославянских памятниках XI в.

Примеч. 1. Равномерно и *з* может переходить в придыхания, именно в *j* и в *в*; напр., *зерцало* — в пск., тверск. *ярцало* (вм. *ерцало*), в украинск. *верцадло* (в польск. *зерцадло*).

2. Звук *в*, подобно придыханию *і* (*j*), приставляется и вставляется для благозвучия. Как в словах: ꙗзъ, *ягненокъ*, вм. азъ, *агнецъ* (§ 26), приставляется *і* к *а*; так и *в* приставляется к *о*, в речениях: *в-оспа, в-осемь, в-отчимъ, в-острый*, вм. *оспа, осмь, отчимъ, острый*. Вставкою между гласными, звуки *в* и *і* также соответствуют друг другу; напр., да-ати, откуда *да-в-ать да-в-аніе* и *да-і-ати да-і-аніе* (т. е. даꙗти даꙗнїє); одѣ-ати *одѣ-в-ать* и *одѣ-і-ати одѣ-і-аніе* (т. е. одѣꙗти одѣꙗнїє). Из предложенных здесь форм явствует, что русск. язык предпочитает придыхание *в*. Потому речения: *одѣяніе, даяніе*, как остатки цс. языка, употребительнее в речи книжной; потому же прилагательное *вострый* преимущественно имеет значение вещественное, а *острый* — нравственное; если же последнее и употребляется вм. *вострый*, то не в простой, а в книжной речи.

Примеч. 2. В древнем языке: в Григ. Богосл. XI в., в Толк. псалт. XII в. ржковать вм. ржкоꙗть; в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. тивоунь (в др. сп. тиоунь, у Нестора в Жит. Феодос. XII в. тиоуны); в Скитск. патер. 1296 г. одѣвало вм. одѣꙗло; в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. *Вольга* вм. *Ольга;* в Волынск. ев. XIV в. вовцамь вм. овьцамь, иваноу, а в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сп. XIV в. ѿ ивана (вм. Їоанноу, ѿ Їоанна). Особенно после предлога *у*: в Юрид. акт. новг. XIV в. *у Выгната* — *у Игнатія;* в Хроногр. 1494 г. оу восла — *у осла;* в Домостр. Сильвестр. XVI в. *у вучениковъ* — *у учениковъ*. В Послов. 1714 г. *язувитъ* — *іезуитъ*. В современном обл. языке: в украинск.: 1) в начале слов: напр., *вусы, вухо, винъ вона́ воно́, вичи, вивьця*, вм. *усы, ухо, он она оно, очи, овца;* 2) среди слов: *павукъ* вм. *паукъ*, особенно вм. *j*: *зативы*

вм. *затѣи* (т. е. *затѣ-j-и*), *чувати* вм. *чуяти*. — В великорусск. 1) В начале слов: в пск. *вохать* — *охать*, в ряз. *вочи* — *очи*, в олон. *вьюношъ* — *юношъ* (юноша), *возеро* — *озеро*, Кал. I, 288. 2) Среди слов: в влад. *хавосъ* — *хаосъ*. 3) В сложных словах перед гласным звуком второго члена: в арх. *руко-в-ядь* (вм. *руко-в-ять*) — рукоятка; в пск., тверск. *мясо-в-ѣдъ* — *мясоѣдъ*, в влад. *сыро-в-ѣга* — *сыроѣга* или *сыроѣжка*. — Так же образовались *мед-в-ѣдь* и *можжевельникъ* вм. *меже-в-ельникъ*, от древнего *меже-ельникъ*, т. е. растущий между ельником.

Частица *вотъ* произошла от древней *ото* с придыханием *в*; *ото* соответствует древней же частице *осе*; напр., в лет. по Лавр. сп. 1377 г. „*ото* Давыдъ“ — „*осе* есмь“.

Примеч. 3. Собственно в цс. ѥсе вм. *осе;* напр., у Григ. Богосл. XI в. ѥсе вода; в Супр. рук. ѥсе твоѥ (т. е. вот вода, вот твое). Как *ото* переходит в *вотъ*, так и *осе* в обл. *восе*, в пск.; оттуда *вось, воська* — тоже вот, авось; *восейка* или *вусейка* — указание на время, на недавно (в пенз., тамб.). В песн. „*вось* погуторитъ со мной“, Чулк., V, № 86. В украинск. *отъ* и *ось* вм. великорусск. *вотъ* и *вось;* в ворон. сказк. *онъ* — вон, Афанас., V, 9. В хорут. *ото* — вот.

Звуки *в* и *j* переходят друг в друга; напр., *кравчій* и *крайчій;* наречия *домой* и *долой* образовались из дат. пад. ед. ч. домови и долови, через древние формы *домовь* и *доловь*. В украинск. и доселе *доливъ* (вм. *домовь*) — домой. Так же, вероятно, образовалось *Дунай* от древн. *Дунавъ* (уже в Супр. рук.) и *Дунаво* через *Дунавь*.

Примеч. 4. В Злат. цепи XIV в., в Пчеле тоже XIV в. *домовь* вм. *домой;* в Пск. лет. XVI в. *доловъ* вм. *долой;* слич. в обл. языке, в пск., тверск. *бóливъ, опóслѣвъ*, вероятно, вм. *болѣй, опослѣй*. В начале слов; напр., украинск. *вулица* и *юлица* вм. *улица;* украинск. *янголъ*, смол. *вангелъ* вм. *ангелъ*, Кал., I, 595.

3. Звук *г* (*h*) состоит в связи с придыханиями *і* и *в*; потому: 1) *г* переходит в *і*; напр., *Георгій*, через старинную форму *Гюрги* или *Гю́ргій* (Новг., Ипат. лет.) переходит в *Юрій*; и наоборот, *і* (*j*) переходит в *г*; напр., *генварь* (уже в церк. книгах XII—XIV в., в Лет. по Лавр. сп. 1377 г.) вм. *енварь* (*іенварь* вм. *январь*), как встречается в О. ев. єноуара, род. пад. ед. ч.; 2) в произношении *г* переходит в *в*, именно в род. пад. ед. числа муж. и ср. р. прилагательных и местоимений; напр., *доброва* или *добрава*, *чево*, вм. *добраго, чего*. Правописание, в этом случае, уклоняется от выговора.

Примеч. 5. В О. ев. придыхание *г* употребляется в следующем случае: когда греч. υ, в значении согласного звука, находится перед гласными в греч. и еврейск. именах, тогда, для облегчения такого стечения звуков, славяне вставляли после υ (*в*) придыхание *г*; оттого греч. λευῖτας, παρασκευή в О. ев. переложены: левьгиты, параскеѵги. Точно так же в древнем цс. языке имя Εὔα

пишется Євга (вм. Єва), откуда прилаг. Євжинь. Ныне принято писать *Евва.* Опущение *г* в древнерусск.: в Паис. сб. XIV в. арханиломъ вм. *архангеломъ,* в Повести об Акире Премудр. по сп. XV в. осподинь вм. *господинъ;* в Софийск. врем. XVI в. *оспожино* вм. *госпожино* (откуда народное *спожинки* — успенск. пост); в Домостр. Сильвестр. *княиня* вм. *княгиня.* См. Хр. В современном языке, приставка придыхания *г,* особенно в украинск., в начале слов: *Ганна, гáнусъ, гарбýзъ* (тыква), *гармáта* (пушка), *гáспидъ, горихъ,* вм. *Анна, анисъ, арбузъ, армата, аспидъ, орехъ,* в белорусск. *гето* вм. *это.* Опущение *г* в пермск. и вообще в сиб. *осударь* вм. *государь.* Иногда в великорусск. вм. *г (h)* употребляется придыхание *х,* напр. в олон. *халчный* вм. *алчный.* В слове *гусеница г* придыхание, как это явствует из древних форм жсеница и юсеница.

Примеч. 6. Соответствие придыханий *в* и *г* означилось: 1) по славянским наречиям, из которых в одних господствует *в,* как в польск., перед носовыми, напр. *венгель, вантроба,* вм. *уголь* *, *утроба,* в вымершем древанском: *вотрикъ, вичеса,* вм. *отрокъ, очеса;* в других *г,* как в луж.: *гокно, гузда,* вм. *окно, узда;* 2) по наречиям русск. языка: в великорусск. господствует *в,* напр. по областным говорам (напр., в нижег.) *восподь, восподинъ восударь,* вм. *господь, господинъ, государь; вострый, воробей,* в противоположность украинскому, в котором *г: гострый, горобéць;* 3) по говорам великорусск. наречия: род. пад. ед. ч. местоим. и прилаг. в ряз., олон., частию в новг. на *-ого, -его, -аго;* в арх., волог., нижег., влад., моск. на *-ово, -ево, -аво, -ёва.*

Примеч. 7. По разным наречиям русск. языка местоимение *онъ* принимает придыхания *j, в* и *г;* напр., в олон., смол. *енъ* (т. е. *iонъ*), в тульск. *вонъ,* в украинск. *винъ, вона, воно,* в белорусск. *гонъ.*

Примеч. 8. Сверх *в* и *г (h),* должно упомянуть еще о придыхании *с.* Оно весьма важно для сличения славянского языка с прочими родственными (см. Приложение); но мало заметно в историческом развитии церковнославянского и русского. Впрочем, некоторые русские формы могут быть объяснены им; напр., областная *мотрѣть* с опущением придыхания *с,* вместо общепринятой, с этим придыханием: *с-мотрѣть.*

§ 33 [14]**.** Б. О плавных должно заметить следующее:

1. Они приставляются и вставляются для благозвучия. А именно: 1) *н;* напр., *отъ н-его, в-н-утрь,* от корня *утр-* цс. ѫтр-, откуда *утр-о-ба; за-н-ять при-н-ять об-н-ять* (при церковнослав. формах прїѧти, обѧти), т. е. с предлогами, глагол *ять* цс. ѩти; 2) употребляются для смягчения твердых согласных, именно *л* — для смягчения губных (§ 35); 3) соответствуют придыханиям, именно *л* — придыханиям *в* и *j.* Напр., *свобода* (от местоим. *свой*) и *слобода,* не только в великорусск. (уже в XIV в. в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб.), но и в украинск., сербск. Общеупотре-

* Исправлено в соответствии с польской формой *венгель* (węgiel). В предшествующих изданиях *уголъ. (Ред.)*

бительной форме *бояринъ* соответствует древнейшая болѩринъ (в Изб. Свят. 1073 г., в Супр. рук.).

Примеч. 1. В областном просторечии: *ледва* (в смол.), *ледвѣ* (в тульск.; слич. польск. *ледве, ледво*) вм. *едва;* в тамб., орл., пск. *ской, ай,* вм. *сколь, аль;* в костр. *щавей* вм. *щавель;* в олон. *заржай* вм. *заржалъ*, Рыбн., I, 302, 303; и наоборот, в арх. *горносталь* вм. *горностай;* замечательна в украинск. придача *гн* в слове *гнузда* вм. *узда*.

2. Находясь между согласным звуком и гласным мягким, плавные пропускают через себя смягчающее действие последнего на первый; напр., *вес-н-а веш-н-ій, мыс-л-ить мыш-л-еніе, Прѣмыс-лъ* прилаг. *Прѣмыш-л-ь, остр-и-ть из-ощ-р-ять.* Такое же свойство оказывается и в придыхании *в;* напр., *мерт-в-ить у-мерщ-вл-ять,* болх-в-ъ, зват. пад. ед. ч. болш-в-е, им. пад. мн. ч. болс-в-и (§§ 36 и 37).

3. Плавные переходят друг в друга; а именно: 1) *м* в *н;* в носовых ѫ и ѧ древнейшее *м* перешло в позднейшее *н,* как это в бо́льшей очевидности сохранилось у нас в формах с буквою ѧ. Напр., ѩ-ти *ем-лю;* жѧ-ти жьм-ѫ и жьн-ѫ; в цс. дѫ-ти дъм-ѫ, откуда прич. дъм-енъ (*на-дменный);* в тверск. *задми, задмилъ* (от *задуть*). — 2) *р* в *л*; напр., *феврарь* (februarius, в О. ев. февруарь) *февраль, крикъ кликъ, крюкъ клюка, прорубь* (от глагола *рубить,* с предлогом *про*) *пролубь;* и наоборот, *л* переходит в *р;* напр., *верблюдъ* вм. *вельблюдъ,* в О. ев. вельбѫдъ; 3) *р* переходит в *н;* напр. принято писать: ярмарка (от нем. jahrmarkt), вместо употребляемой в разговоре формы: *ярманка* или *ярмонка* (в Юрид. акт. 1680 г. *съ ярманки,* см. Хр.).

4. Плавные заступают место твердых; напр., *сентябрь* вм. древнего септѧбрь (september) через древнейшее *семтябрь,* напр. в Прол. XIII в.; и наоборот, твердые вм. плавных; напр., *блинъ* вм. древн. цс. млинъ; украинск. *млинець;* у Нест. по Лавр. сп. *Бохъмитъ* вм. *Мохъмитъ,* т. е. *Магометъ.*

Примеч. 2. В древн. памятниках: 1) обоюдный переход *р* и *л:* вм. вльколакь или *волкодлакъ* (оборотень в волка), в Номокан. по изд. в Киево-Печ. монаст. 1624 г. вѹркѹлакь, согласно с болг. *врколокъ*; см. Хр.; 2) обоюдный переход *м* и *н:* от ѩтьмы прилаг. ѩтьмѣнь и ѩтьнѣнь, откуда наше *ячьный;* оусмию и оусние — кожа; пѣсница и пѣсми-ца — псалтырь, согласно с сербск. *пѣсме* — песни; вм. *жемчугъ,* в древн. языке постоянно *женьчюгъ*, напр. у Кир. Тур. по сп. XIII в., в Сл. о полку Игор., в Новг. лет. XIV в.; народное *темьянъ,* уже у Дан. Паломн. по сп. XV в., вм. *ѳиміамъ.*

Примеч. 3[15]. В рассуждении плавных, должно заметить следующие случаи, в которых оказываются общие свойства этих звуков, в применении к местным наречиям русского языка; а именно: 1) Согласные твердые переходят в плавные, и притом: а) губные в губной же *м*; напр., *птаха, птица, пчела, колыбель, берлога* — в костр., нижег. *мтаха, мтица,* в костр. *мчела,*

в олон. *коломелъ*, в пск., тверск. *мерлогъ*. (Карамзин советует Дмитриеву в одном из его стихотворений „вмѣсто *мерлоги* поставить берлогу". Письма Карамз. к Дмитр. 344.) В Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб. XIV в. безможнымь вм. *безбожнымъ;* б) зубные *д* и *т* в язычный *р;* напр., *свадьба, этакъ, эдакъ* — и новг. *сварьба; эракъ* в стихе об Алексее божьем человеке по рук. Рум. муз.: „поставилъ бы я келью не такую, и еще не въ *эракомъ* я мѣстѣ". В наименовании русского писателя XI в. в Новгороде *Лука Жидята* и *Жирята.* 2) Плавные переходят друг в друга, и притом: а) *м* в *н: земь* (земля) — в новг. и в других северных *зень*, пск., тверск. *на згнь*, олон. *на зени, о зень*, Рыбн., II, 98; I, 304; в пск., тверск. *вздымъ* и *вздынъ* — подъем (слич. гл. *вздымати*), *не зань* вм. *не замь*, т. е. *не замай* — не тронь; в арх. *суночка* вм. *сумочка*, в арх. *клейно* вм. *клеймо;* в украинск. *сеньга, сунка*, вм. *семга, сумка;* б) наоборот, *н* в *м*, впрочем реже; напр., в пск., тверск. *хмыкать* вм. *хныкать*, в нижег., сиб. *мырять* вм. *нырять;* в) *н* в *л;* напр., *племянникъ, оконница, мошенникъ* — и пск. *племяльникъ*, олон. *околница*, Рыбн., II, 343; украинск. *мошельникъ; сомнѣніе* в украинск., и вообще в великорусск. просторечии *сумленіе;* г) *р* в *н;* напр., *рекрутъ* — и в украинск., и вообще в великорусск. просторечии *некрутъ;* д) *р* в *л;* напр., срѣбро, *серебро, рыцарь* — и украинск. *срибло, лыцарь; коридоръ, секретарь* и в просторечии *колидоръ, секлетарь; перепелка* и в песне XVII в. *пелепелка.* См. Хр. Если слово *ярманка* перешло на север из Украины, то *н* — вм. *л*, ибо в украинск. *ярмалка*, а украинск. *л* от *р* в слове иностранном; если же наоборот, то *н* перешло в *л*. 3) Плавный *м* и придых. *в*, оба губные, переходят друг в друга; напр., *комната* и украинск. *кивната; много, мимо* — в новг., тверск., нижег. *вного*, в пск. *выма;* и наоборот: *внукъ, сверчокъ* — в нижег. *мнукъ*, в пск., тверск. *смерчекъ.* 4) *р* переходит в *в:* цс. скрозѣ и сквозѣ, областное великорусск. *скрозь* и *сквозь; храбруетъ* и смол. *хвабрусть*, Кал., I, 595; 5) *л* в *в* и потом через *в* в *у*, не только в украинск., белорусск., но и в великорусск. по местн. наречиям. Напр., в украинск.: *вивкъ, човнъ, шовкъ, купивъ, павъ*, вм. *волкъ, чолнъ, шолкъ, купилъ, палъ;* в белорусск.: *жиу, пошоу, давау*, вм. *жилъ, пошолъ, давалъ.* Из наречий великорусск., особенно в волог.: *поймау, соунышко, братеуко*, вм. *поймалъ, солнышко, брателко.* Там же из формы *болтать* — *боутать*, и потом сокращенно *ботать.*

Примеч. 4. Свойства придыханий и плавных, замеченные здесь в областных видоизменениях русского языка, оказываются, в больших размерах, в историческом образовании прочих родственных языков. (См. Прилож.) Что же касается до прочих славянских наречий, то важнейшие случаи обоюдного перехода этих звуков следующие: 1) *в* в *м:* в сербск. *волем* (волею, твор. пад. ед. ч. от *воля*) и в древнесербск. *воловь;* в древнесербск. *вѣровь* и *вѣромь, всяковь* вм. *всаком*, т. е. всякою; 2) *м* и *н:* в чешск. *недвѣд* вм. *медвѣдь*, и наоборот *мрав* вм. *нравъ;* 3) *н* переходит в *л:* в сербск. после *м;* напр., *много* и *млого, знаменье* и *зламенье;* 4) *р* в *л:* в польск. *Мальгоржата* — Margareta, *цырулик* — chirurgus, откуда наше *цырульникъ*, через древнее *цырулікъ*, которое встречается, напр., в русск. переводе с польск. в „Выданіи о добронравіи", в Сб. XVII в. (см. Хр., ст. 1416); 5) *л* переходит в гласный звук: в сербск. в *о;* напр., *писао* вм. *писалъ;* потому после *о* опускается: *соко* вм. *соколъ, моба* вм. *мольба;* а также *л* переходит

в сербск. в *у;* напр., *муня, дуг, вук,* вм. мльниꙗ, длъгъ, влькъ, или за выпуском *ъ,* вм. *млнiя, длг, влк.*

§ 34. Изменение согласных звуков зависит от сочетания их или с гласными, или между собою. В первом случае должно обратить внимание на закон смягчения согласных (§§ 35, 36 и 37), во втором — на перемены, претерпеваемые согласными при их стечении (§ 38).

Важнейший закон, которому подчиняется в церковнославянском и русском языках употребление согласных звуков, есть закон смягчения их перед гласными мягкими, при содействии придыхания *i* (*j*), которым облекаются последние звуки (§§ 26 и 32). Закон смягчения видоизменяется по характеру смягчающихся согласных звуков, различаемых по органам. Смягчаются согласные: А) губные, Б) зубные и В) гортанные. При этом должно заметить то существенное различие между этими звуками, что гортанные не могут сочетаться ни с одним из тонких гласных звуков, и при каждом из них смягчаются; напр., *бог-ъ, бож-е, боз-и, о боз-ѣ, божь-ство;* губные же и язычные сочетаются со всеми тонкими гласными; напр., *черв-ь, черв-я, черв-и, о черв-ѣ, господ-ь, господ-и, о господ-ѣ,* и только в одном известном случае подчиняются закону смягчения, именно тогда, когда с ними сливается в один звук придыхательное *ь* или *j* (§ 32), причем смягченные согласные могут сочетаться уже и с твердыми гласными. Напр., *свѣт-ъ свѣщ-а свѣч-а* (вм. *свѣтj-а** или *свѣть-а*). Что губные и гортанные звуки подчиняются одному общему закону, явствует из спряжения:

	люби-ти	ходи-ти
	любл-ѭ	хожд-ѫ, *хожу*
	люби-ши	ходи-ши
	люб-ѧ-ть	ход-ѧ-ть
Прич.	любл-ѥ-нъ	хожд-ѥ-нъ, *хож-е-нъ.*

Примеч. В чешск. и польск. смягчается *р* звуком *рж;* напр., *морже, тваржь, писаржь,* вм. *море, тварь, писарь;* и даже одним звуком *ж;* напр., польск. *жебро* вм. *ребро.*

§ 35. А) Губные звуки *б, п, ф, в* и *м,* смягчаясь посредством йотации (§ 32), принимают после себя звук *л,* переходя таким образом в звуки: *бл, пл, фл, вл* и *мл;* напр., *люб-ить любл-ю, воп-ить вопл-ь, потраф-ить потрафл-ю, кров-ъ кровл-я, зем-ной земл-я, Авраам-ъ* прилаг. *Авраамл-ь.* Так как звук *л* здесь соответствует смягчающему *j* (*ь*), то в некоторых древнейших памятниках церковнославянских губные звуки

* Исправлено. В предшествующих изданиях *свѣ-ja. (Ред.)*

смягчаются, вместо плавного *л,* звуком *ь,* как это явствует из следующих форм в Супр. рук.: любьѫ вм. *люблю,* погоубьѫ вм. *погублю,* славьѫ вм. *славлю,* ꙃемьѫ вм. *землю,* благословьенъ вм. *благословленъ,* въскръмьенъ вм. *вскормленъ* и проч. Впрочем, в О. ев. встречаем формы, уже постоянно смягченные звуком *л*: люблѭ, ꙃемлѭ, благословлєнъ и проч. Русский язык хотя также постоянно смягчает губные звуком *л,* однако в некоторых случаях отступает от этого закона; напр., употребляет в просторечии: *корабь* вм. *корабль, журавь* вм. *журавль,* а форму *земь* вм. *земля* допускает и в книжном языке; напр., *на-земь, о-земь.* В таких формах русский язык встречается с законом смягчения губных, замеченным в Супр. рук., где находим не только на ꙃеми вм. *на землѣ,* но и корабьи, корабьꙗ, вм. *корабли, корабля.* В древреболг. вообще господствует форма ꙃемꙗ вм. *земля;* напр., в Парем. XII в. (см. Хр); в Болг. сб. 1345 г. на ꙃеми.

Глаголы *кайм-ить* и *клейм-ить* имеют *кайм-ю* и *клейм-ю* (вм. *каймл-ю, клеймл-ю*).

Примеч. Смягчением губных помощию плавного *л* славянские наречия юго-восточные отличаются от западных. В юго-восточных: *корабль, земля, ловленъ, топленъ* и проч.; в западных: *корабь, земе, ловенъ, топенъ* и проч. В сербск. даже сильнее, чем в русск., господствует это смягчение; напр., *копле, безумеле, крвлю,* вм. *копье, безумье, кровью.* — Замечательна смягченная форма ꙁмлиꙗ (вм. ꙁмиꙗ), встречающаяся в О. ев., в Златостр. XII в. — В древнерусск. памятниках — и без смягчения, напр. в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. жеравь вм. *журавль,* и с смягчением, в Сб. XVII в. *муравль* вм. *муравей.* В обл. яз., новг. *скамля* вм. *скамья,* ворон. *буравль, муравли,* вм. *буравъ, муравьи.*

§ 36[16]. Б) Зубные *д* и *т,* посредством йотации, смягчаются в церковнославянском языке в *жд* и *шт* или *щ,* а в русском в *ж* и *ч;* напр., *родити* рождѫ и *рожу,* рождьство и *рожество; ходити* хождѫ и *хожу, предъ прежде* и *преже пережe; хотѣти* хоштѫ или хощѫ и *хочу, свѣтити* свѣшта или свѣща и *свѣча;* летѣти лещѫ или лештѫ и *лечу;* от корня *вѣт* — цс. вѣще (в переводе Прор. по сп. Упиря 1047 г.) и русск. *вѣче; медвѣдь* и прилаг. в цс. медвѣждь, русск. *медвѣжій.*

Примеч. 1. В прочих славянских наречиях *д* и *т* смягчаются: в сербск. в *дь* и *ть;* напр., *медю, ноть* — между, ночь (формы, наглядно объясняющие йотацию: *медј-у, нотј-ь,* как в Супр. рук. любь-ѭ вм. люб*ј*-ѭ); в хорватск. *д* даже в *ј* или *й;* напр., *мею* — между; в чешск. в *з* и *ц;* напр., чешск. *мези* — между, *нузе* * — нужда, *ноць* — ночь, *меци* — мечи, цс. мещи от метати; в польск. *дз* и *ц;* напр., *ѣдзь* — ꙗждь, *пець* — пещи, печь; и вообще в польском преобладают смягченные *дз, ц* вм. *д, т;* напр., *дзяд* — дѣдъ, *цихы* — тихій; в украинск. так же, как и в великорусск. в *ж* и *ч: межу, нужа* (цс. междѫ, нѫжда), *хочу,*

* Форма старая; в современном чешском литературном языке nouze. *(Ред.)*

но в Карпатск. Руси *д* в *дж: меджу, нуджа.* Нашему *чужой* соответствуют: польск. *цудзы,* цс. щоуждь или штоуждь, сербск. *тюд* *; слич. в О. ев. тоуждии.

При изучении русского языка необходимо вникать в отличие смягченных форм русских от церковнославянских, в отличие, проникающее весь состав того и другого языка; так, напр., в образовании прилагательных *надеж-ный, нуж-ный, преж-ній* (а не *надежд-ный, нужд-ный, прежд-ній*), от русских форм: *надёжа, нужа, преже;* в образовании деепричастий: русское окончание деепричастий наст. времени, на *-чи,* соответствует церковнославянскому причастию наст. времени жен. рода на -щи; напр., твор҄ѧщи** *дѣлаючи* (§ 54) и проч.

В историческом отношении о смягчении звуков *д* и *т* должно заметить следующее:

1) Уже в О. ев., по влиянию выговора писца, встречается смягчение русское вместо церковнославянского; напр., прихожѫ вм. прихождѫ, прѣже вм. прѣжде, рожьство вм. рождьство, рожьшоуса вм. рождьшоуса (т. е. *родившемуся*), такоже вм. такожде. — Что касается до древнейших церковнославянских рукописей, писанных вне России, какова Супр. рук., то в них точнее наблюдается церковнославянский закон смягчения зубных.

Примеч. 2. Примеры русск. смягчения в других цс. рукописях, переписанных на Руси: в Изб. 1076 г.: вижь, подажь, одежю, ужжю, печерахъ, вм. виждь, подаждь, одеждѫ, штоуждѫ, пештерахъ; в Галицк. ев. 1143 г.: възданжь, стыжюса, вм. въздаждь, стыжджса; в Ев. 1307 г. хочеть, дъчерь, вм. хощеть, дъщерь (см. Хр.).

2) Древнерусские памятники строже современного книжного языка следуют русскому закону смягчения зубных *д* и *т* в *ж* и *ч*. Так, напр., в них встречаем: *вожь* вм. *вождь*, *переже* вм. *прежде, межю* и *межу* (откуда нынешнее *межъ*) вм. *между, нужа* вм. *нужда* (от *нудить*), *жажа* вм. *жажда* (от *жадати*), *вѣчати, обѣчати* вм. *вѣщати, обѣщати* (от слов: *вѣтъ, обѣтъ*) и проч. Уже у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. употребляются по нынешнему русскому выговору: надежа, одежа (вм. книжных *надежда, одежда*), хочеть, печера, откуда в том же памятнике печерьскый манастырь: и бысть манастырь славьнъ, се же и донынѣ ѥсть печерьскый наричемъ. — Замечательный остаток смягчения *т* в *щ* в древнерусском языке предлагают формы *вѣщій* (эпитет князя Олега и певца Бояна в Сл. о полку Игор.) — и *провѣщать*, в былинах: *провещится* (проговорит).

3) Областное просторечие, в отношении к смягчению зубных в шипящие, стоит ближе к языку древнерусских памятников, нежели к современному книжному; напр., *межу* или *межи, пережe* или *перёжъ, нужа, собча,* вм. *между, прежде, нужда, сообща.*

---

* В современном сербском литературном языке тӯђ. *(Ред.)*

** Исправлено. В предшествующих изданиях творѧщи. *(Ред.)*

4) Позднейший церковнославянский язык, хотя и придерживается закона о смягчении зубных в *жд* и *щ*; однако употребляет многие формы, смягченные и по русскому выговору. Так, напр., в нынешних церковных книгах встречаем: госпожа вм. госпожда (от слова *господь*), кижоу вм. киждѫ и проч. — Как церковнославянский, так и русский закон смягчения иногда оказываются даже в одном и том же слове. Так, напр., в слове *чуждый д* смягчилось в *жд* по церковнославянскому закону, а *т* в *ч* — по русскому.

Примеч. 3. Такое отношение законов, в применении даже к одному речению, восходит ко временам Остромирова евангелия, в котором встречаем, напр., как чисто церковнославянскую форму: щоуждии, так и с русским переходом *д* в *ж* вм. *жд*: щоужии.

5) Современный русский язык, образованный литературно, ближе, во многих случаях, к позднейшему церковнославянскому, нежели к древнерусскому и к нынешнему народному. Он представляет смесь смягченных форм церковнославянских с русскими. Причем должно заметить, что он употребляет: или 1) церковнославянские формы вместо русских; напр., *прежде* вм. *преже, между* вм. *межу, вѣжди* вм. *вѣжи* (от слова *видѣть*), *нужда* вм. *нужа, жажда* вм. *жажа, вѣщать* вм. *вѣчать, смущеніе* вм. *смученіе* (от глагола *мутить*); *общій, община* вм. народных *обчій, обчина;* впрочем, в просторечии, напр. в пск., тверск., говорится и *обча́*, и *обща́*, *общу́ха* — купленное что-либо сообща, арх. *общиться* — соединяться, сообщаться; или 2) русские вм. церковнославянских; напр., *вижу* вм. *вижду*, *клажа* вм. *клажда* (от глагола *кладу*), *кража* вм. *кражда* (от глагола *краду*), *хочу* вм. *хощу, отвѣчать* вм. *отвѣщать* и проч.; или 3) и те и другие; напр., *между* и *межъ, тождество* и *тожество, не вѣжда* и *невѣжа, чуждый* (форма полурусская) и *чужой, со-кращать* и *у-корачивать, помощь* и *помочь* и проч.

Смягченные формы церковнославянские большею частию отличаются, в образованном языке, от русских, как 1) по значению; напр., *гражданинъ* и *горожанинъ, невѣжда* и *невѣжа*; так и 2) по употреблению: принадлежа языку книжному, они более приличны речи искусственной; напр., *вѣщать, услаждать, чуждый, поглощаю* (при русск. форме: *проглочу*) и проч. Впрочем, многие формы стали достоянием языка образованного вообще; каковы, напр., *жажда, нужда, между*; причастия на *-щій;* напр., *дѣлающій, говорящій* и др.

Примеч. 4. В слове *дождь д* смягчается в произношении в *ж* и *ч*: *дожжь, дожчь.* Это свойство восходит своею историею до древнейших памятников русск. письменности. Так, в Галицк. ев. 1143 г. дъжчь вм. дъждь, т. е. дождь; ижченоути вм. иждєнѫти, т. е. *изженутъ* — изгонят. В Лексик. Памвы Берынды 1653 года дожчь. См. Хр.

Примеч. 5. Русский язык, наклонный к смягчению зубных *д* и *т*, по своим наречиям доводит это смягчение до высшей степени, изменяя *д* в *дз* и в *з*, а *т* в *тс* или *ц*. Напр., в белорусском наречии: *дзень* (день), *дзѣдъ* (дед), *будзь* (будь), *тсѣнь* или *цѣнь* (тень), *казаць* (казать) и проч.; в пск., тверск. *ци* вм. *ти* — тебе. Высшей степени смягчения достигает наречие ситкарей, т. е. поселившихся по реке Сити. В этом наречии *д* переходит не только в *дз*, напр. *идзи* вм. *иди*; но даже в придыхание *j*, которое присоединяется к следующему гласному; напр., *ий* (т. е. *иjи* вм. *идзи*, т. е. иди) *гляятѣ* (т. е. *гляjятъ* вм. *глядзятъ*, т. е. глядят). Слич. в олон. *гляй, клай,* вм. *глядь, кладь* (т. е. клади); в курск. *ляй* (вм. *гляй*) — глядь; в калужск. *зля* вм. *для*; в украинск. *яглица* и *дяглица* — дягиль.

Примеч. 6. Смягчение *д* в *жд*, свойственное церковнославянскому языку, уцелело в некоторых областных наречиях русского. Так, напр., в арх. *урождай* вм. *урожай*; пск., тверск., пенз. *забиждать* вм. *забижать*; тверск. *поваждать* — давать повадку или льготу; в сибирском говорится *прихождане* вм. *прихожане*, *неурождай* вм. *неурожай*; в рязанском: *обижда, обиждать,* вм. *обида, обижать*. Особенно любопытен в областном языке остаток раннего цс. смягчения *жд* вм. *жж* в олон. *прiѣждялъ, проѣждялъ* и т. д., Рыбн., II, 253, 255.

Со смягчением зубных *д* и *т* находятся в связи следующие особенности в изменении согласных:

1) Звуки *д* и *т*, соединяясь с *с*, переходят, вместе с последним, в *ц*; напр., в старинном языке: *цка* (вм. *дска*, т. е. доска), *посацкiй* (вм. *посадскiй*), *Полоцкъ* (вм. *Полотскъ*). На письме следуем в этом случае производству, а не выговору; потому пишем: *кадет-скiй* (а не *кадецкiй*), *вологод-скiй* (а не *вологоцскiй*) и проч.; но в собственном имени: *Полоцкъ* следуем на письме произношению. В числительных: *два-дцать, пят-на-дцать* и проч., принято удерживать *д*, образовавшееся из *дс: дцать*, т. е. *дсять*, вм. *десять*. Тем же путем местоимение *ся* в глаголах после *т* переходит, в выговоре, в *ця* или *ца*, или одно, или вместе с *т*; напр., *стараетца* и *стараецца*, вм. *старается*.

Примеч. 7. Уже в Ев. 1307 г. вм. цс. надесате встречаются и переходная форма надьсѧть, в числ. дванадьсѧть, и форма русская *надцать,* с *ь*: надьцѧть; в числ. обѣма надьцѧть. — У Дан. Паломн. по сп. XV в. ражаетцѧ, ѕоветцѧ, вм. *раждается, зовется*; в песне начала XVII в. *сплачетца* вм. *всплачется*. См. Хр.

2) Сочетание звуков *зж*, в некоторых формах, заимствованных из церковнославянского языка, переходит в *жд*; напр., *вожделѣнный* вм. *возжелѣнный* (т. е. возжеланный), *иждивенiе* вм. *изживенiе*, от церковнославянского глагола: иждити, т. е. *изжить* (прожить, истратить).

Примеч. 8. Такой переход звуков весьма употребителен в древнем церковнославянском языке; напр., въждешти вм. възжещи, т. е. возжечь; ижденѫ вм. изженѫ, т. е. изгоню и проч.

§ **37.** В) Смягчение гортанных *г*, *к* и *х*.

Предварительно должно заметить, что зубные звуки мягче гортанных, потому на первой степени смягчения гортанные переходят в зубные, как это явствует из смягчения *к* в *т*; напр., *паукъ паут-ина* (древн. *паучина*), *Евдокія Авдотья* (и *Овдотья*), *прек* (*у-прек-ъ во-прек-и*) *прет-ить;* и потом, на второй степени смягчения, *т* переходит в *щ*; напр., *за-прещ-ать*, при смягченной же форме: *прет-ить*. Равномерно *ск* смягчается в *ст*, и потом *ск* и *ст* в *щ*; напр., *пуск-ать пуст-ить пущ-у, иск-ать ист-ецъ ищ-у, толстъ толще*. В церковнославянском языке смягчение *ск*, через *ст*, доходит до *сц*, перед гласными *и* и *ѣ*; напр., члов҄ѣчьскыи (человеческий) и члов҄ѣчьстии (человеческие), єлєоньскѫ и на горѣ єлєоньстѣ, иєроусалимьскѫ и въ градѣ иєроусалимьсцѣ (в О. ев.).

Примеч. 1. В древнесербск. встречаются формы с гортанными *к* и *г*, вм. позднейших смягченных; напр., *тысука, мегю*, вм. тысѧшта, *тысяща, медю, между*. В древних цс. памятниках формы с гортанными вм. смягченных зубных: в Трефол. 1260 г. прѣѣжгѧюши, дъжгьмь, вм. прѣѣждаюши, дъждьмь (т. е. переезжаешь, дождем); в Новг. лет. *дожгъ* вм. *дождь*. См. Хр. — Этим путем объясняется сродство слов *розга* и *рождіе* от корня *род*; в Ев. XIII в. рожгью вм. *рождіе*; в Толк. псалт. XII в. раꙁга (вм. *розга*), соответствующее форме с *а*: *раждіе*. — Слово *щлягъ* — название монеты, в лет. произошло от древненем. skilling, через формы: склѧꙁь в Галицк. ев. 1143 г. (см. Хр.) и стьлѧꙁь в Кормч. XIII в.; т. е. *ск* смягчается в *ст*, а последнее в *щ* или в *шт*: Жит. свят. XV в. штьлѧгъ. — Точно так и щоужь имеет при себе древнейш. стоужь, в Супр. рук., в Григ. Богосл. XI в. — Равномерно и в областном языке иногда зубные звуки твердеют и потому переходят в гортанные, а именно *д* в *г*; напр., украинск. и северное великорусск., олон., пск., тверск. *гля* вм. *для*; и наоборот, в наших лет. *Дюрдій* вм. *Гюргій* (Георгій); в белорусск. *аньдель* вм. *ангелъ*, Кал. I,77. В моск. наречии *к* смягчается в *т*; напр., *всятимъ* вм. *всякимъ*, Кал. II, 121; в оренб. *ск* в *ст*; напр., *бастѣе* (лучше, красивее) от *баско* (в новг., арх. и др.).

Гортанные *г, к* и *х*, под влиянием мягкого звука *і* (*j*) и смягченных согласных *я, ю* и др., а также звука *ѣ*, смягчаются в свистящие *з*, *ц* и *с* и в шипящие *ж*, *ч* и *ш*. При этом должно отличать следующие степени смягчения: 1) гортанные последовательно переходят в свистящие и шипящие; напр., *друг-ъ друзь-я друж-ескій*; и 2) переходят только свистящие в шипящие; напр., *пис-ать пиш-у* (вм. *пиш-ю*) *пише-тъ, рѣз-ать рѣж-у* (вм. *рѣж-ю*) *рѣж-етъ, овц-а овеч-ка* (вм. *овечь-ка*), *отец-ъ отч-ій*.

При смягчении гортанных должно иметь в виду следующие законы, в наибольшей строгости сохраняемые древнейшим церковнославянским языком.

1) Гортанные могут сочетаться только с твердыми гласными; напр., гыбнѫти, члов҄ѣкы, хытити. Русское правописание, забыв соот-

ветствие звуков, уже употребляет гортанные с мягкими; напр., *гибнуть, человѣки, хитить*. В этом случае оно так далеко отошло от первоначального закона сочетания звуков, что даже положило правилом употребление мягкого *и*, вместо твердого *ы*, после гортанных. Такое правописание перешло и в позднейший церковнославянский язык, в ныне употребительных церковных книгах; напр., враги вм. врагы (вин. мн. числа).

2) Изменение твердого гласного звука в мягкий, при гортанном, требует изменения и гортанного звука в мягкий же, т. е. в свистящий или шипящий; напр., смягченные формы: дроуже и дроузи, произошли от несмягченной: дроугъ, потому что вместо твердого гласного *ъ*, по требованию склонения, явились *е* и *и*. Таким образом, сочетание гласных мягких с гортанными невозможно; в избежание такого сочетания, гортанный звук смягчается: *гя* в *жа*, *гю* в *жу*, *гь* в *жь*, *ге* в *же*, *ги* в *зи*, *гѣ* в *зѣ*; *кя* в *ча*, *хя* в *ша* и проч.

Примеч. 2. Для ясности этот закон требует подробнейшего рассмотрения. а) В смягченных слогах *жа*, *чу*, *ша*, *ца*, *чу* и проч., твердые гласные *а*, *у* и др., очевидно, суть остатки мягких *я*, *ю* (т. е. *i + а*, *i + у*), заключающийся в этих гласных звук *i*, соединившись с гортанными *г, к, х*, произвел из них мягкие *ж*, *ч*, *ш* и др. Потому уже в древнейших церковнославянских памятниках встречаем, напр.: мѫжа, мѫжоу, врача, врачоу, доуша, а также: отьца, отьцоу и проч., а не мѫжя, мѫжю, врачя, отьцю и проч.; но в древнерусских памятниках сочетание звуков: *жя*, *жю*, *чя*, *чю* и др. допускается; напр., *нужя* (нужда), *межю* (между), *хочю* и проч. б) Что касается до сочетания смягченных согласных с полугласным, то постояннее встречаем в цс. памятниках *ь*; напр., мѫжь, врачь, отьць, нищь и проч. в) Буква *ѣ* с свистящими *з*, *ц* и *с* употребляется; с гортанными же *г*, *к* и *х* (исключая название буквы *хѣръ*) и с шипящими *ж*, *ч* и *ш* сочетаться не могла. При последних звуках она переходила в *а*; напр., в гл. *дрожать, кричать, слышать*, вм. *дрожѣть, кричѣть, слышѣть;* в сравн. степ. *ближайшій, крѣпчайшій* вм. *ближѣйшій, крѣпчѣйшій;* согласно с этим законом, в наречии новгородском доселе употребляются формы: *громчае, корочае, легчае, тишае* (т. е. *громчѣе, тишѣе,* как в Древн. русск. стих., 285 „а въ землѣ-то идетъ свѣча *тишѣя*“, и т. д.) вм. *громче короче, легче, тише.*

В сочетании гласных с гортанными, свистящими и шипящими русский язык следует церковнославянскому, впрочем с некоторыми уклонениями, а именно: а) употребляет *ъ* после шипящих и свистящего *ц*; напр., *мужъ, душъ, отецъ*, вм. церковнославянских: мѫжь, доушь (род. пад. мн. числа), отьць; б) твердое *о*, вместо мягкого *е* с ударением, после тех же звуков; напр., *хорошó, гордецóвъ*, вм. *хороше, гордецевъ*; в) *ы* после *ц*; напр., *отцы*. Такое употребление вошло и в новейший церковнославянский язык; напр., оученицы вм. оученици (т. е. ученики); г) в склонениях удерживается *ѣ* после гортанных и шипящих; напр., *о богѣ, о человѣкѣ, о духѣ; въ кожѣ, въ кучѣ, въ кашѣ;* д) буква *ь* после

шипящих отметается перед суффиксами; напр., *доч-ка* (вм. *дочь-ка*), *нож-ка* (вм. *ножь-ка*), *точ-ный* (вм. *точь-ный*) и проч.; е) частицы *же* и *уже* сокращенно принято писать: *жъ*, *ужъ*, вм. *жь*, *ужь*.

Примеч. 3. В обл. языке гортанные слагаются с *е* в спряжениях; напр., в влад., костр., нижег., пск., тверск. *могёшь, смогёшь, смогётъ, смогёмъ, смогёте,* вм. *можешь, сможешь, сможемъ* и проч.; вообще в просторечии: *текетъ*, *пекетъ* и проч., вм. *течетъ*, *печетъ*. От гл. *ткать* даже употребительнее, и в разговоре и на письме, *ткёшь*, *ткётъ* и проч., вм. *точешь*, *точетъ*; а *тчешь*, *тчетъ* и проч. даже не приняты, по несвойственному в образованном языке сочетанию звуков.

Законами сочетания небных с гласными объясняется несоответствие гласных в склонениях; а именно переход *ъ* в *и*, *а* в *и* и проч.; напр., *врачъ* (вм. *врачь*) *врач-а* и *врач-и* (а не *врач-ы*) *врач-ей* (как *кон-ь кон-ей*); *кож-а* и *кож-и* (а не *кож-ы*). Некоторые пишут: *Ивановичь*, *мечь*, *ежь*, *ножь*, вм. *Ивановичъ*, *мечъ*, *ежъ*, *ножъ* и проч., последнее начертание правильнее, потому что согласнее с выше объясненными правилами сочетания звуков в русском языке.

Гортанные изменяются в свистящие и шипящие: I, в корнях и в образовании слов, и II, во флексиях, или изменениях слов по склонениям и спряжениям.

I. В корнях и в образовании слов, как в церковнославянском, так и в русском.

1) *Г* смягчается: а) в *з*; напр., *лег-кій*, откуда *льг-ота*, и *льзя, нельзя* (украинск., арх. *нельгá*), *польза* (старинное и обл. арх., пермск., *льгá*, украинск. и великорусск. *по-льга*, древн. цс. льг-ыни); кънагыни (княгиня) и кънязь и др., сакс. kuning; оусерягъ, оусерязь (серьга), и готск. ausahrings; штлягъ, щлягъ, стлязь, склязь и др., нем. skilling (§ 59); б) в *ж*; напр., *годить* и жьдати, *ждать* (т. е. гортанный *г*, перед *ь*, изменяется в *ж*), гонѭ и женѫ (зн. тоже „гоню“), *горло* и *жерло*, откуда *ожерелье* (твердому *го-* соответствует мягкое *же-*), в обл. наречиях южных и восточн. *жерéло* в смысле горла; *другъ дружескій дружокъ* (собственно *дружекъ*) *дружка* (вм. *дружька*). Древн. цс. хызъ, хыза и *хиж-ина*; древн. цс. злъчь и *жолчь*. — Нижнелуж. *гоим*, *гоиш*, чешск. *гоити* — лечить, сербск. *гоим*, *гоити* — кормить, в русск. обл. зн. „устроить“, „накормить“, — и *жить* (§ 30). — В древн. цс. предлоги безъ, изъ смягчаются иногда в беж, иж; напр., в Изб. Свят. 1076 г. ижнего; в Ев. 1270 г. бежнего, ижнего, вм. безъ него, изъ него. В Ев. 1409 г. жерно вм. зерно, зрьно; в лет. по Лавр. сп. 1377 г. *суждальскый* вм. *суздальскій*.

2) *К* смягчается: а) в *ц*; напр., *ликъ лице, зеркало зерцало, никнуть ницъ*. Мягкие окончания *-ць* (*-цъ*), *-ца*, *-це* (*-цо*) соответствуют твердым *-къ*, *-ка*, *-ко*; напр., *стрѣле-цъ* и

стрѣло-къ, піяви-ца и *піяв-ка, солн-це* и *солныш-ко;* б) в *ч*; напр., цс. къто (*кто*) и чьто (*что*), *кого* и *чего* (*къ = чь, ко = че*), *укъ* (откуда *наука, новоукъ*) и *уч-ить, по-кою* и *по-чію* (см. § 30, I, 2, 2); *рука ручка* (вм. *ручька*), *ручной* (вм. *ручьной*); *человѣкъ*, цс. прилаг. чловѣчь или человѣчь; *поперекъ поперечникъ* (вм. *поперечьникъ*); *конъ*, чешск. *конам, конати* (делаю), чьн-ѫ чѧти (*на-чин-ать*).

3) *Х* смягчается: а) в *с*; напр., *хмур-иться, хмур-ный* (напр., у Жук. VI, 186) *па-смур-ный*; *трух-нуть трус-ить, трях-нуть тряс-ти; дрях-лый* и дрѧсьлъ, дрѧселъ (то и другое зн. первоначально — печальный, мрачный); *не-рях-а* обл., в тамб. *рях-ая* — красивая, нарядная, и рѧса — украшение, бахрома; б) в *ш*; напр., *ход-ить* и цс. шьдъ, шьдъши и проч., откуда наши: *шедъ, шедши, шелъ* (вм. *шедлъ*); *дух-ъ, душ-ный* (вм. *душ-ь-ный*, откуда *душенъ*), *душа; пастухъ, пастушій*. В Супр. рук., в Прор. по сп. Упиря 1047 г. дьнесьнии, дьньсьнии, т. е. *днешній*; в Сб. XIII в. сьрсть — *шерсть*.

Примеч. 4. Некоторые формы употребляем в смягченном виде, забыв первоначальные несмягченные, от которых они произошли. Так, формы: *звѣзда, цвѣтъ* через смягчение гортанных, образовались из несмягченных: *гвѣзда, квѣтъ* или *гвизда, квитъ* (украинск. *квитка*), иначе: *гвязда, квятъ*, существующих в соплеменных наречиях, напр. в польском. Форма *твѣтъ* употребляется и у нас в областном просторечии. Равномерно смягченная форма: *чрезъ*, сохранилась, а несмягченная: *крозь*, цс. скрозѣ, осталась только в областном просторечии, именно: *скрозь*. Областная форма: *твѣтъ*, замечательна тем, что указывает на первую степень смягчения звука *к*, именно в *т*; потом уже, на второй степени смягчения, *т* перешло в *ц* и образовало форму: *цвѣтъ* вм. *твѣтъ*. Слово *плечо* удерживает гортанный *к* в формах: *подоплёка*, в курск. *сѣроплёкій, бѣлоплёкій* — с серыми, с белыми оплечьями (о гусях).

Примеч. 5. Обоюдный переход гортанных, свистящих и шипящих, в областных наречиях: 1) *г, з* и *ж*: украинск. *сторóга — стража*, украинск. *гéрець — жеребецъ, горло* — украинск. *джерело*, нижег. *жéрело*; украинск. *зализо*, олон. *зелизо — желѣзо*; пск., тверск. *зáлоза — желѣзá*; олон. *дорозный — дорожный*, Рыбн., I, 158. 2) *К* и *ч, ск — щ* (вм. *сч*): пск. *стрѣкать — встрѣчать*, пск., тверск. *тапéрика — таперича* (теперь), сиб. *раскепина — ращепина* (расщеп), украинск. *луска* (чешуя), откуда *лущить*. 3) *Х, с* и *ш*: в украинск. *послухный, жахъ, жахатыся, невихна — послушный, ужасъ, ужасаться, невѣстка;* украинск. *пыха* — церемония, роскошь, наряд, откуда наше *пышный*. Из великорусск. наречий, в пск., тверск. *хмурый, помяховать, замѣховать, опояхать, плёхать, плехнуть — смурый, помѣшивать, замѣшивать, опоясать, плеснуть;* в новг., сиб. *вѣха — извѣстіе*, орл. *полѣха* от *лѣсъ* (житель Полесья), в курск. *пахмурный — пасмурный*, в арх. *нашмуриться — нахмуриться*; в белорусск. стихе: „*пярхидскіи* цари“ — *персидскіе*, Кал., IV, 20. — *С* и *ш:* древнее *скора* (откуда *скорнякъ*), олон. *скура*, Рыбн., II, 219; украинск. *скира — шкура; насѣсть*, тверск. *насѣ-*

стье — нашесть, в дух. стихах: *окромѣсьній, тосьно*, Кал., I, 78, 89 — *окромѣшный, тошно;* в пск., тверск. *снырять — шнырять;* в новг. *швая — свайка;* в украинск. *шабля — сабля, шкло — скло* (стекло).

Примеч. 6. *Ц* вм. *ч* встречается уже в древнейших памятниках в форме оцѣстити вм. очистити. По влиянию местного говора, украинск. и новг., в древнерусск. памятниках обе эти буквы переходят друг в друга. Напр., в Стихир. 1157 г. въ рѣчѣ, личи, вм. въ рѣцѣ, лици, и наоборот цловѣкъ вм. чловѣкъ. В Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. истьчь, оурочи, вм. истьць, оуроци (т. е. истец, уроки); в Сл. о полку Игор. *чепи* — цепами, *луце* вм. *луче* (т. е. лучше); название древнерусск. сборника „Златая *чепь*" вм. *цѣпь;* в Юрид. акт. новг. XIV в. *отцыну, земличи* вм. *отчину, землицы;* в Новг. лет. *черковь, вѣньчь, черезъ*, вм. *церковь, вѣнецъ, черезъ;* в Волынск. лет. XV в. *конечь, отцину*, вм. *конець, отчину;* в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб. XIV в. *ч* вм. *ц:* вдовичамъ, въ велици печали; *ц* вм. *ч:* сконцꙗ, исполцитисѧ, мецe, руци, ис цернигова, церницею (вм. черницѭ, т. е. черницею, монахинею). По моск. наречию: в Выходах госуд. цар. и кн. под 1675 г. *чѣпи вм. цѣпи*. См. Хр. — В современном языке: по украинск. *обицати, чепити*, вм. *обѣчати* (обещать), *цѣпити;* по северн., новг., в разных местностях: в пск., тверск. *учѣпить, цась, цесь*, вм. *уцѣпить, часть, честь;* в олон. *птичи, цадо, луце, рѣць, цистый*, вм. *птицы, чадо, лучше, рѣчь, чистый;* в вятск. *чёлый* вм. *цѣлый*.

II. В изменениях слов по склонениям и спряжениям. Смягчением гортанных в свистящие и шипящие, церковнославянские изменения (флексии) значительно отличаются от наших.

1) В склонении церковнославянский язык пользуется постоянным законом смягчения звуков *г, к* и *х*, перед *ѣ* и *и*, в *з, ц* и *с*, а перед *е* — в *ж, ч* и *ш;* напр., бог-ъ о боз-ѣ боз-и бож-е, чловѣк-ъ о чловѣц-ѣ чловѣц-и чловѣч-е, доух-ъ о доус-ѣ доус-и доуш-е. По-русски же эти формы склоняются без смягчения: *богъ о бог-ѣ бог-и* (зват. падеж *боже* мы заимствовали из цс.), *человѣк-ъ о человѣк-ѣ человѣк-и, дух-ъ о дух-ѣ дух-и*. Так как окончания *-зь, -ць* произошли, через смягчение, от *-гъ, -къ*; то по церковнославянскому закону смягчения гортанных перед *е*, звуки *з* и *ц* переходят в *ж* и *ч*; напр., кнѧз-ь кнѧж-е, отьц-ь (отец) отьч-е.

Примеч. 7. Смягчение гортанных в свистящие и шипящие, в склонении, не вошедшее в наш говор, доселе сохранилось в наречиях, и преимущественно: в украинском; напр., *нози* (ногѣ), *дивци* (дѣвкѣ), *сваси* (свахѣ); в зват. падеже: *небóга* (бедняжка) *небоже, ляхъ ляше*. В белорусском; напр., *дарозѣ* (дорогѣ), *лузѣ* (лугѣ), *руцѣ* (рукѣ).

Впрочем, великорусский язык, по новгородскому наречию, уже в XI в. уклонялся от закона смягчения гортанных звуков в окончании падежей. Потому писец Остромирова евангелия, как бы по нынешнему выговору, употребляет форму: пасхѣ, не смягчая звука *х*, который в этом слове, вместо *с*, обыкновенно переходит по-церковнославянски в *ц:* пасцѣ (от формы паска).

Остатки смягчения гортанных в свистящие и шипящие, в склонении, русский язык сохранил в формах: *друзья, лузья*, от слов: *другъ, лугъ; очи, уши*,

от слов *око, ухо*. В великорусск. сказке: „а въ лѣсѣ, въ лѣсѣ | солдатъ на *стрѣси*“ (от *стрѣха* — кровля), Афанас., VI, 10.

2) В спряжении, кроме изменений, общих с русским языком, каковы, напр.: бѣг-ѫ бѣж-иши, пек-ѫ печ-еши, пис-ати пиш-ѫ, церковнославянский язык смягчает гортанные звуки в свистящие и шипящие, во многих формах, которые в русском языке или вовсе не употребляются, напр. бых-ъ, быш-ѧ, или остаются несмягченными; напр., цс. помоз-и, тец-и, русск. *помоги, теки*.

Примеч. 8. Касательно смягчения гортанных должно заметить следующие особенности, в цс. спряжениях:

1) В повелительном наклонении, перед *и* и *ѣ*, гортанные изменяются в свистящие; напр., помог-ѫ помоӟ-и помоӟ-ѣте, тек-ѫ тец-и тец-ѣте.

2) Окончание прош. времени 1-го лица ед. числа *-хъ* изменяется в *с* и *ш*, в прочих лицах дв. и мн. чисел: в *с* перед *т* и в *ш* перед ѧ; напр., бых-ъ бы-с-та бы-с-те быш-ѧ (уклонение от этого правила в Сл. о полку Игор. *одѣвахъте* вм. *одѣвасте*); но в 1-м лице как дв., так и мн. числа остается гортанное *х*, поддерживаемое твердым *о;* напр., бы-х-овѣ бы-х-омь.

3) Преходящее время, сверх того, изменяет окончание 1-го лица ед. числа *-хъ* на *-ше* во 2-м и 3-м лицах ед. числа; напр., бѣа-хь (бѣ-хь бѩ-хь) бѣа-ше (бѣ-ше бѩ-ше). Но в 3-м лице мн. числа удерживает *х*, по влиянию твердого ѫ: бѣа-хѫ.

4) В некоторых древних церковнославянских памятниках встречается окончание прош. времени 1-го лица ед. числа: *-съ* и мн. *-сомъ*, хотя и смягченное, но древнейшее, вместо позднейшего, несмягченного: *-хъ, -хомъ;* напр., приѩ-сь приѩ-сомь, вм. приѩ-хь приѩ-хомь (т. е. принял, приняли).

Примеч. 9. В склонениях особенно замечательны древнечешск. формы XI—XII в. местн. пад. мн. ч. на *-съ* вм. *-хъ: Полясъ, Лужасъ, Долясъ* (polas, lužas, dolas) — собств. имена: вм. *въ Поляхъ, въ Лужахъ, въ Доляхъ*. Слич. род. и предл. пад. мн. ч. местоимений: *насъ, васъ*, с древнейшим окончанием *-съ*, тогда как во всех других местоимениях и в именах позднейшее, общепринятое *-хъ: ихъ, добрыхъ, въ лѣсахъ*.

§ 38. При стечении согласных языки церковнославянский и русский подчиняются следующим законам:

I. Ни церковнославянский, ни русский язык не терпит стечения одинаковых согласных в одном и том же слоге, ни в корнях слов, ни в окончаниях. Кажущееся в окончании некоторых слов удвоение согласных, преимущественно *нн*, объясняется выпуском *ь*, который в русском иногда заменяется звуком *е;* напр., истиньнын *истинный, истиненъ*, временьнын страньныи *странный, страненъ*. В этих окончаниях оба *нн* имеют не одинаковое значение: первое *н* принадлежит к окончанию существительных: *истин-а, времен-и, стран-а*, а второе — окончание прилагательных и причастий. Собственно удвоенные согласные остались у нас только в словах иностранных, каковы: *суббота, граммата* и др. Но эти слова

в старину постоянно писались: *субота* (уже в О. ев. сѫбота), *грамота,* откуда происходит: *грамотный.* Ныне пишут: *суббота; грамота,* в смысле искусства читать и писать, и *граммата,* а также и *грамота,* в смысле документа; но слово *грамматика* производят от *граммата* и пишут с двумя *мм.*

Даже при стечении двух одинаковых согласных: одного коренного и одного принадлежащего к окончанию, в старину пользовались только одним звуком, потому постоянно писали: *русьскый* или *рускій,* вм. *рус-скій.* На том же основании осталось только одно *с* во 2-м лице ед. числа наст. времени глагола *быть: еси* вм. *ес-си* (*ес-* корень, откуда *ес-мь,* а *-си* признак 2-го лица ед. числа; напр., *да-си, вѣ-си,* § 58).

Примеч. 1. К особенностям украинск. языка принадлежит наращение или повторение согласного звука, иногда разделяемое звуком *ь,* в именах на *-ье* или *-ья;* при этом *ь* перед окончанием *-е* или *-я* выпускается, из чего видно, что повторенье имеет вид смягчения. Напр., 1) плавные звуки: *вугольля — уголья, зильле — зелье, Илльля — Илья, вязеньня — вязенье* (связыванье, темница), *пытаньня — пытанье* (вопрос). 2) Твердые: *волосься — волосья* (волосы), *кавунячьче* — гряды с арбузами (от *кавунъ*), *кнутьтя — кнутья, орижжа — оружіе, ружже — ружье, палочьча — палочье, судьдя — судья* и мн. др.

II. Следующие согласные звуки изменяются, выпадают или же вставляются:

1. Зубные звуки *д* и *т:*

1) переходят в *с:* а) перед *т;* напр., *вед-у вес-ти* вм. *вед-ти, плет-у плес-ти* вм. *плет-ти; яд-ъ яс-ти* вм. *яд-ти, ѣд-а ѣс-ть; вѣд(ать)* — 3-е лицо ед. числа наст. времени: вѣс-ть вм. вѣд-ть; 2-е лицо мн. числа наст. времени: вѣс-те вм. вѣд-те; чьт-ѫ, чьс-ть вм. чьт-ть (*честь-почесть*). Отклонение от этого закона оказывается в позднейшей форме *ид-ти* (вм. *ис-ти,* как в древнечешск. *ис-ти,* в новом польск. *ис-ць,* вм. *ис-ци*). б) Перед *л* и *м;* напр., *гуд-у гус-ли,* чьт-ѫ *чит-аю чис-ло,* чис-мѧ (зн. тоже „число"). Сюда же должно отнести изменение *з* в *с,* перед *л;* напр., *маз-ать, мас-ло.*

2) Выбрасываются, уподобляясь следующему за ними звуку: а) перед плавными: *л, м* и *н.* Перед *л;* напр., *пад-у палъ* вм. *пад-лъ* (или *пал-лъ*), *плет-у плелъ* вм. *плет-лъ* (или *плел-лъ*). Перед *м*; напр., от корней: *дад-, вѣд-, яд-,* 1-е лицо ед. числа наст. вр.: да-мь, вѣ-мь, ꙗ-мь, вм. *дад-мь, вѣд-мь, яд-мь* (или *дам-мь* и проч.). На этом основании, церковнославянская форма седмь переходит в русскую *семь* (которая встречается уже в Галицк. ев. 1143 г., вм. цс. седмь. См. Хр.). Перед *н;* напр., *у-вяд-ать вя-нуть* вм. *вяд-нуть, гляд-ѣть гля-нуть* вм. *гляд-нуть; гад-ать,* в цс. и древнерусск. за-го-нѫти, *за-го-нути, у-го-нути* (загадать, угадать); *Днѣпръ* — в Задонщине по сп. XVII века

Нѣпръ (см. Хр.), в олон. песн. „*Нѣпра* королевична", Рыбн., I,195, вм. *Днѣпра,* жен. форма от *Днѣпръ* (§ 149); цс. свит-ати (*свѣт-ать*), о-свь-нѫти вм. о-свьт-нѫти. б) Перед *с;* напр., от корней *дад-, вѣд-, яд-,* 2-е лицо ед. числа наст. вр.: да-си, вѣ-си, ꙗ-си, вм. *дад-си, вѣд-си, яд-си* (или *дас-си* и проч.). в) Перед *в*; напр., тех же глаголов 1 лицо дв. числа наст. вр.: да-вѣ, вѣ-вѣ, ꙗ-вѣ, вм. *дад-вѣ, вѣд-вѣ, яд-вѣ* (т. е. мы двое дадим, знаем, едим).

Примеч. 2. Западные славянские наречия отличаются от юго-восточных тем, что допускают сочетание зубных *д* и *т* с плавными *л* и *н*; напр., *падлъ* вм. *палъ, квѣтлъ* вм. *цвѣлъ, вадну* вм. *вяну* и проч.

3) Вставляются, преимущественно перед *р*: а) в церковнославянском языке, по древнейшим рукописям: *т* между *с* и *р* и *д* между *ж*, *з* и *р*; напр., с-т-рѣтєниѥ, от корня *рѣт-*, откуда *об-рѣт-ать*; ж-д-рєбѧ ж-рѣбѧ (жеребенок), раз-д-рѣшати вм. раз-рѣшати, ноз-д-ри вм. ноз-ри. б) В русском языке, сверх принятых в правописании: *ноз-д-ри, вс-т-рѣча* вм. *вс-рѣча* (от корня *рѣтать*) употребляются простонародные формы, не только со вставкою *т* между *с* и *р*; напр., *с-т-рамъ* вм. *с-рамъ, с-т-раженіе* вм. *с-раженіе* (от гл. *разить*), *с-т-рубъ* вм. *с-рубъ* (от гл. *рубить*); но и со вставкою *д* между *н* и *р*; напр., *н-д-равъ* вм. *нравъ*; и со вставкою *т* между гласным и небным *ч*; напр., *при-т-чина* вм. *при-чина* (от гл. *чинить*, т. е. делать), *про-т-чій* вм. *проч-ій* (от слова *прокъ*, в древн. цс. прокꙑи вм. *прочій*). Правописание отвергло эти формы, усвоенные выговором.

Вставка *д* между плавным и гласным оказывается в глаголе *ин-д-ивѣть* вм. *ин-ивѣть*, от слова *ин-ей* (обл. *иневѣть, заинить*, в пск., тверск.).

2. Гортанные звуки.

1) Переходят:

Гортанные *г* и *к*, перед звуком *т*, переходят вместе с ним в церковнославянском в *щ* (*шт*), в русском — в *ч* (§ 36); напр., мог-ѫ мощи *мочь* (вм. *мог-ти мог-ть*), пєк-ѫ пєщи *печь* (вм. *пек-ти пек-ть*).

Примеч. 3. Формы церковнослав. дъщи, дъщерь и русск. *дочь, дочерь* предполагают первоначальную дъгтерь (см. Приложение).

В областных наречиях русского языка действительно употребляются некоторые из предполагаемых здесь форм, особенно в украинск. неопр. наклонение глаголов: *бигти, пекти, стерегти, стригти, сѣкти, товкти, могти,* вм. *бѣчь* или *бѣчи, печь, стеречь, стричь, сѣчь, толочь, мочь;* а также частию и в великорусск., по северным наречиям: в влад., костр. *могти*, и потом с смягченным *ч* вместо *т*, в арх. *жегчи, пекчи*, вм. *жегти, пекти*. Слич. в песне начала XVII в. *постритчи* вм. *постричь*. См. Хр.

Гортанные *к* и *х* перед *т* переходят в *с*; напр., в Изб. 1073 г., в Григ. Богосл. XI в. хлакъ, холокъ (безбрачный), оттуда наше

холос-той; прѫх-нѫти, прахъ и прьсть, *персть*; выхъ и высть; *плах-а* и *плас-тъ*.

Примеч. 4. Слич. приведенные в § 37 *вѣха, невѣхна* и *вѣсть, невѣстка*. Чешск. *тханъ, тхыни* или *тхыне*, и наши *тьсть, тесть, теща*.

2) Гортанные *г* и *к* выпадают перед *н*; напр., *двиг-ать дви-нуть* (вм. *двиг-нуть*), *тяг-ать тя-нуть* (вм. *тяг-нуть*), *тиск-ать тис-нуть* (вм. *тиск-нуть*), *прыск-ать прыс-нуть* (вм. *прыск-нуть*). Впрочем, употребляется и *двигнуть*, цс. двигнѫти.

3. Губные звуки:

1) Звуки *б* и *п* выпадают перед *н*; напр., гъ-нѫти (*гнуть*) от корня *губ-* (*су-губ-ый*), изменяющегося в *гыб-*: гыб-кыи (*гиб-кiй*), и в *гъб-* (*со-гъб-ен-ный*); оу-съ-нѫти (*уснуть*) вм. оу-съп-нѫти, от глагола съп-ати; потому и слово съ-нъ (*сонъ*) вм. *съпнъ; ка-нуть* вм. *капнуть*, от глагола *кап-ать*. Впрочем, в некоторых формах звуки *б* и *п* могут и выбрасываться перед *н*, и удерживаться; напр., *гинуть* и *гибнуть, кануть* и *капнуть*.

2) Звуки *в, б* и *п* выпадают перед *т*; напр., *жив-у жи-ть* вм. *жив-ть* (от корня *жив-*); цс. гре-ти вм. греб-ти, чрѣ-ти вм. чрѣп-ти, от корней *греб-, чрѣп-*. В этом случае церковнославянский язык вставляет иногда *с*; напр., греп-с-ти вм. греб-с-ти; а русский выбрасывает губной звук: *грести*.

3) Звук *в* после *б* выпадает; напр., *об-леку об-лачу* вм. *об-влеку об-влачу*, откуда *об-лако* вм. *об-влако; об-ласть* вм. *об-власть, об-язать* вм. *об-вязать* (наш язык усвоил обе последние формы, различив их значением), *об-ычай* вм. *об-вычай* (от корня *вык-*, откуда *при-выч-ка, при-вык-нуть*).

Примеч. 5. В О. ев. обить вм. обвить (обьвить); в Жит. Феодос. XII в. оболоучашети и (от *объ* и *волоку*); в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сп. XIV в. оберстѣвше вм. *обвертѣвше*. — Поныне в наречиях пермск., арх. употребляются: *обвозъ* вм. *обозъ, обвѣтъ* вм. *обѣтъ, обвѣщать* вм. *обѣщать, обвязанъ* вм. *обязанъ* и проч.

5. Плавный звук *л*, без поддержки полного гласного звука, выпадает в русском языке, в отличие от церковнославянского:

1) После гортанных; напр., *мог-у могъ* вм. *моглъ, пек-у пекъ* вм. *пеклъ*; а с гласными *л* удерживается: *могла могли, пекла пекли*.

2) После зубных *з* и *с*; напр., *вез-у везъ* вм. *везлъ, нес-у несъ* вм. *неслъ*; а с гласными: *везла везли, несла несли*.

3) После губных; напр., *погиб-ну погибъ* вм. *погиблъ*; а с гласными: *погибла погибли*.

4) После *р*; напр., *умр-у умер* вм. *умерлъ*, *тр-у теръ* вм. *терлъ*; а с гласными: *умерла умерли, терла терли.*

Церковнославянский язык, в этих случаях, *л* удерживает; напр., могль (*могъ*), спасль (*спасъ*) и проч.

Примеч. 6. В обл. языке гортанные *г* и *к* или 1) опускаются перед плавными: перед *л* и особенно перед *н*; напр., курск. *лядй* — гляди, новг. *клинь* — кликни, пск., тверск. *янёнокъ* — ягненок, *толнуть* — толкнуть, *тоснуть*, *тоснуться* — тосковать (вм. *тоскнуть*), *утнуть* — уткнуть; или 2) наоборот, удерживаются, и именно *г* вм. *д*, в арх. *стыгнуть*, пск., тверск., *сту́гнуть* — стынуть (от *стыд-* или *студ-*, откуда *студеный, стужа*). — Слич. *робкій* и арх. *дробкóй*, в том же значении.

3. РАЗДЕЛЕНИЕ СЛОВА ПО СЛОГАМ

§ 39. Разделение слова по слогам основывается на существе звуков и на законах сочетания их между собою.

Когда слово не умещается к концу строки, тогда для переноса букв в другую строку разделяют оное по слогам, руководствуясь следующими правилами:

1. Звук гласный, или один, или же с предшествующим согласным (равно как и с придыханием *j*) составляет слог; напр., *о-динъ, мо-е, хо-ро-шо, ю-ный.*

Впрочем, не принято, при перенесении слова, оставлять в предыдущей строке одну начальную гласную или переносить в последующую строку одну последнюю гласную; как напр. *о-динъ, тво-е*. Если же перед начальною гласной будет стоять предлог, то, при поддержке его, оставляют оную в предыдущей строке, напр., *къ о-ному.*

2. При стечении нескольких согласных среди слова должно обращать внимание, каким согласным начинается это стечение, твердым или плавным: если твердым, то все звуки составляют один слог; напр., *тре-звый, ве-дро, се-стра;* если же плавным, то этот последний относится к предшествующему слогу; напр., *дол-женъ, вер-ста, кор-мить.*

Примеч. 1. Причисление плавного звука к предшествующему гласному основывается на том, что славянский язык ставит гласный звук после стечения согласных, оканчивающегося плавным (*р* или *л*), завершая, таким образом, слог; напр., врь-ста *(вер-ста)*, крь-мити *(кор-мить)*, вль-комь *(вол-камъ)* и проч.

3. Плавный звук *л* не отделяется от губных, которые он смягчает, потому что вместе с ними составляет нераздельное целое (§ 35); напр., *лю-блю, то-млю.*

4. При стечении двух одинаковых согласных среди слова, один согласный относится к предыдущему, а другой к последую-

щему слогу; напр., *суб-бота, грам-матика, вож-жа, дрож-жи* и проч.

5. Буква *ь*, находясь между согласными, разделяет слог; напр., *пись-мо*; а находясь между согласною и гласною, вместе с ними, причисляется на письме к одному слогу, хотя в выговоре и разделяет слоги; напр., переносят: *крестья-нинъ*.

Так как буква *i*, без ударения, может сокращаться в *ь*; то, при перенесении слова, не отделяется от следующей за нею гласной; напр., *по-пе-че-нiемъ = по-пе-че-ньемъ*.

6. Слова иностранные, в разделении по слогам, следуют грамматике тех языков, из которых нами заимствованы; напр., *ав-торъ* (au-tor), *Ев-ропа* (Eu-ropa), *э-кзаменъ*, а не *эк-заменъ* (e-xamen), *гаупт-вахта,* а не *га-уптвахта* (haupt-wache), *вуаль*, а не *ву-аль* (voile) и проч.

Примеч. 2. Сверх изложенных здесь правил, должно руководствоваться, при перенесении слова из одной строки в другую, законами образования слов (§ 43).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ СЛОВ

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ

§ 40. Слова бывают простые, напр. *вода, падать,* и сложные, напр. *вод-о-падъ.* Простые слова состоят из корня и окончания; напр., слово *вода* — из корня *вод-*, откуда происходят *вод-ный, вод-ица,* и из окончания *-а*; *падать* — из корня *пад-*, откуда происходят: *пад*-аль, у-*пад*-окъ, *пад*-еніе, и из окончания *-ать.*

Между корнями слов должно отличать корни знаменательных частей речи от корней служебных частей речи. В первых преимуществуют корни глагольные; напр., *слу-*, откуда происходят: *слухъ, слово, слава* (§ 30); в последних — корни местоименные; напр., *к-*, в словах: *к-то* (цс. къто), *кой, куда, какъ* и проч. (§ 57). Местоименные корни могут употребляться и в окончаниях; напр., *к-*, в прилагательных: выс-о-*къ*, глуб-о-*къ*, дерз-о-*къ.*

Слова, происшедшие помощию окончаний от других слов, именуются производными, напр. *дн-евный;* слова же, которых произвести от других слов нельзя, именуются первообразными, напр. *день* (цс. дьнь).

Сложные слова состоят из двух или из нескольких слов; напр., *пут-е-шествіе, сам-о-любіе, не-из-реченный.*

Служебные части речи, каковы: некоторые местоимения, отрицательные частицы: *не, ни*, и предлоги, называются приставками. К приставкам же принадлежат частицы, употребляемые только слитно, каковы суть: *вз-*, *воз-*, *взо-* (цс. възъ-); напр., *вз*-лѣзать, *воз*-носиться, *взо*-йти; *вы-*; напр., *вы*-бирать; *наи-*; напр., *наи*-лучшій; *низ-*; напр., *низ*-вергаться; *нѣ-*; напр., *нѣ*-кто, *нѣ*-который; *пре-*; *пере-*; напр., *пре*-красный, *пере*-йти; *раз-*, *роз-*; напр., *раз*-умъ, *раз*-дѣлить, *роз*-дыхъ; *су-*; напр., *су*-пругъ.

Надобно отличать слова с приставками от настоящих сложных слов; последние состоят из сочетания знаменательных корней или из знаменательного корня с числительным именем и с некоторыми местоимениями; напр., *често-любіе, едино-сущный, само-видецъ.*

§ 41. Между окончаниями должно отличать окончания образующие, или суффиксы, от изменений, или флексий.

Флексиями называются изменения, которые претерпевает слово в синтаксическом его употреблении в речи, именно изменения по склонениям и спряжениям. Суффиксами же называются те окончания, помощию которых развивается корень слова в образовании от этого корня различных частей речи и их принадлежностей (за исключением склонений и спряжений); потому суффиксы и называются окончаниями образующими. Напр., от корня *лом-*, помощию суффиксов *-а-ти, -ък (-ок), -ът (-от), -от,* образуются: гл. *лом-а-ти,* прилаг. ломъкыи, *лом-ок-ъ,* сущ. ломът-ь, *лом-от-ь, лом-от-а.* Один суффикс может наращаться другим для обозначения нового оттенка, придаваемого смыслу слова. Напр., в слове *лом-т-ик-ъ* (вм. *лом-ът-ик-ъ*) суффикс *-ик* прибавлен к суффиксу *-ът* или *-от*, для означения уменьшительного представления. Суффиксы облекаются флексиями и остаются неизменными при изменении флексий, что́ особенно явственно в частях речи склоняемых; напр., суффикс *-иц* в слове *вод-иц-а: вод-иц-ы, вод-иц-ею.* Иногда суффикс совпадает с флексиею; напр., в словах *лом-ъ, вод-а* звуки *ъ* и *а* — суффиксы имен существительных, один муж. р., другой жен. р., — и вместе — флексии имен. пад. ед. ч.

Части речи неизменяемые, за исключением наречий, флексий иметь не могут. Наречия же, образовавшись помощию флексий, более не изменяют уже их (§§ 71 и 72) и, в отношении этимологическом, не составляют особого разряда слов, потому что произошли от прочих частей речи помощию флексий.

К образованию слов помощию суффиксов принадлежат некоторые видоизменения в составе частей речи, существенно отличающиеся от флексий, а именно: 1) в глаголах: залоги, виды, причастие, деепричастие и неопределенное наклонение; 2) в существительных: род и представление, и 3) в прилагательных: степени сравнения.

§ 42. Для того, чтобы открыть корень слова, надобно освободить оный от приставок и окончаний. Так, напр., в слове *преизбыточествовать*, цс. прѣизбытъчьствовати, окончания суть:

1) *-овать*, как в словах: *царств-овать, блаженств-овать.* За отнятием этого окончания, остается: *преизбыточеств-;*

2) *-ство*, как в словах: *блажен-ство, владыче-ство.* За отнятием окончания, остается: *преизбыточе-*, цс. прѣизбытъчь-. Русск. *че* соответствует церковнославянскому чь; здесь звук *ь* или *е* (§§ 24 и 27) отделяет тему от окончания. Отняв его, получим *преизбыток-* (ибо не смягченное *ч* есть *к*, § 37);

3) *-къ*, как в словах: *остат-о-къ*, цс. остат-ъ-къ; *свит-о-къ*, цс. свит-ъ-къ. За отнятием этого окончания, остается: *преизбыто-*, цс. прѣизбытъ-.

Отбросив приставки: *пре-* (цс. прѣ-) и *из-*, получим слово *бытъ*. Но и это слово не первообразное, а производное. Как в слове *свитокъ*, форма *сви-тъ* есть страд. причастие прош. вр. от глагола *сви-ть*, так и *бы-тъ* есть причастие того же залога и времени от глагола *бы-ть* (§ 55,IV). А корень этого глагола есть *бы*; окончание же *-ть* или *-ти* есть знак неокончательного наклонения. Итак, длинное слово *преизбыточествовать* своим корнем имеет краткий слог *бы*.

Таким образом, корень слова может осложняться несколькими приставками и окончаниями. Серединная группа звуков, будет ли то корень, напр. *бы*, или корень с окончаниями и приставками, напр. *бытъ, избытокъ*, именуется темою, или туловищем слова, в отличие от облекающих его оконечностей, т. е. приставок и окончаний, напр. в формах: *пре-из-бытокъ, пре-из-быточ-е-ство.*

Одеваясь приставками и окончаниями, корень слова иногда значительно изменяется. Так, напр., можно ли узнать глагол *ять*, цс. ꙗти, в слове *возьму?*— Отбросив предлог *воз-*, получим *ьму*. Полугласный *ь* равняется звуку *и*, а также звуку *е* (§ 27); следовательно, *ьм-у* = *им-у* и *ем-л-ю*; а звуки *им* и *ем* в древней письменности выражаются буквою ѧ или ꙗ (§ 28). От корня ꙗ, с окончанием -ти, образовался глагол ꙗти, наше *ять*, в словах *при-н-ять, от-н-ять* и др.

§ 43. В современном употреблении языка мы не обращаем внимания ни на корни слов, ни на приставки и окончания. Слово имеет для нас важность только по той мысли, которую мы привыкли соединять с ним. Потому спрашивается: какую пользу в практическом отношении может иметь учение об образовании слов? — Польза этого предмета двоякая: 1) для правописания и 2) для уразумения смысла слов, встречающихся не только в литературных произведениях, но и в ежедневном, устном и письменном употреблении.

1) Для правописания учение об образовании слов необходимо потому, что в начертании слов принято у нас руководствоваться не столько произношением, сколько образованием речений. Потому мы соображаемся с последним: а) В начертании букв; так, напр., в словах *смѣхъ, спѣхъ, сѣмя, затѣя*, пишем *ѣ* потому, что они произошли от глаголов, оканчивающихся на *-ѣю: смѣю-сь, спѣю, сѣю, затѣю;* пишем *ѣ* в слове *понедѣльникъ*, потому что оно произошло от слова *недѣля*, а *недѣля* состоит из *не-* и *-дѣл-я* (от глагола *дѣ-ять*) и означало в старину воскресенье, праздник; потому *понедѣльникъ* зн. „день, следующий за праздником". Пишем: *укрощать*, а не *укращать*, потому что это слово производим от прилагательного *крот-кій*, а не *крат-кій;* пишем: *счастіе*, а не *щастіе* (как писалось в старину), потому что это слово состоит из предлога *с-* (*съ-*) и формы *-частіе*, происшед-

шей от *часть,* откуда *у-часть.* Пишем: *счетъ, считать,* а не *щетъ, щитать,* потому что эти слова происходят от глагола чьт-ѫ, откуда *четъ*, т. е. пара, и *читать;* с предлогом *съ-* получаем слова *с-четъ, с-читать* (цс. съчьтъ, съчитати). б) В разделении слова по слогам, при перенесении оных из одной строки в другую, необходимо отличать корни и темы слов от приставок и окончаний. И те и другие отделяются от темы при перенесении слов, буде согласуются с общими правилами звуков относительно этого предмета (§ 39). Так, напр., неправильно было бы разделить слова таким образом: *ра-зложить, владычес-тво, жат-ва, жерт-ва, па-ства;* потому что *раз-* есть приставка, а *-ство* и *-тва* окончания (§§ 56 и 59); следовательно, должно разделить так: *раз-ложить, владыче-ство, жа-тва* (цс. жѧ-тва, от глагола жѧ-ти, откуда русск. *жн-у*), *жер-тва* (от глагола жьр-ѫ и жр-ѫ — приношу жертву), *пас-тва* (от глагола *пас-у*).

2) Уразумение настоящего смысла слов необходимо для того, чтобы пользоваться речениями родного языка сознательно; чему способствует учение об образовании слов. Так, напр., только тогда будет вразумителен собственный смысл слов: *столица, прапорщикъ, кормчая книга, наказъ, гостиный дворъ* и др., когда примется в соображение, что *столица* происходит от слова *столъ,* означавшего в старину престол (откуда *стольный город,* вм. *престольный*); *прапорщикъ* от слова *прапоръ*, означавшего знамя; *кормчій* от глагола *кормить,* цс. крмити, в значении „управлять“ (откуда *кормило*); *наказъ* от глагола *казати* — наставлять, сообщать (откуда *с-казать, у-казать,* потому и *наказаніе* в старину означало наставление); *гостиный* от слова *гость,* имевшего значение купца.

Самое правописание, как показано выше, основывается на уразумении собственного значения слов, помощию этимологического их разбора.

Примеч. Ошибочное понятие о значении слова может вести и к ошибочному начертанию. Так, слово *предметъ* производили от гл. *мѣтить* и писали с *ѣ: предмѣтъ;* между тем как это слово происходит от гл. *метать,* откуда с предлогами: *у-метъ, по-метъ, пред-метъ.* Также ошибочно иные пишут *лекарь, лечить* вм. *лѣкарь, лѣчить,* производя эти слова от *легкій легчить,* тогда как они имеют свой корень в слове *лѣкъ, лѣко,* употребляющемся не только в других славянских наречиях, но и в русском областном.

§ 44. Ближайшими источниками, откуда почерпается объяснение слов нынешнего общеупотребительного языка, служат: 1) язык церковнославянский, 2) древнерусский и 3) современный русский, по местным его наречиям. В этих источниках находим простейшие формы слов, ныне употребляемых в языке, образованном литературою.

1. В церковнославянском языке находим:

1) Первообразные формы, от которых происходят наши с приставками и окончаниями; напр. вѣтъ (совет, вещание), откуда: *со-вѣтъ, при-вѣтъ, обѣтъ* (вм. *об-вѣтъ*); жас-ити (страшить), откуда: *у-жасъ, у-жас-ать;* дрьзъ (дерзкий, смелый), откуда: *дерз-ать, дерз-о-къ;* лѫка (злоба, лукавство, первоначально кривизна), откуда: *лук-авъ, лук-ав-ить;* рѣть (соревнование, ревность, рьяность); напр., в Сербск. сб. XV в. рѣтию с҃тою подвигсе (Тих. Пам., II, 170), оттуда *рет-ивъ;* напр. „конь *ретивый*“. Цс. рѧбъ (название птицы), оттуда *ряб-чикъ;* кыка — высшая степень (в Григ. Богосл. XI в.), хохол (в Новг. жит. XVI в.), — оттуда *кич-иться, кичливый;* слич. головной убор на Руси у женщин: *кика, кичка* и проч.

2) Окончания, заслоненные в русских производных словах другими окончаниями; напр., от слов *тѣло, слово,* с церковнославянским окончанием *-ес,* оказывающимся в косвенных падежах: тел-ес-е, слов-ес-е, происходят прилагательные с окончанием *-ный: тѣл-ес-ный, слов-ес-ный.*

2. В древнерусском языке находим:

1) Первообразные формы, от которых происходят ныне употребительные производные. Так, напр., прилагательное *браный,* т. е. сшитый из узорной ткани (напр., „*браная* скатерть“, „*браный* полог“), есть не что иное, как причастие от старинного глагола *брати* (работать узорную ткань; напр. „женамъ въ Воскресеніе Христово ни шити, ни *брати*“, Юрид. акт., 383, под 1590 г.). Потом от причастия *бра-ный* происходит название и самой материи: *брань.* Забыв происхождение прилагательного *браный,* книжный язык стал забывать и самое значение оного; потому Жуковский называет „браными“ уже столы, а не скатерти; напр., „кубки златые на *браномъ* столѣ передъ ними поставилъ“, Одис., песня 1, ст. 140. — Ныне употребительному слову *на-ука,* состоящему из предлога *на-* и формы *-ука,* находим в древнерусском языке первообразное слово *укъ,* употребляемое и в цс., напр. в Мин. XII в. оукъ — наука. (Откуда *уч-ить, при-уч-ить,* и с изменением *у* на *вы: вык-,* откуда *при-вык-ать).* Древнерусский язык употребляет форму *укъ* в сложном слове: *ново-укъ* (вновь приучаемый, или только что привыкающий), которое Карамзин заимствовал в свою Историю; напр., „сей архимандритъ еще *новоукъ* въ монашествѣ“, V, 56; „*новоуки* въ христіанствѣ“, IX, 362. Слич. древн. неоукый — неприученный, напр. в Палее 1494 г. неоукъ телець, в Кормч. XVI в. конь неоукъ — с обл., в астр., оренб. „конь *не́укъ*“, — необъезженный.

2) Окончания, которыми объясняются ныне употребляемые формы. Так, напр., слово *вой-ско,* очевидно, состоит из корня *вой-* (откуда *вои-нъ, вой-на*) и окончания *-ско,* составляющего

ср. род окончания прилагательных *-скій*, в краткой форме; следовательно, это слово употреблено вм. полной формы: *войское*, т. е. ср. род прилагательного *войскій*. В нынешнем книжном языке такого прилагательного уже нет, но в старину оно употреблялось; напр. „со множествомъ *воискымъ*", Пск. лет., 166; *невойскъ* (т. е. невоинский), Пск. лет., 154. В древнейших цс. памятниках: воискый — военный, воинский, напр. в Златостр. XII в.; оттуда там же: воиска или войская, т. е. прилаг. жен. р. в значении войны; у Конст. Манас. 1350 г. — в значении войска.

3. В местных наречиях современного языка находим:

1) Формы от которых происходят общеупотребительные с окончаниями. Напр., слова *вѣн-окъ, вѣн-икъ* происходят от областного *вѣнъ* (напр., в сиб. значит тоже „венок"); *сверч-окъ* от *сверчъ* (в пск., тверск. значит то же); *напрасно* от *напрасъ* (в пск., тверск. то же); в общеупотребительном языке говорятся только с приставками *неряха, пакость, забава* (через подъём от *бы-ть*, § 30), *неуклюжій, разорять* (вм. *раз-зорять*), а в областном, напр. в тамб., *ряхая* — нарядная, в пск., тверск. *касть* (пакость), откуда *кастить* — ругать, в ряз. *бава* — довольство, в пск. *бавить* — мешкать, в костр., волог. *клюжій* — хороший, видный, от *клюдь* — краса, приличие, вообще в обл. говоре: *зорúть* — разорять, *зорникъ* — озорник, *зорйще* — разореное место, Даль, Слов. Многие из областных речений принадлежат древнему периоду языка. Так, напр., от упомянутого гл. *бра-ти* (работать узорную ткань), в яросл. *брáлья* — мастерица, сымающая узоры на браную ткань; при древнем цс. бали — чародей, врач, русск. народное *балянъ* — краснобай, Даль, Слов.; *доб-ръ* происходит от корня *доб-* в слове *дóба* (в тверск., смол. зн. „пора", „время"), в пск. *добъ* вм. *добръ; лѣчить* от корня *лѣк-*: в курск. *лѣко* — лекарство.

2) Окончания, которыми объясняются ныне употребительные формы. Так, напр., упомянутое прилагательное *войское* вм. *войско* встречаем и в нынешнем областном языке, напр. в Песне на кончину Петра Великого: „а все *войское* стоитъ — призадумалось".

Примеч. Сверх этих трех ближайших источников, есть еще два столь же важные, хотя они и не состоят в непосредственной связи с историческим развитием языка русского. Эти источники суть прочие славянские наречия и другие индоевропейские языки. Многое в образовании слов нашего языка находит себе объяснение только в этих двух источниках. Но такое сравнительное объяснение речений составляет предмет уже сравнительной грамматики языков индоевропейских вообще и славянских наречий в особенности. См. Приложение.

§ 45. Рассматривая образование слов, на основании этих источников, ясно видим, что нынешний общеупотребительный язык

представляет совокупность речений, которых настоящий и полный смысл определяется только исторически. Пока не узнаем собственного значения и правильнейшей грамматической формы каждого слова, до тех пор будем считать оное случайным звуком, выражающим ту, а не другую мысль, только по произволу говорящего. Собственное же значение и правильнейший вид слов определяются историею языка. Она свидетельствует нам, что в старину наш язык обладал, а по местным своим наречиям и теперь обладает такою полнотой и ясностью в значении слов и такою свободой в образовании их помощию окончаний, что ныне употребительная речь, относительно образования слов, может быть почитаема только частью того живого целого, которое называем языком русским, в его историческом течении и в разделении по местным наречиям.

Примеч. Об отношении ныне употребительного языка к его источникам, касательно образования слов, должно заметить следующее:

1. Относительно значения слов древний и народный язык отличается:

1) Ясностью в производстве слов от корней и в употреблении слов в их прямом значении. Напр., теперь пишут *семья*, тогда как в древн. цс. **сѣмиꙗ**, с окончанием *-инъ* — **сѣминъ** — домочадец, очевидно, от гл. **сѣ-ꙗ-ти, сѣ-ти**, через форму **сѣма**, по естественному уподоблению народа и семьи — нарождению и возрастанию. Мы говорим *до тла*, забыв уже, что *тло* в цс. значило „помост“, особенно во мн. числе **тьла**, а в обл., напр. в тамб., *тло* и доселе зн. „дно в улье“.

2) Точностью, которая определяется ближайшим значением слова к его корню. Так, напр., мы употребляем слово *наука* в значении знания, учения; между тем как оно, происходя от корня *ук-* (*вык-*), собственно означает навык, привычку, обычай. В этом последнем значении древнерусский язык действительно употребляет слово *наукъ;* напр., „государьскимъ наказомъ и добрымъ *наукомъ* вѣкъ живетъ“, Домостр.; „письмо Василью въ *наукъ* пошло“ (т. е. он выучился и приучился писать), Древн. русск. стих., 73.

3) Изобразительностию, по которой слова, ныне употребляемые только в отвлеченном или в нравственном смысле, первоначально имели и вещественное значение. Напр., *по-н-ять* теперь значит „уразуметь“, а прежде вообще „брать“; напр., „*понять* жену“, т. е. взять жену, или жениться. Первоначальное значение этого глагола осталось в выражении: „вода *поняла*“, т. е. заняла, захватила; отсюда „*по-емные* луга“. Прилагательное *лук-авъ* происходит от слова *лука* (кривизна). См. § 147.

4) Полнотою, расширяющею ныне принятое значение слов. Она объясняется тем, что говорившие живо чувствовали связь слова с его корнем, которого значение бывает всегда обширнее слов производных. Так, напр., ныне употребляем слово *верста* только в значении известного расстояния; в старину оно имело смысл измерения вообще и потому применялось не только к пространству, но и ко времени, означая возраст, а также равенство вообще, пару, чету, двоих супругов. В древнерусск. в смысле возраста, напр., „еще унъ (т. е. юн) сый *верстою* (т. е. возрастом), но совершенъ умомъ“, Пск. лет., 44. Выражение „въ ту *версту*“ вм. „въ ту мѣру“ весьма обыкновенно

в старинном языке, согласно с народным употреблением слова *верста* и в настоящее время; напр., в песне: „да не ровня мнѣ, | да не подъ *версту*“, т. е. не под стать, то же, что *неровня.* Отсюда понятно значение слов: *сверстникъ, сверстать, наверстать.*

2. Относительно приставок и окончаний отличается точностью и свободою в их употреблении. Напр., с приставкою *под-*, и теперь употребляем существительное *подмастерье;* но *поддружье* (на свадьбе, второй по дружке), *податаманье* (второй по атамане) уже не употребляем; тогда как в старинных памятниках эти слова попадаются (напр., у Котоших., 6, в Древн. русск. стих., 227). Частицы *не-до*, приставляемые для означения недостатка, напр. *недоуздокъ,* — удачно применены к корню в украинск. *недолюдокъ* — не стоящий имени человека. Слово *день* в нынешнем книжном языке потеряло несколько производных, которые составляют богатство старинного и областного языка, а именно: с окончанием *-ище*, означающим пространство (как в словах *огн-ище, пожар-ище*): *дн-ище,* т. е. пространство, которое можно пройти в течение дня; в старину *дн-ищами* измеряли расстояние (Новг. лет., 99; Ипат. лет., 40; Карамз., ИГР, X, примеч. 39, XI, примеч. 30); с окончанием *-ина,* означающим один предмет из многих (как в словах *горош-ина, орѣш-ина*): *дн-ина;* напр.: „и такъ бишася ту *днину* до вечера“, Ипат. лет., 131; с приставкою *у-*, означающею убыль (напр., *у-бавить, у-рѣзать*): *у-ден-ье*, в значении полудня (Новг. лет., 5). В областном просторечии *удни* доселе имеет то же значение (в калужск.). От того же сущ. *день* в арх. гл. *днѣть,* напр. „время *днѣетъ*“, т. е. настает день, в пск., тверск. *уднѣть.*

3. Относительно внешней формы слова должно заметить, что древний и областной, народный язык предлагает в простейшем, а иногда и в правильнейшем виде многие речения, которые ныне употребляются с некоторыми изменениями. Так, напр., существительное *особа* образовалось из древнего выражения *особѣ,* вм. *о себѣ*, т. е. по себе, само собою, отдельно от прочих; напр., „поляномъ же живущемъ *особѣ*“ (т. е. „когда поляне жили отдельно, сами по себе“), Лавр. лет., 5; в областном, напр. в пск., тверск. и доселе *óсобѣ* — особо, отдельно; в нижег. *особѣ́*. Наречие *теперь* образовалось через сокращение старинного *топерво* (т. е. *то* или *это первое*), имевшего значение „теперь“, „сей час“; напр., „спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица (т. е. горностай) млада, акы *топерво* рожена“ (т. е. рождена), Ипат. лет., 5; в Лавр. сп. лет. 1377 г. тоже *топерво* вм. *теперь*; в Толк. ев. 1434 г. топьрвѣ; в Сказании о седьми русских богатырях (в Сб. повестей XVIII в., принадл. автору) *теперво* (форма, переходная от *топерво* к *теперь*); в обл. просторечии, напр. в арх., и доселе *топéрьво* вм. *теперь;* в чешск. *тепрвъ, тепрво.*

§ 46. Слово с течением времени претерпевает некоторые изменения в своей форме.

Важнейшие из них суть следующие:

1. Сокращение, состоящее в выпуске и усечении не только отдельных звуков, но и целых слогов. Напр., слова: *царь, царство, царствовать,* образовались, через сокращение, из древнейших: ц҃-ѣс-арь, или ц҃-ѣс-арь, ц҃-ѣс-арьство ц҃-ѣс-арьствовати; напр., в Супр.

рук.: азъ цѣсарю моѥмоу христосоу покиноуѧсѧ, 79, цѣсарьствиѥ небесьноѥ, 65; в Стихираре XIV в. русского письма на бомбицине (принадл. автору) почти постоянно цесарь, цесарица, цесарьствие, а также цьсарь, цьсарица, вм. царь, царица, царьствиѥ; форма цьсарь составляет переход от древнейшего цѣсарь к позднейшему *царь*. Слово *сударь* образовалось, через сокращение, из *го-сударь*, в народном языке *осударь* (без придыхания *г*, § 32); *я* (ıа уже в Грамоте вел. кн. Мстислава, данной Юрьеву монастырю 1128—1132 гг., см. Хр.) из ıа-зъ а-зъ (§ 26); *мать, дочь* (цс. мати, дъщи), *имя, сѣмя* (цс. имѧ, сѣмѧ, § 28) — из форм *мат-ерь, доч-ерь* (цс. дъщ-ерь), *им-ен, сѣм-ен,* сохранившихся в косвенных падежах: *мат-ер-и, доч-ер-и, им-ен-и, сѣм-ен-и* и проч.; *надо* — из *на-доб-но* (от корня *доб-,* откуда: *у-доб-ный, по-доб-ный, доб-рый;* древнее и областное *доба* зн. „пора", „время"); *надцать* (в числит., напр. *двѣнадцать*) — из на десѧте (§ 36, примеч. 7); *конь* — из *комонь*, из слова, употребляемого не только в древнерусск., напр. в Сл. о полку Игор., в лет. по Лавр. сп. 1377 г., но и в современном областном, напр. в олон.: „аль нѣтъ у тебя добрыхъ *комоней*", Рыбн., II, 104. *Изба,* в украинск. *издба* (вм. *истпа* или *изтба,* по закону уподобления), в Шестодневе Иоанна екс. Болг. истъба, в Новг. лет. *истьба,* т. е. *истъпа* (от гл. *истопить*), как действительно и встречается в Лавр. сп. лет. 1377 г. *истобъка* и *истопка* (в значении бани). — *Скло* вм. *стекло, цка* вм. *дъска доска.*

Примеч. 1. В просторечии: *кстить* вм. *крестить*, и потом *стинный* или *стильный* (в олон.) вм. *крестинный* или *крестильный;* уже в Ев. 1307 г. воскьсиеть вм. въскрьсиоть. В стих. начала XVII в. „дай *споди*" вм. *господи*. См. Хр. *Спожа* вм. *госпожа*, т. е. богородица, откуда *спожинки* — успенский пост. Слово *богъ* в выражениях: *спасибо*, украинск. *бóдай, прóби* (вм. *пробо*), т. е. спаси бог, бог дай, про или для бога. *Вишь, хошь, небось,* вм. *видишь, хочешь, не бойся.* В областном просторечии: *возь* — возьми, *воздесятъ* — восемьдесят, *гли-ко, ли-ко* вм. *гляди-ко, сма-ка* вм. *смотри-ко, набъ* — надо бы, *помъ* — пойдем. Большая часть этих форм произошли от скороговорки.

2. Перестановка звуков, особенно плавных и придыханий, а вместе с ними и целых слогов; напр., *алкать* и *лакать, алчный* и *лакомый;* напр., в Лексик. Памвы Берынды по Кутеинск. изд. 1653 г. áлч8: лáкн8, глáдомъ таю, 'єстєм голóдныи; в Римск. деян. по сп. XVII в. „Коваль... вельми *лакомъ* (алчен) и золъ". См. Хр. — *Длань* — новг., арх., волог., олон., пермск. *долонь,* украинск. *долоня,* и *ладонь; желвакъ* (от *желвь*) и *жевлакъ*. Как остаток носового произношения буквы ѧ, особенно замечательна перестановка заключающегося в этой букве звука *н,* т. е. *нь* вм. *ьн*, именно в украинск. *мнясо, мнякій,* вм. мѧсо, мѧкый (*мьнсо, мьнкый* — мягкий), и, может быть, в цс. ньз-ити (русск. *нзить, про-нзить*) вм. ѩз-ити (= ьнз-ити), от ѩз-а или ѩз-ıа (болезнь), откуда наше *яз-ва*.

Примеч. 2. В древнем цс. алдиꙗ — *ладья*, ални — *лань*, гомыла — *могила* (в Жит. Бор. и Гл. XIV в. могыла), копривїю — *кропива*. — *Свекла* через перестановку от свекль (в Изб. 1073 г.) — греч. σεῦτλον, новогреч. σεῦκλον. *Сыворотка* или *сывротка* от *сырвотка*, *сировотка*, в украинск. — То же в украинск. *видмедь* или *ведмидь*, *кáпость*, *комлыкъ*, *намастыръ*, *намысто*, вм. *медвѣдь*, *пакость*, *калмыкъ*, *монастырь*, *монисто*. В великорусск.: в ворон., тамб. *ведмедь* вм. *медвѣдь*, в олон. *берда* вм. *бедро*, в влад., казанск. *чеверики* вм. *черевики*, в пермск. *девьнесь* вм. *день весь*, в влад., ряз. *лопено* вм. *полѣно*, в курск. *хракать* вм. *харкать*, как в лет. *хракъ* вм. *харкъ*, и в Кормч. XVI в. *хракати*.

§ 47. Особенно потерпели сокращение и другие звуковые перемены в нашем языке собственные имена лиц, внесенные к нам вместе с христианством. Напр., *Іоаннъ* — *Иванъ*, *Димитрій* — *Дмитрій* и в просторечии *Митрій*. Измененные в русском языке собственные имена еще более удалились от своего иностранного оригинала в формах ласкательных и уничижительных; напр., *Ваня*, *Ванька*, *Ванюша*; *Митя*, *Митюха* и проч. Впрочем, должно заметить, что все эти сокращения и изменения произошли согласно законам звуков и образования слов в русском языке, как напр. из *Георгій* — *Гюргій*, *Юрій* (§ 32), потом ласкат. в древнерусск. *Гургята*, *Гурята*, *Юрята*. То опускается начальный гласный звук; напр., *Настасья*, *Лизавета*, *Сидоръ*, вм. *Анастасія*, *Елисавета* (вм. *Елисаветъ*), *Исидоръ*; то, вместе с тем, вставляется и придыхание; напр., *Ларивонъ*, *Ларіонъ* вм. *Иларіонъ*; то сокращается или опускается начальное *і*; напр., *Іаковъ* — *Яковъ*, *Іосифъ* — *Осипъ* (с переменою *ф* на *п*) и проч. — От *Гавріилъ* и *Михаилъ* образовались формы на *-а*: *Гаврила*, *Михайла*.

Примеч. Вм. *Николай*, древняя форма *Никола* (уже в Жит. Феодос. XII в.) доселе усвоена раскольниками; простонародная форма *Микола*, *Миколай* употребляется и в польск. и в других слав. наречиях. Изменение иноземных собственных имен на русский лад ведет свое начало от древнейших времен, и вообще очень разнообразны в древнерусск. языке эти измененные формы. Уже в О. ев. їоань вм. *Іоаннъ*; в Волынск. ев. XIV в. иовань, потом уже в Жит. Бор. и Гл. XIV в. и в Новг. гр. около 1301 г. *Иванъ*; в Кормч. по сп. 1282 г. овдокимь; в Печерск. патер. по сп. 1460 г. ларионь, и мн. др. — Примеры изменения по украинск. говору: *Онопрій* — *Онуфрій*, *Охримъ* — *Ефремъ*, *Панасъ* — *Аѳанасій*, *Пилипъ* — *Филиппъ*, *Хтодонтъ* — *Ѳеодотъ*, *Леськó* — *Алексѣй*.

ОБРАЗОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

1. ГЛАГОЛ

§ 48. Основными корнями в образовании частей речи знаменательных бывают корни глагольные, от которых происходят как глаголы, так и имена существительные и прилагательные.

Напр., от корня *чьт-* (чьт-ѫ, чьс-ти, *чту, честь, про-честь*) происходят: *четъ* (вм. чьтъ, т. е. пара; напр., „*четъ* и *нечетъ*"), *чет-ный, с-четъ, чес-ть* (цс. чьсть), *чес-т-ный, чис-ло,* цс. чис-мѧ и проч. От корня *бъд-* (бъд-ѣти, т. е. бодрствовать): *буд-ить, бод-ръ* (цс. бъд-ръ), в значении бдительного, напр. „*бодру* (т. е. бдительну) быти на пѣнье церковное", Лавр. лет., 79.

Примеч. Есть несколько существительных и прилагательных имен первообразных, которым глагольных корней не находим ни в русском, ни в церковнославянском языке; напр., *богъ, день, земля, небо, ночь, бѣлъ, нагъ* и др. Такие слова принадлежат к древнейшему достоянию языка, общему всем соплеменным наречиям и родственным языкам. Потому глагольные корни этих имен были затеряны еще в эпоху доисторическую. См. Приложение.

§ 49. Глагольные корни могут состоять только из одного слога, а именно:

1) Из одного гласного звука; напр., оу-ти (*об-у-ть*), и-ти (наст. и-д-ѫ, со вставным *д*); ныне употребительная форма *и-д-ти* образовалась от настоящего времени *и-д-у,* с удержанием приметы *д: ид-ти* (§ 87).

2) Из гласного с согласным; напр., *ук-;* откуда: *уч-ить; на-ук-ъ, на-ук-а.*

3) Из согласного с гласным; напр., бы-ти, откуда: *бы-ль, бы-тъ; да-ть,* откуда: *да-нь, да-ръ;* дѣ-ти (деть, напр. „куда *дѣлъ?*"), откуда: *дѣ-ло;* пѣ-ти, откуда: *пѣ-с-нь.*

4) Из согласного, гласного и согласного; напр., *мок-,* откуда: мок-нѫ-ти, *мок-ръ.* Так как придыхательный звук *i* (*j*) имеет значение согласного (§ 32), то сюда же относятся корни: *яд-* (*ѣд-*), откуда: ꙗс-ти, *ѣс-ть, яд-ъ, ѣд-а;* ꙗ- (т. е. *ем-* или *им-*), в глаголе ꙗ-ти, ѥм-лѭ, откуда: *ем-кій, по-ем-н-ый.*

5) Из двух согласных и одного гласного; напр., *слу-,* откуда: слоу-ти, *слу-хъ, слы-ть, сл-ов-о, сл-ав-а* (§ 30).

6) Из одного гласного между несколькими согласными; напр., *стер-*, стьр-, откуда: стьр-ти, *стр-ана, про-стр-ан-ство.*

§ 50. Глагольный корень развивается в языке двояким образом: или изменяет свой внутренний состав, или прикрывается приставками и окончаниями:

I. Изменения в составе глагольного корня бывают двух родов; а именно:

1) Помощию у с и л е н и я звуков гласных и плавных (§ 30), причем глагольный корень: а) переходит в имя; напр., *мр-у м-о-ръ, вез-у в-о-зъ;* съх-(нѫти) *сухъ,* и б) изменяется, как в залоге глагола; напр., *мр-у мор-ю,* так и в виде; напр., *вез-у вож-у.*

2) Помощию удвоения коренного согласного звука. Этот способ развивать глагольные корни сохранился у нас в немногих формах. Между глаголами замечательно удвоение корня *да-*, в форме *дад-: дад-имъ дад-утъ.* Бóльшая же часть удвоенных форм осталась в существительных, первоначально происшедших от глагольных корней. Напр., *пра-поръ* (от гл. *пар-йть;* зн. „знамя"), откуда *прапор-щикъ; пе-пелъ* или *по-пелъ* (от гл. *пла-ти*), *гла-голъ* (при слове *гла-съ*), *па-порт-ь па-порт-никъ* и проч.

Примеч. 1. В церковнославянском удвояется также корень глагола *дѣ-ть* (именно в сложном *о-дѣ-ть*): *дед-*, откуда повелит. накл. дежди, о-дежди (одень), с смягчением *д* в *жд* (§ 36), и с переходом *е* в *ь* и *жд* в *ж*: одьжи, т. е. одень, в Злат. цепи, рукописи XIV в.

Удвоение глагольного корня весьма обыкновенно в некоторых родственных славянских языках. См. Приложение.

II. Прикрытие глагольного корня приставками и окончаниями дает ему полную форму слова, в речи употребляемого.

В рассуждении образования глаголов помощию окончаний, должно отличать глаголы первообразные от производных. Первообразные глаголы приставляют знак неопределенного наклонения *-ти, -ть* непосредственно к корню глагола; напр., *зна-ть, печь (пек-ть), крас-ть (крад-ть);* производные же — посредством звуков: *а, ва (я), ова (ева), и, ѣ, ну* (нѫ); напр., *чит-а-ти, да-а-ти, да-я-ти* и *да-ва-ть, пир-ова-ть, гор-ева-ть, черн-и-ть, черн-ѣ-ть, дви-ну-ть,* двиг-нѫ-ти. Эти вставные звуки называются приметами глагола (§§ 84 и 85).

Производные глаголы образуются из первообразных весьма часто при посредстве имен; напр., *ду-ть ду-хъ ду-ш-ить, дѣ-ть (дѣ-я-ть) дѣ-ло дѣ-л-ать, вез-ти возъ воз-ить, сѣс-ть садъ сад-ить.*

Примеч. 2. Иные глаголы, принятые в современном книжном языке только с приметами, т. е. как глаголы производные, — в древнем и народном языке употребляются без примет, т. е. в своих первообразных формах; напр., в древн. цс. сѣ-ти вм. сѣ-ꙗ-ти, и сѣ-мѧ прямо от древн. формы, как и древн. прич. сѣ-ть (посеян); в О. ев. чоу-ти, как и в украинск. до сих пор, а также и в народном великорусск., напр. *чулъ* вм. *чуялъ.* Вместо *ча-я-ть* в просторечии *чать*, откуда *чалъ, чато* вм. *чаялъ* или думал, думано. Отсюда же частицы *чуть* и *чать.* Вм. *окаянный* древняя форма оканьныи, постоянный эпитет князя Святополка в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб. XIV в., а также и в древнейших летописях — образовалась через причастие от гл. *ка-ти* (с предлогом *о*), откуда и *ка-знь* (как от *болѣ-ти — болѣ-знь*), вм. гл. ка-ꙗ-ти (откуда древн. цс. производное ка-ꙗ-ꙁнь вм. *ка-знь*).

§ 51. Важнейшие формы в образовании глагола суть залоги, виды, причастия с деепричастиями и неопределенное наклонение. Что эти принадлежности глагола относятся

не к спряжению, а к словопроизводству, явствует из участия их в образовании слов. А именно: залоги и виды могут происходить от первообразных форм через существительные отглагольные; напр., *слы-ть слов-о слов-ить* (*благо-слов-ить*), *вез-ти возъ воз-ить;* признак вида остается иногда в именах отглагольных; напр., *вы-ть за-вы-ва-ть за-вы-ва-ніе, бы-ть бы-ва-ть бы-ва-лый пре-бы-ва-ніе по-бы-ва-ль-щи-на не-бы-ва-ль-щи-на.*

Причастия, будучи сами прилагательными отглагольными, входят своими суффиксами в образование других частей речи; напр., *с-ви-ть,* прич. *с-ви-тъ,* откуда сущ. *с-вит-окъ; приня-тъ приня-тіе, люб-им-ый люб-им-ецъ, могу* прич. действ. наст. мог-ы мог-жѩи мог-жщь-ство, шьдъ шь-ствие (вм. шьсь-ствие), бол-ѩщи *бол-яч-ка, сп-ящ-ій сп-яч-ка, смѣ-лъ смѣ-ль-чакъ, бы-лъ бы-л-ина,* пришьлъ (пришел) пришьл-ьць, *пришлецъ* или *пришелецъ* и проч. Деепричастия суть видоизменение причастий.

Неопределенное наклонение есть не что иное, как существительное, от глагола произведенное, и потому, по образованию своему, подлежит общим законам с существительными отглагольными.

Так как в связи с образованием глагольных принадлежностей составились в языке многие формы имен, то, говоря о первых, должно касаться и последних.

§ 52. Залог. Первообразные глаголы, по своему значению, бывают двух залогов: действительного, напр. *даю, знаю,* и среднего, напр. *есмь, мру, ѣду*. Важнейшие приметы прочих глаголов, как производных, так и сложных, суть следующие:

1. Примета *и* дает глаголу значение действительного залога; напр., *живъ жив-и-ть, жен-а жен-и-ть, рух-нуть руш-и-ть.* Этою приметой пользуются глаголы винословные, произведенные от первообразных глаголов помощию усиления звуков (§ 30). Винословные суть такие производные глаголы действительного залога, которые означают действие, приводящее предмет в то состояние или действие, которое выражается глаголом первообразным; напр., *мру моръ мор-ить, теку токъ точ-ить, слы-ть слава слав-ить, быть -бава -бав-ить* (с предлогами *за-, у-, при-, с-*).

2. Примета *ѣ* дает глаголу значение среднего залога, в отличие от приметы *и;* напр., *богатъ богат-ѣ-ть* и *о-богат-и-ть, слабъ о-слаб-ѣ-ти* и *о-слаб-и-ть, бѣл-ѣ-ть* и *бѣл-и-ть, черн-ѣ-ть* и *черн-и-ть.* Так как *ѣ* после шипящих иногда переходит в *а* (§§ 25 и 37), то к глаголам с приметою *ѣ* должно отнести: *дрож-а-ть, молч-а-ть, слыш-а-ть* и проч.; впрочем, употребляются и с *ѣ*, хотя и редко; напр., *дюжѣть, хорошѣть.*

3. Примета *н, ну* (нѫ), отбрасываемая в прошедшем причастии (напр., *о-слѣп-ну-ть о-слѣп-н-ешь о-слѣпъ),* придается к глаголам значения **среднего** и, так же как примета *ѣ,* противополагается примете *и;* напр., сѫх-нѫ-ти сѫх-н-єши и *сухъ суш-и-ть,* глѫх-нѫ-ти глѫх-н-єши и *глухъ о-глуш-ить, слѣп-ну-ть* и *слѣп-и-ть.*

Впрочем, некоторые из глаголов этого разряда употребляются у нас в прошедшем причастии двояко: и отбрасывают, и удерживают примету *ну.* Напр., *дох-ну-ть из-дохъ* и *вз-дох-ну-лъ, у-молк-ну-ть у-молкъ* и *у-молк-ну-лъ, сох-ну-ть об-сохъ* и *об--сох-ну-лъ, до-стиг-ну-ть* (и *до-стичь*) *до-стигъ* и *до-стиг-ну-лъ, то-ну-ть* (вм. *топ-ну-ть*): старинное *у-топъ* и ныне употребительное *у-то-ну-лъ.*

Примеч. Напр., „поникла и *умолкла*", Пушк., IX, 95. „Чтожъ ты *умолкъ*?", Жук., VI, 133; и „сказавши такъ, Гудерсъ *умолкнулъ*", Жук., VI, 89. Вообще должно заметить, что у наших писателей весьма употребительны эти глаголы в прошедшем времени, с приметою *ну.* Напр., у Дмитриева: „*умолкнулъ* гласъ, и громъ трикратно...", I, 6; „*исчезнулъ* вмигъ весенній цвѣтъ", II, 38; „гроза *утихнула*", III, 27; „*завянулъ* цвѣтъ лица", III, 42; у Бат.: „я *вянулъ,* исчезалъ", II, 36; „*проникнулъ* взорами въ небесные чертоги", II, 111; у Жук.: „пѣвецъ *угаснулъ* отъ печали", II, 81; „но *стихнула* свирѣпость бури", III, 170; „въ каминѣ огонь, догорѣвши, *потухнулъ*", V, 159; „но подулъ вѣтерокъ, онъ *обсохнулъ*", II, 255. „И той гостинницы *достигли*", VI, 91; и „тѣмъ временемъ Рустемъ *достигнулъ* стана", VI, 120; „порывистый вѣтеръ *настигнулъ* нашу ладью", IV, 46; и даже — *поклянулся* вм. *поклялся:* „но когда я *поклянулся* не нанесть тебѣ обиды", V, 44.

4. Глаголы среднего залога (кроме глаголов с приметами *ѣ* и *ну*), с приставкою **предлога**, иногда принимают значение действительного. В таком случае от них употребляется и причастие страд. залога. Напр., *идти на-йти на-йденный, бы-ть за-быть за-бытый за-бвенный, жить на-жить на-житой* и проч.

5. Глаголы как действительного, так и среднего залога могут слагаться с **местоимением** *-ся* (сѧ = себя); напр., *мыть мыть-ся, краснѣть краснѣть-ся.* К глаголам действительного залога, сложенным с частицею *-ся,* принадлежат **возвратные**. Есть и такие глаголы, которые без *-ся* в современном языке не употребляются; напр., *смѣять-ся, боять-ся, на-дѣять-ся, гордить-ся.* Такие глаголы именуются **общими**. Первоначально они могли иметь смысл и без местоимения *-ся,* что́ явствует как из слов производных; напр., *о-смѣять, смѣ-хъ, боя-знь* и проч.; так и из языка старинных памятников, в которых эти глаголы употребляются отдельно от местоимения *ся.*

§ 53. Вид. В образовании видов глагола язык пользуется следующими важнейшими способами:

1) Усилением звуков (§ 30); напр., *вед-у вод-ить, вез-у воз-ить, бред-у брод-ить, нес-у нос-ить; бр-ать (под)-бир-ать, стл-ать (под)-стил-ать, рв-ать (вы)-рыв-ать; мя-ть, жа-ть* (мѧ-ти, жѧ-ти) — *(за)-мин-ать, (за)-жим-ать, (за)-жин-ать; (от)-н-я-ть* (от гл. ꙗ-ти) *(от)-н-им-ать.*

2) Продолжением окончания глагола помощию звука *а,* или *я* и *ва* (т. е. *а* с придыханиями *j* и *в,* для благозвучия, § 32); напр., *пад-у пад-а-ть пад-а-ю; да-ть да-ва-ть* да-ꙗ-ти (т. е. да-а-ти), *быть бы-ва-ть.* В этом случае звук *а* для бóльшей силы принимает на себя ударение; напр., *брóс-ить брос-áть, кóнч-ить конч-áть.*

3) Наращением того же продолжения *а* или *я* вставкою перед этими звуками звуков *ы* или *и,* которые, соединяясь с *а* или *я,* принимают после себя, для благозвучия, придыхание *в;* и таким образом происходят слоги: *-ыва* и *-ива;* напр., *кид-а-ть кид-ы-в-а-ть, гул-я-ть гул-и-в-а-ть* (*опро-кидывать, про-гуливать-ся*). При этом ударение переносится на коренной гласный звук, а если он будет *о,* то при ударении поднимается до *а;* напр., *брос-ать, конч-ать — брáс-ывать, кáнч-ивать* (*от-брáсывать, о-кáнчивать*).

4) Окончанием *ну* (нѫ), не выпускаемым в прошедшем причастии (в отличие от выпускного *ну,* § 52). Напр., в церковнославянском языке: двиг-нѫ-ти, зи-нѫ-ти (от зи-ꙗ-ти) и проч.; в русском: *кол-оть коль-ну-ть, зѣв-ать зѣв-ну-ть* (от зи-ꙗ-ти). Между этими глаголами есть, впрочем, и такие, которые, ни в неопределенном наклонении, ни в причастии прошедшем, *ну* не допускают: *дѣ-ть дѣ-ну, ста-ть ста-ну.*

Примеч. 1. В областном языке примета *ну* имеет более обширное применение. Напр., от гл. *чать чну,* в пск., тверск. *чнуть* (в форме *учнуть*), и *чáнуть, почануть, учануть* — начать, стать; в прош. *учанулъ.* От обл. *подыть* (напр., в курск. *подыться* — подняться) — *подынуть* — поднять, в пск., тверск. (при гл. *дму, дмить*); от *спать, стать* — в пск., тверск. однократные: *сыпнуть, стынуть,* прош. *стынулъ.* То же встречаем в древнем языке, не только по русск. наречию, но и других слав. племен. В Жит. Феодос. по сп. XII в. починоуть вм. почиѫть (спят, уснут); в Жит. свят. XVI в. станѫти вм. стати; в Болг. сб. 1345 г. легнот (т. е. ляжет) во улѣкь с вечера; там же: повинѫтьсѧ емоу (будут повиноваться); в Сильвестр. сб. XIV в. тѣло повинулъ будеть своюй дши. Эта древняя форма *винуть* (цс. винѫти) доселе сохранилась в арх. наречии, вм. *винить.*

5) Предлогами, которые приставляются как к первообразным глаголам, так и к производным; напр., *веду по-веду, вожу по-вожу по-важиваю; несу по-несу, ношу по-ношу по-нашиваю.*

В отношении к видам глагола, русский язык отличается от церковнославянского тем, что более развил как многократные, так и однократные формы.

1) Многократные формы претерпели следующие изменения в истории нашего языка. а) Древнерусский язык производил эти формы свободнее нашего. В старинных памятниках постоянно встречаем формы, подобные, напр., следующим: *да́выважъ, бы́вываль, ве́ливалъ, и́мывалъ* (т. е. бирал), *ку́пливалъ, отби́вывалъ* и проч. б) По формам многократного вида нынешнее областное просторечие ближе к древнерусскому, нежели к нашему книжному языку; напр., в дух. стих. „*кладывали* душеньку на золоту мису“ — „крошечки *собирывали*“ — и даже в наст. вр. „крошечки *подбирываютъ*“, Кал., I, 74, 76, 79.

2. Русский язык усвоил себе особенные усеченные формы, которые даже внешним видом своим соответствуют мгновенности действия, ими выражаемого; напр., *гляд-ѣть глядь, хват-ать хвать, стук-ать стукъ, хлоп-ать хлопъ*. Эти формы, чисто глагольного происхождения, состоят по употреблению в одном разряде с некоторыми междометиями, преимущественно с звукоподражательными, означающими тоже мгновенность действия; каковы, напр., *бухъ, бацъ* (§ 78). Усеченными формами древний и народный язык тоже богаче современного книжного.

Примеч. 2. Так, напр., в пословице, употреблявшейся в XVIII в.: „ѣхалъ дорогою да *верть* цѣликомъ“ (в Письмовн. Курганова), речение *верть* (т. е. вернул, от гл. *верт-ѣть*), без объяснения, стало уже нам непонятно. Приводимое Ломоносовым (в Граммат., § 427) *совъ* (от гл. *сов-ать*) уже вышло из общего употребления. В областном просторечии: „*пахъ* окномъ“ — „*пекъ* его въ ухо“ (т. е. пахнул, хватил).

§ 54. Причастия и деепричастия. В церковнославянском языке деепричастий нет, а есть только причастия краткие и полные. Наши деепричастия произошли от причастий кратких, которые некогда были и в русском языке, как и в древнем церковнославянском; собственно же причастия соответствуют у нас церковнославянским полным.

Надлежит рассмотреть состав причастий кратких и полных в церковнославянском языке сравнительно с образованием деепричастий и причастий языка русского.

1. Причастия краткие:

а) Настоящего времени действительного залога:

	муж.	жен.	ср.
ед.	хвалѧ сы	хвалѧщи сѫщи	хвалѧ сы
дв.	хвалѧща сѫща	хвалѧщи сѫщи	хвалѧщи сѫщи
мн.	хвалѧще сѫще	хвалѧщѧ сѫщѧ	хвалѧща сѫща

б) Прошедшего времени действительного залога:

	муж.	жен.	ср.
ед.	бивъ	бивъши	бивъ
дв.	бивъша	бивъши	бивъши
мн.	бивъше	бивъшѧ	бивъша

Русский язык, образовав деепричастия из причастий кратких, позабыл род и число; напр., *дѣлая дѣлаючи, бивъ биши;* ибо наши окончания *-чи* и *-ши*, собственно, соответствуют окончаниям церковнославянских причастий жен. рода: -щи (или -шти) и -ши, но рода не обозначают. Уже в древнерусских памятниках смешиваются числа и роды этой церковнославянской формы.

Об употреблении деепричастий в русском языке должно заметить следующее:

а) Окончание деепричастия *-чи* весьма употребительно как в древнерусском языке, так и в областном просторечии. В образованном же языке, за исключением формы *будучи*, оно заметно вышло из употребления, удержавшись только в разговорной речи; напр., у Пушк.: „*поючи* да *пляшучи*, женишковъ *поджидаючи*“, X, 38; но книжный язык пользуется преимущественно деепричастием наст. вр. на *-я* (с его звуковой заменой *-а*), допуская весьма редко разговорную форму на *-чи;* напр., *идучи* вм. *идя, играючи* вм. *играя* и нек. др.

Примеч. 1. В Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. деепричастия уже не различаются по родам. В Поуч. Влад. Моном. *умѣючи, ся не боячи, вдадуче;* в Сл. о полку Игор. *звонячи, лелѣючи;* в Злат. цепи XIV в. *пьюче, призываюче.* См. Хр. — В обл. языке: *ѣдаючи(сь), пиваючи(сь), даваючи(сь),* в олон., Рыбн., I, 111; даже *бывучи* (вм. *бывши*), в моск., Кал., I, 53; в сиб. *безумывчи* — не умывшись.

б) Русский разговорный язык употребляет окончание деепричастия наст. времени *-я* (и *-а*) в глаголах совершенного и однократного вида, вместо окончания деепричастия прош. времени. Такую замену окончаний встречаем как в древних памятниках, так и у позднейших образцовых писателей.

Примеч. 2. Напр., в Волынск. лет. XV в. возмѧ вм. *взявъ;* у Ломоносова: „земныхъ *оставя* низкость мѣстъ“, Ода 2; „злыхъ совѣты *раззоря*“, Ода 2; у Ф. Визина: „*завезя* жену домой, ѣздилъ я въ Университетъ“, 428; „развѣ мы *спустя* рукава живемъ“, 70; у Карамзина: „*оставя* на время новую свою обитель, явися очамъ ихъ“, II, 135—6; „почтенный старецъ сидѣлъ, *приставя* къ уху мѣдную трубку“, II, 352; у Пушк. в V томе: *поставя,* 38, *допустя,* 45, *представя,* 40, *брося,* 89, *услыша,* 101 и проч. (вм. *поставивъ, допустивъ, представивъ, бросивъ, услышавъ*).

Примеч. 3. В древнерусск. с самых ранних времен стало употребляться деепричастие (вместо краткого причастия) наст. вр. — на -а вм. -ы; напр., в

Изб. Свят. 1073 г. дада вм. дадꙑ, у Нестора в Жит. Феодос. XII в. дада, пека, ѣда, даже дойда, вм. дадꙑ, пекꙑ, ꙗдꙑ, *дойдя* (как *возъмя, оставя* и проч. См., предыдущее примеч.); в Хожд. богород. по сп. XII в. мога (см. Тих. Пам.); в Добрил. ев. 1164 г. даже с полным окончанием: чьтаи вм. чьтꙑи; в Сб. XV в. мога, рка и река, вм. могꙑ, рекꙑ (см. Хр.). Слич. в украинск. *якъ мо́га* — сколько можно, и в великорусск. послов.: „кто ково *смогá,* тотъ тово и въ рогá". Причастие на *-а* и доселе употребляется в чешск. наречии, с изменением по родам и числам; напр., *дада, дадауц, дадауце* *.

2. Полные причастия образуются в церковнославянском языке по образцу прилагательных (§ 58 и 65), приложением местоимения *и:* так, причастие настоящего муж. рода: хвалѧ-и, градꙑ-и; прошедшее: бивъ-и (или бивꙑи), послꙋшавꙑи и проч. В прочих родах и в косвенных падежах для причастия настоящего времени берутся звуки -ѫщ или -ѭщ в 1-м спряжении и -ѧщ или -ѩщ во 2-м спряжении, а для причастия прошедшего времени звук ш. Напр., род. падеж ед. числа муж. рода: зовѫщаго, хвалѧщаго, видѣвъшаго. Наши причастия настоящего и прошедшего вр. действительного залога образовались окончаниями косвенных падежей церковнославянских и древнерусских причастий; напр., *зов-ущ-iй, хвал-ящ-iй, видѣв-ш-iй.*

§ 55. Причастия составляют один из важнейших предметов в образовании языка, потому что имена, происходя от глаголов, пользуются по преимуществу окончаниями причастий. Образовавшиеся таким образом имена существительные означают или лицо действующее, при влиянии суффикса причастия действ. залога, или предмет, подлежащий действию, и самое действие, при влиянии суффикса причастия страд. залога. Имена же прилагательные, происшедшие от причастий, обращают действие предмета в его свойство.

Предварительно должно сделать следующие два замечания: 1) В образовании языка не так строго, как в современной речи, соблюдалось отличие причастий действительных от страдательных: что́ явствует, напр., из производства причастий страдательных от глаголов среднего залога, как в церковнославянском языке, напр. бꙑва-ѥмꙑи, так и в русском, особенно в просторечии; напр., „это мѣсто *и́деное*" (т. е. мы уж были тут, ходили, прошли), Даль., Слов.; в народных песнях: „не въ бесѣдѣ было *сижено,* | не въ саду да было *гуляно*". В языке литературном, напр. у Карамз. „я ни къ кому не *прибѣженъ*", Письма Карамз. к Дмитр., 243. 2). Отсюда ясно, почему в некоторых именах, происшедших от причастий, значение залога пропадает, хотя и сохраняется звуковой признак причастия действительного или страдательного залога.

Рассмотрим каждое из окончаний причастий в отдельности.

---

* Исправлено. В предыдущих изданиях *дада, дадауце, дадаусь. (Ред.)*

I. Окончания причастий **настоящего** вр. **действительного** залога в церковнославянском языке уже рассмотрены, они оказываются или вполне: -ѫщ (-ѭщ) и -ѧщ (-ꙗщ), или в сокращении: -ѧ или -ꙗ и -ы. Отличительной приметой этих суффиксов служит **носовой** звук (в соединении с *т*, смягчающимся в *шт* или в *щ*, в окончаниях: -ѫшт, -ѧшт, или -ѫщ, -ѧщ). Прич. наст. на -ы имеют глаголы древнейшие, или неправильные: єс-мь с-ы с-ѫ-щи, да-мь (вм. дад-мь) дад-ы дад-ѫ-щи, вѣ-мь (вм. вѣд-мь) вѣд-ы вѣд-ѫ-щи, ꙗ-мь (вм. ꙗд-мь) ꙗд-ы ꙗд-ѫ-щи, а из правильных только те глаголы 1-го спряжения, которые так же, как и неправильные или древнейшие, имеют тему на согласный звук; напр., нес-ѫ нес-ти нес-ы нес-ѫ-щи, пек-ѫ пещи (вм. пек-ти) пек-ы, жив-ѫ жив-ы, им-ѫ им-ы; прочие же глаголы 1-го спряжения, с темою на гласный звук и все 2-го спряжения имеют прич. наст. вр. на -ꙗ; напр., би-ѭ би-ти би-ꙗ би-ѭ-щи, хвал-ѭ хвал-и-ти хвал-ꙗ. (Слич. §§ 85 и 86.)

Русский язык своего собственного причастия действ. залога наст. времени уже не имеет, а пользуется церковнославянским на *-щій;* напр., *дѣлающій, говорящій.* Когда же, по своему природному свойству, изменяет в этом окончании *щ* на *ч,* тогда перелагает причастия на прилагательные. Отсюда ясно, почему 1) причастия, оканчивающиеся на *-щій,* принадлежа языку книжному, мало употребительны в разговорном, за весьма немногими исключениями; и 2) почему прилагательные на *-чій,* за исключением немногих, вошедших в язык книжный, составляют принадлежность народной речи. Напр., *могучій, стоячій* (напр., „дерево *стоячее*“), *кипучій, ходячій* (напр., „облако *ходячее*“), *зыбучій* (напр., „болото *зыбучее*“), *горючій* (напр., „бѣлъ *горючъ* камень“), *ползучій* (в сказк. „муравьи *ползучіе*“, Афанас., VI, 509) и др. — Эти формы на *-чій* могут производиться и по 1-му спряжению на *-у-чій* или *-ю-чій,* и по 2-му на *-а-чій* или *-я-чій,* а в областном говоре даже на *-ы-чій;* напр., *брод-учій* (путь, след) и *брод-ячій* (кочевой), *вид-учій, вид-ючій* и *вид-ячій* (зрячий), а в обл. северн. и *вид-ычій,* Даль, Слов.

Примеч. 1. Впрочем, между такими прилагательными народный язык сохранил значительное число, с звуком *щ* вм. *ч*; напр., *завидущій, загребущій* (напр., в поговорке: „глаза *завидущи,* руки *загребущи*“); *заблудящій, залетящій* (напр., в Древн. русск. стих. „что корова *заблудящая,* что ворона *залетящая*“, 15 и 16); *распадущій, некладущій* (напр., в загадке: „кости мои *распадущи* и во гробѣ *некладущи*“, Парн. щеп., 47); *трепущій* — трепещущий, т. е. живой (напр., в заговоре по сиб. наречию: „съ крови горячей и *трепущаго* тѣла“); *умирущій* — эпитет смерти (напр., в дух. стих. „отъ смерти *умирущей* казной отсыплюсь“, Кал., I, 62); в пск. *бодущій* — бодливый, *бдѣющій, бдющій* — ретивый, старательный; *забѣдящій,* в выражении: „*забѣдящая* свѣча“ — свеча, поставленная в церкви за бедующую или грешную душу, Даль, Слов.; *словущій* (от *слыть*). — Эти народные формы на *-щій* употребляются иногда безразлично, то в значении действительного залога, то страдательного; напр., *завидущій* в упомянутом выражении: „глаза *завиду-*

щи" — в действ.; а в пословице: „*завидущи* сѣмяны въ полѣ, горохъ да рѣпа" и проч., в страд., т. е. завидны, привлекательны. От гл. *забыть: забыдящій* — забытый, заброшенный (напр. в дух. стих. „нашли они *забыдящую* келью", Кал., I, 108), и *забыдущій* или *забудущій* — повергающий в забвение, усыпляющий; напр., в олон. былинах „зелье *забыдущее*" или *забудущее* и даже: „спящее зелье *забудущее*", — т. е. сонное, Рыбн., I, 211, 222; II, 287. В песн. по арх. наречию: „съ житьемъ дѣвичьимъ безпечальнымъ, | безпечальнымъ, *забудущимъ*", т. е. легко забывающим, не помнящим ни зла, ни беды. Некоторые из прилагательных этого разряда вошли в книжный язык; напр., *плодущій, работящій, непьющій, завалящій* (обл. *валющій*), *зрящій* (при слове *зря* — кое как).

Некоторые причастия на *-щій* получили в языке смысл прилагательных, каковы, напр., *настоящій, будущій, сущій* (напр., „*сущая* правда", „*сущій* грѣхъ"). Последнее слово произошло от церковнославянского: сы, сы-и, сѫщи, причастия наст. вр. глагола есмь.

Общеупотребительный язык причастия будущего времени на *-щій* не допускает, за исключением причастия *буду-щій*, которое первоначально имело значение настоящего времени, чтó явствует из деепричастия *буду-чи*, как оно действительно и употреблялось, напр. в Волынск. лет. XV в., и как доселе в украинск. *будучій* — настоящий.

Примеч. 2. Как в древнерусских памятниках, так и у новейших образцовых писателей встречаем, хотя и весьма редко, в виде исключения из общего правила, причастия настоящего времени на *-щій*, от глаголов совершенного и однократного вида, в значении будущего времени. Напр., в Супр. рук. аште видиши члов҄ѣка... приідѫшта къ тебѣ (т. е. который придет); в Григ. Богосл. XI в. въсрьснѫщꙗ (имеющего воскреснуть); в языке летописей: „на *придущемъ* вѣцѣ", т. е. в будущем веке, Лавр. лет., 74. В новой литературе, напр. у Жуковского: „братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно *падущихъ*", V, 71.

Имена существительные, образовавшиеся помощию суффикса прич. наст. действ.

1) Древнейшие, к которым относятся: а) с суф. -ѫт, еще не смягченным в -ѫщ или *-уч:* от гл. *могу:* цс. мог-ѫть — господин, владыка, откуда наше прилаг. *мог-ут-ный;* от гл. *слыть: слов-ѫт-ь,* откуда в Сл. о полку Игор. отчественное *слов-ут-ичь* („о Днепрé, *Словутицю*"). Сюда должно быть отнесено древнерусск. и народное *суть* (сущность) вм. сѫть, от прич. сы, сѫщи, с несмягченным *т:* оттуда древн. цс. *сѫть-ство* (вм. *сѫщь-ство*), и потом наши *от-сутство-вать, при-сутство-вать,* почему и пишется с *т,* а не с *д.* Слич. § 59, 19. б) С суффиксами *-ѫщ* и *-ѧщ*, русск. *-яч,* от утраченного корня: тыс-ѫщ-а (вм. тыс-ѫщ-и жен. р.) и тыс-ѫщ-е ср. р., потом тыс-ѧщ-а, *тысяча.*

2) Позднейшие: а) с окончаниями, прилагаемыми к цс. суффиксу -ѫщ: *им-ѫщ-ь-ство,* с-ѫщ-ь-ство, *буд-ущ-ность,* и б) к

русск. суффиксу *-ач* или *-яч* (вм. -ѧщ): *сп-ящ-ій сп-яч-ій сп-яч-ка, бол-ящ-ій бол-яч-ій* (имеющий свойство болеть, напр. в пословице: „огонь горячо, а дитя *болячо́*“), откуда *бол-яч-ка*.

II. В церковнославянском языке два прошедших причастия действительного залога, 1-е и 2-е. 1-е удержалось и у нас в виде причастия и деепричастия прош. времени, а 2-е сохранилось в прошедшем времени глаголов изъявит. наклонения; напр., *сталъ, увялъ*.

1. Окончания причастия 1-го в церковнославянском языке суть следующие: *-въ, -ъ, -ь;* напр., би-въ, вед-ъ, оставл-ь (оставив), спрош-ь (спросив); и в полном виде, те же звуки с прибавкою звука *ш;* напр. би-в-ъши, вед-ъшааго, оставл-ьша и проч. В русском языке остались те же окончания, за исключением *ь*.

Окончание *-въ, -вшій* прилагается к темам глагола на гласный звук; напр., бы-ти бы-въ бы-в-ъши, зна-ти зна-въ, *видѣ-ть видѣ-въ видѣ-вшій*. Окончание *-ъ* прилагается к теме на согласный звук; напр., церковнославянские формы усеченные: вед-ъ, вълѣз-ъ, простьр-ъ, въжег-ъ, тек-ъ; русские полные: *вед-шій, в-лѣз-шій, про-стер-шій, за-жег-шій, тек-шій*. Впрочем, русский язык, в отличие от церковнославянского, в некоторых случаях отклоняется от этого правила, употребляя *в* перед *ш* вместо коренного *д;* напр., *ѣвшій, сѣвшій,* при церковнославянских пад-ъши, сѣд-ъши и проч. Потому из двух форм, равно употребительных в нашем языке: *падшій* и *павшій,* первая, согласная с свойствами церковнославянского языка, прилична речи книжной; напр., „*падшій* духъ“; а вторая, составившаяся по русскому выговору, употребительна в речи разговорной.

Окончанием на -ь в цс. языке сокращается окончание причастий на -ивъ, глаголов 2-го спряж., причем согласные, стоящие перед этим окончанием, соединяясь с -ь, смягчаются; напр., сътвор-ивъ сътворь, наоуч-ивъ наоучь, остав-ивъ, оставль, прѣлом-ивъ прѣломль, врѣд-ивъ врѣждь, запрѣт-ивъ запрѣщь, погрѫз-ивъ погрѫжь, испрос-ивъ испрошь; в жен. р. сътворь-ши, оставль-ши и т. д.

Из имен прилагательных, образовавшихся помощию суффиксов причастия прошедшего 1-го, осталось в общем употреблении *служ-и-вый* от глагола *служ-и-ть* (древнерусск. *служилый*), т. е. прич. *служивъ* с полным окончанием, как в вятск. *бы́-вый* вм. *бы-вшій;* из существительных сюда принадлежат кончащиеся на *-во;* напр., *пи-во, жни-во, огни-во* (от глагола *огнить* от *огонь*), как в украинск. в том же значении употребляется *креси-во* (и в польск. *кржеси-во*) от гл. крѣсити (в лет. по Лавр. сп. 1377 г. вм. *воскресить*) и *креса-ло* от того же глагола в форме *кресати*.

2. Окончание 2-го прошедшего причастия есть *л;* напр., *бы-лъ бы-ла бы-ло, па-лъ* вм. *пад-лъ* (§ 38), цс. мог-лъ, съ-пас-лъ, русск. *могъ мог-ла, с-пасъ с-пас-ла* (§ 38). Это причастие, употребляющееся в церковнославянском языке только с усеченным окон-

чанием, перешло к нам в виде прош. времени изъявит. наклонения (§ 88), потому эта форма, в отличие от прочих времен, изменяется не по лицам, а по родам; напр., *я былъ, ты былъ, онъ былъ, я была, ты была* и проч.

С этим окончанием причастия образовались следующие формы:

1) Прилагательные. Принимая полную форму, причастие прошедшее 2-е, преимущественно из глаголов средних, переходит в прилагательное. Напр., *былъ былой бывалъ бывалый, жилъ жилой, мерзъ мерзлый, стоялъ (по)стоялый, бѣгъ бѣглый, таялъ талый, видалъ видалый* (много видевший) и проч.

Примеч. 3. В старинном языке гораздо свободнее нынешнего было производство таких прилагательных; так, напр., употреблялись формы: *розсѣлый* или *разсѣлый* (т. е. рассевшийся: „отъ синего каменя отъ *разсѣлого*“, Юрид. акт. под 1532 г.); *пропалый* (т. е. пропавший: „поклепавъ напрасно *пропалыхъ* своихъ гусей“, Шуйск. акт. под 1682 г.); *немоглый* (т. е. немощной: „вздохнулъ чрезвычайно *немоглымъ* образомъ“, Пересм., III, 159); в обл. языке, напр. в пск., *шлый* (от *шелъ*): „*шлыя* деньги“ — идущие на расход; *ушлый* (от *ушелъ*), в пословице: „по *ушломъ* не гоняютъ“, Даль, Послов., 281; *вилой,* в песне: „вейся капуста *виля́я*“, Даль, Слов.; *зналый:* „*зналое* дело“ — известное. Иные прилагательные этого разряда, в краткой форме, переходят в сущ.; напр., *тяглый — тягло* (слич. в пск., тверск. *отяглый* — женитьбою поставленный в тягло), как от прилаг. *сѣдлый (о-сѣдлый) — сѣдло.*

2) Существительные, и притом: а) Очевиднее других ср. р. на *-ло;* напр., *дѣ-ло, мы-ло, корми-ло* (от *кормити* — управлять); би-ло, употреблявшееся в монастырях вм. колокола (уже в Жит. Феодос. XII в.), мѣри-ло и стави-ло (устав) в Мерил. праведн. XIV в., *забра-ло* — стена, в Сл. о полку Игор. б) Жен. р. на *-ль: бы-ль, гни-ль, пада-ль, от-рас-ль,* при прилаг. *бы-лой, гни-лой, па-лый (пада-лый* не говорят), *рос-лый,* от прич. *былъ, гнилъ* и т. д. в) Мн. ч. на *-ли: яс-ли, гус-ли* от гл. ꙗсти, гѫсти. — С другими окончаниями, приложенными к суффиксу *л: бы-л-ина, ви-л-окъ, приш-л-ецъ* и т. п.

Примеч. 4. Речение *жило* вм. *жилье,* употребляется у образцовых писателей; напр., у Крыл. „зимой, ранехонько, близъ *жила*“, 315; у Пушк. „слава богу, *жило* недалеко“, VII, 77. От гл. *будить* название одного из Днепровск. порогов: *Будило,* в Кн. Больш. черт. См. Хр.

III. Причастия настоящего времени страдательного залога образуются помощию звука *м,* собственно от глаголов действительного залога; напр., *дѣла-ть дѣла-емый, чита-ть чита-емый;* впрочем, иногда и от средних; напр., *бьва-емый, не-изсяка-емый, входи-мый;* напр., в ев. от Марка: не разоумѣюте ли, ꙗко все, еже извнѣ входимое въ человѣка, не можеть осквернити его, 7,18. В древн. цс. могомый вм. могущий, нехотимый — невольный, и в прош. вр. въсхотѣный — вожделенный.

Примеч. 5. Причастие наст. страд. во всей силе господствует в цс. языке, в русском же оно значительно вышло из употребления, и в языке книжном и образованном держится только по влиянию цс. письменности. Но что оно некогда так же сильно было и в русском языке, свидетельствуют остатки его в просторечии; напр., *знамое* дело; в послов. „къ нашему господину вездѣ (или всѣмъ) *входимо*“, Даль, Слов.; в Древн. русск. стих. „а *незнаемы* люди къ нему появилися“, 155; в Дух. стих. „тьма *несвѣтимая*“, 18,27; волог. послов. „*ноша́мое* носится, *держа́мое* держится“, Даль, Послов., 91.

Помощию суффикса причастий настоящего времени страд. залога *м* образовались, напр., *знак-о-мый,* откуда *знак-о-м-ецъ, люб-и-мый,* откуда *люб-и-м-ецъ, род-и-мый,* напр. в выражении „*родимое* пятно“, откуда *род-и-м-ецъ* (болезнь), *пит-о-мый,* откуда *пит-о-м-ецъ, лак-о-мый* (от глагола *алк-ать* с перестановкою: *лак-ать,* § 46). В последнем прилагательном значение страд. залога не удержалось.

IV. Причастия прошедшего вр. страдательного залога образуются помощию звуков *н* и *т*; напр., *да-ть да-нъ, мы-ть мы-тъ, за-бы-ть за-бв-е-нъ (не-забвенный)* и *за-бы-тъ.* Существительное *бы-тъ* есть не что иное, как причастие прош. вр. страд. залога от гл. *бы-ть,* напр. в пословице: „не дорого пито, да дорого *быто*“; в ср. роде *быто* употреблялось в дневнерусском языке, как существительное, в значении имущества; напр., „изборяне грабиша *быто* московское и псковское“, Карамз., ИГР, VI, примеч. 513.

Для образования полного окончания причастий с суффиксом *н,* к этому звуку присовокупляется еще *н,* как знак имени прилагательного; напр., *данъ дан-ный* (как в формах: *скрыт-ный, знат-ный*). Некоторые причастия на *-нный,* переходя в прилагательные, удерживают и последнее *н,* в усеченном виде, т. е. оканчиваются в муж. р. на *-ененъ* вм. *-нъ,* в жен. р. на *-нна* и т. д. Напр., от глагола *крыть* с предлогами *по-* и *от-,* причастие *по-кровенъ,* и прилагательное *от-кровененъ.*

Ныне глаголы разделены между суффиксами *н* и *т*: одни пользуются звуком *н;* напр., *нес-ти нес-е-нъ, кова-ть ко-ва-нъ;* другие звуком *т;* напр., *гну-ть гну-тый, жа-ть* (жѧ-ти) *жа-тъ.* Но первоначально они свободнее принимали и тот и другой суффикс, как это видно: 1) из сличения языка русского с церковнославянским; напр., в формах: *у-би-тъ* и оу-би-ѥ-нъ, *на-ду-тъ* и на-дъм-є-нъ; 2) из древнерусского и народного; напр., *зва-тый, зна-тый* (напр., в пословице: „что *знато,* то и свято“, Даль., Слов.), и ныне употребительные: *зва-нъ, у-зна-нъ*; *одѣ-нъ,* и ныне употребительное *одѣ-тъ;* и 3) из производства; напр., от глагола *пѣ-ть* два существительных, образованных помощию причастий прош. времени страд. залога: старинное *пѣ-т-іе* и ныне употребительное *пѣ-н-іе;* старинное происходит от причастия, доселе существующего, *пѣ-тъ;* а нынешнее слово *пѣ-н-іе* предполагает утраченное

причастие *пѣ-нъ*. Точно так же от глагола *ста-ть* предполагается двоякое причастие прош. вр. страд. залога: *ста-тъ* и *ста-нъ*, как это видно из форм *о-ста-т-окъ* и *о-ста-н-окъ*, во мн. числе *останки*.

Помощию окончаний причастия прош. времени страд. залога образовались:

1) Прилагательные; напр., *жи-ть жи-тый* или *жи-той* (житые люди), *бѣс-ить бѣш-е-ный, смысл-ить смышл-е-ный, уч-ить уч-е-ный;* от причастий *зна-тъ, скры-тъ* происходят прилагательные *зна-т-ный, скры-т-ный*. Некоторые прилагательные отличаются только ударением; напр., *прибли́женный, поло́женный, уни́женный* суть причастия, а *приближе́нный, положе́нный, униже́нный* — прилагательные. Такое же различие в ударениях находим в словах *при́данъ* и *прида́ное*.

Примеч. 6. Многие из нынешних прилагательных на *-ный* первоначально были не что иное, как причастия страдательного залога, каковы, напр., *искус-ный* от *искус-ить, окая-нный* от *кая-ть* (поносить), *прелест-ный* от *прельст-ить, отчая-нный* от *отчая-ть* (отвергнуть). Эти прилагательные встречаем в старинном языке (напр., в Молитвах Кирилла Туровского), в виде причастий: „не искусенъ (т. е. не искушену) отъ ѕлыхъ помыслъ“, „всѣми человѣки окаянъ (т. е. поносим) бѣхъ“, „вдовь прелестное (т. е. прельщаемое) человѣческое естество“, „тїи бо бѣша всѣми отчаяни (т. е. отвергнуты), ты же прїатъ я“. Прилагательное *отчаянный*, также в виде причастия, употребляется и в народном языке, напр. в дух. стих., где оно противополагается слову *причаянный* (от глагола *причаять*):„кто будетъ кривдой (т. е. неправдой) жить, тотъ *отчаянный* отъ бога| а кто будетъ правдой жить, тотъ *причаянный* ко господу“.

2) Существительные; напр., *бы-ть бы-тъ у-бы-т-окъ* (обл. *бы-т-ина* — пора, время года) *за-бы-т-ье за-бв-ен-іе; ста-ть ста-нъ до-ста-т-окъ; тлѣ-ть тлѣ-нъ тлѣ-н-іе; ви-ть с-ви-т-окъ; жи-ть жи-тъ* (в поговорке: „такимъ-то *житомъ* — побытомъ“, Даль, Слов.) *по-жи-т-ки; плес-ти плет-ень; глядѣ-ть* (обл. в сиб. *глядѣ-нъ* гора) *глядѣ-н-ье; сидѣ-ть сидѣ-н-ье, сѣс-ть при-сѣс-тъ.*

Примеч. 7. В церковнославянском языке есть остаток причастий страд. залога будущего времени в слове чьтиа, чьтии или *четій*, от глагола чьс-ти (читать), с окончанием *-ій* и значит то, что́ будут читать, или что́ должно читать; это слово осталось в речении: *четья-минея*, т. е. минея для чтения. Форма *четья* сохранилась и в русском народном языке; напр., в Древн. русск. стих. о церковном пении монахинь сказано: „запѣвали тутъ дѣвицы *четью* пѣть“, 384.

§ 56. Неопределенное наклонение пользуется у нас звуком *т*, признаком причастия страд. залога, и образуется приставкою суффикса -ти в церковнославянском, и *-ть* в русском языке, к корню глагола, или непосредственно; напр., да-ти *да-ть*,

плес-ти вм. *плет-ти* (§ 38), пєщи *печь* вм. *пек-ти* (§ 38); или посредством приметы глагола; напр., вид-ѣ-ти, твор-и-ти (§ 50).

Примеч. 1. В древнерусском языке, равно как и в нынешнем просторечии, неопределенное наклонение оканчивается не только на *-ь*, но и на *-и*, согласно с церковнославянским языком; напр., в пословицах XVII в.; напр., „желѣзу при рати обычай быв*ати*". В Древн. русск. стих. „не утѣш*ити* дитя безъ матери", 381. В образованном же языке допускается неопределенное на *-и* только тогда, когда на этом звуке бывает ударение: *идти́, брести́* и проч. Когда же ударение снимается с этого звука, тогда он переходит в *ь;* потому говорится: *привести́* и *приве́сть, пріобрѣсти́* и *пріобрѣ́сть* и др.

В церковнославянском языке употребляется особенный род неопределенного наклонения, при глаголах, означающих движение, напр. при глаголах ити, посълати и проч., — известный под именем достигательного (или супинума; см. Синтаксис). Достигательное наклонение изменяет окончания неопределенного наклонения: -ти на -тъ, а -шти, -щи на -штъ, -щь; напр., неопределенное наклонение: да-ти, пас-ти, облє-шти, облє-щи; достигательное: да-тъ, пас-тъ, облє-штъ, облє-щь.

Так как неопределенное наклонение (равно как и супинум) есть не что иное, как существительное отглагольное, образовавшееся тоже через суффикс причастия *т;* то в связи с этим наклонением произошли некоторые существительные, которые можно в одинаковой мере производить и от неопределенного наклонения и от причастия.

В связи с окончаниями неопр. наклонения -ти и -шти, -щи, *-чь*, состоят суффиксы существительных жен. рода -ть, -шть, -щь, *-чь;* напр., чьс-ти чьс-ть *че-сть по-честь,* ста-ти *ста-ть* (напр., „къ какой *стати?*"), пас-ти *на-пас-ть*, да-ти древн. цс. да-ть (дань, даяние), откуда наше *по-да-ть;* мошти моци, пешти пєщи и мошть моць, пєшть пєщь, *мочь по-мочь, печь*. Сюда же относится слово па-мать от корня мьн-: *мню по-мню.*

Отглагольным существительным на *-ть* соответствуют отглагольные же на *-нь;* напр., *да-ти да-нь;* или со вставкою звуков *с* и *з;* напр., пѣ-ти *пѣ-с-нь, ба-я-ти* (говорить) *ба-с-нь;* жи-ти *жи-з-нь*, боя-тиса *боя-з-нь*. Слову *жи-з-нь* соответствует древнейшее церковнославянское существительное жи-ть (зн. „жизнь"), откуда *па-жить,* древнее *не-жить* и *не-житъ,* страшная болезнь, против которой дошли до нас заговоры; в обл., в пск., тверск. *не́жить* — худая жизнь; в послов. — всякая нечисть, т. е. домовой, леший, водяной и т. п., напр. „всякая *не́жить* безсловесна" — „въ нежиломъ домѣ одна *не́жить*", Даль, Послов., 1042, 1048. Точно так же слову *да-нь* соответствует *да-ть,* в сложном *по́-дать;* и со вставкою *з* или *с,* общеупотребительной форме *болѣ-з-нь* — простонародная: *болѣ-с-ть* (уже в Жит. Феодос. XII в. болєсть). — В древн. цс. ча-га-з-нь — надежда, от гл. ча-га-ти, в Григ. Богосл. XI в.

Имена, образовавшиеся впоследствии прямо от причастий, отличаются от имен древнейших на *-ть* и *-нь* (*-снь, -знь*) отвлеченным значением; напр., *жи-тiе* и *жи-знь, пѣ-нiе* и *пѣ-снь, вос-по-мин-а-нiе* и *па-мя-ть*.

Суффиксы *-ть* и *-нь* соответствуют суффиксу *-ль;* напр., от гл. *да-ти: да-ть* (*по-дать*), *да-нь, да-ль* (*у-даль*).

Примеч. 2. Сущ. *вѣс-ть* равномерно производится и от неопр. наклонения *вѣ-сти* (вм. *вѣд-ати*), и от причастия *вѣс-тый*, употребляемого не только в древн. цс., напр., вѣсто — известно, в Толк. псалт. XII в., но и в обл. яз., напр. в олон. „было *вѣсто*" — т. е. *вѣдомо*, Рыбн., II, 311.

2. МЕСТОИМЕНИЕ[17]

§ 57. В образовании слов местоимения занимают первое место между частями речи служебными, как глаголы между знаменательными.

Примеч. 1. Местоимения принадлежат к остаткам древнейшего периода языков. Потому одни и те же корни местоимений встречаются не только в прочих славянских наречиях, но и в других соплеменных языках. См. Приложение.

Местоимения употребляются в языке, или 1) отдельно, или 2) слитно. В том и другом случае пользуются они следующими коренными звуками, для означения лиц — говорящего и слушающего, и для означения вопроса и ответа или указания, в бóльшей или меньшей степени определенного:

1. Первое лицо в своем склонении соединило несколько слов различных корней. А именно: а) От звуков *м* и *н*: м-ѧ *м-е-ня*; н-ы *н-асъ* и т. д. б) Имен. пад. ед. числа *я*, происшедшее от цс. азъ, через ꙗзъ (§§ 26 и 46), отличается по своему корню от прочих падежей всех трех чисел. в) Дв. число 1-го лица в церковнославянском языке для имен. падежа пользуется звуком *в* (вѣ), признаком местоимения 2-го лица.

2. Второе лицо означается звуками *т* и *в*: *т-ы, в-ы, т-обою, в-асъ* и т. д.

3. Вопрос означается звуком *к*, с изменением оного в *ч*: кън кы кын (в древн. цс. и *цiй*, в сложн. цийждо вм. кыйждо) *кой*, чи чiи *чей*, къ-то чь-то, *к-то ч-то*. Два последние местоимения образуют косвенные падежи прямо от *къ* и *чь*, отбрасывая приставочный слог *-то: к-ого, ч-его* и проч. Местоименный звук *к* встречаем в приставках: къ-гда, кѫ-да, кѫ-доу, *ко-гда, ку-да*, къ-дє, откуда наше *гдѣ* (§ 73); в окончаниях: т-а-ко *т-а-къ*, ин-а-ко *ин-а-че* и проч.

Вопросительные местоимения и наречия переходят в относительные (см. Синтаксис).

В церковнославянском языке, сверх звука *к,* относительные и вопросительные частицы пользуются звуком *и* (*j*), приставляемым к гласным; напр., ıа-кꙑ *(ка-кой)*, ıа-ко *(ка-къ)*, ѥ-гда (*ко-гда*, вм. *j-акъ, j-егда* и проч.). Так же и в украинск., напр. *якій, якъ* — какой, как.

4. Указание означается следующими местоименными формами:

а) Указание на ближайший предмет звуком *с;* напр., сь, *сей, с-якъ* (напр., в выражении „такъ и *сякъ*"). В приставках: сь-де, откуда наше *з-дѣ-сь; сю-да;* в окончаниях: дьнь-сь, т. е. *дне-сь, вчера-сь, лѣто-сь.*

Примеч. 2. В украинск., а также и в польск., частица *сь* прибавляется к словам, как у нас *то;* напр., *де-сь, що-сь, якій-сь* — где-то, что-то, какой-то. В великорусск. обл., в новг. „вѣкъ вѣкови-*сь*" — во всю жизнь; в олон. прилаг. добри-*съ:* „что Кіевъ градъ очень красивъ — добри-*съ*", Рыбн., I,300.

Указательным *с* пользуется возвратное местоимение с-ѧ, *с-ебя.* От старинного и областного *собѣ* происходят: *о-соб-а* (древн. *о собѣ*, § 45), *собить* (обл., в значении „готовить", „делать что́ для себя"), откуда общепринятое *по-собить.*

б) Указание на дальнейший предмет означается звуком *т:* тꙑ тыи *той;* у нас с удвоением: *тотъ* вм. *тъ-тъ,* подобно тому, как в древнерусском и нынешнем областном удвояется сь, в форме *сесь* или *сёсь.* Знак указательного местоимения *т* употребляется в приставках; напр., *то-гда ту-да.*

Примеч. 3. Местоимение *сесь* вм. *сей* употребляется, напр., в Ев. 1307 г. сесь (см. Хр.); в Юрид. актах: „мнѣ Никитѣ до тое деревни Ярыгинскіе меншіе и дѣла нѣтъ, по *сесь* день", под 1583 г.; в Живоп. Новик. 1781 г. „по *сіось* день господень всіо таки у насъ, родимой, погода стоитъ добрая", 2, 171.

В других славянских наречиях, именно в чешском, польском, вместо *тотъ* употребляется *тенъ,* т. е. коренной звук *т* с окончанием *-ен,* отметаемым в прочих родах и падежах: *та, то, того, тому* и проч. Эта форма сохранилась и в русском языке, напр. в волог. наречии, в сложном: *тен-часъ,* вм. *тотъ часъ, сей часъ.*

в) Указательные местоимения, употребляемые для означения третьего лица: для имен. падежа *онъ,* которого полная форма и доселе имеет смысл указательного: *оный;* косвенные же падежи: *его, ему, ихъ, ими* и проч., происходят от другого местоимения, которое в имен. падеже ед. числа имеет муж. и, жен. ıа, ср. ѥ. В церковнославянском языке эта частица, сложенная с соединительным союзом же, употребляется в смысле относительного местоимения: и-же, ıа-же, ѥ-же, т. е. который, -ая, -ое.

г) Различные степени определительности при указании на предмет речи означаются следующими местоимениями: а) *самъ, самый,* откуда существительные *сам-е-цъ, сам-ка;* b) *весь,* цс.

кьсь; в приставках: кьсь-де *вез-дѣ*, кьсѫ-доу *всю-ду*, кьсе-гда *все-гда;* c) *одинъ,* цс. юдинъ, юдиныи и юдьнъ, откуда наши *од-на, од-но* и проч., вм. *одина, одино* и проч. Последние формы в древнерусском языке употреблялись. d) *Инъ, иной,* первоначально имевшее значение не только другого, но и одного, как это видно из приставок: *ино-рогъ,* т. е. единорог, ино-чѧдъ или ино-чѧдьнъ, т. е. единородный, и проч. От *инъ* с суффиксом *-ок,* прилаг. в древн. цс. инокыи — одинокий, откуда *инокъ* — монах. e) Употребляющееся только в церковнославянском: овъ, овыи (тот, один — другой), откуда ов-о-гда.

Примеч. 4. К местоимениям указательным принадлежат слова, означающие единичность предмета. Потому, в новейших языках, во французском, немецком, члены (т. е. местоимения указательные) выражаются не только указательными частицами le, der, но и числительными, означающими единичность: un, ein. См. Синтаксис.

5. Производные местоимения образуются окончаниями: a) *-а-к:* напр., *т-а-к-ой, к-а-к-ой,* ıакъ (вм. *і-а-к-ъ,* какой); смягченно: *-я-к: вс-я-к-ъ;* б) *-ов,* прилагаемое к предшествующему *-ак: -ак-ов;* напр., *как-ов-ой, так-ов-ой;* в) *-ик,* прилагаемое к *-ел, -ол: ел-ик-ъ, ол-ик-ъ;* напр., юл-ик-ъ (т. е. *і-ел-ик-ъ*), с-ел-ик-ъ, *к-ол-ик-ій, т-ол-ик-ій;* сокращенно *-ольк* (вм. *-олик*) *т-ольк-о, с-к-ольк-о* и проч. Суффикс *-ел* является в наречии *еле* (из *е* и *ле,* потому употребляется и просто *ле* вм. *еле*); в цс. юль — сколько (§ 73).

К производным местоимениям принадлежат притяжательные, образовавшиеся помощию окончания *и;* напр., от *м: м-о-й,* от *ты (тв): тв-о-й,* от возвратного *с (сб = св): св-о-й;* от *насъ, васъ:* церковнославянские нашь, вашь (с звуком *ь = и*), потом русск. *нашъ, вашъ;* от вопросительного *к* или *ч: ч-е-й.*

Примеч. 5. Сверх этих притяжательных, принятых в общеупотребительный язык, встречаем в церковнославянском: юговъ (сербск. *неговъ*), оноговъ (его), чеговъ (чей), сеговъ (сего), тоговъ (того), от местоимений в род. пад.: юго, оного, чего, сего, того; в Юрид. актах XVII в. *чейскій* — чей; в обл. языке: в новг. *ёвоновъ* — его, *еинъ* — ее, в пск., тверск. *евóный, евойный, ейный* — его, ее; в сиб. *мойскій* — мой, как *свойскій* от *свой;* в сарат. *ихъ, иха, ихо* — ихный (т. е. изменяется по родам и склоняется, род. пад. мн. ч. *ихъ*); в пск., тверск. *нáшинъ* — наш; в олон. *нашій, вашій,* напр. вин. пад. ед. ч. жен. р. *нашую;* „*вашіе* сны", Кал., I,166. От род. пад. мн. ч. *ихъ* — в пск., тверск. *иханецъ* — человек, принадлежащий к их семейству или их обществу. Притяжательное *ихный,* столь употребительное в речи разговорной и столь необходимое, еще довольно туго входит в язык книжный.

Примеч. 6. О составе слов *который* и ютерь см. § 69.

6. Из сложных форм замечательнейшие суть:

a) Местоимение къ-ждо или къ-жьдо, кыи-жьдо, кыи-жьде, состоящее из вопросительного къ, кыи, и частицы -ждо, -жьдо или -жьде,

в церковнославянском прибавлявшейся без изменения к склоняемым кꙑ, кыи: кого-ждо, коѥго-ждо, комоу-ждо, коѥмоу-ждо. Вместо церковнославянского кꙑждо в древнерусск. памятниках встречаем *кождо* и *каждо,* откуда, с приставкою склоняемого окончания *и* к несклоняемой частице *-ждо,* образовалось нынешнее *кажд-ый.*

Примеч. 7. В просторечии: *кажный,* или с областными видоизменениями: *кажиный, кáжинь.* Правописание приняло форму: *каждый,* ближайшую к первоначальному составу слова. Частица -жьдо изменяется в -жьды, числительными: *дважды, трижды; -жьды* или *-жды* переходит в *-щи:* дващи, украинск. *двичи* (§ 74).

б) С приставками *нѣ-, ни-* и *э-: нѣ-кто* (нѣ-кꙑ-то), *нѣ-кій; ни-кто* (ни-кꙑ-то), *ни-что* (ни-чь-то); *э-тотъ, э-кой.* Приставка *э-* составляет особенность русского языка, в отличие от церковнославянского.

Примеч. 8. В древн. цс. прибавляются к местоимениям: ѕи — для означения неопределенности; напр., оѝѕи, сеѕи; — си или сица к онь вм. *онъ:* оньси или оньсица — такой-то; — ꙋмнь к местоим. онь, ть, в виде наречия — в то время, в ту пору; напр., въ тоꙋминь. Слич. в Поуч. Влад. Моном. по Лавр. сп. лет. 1377 г. „*отъ чина* бо почиваетъ и звѣрь и птица и человѣкъ“ — вероятно, вм. *вотъ чинъ* = в то время. См. Хр.

Примеч. 9. От древн. цс. тьѕь (тот же) происходят: *тез-о-именитство, тез-ка.*

Примеч. 10. В обл. яз. употребляются сложные из личного местоимения с гл. *чаять* или *чать,* именно: в ряз., тульск., тамб. *ян-чалъ* — я чаял, *ме-чалъ* — мне чаялось, *тебѣн-чалъ* или *тая-чилось* — тебе чаялось; в дух. стих. „*емчúла* (ему чаялась) вторая потопа“, — „*яму чила* (ему казалось), рай растворился“, Кал., I, 631. В курск. *мнѣ чело́, ему чело́сь* — мне, ему казалось. — Еще замечательнее в нижег. древнее *язъ,* в сложном *иноязъ* — я был.

Примеч. 11. Этимологический разбор местоименных наречий, для ясности, присоединен к отделу о наречиях.

§ 58[18]. Слитно с другими частями речи местоимения употребляются: или I в образующих окончаниях (в суффиксах), или II в изменениях (во флексиях).

I. В образующих окончаниях, в большей ясности, оказываются: 1) корень вопросительного местоимения *к* (с смягчением в *ц*); напр., *выс-о-къ, глуб-о-къ, слад-о-къ, стрѣл-о-къ стрѣл-е-цъ, голуб-ка голуб-и-ца, оч-ко, серд-це;* 2) корень указательного местоимения *т,* вошедший в образование причастий, неопр. наклонения, прилаг. и сущ. (§§ 55 и 56); 3) *-ин,* для означения единичности: в муж. р. *-инъ;* напр., *христіáн-инъ* (в Изб. 1076 г. хрьстьꙗнꙑ, в Супр. рук. крьстиꙗнꙑ, без суф. *-инъ*), *властел-инъ,* древн. цс. жител-инꙑ (у нас *житель*), *славян-инъ, бояр-инъ, хозя-инъ, шур-инъ;* потому во мн. ч. знак единичности (*инъ* =

одинъ) отметается: *христіан-е*, цс. властел-е, жител-е (у нас позднейшие *властел-ин-ы* и *жители* от *житель*), *славян-е, бояр-е* или *бояр-а, хозя-ева, шур-ья* и проч. При собир. *русь, людъ* или *людь*, единичные формы: *рус-инъ, люд-инъ* (как в древн. цс., напр. в Изб. 1076 г., так и в обл. яз., напр. в ряз., а в украинск. *люд-ина*), откуда *просто-людинъ*. При древн. *вой* — собир. имя, зн. „войско", а также и *вои* мн. ч., — единичная форма *во-инъ*, теперь уже забывшая смысл своего суф. во мн. ч. *воины, воиновъ*. Тем же путем образовалось *испол-инъ*, от древн. *исполъ* (в Парем. XIV в.) при мн. ч. *сполы* или *спали* (§ 30). В Жит. Бор. и Гл. поп-инъ вм. *попъ*. Жен. р. *-ина*; напр., *жемчуж-ина, горош-ина, хворост-ина*, при собир. *жемчугъ, горохъ, хворостъ*; *храм-ина* или *хором-ина*, для означения единичности при неопределенном *храмъ* или при мн. *хоромы*. Муж. р. *-ина*: *дѣт-ина, купч-ина*. (Слич. § 59).

Примеч. 1. В Русск. правде по разным спискам: *огнищ-ан-инъ, огнищ-ан-е* — название сословия, от *огнище*. В обл. яз. в олон. *государ-инъ*, Рыбн., I,146; *смерд-инъ* (древнее от *смердъ*), в дух. стих. „ахъ ты *смердинъ, смердинъ*, смердящій ты сынъ", Кал., I,70. В новг., арх., сиб. *лѣс-ина* — дерево, в пск., тверск. *дерев-ина* или *деревйн-ина, березйн-ина, земленич-ина, мач-ина, капуст-ина*, т. е. одно дерево, одна ягода, одно маковое зерно, один капустный лист.

II. В изменениях, т. е. в спряжениях и склонениях:

1. В спряжениях местоимениями обозначаются лица глагола. Это особенно явствует в образовании 1-го лица. А именно: указатель 1-го лица *м* употребляется для означения того же лица ед. и мн. чисел глаголов; напр., *ес-мь, да-мъ* и др.; мн. число в древнейшем церковнославянском ѥс-мъ (в позднейшем ѥс-мы), да-мъ (в позднейшем да-мы, русск. *дад-и-мъ*); дв. число 1-го лица вѣ (мы двое) образует дв. число глаголов 1-го лица; напр., ѥс-вѣ, да-вѣ.

Примеч. 2. Так как буквы ѫ и ѭ содержат в себе не только звук *н*, но и первоначально *м*, то в окончаниях глаголов идѫ, поѭ и проч. (откуда наши *иду, пою* и проч.) первоначально был слышен указатель 1-го лица *м*.

2-е лицо ед. числа образуется звуком *с*: да-си, и заменою его звуком *ш*: *да-шь*, бѫд-е-ши, *буд-е-шь*. Для дв. и мн. чисел 2-го лица, а равно и для 3-го лица употребляется звук *т*, в окончаниях 2-го лица сближаемый с личным местоимением *ты*, а в окончаниях 3-го лица с указательным *т*, откуда *тотъ, та, то*. Напр., 2-е лицо дв. числа ѥс-та, дас-та; мн. ѥс-те, дас-те; 3-е ед. числа: ѥс-ть, дас-ть; дв. ѥс-та, дас-та, мн. с-ѫть, дад-ѧть и дад-ѫть. 3-е лицо мн. числа отличается приставкою носового звука *н* к местоименному указателю *т*: ънт = ѧт, ѫт.

2. В склонениях местоимение принимает участие, отличая формы имен прилагательных, а также местоимений, полные от кратких. Для этого употребляется указательное местоимение и, ꙗ, ѥ. Для образования полной формы присоединяется это место-

имение к форме краткой; напр., краткие формы: *добръ добра добро,* полные: добръ-и (добры, добры-и, и ныне *добры-й*) добра-ıа добро-ıe; краткие формы: *онъ она оно, самъ сама само;* полные: *оный* (онъ-и) *она-я, оно-е, самый* (самъ-и) *сама-я само-е.* Для косвенных падежей полных форм и местоимение *и* изменяется по падежам: *его, ему, имъ* и проч. Напр., добра-ıего, доброу-ıемоу; *ближн-ему, ближн-имъ* (§ 99).

Такое присоединение указательного местоимения к именам и местоимениям соответствует употреблению члена в других языках, как напр., во французском и немецком.

Примеч. 3. Сверх местоимения *и, я, е,* указательные *тъ* и *сь,* в виде члена, присовокупляются к именам, как в древнерусском языке; напр., в Лавр. лет. *холм-о-тъ, отрок-о-тъ, град-о-сь, градок-о-сь;* в Ипат. лет. *свѣт-о-сь;* т. е. этот холм, отрок, город, совет и проч.; так и в нынешнем просторечии; напр., *парень-о-тъ, парен-е-тъ* или *парень-то, сватьи-тѣ* или *сватьи-то.* Новоболг. наречие, утратив падежные флексии, пользуется указательным местоимением *тъ,* как членом, полагая его на конце склоняемого имени, как существительного, так и прилагательного, и означая род. и дат. падежи предлогом *на;* напр., сущ. муж. р.: ед. ч. И. *робъ-т,* Р. и Д. *на робъ-т,* В. *робъ-т;* мн. ч. И. *робове-те,* Р. и Д. *на робове-те;* жен. р. ед. ч. И. *рибъ-тъ* (т. е. *рибă-тă*) и т. д.; ср. р. ед. ч. И. *ребро-то;* мн. ч. И. *ребра-та* и т. д. Прилаг. ед. ч. с существительным: И. *добрій-т вол,* Р. и Д. *на добрій-т вол;* мн. ч. И. *добри-те волове* и т. д.

3. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 59. В образовании существительных надлежит отличать признак грамматического рода от суффикса. Напр., в словах: *от-е-цъ* (цс. от-ь-ць), *пт-и-ца, серд-це,* конечные звуки *ъ, а, е* суть знаки родов: мужеского, женского и среднего; звук же *ц* есть общий всем трем словам суффикс, и потому не входит в состав их корней, как это видно из форм: *от-ній, пт-аха, серд-иться.*

В простейшем виде образование существительных происходит помощию приставки родового признака к глагольному корню: *вез-у воз-ъ, слу-ти слав-а слов-о.* Иногда признак рода совпадает с последним звуком глагольного корня; напр., в словах: *би-ть бо-й, по-чи-ть по-ко-й* (§ 30), звук *й* принадлежит корню глагола и означает муж. род существительного. А так как *ъ* на конце слов мы не произносим, то и в речениях на *ъ* признак рода совпадает с последним согласным звуком корня; напр., *воз(ъ), за-вод(ъ).*

Суффиксы имен существительных большею частию суть глагольного и местоименного происхождения (§§ 55, 56 и 58); напр., *да-нь, дѣ-ло, короб-ка, стрѣл-о-къ, бар-инъ.*

Примеч. 1. Древнерусский язык и областное просторечие свободнее книжного языка употребляют существительные с родовым признаком, без

суффикса; напр., *по-вык-а (при-выч-ка), нуд-а, по-нуд-а (по-нужд-ен-іе), не-могa (из-не-мож-ен-іе), ход-а (по-ход-ка), топ-ъ (то-па-н-ье), шип-ъ (шипѣ-н-ье), жем-ъ, жем-ь* и *за-жим-ъ* (от *жать, жму), за-жив-ъ, за-жиг-ъ, за-жер-ъ, жев-ъ* (от *жев-ать), плев-ъ*, напр. в пословице: „что *жевъ*, то *плевъ*", Даль, Слов., и проч. Согласно с природными свойствами нашего языка, Пушкин употребляет слова *хлопъ* и *топъ* вм. *хлопанье* и *топанье*: „лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и *хлопъ*,|людская молвь и конскій *топъ*", I, 127. Жук. „отъ *топа* конскаго дрожали", VI, 9.

Русский язык особенно богат производными формами имен существительных и суффиксами для их образования. Одни из этих форм означают разные отношения понятия, в корне слов заключающегося; напр., от глагола *жать, жну:* для лица действующего: *жа-тель, жн-ецъ, жн-ея, жа-лья* (в пенз.); для предмета, подлежащего действию: *жн-иво;* для пространства: *жн-ище;* от гл. *вр-ать: вр-унъ, вр-аль, вр-асья, вр-аха.* Другие отличают род; напр., *жн-ецъ* и *жн-ица, вр-аль* и *вр-алья, куп-ецъ* и *купч-иха;* иные обозначают представление, т. е. уменьшение, увеличение, ласку или порицание. Такими особенно богат русский язык. Напр., от *дѣва: дѣв-ица, дѣв-ка, дѣв-ча́* (мн. ч. *дѣв-чата*), *дѣв-ч-уга, дѣв-ч-ура́, дѣв-о́ня, дев-у́ня, дѣв-а́ха, дѣв-о́ха, дѣв-о́йка, дѣв-онь-ка, дѣв-оч-ка, дѣв-уш-ка.*

Из суффиксов, означающих разные отношения понятия, заключающегося в корне слова, предлагаются следующие (кроме объясненных в предыдущих и последующих параграфах):

1) *-б: служ-ить служ-б-а, зло-й зло-б-а;* соответствует суффиксу *в:* в цс. сѣтъ-в-а и сѣт-в-а — посев.

2) *-д: своб-о-д-а,* от цс. прилаг. свободь, а это от древн. сущ. *своба* (по чешск. глоссам 1202 г. название языческой богини).

3) *-х: ду-ть ду-х-ъ, смѣ-я-ться смѣ-х-ъ.*

4) *-р: да-ть да-р-ъ, вих-нуть вих-р-ь* (в былин. у Кирши Дан. „а и буйны вѣтры не *вихнутъ* на ее", 87).

5) *-ч*, в окончаниях *-ачь* и *-чій*, цс. -чи -чии и -чиꙗ: *тк-ать тк-ачъ;* ор-ачь — земледелец; сок-ачь сок-а-чи и сок-а-чиꙗ — повар, ковъ-чи — кузнец, кръчагъ-чи — горшечник, кънигъ-чии — книжник, кръмь-чиꙗ — управитель, от гл. кръм-ити — управлять, откуда *кормило*, самъ-чи самъ-чии и самъ-чиꙗ — домоправитель, жег-чии — истопник, ласкъ-чии — льстец; сюда принадлежат русск. имена, смешиваемые с прилаг.: *пѣв-чій, стряп-чій,* обл., в курск. *прав-чій* — кучер.

6) *-тр*, в окончаниях: *-тръ;* напр., *вѣ-яти вѣ-тръ, бра-ти* (в смысле нести) *бра-тръ* (в древн. цс. и в родственных слав. наречиях), откуда, с опущением *р*, наше *бра-тъ* (лат. frater), т. е. несущий домашние тяготы, человек тяглый (См. Прилож. к § 48-му);

-тырь; напр., *пас-ти пас-тырь;* или, с изменением *р* на *л* (§ 33), в окончаниях *-тель, -телъ;* напр.; *да-ть да-тель, учи-ть учи-тель, видѣ-ть с-видѣ-тель, утѣши-ть утѣши-тель, зрѣ-ть зри-тель, пѣ-ть пѣ-телъ, удиви-ть удиви-тель-но, живи-ть живи-тель-но* и проч. Сюда же относятся суффиксы *-тухъ* и *-тай,* как замена первоначальных *-тырь, -тель;* напр., *пас-тухъ* (при слове *пастырь*), *пѣ-тухъ* (при слове *пѣ-телъ*); *ход-ить ход-а-тай, ора-ть* (пахать) *ора-тай* и *ра-тай* и проч. В древнерусск., напр. в Хроногр. Серг. Кубас. XVII в., *слагатай* — слагатель, сочинитель; *исходатай* — происходящий, потомок; „рода ярославскаго исходатай“ (см. Хр.). Слич. в Паис. сб. XIV в. исходатаи — выходцы. Все эти суффиксы означают лицо действующее: *учитель* — тот, кто учит, *пастухъ* — кто пасет, *вѣтеръ* — тот, кто веет (олицетворение ветра).

Замечательнейшее исключение представляет здесь слово *дѣ-тель,* от глагола *дѣ-яти,* означающее и лицо действующее, напр. в слове *благо-дѣтель,* и самое дело, в слове *добро-дѣтель;* впрочем, в церковнославянском языке форма муж. рода: дѣ-тель (напр., благодѣтель) отличалась от формы жен. рода: дѣтѣль (напр., добро-дѣтѣль), имеющей суффикс *-ѣль,* как и слова *куп-ѣль, свир-ѣль.*

Тот же суффикс *-тр* или *-тер* удержался в женских: *ма-тер-ь,* и с смягчением *гт* в *щ* или в *ч:* дъ-щер-ь *до-чер-ь* (вм. *дъг-тер-ь*); и означает тоже лицо действующее. См. Прилож.

7) *-арь* для означения лица действующего: цс. коук-арь — грамотей (у Черноризца Храбра по сп. 1348 г.), лѣс-арь — лесник, нив-арь — земледелец, рыб-арь, хлѣб-арь, тяж-арь то же, что́ тяж-а-тель — земледелец; русск. *лѣк-арь, пс-арь.* — С присовокуплением *х: -харь: зна-ть зна-харь, ба-я-ть ба-харь;* обл. *да-харь, взя-харь,* от *да-ть, взя-ть,* в калужск. послов. „будешь *дахарь,* будешь и *взяхарь*“.

8) *-унъ, -юнъ,* для означения лица действующего: *пляс-унъ, болт-унъ, пест-унъ, вь-юнъ,* от гл. *ви-ть* (значит „извивающийся“). Сюда же, может быть, относится название языческого божества *Пер-унъ,* литов. Perkunas. От гл. *ба-я-ть*: *ба-юнъ* — рассказчик, напр. в сказке „котъ *баюнъ* сказки сказываетъ“, Афанас., VI, 340.

9) *-им* для означения подобия и замены: *отч-имъ, побрат-имъ.*

10) -ѧгъ и смягченно -ѧзь (§ 37), соответствующие нем. суффиксу -ings, -ing, -ungr, -ung: кън-ѧгъ (в Толк. псалт. XII в.) кън-ѧзь, древнесакс. kuning, сканд. konungr; оусер-ѧгъ (в Библ. XV в.) оусер-ѧзь, готск. ausahrings; слич. в Лексик. Памвы Берынды: ꙋсерѧга, оусерѧ́зь: наꙋшница, се́рга, колто́къ, по Кутеинск. изд. 1653 г. (См. Хр.); цьл-ѧгъ штьл-ѧгъ скл-ѧзь, древн. нем. skilling (§ 37); пѣн-ѧгъ и пѣн-ѧзь, в древн. нем. pfenning; вар-ѧгъ (varangus).

11) *-ах, -ех, -их, -ох, -ух, -юх, -ях:* от пѣта (в Палее, Хроногр. XV—XVI в.) — зн. „птица“: *пт-ах-ъ, пт-ах-а,* обл. *пт-ух-а, пт-юх-а, пт-ях-а;* цс. овьч-оух-ъ — овчарь; *стар-ух-а;* цс. гор-оух-а — горчица; новг. *лёг-ух-а* — лягушка, от *ляг-ва;* украинск. *свекр-ух-а* (свекровь); *мач-ух-а,* в великорусск. просторечии: *мач-ох-а,* соответственно цс. мащ-ех-а, откуда *мач-ех-а,* но более пишут *мач-их-а,* применяя к разряду слов на *-иха: купч-их-а, врал-их-а;* цс. сын-ох-а — сноха, от *сынъ,* т. е. жена сына; с смягчением *х* в *ш*: *юн-ош-а.* (Слич. § 63).

12) *-ѣль,* суффикс очень употребительный в цс., а у нас остался на письме только в двух словах: *куп-ѣль* и *свир-ѣль* от гл. *куп-а-ти* и *свир-ѣ-ти;* в других словах принято писать *е*: *колыб-ель, гиб-ель,* древн. цс. гыб-ѣль от гыб-нѫти. После шипящих *ѣ* переходит в *а*; напр., *печ-аль, пищ-аль* (вм. *печ-ѣль, пищ-ѣль*).

13) *-от: жив-от-ъ, сир-от-а,* народн. *бѣдн-от-а; шир-от-а, выс-от-а, глуб-от-а.*

14) *-ина,* кроме упомянутого (в § 58) значения единичности, придает смысл вещества, поры, времени, места жительства и др.; напр., *говяд-ина* от древн. цс. говѧдо — рогатый скот, *годовщ-ина,* во мн. ч. *имен-ины, крест-ины;* в обл. яз., пск., тверск. *пшан-ина* — пшеничное тесто; от слова *рожь,* через прилаг. *ржан-ой: ржан-ина* — хлеб из ржаной муки, солома ржаная; поле, засеянное рожью. — Через прилагательные (§ 67): *Нѣмеч-ина, Татарщ-ина;* в Сб. XV в. в имп. Публ. библ. *батыевщ-ина, едигеевщ-ина* (времена Батыя, Едигея); в украинск. названия народов и стран: *Волощ-ина, Московщ-ина, Нѣмещ-ина, Турещ-ина, Шведч-ина.* — От свой, обьщь: свойщ-ина, обьщ-ина, *общ-ина, обч-ина.* — С вставным *з*: *прям-и-з-на, нов-и-з-на, отч-и-з-на,* при формах: *нов-ина, отч-ина.*

15) [19]*-ище,* для означения орудия, средства, пространства и др.; напр., *топор-ище, прозв-ище, огн-ище, пепел-ище, город-ище* (место, где был город, как говорит и пословица: „былъ городъ, осталось *городище*“, Даль, 312); цс. род-ище — родник, место, откуда вытекает ключ; црькъв-ище — идольский храм, в Григ. Богосл. XI в.; пребывал-ище — место пребывания, в Цвете духовн. по моск. изд. 1682 г. (см. Хр.); *жн-ище* или *жн-ив-ище* — нива, с которой недавно снят хлеб, по роду хлеба бывает: *рж-ище* или *рж-ан-ище, пшен-ище, овс-ище* или *овс-ян-ище* и проч.; *забыт-ище* — городище, признак старого селенья; арх. *повал-ище* — пространство, достаточное для того, чтобы на нем поваляться и разлечься; *пастб-ище,* в пск., тверск., не только место паствы, но и расстояние не длиннее полуверсты (§ 151, примеч. 2); пск., тверск. *перéйд-ище, прóйд-ище* — пространство, которое должно пройти; *перейм-ище* — пустой промежуток между двумя предметами, напр. между избами, рощами; *дн-ище* от *день,* см. § 45. От сущ. *печь* — *печ-йще,* в Шенкурск. уезде Арх. губ. употребляющееся в смысле

деревни, села; напр., в сказке: „собирали рать-силу несмѣтную по городамъ съ пригородками, по селамъ съ приселками, и по всѣмъ дальнимъ *печищамъ*“, Афанас., VI, 312. *Тулов-ище* от древн. и народн. *тул-ов-о* (арх. сказк., Афанас., VI, 315); *логв-ище* от *лог-в-о* (в украинск.). Окончанию *-ище* соответствует в родственных наречиях *-иско* (откуда через смягчен. *-ище*); напр., *назв-иско* (польск.), в Синопс. Иннок. Гизеля по изд. 1674 г. См. Хр.

16) *-сть,* с предшествующим *о* или *е,* для означения отвлеченных понятий качества, действия: *мил-ость, жал-ость, лѣн-ость, рад-ость, свѣж-есть.*

17) *-щи,* для мн. ч. того же разряда слов, особенно в украинск. *люб-о-щи* — любовь, *мудр-о-щи* — каприз, *рад-о-щи, жал-о-щи, стар-о-щи* — радость, жалость, старость. Уже в О. ев. радоштами — радостью; в Поуч. Влад. Мономаха: *лѣнощи.* Прилаг. *худ-ощ-авъ, сух-ощ-авъ,* от предполагаемых *худ-ощи, сух-ощи.*

18) *-тва,* в именах отглагольных для означения действия и его предмета; напр., *моли-ть моли-тва, жа-ть жа-тва, жр-ѣти жер-тва;* древн. цс. чоуки-тва (чувство, ощущение). От корня *яд-* или *ѣд-*, *яс-тва,* с изменением *д* на *с*; в новое время иногда употребляют ошибочно в ср. р. *яство* (сближая с именами на *-ство*). В народн. языке жен. р. на *-а*, напр. в дух. стих. „они первую, вторую *ѣству* воскуша́ли“, VII, 91; но у писателей уже начала XVIII в. встречаются обе формы, и жен., и ср., напр. у Кантемира.

19) *-ство,* для означения отвлеченных понятий качества, действия: от глаголов: *бѣг-у бѣг-ство*; особенно странно от 3-го лица вспом. гл. ѥсть: ѥсть-ство *ест-е-ство,* вероятно, по сближению с сѫть-ство, в котором сѫть ошибочно было принято за 3-е л. мн. ч. того же глагола (слич. § 55); от прич.: имы им-ѫщи им-ѫщь-ство, пришьдъ пришь-ств-ие; от прилаг.: *богатъ богат-ство;* от местоимений: *свой свой-ство, как-ой кач-е-ство,* от существительных: *жен-а жен-ство, мужъ муж-е-ство.* В Жит. Бор. и Гл. XIV в. поповьство вм. *duховенство.* — При этом должно заметить, что перед окончанием *-ство* к корню слова приставляется мягкий звук: а) после согласных *ь*, который в цс. всегда оказывается; напр. богат-ь-ство, бѣж-ь-ство (от гл. бѣгѫ), кач-ь-ство; в русск. же или переходит в *е: кач-е-ство,* или выбрасывается: *бѣг-ство, богат-ство,* впрочем в древнерусск. и народном *богат-е-ство,* в олон. *сироч-е-ство* вм. *сирот-ство,* Рыбн., II, 267. б) После гласных вставляется *й* или *в*; напр., *убі-й-ство* — старинное и народное *уби-в-ство;* от гл. чоути: *чу-в-ство* и др., цс. чоу-й-ство. Вм. бѣж-ь-ство иногда встречается бѣй-ство и бѣ-ство.

20) Кроме указанных в §§ 60 и 97, собирательные имена пользуются суффиксами *-ад* или *-яд, -ик, -як;* напр., *гром-ад-а* (и польск. *громада*) — собрание, мирская сходка; *ст-ад-о,* древн. цс. и в дру-

гих слав. наречиях *гов-яд-о* — скот, потом бык; с переменою *а* на *ѣ*: чр-ѣд-а — первоначально стадо, потом уже очередь (§ 115, примеч. 1); *чел-яд-ь, рухл-яд-ь* от древн. цс. роухло — груз, пожитки; *ельн-ик-ъ*, пск. *бабн-як-ъ* — бабье; в украинск. *-от*, в формах *див-óт-а, жон-óт-а* — собир. вм. девицы, женщины.

Примеч. 2. Состав некоторых существительных, без помощи родственных языков, объяснен быть не может. Таковы, напр., слова *сы-нъ, де-нь*, в которых звук *н* есть суффикс, приложенный к глагольным корням. Так как производство таких слов, в русском языке, уже затеряно, то мы обыкновенно и причисляем их к первообразным. См. Прилож. к § 48-му.

§ 60. Русский язык различает существительные по родам следующими гласными звуками: муж. *ъ* (или по требованию благозвучия мягкие *ь* и *й*), жен. *а* (или *я*), ср. *о* (или *е*). Напр., *сын-ъ, житель-ь, урожа-й; жен-а, шве-я; серебр-о, пол-е*. Исключение из этого общего правила представляют имена, которых род зависит от значения, а именно: имена муж. пола, каковы, напр., *воевод-а, судь-я, подмастерь-е* и проч.; и потом имена рода общего; напр., *тезк-а, ровн-я* и проч. Что же касается до имен жен. рода на *-ь*, напр. *чест-ь, дан-ь* и проч., и ср. рода на *-я*, напр. *врем-я* и др.; то и те и другие образовались в языке совершенно различно от имен муж. рода на *-ь* и жен. на *-я*.

Примеч. 1. Не все указатели грамматического рода сохранились у нас в надлежащей целости. Женский и средний роды заметно отличаются звуками *а* или *я* и *о* или *е*; мужеский же род, вместе с утратою гласного произношения букв *ъ* и *ь*, собственно говоря, потерял и отличительный свой признак; так что для нас корень слова *воз* и существительное *воз-ъ* звучат одинаково. Следовательно, русский язык отличает мужеский род на *-ъ* (или смягченно на *-ь, -й*) не потому, чтобы соединял с этою буквой какое-либо значение, а единственно с тем, чтобы противопоставить формам женского и среднего рода форму рода мужеского, собственно отличающуюся отсутствием родового признака.

Примеч. 2. Переход имен муж. рода в имена рода женского совершается двояким образом: или непосредственно, т. е. присовокуплением родового признака без помощи вставного суффикса, или посредственно, т. е. при помощи суффикса. Пример первого видим в словах: *кум-ъ кум-а, тест-ь тещ-а, плясун-ъ плясунь-я* и проч.; пример последнего — в словах: *сосѣд-ъ сосѣд-к-а, крестьян-ин-ъ крестьян-к-а, врал-ь врал-их-а, стар-ик-ъ стар-ух-а, волк-ъ волч-их-а, медвѣд-ь медвѣд-иц-а*. В древн. цс. крал-ь крал-иц-а (в олон. *королица*) — королева, христиан-ь христиан-иц-а — христианка, звѣрин-иц-а — самка зверя; комон-ь — конь комон-иц-а — кобыла (в Георг. Амарт. XV в.). Имена должностей жен. пола, напр. *лѣкар-к-а, дворн-иц-а* и др., отличаются от женских имен, прозываемых по мужу: *лѣкар-ш-а, дворнич-их-а;* в обл. языке: в украинск. *дьякон-их-а, попад-их-а* вм. *дьякон-иц-а, попад-ь-я*; в пск. даже *гальч-их-а* — галка самка; в пословицах: „нѣтъ, не жукъ, а *жуч-их-а*“ — „не кобель, а *кобел-их-а*“, Даль, 271. В пермск. сказке *козл-*

-*ух-а* — коза, Афанас., V, 37; в костр. *воин-их-а* — жена или вдова воина, слово, вошедшее в употребление только со времени ополчения отечественной войны. От *ткач-ь* общепринятое *ткач-их-а*, а в древн. тъчаѩ (в Библ. XV в.), в обл.: влад. *тчея*, арх. *ткея* (как *швея* при *швецъ*), новг., симб. *тк-ах-а* и даже *тк-ал-йх-а*.

Некоторые имена в жен. р. сохранили древнейшую форму, напр. вьдова, *вдова*, прямо при прилаг. *вдовъ*, откуда уже *вдов-ец-ъ*.

В древнем цс. и русском, и в обл. языке многие имена употребляются не в том роде, в каком ходят теперь в языке книжном, или имеют по два окончания для двух родов. Особенно замечательна древнеболг. форма ср. р. тысѧщо вм. женской тысѧща (тысяча), в Болг. сб. 1345 г.; напр., третїе тысѧщe; на конець втораaго тысѧща (Тих. Пам., II, 214, 215). В О. ев. блюдо, а в Супр. рук. блюдь; цс. брьлогъ вм. *берлога;* мьчьтъ — привидение, призрак (напр., в Григ. Богосл. XI в., в Ев. XII в.) вм. *мечта*; в цс. лоучь и лоуча, посохъ и посоха, разлѧкъ и разлѧка, лисъ и лиса, урѣкъ и урѣко, наковало, наковально и наковальнѩ; в Сл. о полку Игор., в Злат. матице XV в. оужина вм. *ужинъ*. Слову *природа* соответствует древн. цс. природь — поколение, племя, потомство. — В обл. языке: муж. род вм. жен. и ср.; украинск. *лисъ* вм. *лиса*, олон. *острей* вм. *острее* (Рыбн., I, 184); ворон. *олёхъ* вм. *ольха;* в дух. стих. „святой *евангиль*“ вм. *евангелiе*, Кал., V, 123; жен. вм. муж. и ср.: пск., тверск. *óтека* вм. *отекъ*, *сотá* вм. *сотъ*; олон. *холма, пшена, поприща* или *поприщь* вм. *холмъ, пшено, поприще* (Рыбн., I, 302, 289, 291, 298); ср. вм. муж.: олон. *крылосо* вм. *крылосъ* (Рыбн., I, 303); муж. и жен. вм. ср. *облакъ, яблакъ* и *облака, яблака* вм. *облако, яблоко*, в олон. былинах (Рыбн., I, 69; II, 306); *чада* вм. *чадо*, в муж. и жен. р. (Кал., I, 124. См. § 218). — В литературе XVIII в., напр. у Тепл. в переводе Скар. Шутл. пов. *ужина* вм. *ужинъ, проступка* вм. *проступокъ*, „духовную *псальму*“ (I, 169) вм. *псаломъ;* у Ваньк. Каин. * *середъ* вм. *середа* (употребляемого в народн. былинах), т. е. середина, пол, в поговорке; „полъ да *середъ* сами съѣли“ З. — *Началъ* вм. *начало*, в выражении „подъ *началъ*“; *ботвинье* и *ботвинья* и мн. др.

Сверх того, древний и обл. язык заменяет одно окончание другим, оставляя имя в том же роде; напр., цс. тѣнѩ вм. *тѣнь;* псалтырь жен. р. уже у Нестора в Жит. Феодос. XII в., а в Следован. псалт. 1296 г. псалтырѧ (вм. псалтырѩ), откуда там же вин. пад. ед. ч. псалтырю, твор. пад. псалтырею. В украинск. *ковыла* вм. *ковыль*, в арх. *веща* вм. *вещь*, вообще в народн. языке *конопель* и *конопля;* в великорусск. песн. *юношъ* и *вьюношъ* вм. *юноша*, в дух. стих. *Рахиля, Предтечь, Предтечiй* вм. *Рахиль, Предтеча* (Кал., I, 155, 220); как в Измарагде XVI в. Агара вм. *Агарь*.

Примеч. 3. Вм. -*я*, некоторые сущ. в древн. цс. языке оканчиваются на -*и;* напр., О. ев. сѫдии — судия, в Супр. рук. мльнии — молния; особенно на -*ыни:* в Изб. Свят. 1073 г. благыни, глѫбыни — благость, глубина; в разных древн. памятниках: грьдыни, милостыни, поустыни; преимущественно в наименовании лиц жен. пола: христиѩныни, рабыни, Магдалыни, самарѩныни, т. е. христианка, рабыня и т. д. В Апост. старопеч. господыни, в Жит. свят. XVI в. гражданыни — т. е. госпожа, гражданка. В слове поустыни звук *и* сокращается в *ь:* поустынь. — Окончание имен жен. рода -*и* принадлежит к древнейшему периоду языка. Как оста-

* Жизнь Ваньки Каина. (*Ред.*)

ток древности, оно сохранилось в жен. роде некоторых местоимений, прилагательных сравн. степени и причастий цс-го языка; напр., си (сия), больши (большая), сѫщи или сѫшти (сущая), бывъши (бывшая). Это окончание, уже в цс. языке значительно вытесненное из общего употребления форм жен. рода, в нынешнем книжном языке совсем пропало; впрочем, в древнерусск. еще встречаем напр. в лет., *княгыни* вм. *княгиня*, равно как и доселе в обл. языке: *княгини, государыни* вм. *-ня*, напр. в олон., Рыбн., I, 138; II, 252.

Древний язык отличал формы жен. рода гласными звуками долгими (см. Прилож.): чем и объясняются выше приведенные слова на *-и*; язык позднейший окончания долгие стал сокращать, как это, напр., явствует из перехода форм мати, дъщи в *мать, дочь*. Впрочем, в народном языке сохранилось не только *мати* (напр. в песне: „не шуми, *мати*, зеленая дубровушка"), но по обл. наречиям и *дочй* вм. *дочь*; напр., в олон. „*дочй* царская", „большая *дочй*", Рыбн., I, 211; II, 49.

Существительные на *-іе* или *-ье* означают понятия отвлеченные и собирательные; напр., *учен-іе, терпѣн-ье, стар-ье, тряп-ье;* в послов. *гальё* (галки), Даль, 55. Окончание *-ье* принадлежит собственно русскому языку, а *-іе* церковнославянскому, потому и усвоено у нас в книжной речи. Впрочем, уже в древних церковнославянских памятниках, преимущественно глаголитских, встречаются имена на *-ье;* напр., истьлѣнье, казанье (наказанье, сказанье) и проч.

Примеч. 4. Об употреблении окончания *-ье* (*-іе*) в русском языке должно заметить следующее: 1) просторечие свободнее образованного языка производит собирательные на *-ье*. Напр. областные: *кожьё* — кожи, *кустовье* — кусты, *кусье* — куски, *лычье* — лыки, *дѣвье* — девки, *святьё* — святки и проч. 2) Древнерусский язык пользуется окончанием *-ье (-іе)* в именах, сложенных с приставкою; напр., *без-мѣст-ье, за-мор-ье, за-псков-ье, на-вечер-ье* или *на-вечер-іе, не-погод-ье, не-люб-ье* или *не-любов-ье, обо-двер-ье* (что около дверей), *от-тепел-ье* (оттепель), *перед-город-ье* (что перед городом), *по-год-ье* (погода), *по-мор-ье, по-сул-ье* (что по реке Суле), *полу-ноч-ье, под-атаман-ье, под-друж-ье* (§ 45), *при-мост-ье* (что при мосте), *при-сел-ье* (что при селе), *раз-вод-ье* (полая вода), *раз-рат-ье* (рать зн. „война"), *раз-мир-ье, у-ден-ье* (полдень), *у-сол-ье* и проч. Таким способом в образовании слов с приставками и доселе пользуется просторечие; напр., в песнях *замужье* („про *замужье*, про бездѣлье", Прач., 15); в олон. *пáбѣдье* — после обеда, Рыбн., I, 18; в литературных произведениях XVIII в.: *уголовье* (т. е. уголовное преступление. Живоп. Новик. 1781 г., 1, 84), „до *полусотья*" (т. е. до полусотни, Анекд. древн. пошех. 1798 г., стр. 80). От всех этих форм должно отличать неорганические, позднейшие, составленные в дух. стих. с видимою целью подделаться под книжный лад; напр. *словіе, желчіе* вм. *слово, желчь*, Кал., I, 72; V, 203.

В народном языке существительное может принять продолженное окончание *-ье*, после двух предлогов, стоящих отдельно перед этим именем: в таком случае, последний предлог слагается с именем; напр., *изъ заморья* вм. *изъ-за моря, изъ задворья* вм. *изъ-за двора, изъ застолья* вм. *изъ-за стола;* в послов. XVII в. „*изъ заморья* съ вѣстьми, а *изъ задворья* съ гостьми"; в песне

по тульск. наречию: „и милое чадо *изъ застолья* ведуть“. Точно так же составилось речение *из-под-лобья*. Ныне употребительное *Запорожье* образовалось из старинного *За-пороги;* напр., в послов. XVII в. „казакъ въ *Запорогахъ,* что́ пень при дорогахъ“. Речение *поднебесье,* в Древн. русск. стих., употребляется разделенным на два слова: „*подъ небесью* летать“, 191.

В некоторых именах предметов одушевленных родовое отличие, как замечено выше, не соответствует окончанию; напр., окончание ср. р. для имен мужчин: *подмастерье, податаманье, поддружье* (§ 45); окончание муж. р. для имен самок и женщин: *подтёлокъ* — телка, не достигшая поры телиться; *бабе́нь* — жена, баба (напр., в вятск. „твой *бабень*“ — „мой *бабень*“).

Особенного внимания заслуживают имена муж. р. на *-о,* склоняющиеся по образцу имен ср. р. на то же окончание. Таковы: мифологич. имена *Купало, Ярило, Ладо,* напр. в Густ. лет. XVII в. „четвертый (т. е. бог у славян) *Ладо*“; „сему *Купалу*... безумныи память свершаютъ... поюще своя пѣсни, преплетающе *Купаломъ*“; в народн. языке, в послов. „на Ивана *Купала,* кого побьютъ, пропало“, Даль, Слов.; в новой литературе: в Жит. Тихона Воронежск. 1862 г. „остатокъ языческой старины... такъ называвшiйся праздникомъ *Ярила*“... „и назывался *Яри́ломъ*“, I, 45. Что же касается до слова *ладо,* то оно очень рано усвоило себе и окончание на *-а,* приняв значение общего рода в смысле и мужа и жены, и вообще любящейся четы; так, в Сл. о полку Игор. *лада* — муж; вин. п. ед.ч. „мою *ладу*“; в народн. песнях: „я сама пойду, милу *ладу* найду“; „кабы зналъ, что тутъ милой *ладѣ* спать“; с окончанием *-о* принимается даже в ср. р.: „дали вы мнѣ *ладо* поноровное“ (по нраву). Собственные имена лиц: *Добрило* (писец Евангелия 1164 г.), *Гаврило, Михайло.* Такие слова в старину склонялись по образцу ср. р. на *-о;* а в новейшее время, напр. у Карамз., и по-старинному правильно: *Гаврило* Романовичь (Державин), *Гаврила* Романовича, *Гаврилу* Романовичу, и с изменением формы на *-а:* у *Гаврилы* Романовича, Письма Карамз. к Дмитр., 32, 35, 36, 52 (§ 47). Точно так же и *Купало* и *Ярило* в современном народном языке ходят в формах на *-а: Купала, Ярила, Купалы, Ярилы, Купалою, Ярилою.* (Слич. имена уменьш., ласкат. и др. на *-о* в § 63.)

§ 61. Как в церковнославянском, так и в русском должно отличать имена жен. рода на *-ь* от имен муж. рода с тем же окончанием. В последних звук *ь* есть не что иное, как замена звуку *ъ;* потому они и склоняются по общему правилу с именами на *-ъ,* за весьма немногими исключениями (§§ 94 и 95); в первых же *ь* есть самостоятельный звук, соответствующий звуку *и;* потому они в склонении существенно отличаются от имен муж. рода на *-ь* (§ 95).

Впрочем, у нас есть несколько речений муж. рода на *-ь,* сближенных с именами жен. рода, оканчивающимися на этот же

звук, таковы: *день, путь* и нек. др. — Такое сближение оказалось: 1) в именах, образовавшихся с суффиксом причастий: *-мень;* почему одни приняли муж. род, напр. *пламень,* другие — женский, напр. *сухмень;* 2) в некоторых словах на *-ь,* употребляемых и в муж., и в жен. роде; напр., в древн. цс. стѣнь — тень, муж. рода, *степень,* в старину, а в книжной речи доселе муж. рода; в современном же языке жен. рода; *псалтырь, лебедь, мозоль, елень* (т. е. олень, в пословице: „*елень* быстра, не коню сестра", Даль. Слов.) — муж. и жен. рода; 3) в склонении некоторых имен муж. рода на *-ь;* напр., *день, путь, камень, корень,* в род. пад. ед. числа: *дн-я* и *дн-и* (цс. дьн-е), *пут-и, камн-я, корн-я,* и в просторечии: *камен-и, корен-и,* вместо церковнославянских: камен-е корен-е (§ 95).

Главнейшие виды имен жен. рода на *-ь* суть следующие:

1) Имена, произведенные от корней слов, без помощи суффиксов, и потому отличающиеся краткостью; напр., *лѣн-ь, твар-ь, выс-ь, глуб-ь, шир-ь, прыт-ь.* Такие имена наш язык любит употреблять в форме наречий; напр., *в-кось, на-ис-кось, на-от-машь, на-сквозь* (§ 72).

2) Имена с суффиксами причастия и неопределенного наклонения; напр., *по-да-ть, да-нь, пѣ-с-нь, чес-ть, печь* (вм. *пек-ть*), *бы-ль, пад-а-ль* и проч.

3) Имена с суффиксом *-сть;* напр., *стар-о-сть, свѣж-е-сть* и проч.

4) Имена числительные; напр., *пят-ь* (цс. пѧть), *шест-ь* и др., принявшие форму существительных жен. рода на *-ь.*

Имена жен. рода на *-ь,* сверх значения предметов неодушевленных и отвлеченных, имеют смысл имен собирательных; напр., *знать, чернь, челядь.* Сюда же относится слово *Русь,* означающее не только страну, но и народ. По своему собирательному значению существительные на *-ь* принадлежат к одному разряду с именами числительными, оканчивающимися на этот же звук, каковы: *пять, десять* и проч.

Примеч. 1. Древнерусский язык и областное просторечие любят имена жен. рода на *-ь.* Напр., в древнерусских памятниках: имена собирательные: *погань* (поганые), *таль* (заложники), *чадь* (челядинцы); в названиях народов: *чудь, весь, сербь* (сербы), *черемись;* вообще нарицательные: *дороговь* (дороговизна), *дѣль* (раздел, разделенное), *лодь* (лодка), *прямь* (откуда *в-прямь*), *сыть;* напр., у Кирши Дан. богатырь ругает своего коня обычным выраженьем: „волчья *сыть*" (откуда *полсыть, вполсыть, досыть, досыти,* иначе *досыта*), *ярь* (яровой хлеб) и проч. В областном просторечии: в костр. *людь* (люди, собир.), в курск. *калѣчь* (калеки, собир.), во влад. *люто* (лютость), в арх. *на́зовь* (название), в арх., пермск. *не́имь* и *неймаль* (скотина, которую трудно поймать), в новг., тверск. *новь* (вымолоченный вскоре после жатвы хлеб), в арх. *по́собь* (пособие), в олон., сиб., новг. *любь:* „ѣшь и пей *до люби*", Рыбн., II,

269; у Кирши Дан. *„до люби* пожалую"; в арх. от *копыто* краткая форма с предлогом *из-: йскопыть* — комок из-под копыт: в былин. „въ чистомъ полѣ увидѣли *йскопыть* великую| *йскопыть* велика — полъ-печи", Киреевск., I, 46, где, впрочем, это слово значится *йскопоть;* в поговорке „попрыски молодецкіе, *йскопыть* богатырская", Даль, 1088.

Примеч. 2. В наречиях, сложенных из существительных с предлогами, сохранились некоторые древнейшие формы имен на *-ь*. Так, слову *солнце* (сльнь-це, сьльнь-це) находим простейшую форму, без окончания суффикса *-це,* именно *солонь,* в древнерусск. наречии *по-солонь,* т. е. по солнцу; напр., в Путешествии Стеф. Новг. „и выйти изъ олтаря великаго на лѣвую руку *посолонь*". От коренного слова *солонь* употребляется в областном просторечии (в арх.) глагол *солоновать* в значении „ходить кругом чего-либо".

§ 62. От рассмотренных доселе существительных (в §§-х 59, 60 и 61) надобно отличать те, которые или в одном именительном, или в имен. и вин. ед. числа отметают суффикс, оказывающийся в прочих падежах. Напр., в словах: *знам-я знам-ен-и, дит-я дит-ят-и, дочь доч-ер-и, неб-о неб-ес-а,* в цс. црькы, откуда наше *церк-ов-ь церк-в-и* и проч., звуки *-ен-, -ят-, -ер-, -ес-, -в-(-ов-)* суть суффиксы, потому что они удерживаются в производных; напр., *знам-ен-итый, дит-ят-ко, доч-ер-ній, неб-ес-ный, церк-ов-ный* и проч.

Об этих суффиксах в цс. и русском языках должно заметить следующее:

1[20]. Суффикс *-ен-* составляет только часть полного суффикса *-мен-,* который в цс. выражается при помощи носовых звуков в формах -мѧ и -мы, а по-русски — просто *-мя;* напр., и-мѧ (т. е. *и-м-ен*), пла-мы (т. е. *пла-м-ен*), русск. *и-мя, пла-мя.* Суффиксы -мѧ и -мы придают слову значение предмета, подлежащего действию (см. Приложение); напр., *съ-ять съ-мя, бра-ть* (в значении „нести") бр-ѣ-мѧ, *бер-е-мя, зна-ть* зна-мѧ, чьс-ти (читать, считать) чис-мѧ (число), *пис-ать* пись-мѧ, откуда *пись-мен-а.* Некоторые имена на -мѧ и -мы, как в русск., так и в цс., переходят в формы на *-мень;* напр., пла-мѧ пла-мы пла-мень, ıѧчь-мы ıѧчь-мень, ка-мы ка-мень; в русск. *суш-ить сух-мень,* в обл. языке: костр. *глух-мень* (глухая пора), волог. *кус-мень* (кусок), пск. *жит-мень* (ячмень).

Примеч. 1. В областном языке, напр. по тверск. наречию, слово *кам-ень* употребляется без суффикса *-ень* в форме жен. р. *кáма.* В пск. *сѣ-мин-ы* и *ѣ-мин-ы* (во мн. ч.), т. е. хлебные зерна, назначаемые на посев и на еду; от последнего существительного производится прилагательное *ѣмянной,* т. е. *снѣдомый;* напр., в Юрид. акт. под 1669 г. „на хлѣбъ на сѣмянной и на *ѣмянной*", стр. 214.

2. Суффикс *-ент-* (цс. -ѧт-), для означения детенышей, уже в цс. языке для имен. и вин. падежей сократился в ѧ, т. е. в *-ен-;*

напр., жрѣбѧ (т. е. *жрѣб-ен,* откуда *жереб-ен-окъ*); в прочих же падежах удерживается сполна; напр., в род. ед. жрѣб-ѧт-е. Отсюда явствует, что наши формы: *ягн-ят-а, жереб-ят-а, тел-ят-а,* с суффиксом *-ят-* вм. цс. -ѧт-, происходят непосредственно от первообразных: ꙗгн-ѧ, жрѣб-ѧ, тел-ѧ, а не от производных: *ягн-ен-окъ, жереб-ен-окъ, тел-ен-окъ,* которые к церковнославянским: ꙗгн-ѧ, жрѣб-ѧ, тел-ѧ, присовокупили уже новое окончание *-окъ.*

Примеч. 2. Формы *теля, щеня, робя,* вм. *тел-ен-окъ, щен-окъ, роб-ен-окъ* или *реб-ен-окъ,* были употребительны в древнерусском, как и теперь в народном языке, и в украинск., и в великорусском. Напр., в послов. XVII в. „мило волку *теля,* да гдѣ ево взять“, „малая собака — и подъ старость *щеня*“; в литерат. XVIII в. „чужое-то *робя* всегда худо“, Живоп., 87; в теперешнем народном языке великорусск. „дай богъ нашему *теляти* волка поймати“; в современном языке по обл. говорам: *куря,* род. пад. *кур-ят-и, волча́* (вм. *волчя*), *вороня́, барча́* (вм. *-я*), *княжа́* (вм. *-я*), даже *зерня* (от *зерно*), во мн. ч. имен. пад. *волчата, воронята, барчата, княжата, зернята.*

3. Суффикс *-тер-* (§ 59), отметающий в имен. пад. ед. ч. звуки *ер,* сохранился только в двух словах: ма-т-и и дъш-т-и (*дъщи*), русск. *мать* и *дочь,* род. пад. ма-т-ер-е, дъщ-ер-е, *ма-т-ер-и, доч-ер-и.*

4. Суффикс *-ес-* в русском удержался, как остаток старины, только в формах: *неб-ес-а, чуд-ес-а* (от слов *неб-о, чуд-о*), в цс. же был употребляем в косвенных падежах многих слов; напр., дрѣв-о, слов-о, тѣл-о, род. пад. ед. числа: дрѣв-ес-е, слов-ес-е, тел-ес-е, откуда наши прилагательные: *древ-ес-ный, слов-ес-ный, тѣл-ес-ный.* Образовавшись от цс. форм, эти прилагательные отличаются в нашем языке оттенком книжной речи: это явствует уже из того, что собственно русские формы не могут от себя производить таких прилагательных; потому, напр., не говорим: *дерев-ес-ный,* как бы следовало сказать, производя это прилагательное от собственно русской формы *дерев-о.* От упомянутых прилагательных отличаются чисто русские: *дерев-янный, слов-ный* (откуда *словно*), *неб-ный, чуд-ный.*

Примеч. 3. Слово *кол-ес-о* образовалось от основной формы косвенных падежей древнейшего существительного *коло,* склонявшегося в церковнославянском языке при помощи суффикса *-ес-;* напр., кол-ес-е. Слово *коло* сохранилось в формах: *о-коло, кол-ь-цо.* Суффикс *-ес-* вошел в образование формы *ров-ес-никъ* от *ров-ный,* как суф. *-мен-* в форме *низ-мен-ный,* как бы от низ-мѧ.

5. Суффикс *-в-,* цс. -ъв- (*-ов-*), в словах *церк-о-в-ь, люб-о-в-ь, свекр-о-в-ь,* которые в цс. языке оканчиваются на ы: црьк-ы, люб-ы, свекр-ы; в прочих же падежах звук *в,* сокрытый в *ы,* выступает наружу, вместе с *ъ,* на том основании, что ы = ъв (§ 25); напр.,

в род. пад. ед. ч. црък-ъв-е, люб-ъв-е, свекр-ъв-е. В древн. цс. боукы, род. пад. боук-ъв-е — в значении дерева бука и буквы; тыкы, род. пад. тык-ъв-е — тыква, рѣдькы, род. пад. рѣдьк-ъв-е, хоржгы, род. пад. хоржг-ъв-е, жты, род. пад. жт-ъв-е — утка.

Примеч. 4. Некоторые из означенных в этом §-е имен отличаются той особенностью, что колеблются в выборе формы для имен. пад. ед. числа. Так, напр., уже в Изб. Свят. 1076 г. рамо вм. рама (откуда *рамена*), как *пис-мо* и древн. пись-ма; русск. *бѣль-мо* и нижнелуж. *бѣль-ман*; въ цс. плам-а, плам-ы и *пламень; стремя, стремень* (в Сл. о полку Игор.: „въ златъ *стремень*") и в просторечии *стремено* (в Древн. русск. стих. „*стремяно в стремяно* богатырское", 180), и даже в жен. р. *стремена* (в олон. былине „ко лѣвыя булатныя *стремены*", Рыбн., II, 331); люб-ы и *люб-ов-ь; црък-ы, церк-ов-ь* и в просторечии *церк-в-а;* равно и в церковнославянском: смок-в-а при форме смок-ы, боук-в-а при названии начертания: боукы (буки). Как от *церковь* в просторечии *церква*, или от *морковь* в украинск. *морква;* так и в древнем цс. вм. *тыква* — тыкы в Библии 1499 г. (вм. тыкъвь). См. Хр. — В древн. цс. пжгы пжг-ъв-е и пжгва, откуда *пуговица;* в Русск. правде: *за утовь* — за утку, от формы жт-ы, как русск. формы *бот-в-а*, влад. *бот-ов-ь*, сиб. *бос-в-а, бос-ов-ь* (ступня) предполагают формы *бот-ы* и *бос-ы*. Цс. кр-ъв-ь, наше *кр-ов-ь*, у южн. славян сохранилось в форме *кр-ы*.

§ 63. Наш язык, имея способность к именованию предмета присовокуплять представление о его величине или достоинстве, образовал, помощию некоторых суффиксов, целый ряд имен известных под названием увеличительных и уменьшительных, ласкательных или смягчительных и унизительных.

Отличительные свойства этих имен, в отношении к их окончаниям, суть следующие:

1. Окончания этих имен означают качество и величину предмета, потому пользуются преимущественно такими суффиксами, которые наиболее соответствуют придаваемому ими смыслу, а именно: а) местоименным *к* (§ 58) и соответствующим ему смягченным *ц*, присовокупляемыми к корню слова, или помощию *и, я, о(ъ), е,* для означения уменьшения предмета и ласки; напр., *стол-и-къ, черв-я-къ, дом-о-къ, брат-е-цъ, сестр-и-ца;* или помощию *ъ* (опускаемого) и *ь* — для означения уменьшения и унижения; напр., *стрѣл-ка* (вм. *стрѣл-ъ-ка*), *дѣв-ка* (вм. *дѣв-ъ-ка*), *Вас-ь-ка* (от *Василій*); б) суффиксами: *-ина,* означающим единичность, и *-ище,* означающим пространство, для означения увеличения; напр., *дом-ина, дом-ище.*

Примеч 1. Между *к* или *ц* и корнем слова, для точнейшего обозначения представления, вставляются вспомогательные суффиксы: *-уш-, -ыш-, -ень-, -ен-* и нек. др.; напр., *дубров-уш-ка, мат-уш-ка, солн-ыш-ко, руч-ень-ка, руч-ен-ка*. Этими вспомогательными, серединными суффиксами различаются между собою имена уменьшительные, ласкательные и унизительные. Они могут употребляться и самостоятельно, на конце слов. Суффикс *-ень* или *-ен*

есть не что иное, как ѧ, на которое оканчиваются ласкательные имена, как показано ниже; суффиксы *-ыш-* (напр., в слове *солн-ыш-ко*), *-уш-* или *-юш-*, *-яш-*, в конце слов; напр., *дѣт-ен-ышъ, пріем-ышъ, остан-ышъ, окол-ышъ, гол-ышъ, бѣдн-ышъ* и *бѣдн-яшъ, бат-юшъ* (откуда *бат-юш-ка*); суффиксу *-уш-* соответствует *-ух-*; напр., *Петр-уш-а, Путр-ух-а;* в обл. *дяд-юхъ*, откуда *дяд-юш-ка*. Некоторые слова допускают *-ыш-* и *-уш-;* напр., *солн-ыш-ко* и *солн-уш-ко, пер-ыш-ко* и *пер-уш-ко* и др.; прежде *-уш-* чаще употреблялось и в книжном языке, а теперь выходит из обычая; но в разговорном и особенно в областном доселе держится крепко; но в слове *мат-уш-ка* удержалось *-уш-*, вм. обл., в олон. *мат-ыш-ка*. В областном языке вспомогательные суффиксы: *-ай-*, *-яй-*, *-ей-*, *-ел-* и др.; напр., в волог. *быч-а́й-ко, быч-е́й-ко* (от *быкъ);* в олон. *чад-ел-ко* (от *чадо*), Рыбн., II, 343.

Примеч. 2. Наш язык имеет способность от уменьшительного или ласкательного имени вновь производить уменьшительное или ласкательное, пользуясь суффиксом *к*. Напр., *глазъ глаз-о-къ глаз-о-ч-е-къ* (здесь *ч* произошло от смягчения *к*).

2. Для образования имен ласкательных наш язык пользуется суффиксами, которые употребляются в названии малых детей. Так, суффикс *-ен(т)*, оказывающийся, напр., в именах ꙗгн-ѧ, *ягн-ен-окъ* (§ 62), приспособлен к ласкательным: *тят-я, дяд-я, мам-а, тет-я, Миш-а, Саш-а* (вместо: тꙗт-ѧ, тєт-ѧ, Миш-ѧ), что́ видно из форм: *дяд-ень-ка, мам-ень-ка, Саш-ень-ка*. В древн. цс. млад-ѧ, лис-ѧ, откуда *млад-ен-ецъ, лис-ен-окъ*, в великорусск. просторечии *паря* (т. е. пар-ѧ) вм. *пар-ен-ь*, откуда *пар-ен-ёкъ, пар-ьн-иш-ка;* обл. *дѣвча*, украинск. *дивча* (вм. дѣвч-ѧ), откуда *дѣвч-ён-ка;* от древн. цс. пѣт-а (птица) — пѣт-ьн-ьць, *пт-ен-ецъ*, как бы через форму пѣт-ѧ. Потому окончание *-ен-ко* в украинск. принимают имена, в значении детей: напр., *прапор-енко, подпрапор-енко* — сын прапорного, подпрапорного, и потом в значении фамилий: *Федор-енко, Основьян-енко* (слич. *-ичъ* в § 64). Этот же суффикс *-ен-* (или ѧ) оказывается не только в ласкательных или смягчительных существительных: *нож-ень-ка, руч-ень-ка* (как бы от нож-ѧ, рѫч-ѧ) и проч., но и в прилагательных: *бѣл-ень-кій, чист-ень-кій* и проч. Отсюда явствует, почему ошибочно писать: *маминька, Мишинька, ножинька, бѣлинькій* и проч.

3. Суффиксы *-ыг-*, *-уг-* (*-юг-*), *-яг-* (*-аг-*) для означения унижения, иногда с оттенком жалости, снисхождения и даже ласки; напр., *тороп-ыг-а, пьянч-уг-а бѣдн-яг-а, мальч-уг-анъ* (еще с суф. *-анъ*), *звѣр-юг-а, звѣр-яг-а, дѣл-юг-а, дѣл-яг-а* и др.

Примеч. 3. В пск., тверск. *ща́ги* (сущ. несклоняемое) — дрянные щи; в украинск. *татарю́га* — презренный татарин.

Примеч. 4. В Сл. о полку Игор. ласкательный суф. *-ило:* „о вѣтре, *вѣтр-ило*"; в народном языке для ласкательных суффиксы *-уля, -уня, -уся* и мн. др., напр. от *баба: баб-уля, баб-уня, баб-уся;* в областном языке *-но*, для увеличения и унижения: в пск., тверск. *дѣв-но́* — высокая и толстая девка;

баб-нó — толстая женщина; бранное слово. В XVIII в. употреблялись унизит. формы на *-енце,* напр. у Тепл. в переводе Скар. Шутл. пов. *человѣченце, мужиченце,* I, 39, 71.

4. Кроме форм, которых грамматич. род явствует сам по себе (напр., *братецъ, сестрица, домикъ, водица*), должно заметить, что в увеличительных, уменьшительных, ласкательных и унизительных господствует род средний; напр., в народном языке: *головище, ямщище,* даже *старчище, Иванище; лученышко* (от *лукъ*), *конишечко, бычайко, чаделко, дѣвнó, бабнó;* в Шуйск. актах XVII в. *попадьишко, женишко, дочеришко* (от *попадья, жена, дочь*); в Ист. акт. под 1608 г. *хлѣбешко, службишко,* II, 147, 153. Сюда же принадлежат имена лиц. муж. р. с ласкат. суффиксом *-ко: Василько, Владимирко;* так же *батюшко:* род. пад. ед. ч. *батюшка,* твор. пад. *батюшкомъ,* и потом уже с окончанием *-а: батюшка, батюшки, батюшкою.* Перемена *-ище* на *-ища;* напр., *головища, ямища* — уже позднейшее явление (§ 218).

5. Многие существительные, первоначально образовавшиеся в форме уменьшительных или ласкательных, впоследствии потеряли оттенок уменьшительного или ласкательного представления. Таковы, напр., *кус-о-къ* при слове *кусъ, кон-е-цъ* при слове *конъ, булав-ка, лав-ка,* при словах *булава, лавы,* украинск. *лава, дон-це, коль-цо, крыль-цо,* при словах *дно, коло, крыло* и проч.

Примеч. 5. Уменьшительным окончанием язык весьма часто пользуется при перенесении слова от одного значения к другому; напр., *рука, нога, горло, шляпа* и *ручка* у чашки, *ножка* у стола, *горлышко* у бутылки, *шляпка* у гвоздя и проч. (§ 147).

Примеч. 6. Отчасти ласкательною или смягчительною, отчасти уменьшительною формою объясняется образование следующих существительных: *вѣн-е-цъ* и *вѣн-о-къ* при областном слове *вѣнъ; от-е-цъ* (цс. от-ь-ць) при старинном прилагательном *от-ній* (от потерянного корня *от-*); *пт-и-ца* при формах *пт-ах-а, пт-аш-ка,* в сиб., тверск., пск. *птуха, птюха, птяха; лягушка* от *ляг-ух-а* (в новг. *лёгуха*), а это от *лягва; кур-и-ца* от обл. *курá* (в тобольск.), при древнем *куръ* — петух, откуда мн. ч. *куры; солн-це* (цс. сльнь-це) при наречии *по-солонь; яй-це* при форме *яе,* употребляемой в значении яйца в других славянских наречиях, напр. в польском, и проч. От юнь — цс. юн-акъ — юноша, потом в сербск., болг. — богатырь, герой.

В историческом отношении, вообще о представлении имен существительных должно заметить следующее: 1) цс. язык употребляет более формы уменьшительные и ласкательные, нежели увеличительные и унизительные; напр., старица, вьдовица; в Жит. Феодос. XII в. лоукъньце — лукошко. 2) Древнерусский язык и областное просторечие всеми этими формами замечательно обильны. 3) Что же касается до речи книжной, то она, приближаясь

к складу цс. языка, весьма ограничила употребление этих форм.

Смягчительные формы, по преимуществу оказавшиеся в именах, язык распространяет и на другие части речи; напр., *баиньки, спатиньки, питиньки* (от *пить*), *éстечка* (от *есть*), *люлиньки* (*люли*), *мнѣшиньки* и проч.

Примеч. 7. В обл. языке: от частиц: в разных местах: *áханьки, ахóнюшки* — от *ахъ, áиньки* — от *ай, áсинька, áсиньки* — от *ась;* в новг., пск., тверск. *здѣсинька, здѣська, здѣсятка* — от *здѣсь; откулинька, отсулинька* или *отсюлинька* * — откуда, отсюда; *досéличка, дотуличка, дотулинька* — доселе, дотоле; в смол. *домойки* — домой. От местоимений: в тверск. *никóвушко* — вовсе никого, в арх. *тогóвасенько* — как бишь; в вятск. *охти мнѣченьки,* в тверск. *охти мнѣчушки,* в нижег. *что-нибудка* — что-нибудь; от гл. в пск., тверск. *можнёшенко* — можно; особенно в украинск. *питки, питочки, истки, источки, йстоньки*, от *пить, ѣсть; ристочки, ходýсеньки* — от *рости, ходить:* чтó придает особенную нежность в колыбельных песнях; напр., „а *ристочки* у кисточки" (в косточки) — „а въ ниженьки (в ноженьки) *ходусеньки*".

§ 64. К особенностям нашего языка принадлежит образование имен, означающих отчество: муж. рода на *-ичъ,* жен. рода на *-на,* от названия лиц, при посредстве произведенных от них прилагательных; напр., *Борисъ Борис-овъ Борис-ов-ичъ Борис-ов-на, Ѳома Ѳом-ичъ,* сокращенное из *Ѳом-ин-ичъ,* как это видно из жен. *Ѳом-ин-иш-на* вм. *Ѳом-ин-ичь-на.* В разговорном языке также сокращенно употребляются: *Иван-ычъ, Сергѣ-ичъ* вм. *Иван-ов-ичъ, Сергѣ-ев-ичъ.*

Примеч. 1. Окончание *-вичъ* употребляется и в виде самостоятельного слова; напр., у Карамз. „называться полнымъ отечествомъ или *Вичемъ*", ИГР, IX, 356; в пословице: „наши *вичи́* ѣдятъ одни калачи", Даль, Слов. В сиб. наречии оно прибавляется к местоимению *чей*, в форме *чеевичъ,* в значении: чей сын?

Такие формы производятся не от одних только собственных имен, как это видно из слов: *цар-ев-ичъ цар-ев-на, княж-ичъ* (от прилаг. *княжъ*) *княж-на, бар-ичъ бар-ыш-ня* (вм. *бар-ичь-ня*), *поп-ов-ичъ поп-ов-на, вотч-ичъ* или *отч-ичъ* (сын отца); *богáт-ичъ, нужд-ичъ,* в Слов. Даля: „неудачны *богатичи* живутъ; *нуждичи* небалованые лучше"; в тульск. дух. стих. даже *княг-ин-ичъ* (Кал., I, 279) и проч.; и означают не только детей, но и вообще потомков, а оттуда — и фамилий; напр., *Олег-ов-ичъ, Мономах-ов-ичи, род-ичь, Гнѣд-ичъ, Ра-ичъ.* Потому этим окончанием пользуются названия племен и народов, означая как бы детей или потомков родоначальника; напр., *рус-ичи* (в Слове о полку Игор., вм. *русские*), *лют-ичи, радим-ичи, вят-ичи*

* В предшествующих изданиях „*отсулинка* или *отсюлинька*". *(Ред.)*

(будто от *Радима* и *Вятки*) и проч. По примеру последних образовались имена жителей городов; напр., *Москва москв-ичъ, москв-ичи;* в Пск. лет. XVI в. постоянно „мужи *псковичи*" вм. *псковитяне;* — а потом и самых городов, как в ед. ч. *Гал-ичъ, Угл-ичъ,* так и во мн., напр. *Боров-ичи.* В сказках и былинах „Змѣй *Горыничъ*", — т. е. сын или потомок *Горыни,* от которого *Горынянка:* баба *Горынянка.*

Русское окончание *-ичъ* соответствует цс-му -иштъ или -щь; напр., Атремовищь (в цс. переводе Повести о взятии Трои). Это окончание в языке усвоено названиям детенышей; напр., дѣт-ищь (откуда наше *дѣт-ище*), пт-ищь или пт-ич-ищь, козл-ищь, льв-ищь или льв-ич-ищь, грл-ич-ищь, т. е. детеныш птицы, козы, льва, горлицы.

Примеч. 2. В древн. цс. кралищь или кралиштъ — королевич, рабичиштъ, рабичьна — сын и дочь от рабов; дъщерна — дочернина дочь; а также на -ище или -иште, вм. -ищь, -иштъ: ланище — детеныш лани, младище — младенец. — На *-ичь* и на его замену *-ицъ:* сираховичь — сын Сирахов, в Злат. цепи XIV в.; сифовичь в переводе Антиохова Пандекта; мачешищь — дитя мачехи, в Злат. матице XV в.; сварожичь или сварожищь — языческое божество, славянское, сын бога Сварога, в Паис. сб. XIV в. (см. Хр.); в Слове о полку Игор. *соколичь* — сын сокола, *словутицъ* вм. *словутичь* — сын *Словута* или *Словутя* (слич. § 55): „о Днепре *Словутицю*". В заговорах: „къ Сатанѣ *Сатоновичу*" — „есть два орла *орловича,* два брата родные" (Тих. Лет. 1862 г., т. IV); у Кирши Дан. „а сиза орла, орла *орловича*", 24. В великорусск. народн. *-ищь* вм. *-ичь:* в Зап. Пор. „Павелъ *Петровищъ*", 199.

Примеч. 3. Замечательно в украинск. употребление *-ичь* для означения множества, в собир. *галичь* — много галок (как бы целое их племя).

4. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 65. Имена прилагательные бывают: или краткие, напр. *добр-ъ, добр-а, добр-о,* или полные, образованные приложением местоимения *и* (§ 58) к окончанию прилагательных кратких; напр., добръ-и или добры, потом с присовокуплением другого и: добрыи (т. е. добръ-и-и), *добрый, добра-я, добро-е.* В именах на *-ь* уже и в цс. полное окончание -ии, а не -ьи: синь синии (вм. синь-и). Так как *ъ* и *ь* у нас переходят в *о* и *е,* то разговорные формы *добро-й, сине-й* (вм. *добрый, синій*) прямо происходят от добръ-и, синь-и (а не от добрыи, синии). Вм. *ы* употребляется *о* и на письме, когда имеет ударение; напр. *лихóй.*

При переходе прилагательных из кратких в полные, русский язык, для благозвучия (§ 25), иногда сокращает звуки *о* и *е,* предшествующие суффиксам, либо выбрасывает и тот и другой звук, либо изменяет второй в *ь* или *й;* напр., *крот-о-къ крот-кій, тяж-е-къ тяж-кій, гор-е-къ гор-ь-кій, поко-е-нъ поко-й-ный.* Церковнославянский язык в этом случае представляет бóльшее

однообразие, удерживая гласные звуки *ъ, ь, и,* как в краткой, так и в полной форме прилагательных; напр., кротъкъ кротъкыи, тѫжькъ тѫжькыи, горькъ горькыи, покоинъ покоиныи.

Остаток церковнославянского перехода краткой формы в полную сохранился у нас в прилагательном *досто-и-нъ* (вм. *досто-е-нъ*) *досто-й-ный,* в отличие от причастия *(у)досто-е-нъ, (у)досто-е-нный.*

Не все прилагательные пользуются обоими окончаниями, и кратким и полным; иные имеют только полное; напр., *большой, нынѣшній, вчерашній;* другие только краткое; напр., *радъ, гораздъ, сестринъ, Борисовъ.*

Примеч. В историческом отношении о кратких и полных формах прилагательного должно заметить следующее: 1) цс. язык употреблял многие прилагательные в краткой форме, которые ныне ходят только в полной; напр., чловѣчьскъ, т. е. человеческий. 2) Как в цс., так и в древн. русск. языке употреблялись некоторые прилагательные в полной форме, которые ныне ходят в краткой. Сюда принадлежат формы жен. р. на *-я* для означения чьей-либо жены; напр., в О. ев. давыдъ же цр҄ь роди соломона отъ оуриинꙑꙗ; в испр. отъ Оуріины, Матф., 1,6; в Изб. Свят. 1073 г. иродовая — жена Ирода; в русск. лет. „преставися *Мстиславляя* Хрьстина"; „князь пусти къ нимъ жены, *Борисовую, Глѣбовую, Мишную*"; в 1503 г. в письмах Елены королевы польской к отцу своему, вел. кн. Ив. Вас., называет она себя *королеваа* вм. *королевая.* 3) Народный язык богаче книжного краткими формами прилагательных, как это видим в песнях, пословицах и других произведениях изустной словесности; а также употребляет и такие полные формы, которые в книжном языке не приняты; напр., в песн. Кирши Дан. „*Чесовая* жена" вм. *Чесова;* в украинск. *братовая* — братнина жена, *сыновáя* — жена сына, т. е. невестка (в польск. *братова, сынова*).

§ 66. Прилагательные различаются по образованию своему и по значению.

По образованию своему прилагательные бывают: первообразные и производные. Первообразные присовокупляют признак рода: *-ъ, -ь, -а, -я, -о, -е, -ый, -ій, -ая, -яя, -ое, -ее,* непосредственно к корню; напр., *яр-ъ яр-ый, син-ь син-е* и проч. Производные между корнем и признаком рода помещают суффикс.

Кроме указанных ниже (в § 67), важнейшие из суффиксов прилагательных — следующие:

1) *-р: доб-р-ъ* (при формах *у-доб-ный, по-доб-ный*), доб-ль (с смягчением *б* помощию *л*), в Супр. рук. доб-ь, от корня *доб,* откуда *доба* — пора, время (§ 44); *хит-р-ъ* от гл. *хит-ить.*

2) *-к,* -ък, -ьк; *гиб-к-ій, уз-к-ій,* гыб-ък-ъ, ѫз-ък-ъ; мѧк-ък-ъ, от гл. мѧ-ти, украинск. *мня-к-ій,* наше *мягкій* (с переменою *к* на *г*), при формах *мяг-ше* (§ 69), *мяк-ишъ; гор-ьк-ъ гор-ек-ъ гор-ьк-ій; -ок, -ек, -ик:* выс-ок-ъ, глѫб-ок-ъ, дал-ек-ъ, вел-ик-ъ.

3) *-л*, -ъл, -ьл: *теп-л-ый, свѣт-л-ый, кис-л-ый; теп-е-лъ, свѣт-е-лъ, кис-е-лъ* (вм. тєп-ъл-ъ или тєп-ьл-ъ и т. д.).

4) *-н*, -ън, -ьн: *пол-н-ый, яс-н-ый;* пл-ън-ъ, ıас-ьн-ъ — *пол-о-н-ъ, яс-е-н-ъ:* от существительных на *-ство:* мѫжьств-ьн-ъ, и потом с наращением другого суффикса -ьн: мѫжьств-ьн-ьн-ый, *мужеств-ен-ный, мужеств-ен-ен-ъ.*

5) *-ав: велич-ав-ъ; крас-ав-ица,* при народном *крас-ав-а* (Даль, Послов., 141) — от предполагаемого *крас-ав-ъ; тряс-ав-ица* (лихорадка) от предполаг. *тряс-ав-ъ,* от гл. *тряс-ти,* откуда и *тряс-ца* (тоже лихорадка).

6) *-ив: льст-ив-ъ, крас-ив-ъ, учт-ив-ъ* (от гл. *чт-ить*); с приставкою *л,* т. е. *-лив: крад-лив-ъ, проказ-лив-ъ;* от существительных на *-ость* — и с *-ив: милост-ив-ъ,* и с *-лив: жалост-лив-ъ.* От сущ. на *-язнь* первоначально с *-ив: боязн-ив-ъ, непріязн-ив-ъ,* а потом *н,* перед *-ив,* переходит в *л,* и образуется суффикс *-лив: бояз-лив-ъ, непріяз-лив-ъ.* В олон. былин. *рет-лив-ый* вм. *рет-ив-ый*, Рыбн., I, 370. В послов. *кладлива* — о курице, несущей много яиц; „*напускливъ,* чтó волкъ, *пакостливъ,* чтó котъ", Даль, 1058, 256. С звуком *ч: -чив: привяз-чивъ;* в послов. „дѣло-то *забывчиво,* а тѣло-то *заплывчиво*" — „чужой калачъ *прiѣд-чивъ*", Даль, Послов., 306; Слов.

7)[21] *-ат: бог-ат-ъ, рог-ат-ъ, бород-ат-ъ, волос-ат-ъ; -ч-ат: зерн-ч-ат-ый, змѣй-ч-ат-ый.*

8) *-ит,* для означения обилия высокой степени: *имен-ит-ъ, знамен-ит-ъ; -ов-ит: род-ов-ит-ъ, плод-ов-ит-ъ.*

9) *-аст,* для означения заметной величины: *рог-аст-ъ, волос-аст-ый;* дуб *коренастъ,* сосна *голенаста;* в поговорке: „*бородастѣе* Бѣлевскаго раскольника". Отличие этого суффикса от *-ат* явствует из сличения сказанной поговорки с след. пословицею: „богъ судитъ виноватаго, кто обидитъ *бородатаго*", Даль, Слов.

10) *-ист,* для означения множества, обилия, высокой степени: *пчел-ист-ъ, береж-ист-ъ* — с крутыми берегами (о реке, в Ипат. сп. лет., 123); *голос-ист-ъ.* В поговорке: „чиста, *личиста,* да и говорить *рѣчиста*", Даль, 436. В словах: *золот-ист-ый, серебр-ист-ый, -ист* означает подобие. В погов. „*звѣздисты* очи, разсыпчаты", Даль, 323; в сказке: „войстъ былъ Иванушка Годиновичъ", Даль, Слов.

Некоторые из этих суффиксов местоименные, именно *-к,* другие — причастий, именно *-л, -н.*

Суффиксы приставляются или к первообразным прилагательным же; напр., *яр-ъ яр-к-ій;* или к глагольным корням; напр., *кис-нуть кис-л-ый, вид-ѣть вид-к-ій, брос-ать брос-к-ій, буд-ить*

буд-к-ій, напр. в послов. „спи *будко,* слушай чутко“, Даль, Слов.; или же к существительным и наречиям; напр., *домъ дом-ов-ый, звѣрь звѣр-ин-ый, вчера вчера-сь, вчера-ш-н-ій* и проч. К прилагательным производным относятся причастия и числительные имена порядковые.

Некоторые существительные совпадают с прилагательными и от них произошли; так, напр., *дѣва, вдова,* не иное что, как прилаг. в жен. р. от *дѣвый, вдовый,* в цс. даже дѣваꙗ в полной форме вм. *дѣва.* От древн. цс. раный (ранний) — в жен. р. *рана* — ранняя пора, рассвет, и у нас в ср. р. наречие *рано.* Сущ. *бездна,* в древн. цс. и в полной форме бездьнаꙗ (в Толк. псалт. XI в.) — от прилаг. бездьный (бездонный); *войско* в ср. р., а в древн. цс. и в жен. р. воиска или воискаꙗ, от прилаг. воискый (§ 44).

По значению прилагательные делятся на качественные и относительные. Первые означают свойство предмета без отношения к другим предметам; напр., *бѣлый, чистый* и проч. Последние означают признак предмета, зависящий от других предметов, которым что-либо принадлежит (напр., *Иванъ — Ивановъ*), или из которых что-либо сделано (напр., *желѣзо — желѣзный*), или к которым что-либо относится (*небо — небесный, вчера — вчерашній*) и т. п.

В рассуждении образования прилагательных должно обратить внимание на производство прилагательных относительных и на восхождение прилагательных качественных по степеням сравнения.

§ 67. Важнейшие из суффиксов прилагательных имен относительных суть следующие:

1. Суффикс *-и,* сокращающийся в *-ь* (*-j*), особенно употребительный в цс. и древнерусском. Напр., от существительных: закоулонъ, адамъ, авраамъ, кънѧзь, чловѣкъ, вельбѫдъ, *Иванъ, Владиміръ, Спасъ, Борисъ* и проч., образуются прилагательные помощию *-ь* (причем согласные звуки смягчаются по своим законам смягчения, §§ 35, 36 и 37): закоулон-ь, адам-л-ь, авраам-л-ь, кънѧж-ь (княжий), чловѣч-ь (человечий), вельбѫжд-ь (верблюжий), *Иван-ь, Владимір-ь* или *Володимер-ь* (отсюда название города *Владиміръ* вм. *Владиміръ,* т. е. город Владимиров), *Спаш-ь, Бориш-ь* и проч. Названия городов: *Ярослав-л-ь, Переяслав-л-ь, Прѣмыш-л-ь* или *Перемыш-л-ь* и др., суть не что иное, как прилагательные от собственных имен *Ярославъ, Переяславъ, Прѣмыслъ* или *Перемыслъ.*

Помощию того же суффикса *-и* образовались с полным окончанием: цс. звѣрий, козьлий (при смягченной форме кожль), бычий, от звѣрь, козьлъ, быкъ; в русск. *курій* (вм. *куриный*) от *куръ;* напр., „избушка на *курьихъ* ножкахъ“; *бараній, соболій, лѣшій, волчій, бѣлужій* и др. от существительных: *баранъ, соболь, лѣсъ, волкъ, бѣлуга.* С тем же суф. от *дѣв-а, дѣв-ій,* и в цс. и в русск, *дѣвич-ій* уже от *дѣвиц-а.*

2. Суффиксы *-ов* или *-ев*, в прилагательных, произведенных собственно и первоначально от существительных на *-ъ* или *-ь* и на *-о* или *-е;* и суффиксы *-ин* или *-ын*, цс. *-ьн*, в прилагательных, от существительных на *-а* или *-я;* напр., *Иванъ Иван-овъ, конь кон-евъ, солнце солнц-евъ, матушка матушк-инъ, батюшка батюшк-инъ* (в народн. языке и *батюшк-овъ* от *батюшко*, § 63), *царица цариц-ынъ, жена* цс. жєн-ьнъ *жен-инъ* (говорят и усиленно *жен-н-инъ*) и проч. Впрочем, в русск. языке окончания *-ов* или *-ев* и *-ын* и *-ин* смешиваются, т. е. первые могут быть в прилагательных от существительных на *-а* или *-я*, а вторые — от существительных на *-ъ* или *-ь*. Напр., *левъ львовъ* и *львиный, орелъ орловъ* и *орлиный, звѣрь звѣревъ* и *звѣриный, гусь гусевъ* и *гусиный, береза березинъ* и *березовый, лебедь лебяжій* (с суф. *-и*) и *лебединый*. Иногда этим отклонением выражается качество в отличие от принадлежности; напр., „*львиная* сила“ — „*лебединая* пѣснь“.

Примеч. 1. Сущ. *свинья* произошло от прилаг. свинъ (*свин-ой*), образовавшегося помощию суф. *-ин* от потерянного в славянском языке корня *су* (*св*). См. прилож. к § 32-му. От сущ. *волъ* в цс. прилаг. волоуй.

Сверх того, суффиксом *-н* пользуются многие относительные прилагательные на *-ый* или *ій*, с следующими вспомогательными звуками, поставляемыми перед *н:* а) с *ш* (*ь*), происшедшим от *с* или *ч;* напр., *вчера-сь вчера-ш-ній, лѣто-сь лѣто-ш-ній, даве-ча даве-ш-ній;* при некоторых прилагательных формы на *-сь* или *-ча, -че*, уже не находим в нынешнем образованном языке; напр. *дома-ш-ній;* б) с *я*, цс. ь и ѣ; напр., *земл-я-ной*, землꙗ-ь-нъ и земл-ѣ-нъ; *серебр-я-ной* сєрєбр-ь-нъ и сребр-ѣ-нъ; иногда в русск. с усиленным *н* (ьн, *ен*): *олов-я-н-ный* (вм. *олов-я-нь-ный*) олов-ѣ-нь.

Примеч. 2. Суффиксы *-ов* или *-ев* и *-н* (*-ън, -ин*) могут быть сближены с косвенными падежами существительных, от которых происходят прилагательные с этими суффиксами; напр., *кесарь*, цс. дат. пад. ед. числа кесар-ев-и, прилаг. *кесар-ев-ъ; вечеря*, цс. род. пад. ед. числа вечер-ѧ (т. е. *вечер-ьн*), прилаг. вечер-ьн-ь, *вечер-н-ій*.

3[22]. Суффикс *-ск;* напр., цс. мѫжь мѫж-ь-скъ, русск. *муж-ской* и *муж-е-скій* (*е* соответствует здесь церковнославянскому *ь*, § 25); *братъ*, цс. брат-ь-скъ, *брат-скій*. К остаткам имен прилагательных кратких принадлежат названия городов: *Смолен-скъ* (в старину: *Смолен-ь-скъ, Смолен-е-скъ*), *Архангел-ь-скъ* (в старину говорили „Архангельской городъ“).

Примеч. 3. Мягкий звук *ь*, вставлявшийся в церковнославянских прилагательных перед суффиксом *-ск*, не везде сохранился в русских, как это явствует из приведенных примеров. Однако участие этого звука оказывается у нас в смягчении согласных, к которым приставляется суффикс *-ск*. А именно: *Риг-а Риж-скій, лях-ъ ляш-скій* вм. *Риж-ь-скій, ляш-ь-скій;* равно как

от сущ. *богъ, человѣкъ — бож-е-скій, человѣч-е-скій* вм. *бож-ь-скій, человѣч-ь-скій.* (Формы, не смягчающие согласных, каковы: *Петербург-скій, Гамбург-скій* и другие, образованные в новейшее время, составляют исключение.)

Касательно суффикса *-ск* должно сделать следующие замечания, для практического употребления:

1) Прилагаясь к звукам *ч* и *к,* он изменяется, вместе с этими звуками, в *цк;* напр., *Галичь Гали-цк-ій* (вм. *Галичь-ск-ій*); *грекъ гре-цк-ій* (вм. *грек-ск-ій, грет-ск-ій* или *гречь-ск-ій,* откуда *греч-е-ск-ій*), *дуракъ дура-цк-ій* (вм. *дурак-ск-ій, дурат-ск-ій* или *дурачь-ск-ій,* § 37).

2) Прилагаясь к звукам *д* и *т,* этот суффикс или а) остается в целости и не изменяет этих звуков (хотя в произношении *-дск-* и *-тск-* переходят в *-цк-*); напр., *швед-скій* (а не *швецкій*), *кадет-скій* (а не *кадецкій*); или б) вместе с *т* (а в древнерусском и вместе с *д*) переходит в *-цк-*; напр., от реки *Полоты — Полоцкъ* (вм. *Полот-скъ* или *Полт-е-скъ*). В древнерусском встречаем: *посацкій, швецкій* или *свецкій* и др., вм. ныне принятых: *посадскій, шведскій.*

Примеч. 4. В Златостр. XII в. роусьскый; в послесловии к Мстисл. ев. 1125—1132 г. новьгородьскыи. В Смол. гр. 1229 г. смольньскь, смольнескь и смольнѣскь, смольнескый; рижкий — рижский; готскый и гоукый, латинескии. В предисловии к Новг. Кормч. 1282 г. новьгородьскый и новгородьскый; в Русск. правде по этому же сп. кыювьскый, тысачкый — тысяцкий. В Полоцк. гр. около 1300 г. полотеско вм. *Полотескъ;* полотьскый. В Новг. гр. 1294—1304 г. новгорьдескый; в новг. сп. Библии 1499 г. новогороцкый; в лет., сверх того, *ноугородьскый, новгорочькый* и др. В Сл. о полку Игор. по сп. XIV в. *рускый, половецкый, галичкы* (галицкий) *Полотскъ.* В Жит. Бор. и Гл. XIV в. ѿ полотьска; но у Скорины уже *Полоцкъ,* как значится, напр., в послесловии к Кн. Иова 1517 г. доктора Франциска Скоринина сына с Полоцка.

Примеч. 5. Так-как прилагательные на *-скій,* в значении принадлежности какому-нибудь народу, происходят от имени не страны, а народа; напр., *швед-скій, француз-скій* (от *шведъ, французъ*), а не *швец-ій-скій, франц-ій--скій* (от *Швеція, Франція*); то прилагательное *рус-скій* (от *Русь,* в значении, народа, §§ 4 и 58) правильнее прилагательного *росс-ій-ский* (от *Росс-ія*). Впрочем, *англ-ій-скій* произведено от *Англ-ія;* но старинное и народное *аглиц-кій* от *англич-ане.*

Прилагательное *дат-скій* произошло не от позднейшего корня *дан-* (откуда *Дан-ія*), а от древнейшего *дак-*, с смягчением *к* в *т* (§ 37), откуда и *дат-чан-инъ.*

От прилагательных на *-скій* (с изменением *ск* на *щ,* § 37) происходят существительные при помощи суффиксов:

1) *-ина;* напр., *бѣсов-ск-ій бѣсов-щ-ина, деревен-ск-ій деревен-щ-ина, жен-ск-ій жен-щ-ина, муж-ск-ой* — собственно

муж-щ-ина, но пишут: *мужчина* и *мущина:* первое употребительнее § 59.

Примеч. 6. В областном просторечии говорится: *мужщина.*

2) *-икъ;* напр., *ям-ск-ой ям-щ-икъ, день-ск-ой день-щ-икъ.* Здесь должно заметить следующие видоизменения: а) окончание *-щикъ,* перед *д* и *т,* изменяется в *-чикъ;* напр., *завод-ъ завод-чикъ, газет-а газет-чикъ;* б) *к* перед суффиксом *-щикъ* смягчается в *т* (и тогда *-щикъ* переходит в *-чикъ*); напр., *потак-ать потат-чикъ;* потому должно бы писать: *порут-чикъ* (*поруч-ать,* от слова *рука*), как и встречается в древн. языке, напр. в Улож. 1649 г.; но в общее употребление вошла уже форма *поручикъ.*

в) Звуки *з* и *с* перед суффиксом *-щикъ* выпадают; напр., *извоз-ъ изво-щикъ, рѣз-ать рѣ-щикъ, донос-ъ доно-щикъ,* вм. *извоз-щикъ, рѣз-щикъ, донос-щикъ* (как *му-щина* вм. *муж-щина*).

Примеч. 7. В древн. цс. суффикс -скый был в бо́льшем употреблении, нежели теперь в русском яз.; напр., от *гора, небо:* цс. горьскъй, небесьскый, а также и горьнь, небесьнь, а у нас только *горный, небесный.* От *поле* древн. цс. польскый — полевой, сохранившееся доселе в названии славянского племени поляков; от *земля* — цс. земьскый, теперь отличающееся от форм *земляной* и *земной* — своим юридическим значением; сѣверьскый (первоначально зн. „северный") удерживалось у нас до позднейших времен в названии *Сѣверской* области (от племени, называемого в летописях не только *сѣверянами,* но и просто *сѣверомъ*).

Часто смешивают суффиксы *-ь* (*-и, -j*), *-ов, -ев, -ин,* с суффиксом *-ск.* Но первые означают принадлежность; напр., *божій, человѣчій, царевъ, батюшкинъ;* а последний — отношение: *божескій, человѣческій, царскій, отеческій.*

§ 68[23]. Язык отличает суффиксы, которыми смягчает, усиливает и уменьшает качество, напр., *бѣл-ен-е-къ, бѣл-ех-он-е-къ, бѣл-еш-ен-е-къ, бѣл-ов-атъ,* от суффиксов, которыми обозначает степени качества; напр., *бѣл-ъ, бѣл-ѣе.* Собственно последние именуются окончаниями степеней сравнения.

Степеней сравнения три: положительная, напр. *хорошъ;* сравнительная, напр. *лучше;* и превосходная, напр. *самый лучшій.*

Окончания степеней сравнения и окончания, смягчающие, усиливающие и ослабляющие качество, составляют принадлежность прилагательных качественных, за исключением тех из них, в которых, по самому значению, не может оказываться бо́льшая или ме́ньшая мера качества; каковы, напр., *бездѣтный, женатый, четвероногій* и т. п.

Речения, получающие смысл прилагательных качественных, могут принимать упомянутые окончания; напр., *деревянный*

деревяннѣе (в смысле „бесчувственнее“), *одинъ одинехонекъ, первый первенькой, первѣйшій*.

Соответствие окончаний степеней сравнения окончаниям, смягчающим, усиливающим и ослабляющим качество, явствует из того, что последние не имеют уже способности изменяться по степеням сравнения. Потому, напр., от прилагательных *бѣлехонекъ, бѣлешенекъ*, нельзя произвести сравнительной степени: *бѣлехонькѣе* и т. п.; но от форм на *-ватъ* производятся: *бѣловатѣе, простоватѣе*.

Примеч. Степени сравнения имен прилагательных соответствуют представлению существительных (§ 63). Как предмет может быть представлен в бо́льшем или ме́ньшем виде; так и качество в бо́льшей или ме́ньшей мере. Потому в просторечии суффикс имен увеличительных *щ*, в *-ищ* (напр., *руч-ища*), присовокупляется к некоторым прилагательным, для означения превосходной степени, в *-ущ*, напр. *больш-ущ-ій, тьм-ущ-ій*, в выражении „тьма *тьм-ущ-ая*“, точно так же, как *н* в *-ина* (напр., *дом-ина*) в прилаг. *здоровенн-ый*. Смягчительные прилагательные (напр., *бѣл-ен-ь-кій*) соответствуют смягчительным и ласкательным существительным (напр., *руч-ен-ь-ка*).

§ 69[24]**.** О степенях сравнения должно заметить следующее:

А. Древнейшие суффиксы степеней сравнения сохранились только в образовании слов. А именно: суффикс сравнительной степени *-тор-* или *-тер-* в местоимениях: *ко-тор-ый* (цс. которыи и котерый, встречающееся в Изб. Свят. 1076 г., в Григ. Богосл. XI и в др. древн. рук.) — от *кой, кто* (цс. къи, къ-то); цс. ѥ-тер-ъ (некоторый) от цс. местоимения и, ꙗ, ѥ; и в числительном *в-тор-ой*. И доселе с словами *который* и *второй* соединяем понятие о сравнении: *который*, т. е. кто или что из двух или из многих; *второй* же, по самому значению, указывает уже на выбор из двух.

Примеч. 1. С этим же окончанием образовались местоимения и числительные и в других языках. См. Прилож.

Примеч. 2. Так как числительные имена порядковые означают постепенное восхождение по лествице чисел, то и образуются помощию суффиксов, имевших смысл превосходной степени: *м* и *т*; напр., *сед-м-ый, девя-т-ый* (цс. девѧ-т-ыи). См. Прилож.

Б. Как церковнославянский, так и русский язык, возвышая прилагательные по степеням, пользуются суффиксом только сравнительной степени; для превосходной же употребляют приставки: *пре-, наи-*; напр., *пре-умный, пре-добрый, пре-умнѣйшій, пре-добрѣйшій;* вторая приставка употребляется с прилагательными только сравнительной степени; напр., *наи-большій, наи-лучшій*.

Примеч. 3. О прилагательных с приставкою *наи-* Ломоносов говорит: „новыя превосходныя, съ польскаго языка взятыя, съ приложениемъ *наи*: *наилутчій* (т. е. наилучшій), *наичистѣйшій*, россійскому слуху непріятны“

(Граммат., § 216). Такие прилагательные ныне употребляются только в книжной речи.

Сверх того, в просторечии превосходная степень выражается приставкою частиц *раз-* и *на-*; напр., *раз-удалый, раз-прекрасный* (откуда *раз-прекраснѣйшiй*), *на́-большiй*, (*мелко*) *на́-мелко.*

Примеч. 4. В пск., тверск. *на́первый* — самый первый; в олон. *настаршiй* — самый старший: „большая дочи *настаршая*“, Рыбн., II, 49.

I. В церковнославянском языке надлежит отличать два периода в образовании сравнительной степени:

1. Древнейший, к которому относится суффикс в муж. -ий (*-iй*), в жен. -ьши, в ср. -є. Этот суффикс приставляется или прямо к прилагательному, если оно без суффикса -ък, т. е. к прилагательному коренному, напр. хоуд-ъ хоужд-ий хоужд-ьш-и хоужд-є (откуда наше *хуже*), — или к корню прилагательного и тогда отметается суффикс -ък, посредством которого прилагательное образовано. Напр., глѫб-ък-ъ глѫбл-ий глѫбл-ьш-и глѫбл-є, выс-ък-ъ, выш-ий въш-ьш-и выш-є, шир-ък-ъ шир-ий шир-ьш-и шир-є, слад-ък-ъ слажд-ий слажд-ьш-и слажд-є (в Златостр. XII в. по-русски *слаже*). Иные сравн. формы действительно происходят от древнего коренного прилагательного, которое впоследствии ходит с суффиксом -ък; напр., крѣпл-ий крѣпл-ьш-и крѣпл-є — не от крѣп-ък-ъ, а от древн. крѣп-ый.

Этот же суффикс употребляется в так называемых неправильных формах степеней сравнения, т. е. в древнейших.

а) В значении бо́льшего: бол-ий (болїй), жен. бол-ьш-и, ср. бол-ѥ, вѧшт-ий или вѧщ-ий (*вящiй*), вѧщ-ьш-и, вѧщ-є (древн. цс. и вѧшии).

б) В значении ме́ньшего: мьн-ий, мьн-ьш-и, мьн-є.

в) В значении лучшего: оун-ий, оун-ьш-и, оун-є; лоуч-ий, лоуч-ьш-и, лоуч-є.

г) В значении худшего: гор-ий, гор-ьш-и, гор-є.

Наши так называемые неправильные формы сравнительной степени: *бо́ль-шiй, ме́нь-шiй, луч-шiй* (при положительных *великiй, малый, хорошiй*), произошли от древнейших бол-ий, мьн-ий, лоуч-ий, через формы с звуком *ш*, каковы именно жен. рода: бол-ьш-и, мєн-ьш-и, лоуч-ьш-и. Так же образовались сравнительные: *стар-шiй, выс-шiй, млад-шiй, худ-шiй* (вм. *хужд-шiй* или *хуж-шiй*, согласно с формою *хуж-е*). Этим прилагательным с полным окончанием соответствуют краткие: *больше, выше* (а не *высше*), *меньше, хуже*. К древнейшему же периоду сравнительной степени принадлежит разговорная форма *пущiй, пуще*.

Примеч. 5. Вместо *лучшiй* в старину употреблялось *лѣпшiй* (от формы в полож. степени *лѣпый*), доселе сохранившееся в других славянских наре-

чиях. Прилагательное *пущій, пущая, пущее* встречаем, как сравн. степень, и в древн. цс. поуштии, поуштьши, поуште, и в древнерусском; напр., „яко простіи людье суть, *пущеи* половець", Лет. по Ипат. сп., 164. Вместо *лучше* в старину говорили *луче* (как и теперь говорится в областном просторечии); напр., в Продолж. Лавр. сп. лет. „брань славна *луче* есть мира студна", 200; в Задонщ. по сп. XVII в. *лутчи* и даже *лудчи*.

Некоторые прилагательные в сравн. степени ср. рода имеют двоякое окончание: на *-ше* и *-ѣе* (вместо цс. -ѥ). А именно: *боль-ше* и *бол-ѣе, мень-ше* и *мен-ѣе, даль-ше* и *дал-ѣе, доль-ше* и *дол-ѣе, тонь-ше* и *тон-ѣе*. В языке книжном принято употреблять сравнительные с окончанием *-ше* в смысле прилагательных (ибо формы: *больше, меньше,* у нас имеют при себе муж. род *большій, меньшій,* жен. род *большая, меньшая* и т. д.); прилагательные же на *-ѣе* — в смысле наречий (несмотря на то, что в церковнославянском есть прилагательные сравн. степени муж. рода болии, мьнии, ср. рода болѥ, мьнѥ, откуда наши *болѣе, менѣе* и т. д.). Речь разговорная такого различия не знает, пользуясь в обоих случаях только одним окончанием *-ше*. Напр., „чѣмъ *дальше* (вм. *далѣе*) въ лѣсъ, тѣмъ *больше* дровъ", в пословице XVII в. „*дале* въ лѣсъ, *больше* дровъ".

Примеч. 6. У образцовых писателей: у Ф. Визина: „онъ ужъ сталъ *больше* французъ, нежели русскій", 45; „однако ты все-таки Россіи *больше* обязанъ, нежели Франціи", 37; у Карамз: „всегда *больше* думали, нежели говорили", II, 4; „не хочетъ *больше* притворяться", 639.

В древнерусском и областном употребляются формы древнейшие: *боле, мене, дале* (цс. болѥ, мьнѥ, далѥ), вм. книжных: *болѣе, менѣе, далѣе* и проч.; и наоборот: *лучшѣе, получшѣе, тишѣе, громчѣе,* вм. *лучше, получше, тише, громче.*

От сравнительных *бóльшій* и *мéньшій,* с переменою ударения, происходят прилагательные в полож. степени: *большóй* и *меньшóй.*

2. Позднейший период, к которому относится суффикс в муж. -ѣи, в жен. -ѣиши, в ср. -ѣѥ; напр., добр-ѣи, добр-ѣиши, добр-ѣѥ; или с изменением ѣ на а, после небных (§§ 25 и 37); напр., льгъч-аи, льгъч-аиши, льгъч-аѥ. Русский язык эти суффиксы употребляет или с полным окончанием: *добр-ѣйш-ій, легч-айш-ій,* или с кратким: *добр-ѣе, легч-е,* соответствующим в церковнославянском ср. роду.

В некоторых прилагательных, и в русск. яз., как в цс., древнейшее окончание присовокупляется непосредственно к корню слова (причем суффикс отметается); напр., *выс-о-къ выс-шій, крас-н-ый краш-е, тон-о-къ тон-ьше, тон-ѣе.* Окончание же *-ѣе, -ѣйшій* (или *-айшій*) присовокупляется уже и к суффиксу: *выс-оч-айшій, крас-н-ѣе, тон-ч-айшій* и проч. Впрочем, иногда и то и другое окончание отбрасывает суффиксы; напр., *низ-о-къ,*

низ-кій, низ-шій и *ниж-айшій*. В цс. при древних выше, сладде, глѫбле, уже в самых ранних памятниках встречаются и поздние формы: вышнѣе в Григ. Богосл. XI в., вышле в Иоан. Леств. XII в., сладъчѣе в Изб. Свят. 1073 г., глѫбоче в Иоан. Леств. XII в.

Примеч. 7. Уклонение от законов сочетания звуков в русском языке оказалось в формах: *ловчѣе, бойчѣе* и в нек. др., в которых *ѣ* удержался после небного звука (§ 37); а также в формах: *слаще* (вм. *сладче* или *сладше*), *глубже, слабже* (вм. *глубче, слабче,* или *глубше, слабше*) и в нек. др. В обл. яз., пск., тверск. *легóше, мякóше* вм. *легче, мягче.*

Примеч. 8. Вместо *-ѣе*, в древнерусском языке, до времен Ломоносова (см. его Граммат., § 218), было в употреблении окончание *-яе* или *-ае;* напр., *блекляе, свѣтляе,* согласно с северным, новг. наречием, где и доселе слышатся: *смѣляе, веселяе, громчае, корочае* и проч.

Примеч. 9. Суффиксы степеней сравнения в местоимениях и числительных: древн. цс. свои свойнши свойе от *свой*; в украинск. *перший, инший* и *инчій,* польск. *инший,* от *первый, иной:* обе формы встречаются в польско-русск. письменности, напр. в Ключе разум. Галятовск. 1659 г.; *иньшій* и в русск. письменности, напр. в Хроногр. Серг. Кубас. (см. Хр.); в обл. яз., пск. *пойнше* — иначе.

II. Пользуясь как древнейшими, так и позднейшими формами сравнительной степени, наш язык в некоторых случаях полагает различие между теми и другими. А именно:

1) Древнейшим дает смысл сравнительной степени, а позднейшим превосходной, в следующих четырех прилагательных:

вел-ик-ій, бóль-шій (другого корня), *вел-ич-айшій;*
мал-ый, мéнь-шій (другого корня), *мал-ѣйшій;*
выс-ок-ій, выс-шій, выс-оч-айшій;
низ-к-ій, низ-шій, ниж-айшій.

Речение *первѣйшій* также имеет смысл превосходной степени.

2) Древнейшие формы от позднейших отличает самым значением прилагательных; напр., *крас-ный краше* (лучше) и *крас-н-ѣе* (алее).

Примеч. 10. В старинном и народном языке *красный* имеет смысл не только алого, но и светлого, хорошего; напр., „*красное* солнце", „*красная* весна", „*красный* день", „*красная* девица".

Смешивая древнейшее окончание сравн. степени с позднейшим, некоторые прилагательные пользуются и тем и другим. А именно:

1) *Богаче* и *богатѣе*; употребительно и то и другое. Напр., у Гриб. „балы даетъ нельзя *богаче*"; у Карамз. „саксонскіе земледѣльцы вообще гораздо *богатѣе* прусскихъ", II, 93; у Крыл.

„и мнѣ бы быть *богатѣй* не мѣшало“, 83; „а въ домѣ, такъ одно *богатѣе* другаго“, 110.

2) *Позже* от наречия *поздо* (цс. поздѣ) и *позднѣе* от формы *позд-ній, позд-но;* употребительно и то и другое. Напр., у Ломон. „*позднѣе* въ океанъ спустись“, вариант: „и *пожже* (вм. *позже*) въ океанъ спустись“, Ода 4.

3) *Проще* и *простѣе*, от прилаг. *простой* (при соответственных этому прилагательных: *чистый чище, частый чаще, густой гуще* и проч.), второе употребительнее; напр., у Карамз. „онъ (англ. язык) всѣхъ на свѣтѣ легче и *простѣе*“, II, 750; у Жук. „чѣмъ *простѣе*, чѣмъ вѣрнѣе будетъ описаніе, тѣмъ болѣе будетъ въ немъ поэзіи“, VII, 249; у Крыл. „сказать *простѣе*, — умеръ онъ“, 325; у Пушк. „тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй| и въ обхожденіи *простѣй*“, II, 271.

III. Русский язык беднее церковнославянского формами степеней сравнения. В просторечии он пользуется только краткими формами; напр., *умнѣе, дороже, короче, моложе;* полные же, как остаток цс. языка, предоставляет речи книжной и образованной и притом дает им смысл превосходной степени; напр., *умнѣйшій, дражайшій, кратчайшій, младшій* (от церковнославянских форм: драгъ, краткъ, младъ, в отличие от чисто русских, полногласных, § 29).

К особенностям русского языка принадлежит приставка предлога *по* к форме сравн. степени, для того, чтобы несколько уменьшить или понизить степень качества; напр., *потоньше, получше, подальше, побольше.*

IV. Для означения превосходной степени местоимение *самый* присовокупляется к прилагательному не только положительной, но и сравнительной степени. Напр., *самый легкій, самый лучшій, самый нужнѣйшій, самый злополучнѣйшій.*

Примеч. 11. Напр., у Карамз. в ИГР („Ольга) давала уставы, самые простые и *самые нужнѣйшіе*“, I, 177; у Жук.: „*самый быстрѣйшій* изъ вѣчныхъ боговъ“, VIII, 331; у Бат.: „въ *самомъ высочайшемъ* блаженствѣ“, I, 12.

Примеч. 12. К особенностям древнего и областного языка принадлежит способность придавать окончание сравнительной степени некоторым существительным, через посредство предполагаемых произведенных от них прилагательных; напр., от *берегъ* в арх. наречии *бережѣе* (ближе к берегу), как бы от прилаг. *бережій (бережній);* потому там же говорится и *берёжнѣе*, в том же значении. От *скотъ — скотѣе,* от *звѣрь — звѣрѣе,* т. е. от прилаг. *скотій* и *звѣрій;* напр., в Оглашениях Кир. Иерусал. по рук. XIII в. к тому приложю піанаго, скотіну ли. і (т. е. его) нареку, нъ того скотѣе. звѣрь ли, нъ того звѣрѣе. і несмысльнѣе.

5. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 70. Числительные имена различаются по значению и по составу.

По значению они бывают количественные и порядковые. Количественные означают число или количество предметов, по вопросу сколько; напр., *пять, десять*. Порядковые означают последовательность, в которой один предмет идет за другим; напр., *пятый, десятый*. К количественным принадлежат собирательные; напр., *двое, оба, пятеро* и проч., и дробные, напр., *полтора*.

По составу своему числительные бывают первообразные, производные и сложные.

Количественные принадлежат к первообразным; напр. три, четыре, пять; порядковые же к производным; напр., тр-е-т-ий, четвръ-т-ый, пят-ый; *тр-е-т-iй, четвер-т-ый, пят-ый*. Между количественными, к производным относятся собирательные: *двое двои, обое обои, трое трои, четверо четверы, пятеро пятеры* и проч.; в цс. в ед. ч., по всем трем родам: двои, двоя, двое; обои, обоя, обое, обои; четверъ, -а, -о; четвери и четворы, пятеры и пятори и проч.

Некоторые из количественных принимают форму существительных; напр., *пять, шесть* (§ 61), *сто, тысяча* (цс. тысяшта, тысяща, тысяща, тысяще, §§ 55, 60); порядковые же все принимают форму прилагательных, как кратких, напр. *пятъ, шестъ* (напр., *самъ-пятъ, самъ-шестъ*), так и полных, напр. *пятый, шестый;* в цс. вторъ и вторый. Полной форме *третiй* в русском языке соответствует особенная, употребляющаяся в смысле краткой, именно: *третéй* (напр., *самъ-третей*).

Некоторые числительные образовались в связи с местоимениями; напр., *инъ, одинъ* (§ 57), цс. единъ, едьнъ; некоторые при посредстве суффиксов, которыми местоимения и имена восходят по степеням сравнения; напр., *в-тор-ой* (§ 69), *тр-е-тiй, четвер-тый* (§ 69, примеч. 2). Числительное *первый* (цс. прьвыи) по образованию своему родственно предлогу *пра-* или *прѣ-*, означающему превосходство и первенство.

Хотя имена числительные (вместе с числами) восходят до бесконечности; однако в своем составе ограничивается эта часть речи немногими простыми словами, из которых, помощию сложения, образуется бесконечный ряд сложных и составных; напр., *одиннадцать, двадцать одинъ* и проч.

Важнейшие сложные формы числительных суть следующие:

1. Для приложения единицы к десятку, помощию предлога *на,* образовались: а) с сокращенною формою *-дцать,* вм. десяте (вин. пад. ед. ч., зависящий от предлога на: на десяте, откуда надьсять и потом *надцать,* § 36, примеч. 7; § 46), из количественных: *одинъ* и *единый, двѣ* и *два, три, четыре: один-на-дцать, двѣ-на-дцать, три-на-дцать, четыр-на-дцать;* в цс. едины-на-десяте, муж. дъва-на-десяте, жен. и ср. дъвѣ-на-десяте, три-на-десяте,

четыре-на-десяте; и б) из порядковых кратких: *пятъ, шестъ* и т. д., а в церковнославянском из полных: пятыи, шестыи и т. д.: *пят-на-дцать, шест-на-дцать* и проч., в цс.: пятыи-на-десяте, шестыи-на-десяте и проч. (§ 105).

2. Для означения десятков, начиная с 20: *два-дцать, три-дцать,* с тою же сокращенною формою *дцать,* и *пять-десятъ, шесть-десятъ, семь-десятъ,* с род. пад. мн. числа: *десятъ,* от ед. числа *десять* (§ 105); следовательно, *пять-десятъ, шесть-десятъ* — то же, что *пять десятковъ, шесть десятковъ* и проч. Отсюда явствует, почему должно писать: *пятьдесятъ* и проч., а не *пятдесятъ* или *пятдесять* и проч. В цс. муж. дъва-десяте и жен. и ср. дъвѣ-десяте, три-десяте, пать-десятъ, шесть-десятъ и проч.; в древнерусском: *два-десять, три-десять.* Вместо ныне употребительного числительного *сорокъ* (взятого из новогреч. σαράκοντα, сокращенного из древнегреч. τεσσαράκοντα), в церковнославянском было сложное четыре-десяте.

Числительные порядковые изменяют имен. падеж *пять, шесть* и проч., на родительный; напр., *пяти-десятый, шести-десятый.*

Примеч. 1. В просторечии употребляются числительные: *тридевять тридевятый;* в костр. *другонадцать,* в ряз. *другóнцать* — 12, *другонцатый* — двенадцатый, в украинск. *стонáдцать* — неопределенное большое число, собственно — стонадесять; в пск., тверск. *обáдва,* род. *обадвыхъ* — оба, двое. О *оба* — в пск. сущ. *óбочка* — парочка. У Тепл. в перев. Скар. Шутл. пов. *двадцатеро,* I, 191.

3. Для означения сотен берется речение *сто* (цс. съто), или в ед. числе: *сто* для 100; или в дв. числе: цс. сътѣ, русск. *сти,* при древней дв. форме ср. рода *двѣ:* цс. дъвѣ-сътѣ, русск. *двѣ-сти;* или в имен. падеже мн. числа: *ста,* с числительными *три, четыре: три-ста, четыре-ста,* трисъта, четыресъта; или в род. падеже того же числа: *сотъ,* с числительными *пять, шесть* и т. д.; напр., *пять-сотъ,* пать-сътъ, шесть-сътъ и т. д.

Числительные порядковые изменяют имен. падеж количественных *два, три, четыре, пять, шесть* и проч., в род. *двухъ, трехъ, четырехъ, пяти, шести;* а именно: *двух-сотый, трех-сотый, четырех-сотый, пяти-сотый, шести-сотый* и т. д.

4. Для дробных чисел, с приставкою *пол-*: *пол-тора* (вм. *пол-втора*), *пол-третья* и т. д., берутся: *-тора (-втора), -третья,* и т. д., именно род. пад. ед. числа кратких форм, вм. полных: *вторага, третьяго.*

Примеч. 2. В древнерусском языке *пол-* приставлялось к числительным свободнее нынешнего; напр., *пол-третья-дцать, пол-четверта-ста* и проч. Речение *полъ* могло не только удвояться, но и утрояться; напр., с старинным словом *четь* (четверть): *пол-пол-чети, пол-пол-пол-чети* (в юрид. пам.).

Примеч. 3. Числительные имена, вместе с местоимениями (§ 57, примеч. 1), образовались от корней, общих всем индоевропейским языкам. См, Приложение,

6. НАРЕЧИЕ[25]

§ 71. Наречия суть слова производные или сложные, за исключением весьма немногих, каковы суть: отрицательная частица *не,* приставки *наи-, ни-, нѣ-* (напр., в речениях *наи-лучшiй, ни-кто, нѣ-кто* и проч.) и нек. др.

Наречия происходят:

1) От глаголов: напр., *почти, чуть.* Деепричастия, называемые наречиями отглагольными, суть не что иное, как причастия краткого окончания (§ 54).

2) От частей речи склоняемых, помощию окончаний косвенных падежей, с предлогами или без предлогов. В таких наречиях флексии заступают место суффиксов; напр., в наречии *вн-ѣ* окончание *-ѣ* есть местный падеж (§ 72).

Окончания некоторых наречий уже потеряли для нас свой первоначальный смысл; так, напр., окончания наречий, употребляющихся в виде предлогов: *рад-и* (при корне *рад-*), цс. дѣл-ꙗ или дѣль-ма (при корне *дѣл-,* откуда *дѣлать*); в наречии *льз-я* окончание *-я* соответствует древнейшему *-ѣ*: в цс. льз-ѣ, при формах лѣть, лѣтиѭ (зн. „льзя"), и при обл. существительном *льга* — возможность, напр. в арх., пермск. „не во *льгý*" — не в мочь. Наречие *лишь* — при цс. лишє — более, свыше (напр., лишє мѣры, в Изб. 1076 г.), сравн. степень от прилаг. лихъ — лишен и лишний. В Измар. XVI в. лиши вм. *лишь.*

Примеч. Самый состав наречий свидетельствует о их древности в языке. Другие слова мы можем по своей воле склонять и слагать с приставками. Наречия же просклонялись и сложились с приставками уже до нас, оставшись навсегда с неподвижными флексиями. Таким образом, не подлежа нашему произволу в изменении окончаний и в сложении, наречия сохранили народный, живой характер: почему многие из них и были устраняемы из речи книжной. Таковы, напр., наречия: *намедни, втѣпоры, вечбръ, лѣтось, вчерась* и др. Впрочем, образцовые писатели позволяют себе пользоваться некоторыми из таких разговорных форм. Напр., Пушкин неоднократно употребляет *вечóръ, впервой;* напр., „такъ подшутилъ *вечóръ* небрежно", I, 149; „какъ васъ *впервóй* увидѣлъ я", I, 241; так же Жуковский: „*впервóй* покинувъ душный плѣнъ", IV, 216.

В наречиях сохранились как древнейшие речения, так и самые корни слов в большей чистоте; напр., старинный глагол *начаяться* (т. е. надеяться) в форме *не-вз-на-чай* (в Древн. русск. стих. *невзначае,* стр. 304), старинное существительное *тло* (дно, основание; и доселе в областном языке, в значении дна в улье) — в форме *до-тла;* корень *тай-* (откуда *тайный*) в наречиях *отай, потай* (напр., в Новг. лет. „позванъ *отай*", I, 7; в Дух. стих. „*потай* бы я въ келью прихождала", 7, 433). Дв. число *очiю* сохранилось в областном в *очью́* (перед глазами).

Областной язык особенно богат наречиями. Для примера предлагаются здесь некоторые. Моск., тверск. *вз-грунь* — шибко, быстро, от сущ. *грунь* —

скорая ходьба; пермск. *в-при-трудь* — с усилием; курск., тамб. *в-при-тямъ* — памятно; пенз. *в-про́-рѣдь* — изредка; влад. *доля́гова* — до вечера, при сущ. *ле́гомо* — время, когда ложатся спать; в арх. *из-вѣкъ* — искони; новг., арх., сиб. и др. *лоні́, лоні́сь* — в прошлом году, при выражении: „въ *лоні́* годы", т. е. в прошлые годы; волог. *на-о́-живъ, на-о-жи́вѣ* — кое-как; олон. *на-о́-пако* — наоборот; новг. *на́-про-бось* — на босую ногу; пермск. *на-у-мё́къ* — наугад; яросл. *па-у́-ѣдни* — во время обеда; смол. *пере-вчо́ра* — четвертого дня; влад. *су́-точь* — соприкосновенно, при глаголе *со-тк-нуться* и при существительном *су́-тки су́-точки* (в волог., вятск., костр. зн. „угол") и мн. др. Иными областными формами объясняются встречающиеся в древн. памятниках русск. письменности. Напр., в новг., олон., пск. и в др. *дивья́* — не диво, легко, в сиб. *дивья́ бы* — если бы, в Дан. Зат. по сп. XV в. дивим бо за бꙋ͡мно кони пастити. Слич. в песн., Рыбн., I, 39: „*дивья* мнѣ потыкатися".

§ **72.** Образование наречий происходит: или помощию п а д е ж н ы х о к о н ч а н и й, или помощию с л о ж е н и я.

I. Наречия образуются помощию окончаний следующих падежей:

1) Р о д и т е л ь н о г о ед. числа; напр., *однова* (т. е. *единого* или *одного*) вм. *однажды; вчера, вчера-сь* (обл. *вечера-сь*).

Примеч. 1. В древнерусском языке, вм. *однова́,* употреблялось также *одиново,* т. е. *одиного* или *единого.*

2) Д а т е л ь н о г о ед. числа; напр., *кромѣ,* от сущ. *крома;* первоначально имело смысл: вне, на сторону, в сторону: напр., в Изб. 1076 г. си бьсѧ кромѣ (вне) соуть ангельска воиньства; в Лавр. сп. лет. 1377 г. „а сама (Ольга) отъидѣ *кромѣ*", „и рече Святославъ, *кромѣ* зря" (смотря в сторону: слич. пск., тверск. *сторо́нь* — кроме). Сюда же относятся формы: *домой, долой,* вм. древних и областных: *домовь, доловь* (§ 32), употребленных вм. *домови, долови,* соответственно форме *двору́* — в курск. — домой.— Цс. долоу, низоу, врьхоу. — Наречие *кромѣ* употребляется иногда с предлогом *о-*, в форме *окромѣ,* не только в разговорной, но и в книжной речи; напр., у Держ. „*окромѣ* бога самого", I, 52.

3) В и н и т е л ь н о г о ед. числа; напр., дьньсь (с местоим. сь, § 57), позднее дьнесь и днесь; *вонъ* (в соответствие местному *внѣ,* т. е. вънѣ, с предлогом *изъ:* в Жит. Феодос. XII в. извьноу), *вечо́ръ* (в отличие от именительного *ве́черъ* и в соответствие родительному *вчера*); *между* (цс. междѫ и междоу, древнерусск. *межу* или *межю,* откуда нынешнее разговорное *межъ*), при существительном *межа* (цс. межда).

Сюда же относятся все наречия от ср. рода имен прилагательных, как в положительной, так и в сравнительной степени; напр., *хорошо, долго, гораздо, крайне* (потому ошибочно писать:

крайнѣ), *болѣе, лучше* и проч. Наречие *паче* есть ср. род сравнительной степени от *пакъ, паки* (напр., в выражении *кольми паче*), как *лишь*, вм. *лише,* сравн. степ. от *лихъ, лихо.* — Наречие *туне* имеет на конце *е,* потому и *втуне* пишут с буквою *е*.

Примеч. 2. Наречие *гораздо* имеет в просторечии сравнительную степень *горазже* или *горажже,* восходящую ко временам Остромирова списка евангелия. В послесловии к этому памятнику встречается сказанное наречие в форме: гораздѣе, от слова *горазный* или *гораздный,* и доселе употребительного в арх., орл. — В древнерусск., напр. в Жит. Феодос. XII в., малы, тихы вм. *мало, тихо.*

Наречия *перво* и *первѣе* употребляются не только в древнерусском и народном, но и в литературном языке XVIII в.; напр., „*перво* выучился читать и писать, послѣ говорить", Всяк. всяч. 75, „*первѣе* всѣхъ", Анекд. древн. пошех., 36.

Примеч. 3. В древнерусск. *лихо* и *лише* употреблялись в значении нынешнего *лишь.* Напр., в пословицах XVII в. „*лихо* бы съ рукъ, а съ ногъ и собаки стащатъ", „безъ ума торговать, *лише* деньги терять". Сверх того, в народном языке употребляется частица *лихъ;* напр., у Пушк. „да *лихъ* не проведешь", VII, 133.

4) Творительного ед., дв. и мн. чисел; напр., цс. тъчиѭ (*точію,* от слова *точь,* откуда *точ-ка;* напр., в выражении *точь въ точь*); русск. *пѣшкомъ, верхомъ, пя́тью, ше́стью* (в отличие от собственно числительных *пятью́, шестью́* и т. д.); напр., „*пятью* пять", „*шестью* семь" и проч.; древнерусск. *пол-ма* (т. е. *на полы* или *пополамъ*), *весь-ма* (от слова *весь*), *вель-ми, коль-ми* (от слов *велій, коль*); *стой-мя, лив-мя* (от гл. *стоять, лить*).

Примеч. 4. Наречия *пятью, шестью* и т. д., доныне сохранились только в таблице умножения; в старину же употреблялись вообще в смысле пяти, шести, семи раз; напр., в пословице XVII в. „лучше *семью* горѣть, а не однова вдовѣть". Как от *пять, шесть* и т. д. происходят *пятью, шестью* и др., так и от *сто* употреблялось наречие *сотью* в значении ста раз; напр., у Кант. „*сотью* шлетъ въ деревню", Сат. 3, „*сотью* спросятъ о немъ", Сат. 5. Вместо *иногда* в старинном языке встречаем *иною;* напр., в послов. XVII в. „не все лозою, *иною* и грозою".

Примеч. 5. Что окончаниями *-ію* (цс. -иѭ), *-ма* и *-ми* означается один и тот же падеж, именно творительный, явствует из церковнославянских форм: вьхь или вьшь (совсем), откуда вьх-ма или вьш-иѭ (тоже „совсем"); вель-ми и вель-ма, воль-ми и воль-ма или вольшь-ми и даже вольш-ими (более); радь-ма при ради. Окончание *-ма* или *-мя* принадлежит твор. падежу дв. числа, *-ми* творительному мн. числа.

В областном просторечии находим такое же соответствие между этими окончаниями; напр., *пѣс-ью,* в ряз., вм. общеупотребительного *пѣш-к-омъ* (от корня *пѣх-,* встречающегося, напр., в форме *пѣх-ота,* и в областном прила-

гательном *пѣхій,* в сиб., вм. *пѣшій*), в олон. *пѣш-омъ* вм. *пѣшкомъ,* Рыбн., II, 265; в дух. стих. *въ пѣшь* — пешком, Кал., I, 22; пск., тверск. *круж-ью* вм. *круг-омъ, пла́х-омъ* вм. *плаш-мя, плош-ью* вм. *с-плошь;* арх., пермск., сиб. *друго-мя* (иначе), *осенями* (осенью). Наречия отглагольные, в выражениях: „*гор-мя* горитъ", „*руг-мя* ругать", „*ной-ма* ныть", соответствуют явственному творительному падежу, в выражениях: „*корп-омъ* корпѣть", „*нойкомъ* ныть" и проч.

5) Местного ед. числа; напр., цс. гор-ѣ, дол-ѣ (от *гора, долъ*), оутр-ѣ, добр-ѣ, зъл-ѣ, съборн-ѣ *(соборнѣ),* вън-ѣ, русск. *вн-ѣ; нын-ѣ.* Потому эти слова и оканчиваются на *-ѣ.*

Примеч. 6. Наречие *нынѣ* в областном языке имеет формы: *нонѣ, нонь, ноньмо* (в пск.); влад. *вечёре* — ужо́ вечером вм. *вечерѣ,* местн. пад.

II. Наречия сложные в истории языка замечательны потому, что или сохранили в своем составе древнейшие формы, или же, от давнего употребления, так исказились, что в нынешней их форме едва заметны следы настоящего, первоначального их состава. К сохранившим древнейшие формы принадлежат, напр., наречия: *ис-кони (из-* и *кон-,* откуда *конъ, кон-ецъ), в-новь, в-скачь, на-от-машь, в-про-бѣль, в-про-чернь,* старинное *су-красень, в-кратцѣ* (с цс. смягчением *к* в *ц*), *о-коло* (от слова *коло,* откуда *кол-ес-о*), *о-причь* (от слова *прочь,* с изменением *о* на *и*), откуда *опричникъ* и проч. Между исказившими первоначальный свой вид замечательны: *теперь* вм. *топерво* (§ 45); *намедни,* иначе *ономедни, онамедни* или *анамедни* (т. е. *оными дни* — на этих днях, в пск., тверск. *наме́днихъ, наме́дняхъ,* в соответствие областным, в арх., олон., волог. *по-се-дни, по-ся-дни* или *по-ся́-днись,* т. е. по сих днях). В сербск. *омадне* вм. русск. *намедни.*

Имена, сложенные с предлогами и употребляющиеся в форме наречий, стоят в косвенных падежах, по требованию предлогов; напр., *с-нова* (потому ошибочно: *с-ново*), *из-рѣдка* (а не *из-рѣдко*). В наречиях предлоги слагаются и с существительными и с прилагательными именами; напр., с существительными: *по-задь* и *по-зади, в-предь* и *в-переди, въ-явь;* с прилагательными: *в-чужѣ, из-далека, по-далеку (не-по-далеку), с-дуру* и др. Предлоги не управляют падежами в наречиях, произведенных от имен, которые уже сложены с этими предлогами; напр., *по-перемѣнно* от прилаг. *по-перемѣнный* (вм. *по-перемѣнну), по-дробно* от прилаг. *по-дробный* (вм. старинного *подробну;* напр., у Ломон. „кому возможно описать твои доброты всѣ *подробну*", Ода 3).

Один и тот же корень слова может оказаться в наречии, в двух формах; напр., от корня *яв-* (откуда *яв-ить, яв-ный*) образуются наречия: *въ-явь* (от сущ. *явь*) и *на-яву* (при цс. ıавѣ).

Если перед именем стоят слитно два предлога, то управляет падежом первый; напр., *ис-под-тишка* (род. пад. *тишка* зависит

от предлога *изъ,* изменившегося здесь в *ис-*); *с-наружи* (род. пад. *ружи* зависит от предлога *съ*). Забыв первоначальный состав сложных наречий, иные пишут неправильно: *наизустъ* вм. *наизусть.* Это наречие происходит от краткого существительного *усть* вм. *уста,* стоящего в вин. падеже ед. числа, по требованию предлога *на-: на-из-усть.* Пишущие: *наизустъ,* полагают, против законов языка, слово *устъ* в род. падеже мн. числа, подчиняя оное зависимости второго предлога *из-.*

Примеч. 7. В областном языке употребительнее, нежели в книжном, сложные наречия во мн. ч., напр. новг. *въ-утря́хъ* — утром; арх., тверск. *вмѣстя́хъ* — вместе; пск. *вмѣсти́хъ;* пск. *усвояхъ* — в близком родстве; пск., тверск. *навидя́хъ, назадя́хъ, наполня́хъ, наравня́хъ* вм. *в виду, назади, полно́, вровень* и мн. др.

О некоторых сложных наречиях, затрудняющих на письме, должно заметить следующее:

1) *Внезапу* (откуда *внезап-но*) имеет *е,* а не *ѣ,* потому что состоит из отрицательной частицы *не* и из формы *запу* (цс. заапѫ), стоящей в вин. падеже по зависимости от предлога *въ: в-незапу* (слич. цс. неззаапьнъ неожиданный).

2) *Вообще* — на конце *е,* а не *ѣ*; потому что *обще* стоит в вин. падеже ср. рода.

3) *Врознь* и *врозь* равно правильно: первое произведено от прилаг. *роз-ный,* а последнее от самого корня *роз-.* В народном языке употребительнее *розь, врозь;* напр., в послов. „дѣло дѣлу *розь,* а иное хоть брось“ — „пошло *врозь* да вкось, хоть брось“.

4) *Кстати* имеет на конце *и,* а не *ѣ,* потому что происходит от формы *стать.*

5) *Навзничь* (а не *навзначь*), потому что сложено из предлогов *на-* и *вз-* и из существительного *ничь,* от корня *ник-,* откуда *ник-нуть, нич-комъ, ниц-ъ* и др.

6) *Наружѣ* имеет на конце *ѣ,* а не *и,* потому что предполагает форму *ружа* (а не *ружь),* откуда вин. пад. *ружу,* сохранившийся в наречии *наружу.*

7) *Полатыни* (а не *полатинѣ*), потому что происходит не от прилаг. *латинскій,* а от существительного *латынь,* принявшего русскую форму (слич. у Бат. „(лѣкарь) поклявшися *латынью* |и практикой своей,| поитъ меня полынью“, II, 159).

8) *Поперекъ* (а не *поперегъ,* как употребляется уже и в старинной письменности) состоит из предлога *по-* и *-перекъ,* откуда *-преки (во-преки), переч-ить* и проч.

Сложные наречия: *поеврейски, погречески* и др., первоначально употреблялись без предлога *по-;* напр., в О. ев. на овьчи коупѣли иже нарицаетьсѧ еврейскы виѳезда, Ио., 5,2. — Древнейшие формы без предлога и доселе сохранились в нашем языке; напр., *молодецки, дружески, мальски* (в форме „мало-мальски") и проч.

В старинном и народном языке такие наречия полагаются и в дат. падеже по требованию предлога *по-*; напр., у Ф. Виз. „выучи меня *по-французскому*", 72; в песн. „*по-русскому* не умѣю, а все понѣмецки", Чулк., I, № 113; в народн. песн. *посвойскому* вм. *посвойски.*

§ 73[26]. Местоименные наречия, означающие вообще место, время, качество и количество, либо происходят от местоимений; напр., *сколько* от *сколькій;* либо слагаются с ними; напр., формы *всю-ду, вез-дѣ* сложены с местоимением *весь* и проч.

Эти наречия оказываются так же, как и прочие, в косвенных падежах, впрочем, не все в надлежащей ясности.

1. Наречия места и наречия, переносимые от означения места к означению времени, образуются следующими способами: 1) суффиксом *-м;* напр., *та-мо, та-мъ, ся-мъ,* цс. ова-мо, от местоименных корней *т-, с-, ов-;* в Изб. Свят. 1073 г. вьсямо — во все стороны; от камо в обл., волог. *до-ка́мѣ,* влад. *до-ка́ми;* 2) частицею *-лѣ:* с предлогами *под-, воз-: под-лѣ, воз-лѣ;* 3) местоименными корнями *т-, с-, к-:* цс. тоу, русск. *ту-тъ;* с предлогом *по-: по-ка, по-та, по-ся́* (в пск., тверск. зн. „по сих пор"), переходящие от значения пространства ко времени, так же как и сложное *по-ка-мѣстъ* вм. древнего *по-ка-мѣста* (вин. пад. мн. ч., напр. в Юрид. акт. под 1567 г. „*покамѣста* и монастырь пречистыя стоитъ"); соответствие форм *пока* и *пота:* в послов. „ждали *пока,* подождемъ и *пота́*", Даль, 23; из писателей: у Ф. Виз. „*пока* Митрофанушка еще въ недоросляхъ, *пота* его и понѣжить"; 4) местоимениями *коль, толь, сель,* с предлогами: *до-колѣ, от-колѣ, до-толѣ, до-селѣ,* переходящими тоже от означения пространства к времени; в просторечии *доселева* (у Кирши Дан. „*доселева* Рязань она селомъ слыла"); 5) звуком *д,* который в наибольшей чистоте оказывается с предлогами *на-, по-, за-, пре-,* в формах *на-дъ, по-дъ, за-дъ, пре-дъ (пере-дъ),* откуда сравн. степень: *пре-жде* (потому и не должно писать: *преждѣ*). Этот звук *д* слагается с местоименными корнями: с вопросительным *к-,* с указательными *с-, т-, ин-* и с некоторыми другими, и таким образом составляются наречия в различных косвенных падежах: *ку-д-а, сю-д-а, ту-д-а*; с предлогом *отъ,* в род. падеже: *от-куд-ова, от-сюд-ова, от-туд-ова, по-куд-ова,* употребляемые и в древнерусск., напр. в Посл. Ивана Грозн. в Кирил. монаст. *досюдова,* и позднейшими писателями, напр. Грибоедовым: „не спи, *покудова* не скатишься со стула", „*откудова* теперь" (Горе

от ума, 7,38); цс. кѫ-д-оу, отъ-кѫ-д-оу, тѫ-д-оу, отъ-тѫ-д-оу, тѫ-д-ѣ; *всю-д-у*, цс. вьсѫ-д-оу, инѫ-д-оу; къ-д-е, сь-д-е, вьсь-д-е или вьзь-д-е, инь-д-е; русск. *г-д-ѣ* (с переменою *к* на *г* перед *д*, § 31), *з-д-ѣ-сь* (с переменою *с* на *з* перед *д*, § 31, и с указательною частицею *-сь*, § 57), в обл. северн. *здѣ* (вм. *здѣсь*), *ин-д-ѣ;* украинск. *ди* (т. е. *дѣ*), *де* — *гдѣ*. В этих последних наречиях пишем *ѣ*, полагая их в местном падеже. Этот же звук *д* является в форме обоѭ-д-оу, употребляемой ныне в производном слове *обоюд-ный* и в сложном *обоюду-острый*. От значения места к значению времени *д* переходит в древн. цс. сь-д-и — теперь.

Примеч. 1. Сверх того, с тем же *д* и смягчением его в *жд*, в цс. образовались: и-д-е или и-жд-е (где), вьсь-жд-е (везде), ѥдинь-д-е (в одном месте), дроугь-д-е (в другом месте), дроугои-д-е (другим местом); ѭ-д-оу (где), ѭ-д-ѣ, ж-д-ѣ (возле), оть-н-ѫ-д-оу и оть-н-ѫ-д-ь, наше *отнюдь* (совсем, вовсе; со вставным *н*), вънѣ-ѫ-д-оу (вне), вь-н-ѫтрь-ѫ-д-оу (внутри), изь-ѫтрь-ѭ-д-оу и др.

Примеч. 2. В дополнение к исчисленным формам следует присовокупить областные, происшедшие также от *д* и сложенные с местоименными корнями: в арх. *кой-д-ы, сей-д-ы, той-д-ы*, т. е. по которому месту, по этому месту, по тому месту, и даже *котóру-д-ы*, которым путем; *другóн-д-ѣ*, в южн. обл. *вовсю-д-ахъ;* в украинск. *кудою, сюдою, тудою*, от наречий *куда, туда, сюда*.

2. Наречия времени образуются: 1) слогом *-гда*, в сложении с местоименными корнями: *к-: ко-гда, ни-ко-гда, нѣ-ко-гда; т-: то-гда; весь: все-гда; ин-: ино-гда;* цс. къ-гда и ко-гда, тъ-гда и то-гда, вьсь-гда и вьсе-гда; с местоим. ѥ: ѥ-гда, откуда с предлогом *въ:* въ-н-е-гда (в то время, как), со вставным *н*, вм. въ-ѥ-гда; 2) звуком *г*, в древн. цс. сь-г-ы — теперь; 3) сложным, в цс. въинѫ (в О. ев. выинѫ), которое состоит из предлога въ и местоим. инъ (один) в вин. пад. ед. ч. жен. р.; в древнерусск. памятниках воинȣ, в позднем цс. вынȣ; 4) местоименными формами: кол-, тол-, ѥл-: цс. коли и ѥли — когда, толи — тогда; сложн. отъ-н-ѥли-же — от какого времени; в русск. просторечии: *коли, николи*.

Примеч. 3. В хорутанском наречии употребляется частица *ведно* (очевидно, происшедшая от сложения слова *одно* с предлогом *въ*), в значении церковнославянской въинѫ или *выну*. Соответственно этому наречию образовалось областное, в новг., олон., волог., арх. *с-одновó* (происшедшее от *одинъ*), которое означает: сразу, вдруг, близко, рядом, беспрестанно, то и дело. Слич. в Домостр. Сильвестр. *содного* — вдруг, вместе, сразу (Хр., ст. 830).

Примеч. 4. В областном языке *когды, тогды* и проч., а также: в пск. *тáжды* — тогда, в олон. *инóжды*, в волог. *инóвды* и *инóуды* — иногда, иной раз; цс. иногдоѭ (в твор. пад.) от *инъ* (один) значит „в одно и то же время", „вдруг", „вместе".

Примеч. 5. Об указательных *вотъ, вось, ото, осе*, откуда *авось, восейка* см. § 32. В обл. языке для указания места употребляется *во*; напр., *во-гдѣ, во-дѣ-во*, Даль, Слов.

3. Наречия качества (напр.; цс. т-ако, ıа-ко, ин-ако; русск. *т-акъ, ин-аче*) и наречия количества (напр., ıелико, толико, *только, сколько, столько* и проч.) суть не что иное, как местоимения ср. рода ед. числа.

Примеч. 6. В церковнославянском от ıель (сколько) происходят: ıельма, ıельми (сколько), в соответствие формам: *коль, кольми.*

4. К местоименным наречиям относятся: 1) образовавшиеся (звуком *в: ед-в-а,* древнерусск. *од-в-а,* от корня *ед-* (откуда *ед-инъ*); *раз-в-ѣ* (в цс. зн. „кроме") — с предлогом *раз-;* 2) цс. лѣ — еле: лѣ-живъ — еле жив, в пск. тоже *лѣ*: *лѣ-теплъ;* 3) цс. оу — еще, употребляемое с отрицанием не; напр., не оу прїиде часъ мой, Ев. Ио., 2,4; от *у* с частицею *же: уже;* в просторечии *ужó*; 4) *еще,* древнерусск. *още.*

§ 74. Сверх падежных флексий, замечательнейшие из окончаний, которыми пользуются наречия, суть следующие:

1) *-жды* (цс. -жди, -шди, -шти, -щи), употребляемое с числительными: *одна-жды, едино-жды, два-жды, три-жды;* цс. дъва-жди, дъва-шти, дъва-щи и проч.

Примеч. Вместо *однажды,* в древнерусском языке употреблялось *одною,* а вместо *дважды, трижды* в областном просторечии и доселе слышатся *двою, трою,* в соответствие формам *пятью, шестью* и т. д.; напр., „человѣкъ *двою́* глупъ живетъ: старъ да малъ", Даль, Слов. В обл. языке *еще-жды* — еще раз, опять; *еже-жды* — каждый раз. Русскому языку не чуждо также церковнославянское окончание *-щи* вм. *-жды:* доселе в просторечии говорится, вместо *дважды,* не только *двожды,* но и *дващи* (в ворон., тамб.), украинск. *двичи.*

2) Указательное *-сь* в формах: дьнь-сь, дьне-сь, *лѣто-сь, вчера-сь* и проч.

3) Частица *-че* или *-ча, -чу,* и не смягченно *-ка: нынь-че, нынѣ-ча,* в Иоан. Леств. XII в. нынѣ-чоу; в просторечии *тепере-ча,* в олон. *тепере-чу* (Рыбн., I, 304), в пск., тверск. *тепери-ка; здѣ-ка, здѣ-ка-сь* — здесь; от корня *дав-* (откуда и *дав-но*) — *даве, давя* или *дави* — собственно, давно, но употребляется в смысле: несколько времени перед тем; с частицею *-ча: да́ве-ча* — давно, напр. в моск. „не дюже *давеча*" — не очень давно; в олон. *даве-чу.* В Сл. о полку Игор. „что ми звѣнить *давеча* рано предъ зарями".

4) В цс. ци, с местоимением сеи: сеици — оттуда, от того, от него; с дроугои: дроугойци; в цс. ѕи, чинъ, см. § 57, примеч. 8.

5) В областном языке: в украинск. — *ко́львекъ* (и в польск.); напр., с местоим. *якійко́львекъ* — какой-нибудь; с наречиями: *якъ*

кольвекъ — как бы ни было. — В новг. *-нѣть: гдѣ-нѣть* — где то, как бы не так.

§ 75. Из наречий, употребляемых в приставках, важнейшие суть:

1) *Наи-,* для составления превосходной степени; напр., *наи-лучшій* (§ 69).

2) *Еже-* (от местоим. *иже, яже, еже*); напр., *еже-дневный*; в обл. языке: *еже-день, еже-денъ, еже-лѣть, еже-ночь.*

3) *Нѣ-*, в местоимениях и наречиях; напр., *нѣ-кто, нѣ-где* (§§ 57 и 73).

Примеч. 1. Частица *нѣ-* в древнерусском языке: 1) употребляется, как самостоятельное слово, при числительных, в смысле „около"; напр., „придоша емь на вежь ратью *нѣ* во тычящи", Новг. лет., 11; „и бѣ у неи людій *нѣ* 300", Лавр. лет., 76; 2) отделяется предлогами от тех слов, с которыми теперь употребляется слитно; напр., „слышавше *нѣ* отъ кого" (т. е. некоторого), Ипат. сп. лет., 5; „*нѣ*вкоемъ мѣстѣ" (т. е. в некотором месте), ibid., 217; „*нѣ* въ кое время" (т. е. в некоторое время), Древн. русск. стих., 217, 306. Отделение частицы *нѣ-* от местоимений, управляемых предлогом, встречаем уже в древнейших церковнославянских памятниках; напр., в Супр. рук. нѣ по колицѣхъ месѧцихъ 139, нѣ въ кыи дьнь 132, нѣ оу кого 151.

4) Отрицательные частицы *ни* и *не;* напр., *ни-кто, не-когда.* Сверх местоимений и наречий, с частицею *не* слагаются имена существительные, напр. *не-счастіе,* и прилагательные, напр. *не-счастный,* за исключением употребленных с окончаниями, смягчающими или умаляющими качество. Напр., нельзя сказать: *небѣленькій, небѣловатъ.* Впрочем, исключение оказалось в формах *невеличекъ, немножко.*

Глаголы только тогда могут быть сложены с приставкою *не-,* когда они произошли от имен, уже соединенных с этою приставкою; напр., *неистов-ый, неистов-ствовать.* Глаголы *ненавидѣть* и *негодовать* первоначально употреблялись в разложении: *не навидѣть, не годовать.*

Примеч. 2. Глагол ненавидѣти еще в О. ев. разделялся на действительный глагол навидѣти и отдельную частицу не, потому и управлял родительным падежом вм. винительного; напр., не навидѣти свѣта, 13 а; такое употребление этого глагола сохранено и в позднейших текстах. Согласно с этим доселе в обл. яз. употребляется *навидѣть,* без *не,* в смысле „терпеть"; напр., в вятск. „*навидѣть* не могу" — ненавижу. — В Жит. свят. по сп. XIV в. мѣсть тѣхъ не годоуѩ (см. Хр.). — В народном языке частица *не* иногда отделяется предлогом от слова, с которым сложена; в олон. *незамоги* вм. *занемоги;* „пріостано вись *не-со-множечко*", Рыбн., I, 227, 39.

7. ПРЕДЛОГ

§ 76[27]. Предлоги бывают отдельные, напр. *въ, къ* и др., и слитные, напр. *вз-, пере-* и др.

Примеч. 1. Число предлогов весьма невелико. Отдельные суть следующие: *безъ, въ, для, до, изъ, къ, на, надъ, о, объ, отъ, по, подъ, предъ* (или *передъ*) цс. прѣдъ, *при, про, съ* и *чрезъ* (или *черезъ*), цс. чрѣсъ, чрѣзъ. Слитные: *вз-* (или *воз-*), цс. въꙁъ-, *вы-, низ-, па-, пра-, пре-* (или *пере-*), цс. прѣ-, *раз-* или *роз-, су-* цс. сѫ- и *у-* цс. ѫ-. Но и это число должно быть ограничено исключением наречий, употребляемых вместо предлогов, каковы: *надъ, подъ, предъ, вы-, низ-, раз-* (или *роз-*), *чрезъ*. Эти частицы отличаются от прочих предлогов или тем, что сложены с суффиксом наречий, именно: *на-дъ, по-дъ, пре-дъ* (§ 73); или тем, что состоят в связи с образованием имен; напр., *предъ*, в цс. прѣдъ не только предлог, но и прилаг. несклоняемое, в смысле „присутствующий“, оттуда *пред-окъ; подъ исподъ, низъ низ-окъ, раз- (роз-) раз-ный* и *роз-ный*, а также и с образованием наречий: *предъ прежде* (§ 73), а в областном языке *предъ* употребляется вм. *прежде*, напр. пск., тверск. „*предъ тебя* пришолъ“ — прежде тебя; *чрезъ* смягчено из *крозь* (цс. наречие сь-кроꙁѣ, скроꙁѣ), откуда *сквозь* (§§ 37 и 33), а оттуда *сквоз-ить*. В древнерусск. обл. яз. *чрезъ* или *черезъ* употребляется в виде наречия; напр., в послов. XVII в. „журавль межи не знаетъ и *черезъ* ступаетъ“; в олон. „*черезъ* перестрѣлилъ“, Рыбн., I, 159; в пск. *черезъ* — наречие в смысле „наперекор“, „вопреки“. Если *для* не есть сокращение цс-го дѣлꙗ, то состоит в связи с наречием *подлѣ*, пск., тверск. *водли* (тоже зн. „подле“), в казанск. *длѣ* — подле, в украинск. *гли* — подле (то же и в лит.), а *гля* — и „для“ и „подле“ (§ 37).

Что же касается до частицы *вы-*, то в ней *ы* имеет силу носового звука (*ѣн* или *он*), потому она переходит в наречия: *вонъ* и *внѣ*, цс. вънѣ (§ 72).

Должно отличать: 1) предлоги простые, напр. *на, по, пре* и др., от сложных: *на-дъ, по-дъ, пре-дъ* и др. (§ 73); 2) предлоги древнейшие, напр. *па-, пра-*, сохранившиеся только в образовании немногих слов, напр. *па-мять* (§ 24), *пра-дѣдъ* (§ 25), от соответствующих им позднейших: *по-, пре-* или *пере-*, и 3) церковнославянскую форму предлогов, напр. *пре-, предъ, чрезъ*, от русской: *пере-, передъ, черезъ* (§ 29).

О некоторых предлогах должно заметить следующее:

1. Предлоги, ныне слитные, первоначально могли употребляться отдельно, как это видим из предлога *вз-*, цс. възъ-, который в цс. языке иногда управляет вин. падежом, имея силу отдельного предлога. Напр., воздаша ми лоукаваꙗ возблагаꙗ (вм. возъ благаꙗ, т. е. *за благая*), Псалт., 34, 12; или благодать возблагодать (вм. возъ благодать, т. е. *за благодать*), Ев. от Ио., 1,16; в О. ев. также възблагодать; в Супр. рук. въсчъто (вм. възъчьто) — за что; в Жит. свят. XIV в. въздоунай — на Дунай, вверх по Дунаю (см. Хр.), у Дан. Паломн. възводꙋ — вверх по воде, против течения. Таким же сочетанием слов объясняется наречие вскоую (по древнейшему начертанию въскѫѭ), состоящее из предлога възъ и вин. падежа

ед. числа жен. рода местоимения кꙑи (наше *кой*) и потому соответствующее нашему вопросительному: зачем или для чего.

Примеч. 2. В Супр. рук. употребляется наречие, сложенное с предлогом *възъ-*, именно: въс-краи, т. е. на краю; в областном языке — *вз-* вм. *на-*, в сложном *вс-чатый*, вм. *на-чатый* (в костр.).

О слитных предлогах должно заметить следующее: 1) *па-* весьма употребительно в областном языке; напр., новг. *пá-озёръ* — крестьянин, живущий при озере, новг., арх., олон. *пá-полза* — ползун или ползунья, пск. *па-стѣнь* или тверск. *пá-стѣнь* — тень от человека. 2) В областном языке в виде слитного предлога употребляется *ко-* или *ка-;* напр., арх. *кó-воротъ* — верея, затылок, смол. *ко-врóты* — ворота, ряз., ворон. *ка-улокъ* — переулок, откуда общеупотребительное *за-ка-улокъ* (при слове *ул-ка*, т. е. *ул-ица*).

В обл. языке, в арх. с частицею *во* для усиления качества, напр. *вожарко, вопрытко, ворано, вотепло.*

В глаголах *поз-волить, доз-волить,* приставки *поз-* и *доз-* сокращены вм. *по-из- (волить), до-из- (волить).*

Глагол *разинуть* состоит из предлога *раз-* и глагола *зинуть (зіять),* но употребляется с одним *з.*

2. Некоторых предлогов, весьма употребительных в русском языке, нет в цс., а именно:

а) *Вы-,* вместо которого в цс. постоянно *из-;* напр., изборъ, из-вести, изгнати и проч., вм. русских *вы-боръ, вы-вести, вы-гнать.* Такие цс. формы, вошедшие и в нашу книжную речь, отличаются своим цс. оттенком от чисто русских форм; напр., *избранный* и *выбранный*, „*изложить* мнѣніе“ и „*выложить* деньги на столъ“, „*излить* гнѣвъ“ и „*вылить* воду“ и проч.

Когда предлог *из-* употребляется и в русских формах, тогда он отличается от предлога *вы-*, по самому значению своему; напр., „*износить* платье“ и „*выносить* чтó на дворъ“, „*вывести* пятно“ и „*извести* кого зельемъ“ и проч. В поговорке: „*испей* маленько, да *выпей* все“, Даль, Слов.

Примеч. 3. Предлог *вы-* встречается уже в древних русских памятниках; напр., в Слове о полку Игореве: *выторже, высѣдѣ,* от глаголов: *выторгнуть* (т. е. исторгнуть), *высѣсть.* Употреблением этого предлога, вм. *из-*, русский язык сходится с северо-западн. славянскими наречиями, с польским и чешским; напр., уже в древнечешск., в Суде Любуши: *выберуце* (выбираючи), *выплакавши.*

б) *Роз-*, вместо которого в цс. языке постоянно *раз-*. Следовательно, формы *рóзговѣнье, рóздыхъ, рóзъигрышъ, рóзвальни* и проч., суть чисто русские; равно как и производные от частицы *роз-: роз-ный; роз-но, роз-нь.* Формы же с приставкою *раз-*, напр. *раз-бирать, раз-дирать, раз-ливать, раз-умѣть,* равно принадлежат как русскому, так и цс. языку.

Примеч. 4. В западных славянских наречиях господствует частица *роз-* вм. *раз-*, впрочем, в некоторых тоже с исключениями. Впрочем, в белорусск. употребляется и *роз-;* напр., в Библ. кн. Скор. 1517 г. роздѣлать.

3. Касательно предлога *су-* (цс. сѫ-) должно заметить, что он весьма употребителен как в цс. языке, так и в нашем областном просторечии. Напр., в цс.: сѫмьнѣтисѧ (сомневаться), сѫпрьникъ (соперник), сѫсѣдъ (сосед) и проч.; в областном просторечии: *сумнѣваться, супротивный, сусѣдъ* и проч. Книжная же речь заменила во многих случаях *су-* (сѫ-) частицею *со-;* напр., *сомнѣваться, соперникъ, сосѣдъ* и т. д., впрочем, в некоторых словах удержала церковнославянскую сѫ-, *су-;* напр., *супругъ* (цс. сѫпрѫгъ), *сумракъ* (цс. сѫмракъ), *сутулый* (*туло, тул-ов-ище*), *су-котая* (о кошках), *су-поросая* (о свиньях), в пск., тверск. *су-тельная* (о коровах) вм. *стельная, су-дороги* (при глаголе *содрагаться*) и др. В пословице: „работки *в-су́-терпь,* хлѣбца *в-су́-сыть,* одежки *в-су́-грѣвъ*".

4. В цс. языке отличается предлог оу (наш *у*), употребляющийся и отдельно и слитно, и соответствующий по смыслу предлогам *при, къ,* — от слитного предлога ѫ и смягченно ѭ (наши *у* и *ю*), в значении убавления или ущерба; напр. в Изб. Свят. 1073 г. ѫ-чрьмьнь или ѭ-чрьмьнь — несколько чермный или красный; ѫ-долъ, ѫ-доль, ѫ-родъ, ѭ-доль, ѭродъ — *ю-родъ, ю-родивый, ю-доль*.

5. В обл. языке предлоги *въ* и *съ* удвояются: в олон. *вовъ*, Рыбн., I, 32; в смол. *сосъ,* Кал. I, 120.

Примеч. 5. Так же и в других слав. наречиях, напр. у болгар в Карпатах: *вавъ, сасъ,* Кал. IV, 43.

8. СОЮЗ

§ 77. Союзы бывают первообразные, производные и сложные.

Первообразные, которых число весьма ограничено, суть следующие: *а, и,* цс. бо (зн. „ибо"), *да, же, ли, ни, но* (цс. нъ). Все остальные союзы суть слова производные или сложные.

Примеч. 1. В древнерусск. *а* употребляется вм. желательного *да:* в Поуч. Влад. Моном. *а приметь* — да примет. *Же* вм. *что* — в украинск. и польск., *бо* вм. *ибо* там же; а в великорусск. вм. *же,* в курск. „иди *бо*", „садись *бо*"; в олон. после междометия *ай:* „ай *бо* вы князья мои бо́яра", Рыбн., II, 250.

Союзы происходят:

1. От местоимений; напр., *то, что,* цс. ѥ-же (состоящее из местоимения ѥ с частицею же), *только* вм. *толико* (при речении *толикій*) и проч.

Примеч. 2. В древнерусском и областном языке должно заметить следующие союзы, произведенные от местоимений: 1) *оже* вм. церковнославянского ю-же (§ 26); 2) *ино* в пск., тверск. значит также „иногда“ (от слова *иной*), в значении: „то“, „и“, „да“; сокращенно *инъ*. В областном просторечии доселе употребляются *ино* и *инъ*, не только в сказанных значениях, но и вм. „или“; в курск. „*инó* онъ будетъ, *инó* нѣтъ“; пск., тверск. и в смысле наречия „иногда“; напр., в послов. „*инó* и съ небёсъ даё господь навозъ“; 3) вопросительный *ци* (в пск., смол. *ти*) или *чи*, от вопросительного корня *к* и смягчение его в *т* и *ц**; в Изб. Свят. 1073 г. ци и грѣси пращтаютьсѧ по смерти; в Новг. лет. XIV в. „*ци* будетъ Кондратъ живъ?“. В Ипат. сп. лет. „Святополкъ про волость *чи* не уби Бориса и Глѣба? а самъ *чи* долго поживе?“. В Сл. о полку Игор. „а *чи* диво ся братіе стару помолодити?“. В Библ. кн. Фр. Скорины 1517 г. и чи вложишь колцо въ ноздри его (См. Хр.). Доселе в русском языке, особенно в южном — в галицком *цы*, в украинск. *чи* (и в польск.), напр. *чи* довго — долго ли? В белорусск. *ци*; в великорусск.: в пск. *ти* и *ци*; в донск., калужск. *чи*; напр. „*ти* живъ ли?“ — „*чи* взять, *чи* нѣтъ?“; 4) *ти* и *та* — „и“, от указат. корня *т*: *ти* уже в Изб. Свят. 1073 и 1076 г.; в Жит. Феодос. XII в. почитающе ти видяще моужа доблесть. *Та*, как ныне в украинск., так и в древнерусск.; напр., в Поучении Влад. Моном. по Лавр. сп. лет. 1377 г. „*та* отда Турову, а на весну *та* Переяславлю, *та* же Турову“; 5) *оно — оно* (вм. *то — то*); напр., в Ипат. сп. лет. XV в. „дружина его бяшеть *оно* избита, *оно* изоймана“.

2. От глаголов; напр., *хот-ѣть хотя, вѣд-ать вѣдь, пуст-ить пусть, пуск-ать пускай, молв-ить молъ*. Особенного внимания заслуживают союзы, происшедшие от глагола *быть*: *бы* и *буде*.

а) Союз *бы* остался в нашем языке от древнейшей описательной формы прошедшего условного времени, состоявшей из вспомогательного глагола быхъ с причастием прошедшим на *-лъ, -ла, -ло* (§ 88). Напр.:

Ед. число	Мн. число
1-е л. былъ быхъ, далъ быхъ	1-е л. были быхомъ, дали быхомъ
2-е л. былъ бы, далъ бы	2-е л. были бысте, дали бысте
3-е л. былъ бы, далъ бы	3-е л. были бышѧ, дали бышѧ

Потеряв способность спрягать прошедшее быхъ, великорусск. язык удержал только 3-е лицо этого времени, именно форму бы и стал употреблять ее, не различая ни чисел, ни лиц; напр., „я сдѣлалъ *бы*“, „мы, они сдѣлали *бы*“. Отсюда явствует, почему союз *бы* и сложенные с ним: *что-бы, если-бы, да-бы*, употребляясь с прош. причастием (напр., „зналъ бы“, „чтобы зналъ“, „если бы зналъ“), не могут стоять при наст. и буд. временах

* См. иное толкование этого явления в «Опыте исторической грамматики», ч. I, стр. 144.

изъявит. наклонения. Напр., нельзя сказать: „знаетъ бы“, „узнаетъ бы“, „дабы узнаетъ“, „если бы узнаетъ“ и проч. В украинск. этот союз сохранился и с признаком 1-го лица, т. е., как остаток спряжения, именно в форме *бымъ* (в польск. тоже).

Примеч. 3. Вм. *бы* в обл. великорусск. употребляется и *бывъ,* напр. в олон. *какъ бывъ* вм. *какъ бы,* Рыбн., I, 181.

б) *Буде* есть остаток формы буд. вр. *будетъ,* которая иногда и употребляется в древнерусск. в смысле союза. В обл., сиб. *бу́дече* — если.

в) От гл. *дѣяти,* в смысле говорить, произошла частица *де,* употребляемая для означения чужой речи; в древнерусск. *дей* или *деи;* напр., в Юрид. акт. под 1587 г. „а бывалъ *дей* тотъ лѣсъ искони вѣкъ Курскіе волости“. В древн. цс. и частию в древнерусск. дѣюши, дѣють, даже в дв. ч. дѣюта — то вместо нынешнего сокращенного *де,* то в смысле „разве“, „ли“; напр., в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. „да аще кто, *дѣеть* (в Троицк. сп. вариант: *рече*), в нашю вѣру ступить, то паки умеръ, станеть“. В Жит. Иоан. Злат. дѣеши ли съгрѣшеніа ради — не согрешения ли-*де* ради. В Кн. Руфь по сп. XIV в. и дѣета (дв. ч.) ли и еще сна моıа во оутробѣ моѥи; в исправл. тексте: или ѥще мнѣ сынове во оутробѣ моѥй, в греч. μή ἔτι μοι υἱοὶ ἐν τῇ κοιλίᾳ μου, гл. I (см. Хр.). Потом глагольная форма сокращается в дѣ (как у нас ныне *де*) и соединяется с союзами ли и или: дѣли и дѣили; напр., в Кн. Иисуса Навина по тому же сп. XIV в. дѣли во мнѣ живеши; в исправл. не посредѣ ли насъ живеши, гл. 9. В Изб. Свят. 1073 г. то дѣили не имамъ ихъ.

3. Из произведенных от прочих частей речи должно заметить союз *однако,* древнерусск. *одинако,* цс. ѥдинако и ѥдиначе, т. е. ср. род ед. числа прилагательного *одинакій,* цс. ѥдинакъ.

Примеч. 4. Речение *воля,* как повторяемый союз (волıа — волıа), встречается в древнейших церковнославянских памятниках в смысле „или — или“.

Замечательнейшие из сложных союзов суть следующие:

1) Сложенные из союзов: *и-ли,* народное *а-ли,* уже в Галицк. ев. 1143 г.; *и-бо, ли-бо, да-же* (древн. цс. дожди); *а-же* (если), в Полоцк. гр. около 1300 г., в украинск. и польск. *ажъ* — даже, пока; украинск. и польск. *а-ле* (но) встречается в Кн. числ XVI в.; *чи-ли* украинск. и польск., в Слове о полку Игор. „*чили* въспѣти было вѣщей Бояне“; *а-бо* (или) в древнепольск., украинск., белорусск. и др. Сюда же принадлежат сложенные из союзов и корней первообразных наречий: цс. а-ще (если; *-ще* слич. в *е-ще* и просто *ще*), древнерусск. *аче;* оу-бо (и так) и др.

2) Сложенные из местоимений с союзами и предлогами: *за-н-е, по-н-е-же* (вм. *за-е, по-е-же,* со вставным *н,* §§ 30 и 33),

по-елику; в обл. яз., пск., тверск. *се-жъ, се-то-жъ* — однако и др.

3) Сложенные из глаголов с союзами и местоимениями: *ес-ли* или *есть-ли* (*ес-* корень глагола воспомогательного *ес-мь*); цс. ѥ-ли (если: из ѥ вм. ѥсть и ли), *е-же-ли* (тоже из *есть, же* и *ли;* или из местоим. *еже*); цс. ѥ-да (ли, тоже из ѥ вм. ѥсть) ; *да-бы, что-бы,* древнерусск. и обл. великорусск., украинск. *а-бы;* в древнерусск. *ажбы,* в Смол. гр. 1229 г.; цс. и старин. русск. *си-рѣчь,* украинск. *то-рѣчь* (вм. си, то рещи); в украинск. книжном *хоць-то* (от польск.) — хотя и др.

4) Сложенные из отрицательного наречия с союзами: *не-же, не-же-ли, ни-же.*

Примеч. 5. Союзы: *бо, да* (означающий повелительное наклонение), *зане, ибо, поелику, понеже,* встречаются у новых писателей в книжной речи; а именно: а) *бо;* напр., у Жуковского в переводе из Энеиды; „защитой *бо* града единый былъ Гекторъ“; б) *да;* напр., у Пушкина в Борисе Годунове: „*да* правлю я во славѣ свой народъ“; в) *зане* также употребляет Пушкин; напр., в Борисе Годунове: „*зане* святый владыка предъ царемъ во храминѣ тогда не находился“; г) союз *ибо;* напр., в прозе Лермонтова: „я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, *ибо* со мной былъ чугунный чайникъ“; д) *поелику* и *понеже* до наших времен держались преимущественно в языке юридическом. Жуковский пытался обоим этим союзам дать место в легком рассказе; напр., в переводе Одиссеи:

Мысль объ одномъ наиболѣе губитъ мой сонъ и лишаетъ
Пищи меня, *поелику* никто изъ ахеянъ столь много
Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ царь Одиссей (4, 105—106).
Порой забываю
Горе, *понеже* насъ скоро холодная скорбь утомляетъ (4, 102—103).

Примеч. 6. Употребляемый в просторечии союз *анъ* (или *ано*) встречается и в книжном языке, в речи разговорной; напр., у Жуковского в Камоэнсе: „*анъ* нѣтъ, иначе вышло на повѣрку“.

Примеч. 7. К союзам относятся частицы *-ко* или *-ка* и *-ста;* напр., *дай-ка, пожалуй-ста, мы-ста, знаемъ-ста.* Вместо *-ка* в украинск. *-ке;* вм. *-ста* кое-где в великорусск. *-стье,* напр. в влад. *кушай-стье.*

9. МЕЖДОМЕТИЕ

§ 78. Междометия бывают: или 1) слова первообразные, каковы: выражающие чувствования: *ахъ! увы!*, призыв: *эй!*, предложение или подачу: *на!*, звукоподражательные: напр. *бухъ! мяу!* и проч.; или 2) производные; напр., означающие указание: *вотъ, вонъ,* от местоимений указательных: *тъ* и *онъ:* из *отъ, онъ,* с придыханием *в* (§ 32); в украинск. *отъ, ось* вм. великорусск. *вотъ, вото, вось, восе;* или 3) сложные; напр., *спасибо,*

состоящее из глагола *спаси* и слога *бо,* происшедшего через сокращение от существительного *богъ* (§ 46).

О некоторых междометиях должно заметить следующее:

1) *На* и *ну* могут принимать окончание глаголов 2-го лица мн. числа: *на-те, ну-те.*

2) Частица *-съ,* прибавляемая к словам для означения вежливости (напр., „да-*съ*“, „точно такъ-*съ*“), в старину употреблялась в форме *-су;* напр., в юрид. акт. „ино-*су* я тебя и въ другоредь благословлю“, Акты арх. эксп., IV, 79. В обл. языке, напр. в влад., для означения согласия, просьбы или предостережения, приставляется *-се;* напр., пойдемъ-*се* — пожалуй, пойдем; ты-*се* — т. е. смотри берегись.

3) От междометий звукоподражательных произошли некоторые глаголы; напр., *мяу-кать, бац-нуть.*

Примеч. 1. Древнерусский язык и областное просторечие богаче нынешней образованной речи глаголами, произведенными от звукоподражательных корней, для означения крика животных. Напр., „врани *граяхуть*“, „сороки не *троскоташа*“, Сл. о полку Игор.; „орломъ же *клекъщущимъ*“, Ипат. лет., 183.

Примеч. 2. Областное просторечие отличается от языка книжного обилием разнообразных междометий, употребляемых для призывания и отгона домашних животных.

СЛОВА СЛОЖНЫЕ[28]

§ 79. Сложные слова состоят из двух или из нескольких слов, соединенных в одно (§ 40); напр., *пут-е-шествіе, высоко-пре-вос-ходительство.*

Сложение слов бывает собственное и несобственное.

В собственном сложении слова присовокупляются одно к другому помощию соединительных гласных, каковыми в языках церковнославянском и русском бывают звуки *о* и *е* или *ь;* напр., *бог-о-познаніе, пут-е-шествіе,* пѫт-ь-шьствие.

В несобственном сложении слова складываются без посредства соединительных гласных; напр., *Нов-городъ, пол-день, ноч-легъ, пят-на-дцать, два-дцать, двою-родный* и проч. К несобственному сложению относятся слова, сложенные с приставками; напр., *от-ходить, пре-красный, наи-лучшій, у-богій,* и слова, соединенные флексиею, напр. *трехъ-этажный.*

Примеч. 1. И образование слов помощию суффиксов, в некотором смысле, может быть причислено к сложению. Напр., глагол *вѣ-мь* (вм. *вѣд-мь,* § 38) состоит из корня глагола *вѣд- (вѣд-ать)* и указателя 1-го лица *м* (§ 58). Речения: *на-те, ну-те,* состоят из междометий: *на, ну* и указателя 2-го лица мн. числа *-те* (§ 78). Впрочем, сложение от производства отличается тем, что в производстве первая часть слова есть главная и яснейшая, вторая же (т. е.

суффикс) — подчиненная и не всегда ясно понимаемая; а в сложении главная часть есть та, которая бо́льшею частию стоит на конце, и ей уже подчиняются приставки; напр., *от-ступать, на-от-машь, земле-дѣлецъ*. Сверх того, как последняя, так и первые части сложного слова бывают равно вразумительны.

Примеч. 2. Некоторые сложные слова произошли от слияния речений, некогда стоявших отдельно, но соединенных одно с другим синтаксически. Напр., слово *добро-дѣтель* в древнейших церковнославянских памятниках разделено на два: добраꙗ дѣтѣль, склонявшиеся сами по себе; напр., „въ добрѣ дѣтѣли", „доброж дѣтѣлиж" в Супр. рук.; домꙋвладꙑка в Уст. церк.

Примеч. 3. Сложное существительное *бого-дѣльня* произошло от церковнославянского прилагательного бого-дѣльнь (священный, церковный).

Примеч. 4. Несобственное сложение оставляет на себе следы первоначального синтаксического сочетания слов; напр., *себя-любивъ* (= любит себя), *с-ума-сшедшій* (= сошел с ума). В XVIII в. употреблялось сложное *займы-давецъ* вм. *заимо-давецъ*. В древнем и народном яз. употребительно сложение с повелит. наклонением; напр., в Ипат. сп. лет. *Моли-божичъ;* в нижег. *свѣти-цвѣтъ* — папоротник; в украинск. *горй-цвѣтъ* — название одного желтого цветка; вообще в русск. яз. *перекати-поле* — дикая спаржа, *гори-хвостка* — название птички.

Некоторые слова пользуются и собственным и несобственным сложением; напр., *кров-о-пролитіе* и древнейшее *крови-пролитіе, преди-словіе* и древнейшее *пред-о-словіе*.

§ 80. О несобственном сложении в практическом отношении должно заметить следующее:

1. Некоторые слова, сложенные из двух существительных или из существительного с прилагательным, в склонении присовокупляют окончания к обоим словам; напр., *Царь-градъ, Царя-града, Царю-граду* и проч.; *Нов-городъ, Нова-города, Новым-городомъ, въ Новѣ-городѣ*. Впрочем, это древнейшее употребление в современном языке вытесняется позднейшим, по которому изменяется только последнее слово: *Царь-града, Царь-градомъ, въ Царь-градѣ; Нов-города, Нов-городомъ, въ Нов-городѣ*.

Имена, соединенные союзом *и*, изменяют только последнее слово; напр., *мать-и-мачеха, мать-и-мачехи, мать-и-мачехѣ, мать-и-мачехой* и проч.

2. Некоторые слова, в имен. пад. ед. числа, сложенные с приставкою *пол-*, изменяют ее в прочих падежах обоих чисел на *полу-*, причем должно заметить следующие два случая.

а) *Пол-* согласуется, как прилагательное, с существительным постановленным в имен. падеже ед. числа; напр., *день, ночь пол-день, пол-ночь*. В прочих падежах *пол-* изменяется в *полу-* а существительное склоняется по общему правилу; напр., *полу-дня, полу-днемъ, полу-дни, полу-днями* и проч., *полу-ночи, полу-ночью* и проч. Впрочем, употребляется в косвенных падежах

ед. числа и во всех падежах множественного и *пол-;* напр., *пол-дни, къ пол-днямъ, пол-ночи* (напр., у Бат. „Увы! чтобъ повторять въ часъ *полночи* рыданья“, II, 234). Что касается до языка народного, то в нем *пол-* в некоторых сложных удерживает правильное склонение; напр., говорится не только *вполгоря,* но и *с-полá-горя* (Даль, Послов., 140).

б) *Пол-,* как существительное, требует после себя род. падежа; напр., *пол-тора* (вм. *-втора*), *пол-третья*; имен. пад. муж. и ср. родов: *пол-тора, пол-третья* (напр., рубля); жен. рода: *пол-торы, пол-третьи* (напр., недели). Род. падеж отличается от именительного только изменением формы *пол-* в *полу-:* муж. и ср. родов *полу-тора,* жен. рода *полу-третьи;* в прочих же падежах *-тора* и *-третья* изменяются по общему правилу; напр., *полу-торымъ, полу-третьимъ* (напр., рублем), *полу-торою, полу-третьею* (напр., сотнею), *полу-торыхъ, полу-третьими* и проч.

То же должно сказать о сложном *пол-рубля:* род. *полу-рубля,* твор. *полу-рублемъ* и проч.

Прилагательные слагаются и с *полу-,* напр. *полу-мертвый,* и с *пол-,* напр. *пол-мертвый.* Первое употребительнее.

Примеч. 1. *Пол-* с прилагательными у писателей: „рѣшился брести назадъ *полмертвый, полхромой*“, Дмитр., III, 28; „*полмертвый,* но сгораю“, Бат., II, 288.

3. О словах, сложенных с числительными количественными, должно заметить следующее:

1) Числительные *три, четыре, пять, шесть* и т. д. прилагаются к именам в род. падеже: *трехъ-аршинный, трехъ-угольникъ, четырехъ-сторонній, пяти-угольникъ, шести-этажный* и проч. Впрочем, принято употреблять некоторые слова сокращенно: *тре-угольникъ, четыре-угольникъ.*

Примеч. 2. Речение *три-дневный* употребляется в книжном языке (от церковнославянского **три-дьневьнъ**), в отличие от разговорного *трех-дневный.*

2) Числительное *два* употребляется в род. падеже или а) двойственного числа (§ 90): **двою**, сокращенно *дву: двою-родный, дву-главый, дву-гривенный, дву-личневый, дву-ногій, дву-смысленный* и проч.; или б) множественного числа: *двухъ: двух-саженный,* но преимущественно перед именами, начинающимися гласным звуком, следовательно, вм. *дву,* в избежание неблагозвучия: *двухъ-аршинный, двухъ-этажный.*

Примеч. 3. В арх. вм. *двоюродный* употребляется *двýродный.*

3) Числительные *двое, трое, четверо,* при сложении остаются неизменными; напр., *двое-душіе, двое-точіе, трое-женецъ, четверо-брачіе, четверо-ногій* и проч.

В собственном сложении числительные количественные употребляются весьма редко; напр., *тр-е-зубецъ, тр-е-ножникъ, тр-е-ножить* и нек. др.

Речение *одинъ, единъ,* употребляется в приставках по образцу местоимений: *одно-родный, едино-душно,* как *ино-ходецъ, само-видецъ* и проч.

Примеч. 4. По образцу сложного *двою-родный* употребляется: *трою-родный, четверою-родный.*

§ 81. В историческом отношении о словах сложных должно заметить следующее:

1. Еще до введения христианства в России, наш язык употреблял слова сложные, как это видим из собственных имен: 1) языческих божеств; напр., *Дажь-богъ, Стри-богъ;* 2) людей; напр., *Влади-міръ* (по старинному начертанию: *Влади-миръ, Володи-миръ* и *Володи-меръ*), *Свято-славъ;* 3) городов; напр., *Нов-городъ.*

Примеч. 1. а) *Дажь-богъ* — бог огня и света, *Стри-богъ* — бог воздуха и ветра. б) Сложное *Царь-градъ* было известно нашим предкам, еще язычникам. в) Нестор повествует, что Владимир Святой построил город в память победы, одержанной русским витязем над печенежином в единоборстве, и назвал этот город *Перея-славлемъ:* „зане *перея славу* отрок-отъ“: производство неверное и наивное, но свидетельствующее нам, что летописец видел в этом названии сложное слово. — Речение *переславль,* как нарицательное, доселе употребляется в костр. наречии в смысле переговора. В древнерусск. и цс. *сердоболя,* срьдоболꙗ — родственник.

2. При принятии христианства наши предки внесли в свой язык значительное количество сложных слов, переведенных с греческого; каковы, напр., *все-держитель, само-держецъ, едино-родный* и проч.

Примеч. 2. Здесь предлагаются некоторые из более употребительных сложных, переложенных с греческого: *благо-душіе* εὐ-ψυχία, *благо-лѣпіе* εὐ-πρέπεια, *благо-родіе* εὐ-γένεια, *благо-словіе* εὐ-λογία, *благо-честіе* εὐ-σέβεια, *благо-уханіе* εὐ-ωδία, *бого-борецъ* θεο-μάχος, *бого-мудріе* θεο-φροσύνη, *бого-явленіе* θεο-φάνεια, *веле-лѣпіе* μεγαλο-πρέπεια, *веле-рѣчіе* μεγαλο-ρ-ρημοσύνη, *велико-лѣпіе* μεγαλο-πρέπεια, *все-держитель* παντο-κράτωρ, *вѣнце-носецъ* στεφανη-φόρος, *добро-душенъ* εὔ-θυμος, *добро-нравіе* εὐ-εξία, *едино-душный* ὁμό-ψυχος, *едино-мысліе* ὁμό-νοια, *жестоко-сердіе* σκληρο-καρδία, *живо-начальный* ζω-αρχικός, *живо-писецъ* ζω-γράφος, *живо-творить* ζωο-ποιεῖν, *земле-мѣріе* γεω-μετρία, *земно-родный* γη-γενής, *злато-любіе* φιλοχρυσία, *зло-словить* κακο-λογεῖν, *ино-вѣріе* ἀλλο-πιστία, *ино-племенникъ* ἀλλό-φυλος, *ино-родный* ἀλλο-γενής, *любо-мудріе* φιλο-σοφία, *мало-душіе* μικρο-ψυχία, *много-словіе* πολυ-λογία, *перво-образный* ἀρχέ-τυπος, *перво-родный* πρωτο-γενής, *само-любецъ* φίλ-αυτος, *славо-любіе* φιλο-δοξία, *славо-словить* δοξο-λογεῖν, *сладко-гласіе* ἡδυ-φωνία, *смехо-твореніе* γελωτο-ποιία, *сребро-любіе* φιλ-αργυρία и мн. др. К древним же сложным речениям, переведен-

ным с иностранного, относятся грамматические термины; напр., *мѣстоименіе* ἀντωνομία, *предлогъ* πρόθεσις, *нарѣчіе* ἐπίῤῥημα.

Примеч. 3. Встречающееся в О. ев. сложное в дат. падеже дв. числа братъ-сестрома (т. е. брату и сестре); в Прол. XVII в. (принадлежащем автору): стрть с҃тою мч҃нкѹ евлампиꙗ и̑ соѵлампии братѹ-сестрѹ (род. п. дв. ч.) — сложное слово, отличающееся своим особенным составом от переведенных с греческого, должно быть причислено к речениям, независимо от иностранного влияния, образовавшимся в языке славянском.

3. В древнерусском языке, рядом с упомянутыми переводными словами, употребляются и чисто русские сложные, как нарицательные, так и собственные имена.

Примеч. 4. Напр., в летописях собственные имена: в Ипат. сп. *Держиславъ* 163, *Толи-гнѣвичъ* 168, *Моли-божичъ* 179, *Зави-хвостъ* 181, „Данило посла Костятина, рекомаго *Положи-шила*“ 194; в пск. *Бай-борода* 42, „*Θедоръ Умойся-грязью*“ 217, *Умыл-бородинъ* 269 и проч. Нарицательные имена в Сл. о полку Игор. „в моемъ теремѣ *златоврьсѣмъ*“, „на своемъ *златокованномъ* столѣ“ и проч., в Измар. 1509 г. ѹхо-волокъ — подслушиватель. В древн. русск. стих. „столы *бѣлодубовы*“, „оружье *долгомѣрное*“, „терема *златоверховаты*“, „пески *рудожолтые*“ и мн. др. В олон. былинах: „утки *сѣроплавныя*“; „*бѣлосиненькіе* неводочки“, Рыбн., II, 259, 249 и мн. др.

4. В просторечии употребляется много слов чисто русского сложения. Некоторые стали общим достоянием языка; напр., *душе-грѣйка, зло-дѣй, красно-бай, людо-ѣдъ, ноч-легъ, руко-дѣлье, чело-битье, немогу-знайка;* другие известны только в областных говорах.

Примеч. 5. Напр., областные сложные слова: в арх. *ледо-пла́въ* — вскрытие реки, в разных местах *листо-па́дъ* — месяц октябрь или вообще месяц, когда падают с дерев листья; *лихо-ма́нка* — лихорадка, в пермск., сиб. *солно-всхо́дъ* — восток, *солно-ся́дъ* — запад, в разных местах *сѣно-зо́рникъ* — месяц июль, в арх. *сѣно-ста́въ* — время уборки сена, в новг., олон. *худо-у́мный* — помешанный, упрямый, и мн. др.

Примеч. 6. Некоторые сложные слова принадлежат к остаткам глубокой древности. Таковы, напр., *бѣло-брысый, дур-манъ* (название растения), *мед-в-ѣдь, хоро-водъ.*

В наречиях особенно много слов древнейшего сложения; напр., *стрем-главъ* (в Супр. рук. стрьмо-главь, 170), цс. очи-висть (т. е. очевидно), се-кратъ (теперь, недавно) и мн. др. (§§ 71 и 72). — Иногда слово осложняется неорганически; напр., *ни-на-есть* вм. *ни-будь,* употреблявшееся в книжном языке XVIII в., „что *ни-на-есть*“, „какой *ни-на-есть*“ (напр., в Трут. „для какой *ни-на-есть* бездѣлицы“, 1, 69).

5. Современный образованный язык способен принимать в свой состав новейшие сложные слова, каковы, напр., *паро-возъ, паро-ходъ.*

Примеч. 7. Жуковский более других новейших писателей старался вводить в книжную речь искусственно составленные сложные слова. Напр., в переводе Одиссеи: „на островѣ *волно-объятомъ*", 1,49; „(быковъ) *медленно-ходныхъ*", 1,90; „съ *мѣдно-острымъ* копьемъ", 1,102; „*весло-любивыхъ* Тафійцевъ", 1,177; „тюлени *хвосто-ногіе*", 4,404; „*широко-шумящее* море", 4,510; „въ *широко-поляной* землѣ Иперейской", 6,4; „бездны *безплодно-соленой*", 5,53; „съ зыби *широко-туманной*", 5,56; „*горо-огромную* (землю)", 5,367; „*широко-вершинныхъ* (деревъ)", 7,114; „въ *звонко-пространныхъ* сѣняхъ", 7, 345; „*остро-клычистыхъ* свиней", 8,60; „въ *мѣдно-стѣнныхъ* палатахъ", 8,321; „къ облакамъ *темно-свѣтлымъ*", 8,374; „*черно-остраго* носа" (у судна), 9, 483; „*дву-острый* мой мечъ" (т. е. обоюду-острый), 10, 262; „океанъ *водо-вратный*", 10,511; „въ Іолхосѣ *тучно-полянистомъ*", 11,257; „(землею) *жизно-дарною*", 11, 301; „*мягко-широкій* коверъ", 12,73; „супругъ *громо-огненный* Иры", 15,112; „*тонко-широкую* ткань", 19, 140; „посреди *вино-цвѣтнаго* моря", 19, 172; „въ *много-тѣнную* рощу", 20, 277; „*мягко-одутлой* рукою" (говорится о Пенелопе), 21, 6, и мн. др. В составлении таких искусственных слов Жуковский следовал Гнедичу, который в своем переводе употребляет, напр., следующие сложные: в 1-й песне: „*пышно-поножные* мужи ахейцы", 17; „богъ *сребро-лукій*", 37; „*пространно-властительный* царь Агамемнонъ", 101; „*румяно-ланитую* дѣву", 143; „къ *мѣдно-зданному* Зевсову дому", 426; „скорбь о *красно-опоясанной* дѣвѣ", 419; „въ *глубо-донную* пристань", 432.

6. Из исторического обозрения сложных слов оказывается: 1) что русские сложные формы бывают как собственного, так и несобственного сложения; переведенные же с греческого и вновь вводимые преимущественно пользуются собственным сложением; и 2) что в современном книжном языке более употребляются церковнославянские сложные речения, переведенные с греческого, и речения, составленные по образцу их в позднейшие времена.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИЗМЕНЕНИЕ СЛОВ

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ

§ 82. Перемены в окончаниях глаголов, имен и местоимений называются изменением слов, или флексиями (§ 41). Глаголы спрягаются, то есть изменяют окончания по наклонениям, временам, числам, лицам и родам; имена и местоимения склоняются, то есть изменяют окончания по числам и падежам, а некоторые и по родам.

В истории флексий церковнославянского и русского языков должно отличать три периода:

1. К древнейшему периоду принадлежат спряжения и склонения, известные под именем неправильных. Такими флексиями пользуются древнейшие в языке слова, именно: а) несколько глаголов, наиболее употребительных в речи, оканчивающихся в 1-м лице ед. ч. наст. и буд. вр. на -мь (в русск. на *-мъ*): ѥсмь (быти), дамь (*дамъ*), ꙗмь (*ѣмъ*), вѣмь (*вѣдаю*), имамь (*имѣю*); б) местоимения личные: азъ (*я*), ты, онъ, возвратное сѧ (*себя*) и вопросительные къто и чьто; и в) существительные с темою, оканчивающеюся на согласный звук, и некоторые имена муж. рода, имеющие в имен. пад. ед. ч. -ь. — Изменения этих слов, как и всех прочих, основываются на законах языка; именуются же они неправильными только потому, что, будучи остатками древнейших флексий, не подходят под те правила, которыми пользуется в спряжении и склонении бо́льшая часть слов.

Некоторые слова, изменяющиеся по древнейшим флексиям, заимствуют для своих склонений и спряжений формы от различных корней; напр., *я, меня, насъ; ты, вы; есмь, быть, буду.*

Слова, заимствующие для своих флексий корни других слов, именуются недостаточными. Такие слова могут быть не только с неправильными флексиями, но и с правильными; напр., *ѣх-ать ѣд-у.*

Примеч. Законы, которым подчинены наши так называемые неправильные спряжения и склонения, общи всем языкам, родственным славянскому. Потому эти флексии и принадлежат к древнейшим остаткам языка. См. Прилож. к §§ 57, 62, 84 и 85-му.

2. Ко второму периоду принадлежат богатые и разнообразные флексии церковнославянских склонений и особенно спряжений.

3. К третьему периоду относятся флексии языка русского, который относительно склонений, и особенно спряжений, значительно беднее церковнославянского.

§ 83. Недостаток флексий восполняется в языке описательными формами, то есть синтаксическим сочетанием слов, выражающим то, что́ следовало бы обозначать флексиею. Напр., в русском языке падежи обозначаются окончаниями: *земл-я, земл-и, земл-ѣ;* во французском же — синтаксическим сочетанием существительных с предлогами и членами: de la, à la, du, au.

Замена флексий описательными формами оказалась уже и в церковнославянском языке, который выражает синтаксическим сочетанием слов; напр., страдательный залог: писано есть, будущее время: глаголати имамь („имею сказать" или „скажу") и некоторые другие формы глагола.

По мере того, как язык более и более терял флексии, оказывалась потребность заменять оные описательными выражениями. Так, русский язык, утратив дв. число, стал обозначать его числительными: *два, оба;* утратив окончания прошедшего времени, стал выражать оное прошедшим причастием и проч.

Третий период флексий, к которому относится русский язык, беден окончаниями и потому изобилует формами описательными.

И описательные формы с течением времени искажаются и утрачиваются в языке, как и флексии. Многие из таких форм, определительные и ясные в древнейшем цс. языке, дошли до наших времен отрывочными остатками. Напр., наше прошедшее время: *далъ, дала, дали* и проч., есть остаток древнейшей описательной формы: далъ есмь, дала есть, дали есте и проч. Наш союз *бы,* при глаголах прош. времени, есть остаток прошедшего описательного условного; напр., далъ быхъ, далъ бы и проч. (§§ 77 и 88).

Таким образом, в третьем периоде, с утратою флексий, язык наш претерпел значительную перемену и в древнейших описательных выражениях, ясно обозначившуюся искажением и сокращением оных.

Примеч. Описательные выражения составляют предмет не этимологии, а синтаксиса: почему и не войдут в состав спряжений и склонений, изменяющих слово по окончаниям, а присовокупятся к флексиям в виде дополнений.

1. СПРЯЖЕНИЯ

§ 84. В спряжении изменяется глагол по наклонениям, временам, числам, лицам и, в некоторых случаях, по родам.

В основу спряжений берется: или 1) чистый корень глагола, напр. *да-, пек-:* да-ти, пешти, пещи (т. е. *пек-ти*), да-мъ, пек-ѫ; или 2) корень в соединении с приметою глагольною (§ 50); напр., корень *хвал-,* с приметою *и,* образует форму *хвал-и-,* откуда с окончаниями -ти, -хъ: неопр. наклонение хвал-и-ти, прош. время хвал-и-хъ. Форма, принимаемая в основу спряжения, называется основою, или темою, глагола; напр., *да-, пек-, хвал-и-.*

Об образовании наклонений, времен, чисел, родов и лиц в церковнославянских и русских глаголах должно заметить следующее:

I. Наклонения. В церковнославянском языке, равно как и в русском, флексиями отличаются только два наклонения: изъявительное и повелительное (сверх неопределенного, принадлежащего к образованию, а не к изменению слов, § 56).

Церковнославянское повелительное наклонение отличается от русского употреблением двух примет: и и ѣ. Звук ѣ употребляется после согласных, во мн. и двойственном числах 1-го спряжения; напр., мн. число вънемл-ѣ-те, призов-ѣ-те; дв. ид-ѣ-та, привед-ѣ-та. Во всех же прочих случаях употребляется и; напр., вѣроу-и, вѣроу-и-те, покаж-и, помоз-и, слыш-и, слыш-и-те, благослов-и, благослов-и-те.

Примеч. 1. Первоначальный звук повелительного наклонения есть *и,* который потом, по законам усиления или подъема гласных (§ 30), переходит в *ѣ.* Потому в глаголах 1-го спряжения, в избежание сочетания *ѣ* с шипящими, или остается *и;* напр., плач-и-тесѧ; или *ѣ,* по закону сочетания с шипящими (§ 37), переходит в *а;* напр., ищ-а-те.

Русский язык удержал для повелительного наклонения только примету *и* (напр., *говор-и, говор-и-те*), употребляемую во всех трех лицах; напр., *скажи я, скажи ты, скажи онъ.*

Эта примета удерживается ударением; напр., *нес-й, нес-й-те.* Если же теряет оное, то изменяется после гласных в *й,* после согласных в *ь* (§ 27); напр., *чита́-й чита́-й-те, бро́с-ь бро́с-ь-те.* Только после стечения согласных, *и,* для благозвучия, не переходит в *ь;* напр., *со́хн-и, огло́хн-и* (вм. *со́хн-ь, огло́хн-ь*).

Примеч. 2. От глагола *лягу,* повелительное наклонение оканчивается на *ъ* вм. *ь*: *ляг-ъ, ляг-те.* Из особенностей в древнерусск. и областном следует заметить: в Волынск. ев. XIV в. дажь вм. *даждь;* в влад., сиб., пермск., пск., тверск. *ѣдь* вм. *поѣзжай;* в пск. *сѣдай* вм. *садись;* в пск., тверск. *гляжь, звонь,* вм. *гляди, звони;* новг. *клинь — кликни* (позови).

Примеч. 3. Повелительные от глаголов *могу, хочу, захочу,* выходят из общего употребления, хотя и встречаются в старинном и народном языке и у новых писателей; напр., в Дух. стих. „*моги,* мой родимый, душѣ пособить", 10, 134; у Крыл. „безсильному не смѣйся | и слабаго обидѣть не *моги!*", 595; у Гриб. „но *захоти,* такъ былъ бы дѣловой", 58.

II. Времена. Русский язык имеет флексии только для одного времени, именно для настоящего, употребляемого и в смысле

будущего, по различию видов глагола (§ 89). Цс. же, сверх того, имеет два времени прошедших, преимущественно отличающихся признаком *х*, с смягчением оного, по законам звуков, в *с* и *ш* (§ 37, примеч. 8). Эти прошедшие суть:

1. Собственно так называемое прошедшее или прошедшее совершенное, оканчивающееся в 1-м лице ед. числа на -хъ; напр., посъла-хъ (я послал), видѣ-хъ (я видел); 1-е лицо мн. числа посъла-х-омъ, видѣ-х-омъ; 2-е лицо мн. числа посъла-с-те, видѣ-с-те; 3-е лицо мн. числа посъла-ш-ѧ, видѣ-ш-ѧ и проч. Для 2-го и 3-го лиц ед. числа признак прошедшего времени *х* отметается: посъла, видѣ.

В образовании этого времени должно заметить следующие особенности:

1) Между признаком прошедшего времени и темою глагола, оканчивающеюся на согласный звук, вставляется *о*; напр., ид-о-хъ, мог-о-хъ, нес-о-хъ, пек-о-хъ и проч. Сюда же принадлежат глаголы на -нѫ, отметающие в прошедшем времени этот суффикс; напр., въздвиг-нѫ въздвиг-нѫ-хъ и въздвиг-о-хъ.

2) При глаголе рек-ѫ две формы прошедшего времени: древнейшая рѣ-хъ и позднейшая рек-о-хъ (сокращенно рькохъ и рохъ). В древн. цс. употребляются и от других глаголов краткие формы (как показано в след. 4-м примеч.).

3) Глаголы би-ти, ѩ-ти, клѧ-ти, чѧ-ти, жи-ти, пи-ти, оумрѣ-ти, простьрѣ-ти принимают в 3-м лице ед. числа признак этого лица -тъ: би-тъ (поби-тъ), ѩ-тъ, зачѧ-тъ, жи-тъ, пѣ-тъ, оумрѣ-тъ (и оумрѣ) и проч., вместо: поби, ѩ, зачѧ, жи и проч.

Примеч. 4. Это прошедшее время иначе именуется аористом. Сверх выше предложенной формы его, были еще две другие, древнейшие, которые сохранились в немногих остатках. 1) Одна имела признаком звук *с* вм. *х*; напр., 1-е лицо ед. числа прия-сь, 1-е лицо. мн. числа прия-с-омь, 3-е лицо мн. числа прия-с-ѧ, вм. прия-хь, прия-х-омь, прия-ш-ѧ (т. е. принял и проч.). Если -*съ* присовокупляется к согласному звуку, то этот последний опускается, напр. блю-сь (вм. *блюд-съ*, т. е. блюдохь), причем *е* или *ь* в корне глагола, удлинняясь (§ 25), переходит в *ѣ*; напр., вѣ-сь (вм. *вед-съ*), нѣ-сь (вм. *нес-съ*), вм. позднейших ведохь, несохь; так и рѣ-хь, с *ѣ*, вм. *рек-хъ*. 2) Другая форма, которою пользовались темы глаголов, оканчивающиеся на согласный звук, вовсе отбрасывала признак прошедшего времени *х* (или *с*); напр., мог-ѫ, тек-ѫ; 1-е л. ед. ч. мог-ь, тек-ь; 1-е л. мн. ч. мог-омь, тек-омь; 3-е л. мн. ч. мог-ѫ, тек-ѫ. — Должно заметить, что прошедшее на *с* (напр., прияcь и др.) встречается только в древнейших глаголитских памятниках, или же в списанных с них впоследствии.

2. Преходящее время, в древнейших памятниках, между признаком прошедшего времени *х* и темою глагола, имеет вставные звуки: аа, ѣа, ѣа, и потому оканчивается в 1-м л. ед. числа на -а-ахъ, -ѣа-ахъ, -ѣ-ахъ; напр., маз-аа-хъ, любл-ѣаа-хъ, жив-ѣа-хъ, б-ѣа-хъ

(т. е. я мазал, любил, жил, был). Прочие лица изменяются так же, как и в прошедшем, за исключением: 1) 2-го и 3-го лиц ед. числа, которые, удерживая звук *х*, смягчают его в *ш*, перед *е*, и таким образом оканчиваются на *-ше*; напр., маз-аа-шє, любл-ꙗа-шє, жив ѣа-шє; 2) 3-го лица мн. числа, оканчивающегося на -хѫ; напр., маз-аа-хѫ.

Позднейший церковнославянский язык удвоенные гласные звуки аа, ꙗа, ѣа сократил в а, ꙗ, ѣ; напр., 2-е и 3-е л. ед. числа маз-а-шє, любл-ꙗ-шє, б-ѣ-шє и б-ꙗ-шє. Эти сокращенные формы господствуют уже в письменности XII в.; так, напр., постоянно употребляются они в Галицк. ев. 1143.

Примеч. 5[20]. Кроме русского, хорутанского и польского, все прочие славянские наречия сохранили древние формы прошедшего и преходящего времени, с незначительными отклонениями. А именно: в болг. прош. вр. ед. 1. *плетох, бих,* 2 и 3. *плете, би;* мн. 1. *плетохми, бихми,* 2. *плетохте, бихте,* 3. *плетохъ, бихъ;* преходящ. вр. ед. 1. *плетѣх, біях,* 2 и 3. *плетеше, біяше;* мн. 1. *плетѣхми, біяхми,* 2. *плетѣхте, біяхте,* 3. *плетѣхъ, біяхъ.* В сербск. прош. вр. ед. 1. *плетох, бих,* 2 и 3. *плете, би;* мн. 1. *плетосмо, бисмо,* 2. *плетосте, бисте,* 3. *плетоше, бише;* преходящ. вр. ед. 1. *плетіях біях,* 2 и 3. *плетіяше, біяше;* мн. 1. *плетіясмо, біясмо,* 2. *плетіясте, біясте,* 3. *плетіяху, біяху.* В чешск. прош. вр. ед. 1. *плетех, бих,* 2 и 3. *плете, би;* дв. 1. *плетеховѣ, биховѣ,* 2 и 3. *плетеста, биста;* мн. 1. *плетехом, бихом;* 2. *плетесте, бисте,* 3. *плетеху, биху;* преходящ. вр. ед. 1. *плетіех, біех,* 2 и 3. *плетіеше, біеше;* дв. 1. *плетіеховѣ, біеховѣ,* 2 и 3. *плетіеста, біеста;* мн. 1. *плетіехом, біехом,* 2. *плетіесте, біесте,* 3. *плетіеху, біеху.* В верхнелуж. прош. вр. ед. 1. *бих,* 2 и 3. *би;* дв. 1. *бихмой,* 2 и 3. *биштай;* мн. 1. *бихмы,* 2. *бищце,* 3. *биху;* преходящ. вр. ед. 1. *біях,* 2 и 3. *біеше;* дв. 1. *біяхмой,* 2 и 3. *біештай;* мн. 1. *біяхмы,* 2. *біещце;* 3. *біяху.* В нижнелуж. прош. вр. ед. 1. *бих,* 2 и 3. *би;* дв. 1. *бихмей,* 2 и 3. *биштей;* мн. 1. *бихмы,* 2. *бищо,* 3. *биху;* преходящ. вр. ед. 1. *біях,* 2 и 3. *біяшо;* дв. 1. *біяхмей,* 2 и 3. *біяштей;* мн. 1. *біяхмы,* 2. *біящцо,* 3. *біяху.* — Эти формы соответствуют цс.: в прош. вр. плетохъ, плете, плетоховѣ, плетохомъ и т. д.; бихъ, би, биховѣ, бихомъ и т. д.; в преходящ. вр. плетѣахъ, плетѣаше и т. д.; биꙗахъ, биꙗаше и т. д. или биꙗхъ, биꙗше и т. д.

Примеч. 6. К окончаниям 3-го лица ед. и мн. чисел иногда присовокуплялся указатель 3-го лица -ть, именно в памятниках древнерусских; напр., у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. идꙗше-ть, попираше-ть, дѣлахоу-ть вм. идꙗше, попираше, дѣлахоу (дѣлаахѫ); в летописях: *глаголаше-ть, творяше-ть, творяху-ть* вм. *глаголаше, творяше, творяху;* в Сл. о полку Игор. *растяше-ть, погибаше-ть* вм. *растяше, погибаше* и проч. Такие формы, весьма употребительные в древнерусской письменности, восходят к XI в.; в О. ев. встречаем моуждаше-ть вм. моуждаше (медлил, коснел). В Галицк. ев. 1143 г. слоужахоуть, молꙗахоуть вм. Остромировых: слоужаахѫ, молꙗахѫ, Матф. 4, 11; 8, 31. Перед *и* окончание -ть переходит в -ти; напр., в том же Жит. Феодос. XII в. это правило постоянно наблюдается: оукарахоути и, молꙗшети и, люблꙗхоути и, люблꙗшети и и мн. др.; в Ев. 1307 г. молꙗхоути вм. молꙗхоуть и (его, см. Хр.); так же в Волынск. ев. XIV в. выпрашахоути вм. выпрашахоуть и (его). Слич. § 27.

Примеч. 7. Сверх вспомогательного глагола бѫдѫ, в цс. языке сохранилось несколько древнейших форм будущего времени с признаком *с* (или *ш*); каковы, напр., иꙁ-ми-ш-ѫ (пропаду, сгибну, от глагола ми-нѫ-ти — миновать), о-брь-с-нѫ (обрею, от глагола о-бри-ти), пла-с-нѫ (запылаю, от глагола пла-ти — пылать).

III. Числа. Спряжения церковнославянского языка отличаются от русских двойственным числом. Оно образуется приложением местоименных суффиксов (§ 58): вѣ (мы двое), та (вы двое и они двое), к спрягаемому глаголу в изъявит. и повелит. наклонениях и различается по родам: мужескому роду -та соответствует женский -тѣ и -те (в позднейшем церковнославянском языке мужескому -ва соответствует женский -вѣ). Для примера прилагается здесь спряжение вспомогательного глагола в дв. числе наст. времени изъявит. наклонения.

1) В древнейшем церковнославянском языке:

1-е л.	ѥс-вѣ
2-е л.	ѥс-та
3-е л. муж. р.	ѥс-та
„ „ жен. р.	ѥс-тѣ и ѥс-те

2) В позднейшем церковнославянском языке:

	Муж.	Жен.
1-е л.	ѥс-ва	ѥс-вѣ
2-е л.	ѥс-та	ѥс-тѣ
3-е л.	ѥс-та	ѥс-тѣ

Сверх того, в языке ныне употребляемых церковных книг, встречается введенное в позднейшее время окончание 1-го лица дв. числа -ма вм. -вѣ. Напр., аꙁъ и отецъ едино есма, ев. от Ио., 10,30; в Остромировом списке, равно как и в других древнейших: аꙁъ и отьць ѥдино ѥсвѣ.

Примеч. 8. Из прочих славянских наречий сохранили дв. число в спряжениях оба лужицкие (см. выше в примеч. 5) и хорутанское; напр., в наст. вр. верхнелуж. 1. *біемой*, 2 и 3. *біетай;* нижнелуж. 1. *біёмей*, 2 и 3. *біётей;* в хорут. 1. *біева*, 2 и 3. *біета*.

IV. Грамматический род обозначается в спряжении только в двойственном числе (как это показано в предыдущей, третьей статье).

Примеч. 9. Изменение прошедшего времени по родам, напр. *был-ъ, был-а, был-о*, к спряжению не относится, потому что составляет принадлежность причастия, которое, как прилагательное, имеет способность изменяться по родам (§ 55).

V. Лица. В спряжении глаголов лица образуются, как было уже показано (§ 58), суффиксами личных местоимений.

О лицах глагола должно заметить следующее:

1. В наибольшей полноте они удержались в настоящем (и будущем) времени изъявит. наклонения, как в церковнославянском, так и в русском языке.

2. 2-е лицо ед. числа повелит. наклонения в русском и в церковнославянском пользуется только признаком наклонения *и* (*й, ь*), не имея личного суффикса.

3. Прошедшие времена в церковнославянском языке удерживают личные суффиксы в двойственном и в 1 и 2 мн. числа, в единственном же утратили (за исключением некоторых форм, показанных выше, каковы, напр., пови-тъ, ꙗ-тъ, творѧше-ть). Во мн. ч. 3 л. на -ѧ и -ѫ (вм. -ѧть и -ѫть) отметает знак 3-го л. *т*.

Для ясности предлагается таблица личных окончаний глагола.

		Наст. вр.	Прош. вр.	Повелит. накл.
ед.	1.	-м (-мь, -ѫ, -ѭ, -ꙋ, -ю)		
	2.	-ши (-си)		
	3.	-ть (-тъ)		
дв.	1.	-вѣ (-ва, -ма)	-вѣ (-ва)	-вѣ (-ва)
	2.	-та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те)
	3.	-та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те)	-та, -тѣ (-те)
мн.	1.	-мъ (-мы)	-мъ (-мы)	-мъ
	2.	-те	-те	-те
	3.	-ѫть, -ѭть (-ꙋтъ, -ютъ) -ѧть, -ѩть (-атъ, -ꙗтъ)		

Окончаниями 1-го лица ед. числа -мь и 2-го лица ед. числа -си, отличается древнейшее или неправильное спряжение от позднейшего или правильного, оканчивающегося в тех же лицах на -ѫ или -ѭ и -ши; напр., да-мь да-си и зов-ѫ зов-е-ши. Цс. форма да-си переходит в русскую *да-шь* (§ 27).

Позднейший цс. язык изменил в исчисленных окончаниях: 1) носовые звуки на чистые: ѫ и ѭ на ꙋ и ю, а ѧ и ѩ на а или ꙗ (§ 28); 2) ь на ъ в окончаниях 3-го лица ед. и мн. чисел настоящего вр., то есть -ть на -тъ, за весьма немногими исключениями (§ 26); 3) в глаголах неправильных окончание 1-го лица мн. числа наст. (и буд.) времени -мъ на -мы; напр., ѥс-мы, вѣ-мы, да-мы, ꙗ-мы, вм. древнейших: ѥс-мъ, вѣ-мъ, да-мъ, ꙗ-мъ (т. е. *мы есмы, мы вѣдаемъ, дадимъ, ѣдимъ*).

Примеч. 10. Знак 1-го л. ед. ч. *м*, сохранившийся у нас только в древнейших или неправильных спряжениях, в других славянских наречиях состав-

ляет общее правило, а именно: в хорут. и сербск. *плетем, несем, біем;* в польск. на *-ę*, соответствующее цс-му ѫ или ѭ: *плётę, нёсę, біę*, или на *-м*: *дзялам, кохам* (делаю, люблю); в болг. и чешск. частию на *-м*, напр. болг. *дѣлам*, чешск. *дѣлам, горим* (горю), *умим* (умею) частию уже подновлено; в болг. на *-ъ* вм. ѫ: *несъ* (несѫ), в чешск. на *-у* и *-и: плету, біи* (бью); 2-е лицо ед. ч., в прочих славянских наречиях, так же как и в русском, имеет твердое *ш* (*шъ*); напр., *несеш — несешъ* (произносится и у нас *несешъ*); 3-е лицо ед. ч. обыкновенно отбрасывает знак лица *т;* напр., *дѣла, несе, біе* (вм. *дѣлаетъ, несетъ, бьетъ*). Во мн. ч. 1-е л. или на *-м* (*-мъ*), напр. в болг. *несем*, или на *-мы*, напр. в польск. *несемы;* или на *-мо*, в сербск. *несемо;* или на *-ме*, в чешск. *несеме;* 2-е л. вообще на *-те*, или смягченно: *-це;* 3-е л. вообще отметает знак 3-го л. *т;* напр., в сербск. *плету*, в чешск. *плетоу* (плетѫть), *бійи* (биѭть), в польск. *нёсą, хвалą* (несѫть, хвалѧть).

Примеч. 11. Указатель 3-го лица ед. и мн. чисел наст. (и буд.) времени -ть иногда отметается: 1) в древнейшем цс. языке; напр., в Супр. рук., ꙗвлꙗю, бѫде, начьнѫ, вм. ꙗвлꙗю-ть, бѫде-ть, начьнѫ-ть; в послесловии О. ев. напише вм. напише-ть; но особенно часто в Изб. Свят. 1073 г.; напр., бываю, бѫде, хоще, тѫжѫ, вм. бываю-ть, бѫде-ть, хоще-ть, оуѫжѫ-ть, а также сѫ вм. сѫть; в Мстисл. ев. 1125—1132 г. вѣдаю вм. вѣдають; 2) в украинском наречии, в ед. ч. 1-го спряжения: *плете, несе, мре* (вм. *плететъ, несетъ, мретъ*), но во 2-м спр. *горитъ, хвалитъ;* во мн. ч. на *-ть: плетуть, горять;* 3) в белорусск. и *идзець*, и *идзе (идетъ);* 4) в великорусск. областном просторечии (особенно в рязанском и частию в новгородском); напр., *везё, берё, ходи, люби, ѣздя, любя* вм. *везе-тъ, бере-тъ, ходи-тъ, люби-тъ, ѣздя-тъ, любя-тъ* и проч. В олон. былин. *похаживае, посматривае, вытаптывае* вм. *похаживаетъ* и т. д., Рыбн. I, 312. Точно так же произошел союз *буде* от глагола *буде-тъ* через усечение личного окончания *-тъ* (§ 77).

Примеч. 12. В формах *буд-е-м-те, пойд-е-м-те* и проч. соединяются два личные указателя мн. числа: 1-го л. *-мъ* и 2-го л. *-те*.

§ 85. В образовании глагола должно отличать т е м у, или основу, н а с т о я щ е г о (и б у д у щ е г о) в р е м е н и от темы н е о п р е д е л е н н о г о н а к л о н е н и я; напр., от корня *бр-*, цс. бр- и бьр-, тема настоящего времени *бер-*, откуда с присовокуплением личных окончаний: *бер-у, бер-е-шь* и проч.; тема же неопределенного наклонения *бр-а-*, откуда, с присовокуплением окончания *-ть*, неопределенное наклонение *бр-а-ть;* цс. бер-ѫ, бр-а-ти и бьр-а-ти.

Иногда тема настоящего времени совпадает как с темою неопред. наклонения, так и с самым корнем глагола; напр., *цвѣт-, цвѣт-у, цвѣс-ть* (т. е. *цвѣт-ть*); иногда же, совпадая с темою неопределенного наклонения, отличается от корня; напр., корень *дѣл-*, тема *дѣла-*, откуда *дѣла-ю* и *дѣла-ть;* корень *люб-*, тема *люби-* (или *любь-, любль-*), откуда: *любл-ю люби-шь люби-ть*.

Деление церковнославянских и русских глаголов основывается на присоединении личных окончаний к теме настоящего (и будущего) времени. А именно: личные окончания присоединяются к теме

или непосредственно; напр., да-мь да-си дас-ть, іес-мь іе-си іес-ть, *люби-шь люби-тъ, пои-шь пои-тъ пои-мъ* и проч.; или посредством звука *е;* напр., *бер-у бер-е-шь бер-е-мъ.* — По первому способу спрягаются: 1) глаголы древнейшего образования, или неправильные: іес-мь, вѣ-мь, да-мь *(дамъ)*, ıа-мь *(ѣмъ)*, има-мь (при неопределенном имѣ-ти); и 2) глаголы с темою настоящего времени на *-и* (или *-ь*); напр., *пои-шь, люби-тъ, слыши-мъ* и проч. — По второму способу спрягаются все прочие глаголы.

Правильные глаголы разделяются на два спряжения. Первое присовокупляет личные окончания к теме настоящего времени помощию звука *е;* тогда в 3-м лице мн. числа оказывается *у* или *ю,* в цс. ѫ или ѭ; *бер-у бер-е-шь бер-у-тъ, чита-ю чита-е-шь чита-ю-тъ;* в цс.: бер-ѫ бер-є-ши бер-ѫ-ть, чита-ѭ чита-є-ши чита-ѭ-ть. Второе спряжение присовокупляет личные окончания непосредственно к теме настоящего времени, оканчивающейся на *-и* (или *-ь*); тогда в 3-м лице мн. числа оказывается *а* или *я,* в цс. ѧ или ѩ; напр., *слыш-у слыши-шь слыш-а-тъ, хвал-ю хвали-шь хвал-я-тъ, гор-ю гори-шь гор-я-тъ;* в цс. слыш-ѫ (древнерусск. *слыш-ю* вм. слыш-ѭ) слыши-ши слыш-ѧ-ть, хвал-ѭ хвали-ши хвал-ѧ-ть, гор-ѭ гори-ши гор-ѧ-ть.

Тема глаголов 2-го спряжения *(слыши-, хвали-, гори-)*, очевидная во 2-м и 3-м л. ед. ч. и в 1-м и 2-м л. мн. ч., а в цс. и во всех лицах дв. ч., неясно обозначается в 1-м л. ед. ч., и в 3-м л. мн. ч., потому что *и,* сокращаясь в *j (ь),* сливается с следующим за ним гласным; именно: в 1-м л. ед. ч. *и,* сливаясь с ѫ, образует ѭ: хвали- хваль-ѫ хвал-ѭ; в 3-м л. мн. ч. *и,* сократившееся в *ь,* сливается с знаком мн. ч. *н* в букве ѧ = *ьн:* хвали- хваль-и-ть хвал-ѧ-ть. Потому указатель темы *и,* сливаясь с следующею гласною, оставляет в 1-м л. ед. ч. по себе след в смягчении стоящего перед ним согласного звука: *д* и *т* в жд, *ж* и щ или шт, *ч; б, п, в, м* в *бл, пл, вл, мл;* напр., *види-, лети-, люби-*, сокращенно виждь- или *вижь-,* лещь- или *лечь-, любль-* вм. *вид-ь, леть-, любь-,* оттуда: вижд-ѫ и *виж-у* (древнерусск. *виж-ю*), лещ-ѫ и *леч-у* (древнерусск. *леч-ю*), *любл-ю* (в Супр. рук. любь-ѭ). В прочих лицах смягчение делается ненужным, потому что указатель темы *и* — или явственно присутствует: *види-тъ, люби-мъ* или содержится в носовом ѧ: вид-ѧ-ть, люб-ѧ-ть. Что касается до глаголов, имеющих перед указателем темы *и* — звуки шипящие *ж, ч, ш,* удерживаемые в неопределенном наклонении и во всех лицах изъявит. наклонения; то 1-е л. ед. ч. этих глаголов имеет ѫ или *у* вм. ѭ или *ю*; напр., *дрож-у, молч-у слыш-у* вм. *дрож-ю* и т. д.

Примеч. 1. В прочих слав. наречиях указатель темы *и* явствует и в 1-м л. ед. ч.; напр., в сербск. *гори-м,* в чешск. *горжи-м* — гор-ѭ, в сербск. и чешск. *хвали-м* — хвал-ѭ. В 3-м л. мн. ч. сербск. *хвале,* но чешск. *хвали* — хвал-ѧ-ть.

Кроме *е*, мог соединять личное окончание с темою настоящего времени звук *а*, как это видно из глагола древнейшего или неправильного: има-а-мь (имею), има-а-ши, има-а-тє и т. д. Эти формы сократились в позднейшие, употребляемые в церковных книгах: има-мъ, има-ши и проч.

Примеч. 2. Равным образом, вместо форм быва-ю-ть, повелѣва-ю-ть, в древн. цс. встречаются: быва-а-ть, повелѣва-а-ть. — Уже в О. ев. иногда употребляется имамь вм. има-а-мь.

Примеч. 3. Соединительный гласный звук *е* отметается как в древнем цс.; напр., дѣла-ть вм. дѣла-ю-ть (делает), так и в русском областном просторечии; напр., *зна-шь, зна-тъ, гуля-мъ* вм. *зна-е-шь, зна-е-тъ, гуля-е-мъ* и проч. В других слав. наречиях опущение соединительного гласного *е* составляет общий закон для целого разряда глаголов, имеющих тему на *-а;* напр., в болг., хорут., чешск. *дѣлам, дѣлаш, дѣла — дѣлаю, дѣла-е-шь, дѣла-е-тъ;* в польск. *дзялам, дзялаш, дзяла* (то же); в сербск. *чувам, чуваш, чува — чую, чу-е-шь, чу-е-тъ.*

Примеч. 4. В наших спряжениях важнейшее затруднение для иностранцев состоит в определении отношения между настоящим временем и неопределенным наклонением; потому что и та и другая формы иногда пользуются разными темами глагола, иногда одною, общею обеим.

На отношении неопределенного наклонения к настоящему времени основывается подразделение спряжений на различия.

I. В 1-м спряжении должно заметить следующие три различия:

1. Окончания *-ть (-ти)* и *-ешь (-еши)* и проч. приставляются к общей теме:

1) После согласных: а) после зубных; напр., *нес- нес-ти нес-у нес-ешь, плет- плес-ти* (вм. *плет-ти*) *плет-у плет-ешь, чьт-* чьс-ти и чис-ти (достиг. накл. чис-ть) чьт-ж; б) после губных; напр., *жив- жи-ти* (вм. *жив-ти) жив-у жив-ешь;* в арх. *соп-ти соп-у соп-ёшь* (есть, жрать); в) после гортанных; напр., *пек- печь* пешти пещи (вм. *пек-ти*) *пек-у печ-ешь;* в украинск. *стерег--ти стереж-у, стриг-ти стриж-у, товк-ти товч-у,* великорусск. *толочь* (вм. *толок-ть*), с изменением цс-го лѣ на *оло:* тлѣшти или тлѣщи (вм. тлѣк-ти), наст. вр. тльк-ж тльч-еши *толк-у толч-ешь;* г) после плавных *н* и *м,* содержащихся в звуке ѧ; напр., цс. жѧ-ти (т. е. *жьн-ти* или *жьм-ти*), *жа-ть жн-у жн-ешь* и *жм-у жм-ешь* (цс. жьн-ж жьм-ж); ѧ-ти *ем-л-ю.* Сюда же относятся клѧ-ти *клян-у клян-ешь* (в цс. кльн-ж, кльн-еши). Наше неопределенное *кляс-ть* происходит от темы *клят-*.

2) После гласных: *а, я, и, ѣ, у, ы;* напр., *зна-ть зна-ю зна-ешь, дѣла-ть дѣла-ю дела-ешь, мѣня-ть мѣня-ю меня-ешь, би-ть* цс. би-ѭ би-юши, наше *бью бь-ешь, грѣ-ть грѣ-ю грѣ-ешь, ду-ть ду-ю ду-ешь, мы-ть* мы-ѭ, наше *мо-ю, мо-ешь.*

Сюда же относятся: а) *пѣ-ть по-ю по-ешь,* с изменением *ѣ* на *о;* б) *бри-ть брѣ-ю,* с изменением *и* на *ѣ;* в) *слы-ть, плы-ть* (цс. слоу-ти, плоу-ти), *слы-в-у слы-в-ешь, плы-в-у плы-в-ешь,* со вставкою *в,* вм. древнейших слов-ж, плов-ж, в которых слог *ов* образовался от подъема звука *у* (§ 30) в формах слоу-ти, плоу-ти. В олон. *плови,* по древнему, вм. *плыви,* Рыбн., II, 16; равно как

в пск., тверск. *отсовь* (вм. *отсунь*) от древнерусск. соѵ-ти (в Русск. правде; в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. сь-соѵ-ти), оттуда с подъемом *у: сов-у*, и наконец повелит. *совь, отсовь.*

1-е различие объемлет глаголы по преимуществу первообразные.

2. Окончание *-ть* принимает перед собою гласные звуки *а* или *я* (в церковнославянском *ѣ*) и в немногих глаголах *о*, отметаемые в настоящем времени; напр., *рв-а-ть рв-у рв-ешь, ор-а-ть ор-ю ор-ешь, сѣ-я-ть сѣ-ю сѣ-ешь, (на)дѣ-я-ться (на)дѣ-юсь (на)дѣ-ешься, пис-а-ть пиш-у пиш-ешь, плак-а-ть плач-у плач-ешь, иск-а-ть ищ-у ищ-ешь;* цс. ȥьд-а-ти ȥижд-ѫ ȥижд-еши (от корня *зьд-*, откуда ȥьдь — стена); у нас этот глагол смешан с *дамъ, даю: создамъ, создаю.*

Сюда же относятся: а) *бр-а-ть бер-у бер-ешь, стл-а-ть стел-ю стел--ешь, зв-а-ть зов-у зов-ешь,* со вставкою *е* или *о* в настоящем времени; б) *да-в-а-ть, (у)зна-в-а-ть, (в)ста-в-а-ть,* со вставным придыханием *в* (§ 32), вместо: *да-а-ть, узна-а-ть, вста-а-ть;* откуда настоящее время: *да-ю, узна-ю, вста-ю,* сокращенно, вм. *дава-ю, знава-ю, става-ю* (по 1-му различию), как и действительно в областном языке встречается; напр., в олон. былин. *даваетъ, продаваетъ, удавается* вм. *даетъ, продаетъ, удается,* Рыбн., II, 268; I, 487, 205.

К этому же отделу принадлежат глаголы, изменившие в неопределенном наклонении звуки ра, ла и лѣ на *оро* и *оло* (§ 29), перед *-ть;* цс. бр-а-ти, (ȥа)кл-а-ти, пр-а-ти, мл-ѣ-ти, пл-ѣ-ти; у нас: *бор-о-ть, кол-о-ть, пор-о-ть, мол-о-ть, пол-о-ть: бор-ю, кол-ю, пор-ю, мел-ю* (с изменением *о* на *е*), *пол-ю; бор-ешь, кол-ешь* и проч. Уже в XIV в., в Жит. Бор. и Гл. бороти вм. цс. брати.

Если между *-а-ть* и корнем глагола стоит *-ов-* или *-ев-*, то в настоящем времени эти последние звуки, для благозвучия, переходят в *-у-* или *-ю-* (§ 30); напр., *совѣт-ов-а-ть совѣт-у-ю совѣт-у-ешь, дн-ев-а-ть дн-ю-ю дн-ю-ешь, к-ов-а-ть к-у-ю к-у-ешь* (цс. коѵ-ти ко-в-ѫ, по 1-му различию), *кл-ев-а-ть кл-ю-ю кл-ю-ешь* (цс. кльв-а-ти кл-ев-ѫ, по 2-му различию); в цс. коѵп-ов-а-ти коѵп-оѵ-ѭ, обѣд-ов-а-ти обѣд-оѵ-ѭ, у нас *(по)купа-ть (по)купа-ю, обѣда-ть обѣда-ю,* по 1-му различию.

3. Окончание *-ть* присовокупляется к вставке *-ну-* (цс. -нѫ-), которая в настоящем времени сокращается в *н;* напр., *зяб-ну-ть зяб-н-у зяб-н-ешь, лип-ну-ть лип-н-у лип-н-ешь,* двиг-нѫ-ти двиг-н-ѫ двиг-н-еши, откуда наше *дви-ну-ть дви-н-у дви-н-ешь.*

Глаголы, в историческом своем развитии смешавшие различия, суть следующие:

1) Глаголы *мер-е-ть, пер-е-ть, (про)стер-е-ть, тер-е-ть,* в цс. мр-ѣ-ти, пр-ѣ-ти, (про)стр-ѣ-ти, тр-ѣ-ти: *мр-у, пр-у, (про)стр-у, тр-у,* — по вставке звуков *е* и *ѣ* (перед окончанием *-ть,* -ти), выпускаемых в настоящем времени, принадлежат ко 2-му различию, вместе с глаголами: *бр-а-ть бер-у, бор-о-ть бор-ю* и проч.; по прошедшему же времени: *теръ терла, (про)стеръ, умеръ* (в церковнославянском оѵмрьль) — к 1-му различию, вместе с глаголами: *нес-у несъ несли, пек-у пекъ пекли* и др. Вм. *мереть* в украинск. *мерти,* вм.

переть (цс. прѣти) в украинск. *пер-ти пр-у,* в новг. *пра́ть,* в сложном *запрать* — запереть, как *трать* вм. *тереть* (цс. трѣти), §§ 29, 30.

2) Глаголы, в настоящем времени удерживающие, по 3-му различию, звук *н: дѣ-н-у дѣ-н-ешь, ста-н-у ста-н-ешь, сты-н-у сты-н-ешь,* при неопределенном наклонении 1-го различия: *дѣ-ть, ста-ть, сты-ть.* В цс. от дѣ-ти — дежд-и, с удвоением корня (§ 50); а при изъявит. наклонении ста-н-ж — неопределенное накл. ста-н-ж-ти (§ 53).

3) Некоторые глаголы из первообразных перешли в производные. Напр., *влад- влас-ти* влад-ж, а у нас со вставным *ѣ: влад-ѣ-ть, влад-ѣ-ю;* точно так же при древнейшей форме изъявит. наклонения вѣ-мь позднейшая неопределенного наклонения: вѣд-ѣ-ти. Сюда относятся некоторые глаголы, перешедшие из 1-го различия во 2-е. Напр., цс. чоу-ти и наше *чу-я-ть,* старин. и обл. *ча-ти, ча-ть* и общеупотреб. *ча-я-ть.*

4) В украинск. *тяг-ти* по 1-му различию, а изъявит. накл. *тяг-н-у* по 3-му, оттуда *тяг-лый, тяг-ло;* у нас *тя-ну-ть* вм. *тяг-ну-ть, тя-н-у.*

II. 2-е спряжение на различия не подразделяется. Оно объемлет глаголы, присовокупляющие окончание *-ть* к теме настоящего времени, оканчивающейся на *и.* При этом оказывается два случая: 1) или звук *и* остается неизменяемым; напр., *пои-ть пои-шь, люби-ть люби-шь;* или 2) переходит в *ѣ* (и в соответствующие ему *а* и *я*); напр., *смотрѣ-ть* (древнерусск. *смотри-ть*) *смотри-шь, слыша-ть* (вм. *слышѣ-ть,* § 25) *слыши-шь, стоя-ть стой-шь* (в отличие от формы: *сто́и-ть сто́и-шь*).

Примеч. 5. Так как *у* и *ю* в 1-м лице ед. числа (*зов-у, сѣ-ю* и проч.) суть видоизменение одного и того же звука, то ими нельзя отличать ни спряжений, ни их различий.

Для того чтобы определить спряжение и различие какого-либо глагола, нужно знать его настоящее время и неопределенное наклонение.

§ 86. Одни формы глагола происходят от темы настоящего (или будущего) времени, другие — от темы неопределенного наклонения.

От темы настоящего времени:

1) Повелительное наклонение; напр., *зов-у зов-и* (§ 84).

2) Причастия настоящего времени действ. и страд. залогов; напр., *зов-ущій зов-омый, терп-ящій терпи-мый* (§ 55).

От темы неопределенного наклонения:

1) Причастия прош. вр. действительного залога на *-лъ*: а) после гласных; напр., *бы-ть бы-лъ, зва-ть зва-лъ;* б) после зубных; напр., *вес-ти* (вм. *вед-ти*) *ве-лъ* (вм. *вед-лъ*), *цвѣс-ти* (вм. *цвѣт-ти*) *цвѣ-лъ* (вм. *цвѣт-лъ*); в) после гортанных; напр., *печь* (вм. *пек-ть*) *пекъ* (вм. *пек-лъ*) *пек-ла, беречь* (вм. *берег-ть*) *берегъ* (вм. *берег-лъ*) *берег-ла;* г) после губных; напр., *погиб-ну-ть по-гибъ* (вм. *погиб-лъ*) *погиб-ла,* за выпуском слога *ну;* д) после *р;* напр., *тер-еть, (у)мер-еть, теръ* (вм. *тер-лъ*) *тер-ла, (у)меръ (у)мерла.*

Примеч. 1. Отклонение в обл. яз. предлагают пск., тверск. *дёръ*, в сложных *задёръ, сдёръ*, от наст. вр. *дер-у*, а не от неопред. накл. *драть*, вм. *задралъ, содралъ*.

2) Причастие прош. вр. действительного залога на *-шій*, с предшествующим звуком *в* или без него: *бы-ть бы-в-шій, зва-ть зва-в-шій, цвѣс-ть цвѣт-шій* (§ 55).

3) Причастие прош. вр. страдательного залога на *-тъ* или *-нъ*; напр., *би-ть би-тъ, чита-ть чита-нъ, велѣ-ть велѣ-но* (§ 55). Если прош. причастие на *-нъ* производится не от темы неопределенного наклонения, а прямо от корня глагола, то перед *н* оказывается вставное *е;* напр., *плѣн-ить плѣн-е-нъ, оцѣн-ить оцѣн-е-нъ, лиш-ить лиш-е-нъ, род-ить рожд-е-нъ, смѣс-ить смѣш-е-нъ;* в отличие от форм, произведенных от темы неопределенного наклонения: *зв-а-ть зв-а-нъ, (за)мѣш-а-ть (за)мѣш-а-нъ* и проч.; в цс. род-ити рожд-е-нъ, блаж-ити блаж-е-нъ и зва-ти зва-нъ. Перед *е* звуки *ы* и *ѫ* разлагаются на соответствующие им: *ы* на *ъв*, а *ѫ* на *ъм*, в формах: за-б-ъв-е-нъ, оу-м-ъв-е-нъ, на-д-ъм-е-нъ от бы-ти, мы-ти, дѫ-ти, с предлогами *за, у, на*. Потому *надменный* пишется с *е*, а не с *ѣ*. От некоторых глаголов причастие образуется тем и другим способом; напр., *терп-ѣ-ть терпл-е-нъ* и *терп-ѣ-нъ (претерпѣнный)*, откуда *терп-ѣ-ніе; сид-ѣ-ть (про)сиж-е-нъ, сиж-е-но* и *сид-ѣ-нье* (от предполагаемого причастия *сид-ѣ-нъ*). — При этом должно отличать прилагательные от причастий: в причастии и русский, и церковнославянский язык пользуются звуком *е*, как это видно из приведенных примеров; в прилагательном же русское *е* соответствует церковнославянскому ь; напр., *вид-е-нъ вид-на*, цс. вид-ь-нъ вид-ь-на, в отличие от причастия вид-ѣ-нъ (откуда *вид-ѣ-ніе*). Таким образом, *бол-е-нъ* (вм. *бол-ь-нъ*) *бол-ь-на* есть прилагательное от глагола бол-ѣ-ти, а не причастие.

Производство деепричастий сообразуется с производством причастий (§ 54).

Примеч. 2. Церковнославянское преходящее время изъявительного наклонения производится от темы настоящего времени; напр., кльн-ѫ, кльн-ѣа-хъ; прошедшее от темы неопределенного наклонения: кла-ти, кла-хъ.

Прибавление к §§ 85 и 86

Для общего обозрения прилагаются здесь примеры церковнославянских спряжений. Для полноты присовокуплены к ним формы неопределенного наклонения и причастий.

А. Спряжения древнейшие (или так называемые неправильные).

I. Спряжение глагола ѥс-мь, дополняемое формами от другого корня: бы-ти, бѫд-ѫ.

Неопред. накл. бы-ти.

		Изъявит. накл. Наст. вр.	Повелит. накл.
ед.	1.	ѥс-мь	
	2.	ѥс-и	бѫд-и
	3.	ѥс-ть	бѫд-и
дв.	1.	ѥс-вѣ	бѫд-ѣ-вѣ
	2.	ѥс-та	бѫд-ѣ-та
	3.	ѥс-та	бѫд-ѣ-та
мн.	1.	ѥс-мъ	бѫд-ѣ-мъ
	2.	ѥс-те	бѫд-ѣ-те
	3.	с-ѫть	

		Изъявит. накл. Прош. вр.	Изъявит. накл. Преходящ. вр.
ед.	1.	бы-х-ъ	б-ѣа-х-ъ
	2.	бы и бы-с-ть	б-ѣа-ш-е
	3.	бы и бы-с-ть	б-ѣа-ш-е
дв.	1.	бы-х-о-вѣ	б-ѣа-х-о-вѣ
	2.	бы-с-та	б-ѣа-с-та
	3.	бк-с-та	б-ѣа-с-та
мн.	1.	бы-х-о-мъ	б-ѣа-х-о-мъ
	2.	бы-с-те	б-ѣа-с-те
	3.	бы-ш-ѧ	б-ѣа-х-ѫ

Изъявит. накл. Буд. вр.

ед.	1. бѫд-ѫ	дв.	бѫд-е-вѣ	мн.	бѫд-е-мъ
	2. бѫд-е-ши		бѫд-е-та		бѫд-е-те
	3. бѫд-е-ть		бѫд-е-та		бѫд-ѫть

Причастия:

Наст. действ. с-ы, жен. р. с-ѫшт-и, с-ѫщ-и

Прош. действ. 1. бы-въ, прош. страд. бъв-е-нъ *(за-бвенъ)* и бы-тъ *(за-бытъ)*

Прош. действ. 2. бы-лъ

Буд. действ. бѫд-ы, бѫд-ыи, жен. р. бѫд-ѫшт-и или бѫд-ѫщи

В дополнение к спряжению этого глагола должно заметить следующее:

1) В предложенное спряжение не внесены следующие древнейшие и редкие формы: преходящ. вр. бѫдꙗхъ (от бѫд-ѫ), встречающееся в 3-м л. боудꙗше у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. — В глаголитск. памятниках вм. бысть во 2-м и 3-м л. ед. ч. прош. вр. иногда встречается биси вм. быси, а в 3-м л. мн. ч. бѫ вм. бышѧ. — Вм. сы, сѫщи иногда употребляются: сѫи в Григ. Богосл. XI в., Толк. псалт. XII в.; сѧи в Изб. Свят. 1073 г., в Григ. Богосл. XI в.; быѩ, бѫшѫщи

и бышѧщи, бѣша в Сп. Прор. Упиря 1047 г., в древнейших редакциях перевода библ. — Причастие страд. наст. вр. бѫдомыи, в Апост. XIV в.— Супин бытоу в Григ. Богосл. XI в., в Кормч. XIII в.

2) Вместо ѥсмь весьма часто встречается в старинных памятниках русской письменности єсми; напр., уже у Нестора в Жит. Феодос. XII в., в новг. юрид. акт. XIV в.

3) Вместо ѥсть в О. ев., Изб. Свят. и в других памятниках встречается просто ѥ, сохранившееся доселе, как в украинск., так и в великорусск., преимущественно в северном или новг.; напр., в олон. былин. „жеребенок *е* необъѣзжаной“, Рыбн., II, 129.

4) Вместо ѥсмъ (1-е л. мн. числа) в позднейших памятниках обыкновенно употребляется ѥсмы (в древнерусск. и *есмя*).

5) Вместо полных форм преходящего времени: бѣахъ, бѣаше и проч. обыкновенно употребляются краткие, встречающиеся уже в О. ев. бѣхъ, бѣ и проч., или же бяхъ, бяше и проч.

6) Что в русском разговорном языке некогда были в ходу формы *есмь, еси* и проч., свидетельствует до позднейших времен сохранившееся в виде восклицания выражение: *гой еси!* весьма употребительное, напр., в древн. русск. стих. В областном языке вм. *гой еси* встречается иногда и *гой естя* и *гой есте.*

7) Формы: ѥсмь, ѥси, ѥсть, ѥсмъ или позднейшее ѥсмы и ѥсте, с отрицательною частицею *не,* образуют: нѣсмь, нѣси, нѣсть, нѣсмъ или нѣсмы и нѣсте, вм. *неесмь, нееси, неесть* и проч. (§ 25). Наше *нѣтъ* есть сокращенное нѣсть. Вм. нѣсть в древн. памятниках встречается нѣ, напр. в Изб. Свят. 1073 г.

8) В украинск. сохранилось прош. вр. ед. ч. 1. *бымъ* (древн. цс. бымь), 2. *бысь,* 3. *бы;* мн. ч. 1. *бысьмо,* 2. *бысьте,* 3. *бы.*

9) В других слав. наречиях, именно в болг., сербск., в обоих луж. и в чешск., явственно сохранились древние формы прош. и преходящ. времен; напр., в сербск. прош. ед. ч. 1. *бих,* 2 и 3. *би;* мн. ч. 1. *бисмо,* 2. *бисте,* 3. *бише;* преходящ. ед. ч. 1. *біях* и *бѣх,* 2 и 3. *біяше* и *бѣше*; мн. ч. 1. *біясмо* и *бѣсмо,* 2. *біясте* и *бѣсте,* 3. *біяху* и *бѣху.* В чешск. прош. ед. ч. 1. *быx,* 2 и 3. *бы;* дв. ч. 1. *быховѣ,* 2 и 3. *быста;* мн. ч. 1. *быхом,* 2. *бысте,* 3. *быху;* преходящ. ед. ч. 1. *біех* и *бѣх,* 2 и 3. *біеше* и *бѣ;* дв. ч. 1. *біеховѣ* и *бѣховѣ,* 2 и 3. *біеста* и *бѣста*; мн. ч. 1. *біехом* и *бѣхом,* 2. *біесте* и *бѣсте,* 3. *біеху* и *бѣху.*

10) В польск. наст. вр. подновлено, быв составлено из формы 3-го л. ед. ч. *есть* и из указателей лиц: в ед. ч. для 1-го л. *м,* для 2-го *с;* во мн. для 1-го *мы,* для 2-го *це* (т. е. *те*), а 3-и лица ед. и мн. остаются старые. А именно: ед. ч. 1. *ест-е-м,* 2. *ест-е-сь,* 3. *есць**; мн. 1. *ест-е-сь-мы,* 2. *ест-е-сь-це,* 3. *сą;* вм. древнепольск. ед. 1. *есмь,* 2. *есь,* 3. *есць*; мн. 1. *есьмы,* 2. *есьце,* 3. *сą.*

---

* В современном польском языке jest. *(Ред.)*

II. Спряжение глаголов вѣмь, дамь и ꙗмь, от тем: *вѣд-*, *дад-* и *яд-* (§ 38). Тема *дад-* образовалась помощию удвоения (§ 50).

Неопред. накл. вѣд-ѣ-ти, да-ти, ꙗс-ти.

Достиг. накл. вѣд-ѣ-тъ, да-тъ, ꙗс-тъ.

Изъявительное наклонение.

		Наст. вр.	Буд. вр.	Наст. вр.
ед.	1.	вѣ-мь	да-мь	ꙗ-мь
	2.	вѣ-си	да-си	ꙗ-си
	3.	вѣс-ть	дас-ть	ꙗс-ть
дв.	1.	вѣ-вѣ	да-вѣ	ꙗ-вѣ
	2.	вѣс-та	дас-та	ꙗс-та
	3.	вѣс-та	дас-та	ꙗс-та
мн.	1.	вѣ-мъ	да-мъ	ꙗ-мъ
	2.	вѣс-те	дас-те	ꙗс-те
	3.	вѣд-ѧть	дад-ѧть	ꙗд-ѧть

Прошедшее время:

ед.	1.	вѣд-ѣ-х-ъ	да-х-ъ	ꙗ-х-ъ
	2.	вѣд-ѣ	дас-тъ	ꙗс-тъ
	3.	вѣд-ѣ	дас-тъ	ꙗс-тъ
дв.	1.	вѣд-ѣ-х-о-вѣ	да-х-о-вѣ	ꙗ-х-о-вѣ
	2.	вѣд-ѣ-с-та	дас-та	ꙗс-та
	3.	вѣд-ѣ-с-та	дас-та	ꙗс-та
мн.	1.	вѣд-ѣ-х-о-мъ	да-х-о-мъ	ꙗ-х-о-мъ
	2.	вѣд-ѣ-с-те	дас-те	ꙗс-те
	3.	вѣд-ѣ-ш-ѧ	да-ш-ѧ	ꙗ-ш-ѧ

Преходящее время:

ед.	1.	вѣд-ѣа-х-ъ	дад-ѣа-х-ъ	ꙗд-ѣа-х-ъ
	2.	вѣд-ѣа-ш-е	дад-ѣа-ш-е	ꙗд-ѣа-ш-е
	3.	вѣд-ѣа-ш-е	дад-ѣа-ш-е	ꙗд-ѣа-ш-е
дв.	1.	вѣд-ѣа-х-о-вѣ	дад-ѣа-х-о-вѣ	ꙗд-ѣа-х-о-вѣ
	2.	вѣд-ѣа-с-та	дад-ѣа-с-та	ꙗд-ѣа-с-та
	3.	вѣд-ѣа-с-та	дад-ѣа-с-та	ꙗд-ѣа-с-та
мн.	1.	вѣд-ѣа-х-о-мъ	дад-ѣа-х-о-мъ	ꙗд-ѣа-х-о-мъ
	2.	вѣд-ѣа-с-те	дад-ѣа-с-те	ꙗд-ѣа-с-те
	3.	вѣд-ѣа-х-ѫ	дад-ѣа-х-ѫ	ꙗд-ѣа-х-ѫ

Повелительное наклонение:

ед.	2.	вѣжд-ь	дажд-ь	іажд-ь
	3.	вѣжд-ь	дажд-ь	іажд-ь
дв.	1.	вѣд-и-вѣ	дад-и-вѣ	іад-и-вѣ
	2.	вѣд-и-та	дад-и-та	іад-и-та
	3.	вѣд-и-та	дад-и-та	іад-и-та
мн.	1.	вѣд-и-мъ	дад-и-мъ	іад-и-мъ
	2.	вѣд-и-те	дад-и-те	іад-и-те

Причастия:

Наст. действ.	вѣд-ы	дад-ы	іад-ы
Прош. действ. I.	вѣд-ѣ-въ	да-въ	іад-ъ
Прош. действ. II.	вѣд-ѣ-лъ	да-лъ	іа-лъ
Наст. страд.	вѣд-о-мъ	дад-о-мъ	іад-о-мъ
Прош. страд.	вѣд-ѣ-нъ	да-нъ	іад-е-нъ

В дополнение к спряжению этих глаголов должно заметить следующее:

1) Форма настоящего времени: да-мь, да-си, дас-ть и т. д. употребляется в значении будущего уже в О. ев. и в других древнейших памятниках.

2) В древнейших памятниках вместо вѣмь иногда употребляется вѣдѣ.

3) Вместо іасти, іамь, іаси и проч., встречаются уже в древнейших памятниках формы: ѣсти, ѣмь, ѣси и проч., с изменением *я* на *ѣ*, как в русском (§ 25). С предлогом *съ* образуется в церковнославянском глагол с-н-ѣмь, с-н-ѣси и проч.; в русском *съ-ѣмъ, съ-ѣшь,* без вставного *н*.

4) Вместо кратких форм: іахъ, іахомъ (вм. іадхъ, іадхомъ) и проч., употребляются и полные: іад-о-хъ, іад-о-х-омъ и проч.

5) Вместо дадѧть употребляется в цс. языке и дадѫть, откуда наше *дадутъ;* и наоборот, в областных наречиях (именно в псковском) говорится *ядуть* вм. *ѣдять*.

6) Вместо форм 1-го лица мн. числа вѣмъ, дамъ, іамъ (т. е. *вѣдаемъ, дадимъ, ѣдимъ*), в позднейшем цс. языке употребляются: вѣмы, дамы, іамы, как юсмы вм. юсмъ. Впрочем, изредка попадаются такие формы и в древнейших памятниках, напр. в Супр. рук.

7) В прочих слав. наречиях эти глаголы сохранились тоже в древнейшем спряжении; напр., в хорватск. вѣмь: ед. 1. *вим,* 2. *виш,* 3. *ви;* мн. 1. *вимо,* 2. *вите*. В сербск. дамь: ед. 1. *дам,* 2. *даш,* 3. *да;* мн. 1. *дамо,* 2. *дате,* 3. *даду;* прош. вр. ед. 1. *дах* и проч.; іамь:

ед. 1. *ѣм*, 2. *ѣш*, 3. *ѣ*; мн. 1. *ѣмо*, 2. *ѣте*, 3. *ю*; прош. ед. 1. *ѣдох*, преходящ. ед. 1. *ѣдах* и проч. В чешск. вѣмь: ед. 1. *вим*, 2. *виш*, 3. *ви*; дв. 1. *вѣвѣ*, 2 и 3. *вѣста*; мн. 1. *виме*, 2. *вите*, 3. *вѣди*; прош. ед. 1. *вѣдѣх* и проч.; дамь: ед. 1. *дам*, 2. *даш*, 3. *да*; дв. 1. *давѣ*, 2 и 3. *даста*; мн. 1. *даме*, 2. *дате*, 3. *дайи*; прош. ед. 1. *дах*; преходящ. ед. 1. *дадѣх* и проч.; ѩмь: ед. 1. *им*, 2. *иш*, 3. *и*; дв. 1. *ѣвѣ*, 2 и 3. *ѣста*; мн. 1. *име*, 2. *ите*, 3. *ѣди*; прош. ед. 1. *ѣдех* и проч. Замечательно, что уже в Фрейзинг. рук. X. в. употребляется vuez, т. е. вѣшь или *вѣш*, вм. вѣси.

8) В русском языке сохранились остатки древнейшего спряжения этих глаголов. А именно: а) в древнерусском не только *ѣмъ*, *дамъ*, но и *вѣмъ* (вм. знаю; напр., в пословице XVII в. „ѣмъ, а дѣла не *вѣмъ*“); б) в украинск. вѣмь: ед. 1. *вимъ*, 2. *висы*, 3. *висть*; мн. 1. *вимо*, 2. *висте*, 3. *видять*; повелит. ед. *вижъ*, мн. 1. *вижмо*, 2. *вижте*; неопред. накл. *висты*; дамь: ед. 1. *дамъ*, 2. *дасы*, 3. *дасть*; мн. 1. *дамо*, 2. *дасьте*, 3. *дадуть*; ѩмь: ед. 1. *имъ*, 2. *исы*, 3. *исть*; мн. 1. *имо*, 2. *исте*, 3. *идять*; повелит. ед. *ижъ*; мн. 1. *ижмо*; 2. *ижте*; неопред. *исты*. в) В великорусск. областном (особенно в новгородском), даже во 2-м лице ед. числа на *-си* вм. *-шь*; напр., *даси*, *продаси*, *поѣси*, вм. *дашь*, *продашь*, *поѣшь*; в олон. былин. *не ѣси* (не ешь), Рыбн., II, 52. Глагол *вѣдать* имеет две формы; в пск., тверск. *вѣдамъ*, *вѣдашь* (вм. *вѣдаю*, *вѣдаешь*), с знаком 1-го л. *м*, — и в костр., нижег. *вѣду* (ведаю) при неопр. накл. *вѣсти*, как и в украинск. (от *вѣд-ти*). г) В книжном и разговорном общеупотребительном языке: *дамъ*, *дастъ*, *ѣмъ*, *ѣстъ*, с изменением *ь* на *ъ* (§ 26), и с удержанием древнейшего мягкого звука в форме: *вѣсть*, напр. в выражениях: „богъ *вѣсть*“, „не *вѣсть*“ (напр., у Гриб.: „попробуй говорить, и не *вѣсть* что́ наскажетъ“).

9) У нас формы мн. числа: *ѣд-и-мъ ѣд-и-те ѣд-я-тъ*, спрягаются по 2-му спряжению, а в формах: *дад-и-мъ дад-и-те дад-у-ть*, смешиваются оба спряжения.

10) Форма *вѣдущій*, в речениях: *всевѣдущій*, *свѣдущій*, происходит от древнейшего *вѣмь* через причастие вѣды вѣдѫщи, а не от позднейшего *вѣдаю* (от которого причастие *вѣдающій*).

III. Спряжение глагола им-ѣ-ти отличается от правильных глаголов особенными формами только в настоящем времени, которое здесь и предлагается вполне.

ед. 1. им-а-мь	дв. 1. им-а-вѣ	мн. им-а-мъ
2. им-а-ши	2. им-а-та	им-а-те
3. им-а-ть	3. им-а-та	им-ѫть

Прочие формы образуются или от темы неопределенного наклонения: повелит. им-ѣ-и, прош. им-ѣ-хъ и проч.; или от корня глагола; напр., причастие наст. вр. действ. залога им-ы. Но причастие прош.

вр. страд. залога им-ѣ-нъ, откуда существительное им-ѣ-ние, удерживает звук ѣ, принадлежащий теме неопред. наклонения им-ѣ-ти.

Русская форма *им-ѣ-ю* уже позднейшая, произведенная от темы неопред. наклонения. В украинск. *ма-ти* (равно как и в польск. *ма-ць*) — от има-ти, с опущением *и* (§ 30): ед. 1. *маю,* 2. *маешъ,* 3. *мае;* мн. 1. *маемо,* 2. *маете,* 3. *мають.*

IV. Кроме исчисленных древнейших форм спряжения, сохранился в самых ранних болгарских и глаголитских памятниках остаток спряжения от корня сѧ, в формах сѧтъ, сѧти — говорит, говорят, и в прилагательном, образовавшемся помощию суффикса причастия: сѧшть — умный. Отсюда же, вероятно, союз *семъ* (= сѧ); напр., у Кирши Дан. „*семъ* побратуемся съ тобой", 185.

Б. Спряжения позднейшие (или так называемые правильные): 1-го спряжения несѫ, 2-го горѭ.

Неопределенное наклонение: нес-ти, гор-ѣ-ти.

Достигательное наклонение: нес-тъ, гор-ѣ-тъ.

Изъявительное наклонение.

		Настоящее время:				Прошедшее время:	
ед.	1.	нес-ѫ	гор-ѭ	ед.	1.	нес-о-хъ	гор-ѣ-хъ
	2.	нес-е-ши	гор-и-ши		2.	нес-е	гор-ѣ
	3.	нес-е-ть	гор-и-ть		3.	нес-е	гор-ѣ
дв.	1.	нес-е-вѣ	гор-и-вѣ	дв.	1.	нес-о-х-о-вѣ	гор-ѣ-х-о-вѣ
	2.	нес-е-та	гор-и-та		2.	нес-о-с-та	гор-ѣ-с-та
	3.	нес-е-та	гор-и-та		3.	нес-о-с-та	гор-ѣ-с-та
мн.	1.	нес-е-мъ	гор-и-мъ	мн.	1.	нес-о-х-о-мъ	гор-ѣ-х-о-мъ
	2.	нес-е-те	гор-и-те		2.	нес-о-с-те	гор-ѣ-с-те
	3.	нес-ѫть	гор-ѧть		3.	нес-о-ш-ѧ	гор-ѣ-ш-ѧ

Преходящее время:

ед.	1.	нес-ѣа-х-ъ	гор-ѣа-х-ъ
	2.	нес-ѣа-ш-е	гор-ѣа-ш-е
	3.	нес-ѣа-ш-е	гор-ѣа-ш-е
дв.	1.	нес-ѣа-х-о-вѣ	гор-ѣа-х-о-вѣ
	2.	нес-ѣа-с-та	гор-ѣа-с-та
	3.	нес-ѣа-с-та	гор-ѣа-с-та
мн.	1.	нес-ѣа-х-о-мъ	гор-ѣа-х-о-мъ
	2.	нес-ѣа-с-те	гор-ѣа-с-те
	3.	нес-ѣа-х-ѫ	гор-ѣа-х-ѫ

Повелительное наклонение:

ед.	2. нес-и		гор-и
	3. нес-и		гор-и
дв.	1. нес-ѣ-вѣ		гор-и-вѣ
	2. нес-ѣ-та		гор-и-та
	3. нес-ѣ-та		гор-и-та
мн.	1. нес-ѣ-мъ		гор-и-мъ
	2. нес-ѣ-те		гор-и-те

Причастия:

Наст. действ.	нес-ы	гор-ѧ
Прош. действ. I.	нес-ъ	гор-ѣ-въ
Прош. действ. II.	нес-лъ	гор-ѣ-лъ
Наст. страд.	нес-о-мъ	гор-и-мъ
Прош. страд.	нес-е-нъ	гор-ѣ-нъ

§ 87. Кроме глаголов єс-мь, вѣ-мь, да-мь, ꙗ-мь, им-а-мь, представляют значительное отклонение от общих законов спряжений следующие:

I. Р а з н о с п р я г а е м ы е, или спрягаемые частию по 1-му, частию по 2-му спряжению:

1) *Бѣж-а-ть:* по 2-му спряжению: *бѣж-и-шь, бѣж-и-тъ* и проч.; по 1-му: *бѣг-у, бѣг-у-тъ,* при неопред. накл. *бѣчь,* цс. бѣщи (вм. *бѣг-ти*), бѣж-ѧ-ть, как и доселе в просторечии: *бѣжатъ* вм. *бѣгутъ*. Повелит. наклонение: *бѣг-и,* цс. бѣж-и. В обл. просторечии *убѣгъ, -гла* (от формы *бѣчь* или *бѣчи*) вм. *убѣжалъ, -ла.* В цс. правильно от бѣж-ѫ 3-е л. мн. ч. бѣж-ѧ-ть.

2) *Хот-ѣ-ть:* в церковнославянском языке: по 1-му спряжению: хощ-ѫ, хощ-е-ши, хощ-е-ть, хощ-е-мъ, хощ-е-те, и по 2-му хот-ѧ-ть (встречается и хоштѧть или хощѧть); в русском ед. число также по 1-му спряжению: *хоч-у, хоч-е-шь, хоч-е-тъ,* множественное же во всех лицах по 2-му: *хот-и-мъ, хот-и-те, хот-я-тъ.* Впрочем, в древнерусском языке и в нынешнем просторечии употребляются *хоч-е-мъ, хоч-е-те* (и даже *хочутъ*), согласно с церковнославянскими хощ-е-мъ, хощ-е-те (§ 9). И наоборот, в обл. *хотйтъ* вм. *хочетъ,* Рыбн., I, 325; II, 265.

3) *Спать,* цс. съпати, имеет неопред. наклонение по 1-му спряжению, с приметою *а,* а наст. вр. изъявит. накл. по 2-му: *спл-ю, спи-шь,* цс. съпл-ѭ, съп-иши, с приметою *и,* от темы *спи-* или *спь-,* цс. съпи-, съпь-.

4) В русск. яз. *гн-а-ть,* по неопределенному наклонению относящийся ко 2-му различию 1-го спряжения, а по настоящему времени изъявит. наклонения — ко 2-му спряжению: *гон-ю, гон-и-шь,*

от формы гон-и-ти. В церковнославянском он спрягается правильно по 2-му различию 1-го спряжения гн-а-ти, жен-ѫ, жен-е-ши (с изменением *г* на *ж*).

5) В русском равно употребительны формы 2-го спряжения: *гуд-и-шь, гуд-и-тъ, гуд-я-тъ,* и 1-го: *гуд-ё-шь, гуд-ё-тъ, гуд-у-тъ.* Первые принадлежат глаголу *гуд-ѣ-ть,* а вторые старинному *гус-ти,* цс. гѫс-ти, от корня гѫд-, откуда гѫс-ли, гѫдь-ба.

6) Смешение носовых ѧ и ꙗ с ѫ и ѭ, и вместе с тем 2-го спряжения с 1-м, оказалось уже в древнем церковнославянском языке, особенно в причастии наст. вр. действ. залога. Напр., лѣжѫштеи, горѭшта, вм. лѣжѧштеи, горѩшта; от глагола врѣти (кипеть): древнейш. врѭшта и позднейш. врѧща. Такое же смешение оказалось у нас в формах: *горящій, горячій* и *горючій, кипящій* и *кипучій, шипящій* и *шипучій* и др. (§ 55).

Примеч. 1. В обл., яз. по северн. или новг. наречию, в олон., пск., тверск. глагол *купаться* из 1-го спряжения переходит во 2-е, смягчая *п* в *пл: купл-ится, купл-ятся, купл-ись* (вм. *купается, купаются, купайся,* Рыбн., I, 121, 123). — Во влад., костр., нижег. и в др. гл. *могу* смешивает оба спряжения: *могу, могёшь, могётъ, могите, могу́ть.*

II. Изменяющие состав глагольного корня и дополняющие спряжение корнями других глаголов:

1) *Ѣх-а-ть, ѣх-а-лъ* и *ѣд-у, ѣд-е-шь* и проч. Уже в Волынск. ев. XIV в. ѥхахоу (в О. ев. ѣдꙗахѫ).

2) *Сѣс-ть, сяду,* цс. сѣсти, сѧдѫ.

3) *Лечь* (от *лег-ть*) *ляг-у* и *ляж-у,* цс. лещи (вм. лѣщи) лѧг-ѫ.

4) Цс. гл. и-ти, для образования темы настоящего времени, присовокупляет *д* к *и*: ид-ѫ, наше *ид-у, ид-е-шь* и проч. (§ 49). Русские грамматисты произвели неопределенное наклонение уже от настоящего времени: *ид-ти* (пишут также *итти*).

Примеч. 2. Ту же вставку *д* находим в вспом. гл. бѫ-д-ѫ; так же в сербск., напр. от *знать, имѣть* наст. вр. *зна-д-ем, има-д-ем,* прош. *зна-д-ох, има-д-ох.*

В практическом отношении об употреблении формы *ид-ти* должно заметить следующее: она пишется различно, смотря по приставкам, с которыми соединяется. а) Если приставка оканчивается на *и* или *ы,* каковы: *при-, вы-;* то форма *идти* или теряет начальный звук *и,* который сливается тогда с приставками *при-* или *вы-: при-дти, вы-дти* (а не *при-йдти, вы-йдти*), или переходит в древнюю форму *и-ти,* с изменением *и* в *й: при-йти, вы-йти,* цс. при-и-ти и древнейшее прити. б) Если же приставка оканчивается на один из прочих гласных звуков; то форма *ид-ти* постоянно возвращается к своему первоначальному виду: *и-ти*

(причем *и* также переходит в *й*): *за-й-ти, во-й-ти, у-й-ти* (а не *за-йдти, у-йдти* и проч.). Равномерно говорят: *не йти,* хотя и пишут обыкновенно: *не йдти,* несмотря на то, что первая, разговорная форма вполне согласуется с законами языка.

Настоящее время: *иду, идешь* и проч., употребляясь с приставками, изменяется в *йду, йдешь* и проч.; напр., *на-йду, пере-йдешь, вы-йду* и проч.; а также и с отрицательною частицею *не: не йду.* Только с приставкою *при-,* начальный звук *и,* в форме *иду,* отметается: *при-ду.* В разговорном языке отметается *и* и после *вы-*: *вы-ду, вы-демъ* (вм. *вы-йду, вы-йдемъ*), а в обл., новг. и после *по: поду́, не поду́* — пойду, не пойду.

Для причастия прош. времени действ. залога глагол *идти* пользуется чужим корнем: цс. шьд-, шьлъ (вм. шьд-лъ, § 38), откуда наше *шелъ, шла* и проч.; в формах причастия и деепричастия: *шед-шій, шед-ши.* Форма *шьд-* или *шед-* есть смягчение твердой *ход-,* в глаголе *ход-ить* (§ 37).

Примеч. 3. Вместо *идти* в древнерусском языке и в областном просторечии употребляется с наращением: *итти-ть* или *ити-ть*, напр. в Выходах госуд. цар. и кн. под 1675 г. (см. Хр.).

5) Особого рода неправильность оказалась в глаголе *рост-у,* при неопределенном *рас-ти* (и *рос-ти* вм. *раст-ти* или *рост-ти*), откуда: *росъ, рос-лый, вы-росъ* и проч.

§ 88. Описательные формы спряжения слагаются из глагола, который требуется спрягать, и из другого, который помогает ему в спряжении. Потому последний глагол именуется вспомогательным. Таким глаголом в языках церковнославянском и русском по преимуществу оказывается: *быть, есмь.* Кроме того, бывают вспомогательными: *имѣть, хотѣть, стать, начать* и нек. др.

Глагол, спрягаемый при помощи вспомогательного, употребляется в форме имени: или 1) существительного, т. е. в неопределенном наклонении; напр., *буду дѣлать;* или 2) в форме прилагательного, т. е. в причастии; напр., в церковнославянском: ѥсмь сътворилъ. Следовательно, по лицам изменяется в описательном спряжении только глагол вспомогательный; неопределенное наклонение, стоящее при нем, вовсе не изменяется; причастие же, как прилагательное, изменяется по числам и родам.

Примеч. 1. Впрочем, иногда язык забывает первоначальное происхождение описательной формы и придает личные окончания как причастию, так и неопределенному наклонению, сливая с тем и другим спрягаемые вспом. глаголы, как это оказалось в польск., сербск., украинск. А именно, в польск., прош. вр. сливает с причастием на *-лъ* сокращенные формы вспом. гл. *-ем (есмь), -есь (еси), -сьмы (есмы), -сьце (есте);* напр., ед. ч. 1. *кохал-ем,* 2. *кохал-есь,* 3. *кохал;* мн. ч. 1. *кохали-сьмы,* 2. *кохали-сьце,* 3. *кохали,* т. е. „я любил“ и т. д.; в старинной польско-русской письмен.: у Галятовск. в Ключе

разум. по киево-печ. изд. 1659 г. *написал-емъ, показал-емъ* — я написал, я показал (см. Хр.). В сербск. буд. вр. состоит из неопр. накл. и сокращенного вспом. *-тю, -теш* вм. *хтю, хтеш* (хочу, хочешь); напр., *хвалитю, хвалитеш* (буду, будешь хвалить); в украинск. с вспом. *-му, -меш* (иму, имешь, т. е. имею); напр., *могти-му, могти-мешь* — смогу, сможешь.

Описательные формы в церковнославянском и русском языках употребляются:

А. В действительном залоге:

I. С неопределенным наклонением глагола, который следует спрягать, для означения будущего времени, с вспомогательными глаголами:

1) хоштѫ, хощоу, в древнейшем цс.; напр., хотѧть прити вм. *придутъ.* В древнерусск. в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. „лютъ се мужь *хоче быти*" — вм. *будетъ.*

2) имамь, *имѣю,* в церковнославянском: глаголати имать и в русском языке, в книжной речи: *имѣю сказать.*

Примеч. 2. В областном яз., в волог., костр., яросл., нижег. *иму дѣлать, имемъ ѣсть,* и даже: *нему* (вм. *не иму*) *пахать* вм. *буду дѣлать, будемъ ѣсть, не буду пахать.*

3) начьнѫ, *начну,* как в церковнославянском, так и в русском: нерадити начнеть, т. е. не будет заботиться, *начнетъ лѣниться.*

4) бѫдѫ, *буду* и *стану;* напр., бѫдѫ творити, *буду, стану творить.*

II. С причастием прошедшим 2-м, на *-лъ.* Употребляются настоящее, прошедшее, преходящее и будущее время вспомогательного глагола быти. А именно:

1) Настоящее: ѥсмь, ѥси, ѥсть и проч., для означения прошедшего времени; напр., ѥсмь положилъ, ѥси положилъ, ѥсте положили и проч. Русский язык уже в древнейшую эпоху стал опускать вспомогательный глагол, пользуясь одним причастием для выражения прошедшего времени изъявит. наклонения: *я положилъ, ты положилъ* и проч. (§§ 17 и 83).

Примеч. 3. Опущение вспомогательного глагола началось с 3-го лица: *есть, суть,* и потом уже коснулось 1-го и 2-го. *Есмь* и *еси* долго употреблялись при прош. причастии на *-лъ* и имели для наших предков силу личных местоимений *я* и *ты.* Потому в старинных словарях *есмь* объясняется местоимением *я,* а *еси* местоимением *ты.* См. в Синтаксисе.

2) Прошедшее: быхъ, бы, быхомъ и проч., для означения прошедшего условного. Напр., быхъ положилъ, быхомъ положили, или поло-

жилъ быхъ, положилъ бы, положили быхомъ и проч. Наш союз *бы*, как было уже объяснено (§§ 77 и 83), обязан своим происхождением описательной форме прошедшего условного.

Примеч. 4. В украинск., когда *я, ты*, опущены: *пысавъ бымъ, пысавъ бысь* и т. д., но с *я, ты*, так же, как и в великорусск. *я бы пысавъ, ты бы пысавъ*. В древнерусск. в Сл. о полку Игор. *а быхъ не слала*. См. в Синтакс.

3) Преходящее: бѣахъ или бѣхъ, бѣ и проч. для означения преходящего; напр., изгыблъ бѣхъ, изгыблъ бѣ и проч. Этой формы вовсе уже нет в русском языке.

Примеч. 5. В соответствие этой форме древнерусский язык употреблял описательную со вспомогательным *былъ, была* и проч. Напр., в Древн. русск. стих. „*поѣхали были* на своихъ добрыихъ коняхъ“, 404. В польск. давнопрош. вр. *написалем был, написали были* — я написал, они написали.

4) Будущее: бѫдѫ, бѫдешь и проч., в цс. и древнерусском, для означения будущего совершенного и будущего условного. Напр., в цс. елико бѫдеть сътворилъ; в древнерусском: у Нестора в договорах с греками: „аще ли *взялъ будетъ*“, „аще ли *купилъ буде* гречинъ“, „елико же *далъ будетъ*“, в Русск. правде: *будетъ убилъ* и проч. Наш союз *буде* есть не что иное, как остаток этой описательной формы (§ 77).

Примеч. 6. В польск. *бędę писал, бędзеш писал* *.

Б. В страдательном залоге.

Ни церковнославянский, ни русский язык не имеют особых флексий для спряжения глаголов страдательного залога и, следовательно, по необходимости, употребляют вместо флексий описательные формы. Они суть следующие:

1) Глагол действ. залога с возвратным местоимением *-ся*, цс. -ся; напр., *строиться, строится* и проч.

2) Причастия страд. залога наст. или прош. вр. с вспомогательными глаголами *быть* и *бывать*. а) С настоящим, для означения действия продолжаемого; напр., в цс. хранимъ есмь, хранимо есть, бѣ знаемъ; в русском: *хранимъ, хранимо, хранимъ былъ, хранимъ бывалъ, хранимъ будетъ* и проч. б) С прошедшим, для означения действия прекращенного: в цс. осѫжденъ еси, писано есть, осѫжденъ бѫдеть; в русском: *осужденъ, писано, осужденъ былъ, осужденъ бывалъ, осужденъ будетъ* и проч.

Деепричастия страд. залога составляются в русском языке из причастий страд. залога настоящего и прошедшего с дееприча-

---

* Исправлено. В предшествующих изданиях *писалъ*. (Ред.)

стиями вспомогательного глагола: *будучи* и *бывъ;* напр., *будучи посылаемъ, посылаема, посылаемы; бывъ посланъ, послано* и проч.

Неопределенное наклонение страдательного залога составляется из вспомогательного глагола *быть* и причастий в дат. падеже, изменяемых по родам и числам: а) настоящего времени, для означения действия продолжаемого: *быть читаему, читаемой, читаемымъ;* б) прошедшего времени, для означения действия прекращенного: *быть почтену, -ой, -ымъ* и проч.

В. От вышеизложенных описательных форм должно отличать форму повелительного наклонения, слагающуюся из настоящего или будущего времени изъявительного наклонения с союзами: *да, пусть (пускай).* Первый союз употребляется в цс. языке, а также и в русском, в книжной речи. Напр., *да будетъ, да пріидетъ, да царствуетъ* и проч. Второй союз употребляется только в русском языке; напр., „*пусть будетъ,* что́ будетъ", *пусть идетъ.* Вместо *пусть* употребляется также *пускай;* напр., *пускай идетъ.*

Пользуясь союзами *да* и *пусть* или *пускай,* с настоящим или будущим временем изъявительного наклонения, мы имеем возможность отличать лица и числа повелительного наклонения. Напр., *да буду, пусть говоритъ* и проч.

Примеч. 7. Подробнейшее объяснение описательных форм см. в Синтаксисе.

§ 89. Недостаток окончаний, для означения времен, русский язык восполняет видами глагола, совокупляя в одно спряжение различные глаголы одного корня, образовавшиеся по различным видам, для означения продолжения или совершения, многократности или однократности действия (§ 53). Напр., глаголы *колоть у-колоть, кольнуть, калывать*, образовались от одного корня *кл-* (цс. кл-а-ти), но разошлись в значении по видам: *колоть* означает действие неокончательное или продолженное, *у-колоть* — совершенное, *кольнуть* — мгновенное, *калывать* — многократное. От корня *двиг-*: продолженное *дви́гать,* однократное *двинуть* (вм. *двигнуть,* § 38), многократное *двигивать* (*двига́ть,* § 53). Формы *калывать* и *двигивать* теперь неупотребительны. Каждый из приведенных здесь глаголов может принять форму настоящего и прошедшего времени изъявит. наклонения, а именно: *колю* и *кололъ, двигаю* и *двигалъ, у-колю* и *у-кололъ, кольну* и *кольнулъ, двину* и *двинулъ, калываю* и *калывалъ, двигиваю* и *двигивалъ.* Сличив формы прошедшего времени, видим, что *кололъ, двигалъ*, означают действие продолженное, *у-кололъ* — совершенное, *кольнулъ, двинулъ* — однократное, *калывалъ, двигивалъ* — многократное. Сличив формы настоящего времени, видим, что *колю, двигаю*, имеют и значение

настоящего времени, а *у-колю, кольну, двину* — будущего; формы же *калываю, двигиваю* вышли из употребления.

Так как повелительное наклонение образуется от темы настоящего (или будущего) времени; то от сказанных форм происходят, с тем же различием по видам: *коли, двигай, уколи, кольни, двинь* (от неупотребительных *калываю, двигиваю,* не принято и повелительное *калывай, двигивай*).

Из сказанного явствует следующее:

1) Форма настоящего времени имеет значение настоящего или будущего времени, смотря по виду, в котором глагол употребляется: продолженного вида имеет смысл настоящего времени; совершенного или однократного вида имеет смысл будущего; глаголы же многократного вида не употребляются в формах настоящего времени.

2) Формы прошедшего времени изменяют смысл глагола по видам: продолженному, совершенному, или однократному, и многократному.

3) Повелительное наклонение согласуется с формою настоящего времени.

Образование причастий (и деепричастий) согласуется с формами настоящего времени и неопределенного наклонения:

1) Причастие (и деепричастие) настоящего времени действ. залога происходит от формы глагола, имеющей смысл настоящего времени; напр., *двигаю, двигающій, двигая, двигаючи.* Потому нельзя сказать ни *двинущій,* ни *двигивающій.*

Примеч. 1. Употребление некоторых глаголов совершенного или однократного вида в форме причастия настоящего времени для означения причастия будущего показано в § 55,1.

2) Причастие (и деепричастие) прошедшего времени действительного залога производится от глаголов вида продолженного и совершенного или однократного: *двигавшій, двигавъ; двинувшій, двинувъ; уколовшій, уколовъ.*

Примеч. 2. Употребление деепричастий вида совершенного и однократного в форме настоящего времени для означения времени прошедшего показано в § 54.

3) Причастия страдательного залога в образовании своем согласуются с причастиями действительного залога. Настоящее производится от вида продолженного: *движемъ;* прошедшее от продолженного и совершенного или однократного: *двиганъ, двинутъ, убитъ.*

Так как виды изменяются и помощию предлогов (§ 53), то в значении наших глаголов оказывается перестановка видов и времен, зависящая от приставки предлога к глаголу: продолжен-

ный вид переходит в совершенный, многократный же в продолженный; напр., *хвалить* и *похвалить, хваливать* (не употребляется) и *похваливать.*

При таком переходе глаголов из одного вида в другой замечается следующее:

1) Форма настоящего времени принимает смысл будущего: *хвалю — похвалю*, и тогда уже становится невозможным причастие *похвалящій.*

2) Многократный вид получает способность принять на себя форму и смысл настоящего; напр., от неупотребительных: *хваливаю, калываю, ворачиваю, шаливаю,* происходят, с предлогами: *похваливаю, расхваливаю, покалываю, раскалываю, поворачиваю, отворачиваю, пошаливаю.*

В нашем языке значительное количество многократных глаголов, сложенных с предлогами, употребляется в смысле продолженного вида; напр., *с-казывать, от-казывать* (от глагола *казать*), *у-строивать, при-кидывать* и мн. др.

3) Глаголы продолженного вида, произведенные от коренных, помощию усиления гласного звука или помощию окончания, отличаются от коренных тем, что принимаются и за многократные, и за продолженные, т. е. с предлогом употребляются в значении и настоящего, и будущего времени; напр., *отвожу, сношу, перелетаю* (при коренных: *отведу, снесу, перелечу*). Сюда же принадлежит глагол *ходить.* Смысл настоящего или будущего времени зависит от предлога, чтó особенно явствует из глаголов, сложенных с предлогом *вы-: вывожý* и *вы́вожу, выношý* и *вы́ношу, выхожý* и *вы́хожу.*

Примеч. 3. Значение видов определяется синтаксическим сочетанием слов и потому в бóльшей подробности объяснено в словосочинении.

2. СКЛОНЕНИЯ

§ 90. По склонениям изменяются части речи склоняемые, то есть: имена существительные, прилагательные, числительные, причастия и местоимения.

Грамматическая форма, принимаемая в основу склонений, именуется основою или темою склонения. Иногда тема совпадает с именительным падежом ед. числа. Напр., в существительных: *домъ, дом-а, дом-у; конь, кон-я (конь + а), кон-ю (конь + у); обычай, обыча-я (обычай + а), обыча-ю (обычай + у)* и проч.; в местоимениях: цс. тъ (тот) и сь (сей): т-ого, т-омоу, с-его, с-емоу и проч. Иногда тема отличается от именительного падежа; напр., имен. падежи: *мать* (цс. мати), *дочь* (цс. дъщи), *знамя* (цс. знамѧ), *небо, кто* (цс. къто), *что* (цс. чьто) и проч.; темы же, употребляемые в склонении этих слов, суть: *матер-: матер-и, матер-ямъ;*

дочер-: дочер-и, дочер-ей; знамен-: знамен-и, знамен-емъ; небес-: небес-а, небес-ъ; къ-: к-ого, к-ому; чь-: ч-его, ч-ему и проч.

Церковнославянские и древнерусские склонения отличаются от употребительных ныне: 1) по числам и 2) по падежам.

1. Числа. Церковнославянские склонения имеют двойственное число, которое, за немногими остатками, чуждо языку русскому. Для того, чтобы припомнить важнейшие приметы падежей дв. числа, следует заучить склонение числительных дъва и оба, употребляющихся только в двойственном числе.

Предварительно должно заметить, что в дв. числе падежи: 1) именительный, винительный и звательный, 2) родительный и местный и 3) дательный и творительный, имеют одни и те же окончания; и что в именительном, винительном и звательном падежах женский и средний роды пользуются общею приметою, в отличие от приметы мужеского рода.

	Муж.	Жен. и ср.
И. В. З.	дъв-а, об-а	дъв-ѣ, об-ѣ
Р. М.	дъв-ою (и дъв-оу) об-ою	дъв-ою (и дъв-оу), об-ою
Д. Т.	дъв-ѣ-ма, об-ѣ-ма	дъв-ѣ-ма, об-ѣ-ма

Примеч. 1. Согласно с этими числительными склоняются существительные; напр., 1) сынъ: сын-а, сын-оу, сын-о-ма; 2) край: кра-ꙗ, кра-ю, кра-ѥ-ма; 3) рыба: рыб-ѣ, рыб-ою, рыб-а-ма; 4) доуша: доуш-и, доуш-ею, доуш-а-ма; 5) кость: кост-и, кост-ию, кост-ь-ма; 6) мѣсто: мѣст-ѣ, мѣст-оу, мѣст-о-ма. При этом должно заметить, что в Д. и Т. имена муж. и ср. р. на *-ъ, -ь, -й, -о* и *-е* имеют соединительным звуком *о* или *е*, а имена жен. р. на *-а* или *-я* и на *-ь* — *а* или *я* и *ь*. — Прилагательные краткие: муж. рода: добръ: добр-а, добр-оу, добр-о-ма; жен. рода: добр-ѣ, добр-оу, добр-а-ма; ср. рода: добр-ѣ, добр-оу, добр-о-ма. Прилагательные полные: муж. рода: добр-аꙗ, добр-оую, добр-ыи-ма; жен. и ср. родов: добр-ѣи, добр-оую, добр-ыи-ма. Местоимения: напр., сь (сей): муж. рода: сиꙗ, сею, сима; жен. и ср. родов: си, сею, сима.

Примеч. 2. Из прочих слав. наречий в значительной полноте сохранилось склонение дв. ч. в хорут. и в обоих луж.

Остатки двойственного числа доселе сохранились в нашем языке в следующих формах: 1) в имен. (и вин.) падеже числительных: *два, двѣ; оба, обѣ;* но прочие падежи приняли уже мн. число: *двухъ, обоихъ, обѣимъ* и проч.; 2) в словах сложных: *дву-смысленный, дву-мѣстный, двою-родный* (§§ 7 и 80); 3) в числительном *двѣ-сти* (вм. *двѣ-стѣ*, § 70); 4) в существительных, согласованных с числительными: *два, оба, три, четыре: два человѣка, оба стола, двѣ книги, двѣ рукѝ* и *обѣ ру́ки, двѣ щекѝ* и *обѣ щёки; два дня* и *два дни, два рубля* и *два рубли,*

три ведра, четыре аршина и проч., причем дв. число обыкновенно смешивается с род. пад. ед. ч. (§§ 7 и 8); 5) в некоторых именах, означающих парные предметы: *очи,* откуда предложный падеж *въ очью,* т. е. въ очию; *уши* (при мн. числе очеса, оушеса), *колѣни* (при мн. *колѣна*), *плечи* (при мн. *плеча*), *крылѣ.*

Примеч. 3. Сохранившиеся доселе остатки двойственного числа свидетельствуют нам, что это число принадлежало русскому языку, как его собственность, а не как заимствование из церковнославянского. В древнерусских памятниках постоянно его встречаем; напр., *двѣстѣ, безъ дву сту* (без двух сот), *двѣма стома* (двумя стами), *братома, рукама* и проч. Числительные же *три* и *четыре,* ныне употребляемые с двойственным числом, древнерусский язык согласовал со множественным: *три человѣки, четыре мужи* и проч. Впрочем, будучи вытесняемо множественным числом, двойственное стало употребляться ошибочно уже и в древнерусском языке. Напр., в летописях: *съ обѣ стороны, съ обою странъ, два мужи;* в древн. русск. стих. *дву удалыми Борисовичи* и проч. Дв. число в народном языке: в послов. XVII в. „воробей сидитъ на тынѣ, надѣется *на крылѣ*"; в песн. „что одинъ у меня былъ свѣтъ *въ очью*", Чулк., 1, № 142. В послов. „онъ живетъ промежъ *дву* на голи", Даль, Слов. В обл. яз.; напр., влад. „безъ *дву* тридцать", 28; пск., тверск. *с-дву*-роди — в двоюродном родстве.

2. Падежи. Церковнославянский и древнерусский язык отличаются от нынешнего общепринятого русского употреблением падежей: звательного в ед. числе и местного.

а) Мы теперь не отличаем именительного падежа от звательного, за исключением немногих форм, заимствованных из церковнославянского. Напр., зват. пад. *господи, боже, владыко, старче,* от имен. пад. *господь, богъ, владыка, старецъ* и проч. В церковнославянском же языке звательный падеж, имея свои собственные окончания, составляет существенную принадлежность склонения имен существительных в ед. числе. Напр., льве, мѫжоу, иерею, врачоу, дѣво, доуше, от именительных: львъ (лев), мѫжь, иереи, врачь, дѣва, доуша и проч.

Примеч. 4. Что наш язык имел некогда свои собственные формы звательного падежа, свидетельствует, как украинск. наречие, в котором весьма употребителен этот падеж; напр., *ляше, чоловиче, враже, батьку, небого* (и *небоже*), *рыбо,* при имен. пад. *ляхъ, чоловикъ, врагъ, батько, небóга* (бедняга), *рыба;* так в белорусск., напр., „*сынку* мой, *сынку* возлюбленный", в смол. дух. стих. (Кал., I, 131), а частию и великорусск. по областным наречиям; напр., в пск. *дѣда* — зват. пад. от *дѣдъ, дѣдушка;* в сиб. имена на *-а* имеют зват. пад. на *-ау: женау, дѣвкау.* В древнерусск. зват. пад. весьма употребителен; напр., в Сл. о полку Игор. „*о Бояне, соловію* стараго времени!", *о вѣтрѣ* (вм. вѣтре), *о Днѣпре словутицю!, господине* и др. У Дан. Зат. *княже, господине.* В других слав. наречиях зват. падеж весьма употребителен; напр., в сербск. *кралю* и *крале* от *краль* (король), собств.

имена *Маро, Ружо* — от *Мара, Ружа;* в чешск. *хлапе* от *хлапъ (холопъ)* и проч.

б) В цс. и особенно в древнейшем русском языке употребляются без предлогов слова с окончаниями предложного падежа. Такой падеж именуется местным, потому что им означается, между прочим, место, на вопрос *где?* Напр., Иєроусалимѣ (т. е. в Иерусалиме), *Кіевѣ* (в Киеве), *Новѣгородѣ* (в Новгороде) и проч. Остатки этого падежа сохранились в наречиях: *внѣ, горѣ* и в нек. др. (§§ 72 и 73).

§ 91. Склонения церковнославянского и русского языков делятся на правильные и неправильные или древнейшие. К неправильным принадлежат склонения личных местоимений: *я* (азъ), *ты, онъ,* возвратного *себя* (сѧ) и вопросительных: *кто, что,* а также склонения некоторых существительных, удержавших в своем образовании древнейшие флексии (§ 62). Имена числительные и прилагательные (с причастиями) согласуются в склонении частию с существительными, частию с местоимениями.

Слова, подвергающиеся склонению, или изменяются по родам; напр., *добрый, добраго, добрымъ, доброю* и проч.; или же не изменяются; напр., *мужъ, жена, ты, себя* и проч. К первым принадлежат прилагательные с причастиями, ко вторым — существительные. Числительные же и местоимения относятся частию к первым, частию к последним.

Вообще о склонениях должно заметить, что единственное число подверглось, и в русском, и в церковнославянском, более разнообразному видоизменению, нежели число множественное; двойственное же (в церковнославянском) подверглось еще менее множественного.

1. Склонение местоимений

§ 92. О неправильно склоняющихся местоимениях должно заметить следующее:

1. Местоимения *я* и *ты* пользуются в склонении различными корнями (§ 57). Напр., *я, меня, мы, насъ; ты, тебѣ, тобою, вы* и проч.

2. Местоимение *себя* (цс. сѧ) не имеет ни именительного падежа ед. числа, ни особых окончаний для множественного и двойственного и, вместе с личными *я* и *ты*, по родам не изменяется. Что церковнославянская форма сѧ некогда принадлежала и русскому языку, свидетельствуют наши глаголы, слагающиеся с нею; напр., *боять-ся, мыть-ся* и проч.

3) Местоимения *кто* и *что* (цс. къто и чьто) в прочих падежах отметают окончание *-то* и изменяют только формы *къ-* и *чь-: к-ого, ч-его, к-ому, ч-ему* и проч. Местоимение *что* собственно

есть средний род от местоимения *кто*. Оба они имеют окончания только единственного числа.

Особенная неправильность в склонении вопросительного *что* оказывается в церковнославянской форме род. падежа чьсо или чесо вм. чего.

В русском языке творительный падеж: *кѣмъ, чѣмъ* — соединяет *ѣ* с *к* и *ч* (против общего закона сочетания звуков, § 25). Церковнославянский язык избегает этого сочетания, употребляя: цѣмь вм. кѣмъ и чимь вм. чѣмъ (украинск. *чымъ*).

Прибавление к § 92-му

Здесь предлагаются церковнославянские склонения упомянутых местоимений.

I. Местоимения азъ, ты, ся (себя).

Ед.

И.	азъ	ты	
Р.	мене	тебе	себе
Д.	мънѣ, ми	тебѣ, ти	себѣ, си
В.	мя	тя	ся (себе)
Т.	мъноѭ	тобоѭ	собоѭ
М.	мънѣ	тебѣ	себѣ

Дв.

И.	вѣ	вы, ва
В.	на	ва
Р.	наю	ваю
Д.	нама	вама

Мн.

И.	мы	вы
Р.	насъ	васъ
Д.	намъ	вамъ
В.	ны	вы
Т.	нами	вами
М.	насъ	васъ

1) Вместо намъ и вамъ, в древнем языке употреблялись также формы ны и вы; напр., в Сл. о полку Игор. „не лѣпо ли *ны* бяшетъ“. В Новг. лет. „а даю *вы* сынъ свои старѣйшіи Константинъ“, 29.

2) Согласно с формами творительного падежа *тобою* и *собою*, в древнерусском языке и в нынешнем областном просторечии употребляются: *тобѣ, собѣ*. Эти последние формы встречаются уже в древнейших памятниках нашей письменности; напр., в Изб. Свят. 1073 г., в Галицк. списке ев. 1143 г. и в др.

3) Согласно с цс. краткою формою: ти (вм. тебѣ), и доселе в областном просторечии употребляются: *ти, тѣ* или *те* (вм. *тебѣ*).

4) Вместо *тебя, тебѣ, себя, себѣ*, в костр., нижег. употребляются формы: *тея, теѣ, сея, сеѣ*.

5) Вместо *мнѣ*, в областном же языке употребляется *мни*.

6) В украинск. отклонение от великорусск. книжного оказалось: в Р. *мене*, *тебе*, *себе*, в Д. *мни*, *тоби*, *соби* и в В. *мя*, *тя*, *ся*.

7) Вообще в слав. наречиях вин. пад. ед. ч. отличается от род. пад., которые в великорусск. смешиваются; напр., в сербск. Р. *мене*, *тебе*, *себе*; в В. *ме*, *те*, *се*. В сербск. замечательны в Т. ед. ч. *мном*, *тобом*, *собом*, и во мн. Д., Т., П. *нама*, *вама*.

II. Местоимения кꙑто и чьто.

И.	кꙑто	чьто
Р.	кого	чьсо, чьсого, чєсо, чєсого
Д.	комоу	чємоу, чьсомоу, чєсомоу
В.	кого	чьто, чєсо
Т.	цѣмь	чимь
М.	комь	чємь, чєсомь

§ 93. Прочие местоимения подлежат общему закону склонений, за немногими исключениями. В наибольшей простоте оказался этот закон в склонении местоимения 3-го лица или местоимения указательного: муж. и, жен. ꙗ, ср. ѥ (употребляемого в церковнославянском с союзом жє: и-жє, ꙗ-жє, ѥ-жє, в смысле местоимения относительного); род. падеж: ѥго, ѥѩ, ѥго; дат. ѥмоу, ѥи, ѥмоу и проч.; мн. число: род. пад. ихъ, дат. имъ, твор. ими и проч. Именительный падеж ед. и мн. чисел заимствуется от другого корня: онъ, при полной форме оныи (§ 57).

По образцу местоимения и склоняется: *сей*, *сія*, *сіе* (цс. сь, си, сє): *с-его*, *с-ему*, *с-имъ*, *с-ею*, *с-ими* и проч.; *кой*, *коя*, *кое*: *ко-его*, *ко-ей* (вм. старинного *ко-ея*, ко-ѥѩ), *ко-ими*, *ко-ихъ* и проч.; *весь*, *вся*, *все*: *вс-его*, *вс-ему*, *вс-ей*, *вс-ею* и проч.; *чей*, *чья*, *чье*: *чь-его*, *чь-ей*, *чь-ихъ*, *чь-ими* и проч.; *мой*, *моя*, *мое*: *мо-его*, *мо-ей* (*мо-ея*), *мо-имъ*, *мо-ею*, *мо-и*, *мо-ихъ* и проч.; *нашъ* (вм. *нашь*), *наша*, *наше*: *наш-его*, *наш-ей* (*наш-ея*), *наш-имъ*, *наш-и*, *наш-ихъ* и проч. Или с твердым *о* вм. мягкого *е*: цс. тъ, наше *тотъ* (с наращенным окончанием *-тъ*, § 57), *та*, *то*: *т-ою*, *т-ому*, *т-ой*, *т-ого*; *этотъ* (также с наращением *-тъ*): *эт-ого*, *эт-ому* и проч.; *одинъ*: *одн-ого*, *одн-ому*, *одн-ой*, *одн-имъ* и проч. Местоимения, склоняющиеся в полной и краткой форме, принимают склонение имен прилагательных (§ 99); напр., *иной*, цс. иныи, и *инъ*: род. *инаго*, цс. инааго, и *ина*; *оный*, *оная*, *оное*: *онаго*, *оному*; *который*, *котораго*, цс. котораго и проч.

Примеч. 1. В других слав. наречиях следует заметить: вм. *тотъ*, *та*, *то* и проч., в сербск. *тай*, *та*, *то*; мн. ч. *ти*, *те*, *та*; в чешск. и польск. *тен*, *та*, *то*; мн. ч. в чешск. *ти*, *ты*, *та*, в польск. *ци*, *те*. Вм. *сей*, в чешск. *сен*, *ся*, *се*, мн. ч. *си*, *се*, *ся*.

В практическом отношении о склонении некоторых местоимений должно заметить следующее:

1. Местоимения: *тотъ* и *весь,* в твор. падеже ед. числа муж. и ср. родов и во всех падежах мн. числа имеют *ѣ: тѣмъ, всѣмъ, тѣ, всѣ, тѣхъ, всѣхъ* и проч.

Примеч. 2. Тому же закону следует церковнославянский язык, за исключением имен. пад. мн. числа: муж. ти, вси, жен. ты, вьсѧ; ср. та, вьсѧ.

2. Местоимение *этотъ* в тех же падежах имеет *и,* а не *ѣ:* напр., *этимъ, эти, этихъ* и проч.

Примеч. 3. Некоторые пишут: *этѣ, этѣхъ* и проч., сближая правописание этого слова с местоимением *тотъ.*

3. Окончание род. падежа муж. и ср. родов ед. числа местоимений *-ого* (в отличие от того же падежа прилагательных полных на *-аго*) удерживается в словах: *кого, того, этого, какого, такого, одного;* в отличие от прочих местоимений, принявших окончание род. падежа прилагательных полных; напр., *онаго, инаго, другаго, котораго* и проч. Местоимение *самъ* имеет род. падеж *самого,* а *самый — самаго.* В обл. языке от *самъ* род. пад. ед. ч. муж. р. *сама* (как от *добръ — добра*); напр., в олон. дух. стих. „выпалъ жребій на *сама* царя“, Кал., I, 508.

4. *Онъ* и *одинъ* в имен. падеже мн. числа для муж. и ср. родов имеют: *они, одни,* а для жен. рода: *онѣ, однѣ.* Последнее речение удерживает *ѣ* во всех падежах мн. числа жен. рода; напр., *однѣхъ, однѣмъ* и проч., в отличие от падежей муж. и ср. родов: *однихъ, однимъ* и проч.

5. Звук *н* приставляется для благозвучия к косвенным падежам местоимения *онъ,* когда оно зависит от предлога: *къ нему, отъ него, отъ нея, отъ нихъ.* Если же предлог, стоящий перед этим местоимением, не управляет им, то *н* не приставляется; напр., „отъ *его* брата“, „отъ *ея* брата“. В народном языке это местоимение употребляется с предлогами и без благозвучного *н;* напр., у Кирши Дан. „а и буйны вѣтры не вихнутъ на *ее*“, 78; в олон. былин. „съ *ей*“, Рыбн., II, 271.

Примеч. 4. В сербск. иначе и не ходит это местоимение, как с приставкою *н;* напр., ед. Р. *нега, не,* Д. *нему, нёй,* В. *ню* (жен. р.), Т. *ним, нём* (жен. р.), П. *нему (нем), нёй;* мн. Р. *них,* Д. *нима,* В. *не, них,* Т. *нима,* П. *нима.*

6. В разговорном языке вин. пад. жен. рода., вм. *всю, одну, ту, саму,* употребляется *всее, одное, тое, самое;* напр., в песн. „*всее* правду скажу тебѣ, всю истину“, Чулк., 1, № 131; „кого подстерегли? | *тое*-жъ Лису злодѣйку“, Крыл., 187; „душа углубляется въ *самое* себя“, Карамз., III, 536; у Жук. „*самое* Гурдаферидъ“ вм. *саму,* VI, 46.

Примеч. 5. В древнерусск. языке склонение местоимений подверглось значительным изменениям против церковнославянского. Так, напр., род. пад. ед. ч. жен. рода: *твоее, сее, другое,* Лавр. сп. лет., 92, 93; *еѣ* и *еи* вм. *ея,* новг. юрид. акт. XIV—XV в.; там же предл. пад. ед. ч. жен. р. „на *тое* земли“; *ею* вм. *ее,* цс. ѭ: „Татьяну Агіеву дочь, что понялъ *ею* за себя“, Юрид. акт. под 1628 г.; вм. ѧ (т. е. *ихъ,* вин. пад. муж. р.) употребляется и *я* и *ѣ,* а также *ня, нѣ,* с благозвучным *н*: „разгнѣвайся на *нѣ*“, „хотяше на *ня* ити“, Ипат. сп. лет., 15. В новг. акт. XIV—XV в., согласно местному наречию, употребляются: *тимъ, чимъ, ти, тихъ,* вм. *тѣмъ, чѣмъ, тѣ, тѣхъ* и др. Местоимение *сей* видоизменяется следующим образом: имен. и вин. пад. ед. ч. муж. рода или наращенно: *сесь* (и в вин. пад.): в Юрид. акт. „*сесь* списокъ“, 1510 г.; „за *сесь* годъ“, 1571 г.; „по *сесь* годъ“, 1613 г.; или с изменением и сокращением гласных: в Юрид. акт. конца XV в. не только „*сей* судъ“ и „*сій* судъ“, но „*си* судъ“, и даже, под 1510 г., „*сіѣ*′ судъ“. Соответственно сокращенному ср. рода *се,* и жен. р. ед. ч. *си* и *ся,* вм. *сія;* напр., в Смол. гр. 1284 г. си же грамота псана вⷭъ; в Сл. о полку Игор. „*си* ночь“ (вин. пад. ед. ч.); в Юрид. акт. „*ся* грамота“, 1505—1511; „*ся* запись“, 1509; вин. пад. *сю* вм. *сію:* „грамоту писалъ язъ князь Иванъ своею рукою *сю* разводную“, 1462 г.; в Шуйск. акт. „а прочетъ *сю* нашу грамоту“, 1653 г.; что́ и доселе сохранилось в выражении „по *сю* пору“.

Примеч. 6. В украинск. особенно богато развились склонения указательных местоимений. От корня *т,* не только *той, та, то* (соответственно цс-му *тъ, та, то*), Р. *того, тои* и проч., во мн. *ты,* Р. *тыхъ,* Д. *тымъ,* Т. *тыми;* но и *тотъ* (удвоенное, как и в великорусск.), удерживающее удвоение во всех падежах всех родов: И. *тотъ, тота, тото,* Д. *тоту,* Т. *тотымъ,* мн. И. *тоты.* От корня *с,* не только *сей, ся, се,* Р. *сего* и проч., мн. И. *си,* но и удвоенно: *сесь, сеся, сесе,* и в косвенных падежах: Т. *сесимъ, сесею,* мн. И. *сесы,* Р. *сесыхъ* и проч. Сверх того, при кратких *та, то, ся, се,* употребляются полные: *тая, тое, сяя, сее.* В великорусск. по областным наречиям также разнообразны склонения местоимений: олон. *ю* — ее (Рыбн. I, 41; II, 282); новг., арх., олон. *оны* — они (Рыбн., II, 312); олон. *има* — ими: „подъ *нима*“ — под ними (Рыбн., I, 263); сиб. *имя́* — ими. В новг. наречии по разным местам: *той, тая, тое;* В. в жен. р. *тую* (Рыбн., I, 209); мн. *тыи, тыихъ, тыимъ* (олон., пск., тверск.), *тѣи* и *тѣѣ* — те (тверск.), а также *ты, тыхъ, тымъ* — тех, тем (арх., пермск., олон., Рыбн., II, 80, 284); в курск. *тые* — то, это. Слич. в юрид. акт. новг. XIV в. „въ *тыи* села“ — „въ *тыи* земли“. У Ломон. „орлы на *тое* не взираютъ“, Ода 2. — Вм. *эта, эти, этимъ* и проч., в костр., олон. употребляются полные формы: *этая, этые, этыимъ* (Рыбн., II, 262; I, 285).

Примеч. 7. Усеченные *котора* и *которо* в древнем и народном языке весьма употребительны, а в муж. роде *которъ* не удержалось в употреблении.

Примеч. 8. *Экой* в род. пад. ед. ч. имеет *экова*: „*экова* питуха у насъ не было“, Песн. Чулк., 1, № 162. Вместо *моего, твоего* и др., в разговорном языке употребляются *мово, твово* и др.; напр., „Сисой бѣлья *мово* и платья надзиратель“, Расск., 45. В олон. былин. *моима, своима* — моими, своими (Рыбн., I, 248, 292).

Прибавление к § 93-му

Здесь предлагается цс. склонение местоимений: и, ꙗ, ѥ (и-жє, ꙗ-жє, ѥ-жє) и тъ, та, то.

Ед. число.

	Муж.		Жен.		Ср.	
И.	и (и-жє)	тъ	ꙗ(ꙗ-жє)	та	ѥ(ѥ-жє)	то
Р.	ѥго	того	ѥѩ	тоѩ	ѥго	того
Д.	ѥмоу	томоу	ѥи	тои	ѥмоу	томоу
В.	и	тъ	ѭ	тѫ	ѥ	то
Т.	имь	тѣмь	ѥѭ	тоѭ	имь	тѣмь
М.	ѥмь	томь	ѥи	тои	ѥмь	томь

Дв. число.

И. В.	ꙗ(ꙗ-жє)	та	и(и-жє)	тѣ	и(и-жє)	тѣ
Р. М.	ѥю	тою	ѥю	тою	ѥю	тою
Д. Т.	има	тѣма	има	тѣма	има	тѣма

Мн. число.

И.	и(и-жє)	ти	ѩ(ѩ-жє)	ты	ꙗ(ꙗ-жє)	та
Р.	ихъ	тѣхъ	ихъ	тѣхъ	ихъ	тѣхъ
Д.	имъ	тѣмъ	имъ	тѣмъ	имъ	тѣмъ
В.	ѩ	ты	ѩ	ты	ꙗ	та
Т.	ими	тѣми	ими	тѣми	ими	тѣми
М.	ихъ	тѣхъ	ихъ	тѣхъ	ихъ	тѣхъ

2. Склонение существительных

§ 94. Имена существительные в ныне употребительном русском языке делятся на два склонения, за исключением весьма немногих, соединяющих в себе признаки обоих склонений и потому именующихся разносклоняемыми.

Деление существительных на склонения в русск. и цс. языках основывается на признаках косвенных падежей, и именно: родительного, дательного и творительного ед. числа. Имена 1-го склонения в русск. языке оканчиваются в род. падеже на *-а* или *-я,* в дат. на *-у* или *-ю,* в твор. на *-омъ* или *-емъ;* напр., *берегъ, облако, звѣрь, открытіе.* Имена 2-го склонения оканчиваются в род. падеже на *-ы* или *-и,* в дат. на *-ѣ* или *-и,* в твор. на *-ою* или *-ею* и *-ію (-ью);* напр., *вода, земля, тварь.* В древн. цс. имена 1-го склонения имеют в сказанных падежах те же окончания; напр., сын-ъ, сын-а, сын-ъмь (вм. *-омъ*); что же касается до имен 2-го склонения, то одни, именно на *-а,* после нешипящих согласных, и на

-*ь,* жен. р., склоняются сходно с русскими; напр., вод-а, вод-ы, вод-оѭ (вм. *-ою*), кост-ь, кост-и, кост-иѭ (вм. *-ію* или *-ью*), все же прочие, а именно на -а, после шипящих и после *ц* и *жд,* и некоторые после *з,* на -ꙗ после гласных и после плавных *л, р, н* и на -и, отличаются тем, что в род. пад. ед. ч. (а также и в имен., вин. и зват. мн. ч.) имеют окончание носовое на -ѧ или -ꙗ (вм. *-и* или *-ы*); напр., притъча, дѣвица, одежда, польза, братиꙗ, землꙗ, вечерꙗ, кониꙗ, сѫдии, милостыни * — в род. пад. ед. ч. (и в имен., вин. и зват. мн. ч.) притъчѧ, дѣвицѧ, одеждѧ, пользѧ, братиѩ, землѩ, вечерѩ, конѩ, сѫдиѩ, милостынѩ; в дат. пад. ед. ч. на -и, в твор. на -еѭ; напр., притъчи, притъчеѭ. Имена разносклоняемые изменяют свои окончания частью по 1-му, частью по 2-му склонению; напр., *путь, время, имя* и др.; в род. и дат. падежах склоняются по 2-му склонению: *пут-и, времен-и, имен-и;* в творительном по 1-му: *пут-емъ, времен-емъ, имен-емъ;* в цс. пѫти, врѣмене, пѫтьмь, врѣменьмь.

Существительные разносклоняемые сохранили в своих изменениях следы древнейших склонений.

Примеч. 1. По древнейшим памятникам церковнослав. письменности XI в., слово дьнь (день) в твор. пад. ед. ч. склоняется и по 1-му и по 2-му склонению: дьньмь и дьниѭ, напр. в Изб. Свят. 1073 г., в Толк. прор. по списку Упиря 1047 г.

Примеч. 2. Замечательную особенность, несогласную с делением склонений в русском и цс. языках, представляет наречие сербское в именах на *-а* или *-я,* которые в твор. падеже ед. ч. имеют *-ом* или *-ём,* напр. *рибом, волём* — рыбою, волею. Это окончание или неорганически перенесено от имен муж. р. на *-ъ, -ь;* или есть остаток носового звука, которым образуется твор. пад. ед. ч. в цс. рыбоѫ, волеѫ. Сверх того, в древнесербск. обыкновенно этот падеж оканчивается на *-овь* и реже на *-омь;* напр., *вѣровь, воловь* вм. *вѣрою, волею;* древнесербск. *вѣромь,* новосербск. *волём* могут быть объяснены и переходом звука *в* в *м* (§ 33).

§ 95. [30] В историческом развитии, склонения цс-их и русских существительных делятся на два отдела: 1) одни имена пользуются темою слова, оканчивающеюся на согласный звук; напр., *мать матер-, знамя знамен-, дитя дитят-,* цс. мати матер-, знамѧ знамен-, дитѧ дитѧт- и проч. (§§ 90 и 62). 2) Другие пользуются темою, оканчивающеюся на гласный звук; напр., *сынъ* (= *сыну,* § 27), *покой, книга, золото, кость, день, путь,* цс. сынъ, покой, книга, злато, кость, дьнь, пѫть и проч. Имен 1-го отдела немного, 2-го же — бесконечное множество. Этот последний отдел подразделяется на два разряда. К 1-му принадлежат имена на *-ъ, -а, -о* и на смягченную замену их: *-ь* (как бы *-јъ*), *-я* (*-ја,* -ꙗ), *-е* (-ѥ); напр., сын-ъ, вод-а, злат-о; мѫж-ь, земл-ꙗ, пол-е. К этому же

* Исправлено. В предшествующих изданиях сѫдиꙗ, милостыня. *(Ред.)*

разряду относятся и имена на *-й*, как на замену *-ь* (*-jъ*) после гласных, напр. поко-й. Ко 2-му разряду принадлежат имена жен. р. на *-и*, как древнейшие; напр., млъни-и, кънѧгын-и (§ 60), и на *-ь*, как замену звука *-и*; напр., кост-ь, двер-ь. К этому разряду относится несколько имен муж. рода, частию на *-и*, напр. сѫди-и, частию на *-ь* (вм. *-и*), каковы: *день, путь, пламень*, и некоторые другие, как в древнерусском и областном, так и в цс. языке, сблизившие свое склонение частию с склонением имен жен. рода на *-ь* (§ 61); напр., *путь*, род. пад. ед. ч. *пути* (как жен. рода, *кость кости*), в древн. цс. голѫбь, огнь, род. пад. ед. ч. голѫби, огни (вм. позднейш. голѫбѧ, огнѧ), частию с склонением существительных, имеющих тему с окончанием на согласный звук; напр., в цс. дьнь, род. дьне (как слова *сѣмя, мать* и проч., в цс. род. падеж: сѣмене, матере и проч.), русск. *дня*, а в народн. и *дни* (как *путь, пути*).

Примеч. 1. К древнейшим относятся склонения 1) имен с темою, оканчивающеюся на согласный звук, и 2) некоторые имена муж. рода на *-ь* (вм. *-и*).

I. Имена с темою, оканчивающеюся на согласный звук, объяснены в § 62. Они различаются по согласному звуку темы. А именно: 1) *н:* имѧ, им-ен: им-ен-е; 2) *т*: жрѣбѧ, жрѣб-ѧт: жрѣб-ѧт-е; 3) *с*: слово, слов-ес: слов-ес-е; 4) *р:* мати, мат-ер: мат-ер-е; 5) *в*: цръкы црък-ъв-: црък-ъв-е.

В склонении этих слов должно отличать имена жен. рода от имен рода среднего. Первые в твор. падеже ед. числа оканчиваются в церковнославянском на -иѭ, напр. матер-иѭ, а последние на -ьмь, напр. имен-ьмь (именем). В родительном же и дательном и те и другие имеют общие окончания: в род. падеже на -е: матер-е, имен-е; в дательном на -и: матер-и, имен-и. В русском языке оба эти падежа имеют только примету *-и: матер-и, имен-и*.

Для примера предлагается церковнославянское склонение: а) имен жен. рода цръкы и мати, и б) среднего рода имѧ.

а) Склонение существительных цръкы и мати.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	цръкы	црък-ъв-и	црък-ъв-и
Р.	црък-ъв-е	црък-ъв-ию	црък-ъв-ъ (црък-ъв-ии)
Д.	црък-ъв-и	црък-ъв-ама	црък-ъв-амъ
В.	црък-ъв-е	црък-ъв-и	црък-ъв-и
З.	црък-ы	црък-ъв-и	црък-ъв-и
Т.	црък-ъв-иѭ	црък-ъв-ама	црък-ъв-ами
М.	црък-ъв-и	црък-ъв-ию	црък-ъв-ахъ
И.	мати	мат-ер-и	мат-ер-и
Р.	мат-ер-е	мат-ер-ию (мат-ер-оу)	мат-ер-ии (мат-ер-ъ)
Д.	мат-ер-и	мат-ер-ьма	мат-ер-емь
В.	мат-ер-е	мат-ер-и	мат-ер-и
З.	мати	мат-ер-и	мат-ер-и
Т.	мат-ер-иѭ	мат-ер-ьма	мат-ер-ьми
М.	мат-ер-и	мат-ер-ию (мат-ер-оу)	мат-ер-ехъ

б) Склонение существительного имѧ.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	имѧ	им-ен-и	им-ен-а
Р.	им-ен-е	им-ен-оу	им-ен-ъ
Д.	им-ен-и	им-ен-ема	им-ен-емъ
В.	имѧ	им-ен-и	им-ен-а
З.	имѧ	им-ен-и	им-ен-а
Т.	им-ен-ьмь	им-ен-ема	им-ен-ы
М.	им-ен-и	им-ен-оу	им-ен-ехъ

ЗАМЕЧАНИЯ

1. Именительный (а иногда и винительный) падеж ед. числа всех означенных здесь имен есть уже сокращение первоначальной темы, оказывающейся в косвенных падежах. Напр., формы цръкы, мати, имѧ и проч. сократились из тем: цръкъв-, матер-, имен-. Рядом с сокращенными формами именительного падежа стоят и полные, удержавшие суффикс: как в церковнославянском языке; напр., корѧ, камы, ѩчьмы и кор-ен-ь, кам-ен-ь, ѩчьм-ен-ь; так и в русском: *мать, дочь, пламя* и *матерь, дочерь, пламень,* и притом не только в областном языке (*дочерь, доцерь,* вин. пад. ед. числа *дочерю,* в моск.), но в литературном, напр. у Жуковского в переводе отрывков из Илиады: „сбудется то, что давно предсказала мнѣ *матерь*“ (вм. *мать*), „его услышала *матерь*“, V, 76, 77. Впрочем, не только в украинск. отличается имен. пад. *маты* (мать) от вин. *матиръ,* но и в великорусск., по олон. наречию *дочи* имен. пад. — от *дочерь* вин.; напр., в дух. стих. „единa *дочи*“ — и „ужъ мы станемъ *дочерь* уговаривать“, Кал., I, 508. В древнерусск. *стремень* (§ 62), в украинск. и *стремя, поломя,* и *стреминь, поломинь.*

2. Сверх речений на -мѧ, каковы, напр., брѣмѧ, врѣмѧ, сѣмѧ и проч., по образцу существительного имѧ склоняются с немногими видоизменениями: 1) имена среднего рода с темами, оканчивающимися на -ѧт- (или *-ент-*) и -ес-: жрѣбѧ жрѣб-ѧт- жрѣб-ѧт-е, в украинск. *теля тел-ят-ы;* цс. дѣтѧтьмь, в твор. пад. ед. ч. теперь употребляется *дитятею;* дѣло дѣл-ес- дѣл-ес-е; коло кол-ес- кол-ес-е (откуда наше *кол-ес-о,* § 62), и 2) имена муж. р. на -ы и -ѧ, с темою, оканчивающеюся на -ен-: пламы плам-ен- плам-ен-е, камы кам-ен- кам-ен-е, корѧ кор-ен-кор-ен-е и проч.

3. Из прочих славянских наречий чешское полнее других удержало древнейшие склонения; напр., *бржиме* (брѣмѧ), *мати, циркев, курже (куря,* откуда *кур-ен-окъ):* Р. на *-е,* а Д. на *-и,* согласно цс-му: Р. *бржемене, матерже, циркве, куржете,* Д. *бржемени, матержи, циркви* *, *куржети,* В. *матержь* от *мати.* В сербск. *мати* и *кти* (вм. дъщи, *дочь*) удержали древнее склонение: Р. *матере,* но уже *ктери,* Д. *матери, ктери,* В. *матер, ктер;* в других словах, именно на *-е* вм. -ѧ, склонение сближено с именами ср. р. на *-о;* напр., *име* (имѧ), Р. *имена,* Д. *имену,* как *дѣло,* Р. *дѣла,* Д. *дѣлу.* Так же подновлено склонение и в польском; напр., *име,* Р. *именя,* Д. *именю,* как *поле, поля, полю.* — Уже в Болг. сб. 1345 г. дат. пад. ед. ч. имению, сѣмению вм. имени, сѣмени (Тих. Пам.).

---

* Исправлено. В предшествующих изданиях *церкви. (Ред.)*

4. В русском языке стремление подновлять древнейшие формы ясно сказалось в переходе означенных здесь существительных от первоначального их вида к позднейшему, согласному с составом имен, склоняемых правильно. А именно:

а) Некоторые имена, выпуская суффикс *-ес-* и *-ен-*, склоняются по общему правилу с другими существительными, как в церковнославянском; напр., от существительного тѣло, в О. ев. тѣл-ес-е тѣл-ес-и и тѣл-а тѣл-оу и проч.; так и в древнем и областном языке русском; напр., в Древн. русск. стих. „а съ того *время*" (вм. *врем-ен-и*), 236; *пламемъ* (вм. *плам-ен-емъ*), 223; „а знамя за *знамемъ* (вм. *знам-ен-емъ*) идетъ", 322; „у котораго *дитя* (вм. *дит-ят-и*) нѣтъ", 32; в областном яз., напр. в нижег. „*время́*-то были попростѣе" вм. *времена*. Такие формы в разговорной речи весьма употребительны; напр., *вымя*: *вымю, вымемъ* и проч., и потому встречаются в языке писателей; напр., у Держ.: „сынъ *время*, случая, судьбины", I, 172; „чтобъ в прошломъ *времѣ* не жилъ я", I, 9; „жницъ съ *знамемъ* идущихъ", I, 265; „когда отъ *бремя* дѣлъ случится | и мнѣ свободный часъ имѣть", I, 366; у Дмитр.: „(зрю) въ дыму и въ *пламѣ* страшну сѣчу", I, 12; „изъ *племя* жавронковъ", III, 92; у Крыл.: „повѣрь, что у него ни *время*, ни охоты | на это нѣтъ", 17; в комедии Грибоедова: „*дитей* (вм. *дитятею*) возили на поклонъ", „а! помню, ты *дитей* (вм. *дитятею*) съ нимъ часто танцовала"; у Пушкина в сказке: „это было-бъ лишь *время* (вм. *времени*) трата", IX, 229. Барсов в своей Грамматике допускает в разговорной речи употребление форм: „*время* нѣтъ", „стоитъ у *знамя*", „купить толченаго *сѣмя*" и т. п.

б) Древнейшие формы письмѧ, рамѧ (от которых и доселе удержались в употреблении *письм-ен-а, рам-ен-а, письм-ен-ъ, рам-ен-ъ* и проч.) перешли в позднейшие: *письмо, рамо;* древнейшие цръкы, любы, свекры — в позднейшие *церк-ов-ь, люб-ов-ь, свекр-ов-ь* и проч., а в просторечии даже *церква*, Р. *церквы*, Д. *церквѣ*, Т. *церквою*, П. *о церквѣ*, как в украинск. *морква* вм. *морковь*. Переходом же из неправильного склонения в правильное объясняется древнерусская форма *стремяно* вм. *стремя* (§ 62).

в) Древнейшие формы на *-я* (собственно на -ѧ, с суффиксом *-ент*), как не подходящие под общий порядок правильных существительных, русский язык стал заменять позднейшими с новым суффиксом *-окъ;* напр., *тел-ен-окъ, щен-окъ* и др. вм. *теля, щеня;* но формы мн. числа: *тел-ят-а, щен-ят-а* и проч. происходят от древнейших *теля, щеня;* как *письмена* от древнейшего письмѧ. В украинск. даже *янголята* (от *янголя*) вм. *ангелы*, Кал., IV, 34. В великорусск. обл., напр. пск., тверск., *куря* (курица) — род. пад. ед. ч. *куряти*.

г) Существительное *дитя* в своем склонении соединяет две темы: неправильную, или древнейшую: *дитя* (цс. дитѧ) для ед. числа: *дит-ят-и* (цс. дит--ѧт-е) и проч., и правильную: *дѣти*, для мн. числа, не только в русском, но и в церковнославянском.

5. В нашем правописании принято уклонение от общего правила в форме род. падежа мн. числа *сѣмянъ* (вм. *сѣменъ*); впрочем, образцовые писатели употребляют и *времянъ* вм. *временъ;* напр., Бат. (описывает) „древню Русь и нравы | Владиміра *времянъ*" (в рифму: *славянъ*), II, 144; Пушк. „достойна старыхъ обезьянъ | хваленыхъ дѣдовскихъ *времянъ*", I, 91.

II. Древнейшее склонение имен муж. рода на *-ь* подразделяется на два отдела. К одному относятся имена, сближенные, по склонению, с темами, окан-

чивающимися на согласный звук и имеющими в ед. числе род. пад. на *-е*, дат. на *-и;* напр., камень, корень, ремень, дьнь; род. пад. камен-е, корен-е, ремен-е, дьн-е; дат. пад. камен-и, дьн-и и проч. (как имѧ, имен-е, имен-и). К другому отделу относятся имена, сближенные в склонении с женскими на *-ь;* напр., пѫть: род., дат. и местн. падежи ед. числа: пѫт-и (как *дверь, двери, о двери*). В именительном падеже мн. числа существительные того и другого отдела оканчиваются на -ие: дьние (дни), пѫтие.

Для примера предлагается здесь склонение существительного пѫть.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	пѫт-ь	пѫт-и	пѫт-ие
Р.	пѫт-и	пѫт-ию	пѫт-ии
Д.	пѫт-и	пѫт-ьма	пѫт-емъ
В.	пѫт-ь	пѫт-и	пѫт-и
З.	пѫт-и	пѫт-и	пѫт-и
Т.	пѫт-ьмь	пѫт-ьма	пѫт-ьми
М.	пѫт-и	пѫт-ию	пѫт-ехъ

От этого склонения отличается склонение имен жен. рода на *-ь* только тем, что в творительном имеет -иѭ, напр. костиѭ, и в именительном мн. числа -и: кости.

Замечания об изменениях, претерпенных существительными муж. рода на *-ь* в историческом развитии:

1. В цс. языке было весьма много имен, склонявшихся по образцу речения пѫть, которые впоследствии были уже подведены под общее склонение существительных правильных. Таковы, напр., голѫбь, ꙁвѣрь, медвѣдь, огнь, тать, тьсть (тесть) и др.: в род. и дат. падеже ед. числа: голѫби, ꙁвѣри, медвѣди, огни, тати, тьсти и проч. (как *путь пути* или *кость кости*); а ныне склоняются уже по общему правилу: *голубя, звѣря, медвѣдя, огня, татя, тестя* и проч. (как *князь князя* или *мужъ мужа*). Из прочих слав. наречий древнейшее склонение удержалось преимущественно в чешск.; напр., *гость:* в род., дат., предл. пад. ед. ч. *гости.*

Сюда же относится слово господь, некогда склонявшееся так же, как речение пѫть; но уже в О. ев. оно имеет кроме древнейшего род. падежа: господи (как *путь пути*), и позднейший господа, который и ныне употребляется в согласии с остальными падежами: *господу, господомъ, о господѣ.* В сербск. пам. XIII в. помощию господи моего — онъ бо оставль ꙁаповѣдь господи и отьца своего.

2. Имена: дьнь, корень, камень и некоторые другие, в древнерусском языке, имеют род. пад. ед. числа на *-и* вместо церковнославянского *-е*: *дни, корени, камени* (согласно с именами жен. рода; напр., *кость,* род. *кости,* и с именами муж. рода, как *путь, пути,* и с именами ср. рода в русском на *-и* вм. церковнославянского *-е: имени, знамени* и проч.). Напр., в пословицах XVII в. „день ото *дни,* а къ смерти ближе“, „еловыя шишки отъ *корени* до вышки“; в Древн. русск. стих. не только *камени,* но и *каменю;* напр., *съ камени,* 45; „сверхъ того *каменю*“, 114. В Юрид. акт. встречается уже на *-я:* „отъ синего *каменя* отъ розсѣлого“, 1532. Так же *пень,* род. *пни* вм. *пня:* в Юрид. акт. „отъ осиноваго *пни*“, 1498—1505. Нынешние формы: *дня, камня, корня,* подведены уже под правильные склонения; но и доселе употребительно *дни* вм. *дня.*

3. Как в церковнославянском, так и в русском языке существительное дьнь (день) имеет двоякое окончание в род. падеже мн. числа: дьнии, т. е. *дней*, и дьнъ, т. е. *день*. Последняя форма (образовавшаяся так же, как *имя именъ*, *корень* — древний церковнославянский род. пад. корень, *сажень саженъ*) встречается уже в О. ев. и доселе весьма употребительна в разговорной речи, но устранена из нынешнего книжного языка.

4. Существительные: *степень, гортань*, из древнейшей формы муж. рода перешли в позднейшую женского рода, потому что теперь стало уже нам непонятно, каким образом эти слова, склоняющиеся по образцу имен жен. рода (род. пад. *степени*, как *кость кости*), могли быть рода мужеского.

III. В заключение о древнейших склонениях, здесь рассмотренных, должно упомянуть, что они как некоторыми флексиями, так и темами имен, оканчивающимися на согласный звук, состоят в ближайшей связи с склонением местоимений. Напр., имен. и вин. падежи: им-ѧ, ꙁнам-ѧ вм. *имен-, знамен-*, как мѧ вм. *мен-*; род. пад. дьн-е, кам-ен-е, им-ен-е, оканчивается на *е*, как м-ен-е, т-еб-е, с-еб-е; дат. пад. дьн-и, кам-ен-и, им-ен-и, как м-и, т-и, с-и. Нынешние формы: *меня, тебя, себя*, относятся к древнейшим: мене, тебе, себе, как позднейшие: *дня, камня, корня*, к первоначальным: дьне, камене, корене и проч.

О склонении всех прочих существительных должно заметить следующее:

1. Имена на *-ъ* и *-о* и на соответствующие им мягкие звуки: *-ь* (муж. рода), *-й* и *-е*, склоняются по 1-му склонению: напр., *врагъ, витязь, бой, золото, поле*. Имена на *-а* и на соответствующее ему *-я*, также на *-ь* (женского рода) склоняются по 2-му склонению; напр., *рука, земля, кость*.

В склонениях наблюдаются законы: 1) соответствия гласных твердых мягким; напр., *враг-а витяз-я, враг-у витяз-ю* и проч. (§ 26); 2) сочетания гласных с согласными; напр., *мужъ* (цс. мѫжь) *муж-а* и *муж-и* (а не *муж-ы*), *меч-ъ меч-а* и проч.; *туч-а туч-ъ* (а не *туч-ь*) и *ноч-ь ноч-и, враг-ъ враг-а* и *враг-и* (вм. *враг-ы*, цс. враꙁи) (§ 37); и 3) соответствия беглых звуков *о* и *е* церковнославянским гласным *ъ* и *ь*; напр., *сонъ сна* (цс. сънъ съна), *отецъ отца* (цс. отьцъ отьца), *мохъ мха, мхи* (цс. мъхъ мъха) и проч. (§ 26).

Примеч. 2. В историческом развитии склонений церковнославянского и русского языков должно обратить внимание: 1) на переход древнейшего окончания *-и* в позднейшее *-я*, в церковнославянских именах, оканчивающихся на -ыни, и в некоторых на -ии; напр., грьдыни, кънѧгыни, поустыни, вѣтии, мльнии, сѫдии и проч., и *гордыня, княгиня, пустыня, вѣтія* или *витія, молнія, судія* и проч. (§ 60, примеч. 3); 2) на переход древнейших имен жен. рода, оканчивающихся на *-ь*, в позднейшие формы, оканчивающиеся на *-я*; напр., *баснь, пѣснь, пустынь* и *басня, пѣсня, пустыня* и проч.

Примеч. 3. Здесь предлагаются образцы церковнославянских правильных склонений.

1-го склонения:

а) Имена на *-ъ;* напр., сынъ.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	сын-ъ	сын-а	сын-и
Р.	сын-а	сын-оу	сын-ъ
Д.	сын-оу	сын-ома	сын-омъ
В.	сын-ъ	сын-а	сын-ы
З.	сын-є	сын-а	сын-и
Т.	сын-ъмь	сын-ома	сын-ы
М.	сын-ѣ	сын-оу	сын-ѣхъ

По этому же образцу склоняются имена на *-й* и *-ь,* заменяя гласные звуки твердые мягкими. Напр.:

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	кон-ь	кон-ꙗ	кон-и
Р.	кон-ꙗ	кон-ю	кон-ь
Д.	кон-ю	кон-юма	кон-юмь
В.	кон-ь	кон-ꙗ	кон-ꙗ
З.	кон-ю	кон-ꙗ	кон-и
Т.	кон-юмь	кон-юма	кон-и
М.	кон-и	кон-ю	кон-ихъ

б) Имена на *-ь,* вместо *-ъ,* после шипящих; напр.: мѫжь

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	мѫж-ь	мѫж-а	мѫж-ню
Р.	мѫж-а	мѫж-оу	мѫж-ь
Д.	мѫж-оу	мѫж-єма	мѫж-ємъ
В.	мѫж-ь	мѫж-а	мѫж-ѧ
З.	мѫж-оу	мѫж-а	мѫж-и
Т.	мѫж-ємь	мѫж-єма	мѫж-и
М.	мѫж-и	мѫж-оу	мѫж-ихъ

Имена на *-ъ, -ь* и *-й* в некоторых падежах вставляют *-ов-* или *-ев-*; именно в Д. ед. ч., в Р. и М. дв. ч. и во всех падежах мн. ч.; напр., ед. ч. Д. сын--ов-и, кон-юв-и; дв. ч. Р. и М. сын-ов-оу, кон-юв-оу; мн. ч. И. и З. сын-ов-є, кон-юв-є, Р. сын-ов-ъ, кон-юв-ъ, Д. сын-ов-омъ, кон-юв-омъ, В. и Т. сын-ов-ы, кон-юв-ы, М. сын-ов-ѣхъ, кон-юв-ѣхъ.

в) Имена на *-о* и *-е*; напр., мѣсто, поле.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	мѣст-о	мѣст-ѣ	мѣст-а
Р.	мѣст-а	мѣст-оу	мѣст-ъ
Д.	мѣст-оу	мѣст-ома	мѣст-омъ
В.	мѣст-о	мѣст-ѣ	мѣст-а
З.	мѣст-о	мѣст-ѣ	мѣст-а
Т.	мѣст-ъмь	мѣст-ома	мѣст-ы
М.	мѣст-ѣ	мѣст-оу	мѣст-ѣхъ

По этому же образцу склоняются имена на *-е* (напр., поле), заменяя гласные звуки твердые мягкими.

2-го склонения:

а) Имена на *-а;* напр., рыба.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	рыб-а	рыб-ѣ	рыб-ы
Р.	рыб-ы	рыб-оу	рыб-ъ
Д.	рыб-ѣ	рыб-ама	рыб-амъ
В.	рыб-ѫ	рыб-ѣ	рыб-ы
З.	рыб-о	рыб-ѣ	рыб-ы
Т.	рыб-оѭ	рыб-ама	рыб-ами
М.	рыб-ѣ	рыб-оу	рыб-ахъ

б) Имена на *-я* и *-а* после шипящих, некоторых плавных и др.; напр., доуша.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	доуш-а	доуш-и	доуш-ѧ
Р.	доуш-ѧ	доуш-оу	доуш-ь
Д.	доуш-и	доуш-ама	доуш-амъ
В.	доуш-ѫ	доуш-и	доуш-ѧ
З.	доуш-е	доуш-и	доуш-ѧ
Т.	доуш-еѭ	доуш-ама	доуш-ами
М.	доуш-и	доуш-оу	доуш-ахъ

По этому же образцу склоняются имена на -ца, -лѧ и некоторые на -ѕа, напр. польѕа; а также древнейшие на -ыни и -ии; напр., поустыни, сѫдии, а равно и позднейшие формы этих слов на *-я*; напр., поустынѧ, сѫдиѧ.

в) Имена женского рода на *-ь;* напр., кость.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	кост-ь	кост-и	кост-и
Р.	кост-и	кост-ию	кост-ии
Д.	кост-и	кост-ьма	кост-емъ
В.	кост-ь	кост-и	кост-и
З.	кост-и	кост-и	кост-и
Т.	кост-иѭ	кост-ьма	кост-ьми
М.	кост-и	кост-ию	кост-ехъ

§ 96. При сравнении склонений цс. с русскими должно обратить внимание на то, в чем они между собою сходствуют и чем различаются.

I. Кроме сходства многих цс. падежей с русскими, которое очевидно само собою, должно заметить следующее:

1. В ед. числе только имена на *-а* и *-я* (и цс. -и) имеют особенное окончание для винительного падежа; напр., рыбѫ *(рыбу),* сѫдиѭ *(судью).*

2. Винительный падеж имен среднего рода, как в ед., так и во мн. числе, сходен с именительным.

Русский язык под этот закон подвел все имена неодушевленных предметов, как муж. рода и жен. на *-ь* (в обоих числах), так и женского на *-а* и *-я* (во мн. числе); напр., *домъ, кость, книги, кости,*—отличив сходством вин. падежа с родительным имена одушевленных предметов муж. рода (в обоих числах) и женского (во мн. числе); напр., *сына, вдовъ, дочерей* и проч.

3. Имена существительные муж. рода на *-ъ* (и *-ь*) в родительном и местном (или предложном) падежах имеют двоякое окончание: род. падеж, кроме *-а* или *-я,* и на *-у* или *-ю;* местный (или предложный), кроме *-ѣ,* также на *-у* или *-ю*. Напр., в цс. род. падеж: дома и домоу, мира и мироу; местный домѣ и домоу, сынѣ и сыноу; в русском: род. падеж: *дома, лѣса* и *изъ дому, изъ лѣсу;* предложный: *о домѣ, о лѣсѣ* и *въ дому, въ лѣсу* и проч.; род. количества: *фунтъ сахару, чаю* и проч.

Примеч. 1. Родительный и предложный падежи на *-у* или *-ю* принимают существительные, употребляющиеся в смысле наречия, с предлогом, на вопросы: *откуда* или *гдѣ?* Напр., *изъ лѣсу, въ лѣсу*. Впрочем, местный падеж на вопрос *гдѣ?* употребляется и на *-ѣ* вм. *-у* или *-ю;* напр., в послов. XVII в. „Данила *въ ровѣ* (вм. *во рву*) убоялися лвове“, „боленъ зубъ у себя *во рте*“ (т. е. *во ртѣ* вм. *во рту*); у Жук. „разливался *въ лѣсѣ* шопотъ“, II, 21. Потому Барсов в своей Граммат. полагает равно употребительными: *во лбу* и *во лбѣ, въ роту, во рту* и *вó ртѣ, въ хмѣлю* и *въ хмѣлѣ;* но иностранные слова полагает только на *-ѣ;* напр., *на караулѣ, на базарѣ, на пикетѣ, на кипарисѣ*. Некоторые слова тому и другому окончанию дают разное значение, напр. *въ виду* (напр., происходила битва *въ виду* чего- или кого-нибудь) и *въ видѣ*, т. е. в образе (напр., „лѣкарство *въ видѣ* питья“).—Слово *домъ* Барсов полагает в род. только на *-у: дому,* в отличие от наречия: *дома;* слич. напр., у Карамз. „я искалъ нашего бывшаго *дому*“, III, 119. Ломоносов в своей Граммат. об этих формах говорит следующее: „происшедшие от глаголов употребительнее имеют в род. пад. *у*, и тем больше оное принимают, чем далее от славянского отходят; а славянские, в разговоре мало употребляемые, лучше удерживают *а: размахъ размаху* и проч.“, § 167. „Сие различие древности слов и важности знаменуемых вещей весьма чувствительно и показывает себя нередко в одном имени. Ибо мы говорим: *св. духа, ангельскаго гласа,* а не *св. духу, ангельскаго гласу*. Напротив того, свойственнее говорится: *розоваго духу, птичья голосу,* нежели: *розоваго духа, птичья голоса*“, § 168.

4. Слово *Христосъ,* как в русском, так и в церковнославянском, откидывает окончание *-осъ* в косвенных падежах: *Хрцст-а, Христ-у* и проч.

Примеч. 2. В древнейших цс-х и русских памятниках это слово склонялось без выпуска окончания *-ос*. Напр., христ-ос-а, христ-ос-оу; так же склонялось в древнейших памятниках и слово *псаломъ,* с греч. окончанием *-осъ;*

ї҆маши ѱальмосы (вм. *псалмы*), Изб. Свят. 1073 г. С другой стороны, окончания косвенных падежей *Христа, Христу,* за выпуском *-ос-,* соответствуют и имен. падежу без *-ос-*. То же в древнейших памятниках, имен. пад. *Хрьстъ,* вм. *Христосъ,* в Супр. рук., в Изб. Свят. 1073 г.

II. Важнейшие приметы, которыми отличаются церковнославянские склонения от общеупотребительных русских, суть следующие:

1. Правильнейшее употребление звуков, как гласных, так и согласных, что́ особенно явствует: а) в употреблении носовых звуков (§ 28); напр., доуша: доушѧ доушѫ; мѫжь мѫжа; кость костиѭ; и б) в смягчении гортанных (§ 37); напр., богъ, отрокъ, грѣхъ: имен. мн. бози, отроци, грѣси; вин. мн. богы, отрокы, грѣхы; зват. ед. боже, помощьниче, женише (от слов помощьникъ, женихъ); нога, рѫка, снъха (сноха): нозѣ, рѫцѣ, снъсѣ (в дат. и местн. ед. числа и в имен., вин. и зват. двойственного числа) и проч. Впрочем, в украинск. сохранились в дат. и предл. пад. ед. ч. *нози, руци, сноси,* в зват. пад. ед. ч. *враже, человиче, ляше.*

2. Вставка слога -ов- или -ев- в косвенных падежах имен муж. рода сохранилась у нас: а) в род. мн. числа: *дом-ов-ъ, ум-ов-ъ, отц-ев-ъ* и проч.; б) вообще в склонении мн. числа некоторых имен, каковы: *хозяинъ, сынъ, кумъ, зять:* имен. падеж: *хозя-ев-а, сын-ов-ья, кум-ов-ья, зят-ев-ья;* род. пад. *хозя-ев-ъ, сын-ов-ей, кум-ов-ей, зят-ев-ей;* дат. пад. *хозя-ев-амъ, сын-ов-ьямъ* и проч. Что же касается до украинск. наречия, то в нем имена на *-ъ* и *-ь* преимущественно одушевленных предметов удержали *-ов-* или *-ев-* и в дат. пад. ед. ч.; напр., *конь: кон-ю* и *кон-ев-и* или *кон-ёв-и.*

3. Окончания некоторых падежей в отдельности. Здесь следует заметить такие особенности церковнославянского языка, которые и доселе сохранились в нашем языке, как остаток общеславянской старины. А именно:

а) Винительный падеж ед. числа имен муж. рода, означающих предметы, как неодушевленные, так и одушевленные, в церковнославянском языке сходен с именительным; напр., *домъ, сынъ;* в русском же винительный имен одушевленных сходен с родительным; напр., *сына.* Но в смысле наречия, с предлогом, до сих пор употребляется у нас вин. падеж ед. числа имен одушевленных предметов, сходный с именительным. Напр., *за́ мужъ* (вм. *за мужа*), в смысле: „идти замуж“ или „выдавать замуж“.

Примеч. 3. В древнерусском языке такой винительный падеж был весьма употребителен. Напр., в языке летописей: „да пойди *за князь* нашъ *за Малъ*“, Лавр. лет. (т. е. замуж за князя Мала). С другой стороны, и церковнославянский язык, согласно с русским, иногда употребляет вин. падеж имен одушевленных предметов, сходный с родительным; напр., *сына, Христа* и проч.

Равным образом во мн. числе винительный падеж имен одушевленных предметов сходствует у нас с именительным, в некоторых словах, употребляемых в смысле наречий, с предлогом *въ*. Напр., *въ офицеры, въ солдаты, въ студенты, въ дьяконы, въ столоначальники* (т. е. произвести, разжаловать, принять) и проч.; так же: „играть *въ дураки*", „выйти *въ люди*" и т. п.

Примеч. 4. Такое употребление винительного падежа в древнерусском языке весьма обыкновенно; напр., в Древн. русск. стих. „на мног*и* | княз*и*, бояр*а* | и на русск*іе* могуч*іе* богатыр*и* | и гост*и* богат*ые*", 54 (т. е. был у Владимира пир). „А пиръ идетъ про князей, про бояръ, | про вельмож*и* и гост*и* богат*ые*", 327. В последнем примере постановлены рядом оба винительные падежа, и ныне употребительный, и древний.

Примеч. 5. Имена собирательные язык относит к одному разряду с неодушевленными. Потому винительный падеж собирательных, напр. *народы, войска,* и некоторых имен ср. р., употребляемых в смысле предметов одушевленных, напр. *лица* и проч., сходен с именительным. Винительный падеж имен, оканчивающихся на суффикс *-тель,* означающий лицо действующее, бывает сходен с родительным, хотя бы само имя и не означало предмета одушевленного. Напр., „помножить знаменателя на числителя".

б) В церковнославянском языке, по общему правилу, имена муж. рода на -ъ и -ь оканчиваются в имен. падеже мн. числа: или 1) на -и, напр. отьци, сыни, бози, мѫжи; или 2) на -є, и притом с следующим различием: а) Имена на -инъ, отбрасывающие этот местоименный суффикс (§ 58); напр., римлѧн-инъ римлѧн-є, граждан-инъ граждан-є, род. падеж римлѧн-ъ, граждан-ъ и проч. b) Имена, принимающие вышеупомянутый суффикс -ов- или -єв-, напр., сын-ов-є, льв-ов-є, дом-ов-є. с) Имена на *-ь,* принимающие перед є звук и: дьнь дьн-и-ѥ (дни); звѣрь звѣр-и-ѥ, рыбарь рыбар-и-ѥ, тать тат-и-ѥ, мѫжь мѫж-и-ѥ и проч. Сюда же относится люд-и-ѥ (при единственном людъ).

Русский язык сходится с цс. в употреблении имен. падежа мн. числа имен муж. рода на *-и* (и *-ы*), а также и на *-е,* за отнятием суффикса *-инъ* (напр., *друг-и, отц-ы; христіан-инъ, христіан-е*); в двух же последних случаях, вместо цс. є, употребляет *а* или *я;* и притом в ограниченном количестве существительных. Напр., *хозя-ев-а, брат-ь-я, друз-ь-я, княз-ь-я, муж-ь-я, сын-ов-ь-я, кум-ов-ь-я;* род. *хозяев-ъ, братьев-ъ, друзе-й, князе-й, сынове-й, кумове-й, мужьев-ъ* и *муже-й;* дат. *брать-ямъ, мужь-ямъ* и проч. Так же склоняются: *дяд-ья дядьев-ъ, холоп-ья холоп-ямъ холоп-ями* и проч., при простых формах: *дяди, холопы.* В областном языке, напр. в тверск. сказк., *варьё* вм. *воры,* Афанас., VI, 79.

В книжной речи и в переносном значении употребляются формы: *мужи, сыны* вм. *мужья, сыновья.*

На *-а,* вм. *-е,* оканчиваются в имен. падеже мн. числа и некоторые имена, имеющие в ед. числе суффикс *-инъ;* напр., *бояр-инъ*

бояре и *бояра; бар-инъ бара, господ-инъ господа, татар-инъ татара.* Форма *цыгане* вм. *цыганы* ошибочна; потому что ед. число *цыганъ* не оканчивается на *-инъ.*

Примеч. 6. К вышесказанному должно присовокупить следующее о некоторых особенностях в русском языке, как в древнем и народном, так и у позднейших писателей: 1) вместо дьнию (дни), в древнерусск. употреблялось *денье:* „сташа *денье* зли, мразъ, вьялица“, Новг. лет. XIV в.; ꙁвѣрию, дроуꙁи, в народн. языке: *звѣрья, дружья* (= друзья): в Дух. стих. „кабы *звѣрья* его растерзали“, „ни *дружья* и ни братья“, 8; 65; 13, 119. — 2) Имен. пад. мн. ч. *друговя* вм. *друзья,* в Повести о Горе-Злочастии (см. Хр.); в олон. былин. *мужевья, луговья, даровья,* вм. *мужья, лугá, дары,* Рыбн., I, 57, 216, 341; в песнях *лузья* вм. *луга;* в орл. дух. стих. *дидовья, жидовье, жидья,* вм. *дѣды, жиды,* Кал., IV, 241; вм. *татара,* в Книге Больш. черт. *таровя* и *татарове,* у Кирши Дан. *татарове* и *татаровья,* в олон. былин. *татаровья,* Рыбн., I, 181; *холопья:* „*холопья,* ими навезенные“, Пушк., V, 53; род. пад. *дядевей* и *дядь, шурей, татаровей, зятевей, зятей, сватовей, кумовей:* „до *дядевей*“ (до дядей), Юрид. акт. под 1646 г.; „своихъ *дядь*“, Юрид. акт. под 1508 г.; „отъ братьевъ ево и отъ *шурей*“, Шуйск. акт. под 1657 г.; в олон. былин. „тридцать *татаровей*“, Рыбн., I, 405; в песнях: „девять *зятевей*“, „семь *сватовей*“; в послов. „у нашихъ *зятей* много затей“, Даль, 420; „(сзываетъ) сосѣдей всѣхъ и *кумовей*“, Крыл., 85; дат. пад. *хозяямъ* (вм. *хозяевамъ*): „*хозяямъ* кладъ былъ гость такой“, Дмитр., III, 97; „честь *хозяямъ* отдала“, Пушк., IV, 98; предл. пад. *во лузьяхъ,* в песнях, и т. д. — 3) *Хрестіяня, крестьяня, дворяня,* в Юрид. акт. под 1534, 1617 и 1513 гг. — 4) Суффикс *-ин-* иногда удерживается и во мн. числе; напр., *бояр-ин-овъ; татар-ин-овъ* (вм. *бояръ, татаръ*): в Мам. побоище: „сорока *бояриновъ* московскихъ“; в песн. „кабы триста *татариновъ* | да полтораста *бояриновъ*“, в Извест. Акад. наук; в послов. „у всякаго крестьянина по семи *бариновъ*“, Даль, Слов. От собирательного *русь* — *русинъ,* мн. ч. позднейшее и ненародное — *русины* вм. *русскіе.* — 5) В летописях, имена племен: *полянинъ,* во мн. имен. пад. *поляне,* род. *полянъ* и т. д., а также дат. *полямъ,* твор. *полями,* местн. *поляхъ; древлянинъ,* во мн. ч. имен. *древляне,* род. *древлянъ* и т. д., а также имен. *древля,* твор. *древлями,* местн. *древяхъ* и *древѣхъ.* В именах народов: в Лавр. сп. лет. *обрѣ* (вм. *обре*) при ед. ч. *обр-инъ; печенѣз-инъ* при мн. *печенѣз-и;* форма ѫгр-инъ (в Жит. Бор. и Гл. XIV в. оугр-инъ) имеет во мн. ч. ѫгр-е, но обыкновенно употребляется ѫгр-ы; *половчан-инъ* при мн. *половц-и; литв-инъ* для мн. ч. имеет собир. форму *литва,* как *чуд-инъ* — *чудь,* или как *рус-инъ* — *русь.* В Смол. гр. 1229 г. роусинъ при собир. роусь; *латининъ* и *латинъ* (не ꙁвати латина), откуда во мн. должно быть *латине* и *латины; рижане* (рижаньмъ — рижанам). В Полоцк. гр. около 1300 г. *рижанинъ, полочанинъ;* во мн. *полочане* (в твор. п. с полочаны). В Жит. Бор. и Гл. XIV в. и в древн. лет. кыꙗны вм. *кіевляне.* При мн. числе *москвитяне, тверитяне, псковитяне,* Барсов в своей Граммат. полагает ед. ч. *москвйтинъ* (вм. *москвитянинъ*), *тверитинъ, псковитинъ,* а при ед. числе: *литвинъ, мордвинъ, челядинъ,* вм. множественного, собирательные: *литва, мордва, челядь.* — 6) Вм. *булгаринъ* или *болгаринъ* (во мн. *булгаре* или *болгаре*), Пушк. употребляет *булгаръ* (след., во мн. *булгары*): „Кирджали былъ родомъ *булгаръ*“, VII, 247; а также *мусульманъ* (мн. *мусульманы*) вм. *мусульманинъ* (мн. *му-*

сульмане): „какъ *мусульманъ* въ своемъ раю“, I, 245. — 7) *Нѣмч-инъ* иногда употребляется и во мн. числе с удержанием суф. *-ин-;* напр., у Дмитр. „прописывалъ рецептъ хирургусъ изъ *нѣмч-инъ*“, II, 141 (как бы при имен. пад. мн. ч. *нѣмч-ин-ы*). — 8) Иногда встречается род. пад. мн. ч. *славяновъ* вм. *славянъ;* напр., у Дмитр. „гдѣ ты, *славяновъ* храбрыхъ сила!“, I, 10. — 9) С суф. *-инъ,* слово *воинъ* в общем употреблении удержало во мн. ч. этот знак ед. числа: *воины* вм. древн. *вое* или *вои,* которое, впрочем, встречается еще и у позднейших писателей; напр., у Бат. „и томный сонъ отягощаетъ | лежащихъ *воевъ* средь полей“, II, 188; „тамъ шлемы *воевъ* оперены“, II, 245.

в) Цс. род. падеж мн. числа имен мужеского рода, подобный именительному на *-ъ,* напр. сынъ (вм. *сыновъ* или *сыновей*), сохранился у нас в немногих словах, каковы, напр., *глазъ, человѣкъ* и проч., но в книжном витиеватом слоге был весьма употребителен; напр., „къ защитницѣ своихъ *предѣлъ*“, Ломон., Ода 3; „къ чему сихъ *ароматъ* и мирры сладкій дымъ“, Бат., II, 9.

Примеч. 7. По общепринятым грамматикам, в нынешнем книжном языке, имена эти суть следующие: *алтынъ, аршинъ, глазъ, гренадеръ, драгунъ, кадетъ, пудъ, разъ, рекрутъ, сапогъ, солдатъ, турокъ, человѣкъ* (с словами, означающими количество; напр., „пять паръ *чулокъ*“), и с перестановкою ударения *волóсъ* (при имен. ед. числа *вóлосъ*). Впрочем, в древнерусском и нынешнем разговорном употребляются с этим окончанием и некоторые другие имена; напр., *рогъ* (вм. *роговъ*), в пословице XVII в. „бодливой коровѣ богъ *рогъ* не даетъ“; *зубъ* (вм. *зубовъ*), напр. у Кант. „старикъ безъ *зубъ*“, Сат. 5; у Жук. „отъ *зубъ* | его ужъ не было спасенья“, VI, 255; у Пушк. „но Пегасъ | старъ, *зубъ* ужъ нѣтъ“, II, 335; у Крыл. „*зубъ* не разжималъ“, 173; *кирасиръ*: „за отрядомъ *кирасиръ* ѣхали сани“, Пушк., V, 149. И наоборот, в народном языке употребляется *глазовъ* вм. *глазъ;* напр., в послов. XVII в. „Азовъ не о стѣ *глазовъ*, а Крымъ не кривъ“.

г) Цс. твор. падеж мн. числа имен муж. и ср. родов на -ы и -и; напр., сыны, краи, мѣсты (вм. *сынами, краями, мѣстами*), употребляется в древнерусском и нынешнем областном языке.

Примеч. 8. Напр., в пословицах XVII в. „гнѣвливъ съ *горшки* не ѣздитъ“, „*глазы* пива не выпить“, „бабка съ *мотовилы,* а внука съ *бѣлилы*“, „мухи съ *обухи,* клопы съ *ослопы,* коморы съ *топоры,* тороканы *зсанапалы* (вм. *самопалы*), сверчки съ *лучки*“. В Древн. русск стих. „съ тѣми *князи* и *бояры*“, 26; „и тѣми черепанами, гнилыми *горшки*“, 274. Это древнее окончание твор. падежа употреблялось у нас даже и в именах жен. рода; напр., в Древн. русск. стих. „со своими *няньки,* мамками“, 368.

Твор. на *-ы* допускается и в новейшем народном языке; напр., у Пушкина: „съ дубовыми тесовыми *вороты*“, IV, 130. Сюда же принадлежит выражение „съ *товарищи*“ вм. „съ *товарищами*“.

д) Цс. твор. падеж мн. числа на -ьми (напр., костьми) сохранился у нас в некоторых именах, каковы, напр., *дверьми, людьми, дѣтьми, дочерьми, костьми, рѣчьми* и проч. Разговорный язык

допускает и продолженные формы: *дверями, людями, костями, рѣчами* и проч.

Примеч. 9. В пословице XVII в. „косъ *очми,* кривъ *рѣчми*". В нынешних песнях: „*горючми слезми*" и проч. По Граммат. Барсова твор. падеж позволяется сокращать во всех словах, сокращаемых в народной речи, только бы не вышло в односложных неблагозвучия, как напр. *лжьми, вшьми;* но вм. *дѣтьми* и *людьми* Барсов не допускает: *дѣтями* и *людями.*

е) В витиеватой речи наши писатели позволяют себе употребление некоторых цс. окончаний. Напр., склонение с суффиксом *-ес-; слов-ес-а* вм. *слова:* у Пушкина: „и полныя святыни *словеса*", IX, 172; дв. число *крылѣ* (вм. *крылья*) неоднократно у Жуковского.

Примеч. 10. В пословице XVII в. „воробей сидитъ на тынѣ, надѣется на *крылѣ*".

ж) В выражении: *по дѣломъ* сохранилось цс. окончание дательного падежа множественного числа.

§ 97. О склонении существительных в ныне употребительном русском языке должно заметить следующее:

I. В отношении к числам.

1. Некоторые имена муж. рода на *-ъ, -ь* и *-й* имеют в имен. падеже мн. числа двоякое окончание: на *-ы* (*-и*) и на *-а* (*-я*), с ударением. Напр., *вѣкъ вѣки* и *вѣка́, домъ домы* и *дома́, край краи* и *края́* и проч.

Этим двояким окончанием язык пользуется иногда для отличения разных значений слова. Напр., *мѣхи́* (раздувательные) и *мѣха́* (звериные шкуры), *о́бразы* (виды или способы) и *образа́* (иконы), *хлѣ́бы* (т. е. печеные) и *хлѣба́* (разного рода жита), *цвѣты́* (растения) и *цвѣта́* (краски). В таких словах отличие ударений в имен. падеже удерживается и косвенными; напр., *о́бразовъ* и *образо́въ, хлѣ́бами* и *хлѣба́ми* и проч. Это мн. число на *-а* соответствует собирательному на *-іе, -ье,* и особенно на *-ія, -ья,* каковы: *братія, рабія* (собир. имя жен. р., значит „рабы", „челядь"). Некоторые имена на *-а* одинаково употребляются и во мн. ч. от сущ. муж. р., и в ед. ч., как собирательные жен. рода; напр., *господа* в древнерусск. имя собирательное жен. р. (в украинск. *госпо́да* — дом, жилье, равно как и в польск.); украинск. *татарва́* — столько же собир. форма ед. ч., как и мн. ч. от *татаринъ.* В обл. яз. собирательные на *-а* производятся и от имен жен. р. на *-ь;* напр., в пск. *ржа* — рожь на корне, солома ржаная; *вша* — собир. от *вошь,* вм. *вши;* напр., „*вша* напала".

Примеч. 1. От упомянутых имен надлежит отличать речение *глазъ,* которое употребляется в имен. пад. мн. ч. в общеупотребительном только с окончанием *-а: глаза́;* но в послов. и *глазы:* „свиные *гла́зы* не боятся грязи", Даль, 227.

2. Ныне употребительный язык смешал во множественном числе, некоторых слов всех трех родов две формы: простую и собирательную. Напр., от слов: *дерево, камень, уголь, щель* и др. мы употребляем двоякую форму мн. числа: а) простую: *дерева, камни, угли, щели,* и б) собирательную: *деревья, каменья, уголья, щелья* и проч. Эта последняя, собственно, есть не что иное, как мн. число собирательных имен среднего рода: *деревье, каменье, уголье, щелье* и проч.

Такое смешение двух различных форм произошло оттого, что нынешний книжный и общепринятый язык пользуется собирательными формами более во мн. ч.; напр., *сучья, деревья;* между тем как древний и народный язык гораздо свободнее употребляет эти имена и в ед. ч.; напр., общеупотребительное, мн. ч. *коло́сья*, имеет при себе ед. ч. не *ко́лосъ,* а *коло́сье,* форму, не принятую в книжный язык.

Примеч. 2. Напр., в песне XVII в. „а свѣты яхонты серешки! | на *сучье* ли васъ задѣвати?“ (т. е. на сучья ли вас вешать, яхонтовые сережки?). В Юрид. акт. под 1519 г. „которое *деревье*“, „на томъ *деревьи*“; в пословице XVII в. „*елье, березье* — все то *деревье*“; в песн. „а гребцы гребутъ, какъ *крыльёмъ* машутъ“, в Извест. Акад. наук; в дух. стих. *дружьё* — ед. ч., откуда мн. ч. *дружья,* Кал., I, 83; в Анекд. древн. пошех. „въ луковомъ *перьѣ*“, 20, *гвоздье,* 52; у Крыл. „и *перьемъ* бы твоимъ постельку ихъ убрать“, 147; „утыкавши себѣ павлинымъ *перьемъ* хвостъ“, 272; „хоть *листьемъ,* правда, онъ одѣтъ“, 178. В обл. языке новг., арх. *я́мье* — ямы; новг. *зереньё,* пск., тверск. *зере́нье* — зерновой хлеб; пск. *звѣздье, глазьё* — звезды, глаза; влад. *дѣвьё* — девки; оренб., пск., тверск. *звѣрьё* — пушной товар.

Некоторые собирательные формы мн. числа мы отличаем от простых, по значению. Напр., *зубы* (во рту) и *зубья* (у гребня), *листы* (напр., бумаги) и *листья* (на дереве). Впрочем, множественное *листы* употребляется и о древесных листьях.

Примеч. 3. Напр., у Бат. „зефиръ *листы* колышетъ“, II, 141; у Жук. „на деревахъ *листы* дремали молча“, VI, 261; у Крыл. „*листы* на деревѣ съ зефирами шептали“, 123; у Пушк. „чуть трепещутъ | сребристыхъ тополей *листы*“, II, 297; у Лермонтова: „не пылитъ дорога, | не дрожатъ *листы*“.

Слово *колѣно,* кроме собирательной формы: *колѣнья* (т. е. составы), *колѣньевъ,* имеет две простые: одну во мн. числе: *колѣна* (племена), *колѣнъ,* и другую в дв.: *колѣни* (часть человеческого тела), *колѣней* (§ 60); впрочем, употребляется и *колѣна* в смысле *колѣни.*

Примеч. 4. Напр., у писателей: у Ломон. „Москва едина на *колѣна* упавъ, передъ тобой стоитъ“, Ода 9; у Держ. „и падши на *колѣна*“ (в рифму: смягченна), I, 401; у Бат. „(мудрецъ) *колѣнъ* предъ случаемъ во вѣкъ не преклоняетъ“, II, 44; у Пушк. „и палъ безъ чувствъ онъ на *колѣна*“ (в рифму: измѣна), II, 113.

3. Имена на *-окъ*, образовавшиеся от древнейших на -ѧ (§§ 62 и 95), смешали во множественном числе две формы: форму муж. рода на *-и: медвѣжонокъ медвѣженки, щенокъ щенки* (*цыпленки* вм. *цыплята*, напр. у Ф. Визина, 405), с формою среднего рода на *-та*, происшедшею от единственного числа на -ѧ. Напр., *телята, ягнята, поросята* и проч., правильно производятся от единственных: *теля, ягня, порося* и проч.

Примеч. 5. Следующие существительные уклоняются от общих правил в образовании множественного числа: 1) речение *люди* имеет при себе в ед. числе собирательное *людъ*, но по окончанию *-и* предполагает ед. ч. *людь*, как действительно и употребляется в обл. яз., напр., в костр., в жен. р.; 2) *дѣти*, рода общего, имеет при себе ед. число *дитя*, в среднем роде; 3) некоторые имена, вм. *-ы* или *-и*, теперь оканчиваются в общем употреблении только на *-а* или *-я;* напр., *лѣсъ лѣсá, городъ городá* (в древнерусск. *лѣсы, городы*); другие имеют оба окончания; напр., *домá* и *домы, учителя́* и *учители;* первое употребительнее в разговорной речи; 4) *чортъ* имеет *черти чертей* (а не *черты чертовъ*); но *сосѣдъ* — и *сосѣди сосѣдей*, и *сосѣды сосѣдовъ*. Так же *комаръ — комари комарей*, и более употребительное в книжной речи: *комары, комаровъ;* 5) форма мн. числа: *куры куръ*, собственно, произошла от формы ед. числа муж. рода *куръ* — петух, жен. р. *кура* (напр., в Юрид. акт. „двадцать *куровъ*", под 1610 г.), от которой ныне употребительное *кур-ица;* 6) равномерно и мн. *судá* (при ед. числе *судно*) произошло от древнейшей формы ед. числа *судъ*, употреблявшейся в смысле сосуда. Сложные *со-судъ, по-суда*, происходят от этого древнего речения. В обл. языке употребляется форма *суда* вм. *посуда* (в пермск.).

II. В отношении к падежам.

1. Должно отличать цс. и древнейшие формы дат. и предл. падежей ед. числа: *басни, пѣсни, о басни, о пѣсни;* и родительного мн. числа: *басней, пѣсней*, от форм чисто русских: *баснѣ, песнѣ, о баснѣ, о пѣснѣ, басенъ, пѣсенъ*. Первые имеют в именительном падеже ед. числа формы: *баснь, пѣснь;* а вторые — *басня, пѣсня*.

2. Имена, оканчивающиеся на *-ко*, уклоняются от прочих среднего рода тем, что в имен. падеже мн. числа, вместо *-а*, имеют *-и*: *окошки, лыки* (за исключением: *войска, облака*). Сверх того, должно заметить, что писатели вообще употребляют очень обыкновенно, особенно в стихах, имена ср. р. в имен. и вин. пад. мн. ч. на *-ы* вм. *-а*.

Примеч. 6. Напр., у Дмитр. очень обыкновенны формы: *свѣтилы, лицы, лѣты, селы;* у Бат. *вины* (в рифму: апельсины), II, 159; *гнѣзды* (в рифму: звѣзды), II, 141. У Жук: „и были вечера *свѣтилы*, | какъ яркія *паникадилы*", III, 289—290; „морской глубины несказанныя *чуды*" (в рифму: груды), IV, 489.

Примеч. 7. Сблизившись таким образом с именами муж. рода, по имен. падежу мн. числа (*окошко окошки*, как *мѣшокъ мѣшки*), некоторые из этих имен и в род. падеже мн. числа принимают окончание имен муж. рода:

-овъ; напр., *очки очковъ, ушки ушковъ, яблоки яблоковъ.* Писатели иногда употребляют *вóйски* вм. *войскá;* напр., Держ. (в рифму: геройски), I, 412.

3. Смешение склонений особенно оказывается в род. падеже мн. числа некоторых имен на *-ъ, -я* (или *-а*) и *-іе* или *-ье.*

а) Некоторые имена на *-ъ* в род. мн. числа имеют *-ей* вм. *-овъ.* Напр., *тетеревъ тетеревей* (и *тетеревовъ*).

Примеч. 8 Напр., у Держ. „вдали *тетеревей* глухое токованье", I, 306; у Бат. „стадо *тетеревей*", I, 166; у Левш. „пребываніе глухихъ *тетеревей*", Соверш. ег., III.

б) Некоторые имена на *-я* (и *-а* после шипящих) имеют в родительном мн. числа окончание *-ей* вместо *-ъ* или *-ь.* Напр., *броня, четверня, вожжа, парча, притча, ханжа, юноша* и нек. др.

Примеч. 9. В церковнославянском языке употребляется правильно: притчь (или притчъ), юношь (или юношъ); в древнерусском: *приточъ, векошь* (вм. *векшей*). И наоборот, в русском языке, вместо *-ь* или *-ъ*, допускается не только в устной, но и в книжной речи окончание *-ей,* в некоторых словах, каковы, напр., *вельможа вельможей* вм. *вельможъ;* напр., у Держ. „какихъ въ тебѣ *вельможей* нѣтъ", I, 204; „средь свѣтлаго *вельможей* строя", I, 382; у Бат. „щастливъ онъ, и втрое болѣ, | всѣхъ *вельможей* и царей", II, 166. *Туча тучъ* и *тучей;* напр., у Ломон. „какъ громъ отъ *тучей* удаленныхъ, | въ горахъ раздавшись, множитъ слухъ", Ода 12. *Буря бурь* и *бурей, заря зарь* и *зарей;* напр., у Бат. „средь *бурей* жизни", II, 34; „и день, чудесный день, безъ ночи, безъ *зарей*", II, 171; у Дмитр. „въ одеждѣ розовыхъ *зарей*", I, 382. *Свѣча свѣчъ* и *свѣчей;* напр., у Кант. „весь вечеръ Хрисиппъ безъ *свѣчъ,* зиму всю колѣстъ", Сат. 3; у Жук. „и въ высотѣ дрожащимъ *свѣчъ* огнемъ", II, 133; у Гриб. „столы для картъ, мѣлъ, щетокъ и *свѣчей,* | *свѣчей* побольше, фонарей", Горе от ума.

в) Имена, оканчивающиеся на слог *-ня,* имеют в род. пад. мн. ч. или *-ъ;* напр., *башня башенъ, сотня сотенъ, пѣсня пѣсенъ, басня басенъ* (как *вода водъ*); или на *-ь;* напр. *деревня деревень;* или на *-ей;* напр., *сплетня сплетней;* употребляется и *сплетенъ,* но *деревенъ* не говорится; *сажень* имеет в род. мн. ч. *саженъ, сажень* и *саженей.* Некоторые употребляют: *басень, пѣсень* вм. *басенъ, пѣсенъ.*

Примеч. 10. Напр., у Дмитр. *басенъ,* в рифму слову: *ужасенъ,* II, 86. У Бат. *башенъ,* в рифму слову: *брашенъ,* II, 51.

г) Некоторые имена на *-іе* или *-ье* имеют в родительном мн. числа *-евъ* вм. *-ій;* напр., *устье устьевъ* (и *устій*), и некоторые на *-е,* после небных, имеют *-ей* вм. *-ъ;* напр., *логовище логовищей* (и *логовищъ*).

Примеч. 11. Напр., у Бат. „обитатель *устьевъ* Воми", I, 85; у него же: „изъ *логовищей*", I, 162; „а не *чудовищей* имъ (железом) дикихъ поражаетъ", II, 51; „любезныхъ *дѣтищей* купаютъ", II, 254 (вм. *чудовищъ, дѣтищъ*).

Примеч. 12. Некоторые имена на *-ле* и *-ре*, сверх *-ей*, в род. пад. мн. ч. употребляются с окончанием *-ь*, по древнейшему склонению, и особенно в старинном стихотворном языке; напр., у Ломон. „казацкихъ *поль* заднѣстрской тать“, „седми пространныхъ *морь* бреговъ“, Ода 1. У Держ. „съ *поль*“, I, 311; „ревъ *морь* и *бурей* (вм. *бурь*) шумъ“, I, 313.

4. Существительные, взятые из иностранных языков, склоняются, как русские, если они усвоены русскому языку посредством наших собственных окончаний; напр., *гувернант-ка, аптекар-ша*. Если же они не приняли наших окончаний, то могут склоняться в том только случае, когда своим родом и окончанием соответствуют собственно русским именам. Потому, напр., речения: *гувернеръ, школа* и др. склоняются; а речения: *колибри, рагу* и проч. не склоняются; потому же иностранные фамилии, напр. *Байронъ, Шиллеръ, Стюартъ*, при именах муж. рода склоняются: *лордъ Байронъ, лорда Байрона* и проч.; а при именах жен. рода не склоняются: *Марія Стюартъ, Маріею Стюартъ* и проч.

Примеч. 13. Большая часть иностранных слов на *-а* с предшествующим гласным звуком, переходя в наш язык, принимают окончание *-я* и склоняются так же, как русские на *-я*, напр. *Мантуя, Мантуи, Мантую, Мантуею*. Некоторые пишут: *Мантуа, Генуа*, в вин. падеже *Мантуу, Генуу;* но сочетание звуков: *уа, уу (Мантуа, Мантуу)* и др. противно законам благозвучия нашего языка (§ 30). В древнерусском употреблялось: *Падва, Падву* вм. *Падуя, Падую*, с переходом *у* в *в:* что́ совершенно согласно с свойствами нашего языка (в Статейн. сп.).

Усвоивая себе иностранные слова, русский язык делает некоторые изменения в окончаниях; напр., употребляются: *музеумъ, музеума, музеуму* и проч., и *музей, музея* и проч., *маій, маія*, и *май, мая; Ахиллесъ, Фидіасъ* и *Ахиллъ, Фидій; Данте, чичероне* (проводник) не склоняются, а *Дантъ, чичеронъ* склоняются; напр., у Пушк. „младшій изъ моихъ хозяевъ взялся быть моимъ *чичерономъ*“, VIII, 175.

Иностранные имена на *-е* и *-о*, взятые в русский язык в позднейшее время, не склоняются, хотя, по образцу русских форм на *-е* и *-о*, и пользуются средним родом, если они означают предметы неодушевленные; напр., *карре, бюро, депо*.

Примеч. 14. В старину язык свободнее обращался с иностранными речениями. Потому существительные, издавна занесенные к нам из чужих языков, склоняются свободно. Напр., *алое* (в церковнославянском альгоуи), *алоя, алоемъ* и проч. Следуя древнему обычаю, просторечие покушается склонять всякое иностранное слово; напр., *депо, депа, въ депѣ* и проч.; *кофе*, в форме *кофій*, склоняется, как имена на *-й: кофію* и проч. В Живоп. „тогда должно сварить *кофій*“, 2,153; у Пушк. „онъ просилъ, чтобы ему дали чашку *кофію*“, VIII, 88. Даже те, кто не склоняет слово *кофе*, согласуют его в мужеском роде, предполагая тем самым форму *кофій;* напр., говорят и пишут:

горячій кофе и проч. Слово *карре* Пушкин склоняет; напр., „(полки) составляли три фаса одного *каррея*“, XI, 283. Карамзин склоняет иностранные имена лиц на *-о*, приспособляя их к склонению или муж. рода, или женского; напр., *Отелло, Бруно* муж. р. „многіе удивляются *Отеллу*“, II, 321; „набожному *Бруну*“, II, 412; *Сафо* жен. р. „бездна *Сафу* поглощаетъ“, III, 428. Вместо несклоняемого *мадамъ*, не только в просторечии, но и у писателей употребляется склоняемое *мадама;* напр., у Дмитр. „насъ матушка послала | съ *мадамой* въ Лѣтній садъ“, III, 44. В XVIII в. всякой иностранной фамилии для означения лица жен. пола придавали окончание *-ша;* напр., *Бироньша* (от *Биронъ*), как *генеральша* (от *генералъ*). Напротив того, в XVII веке, по влиянию польской литературы, наши писатели употребляли падежи с латинскими окончаниями; напр., *елемента* в имен. и вин. пад. мн. ч. (лат. elementum, elementa) вм. *елементы*.

Примеч. 15. Как в словах сложных первый член не склоняется, напр. *генералъ-майоръ, генералъ-майора; унтеръ-офицеръ, унтеръ-офицера;* так и передние имена в некоторых составных формах в разговорном языке остаются неизменяемыми, а именно: *Іисусъ* перед словом *Христосъ* (и в древнем языке): *Іисусъ Христа, Іисусъ Христу;* слово *князь* перед собственным именем: *князь Ивана, князь Ивану;* собственное имя лица перед отчеством: *Иванъ Васильичу, Иванъ Васильичемъ;* в некоторых иностранных собственных именах лиц; напр., *Вальтеръ Скоттъ:* у Пушк. „съ романомъ новымъ *Вальтеръ-Скотта*“, II, 248.

Примеч. 16. Некоторые несклоняемые речения, будучи употреблены в смысле существительных, получают способность изменяться по падежам; каковы: *есть, нѣтъ, авось, небось, завтра;* напр., старинное выражение: *въ нѣтѣхъ;* в пословице XVII в. „*есть нѣта* лучше, а и *нѣтъ естя* не хуже“; в современных послов. „по *естѣ* и *нѣтъ* живетъ“ — „при *ести* грошъ мѣдный, при *нѣтѣ* — серебряный“ — „отъ *авося* добра не жди“ — „*авосю* вѣрь не вовсе“ — „авось съ *небосемъ* водились, да оба въ яму ввалились“; во мн. ч. *ести* — списки или ведомости о наличных людях; в литер. языке, напр. у Дмитр. „а *завтремъ* льстить себя оставь уже ты насъ“, III, 112. По смыслу такие слова относятся к среднему роду, но по окончаниям могут быть приняты в разряд и мужеских, и женских. Напр., речение *авось* Пушкин употребляет в муж. роде: „да понадѣялся онъ *на русскій авось*“, IX, 226.

Примеч. 17. О склонении некоторых отдельных слов должно заметить следующее:

а) Слово *облако* в церковнослав. и древнерусск. употреблялось в форме мужеского рода: **облакъ**; напр., у Ломон. „багровый *облакъ* в небѣ рдѣетъ“, Ода 2. От этой формы берется нынешний родительный падеж мн. числа муж. рода: *облаковъ* (вм. *облакъ*).

б) Вместо *юноша* в старинном языке встречается *юношь* или *юношъ*. Потому в прочих падежах склоняется по 1-му склонению; напр., „предъ *юношемъ*“, Новикова Древн. вивл., II, 349.

в) *Батюшка* имеет при себе старинную и народную форму *батюшко*, род. пад. *батюшка* (вм. *батюшки*), твор. пад. *батюшкомъ* (вм. *батюшкою*) и проч. Напр., в стих. XVII в., „дай споди (вм. господи), здоровъ былъ государь мой *батюшко*“, „встрѣчати своего *батюшка*“; в Древн. русск. стих. „а за

славнымъ было *батюшкомъ* за Байкаломъ моремъ", 301. В песне: „растилается сынъ передъ *батюшкомъ*".

г) Существительные общего рода, оканчивающиеся на *-ь*, могут различно склоняться или для мужеского рода, или для женского. Напр., *лебедь: бѣлаго лебедя, бѣлымъ лебедемъ* и *бѣлой лебеди, бѣлою лебедью* и проч.

д) В старинном и областном языке склонение многих слов отступает от общих правил вследствие изменения грамматич. рода; напр., *ужина* вм. *ужинъ* (в древнем, и ныне в областном, напр. в пск., новг., тверск.). В Песн. у Прача „*коромыселъ* (вм. *коромысло*) гнется, свѣжа вода льется", 131. В песн. „при той *путѣ* (вм. при томъ *пути*), при дороженькѣ". Или же с изменением окончаний в имен. пад. ед. ч. при удержании того же рода; напр., у писателей XVII в. *архимандрита* вм. *архимандритъ; патріарха* вм. *патріархъ*, род. пад. ед. ч. *патріархи*, твор. пад. *патріархою*, напр. в предисловии к Лимонарю по киевск. изд. 1628 г. Эти формы объясняются польским влиянием, потому что в польск., напр., *патріархъ — патріарха* (см. Хр.). У писателей: у Дмитр. „о *витій!* (вм. *витія*) что твоя хвала", I, 23.

е) Нарицательное *любовь* имеет в косвенных надежах *любви*, в отличие от собственного *Любовь — Любови*. Это древнее окончание употреблялось и в нарицательном имени; напр., у Держ. „ты въ мирѣ будешь богъ *любови*", I, 383; у Бат. „и ты *любови* мать" (т. е. Венера), II, 44.

ж) Иностранное слово *нервъ* в род. пад. мн. ч. *нервовъ*, а в старину и *нервъ*; напр., у Карамз. „самое расположеніе *нервъ*", III, 466.

з) В род. пад. мн. ч. имен на *-ь*, напр. *рублевъ, коневъ*, вм. *рублей, коней*, просторечие следует древнему цс. склонению с вставкою *-ев-*. В древнерусск., напр. в Жит. Феодос. XII в., ѿ монастырєвъ; в Новг. лет. XIV в. „много *коневъ*", *корабльвъ*, т. е. *кораблевъ* вм. *кораблей*. Но в жен. род. пад. мн. ч. на *-въ* — окончание уже неорганическое; напр., у Держ. „тогда и *Ѳивовъ* (вм. и *Ѳивъ*) разоритель", I, 328; *фуріевъ* (вм. *фурій*), I, 412.

и) В областном просторечии замечательнейшие уклонения от общепринятых падежных окончаний суть следующие: 1) смешение дат. и предл. пад. ед. ч. имен жен. р. с род. пад. ед. ч.; напр., новг. „по *весны*" вм. „по *веснѣ*"; в олон. былин. „къ молодой худой *жены*" — „на *улицы*" — „на этой *колоды* бѣлодубовой", Рыбн., II, 262, 263; I, 206. — 2) Твор. пад. ед. ч. жен. р. с наращением *-й*: „съ *матерьюй*", „съ *дочерьюй*". — 3) Твор. пад. ед. ч. *силóмъ* вм. *силою*, как в сербск. наречии; в олон. былин. „*силóмъ* возьму" или „возьмемъ", Рыбн., II, 18, 198. — 4) Имен. пад. мн. ч. удлиненный: в волог. песн. *братціи* вм. *братцы*. — 5) Твор. пад. мн. ч. на *-мъ* вм. *-ми*: в олон. былин. „*булавамъ*-то головы переломаны, | *кушакамъ*-то буйны завязаны", Рыбн, I, 261; у Чулк. „съ *краямъ* равны", „за *воротамъ*", I, №№ 169 и 174. У Прача „залилась дѣвка *горючимъ слезамъ*", 57; „съ *подружкамъ*", 151. — 6) Окончание творительного падежа мн. числа на *-ма* (сходное с церковнославянским дат. и творит. дв. числа и сербск. твор. и предл. мн. ч., напр. *рибама* вм. *рыбами* и *рыбахъ*) — вм. *-ми*: в арх. „со *дѣвицама*", „съ *подружкама*". — 7) Тот же падеж в олон. былин. на *-мы* вм. *-ми*: *рукамы, ногамы, стадамы, рядамы, головамы*, Рыбн., I, 34, 486. — 8) В род. пад. мн. ч. *-ей* вм. *-евъ* или *-овъ*; напр., в песне: „всего семеро рабочихъ *гребцей*", „всѣхъ *гребцей* — удалыхъ *молодцей*"; в олон. былин. *соколей* вм. *соколовъ*, Рыбн., I, 2. — 9) Остатки дв. ч. во влад., нижег. *устнá* — рот и губы; в олон. былин. „два *году*", „три *году*",

Рыбн., II, 282. Все эти особенности по преимуществу принадлежат северному или новгородскому наречию.

§ 98. Некоторые существительные употребляются в одном только единственном числе, напр. *земляника, клубника, золото, молоко;* некоторые в одном множественном, напр. *будни, сливки, ворота.* Некоторые имеют в ед. числе одно значение, а во множественном другое; напр., *вѣсъ* и *вѣсы, деньга* и *деньги, дрога* и *дроги,* а также *дрожки* (уменьшительная форма от *дроги*), *мощь* (сила, крепость) и *мощи, очко* и *очки, сѣнь* и *сѣни, храмъ* (полногласная форма *хоромъ*) и *хоромы, часъ* и *часы, щипецъ* и *щипцы* и многие другие. В таких существительных мн. числа грамматический род сам собою явствует по единственному числу. В тех же, которые, утратив единственное, употребляются только во множественном, род узнается по окончаниям именительного и родительного падежа, отличающим склонения имен по родам или же по остаткам ед. числа этих слов в народном и древнем языке. А именно:

1. Имена муж. рода имеют родительный на *-овъ* или *-евъ* при именительном на *-ы* или *-и;* напр., *квасцы квасцовъ; помои помоевъ* (как *столъ столы столовъ, покой покои покоевъ*).

2. Имена жен. рода имеют родительный на *-ъ* или *-ей* при именительном на *-ы* или *-и;* напр., *хлопоты хлопотъ, латы латъ, сутки сутокъ, сливки сливокъ, дрожжи дрожжей, щи щей, гусли гуслей, бредни бредней, сани саней* (как *вода воды водъ, кость кости костей*). Сюда принадлежат имена некоторых городов: напр., *Аѳины, Ѳивы* и др.

Примеч. 1. Некоторые из приведенных здесь имен употребляются и в ед. ч., как в цс., напр. гѫсль, так и в древнерусск., напр. *лата* в Иконописн. подлин. XVII в., а также и в обл. языке: в арх. *хлопота́* — беда; в пск., тверск. *дрожжа* — ед. ч. жен. р.; *ща* (не склоняется) — в виде капусты, все то, из чего можно варить щи; при мн. ч. *качели* в народн. языке в ед. ч. *качель.* У Кант.: „(люди) больше глазу | вѣрить станутъ своему, нежель моей *бредни*", Сат. 4; у Тепл. в перев. Скар. Шутл. пов. *носилка* вм. мн. ч. *носилки.*

Примеч. 2. Так как имена на *-ь* бывают и женского, и мужеского рода, то в этот отдел, между существительными на *-и*, могли войти речения обоих родов. Так, слово *будни* рода мужеского (при ед. числе *будень,* в украинск. *букдень* — рабочий день, от глагола бъдѣти; слич. сербское прилагательное *будан,* т. е. *буден,* или *будкій,* в значении бодрствующего); в послов. „лѣнивому *будень* чѣмъ не праздникъ?" — „деньга на *будень*...", „въ *будень* волокомъ, а въ праздникъ на смычкѣ" (на привязи), Даль, Слов.; при мн. *когти* ед. ч. *коготь* муж. р. Имена городов на *-чи,* напр. *Боровичи,* рода мужеского, как это видно из самого происхождения этих имен (§ 64).

3. Имена ср. рода имеют родительный на *-ъ* при именительном на *-а;* напр., *уста устъ* (как *тѣло тѣла тѣлъ*).

Примеч. 3. Некоторые из этих имен, употребляющихся только во множественном числе, имеют число единственное или в церковнославянском и древнерусском, или же и в нынешнем областном языке. Напр., *кросна:* в церковнославянском и нынешнем областном *кросно* (ткальный станок). Вместо мн. ч. *бѣлила, чернила*, в древних иконописных подлинниках XVII в. часто употребляется ед. число: *бѣлило, чернило*. В Парн. щеп. „*чернило*, говорятъ, имѣетъ бѣлый цвѣтъ", 286.

Так как окончания падежей во мн. ч. у нас переходят из одного склонения в другое, то изложенные здесь правила о грамматическом роде имен, употребляющихся только во мн. числе, подвержены многим исключениям; напр., *ворота* — не ср., а муж. р., при имен. пад. ед. ч. *воротъ:* в послов. XVII в. „Архангельской городъ всему морю *воротъ*". Областные наречия, смешивающие грамматич. роды, не могут служить в этом случае постоянно надежною опорой. Так, напр., в них употребляется: муж. род вм. жен. — арх. *овецъ* — овца и баран вообще; тамб. *спинъ* (вм. *спина*) — хребет; жен. вм. ср. — пск., волог., оренб., симб. *тѣль* — тело, вещество; ср. вм. муж. — арх. *пыло* — пыл, новг., пск. *стуло* — стул, отрубок. Слич. § 60, примеч. 2.

3. Склонения прилагательных

§ 99[31]. Имена прилагательные, а вместе с ними числительные порядковые, причастия и некоторые местоимения, пользуются двояким склонением: простым и сложным. К первому относятся формы с окончанием кратким; напр., *добръ, пятъ,* цс. бига (от глагола би-ти); род. пад. *добр-а, пят-а* (напр., *пол-пята*), бигжща; ко второму — формы с окончанием полным: *добрый, пятый,* цс. бигаи, русск. *бьющій, таковый;* род. пад. в русском *добр-аго, пят-аго,* цс. бигжща-аго, русск. *бьющ-аго, таков-аго* и проч. (§§ 30, II; 58 и 65). Формы краткие изменяются по склонениям имен существительных, оканчивающихся в муж. роде на *-ъ* или *-ь,* в женском на *-а* или *-я* и в среднем на *-о* или *-е*. Напр., *добр-ъ добр-а добр-о,* род. *добр-а добр-ы добр-а,* дат. *добр-у добр-ѣ добр-у* и проч. Формы полные изменяются помощию прилагаемого к ним склонения личного местоимения: *и, я, е* (§ 58).

В истории склонения цс. и русских прилагательных должно отличать три периода: древнейший, средний и позднейший. Первый принадлежит древнейшему периоду языка церковнославянского; второй — древнерусскому и областному, а также и церковнославянскому, изменившемуся под влиянием русского; последний — нашему языку книжному и разговорной речи, образованной под влиянием этого языка.

I. В древнейшем периоде языка церковнославянского прилагательные краткые и полные постоянно и правильно отличались в склонениях; и притом полные склонения в своих полногласных формах явственно выказывали присутствие личного местоимения (§ 30, II). Напр., добра-аго (древнейш. добра-юго), доброу-оумоу (древнейш. доброу-юмоу), добры-имъ, добры-ихъ, добры-ими и. проч.

Примеч. 1. Полногласные формы прилагательных по преимуществу принадлежат памятникам болгарской письменности, в которых сохранился и первоначальный вид этих форм; напр., твьрда-ѥго, сѫдѧща-ѥго, прька-ѥго и проч. (§ 30, II).

1. Склонение прилагательного краткого: добр-ъ, добр-а, добр-о (по общим правилам с склонением существительных, напр. *сын-ъ*, *рыб-а*, *мѣст-о*).

	Ед.	Дв.	Мн.
а) добр-ъ			
И.	добр-ъ	добр-а	добр-и
Р.	добр-а	добр-оу	добр-ъ
Д.	добр-оу	добр-ома	добр-омъ
В.	добр-ъ	добр-а	добр-ы
З.	добр-є	добр-а	добр-и
Т.	добр-ъмь	добр-ома	добр-ы
М.	добр-ѣ	добр-оу	добр-ѣхъ
б) добр-а			
И.	добр-а	добр-ѣ	добр-ы
Р.	добр-ы	добр-оу	добр-ъ
Д.	добр-ѣ	добр-ама	добр-амъ
В.	добр-ѫ	добр-ѣ	добр-ы
З.	добр-о	добр-ѣ	добр-ы
Т.	добр-оѭ	добр-ама	добр-ами
М.	добр-ѣ	добр-оу	добр-ахъ
в) добр-о			
И.	добр-о	добр-ѣ	добр-а
Р.	добр-а	добр-оу	добр-ъ
Д.	добр-оу	добр-ома	добр-омъ
В.	добр-о	добр-ѣ	добр-а
З.	добр-о	добр-ѣ	добр-а
Т.	добр-ъмь	добр-ома	добр-ы
М.	добр-ѣ	добр-оу	добр-ѣхъ

2. Склонение прилагательного полного: добръ-и или добры-и, добра-ꙗ, добро-ѥ.

		Муж.	Жен.	Ср.
ед.	И.	добръ-и или добры-и	добра-ꙗ	добро-ѥ
	Р.	добра-аго	доѕры-ѩ	добра-аго
	Д.	доброу-оумоу	добрѣ-и	доброу-оумоу
	В.	добръ-и или добры-и	добрѫ-ѭ	добро-ѥ
	Т.	добры-имь	добр-оѭ	добры-имь
	М.	добрѣ-ѥмь	добрѣ-и	добрѣ-ѥмь

дв. И. и В.	добра-ꙗ	добрѣ-и	добрѣ-и
Р. и М.	доброу-ю	доброу-ю	доброу-ю
Д. и Т.	добры-има	добры-има	добры-има
мн. И.	добри-и	добры-ѩ	добра-ꙗ
Р.	добры-ихъ	добры-ихъ	добры-ихъ
Д.	добры-имъ	добры-имъ	добры-имъ
В.	добры-ѩ	добры-ѩ	добра-ꙗ
Т.	добры-ими	добры-ими	добры-ими
М.	добры-ихъ	добры-ихъ	добры-ихъ

Звательный падеж имен прилагательных полных сходен с именительным.

3. Склонения прилагательного сравнительной степени: в краткой форме: бол-и-и, бол-ьш-и, бол-ѥ; и в полной: больши-и, больши-ꙗ, больше-ѥ. (Первая форма каждого падежа есть краткая, а вторая полная.)

	Муж.	Жен.	Ср.
ед. И.	боли-и	больш-и	бол-ѥ
	больши-и	больши-ꙗ	больше-ѥ
Р.	больш-а	больш-ѧ	больш-а
	больша-аго	большѧ-ѩ	больша-аго
Д.	больш-оу	больш-и	больш-оу
	большоу-оумоу	больши-и	большоу-оумоу
В.	больш-ь	больш-ѫ	бол-ѥ
	больши-и	большѫ-ѭ	больше-ѥ
Т.	больш-емь	больш-еѭ	больш-емь
	больши-имь	больш-еѭ	больши-имь
М.	больш-и	больш-и	больш-и
	больши-имь	больши-и	больши-имь
дв. И. и В.	больш-а	больш-и	больш-и
	больша-ꙗ	больши-и	больши-и
Р. и М.	больш-оу	больш-оу	больш-оу
	большоу-ю	большоу-ю	большоу-ю
Д. и Т.	больш-ема	больш-ама	больш-ема
	больши-има	больши-има	больши-има
мн. И.	больш-е	больш-ѧ	больш-а
	больше-и	большѧ-ѩ	больша-ꙗ
Р.	больш-ь	больш-ь	больш-ь
	больши-ихъ	больши-ихъ	больши-ихь
Д.	больш-емъ	больш-амъ	больш-емъ
	больши-имъ	больши-имъ	больши-имъ
В.	больш-ѧ	больш-ѧ	больш-а
	большѧ-ѩ	большѧ-ѩ	больша-ꙗ
Т.	больш-и	больш-ами	больш-и
	больши-ими	больши-ими	больши-ими
М.	больш-ихъ	больш-ахъ	больш-ихъ
	больши-ихъ	больши-ихъ	больши-ихъ

4. Склонение причастия: в краткой форме: видѧ, видѧщ-и, видѧ; и в полной: видѧ-и, видѧщи-ꙗ, видѧщє-ѥ. (Первая форма каждого падежа есть краткая, а вторая полная.)

	Муж.	Жен.	Ср.
ед. И.	видѧ	видѧщ-и	видѧ
	видѧ-и	видѧщи-ꙗ	видѧщє-ѥ
Р.	видѧщ-а	видѧщ-ѧ	видѧщ-а
	видѧща-аго	видѧщѧ-ѩ	видѧща-аго
Д.	видѧщ-оу	видѧщ-и	видѧщ-оу
	видѧщоу-оумоу	видѧщи-и	видѧщоу-оумоу
В.	видѧщ-ь	видѧщ-ѫ	видѧщ-є
	видѧща-аго	видѧщѫ-ѭ	видѧщє-ѥ
Т.	видѧщ-ємь	видѧщ-єѭ	видѧщ-ємь
	видѧщи-имь	видѧщ-єѭ	видѧщи-имь
М.	видѧщ-и	видѧщ-и	видѧщ-и
	видѧщи-имь	видѧщи-и	видѧщи-имь
дв. И. и В.	видѧщ-а	видѧщ-и	видѧщ-и
	видѧща-ꙗ	видѧщи-и	видѧщи-и
Р. и М.	видѧщ-оу	видѧщ-оу	видѧщ-оу
	видѧщоу-ю	видѧщоу-ю	видѧщоу-ю
Д. и Т.	видѧщ-єма	видѧщ-ама	видѧщ-єма
	видѧщи-има	видѧщи-има	видѧщи-има
мн. И.	видѧщ-є	видѧщ-ѧ	видѧщ-а
	видѧщє-и	видѧщѧ-ѩ	видѧща-ꙗ
Р.	видѧщ-ь	видѧщ-ь	видѧщ-ь
	видѧщи-ихь	видѧщи-ихъ	видѧщи-ихъ
Д.	видѧщ-ємь	видѧщ-амъ	видѧщ-ємь
	видѧщи-имъ	видѧщи-имъ	видѧщи-имъ
В.	видѧщ-ѧ	видѧщ-ѧ	видѧщ-а
	видѧщѧ-ѩ	видѧщѧ-ѩ	видѧща-ꙗ
Т.	видѧщ-и	видѧщ-ами	видѧщ-и
	видѧщи-ими	видѧщи-ими	видѧщи-ими
М.	видѧщ-ихъ	видѧщ-ахъ	видѧщ-ихъ
	видѧщи-ихъ	видѧщи-ихъ	видѧщи-ихь

II. Средний период в истории склонений имени прилагательного начинается уже вместе с древнейшими памятниками нашей письменности; ибо в них, при древнейших формах прилагательных, встречаются уже и позднейшие, как исключения или как ошибки писца. В памятниках же последующих веков последние формы становятся господствующими.

История склонений прилагательного касается: 1) сокращения полногласных окончаний и 2) смешения полных окончаний с краткими,

Для яснейшего уразумения того и другого предмета надлежит рассмотреть: А) прилагательные полные и Б) краткие, 1) в церковнославянских памятниках, писанных в России, 2) в языке древнерусском и 3) в областном просторечии.

А. Прилагательные полные.

1. Уже в памятниках XI и XII веков замечается сокращение полногласных окончаний. Так, вместо имѫщааго, имѫщоуоумоу, свѧтыихъ и проч., попадаются формы: имѫщаго, имѫщемоу, свѧтыхъ и проч.

Примеч. 2. Даже в О. ев. встречаются, напр. в послесловии, формы сокращенные: дат. пад. ед. числа сътѧжавъшоумоу, род. пад. мн. числа с҃тыхъ (т. е. *святыхъ*), вместо полных сътѧжавъшоуоумоу, свѧтыихъ; в Галицк. ев. 1143 г. постоянно сокращенные формы вм. полных; напр., имоущаго, имоущемоу вм. имѫщааго, имѫщоуоумоу и проч. Такое сокращение форм вошло в древнейшие церковнославянские памятники под влиянием позднейшего говора — на Руси — русского наречия; а у других славянских племен — под влиянием прочих славянских наречий, в которых также сократились первоначальные полные формы; напр., в чешск. ед. ч. И. *добры́, добра́, добре́;* Р. *добре́го, добре́, добре́го;* Д. *добре́му* и т. д. В сербск. ед. ч. И. *добри, добра, добро;* Р. *доброга, добре, доброга;* Д. *доброму, доброй, доброму* и т. д.

2. В древнерусском языке, как остаток старины, употребляются иногда древнейшие полногласные формы прилагательных, но вообще господствуют формы сокращенные.

Примеч. 3. У Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. встречаются и полные, и сокращенные, а также переходные от первых к последним. Напр., полные: муж. и ср. р. ед. ч. Р. стольнааго, доблꙗаго; Д. бл҃женоуоумоу; Т. всꙗчьскъıимь; мн. ч. Р. соущиихъ, даже нашиихъ и проч. Переходные, именно в Д. ед. ч. муж. и ср. р. на -оумоу и -юмоу: пр҃двьноумоу, послѣдьнюмоу; и наконец нынешние сокращенные: блаженаго, великомоу и проч. В Смол. гр. 1229 г. ед. ч. муж. р. Р. гоукого (готского), лоучьшего, Д. латинескомꙋ, Т. латинескъımь, П. на гоукомь; в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. ед. ч. муж. р. Р. кыевьского, бѣлогородьского и пьреꙗславьскаго, желѣзнаго; в Полоцк. гр. около 1300 г. полотьского; Новг. гр. около 1301 г. великого, гоукого, латиньскаго; в Новг. лет. XIV в. *святого;* ед. ч. жен. р. Р. *святоѣ,* Д. *гречьскои;* мн. ч. Р. и П. *монастырьскыхъ;* в Волынск. лет. по Ипат. сп. XV в. ед. ч. муж. и ср. р. Р. *галичкого, злого,* но и *великаго;* жен. р. Р. *руской;* мн. ч. муж. р. И. *галичькыи,* жен. р. *небесныи* и *небесныя;* в Пск. лет. XVI в. ед. ч. муж. и ср. р. Р. *литовского, суждальского, великого,* но и *славнаго;* мн. ч. муж. р. И. *псковскіи* и *псковскія.* В переводе Библейск. книг Скорины из Полоцка 1517 г. ед. ч. муж. и ср. р. Р. десꙗтого, ближнего; мн. ч. муж. р. И. дубравные. Прочие падежи во всех этих памятниках вообще сходны с ныне употребляемыми, с незначительными изменениями. Что касается имен. пад. ед. числа, то он, кроме общего с цс. окончания *-ый* или *-ій, -ая* или *-яя, -ое* или *-ее,* принятого и теперь, весьма рано стал изменять в муж. р. *-ый* и *-ій* на

-ой и *-ей,* как говорится и теперь; напр., в новг. юрид. акт. XIV в. *берѣзовой* вм. *березовый;* в Слове о полку Игор. *вѣщей* вм. *вѣщій,* в Пск. лет. XVI в. „князь *псковской*". — Замечательно в древнерусск. употребление продолженных форм: *третьяя, третьюю,* напр. в юрид. акт. XVI и XVII вв. (см. Хр.). — Между русскими памятниками особенного внимания заслуживают здесь нотные книги, которые, благодаря протяжению голоса, до позднейшего времени сохраняют древние полногласные формы; напр., в русск. Стихираре XIV в. на бомб. (принадл. автору): неиздреченнааго, сущеомоу, тв. пад. ед. ч. чюжимь, тв. пад. мн. ч. духовьнымии и мн. др.

3. В просторечии некоторые полногласные формы прилагательных живут и доселе. Напр., *хорошіимъ, хорошіихъ* и проч.

Примеч 4. Особенно в песнях и дух. стихах, а частию и в сказках. Напр., в олон. былин. имен. пад. муж. р. даже с удвоением *и: черныій, усталыій, незнамыій,* Рыбн., I, 427; II, 266; в прочих падежах: „отъ обѣдни отъ *долгоей*" — „во мѣстѣ *богатоемъ*", Рыбн., II, 236, 267. Что касается до твор. пад. ед. ч. муж. р. и до род., дат. и предл. мн. ч., то в этих падежах особенно часто попадаются полные формы; напр., *добрыимъ, добрыихъ* и т. д.; но древнейших окончаний род. и дат. пад. ед. ч. муж. и ср. р. на *-ааго, -ууму* русский язык не принял.

Б. Прилагательные краткие.

1. Как в цс. книгах, так и в древнерусской письменности вообще, долго держались формы краткие по всем падежам ед. и мн. (и дв.) чисел, при полных на -аго, -ому и проч. (вм. -ааго, -оуоумоу и проч.) и отличались от последних постоянно; но в последствии времени стали с ними смешиваться. Смешение оказалось преимущественно во мн. числе: именно при ед. числе прилагательных кратких: добръ, добра, доброу и проч., и прилагательных полных добрый, добраго, добромоу и проч.; оказалось одно общее им обоим склонение мн. числа с окончаниями полными: добрыхъ добрымъ и проч. (при имен. падеже кратком: добры, и при полном: добрыи или добрые и добрыѧ).

Впрочем, до позднейшего времени прилагательные краткие (преимущественно в ед. числе) имели способность склоняться в языке русском по древнейшему закону, сблизившему изменение этих форм с склонениями существительных. Напр., в древн. русск. стих.: муж. рода: „у *жива* моста *калинова*", „по *чисту* полю", „на стулѣ *золотѣ*"; жен. рода: „выше *буйны* головы", „изъ пещеры *бѣлокаменны*"; ср. рода: „на *большо* мѣсто"; даже во мн. числе твор. падеж на *-ы:* „со вдовы *честны*" (вм. „со вдовами *честными*").

Примеч. 5 В древнерусск. памятниках: в Мстислав. гр. 1128—1132 г. роусьскоу землю, блюдо серебрьно; в Жит. Феодос. XII в. ризами же хоудами; в Смол. гр. 1229 г. оумьна моужа (вин. п. ед. ч.); в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. кръвавъ моуже *(кровавъ мужь)*, на чюже конь; в Слове о полку Игор. *не готовами* дорогами, въ полѣ *незнаемѣ* и мн. др. См. Хр.

Примеч. 6. В древнерусском языке весьма обыкновенно употребление причастий в краткой форме; напр., *стоящь, побѣгъшь* вм. *стоящій, побѣгшій* и проч.

2. В просторечии краткие прилагательные весьма употребительны и доселе. Напр., „на *босу* ногу"; в народных песнях: „*бѣлъ горючь* камень", „*чисто* серебро", „*красно* золото", „*добра* молодца", „*добру* молодцу", „*бѣлы* руки", „въ мать *сыру* землю" и проч. В народном языке, как в старом, так и в современном, рядом с этими краткими формами употребляются, без всякого от них отличия, и формы полные. Напр., в пословице XVII в. „*битъ небитова* на рукахъноситъ"; у Кирши Дан. „напущается онъ на *стараго*, на *стара* козака Илью Муромца"; в олон. былин. „со *славнаго* съ *богата* Волынъ-города", Рыбн., I, 284 и на стр. 283: „изъ славнаго *богатаго* Волынъ-города".

3. Нынешний язык, образованный литературою, употребляет краткие формы только в прилагательных спрягаемых или таких, которые, будучи сочиняемы с глаголом, составляют сказуемое; напр., „богъ *всемогущъ*"; прилагательные же, как слова определительные, имеют теперь только полную форму; напр., „*добрый* человѣкъ". А так как прилагательное, сочиняясь с глаголом, не может свободно изменяться по падежам, то краткие формы потеряли в общеупотребительном языке способность к склонению и ставятся либо в имен. падеже всех родов обоих чисел: *добръ, добра, добро, добры;* либо в дательном муж. и ср. родов ед. числа при глаголе вспомогательном в неопределенном наклонении; напр. „*богату* быть", „быть *бѣдну*", „быть *взяту*" и проч. (но в жен. „быть *богатой, взятой*", а не *богатѣ, взятѣ*).

Примеч. 7. В пословицах XVII в.: „*горьку* быть — выплюнутъ, а *сладку* быть — проглотятъ", „*горду* быть — глупымъ слыть".

§ 100. В нашем языке употребляется немало кратких прилагательных форм, удержавших, за немногими уклонениями, свои первоначальные падежи, сходные с падежами имен существительных. А именно:

1. Целый разряд прилагательных относительных, оканчивающихся на *-овъ, -евъ, -инъ, -ынъ.* Эти прилагательные смешали краткое склонение с полным. По краткому образовали они все падежи ед. числа муж. и ср. родов, кроме творительного и предложного, и именительный и винительный ед. числа рода женского; во множественном же только именительный и сходный с ним винительный. Прочие падежи ед. и мн. числа образовали они по склонению полному. Напр., краткие формы: *отцевъ, отцева, отцеву, отцевы;* полные формы: *отцевымъ* твор. пад. ед. ч. (а не *отцевомъ*), объ *отцевомъ* (в народном языке говорится и объ *отцовѣ*), *отцевыхъ, отцевымъ* и проч. Так же склоняются все прилагательные, с упомянутыми окончаниями, обращенные в имена

собственные лиц, городов и проч., с тем только отличием, что предложный падеж оканчивают, по краткому склонению, на *-ѣ* вм. *-омъ* или *-емъ;* напр., *Пушкинъ, Пушкина, Пушкинымъ,* о *Пушкинѣ; Царицыно, Царицына, Царицынымъ,* о *Царицынѣ* и проч.

Примеч. 1. В летописях употребляются прилагательные относительные, в полных формах; напр. (жена) *Миндовговая,* (жену) *Борисовую, Романовую.* В былинах так склоняются даже сущ. имена отческие; напр., у Кирши Дан. „(кланяется) княгинѣ *Апраксѣевной*", „у молоды Забавы *Путятишной*"; в олон. былин., „ко Настасьи *Романовной*", Рыбн., II, 214.

2. Относительные прилагательные на *-ій: божій, вражій,* в род., дат. и предл. падежах ед. числа всех трех родов. А именно: муж. и ср. рода: род. *божія,* дат. *божію,* предл. о *божіи.* Так же склоняется и *вражій: вражія, вражію* и проч. Эти краткие формы употребляются не только в книжной речи, но и в разговорной; напр., у Пушкина: „али дождаться свѣту божія," VII, 191. При кратких падежах существуют в нашем языке и полные: *божіяго, божіему,* о *божіемъ, божіей; божьяго, божьему* и проч.; *вражьяго, вражьему* и проч.

3. Краткие прилагательные, употребляемые в виде существительных, каковы, напр., *молебенъ* (от прилаг. *молебный*), *вселенна* (от *вселенный* — заселенный), *обѣдня, вечерня, заутреня, добро, зло, войско* (§ 44) и др.; *добра, добру, злу,* о *злѣ, войско, войскамъ, войсками* (а не *войскими*) и проч. Сюда же принадлежат краткие прилагательные имена относительные, сохранившиеся в названиях городов (§ 67); напр., *Архангельскъ, Архангельскомъ,* въ *Архангельскѣ; Смоленскъ, Смоленска,* подъ *Смоленскомъ,* о *Смоленскѣ; Полоцкъ* (вм. *Полотскъ*), *Полоцкомъ,* о *Полоцкѣ; Кіевъ* (при существительном *Кій*), *Кіеву,* за *Кіевомъ,* въ *Кіевѣ; Ярославль, Ярославля, Ярославлемъ* и проч.

Примеч. 2. В древн. и народн. языке употребляются и полные формы: *обѣдняя, заутреняя;* напр., в 1 Новг. лет. „на *обѣднюю*", 6; в песн. „собирайтеся къ *заутреней*", Чулк. 2, № 121. — В древней цс. письменности употреблялось прилагательное християнь, откуда сущ. *христіян-инъ,* как от прилаг. *поганъ* — *поганинъ,* т. е. язычник.

4. Прилагательные краткие, в словах сложных (§ 80); напр., *новъ, бѣло,* в собственных именах: *Нов-городъ, Бѣло-озеро:* род. пад. *Нова* (города), *Бѣла* (озера); дат. *Нову* (городу), *Бѣлу* (озеру), предл. въ *Новѣ* (городѣ), на *Бѣлѣ* (озерѣ); а не въ *Новомъ* (городѣ), на *Бѣломъ* (озерѣ); но твор. падеж, по склонению полному: *Новымъ* (городомъ), *Бѣлымъ* (озеромъ). Употребляется и *Новгорода, Новгороду, Новгородомъ.*

Примеч. 3. Так же образовались *Ивань-городъ,* но уже потеряло косвенные падежи в первой своей части: *Ивань-города, Ивань-городомъ,* вм. *Иваня-города, Иванемъ-городомъ.*

5. Некоторые местоимения и числительные, напр. *всякъ, пятъ* (§ 70), *самъ, онъ* и др., при полных: *всякій, пятый, самый, оный.* Потому род. падеж двух последних местоимений, по общему закону прилагательных полных, оканчивается на *-аго;* напр. *самаго* (в отличие от *самого*, § 93), *онаго.* Краткая форма речения: *другой,* имеет смысл или существительного: *другъ друзья,* или числительного, в сложном: *самъ-другъ,* или местоимения в выражениях: *другъ друга, другъ другу, другъ другомъ* и проч.

6. В наречиях: *снова, сперва, смолоду, вчужѣ, издалека;* в выражениях „отъ *мала* до *велика*", „въ-три-*дорога*", „безъ *вѣдома*", „съ *вѣдома*" и проч. (вм. съ *новаго*, съ *перваго* и проч.).

Примеч. 4. Прилаг. *четья* (от муж. *четій,* § 55, примеч. 7), в жен. р. согласованное с *минея,* в ед. числе изменяется по склонению краткому; напр., род. пад. *четьи минеи;* а во мн. ч. по полному; напр., род. пад. *четьихъ миней,* дат. пад. *четьимъ минеямъ,* при имен. и вин. пад. *четьи минеи.*

§ 101. Наш книжный язык пользуется краткими формами как цс. языка, так и древнерусского и областного. Старинные писатели весьма богаты этими формами.

Примеч. 1. Напр., у Ломоносова в Оде на взятие Хотина: „въ крови *молдавски* горы тонутъ", „гдѣ зримъ *всходящу* къ намъ денницу"; „что ноги узами звучатъ, *которы* | для отгнанья стадъ | *чужи* поля топтать готовы"; „но *большу* нанести боязнь"; „и правда взявъ перо *злато*" и проч.

Писатели позднейшие употребляют эти формы или в речи витиеватой; напр., Пушкин в Борисе Годунове: „къ его одру, царю едину зримый, |явился мужъ необычайно *свѣтелъ*" (I, 278); или же в речи разговорной, пользуясь некоторыми народными выражениями; напр., „до *бѣла* дня"; как в следующем месте комедии Грибоедова Горе от ума: „что балъ, братецъ, гдѣ мы всю ночь до *бѣла* дня | в приличьяхъ скованы — не вырвешься изъ ига!"

Следует отличать краткую форму: *Златоустъ, Златоуста, Златоусту* и проч., от полной: *Златоустый, Златоустаго, Златоустому* и проч.

Примеч. 2. Некоторые краткие прилагательные в древн. и народном языке, в имен. пад. мн. ч., оканчиваются, как в церковнославянском, на *-и* вм. *-ы;* напр., *ради, сыти, богати* вм. *рады, сыты, богаты.* В Сл. о полку Игор. „страны *ради*, грады *весели*". В Живоп. Новик. „мужики *богати*", 1,78. Слич. причастия: *зрѣли, кисли,* и прилаг. *зрѣлы, кислы;* сущ. *сосѣди* и *сосѣды; черти* вм. *черты.*

§ 102. О некоторых отдельных падежах полного склонения прилагательных в нашем языке должно заметить следующее:

1. Имен. падеж ед. числа муж. р. оканчивается на *-ой* вм. *-ый* и *-ій*, когда эти последние окончания произносятся как *-ой*, с ударением; напр. *нѣмóй, глухóй, чужóй* и проч. (§ 65).

Примеч. 1. В древнерусском и областном языке прилагательные оканчиваются на *-ой* или *-ей* и без ударения на конце (§ 99, примеч. 3). Ломоносов в своей Грамматике (§ 161) допускает формы: *истинной, прежней, божей* и др. вм. *истинный, прежнiй, божiй.*

2. Родительный падеж муж. и ср. рода ед. числа прилагательных, оканчивающихся на *-óй* и *-óе* и употребленных в виде существительных, имеет *-ова* вм. *-аго.* Напр., *Толстóй Толстóва, жаркóе жаркóва.*

Примеч. 2. В древнерусском языке (см. § 99, примеч. 3), равно как и в нынешних областных наречиях, род. пад. муж. и ср. рода оканчивается различно: или на *-ого, -ёго: доброго, синёго* (в новгородском наречии); или на *-ага* и *- ава: добрага* и *добрава* (в рязанском); или на *-ова* и *-ева: доброва, хорошева* (в московском); или на *-ово, -ёво: хорошово, лишнёво* (во владимирском). В украинск. на *-ого* и *-его: доброго, сынего.* — У писателей, особенно в стихах, часто встречается *-ова* вм. *-аго;* напр., у Дмитр. „который отъ роду не читывалъ *другова,* | кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова“, I,53.

3. Родительный падеж ед. числа жен. рода изменил окончания: -ꙑꙗ, -ꙑꙗ и -иꙗ (*-ыя, -iя*) на *-ой* и *-ей;* напр., добрꙑꙗ, *доброй* (§ 99, примеч. 3). Цс. окончание *-ыя, -iя* встречается и у позднейших писателей в книжном, тяжелом слоге, и даже иногда рядом с окончанием собственно русским; напр., у Жук. „блещетъ куполъ | *соборныя, величественной* церкви“; „онъ *слабыя, земной* руки созданье“, II, 196, 213.

Примеч. 3. В древнерусском языке виден переход от формы древнейшей к нынешней, ибо в нем употребляются и та и другая, а также и средние между обеими, оканчивающиеся на *-ые, -iе, -оѣ, -ое.* А именно: *святыя* (вм. свꙗтꙑꙗ), *святоѣ, святые, святое* и *святой; орамыя* (пахатной), *орамые, орамой* и проч. Напр., в Ипат. сп. лет. „борзости ради *коньское* | не воевати ляхомъ *русское* челяди“, 161, 169. В Юрид. акт. под 1550 г. „у Марьи у *Ивановскiе*“, „у *Гавриловскiе* жены“. В послов. XVII в. „есть въ немъ *сѣрые* овчины клокъ“. В древнерусских стихотворениях окончание *-ыя* или *-iя* употребляется не только для родительного, но и для дательного и предложного ед. числа жен. рода. А именно: а) род. „загонъ земли не *паханыя* и не *ораныя*“, 5. б) Дат. „ко матушкѣ *родимыя* своей“, 349; „прiѣхалъ ко церкви *соборныя*“, 96. в) Предл. „сидючи въ бесѣдѣ *смиренныя*“, 283, „стоятъ на пристани *корабельныя*“, 175.

Примеч. 4. К замечательнейшим областным уклонениям принадлежат: 1) род. и дат. пад. ед. ч. жен. р. на *-ёю* или *-ою* вм. *-ей* или *-ой;* напр., в песн. „прiѣзжалъ вѣдь онъ да ко Дунай-рѣкѣ, | ко *широкою* да ко *глубокою*“ (арх.). 2) Вм. *-ыми, -ими,* в твор. пад. мн. ч., или *-ымъ* (*-имъ*), или *-ыма* (*-има*); напр., „заросла моя деревня долами, горами, | и долами и горами, *крутымъ* берегами“, Прач., 131; в арх. „со *всѣма* дѣтьми, *любезныма,* | со *всѣма* да со церковники — | грамотѣями *духовныма*“; в олон. былин. „разводилъ-то медамы *стоялыма*“, „*цѣлыма* тысячмы“, Рыбн., I, 61, 210. Это окончание

сходствует с твор. и предл. пад. мн. ч. в сербск., напр. *добрiема.* 3) Вм. *-ихъ* в род. пад. мн. ч. *-евъ,* в наречии ситкарей, в Моложск. уезде Яросл. губ.; напр., *горкiевъ* вм. *горкiихъ.*

4. Именительный падеж мн. числа для имен мужеского рода принято оканчивать на *-е,* а для имен женского и среднего рода на *-я;* напр., муж. *добрые*; жен. и ср. *добрыя.* В церковнославянском муж. род оканчивается на и: добрии, жен. на -ꙗ: добрыꙗ; ср. на -ꙗ: добраꙗ. В древнерусском языке все три рода без различия оканчивались и на *-и,* и преимущественно на *-е* или *-я: добрыи, добрые* и *добрыя* (см. § 99, примеч. 3).

Примеч. 5. Ломоносов еще не отличал в своей Грамматике муж. рода на *-е* от женского и среднего на *-я.*

§ 103. Имена прилагательные относительные на *-iй,* образовавшиеся помощию звука *и* (§ 67), тем отличаются в склонении от прочих прилагательных с тем же окончанием, что удерживают этот звук *и,* или вполне, или сокращенно, в звуке *ь.* Напр., *вражiй: вражi-яго* или *вражь-яго, вражi-ему* или *вражь-ему* и проч. (в отличие от склонения прилагательных качественных: *синiй, син-яго, син-ему* и проч.). Сокращением звука *и* на *ь* отличается собственно русское склонение от церковнославянского, потому речения, употребляющиеся в разговорном языке, имеют *ь* вм. *и.* Напр., *рыбiй, рыбья, рыбье, рыбьяго, рыбьей, рыбьи* и проч. (вм. *рыбiя, рыбiе, рыбiяго* и проч.).

§ 104. Имена прилагательные, употребляемые в виде существительных, каковы, напр., *нищiй, кормчiй, лѣсничiй, лѣшiй* и др., изменяются по склонению прилагательных; напр., *нищаго, кормчаго, лѣсничаго, нищему, кормчему, лѣшему, о лѣсничемъ, нищiе, кормчихъ* и проч.

Примеч. Жуковский употребляет *лѣшай* (*вм. лѣшiй*), склоняя это слово как существительное: *лѣшая, лѣшаю* и проч.; напр., „два *лѣшая* дерутся", VI, 247, „глупымъ *лѣшаямъ* оставивъ | на произволъ" и проч. VI, 248.

4. Склонение числительных

§ 105[32]**.** Имена числительные изменяются по склонению: или 1) местоимений; напр., *одинъ, одного* (а не *однаго,* как *самъ, самого*); или 2) существительных; напр., *пять, пяти, пятью* (как *кость, кости, костью*); *сто, ста, сту, стомъ,* о *стѣ* (как *мѣсто, мѣста, мѣсту, мѣстомъ,* о *мѣстѣ*); или 3) прилагательных; напр., *пятый, пятаго, пятыхъ* и проч.

Числительные количественные склоняются по образцу существительных, а порядковые по образцу прилагательных.

В рассуждении склонения должно отличать числительные простые от сложных и употребляемые отдельно от сочиняемых с именами.

I. О склонении числительных простых должно заметить следующее:

1. Числительные: *пять, шесть, десять* и проч., изменяясь по склонению существительных, могли иметь не только единственное, но и множественное число, а в церковнославянском языке и двойственное. Во мн. ч. Р. пѧтихъ, шестихъ, отклоняется от склонения существительных (напр., костий — костей); Д. пѧтимъ, шестимъ (но сущ. костемъ — костям); Т. пѧтьми, шестьми (как костьми); М. пѧтихь, шестихъ (как конихъ, мѫжихъ, от конь, мѫжь).

Примеч. 1. Для образца предлагается цс. склонение числительного десѧть, состоящее в бо́льшем сходстве с склонением существительных.

	Ед.	Дв.	Мн.
И.	десѧть	десѧти и десѧте	десѧти и десѧте
Р.	десѧти	десѧтоу	десѧть
Д.	десѧти	десѧтьма	десѧтемь
В.	десѧть и десѧте	десѧти и десѧте	десѧти и десѧте
Т.	десѧтиѭ	десѧтьма	десѧты
М.	десѧти	десѧтоу	десѧтехь

Имен пад. дв. и мн. ч. десѧте в формах: дъвадесѧте, тридесѧте, четыредесѧте; остаток родительного падежа мн. числа: десѧть, в сложных: *пять-десятъ, шесть-десятъ* и проч. (§ 70). Десѧте, в сложных: дъва-на-десѧте, три-на-десѧте и проч., есть вин. падеж ед. числа, зависящий от предлога *на*.

Примеч. 2. В древнерусск. *пятма* (вм. *пятьми*): в Юрид. акт. под 1551 г. „къ ихъ же *пятма* варницамъ“; в обл. языке *сямихъ*, т. е. *семихъ*, цс. седмихъ род. пад. мн. ч.; напр., в смол. дух. стих. „на взрощи Аляксѣйка свѣтъ, *сямихъ* лѣтъ“, Кал., I, 121. В украинск. *пятьма* и *пятёма* (вм. *пятьми*).

2. Числительное: *два, двѣ,* потеряв теперь способность изменяться по двойственному числу, склоняется по множественному, вместе с речениями: *три, четыре;* напр., *двухъ, трехъ, четырехъ* и проч. По образцу дв. ч. *двумя,* в твор. пад., и *тремя, четырьмя* (как и в сербск. *трима, четирма*).

Примеч. 3. Церковнославянское склонение числительных: два, оба, см. в § 90. В украинск. И. муж. *два,* жен. и ср. *дви,* Р. и П. *двохъ* и *двухъ,* Д. *двимъ* и *двомъ,* Т. *двима* и *двома.* В великорусск., пск., смол. *двыхъ, двымъ* вм. *двухъ, двумъ.*

Примеч. 4. Числительные трие и четырие (с окончанием -ие, как пѫтие, мѫжие) в цс. склоняются следующим образом:

И.	трие	четырие
Р.	трии	четырь
Д.	темь	четыремь
В.	три	четыри
Т.	трьми	четырьми
М.	трехь	четырехь

В древнем цс. употребляются четыри и четыре, в имен. пад.; напр., в Болг. сб. 1345 г. родишѧсѧ имъ четыри воеводы, и четыре отроци (Тих. Пам.).

В древнерусск. языке: род. пад. *трій,* твор. *треими;* напр., в Новг. 1 лет. „безъ *тріи* мѣсяць“, 8; в Ипат. сп. лет. „со *треими* тысящами“, 180; в Юрид. акт. „промежъ *треими* елми“, под 1519 г.

3. Числительные: *двое, обое, трое,* т. е. собирательные формы среднего рода ед. ч. от речений: *два, оба, три* (§ 70), в истории нашего языка имели неодинаковую участь.

а) Речение *обое* и доселе склоняется в ед. числе: *обоего, обоему, обоимъ;* тогда как *двое* и *трое* уже потеряли окончания ед. числа. Затерянный в употреблении имен. падеж ед. числа муж. р., вероятно, был *обый* или *обой, двой, трой.*

Примеч. 5. В древнерусском языке встречаем *двоего* (напр., в Жит. Бор. и Гл. XIV в.), *двоему;* в имен. падеже женского рода: *двоя, троя.* В наречиях: *вдвоемъ, втроемъ,* доселе сохранился предложный падеж ед. числа этих речений.

б) Числительные: *двое* и *трое,* потеряв единственное число, заменили его множественным: *двоихъ, троихъ, двоимъ, троимъ* и проч. Соответствующие же им падежи от речения *обое: обоихъ, обоимъ, обоими,* приняв при себе формы женского рода: *обѣихъ, обѣимъ, обѣими,* заменили у нас церковнославянское двойственное число при именительном падеже: *оба, обѣ* (§ 90).

Примеч. 6. В древнерусском употреблялись формы: *обоихъ* и *обѣихъ, обоимъ* и *обѣимъ,* без различия по родам; напр., в Юрид. акт. „*обоихъ* исцевъ“ и „*обѣихъ* исцевъ“, под 1485—1505 г. В обл. яз.: новг. *обои* и *обоѣ, обоѣхъ,* смол. *обой;* арх., пск. *обы, обыхъ;* в пск. и тверск. *обоймъ* вм. *оба;* напр., „*обоймъ* идутъ“, т. е. оба идут. В украинск. сложное *обидви* (т. е. *обѣдвѣ*) вм. *оба;* а в великорусск., пск., тверск. *обадва, обадвыхъ.*

Примеч. 7. Об употреблении *двое, обое, трое* и *двои, обои* и проч. см. в Синтакс.

II. О склонении числительных сложных должно заметить следующее:

1. Числительные, сложные с формою родительного падежа *-десятъ*: *пять-десятъ, шесть-десятъ* и проч., склоняются теперь как отдельные *пять десять, шесть десять* и проч. Напр., род., дат. и предл. *пяти-десяти,* твор. *пятью-десятью* (употребляется в твор. и *пяти-десятью, шести-десятью* и проч.). В церковнославянском же и древнерусском, согласно с образованием этих сложных слов, склоняется только первое числительное, второе же, стоящее в род. падеже мн. числа, остается неизменяемым; напр., пѧти-десѧтъ, шестиѭ-десѧтъ и проч. (См. Синтаксис.)

2. Так же склоняются и сложные с речением *сто: двѣсти, триста, пятьсот; двухъ сотъ, тремъ стамъ, пяти сотъ, пяти*

стамъ, пятью стами, о *пяти стахъ* и проч. В церковнослав., начиная от *пяти,* склоняется также только первое слово, а второе остается неизменно в род. пад.; напр., пѧть сѣтъ, пѧтиѭ сѣтъ. (См. Синтаксис.)

3. *Одиннадцать, двѣнадцать, пятнадцать, девятнадцать* и др., склоняются как сущ. жен. р. на *-ь*; напр., *двѣнадцати, пятнадцатью.* В цс. на-десѧте, как форма самостоятельная, остается неизменяемою; первый же член сложного слова склоняется; а именно: ѥдинаго-на-десѧте, ѥдиномоу-на-десѧте, двою-на-десѧте, двѣма-на-десѧте (дв. число); пѧтаго-на-десѧте и т. д.

Примеч. 8. Но в Синод. ев. 1537 г. встречаем уже „двѣ надесѧтим же єпоѯлом" (Матф., 10,2) по новейшему вм. двѣманадесѧте. В древнерусск., в Юрид. акт., „съ *двунадцати* дворовъ", под 1705 г.

Примеч. 9. О склонении *полтора, полтретья* см. § 80. В древнерусском склонение дробных чисел довольно разнообразно. Напр., в Юрид. акт.: род. пад. „*полудесята* рубля"; вин. пад. „на *полдесята* рубля"; предл. пад. „въ *полудесятѣ* рубляхъ", под 1503 г.

III. Числительные: *сорокъ, сто, девяносто,* прилагаясь к существительным, для всех косвенных падежей принимают только одно окончание род. падежа (как приставка *пол-* в сложном: *полдень, полудня, полудню* и проч., § 80). А именно: *сорокъ рублей, сто рублей; сорока рублей, рублямъ, рублями, рубляхъ; ста рублей, рублямъ* и проч.

Примеч. 10. В предложном падеже допускается и окончание *-ѣ;* напр., „во *стѣ* рубляхъ". Впрочем, просторечие изменяет эти числительные и в прочих падежах; напр., в народной песне: „что ни *стомъ* рублевъ, ни тысячей", Прач, 153. В Древн. русск. стих. „прибылъ флотъ въ *девяностѣ* корабляхъ", 11; в Юрид. акт. даже „*сорокью* восмью баграми", под 1674 г. Напротив того, у Державина: „поставь на *сорокъ* (вм. на *сорока*) двухъ столпахъ", I, 401.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Так как твердые, научные основания этимологии заимствуются из сравнительной грамматики, то для желающих предлагается здесь несколько самых необходимых сравнительных приложений к §§-м первой части этого сочинения.

К § 24-му

Переход *ai* в *ē* и *au* в *ō* явствует из следующих форм: 1) *ai* в *e* (*ae*): греч. λαιός лат. laevus, греч. σκαιός лат. scaevus; лат. aidilis и aedilis, quaistor и quaestor; 2) *au* в *o*: лат. ausculum и osculum, haurio и de-horio; лат. aurum, auris, claustrum, и итал. oro, франц. or, нем. ohr, франц. or-eille (с суффиксом имен уменьшительных), нем. kloster.

Во французском *ai* произносится как *e*, *au* — как *o*.

Переход *a* в *o* и *e*: 1) в *o*: санскр. *катарас* и наше *который,* санскр. *вiд'ава̂* и вѣдова; лит. akis и *око,* лат. arare и *орати,* лат. mare, лит. mares и *море,* готск. gasts и *гость*; 2) в *e*; азъ, санскр. *агам,* зендск. *азем,* и лат. ego, греч. ἐγώ; санскр. *асмi* и *есмь,* санскр. *астi* и *есть,* греч. ἐστί, лат. est, лит. esti; санскр. *саптан* и лат. septem, седмь; санскр. *джанî* (от *джан* — рождать) и *жена.*

Переход *у* и *i* в *o* и *e*; напр., лат. animus и греч. ἄνεμος; в наречии осков *ú* и *í* соответствуют латинским *o* и *e*; напр., оскск. púst, ínim, íst, лат. post, enim, est.

Нашему *ы* в других языках соответствуют или *ui*; напр., в лит. smuikas (скрыпка) *смыкъ, смыч-окъ,* или долгое *у̂;* напр., бы-ти, в санскр. корень *б'у̂*, в греч. φύ-ω, ἔ-φῡ-ν, лат. fu-i, fu-turus.

К § 25-му

Нашему *ѣ* соответствуют в родственных языках: или долгие *â* и *ê* (греч. η); напр., *дѣ- (дѣ-я-ть, дѣ-ть)* — санскр. *д'â,* греч. θη в удвоенной форме τί-θη-μι; *вѣ- (вѣ-я-ть)* — санскр. *вâ,* откуда *вâ-трi, вâ-та,* наше *вѣ-тръ*; или двоегласные: *ai, oi, ei.* Напр., *квѣтъ (квятъ)* или *цвѣтъ* и лит. kwêtys (triticum), готск. hvaitei (triticum); *вѣдать* и греч. εἶδον, εἴδω, οἶδα, с тонким придыханием вместо густого, соответствующего звуку *в* (или дигамме), готск. vait, лит. wéizdmi; в санскр. *вêда*

(как бы *вѣда*) — знание, от корня *вiд* — *вѣдать*, через форму *ваiда*. См. Прилож. к § 30-му.

К § 27-му

Буквы *ъ* и *ь* соответствуют в родственных языках следующим звукам: 1) *ъ* звукам твердым *у* и *а: плъкъ*, лит. pulkas, дъщи — дъщерь, лит. duktê, род. пад. duktêres; санскр. *дугiтрi;* бъдръ лит. budrus; латинское *и* в окончаниях имен *-u-s* и достигательного наклонения *-tu-m*, соответствует нашему окончанию на *-ъ:* bon-u-s *добръ*, past-u-m паст-ъ (пасти); къ-то, лит. ka-s; литовское окончание *-a-s* соответствует весьма часто нашему *ъ:* ubag-a-s *убог-ъ*, bas-a-s *бос-ъ* и проч.; 2) *ь* преимущественно звуку *i:* санскр., греч., лит. глаголы на *-мi* соответствуют нашим на -мь; напр., санскр. *ácмi, дадâмi*, греч. δίδωμι, лит. esmi, duomi *, — есмь, дамь; 3-е л. ед. ч.*-mi* у нас *-ть:* санскр. *асmi*, греч. ἐστί; лит. esti — есть; санскр. *вiд'авâ*, лат. vidua — вьдова; латинскому окончанию *-i-s* соответствует наше *-ь: огнь*, лат. ign-i-s, санскр. *агнi*.

К § 28-му

Буквам ж, ѭ, ѧ, ѩ в родственных языках соответствуют гласные с *м* или *н;* а именно: 1) ж: ржка, лит. ranka, польск. ręka; вин. пад. вьдов-ж — санскр. *вiд'ав-ам*, лат. vidu-am; тысжща — готск. thûsundi, древненем. dûsunt, лит. túkstantis; в 3-м лице мн. числа глаголов: сжть — санскр. *санmi*, лат. sunt; в причастиях: вѣд-ж-щ- (вѣджщи, вѣджщаго и проч.), лат. am- an-s. 2) ѧ: пѧть — санскр. *панчан*, греч. πέντε, нем. fünf; в причастиях: сѣд-ѧ сѣд-ѧ-щ- (сѣд-ѧ-щи и проч.), лат. leg-en-s и проч.; готск. plinsjan, ausahrings (собственно: кольцо в ухе), плѧсати, усерѧзь; древнесакс. kuning, сканд. konungr — кънѧзь, древненем. skilling — склѧзь.

К § 29-му

Вставкою гласных при плавных пользуются и другие родственные языки. Напр., наречие осков придает полногласие латинским формам: ar-a-getud вм. лат. argento, ter-e-mnis вм. лат. terminus. В таком же отношении стоит древневерхненемецкое наречие к новонемецкому; напр., древние формы: dur-u-h, ar-a-beit **, ar-a-m, vur-u-m соответствуют позднейшим durch, arbeit, arm, wurm и проч.

К § 30-му

Подъем гласных *у* и *i* и плавного *р* господствует во всех языках. В санскрите этот подъем совершается вставкою перед ними краткого или долгого *а;* и тогда *ау* переходит в *ô*, а *ai* в *ê;* в других языках вм. *а* употребляются для подъема *о* и *е*, а иногда и *а*. Так как крат-

---

* Исправлено. В предшествующих изданиях *douml. (Ред.)*
** Исправлено. В предшествующих изданиях *ar-a-peit. (Ред.)*

кое *у* = *в*, то поднятый звук иногда произносится *ав* вм. *ау*. Напр., санскр. *плу:* в подъеме *плау*, откуда *плава* — корабль, ладья, как у нас от *плу* — *плавъ* — *плавить*. Санскр. *i* (корень гл. *идти*): наст. вр. ед. ч. 1-е л. *êмi* (из *аiмi*); в греч. и лит. *i* поднимается звуком *е:* греч. εἶμι, лит. eimi — иду; от корня *вiд-* (в санскр. зн. „знать"): санскр. *вêда* (из *ваiда*) — знание, лит. weizdmi, греч. εἶδον, οἶδα и т. д.

К § 31-му

Санскр. небное *с* (произносят как *ш*) соответствует в классических языках звуку *к*, в славянском — *с* и *к;* напр., *шру* (слушать): греч. κλύ-ω, лат. clu-tus, in-clutus, у нас слоу-ти, слов-ѫ; санскр. *шi* (лежать); греч. с подъемом помощию звука *е:* κεῖ-μαι, лат. quies; у нас чи-тѫ (*почiю*), и в подъеме помощию *о: кой (по-кой)*.

К § 32-му

По придыханиям *с* и *h* отличаются индоевропейские языки: в одних господствует *с*, как напр. в санскр., латинском, в других — *h*, как напр. в греческом. Наш славянский присоединяется, в этом отношении, к языкам, усвоившим придыхание *с*. Напр., *семь* или *седмь*, санскр. *саптан*, лат. septem, греч. ἑπτά. Впрочем, и в греч. в древнейшую эпоху употреблялось придыхание *с;* напр., лат. sus (свинья), у Гомера σῦς, а потом уже ὗς: от корня *су* — наше прилаг. *свин-ой* (вм. *суин-*), а оттуда уже *свинья*. См. § 67, примеч. 1.

В греческом придыхание выражалось, кроме знаков ' и ', особенным начертанием, известным под именем дигаммы (Ϝ). Дигаммою обозначались придыхательные звуки: v, h, g; напр., Ϝέσπερος, лат. vespera, Ϝοῖνος, лат. vinum, Ϝιδεῖν, лат. videre, видѣти; Ϝοῖδα, готск. wait, вѣдѣти и проч. Дигамма обыкновенно приписывается наречию эолическому. В дорическом ей соответствует γ: Ϝέαρ γίαρ, лат. ver; Ϝεστά γεστία, лат. vestis; Ϝοῖνος γοῖνος; или же β; напр., Ϝίς βία, лат. vis. Впоследствии дигамма или перешла в густое придыхание; напр., Ϝέσπερος ἕσπερος, или в υ, образовав двоегласные: αυ, ου, ευ; напр., ναῦς (вм. νάϜς), лат. navis; βοῦς (вм. βόϜς), лат. bôs (вм. bovs), bovis; или же вовсе исчезла, в начале слова перешедши в тонкое придыхание, напр. Ϝίς ἴς, лат. vis, а среди слова не оставив даже и следа; напр. 'νέος (вм. νέϜος), лат. novus новый.

К § 33-му

Обоюдный переход плавных *р* и *л* оказывается в следующих формах: санскр. *шру*, *слу-ти*, κλύω и проч., лат. gurges и gula, лит. surus (соленый) и *соль*, лат. sal; лит. garsas (молва) и *гласъ*, *сребро* и готск. silubr, нем. silber и проч. Как мы в иностранном слове изменили *р* на *л: февраль*, *феврарь*, так и немцы переделали из латинского peregrinus — pilgrim, старинное piligrim.

Переход *л* в гласные звуки особенно явствует в формах романских языков, которые, во многих случаях, заменяют латинское *л* зву-

ками *l* и *y:* 1) особенно в итальянском: bianco, fiamma, piano, fiore, fiume, вм. blanco, flamma, plano, flore, flume и проч.; 2) *y:* во французском, после гласных, вместе с которыми это *u*, происшедшее из *l*, переходит в долгий звук: paume, aune, taupe, saut, вм. palma, alna, talpa, saltus; eux, ceux, mieux, vieux, вм. els, cels, miels, viels; doux вм. dolcs. Впрочем, если на конце нет согласного звука, то *l* может сохраниться; напр., mal, cheval.

Переход *с* в *р* особенно замечателен в истории латинского языка. Древнейшие собственные имена: Papisius, Vetusius, перешли в позднейшие: Papirius, Veturius; древнейшие формы: asa, ausum, ausis, hesi, fesiae и др., перешли в позднейшие ara, aurum, auris, heri, feriae и проч. Таким образом, напр., наша форма: *ухо*, должна быть сближаема с древнейшею ausis (готск. ausa), а не с позднейшею auris.

Звук *д*, смягчаясь, переходит иногда в *л* или в *р*, на этом основывается изменение литовской формы sidabras в славянскую *сребро* и в готскую silubr. Слич. греч. δάκρυ и лат. dacrima и lacrima, наше *дверь*, и лат. levir и проч.

Переход *м* в *н* оказался в образовании некоторых форм классических языков. Так, вин. падеж ед. числа в латинском имеет *m*, а в греческом ν; напр., лат. patrem, eum, illam, bonam; греч. ὅν, τόν, τήν, καλήν.

Н переходит в *л:* лат. asinus и готск. asilus *оселъ;* нем. kind, англосакс. cild, англ. child; древневерхненем. organa и новонем. orgel. В романских языках древнейшее *н* переходит в *р* и в *л:* франц. diacre, timbre, coffre, вм. diukonus, tympanum, cophinus; итал. Bologna, Palermo, Girolamo, veleno, вм. Bononia, Panormus, Hieronymus, venenum и проч.

К § 36-му

Смягчение зубных *д* и *m* не чуждо и другим индоевропейским языкам. Так, напр., оно встречается в наречиях языков классических. В греческом: эолич. и йонич. ιορκάς, ζόρξ, вм. δορκάς, δορξ; эолич. ζά вм. διά; и наоборот, δεύς вм. ζεύς, откуда διός. Дорич. μάδδα вм. μάζα, ὄδδει вм. ὄζει, лаконич. μυσίδδειν вм. μυθίζειν. В латинском: в наречии осков: Bansae, Cômpsa, вм. Bantiae, Comptia.

Романские языки смягчают зубные звуки латинского. Напр., diaconus, в средневек. лат. zaconus; итал. mezzo, pranzo вм. лат. medius, prandium; razzo и raggio вм. лат. radius; oggi вм. лат. hodie; giorno вм. лат. diurnus; во франц. jour, как и итал. giorno, вм. diurnus; rayon вм. radius. Переход t, перед гласным i, с следующим гласным же, в *ц* или в *с* (напр., conditio, condition), ясно указывает на смягчение зубных звуков, как на общую потребность наречий латинского языка.

К § 38-му

Церковнославянскому *щ* (или *шт*) и нашему *ч* в родственных языках весьма часто соответствует сочетание звуков *кт* или *гт;*

напр., дъщи — дъщерь, *дочь — дочерь*, греч. θυγάτηρ, лит. duktê, род. dukterês, готск. dauhtar, нем. tochter; нощь, греч. νύξ, лат. nox, род. noct-is, готск. nahts *, нем. nacht и пр.

К § 48-му. См. примеч.

Например, наше слово *сынъ,* лит. sunus, готск. sunus (откуда древневерхненем. sunu, средненем. sun и наконец новонем. sohn) указывают при себе на один общий корень в глаголе *сў,* имеющем в санскрите значение „рождать" и производящем от себя, в этом языке, причастие *сў-нус* (рожденный), которое получило смысл существительного *сынъ,* т. е. „рожденный". От санскр. корня *джан* — рождать, санскр. *джанî* и наше *жена.* От санскр. *дiв* — светить, санскр. *дiва* — небо, лат. divum (sub divo), санскр. *дiвас* — день, лат. dies; санскр. *дiна* (из *дiв-ан-а*) — день, цс. дьнь, лит. diena. Слова, означающие родство, сходны во всех языках индоевропейских и, конечно, происходят от общих им всем корней. Напр., мати матере, санскр. *мâтрi,* лат. mater, греч. μήτηρ, лит. ** motê, древненем. muoter ***; *братъ, братръ* — санскр. *б'рâтрi,* лат. frâter, греч. φράτηρ и т. д., при санскр. глаголе *б'рi* — несу, наше *брать* (в смысле „нести"), откуда *бремя.*

К § 50-му. Примеч. 1

Например, в греческом: δίδωμι, τίθημι и проч.; в латинском: titubo, sisto; в наречии осков fefacust вм. fecerit; у Плавта и Теренция удвоенная форма tetuli и простая tuli; в готском прошедшие формы: haihait (hiess), taitok от tekan (ткнуть).

Редупликация, или удвоение, усиливает корень глагола и потому соответствует подъему гласных в глаголе, господствующему, вместо редупликации, в наречиях славянских.

К § 56-му

Лат. супинум на -tum есть не что иное, как отглагольное имя в вин. падеже среднего рода.

На сродстве имен с неопределенным наклонением, по образованию, основывается в некоторых языках переход неопределенного наклонения в существительное имя; напр., в немецком: essen и das essen.

К § 57-му. Примеч. 1

Например, личные местоимения: 1-го лица: азъ, мене (мѧ); санскр. *агам, мама;* зендск. *азем, мана;* греч. ἐγώ, μοῦ; лат. ego, mei; лит. asz, manęs; готск. ik, meina и проч.; 2-го лица: ты, тебе; санскр.

---

* Исправлено. В предшествующих изданиях naht. *(Ред.)*

** Исправлено. В предшествующих изданиях *или. (Ред.)*

*** Исправлено. В предшествующих изданиях *muotar. (Ред.)*

твам, тава; зендск. *тум, тава;* греч. σύ, σοῦ, σέθεν, по дорич. наречию: τύ, τέος, τεοῦς; лат. tu, tui; лит. tu, tewęs; готск. thu, theina и проч.; возвратное местоимение: ꙁебе, ꙁѧ; лат. sui, se; лит. sawęs, sawę; готск. seina, sik (нем. sich); в греческом *s* заменяется густым придыханием, равно как и в языке Зендавесты: греч. ὅυ, ἕ и σφέ (со звуком *с* вм. *г*); зендск. hê и проч. Корень вопросительных местоимений *к:* къ-то, к-ои; санскр. *кас,* лат. quis; в греческом по эолич. наречию: κόσος, κοῖος; в готском *к* переходит в *h*: huas (quis), древненем. huer, откуда новонемецкое wer (за отнятием придыхания *h*, как ring вм. hrings и мн. др.). Корень указательного местоимения *с:* сь, сей; санскр. *cja,* готск. sa, греч. ὁ, ἡ (вм. σο, ση) и проч.

К § 59-му

Наше окончание *-тель* (напр., в словах: *да-тель, по-да-тель*) соответствует латинским *-tor* и *-turus* (окончанию причастия); напр., da-tor и da-turus, geni-tor и geni-turus; греческим суффиксам -τριδ, -τρια (лат. tr-i-c в trix), -τηρ, напр. в слове γασ-τήρ, и проч.

К § 60-му. Примеч. 3

Напр., в санскр. имена жен. р., на долгое *î*; напр., *джанî* — жена, на долгое *ŷ* (наше ы); напр., *свашрŷ* — цс. свекры, свекровь.

К § 62-му

Наши формы на *-мень, -мѧ* соответствуют греч. на -μον, -μεν; напр., πνεῦ-μον, δαί-μον, ποι-μέν; латинским на -men, -mo(n), -min-us; напр., car-men, ser-mo, ser-mon-is, ter-min-us и проч. Носовой звук ѧ, в окончании -мѧ, напр. сѣ-мѧ, оказывается явственно в латинском -men, напр. se-men, ful-men (вм. fulg-men), ger-men (вм. gen-men) и проч.

Суффиксы наших имен, отметаемые в имен. падеже, оказываются в именах и прочих родственных языков. Напр., 1) *-мен-* в именах на -мѧ: сѣ-мѧ, сѣ-мен-е, лат. semen; 2) *-т-*: дитѧ, дитѧ-т-е, греч. σῶμα, в косв. падежах тема: σωμα-τ и др.; 3) *-р-*: мати, мат-ер-, дъщи, дъщ-ер-, греч. μήτ-ηρ, лат. mat-er, греч. θυγάτ-ηρ, лит. duktê род. пад. dukt-er-ês, готск. dauht-ar, откуда нем. tochter, и проч.; 4) *-с-*: небо неб-ес-е, санскр. *наб'ас,* греч. νέφος, род. νέφεος, вм. νέφ-εσ-ος и проч.

К § 69-му. Примеч. 1

Помощию суффикса сравн. степени *-тар-* или *-тер-* образуются *ко-тор-ый* (с изменением *-тар-* на *-тор-*), санскр. *ка-тар-ас* (от местоим. *кас*), греч. πό-τερ-ος (вм. κό-τερ-ος), лат. al-ter, u-ter, ne-u-ter, dex-ter и др.; французское au-tre (вм. al-tre) есть не что иное, как лат. al-ter. Суффикс сравнительной степени *-тар-, -тор-, -тер-* явственно сохранился в греческом; напр., εὐρύ-τερ-ος, κατώ-τερ-ος, δεξι-τερ-ός, ἀρισ-τερ-ός и проч.

К § 69-му. Примеч. 3

Числительные образовались помощию суффиксов или сравнительной, или превосходной степени; напр., наше *в-тор-ой,* греч. δεύ-τερ-ος; лат. sept-im-us, помощию суффикса превосходной степени *-im-us*; напр., simill-im-us, ult-im-us, min-im-us и проч. Равномерно и звук *m* в числительных признается указателем превосходной степени: quin-t-us, ter-t-ius, нем. dri-tte и проч.; а также *st*, в формах er-ste, selb-st, für-st. Слич. наше *старо-ст-а,* которому соответствует то же произведенное от сравн. степени *стар-ѣйш-ина;* в готск. sini-st-a (в том же значении).

Французское même, древнефранц. meismes, mesme (образовалось от формы превосходной степени: metipsimus, итал. medesimo).

К § 70-му. Примеч. 3

Например: *два, три, четыре, пять* (пѧть); санскр. *два, трі, чатвâр, панчан;* зендск. *два, трі, чатвâр, панчан;* греч. δύο, τρεῖς, τέσσαρες, πέντε; лат. duo, tres, quattuor, quinque (с изменением *n* на *кв*); лит. du, trys, keturi (с гортанным *к* вм. *ч,* как наше къ-то переходит в чь-то), penki; готск. tvai, threis, fidvor, fimf: откуда нем. zwei (с смягчением язычного *t*), drei и проч.

Касательно единичного числа должно заметить, что название его в родственных языках, как и у нас, образовалось в связи с местоимениями. Поэтому латинское unus переходит в член языков романских, т. е. в местоимение: франц. un, une; равномерно и нем. ein есть и член, и местоимение, и числительное. Другой член образуется в языках от местоимения указательного: франц. le, la, от лат. ille; нем. der, die, das, вместе и член, и указательное местоимение, родтвенное нашим: тъ, та, то.

К § 84-му и § 85-му

Глаголы древнейшей формации, или неправильные, во всех коренных индоевропейских языках одного и того же происхождения и образования. Напр.:

	Слав.	Санскр.	Лит.	Греч.
1-е л.	ѥсмь	*ас-мі*	es-mi	εἰμί (ἐμμί ἐσ-μί)
2-е л.	ѥ-си (вм. *ес-си*)	*а-сі*	es-si	дорич. ἔσ-σι откуда εἶς
3-е л.	ѥс-ть	*ас-mi*	es-ti	ἐσ-τί и проч.

Греческий язык имеет целый разряд глаголов -μι (= -мь, напр. да-мь, гр. δίδω-μι).

В формах литовского языка очевидным образом усматривается переход глагола от древнейшего (или неправильного) спряжения к позднейшему. Ибо в этом языке некоторые глаголы, кроме древнейшего окончания, имеют и позднейшее, общее со всеми прочими;

напр., употребляются не только ed-mi (вм. ıамь *яд-мь,* т. е *ѣ-мъ*), ei-mi (иду), но и êdu или êdziu (ѣмъ), einu (иду). Даже вспомогательный глагол, кроме формы es-mi (ıєс-мь), имеет сообразную с законами позднейших глаголов: essu (есмь).

В латинском указатели лиц весьма явственно сохранились при глагольных формах всех времен: su-m, inqua-m, amaba-m и проч.

К § 84-му

Окончания церковнославянских прошедших форм на -хъ и -съ, напр. прига-хъ, прига-съ, прига-х-омъ, прига-с-омъ, соответствуют в греческом языке суффиксу аориста 1-го: -σ, напр. ἐ-βούλευ-σα.

К § 99-му

Соответственное славянскому образованию и склонению прилагательных полных встречается в языке литовском, в котором прилагательные полные склоняются также помощию присоединения местоимения указательного или личного к форме краткой; напр.:

Имен.	новъ + и	= новъи (новыи)
	naujas + jis	= naujasis
Род.	нова + юго	= новааго
	naujo + jo	= naujojo
Дат.	новоу + юмоу	= новоуоумоу
	naujam + jam	= naujamjam

и проч.

СИНТАКСИС

ВВЕДЕНИЕ

ОБ ОТНОШЕНИИ ЯЗЫКА К МЫШЛЕНИЮ

§ 106. Изучая какой-либо язык, мы обращаем внимание или на отдельные слова, или на взаимное их сочетание. Отдельные слова исчисляются в словаре; законы сочетания слов излагаются в синтаксисе. Отдельным словом означаются представления и понятия о каком-нибудь предмете, свойстве или действии; напр., *Нева, быстрый, теку;* сочетанием слов выражается целое суждение; напр., „Нева течет быстро“.

Язык служит нам для взаимной передачи мыслей, т. е. представлений, понятий и суждений. Поэтому должно знать: 1) чтó есть представление, понятие и суждение и 2) как выражаются они в слове для взаимного сообщения мыслей между говорящими. Сведения о первом предмете заимствуются из науки о мышлении, или из логики; сведения же о втором собственно принадлежат грамматике и касаются того, чем язык отличается от мышления и грамматика от логики.

§ 107. Представлением называется то впечатление, которое сохранилось в душе от предметов, оказавших действие на чувства; напр., увидев орла, верблюда, пальму, прослушав какую-нибудь песню, мы можем в бóльшей или меньшей ясности представить себе эти виденные или слышанные нами предметы. Таким образом, все то, чтó человек когда-нибудь видел, слышал, ощущал, оставляет по себе в душе его впечатление.

Предметы оказывают впечатление на наши чувства. Чувств считается пять, а именно: зрение, слух, осязание, вкус и обоняние. Первые два, т. е. зрение и слух, именуются высшими, или благородными, а последние три низшими, или неблагородными.

Наибольшее число впечатлений человек приобретает помощию зрения: чему способствуют как острота взора, проницающего в мельчайшие изгибы предметов, так и обширный объем пространства, на котором помощию зрения человек получает впечатления.

Высокое назначение слуха оказывается из того, что помощию этого чувства сообщаются нам мысли, передаваемые посредством

языка. Дар слова и чувство слуха состоят во взаимной связи; потому глухонемые, не слыша речи других, не говорят и сами.

Наш язык пользуется одними и теми же корнями слов для выражения как предметов, с особенною силою действующих на чувства, так и самых чувств. Потому наименования высших чувств, зрения и слуха, в нашем языке сближены с наименованиями света и речи, как таких предметов, которые сильнее прочих оказывают впечатление на эти чувства. А именно:

1. Зрѣние*. От гл. *зрѣть* происходит форма *зор* (и *зар,* § 30), откуда слова: *заря, зарево,* в значении света; и *взор, надзор* и проч., в значении смотрения. От слова *заря* (в значении света) происходит глагол *зариться,* в значении „смотреть на какой-нибудь предмет с удовольствием и желанием приобрести его для себя“, „жадно смотреть на что-нибудь“. При глаголе *видѣть,* сущ. *вид* имеет значение того, что́ виднеется. Прилаг. *темный* относится не только к предметам, подлежащим чувству зрения, но и к самому лицу, и означает, в этом последнем случае, слепого, плохо видящего (напр., Василий Темный).

Примеч. 1. В Изб. Свят. 1073 г. встречаем слово ꙁарꙗ в значении света вообще: ѿтъ ѻгнꙗ ꙁарꙗ и дымъ присно раждаѥтьсꙗ. — Наше слово *зрак* (откуда уменьшительное *зрачок*) относится к чувству зрения; в сербском же *зрак* относится к предмету этого чувства и означает солнечный луч. В древнерусском от глагола *зрѣть* употреблялось существительное *зрѣемо* или *зрѣимо, зрѣмо*, в значении расстояния, какое можно обозреть глазами; напр., в Жит. Феодос. XII в. блаженый же не доида, ꙗкоже и ꙁьрѣимо ихъ; в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб. XIV в. и поиде ѿ смолеска (вм. *Смоленьска*) ꙗко ꙁрѣмо ѻдино ста на смядинѣ в источниках у Карамз. „сташа (татары) станом пред золотыми враты на *зрѣемѣ,* ИГР, III, примеч. 363. В областном просторечии: пермск. *отемнѣть* зн. „ослепнуть“, а в волог. *полусвѣтье* — кривой человек.

2. Слух. От глагола *слыть* (корень *слу*) происходит название чувства: *слух,* и предмета, действующего на слух, *слово* (§ 30). Самое речение *слух* употребляется в значении не только слышания, но и того, что́ слышится — в значении молвы, славы хорошей или дурной; напр., „идет слух“ — *слывет* или *словет,* вм. „идет молва“, или вм. „говорят“. Прилаг. *глухой* имеет значение не только лица, которое не слышит, но и предмета неявственного или незвонкого; напр., „глухой звон“, „глухая речь“.

Примеч. 2. В „Беседе трех святителей“ по рук. XV в. слꙑшатисꙗ употребляется в смысле „называться чем,“ „сказываться.“ Напр., Василий спрашивает: что сꙗ слꙑша гнь вертьпоу в не(м) же роди(с) тъ; т. е. как назывался хозяин вертепа и проч.; Григорий отвечает: имꙗ ѥмꙋ фꙋ(с)ꙁдо. Василий спрашивает: что сꙗ

* Здесь и ниже, до § 108, в примерах сохраняется написание *ѣ* для того, чтобы не нарушить этимологических построений автора. *(Ред.)*

слъıшахоу волсви иже принесоша даръ бгоу, т. е; как назывались волхвы и проч., и далее даже объяснено глоссою, или вставкою толкования: кто са слыша или что са сказа имени ею, т. е. имена двух разбойников, распятых вместе с Христом, Тих. Пам. II, 429—430.

Примеч. 3. В отношении перехода понятий от предмета к ощущению из наименований прочих чувств особенно замечательно *обоняние*. Это слово происходит от слова *воня* — запах, как дурной, так и хороший, откуда древнее церковнославянское вонѭлица — ароматическое масло; напр., в Сп. Упиря: продаӕнїамь пшеница и вонѧлиць (в испр. *мѵровъ*, Иез. 27, 17); в слове *обонять*, откуда *обоняние*, *в* выброшено после *б* (т. е. вместо обвонѩти, § 38). — В старину гл. *обонять* употреблялся в значении не только „нюхать“, но и „благоухать“; напр., „благодаряше бога въ скорбехъ, и къ томужде своихъ сродниковъ поучаше, аки ливанъ во огни *обоняющъ* (т. е. благоухающ) представися“, Патер. житие Симона еписк. И наоборот, *ухать*, откуда *благо-ухать*, в старину употреблялось в значении „нюхать“: *поухати* — понюхать; напр., „дай ему *поухати* зелья именемъ евшанъ“, Ипат. сп. лет.

Наибольший запас наблюдений и сведений приобретается помощию чувств высших или благородных, т. е. зрения и слуха. Кто больше видел и слышал, тот опытнее. Названия свидетеля в древнерусск. языке происходят от слов, означающих чувства высшие, а именно: *видок* и *послух*.

Так как помощию высших чувств человек обогащает свой ум сведениями, то весьма понятно, почему в языке глаголы *видѣть* и *вѣдать* одного происхождения (§ 30). И теперь мы употребляем: *вижу, видишь* и проч., в значении: „знаю“, „знаешь“ и проч.

Примеч. 4. Ныне употребительное слово *свидѣтель* производится от гл. *видѣть;* а в древнем церковнославянском языке соответствующее ему *съвѣдѣтель* производилось от глагола: *вѣдѣти*.

Примеч. 5. Мысль о приобретении сведений помощию чувств наш язык выражает весьма удачно в глаголе *от-вѣдать*, но применяет это слово преимущественно к низшему чувству — ко вкусу.

§ 108. Разбирая представления, мы замечаем между ними сходство и различие; представления сходные слагаем вместе, различные же отбрасываем. Например, приводя себе на память представление о той розе, которая стоит в горшке на окне нашей комнаты, о той, которую видели в саду, в оранжерее и проч., составляем себе общее представление о розе. Это общее представление образовалось вследствие соединения в одно целое всего того, чтó оказалось общего во всех розах, виденных нами, а именно: представления о форме цветка, о множестве лепестков, о приятном запахе, об известной форме листа, о шипах. Соединив в одно все эти сходные представления под одним общим именем *розы*, мы отбросили все то, чем каждая из виденных нами отдельных роз отличается от всех прочих. Такое соединение представлений сходных и отстранение несходных именуется отвлечением.

Общее представление, составленное в уме нашем помощию отвлечения, именуется понятием. В приведенном примере, *роза* есть понятие, или общее представление; отдельные же экземпляры этого цветка, в разные времена нами виденные, называются особенными (или индивидуальными, т. е. неделимыми) представлениями.

Примеч. Слово *понятие* происходит от глагола *понять* (по-нѧ-ти, из предлога *по* и глагола ѧ-ти, юмлѭ), т. е. брать или побирать (§ 33).

Принадлежности, по которым сближаем или различаем представления и понятия, называются признаками. Например, признаки понятия о городе составляет все то, чем город отличается от деревни и села: в городе живут различные классы народа, находятся присутственные места и проч. Признаки общего представления или понятия легко исчислить; особенное же или неделимое представление имеет их бесконечное множество. Так, представление об известном каком-нибудь городе, напр. о Риме, содержит в себе такое множество признаков, что они не могут быть исчислены никакою историею или топографиею этого города. Бесконечное множество особенностей, составляющих принадлежность особенного или неделимого представления, дает ему в нашем уме характер живости и свежести, которым отличается всякое впечатление, произведенное на наши чувства предметом. Напротив того, понятие, будучи отвлечено от особенных представлений, помощию отделения от них того, чем они одно от другого отличаются, имеет характер общий или отвлеченный.

Все слова суть не что иное, как названия общих представлений или понятий, потому одно и то же слово может выражать представление о различных предметах. Напр., слово *дом* означает не только то здание, где мы теперь находимся, но и бесчисленное множество всех прочих предметов, этим словом именуемых. Прилагательные *добрый, умный, веселый* и др., глаголы: *делает, идет, говорит* и проч., относятся к бесчисленному множеству отдельных лиц, о которых случается нам думать или говорить.

Хотя все слова в языке служат для выражения понятий, однако отличаются бо́льшею или меньшею отвлеченностью. Наибольшее отвлечение представляют существительные, произведенные от глаголов и прилагательных, для означения какого-либо действия или качества; напр., отглагольные существительные: *движение, старание,* означают понятия, отвлеченные от различных лиц или предметов, которые *двигались — двигаются, старались — стараются* и проч.; произведенные от прилагательных: *доброта, злоба, быстрота* и проч., означают понятия, отвлеченные от различных предметов, которые были названы *добрыми, злыми, быстрыми* и проч. Так как неопределенное наклонение есть существительное отглагольное (§ 195), то и выражает всегда отвлеченное понятие того действия или состояния, которые выражаются прочими наклонениями глагола.

Все прочие имена, означающие предметы, как вещественные, так и духовные, могут быть названы, в отличие от отвлеченных, наглядными; напр., *мир, дух, небо* и проч.

§ 109. Признаки какого-либо понятия, все вместе взятые, составляют его содержание. Напр., признаки *дерева* суть: *корень, ствол, способность питаться и возрастать* и проч. Представления или понятия, которые, будучи сближены помощию отвлечения, слились в одно, общее им всем, понятие, составляют его объем. Напр., в объем понятия о *дереве* входят понятия о *березе, буке, кедре, пальме* и проч. Понятие, в отношении к другим, входящим в его объем, называется высшим; составляющие же его объем именуются низшими. В предложенном примере *дерево* есть понятие высшее в отношении к низшим: *береза, дуб* и проч.

Объем и содержание понятия находятся в обратном отношении, т. е. чем обширнее объем понятия, тем теснее его содержание. Так, по объему понятие о *дереве* обширнее понятия о *дубе,* потому что под понятием о *дереве,* сверх *дуба,* разумеем *березу, пальму, лавр* и проч.; по содержанию же понятие о *дубе* обширнее понятия о *дереве,* потому что, сверх признаков, принадлежащих общему понятию о *дереве, дуб* имеет еще свои собственные, отличающие его от прочих *дерев,* а именно: известная форма листа, твердость и долговечность, желуди и проч.

Особенные или неделимые представления имеют самое большее содержание и самый тесный объем. Напр., представление об этом столе, за которым сидим, не имеет в своем объеме уже никаких других представлений; в содержании же своем совмещает бесконечное множество признаков.

Всяким словом выражаем мы понятие общее, заключающее в объеме своем другие понятия. Напр., в предложении: „этот стол окрашен" — три слова и три общих понятия: *этот, стол* и *окрашен.* Даже имена собственные, которыми мы означаем неделимое представление, суть такие же общие понятия, как и имена нарицательные, чтó явствует как 1) из значения имен собственных, так и 2) из происхождения их в языке. По значению имена собственные суть понятия общие, содержащие в своем объеме другие понятия и представления; так, напр., имена: *Петр, Иван, Василий* и др., относятся к множеству лиц, которые называются этими именами. По происхождению все собственные имена были первоначально нарицательными потому, что происходят они от корней слов, имеющих значение общих понятий; напр., *Свято-слав, Нов-город, Царь-град* и проч.

Многим собственным именам не находим нарицательного значения или потому, что в языке затерялось их происхождение и первоначальное значение; напр., *Москва, Волга, Днепр* и проч.; или же потому, что они заимствованы из чужих языков, где первоначально имели нарицательное значение; напр., из еврейского:

Адам (земляной, красный), *Авраам* (отец высокий), *Анна* (благодатная); из греческого: *Василий* (царственный), *Василиса* (царица), *Евдокия* (благоволение); из латинского: *Константин* (постоянный, твердый), *Виктор* (победитель) и мн. др.

Примеч. Слово *Кремль* теперь, как собственное имя, приписывается только некоторым укрепленным местам, а в древности означало крепость вообще. Так, в Библии 1499 г. *Кремлем* называется Екватана (1-я кн. Ездр., 6, 2). Равномерно и *Вышеград* или *Вышгород* теперь собственное имя, а прежде употреблялось в значении тоже крепости вообще; напр., в той же Библии 1499 г., в объяснениях к 1-й кн. Мак. 1, 35; 3, 45. Собственное имя *Холмогоры* имеет при себе в областном яз. нарицательное *холмогорье,* в значении холмистой поверхности земли, в пск., тверск. (Слич. § 152.)

§ 110. Когда судим о каком-нибудь предмете, тогда соединяем понятия с понятиями или понятия с представлениями. Напр., „птицы летают“, „эта комната обширна“. В первом примере понятие *летают* приписывается понятию *птицы;* во втором понятие *обширна* приписывается представлению *эта комната.* В первом примере мы судим о *птицах,* во втором об *этой комнате.* Предмет, о котором мы судим, называется подлежащим (subjectum, subject). То, что́ мы думаем или судим о предмете (о подлежащем), именуется сказуемым (praedicatum, prädicat). Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением. Суждение, выраженное словами, есть предложение.

Примеч. 1. Сверх подлежащего и сказуемого, в состав предложения допускалась связка, выражаемая глаголом существительным *есмь, еси, есть, суть.* Но так как самым сказуемым обозначается уже связь его с подлежащим, то нет необходимости в этой третьей составной части предложения, сверх подлежащего и сказуемого; тем более потому, что она введена была в логику из грамматики тех языков, в которых между подлежащим и сказуемым, выраженными в форме имен существительных или прилагательных, употребляли связью глагол вспомогательный, каковы языки: греческий, латинский и нек. др. (§ 123).

Вся сила суждения содержится в сказуемом. Без сказуемого не может быть суждения. Отсюда понятно, почему в языке есть предложения, состоящие только из сказуемого, без явно обозначенного подлежащего, каковы все, так называемые, безличные глаголы; напр., *хочется, нельзя, нездоровится* и проч.; но нет ни одного предложения, которое состояло бы только из подлежащего.

Примеч. 2. В образовании суждения должно различать две ступени: на первой — сказуемое приписывается представлению; на второй — понятию.

В логическом отношении сказуемое всегда бывает понятие общее, потому судить значит прилагать общее понятие к частному случаю. Так, напр., судья, оправдывая или обвиняя подсудимого, прилагает общее изречение закона к данному случаю. В грамматическом же отношении берется во внимание только внешняя форма суждения, т. е. присоединение сказуемого к под-

лежащему; потому в синтаксическом разборе нет надобности рассматривать объем понятий, входящих в состав подлежащего и сказуемого.

§ 111. В языке подлежащему соответствует имя существительное в именительном падеже, а сказуемому глагол; напр., „дерево растет“, „птицы летают“. Иногда подлежащее и сказуемое выражаются и другими частями речи; но во всяком случае, слово, которым означается подлежащее, принимает смысл существительного, а слово, которым означается сказуемое, принимает смысл глагола. Напр., в предложениях: „ленивый часто скучает“, „отчаиваться есть малодушие“, подлежащие: имя прилаг. *ленивый* и глагол *отчаиваться*, употреблены в смысле существительных: *ленивец* и *отчаяние*. В предложениях „дерево есть растение“, „Римская империя была обширна“ существительное *растение* и прилагательное *обширна* стали сказуемыми, потому что соединились в одно целое с глаголами *есть, была*.

Сила сказуемого выражается в языке глаголом; другие части речи, в сказуемом содержащиеся, означают только то, что̀ заключается в подлежащем, как признак; напр., *растение* есть признак дерева; *обширна* есть признак Римской империи, эти признаки тогда только бывают сказуемым в предложении, когда помощию глагола приписываются подлежащему.

Примеч. Богатство и разнообразие в формах спряжения способствуют глаголу к вернейшему и точнейшему выражению различных оттенков мысли в суждении. Сила суждения, все приводящая к общему, означается в грамматическом сказуемом не названием действия или свойства, приписываемого подлежащему, а самым способом сочетания сказуемого с подлежащим, выражаемого спряжением глагола, составляющего сказуемое, или входящего в него, как существенная его часть; напр., „дерево *растет*“, „дерево *есть* растение“.

§ 112. Понятия и суждения образуются в уме нашем в одно и то же время; понятия составляются на основании суждений, и, наоборот, суждения развиваются из понятий. Напр., для того, чтобы составить понятие о растении, надобно было пройти длинный ряд суждений о различных травах, цветах, деревах и других произведениях природы, входящих в объем понятия о растении; а между тем каждое из этих суждений должно уже было слагаться из представлений и понятий.

В языке первоначальным сказуемым бывает глагол. Глагол же к общему понятию о действии, им означенному, присовокупляет наглядное представление именно о действии лица или предмета в известное время; напр., „мужик *сеет* рожь“, „*посеял* рожь“. Имена же существительные, как названия только понятий, происходят от глаголов, т. е. от слов, выражающих суждение (напр., *дела-тель* — тот, кто делает; *се-мя* — то, что̀ посеяно, § 135), и потому образуются в языке тогда, когда из представления, означаемого глаголом, будет составлено уже отвлеченное понятие.

Так как предметы производят на нас впечатление своими свойствами и действиями, то язык от названия свойств и действий производит название самых предметов, оказавших на нас действие. Так, напр., комната названа *светлицею* или *светелкою* по прилагательному *светлый, горницею* по прилаг. *горний,* т. е. высокий (потому что строилась, как и поныне в деревнях строится, несколькими ступенями выше жилой избы), *покоем* по глаголу *покоиться,* т. е. отдыхать (слич. эпитет в песнях: „*тихие* покои"), *сенями* по представлению о том, что́ *осеняет* или дает тень и проч. Но все эти особенности, по которым называется комната то светлицею, то горницею и проч., далеко не исчерпывают всех тех признаков, какие ум наш приписывает понятию о комнате; напр., что она сделана из известного материала, назначена для жительства и проч.

Примеч. 1. Сверх того, некоторые представления, соединяемые с названием предмета, утратились вместе с словами, вышедшими из употребления. Так, напр., в старину комната называлась еще *витальницею,* от глагола *витать,* т. е. жить, обитать; *входницею* или *всходницею,* от глаголов *входить* и *всходить куда;* напр., в Поликарп. ев. 1307 г. кде ѥсть виталница идеже пасхоу со оученикы моими ѩмь ть вама покажеть вьходницоу великоу; в Моис. списке ев. 1355 г. вьсходницю (в испр. обитель — го́рницу, Лук., 22, 11—12).

Из приведенных примеров явствует, что в разговоре мы приписываем каждому из упомянутых названий значение обширнее того, какое дано ему в языке. Расширяя таким образом смысл слова, мы возводим название, происшедшее от частного впечатления, до названия общего понятия. Потому одно и то же слово в различные времена, или по различным наречиям одного и того же языка, имеет различные значения: так, слово *сени* в древнерусском имеет значение залы или жилой комнаты вообще (откуда выражение: „сенные девушки"), а теперь означает, напротив того, такую комнату, в которой не живут, но которая с надворья ведет к жилым покоям; в церковнославянском же языке и у нас в книжной речи слово *сень* зн. „тень", точно так же, как при слове *стена* — *стень,* с пск., тверск. *стено́к, стенко́* — тень, бросаемая предметом.

Примеч. 2. *Стая* теперь в общеупотребительном языке означает собрание животных и преимущественно птиц, а в областном языке, в арх., волог., олон. и др., а также и в древнем церковнославянском — огороженное место, двор, хлев. Напр., в Сп. Упиря: да положать ѧ вь стаахъ (в испр. вь прегра́дахъ, Иез., 44, 19); къдѣ ѥсть стаꙗ левьскаꙗ (в испр. виталище львовъ, Наум., 2, 11).

С словами, заимствованными из чужих языков, мы соединяем только общее понятие, опуская из виду то частное впечатление, которое лежит в основе этих слов; так, напр., под именем *мебели* мы разумеем только утварь, служащую для удобства помещения или для украшения в комнате, вовсе не думая о том, что это

слово имеет значение *подвижного,* того, что́ *передвигается* (meuble, mobilis), и первоначально есть имя прилагательное. Точно так и слова родного языка, которых происхождение для нас затеряно, подобно словам иностранным, означают только общее понятие, не напоминая нашему воображению того частного впечатления, от которого слово получило свое происхождение. Так, напр., нынешний язык потерял уже связь между словами *перчатка* и *перст,* между тем как в старину употреблялось выражение: *рукавица перстатая* или *перстная,* указывающее на происхождение этого слова от прилагательного *перстатый;* напр., в Грамоте смол. князя Мстислава с Ригою и Готским берегом 1229 г. „рукавичь *перстатый* готьскый"; в Выходах госуд. цар. и кн. под 1675 г. „рукавицы *перщетыя*". Указывая на происхождение какого-нибудь существительного от глагола или от прилагательного, соединенного в сказуемом с глаголом *быть,* мы возводим понятие до суждения и тем объясняем себе смысл существительного; напр., *судья* — тот, кто судит.

§ 113. Суждения делятся по качеству, количеству, отношению и образности (modalität).

Примеч. Качество, количество, отношение и образность известны в логике под именем категорий.

А. По качеству суждения бывают: 1) утвердительные, когда в сказуемом приписывается подлежащему какой-нибудь признак; напр., „праздность есть мать пороков", и 2) отрицательные, когда сказуемое отказывает подлежащему в каком-нибудь признаке; напр., „праздность не ведет к добру".

Б. По количеству суждения бывают: 1) общие, в которых подлежащим берется весь объем (или весь круг) понятия; напр., „все люди грешны", „человек (подразумевается всякий) состоит из души и тела"; 2) частные, в которых подлежащим берется не все понятие, а некоторая часть его объема; напр., „некоторые люди учены", и 3) особенные, в которых подлежащим бывает особенное или неделимое представление; напр., „Петр Первый был великий гений", „этот город обширен".

Деление суждений по качеству зависит от видоизменения сказуемого, а по количеству от видоизменения подлежащего.

В. По отношению суждения бывают: 1) категорические, в которых сказуемое приписывается подлежащему, как признак предмету; напр., в предложении: „бог всемогущ" *всемогущество* есть один из признаков понятия о боге; 2) условные, в которых сказуемое приписывается подлежащему, как действие причине или как следствие основанию; напр., в предложениях: „если натереть янтарь, то он окажет электричество" — *электричество* есть действие, а *натертый янтарь* его причина; „если жил на свете

Виргилий, то мог жить и Гомер", следствие о *существовании Гомера* выведено из того основания, что *жил Виргилий;* и 3) разделительные; когда одному подлежащему приписывается два или несколько сказуемых, из которых каждое исключает все прочие; напр., „человеческая жизнь подчиняется или непреложным законам или случаю".

Отношение действия к причине касается предметов, о которых мыслим; а отношение следствия к основанию принадлежит самому мышлению, в котором делаем предположение, допуская какое-нибудь основание и выводя из него следствие. Предложения условные могут быть представлены в виде категорических; напр., „натертый янтарь оказывает электричество" (вм. „если натереть янтарь, то он окажет электричество"), подлежащее *натертый янтарь* есть причина, а сказуемое *производит электричество* есть действие этой причины.

Г. По образности суждения бывают: 1) возможные (или проблематические), в которых отношение сказуемого к подлежащему допускается только как возможное; напр., „может ли ртуть превратиться в пар?"; 2) действительные (или ассерторические), в которых это отношение признается действительным; напр., „эта книга полезна", и 3) необходимые (или аподиктические), в которых оно признается необходимым; напр. „сумма углов в треугольнике равняется двум прямым", „дважды два четыре".

§ 114. Когда мы думаем о чем-нибудь, тогда соединяем одно суждение с другим, из одного суждения выводим другое; напр., „науки полезны, следовательно, и грамматика полезна". Вывод одного суждения из другого называется умозаключением. Умозаключение состоит из двух или нескольких суждений, из которых одно называется заключением, а прочие, из которых заключение выводится, называются посылками. В умозаключении:

„все науки полезны,
грамматика есть наука,
следовательно, грамматика полезна",

первые два предложения — посылки, а последнее — заключение. Отдельные понятия, входящие в состав посылок и заключения, именуются терминами: бóльшим, средним и меньшим. Термины отличаются по своему объему: бóльший — самого обширного объема, меньший самого тесного, средний занимает между ними средину. В приведенном примере: *полезны* — бóльший термин, *науки* — средний, *грамматика* — меньший. В бóльшей посылке помещается бóльший термин, в меньшей — меньший, а средний в той и в другой. Что же касается до заключения, то в нем бóльший термин присоединяется к меньшему, и никогда не может быть среднего. Средний термин означает причину, почему в заклю-

чении бо́льший термин приписывается меньшему; напр., „грамматика полезна, *потому что она наука*".

Сочетание суждений выражается в языке соединением двух или нескольких предложений в одном сложном. Такое предложение более объясняет мысль распространениями, нежели доказывает ее, потому не должно думать, чтобы умозаключению постоянно соответствовало в языке предложение сложное.

§ 115. Язык к мышлению находится в двояком отношении: с одной стороны, формы языка служат точнейшим выражением всех действий нашего мышления, так что, думая про себя, постоянно облекаем каждую мысль в слово; а между тем, с другой стороны, опыт каждого говорящего и пишущего свидетельствует, что мысль развивается в голове независимо от форм языка и что весьма часто случается встречать затруднения в приискании слов для выражения мысли.

Такое противоречие в отношениях языка к мышлению объясняется существом самого языка. Язык образовался в эпоху незапамятную, в ближайшей связи с раскрытием умственной деятельности целого народа, но независимо от личного мышления одного или нескольких людей. Потому логика языка точнее, строже и совершеннее логики отдельных лиц, сколько бы проницательны и глубокомысленны они ни были. Стоит, например, обратить внимание на выражение тончайших оттенков одного и того же понятия в словах производных, чтобы убедиться в глубоком логическом смысле языка; напр., *деять, дело, делать, делание, деяние, действие, действовать; жить, жизнь, житие, житье; взять, взятие, взимание, взятка* и проч. Во всей точности выражая логические отношения мышления, язык, сверх того, каждую мысль передает наглядно, облекая ее в звуки для того, чтобы одно лицо могло сообщить ее другому в разговоре. Таким образом, чтобы определить отношение языка к мышлению, должно обратить внимание: 1) на художественную сторону языка, состоящую в передаче мысли помощию звуков, выражающих наглядные представления, и 2) на разговорное начало, господствующее во всех формах языка.

1. Язык есть выражение мысли помощию членораздельных звуков; потому, сверх законов мысли, определяемых в логике, подчиняется он еще законам самого выражения, т. е. законам сочетания членораздельных звуков. Язык выражает мысль словами по тем же законам, на основании которых выражают ее: живопись — образами, т. е. очертаниями, оттенками и красками; музыка — звуками; мимика — движениями и жестами и проч. Язык, как врожденное человеку искусство — выражать мысль в словах, подчиняется законам художественного творчества. Эти законы оказываются: а) в самом способе представлять мысль в слове и б) в сочетании членораздельных звуков.

а) Как художественное произведение, язык, посредством членораздельных звуков, рисует нашему воображению предметы, их свойства и действия, выражая в отдельных словах впечатления, которые жизнь и природа на нас производят (§ 112). Пользуясь законами творческой фантазии, язык неодушевленным предметам дает жизнь и отвлеченные понятия представляет в форме наглядных представлений. Многие явления в языке объясняются только этими законами фантазии; так, напр., мужеский или женский род предметов неодушевленных, умственных и отвлеченных (§ 149).

Примеч. 1. Природа и жизнь производят на человека впечатления соответственно его верованиям, убеждениям и образу мыслей. Потому образование и значение слов в языке отражают в себе народный быт и верования. К древнейшему периоду движения и переселения народов относится слово *полк* в значении народа или племени, поколения; напр., в Болг. сб. 1345 г. сѫщїи ѿ плъка каинова; — (Александр Македонский) събра въсѣхъ ихъ (нечистые народы), и женꙑ и чѧда ихъ, и сънроста рощи́ вьсѧ плъкꙑ їхъ (Тих. Пам. II, 217). В быту пастушеском понятие об управлении составляется под впечатлением паствы, и правитель называется *пастухом* народов (как, напр., у Гомера). Древляне — звероловы и пастухи — выражались о своих князьях, что они распасли суть деревьску землю, как сказано в Лет. по Лавр. сп. 1377 г. (см. Хр.). Богатство пастуха — стада; потому самое слово *скот* употребляется в смысле денег вообще, напр. в Русск. правде, особенно по краткому сп., в Новг. лет. XV в.; в Жит. Бор. и Гл. по Сильвестр. сб. XIV в. и начаша (новгородцы) скоть брати, ѿ мужа по четыри куны, а ѿ старость по девяти гривенъ. Потому в лет. *скотьница* зн. „казна“. Главное и существенное занятие для пастуха — это паства; потому чрѣда зн. не только „очередь“, „перемена в ходе дела“, но и „стадо“, как и в украинск. *чередá* — стадо рогатого скота, а *чередник* — пастух; в великорусск., влад. *черёд* означает в пастве одну корову, также двух овец; теленок составляет *полчередá*. Для земледельца богатство состоит в хлебе; потому слово *збожие* или *збожье*, употребляющееся у чехов уже в Суде Любуши в смысле имения, богатства, в наших лет. принимается в смысле жита, хлеба (от слова *бог*, откуда и *бог-ат*, с предл. *с*). В арх. и доселе всякий немолоченый хлеб именуется *обилием*. Земледелец, лаская кого-нибудь, называет *зёрном* или *зёрнышком* (пск., тверск.), а в особенности малых детей — *семечко-дитятко* (иркутск.) Оставить кого в живых — для него: *оставить на семена;* сирота для него *усевок*, так же как и посеянный вдали хлеб (пск., тверск.). Множество форм в языке объясняется верованиями, состоящими в связи с язычеством. Так, от слова *бог* (в смысле языческого божества) происходят: *бóжье* — род падучей болезни (тульск.); *божья* — вообще страшная болезнь, эпидемия (казанск.); *божья милость* — буря, гроза (новг., арх., волог.); *божье знамя* — радуга (арх.); *божий хлеб* — клевер (пск., тверск.) и мн. др. В названиях созвездий доселе сохранилась память о народных поверьях и мифах или сказаниях; напр., *утиное* или *утичье гнездо* (пск., тверск., арх., сиб.); *железное колесо, девичьи зори, косари* (тульск.), даже *батыева дорога* (тамб., тульск.) и т. п. Иные изобразительные выражения имеют вид краткого сказания, или мифа; напр., *заря замыкается* — потухает (тверск.); *солнышко замолодело* — закрылось белыми облаками (олон.).

б) Самое сочетание членораздельных звуков, подчиняясь своим собственным звуковым законам, весьма часто требует уступок со стороны законов логики. Так, напр., в согласовании слов иногда берет перевес созвучие над внутренним смыслом согласуемых слов: имена муж. р. на *а* и *я* в народном и древнем языке согласуются в жен. р. (§ 218). См. согласование слов *отец-мать, хлеб-соль* в § 240.

Примеч. 2[33]. Игра слов составляет существенную принадлежность языка, как художественной формы. Она выражается то в тождесловии (тавтологии); напр., в олон. былин. „они *ки́дали и бросали*| белосиненькие неводочки", Рыбн., II, 249; то в повторении того же корня слова в производном от него; напр., у Кирши Дан. „а сиза орла, *орла орловича*"; в загадке: „два *орла орловали,* третьего купали", Даль, Послов., 21; в дух. стих. „ах ты *смердин, смердин, смердящий* ты сын", Кал., I, 70 (т. е. народ сближает *смерда* с гл. *смердеть*); *время-на-время;* напр., в сказке: „гой еси братец, ясен сокол, лети ко мне скоро-наскоро, *время-на-время*", Афанас., VI, 297; то, наконец, в рифме и вообще в созвучии, в складе и ладе, не только в стихе, но и в прозаическом рассказе, напр. в сказке, а также и в пословице, поговорке, загадке и т. п.

Следуя своим собственным законам при выражении мысли, язык иногда становится в видимое противоречие с законами логики: так, согласует глагол в единственном числе с подлежащим числа множественного; напр., „ведь надо знать, как *вещи есть*", Крыл., 13 (§ 202).

Каждый язык пользуется своими собственными средствами для выражения мысли, усвоивая себе особенный, только ему одному свойственный, склад речи, в котором он значительно видоизменяет общие всем языкам, основные законы логические. Так, напр., понятие о сходстве мы обозначаем предлогом *на,* напр. „лиса походит на собаку", а немцы — дательным падежом: „der Fuchs ist einem Hunde ähnlich"; понятие об орудии мы обозначаем твор. падежом; напр., „резать ножом", „добыть мечом", а французы и немцы предлогом *avec, mit*: „couper avec un couteau", „mit dem Schwerte hinrichten".

Помощию языка мы выражаем мысли для того, чтобы сообщать их другим, потому происхождение многих грамматических форм объясняется только тем, что они оказались необходимыми для взаимной передачи мыслей в разговоре; напр., местоимения *я* и *ты* для выражения лиц: говорящего и слушающего; местоимения и наречия вопросительные и указательные для выражения вопроса и ответа в разговоре; повелительное наклонение для сообщения желания, приказания и проч.

§ 116. С течением времени язык более и более теряет свои первоначальные свойства, состоящие в художественном и разговорном характере и отличающие его от свойств логического и отвлеченного мышления, а, вследствие того, становится собранием

условно принятых знаков, выражающих в своем сочетании только понятия и суждения. Отсюда видно, что, говоря об отношении языка к мышлению, надобно отличать два периода в истории языка: 1) древнейший и 2) позднейший.

В древнейшем периоде выражение мысли наиболее подчиняется живости впечатления и свойствам разговорной речи. Потому, напр., многие имена образуются помощию ласкательного или уменьшительного окончания, означающего и отношение между говорящими и живое наглядное представление самого предмета; напр., *солн-це, яй-це, крыль-це, лав-ка* (§§ 63 и 220). Падежи нагляднее означают местность, показывая, без помощи предлогов, движение на вопрос *куда* и пребывание на вопрос *где;* напр., *Киеву* (к *Киеву* или в *Киев)* и *Киеве* (в *Киеве.* См. § 168). Прошедшее время означается не причастием, как теперь, а самостоятельными глагольными формами, простыми и описательными, которые живее и полнее выражают представление о совершении действия (§§ 84 и 186).

В новейшем периоде, напротив того, словам, означавшим первоначально живые впечатления и отношения между лицами в разговоре, дается смысл общих отвлеченных понятий. Так, напр., союз *де* теперь потерял собственное значение и имеет для нас смысл только как вставка какого-то непонятного звука, употребляющаяся для показания чужой речи. Но первоначально этот союз имел полную форму глагола во 2-м лице: *дееши* (т. е. говоришь), см. § 77. В предложении: „того и гляди, пойдет дождь“, мы вовсе не обращаем внимания на значение желательного или повелительного наклонения, означаемого словом *гляди* и под выражением *того и гляди* разумеем только: „скоро“, „тотчас“. Точно так же, смысл наклонения в слове *будь, буди* для нас пропал в речениях: *что-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь,* с которыми соединяем теперь только отвлеченное понятие о неопределенности, в отношении к вещи, месту, времени и проч.

Этимологические формы, и в том и в другом периоде истории языка, стоят в различном отношении к выражаемой ими мысли. В древнейшем периоде мысль находится в теснейшей связи с этимологическою формою, и потому синтаксическое употребление слов основывается на этимологической форме; напр., числительные: *пять, шесть, десять,* имеющие форму существительных жен. рода ед. числа, согласовались первоначально в этом роде и числе с местоимениями, прилагательными и глаголами; напр., в Юрид. акт. „*та десять* копенъ описана“, 1654 г., „въ *ту десять* лѣтъ“, 1679 г. (§ 230). В новейшем периоде язык сочетает слова независимо от этимологической формы, на основании только общего смысла, какой дается речениям, потому, напр., упомянутые числительные согласуются уже не в женском роде ед. числа, а в среднем того же числа (напр., *десять взято*), или во мн. числе *(десять взяты),* на том основании, что эти числительные принимаются в отвлеченном смысле числа вообще (§ 230).

Современный язык, представляя смесь грамматических форм древних с новыми, основывает синтаксическое сочетание слов иногда на этимологической форме и первоначальном воззрении, лежащем в ее основе, иногда же на отвлеченном понятии, которое впоследствии было придано слову. Так, напр., глагол *надеяться,* сложенный с предлогом *на,* по самому этимологическому составу своему, требует после себя дополнения с предлогом *на;* напр., „надеяться на бога", и означает представление о положении чего-нибудь на что-нибудь или на кого-нибудь („полагаться *на кого, на что*", „надеяться *на кого, на что*"). Сверх этого первоначального употребления, глагол *надеяться,* по самому понятию об ожидании, с ним соединяемому, может требовать после себя падежа родительного; напр., „надеяться награды" (ожидать награды), §§ 154 и 256.

§ 117. Все языки, с течением времени, теряют или же искажают первоначальные этимологические формы. Так, русский язык утратил многие свойства первоначальной славянской этимологии, сохранившиеся в языке цс-м и частию в прочих славянских наречиях, каковы, напр., двойственное число, местный падеж, прошедшее и преходящее времена глагола, изменения краткого причастия или деепричастия по числам и родам, достигательное наклонение и проч.

Недостаток этимологической формы восполняется в языке синтаксически, сочетанием двух или нескольких слов, в так называемых описательных формах (§ 166). Так, напр., недостаток превосходной степени во французском языке выражается присовокуплением к прилагательному: le plus, la plus, les plus; напр., la plus belle, les plus belles и проч., а в русском — присовокуплением местоимения *самый;* напр., *самый приятный, самый приятнейший, самый лучший.*

Языки новейшие, в замену утраченных этимологических форм, изобилуют формами синтаксическими — описательными, откуда явствует, что в истории языков первоначальное господство этимологии уступает место последующему за ним господству синтаксиса, и притом синтаксиса в его позднейшем виде, когда он основывается уже не на первоначальной этимологической форме, а на отвлеченном понятии, ею выражаемом.

§ 118. В новейшем книжном языке русском отвлеченное логическое сочетание понятий берет верх над этимологическим. В народном же языке, не подчинившемся искусственному единству условных правил и менее книжного подвергшемся изменению и нововведениям, так же как в древнем, этимологическая форма и наглядное представление господствуют над логическим отвлечением. Например, в нынешнем синтаксисе одинаково управляют дательным падежом глаголы *нравиться кому* и *дивиться кому* или *чему;* первоначально же первый глагол требует дательного

падежа и без частицы *ся,* в форме *норовить,* т. е. делать кому угодное, напр. „не норовити ни кому для дружбы“, Шуйск. юрид. акт. 1614 г.; другой же глагол, без частицы *ся,* употребляется с предлогом *на;* напр., „ты, мой батюшка, не диви на братца“, Ф. Виз., 134. Точно так же и доселе глаголы *норовить* и *дивить* употребляются в просторечии (§ 256).

Подчиняясь общим законам логики, язык в позднейшем периоде своего развития стремится подвести под общие правила разнообразное употребление слов старинной и народной речи. Потому синтаксис новейшей книжной речи отличается от синтаксиса древнего и народного языка большею простотою и однообразием в правилах управления и согласования слов.

Примеч. 1. Примеры смотри в §§ 236—259.

Подчиняясь общим законам логики, наша современная книжная речь могла усвоить себе многие синтаксические обороты новейших языков, тем удобнее, что в синтаксисе этих языков господствует отвлеченный смысл логических законов над этимологическою формою и над первоначальным наглядным представлением, ею выраженным.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОСТАВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

§ 119. В речи каждое отдельное слово состоит в тесной связи с целым предложением. Потому надлежит рассмотреть 1) состав и различные виды предложений и 2) отдельные слова, входящие в состав речи и именуемые частями ее. Так как часть какого-нибудь предмета становится для нас ясною в связи с целым, то и учение о частях речи выводится из разбора речи, т. е. предложений, из которых она слагается.

I. СОСТАВ ПРЕДЛОЖЕНИЙ И РАЗЛИЧНЫЕ ИХ ВИДЫ

§ 120. Предложение, как суждение, выраженное словами, состоит из подлежащего и сказуемого; напр., „человек мыслит“, „науки полезны“.

Во всяком предложении должно отличать:

1) Самую материю или содержание предложения, т. е. название самых понятий и представлений, входящих в состав предложения, и 2) способ сочетания их в предложении.

Содержание предложения выражается отдельными словами, означающими или предмет (имя существительное), или действие (глагол), или свойство (прилагательное). Способ же сочетания имен и глаголов в предложении означается или окончаниями этих слов (склонениями и спряжениями), или же такими отдельными словами, которые сами по себе содержания речи не выражают, а служат связью другим словам в предложении или показывают между ними отношение (§§ 159—168). Напр., в предложениях: „дерева цвет*ут*“, „дума*й* о завтрашн*ем* дн*е*“, „зна*ю* *ли* будущ*ее?*“ сверх понятий: *дерево, цвести, думать, завтрашний, знать, будущее,* в первом предложении отношение глагола *цветут* к подлежащему *дерева* означено помощию окончания *-ут;* во втором повеление — помощию окончания *-й* в глаголе *думай* и отношение на вопрос: о чем? *о* завтрашн*ем* дн*е,* помощию предлога *о* с окончанием предложного падежа; в третьем предложении: вопрос — помощию союза *ли,* отношение глагола *знать*

к первому лицу, выраженное окончанием *-ю* (зна*ю*) и местоимением личным *я*, и наконец отношение слова *будущее* к глаголу *знаю*, означенное винительным падежом.

§ 121. Отдельные слова тогда только могут составить предложение, когда будут сложены одно с другим: 1) по способу согласования или 2) по способу управления слов.

1. Согласованием называется такое сочетание слов, в котором одно слово уподобляет свое окончание окончанию другого.

Должно отличать три вида согласования:

а) Самое полное согласование бывает тогда, когда имя прилагательное присовокупляется к существительному, полагаясь вместе с ним в одном роде, числе и падеже. Местоимения, прилагательные, причастия и числительные, порядковые все, а из количественных *один, два* и *оба,* по согласованию принадлежат к прилагательным; напр., *умный человек, умная книга, умные люди, умных людей, это дело, этого дела, пятый час* и проч.

б) Существительное согласуется с существительным в одинаковом падеже, но может разнствовать в роде и числе; напр., *город Москва, городу Москве, город Афины, о городе Афинах.*

в) Глагол согласуется с подлежащим в одинаковом числе и лице; напр., *я говорю, вы говорите.* — Прошедшее время изменяется в роде потому, что собственно оно есть причастие.

2. Управлением называется такое сочетание слов, в котором одно слово зависит от другого и означает свою зависимость или окончанием падежа, или же предлогом (§ 168); напр., в выражениях: „любить ближнего“, „надеяться на бога“, „надежда на бога“, „склонен к добру“ — слова: *ближнего, на бога* и *к добру,* изменены в падежах и соединены с предлогами, по требованию глаголов: *любить, надеяться,* и имен: *надежда, склонен.* Те слова, которые оказывают действие на другие, называются управляющими; зависящие же от управляющих называются управляемыми.

Сила управления другими словами преимущественно принадлежит глаголу.

По управлению глаголы делятся на переходящие и непереходящие. Переходящими называются те, которые требуют после себя дополнения (объекта); напр., *люблю кого, боюсь чего* и проч. Непереходящие суть те, которые дополнения не требуют; напр., *стою, сплю.*

Различные виды переходящих и непереходящих глаголов выражаются особенными формами глагола, известными под именем залогов (§ 175).

Именительный и звательный падежи не зависят от других слов и потому называются прямыми; все же прочие, зависящие от

управляющих ими частей предложения, именуются косвенными.

Управление бывает двоякое: непосредственное и посредственное. В первом употребляется падеж без предлога; напр., „любить *чтение*"; в последнем — с предлогом; напр., „думать *о деле*".

§ 122. Основной член предложения есть сказуемое. Собственная и первоначальная этимологическая форма сказуемого есть глагол (§ 112).

Глагол в смысле сказуемого означает: 1) признак, приписываемый предмету; напр., в предложении: „дерева растут", понятию *дерева* приписывается признак *расти;* и 2) отношение лица говорящего к слушающему и к предмету речи.

Это отношение выражается:

1) Указанием на лица — говорящее и слушающее, и на предмет речи. Оно означается: или а) местоимениями личными, или б) личными окончаниями глагола; напр., *я* думаю, *ты* дума*ешь* и проч.

На конце глаголов древнейших или неправильных очевиден нарост личного местоимения, указывающий на тесную связь личного окончания с самым корнем глагола; напр., ес-*мь*, ес-*ть*, да-*мъ*, дас-*тъ* и проч. (§ 58).

2) Временем: настоящим, прошедшим и будущим, или видом, как заменою времени в русском языке (§ 181); напр., „дерево цветет, отцвело, будет цвести, отцветет".

3) Наклонением глагола, означающим: или а) прямое выражение мысли, т. е. утверждение и отрицание, без всякого предположения; напр., „знаю", „не знаю", или б) предположение, желание, повеление; напр., „если бы все были счастливы!", „будь счастлив!", „да будет счастлив!".

Прямое утверждение или отрицание выражается наклонением изъявительным; предположение, желание, повеление — наклонениями: сослагательным, условным, желательным и повелительным (§§ 191—194).

Недостаток наклонения восполняется в языке союзом; напр., франц. „je voudrais y être", по-русски выражается помощию союза: „я желал *бы* быть там"; так же нем. „(ich hoffte) du würdest kommen" — *что* ты придешь; „(sie sagen), er lese in den Sternen — *что* он читает звезды, *будто* он читает по звездам (§ 167).

Самый глагол условного наклонения может перейти в союз; напр., цс. взѧлъ бꙑхъ, по-русски „я взял *бы*" (§§ 77 и 194).

§ 123. Сказуемое может состоять: или 1) из одного только глагола; напр., „ветер *веет*"; или же 2) из глагола, соединен-

ного с именем или с другою частию речи, означающею признак подлежащего; напр., „земля *есть планета*“. В первом случае сказуемое называется простым, а во втором — составным.

Глагол *быть,* как часть составного сказуемого, в настоящем времени у нас опускается; напр., говорим: „праздность вредна“ вм. „есть вредна“. В прошедшем же и в будущем времени этот глагол удерживается; напр., „праздность всегда была и будет вредна“.

Этот глагол называется существительным, потому что означает вообще существование или бытие как самого предмета, так и признака в предмете.

В составном сказуемом должно отличать две части: 1) глагол существительный, которым означается самая сила сказуемого, состоящая в показании наклонения, времени и лица; и 2) название признака, приписываемое глаголом подлежащему. Напр., в церковнославянском: **азъ єсмь животъ и воскресеніе,** Ио., 11, 25. **Не бѣ тъ свѣтъ** (он не был свет), Ио., 1,8. Так как существительный глагол имеет слишком обширное значение (т. е. значение бытия вообще), то, присовокупляя к этому глаголу признак, даем сказуемому определенное содержание, означая, что́ именно такой-то предмет *есть, был* или *будет.*

Из сказанного явствует, что в грамматическом отношении глагол существительный есть основная часть составного сказуемого; в логическом же означение признака берет перевес над глаголом *быть,* который потому иногда и опускается.

Примеч. Глагол существительный в составном сказуемом обыкновенно называется связкою. Но как он означает лицо, время и наклонение, то нет причины давать ему иного названия, кроме сказуемого.

Прошедшее время: *был, была, было* и *были,* тем менее может быть названо связкою, что оно есть не что иное, как причастие прошедшее, и само имело при себе так называемую связку в вспомогательном глаголе: *есмь, еси, есть, суть,* ныне опускаемом (§ 88).

§ 124. Подлежащее выражается: или 1) самым лицом глагола; напр., ес-*мь,* да-*м,* ес-*т,* буд-е-*м, я* говор-*ю, ты* говори-*шь* (§§ 58 и 122); или 2) отдельною частию речи, означающею предмет, о котором говорится; напр., „земля движется“.

В последнем случае подлежащим бывает преимущественно существительное, так что всякая другая часть речи, употребленная в подлежащем, получает смысл существительного; напр., „грянуло ура“ (§ 111).

В обоих случаях этимологическая форма подлежащего есть именительный падеж, или явственно обозначенный; напр., „ты идешь“, „дерево растет“; или сокрытый в личном окончании глагола; напр., да-*м* (= *я* дам), ес-*т* (= *он* ест). В логическом отношении предложение именуется безличным, когда сказуемое,

будучи выражено глаголом безличным, не имеет при себе явственного и определенного подлежащего. Безличное предложение бывает двоякое: 1) при подлежащем, сокрытом в личном окончании глагола; напр. *рассветает, смеркается, хочется, икается* и проч.; и 2) при подлежащем, выраженном неопределенными местоимениями, каковы во французском il, on, в немецком es, man; напр., „il pleut“, „on pense“, „es friert mich“, „man sagt“. Безличное предложение второго рода по-русски выражается или 3-м лицом множественного числа; напр., „говорят“; или 2-м единственного; напр., „тише едешь, дальше будешь“; или описательною формою страдательного залога в 3-м лице единственного числа; напр. „много было говорено“ (§§ 200 и 201).

В грамматическом отношении безличное предложение не должно быть отличаемо от личного, потому что, так называемый, глагол безличный имеет грамматическое подлежащее либо в своем личном окончании; напр., „(ему) не сид-*ит-ся*“; либо в неопределенном местоимении; напр. „*il* pleut“, „*man* sagt“.

Примеч. Только в логическом отношении можно назвать в безличном предложении подлежащим дательный падеж, означающий отношение к лицу; напр., „*мне* хочется“.

§ 125. Подлежащее и сказуемое именуются главными членами предложения, в отличие от других слов, которые их объясняют и дополняют, и называются членами второстепенными.

Второстепенные члены предложения рассматриваются в двояком отношении: 1) по синтаксическому употреблению и 2) по значению, а именно:

А. По синтаксическому употреблению они суть не что иное, как слова, присоединяемые к главным членам предложения посредством согласования или управления (§ 121). Присоединяемые посредством согласования именуются словами определительными; посредством управления — дополнительными. — Определительные присовокупляются к существительным или местоимениям; напр., „*этот* человек“, „*доброе* дело“, „я *сам*“, „это *самое*“ и проч.; дополнительные зависят от глагола или от имени, произведенного от глагола; напр., „любить *чтение*“, „любовь *к чтению*“, „достоин *награды*“ и проч.

Сверх определительных и дополнительных, должно отличать еще такие члены предложения, которые не состоят в видимой синтаксической связи с словами, к которым присовокупляются, т. е. не согласуются и не управляются; напр., „*очень* хороший“, „идти *в город*“, „идти *из городу*“. Такие слова именуются обстоятельственными.

Б. Рассматривая второстепенные члены предложения по их значению, видим: 1) что определительные присоединяются к другим словам посредством не только согласования, но и управле-

ния, и 2) что между обстоятельственными, сверх вышеупомянутых, несогласующихся и неуправляемых, большая часть таких, которые относятся к дополнительным. Что же касается до этих последних, то самое их значение определяется синтаксическим употреблением, т. е. управлением.

О каждом из этих второстепенных членов в отдельности должно заметить следующее:

1. Определительные присовокупляются к другим словам для означения признаков, по вопросам: *какой? чей? который? сколько?* Напр., „*этот* дом“, „*моя* книга“, „*умный* человек“, „*пятый* год“, „*пять* лет“.

Эти слова или согласуются с своими определяемыми, или не согласуются.

1) Согласуются определительные, выражаемые именами прилагательными (а равно причастиями), местоимениями вопросительными и указательными, числительными до четырех (§ 231) и всеми порядковыми: напр., „*добрый* человек“, „*эту* книгу“, „на *четырех* углах“, „*седьмого* дня“.

Сюда же принадлежит определение, выраженное в форме существительного и называемое п р и л о ж е н и е м.

В наименовании лиц приложением бывает имя нарицательное; а в наименовании прочих предметов — собственное; напр., в предложениях: „река Дунай глубока“, „живописец Рафаэль был гениальный человек“, слова *Дунай* и *живописец* — приложения.

2) Не согласуются с своим определяемым слова определительные, выраженные:

а) родительным падежом; напр., „человек *пожилых лет*“, „восход *солнца*“ (вм. „*пожилой* человек“, „*солнечный* восход“); и

б) числительными количественными, начиная с пяти; напр., „*пять* лет“, „*десять* лет“ (т. е. лета, числом пять, десять), § 230.

II. Дополнительными словами означается отношение действия к предмету, который подлежит действию, и к лицу действующему. Эти отношения выражаются помощию косвенных падежей, как без предлогов, так и с предлогами, т. е. в управлении непосредственном и посредственном.

Рассматривая отношение действия к лицу и к предмету, замечаем, что в синтаксическом отношении лицом действующим может быть не только одушевленный, но и неодушевленный предмет; и наоборот, предметом действия может быть лицо одушевленное. Напр., в выражениях: „освещено солнцем“ и „любить родителей“ — *солнце* есть лицо действующее, а *родители* — предмет действия (§ 148).

III. Слова обстоятельственные употребляются в предложении для означения обстоятельств места, времени, образа действия или качества, меры и счета, причины, а именно:

1) Места, по вопросам: *где? откуда? куда?* Напр., „живет *в городе*", „едет *из города*", „едет *в город*".

2) Времени, по вопросам: *когда? с которого времени? до которого времени?* Напр., „Петербург основан *в 1703 году*". „*Со времени Петра Великого* начинается новый период русской истории". „*До Петра Великого* употреблялась у нас только церковная азбука".

3) Образа действия или качества, по вопросам: *как? каким образом?* Напр., „пыль поднялась *столбом*", „пишу *пером*", „работает *прилежно*".

4) Меры и счета, по вопросам: *как долго? как много? сколько? в какой мере?* Напр., „не спать *всю ночь*", „стóит *три рубля десять копеек*", „*очень* счастлив".

5) Причины, куда принадлежат: а) собственно так называемая причина, по вопросу: *отчего?* б) основание, по вопросу: *почему?* в) повод, или нравственная причина, по вопросу: *из чего?* или *из-за чего?* г) цель, по вопросу: *для чего?* или *на что?* Напр., „умирать *с голоду*", „судить *понаслышке*", „делать *из любви*", „трудиться *на пользу* отечества".

Обстоятельственные слова, как было выше упомянуто, или 1) сочиняются посредством управления с теми, к которым присоединяются, или же 2) не состоят с ними в видимой синтаксической связи.

1. Обстоятельственные слова, зависящие от управляющих, по синтаксическому употреблению относятся к дополнительным. Напр., в выражениях: „*во*-йти *в* город", „*вы*-ехать *из* города", „*пере*-ходить *через* мост", *в город, из города* и *чрез мост*, по значению, суть обстоятельства места, по управлению же — слова дополнительные, выражающие свою зависимость от глаголов соответствием предлогов *в, из* и *через* предлогам *во-, вы-* и *пере-*, с которыми сложены слова *во-йти, вы-ехать* и *пере-ходить* (§ 252).

2. Обстоятельственные слова, не состоящие в видимой связи с теми, к которым присовокупляются, бывают двоякого рода:

а) Одни, соединяемые с прочими словами только по смыслу, не согласуются с ними и не зависят от них; таковы обстоятельства образа действия и меры, выражаемые наречиями, при глаголах и прилагательных; напр., „*прилежно* учится", „*очень* исправен". Сюда же относится и отрицательное наречие *не*.

б) Другие первоначально состояли в зависимости от таких глаголов, которые теперь управления лишены и употребляются только в смысле переходящих (§ 175). К упомянутым глаголам принадлежат все означающие движение и пребывание и требующие после себя, в смысле дополнения, обстоятельственных слов в известных падежах, на вопросы *куда?* и *где?* Напр., „идти *в город*", „жить *в городе*".

Древний язык выражает эти обстоятельства даже без предлога, одним падежом, а именно: на вопрос *куда?* — дательным, напр. „идти *Киеву*" (= в Киев); на вопрос *где?* — местным, напр. „жити *Киеве*" (= в Киеве). §§ 244 и 247.

К обстоятельствам цели, первоначально обозначавшимся словами дополнительными, принадлежит церковнославянское достигательное наклонение, употребляющееся при глаголах движения и от них зависящее; напр., в О. ев. въшьдъ же ц҃рь видѣтъ възлежащихъ, Матф., 22, 11; въ врѣмѧ оно възведенъ бысть ıс҃ д҃хмь въ поустынѭ искоуситъсѧ отъ диıавола, Матф., 4, 1, § 197.

Неопределенное наклонение, употребляемое в нашем языке в смысле церковнославянского достигательного, по значению, есть слово обстоятельственное; напр., „иду учиться", „намерен работать" и проч.

Часть речи, по преимуществу соответствующая обстоятельственным словам, есть наречие. Косвенные падежи, помощию которых образовался этот разряд слов, явно указывают на то, что он составлен из слов дополнительных, некогда принявших падеж по требованию глагола и потом навсегда оставшихся с неподвижным окончанием (§ 72).

На первоначальное управление указывают наречия места по вопросам: *где?* и *куда?* При глаголах, означающих пребывание, образовались наречия в местном и родительном падежах; напр., *вне*, цс. вънѣ (напр., „находится вне"), *дома* (напр., „сидеть дома"). При глаголах движения — наречия в винительном и дательном падежах; напр., *вон* (напр., „идти вон"), при местном *вне* (§ 72); *домой, долой*, древние и народные: *домовь, доловь* вм. *домови, долови* (§ 72), которых падеж подчинен общему закону с дательным места в древнем языке („ити Киеву" = ити домовь, домой).

§ 126. Разбирая предложение, состоящее из главных и второстепенных членов, должно отличать л о г и ч е с к и й состав его от г р а м м а т и ч е с к о г о. В логическом отношении второстепенные члены не отделяются от главных и вместе с ними составляют логическое подлежащее или логическое сказуемое. Напр., в предложении: „церковнославянская литература с древнейших времен стала оказывать влияние на русский язык" — *церковнославянская литература* есть логическое подлежащее, и все остальные слова, вместе взятые, — логическое сказуемое. Что же касается до грам-

матического разбора, то в нем строго отделяются члены второстепенные от главных. Напр., в приведенном примере, *литература* есть подлежащее, *стала оказывать* — сказуемое (§ 164), *церковнославянская* — определение к подлежащему *литература; с древнейших времен* — обстоятельство времени при сказуемом, и сверх того: *древнейших* — определение к слову *времен; влияние* есть дополнение к сказуемому; а *на русский язык* — дополнение к дополнению *влияние.*

§ 127. Второстепенные члены предложения, в свою очередь, могут иметь при себе свои собственные слова определительные, дополнительные и обстоятельственные. Напр., в приведенном примере, слова: *древнейших* и *на русский язык,* суть второстепенные члены предложения, стоящие при второстепенных.

§ 128. Составное сказуемое содержит в себе, при глаголе существительном, второстепенные члены предложения, а именно:

1. Определение, выраженное:

а) или прилагательным кратким; напр., „бог есть всемогущ“ (при определительном с полным окончанием: „всемогущий бог“);

б) или существительным; напр., „Днепр есть река“ (при определительном: „река Днепр“);

в) или родительным падежом; напр., „Петр Великий был высокого роста“, вм. „высок ростом“ (при определительном: „человек высокого роста“).

2. Обстоятельство; напр., „он в городе“, „— на ногах“, „— в хлопотах“ (с опущением глагола *есть* или *находится, пребывает* и т. п.).

§ 129. Для выражения взаимных отношений между лицами говорящими употребляются в составе предложения следующие средства:

1) О б о з н а ч е н и е л и ц, помощию местоимений и окончаний глаголов (см. § 122).

2) О б р а щ е н и е лица говорящего к слушающему, выражаемое наименованием этого последнего, поставленным в звательном падеже; напр., „радуйся, царю иудейский!“, „врачу, исцелися сам!“

Представляя себе лицами одушевленными и слушающими нас предметы бездушные, умственные и воображаемые, ставим название их в звательном падеже, когда обращаем к ним речь. Напр., в стих. Батюшкова Умирающий Тасс: „земля священная героев и

чудес! | Развалины и прах красноречивый! | Лазурь и пурпуры безоблачных небес, | вы, тополи, вы, древние оливы, | и ты, о вечный Тибр, поитель всех племен, | засеянный костьми граждан вселенной: | вас, вас приветствует из сих унылых стен | безвременной кончине обреченный!“

3) Вопрос и ответ, как необходимые составные части всякого разговора.

Предложения, которыми спрашиваем, называются вопросительными; напр., „все ли животные одарены произвольным движением?“ Предложения, в которых выражаем ответ и рассказ, называются повествовательными; напр., „Петр Великий основал Петербург“.

Рассказ, на словах или же и на письме, ведет свое начало от устного разговора, потому всегда пользуется теми же грамматическими средствами, которые язык употребляет для выражения взаимных отношений между говорящими. Даже когда думаем, облекаем свою мысль в слова, потому самое мышление, в этом отношении, есть не иное что, как разговор человека с самим собою.

а) Вопрос выражается или местоимениями и наречиями вопросительными; напр., *кто? что? где? как?*, или союзами, напр. *ли*.

б) Ответ может быть: или утвердительный; напр., на вопрос: „знаете ли урок?“ — „знаю“; или отрицательный: „не знаю“. В первом случае он выражается предложением утвердительным, в последнем — отрицательным.

4) Наклонение для обозначения желания, повеления, предположения, утверждения (§§ 191—194).

5) Ударение голосом на таких словах, на которые говорящий желает обратить внимание слушающего. Напр., „*прилежный* ученик заслуживает награды“ (а не ленивый); „прилежный ученик заслуживает *награды*“ (а не наказания).

6) Порядок слов. Вопрошающий начинает тем словом, в котором содержится главный предмет вопроса; напр., „*кто* идет?“, „*все* ли дома?“ Напротив того, в ответе и в речи повествовательной, главный предмет речи весьма часто означается на конце. Потому пример, приведенный в 5-й статье, может быть изменен следующим образом: „награды заслуживает ученик *прилежный*“ (а не ленивый).

Примеч. Хотя ударение и порядок слов зависят и от логического течения самой мысли; но так как оба эти способа употребляются для удобства в разговоре между лицами, то, без сомнения, более основываются на правилах грамматических, нежели чисто логических.

§ 130. Речь может состоять: или из предложений отдельных, или из соединенных одно с другим.

Из совокупности двух или нескольких предложений составляется предложение **сложное**, так называемое в отличие от **простого**, не соединенного с другим.

Соединение предложений в одно целое происходит двояким образом:

1) Или одно предложение составляет часть другого, как напр. в сложном: „кто осторожен, тот редко ошибается“, *кто осторожен* составляет часть следующего за ним: *редко ошибается,* и именно заменяет ему подлежащее. Такие сложные предложения могут быть сокращены в простые; напр., „осторожный редко ошибается“.

2) Или соединенные предложения не входят одно в другое, в виде отдельной части, и остаются самостоятельными; напр., в сложном: „на бога надейся, а сам не плошай“ два простые самостоятельные предложения соединены союзом *а.*

В первом случае соединение предложений именуется **подчинением**, потому что одно предложение подчиняется другому, составляя его часть; а во втором — **сочинением**.

§ 131. Предложение, составляющее часть другого предложения, именуется **придаточным**, а то, в которое придаточное входит как часть, именуется **главным**.

Каждый из членов главного предложения, кроме сказуемого, может быть выражен предложением придаточным, а именно:

1) Подлежащее; напр., „*кто вспыльчив,* тот не зол“ (= вспыльчивый не зол).

2) Дополнение; напр., „говори, *что́ полезно*“ (= говори полезное).

3) Определение; напр., „интересно беседовать с человеком, *который многое испытал*“ (= с человеком опытным).

4) Обстоятельство:

а) Места; напр., „Петербург стоит там, *где Нева впадает в Финский залив*“ (= при впадении Невы в Финский залив).

б) Времени; напр., „*когда смеркается,* птицы засыпают в своих гнездах“ (= в сумерки).

в) Образа действия; напр., „конь летит, *как стрела*“ (= летит стрелою).

г) Меры и счета; напр., „терпи, *сколько хватит сил* (= до последних сил).

д) Причины; напр., „многие погибают от того, *что ошибаются в своих расчетах*“ (= от ошибки в своих расчетах).

Равным образом составляются придаточные предложения осно-

вания, с частицею *потому что*, повода — *из того что*, цели — *для того что*.

К придаточным же предложениям обстоятельственным принадлежат те, которые выражают условие, предположение и желание; напр., „если натереть янтарь, то он окажет электрическую силу“ (= янтарь окажет электрическую силу, когда его натрешь); „если бы земля остановилась в своем течении, то все на ней превратилось бы в хаос“; „остановись земля в своем течении, все превратится на ней в хаос“ (= в том случае, когда остановилась бы земля и проч.).

Касательно замены сказуемого придаточным предложением должно заметить следующее:

1) Собственно сказуемое, т. е. глагол, никогда не может терпеть этой замены, что́ составляет одно из существенных отличий этого члена предложения от прочих.

2) Но так как при глаголе (именно при существительном *быть*) употребляются определительные и обстоятельственные речения, составляющие вместе с ним сказуемое составное; то эти речения могут заменяться и объясняться придаточным предложением; напр., в предложении: „истинно благотворительный человек есть тот, который делает добро не из тщеславия“, придаточное служит определением не целому сказуемому *есть тот* и не глаголу *есть*, а подразумеваемому слову *человек*, при определительном *тот*, т. е. — есть *тот человек*, который и т. д.

§ 132. Грамматические средства, употребляемые для соединения простых предложений в одно сложное, суть следующие:

1. Для сочинения предложений: союзы, означающие сложение, разделение и противоположение, каковы, напр., *и, да, а, или, но, однако* и др.

2. Для подчинения предложений:

а) Местоимения и наречия относительные в явном или подразумеваемом соответствии с указательными и союзы, происшедшие от некоторых из этих местоимений и наречий; напр., *тот — кто, то — что, столько — сколько, там — где, тогда — когда, так — как, потому что, за тем что, для того что, тем — чем* и проч.; или просто: *кто, который, чей, что, где* и проч., с опущением указательных: *тот, то* и проч.; напр., „*тот* счастлив, *кто* доволен своею судьбою“, „всем известно, *что* науки полезны“ и проч.

Сложное предложение, составленное по способу подчинения, помощию относительных и указательных частиц, может быть разложено на два предложения: одно вопросительное и другое, ему ответствующее, повествовательное. Напр., „тот счастлив, кто доволен судьбой“; „кто счастлив? — тот, кто доволен судьбой“.

Отсюда явствует, что относительное подчинение предложений точно так же происходит от вопроса и ответа, как относительные частицы от вопросительных. Таким образом, в основании сложного предложения, составленного помощию относительных частиц, замечается начало разговорное (§ 160).

б) Союзы условные, предположительные, желательные, уступительные, вопросительные (напр., *если бы, дабы, чтобы, хотя, ли* и др.), в связи с сослагательным, условным, желательным или предположительным наклонением глагола. Напр., „*если бы* ты был справедлив и честен, все было бы иначе“; по-нем. „*wärest* du wahr gewesen und gerade, alles stünde anders“; „не думаю, *чтобы* он успел“; по-франц. „je ne crois pas, qu'il *réussisse*“; „*поступи* он честно и благоразумно, не попал бы в беду“ и проч.

Предложения, соединенные помощию вопросительного союза *ли,* могут быть разделены на вопросительные и ответствующие; напр., „неизвестно, всегда *ли* будешь счастлив“ = всегда ли будешь счастлив? — неизвестно.

§ 133. Иногда стоят рядом, или же одно в другом, без всякой видимой грамматической связи, такие два предложения, которые, по смыслу своему, должны бы быть соединены по способу подчинения. Напр., „наши предки, кажется, имели весьма ограниченное понятие о живописи“. Предложение „кажется“ не состоит в видимой грамматической связи с тем, в которое оно вставлено. Такие предложения называются в в о д н ы м и (§ 283).

ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 134. Важнейшие изменения в составе предложений происходят А) от сокращения целого предложения в отдельный член; Б) от опущения членов предложения и В) от слияния двух или нескольких предложений в одно.

А. СОКРАЩЕНИЕ

§ 135. I. Чтобы сократить предложение в отдельный член его, язык пользуется тем же средством, которое было употреблено им уже при самом образовании слов, именно производством имени от глагола. Таким образом, стоит только произвесть имя от сказуемого, выражаемого глаголом, и целое предложение сократится в отдельный член. Напр., „*кто сеет,* тот ожидает жатвы“ = *сеятель* ожидает жатвы; „*что́ сеется,* то может приносить плод“ = *семя* может приносить плод.

Но так как в языке имена и глаголы, раз образовавшись, получили свои собственные оттенки; то оказалось неудобным при всяком случае заменять глагол именем. Так, напр., те же слова

сеятель и *семя* не могут вполне выражать предложений: *кто посеял, что́ сеялось,* потому что не означают времени. Чтобы устранить это затруднение, язык вновь производит над глаголом то же действие, которым он пользовался при образовании имен, т. е. производит от глагола имена, но только отглагольные, каковы суть: причастия, деепричастия и неокончательное наклонение.

Примеч. 1. Таким образом, производство имен от глаголов помощию суффиксов причастий и неокончательного наклонения (§§ 55 и 56) согласно с синтаксическим учением о сокращении предложений.

II. Важнейшие формы сокращенного предложения суть:

1) Имя существительное; напр., „*когда восходит солнце,* небо бывает прекрасно" = при *восходе* солнца и проч.

2) Имя прилагательное, когда вместо сказуемого бывает определением; напр., „этот ученик *прилежен*" = этот *прилежный* ученик...

3) Причастие; напр., „*кто* много *трудится,* устает" = много *трудящийся* устает.

4) Деепричастие; напр., „*когда* усердно *работаешь,* тогда не замечаешь течения времени" = усердно *работая,* не замечаешь течения времени.

5) Неопределенное наклонение; напр., „желаю, *чтобы* вы *успели* в своем предприятии" = желаю вам *успеть* и проч.

Примеч. 2. Некоторые языки, как напр. греческий, изменяют неопределенное наклонение по временам; а у нас оно имеет, вместо времен, виды.

III. О формах, сокращающих предложение, должно заметить следующее:

1) Все они, входя в состав главного предложения, сокращаются из придаточных и, как эти последние, могут означать:

а) Подлежащее; напр., „*течение* времени неудержимо" (вм. „время течет неудержимо").

б) Определение; напр., „человек, *принесший* пользу отечеству, достоин уважения".

в) Дополнение; напр., „желаю вам *выздороветь*".

г) Обстоятельство; напр., „*уча* учимся".

Деепричастием выражается обстоятельство, причастием по преимуществу определение, а неопределенным наклонением, равно как и существительным отглагольным, — подлежащее, сказуемое и дополнение. Сверх того, именами, употребленными в виде наречий, выражаются обстоятельства.

2) Из сказанного явствует, что сокращается собственно сказуемое, как основной член предложения.

3) Большая часть предложений, употребляемых в речи, составлена из других, сократившихся. Так, напр., выражения: „на случай отъезда", „истинная любовь к отечеству" сократились из предложений: „если случится, что поедешь", „когда истинно любишь отечество" и т. п.

4) Все эти сокращенные формы выражают мысль отвлеченно, тогда как предложения, из которых они образуются, нагляднее живописуют, помощию глагола, действия и события. Напр., „когда восходит солнце" и „при восходе солнца", „как вскроется река" и „при вскрытии реки" и проч. Имена отглагольные, равно как и неопределенное наклонение, отличаются отвлеченностию: напр., *любовь, отчаяние, любить* и проч. (§ 108).

Русский язык предпочитает полное предложение сокращенному, выраженному причастием действительного залога. „Кто трудится", „кто читал" и проч. суть формы речи разговорной, живой; сокращенные же „трудящийся", „читавший" и проч. принадлежат речи книжной.

IV. Слияние двух (а иногда и нескольких) частей предложения в одно речение выражается в словах сложных. Отдельные члены этих слов слагаются один с другим по тем же законам, которым следует сочинение частей предложения. А именно, сложение может быть:

1) Определительное, когда первая часть определяет вторую; напр., *Нов-город, Старо-дуб;* или вторая первую; напр., *Волоко-Ламск* (слич. в Новг. лет., 17 „на Ламьскѣмъ волоцѣ").

2) Дополнительное, когда первая часть дополняет вторую; напр., *водо-воз, често-любие;* или вторая первую; напр., *любо-честие*. Последний случай встречается реже и преимущественно употребляется в словах, переведенных с греческого.

3) Обстоятельственное, когда первою частию означается: а) место; напр., *море-ход, путе-шествие* и проч.; б) время; напр., *лето-росль, зимо-родок* (alcedo) и проч.; в) орудие; напр., *руко-пись, паро-воз, паро-ход, оче-видец* и т. д.

Сложное слово, сокращая целое предложение, происходит от сказуемого; напр., *листо-пад*, т. е. „когда падают листья" (старинное название месяца ноября); и даже иногда удерживает в названиях предметов время и наклонение глагола; таковы, напр., старинные собственные имена: *Положишило* (Лет. по Ипат. списку, стр. 194 „Данило посла Костятина, рекомаго *Положишила*"), Федор *Умойся-грязью* (Пск. лет., 217), *Терпи-горев* (ibid., 266), *Умыл-бородин* (ibid.) и проч.

Б. ОПУЩЕНИЕ

§ 136. Опущение частей предложения замечается: или I, в одном предложении, или II, в присовокуплении одного к другому.

Общее правило, которому подчиняется как тот, так и другой род опущения, состоит в следующем: опускается та часть предложения, которая легко может быть подразумеваема.

I. В одном предложении опускается либо существительное (в подлежащем и дополнении), либо глагол (в сказуемом), преимущественно тогда, когда при них бывают такие определяющие их слова, при которых становится лишним подлежащее или сказуемое; а именно:

1) Существительное опускается тогда, когда слишком общее понятие, им выражаемое, достаточно явствует из прилагаемого к нему определения и заключается в нем, как родовой признак; напр., „богатые помогают бедным", опущено *люди* и *людям;* „берегись злых", т. е. *людей.*

2) Глагол опускается:

а) В языке разговорном настоящее время вспомогательного глагола *быть* в сказуемом составном; напр., „волк хищный зверь"; но в книжной речи, равно как и в церковном языке, удерживаются *есть* и *суть;* напр., „грамматика *есть* наука", „грамматика и арифметика *суть* науки" (§ 202).

Опущение глагола существительного особенно распространилось в русском языке в двух случаях: 1) в прошедшем причастии действительного и страдательного залогов; напр., *сделал, сделан* вм. *есмь сделал, есть сделан* (202) и проч.; и 2) в предложениях безличных, составленных из вспомогательного *есть* с именем прилагательным в среднем роде или с существительным. А именно:

α) С прилагательным в среднем роде; напр., *можно, должно, полезно, приятно* и проч. (вм. *есть можно, есть приятно* и проч.). В прошедшем: *можно было, было приятно* и проч.; и в будущем: *можно будет, будет приятно* и проч.

β) С существительным; напр., *жаль, лень, охота* и проч. (вм. *есть лень, есть охота*). В прошедшем и в будущем: *было лень, будет жаль* и проч.

Сюда же принадлежит употребление существительных: *правда, дело* и других, заменяющих целое предложение. Напр., „правда, что учиться никогда не поздно", „дело, что он пришел вовремя". Иногда при этих сказуемых употребляется безличное подлежащее *это:* „это правда, что...".

Речение *правда,* в значении союза уступительного, есть целое предложение.

γ) С речениями, имевшими первоначально значение имени, каковы, напр., *льзя, нельзя,* цс. льзѣ (вм. *есть льзя, нельзя есть*). В прошедшем и в будущем: *нельзя было, нельзя будет.*

Примеч. 1. В арх., пермск. вм. *льзя* употребляется несмягченная форма *льгá* (§ 37), как имя существительное, изменяемое по падежам; напр., *не во льгу* — невмочь.

б) Глагол опускается при неопределенном наклонении для означения повеления или необходимости; напр., „стоять смирно“, „быть делу“ и проч.

в) При прошедшем причастии *пошел,* для означения повеления.

Так как слова определительные, дополнительные и обстоятельственные присовокупляются к подлежащему и сказуемому для точнейшего объяснения мысли, то они не могут опускаться, как слова лишние, легко подразумеваемые. Напротив того, подлежащее и сказуемое иногда могут подразумеваться при таких дополнениях и обстоятельствах, которые по ясности своей не нуждаются в главных частях предложения. Напр., „вперед!“ (т. е. пойдем или иди), „ничего“ (т. е. нет).

Примеч. 2. В глаголах безличных подлежащее не опущено, а содержится в сказуемом (§ 124).

II. В присовокуплении одного предложения к другому особенно употребительно опущение в предложениях, отвечающих на вопрос. В ответе обозначается только та часть предложения, в которой содержится сила вопроса. Напр., „кто основал Петербург? — Петр Великий“ (опущено: „основал Петербург“). „Чего не воротишь? — времени“ (опущено: „не воротишь“). „Все ли ученики в классе? — все“ или „не все“ (опущено: „ученики в классе“). „Знаешь ли, чтó с тобою случится? — знаю“ или „не знаю“ (опущено: „чтó со мною случится“) и проч.

Наибольшей краткости ответ достигает тогда, когда для утверждения или отрицания употребляются слова *да* или *нет,* заменяющие целое предложение. Слово *нет,* по самому образованию своему (*не-есть,* цс. нѣсть, § 25), есть сокращенное отрицательное предложение.

В. СЛИЯНИЕ

§ 137. Слияние предложений двоякое, смотря по тому, какие предложения сливаются: соединенные по способу подчинения или по способу сочинения.

1. При слиянии предложений, соединенных по способу подчинения, одно предложение, слитое с другим, хотя и может быть рассматриваемо как целое предложение, но употребляется в смысле отдельной части речи.

К таким предложениям принадлежат:

1) Союзы: *пускай, пусть, пожалуй,* собственно выражавшие целое предложение в повелительном наклонении, но теперь не отделяющиеся от сказуемого, к которому прилагаются; напр., „пусть пойдет“, „пускай он прав“ (= допустим, что он прав).

2) Союзы: *де, дескать, мол* (§ 77), означающие речь другого и соответствующие вводному предложению: „говорит“, „говорил он“ и т. п.

3) Союзы: *ведь, знать,* означающие мнение говорящего и соответствующие предложениям: *ведай, да будет ведомо, вероятно, известно, что.* Напр., „Гомер *ведь* не умел писать, он *знать* читал свои песни наизусть“.

4) Союз *буде* (и старинный *будет*) в значении условия и предположения; напр., „буде сделаєшь“; в древнерусск. „будет скажем“.

5) Безличные глаголы: *было* и *бывало,* прибавляемые к глаголу: первый для означения несовершенного действия, а второй — давнопрошедшего времени; напр., „сделал было“, „сидим бывало“ и проч.

6) Безличные глаголы: *вероятно, верно, должно быть* и др.; напр., „вероятно, придет“ (= что придет), „должно быть, скажет“ (= что скажет).

7) Некоторые выражения, употребляющиеся в смысле наречий или обстоятельственных слов, каковы, напр., *того и гляди, как раз, чем свет* и проч.

8) Предложения безличные: *ни будь, ни есть, ни было* (бы), в местоимениях и наречиях: *кто-нибудь, что-нибудь; какой ни есть, где-нибудь; что бы ни было, где бы ни было* и проч.

II. Слияние предложений, соединенных по способу сочинения, бывает тогда, когда сливаются в одно, два или несколько предложений, имеющих общий им всем какой-нибудь один член предложения, при различии в прочих. А именно:

1) При одинаковых сказуемых и разных подлежащих; напр., „волк хищный зверь, и лев хищный зверь = волк и лев хищные звери“; „либо случай управляет миром, либо судьба управляет миром = либо случай, либо судьба управляют миром“; „не случай управляет миром, а судьба управляет миром = не случай, а судьба управляет миром“.

2) При одинаковых подлежащих и разных сказуемых; напр., „солнце греет, и солнце светит = солнце греет и светит“; „луна светит, луна не греет = луна светит, а не греет“ и проч.

3) При одинаковых главных частях предложения и разных второстепенных; напр., „прилежный ученик и благонравный ученик = прилежный и благонравный ученик“; „заниматься науками, заниматься искусствами = науками или искусствами, — не науками, а искусствами“; „жить в городе, жить в деревне = жить в городе и в деревне, — в городе или в деревне, — не в городе, а в деревне“ и проч.

Подлежащие, сказуемые, слова определительные, дополнительные и обстоятельства, осложнившиеся, таким образом, от слияния предложений, именуются слитными, в противоположность простым. Напр., в предложении „солнце светит“ подлежащее простое; а в предложении „солнце и луна светят“ подлежащее слитное.

II. ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

§ 138[34]. В языке девять частей речи, а именно: глагол, местоимение, имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, наречие, предлог, союз и междометие.

Так как часть познается в связи с целым; то надлежит обратиться к самой речи для того, чтобы составить понятие о частях ее (§ 119).

Рассматривая отдельные слова, составляющие речь, замечаем между ними следующее различие: одними говорящий выражает все разнообразное содержание речи; другими же — этот разрозненный материал связывает в стройное целое для передачи своей мысли лицу слушающему; первыми означает предметы, их свойства и действия; последними — логические приемы, употребляемые в составе предложения, и отношения к себе, как к лицу говорящему, — к лицу слушающему и к предмету речи. Слова первого разряда именуются частями речи знаменательными, кои суть: имя существительное, имя прилагательное и глагол (за исключением вспомогательного); последнего разряда — служебными, а именно: местоимение, имя числительное, предлог, союз и глагол вспомогательный.

Наречия, отрицательное *не* и произведенные от местоимений и других служебных частей речи, принадлежат к служебным; напр., *здесь, там, дважды* (§ 73); произведенные же от знаменательных, напр. *вновe, наискось* и др., к знаменательным.

Междометие, по значению своему, составляет особый отдел, потому что выражает не логические отношения и не разнообразие предметов речи, а ощущения говорящего; по образованию же относится либо к знаментальным, напр. *о горе, спасибо;* либо к служебным, напр. *и, а, ну* и проч. (§ 78).

Дальнейшее различие между частями речи знаменательными и служебными явствует из следующего:

1) Знаменательными словами язык выражает разнообразие впечатлений, производимых природою и жизнию на человека

(§§ 140 и след.); служебными — отвлеченные понятия и отношения лица говорящего к слушающему и к предмету речи. Эти отношения суть:

а) Обозначение лиц: *я, ты.*

б) Вопрос и ответ: *кто — тот, где — там, сколько — столько* и проч.

в) Отвлеченные понятия о качестве, количестве, месте и времени; напр., *как, какой, сколько, два, три, здесь, теперь; в* (городе), *в* (1812 году) и проч.

г) Отвлеченные отношения мыслей, при означении причины, цели, условия, соединения, противоположения и проч.; напр., *с* (голоду), *для* (ближних), *если, и, но* и проч.

д) Связь, напр. помощию глагола *быть* в составных сказуемых: „бог есть всемогущ".

Знаменательные слова, переходя от значения представлений к значению понятий, также становятся отвлеченными, однако выражают разнообразие отвлеченных понятий.

2) Служебные слова соответствуют окончаниям знаменательных частей речи (т. е. флексиям и суффиксам, §§ 166—168).

3) Глаголов, существительных и прилагательных имен и наречий знаменательных в языке бесчисленное множество, потому что предмет речи может быть до бесконечности разнообразен. Что же касается до служебных частей, то число их весьма ограничено, потому что способы сочетания мыслей и отношения лица говорящего к слушающему и к предмету речи подводятся в языке к немногим простейшим законам. Имена числительные, восходящие до бесконечности, не составляют здесь исключения, потому что кажущееся разнообразие их основывается на повторении и сочетании единиц, десятков, сотен и т. д.

4) Слова знаменательные исчисляются в словаре, служебные, ограниченные числом, — в грамматике.

5) Слова знаменательные в языках живых могут составляться вновь; так, напр., в недавнее время составлены: *пароход, чугунка* (в значении железной дороги), *пролетка* и проч. Напротив того, новых служебных слов язык создать уже не может.

6) Из чужих языков заимствуются слова знаменательные (каковы, напр., *рекомендовать, флот, синодальный* и проч.), а не служебные.

Примеч. Заимствование служебных частей речи бывает возможно только в отдаленную эпоху образования языков. Так, французский язык заимствовал от латинского местоимения, предлоги, союзы, числительные имена.

§ 139. Для того чтобы составить себе полное понятие об отдельных словах, употребляемых в речи, должно их рассмотреть в двояком отношении: А) в отношении к словарю и Б) в отношении грамматическом.

В первом отношении обращается внимание на выражение представлений и понятий в отдельном слове; в последнем на значение и принадлежности каждой части речи в отдельности.

А. ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПОНЯТИЯ В ОТДЕЛЬНОМ СЛОВЕ [85]

1. Предмет и его эпитет

§ 140. Предметы и их действия и свойства называются в языке по тому впечатлению, какое они на нас оказывают. Так как впечатления производятся на нас действиями и свойствами предметов, то глаголы и прилагательные, как названия действий и свойств, выражают впечатление живее, нежели произведенные от этих частей речи имена существительные (§ 112).

Живое воззрение, лежащее в основе наименования всякого предмета, выражается в языке корнями глаголов и имен прилагательных (первоначально причастий). Иначе можно сказать так: предметы называются по их действиям и свойствам; напр., известный зверь назван *медведем,* потому он и *ест мед* (мед-в-едь, § 25); лихорадка иначе именуется *трясцою,* потому что она *трясет* члены тела; комната называется *светлицею,* потому что *освещена* окнами, и проч. Тем понятнее слово само по себе, чем яснее и осязательнее живое впечатление, лежащее в его основе.

Существительное, в котором чувствуется его происхождение от глагольного или прилагательного корня, удовлетворяет как воображению, так и мышлению; для воображения представляет оно не отвлеченное понятие, а образ предмета; для мышления же указывает на целое предложение, лежащее в основе образования слова. Таким образом, происходя от живого впечатления, сначала выраженного в форме предложения, каждое существительное означает: или предмет действующий; напр., *медведь* (= кто ест мед); или подлежащий действию; напр., *семя* (= что́ посеяно); или орудие действия; напр., *кормило* (= чем кормят, т. е. управляют), *крыло* (= чем покрываются); или предмет, имеющий какое-нибудь свойство; напр., *белок, желток* (= что́ бело, что́ желто) и проч., § 112.

Признак, по которому предмет получает свое название, именуется эпитетом.

Примеч. 1. Первоначально многие предметы названы по эпитетам; так, напр., от эпитета *ярый,* т. е. теплый и светлый, происходит название весны: *яро* или *ярь.* Многие прилагательные, первоначально эпитеты, заступили место существительных; напр., *смертный* (т. е. человек), *обедня, вечерня, заутреня*

(т. е. обедняя, вечерняя, утренняя служба), *ископаемое, насекомое, животное* (т. е. существо или произведение) и проч.

Примеч. 2. Забыв происхождение и первоначальное значение слов, народ прибегает иногда к новым толкованиям, по большей части ошибочным, основывая на них даже правописание. Так, напр., в немецком языке название животного maulwurf простонародная этимология производит от maul (рыло), забыв, что это слово первоначально произносилось в древневерхненемецком multwurf (т. е. erdwerfer) от старинного слова molta или molte, т. е. пыль, прах, земля; в слове meineid народ намекает на местоимение mein, забыв значение старинного слова mein (неправда, ложь, nefas); слово vormund объясняет себе словом vorsprecher, сближая его с словом mund и забыв, что оно происходит от munt, munti (защита). Позднейшее, неправильное толкование слова ведет иногда и к неправильной орфографии. Так, напр., многие пишут по-немецки seelig, производя это слово от seele, вм. selig, от старинных sal, sälde (благополучие, счастие).

Особенно неизбежны неправильные толкования таких слов, которые взяты из чужих языков; напр., в нем. Mailand (сближенно с land) от первоначального Mediolanum; Klagenfurt (сближенно с klagen и furt) от латинского Claudii forum и проч.; или же, которые первоначально означали в народе понятия языческие, уже во времена незапамятные вытесненные христианством; напр., позднейшая простонародная этимология противополагает названия: dienstag и freitag, как день работы и день свободы или отдохновения, производя первое слово от dienst — работа, а второе от frei — свободный, между тем как первое означает день, посвященный божеству войны — Тиру (dienstag = сканд. tyrsdagr, датск. tirsdag, шведск. tisdag, англосакс. tivesdäg, англ. tuesday и проч.), а второе — день, посвященный богине Фрии или Фрее.

Для объяснения многих слов надлежит перенестись к нравам и обычаям отдаленной эпохи. Так, напр., франц. слова merci, payer, quitte объясняются воинским бытом средних времен. Avoir merci de son ennemi (= habere mercedem de inimico) — получить плату или цену за кровь, виру (wehrgeld); отсюда выражение: être à la merci du vainqueur; равномерно payer (от лат. pacare) собственно значит „усмирить (pacifier), заплатив цену“ (merci, merces); так же и quitte (от лат. quietus) — спокойный, мирный. — Valet (т. е. уменьшительное от vassal), vassalus — vassalettus, откуда vaslet, сократившееся в форму valet, собственно „воин“; в этом значении употребляется и доселе в названии фигуры в картах (т. е. Hector, Lancelot, Lahire).

§ 141. Эпитет, которым постоянно сопровождается название какого-нибудь предмета, называется постоянным; напр., в народном языке: *темный* лес, *зелена* трава, *сине* море, *белый* день, *божий* день (в выражении „каждый божий день“), *красное* солнце, *белая* лебедь, *сизый* орел, *борзый* конь и проч.

Постоянные эпитеты восстановляют в воображении то живое, наглядное представление, которое лежит в названии самого предмета. Потому эпитет и название предмета иногда могут означать одно и то же представление, как напр. в народном выражении: *тихие покои.*

Эпитет отличается от обыкновенного прилагательного тем, что служит к украшению речи и по большей части не придает нового оттенка названию предмета; потому называется **украшающим** эпитетом.

Примеч. Эпитеты народного языка принадлежат к остаткам отдаленной эпохи. Мы находим их в древнейших памятниках словесности не только русской, но и прочих славянских племен. Для примера здесь приводится несколько народных эпитетов в сличении с эпитетами древнерусских произведений и одного чешского памятника (XIII в.), содержащего в себе поэтические произведения и известного под именем Краледворской рукописи [86]. 1) *Удалой, удатный, удача молодец:* в Краледв. рук., 42: „udatna cstmira“ (удатна Честмира); Сл. о полку Игор.: „удалыми сыны Глѣбовы“; Ипат. лет., 167: „потомъ же Мстиславъ великый удатный князь умре“. 2) *Красная девица:* в Краледв. рук., 94: „krasna dieua“ (красная дева); в Сл. о полку Игор.: „готскія красныя дѣвы“. 3) *Милый сын, брат, милая дочь:* Краледв. рук., 44: „smilu suu dceru“ (с милою своею дочерью); Сл. о полку Игор.: „жаль бо ему мила брата Всеволода“; Ипат. лет., 156: „пріялъ бо бѣ Данила какъ милаго сына своего“; ibid., 202: „и нача отдавати милую свою дочерь, именемъ Олгу, за Володимера князя“. 4) *Буйная головушка:* Краледв. рук., 2: „v buinu hlauu“ (в буйную); ibid., 32: „na buinich hlauach“ (на буйных главах). Слич. в Сл. о полку Игор.: „за раны Игоревы, буего Святославлича“; ibid.: „высоко плаваеши на дѣло в буести“; Продолж. лет. Нестора, 13: „младенства ради и буести“. Из приведенных примеров явствует, что это слово первоначально имеет смысл удальства, доблести. 5) *Красная весна:* в Проповед. Кир. Тур. в Пам. рос. слов. XII в., 21: „весна убо красная вѣра есть христова“. 6) *Ясное солнце, темная ночь:* Краледв. рук., 4: „iasne slunecko“; 82: „temnu nocu“. 7) *Сыра земля, зелена трава, чистое поле, темны леса:* Краледв. рук., 52: „po zelene trawie w siru zemiu tecie“ (по зеленой траве в сыру землю тече); 96: „sira ziemie“; Сл. о полку Игор.: „стлавшу ему зелѣну траву“, „и поѣха по чисту полю“; Краледв. рук., 72: „les temen“; 86: „temnim lessem“. 8) *Синее море:* в Сл. о полку Игор.: „въплескала лебедиными крылы на синѣмъ море“, „се бо готскія красные дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю“, „лелѣючи корабли на синѣ морѣ“. 9) *Тугой лук, стрелы каленые:* Краледв. рук., 26: „tuhi luki“; 22: kalenich strsiel“; Сл. о полку Игор.: „стрѣлы каленыя“; Ипат лет., 128: „бяху же у нихъ луци тузи самострѣлніи“. 10) *Питья медвяные:* Краледв. рук., 56: „pitie medua“. 11) *Борзый конь, серый волк:* Сл. о полку Игор.: „връжеся на бръзъ комонь“; „Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ“. В списке. Библ. 1499 г. и҆ послаша книгы съ приставы конникы. и҆же ѣ҆ꙁдахꙋ на борꙁы конех. Есф., 8,10.

2. Синонимы и тропы

§ 142. В рассуждении наименования предметов, действий и свойств по впечатлениям, какие производят они на нас, возможны два случая: или 1) один и тот же предмет различными свойствами и действиями производит различные впечатления и потому называется различными словами; так, напр., комната называется: *горницею, светлицею, покоем* и проч. (§ 112); или же 2) различ-

ные предметы и свойства выражаются одинаковыми словами, потому что производят на нас одинаковые впечатления; так, напр., *нога, рука, горло* — у животного, и *ножка* — у стула или стола, *ручка* — у чашки, *горлышко* — у бутылки и проч.; *увидеть* — усмотреть что-нибудь и узнать, *темный* — смутный, неясный, не светлый, а также плохо видящий или вовсе не видящий, и потом несведущий; напр., в выражении: „люди темные" (§ 107).

Примеч. Разные виды ветвей и побегов древесных в обл. языке именуются, напр., курск. *погонок* — отросток, тверск. *плетины* — побеги растений, пск., тверск. *привёдок* — отпрыск внизу древесного ствола, казанск. *отнóги* — равно толстые стебли, выходящие из одного корня.

Различные слова, по различным впечатлениям или с различных точек зрения означающие один и тот же предмет и одно и то же действие или свойство предмета, именуются синонимами, или словами подобозначащими; каковы, напр., слова: *путь* и *дорога, труд* и *работа, прекрасный* и *прелестный, касаться* и *дотрогиваться, ожидать* и *надеяться* и др.

Одни и те же слова (или же корни слов), употребляющиеся для означения различных предметов, действий и свойств, называются тропами, или словами переносными. Так, напр., *дух* в значении воздуха и существа бесплотного, *красный* — в значении хорошего, красивого и в значении цвета, *понять* — уразуметь, а также взять или занять что-нибудь; напр., „вода поняла луга", т. е. покрыла или заняла, „луга поемные" — покрываемые водою и проч.

§ 143. Когда, с течением времени, в значении слов общие понятия заступили место живых впечатлений, тогда различные слова, означающие один и тот же предмет, т. е. синонимы, и одни и те же слова, выражающие различные предметы, т. е. тропы, были перенесены от впечатлений к понятиям. Потому, отделяя друг от друга синонимы, или слова подобозначащие, мы отделяем уже не впечатления, а понятия одно от другого; напр., с речением *труд* мы соединяем понятие об усилии; с речением *работа* — понятие о производстве самого дела.

С другой стороны, между многими значениями одного и того же слова, отличаем такое, которое, по нашим понятиям, кажется нам собственным, а остальные называем переносными; напр., в прилаг. *белый* значение цвета называем собственным (напр., „белая бумага"), а значение света — переносным (напр., в выражениях: „белый день", „белый свет").

Синонимы

§ 144. Смешение синонимов, в употреблении одного на место другого, принадлежит позднейшему периоду языка, когда живое впечатление уступило место понятию и когда, следовательно,

различные точки зрения на предмет, выражаемые синонимами, были подведены под общие понятия о самом предмете. Напр., не обращая внимания на то, что прилаг. *прекрасный* означает превосходную степень от слова *красный* (т. е. хороший) и что прилаг. *прелестный* происходит от гл. *прельстить* (обмануть), эти речения употребляем мы одно вместо другого на том основании, что подвели их под одно общее понятие о том, что́ нравится вообще.

Определяя точный смысл каждого синонима, мы не только достигаем точности в уразумении самого понятия, словом выражаемого, но и придаем отвлеченному понятию живость первоначального впечатления.

Для точного определения синонимов надлежит обращаться к старинному и народному языку, где с большею ясностию высказывается происхождение и первоначальное значение слов. Напр., синонимы: *труд* и *работа,* теперь определяемые только по различным понятиям, с этими словами соединенным (§ 143), первоначально отличались весьма резко, указывая на различные впечатления, тем и другим словом выраженные: слово *труд,* кроме нынешнего значения, употреблялось в смысле бедствия, болезни, страдания; напр., беззако́нїе и̓ тр́ѹдъ посредѣ̀ е̓гѡ̀ и̓ неправда, Псалт., 54,11; слово же *работа* означало не только дело, но и рабство; напр., в Изб. Свят. 1073 г. не сътрьпѣ свободы, то приими работоу; „а другія работѣ предасть мужемъ своимъ“, Лавр. лет., 31; „работныя (т. е. взятых в рабство) свобождая“, Ипат. лет., 219.

Примеч. Из предыдущего явствует, что важнейшие средства отличать синонимы суть словопроизводство и история языка.

Авторитет образцовых писателей тогда только может быть убедителен и полезен для различия синонимов, когда он основывается уже на вышеуказанных началах.

§ 145. Большая часть слов одного значения, взятых из двух или нескольких языков, состоит между собою в синонимическом отношении, выражая различные точки зрения на предмет или различные стороны одного и того же понятия. Так, напр., *сомневаться,* нем. zweifeln и франц. douter, означают одно и то же понятие, но с различными оттенками. Наше слово *сомневаться* происходит от глагола *мнеть* или *мнить* — думать (откуда по-*минать,* па-*мять,* *мненце* и проч.) с предлогом *с,* а нем. zweifeln и франц. douter выражают представление о раздвоении, т. е. полагать надвое.

Примеч. Нем. zweifeln (древневерхненем. zuiual) происходит от zwei, а французское douter от лат. dubitare, а это последнее от duo (два).

Еще пример: *удивляться* и франц. étonner. Наше слово происходит от корня *див,* откуда *диво* (чудо) и *дивить* (удивлять и смотреть, напр. „не диви на него“). Франц. étonner (древнефранц. estonner) собственно значит — быть оглушену громом (итал. attonito, от лат. tonitrus — гром); напр., в Песне

о Роланде XI в. „Granz fu li colps; li duc en estonat“ (велик был удар, герцог был им оглушен); потом étonner стало употребляться в значении „удивляться“, т. е. поражаться чем-либо.

§ 146. От собственных синонимов должно отличать такие слова, которые употребляются у нас в одном и том же значении, но различаются по своему происхождению, а именно:

1) Слова русские и церковнославянские или русские общеупотребительные, книжные — и народные, областные; напр., *лоб* и *чело, глаза* и *очи, щеки* и *ланиты, шея* и *выя, неделя* и *седмица, отдохнуть* и *опочить* и мн. др.

Примеч. 1. В древнерусских произведениях иногда при слове церковнославянском или книжном ставится, в виде объяснения, соответствующее ему общеупотребительное; напр., в Ипат. лет. „возставше же зажьгоша *колымагы* своя, рекше *станы*, въ день *воскресенія*, рекше *недѣлю*“, 186; „*убѣди и* дарми (дарами) многими, сирѣчь *умоли его*“, 188; „*студенецъ*, рекомый *кладязь*, близь ея бѣ“, 197. *Шея* и *выя* иногда употребляются как два различные слова; напр., в Продолж. Лавр. лет. „яко жестокъ еси и *шія* желѣзна о *вытъ* твоей“, 162.

2) Различные формы одного и того же слова, или русские, напр. *берег, ветер, золото, серебро, одежа* и др., или соответствующие им церковнославянские: *брег, ветр, злато, сребро, одежда* и др.

Такой разнообразный запас слов в нашем языке служит для выражения различных оттенков речи; как-то:

а) В речи книжной, витиеватой, употребляются слова и формы церковнославянские, каковы: *брег, чело, глагол, усопший* и проч., в отличие от речи разговорной, которой свойственны слова чисто русские, каковы: *берег, лоб, слово, умерший* и проч.

Примеч. 2. Впрочем, в народной речи употребляются и слова, общие с языком церковнославянским, напр. *очи, уста* и др.

б) В разговоре, для означения вежливости, употребляются некоторые особенные слова, в отличие от обыкновенных, не придающих никакого оттенка; напр., *кушать* и *есть, почивать* и *спать, пожаловать* и *дать, изволить* и *хотеть* и др.

Примеч. 3. В противоположность этим вежливым выражениям, наш язык имеет выражения грубые; каковы, напр., различные синонимы глаголов: *умереть, есть, спать* и др., употребляемые о животных, а также и о людях, для придачи выражению грубого оттенка.

Этим оттенкам вежливости и грубости, выражаемым в целых речениях, соответствуют ласкательные и уничижительные окончания имен (§ 220) и особенное употребление личных местоимений в разговоре (§ 203).

§ 147. Важнейшие виды тропов суть: метафора, метонимия и синекдоха.

а. Метафора

Метафора переносит слово от одного значения к другому по качеству на том основании, что различные предметы могут производить на нас своими действиями и свойствами одинаковые впечатления.

Язык употребляет метафоры:

1) В названии действий; напр., гл. *понять* от значения о взятии и занятии перенесен к значению о разумении (§ 108).

2) Свойств; напр., прилаг. *темный* от значения слепоты перенесено к значению незнания (§ 107).

3) Предметов; напр., сущ. *дух* от значения дыхания перенесено к значению существа бесплотного.

4) Отношений; напр., предлог *на* в выражении: *положить на что-нибудь* — имеет значение наглядное, а в выражении *надеяться на кого* — умственное или отвлеченное.

Метафорические названия надобно отличать двоякого рода:

1) Одни относятся к природе вещественной; напр., прилаг. *ярый* означает: а) жаркий, теплый; потому *яро* — весна, теплое время года (откуда *яровой хлеб*); б) светлый, белый; напр., *ярый воск* (т. е. белый, самый чистый); в) крепкий, сильный, быстрый; напр., *ярый тур* (т. е. сильный бык).

Примеч. 1. Яркий свет и резкий звук, производя сходные впечатления, в языке выражаются одинаковыми словами. *Яркий* (от корня *яр*) теперь говорится о свете и цвете; но в старину употреблялось о громком звуке, а также и вообще о быстром и сильном впечатлении. Напр., в Пересмешнике 1789 г. „говорила она ему не весьма *ярким* голосом, изъявляя тем, что она несколько недомагала", 4,220; в Совершенном егере Левшина 1779 г. о соколе говорится, что он „завидливая и *яркая* птица, мечется с руки", 295. — Постоянный эпитет сокола, употребляемый в народных песнях — *ясный*, состоит в связи с прилагательным *яркий*, в приведенном значении, что́ видно из прочих славянских наречий, в которых *ясный* между прочим имеет смысл быстрого; напр., в нижнелуж. *ясно* (jessno) — быстро, *ясность* (jessnoscz) — быстрота. Понятие о быстроте и свете соединяется также в прилагательном *быстрый*, которое в сербск. наречии значит „светлый", „прозрачный". В Домостр. Сильвестра XVI в. „губами не *сверкати*", т. е. не шевелить; и наоборот, в пск., тверск. „молния *мига́ет, мигнула*" вм. *сверкает, сверкнула; промигать* — промелькнуть, скоро пройти; в послов. по Сб. XVII в. „перстомъ *мигаетъ*", т. е. кивает (см. Хр.); в пск., тверск. *ми́галы* — глаза, веки; *ми́гавка, мига́лка* — веко глазное; и *мига́ло* — кто скоро ходит; *мигане́ц* — резвый мальчик и проч.

2) Другие относятся к природе умственной, причем должно заметить, что слова, которыми называются предметы, свойства и действия природы умственной, первоначально имеют значение вещественное, как это видно из приведенных примеров: *понять* и *дух*. Вышеприведенное прилагательное *ярый* также от природы физической переносится к нравственной, в значении неукротимого, бешеного, оттуда сущ. *ярость;* в церковнославянском ıарьнъ зн. „отважный“, „пылкий“, „гневный“.

Примеч. 2. Согласно с названием весны — *яро,* месяц май, кроме многих других слов, именуется *ярец;* чехи о солнце говорят *яро,* в значении светлого, ясного; о воде *яра,* т. е. чистая, прозрачная; в русском областном просторечии *яро* зн. „сильно“, „скоро“, *яровать* — кипеть на огне, *яроводье* — весенний разлив реки и проч.

Большая часть понятий отвлеченных и предметов умственных получили в языке названия метафорические. Напр., *цель* (целить), *стремление, отношение* (нести), *препятствовать* (пну, препинаю), *пещись* (пеку), *тужить* (при древнем сущ. *туга* — печаль, и при ныне употребительном прилаг. *тугой*), *сокрушаться* (крушить, укрух), *надеяться* (первоначально в смысле „полагаться *на* что-нибудь“); *воскресить,* цс. и древнерусск. крѣсити (от корня *крѣс-*, в обл. *крес:* арх., костр., нижег. *на кресу* — наготове, в удовольствии, в торжестве), первоначально и собственно зн. „извлекать, высекать огонь“ (оттуда *кресиво, кресало* — огниво и *кресник* — июль, т. е. жаркое время); *грешить, грешиться* — первоначально „не попасть“, „промахнуться“; напр., в Лавр. сп. лет. „единъ же *грѣшися* топоромъ“; от *кривой* — *кривда* — неправда, как от *правый* (в смысле не только десного, но и прямого) — *правда,* от *крутой, крутить* — *кручина; погибель* — собственно и первоначально „перегиб“, „сгиб“; напр., „согнуть в три *погибели*“ и проч.

Предлоги от значения движения в пространстве переходят к значению движения во времени и умственных отношений; напр., „в 1812 г.“, „умереть с голоду“, „поступать по сказанному“ и проч. (§ 162).

Примеч. 3. Областное просторечие представляет множество примеров метафорического употребления как целых слов, так и корней их, метафорически изменяющих свое значение в речениях производных. Напр., от глагола *скакать:* в арх. *скакун* — кузнечик и *скакуха* — лягушка; от глагола *стрелить: стрелка,* кроме общеупотребительного значения, имеет смысл стрекозы, в пск., пермск.; от глагола *бучать,* т. е. издавать звук: ряз., тульск. *бучало* — водоворот и арх. *бучень* — шмель (слич. древнее *бъчела,* т. е. пчела); от гл. *махать:* арх. *махало* — крыло, астр. *махалка* — хвост у рыбы, тульск. *махаль* — лен на гребне, мочка, арх. *мохавка* — флюгер, тонкие лепестки опахала, пера, кисть или пучок из мочала, шелка; пск. *махальня* — калитка; от глагола *ходить:* арх. *ходило* — лопатка в теле животного, олон., орл. *ходак* — кожаный сапог, чебот, калужск., ряз. *ходули* — ноги, тверск. *ходун* — дрожжи;

от *полевой:* в пск., тверск. *полевик* — тетерев, *полевица* — полевая мышь, *полёвка* — птичка вроде овсянки; *руно,* кроме общепринятого значения шерсти, в арх. зн. „высокая, густая трава, стоящая еще на корню, на пожне"; во влад., сарат., тверск. — „рухлядь", „тряпье". Названия почти всех частей тела животных и человека употребляются в переносном значении: курск., смол. *чело* — полные хлебные зерна, падающие при веянии впереди прочих, сиб. *щеки* — горные утесы по обеим сторонам реки, тверск. *рог* — угол, мыс, нижег. *шея* — пролив, влад., арх., сиб. *грива* — роща, не широкое, но длинное возвышение между двумя лугами или пропастями, пск., тверск. *ус* — мыс на воде, арх. *хоботина* — изгиб, кривой мыс; *хвост* — конец острова, лежащий ниже по течению реки, ворон. *шкура* — древесная кора, влад., костр., яросл. и др. *ладонь* — ток на гумне, волог., пермск. *долонь* — гумно, нижег. *губы* — грибы, и наоборот, в смол. *грибы* — губы. В рассуждении таких слов не всегда можно с первого разу решить, которое из значений собственное и которое переносное; обыкновенно бывает так, что и то и другое находятся в одинаковом отношении к самому корню слова, отличаясь только частным применением корня к наименованию различных предметов.

Областное просторечие отличается особенною живописностью в метафорических выражениях природы нравственной. Напр., во влад. *достремиться* зн. „догадаться" и *достремливый* — смышленый. От глагола *пахать* (т. е. веять, откуда *о-пахало, за-пах*), по уподоблению мысли чему-то летучему, веющему, говорят в костр., пермск. *вспахнуться,* в смысле „вздумать, вспомнить что-либо". От понятия о лесе слово *дуброва* перенесено, в пск., в глаголе *дубровиться,* к значению „храбриться". *Ботовь* — стебель и листы корнеплодных растений, как-то: свеклы (откуда *ботвинье,* при глаголе *ботеть*), и потом, в переносном значении, в моск., *ботвить* — чваниться, тщеславиться и *ботва* — тщеславный человек.

Самый видный пример перехода от пространства ко времени предлагает в русск. языке слово *сутки.* Это слово сложное, с предлогом *су-,* от гл. *ткнуть, тыкать,* как это ясно из наречия, *суточь* или *сутычь* (во влад., олон.), означающего соприкосновенность предметов; напр., „доски положены *суточь*"; в олон. былин. „ударил *сутычь* по шее-то", Рыбн., I, 83. Потому *сутки* — в волог., вятск. „передний угол", „место под образами"; потом, в вятск. же *сутучек* — простенок между двумя окнами; а в новг. *сутки* — сени, в украинск. — коридор, проход; *сутычки* — в волог., костр. — передний угол, в костр. — место в избе, где у печи сомкнуты два столба, и, наконец, в нижег. — сумерки, то есть время, когда сходится день с ночью: откуда — *сутки* — день и ночь вместе.

Древнейшие памятники церковнославянского языка предлагают нам столь же обильный материал для раскрытия метафорического значения слов. Так, напр., ныне употребительное существительное *дупло* имеет при себе древнюю форму в прилагательном *дупль* — легок: в Списке Упиря се гь сѣдит на ѡблацѣ доуплѣ, Ис., 19,1. В Изб. Свят. 1073 г. оуста употребляется в смысле *устья* реки. Как теперь *колено* переносится к понятию о роде и поколении, так в списке Библии 1499 г. слово поясь употреблено в смысле потомства, рода, именно в след. месте: и видѣвь іѡвь сны своа и сны сновь свои четвертыи поясь (в испр. даже до четвертаго рода, Иов., 42,16).

Одно и то же слово, по разным славянским наречиям, переносится от одного значения к другому. Напр., *крыло* (от гл. *крыти, покрывать*) в сербском зн. не только „der flügel“, как и у нас, но и „лоно“, „der schosz“. В этом последнем значении крило употребляется и в Григ. Богосл. XI в.

§ 148. Перенося свойства и действия предметов одушевленных на предметы неодушевленные и отвлеченные, язык имеет способность одушевлять или оживотворять всю природу неодушевленную и отвлеченные понятия. Так, напр., самое прилагательное *живой* язык применяет к предметам безжизненным в выражениях: „живое серебро“ (т. е. текучее серебро, в значении ртути), „живой мост“ (т. е. ходячий, кое-как забранный); во французском языке деревьями *живыми* (bois vif) именуются такие, которые дают свежие отпрыски ветвей с листьями, в противоположность мертвым (bois mort), т. е. посохшим. Самый глагол *жить*, в значении бытия или существования вообще, в народном языке употребляется обо всех предметах, без исключения, как живых, так и безжизненных и отвлеченных, отсюда понятно употребление слова *живет* в значении „хорошо“ (т. е. да будет, пусть будет так).

Примеч. В сербском наречии прилагательное *живой* есть постоянный эпитет огня; в соответствие этой же метафоре немцы называют погасающие угли умирающими: die kohle stirbt.

В областном просторечии говорится: „лес *живет*“, „дрова *живут*“ и проч., т. е. есть лес, есть дрова и проч.; в костр. „где ключ *живет?*“, т. е. где находится; в арх. „пиво мое *живет*“, „пиво начинает *жить*“, т. е. бродит, начинает бродить.

Язык так обилен метафорическими выражениями, оживотворяющими природу бездушную, что мы ежеминутно употребляем эти выражения, вовсе не замечая в них олицетворения; напр., „дождь *идет*“, „дорога *идет, спускается*“, „рисунок *бросается* в глаза“, „берег *всплывает*“ (т. е. показывается из-за горизонта на море) и мн. др.

Олицетворение предметов неодушевленных и понятий отвлеченных, а также перенесение свойств человека на прочие предметы окружающей природы, оказали действие в языке, между грамматическими формами, преимущественно на грамматический род и личное местоимение. Но как средоточие предложения, а вместе и часть речи, господствующая над прочими, есть глагол, то главный источник олицетворения и одушевления предметов, в их названиях, происходит от глагола; и именно двояким образом: 1) приписывая действие предмету неодушевленному, мы представляем его лицом действующим; напр., „*река* омыва-*ет* берега“ (§ 125), и 2) производя от глагола имена, мы даем им, помощию суффиксов, значение или лица действующего, напр. *ветер, знаменатель, чис-*

литель и проч. (§ 60), или предмета, подлежащего действию, напр. *бремя, знамя* и проч. (§ 62).

§ 149 [37]. Естественный род отличается от грамматического. Естественный объемлет малое число слов, в сравнении с остальными, в которых не обращается внимание на родовое отличие, или потому что его действительно нет, или потому что обыкновенная наглядность, господствующая в языке, не знает строгого естествоиспытательного наблюдения. Так, *червь* мужеского рода, а *муха* женского, безо всякого отношения к природе; так, *рука* женского рода, *язык* мужеского, *сердце* среднего, *душа* (die seele) женского, *слово* (das wort) среднего, *ветер* (der wind) мужеского, *земля* (die erde) женского, *вода* — по-русск. женского, по-нем. das wasser среднего. Без грамматического рода можно обойтись, и многие языки не имеют его; в тех же языках, в которые род проникнул, составляет он необходимую принадлежность, без которой невозможно склонение. Грамматический род есть не что иное, как созданное фантазиею распространение естественного рода на все предметы; оттого всему отвлеченному, умственному и даже неодушевленному язык дает в наглядных представлениях жизнь и движение. Так, понятие действующее, мощное и самостоятельное означается родом мужеским; понятие, подлежащее действию, слабейшее и зависимое — женским или средним; напр., бог и природа, творец и творение, дух и душа; огонь, ветер и железо, золото и проч.

Между естественным и грамматическим родом занимают средину такие слова, которые, не подлежа ни природному отличию, ни случайной игре фантазии, образовали свой род олицетворением (просопопеею). Таковы мифологические названия богов и обожествленных стихий и явлений природы.

Примеч. 1. Влияние мифологии оказалось, напр., в образовании грамматического рода следующих имен:

1) *Солнце* и *месяц*. Эти слова во всех нем. наречиях первоначально женского и мужеского рода, согласно с преданием скандинавским, по которому у Мундильфёри было двое детей, сын Мани (mond) и дочь Соль (sonne). Есть литовское предание о свадьбе солнца и месяца. Впрочем, в роде солнца различествуют даже немецкие древнейшие памятники; греч. ἥλιος и лат. sol, откуда франц. soleil муж. р.; наше *солнце* ср. от уменьшительной и ласкательной приставки *-це;* муж. род. *месяца* подлежит меньшим исключениям.

2) *День* (der tag) существо муж., *ночь* (die nacht) — жен. По скандинавскому преданию, Нотт (die nacht) — дочь Нёрви, была замужем за Деллингром, которому родила сына именем Дагра (dagr, tag), столь же блистательного и светлого, как отец. *Ночь* в греч. νύξ и в лат. nox рода жен. Во франц. jour (от лат. diurnum, итал. giorno) муж. рода, а nuit женского.

3) В греч., лат., франц., нем. *земля* жен. рода: γῆ, γαῖα, terra, la terre, die erde. По скандинавскому преданию *земля* — дочь той же ночи от другого мужа. В русской народной поэзии земля именуется матерью в выражении: „мать сыра земля“.

Олицетворение входит в названия многих зверей, явлений природы, стихий, дерев и проч.; так что трудно отличать постоянно и везде настоящее олицетворение от грамматического рода, по которому исключения во многих случаях объясняются поэтическими представлениями народной фантазии.

Грамматический род теперь отличается только окончаниями (§ 60). Но так как в языке каждый звук более или менее соответствует мысли, то и окончаниям грамматического рода фантазия народная иногда дает значение, противополагая мужеский род женскому, в связи с олицетворением и с поэтическими представлениями (примеры см. в примечании), и означая средним родом отвлеченное, собирательное, представляющееся в массе; как, напр., *терпение, юношество, золото, дубье, каменье, уголье.* Впрочем, определению точных законов, на которых основывается различие грамматического рода, немало препятствует переход имен из одного рода в другой (§ 60).

Примеч. 2. Для примера предлагается здесь несколько слов, образовавших грамматический род в связи с поэтическими преданиями народными.

1) Царство животных. Общее название *животного* по-слав. ср., точно так же, как греч. ζῷον, лат. animal, нем. das thier. Впрочем, в древне-церковнослав. памятниках, так же как и в народном языке, вместо *животное* употребляется муж. рода: *животъ;* напр., в Сп. Упиря: посредѣ ꙗко ѡбличье четырь животъ, Иез., 1,5.

Нашему жен. *птица* соответствует более употребительное у западных славян муж. *птак.* Хищные и большие птицы муж. рода: *орел, сокол, журавль, коршун, ястреб.* Муж. *ворон* отличается от меньшей и не столь благородной: жен. *ворона; грач,* откуда причастие гравжшти, употребленное в Изб. Свят. 1073 г. о вороне: аште и гравжшти ꙗвитьсꙗ къде врана. В нем. муж. же: adler (первоначально adel ar, т. е. благородный, породистый орел), falke, kranich, geier, sperber, habicht, rabe. Слич. лат. жен. aquila. — *Лебедь* теперь у нас муж., у чехов же *лабуть* жен., прежде было общего, что́ сохранилось в народном языке и доныне; напр., в Древн. русск. стих., 39, „белу лебедь рушают“ (разнимают). Это слово, как украшающий эпитет, придается более женщинам; оттого и ласкательные: *лебедка, лебедушка.* Точно так же и в древненем. литературе женщины сравниваются с лебедями; собств. имена их иногда слагаются с Schwan. В Древн. русск. стих., 217, женщина оборачивается в белую лебедь, изображается колдуньею и называется еретницею. В скандинавских преданиях *Валкирии, вещие* девы, являются в лебединых рубашках. И у нас в Сл. о полку Игор. упоминается о какой-то деве, которая „въсплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ“. С грамматич. родом *кукушки* (украинск. *зозуля,* чешск. *гзегзица, зезгуле* *, в Сл. о полку Игор. *зегзица*) согласуется предание о превращении девушки-сироты в эту птицу, отсюда же объясняется название растения *кукушкины слезы.* Горюющие женщины сравниваются с кукушками: слич. в Сл. о полку Игор.: „Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемъ рано кычеть: полечу, рече, зегзицею по Дунаеви“. В нем.

* В совр. чешском языке *žežulka,* древне-чешск. *žezhule. (Ред.)*

муж. der guckguck, kuckuck, также и в лат. муж. cuculus, переходящее в бранное слово. Напротив того, мужчины превращаются в птицу муж. рода — в *сокола,* и сравниваются с соколом: слич. в Древн. русск. стих., 47: „втапоры поучился Волх ко премудростям: | а и первой премудрости учился | обертываться ясным соколом"; в Сл. о полку Игор.: „Игорь соколомъ полетѣ". Гзак говорит Кончаку об Игоре: „аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича (сына Игорева) ростр҄ѣляевѣ". Олицетворение птиц и предание о превращении людей в птиц у славян относится к отдаленнейшей эпохе: уже в древнейшем поэтическом памятнике, в Суде Любуши, является говорящая *ласточка,* вероятно, оборотень-девушка. В Древн. русск. стих., 69, еретница Марина обертывается *косаточкой.* Нем. die schwalbe, лат. hirundo жен. и греч. χελιδών соответствуют также превращению Прокне. *Сова* жен. рода, die eule, noctua. *Соловей,* в нем. die nachtigall жен. рода, согласно с мифом о превращении Филомелы; по-лат. luscinia и luscinius; у нас согласно с грамматич. родом, соловей имеет другое применение: *Соловей-разбойник* в сказке об Илье Муромце; в Сл. о полку Игор. сказано о поэте: „о Бояне, соловію стараго времени".

Как у млекопитающих малые дети среднего рода, напр. *дитя, утя, жребя,* так у птиц *яйцо* (корень *яй,* откуда *яйе* — яйцо в наречиях сербском, нижнелужицком, польском; *-це* — образующее окончание) тоже ср. рода: греч. ᾠόν, лат. ovum, нем. das ei. У нас ср. р. в названиях детенышей вытеснен мужеским; напр., *утенок, жеребенок* (§ 62).

Змей первоначально муж. р.: ꙃмій же бѣ мꙋдрѣйшій всѣхъ ꙃвѣрей, сꙋщихъ на ꙃемли, Быт., 3, 1. С понятием о змее соединяется дьявольское, чародейское, человеку враждебное. Как существо сверхъестественное, это пресмыкающее в нашей старинной поэзии всегда муж. рода: „налетел на его змей Горынчище, хочет Добрыню огнем спалить, | огнем спалить, хоботом ушибить", Древн. русск. стих., 348. Остаток этого мифического представления сохранился в детской игрушке *змей,* муж. р.; он с хвостом и летает (слич. в Древн. русск. стих. о змие-чародее, 191: „поднялся на бумажных крыльях под небесью летать"). Более низкое понятие соединяется с тем же словом в жен. роде. Нем. die schlange имело прежде и муж. р.; лат. anguis, serpens общ. р.; vipera и ἔχιδνα жен., франц. serpent муж.

Насекомые, ради их слабости и малости, по большей части, жен. рода, однако также с исключениями. Согласно с превращением Арахне, за исключением нашего слова *паук,* жен. рода: по-греч. ἀράχνη, лат. aranea, нем. die spinne, франц. une araignée. Также жен. во всех языках: *муха,* μυῖα, musca, die fliege, la mouche; пчела, μέλισσα, apis, die biene, une abeille; *моль,* tinea, die motte и проч. Хотя нем. die ameise и лат. formica жен., однако наше *муравей* и греч. μύρμηξ муж., согласно с превращением муравьев в людей (на острове Егине).

Как грамматический род, так и самое название *бабочки* указывают на соотношение этого насекомого с лицом женского пола. Между славянскими племенами существует предание о превращении ведьмы в бабочку, потому и та и другая называются одним и тем же именем *вешта* (т. е. вещая). По сербскому преданию, злой дух вылетает из колдуньи (по-сербски *вештица*) в виде бабочки, согласно с немецким поверьем, будто бы некоторые люди имеют способность высылать из бровей своих мысль, которая в образе бабочки садится на грудь врагу во время его сна. В областном просторечии

бабочка именуется различными названиями, из которых особенно замечательно по отношению к изложенным преданиям, в яросл. *душичка*.

2) Дерева и растения. *Дерево* ср. р., равно как и *дрова:* lignum, das holz; нем. der baum и франц. arbre муж., лат. arbor жен., греч. δένδρον, как наше *дерево,* ср. К названию дерев мало применяется начало, соблюдаемое в родах царства животных и состоящее в том, что бóльшему и сильнейшему дается муж. р. Напротив того, многие высочайшие дерева рода жен., как в нашем, так и в прочих родственных языках.

В древних церковнославянских памятниках, вместо *дерево* употребляется джбъ, и, следовательно, мужеский род предпочитается среднему, как более отвлеченному и безличному. Напр., в Изб. Свят. 1073 г. джбъ бес плода посѣкаеться и въ огнь вьмеште (вм. вьмештеться). В Списке Упиря: и се джбъ срѣдѣ ꙁемлꙗ (в испр. древо, Дан., 4,7). В Ев. 1307 г. доубъ добрь и плодь юго добрь (в О. ев. дрѣво добро, Матф., 12,33). Отсюда понятно, почему от видового понятия *дуб* происходят названия, означающие дерево вообще; напр., *дубье, дубина, дуброва*. Чужеземное имя *ливан* в Списке Упиря переводится словом джбрава, напр. Ис., 10, 34; 60, 13.

Языки лат. и греч. предпочитают для дерев род женский: ilex, quercus, fagus, fraxinus, pinus, abies, tilia, betula; δρῦς (дуб и дерево вообще, как у нас в старину), φηγός, ἐλάτη и проч. У нас *береза, липа, ель* рода женского; *бук, клен, дуб* — мужеского. В немецком господствует жен. р. die eiche, die buche, die esche, die fichte, die tanne, die linde, die birke; во французском муж. р. le chêne (casnus), le hêtre, le tilleul, и даже плодовитые деревья: le pommier и проч.

Слово *бор* теперь принимается в собирательном смысле; первоначально означало сосну, ель; напр., в Сп. Упиря, Иез., 31, 8; Ос., 4, 13.

Отношение плода (ср. рода, как нем. das obst) к плодовитому дереву весьма правильно в лат. языке, который женское название дерева видоизменяет в среднее плода: pomus pomum, malus malum, pirus pirum, cerasus cerasum, prunus prunum, morus morum; равно и в греч.: κέρασος κεράσιον, ἄπιος ἄπιον, μελέα μῆλον, συκέα (συκῆ) σῦκον, οἴνη (vitis) οἶνος муж. (vinum); слич. наши *яблонь* и *яблоко*. В значении винограда употреблялось в древних церковнославянских памятниках *вино;* напр., в Псалтири 1296 г. иꙁби градомь вина ихъ (испр. винограды, Псалт., 77, 47).

Названия жита, трав, цветов и т. п. подлежат бóльшим исключениям. В нем. ср. рода, как названия понятий собирательных: das moos, das gras, das kraut, das ried, das rohr. Для травы у нас все три рода: *злак, трава, былие, зелье. Зелье,* как и *коренье,* переходит в значение отравы, заколдованного снадобья; потому означает лекарство, а в старину означало и порох; напр., Пск. лет., 153: „зелей пушечныхъ“.

Деревья и травы, растущие кустами или же хотя и отдельно, но во множестве, как понятия собирательные, принимают средний род уже в древнейших церковнославянских памятниках. Напр., в Списке Упиря: смерчїе и ꙁеленичїе (в испр. кедръ и смерчїе, Ис., 41,19); лжчїе (в испр. ꙁлакъ, Ис., 19,7); кыселичїе (в испр. ꙗблонь, Аг., 2,20); шипьчїе (в испр. шипки, Иоил., 1,12); ꙗгодичїе (в испр. чернїчїе, Ис., 9,10); стволїе (кропива, Ис., 55,13). — Сюда же принадлежат народные формы: *вишенье, орешенье* и т. п.

Как с высокими и крепкими деревьями, напр. с дубом, поэтическое предание сравнивает храбрых витязей, согласно с скандинавским мифом о первом человеке, носящем имя Ясени (Ascr); так, красивые и нежные цветы, кустарник и травы фантазия народная применяет к женщинам, давая им в собственные имена названия этих растений. Такие названия встречаются в языках не только нашего, но и прочих семейств. Из славянских наречий особенно богато ими сербское, из которого, для примера, предлагается здесь несколько собственных имен женских, взятых от растений: *Перуника* (iris), растение, получившее название от имени языческого божества — *Перуна* (как у нас мифологическое имя *Купало* дает название растению: *купальница*), *Смила* (gnaphalium arenarium), *Любица* (viola), *Конопла, Травица, Цвѣта, Малина, Вишня, Лоза*, даже *Грозда, Ягода* и проч. С другой стороны, имена, употребляемые для названия лиц женского пола, переносятся на растения; напр., наше *мать-и-мачеха;* нем. stiefmütterchen (flos trinitatis), которому соответствует итальянское Suocera-e-nuora и проч.— У славян thymum (нем. thymian) именуется *душою матери:* сербск. *майкина душица,* польск. *мацержа душа,* чешск. *материна* или *матери душка.* Слич. русск. название: *душица.*

3) Царство ископаемых. Для означения мертвенного, неподвижного вещества, надобно ожидать среднего рода; таковы и действительно наши: *золото, серебро, железо, олово,* нем. gold, silber, eisen, kupfer, blei, erz; лат. aurum, argentum, ferrum, cuprum, plumbum, aes. Во франц. муж. род этих имен заменяет средний латинских: or, argent, fer, plomb и проч. Исключаются греч. муж. рода χρυσός, ἄργυρος, σίδηρος, χαλκός, μόλυβδος.

Камень, как древнейшее метательное орудие, во всех языках муж. р.: apis, λᾶς, der stein; франц. la pierre жен. р., потому что оно происходит от жен. лат. petra (πέτρα), означающего уже массу; по той же причине и лат. saxum ср. рода.

4) Вода. Если вода представляется только веществом, то принимает ср. р., как нем. das wasser (слич. как вещество ср. р. das feuer). Если же воображается живая, движущаяся сила, то жен., как наше *вода,* лат. aqua, франц. eau. Нынешнее нем. das meer ср., в старину было жен., франц. la mer, греч. θάλασσα. Разделение слова see — на жен. для моря и на муж. для озера, относится к позднейшему времени. Греч. πόντος муж. р., первоначально означало не просто море, а открытый путь, предлагаемый морем корабельщику; потому это слово родственно словам муж. же р. лат. pons, pontis — мост и нашему *путь,* цс. пѫть.

Реки и источники искони почитались у славян божеской почестью вместе с деревьями. Собственные имена рек в греч. и лат. муж. р., в слав. и нем. по большей части жен., хотя der flusz муж. У древних преимуществует олицетворение рек в богов (слич. напр. ποταμός); у нас и у немцев в богинь и женщин: живут в них существа женские, ундины и русалки. Впрочем, у греков и римлян малые реки и источники предоставлялись нимфам; а у нас, наоборот, некоторые старинные реки муж. р. находятся в связи с существами мужескими. Знаменитейшая из славянских рек, *Дунай,* стоит в связи с гибелью Владимирова богатыря Дуная в этой реке, отчего, по народному преданию, и дано ей имя *Дунай* (см. Древн. русск. стих., 101); как собственное имя мужчины, *Дунай* попадается, напр., в Ипат. лет., 209. Славяне особенно любят эту реку, может быть, потому, что во времена стародавние они жили на ней.

Даже собственное имя *Дунай* употребляется как нарицательное, означая всякую реку, чтó встречается в народной поэзии; особенно резко это видно в одной польской песне, в которой слово *Дунай* стоит во мн. числе: „за водами за быстрыми, *Дунаями* глубокими“ — „Za wodami za bystremi, Dunajami głębokiemi“ (Wojc., II, 318). Другая старинная река, *Волхов*, кажется, также находится в связи с мужеским именем *Волх* (в древн. русск. стих. *Волх Всеславичь*), по крайней мере видно, что она образовалась именем прилаг.: слич. в Новг. лет. „черезъ Волхово“; в варианте: „чрезъ Волхову рѣку“, стр. 6; в олон. былин. „за реченьку Волхову“, „река... Волхова“, Рыбн., I,24, 236. Вероятно, также и *Дунай* — от прилагательного *Дунаво, Дунав*. Наши собственные имена жен. рода стоят в родовом согласовании с словом *река;* некоторые остались прилагательными, теперь, напр., говорят просто *Великая*, а прежде *Великая река*. См. Пск. лет., 93. В Древн. русск. стих., 267, олицетворяются *Волга* сестра и *Ильмень* (муж.) ее брат; на стр. 297 река *Смородина* олицетворяется душой красною девицей. В олон. былин. муж. *Днепр* переводится в жен. *Днепра* или *Непра королевична*, Рыбн., I, 194.

Волна, как у нас, жен. р.: по-лат. unda, по-франц. onde, по-нем. die welle.

5) Воздух. По-лат. и по-франц. aër, air муж., как и по-русск.; греч. ἀήρ и нем. die luft жен. Как русск. *душа* жен., от муж. *дух*, так и по-лат. anima, animus; слич. женские ψυχή (откуда Психея — Душенька), die seele, франц. âme с муж. der geist, esprit (spiritus).

Ветер постоянно муж. рода: ἄνεμος, ventus, der wind, le vent. *Север* и *юг*, как ветры, также муж. рода. Ветры олицетворялись. В живописи с весьма древних времен они представляются дующими лицами или головами. По немецким преданиям, ветры выступают со всех четырех сторон земли в виде карликов. Греки представляли их великанами и братьями. Эол, первоначально герой и царь, возведен в достоинство божественного предводителя ветров. По русскому поверью, ветры — сыновья одной матери; в Сл. о полку Игор. они Стрибоговы внуки; в одной русской народной притче ветер олицетворяется мужиком.

6) Из слов, относящихся к народному быту, особенно замечательны по олицетворению означающие оружие.

Древнейшим оружием были камень и молот (сначала каменный и потом уже металлический). Славяне в отдаленную эпоху дрались молотами, как свидетельствует Краледворская рукопись. Это оружие было древнейшим и у немцев. По северным мифологическим преданиям, бог Тор держал в руках особенный, чудесный молот (Miölnir), которым поражал великанов; чудесное свойство этого молота состояло в том, что он сам возвращался в руки Тора, поразив того, в кого был направлен. В языческих обычаях немцев молот имел важное значение: он употреблялся в виде символа на свадьбах, на похоронах, в присвоении поземельной собственности и проч. У литовцев-язычников был в особенной чести молот, которым будто бы некоторый исполин освободил солнце из заточения (см. Хр., ст. 1152—3). Как оружие поражающее, сближенное в народной фантазии с громом и молниею, *молот* рода мужеского: лат. malleus, франц. le marteau (от лат. martellus), нем. der hammer.

Вместо *млат*, в древних церковнославянских памятниках иногда употребляется *кладиво;* напр., в Списке Упиря: крьчи ковъй кладивьмь (в испр. ковачь біяй млатомь, Ис., 41,7).

Воину отдаленной эпохи оружие представлялось чем-то одушевленным. Этим объясняются, напр., следующие выражения в скандинавской поэзии: *меч поет, кусает* и т. п.; в Сл. о полку Игореве: „копіа поютъ на Дунаи“.

Меч, подобно змию или огню, казался существом одушевленным, которое, вылетая из ножен, само наносит врагам удары. С таким представлением согласуется муж. род. слов: *меч,* лат. ensis и gladius, от которого франц. тоже муж. le glaive; теперешний нем. язык в слове das schwert утратил живое представление.

В противоположность мечу и копью, *стрела,* лат. sagitta, франц. la flèche, жен. р. Хотя теперешнее нем. der pfeil муж. р. (образовавшееся из лат. pilum), однако в старину и у немцев было жен. strâla, strâle (однозвучное с нашим *стрела*), которому соответствует имя мужеского рода: der strahl (древненем. strâl); такой переход слов от значения света к значению оружия обозначился и в древнейшей поэзии изображением мечей, стрел и копий в виде пылающих огней.

Наше *самострел* ясно выражает живой и деятельный образ, тогда как нем. die armbrust жен. р., ибо оно образовалось из лат. arbalista (arcubalista), откуда франц. arbalète жен. Чужестранные звуки немцы уподобили своим: arm и brust, которые в этом слове вовсе не значат ни руки, ни груди. *Праща,* funda и die schleuder жен. р.; *копье,* telum, jaculum, spiculum ср. р., по-нем. der speer муж., прежде было и среднего. В древнейших церковнославянских памятниках вм. копіе употреблялось слово жен. рода: лѫща или лѫча.

Щит, clipeus, der schild, le bouclier муж. р. *Шлем* одного рода и корня с нем. der helm, франц. heaume.

Оружие при слове *орудие* — дело означает понятие отвлеченное и, как существительное собирательное, — рода среднего. Этот же род усвоен и *ружью,* введенному в позднейшую эпоху, когда фантазия народная стала уже умереннее в своих вымыслах.

Из предложенных примеров явствует, что грамматический род во многих случаях совпадает с значением имен, состоящим в связи с народными преданиями. Однако нельзя утвердительно сказать, чтó должно принять за первоначальную причину грамматического рода — значение или окончание, т. е. окончание ли слова дало повод к составлению олицетворения, или же представление олицетворенного предмета приняло, соответствующий значению, грамматический род.

Есть языки (как напр. английский), которые отличают мужеским и женским родом только названия людей и животных, предоставляя на долю имен предметов неодушевленных и отвлеченных род средний. Другие языки (как французский) не имеют среднего. Первые, будучи правильнее в логическом отношении, уступают прочим в живости представления.

§ 150. Как грамматический род, так и личное местоимение обязаны своим происхождением тому, что язык образовался в разговоре между лицами обоего пола, в семье. Распространение отличий мужеского и женского рода на предметы неодушевленные и отвлеченные соответствует в языке распространению на все

глаголы личного местоимения, помощию которого они изменяются по лицам. Какое бы действие ни означал глагол, хотя бы вовсе несвойственное человеческой природе, все же по силе олицетворения он может принять на себя личное окончание не только 3-го, но и 1-го и 2-го лица; напр., *цвету цветешь, вяну вянешь* и проч.

Примеч. И в этом случае звуковое окончание и значение слова состоят в такой тесной связи, что трудно решить, самое ли спряжение глагола дает повод к олицетворению или это последнее дает возможность всякому глаголу принимать окончания 1-го и 2-го лица.

б. Метонимия

§ 151[38]. Метонимия переносит слово от одного значения к другому по различным отношениям, употребляя причину вместо действия (напр., *огонь* вм. *пожар*), содержащее вместо содержимого (напр., *пить горькую чашу*), автора вместо его творений (напр., *читать Ломоносова*), вещество вместо того, что̀ из него сделано (напр., *есть на золоте, на серебре*) и т. п.

Важнейшие случаи, в которых метонимия участвует в образовании языка, суть следующие:

1) В названиях предмета или действия по орудию, которым они производятся, или в названиях впечатления по чувству, на которое оно действует, или, наоборот, в названиях органа или чувства по предмету, ими воспринимаемому. Напр., в цс. гръло — горло и голос: в Пророк. по сп. XV в. възопихъ гръломъ великомъ; в тех же обоих значениях употребляется смягченная форма жрьло, по-русск. *жерло* (§ 37). О переходе понятий от зрения и слуха к свету и слову см. § 107. В цс. въздоухъ — не только воздух, но и легкие; напр., 3 кн. цар. оустрѣли цра излѣва межю въздоухомъ; в испр. междꙋ лёгкимъ, 22, 34.

2) В названиях пространства, по тому, что̀ в нем вмещается или что̀ на нем происходит. На этом основании, название народа переносится к названию страны, им занимаемой. Так, напр., слова: *Русь, Литва* и др., от значения народов переходят к значению страны.

Примеч. 1. И наоборот, страна или земля принимается, в старинном языке, в значении народа. Напр., в Ипат. лет.: „и прiѣха ту къ нимъ вся земля Половецкая“, 163.

В Библии по сербск. списку XVI в. неоднократно употребляется *страна* вм. *язык*, т. е. народ; напр., и наведеть гь на те странꙋ инꙋ, Второз., 28, 49. В Галицк. ев. 1143 г. всѣхъ бо сихъ страны ищють (в О. ев. ꙗзꙑци, Матф., 6,32).

Названия пространства, по измерению его, также принадлежат к выражениям метонимическим; напр., в старину известное расстояние, которое может пролететь пущенная из лука стрела, име-

новалось *стрелищем*. Самое слово *пространство* и родственное ему *страна* имеют в себе глагол *простираться*, указывающий на действие, совершаемое на известном расстоянии.

Примеч. 2. Старинный язык и областное просторечие богаты изобразительными выражениями, для означения пространства по действиям, его измеряющим. Так, напр., у Дан. Паломн. дострѣль — расстояние, на которое можно пустить стрелу: и ѿтуду ѻ҃е дострѣла вдале до гроба асафатова; в летописи (по Кенигсб. сп., 104) вышина выведенной церковной стены описывается следующим образом: „(церковь) бѣ сдѣлана при немъ (при Мстиславе) выше неже на кони стоячи досячи“. По тому же воззрению древненемецкие законы (Sachsensp.) предписывают городить городьбу или выводить стену так высоко, как может достать мечом человек, сидящий на коне: „Zäunen oder mauern, als hoch ein man (глосса: mit einem schwert) gereichen mag auf einem rosz sitzende“. В древних русских стихотворениях описывается величина избы: „изба во все дерево“; ширина камня: „а и через его только топор подать“. В одном народном польском выражении определяется высота солнца на небе двумя человеками: „высоко на два хлопы“. В сербских песнях конь скачет вверх на три копья и на четыре вперед (Вук., 2, № 28). Как в древних русских стихотворениях пространство измеряется стрелою; напр., „промежу глаз калена стрела“, 183; так в летописях измеряется и копьем: „и такъ устрои богъ мьглу, якоже не видѣти никаможе, толико до конець копья видити“, Ипат. лет., 63; слич. стр. 294. Проплытое по Волге пространство бурлаки измеряют числом пропетых песен. В восточной Сибири расстояние измеряют песками, т. е. песчаными прибрежными отмелями на реках. Областное просторечие употребляет различные слова, изобразительно выражающие известную величину пространства. Напр., 1) в быту пастушьем: пск., тверск. *пастбище* — расстояние не длиннее полуверсты; 2) тверск. *рык* — пространство, на котором слышно мычание рогатого скота; напр., „далеко ли отсюда?“ — „на коровий рык“, „на три рыка коровьих“; 3) в быту земледельческом: арх. *о́бжа* — мера земли (как и в древн. русск. юрид. памятниках), сколько человек с лошадью может обработать в течение дня; в пск., тверск. *обжа́* — постромки у сохи, в смол. *о́бжа* — оглобли у сохи; 4) пск., тверск. *обсей* — количество земли, предполагаемое для посеву; 5) пск., тверск. *огнище* — пространство около 100—150 шагов; 6) арх. *пова́лище* — пространство земли, достаточное для того, чтобы на нем повалиться или разлечься; напр., „и всего-то (земли) на кониное повалище“; 7) волог. *сгоны* — расстояние на несколько сажен; у Абл. „он... тот.. кой живет не пуще далече отсюда, и всего *гоны* с трои“, 32. Вероятно, от измерения земли веревкою или по уподоблению с нею произошло древнерусск. название волости — *вервь*.

3) В названиях времени и различных частей его, по действиям или событиям, совершающимся в течение известного периода. Самые речения *год, час*, состоят в связи с глаголами *годить* и *чаять*. Наименьшее пространство времени метонимически выражается словами: *дух (духом), мгновение, раз* (т. е. удар; напр., в олон. былин. „увернулся от разу великого“, Рыбн., I, 278), в выражении: „как раз“. Древнейшие, чисто народные названия

месяцев у славян произошли от слов, по большей части, указывающих или на явления природы, или на занятия человека, совершающиеся периодически, в известное время года. Напр., *листопад* (октябрь), т. е. время падения листьев, *травен* (май), т. е. время, когда вырастает трава, *серпень* (август), т. е. время жатвы, и проч.

Примеч. 3. Времена года получили свои первоначальные названия также по явлениям природы, в течение их совершающимся. Народные названия месяцев встречаются в древнейших памятниках славянской письменности, впрочем, уже вместе с ныне употребительными, иностранными, которые, вероятно, сначала были непонятны нашим предкам. Так, в О. ев. иностранные названия месяцев объясняются еще своими собственными: до мц҃а августа рекомаго ꙁарева; мц҃а енѵара просиньца рекомаго (см. Хр.). В Обиходе по рук. XIII в. находим следующие названия месяцев: сентябрь, рекомый *рюинъ*, октябрь — *листопадъ*, ноябрь — *груденъ*, декабрь — *студенъ*, генварь — *просинечь* (т. е. *просинецъ*), февраль — *сѣченъ*, март — *сухій*, апрель — *брезозоръ* (иначе *брезозолъ*), май — *травенъ*, июнь — *изокъ*, июль — *червенъ*, август — *заревъ*. — Такие же славянские названия месяцам находятся в Галицк. евангелии 1143 г.

Этот народный календарь соответствует доселе употребительным в областном языке, изобразительным описаниям времени, каковы, напр.: 1) камч. *трава*, в значении года: „по которой траве?“. т. е. который год? „бык по пятой траве“. Отсюда арх. *однотравок* — теленок по второму году, проживший одно лето или одну траву. 2) *Упряжка*, в новг., тверск. — треть летнего дня. Слово, употребляемое крестьянами, которые разделяют летом работы свои на три, а иногда и на два приема. Собственно называется *упряжкою* пахание до отдыха, когда лошадь надобно выпрячь. 3) *Уповод*, во влад., нижег. и в др., — часть дня от раннего утра до завтрака и от завтрака до обеда и т. д. По уповодам считают время в полевых работах: половина дня, с утра до полудня или с полудня до вечера; потом — время, около часу, или вообще не большое и не слишком малое продолжение времени. 4) *Пряжей*, в пск. — мера времени, определяемая женщинами по пряже. 5) *Выть* — собственно количество, какое человек может съесть (арх.); а потом и часть еды, даваемая животным, напр. в сиб. — собакам; затем доля, участок при разделе полей (ряз., тверск.), часть барщины (казанск.), наконец, в новг. продолжение времени от утра до завтрака, от завтрака до обеда и от обеда до ужина; напр., „от выти до выти“ — „в три выти свозить дрова“; в послов. „переколачиваемся с выти на выть и не знаем, как быть“, Даль, 65. От слова *выть* происходит *повытчик*. 6) *Вода*. Водою называет архангельский поморец промежуток времени между каждыми двумя полными приливами и отливами, значит, около 12 часов. Итак, сутки он делит на *две воды*.

Такое разнообразие в разделении времени произошло от различия в быте. И земледелец, и пастух, и житель приморский — каждый заполняет для себя общее понятие времени свойственными своей жизни воззрениями.

Части месяца определяет народный язык ущербом и прибылью луны; напр., в древнерусск. памятниках; „будет на другом месяце, *на ветху*“, т. е. на ущербе, Карамз., ИГР, VI, 628; в Псовом охотнике 1785 г.: „*на молоду* и *под полон* луны“, 27.

4) В названии предметов по материалу, из которого сделаны, по стране или городу, где они изобретены или откуда впервые вывезены, по животному или растению, из которых они произведены, и по другим различным обстоятельствам. Напр., *опоек* в общем употреблении означает телячью кожу, а в областном просторечии, в вятск. — теленка (откуда *опойчина* — телятина); во французском языке употребляются названия: экипажа: berline по городу Берлину; материи — cachemire по Кашемиру; cordouan — кожа, но собственно приготовляемая в Кордове, откуда cordonnier — башмачник; faïence — по Фаенце, где был изобретен; немецкое glas собственно стекло, а потом и то, что́ из него сделано: рюмка, стакан и проч.

Примеч. 4. Слич. готское stikls — чаша, кубок, а у нас того же корня: *стекло* (цс. стькло); *гвоздие, гвожде*, в славянских наречиях, кроме гвоздей, имеет значение железа.

в. Синекдоха

§ 152. Синекдоха переносит слово от одного значения к другому, по количеству, употребляя часть вместо целого (напр., *вселенная* вм. целого мира, а собственно — часть земли заселенная, как, напр., в Болг. сб. 1345 г. вселенная противополагается пустыне: Ѿгна ихъ ѿ вьселенныѧ въ поустынѧ еѳрївьскѫѭ (Тих. Пам.); единственное число вместо множественного (напр., *неприятель* вм. *неприятели,* в древнерусском языке: *гость* вм. *гости,* т. е. купцы); известное число вместо неизвестного (напр., *тьма* — 10 000 и множество); собственное имя вместо нарицательного (напр., франц. renard — лиса, от собственного имени Reinhardus, известного по знаменитой сказке о Лисе, Roman du Renard, нем. Reinhart fuchs, Reineke fuchs; нарицательное же имя лисы по-франц. было volpils или goupils).

Важнейшие случаи, в которых синекдоха оказала действие на язык, суть следующие:

1) Образование собственных имен от нарицательных корней (напр., *Свято-слав*, *Яро-слав* и проч., § 109). Большая часть фамилий образовались из прозвищ, имеющих нарицательное значение; напр., *Долгоруков*. Тем же порядком происходили названия рек, гор, урочищ, целых народов. Так, напр., слово *немец* (от прилаг. *нем*) первоначально означало человека, говорящего на непонятном языке и не разумеющего по-славянски.

Примеч. 1. Как у немцев *Эльба* (от корня elb, alb, elp, elf, означающего „белый“, „светлый“) означает не только известную под этим именем реку, но и всякую реку вообще; так и у нас *Дунай,* кроме собственного, имеет нарицательное значение всякой реки (§ 149). Собственное имя *Ильмень* употребляется в нарицательном значении широкого разлива реки, похожего на озеро, в астраханском наречии, и озера, обросшего камышом, в донском.

Образование собственных имен народов составляет один из важнейших предметов в истории языка. Синекдоха оказывает здесь свое действие двояким образом: первоначально от нарицательного наименования, характеризующего страну или народ (напр., *поляне, древляне, северяне*), образуется собственное, и потом, наоборот, собственное имя переходит в нарицательное. Первое сокрыто от нас в веках доисторических, потому происхождение древнейших собственных названий от нарицательных составляет предмет спорный в ученых исследованиях; так, напр., до сих пор еще не решено происхождение и первоначальное значение собственного имени *славяне;* с бо́льшею достоверностию немецкое deutsch (готск. thiudisk, откуда итал. tedesko) производится от древневерхненем. diot — народ (готск. thiuda, сканд. thiod, англосакс. theod); это производство подкрепляется тем, что литовцы немецкую землю называют tautá. В бо́льшей очевидности синекдоха оказывается в переходе собственных имен в нарицательное значение. Так, от собственного имени народа *волохи (влахи)* произошел глагол вльснжти (немотствовать). Собственные имена некоторых врагов, с которыми народ в отдаленные времена вел войны, переходят в нарицательные названия великанов. Так, напр., в немецких племенах собственное имя Ant (славянин) уже в древнейшую эпоху получило значение великана. В нашем слове *исполин* (или по древнейшим рукописям *сполинъ*) сохранилась память о воинственном народе чудского племени: *спалеи* и *спали,* жившем между Доном и Волгою, и в конце II в. столкнувшемся с готфами при Черном море (§§ 30 и 58). Память о воинственном народе *велетах* или *волотах* доселе живет в народе в нарицательном имени *волот* — богатырь, а также в названии курганов *волотками*. *Обры* или *обре* (§ 96), сильный и гордый народ, поработивший некогда славян, оставил по себе память, в некоторых славянских наречиях, в нарицательном имени *обр,* имеющем значение великана.

2) Переход слов от значения числа вообще к совокупности известных предметов; напр., *троица, седмица* и др.

Примеч. 2. Обратный переход значения слов, т. е. от совокупности известных предметов к числу вообще, принадлежит к древнейшему периоду образования имен числительных. Как в некоторых языках (напр., в языках малайского поколения) *пять* называется *рукою,* так и *два* может быть названо *крыльями* (или, напр., *глазами*). В основе всех числительных должно предполагать перенесение слова по синекдохе, только теперь ее трудно объяснить, потому что уже давно поняли народы, что множество таких переносных выражений для одного и того же числа излишне, даже неудобно, и ведет к сбивчивости. Оттого синонимы числительных, образовавшиеся в одном и том же языке, — явление весьма редкое. Народы, при более глубоком развитии дара слова, хотя и бессознательно, давно уже почувствовали, что, для составления яснейшего понятия о числах, необходимо, как можно далее, устранить в числительном имени воспоминание о всяком определенном предмете. В обл. языке много примеров употреблению имен существительных вм. числительных в означении счета или количества известных предметов: пск. *истина* — в игре в бабки, две пары или четыре бабки; в пенз. в том же смысле употребляется *гнездо,* а в казанск. *гнездо* — пара белья, т. е. рубашка и порты; тверск.

костер — две сажени дров; уральск. *мешок* — 25 рублей медью; напр., „сто с мешком“ — 125 руб. и проч.

3) Употребление части вместо целого в означении не только животных, но и людей; напр., „пять *голов* рогатого скота“, „тысяча *душ*“ (вм. *людей*); „моя *рука*“ вм. „моя *очередь*“; самое *лицо* вм. *человек* есть синекдоха.

Примеч. 3. В этом отношении особенно любопытна в истории языков замена личного местоимения словами: *душа, тело, грудь* и проч. Напр., в немецких наречиях, lîb, lîp или liv (т. е. leib); hant (т. е. hand): „ir einer lîbe“ (вм. ihr allein), „ir lip ist vrô“ (т. е. froh), „te minen live“ (мне), „te dinen live“ (тебе); „sin hant“ (т. е. *его рука* вм. *он*); в древнефранц. corps или cors (тело): „mes corps (т. е. *я*) est liies du fort lien de mariage“, „de cors Rollant“ (вм. Rollant); в итальянском petto (грудь): „fare un contratto in petto d'un altro“ (заключить контракт на имя другого) и проч.

4) Переход некоторых глаголов от частного и наглядного значения к общему, отвлеченному. Таковы все так называемые вспомогательные: *быть, иметь, мочь, хотеть, стать* и др. (§ 164). Будучи употребляемы при других глаголах, в помощь их спряжению, они теряют свое собственное, частное значение. Напр., в выражениях: „стану говорить“, „имею делать“, глаголы *стану* и *имею* не возбуждают представления о состоянии и обладании.

Примеч. 4. Наглядное значение глагола *быть* явствует из сложных: *забыть* (при нем страдательное причастие *бвенный* и *бытый* в сложных: *за-бвенный, за-бытый*), *при-быть, у-быть* и проч., а также из производного *бавить* (помощию подъема гласного звука, § 30), откуда сложные: *при-бавить, у-бавить, за-бавить* (при существительном: *бава*, в сложном *за-бава*).

Отвлеченное значение глагола *иметь* ведет свое происхождение от наглядного, в коренном: ꙗ-ти, ѥмлѭ, и в древнейшем имати (т. е. брать), откуда цс. имѣла, имѣлникъ (ловец); напр., в Списке Упиря: Ам., 3,5; 8,1; обл. арх. *имь* — легко ловимая в поле скотина.

Наглядное значение прочих вспомогательных глаголов явствует само собою.

5) Переход слов от более определенного, наглядного значения к отвлеченному в образовании союзов; напр., частицы: *хотя, пожалуй, пусть, диви бы* (употребляемая в просторечии вм. *если бы*) и проч., означают общие, отвлеченные понятия об уступлении, условии и т. п., нисколько не присовокупляя к себе наглядных, частных представлений, соединяемых с глаголами: *хотеть, жаловать, пускать, дивить* и проч.

6) Вместо отвлеченного отрицания употребление слов, означающих частное, наглядное представление, для того, чтоб обозначить отрицание известного предмета; напр., *ни капли, ни крошки, ни души, ни синя пороху, ни зги, ни зерна, ни макова зерна* и мн. др.

Примеч. 5. Такие живописные выражения для отрицания встречаются не только в старинном и народном языке, но и у позднейших писателей. Напр., в Новг. лет: „и скота не оставиша *ни рога*“ (вм. *ничего*), 69; в Сказании о седьми русск. богатырях, по рук. XVII в. (принадл. автору): „а тебя мы царя ничѣмъ не двигнемъ, *ни черным̆ъ волосомъ*“, „не двигнемъ мы Тугарина *ни черным̆ъ волосомъ*“; в пословице XVII в.: „хвалитъ другу чужую сторону, а самъ въ нее *ни по ногу*“ (т. е. *ни ногою*); в Древн. русск. стих.: „а и во лбе глаз ужь веку нету“, 81; в олон. былин.: „падет моя голова *ни за чистую белочку*“ (название монеты), Рыбн., I, 275; вм. *ни копейки*, в нижег. *ни мордки;* у Даля в Послов. *ни ломаного гроша, ни слепой полушки;* „у Пикула — *ни пула*“, 65; у Даля в Слов. *ни иголки с елки*, вм. *ничего*. В обл. языке: в арх. „я сегодня *ни ветлинки* не едал“; в тверск. „*ни жугли* нет“ — ни живой души; во влад. „*ни в отрод божий*“ — ни за что; форму *ни зги* слич. с ряз. *згинка, згиночка* — искра, искорка. У писателей: во Всяк. всяч. 1769 г. „*ни от роду*“ (в смысле „нисколько“), 225; в Живоп. Новик. 1781 г. „пропадешь *ни за копейку*“, 1,82; „у нее *ни синий порох* даром не пропадет“, 1,83; „в мошне не было *ни пула*“ (название старинной мелкой монеты, как и выше); 1,102; у Держ. „и *в грош* не ставлю никого“, I, 176; у Ф. Виз. „до сих пор *волоска* никто не тронул“, 109; у Крыл. „а проку *на волос* нет в них“, 28, „а больше их не троньте *волоском*“, 76, „не взвидел *света* (вм. *ничего*) Голубь мой!“, 31, „ведь не останется лещей здесь *ни пера*“, 34, „как рано петухи и *сроду* (вм. *никогда*) не певали“, 162, „дорога мне знакома, на ней *ни воробья* (вм. *никого*) не видел я *родясь*“ (вм. *никогда*), 204; у Пушк. „*от роду* (вм. *никогда*) мы не видывали офицеров, столь смущенных“ и проч., XI, 311, „я не тронул *ни волоса* чужого добра“, VII, 251, „а меня и *во сне* не проси“, VII, 139 и проч.

Во французском и немецком языках некоторые отрицательные частицы произошли от подобных же выражений. А именно:

В немецком: nicht собственно значит *ни вещь* или *ни вещи;* в древненем. niowiht, средненем. niht (от готск. nivaihts, сложенного из частицы ni — не и существительного vaihts — вещь).

Во французском: 1) Rien, вместо древнейшего ren, которое есть не что иное, как измененный винительный падеж: rem, от лат. res — вещь. 2) Point, от лат. punctum — точка. 3) Pas, от лат. passus — шаг. 4) Personne означает и отрицание, и особу.

Все эти речения первоначально имели значение частное, изобразительное, но впоследствии от частого употребления в речи перешли в отрицание отвлеченное вообще. Напр., в выражении „il ne dit pas“ слово pas не может уже быть принято в смысле шага. Употребление дало этим речениям такую отрицательную силу, что они уже сами по себе, без частицы ne, выражают отрицание; напр., „pas un mot!“, „pas si bête“, „rien du tout“, „point du tout“ и проч.

7) В названии пространства перенесение значения слова от части к целому. Так, слово *міръ* (и *мир*, что́ вначале одно и то же, § 15), через синекдоху от понятия об обществе и собрании или о мирской сходке, перешло к понятию о вселенной.

Примеч. 6. В древнейших памятниках, напр. в О. ев., вместо слова *міръ* употребляется еще вьсь миръ, т. е. весь мир, все сборища людей, всякий мир.

8) В названии времени и частей его. Здесь должно заметить два случая:

а) Или названия отвлеченного понятия о времени переходят в название известной части времени; так, напр., слова *год, час* первоначально означали время вообще, а ныне употребляются в смысле известной его части.

Примеч. 7. В наших древних памятниках *год* зн. просто пору, время. Напр., у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. бѣ во годь обѣдоу; годь бы̃ вечерній; в лет.: „мразъ поби обиліе (жито) въ жатвенный годъ“, Новг. лет., 112; „въ годъ вечерній“, Ипат. лет., 130; „во вторник в торгов год“, Карамз., ИГР, III, Примеч., 330. Речение *година,* произведенное от слова *год,* у нас значит „вообще время“, а у поляков „час“, равно как и в древнейших памятниках церковнославянских; напр., в О. ев.: година же бѣ ꙗко десатаꙗ (т. е. десятый час), Ио., 1,39. — Что же касается до слова *час,* то оно употребляется в значении времени вообще, не только у прочих славян, например у поляков, но и у нас; напр., в выражении „сей час“, т. е. сию минуту.

б) Или название известной поры принимается в смысле целого периода времени; напр., мы употребляем *лето* в значении года; напр., „пять лет“, т. е. пять годов.

Примеч. 8. Как славяне считают года по теплой погоде или по летам так другие народы по зимам (готфы и скандинавы), по дождям или дождливым временам, т. е. по осеням (напр., индусы). По-русски, в языке охотников, года́ собак считаются *осенями;* напр., в Псовом охотнике 1785 г. о собаках говорится: „каких шерстей, *осеней* и кличек“, 3; года́ ястребов, соколов и кречетов — по *мытям,* т. е. когда эти птицы линяют и ронят перья; напр., в Соверш. ег. Левшина 1779 г. о ястребе: „когда *за двенадцать мытей,* то весь побелеет“, 309. И доселе в народн. языке: „соловей *трех зим*“, „корова *по четвертой траве*“, „расшива *по третьей воде*“, „лошадь *третью соху пашет*“, Даль, Слов.

Общий вывод о синонимах и тропах

§ 153. Из рассмотрения синонимов и тропов, в отношении к образованию и составу языка, оказывается, что каждое слово выражает, с одной стороны, живое, наглядное представление, произведенное на нас предметом; а с другой стороны — отвлеченное понятие. Все языки родственны между собою по выражаемым в них отвлеченным понятиям; но, вместе с тем, и все различны по тем впечатлениям, которые лежат в основе каждого слова. Так, напр., французы соединяют с понятием о счастии представление о хорошем или добром часе (bonheur); а русские не только о времени, напр. *безвременье* — несчастие, но и особенно об уделе, доле или *части (с-част-ие).* Один язык основание горы называет *подошвою* горы, другой — *ногою* горы, третий — *корнем* горы и проч.

Так как каждый язык пользуется своими собственными, национальными воззрениями при выражении понятий, то выучиться чужому языку значит не только усвоить себе его звуки и формы, но и постановить себя на новую точку зрения, с которой народ изучаемого языка смотрит на природу и жизнь; переводить с чужого языка на свой значит извлекать отвлеченные понятия из живых представлений, выражаемых словами чужого языка, и вновь облекать эти отвлеченные понятия в представления, выражаемые языком родным.

§ 154. Синтаксическое употребление слов состоит в теснейшей связи с самым значением их, объясняемым посредством разбора тропов и синонимов.

Участие тропа оказывается в предложении тогда, когда слово, переходя от одного значения к другому, видоизменяется в синтаксическом употреблении. На этом основывается, напр., различное управление одного и того же глагола; напр., *следовать,* в значении первоначальном, наглядном, требует твор. падежа с предлогом *за (следовать за кем),* а в переносном — дательного *(следовать кому),* § 256.

Слова, переходя от одного значения к другому, приноравливаются к известному порядку однородных понятий. Так, напр., глагол *надеяться,* переходя от первоначального значения *полагаться на что (надеяться на что,* § 117) к значению *ожидать,* становится понятием однородным с этим последним. Такие слова называются синонимами (§ 144).

Значение синонимов особенно важно в рассуждении управления глаголов, потому что глагол, заимствуя переносный смысл от синонимов, с которыми поставляется в один разряд, получает то же самое управление, как и прочие глаголы, которыми выражаются синонимы. Так, в приведенном примере, *надеяться,* становясь синонимом глаголу *ожидать,* требует родительного падежа так же, как и этот последний глагол *(ожидать чего = надеяться чего).* — Еще пример: глагол *наблюдать* собственно требует вин. падежа: *наблюсти что́, блюсти что́ (= хранить что́);* но будучи сближен с понятиями: *следить за кем, смотреть за кем,* управляет, как и эти глаголы, творительным падежом с предлогом *за (наблюдать за кем);* будучи сближен с понятием: *делать опыт над чем,* получает управление, одинаковое с этим описательным выражением, принимая после себя творительный падеж с предлогом *над (наблюдать над чем, наблюдение над чем),* § 256.

Первоначальное значение слова, в наибольшей мере, соответствует этимологическому составу грамматической формы. Так, в слове *надеяться* первоначальное значение (т. е. *полагаться на что*) объясняется самым производством: *на-деяться.* Потому этот глагол, в соответствие своему образованию, и управляет вин. падежом с предлогом *на* (§ 256). Равномерно и *наблюдать,*

происходя от глагола *блюсти* (т. е. *хранить что*), первоначально управляет, как замечено выше, вин. падежом.

Перенесение слова от одного значения к другому расширяет смысл грамматической формы, уже по требованию отвлеченной мысли. Таким образом, ставя глагол *надеяться* в один разряд с синонимом *ожидать,* уже отвлекаем это первое слово от его собственного, наглядного значения, определяемого этимологическим составом.

Из сказанного явствует, что синтаксическое употребление слов бывает двоякое: 1) основанное на этимологической форме (§ 116) и вместе с тем наглядное и 2) отступающее от этой формы, по требованию мысли, и потому отвлеченное.

§ 155. От различия в первоначальных представлениях и в этимологическом составе грамматических форм, а также и в переходе слова от одного значения к другому, зависит в двух или нескольких языках различное синтаксическое употребление слов, означающих одно и то же понятие. Так, напр., у нас *походить* требует вин. падежа с предлогом *на (походит на отца),* а франц. ressembler требует предлога *à* (il ressemble à son père). У нас *подражать* (как синоним глаголу *следовать*) употребляется с дат. падежом *(подражать предкам),* а франц. imiter — с винительным (imiter ses ancêtres) и проч.

Таким образом, синтаксическое различие между языками основывается преимущественно на различии этимологического состава и значения слов.

§ 156. В истории языка период изобразительного представления предшествует периоду отвлеченных понятий. Этот древнейший период сохранился до наших времен, частию и в письменных произведениях древнерусской литературы, но преимущественно в языке народном современном, по его местным наречиям.

Господство отвлеченного понятия над изобразительностью первоначального впечатления и над свежестью живой разговорной речи оказалось уже в древнейших памятниках церковнославянской письменности, от которых ведет свое начало наш книжный язык. Возведение слова от наглядного представления до общего отвлеченного понятия, обыкновенно совершающееся в языке по мере умственного развития народа, у славян получило свое начало от перевода Священного писания. — Отвлеченность церковнославянского языка зависит:

1) частию от умственных и нравственных понятий христианства, которые нужно было передать по-славянски во всей их чистоте; напр., *вера, надежда, терпение, смирение, уповать* и проч.; 2) частию от речений и оборотов чужеземных, взятых из греческого языка; напр., *иерей, диакон, литургия, ангел* и др.; и, наконец, 3) бо́льшею частию от новых, чисто книжных речений,

составленных переводчиками по образцу греческого текста; напр., *благочестие* (εὐσέβεια), *благородие* (εὐγένεια), *благодушие* (εὐψυχία) и проч.

Направление, данное нашему языку церковнославянскими книгами, более или менее господствует во всех древнейших памятниках русской литературы, потому что грамотные люди учились читать и писать по церковным книгам.

Отсюда понятно, почему язык древнерусских памятников содержит в себе значительное количество слов, выражающих отвлеченные понятия, и уступает нынешнему областному просторечию в изобразительности.

Нынешний книжный язык и составившаяся под его влиянием речь образованного общества, как плод умственного развития, получившего начало со времени перевода Св. писания и воспитанного церковнославянскою литературою в древнем периоде и влиянием образованности других народов в новейшее время, отличается от народного языка господством отвлеченной мысли в слове над изобразительным представлением.

§ 157. Затруднения, встречаемые русскими в синтаксическом употреблении многих слов, объясняются отчасти разнообразным составом современного языка, в котором формы древнейшие попадаются вместе с новыми, — церковнославянские с разговорными; отчасти же и тем, что в употреблении языка мы не обращаем уже внимания на этимологический вид и на значение отдельных слов, подчиняя их отвлеченному смыслу.

Господство отвлеченного мышления над этимологическою формою и над живым представлением, выражаемым в слове, оказало свое действие на словосочинение преимущественно в том, что подвело под одинаковые общие правила множество частных случаев, которые некогда, по богатству старинного языка, представляли значительное разнообразие. Так, напр., разнообразное значение и употребление залогов древнейшего глагола подведены теперь под более общие правила, по которым глагол не так уже свободно может переходить из одного залога в другой, как это было в старину (§ 176). Вместе с этим самое управление глаголов, некогда весьма разнообразное, подведено теперь к бо́льшему единству (§ 256). Равномерно и согласование слов, ныне принимаемое в речи книжной, гораздо однообразнее и стеснительнее для свободы языка, нежели согласование древнего и народного синтаксиса.

Примеч. Отвлеченность логических правил в словосочинении новейшего книжного языка значительно усилилась от влияния иностранных языков, преимущественно французского и немецкого. Первый оказал свое действие в практическом отношении, а последний в теоретическом, т. е. русская речь слагалась по французскому синтаксису и изучалась по руководствам немецкой грамматики.

Впрочем, единообразие и отвлеченность, возникшие в языке позднейшем и преимущественно в книжном, постоянно встречаются в нашей речи с формами древнейшими, живыми и разнообразными, доселе господствующими в устах народа.

Б. ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ, КАЖДОЙ В ОТДЕЛЬНОСТИ

а) Части речи знаменательные

§ 158. Части речи знаменательные суть следующие: глагол, имя существительное, прилагательное и наречия, произведенные от этих трех частей. Причастие и неокончательное наклонение суть отглагольные имена: первое — прилагательное, второе — существительное. Деепричастие есть отглагольное наречие.

Корень слова, принимая образующее окончание, или суффикс, получает способность переходить от впечатления к понятию. Так, напр., корень слова *люб-* нам известен уже только в понятиях, означающих или предмет: *люб-им-ец,* или действие: *любл-ю,* или свойство: *люб-ой* (народное *лю́б-ый* в значении „любезный“).

Образующие окончания, придавая корням слов значение или предмета, или свойства, или действия, распределяют эти корни по частям речи, делая их или именами существительными, или прилагательными, или глаголами. А так как имена язык употребляет не иначе, как в известном падеже и числе, а глаголы в известном наклонении, времени, числе и лице; то само собою разумеется, что существо имен и глаголов, сверх суффиксов, определяется изменениями, или флексиями, т. е. склонениями и спряжениями.

Существительное не только выражает предмет, сам по себе, но и ставит его в известное отношение к глаголу, означая падежом или подлежащее, или дополнение, или обстоятельство, или определение.

Прилагательное означает свойство не отвлеченно, а в отношении к предмету, определяя его и согласуясь с его названием в роде, числе и падеже; напр., „добрый человек“, „белою бумагой“ и проч.

Отличительное свойство синтаксического употребления прилагательных — согласоваться в роде, числе и падеже с названием предмета, распространяется и на другие части речи, а именно: на бо́льшую часть местоимений, на числительные порядковые, а из количественных на *один, два, оба,* и на причастия. Все эти части речи, относительно согласования, именуются прилагательными.

Глагол означает действие не отвлеченно, а в известное время и с показанием всех отношений, которые выражаются сказуемым, т. е. с обозначением лица, времени, вида, наклонения и залога.

Названия отвлеченных свойств и действий суть существительные, а не прилагательные и не глаголы, каковы, напр., *белизна, доброта, любовь, хождение* и проч. Сюда же принадлежит и неокончательное наклонение, как существительное отглагольное; напр., *любить, ходить* и проч.

Из сказанного о значении глаголов и имен существительных и прилагательных явствует, что существо их состоит не только в том, что они означают или действие, или предмет, или свойство, но и в том, какой смысл получают они в предложении, изменяясь по спряжениям и склонениям.

Наречия знаменательные, вместе с деепричастиями, только тем и отличаются от имен и глаголов, что употребляются в известном окончании с предлогом или без предлога; напр., *хорошо, снова, вдаль, говоря* и проч. Собственно говоря, этот разряд слов не составляет отдельной части речи.

Так как язык от данных форм может производить новые, то и от существительных отвлеченных образовал новые глаголы и прилагательные отвлеченного значения; напр., *покровительство* (при коренном глаголе *крыть*), *покровительствовать, покровительственный* и мн. др.

При заимствовании слов из чужого языка, бóльшею частию берутся имена, как названия понятий, а не глаголы и прилагательные, как выражения сказуемого, соединенного с свежим воззрением на предмет. Так, напр., слово *мёбель* перешло к нам в значении уже существительного (§ 112), а не первоначального прилагательного, дающего смысл этому слову.

Из множества иностранных слов, которые были вводимы в наш язык в эпоху Петра Великого, доселе сохранились бóльшею частию существительные.

Существительные, заимствованные из чужих языков, могут оставаться с иностранными окончаниями и потому не склоняются; напр., *колибри, боа* и проч. Напротив того, заимствованные глаголы и прилагательные тогда только получают право гражданства, когда примут окончания, т. е. суффиксы и флексии языка, в который перенесены; напр., *танц-овать танц-ую, колониаль-ный колониаль-ного* и проч.

б) Части речи служебные

§ 159. Части речи служебные суть следующие: местоимение, числительное имя, предлог и союз; сверх того, к ним же принадлежат, между наречиями — местоименные, и между глаголами — вспомогательные.

Существо служебных частей речи определяется частию по значению, частию по отношению их к окончаниям (т. е. к флексиям и суффиксам) знаменательных частей.

1. По значению

§ 160[39]. — 1. Местоимение. Местоимение означает лица, говорящее и слушающее, и отношение их к предмету разговора, выражаемое вопросом и более или менее определительным ответом.

Говорящий или не знает чего-нибудь и спрашивает словами: *кто, что, какой* и проч.; или знает неопределенно: *что-то, какой-то, где-то;* или остается равнодушен к точнейшему обозначению: *что-нибудь, когда-нибудь* и проч.; или, отвечая, отрицает: *никто, никогда;* или указывает, и притом на ближайшее: *сей, этот, здесь;* или на отдаленнейшее: *тот, там, тогда;* или, указывая, определяет в бо́льшей точности: *тот самый, он сам, весь* и проч.

1. Местоимения делятся на три главнейшие разряда: 1) на личные: *я* — 1-го лица и *ты* — 2-го лица; 2) вопросительные; напр., *кто, что, который* и проч.; и 3) ответствующие, т. е. указательные с определительными; напр., *этот, тот, самый* и проч. — Сюда же принадлежит *он,* принимаемое за личное местоимение 3-го лица.

Видоизменения этих трех родов местоимений суть:

а) Возвратное *себя,* относящееся к личным.

б) Притяжательные: *мой, твой, свой, наш, ваш,* произведенные от личных и возвратного и относящиеся к определительным.

в) Относительные: *кто, что, который* и проч., уклонившиеся от значения вопроса, по употреблению в предложениях придаточных.

г) Неопределенные и отрицательные, вместе с указательными, относящиеся к ответу, но составленные из вопросительных с частицами *не* и *ни*, и с присовокуплением речений: *то, нибудь;* напр., неопределенные: *некто, кто-то, кто-нибудь;* отрицательные: *ничто, никто* и проч.

Сверх того, к местоимениям принадлежат:

а) Местоименные наречия: α) вопросительные; напр., *где, когда, как* и проч.; и β) ответствующие, для означения указания и определения; напр., *тут, тогда, всегда, так* и проч.

б) Числительные: *один, другой* и *оба*, когда употребляются в смысле указательных местоимений: *тот, и тот и этот* и т. п.; напр., „один думает так, другой иначе" (= тот думает так, а этот иначе); „оба правы" (= и тот и этот правы).

Из всего сказанного явствует, что значение местоимения и деление его на виды проистекают из разговорного начала, на котором основывается все построение речи (§ 115).

2. Местоимение (и местоименное наречие), с одной стороны, выражает отношение лиц говорящего и слушающего к предмету

речи, а с другой — обозначает предмет, качество, принадлежность, количество и объем, порядок, место и время вообще. А именно:

Вопрос.	Ответ.	
О предмете: кто? что?	он, тот, никто, ничто	
О качестве: какой? каков?	такой, всякий, никакой, какой-то, какой-нибудь	
— как?	так, никак	
О принадлежности: чей?	мой, твой *и проч.*	
О количестве и объеме: сколько?	столько, несколько, весь,	Определеннее отвечают числительные количественные и порядковые.
О порядке: который?	тот, другой, этот	
О месте: где?	там, здесь	
откуда?	отсюда	
куда?	туда	
О времени: когда?	тогда, всегда	
с которых пор?	отныне	
до которых пор?	доныне	

Примеч. 1. Связь наречий с местоимениями в некоторых языках так значительна, что наречия места употребляются для означения местоимений личных и указательных. Указание на ближайшее и отдаленнейшее место соответствует лицам 1-му и 2-му или указательным местоимениям на ближайший или отдаленнейший, относительно говорящего, предмет речи. Так, напр., в итальянском ci (франц. ici, т. е. здесь) и vi (там) употребляются: первое для означения дат. и вин. падежа местоимения 1-го лица, а последнее для означения тех же падежей 2-го лица.

3. Сличая местоимения и местоименные наречия с частями речи знаменательными, именно с существительными, прилагательными и знаменательными наречиями, мы видим, 1) что знаменательными частями понятие описывается определеннее; напр., словами: *человек, дерево, высокое дерево, дома, в городе,* сказано больше, нежели словами: *тот, это, такое дерево, здесь, там* и проч., и 2) что, несмотря на то, местоимениями и местоименными наречиями понятие обозначается в самом тесном его объеме, так что только тогда понятие становится единичным, когда его определяем местоимением. Напр., выражение: *высокое дерево* живописует предмет, но не может понятия о нем низвести до единичного представления, между тем как, говоря: *это дерево, то дерево* и проч., мы представляем себе единственно тот предмет, о котором говорим. Равномерно наречиями: *здесь, там* точнее обозначаем место, нежели словами: *в городе, в деревне* и проч.

Местоимения и местоименные наречия обозначают предмет речи в наибольшей точности, только тем, что ставят оный в бли-

жайшее отношение к лицу говорящему. Напр., слова: *это, здесь* только потому точно определяют сказанное, что говорящий указывает на то, о чем говорит; так что, с перестановкою указания, всякий предмет будет *это* (и стол, и стул, и дом и проч.) и всякое место *здесь* (и в городе, и в поле, и на море и проч.).

Примеч. 2. В немецком her означает движение к лицу говорящему, а hin — к предмету речи.

4. Для обозначения личного отношения говорящего к предмету речи, в некоторых языках введен член, т. е. такое указательное местоимение, которое, будучи поставляемо при именах, дает им смысл определенных или неопределенных понятий. Из славянских наречий член, от указат. местоим. *тъ, та, то,* употребляется в новоболгарском, которое более прочих потерпело в склонении, утратив бóльшую часть падежных окончаний (§ 58). Во французском языке определенный член le, la (от латинского указательного или местоимения 3-го лица ille — он), неопределенный: un, une (от лат. числительного unus); в немецком определенный член: der, die, das (указательное местоимение), неопределенный: ein, eine, ein (числительное имя). Напр., l'homme, der mann — этот человек, тот человек; un homme, ein mann = человек вообще. Означая отношение говорящего к предмету речи, член придает выражению некоторую свежесть разговорного начала, а мысли — точность.

Примеч. 3. Так как член есть не иное что, как особенный род употребления местоимений, то само собою разумеется, что он не может служить основанием для разделения языков на употребляющие член и не употребляющие его. Потому языки одного и того же семейства и во всем близкие между собою могут различествовать в отношении члена. Так, в греческом есть член, а в латинском нет, как и в славянском, впрочем, за исключением болг. наречия. Одно только можно заметить, что языки новейшей формации более наклонны к употреблению члена. Так, в романских он составляет необходимую принадлежность грамматики, тогда как латинский, от которого они произошли, его еще не знает. В древних немецких наречиях (напр., в готском) употребление члена менее было распространено, нежели в новейших. Даже греческий язык свидетельствует нам о позднейшем развитии этой части речи, потому что, первоначально, определенный член и указательное местоимение в употреблении смешивались, а член неопределенный вошел уже значительно после определенного, именно в новогреческом. В греческом тексте Св. писания видим уже некоторые попытки ввести его.

В истории члена замечаются два периода: сначала употребляется только определенный, а потом уже вводится неопределенный. Сверх греческого языка, это видим в романских и немецких наречиях. Французский член le непосредственно ведет свое начало от ille, которое в средневековом латинском языке (напр., в памятниках VI в.) употребляется в виде члена. Употребление члена un (unus) распространилось уже позднее. То же замечаем в немецких наречиях. Готский язык еще не знает неопределенного члена и пользуется только

определенным. В древневерхненемецком языке есть уже член неопределенный, но еще не в таком употреблении, как в новонемецком.

§ 161. — 2. Имена числительные. Числительные означают или количество, напр. *один, два, три* и проч., или порядок, напр. *первый, второй, третий* и проч. Первые называются количественными, последние — порядковыми. В этом разряде слов должно отличать внешнюю форму от значения. — По форме они суть либо имена существительные, каковы все количественные, начиная с *пяти;* либо прилагательные, напр. *первый, второй, пятый, десятый* и другие порядковые, произведенные от количественных; либо отличающиеся от тех и других своею собственною формой; каковы количественные: *один, два, три, четыре.* По значению, числительные суть слова, имеющие отвлеченное понятие о количестве и порядке (§§ 70, 152).

Примеч. Числительные тем отличаются от имен существительных и прилагательных отвлеченных, что означают не разнообразные отвлеченные понятия (каковы, напр., радость, печаль и проч.), а только бо́льшее или меньшее количество вообще (два, пять) и высшую или низшую ступень в порядке, тоже вообще (второй, десятый и т. д.). — Числительные порядковые образуются помощию окончаний степеней сравнения потому, что означают постепенность (§ 69).

Наречия, произведенные от числительных, относятся к частям речи служебным; напр., *однажды, дважды, однократно* и проч.

§ 162. — 3. Предлог. Значение предлогов бывает двоякое: собственное и переносное (§ 147). В собственном значении предлог показывает движение и положение предмета в пространстве; напр., идти *в* город, *со*-йти *с* горы, *ото*-йти *от* дороги и проч.; в переносном показывает движение и пребывание предмета во времени; напр., *в* 1812 году, *от* 1812 года; и потом различные отношения мысли, каковы: причина (напр., *с* голоду), цель (напр., *для* бедных), побуждение (*из* любви) и проч.

В собственном значении предлоги показывают: 1) или движение *откуда-нибудь* и *куда-нибудь*, по вопросам: *откуда?* и *куда?* Напр., *из* города, *в* город, *с* горы, *под* гору; или 2) пребывание и движение предмета, по вопросу: *где?* Напр., *в* городе, *под* горою; или 3) совокупность и раздельность предметов, выражаемые предлогами *с* и *без;* напр., вода *с* вином, *без* вина и проч.

Примеч. Выражая одним и тем же предлогом движение и пребывание предмета в пространстве и времени, а также и логические отношения причины, основания, цели и проч., язык принимает эти отношения за движение мысли и таким образом дает отвлеченным логическим понятиям выражение наглядное и изобразительное. Так, напр., предлоги *с* и *от*, означая причину, в то же время показывают движение от того предмета, в котором полагается причина; напр., в выражении, „*со* страху“ или „*от* страху остолбенел“, *страх* представляется не только причиною, но и предметом, от которого как бы

идет остолбенение. Впрочем, некоторые предлоги уже потеряли первоначальное, наглядное значение и употребляются только в отвлеченном; напр., *для* означает только отвлеченное понятие цели, но первоначально означал „подле“, как и теперь в украинск. *гля* (с изменением *д* в *г*) значит и „для“ и „подле“; напр., *гля дочки* — подле дочки.

Предлог ставится или перед глаголом, или перед именем (и местоимением). В первом случае он показывает направление действия; напр., *во*-йти, *ото*-йти, *со*-йти, *при*-йти и проч., и изменяет глаголы по залогам и видам; напр., лежать *от*-лежать, иду *при*-ду, веду *по*-веду (§§ 52, 53, 181). В последнем случае предлог, управляя падежом, означает отношения между предметами как в пространстве и времени, так и в сочетании мыслей, для показания причины, цели и проч.

§ 163. Так как при именах предлог употребляется в связи с падежом, то и значение того и другого определяется во взаимной связи. А именно:

1) Предлогу вспомоществует падеж для означения отношений между предметами, так что один и тот же предлог с различными падежами получает различное значение; напр., *в* с винительным означает движение внутрь; напр., „войти *в* город“; а с предложным или местным — пребывание в известном месте; напр., „жить *в* городе“. Предлог *с* с родительным означает движение с поверхности предмета; напр., „сойти *с* горы“, а с творительным — совокупность; напр., „жить *с* людьми“ (§ 248).

2) Падеж означает те же отношения между предметами, какие означает и предлог; именно:

а) Место, на вопрос: *куда?* в церковнославянском и древнерусском дательный; напр., *Киеву* (в Киев); на вопрос: *где?* местный, также в церковнослав. и древнерусск.; напр., *Киеве* (в Киеве); творительный; напр., „идти горою“, „плыть рекою“ и проч.

б) Время, на вопрос *когда?* творительный; напр., „случилось ночью“; меру времени, на вопрос: *как долго?* винительный; напр., „идти целую ночь“.

в) Логические отношения мысли: п р и ч и н у — родительный; напр., „избегать зла“ (= зло есть причина побега); ц е л ь — дательный; напр., „подражать образцам“ (= образцы — цель или предмет подражания); с р е д с т в о — творительный; напр., „писать пером“ и проч.

3) Как предлог имеет двоякое значение: собственное и переносное, так и падеж. В собственном значении падеж показывает отношение предмета в пространстве; в переносном — движение и пребывание во времени и логические отношения.

§ 164. — 4. Глагол вспомогательный. Некоторые глаголы, каковы: *быть, стать, иметь, хотеть, мочь, дать, изволить,* безличные: *можно, должно,* утратив значение наглядного представления (§ 152), переходят из знаменательной части речи в служебную, становясь глаголами вспомогательными.

1. Эти глаголы служат в предложении для означения принадлежностей глагола, т. е. лица, числа, времени, наклонения и залога, при таких словах, которые не могут своими окончаниями выражать этих принадлежностей. А именно:

а) При именах и других частях речи, кроме глагола, употребляющихся в смысле сказуемого, для того, чтобы дать им характер глагола, как единственной формы сказуемого. Для этого употребляется преимущественно глагол *быть;* напр., „грамматика *есть* наука“, „Суворов *был* гениальный полководец“.

б) При именах отглагольных, т. е. при причастиях и неокончательном наклонении, для того чтобы дать им форму глагола, в означении наклонения, времени, числа и лица; напр., в цс. ѥсмь хвалилъ, ѥси хвалилъ, ѥсмы хвалили, сѫть хвалили; у нас: *буду говорить, имею сказать, стану читать* и проч.

2. Вспомогательные глаголы означают:

а) Сказуемое или глагол вообще, с обозначением лица и числа; напр., из причастия *хвалил* образуется глагол прошедшего времени: ѥсмь хвалилъ, ѥси хвалилъ, ѥсмы хвалили и проч.

б) Время; напр., *буду хвалить.*

в) Наклонение, в означении предположения; напр., церковнослав. азъ хвалилъ быхъ, онъ хвалилъ бы; — желанья; напр., *хочу сказать;* — возможности; напр., *могу сделать;* — необходимости; напр., *должно* (*есть*) *сделать* и проч.

г) Вид, в означении или продолженного действия, напр. *буду делать,* или начинательного, напр. *стал делать.*

д) Залог, для означения винословных глаголов; напр., *дал отдохнуть, дал пройти* (т. е. сделал так, чтобы тот отдохнул чтобы прошло) и проч.

е) Сверх того, употребляется, в русском языке, вспомогательный глагол для означения вежливости, в разговоре между лицами, именно глагол: *изволить;* напр., *изволил кушать* (вм. *кушал* или *ел*), *извольте сказать* (вм. *скажите* или *скажи*) и проч.

Все исчисленные здесь глаголы, в грамматическом разборе, не отделяются от тех, при которых служат вспомогательными, составляя с ними нераздельное целое; напр., целое выражение: *буду говорить* есть форма будущего времени; *извольте идти* — повелительное наклонение, с изъявлением вежливости и т. д.

Примеч. Во французском и немецком, кроме avoir, être, haben, werden, sein, в виде вспомогательных употребляются: faire, в смысле „дать“ или „заставить“, для означения винословного залога (напр., faire faire), venir (напр., je viens d'arriver), il faut, darf, kann, müssen, lassen, stehen (напр., das haus steht zu kaufen); gehen (напр., schlafen gehen); bleiben (напр., sitzen bleiben) и проч.

§ 165. — 5. Союз. Союз показывает связь между предложениями, соединенными по способу подчинения и сочинения.

Союзы различаются: А) по происхождению, Б) по употреблению и В) по значению.

А. По происхождению союзы делятся:

I. На собственные союзы, каковы: *и, а, же, но, ли* и др.

II. На речения, употребляющиеся в виде союзов, но, по образованию своему, принадлежащие к другим частям речи.

Важнейшие из этих речений либо местоимения и местоименные наречия, либо глаголы. А именно:

1. Местоимения и наречия относительные либо одни, либо в связи с указательными; напр., *что, как, как — так, чем — тем, потому что, за тем что, где — где* и проч.

а) *Что* бывает союзом, когда, соединяя предложения, теряет свой падеж и становится неспособным быть подлежащим или дополнением; напр., „всем известно, *что* науки полезны“. Когда же это слово употреблено, как часть предложения, в именительном или винительном падеже, тогда оно бывает местоимением; напр., „говори, *чтó* должно“, „знаю, *чтó* говорю“. *Что* принадлежит к наречиям, когда означает вопрос: *почему, за чем, для чего* и проч.; напр., „*что* он нейдет?“ В этом случае к частице *что* прибавляется иногда *это;* напр., „*что это* он нейдет?“

Примеч. 1. *Что*, как наречие, есть как бы остаток сократившегося предложения, в котором эта частица была местоимением: „что это за причина, что он нейдет = что он нейдет?“

б) Частицы: *потому что, для того что, за тем что,* бывают союзами тогда, когда слово *тот* (в речениях *потому, для того, за тем*) не указывает ни на какой предмет; напр., „говорит, *потому что* знает; *для того, что* желает добра“ и проч. Напротив того, в предложениях: „говорит *по тому,* чтó написано в тетради“, „идет *за тем,* чтó перед собою видит“ и проч., эти частицы употреблены в значении местоимений.

в) *Как,* означая вопрос, причисляется к наречиям; напр., „*как* поживаете?“; означая сравнение, принимается в смысле союза, потому что соединяет предложения: „бел, *как* снег“.

г) *Чем* и *тем* становятся союзами, когда, потеряв смысл падежа, означают сравнение; напр., „лучше не заслуживать наказания, *чем* ждать прощения“, „*чем* совершеннее человек, *тем* снисходительнее к другим“.

д) Местоименные наречия места, времени, качества и количества, употребляемые повторительно или в соответствии указательных вопросительным, принимают смысл союзов; напр., *где — где, иногда — иногда, там — где, как — так, сколь — столь* и проч.

2. Глаголы, и притом а) или целые предложения, т. е. сказуемые, которые, слившись с другими предложениями, стали употребляться в виде союзов; каковы, напр., *пусть, пускай, де, мол, ведь* и проч. (§ 137); или б) остатки описательных форм спряжения; напр., *бы* (§ 77), *буде* (§ 77, 167), *да* (§ 167).

3. Сверх местоимений и глаголов, в виде союзов, для связи предложений, употребляются некоторые имена существительные, прилагательные, числительные и наречия знаменательные; напр., *частию — частию, таким образом как, подобно тому как, вопервых, напоследок, в заключение* и проч.

Б. По употреблению союзы бывают:

1) Одинакие, однажды и в одном месте употребляемые при соединении слов; напр., „бог сотворил небо *и* землю“.

2) Повторительные перед каждым из соединяемых слов; напр., „*и* радости, *и* печали делить вместе“, „*ни* днем, *ни* ночью не знать покою“, „*то* надеяться, *то* отчаиваться“.

3) Двойные или соответствующие, которые состоят из двух соответствующих один другому союзов, помещенных перед соединяемыми словами; напр., „*чем* дальше в лес, *тем* больше дров“, „*хоть* щей горшок, *да* сам большой“.

В. По значению союзы делятся на два отдела. Одни служат для сочинения предложений, другие — для подчинения.

1. При сочинении предложений употребляются союзы:

а) Соединительные: *и, же, да, не только — но и, частию — частию* и проч.; с означением последовательности: *сперва, потом, далее, наконец;* с означением места и времени, помощию повторительных союзов: *где — где, иногда — иногда.*

б) Разделительные: *ли, или, либо.*

Союзы: *ни, ниже — ни* суть отрицательные — соединительные и разделительные.

в) Противительные: *а, же, но, однако, впрочем.*

2. При подчинении предложений употребляются союзы:

а) Изъяснительные: *что, будто;* с означением места и времени в двойных: *где — там, куда — туда, когда — тогда.*

б) Предположительные и желательные: *бы, да, дабы, чтобы.*

в) Сравнительные, и притом с положительной степенью: *будто бы, таким образом как, как — так;* и с сравнительной: *нежели чем, чем — тем.*

г) Уступительные: *хотя, пусть, пускай, как ни, что ни.*

д) Винословные, или причину означающие: *потому что, за тем что, так как.* — К винословным принадлежат условные: *если, ежели, буде, когда;* и заключительные: *так, то, и так, почему и, следовательно.*

Некоторые союзы только по смыслу, а не по грамматической форме, означают подчинение.

Таковы, напр., изъяснительные: *а именно, то есть;* сравнительный *словно,* винословный *ибо.*

III. Сверх того, к союзам относятся некоторые речения, и по образованию, и по употреблению составляющие как бы целое предложение вводное, каковы: *мол, де, дескать, бишь* (= *баешь,* т. е. говоришь), *ведь.*

Примеч. 2. К союзам же принадлежат частицы: *-то, -ста, -ка;* напр., „он-*то*“, знаем-*ста*“, „дай-*ка*“ и проч.

В заключение о союзе надлежит сказать, что по значению своему эта часть речи в наибольшей отвлеченности выражает логические отношения мысли. Для достижения этой цели союз пользуется всеми средствами, какие может предложить язык для обозначения отвлеченных понятий. — По своему значению союз состоит в теснейшей связи: 1) с обозначением наклонений (§ 193 и след.) и 2) с местоимениями и местоименными наречиями.

2. По отношению к окончаниям знаменательных частей речи

§ 166. Недостаток в окончаниях знаменательных частей речи (т. е. во флексиях и суффиксах) восполняется описательными формами, составляемыми из частей служебных (§ 117). А именно: во флексиях: 1) местоимение заменяет в спряжении личные окончания глаголов, а в склонении, вместе с предлогом, образует падеж (§ 168); 2) вспомогательный глагол и союз заменяют спряжение (§ 167); 3) предлог — склонение; 4) имя числительное соответствует окончаниям чисел в спряжении и склонении; напр., в русском: *два, две* — окончаниям двойственного числа в церковнославянском; напр., цс. рꙋцѣ = две руки (§ 234). — В образовании слов: 1) предлог изменяет залог и вид глагола (§§ 52, 53, 181); 2) местоимение

(напр., *самый,* во франц. le при наречии plus: le plus) заменяет степень сравнения (§ 69).

Описательные формы составляют принадлежность преимущественно позднейшего периода в образовании языков, как это видим в истории не только французского и немецкого, но и нашего языка (§ 83).

I) Описательные формы спряжения

§ 167. Окончания спряжений могут выражаться или вспомогательными глаголами, или союзами.

1. Вспомогательный глагол, в славянском спряжении, первоначально употреблялся для означения как времен и лиц, так и наклонений, чтó явствует из церковнославянского, в котором изъявит. наклонение отличается описательными формами от условного; напр., изъявит. юсмь сътворилъ, бѫдѫ творити; условное: бѫдѫ сътворилъ, быхъ сътворилъ (§§ 88, 194).

Для страдательного залога славянский язык вовсе не знает собственного спряжения и пользуется только описанием; напр., юсмь сътворенъ, бѫдеть сътворенъ и проч. (§ 88). То же должно сказать о языке русском и прочих слав. наречиях, а равно и о новейших: французском, немецком; напр., *сказано* (было или есть), *найден* (был или есть); франц. je serai chanté, нем. ich werde gehört.

2. В описательных формах русского спряжения вспомогательный глагол означает времена и лица только изъявительного наклонения; напр., *буду делать, сказал* (вм. *есмь, еси, есть сказал,* §§ 88 и 202). Что же касается до условного наклонения, то оно описывается уже союзами, происшедшими от церковнославянского вспомогательного глагола, употребленного в описательных формах этих наклонений: союз *бы* от цс. быхъ, союз *буде* от древнейшего *будетъ*; напр., *я, ты, он сотворил бы* = цс. азъ сътворилъ быхъ, онъ сътворилъ бы; *буде взял* = възялъ бѫдеть (§§ 77, 194).

3. Повелительное наклонение, сверх окончания, выражается описательною формою, составленною из настоящего или будущего времени спрягаемого глагола с союзами: *да* в церковнославянском и *пусть, пускай* в русском, или в просторечии: *пущай, не тронь.* Напр., „да приидет", „пусть придет", „пущай придет", „не тронь придет". Все эти союзы произошли от глаголов. Церковнославянскому союзу *да* соответствует в русском глагол *дай;* напр., да скажѫ, да скажемъ = *дай скажу, дай скажем.*

Сослагательное наклонение выражается в церковнославянском и русском языке союзом *что,* в других же языках, напр. в латинском, французском, немецком, особенными окончаниями самых глаголов (§ 122).

Примеч. 3. Во французском и немецком языках описательные формы действительного залога образуются при помощи вспомогательного *иметь,*

avoir, haben; а формы страдательного залога при помощи вспомогательных: être, werden, sein; напр., во франц. j'ai chanté, j'avais chanté, j'aurais chanté, je suis chanté, je serai chanté и проч.; в немецком: ich habe gehört, ich hatte gehört, ich werde gehört, ich bin gehört worden и проч.

II) Описательные формы склонения

§ 168. Склонение имен и местоимений может означаться: 1) окончаниями и 2) описательными формами, состоящими из члена в соединении с предлогом, или же только из одного члена, или из одного предлога. — Окончания склонений рассматриваются в этимологии; состав описательной формы склонений принадлежит к синтаксису.

Иные языки, отличая падежи окончаниями, пользуются, сверх того, членом; напр., язык немецкий: der freund, des freundes, dem freunde, den freund; der gute, des guten, dem guten, den guten. Другие языки, утратив окончания склонений, заменяют их предлогами, присоединяемыми к члену; как, напр., французский: la maison, de la maison, à la maison, l'ami, de l'ami, à l'ami и проч. Так же и в новоболгарском наречии (§ 58).

Примеч. 1. Указатели падежей в древнем и в новом французском языке суть следующие:

Ед. число

Муж.		Жен.	
Древнефранц.	Новофранц.	Древнефранц.	Новофранц.
lo, le (l')	le (l')	la (le, l')	la (l')
del	du (de l')	de la (de l')	de la (de l')
la	au (à l')	à la (à l')	à la (à l')
lo	le (l')	la (l')	la (l')

Мн. число обоих родов

Древнефранц.	Новофранц.
les	les
dels, des	des
als, as	aux
les	les

Древнефранцузские формы: del, al, dels, als, очевидно, состоят из предлогов de, à и члена l в единственном и ls во множественном числе, точно так же, как в новофранцузском женские формы: de la, à la, и мужеские и женские сокращенные de l', à l' состоят из члена с предлогом. Новофранцузские au и aux сократились из древних al, als, через перемену плавного l на придыхательное v или u (см. прилож. к § 33). Частица du есть сокращение древней del. В прочих романских языках, напр. в итальянском, испанском, сохранились доселе древние формы: del, al.

Романские языки, образовав свои имена частию от винительного, частию от именительного падежа латинских имен, означили оба эти падежа одним и тем же членом.

Переход от окончаний склонения к предлогам для означения падежей замечается не только в средневековой латыни, но и в языке классическом. А именно: 1) вместо собственных падежей употребляли предлоги еще классические писатели, пользовавшиеся народною речью; напр., Плавт: „hunc *ad* carnificem dabo“; Теренций: „pauperem *ad* ditem dare“; Варрон: „quod apparet *ad* agricolas“; на надписях: „Curator *de* sacra via“, „miles *de* stipendiis“ и проч. 2) В последние века Западной Римской империи латинский язык в устах простого народа уже так исказился, что один падеж заменялся другим, вопреки всем правилам классической грамматики; и — чтó особенно замечательно — именительный и винительный падежи употреблялись вместо прочих; напр., в языке надписей: a latus, cum quem, cum conjugem suam, pietatem causa, in curiam, a centus и проч. В этом подведении всех прочих падежей к именительному и винительному явствует связь склонения романских языков с речью позднейших латинских надписей. Впрочем, должно заметить, что порча классического склонения в позднейшей латыни не ограничилась одним этим, и другие падежи, напр. дательный или творительный, употреблялись ошибочно; так, на надписях той же эпохи встречается: ante fronte, in vinculis missus per quo.

Не должно думать, чтобы романские языки были вовсе неспособны к собственному склонению, оно им не чуждо, хотя впоследствии и уступило место описательным формам. Собственное склонение оказалось: 1) в древнем провансальском языке, который отличает в склонении имен прямой падеж от косвенных; напр., в имен. homs (homme), в прочих падежах hom; 2) в местоимениях нынешних романских языков; напр., во французском: je, moi, me; il, lui и проч.

Русский язык, пользуясь окончаниями падежей, не имеет нужды в описательных формах склонения. Однако замена падежей предлогами, поставляемыми в связи с окончаниями склонений, указывает на то, что и он имеет наклонность к описанию падежных окончаний. Это явствует из следующего:

1. Древнейшее употребление дательного и местного, в означении места, теперь заменено описанием; напр., *Киеву* = в Киев, *Киеве* = в Киеве.

Примеч. 2. Славянский язык уже в древнейшую, доисторическую эпоху потерял непосредственное употребление винительного падежа в значении места, на вопрос *куда?*, заменив его описанием, в посредственном управлении с предлогом *в*; напр., *в дом*; между тем некоторые частицы и доселе сохранили винительный без предлога в том же значении; напр., в выражении „выйти *вон*“ наречие *вон* поставлено в винительном падеже (§§ 72 и 125), по требованию глагола, на вопрос *куда?*

Равномерно и достигательное наклонение, употребляемое в славянском при глаголах движения, свидетельствует нам, что наш язык не чуждался винительного без предлога на вопросы: *куда? за чем?* (§§ 125 и 197).

В некоторых, родственных нашему, языках глаголы движения требуют вин. падежа, без предлога; напр., в латинском.

2. Многие глаголы, сложенные с предлогами, по древнейшему синтаксису, управляют падежом без предлога, по позднейшему — уже с предлогом; напр., в Остром. списке евангелия: отълѫченъ сънборища бѫдеть, Ио., 9, 22; по исправленному тексту: ѿлꙋченъ ѿ сонмища бꙋдетъ (см. § 254).

3. Разнообразное множество отношений между предметами и действиями означается как в нашем, так и других языках, падежом, соединенным с предлогом, т. е. формами описательными; так, напр., в выражениях: „идти *по берегу*“ и „идти *берегом*“, „была же на пути теснота *от доспешных людей*“ и старинное в Новг. лет., 137 „бяше же на пути тѣснота *доспѣшными людьми*“ — речения: *по берегу* и *от доспешных людей* суть формы описательные, в отличие от простых падежей: *берегом, доспешными людьми* (§ 246).

III) Способы отделения слов и предложений на письме

§ 169. Слова отделяются на письме двояким образом: 1) расстоянием, на которое одно слово отставляется от другого, и 2) знаками препинания. Первый способ отделения основывается на этимологической форме слова, а второй — на синтаксическом сочетании предложений и частей их.

Оба эти способа отделения слов, в том виде, как употребляются теперь, введены для удобства читателя уже позднейшими грамматистами. В древнейших рукописях слова большею частию не отделяются одно от другого ни расстояниями, ни знаками препинания, за исключением точки, а иногда небольшой черточки, которые обе служат в них заменою как прочих знаков препинания, так и расстановки, которою принято ныне отделять слова.

Примеч. Для примера приводится здесь отрывок из евангелия: 1) по рукописи Остромирова списка, без расстановки слов, и 2) по ныне употребляемому тексту, с новейшим разделением слов и предложений.

Въврѣмѧоно.	И снидe въ капернаꙋмъ
вънидe іс҃	градъ Галилeйскій:
въкапeрьна	и бѣ ꙋча ихъ въ
оумь.въ	сꙋбботы. И оужаса-
градьгали	хꙋсѧ ѡ оученіи егѡ
лeискь.ибѣоу	ꙗкѡ со властію бѣ
чаꙗвьсѫботы	слово егѡ. И въ
иоужасаахѫсѧ	сонмищи бѣ человѣкъ
оученииюгоѥ	имый дꙋха бѣса не-

косьвластиѧ
бѣсловоюгоивъ
сьборищи.бѣ
чл҃вкьимъдоу
ханечиста.ивъ
ꙁьпигласьмьве
лиюмьгл҃аоста
ни.чьтоюстьна
мьитебѣиг҃сена
ꙁаранине.при
шьлъюсипогоу
битьнасьвѣ
мьтакьтоюси.
ст҃ыибж҃ии.

чиста, и возопи гла́сомъ ве́лїимъ, Г҃ла: оста́ви, что̀ на́мъ и тебѣ̀. Ї҃и҃се Назарани́не; прише́лъ есѝ погуби́ти на́съ: вѣмъ та, кто̀ есѝ, С҃тый Б҃жїй. Лук. гл. 4, стих 31—34.

В старопечатных книгах слова и предложения уже разделяются, хотя и с значительною разницею против нынешнего.

Для примера предлагается начало 1-й главы книги Бытия, по Острожскому изданию библии, в сличении с ныне употребляемым текстом.

По Острожскому изданию.

Искони сътвори б҃ъ н҃бо и ꙁемлю. Ꙁемлѧже бѣ невидима инеоукрашена. итма верху беꙁдны Идх҃ъ бж҃їи ношашеса верху воды. и рекъ б҃ъ, дабудеть свѣть, ибысть свѣть. Ивидѣ б҃ъ свѣть ꙗко добро. Иразлучи б҃ъ между свѣтом, имежду тмою. Инарече б҃ъ свѣть дн҃ь, атму нарече нощь, ибысть вечерь ибысть оутро дн҃ь единь. Ирече б҃ъ дабудеть твердь посредѣ воды, ибудеть раꙁлучаѧ посредѣ воды иводы, ибысть тако. Исьтвори б҃ъ твердь, иразлучи б҃ъ между водою, ꙗже бѣ потвердїю. и посредѣ воды, ꙗже бѣ натвердїю.

По ныне употребляемому тексту.

Въ нача́лѣ сотвори́ б҃ъ н҃бо и ꙁемлю. Ꙁемлѧ́ же бѣ̀ неви́дима и неустро́ена: и тма̀ верху̀ бе́ꙁдны и дх҃ъ бж҃їи ноша́шеса верху̀ воды. И речѐ б҃ъ: да бу́деть свѣ́ть: и бысть свѣ́ть. И ви́дѣ б҃ъ свѣ́ть, ꙗ́ко добро̀: и раꙁлучѝ б҃ъ между̀ свѣ́томъ, и между тмо́ю. И нарече́ б҃ъ свѣ́ть де́нь, а тму̀ наречѐ нощь. и бы́сть ве́черь, и бы́сть оу́тро, де́нь еди́нь. И речѐ б҃ъ: да бу́деть тве́рдь посредѣ̀ воды: и да бу́деть раꙁлуча́ющи посрѐдѣ воды̀ и воды̀ и бысть та́ко. И сотвори́ б҃ъ тве́рдь: и раꙁлучѝ б҃ъ межд́у водо́ю, ꙗ̆же бѣ̀ под тве́рдїю, и межд́у водо́ю ꙗ̆же бѣ́ над тве́рдїю.

Между особенностями Острожского текста следует здесь заметить: 1) что союзы и, да, не отделяются от следующего за ними слова; 2) что некоторые предлоги, каковы под, над, также не отде-

ляются от управляемых ими имен; 3) что знаки препинания поставлены не везде, где им следует быть, и 4) что при перенесении слова из одной строки в другую отсутствует знак перенесения.

1. Расстановка и соединение слов на письме

§ 170. На письме отделяются одно от другого слова, составляющие, по своему этимологическому образованию, отдельную часть.

Это правило, легко применяемое к начертанию глаголов и имен существительных и прилагательных, встречает некоторые отклонения в отношении к числительным, наречиям, местоимениям и некоторым частицам.

Затруднение в начертании некоторых слов, относящихся к сказанным частям речи, происходит оттого, что они, означая какое-либо одно, отдельное понятие, могут состоять из двух или нескольких слов.

На письме такие слова можно изображать тремя способами: или 1) пользуясь словопроизводством и этимологическим видом речений, отделять одно слово от другого, как это и видим в русских книгах прошедшего столетия; напр., *в даль, в дали, на перекор, в месте, ни будь, кто ни будь;* или 2) писать слитно, как ныне употребляются некоторые речения; напр., *вдаль, вдали, наперекор, вместе, нибудь,* в местоимениях и наречиях: *кто нибудь, что нибудь, где нибудь;* или же 3) соединять отдельные части этих сложных речений чертою, как это введено, напр., в местоимениях: *кто-нибудь, что-то* и др.

Этот последний способ как бы примиряет оба первые, потому что, расставляя отдельные слова сложного речения, вместе с тем и соединяет их чертою.

Примеч. 1. В нынешнее время этот последний способ распространен до крайности на множество речений, выражающих отдельное понятие, но состоящих из двух или нескольких слов; напр., ныне пишут и печатают: *потому-что, как-будто, в самом-деле, не-уж-то, так-как, может-быть, мало-по-малу, то-есть, в-состоянии, в-продолжение, к-счастию* и мн. др. Равномерно присоединяют чертою наречия меры к словам, к которым они относятся; напр., *почти-открытый, слишком-слаб, более-кроткий, как-можно-чаще* и проч.

Господство которого-либо одного из этих способов соединения и разделения слов зависит от временных, случайно составленных грамматистами, правил. Затруднения же по этому предмету, в современной письменности, происходят от смешения всех трех способов. Так, напр., по общепринятым правилам, в союзе *потому что* предлог *по* пишется слитно с местоимением *тому,* а в других этому союзу соответствующих предлог от местоимения отделяется; напр., *для того что, за тем что* и проч.; *и,* в заключительном

союзе *и так*, одни пишут слитно, другие отдельно; а в ограничительном *и то — и* отделяют; частица *же* при местоимении *тот* отделяется, напр. *у того же, в том же;* а речения *нибудь, либо* иные присоединяют к местоимениям и наречиям чертою: *кто-нибудь, где-нибудь, кто-либо, где-либо* и проч., иные же пишут отдельно.

Примеч. 2. Затруднения в этом предмете правописания не могут быть устранены историею нашей письменности, потому что в старину, как показано выше, писцы вовсе не обращали внимания на разделение и соединение слов; впоследствии же печатные книги представляют такое же разнообразие в этом предмете, какое видим и в нынешней печати. Так, напр., два периодические издания XVIII в., выходившие в одно и то же время (в 1769 г.), „И то и се“ и „Всякая всячина“, пользуются различными способами в разделении и соединении слов. „Всякая всячина“, следуя этимологическому разбору, отделяет все частицы от слов, с которыми по смыслу они составляют одно целое напр., *не в попад, на ружу, по том, в прочем, с ряду, а вось либо, на конец, с лишком, во обще, во первых, во вторых* и т. д. „И то и се“ более соображается с общим смыслом соединяемых в речи слов и потому или употребляет их слитно; напр., *итак, тоесть, что ниесть, вопервых, впрочем, совсем, наконец, потому* и т. д.; или соединяет чертою; напр., *из-за-которой, предо-мною, из-уст* и т. д.; впрочем, не строго следуя принятому им началу, и разделяет слова, как и „Всякая всячина“; напр., *то есть, во первых, в двое, по больше* и т. д.

§ 171. Общее правило, которым должно руководствоваться в разделении и соединении речений на письме, есть следующее: соображаться более с этимологическим разбором, нежели с внутренним смыслом речений, который определяется синтаксическим их употреблением; и потому отделять слова, этимологически отделяемые, хотя бы синтаксически и составляли они одно целое; и соединять, когда, по этимологическому разбору, они сливаются в одно речение.

Это общее правило прилагается к следующим важнейшим случаям:

1. Все сложные наречия писать слитно; напр., *вдаль, искони, насквозь* и проч. (а не *в даль, из кони, на сквозь,* или *в-даль, ис-кони, на-сквозь*); *вместо, вместе, сначала, наконец,* в отличие от существительных с предлогами: *в* (это) *место, в* (этом) *месте, с* (самого) *начала; в место светлое, в месте светлом, с начала книги* и проч.

Сложные с предлогом *по* пишутся различно: и соединяются, напр. *посвойски, подружески,* и разделяются чертою: *по-свойски, по-дружески.* Кто пишет в начале прилагательных, произведенных от собственных имен, прописную букву, тот должен отделять чертою предлог *по,* сложенный с этими прилагательными в наречиях; напр., *по-Французски, по-Немецки* (потому что среди слов прописная буква не ставится: *поНемецки*). Но кто начинает эти

прилагательные строчною буквою, тот может писать слитно наречия, от них произведенные и сложенные с предлогом *по-;* напр., *пофранцузски, понемецки* и проч.

2. Некоторые имена и местоимения в соединении с предлогами, употребляемые в смысле наречий, предлогов и союзов, на письме разделяются; а именно: *в следствие, в последствии, в разсуждении, для того* (для того, что), *за чем, за тем* (за тем, что), *к тому, при том, от чего, от того* (от того, что), *за то* и др. Исключение допускается в наречиях и союзах: *потом, наконец, потому* (потому что).

3. Местоимения и наречия, сложенные с союзами *и* и *же,* пишутся раздельно: *и то, и так* (союз заключит.), *тот же, как же, так же* (в двойном союзе: *так же, как*) и др. Исключаются наречия *тоже* и *также,* в значении „равно", „равномерно".

Заключительный союз *и так* многие пишут и слитно: *итак.*

4. Местоимения *тот* и *сей* в наречиях: *тот час, сей час,* или *тотчас, сейчас,* пишутся и отдельно, и слитно.

Примеч. 1. Те, которые пишут слитно означенные во 2-й, 3-й и 4-й статьях слова, имеют в виду отличить двоякий смысл выражений; напр., *впоследствии* (т. е. потом) и *в последствии* (т. е. в каком-нибудь последствии или следствии известного дела; напр., „в последствии или в последствияхъ этого проступка много вредного"); *оттого что* (союз) и *от того* — предлог с местоимением (напр., „известие получено *от того,* кто сам был свидетелем этому делу"); *тотчас, сейчас* (наречие; напр., „*тотчас* или *сейчас* приду") и *тот час, сей час,* существительное с местоимением; напр., „*тот час* приятен, в который сбываются ожидания" и т. д.

5. Союз *бы* (и сокращенно *б*) всегда ставится отдельно, за исключением союзов: *чтобы* и *дабы.*

6. Наречие *ни* пишется слитно с наречиями и с некоторыми местоимениями: *нигде, никак, никогда, нисколько, никто, ничто.* С местоимениями же *который, какой, один,* наречие *ни* пишется и слитно, и отдельно. Первый способ начертания употребительнее.

Примеч. 2. Отделение наречия *ни* от местоимений *какой, который, один,* основывают на том, что когда предлог управляет этими местоимениями, соединенными с частицею *ни,* тогда он отделяет их от этой частицы; напр., *ни от которого, ни при одном* и проч. Но точно так же разделяются при предлоге и *никто, ничто (ни от кого, ни при чем),* а в древнем языке и *некто, некий* (напр., „*не в кое* время", § 75), однако эти речения принято писать слитно.

7. Наречие *не* пишется с словами, перед которыми постановлено, или слитно, или отдельно от них.

а) Ставится оно слитно тогда, когда образует такое речение, которое, означая отрицательное понятие, может быть заменено речением утвердительным, имеющим тот же смысл; напр., *неволя* (принуждение), *недруг* (враг), *нездоров* (болен), *несчастие* (бедствие) и проч. Сюда относятся все слова, которые без отрицания в языке не употребляются; напр., *недуг, нелюбье, ненависть, ненавидеть* и мн. др.

б) Во всех прочих случаях, означая отрицательное суждение, ставится эта частица отдельно; напр., „*не* конь-то богатого завез, завела нужда, бедность", Древн. русск. стих., 16; „*не* вешай головы, *не* печаль хозяина"; „это *не воля,* а настоящее рабство"; „он *не друг* тебе, а враг", „он *не здоров,* а болен и очень болен" и т. п.

Перед речением *льзя* частицу *не* пишут и отдельно, и слитно.

§ 172. Единительным знаком, или чертою, принято соединять следующие речения:

1. Все сложные слова, образовавшиеся несобственным сложением, за исключением древнейших собственных имен, каковы, напр., *Твердислав, Владислав* и др.

Примеч. 1. Также исключаются древнейшие нарицательные, которых составные части, соединенные по способу сложения несобственного, отдельно не употребляются; напр., *берлога* (бер-лога), *дурман* (дур-ман) и нек. др.

К словам несобственного сложения, отделяемым чертою, принадлежат:

а) Существительные; напр., *мать-и-мачеха, хлеб-соль, не-тронь-меня.*

б) Числительные и прилагательные, с числительными сложенные; напр., *пятый-на-десять, двухъ-сотый, пяти-аршинный, шести-вершковый* и др.

в) Местоимения и наречия, сложенные с приставкою *кое-* или *кой-;* напр. *кое-кто, кое-как, кой-куда.*

г) Иностранные слова; напр., *генерал-адъютант, генерал-майор, флигель-адъютант, штаб-офицер* и др.

2. Наречия тавтологические, или тождесловные; напр., *день-денски, ночь-ноченски, давным-давно, чуть-чуть, точь-в-точь, мало-помалу, мелко-намелко* и др.

3. Частицы *-то, -ка, -ста,* приставляемые на конце слов; напр., *кто-то, какой-то, человек-то, посмотри-ка, знаем-ста.* Впрочем, с речением *пожалуй* частицу *-ста* пишут и слитно: *пожалуйста.*

4. Некоторые синонимические и другие выражения, принятые общим употреблением; напр., *путь-дорога, жилъ-былъ* и т. п.

Составные речения, употребляемые при исчислении предметов: *во первых, во вторых, в третьих* и т. д., пишутся трояким способом: или отдельно, как постановлено в приведенном примере; или слитно: *вопервыхъ, вовторыхъ* и т. д.; или с единительною чертой: *во-первых, во-вторых* и т. д.

Либо и *нибудь* при местоимениях и наречиях употребляются двояко: или отдельно; напр., *что либо, куда нибудь;* или соединенно посредством черты: *что-либо, куда-нибудь.*

Речение *было* некоторые соединяют чертою с глаголом, к которому оно относится; другие ставят отдельно. Последний способ начертания правильнее, потому что это речение есть не что иное, как безличный глагол, составляющий целое предложение, и потому употребляется в предложении независимо от глагола и, сверх того, может стоять и не при нем; напр., „онъ *было* совсем пропал", „совсем *было* он пропал".

Примеч. 2. Правила, изложенные в §§ 171 и 172-м, будучи основаны на принятом в настоящее время обычае, могут со временем претерпеть значительные изменения.

2. Знаки препинания

§ 173. Для бóльшей ясности и определительности в изложении мыслей на письме, принято отделять слова и целые предложения знаками препинания (т. е. знаками остановки).

Примеч. 1. Старинная письменность, как показано выше (в § 169), пользовалась немногими знаками препинания, каковы: или одна точка, или две, или четыре, начертанные крестообразно. Крестообразным начертанием и двоеточием отделялись предложения; точкою же — слова, даже такие, которые составляют нераздельные члены предложения.

Нынешняя система знаков препинания обязана своим устройством успехам письменности. Основывается она не только на грамматическом разборе предложения, но и на правилах риторического изложения мыслей; напр., в употреблении многоточия, тире, вносных знаков, в употреблении двоеточия и точки с запятой в периоде и проч.

Для полноты изложения предлагаются здесь, сверх грамматических, и риторические основания употреблению знаков препинания.

Так как посредством языка одно лицо передает свои мысли и чувствования другому, то и знаки препинания имеют двоякое назначение:

1) Способствуют ясности в изложении мыслей, отделяя одно предложение от другого или одну часть его от другой, и 2) выражают ощущения лица говорящего и его отношение к слушающему. Первому требованию удовлетворяют: запятая (,), точка с запя-

тою (;), двоеточие (:) и точка (.); второму — знаки: восклицательный (!) и вопросительный (?), многоточие (...) и тире (—).

Сверх того, для ясности и удобства изложения мыслей на письме, употребляются еще следующие вспомогательные знаки: скобки ( ) и вносные знаки или кавычки („ “).

I. Основные правила в употреблении точки, двоеточия, точки с запятой и запятой определяются риторическим разбором речи периодической и отрывистой.

Речью периодическою называется та, которая состоит из периодов, а отрывистою та, которая состоит из отдельных предложений.

Примеч. 2. Например: „Не там, где Борис стерегся опасности, внезапная опасность явилась; не потомки Рюриковы, не князья и вельможи, им гонимые — не дети и друзья их, вооруженные местию, умыслили свергнуть его с царства: сие дело умыслил и совершил презренный бродяга, именем младенца, давно лежавшего в могиле... Как бы действием сверхъестественным тень Дмитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить, обезумить убийцу и привести в смятение всю Россию. Начинаем повесть, равно истинную и неимоверную“, Карамз., ИГР, XI, 123—124. — „Так называемые рыбьи зубы или клыки моржовые: из них делают четки, рукоятки и проч.; составляют также лекарственный порошок, будто бы уничтожающий действие яда. Идут в Азию, Персию, Бухарию“, там же, X, 252—253. Первая статья изложена речью периодическою, последняя отрывистою.

1. В речи периодической точкою отделяется один период от другого; двоеточием — части периода; точкою с запятою — члены периода; запятою — подчиненные части этих последних, т. е. придаточные и вводные предложения и отдельные слова. В кратком периоде части могут быть отделяемы точкою с запятой, тогда члены отделяются запятою.

2. В речи отрывистой предложения могут отделяться одно от другого точкою, двоеточием, точкою с запятой и запятою.

Примеч. 3. Пример употребления знаков препинания в речи периодической и отрывистой см. в примеч. 2.

После точки становится иногда тире, для того чтобы показать, что следующая затем речь не имеет связи с предыдущею.

Примеч. 4. Впрочем, для этой цели употребительнее перенесение речи в новую строку.

II. Запятая отличается от прочих знаков препинания тем, что основывается на чисто грамматическом разборе. Об употреблении ее должно сказать следующее.

Предварительно надобно заметить, что главные и второстепенные члены простого предложения не отделяются один от другого никаким знаком препинания.

Когда же состав простого предложения осложняется, тогда для отделения членов предложения употребляется запятая.

1. В простом предложении запятою отделяются: а) звательный падеж, употребленный в средине предложения, и междометие, постановленное перед звательным падежом; напр., „честь имею быть Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою“, „ах, друг мой!“; б) слова, повторяемые для выразительности; напр., „жил, жил да и помер“.

Междометия *о, эй,* усиливающие восклицание, от звательного падежа не отделяются; напр., „о ты!“, „эй приятель!“

2. В сложном предложении придаточные полные или сокращенные и вводные отделяются от главных запятыми (примеры см. в §§ 131 и 135).

Если приложение выражено двумя или несколькими словами, то принимается за предложение придаточное и потому отделяется запятыми; напр., „Херасков, сочинитель Россиады и Владимира, пользовался большою славою между своими современниками“.

Придаточные предложения не отделяются запятою в следующих случаях:

а) Когда выражены одним только причастием (при существительном) или деепричастием (при глаголе) без слов определительных, дополнительных и обстоятельственных; т. е. тогда, когда придаточное предложение переходит в непосредственную часть главного, означая слова определительные и обстоятельственные; напр., „человек трудящийся“, „сидя работать“.

б) Когда, будучи выражены причастием или прилагательным, постановлены перед словом, которому служат определением; напр., „пресмыкающиеся на земле гады“, „способное к перенесению тяжести животное“.

3. В предложении слитном отделяются запятою два или несколько одинаковых членов предложения, постановленных рядом и не соединенных союзом *и;* напр., „Гомер, Эсхил, Софокл, Пиндар, были поэты греческие“, „Петр Великий был государь мудрый, неустрашимый и великодушный“.

Когда несколько подлежащих постановлено рядом без союза, тогда и последнее из них отделяется от сказуемого запятою, потому что предполагает за собою еще другие подлежащие, как бы нарочно опущенные; так, в приведенном примере слово *Пиндар* отделено запятыми.

Прилагательное, поставляемое перед другим прилагательным, соединенным с существительным, по смыслу, в одно нераздельное целое, не отделяется запятою; напр., „Московский Воспитательный дом“, „умный молодой человек“.

Об употреблении запятой в слитном предложении перед союзами должно заметить следующее:

а) Перед соединительным союзом *и* и перед разделительным *или* не ставится запятой, когда они соединяют два члена предложения; напр., „радость и печаль“, „радость или печаль“. Когда эти союзы повторяются перед каждым членом, тогда предшествуются запятою; напр., „и радость, и печаль“, „или радость, или печаль“. Впрочем, двойной союз *и — и,* будучи употреблен с местоимениями и местоименными наречиями, может обходиться и без запятой; напр., „и то и другое“, „и туда и сюда“.

Союз *или,* будучи постановлен между словами, одно и то же понятие означающими, получает смысл изъяснительного *то есть* и потому отделяется запятою; напр., „грамматика, или наука об языке“.

б) Перед союзом *а* всегда ставится запятая; напр., „не море топит, а ветер“.

в) При повторительном союзе *ни — ни*, перед последним членом становится запятая; напр., „ни тот, ни другой“.

Примеч. 5. В новейшее время от некоторых из показанных здесь правил употребления запятой отступают; напр., пишут: „ни тот ни другой“ — „пошел куда глаза глядят“ — „взял то что надобно“ и т. п.

III. Двоеточие, сверх назначения своего в периоде, употребляется в следующих двух случаях:

а) В слитном предложении перед исчислением частей предмета или видов понятия; напр., „способности души суть: ум, воля и чувство“.

б) В сложном перед вставкою чьих-либо речей; напр., „новгородцы, идя на войну, говаривали: кто против бога и Великого Новагорода“.

IV. Знаки вопросительный и восклицательный соответствуют на письме живому изложению мыслей и чувств в разговоре. Вопросительным заканчивается вопрос; восклицательным — воззвание, обращение и восклицание; напр., „который час?“, „о горе!“

Примеч. 6. Употребление тире для означения быстрого перехода от одной мысли к другой и для показания опущения одного или нескольких слов, и употребление многоточия для означения перерыва мысли, основывается на риторическом разборе речи.

Примеч. 7. Употребление скобок и кавычек введено для внешнего удобства письма. В скобках ставится вводное предложение, а также и одно слово, поставляемое при другом для его объяснения. Кавычками, или вносным знаком, отделяются чужие слова, вводимые в речь.

Примеч. 8. В позднейшей церковнославянской письменности введены те же знаки препинания, что и в нынешней русской, за исключением знаков

вопросительного и восклицательного. Вопросительный по-церковнославянски обозначается, по образцу греческой письменности, точкою с запятой; а вместо точки с запятой ставится двоеточие.

Прибавление к § 173. О прописных буквах

Некоторые слова принято отличать на письме большою начальною буквой, которая именуется прописною, в отличие от прочих, называемых строчными.

Все случаи употребления прописных букв подводятся к трем правилам, а именно:

1) Прописная буква ставится в начале каждого предложения или периода, после точки; а в стихах — в начале каждого стиха.

2) Из почтительности и вежливости, в начале некоторых слов, означающих предметы, достойные уважения: напр., *Бог* (в христианском смысле), *Церковь* (собрание верующих), *Небо* (в значении божества), *Государь, Сенат;* слова *Господин* и *Госпожа* перед собственным именем; обращение в письмах к лицу, к которому пишут: *Вы, Ваш* и проч.

3) В начале собственных имен и прозвищ. — К собственным именам причисляются и названия праздников и известных в году дней; наименования наук и художеств; заглавия книг и статей; имена действующих лиц в баснях и т. п.

Большою же буквой иные начинают и прилагательные, произведенные от существительных, в начале которых употребляется прописная буква; иные начинают строчною буквой; напр., *Божий* и *божий, Русский* и *русский.*

Старинные писцы, вместо этих правил употребления прописных букв, пользовались следующими:

1) В начале какого-либо сочинения, отдела или статьи употребляли, вместо черных чернил, красные, или киноварь, которою писали или целую строку, или одно слово, или же начальную букву слова. Отсюда произошли выражения: „красная строка“, „в красную строку“.

2) В начале каждого стиха употребляли строчную букву. Этот обычай доселе сохранился в издании стихотворений древнегреческой поэзии, а некоторыми учеными введен и в издание древних стихотворений и других европейских литератур.

3) Наименование предметов досточтимых отличали не прописными буквами, а сокращениями и титлами; напр., бг҃ъ (Бог), дх҃ъ (Дух), гд҃рь (Государь). В древнейших рукописях сокращения и титла не имели другого основания, кроме экономии в письме, распространенной на слова, наиболее употребительные в церковной письменности, т. е. на некоторые наименования священных понятий и лиц. Уже впоследствии этой экономии придано было иное значение, согласное с благо-

честивыми понятиями старинных писцов. В Алфавите, т. е. в грамматическом наставлении XVII в., так выражено принятое тогдашними писцами правило о титле: „и сего ради, господине, совѣтъ даемъ тебѣ о Христѣ, и молимъ любовь твою, Господа ради не смѣшай, яко же рѣхъ, несмѣсная, во всемъ тщися святость отъ посредняго и отъ отпадшаго всяко отдѣляти, и почитай святость вездѣ взметомъ и покрытіемъ (т. е. титлом), яко свята сущи и честна и всякія похвалы достойна“.

4) Только в позднейших полууставных и скорописных рукописях стало входить в обычай употребление прописных букв в начале собственных имен. В древнейших, уставных, имена эти ничем не отличались от прочих слов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СИНТАКСИЧЕСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

I. ГЛАГОЛ

§ 174. Так как глагол составляет в предложении сказуемое, то учение о синтаксическом употреблении глагола будет вместе с тем и синтаксисом сказуемого.

Принадлежности глагола, на которые следует обращать внимание в рассуждении синтаксического употребления этой части речи, суть: залог, вид, время, наклонение и лицо (преимущественно в глаголах безличных). Что же касается до числа и рода, то эти принадлежности общи глаголу с частями речи склоняемыми и потому должны быть объясняемы в связи с этими последними.

Неопределенное наклонение и причастие, хотя относятся к именам, от глагола произведенным, однако, видоизменяясь по залогам, видам и временам, должны быть рассматриваемы в связи с глаголами.

1. ЗАЛОГ

§ 175. Залог означает деятельность предмета, или переходящую на другой предмет; напр., „читаю книгу“, „привыкаю к труду“, или непереходящую; напр., „стою“. Глаголы первого разряда именуются переходящими, последнего — непереходящими. Переходящие глаголы требуют после себя дополнения: *книгу* — дополнение к *читаю; к труду* — дополнение к *привыкаю*. Непереходящие глаголы дополнения при себе не имеют.

Впрочем, иногда и переходящий глагол употребляется в виде непереходящего, т. е. без дополнения; напр., глаголы *читать* и *спорить* в предложениях: „читает книгу“ и „спорит со всеми“ употреблены в значении переходящих; а в предложениях: „любит читать“, „любит спорить“ — в значении непереходящих. Дополнение придает деятельности, выраженной глаголом, известное, какое-либо особенное направление; так, в предложении „читает книгу“ деятельность направлена именно на книгу (а не на письмо, записку и проч.); глагол без дополнения, напр. в предложении: „он уже

читает и пишет", означает деятельность вообще, без применения к какому-нибудь известному предмету (т. е. читает и пишет вообще что бы то ни было). Глагол, употребленный без дополнения (будет ли переходящий, или непереходящий), именуется неопределенным, в отличие от определенного, т. е. стоящего с дополнением.

Как переходящие, так и непереходящие глаголы, по залогам, делятся на действительные, страдательные, средние и возвратные.

1. Действительный глагол означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже; напр., „ученик читает книгу". Вместо винительного падежа иногда ставится при действительном глаголе родительный (§ 243).

Особенный разряд глаголов действительных составляют винословные, т. е. такие производные глаголы, которые приписывают подлежащему причину, заставляющую кого-нибудь производить действие, выраженное первообразным глаголом, от которого винословный происходит. Напр., *поить кого* (т. е. заставлять пить), *вешать что* (= заставить весить; сделать так, чтобы висело) и т. п. (§ 30). Винословные происходят и от действительных, и от средних глаголов, как показывают приведенные примеры.

2. Страдательный глагол означает состояние предмета, произведенное действием другого; напр., „любим отцом и матерью".

Страдательный залог выражается причастием страдательным, произведенным от глагола действительного; причем дополнение действительного глагола становится подлежащим страдательного, а подлежащее действительного — дополнением страдательного, которое означается творительным падежом; напр., „отец и мать его любят" = „он любим отцом и матерью".

3. Средний глагол означает состояние или действие предмета, не переходящее на другой предмет; напр., *спать, ходить*.

К средним глаголам принадлежит существительный или вспомогательный *быть*, как один, так и в соединении с именем прилагательным, для означения сказуемого, равно как и вспомогательный *стать*; напр., „*есть* время", „*есть* деньги", „он долго *был болен*, а теперь *стал здоров*".

4. Возвратный глагол означает действие предмета, обращенное на самого действователя, и состоит из глагола действительного с местоимением возвратным *ся*, ꙁѧ, постановленным в винительном падеже, по требованию этого глагола; напр., *умываться, одеваться* (т. е. *умывать себя, одевать себя*).

К возвратным глаголам принадлежат:

а) Взаимный, означающий взаимное действие двух или нескольких предметов; напр., *ссориться с кем, мириться с кем*.

б) Общий, без местоимения *ся* не употребляющийся; напр., *лениться, бояться, надеяться*.

Многие глаголы, оканчивающиеся на *ся*, имеют значение средних; напр., *радоваться, печалиться, молиться, стучаться* и мн. др. Общими глаголы называются по внешнему своему составу, по значению же они принадлежат к средним.

Особенный разряд средних глаголов составляют оканчивающиеся на *ся*, но произведенные не от действительных, а от средних же; напр., *белеть белеться, краснеть краснеться* и проч.

О важнейших особенностях церковнославянского и русского языков в отношении залогов должно заметить следующее:

§ 176. А. Залоги действительный и средний.

Залоги действительный и средний имеют одну общую им обоим этимологическую форму, особенно в глаголах первообразных; напр., *есть, стать, мыть, слыть* (§ 52).

Образование слов показывает, что каждый средний глагол (за исключением кончающихся на *-ну*, -нѫ) может перейти в действительный, потому что, как этот последний, он может принять форму причастия страдательного (§§ 55 и 179) и может сочетаться с винительным падежом сѧ; напр., *белить-ся, дожидать-ся, боять-ся.*

Пользуясь этою свободой в переходе глаголов из одного залога в другой, наш язык многие действительные глаголы употребляет в значении средних; напр., *плакать, суд-и-ть, служ-и-ть* (с знаком действ. залога *и*, § 52) и мн. др.; и наоборот, средние употребляет в значении действительных; напр., прозѧбаѧй травꙋ скотѡмъ, Псалм., 103, 14; „*воевати* Болгарьску землю", Лавр. сп. лет., 20.

Примеч. 1. И в других языках один и тот же глагол может быть употреблен в значении либо среднего, либо действительного залога; напр., в нем braten, kochen, глаголы средние в предложениях: „der apfel brät", „das wasser kocht", и глаголы действительные в выражениях: „den apfel braten", „das wasser kochen".

Примеч. 2. *Плакать* первоначально имело смысл „полоскать", „омывать", „орошать", и употреблялось в залоге действительном; напр., в О. ев плакаахѫ мрѣжѧ (в испр. измываху мрежи), 89 г. Потому старинный и народный глагол *плакатися, плакаться* (в смысле нынешнего *плакать*) собственно значит: омываться, орошаться, т. е. слезами; напр., „*плакася* по мужи своемъ", Лавр. лет., 29; „*плачется* мати Ростиславля по уноши", Сл. о полку Игор. В действительном залоге глагол *плакать* употребляется в народном языке и доселе; напр., в Дух. стихах: „не *плачь* своей красы, не *плачь* своих ясных очей", 53, 44—45.

Глагол *воевать* в действ. залоге употребляет не только Карамзин во многих местах ИГР, но и Ломоносов; напр., „печенегам велел *воевать* Болгарскую землю", III, 159.

Сверх того, в смысле действительного залога употребляются в просторечии многие средние глаголы, в переносном значении сближенные с дей-

ствительными; напр., *свистнуть, съездить* (как синонимы глагола *ударить*) и мн. др.

1. Многие глаголы, имеющие в нынешнем книжном языке значение только среднего залога, в старину употреблялись, а в народной речи и ныне употребляются в значении действительного.

Примеч. 3. Напр., *льстити:* в О. ев. льстить народы; в Супр. рук. тако льстиши народа. *Обыкнути:* в Супр. рук. мѫжь ть мльчаливѫ жизнь юсть обыкль. *Гостити*, в смысле „угощать“, „кормить“: в Изб. Свят. 1073 г. аще ю штѫждаꙗ гостила (т. е. если она угощала странников); и гостиши ѝ и поиши ѝ (т. е. кормишь и поишь). *Жити*, в смысле „есть“, „пожирать“ (собственно о стадах): в Сп. Упиря благую пажит живете (в испр. на благой пажити пасостеся, Иез. 34, 18). *Спеть:* в Ипат. сп. лет. „Король *спѣашеть* рать велику“. *Сидеть* (смолу, деготь, вино): в Инстр. двор. Немчин. 1724—5 „и того за ними (за мужиками) смотреть чтоб смолы и дегтю на продажу *не сидели* из надобного и стоячего лесу“, „чтобы нигде (крестьяне) *не сидели* вина“. *Тосковать:* в олон. былин. „*тосковать* мое ретливое сердечушко“, Рыбн., I, 370. *Молчать:* у Кант. „но и кто правду *молчит*, виновен не стался“, Сат. 2. *Воссиять:* у Ломон. „как ясно солнце *воссияло* | свой блеск впервые на Тебя“, Ода 7 (слич. в испанск. у Кальдерона: „rayos brilla el sol“). *Плясать;* напр., „*плясать* козачка“. *Постоять* в смысле „подождать“; напр., „*постой* меня“.

Жуковский позволяет себе употреблять в значении действительных глаголы: *ступить* (вм. *переступить*); *растаять* (вм. *растопить*): „но только *ступила порог*, тяжелый жернов и бух!“ VI, 282; „*растаявши сало*, начали мазать им лук женихи“, Одис., 21, 183—184.

Сюда принадлежат средние глаголы, поставляемые с винительным падежом существительного, от них произведенного; напр., *служить службу, судить суд* и мн. др.

Примеч. 4. В Супр. рук. блаженыи юсакии живы аггельско житию; в Лавр. сп. лет. „добродѣтельное *житіе живутъ*“; в Шуйск. акт. „*служу* я полковую *службу*“, под 1694 г.; у Гриб. „там буду *горе горевать*“. — В сербск. *постити пост.*

Такое же сочетание слов находим и в других языках; напр., в лат. vivere vitam (жить жизнь), pugnare pugnam (войну воевать); в древнефранц. chevaucher un cheval; в средненем. dienst dienen (службу служить), rât râten (совет советовать), slâf slâfen (сон спать), sprunc sprungen (прыжок прыгнуть) и мн. др. Вместо существительного одного происхождения с глаголом может употребляться синонимическое; напр., во франц. pleurer les larmes.

2. Важнейшее средство, употребляемое языком для перевода глаголов из среднего залога в действительный, есть приставка предлога (§ 52); напр., *лежать* и *от-лежать бока, спать* и *про-спать обед.*

Примеч. 4. В старинном и народном языке: „*разъиде* (разошла, т. е. разделила) ны съ ними рѣка“, Ипат. сп. лет., 37; „*извеременивъше* (переждав)

погодье вѣтра“, Новг. лет., 1,28; „а *наехал* Дунай бродучий след“, Древн. русск. стих., 93; „*наезжал* палаты белы каменны“, Дух. стих., 2, 348; в Пс. ох. „а кто *наедет* в острову слезлого от гончих (зайца)“, 51; „когда же гончие *натекут* зайца“, 49; „а ежели оного упалого зверя скоро не *стекут*“, 50.

3. Когда действительный глагол, вместо винительного падежа, употребляется с творительным орудия, тогда получает смысл среднего; напр., *бросать камнем, махнуть рукою.*

Примеч. 5. В Лавр. сп. лет. „и *шибе имъ* бѣсъ“, 77; в Новг. сп. лет. „камо, княже, очима позриши ты, тамо мы *главами* своими *връжемъ*“, 1,32; в Древн. русск. стих. „и черезъ его (через камень) только *топором подать*“, 177; у Карамз. „охотники *сыпали деньгами* для одобрения талантов“, II, 700; у Пушк. „так ли мы *тряхнем Москвою*“, V, 11; „осаждал крепости и *потрясал государством*“, VII, 157.

§ 177. Б. Залог возвратный.

По первоначальному своему составу, всякий глагол, оканчивающийся на *-ся*, цс. сѧ, есть глагол возвратный, т. е. такой, который обращает действие на самого действователя, означаемого этим местоимением в винительном падеже. Только по употреблению в предложении, форма возвратного глагола получает различное значение: или собственно возвратного залога, или взаимного, или среднего, или страдательного.

Таким образом, сначала должно сказать о форме возвратного глагола вообще, а потом о различных значениях, в которых она употребляется.

1. Всякий возвратный глагол первоначально мог употребляться без местоимения *ся*, сѧ, как глагол простой, залога действительного или среднего; напр., теперь говорим *очутиться, жаловаться, намереваться, повиноваться;* в старину можно было сказать: *очутить,жаловать* (в смысле „жаловаться“), *намеревать, повиновать* и проч.

Примеч. 1. Напр., в Библ. 1499 г.: сиже въста даже не ѡчюти подрѹгъ его (в испр. пре́жде неже позна́ти мѹ́жъ по́дрѹга своегѡ̀, Руфь, 3, 14); „и не *очютиша* ихъ половцы“ (вар. *не почюша*), Лавр. сп. лет., 98; „князю же *очютивъше* т. е. очнувшись) попадъ мечь“, Новг. лет., 1,16; „*жалова* (т. е. жаловался) на кіяны“, „на насъ про то не *жалуй*“, Ипат. лет., 33 и 38; „он *намеревает* о сем скоро издать особое свое мнение в печать“, Всяк. всяч., 2; „и тут уж он себя во всем ей *повинует*“, Расск., 167 (неделя, 47). В обл. яз., в олон. былин. *покаять:* „мне своя душенька наб *покаяти*“ (свою душеньку надо б покаять), Рыбн., II, 258; но особенно в деепричастиях: пск. *оперёмши*, пск., тверск. *повадёмши*, сиб. *безумывчи*, вм. *опершись, повадившись, не умывшись;* у Кирши Дан. „*подымавши* (вм. *-сь*) они богу молятся“; „она плачет девица *убиваючи*“ (вм. *-сь*), 231, 304.

Таким образом, многие возвратные глаголы, употребляемые в значении средних, и доселе разлагаются на действительные с винительным падежом;

напр., *отваживаться* (т. е. отважить себя) и *отваживать кого;* напр., „он ее (т. е. жизни) никогда и не *отваживает*“, Ф. Виз., 160; *прогуливаться* и *прогуливать кого, что* и даже *прогуливать себя;* напр., „(купцы и конторщики) со всею возможною важностью *прогуливают себя,* свои английские фраки, жен, дочерей и скуку“, Бат., I, 341; *прохаживаться* и *прохаживать что;* напр., „(дамы) *прохаживают* скуку“, Всяк. всяч., 173; *согласиться* и *согласить кого;* напр., „*согласил* я Елеонору принять наш закон“, Похожд. Ив., 1,17.

2. Даже глаголы общие, ныне не употребляющиеся без винительного ꙁѧ, первоначально будучи действительного залога, могли обходиться без этого местоимения.

Примеч. 2. *Касать, коснуть* (откуда *касаться, коснуться*): в О. ев. коснѫ и въ ꙗꙁꙑкъ ѥго, Марк., 7,33; в Галицк. ев. 1143 г. прїношахоу к немоу дѣти да ѧ коснеть, 92 (в испр. да коснѐтсѧ ихъ, Марк., 10,13). В Библии 1499 г. косни бо все ѐже и҆ма҃, Иов, 1,11. — *Отчаять* (откуда нынешнее *отчаяться*): в Супр. рук. свѧтꙑи же божии конон ра҃ꙁоумѣвъ ꙗко отьчаꙗша ѥго, 23; оуже бо бѣхѫ отьчаꙗли своѥго живота, 116. У писателей XVIII в., напр. у Абл., „насилу ты приехал, а я тебя уж *отчаяла*“, 36. От этого действительного глагола происходят причастия: страд. наст. вр. *отчаем* и прош. вр. *отчаян,* откуда нынешнее прилагательное *отчаянный* (§ 55, примеч. 6). Впрочем, так как образование обоих глаголов восходит ко временам доисторическим, то многие из них оставили память о действительном залоге, от которого произошли, только в формах производных; так, глагол *надеяться* сохранил от действительного залога *надеять* (*на* и *деять*) только причастия страдательного залога и деепричастие действительного; а именно: прич. прош. времени—*надеянный,* ныне употребительное только в сложном *самонадеянный,* и в наст. времени — *надеемый,* употреблявшееся в старину; напр., в Супр. рук. радоуѭштесѧ о надѣѥмꙑихъ, 68; деепричастие: у Кирши Дан. „*надеючи* на свою родимую матушку“, 152.

Примеч. 3. В народном языке часто приставляется *-сь* (вм. *-ся*) именно в деепричастиях, которые в языке книжном и образованном употребляются без *-ся;* напр., в олон. былин. „не *едаючись* и не *пиваючись*“ (вм. „не *евши,* не *пимши*“), *идучись,* и даже *идутчись,* „а и видели старика *походючись*“, „*глядючись* на молодых“, Рыбн., I, 111, 232, 225, 301; II, 273.

3. Действительный глагол с местоимением *ся* теряет значение возвратного залога, когда не показывает уже прямого перехода действия на это местоимение. Так, напр., в глаголе *решаться на что-нибудь* еще заметен этот переход: *решать себя на что-нибудь;* но глагол *слушаться кого*—нельзя уже разделить на *слушать себя кого;* точно так же *молиться* не значит *молить себя,* — несмотря на то, что глаголы *слушать* и *молить* действительные. На этом основании в древнейших цс. памятниках вм. ꙁѧ употребляется си; напр., в Сп. Упиря: сꙁжалиси вм. сꙁжалисѧ, т. е. как бы *сжалить себе, сжалиться для себя;* слич. в послов. „как *постлался,* так и выспался“, т. е. как *постлал себе,* Даль, 181.

Примеч. 4. Уже в древнейших церковнославянских памятниках, напр. в О. ев., употребляются оба глагола: молити и молитисѧ.

Ломоносов употребляет *надеваться во что* вм. *надевать на себя что,* или *одеваться*; напр., „Ольга после горького плача *надевается* в светлое и брачному торжеству приличное платье“, III, 167; „древляне в праздничном платье цветно *надевшись* ...“, ibid. — Глагол *притворяться* употреблялся еще в XVIII в. как действительный и возвратный; в Похожд. Ив. „нищей лукавой, *притворяя себя всего* во гноищи“, 3, 91; „хотел еще *себя притворить* незнающим“, 2, 153.

4. Окончательно теряет свой смысл винительный падеж *ся,* сѧ, когда сочиняется с глаголом среднего залога: *стать статься (о)статься, светить светиться, синеть синеться.*

Примеч. 5. Уже в О. ев. свѣтитисѧ, блисцатисѧ вм. *свѣтити, блисцати* (т. е. блистать): и свѣть вь тьмѣ свьтитьсѧ; одѣние его бѣло блисцаѩсѧ. — Вместо *пасти,* т. е. *падать, пасть,* в древнейших памятниках употребляется пастисѧ; напр., в О. ев. падесѧ; в Супр. рук. выпадесѧ, 159; в сербск. пам. XIII в. выпадесе вь ямоу; в Библ. XVI в. и падесе колимогь (в испр. падѐ кѹ̈ща), Суд., 7, 13.

В старинном и народном языке многие средние глаголы сочинялись с вин. ѧ, *ся (сь);* напр., *княжиться, выступаться, постояться, лукавиться, гоститься, миноваться, отойтись:* „Володиславъ *княжится,* а ятровь мою выгналъ“, Ипат. сп. лет., 159; в Древн. русск. стих. „из той скамьи богатырския | *выступается* Иван гостинный сын“, 55; „*выступался* туто старой Бермята Васильевичь“, 159; „*постоялся* турецкой царь“, 311; „она ходит, *лукавится*“, 416; „хозяин гостю рад, просил садиться | и не *гоститься*“, Трут., 1, 92; „*минулось* уж два года“, Кант. Сат. 5; „а подражая лишь *минувшимся* годам“, Расск., 3; „*отойдись* ты прочь, игуменья с сестрами“, народн. песн.; в обл. яз. арх. *гниться* вм. *гнить.* — И наоборот, средние глаголы, ныне употребляющиеся только с *ся,* могли обходиться без этого местоимения; напр., *остать, поскользнуть* вм. *остаться, поскользнуться,* в Новг. лет. „грькы же и варягы изгнаша изъ града, иже бяхуть *остали*“ (вм. *осталися*), 1, 29; в Древн. русск. стих. „левая нога его *поскользнула*“, 62.

Так как язык допустил винительный падеж *ся* при среднем глаголе, то не нашел затруднения употребить оный даже при некоторых страдательных; напр., „как *соглашенось,* так и сделано“, Пересм., 3, 230; *решенось,* Анекд. древн. пошех., 87. Ср. в Супр. рук. покрываемосѧ, расѣдаемосѧ (см. Хр.). В олон. былин. „у меня три года как *сосватанось*“, „у меня за маленька да было *боротось*“ (т. е. было сосватано, с малолетства боролся), Рыбн., II, 55, 98.

Примеч. 6. Употребление возвратного местоимения в винительном падеже при глаголах средних замечается и в других языках; напр., в нем. sich erinnern, sich schämen, sich ruhen; во франц. se mèfier, se repentir, se taire, se moquer (в древнефранц. moquer qqun). Некоторые глаголы употребляются только с *se*, напр., se souvenir; другие — то удерживают, то отбрасывают это местоимение; напр., „*coucher* dans un lit“ и „le soleil *se couche*“.

5. В церковнославянском и древнерусском местоимение сѧ, *ся*, могло ставиться отдельно, и особенно перед глаголом, вместе с которым образует оно форму возвратного залога.

Примеч. 7. В Супр. рук., мѫкы сѧ боѭ (т. е. боюся) геоньскыѧ; что сѧ надѣюши (т. е. надеешься); в О. ев. ꙗко сѧ позна; не могѫть сѧ разорити кънигы; в испр. тексте уже по-нынешнему; ꙗ̆ко познасѧ; не мо́жетъ разори́тисѧ писа́нїе; в Лавр. сп. лет. „и сему *ся подивуемы*" (т. е. подивуемся), 101; в Новг. лет. „и тако *ся чужаше*" (от гл. *чуждаться*), 1, 22; в Юрид. акт. „гдѣ топоры *ся сѣкли*", под 1555 г.; „съ воры *ся* ему не *видити*", под 1615 г.; в послов. XVII в. „бѣденъ часто *ся озираетъ,* хотя и не ево кличютъ", „лиска лжотъ, да на хвостъ *ся шліотъ*", „куды *ся* ни *кинуть,* такъ по уши въ смолу".

В древнем языке, как в церковнославянском, так и в русском, *ся* опускалось при возвратном глаголе, следующем за другим возвратным; напр., в О. ев. да не съмѫщаютьсѧ срдце ваше ни оустрашаютъ (в испр. да не смꙋща́етсѧ се́рдце ваше, ни о ꙋстраша́ютъ, Ио., 14, 27); възвеселитижесѧ и възрадовати подобааше (в испр. возвеселитижесѧ и̑ возра́довати подоба́ше, Лук., 14, 32); да сѧ бѫдѫ ꙗвили члкомъ постѧще (в испр. да ꙗватсѧ человѣ́комъ постѧ́щесѧ, Матф., 6, 16); тогда начѧтъ ротитисѧ и клѧти (в испр. тогда̀ нача̀тъ роти́тисѧ и̑ клѧ̀тисѧ, Матф., 26, 74). Из приведенных примеров явствует, что нынешний исправленный текст Св. писания иногда согласуется с древнейшим, иногда же отступает от него, употребляя *ся* и при втором возвратном глаголе. Случается опущение *ся* при втором возвратном и в народном языке; напр., в песнях начала XVII в. „ино мнѣ постритчися *не хочетъ*" (вм. *не хочется*).

6. Употребление возвратного глагола в значении среднего, взаимного, страдательного или собственно возвратного залога зависит от смысла, данного этому глаголу в предложении. Так, напр., *драться* в предложении: „больно дерется" (т. е. силен в драке) есть глагол средний, а в предложении: „дерется с неприятелем" — глагол взаимный; *умываться* в предложении: „он каждое утро умывается" (т. е. умывает себя) — глагол возвратный, а в предложении: „лицо умывается (т. е. бывает умываемо) холодною водою" — глагол страдательный.

Глагол возвратный с течением времени может изменять свое значение, т. е. переходить из одного залога в другой.

Примеч. 8. Напр., *послаться* и *посылаться* теперь залога страдательного (= быть послану), а прежде среднего; напр., в Ипат. лет. „и *послася* (вм. *послал*) Изяславъ къ Ростиславу", 37; „галичане же вси и Судиславъ *послашася* (т. е. послали) по Даніила", 160; *прощаться* — теперь залога взаимного, а прежде среднего; напр., в Древн. русск. стих. „втапоры княгиня *прощалася* (т. е. просила прощения), | что нанесла речь напрасную", 239.

Собственно возвратный глагол означает явственное обращение действователя на него самого и для того переносит ударение на возвратное местоимение, тогда вм. древнейшего и слитного *ся* требует при себе позднейшего и отдельного винительного падежа

себя, чем и отличается от залога страдательного или среднего; напр., *называть себя* — глагол возвратный, *называться* — страдательный; *жжет себя* — возвратный, *жжется* — средний (напр., „крапива *жжется*").

Примеч. 9. Писатели весьма часто употребляют возвратные глаголы с *себя;* напр., Карамз. „между прочими *отличал себя* один адвокат", II, 454; „один Марко Ефесский *явил себя* достойным служителем Христовым", ИГР, V, 289.

Примеч. 10. В нем. языке с ударением на глаголе, напр., „ich nénne mich" — глагол средний и страдательный, т. е. *называюсь;* с ударением на местоимении — глагол возвратный: „ich nenne mích" — *называю себя.*

§ 178. В. Залог взаимный.

Взаимный залог может быть выражен в форме не только возвратного, но и действительного глагола; напр., *сражаться с кем, разговаривать с кем.*

Примеч. 1. Потому взаимные глаголы, ныне употребляющиеся с возвратным *ся,* в старину могли обходиться без этого местоимения; напр., *советовать с кем* вм. *советоваться:* „о всемъ *совѣтовати* съ мужемъ", Домостр.; „о пропорции приема (т. е. лекарства) должно *советовать* с врачами", Парн. щеп., 1, 237; „для того *советовал* Миной долго сам с собой", Всяк. всяч., 235; у Дмитр. „народ *советовать* собрался", III, 68; в песн. „кто бы стал со мной *советати*", Чулк., 2, 163. — И наоборот, принятые в общее употребление взаимные, в форме действительного залога, слагаются с *ся* в древнерусском и народном; напр., *воеваться* вм. *воевать:* „не *воюеться* съ Мьстиславичи", Ипат. лет., 19; „как-то нам будет *воеваться* с ним?", народн. песн.; в арх. *воеваться* вм. *воевать.*

Собственная форма взаимного глагола есть возвратная. Действительный или средний глагол тогда только получает значение взаимного, когда по самому смыслу своему показывает взаимное действие двух или нескольких предметов; напр., *воевать, спорить.* Но когда глагол в форме действительного залога сам по себе не означает взаимного действия, тогда для перевода такого глагола в залог взаимный присовокупляется к форме действительного залога местоимение *ся;* напр., *бить кого* и *биться с кем; сходить* и *сходиться с кем, с чем.*

Примеч. 2. И в других языках взаимный залог образуется помощию возвратного местоимения *ся;* напр., во франц. les deux hommes *se battoient, se disoient* des injures.

Примеч. 3. В древнерусском языке свободнее нынешнего приставлялось к форме действительного глагола местоимение *ся* для означения залога взаимного; напр., *сождаться с кем-нибудь:* „*сождася* съ переяславци", Продолж. Лавр. сп. лет., 161; *ссечься:* „гдѣ топоры *ся ссѣкли*", Юрид. акт. под 1555 г. (т. е. то место в лесу, где соседи, вырубая лес, с двух сторон сходятся, где

топоры ссекаются друг с другом); *красться*, т. е. обкрадывать друг друга: „промежъ бы себя не *кралися*“, Домостр.

При возвратном глаголе предметы, поставленные во взаимное действие, обозначаются двояким образом: или 1) предлогом *с;* напр., *драться с* кем, *говорить с* кем, или 2) возвратным местоимением *себя* с предлогом *между* или *меж: между собою, меж собою, между себя, меж себя;* напр., *перекликаться между собою, говорить между собою.* Вместо *между собою* употребляется также *друг с другом.*

Примеч. 4. Напр., 1) С предлогом *с:* „а стал он *водиться с* посадскими людьми“, Древн. русск. стих., 270; „весь народ начал *разговаривать друг с другом*“, Ф. Виз., 349; „любит *обходиться с* авторами“, Карамз., II, 453; „они *сползлись друг с другом* и обнялись“, Пушк., V, 43. 2) С предлогом *между* или *межу, меж, межи, промеж:* в Библии 1499 г. и поздравлахуся промежь собою; на полях объяснение: и целовахуся (в испр. и поздравляху друг друга, 1 Мак., 7, 29); „хто *промежъ себя подеретца*“, Шуйск. акт. под 1622 г.; „и *межу собою* онѣ слово *говорили*“, песн. начала XVII в.; у Карамз. „*меняются между собою* новыми книгами“, II, 125; „которые (т. е. девушки) *между собою играли*“, II, 283; „свободно *разговаривают между собою*“, II, 658; у Крыл. „потом *взглянулись меж собой*“, 145; у Пушк. „сначала оба племени *враждовали между собою*“, V, 2; „все *обходились между собою* как товарищи“, VII, 160; „стали осматривать деревья, *перекликаясь между собою*“, VIII, 259; „стали *прощаться между собою*“, X, 178. — Слич. франц. ils s'entr aident, ils s'aident l'un l'autre.

Примеч. 5. Равномерно имена и наречия, означающие сходство или различие, сочиняются с предлогом *с* или *между;* напр., „не скажет, что люди все *меж* собою *сходны*“, Кант., Сат. 5; „всякий ученый есть гонитель всех тех, кои *розно с* ним думают“, Ф. Виз., 375; „вам подобные видом, но *с* вами *различного* свойства“, Жук., V, 204; „мне нужен конь, *со* мною *равный* силой“, Жук., VI, 28; „не столь *различны меж собой*“, Пушк., I, 40.

§ 179. Г. Залог страдательный.

Славянский язык, равно как и другие новейшие языки (французский, немецкий), имеет для страдательного залога только причастия (§ 88), в спряжении же пользуется описательными выражениями, состоящими из причастий с глаголом вспомогательным (§ 167).

Употребление страдательных причастий, особенно прошедшего времени, так распространено в нашем языке, что они могут быть производимы не только от действительных, но и от средних глаголов (§§ 55 и 176); напр., *угасать (не)угасаемый, бывать бываемый, сидеть сижено* и проч.

Примеч. 1. От глаголов *стоить, сиживать, намерить* (вм. *намериться* т. е. определить, назначить) употреблялись причастия: *стойный, сиживан, намеренный* (откуда *намерен*): „оцѣнити людемъ добрымъ попряму, чего

земля *стойна*", Юрид. акт. под 1551 г.; „седелечко новое *несиживаное*" (т. е. на котором никто еще не сидел), Дух. стих., 1, 33; „(ехать) к *намеренным* островам" (т. е. к тем, к которым вознамерились ехать), Пс. ох., 46.

Причастие страдательного залога *бываемый* в смысле производимого, являемого употреблено, напр., в следующем месте Супр. рук.: **видаште силы бываемыѧ богомь**, 4 (§ 55).

В языке книжном употребляется много причастий страдательных, произведенных от глаголов средних, или таких действительных, которые теперь употребляются не с винительным падежом. Напр., у Ф. Визина „все места от Лоретты до Болоньи прекрасны, но *обитаемы* беднейшими людьми", 461; во Всяк. всяч. „действия и кривления нескольких для того нарочно *заплаченных* (т. е. нанятых) людей, чтоб им других забавлять", 284; в Трут. „человек, *обладаемой* сим пороком (т. е. леностью), недостоин соболезнования", 4; "ежели хорошо *услужен* быть хочет" (т. е. чтобы хорошо ему услуживали), 41; у Карамз. „если ты уступишь мне Эстонию, *угрожаемую* Сигизмундовым властолюбием", ИГР, XI, 34; „какая есть всеобщая цель бытия нашего, равно *достижимая* для мудрых и слабоумных", с следующим примечанием самого Карамзина: „то есть, до которой достигнуть можно: я осмелился по аналогии употребить это слово", II, 243; у Жук. „*помогаемый* сыном" (т. е. которому помогает сын), в перев. Одиссеи, 22, 141; у Пушк. „*предшествуем* хоругвями святыми", I, 268; „сия обширная и богатая губерния *обитаема* была множеством полудиких народов", VII, 125; „оставаться ей в крепости, подвластной Пугачеву и *управляемой* Швабриным, было невозможно", VII, 211; „сделала мне несколько вопросов, на которые отвечал я с почтением, *подобаемым* его званию и росту", VIII, 150; „(взводы) *начальствуемые* одним подполковником", XI, 306.

Большая часть этих выражений объясняется влиянием иностранных языков, и преимущественно французского, в котором многие из относящихся сюда глаголов употребляются в действ. залоге и потому имеют причастие страдательное, как напр. servir, menacer. Слич. у Озер. „но алчные тираны, | едва возникшие, *наш угрожают край*", 136.

Страдательный глагол может быть или определенный, т. е. при лице действующем, напр. „любим всеми", или неопределенный, т. е. без означения лица действующего, напр. „дом строится". Лицо действующее поставляется или в творительном падеже, напр. „и встречен Веспер петухом", Пушк., I, 156; или с предлогом *от*, напр. „облеченный властию от самозванца", Пушк., VII, 171.

Примеч. 2. В древнем и народном языке весьма часто обозначается предлогом *от* лицо действующее при страдательном залоге; напр., в Ипат. сп. лет. „да не *язвени* будутъ вои *отъ* гражданъ", 182; в Древн. русск. стих. „что быть змею *убитому* | *от* молода Добрынюшки Никитича", 347; „*потерян* мой сын царевич Дмитрий Иванович | на Угличе *от тех от* бояр Годуновых", 104.

Примеч. 3. В XVIII в. некоторые писатели употребляли в этом случае, по свойству чужих языков, предлог *чрез;* напр., „сия книга *сочинена, переведена через* Ивана Иванова" (Барс.).

§ 180. Важнейшие формы для выражения страдательного залога, в церковнославянском и русском, суть следующие:

1. Описательные формы, состоящие из вспомогательного глагола с причастием страдательного залога, в церковнославянском — настоящего и прошедшего времени, в русском разговорном — только прошедшего, а в книжном, по влиянию церковнославянского, обоих времен. Напр., в цс. вьсıако оубо дрѣво еже не творить плода добра посѣкаѥмо бываѥть и въ огнь въметаѥмо, О. ев., Матф., 3, 10. — В русском разговорном: „что *сказана* мне молодцу служба царская", Прач., 55.

Примеч. 1. В Древн. русск. стих. „все вы в Киеве *пережененьі*", 85; „то ведь шуточка *пошучена*", 99; „не корыстна у нас шутка *зашучена*", 113; „булавами буйны головы *пробиваны*", 156.

2. Недостаток самостоятельного спряжения страдательного глагола восполняется у нас употреблением возвратной формы в смысле страдательного залога; напр., „дом строится" вм. „дом строим есть".

Примеч. 2. Равномерно и в других новейших языках (во французском, немецком) возвратная форма употребляется в значении страдательного залога; напр., „cela ne *s'oublie* jamais", „ich *nenne mich*" (вм. „ich werde genannt").

Примеч. 3. Славянские переводчики Св. писания перелагали греческие страдательные глаголы иногда описательными выражениями, состоящими из вспомогательного глагола с причастием; напр., осѫждень ѥсть, осѫждень бѫдеть κέκριται, осѫждень бѫдеть κατακριθήσεται, О. ев. 12 г, 50 а, 171 в, 205 б, в; но гораздо чаще и обыкновеннее — формами возвратного залога; напр., в О. ев. двигни сѧ и вьврьзи сѧ вь море — ἄρθητι καὶ βλήθητι εἰς τὴν θάλασσαν (Марк., 11, 23); въздери сѧ и вьсади сѧ вь море — ἐκριζώθητι καὶ φυτεύθητι ἐν τῇ θαλάσσῃ; в испр. восторгни сѧ ,и всади сѧ въ море, Лук., 17,6. Иногда один и тот же страдательный оборот выражается то страдательною, то возвратною формою; напр., в испр. тексте: претерпѣвый же до конца, той спасенъ будеть, Марк., 13, 13; в другом месте: претерпѣвый же до конца, той спасется, Матф., 24,13; в О. ев. также возвратная форма: прѣтрьпѣвы же до коньца, ть сьпасеть сѧ; равно как и в Супр. рук. нь иже сьтрьпить до коньца, ть сьпасеть сѧ, 51; в подлиннике ὁ δὲ ὑπομείνας εἰς τέλος, οὗτος σωθήσεται. Сверх того, переводчики иногда обращали страдательный оборот греческий в славянский действительный; напр., в О. ев. приведоша ѥмоу дльжьникь ѥдинь — προσηνέχθη αὐτῷ εἰς ὀφειλέτης (в испр. приведоша ему единаго должника, Матф., 18, 24); ıако осѫдиша и ὅτι κατεκρίθη (в испр. также: ıако осудиша его, Матф., 27,3).

В переводе страдательного залога греческого на славянский язык наши тексты различествуют; так, страдательный залог Остромирова списка изменяется на действительный в позднейших: нарѣчено бысть имѧ ѥмоу Іс, а в Реймск. ев. нарѣша, в испр. нарекоша имѧ ему Іисъ ἐκλήθη τὸ ὄνομα αὐτοῦ Ἰησοῦς, Лук., 2,21. — И наоборот, действительный залог (для выражения страдательного в греческом подлиннике) — в позднейших текстах передается возвратным; напр., в О. ев. вьсако оубо дрѣво. не творѧщеѥ плода добра. посѣкаѭть и вь огнь вьмѣтаѭть. и сьгараѭть; а в Реймск. ев. посѣчеть сѧ, вьмещеть сѧ, равно как и в испр. посѣкаетсѧ и во огнь

вметается; в подлиннике ἐκκόπτεται καὶ εἰς πῦρ βάλλεται, Лук., 3,9. Замечательно, что в Остромировом списке для ясности при действительном обороте речи, не вполне выражавшем смысл подлинника, прибавлено выражение: и съгараютъ, которого нет ни в греческом, ни в исправленном тексте.

Примеч. 4. В старинном народном языке употребляются иногда такие возвратные формы, в которых соединяется значение взаимного залога с страдательным; так, напр., *вестися,* в следующей пословице XVII в.: „слѣпецъ слѣпца *ведутся,* а оба въ яму впадутся".

Примеч. 5. В древнерусском иногда опускается *ся* в возвратных формах значения страдательного; напр., в Сл. о полку Игор. „Ярославнынъ гласъ *слышитъ*" (вм. *слышится*); в Юрид. акт. „и князь Данило возря въ грамоты, и въ грамотѣ въ данной *пишетъ*" (вм. *пишется,* т. е. написано), 1485—1505 г.; в Расск. „по родословной их в архиве *значит*" (вм. *значится*), 189.

Этим формам *пишет, значит* (вм. *написано, значится*) соответствует старинная средневековая формула, употреблявшаяся писцами в конце статей, именно explicit вм. explicitum est. Равномерно на французских рукописях встречаются формулы в начале и конце статей: „ici *commence*", „ici *finit*". Немцы и теперь говорят: „hier *fängt* das buch *an*", „hier *endet* die handschrift", „das spiel *beginnt*", „das lied *hebt an*", „die erzählung *schlieszt*" (вм. *beginnt sich, schlieszt sich, wird begonnen, geschlossen*). Во франц. выражении: „*sauve* qui peut!" (salvetur qui potest), также употреблена вместо возвратной действительная форма в смысле страдательной. То же должно сказать о немецком безличном глаголе es gibt (datur).

3. Так как форма возвратного залога может иметь значение и среднего, и страдательного, напр. *спастися*; то, по сближению залогов страдательного с средним, последний может употребляться в значении первого, при лице действующем, означенном или творительным падежом, или предлогом *от;* напр., в Пск. лет. „вся поднебесная *осіяла* молніею", 109; в Древн. русск. стих. „*залегла* та дорога тридцать лет *от* того Соловья разбойника", 357.

Примеч. 6. Употребление и значение различных залогов в глаголе безличном см. в § 200.

2. ВИД

§ 181[40]. Видами глагола означается продолжение или совершение, многократность или однократность и мгновенность действия; напр., *хватать, хватить, хвать; блистать, блестеть, блеснуть; быть, бывать; знать, знавать; смотреть, посмотреть; знать, узнать, узнавать* и проч.

По видам глаголы делятся на три отдела:

1) Одни означают продолжение действия; напр., *дую, стою, иду, хожу, лечу, летаю* и проч.

2) Другие означают совершение, однократность и мгновенность действия; напр., *дуну, стану, приду.* Сюда же принадлежат краткие формы: *хвать, глядь* и др.

3) Третьи означают многократность, а также и отдаленность действия; напр., *бывал, говаривал, знавал.*

Глаголы первого отдела именуются продолженными, второго — совершенными и однократными и третьего — многократными.

Примеч. 1. Об этимологических формах видов и отношении их ко временам см. §§ 53 и 89.

Глаголы продолженного вида легко отличаются от глаголов совершенного и однократного тем, что первые в форме изъявительного наклонения настоящего времени имеют значение настоящего времени, а последние — будущего; напр., продолженного вида: *сижу, ем, плыву, дую;* совершенного: *сяду, дам, поплыву, дуну.*

Краткие неизменяемые формы, напр. *бац, глядь, хвать,* составляя сказуемое в предложении и выражая залог, действительный или средний, вовсе не означают времени, а показывают только мгновенность действия, в какое бы время ни совершалось оно, в настоящее, прошедшее или будущее.

Примеч. 2. Напр., у позднейших писателей: у Крыл. „подруга каждая тут тихо *толк* подругу", 23; у Пушк. „Татьяна *прыг* в другие сени", I, 86; (о коте и мышке) „разинет когти хитрых лап | и вдруг бедняжку *цап царап*", II, 253.

Сверх того, видами означается действие или 1) вообще, т. е. отвлеченно; напр., *птица летает, рыба плавает, человек ходит* (т. е. во всякое время имеет способность летать, плавать, ходить); или 2) наглядно, т. е. с означением известного времени — настоящего, прошедшего или будущего, и какого-либо направления действия, совершения, однократности или многократности; напр., *птица летит, рыба плывет, человек идет, полетит, улетит, полетает, придет, хаживал* и проч.

Глаголы продолженного вида означают действие и отвлеченно, напр., *водить, носить, ходить, плавать;* и наглядно, напр. *вести, нести, идти, плыть.*

Глаголы совершенного и однократного, а также и многократного вида означают действие только наглядно. Так же наглядно означают действие и краткие формы: *глядь, хвать* и др.

Первообразные глаголы бывают или продолженного вида, напр. *ем, веду, несу;* или совершенного, напр. *дам, сяду, лягу.*

Глаголы продолженного вида получают отвлеченное значение тогда, когда через имена происходят от глаголов значения наглядного; напр., *вед-у вод вод-ить, вез-у воз воз-ить* (§ 30). Эти глаголы, при отвлеченном значении, могут иметь и наглядное, именно показывают продолжение действия; напр., *летает* — не только имеет способность летать вообще, но и часто или постоянно летает.

Наглядное значение дается глаголам или особенными суффиксами (§ 53), или же предлогами, как такою частью речи, которая придает действию известное направление; напр., *идти, прийти, найти, пойти.*

Так как в образовании видов и залогов язык пользуется в некоторых случаях одними и теми же средствами, именно усилением, или подъемом звуков, и предлогами (§§ 52, 53, 162); то глагол с переменою залога, именно помощию предлога, изменяется и в виде; напр., *лежу отлежу, иду найду.*

Особенно замечателен в этом отношении переход действительных, и преимущественно средних, в возвратные, взаимные и общие, при изменении вида продолженного в совершенный; напр., *шуметь дошуметься, бегать добегаться, говеть изговеться, глядеть наглядеться, говорить наговориться, молчать намолчаться, терпеть натерпеться, слышать ослышаться, бить отбиться, стоять отстояться, мочь перемочься, идти сойтись, разойтись, ехать разъехаться, миловать смиловаться, ходить уходиться* и мн. др.

Примеч. 3. В народном языке; напр., „*навстается* лебедь белая, | в чужой дальней сторонушке", песн. — В изд. Чулк. „ах вы, очи, очи ясные, | вы глядели, да *оглянулися;* | смотрели, да *осмотрелися*", 1,141.

Глаголы, ныне употребляемые в книжной и образованной речи, суть отрывочные остатки обширной системы видов, развитой в большей целости в историческом течении языка и частию сохранившейся в областных говорах.

Примеч. 4. Так, напр., теперь употребляем многократные формы *пиваю, едаю* или в прош. вр. *пивал, едал,* или с предлогами, в значении продолженных глаголов (§ 89): *испиваю, съедаю;* в старинном же и народном языке находим и деепричастие наст. времени: *пиваючи, едаючи;* напр., в Древн. русск. стих. „он бьется, дерется целый день, не *пиваючи,* не *едаючи*", 258; в Дух. стих. „он и бился, рубился дванадсять суточек, не *пиваючи,* не *едаючи*", 1,57—58. — Глагол *просить* ныне имеет при себе форму *прошать* только в предложном *вопрошать;* а в Древн. русск. стих. встречаем: „*прошают* у него святую милостыню", 228. — Глаголы *иму* и *имаю* остались только в сложных *возьму, по-ймаю,* но в церковнославянском и в древнерусском они употреблялись, а в областном и доселе употребляются: волог., костр., яросл., нижег. *иму* — буду, стану; пск., олон., пермск., вятск., яросл., сиб. *имать* — ловить.

3. ВРЕМЯ

§ 182. Времена наших глаголов различаются по видам и по составу. Виды входят в самое существо времен; состав касается внешней формы оных. Вид означает продолжение или совершение действия прошедшего или будущего. — По составу времена бывают простые, напр. *терплю,* и сложные, состоящие из описательных форм, напр. *буду терпеть.*

А. Формы действительного залога

а) Настоящее и будущее времена

§ 183. Так как глагол получает значение настоящего или будущего времени по различию вида продолженного или совершенного и однократного, то употребление одного времени вм. другого объясняется употреблением одного вида вм. другого.

1. Уже в древнейших памятниках церковнославянской письменности виды продолженный, совершенный и однократный смешиваются между собою, чтó явствует из употребления настоящего времени вм. будущего и будущего вм. настоящего. Такое смешение видов и времен частию удержалось и в исправленных текстах, частию же изменено по более строгому различию времен и видов, в соответствие временам греческого подлинника.

Примеч. 1. Напр., в О. ев. в сличении с нынешним текстом: а) Настоящее вм. будущего: югда же състарѣюшися. въздежеши рѫцѣ твои. и инъ тѧ поѩшеть и ведеть тѧ; в испр. также: поѧ́шеть и҆ веде́ть (вм. *опояшет* и *поведет*, или *будет водить*), καὶ ἄλλος δε ζώσει καὶ οἴσει, Ио., 21,18. оуготоваи уьто вечерѩѫ (вм. вечерѩѫ) в испр. также: оуготóвай что̀ вечеря̀ю (вм. *повечеряю*, или *буду вечерять*), ἕτοίμασον τί δειπνήσω, Лук., 17,8. Но иногда остромирово настоящее в новом, тексте исправлено, согласно греческому тексту, на будущее и вместе с тем вид продолженный на совершенный; напр., сльньце мьркнеть и лоуна не дасть свѣта своюго; в испр. сѡ́лнце помéркнеть и҆ луна̀ не да́сть свѣ̀та своегѡ̀ — ὁ ἥλιος σκοτισθήσεται, Матф., 24,29; и азъ вы покоѭ; в испр. и҆ а҆зъ оу҆поко̀ю вы — χἀγὼ ἀναπαύσω ὑμᾶς, Матф., 11,28. — б) Будущее вм. настоящего: и своѩ овьцѧ глашають по имени и изгонить ѩ, в испр. также: и҆ и҆зго́нить и҆хъ (вм. *изгоняет*) — καὶ ἐξάγει αὐτά, Ио., 10,3. Иногда остромирово будущее изменено, согласно греческому подлиннику, в исправленном тексте, на настоящее и вид совершенный на продолженный; напр., нынѣ отьпоустиши раба твоюго влко; в испр. нынѣ ѿпуща̀еши раба̀ твоегѡ̀ влдко — νῦν ἀπολύεις τὸν δοῦλόν σου, δέσποτα, Лук., 2,29.

Сверх того, смешение видов в древнейших памятниках оказывается: а) в употреблении одного и того же глагола то в продолженном, то в совершенном виде; напр., в О. ев. послоушають настоящего (23 а, б, 40 в, 182 в) и будущего времени (56 а, б); б) в употреблении форм продолженного и совершенного вида в одном и том же значении; напр., в О. ев. от глагола варити наст. варѭ (159 б) и от варѩти также наст. варѩють (18 б); в испр. в обоих случаях вид продолженный: варя̀ю, варя̀еть, Матф., 26, 32; Марк., 16,7.

2. Замечательное смешение видов оказалось в глаголах *дам* (цс. дамь) и *даю,* из которых первый вида совершенного, второй продолженного; почему уже в древнейших памятниках, напр. в О. ев., первый имеет смысл будущего времени, а второй — настоящего. В церковнославянском, при дамь, неопределенное наклонение дати вида совершенного, а при даѭ — даꙗти — вида продолженного; у нас же при обоих только *дать*; что же касается

до даıати, то ему соответствует наше многократное *давать*. В повелительном наклонении от обеих форм, и от *дам* и от *даю*, у нас только одна *дай, дайте;* в древнем же языке от совершенного дамь — повелит. наклонение даждь, дадитє, от даıѫ — даи, даитє — первая форма соответствует нынешней *дай, дайте*, а последняя — *давай, давайте*.

Примеч. 2. Напр., в Лавр. сп. лет. *чл҃ка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не даите имъ надъ собою власти*, л. 80. — В О. ев. уже употребляется повелительное даи, вместо которого в нынешнем тексте даждь (268 в, Матф., 30,8).

Так как по этимологическому составу будущее дамь ничем не отличается от настоящих вѣмь, ıамь и др.; то ясно, почему часто употреблялось оно в смысле настоящего.

Примеч. 3. Напр., в юрид. памятниках с XIV в. и в позднейших в новгородских данных XIV и XV в. „се *дастъ* (вм. *дает*) Иванъ Михайловичъ и жена его"... „се *дастъ* (вм. *дает*) посадникъ Великаго Новагорода..."; в Правой грамоте 1483 г. „игуменъ Лаврентей и старцы Кузмодемьянскіе насъ шестой части въ Перервѣ рѣки лишаютъ, а проѣзду намъ не *дадутъ*" (вм. не *дают*) — „отвѣчайте, почему вы игумена Тарасья и старцовъ Свѣтогорскихъ въ Перервѣ рѣки лишаете шестой доли, а проѣзда имъ не *дадите*" (вм. не *даете*); и даже предложный глагол *отдать* — в смысле настоящего; напр., в Юрид. акт. под 1511 г.: „азъ у нихъ ту деревню выкупаю, и они мнѣ, господине, тое деревни не *отдадутъ* (вм. не *отдают*), а денегъ не *возмутъ*" (не берут).

3. Некоторые глаголы, утратив продолженный вид, употребляются только в форме вида совершенного, но в значении продолженного, а потому форме будущего времени дают смысл настоящего; напр., в церковнославянском: совершенный вид крьстити откуда будущее время крьщѫ, и продолженный вид крьщати откуда настоящее крьщаѭ; но теперь *крещать, крещаю* вовсе вышло из употребления в общепринятом и в книжном языке, совершенному же виду *крестить* дается значение продолженного, почему и *крещу* имеет смысл настоящего времени.

Примеч. 4. Напр., в О. ев. совершенный вид крьстити употребляется в смысле будущего времени: тъ вы крьстить д х҃ьмь с҃тымь; также и в испр. то́й вы кр҃тит д҃хомъ ст҃ымъ — αὐτὸς ὑμᾶς βαπτίσει ἐν Πνεύματι Ἁγίῳ, Матф., 3,11; а продолженный крьщати — в смысле настоящего: тъ крьщаѥть. и вьси градѫтъ къ нѥмоу; также и в испр. се́й крести́тъ — οὗτος βαπτίζει, Ио., 3,26.

4. Некоторые глаголы теперь причисляются к совершенному виду, но в старинном языке и даже иногда в новом, у писателей, употребляются в продолженном виде и, следовательно, в настоящем времени вм. ныне употребительного будущего. Таковы глаголы: *купить куплю, решить решу, кончить кончу*.

Примеч. 5. Напр., а) *купить:* в Новг. лет. „почахомъ *купити* (вм. *покупать*) хлѣбъ по 8 кунъ“, 1,46; в пословицах XVII в. „мыло *купятъ* (вм. *покупают*) на лишнюю денежку“, „продаютъ товаръ збойствомъ, а *купятъ* (вм. *покупают*) назойствомъ“. б) *Решить:* у Карамз. „в тогдашние времена поединок *решил* (вм. *решал*) судьбу обвиняемых“, II, 534; у Жук. „сие великое событие навсегда *решит* (вм. *решает*) судьбу нашего отечества“, IV, 268. в) *Кончить:* Бат. „в последней октаве стихотворец повторяет все подробности и *кончит* (вм. *кончает*), как мастер“, I, 243; „в Террачине *кончится* (вм. *оканчивается*) Европа“, I, 361. — И доселе иногда употребляется *кончиться, кончится* вм. *оканчиваться, оканчивается.*

5. Из предыдущего ясно, почему в современном языке есть такие глаголы, которые равно употребляются и в продолженном и в совершенном виде, таковы: *велеть, женить, казнить,* от которых формы изъявительного наклонения: *велю, женю, казню,* употребляются и в настоящем, и в будущем времени.

§ 184. Замена настоящего времени будущим и, наоборот, будущего настоящим объясняется тем, что язык, в этом случае, отличает не времена, а виды. И продолженные, и совершенные или однократные глаголы собственно имеют только настоящее время — первые продолженное, вторые — совершенное или однократное. Собственно настоящим временем бывает только продолженное; совершенное же и однократное употребляются для означения или настоящего или будущего.

Употребление настоящего времени однократного или совершенного составляет особенность живой, народной речи.

Примеч. 1. В Сл. о полку Игор. „*млъвитъ* Гзакъ Кончакови“ (т. е. говорит или сказал); у Ф. Виз. „*продаст* постель, платье, и побрел просить милостыни“, 440; у Крыл. „лишь он (петух) *вспоет* — старуха встала“, 161; у Пушк. „волшебник гордому Руслану | коварно *молвит:* слушай, князь“, II, 81.

На свойстве видов основывается в нашем языке сопоставление не только настоящего с будущим (т. е. продолженного настоящего с совершенным и однократным), но и настоящего и будущего с прошедшим; причем обращается внимание не на различие во временах, а на соответствие видов.

Примеч. 2. Напр., в Древн. русск. стих. „дружина *спит,* так Волх не *спит:* | он *обернется* ясным соколом, | *полетел* он далече во сине море, | а *бьет* он гусей, белых лебедей“, 48; „и *едут* неделю уже другую, | и *будут* они в Золотой Орде“, 89; „(Ставрова жена) *вытягала* лук за ухо, | *хлеснет* по сыру дубу, | *изломала* его в черенья ножевые“, 130; „и *будет* Иван во Чернигове, | а у Дмитрия гостя богатого, | *скачет* Иван среди двора, | *привязал* коня ко дубову столбу, | *походил* он во гридню светлую, | к Дмитрию гостю богатому, | спасову образу *молится,* | Дмитрию гостю не *кланяется*“, 140; „(Владимир князь) *наливал* чару зелена вина в полтора ведра, | и турий рог меду сладкого в полтретья ведра, | *подносил* Михайле Казарянину; | *принимает*

он Михайло единой рукой, | и *выпил* единым духом", 213; „а и *будет* он татарин в Киеве, | среди двора княжеского, | *сскакал* татарин с добра коня, | не*вяжет* коня, не *приказывает*", 243; „и только Илья слово *выговорил*, | *оторвется* глава его татарская, | *угодила* та глава по силе вдоль, | и *бьет* их, *ломит*, в конец *губит*", 250. В народн. песн. „*махнет* Илейко ручкой правою, | *поскользит* у Илейка ножка левая, | *пал* Илья на сыру землю". В песн. по изд. Чулк. „*вынимает* молодец саблю острую свою, | *срубил* красной девице буйную голову, | и *бросил* он ее в Дон во быструю реку", I, 129; „Никита Романович *испугается*, | *садится* на лошадь водовозную, | скоро *скачет* на болото жидкое", II, 121. У писателей: у Дмитр. „он (голубь) ко травке *прилегает*, | носик в перья *завернул*; | уж не *стонет*, не *вздыхает*; | голубок навек *уснул*! | Вдруг голубка *прилетела*, | приуныв издалека; | над своим любезным *села*, | *будит, будит* голубка", Дмитр., II, 28—29. У Жук. „и вдруг — она *трепещет, охладела*, | и *пала* в руки жениха", IV, 165; у Пушк. „не *шевелится*, не *дохнет*", I, 126; „он знак *подаст*, и все *хлопочут*; | он *пьет*, все *пьют* и все *кричат*; | он *засмеется*, все *хохочут*; | *нахмурил* брови, все *молчат*", I, 127.

§ 185[41]. Глагол продолженного вида может быть постановлен в будущем времени только в описательной форме, состоящей из неопределенного наклонения этого глагола с вспомогательным, постановленным или в будущем времени: *буду, стану, начну*, или в настоящем: *хочу, имею*; напр., *буду говорить, стану говорить, начну говорить, хочу говорить, имею говорить*.

Эти вспомогательные глаголы, по различию в значении и видах, дают различное значение будущему описательному, а именно:

1) *Стану* и *начну*, сами по себе означая вид совершенный, придают оный и употребленному при них в описательной форме глаголу, и притом, по самому значению своему, показывают начало действия.

Примеч. 1. В О. ев. будущее описательное выражается уже вспомогательными: начьнѫ или вьчьнѫ; напр., нерадити начьнеть — καταφρονήσει (также и в испр., Матф., 6,24); небрѣщи вьчьнеть — καταφρονήσει (в испр. нерадѣти начнеть, Лук., 16,13).

2) *Хочу* и *имею*, означая настоящее время, и в будущем описательном показывают намерение, расположение и повод, представляющиеся в настоящее время для совершения какого-либо действия в будущем: *хочу говорить, имею говорить* (т. е. теперь).

Примеч. 2. Собственно будущее время означается глаголами *хочу* и *имею* (или особенно *иму*) тогда, когда эти глаголы, теряя свое самостоятельное значение, подчиняются глаголу спрягаемому. Таким образом, в сербском составляется будущее описательное помощию глагола *отю* или *тю* (т. е. хочу), прибавляемого к спрягаемому глаголу; напр. *йгра-тю, йгра-теш, йгра-те, йгра-темо, йгра-тете, йгра-те* (т. е. буду, будешь, будет, будем, будете и будут играть). В болгарском есть две формы будущего, сложенные с *хочу*: (*ште*, т. е. ще) *ште да думам* и *дума-штем* (т. е. хочу или буду думать). В древнерусском будущее описательное с *хочу* также означало только будущ-

ность; напр., у Нест. по Лавр. сп. лет. „*благословити* тя *хотять* сынове рустии (т. е. благословят) в послѣдний родъ внукъ твоихъ", „лютъ се мужь *хоче быти*" (т. е. будет жесток); в Ипат. сп. лет. „како я *хочю молвити*" (т. е. скажу, буду говорить), 1. — Равномерно и украинское наречие вносит описательную форму в самый состав спряжения, присовокупляя вспомогательный глагол *иму, имешь* и т. д. к неопределенному наклонению спрягаемого глагола; напр., *спиваты-му, спиваты-меш, спиваты-ме, спиваты-мемо, спиваты-мете, спиваты-муть* (т. е. буду, будешь, будет, будем, будете и будут петь). Точно так же образуется будущее время в некоторых областях великорусского языка; напр., *иму делать, имём есть* и даже *му, меш* (вм. *иму, имешь*): *не му пахать* (т. е. не стану пахать), в яросл. — Слич. § 88.

Описательные формы с хощѫ и имаамь, имамь, в О. ев. хотѧи прѣдати (ὁ παραδώσων), 24 г.; чьто имать глати (τί λαλήσητε), 271 б; не имаате мене видѣти (οὐ μή με ἴδητε, 216 а).

3) Собственно будущее продолженного вида, безо всякого постороннего значения, выражается вспомогательным *буду;* напр., *буду делать.*

б) Прошедшее время

§ 186. Церковнославянский язык самыми окончаниями спряжений отличает продолжение или совершение прошедшего действия, именно в формах преходящего и собственно так называемого прошедшего времени (§ 84).

Примеч. 1. Напр., в О. ев. можаахѫ (ἠδύναντο) бесѣдовати; не могошѧ (ἠδυνήθησαν) его исцѣлити. В испр. в первом случае также преходящее: не можа́хꙋ, Лук., 8, 10; а во втором, для означения совершенного времени, к прошедшему могошѧ присовокуплен еще предлог воз: не возмогоша, Матф., 17, 16.

Греческое описательное, означающее продолженность действия, в О. ев. переводится преходящим; напр., рабь болѧ зълѣ оумираашe (в подлиннике: ἤμελλεν τελευτᾶν, равно как и в испр. хотя́ше оу̑мрети, Лук., 7,2).

Но эти простые формы прошедшего времени уже с древнейших времен стали выходить в русском языке из употребления и заменяться прошедшими описательными, состоящими из причастия прошедшего времени с глаголом вспомогательным (§ 88), который, впрочем, весьма рано стал уже опускаться.

Примеч. 2. Ошибочное употребление прошедших простых началось в русской письменности весьма рано (уже в XII в.) и с течением времени все более и более усиливалось, так что в памятниках XVII в. в этих формах одно лицо употребляется вм. другого; напр., у Дан. Зат. по списку XVII в.: „умъ мой яко нощный вранъ на нарищи *забдѣхъ*"; у Дан. Паломн. по позднейш. списку: „тогда онъ *поклонихся*", „азъ ту *стояше*", или же смешиваются без всякого порядка древнейшие формы прошедших с позднейшими; напр., в Мам. поб. „и какъ слово изговариваютъ, уже аки орли *слетѣшась;* то ти *были* не орли *слетѣшася, выѣхали* посадники изъ Великаго Новагорода". Неправильное употребление прошедших простых встречаем и в народных, именно в духов-

ных стихах, доселе сохранившихся в устах певцов; напр., „красота в лице его *потребишася*“, „а зренье его *помрачишася*“, 7, 168 и 170.

§ 187. В древнерусском языке употреблялись до позднейшего времени (до XVIII в.) две формы прошедшего описательного времени: одна с настоящим временем вспомогательного; напр., *еси дал;* другая с причастием прошедшим; напр., *был дал.*

Примеч. 1. а) С вспомогательным глаголом настоящего времени: в летописях: „а далече *есте шли*, и *вышли есте* аки рыбы насухо“, Новг. 1,34; „на Олговичи *есми* къ Чернигову *ходилъ* и на Олговѣ *есми стоялъ*“, Ипат. сп.лет.,37; „Ростиславъ *сошелъ есть* на Литву“, ibid., 175; „татарове *вышли суть* изъ земли Угорьскоѣ“, ibid., 180; *„ударилъ еси* пятою Новъгородъ“, Продолж. Лавр. сп. лет.,162; в Юрид. акт. с XIV по XVII в.: *далъ есми, пожаловалъ есми, ослободилъ есми, продалъ есми, выбрали есмѣ* (вм. *есмы*) и *излюбили*, под 1650 г. Эти описательные формы удержались в нашем языке до позднейшего времени потому, что 1-е и 2-е лицо ед. и мн. чисел вспомогательного глагола, потеряв силу глагола, означали лица и употреблялись, таким образом, вместо местоимений 1-го и 2-го лица, т. е. *есмь* вм. *я, еси* вм. *ты.* Потому в позднейших памятниках, при вспомогательном глаголе 1-го и 2-го лица, реже употребляется личное местоимение, нежели в древнейших; слич., напр., следующие отрывки из Домостр.: „дала *есмь*“, „ночевала *есми*“, „была *есми*, у тое и тое жены добрые“ — с отрывком из Слова о полку Игор. „*ты* пробилъ *еси* каменныя горы сквозѣ землю Половецкую, *ты* лелѣялъ *еси* на себѣ Святославли посады“.

б) Описательная форма с прошедшим причастием *был*, напр. *дал был*, есть уже форма позднейшая, потому что при причастии *был*, по русскому позднейшему обычаю, опущен вспомогательный глагол *есмь*, так что выражение *дал был* сокращено вм. *дал был есми, дал был есть* и проч. Такие полные формы действительно встречаются в древнерусском языке; напр., в Юрид. акт. *повелъ былъ есми*, 1525 г. — Описательная форма с прошедшим вспомогательного глагола встречается от XIII до XVIII в., напр. в гр. 1284 г. ишьло бꙑло (вм. *изошло было*), см. в Хр. 409,16; в Юрид. акт. „чѣмъ мя *былъ пожаловалъ*“, „Тимоѳей *былъ*, господине, намъ ту землю и съ житомъ *отдалъ*“, 1490 г.; *пошли были*, 1504 г.; „Гаврилко того Якушка *наѣхалъ былъ* по посоку“, 1525 г.; *„отняли были* тое землю у монастыря“, 1611 г.; в Древн. русск. стих. „еще *имали были* свое добрые кони“, „а *поехали были* на своих добрых конях“, 404. Вероятно, сюда принадлежит обычное выражение, которым начинаются многие сказки: *жил был, жили были;* напр., „в некотором царстве, в некотором государстве *жил был...*“.

Ныне употребительное прошедшее время есть остаток прошедшего описательного, в котором вспомогательный глагол опущен и удержалось только причастие (§ 88). Опущение вспомогательного глагола началось с 3-го лица и потом уже распространилось на прочие.

Примеч. 2. Нынешняя сокращенная форма прошедшего встречается уже в древнейших памятниках церковнославянской письменности; напр., в Супр.

рук. чєтꙑрми десѧтꙑ дьньми постомь илиꙗ иꙁискавь господа видѣль, 68. — В собственно русской письменности эта форма была уже в большом употреблении в XIII в., как свидетельствует Договор смол. кн. Мстислава с Ригою и Готским берегом 1229 г.; напр., „того лѣта, коли Алъбрахтъ, владыка ризкии *умьрлъ, уздумалъ* князѣ смольнескыи Мьстиславъ, Давидовъ сынъ, *прислалъ* въ Ригу своего лучьшаго попа Ерьмея“. „Пре сеи миръ *трудилися* дъбрии людие“ и мн. др. В Смол. гр. 1284 г. прош. вр. без вспом. глагола: были на соудѣ; искали колокола; печаталь; псаль (вм. *писалъ*). В летописях при древнейших формах прошедшего постоянно встречается и наша; напр., в Лавр. сп. лет. „возвратишася вспять, отнюду же *пришли*“, 70.; в Сл. о полку Игор. „заря свѣтъ *запала,* мъгла поля *покрыла*“, „древо с тугою къ земли *приклонилось*“, „*въстала* обида въ силахъ Дажь-Божа внука“ и мн. др. Еще употребительнее эта форма в юрид. акт. В XV в. попадается даже в церковных книгах; напр., в Ветхом завете Рум. музеума: а дѣтей оу нихъ небыло; жречествовали (в испр. и чадь не бѣ имъ; жречествовахꙋ, Числа 3,4); тако сътворили дѣти ізлеви (в испр. тако сотворишѧ сынове ізраилевы, Числа, 5,4).

Примеч. 3. В народном языке употребляется, впрочем, редко, прош. время, состоящее из неопределенного наклонения с вспомогательным *был, была* и т. д.; напр., в олон. былин. „*был* ли ты *красть* монастыря Румянцева, | и *был* ли ты *нести* золотой казны?..“ „А не *был* я *красть* монастыря Румянцева, | и не *был* я *нести* золотой казны“, Рыбн., II, 242.

§ 188. Русский язык, употребляя прошедшее причастие вместо прошедшего изъявительного наклонения, отличает различные оттенки этого времени только видами; а именно:

1) Прошедшее продолженное: *нес, носил.*

2) Прошедшее совершенное и однократное: *принес, сказал, дунул* и

3) Прошедшее многократное и давнопрошедшее: *нашивал, говаривал.*

Прошедшее многократное употребляется:

1) Для означения собственно прошедшего многократного.

Примеч. 1. Напр., в Дух. стих. „мы по середам, по пятницам платье *зóловали,* | платье *зóловали* мы, льны *прядовали,* | из чужих мы коров молоко *выдаивали,* | мы из хлеба спорынью *вынимывали*“, 24, 21—24; у Крыл. „а дело в том, | что идол был пустой, и *саживались* в нем | жрецы вещать мирянам“, 15; „судей таких *видали,* | которые весьма умны *бывали,* | пока у них был умный секретарь“, 16.

2) Для означения давнопрошедшего времени.

Примеч. 2. Напр., в Юрид. акт. „а *бывалъ* деи тотъ лѣсъ искони вѣкъ Курскіе волости“, 1587; у Крыл. „Ослы, не знаю, как-то знали, что прежде Музы тут *живали*“, 16.

3) С отрицательною частицею *не,* для означения сильнейшего отрицания, преимущественно в языке древнем и народ-

ном, впрочем, попадается и у позднейших писателей. Иногда вм. прош. многократного употребляется продолженное.

Примеч. 3. Напр., в Юрид. акт. „тое земли *не давывалъ*“, „у тое грамоты *не бывалъ*“, под 1479—1481 г.; „а сказываетъ, семь лѣтъ пустоши косили то, господине, лжетъ Кирило, а *не кашивали*, господине, тѣхъ пустошей до сѣхъ мѣстъ“, 1485—1505 г.; „былъ, господине, у насъ езъ вобчей (т. е. общий), противъ двора моего, и выше, господине, того и ниже того вобчей езъ *не бывалъ*“, „язъ, господине, съ ними того езу *не бивалъ*, а рыбы есми, господине, съ ними *не лавливалъ*“, 1510 г.; „товарища ихъ Добрынку Андреева до смерти *не убивывали*“, 1525 г.; в Древн. русск. стих. „от желанья те богу *не маливались*“, 107; в послов. и погов. „на Руси никто с голоду *не умирывал*“,„видел—не видал, слышал—не слыхал“, „и не бывал и не видал, и в ту пору на свете *не живал*“, Даль, 243, 343. У писателей: в Анекд. древн. пошех. „мосту нет, перевозу *не бывало*“, 69; у Карамз. „мы слышали еще два выстрела, и кроме шума волн уже ничего *не слыхали*“, II, 786; „видели, чего *не видали* дотоле“, ИГР, XI, 15; у Пушк. „ожидаемые из Уфы *не бывали*“, V, 47; „бедный отец насилу решился спросить у дьячка, была ли она у обедни. Дьячок отвечал, что *не бывала*“, VIII, 90.

Прошедшее многократное или давнопрошедшее, сверх того, означается безличным глаголом *бывало*, присоединяемым ко всем временам и видам спрягаемого глагола, за исключением прошедшего совершенного и однократного; напр., *бывало говорю, бывало скажу, бывало говорил, бывало говаривал*. Но *бывало сказал, бывало свистнул* и т. п. потому не вошли в употребление, что удобнее могли замениться формами настоящего времени совершенного и однократного вида; *бывало скажет, бывало свистнет*.— Равномерно и прошедшее продолженное заменяется настоящим продолженным; напр., *бывало говорит* = *бывало говорил*.

§ 189. О важнейших особенностях в употреблении нашего прошедшего времени должно заметить следующее:

1. Прошедшее время, как причастие прошедшее, может сочетаться с глаголом настоящего (или будущего) времени. В таком случае должно отличать предложение главное, обозначенное глаголом, т. е. настоящим или будущим временем, от предложения придаточного, т. е. прошедшего времени, которое есть не что иное, как причастие, впрочем, с придачею своего собственного оттенка, потому что это причастие принимается у нас уже за изъявит. наклонение.

Примеч. 1. Напр., „истокъ *заросъ* хвощемъ, *стоитъ* тихо“ (т. е. как бы: заросший хвощем, стоит), Шуйск. акт., 1677; в Древн. русск. стих. „что ты, сударыня, *идешь закручинилася*“ (т. е. закручинившись), 150; „молода княгиня *испужалася*, | а и больно она *передрогнула*, | *посылает* стольников и чашников“ (т. е. испугавшись и передрогнув, посылает), 230; „*соскочил* с коня, сам *бьет* челом“ (т. е. соскочив с коня, бьет челом), 234; в русск. песн. „а как нынеча у нас, братцы, через темный лес, | *пролегла, лежит* широкая

дороженька“, Чулк., 2, 135, Прач, 5; „*летал* голубь по долине, сам *воркует*“, Прач, 59; из писателей преимущественно у Пушк.; напр., „*опомнилась, глядит* Татьяна“, I, 126; „несколько непослушных арнаутов, под предводительством Топчи-Паши, *овладели* городскими батареями, *бунтуют*“, VIII, 193.

2. С другой стороны, как самостоятельное прошедшее время изъявительного наклонения, эта форма может сочетаться с настоящим (или будущим) временем посредством союза. В таком случае оказывается два равносильных, главных предложения.

Примеч. 2. Напр., в пословице XVII в. „*ожегся* на молокѣ, и на воду *дуетъ*“; у Карамз. „завтра *поеду* в Лозанну, и *простился* уже со всеми своими знакомыми“, II, 293; у Жук. „парус *вздулся* и *шумит*“, II, 8; у Пушк. „наш витязь старцу *пал* к ногам, | и в радости *лобзает* руку“, II, 14.

3. В древнерусском и народном языке особенно замечательно употребление прошедшего в описании природы там, где теперь употребляем настоящее время.

Примеч. 3. Напр., в Юрид. акт. „*впалъ* (т. е. впадает) тотъ вражокъ въ Чюкалку рѣчку“, 1611 г.; „(речка Мордас) *пришла* отъ деревни Перемилова и *впала* въ озеро“ (т. е. идет и впадает), Шуйск. акт., 1677 г.; в Древн. русск. стих. „(Кама) своим устьем *впала* в сине море“, 24. В „Книге, глаголемой Большой чертеж“ эта форма постоянно употребляется при описании географических местностей; напр., „а по странамъ того рва обойти нельзя; *пришли* лѣса и болота“, 17; „*пала* въ Донъ рѣка Красная Дѣвица“, 48; „а отъ усть рѣки Паншины, близко отъ Дона, *вытекла* рѣка Царица и *потекла* къ рѣкѣ къ Волгѣ, *пала* въ Волгу противъ Царицына острова“, 52; „а *сошлися* тѣ четыре рѣки всѣ въ одно мѣсто, и отъ того *потекла* одна рѣка Бѣлая“, 63; „Крымская Орда промежь моря Азовскаго и моря Чернаго. Море Черное *обтекло* съ полдня и отъ запада, а другое Азовское море *обтекло* съ полунощи и къ востоку, и съ полудня“, 76; „а рѣка Десна *потекла* на полдни ко граду къ Рославлю, и не *дошедъ* 20 верстъ до Рославля, и *поворотила* на востокъ на зимней: *текла* 80 верстъ, и *поворотила* на полдень: *текла* 100 верстъ до Брянска“, 83. Формы настоящего времени, ныне принятые в географии: *идет, течет, впадает,* составляют более отвлеченное понятие, потому что означают постоянно и неизменно пребываемое: т. е. *течет всегда, впадает постоянно*. Старинные же выражения прошедшего времени указывают на факт, некогда совершившийся; напр., на действие реки, которая *некогда потекла* оттуда-то, *поворотила* и *впала* туда-то. — В песнях: „что пониже *было* города Саратова, | а повыше *было* города Царицына, | *протекла, пролегла* мать Камышенка река“, Прач, 7; „она (Камышенка) устьицем *впадала* в Волгу матушку реку“, Чулк., 1, № 126; вообще в описании какого бы то ни было предмета: в олон. былин. „*потянула* (вм. *тянет*) дубина девяносто пуд“, Рыбн., I, 31. В литературе XVIII в.: в Пс. ох., в описании собаки, „рубчик по чутью (т. е. по морде), который от верьхней губы *пошел* (вм. *идет*) между ноздрей“, 24; у Левш. в Соверш. ег. „конец самого носа (у гоголя) *загнулся* вниз“, 245.

Наоборот, новейшие писатели употребляют прошедшее время там, где собственно по-русски должно стоять настоящее, именно в повествовании о прошедшем действии, в том случае, когда речь идет о чем-либо постоянном, неизменном, не зависящем от прошедшего действия, о котором идет речь.

Примеч. 4. Такой оборот, заимствованный из чужих языков, неоднократно встречается у Жук.; напр., „несшего тюк огромный спросил он: „как *назывался*“ (т. е. как его *зовут*), V, 33; „Иван Царевич доложил ему, что вор нашелся и что этот | вор *был* не человек, а птица“ (вм. „этот вор не человек“, т. е. *есть*), VI, 228; „король тем временем подъехал к замку, | остановился и хотел узнать, чей *был* он“ (вм. „чей он теперь“, а не „чей *был* прежде“), VI, 291.

Б. Формы страдательного залога

§ 190. Времена описательных форм страдательного залога подчиняются видам как вспомогательного глагола, так и причастия страдательного. А именно:

Со всеми формами вспомогательного глагола может слагаться: или

1) причастие настоящее продолженного вида, для означения действия продолжаемого; напр., (есть) *делаем, был делаем, бывал делаем, будет делаем, будучи делаем, быв делаем, быть делаему;* или

2) причастие прошедшего времени продолженного вида, также для означения действия продолжаемого; напр., (есть) *делан, будет делан, будучи делан, быть делану;* или

3) причастие прош. времени совершенного и однократного вида, для означения действия совершенного и однократного; напр., (есть) *сделан, был сделан, будет сделан, будучи сделан, быв сделан, быть сделану.*

Примеч. Сочинение настоящего продолженного действительного залога с прошедшим совершенным страдательного, иногда употребляемое писателями, русскому языку не свойственно; напр., „Роман *погибает* от свирепых своих союзников; а Олег насильно *отвезен* ими в Грецию“, Жук., VII, 277.

4. НАКЛОНЕНИЕ

§ 191. В русском языке, сверх неопределенного, три наклонения: изъявительное, повелительное и условное. Первое означается самым окончанием глагола, напр. *иду;* последнее — только описательною формою, напр. *пошел бы;* повелительное же означается и окончанием глагола, напр. *иди, идите,* и описательными формами: *да идет, пусть идет;* сверх того, для 1-го лица мн. числа, — настоящим или будущим временем изъявит. наклонения: *идем, скажем,* или для 2-го лица с прибавкою к

этим формам знака 2-го лица мн. ч. *-те: идем-те, будем-те* (§ 84).

Изъявительное не требует особенных замечаний.

О прочих наклонениях должно сказать следующее:

§ 192. Наклонение повелительное.

1. Означая своим окончанием не лицо, а только наклонение (§ 84), может употребляться оно во всех лицах обоих чисел без изменения своей флексии.

Примеч. 1. Напр., в Юрид. акт. „и *они* потомъ такъ не *дуруй,* чюжими землями насильствомъ не *владѣй*", 1612 г.; в Древн. русск. стих. „*тот пей* и *ешь* готовое", 74; „а и *сами* (вы) к ним *приговаривай*" (вм. *приговаривайте),* 338; у Крыл. „я затяну, а *вы* не *отставай*!", 14; у Пушк. „*тот стой* один перед грозою", II, 296; „а *я* и *позабудь*", VIII, 93.

2. Это наклонение собственно означает желание, употребляется же у нас двояко: или в смысле повелительного, напр. „*иди* сюда"; или условного, и ему соответствует; напр., „как месяц ни *свети,* но все не солнца свет", Дмитр., III, 9 — может быть выражено и условным наклонением: „как *бы* месяц ни *светил*...", „как ни *светил бы* месяц...".

Примеч. 2. В смысле условного наклонения: у Карамз. „куда ни *поди,* везде надобно спускаться с горы или всходить на гору", II, 298; у Жук. „но что ни *совершись,* все мы виновны", III, 248; у Крыл. „хоть говорят: волкам и не спускают | — что *будь* овца ответчик иль истец", 317.

3. Повелительное наклонение может стоять или в зависимости от изъявительного (как это видно из примеров в примеч. 2), и тогда оно имеет смысл условного; или же может стоять независимо. В последнем случае оно означает или а) просто повеление и желание; напр. *стой, пожалуйте;* или б) необходимость и возможность вообще, впрочем не отвлеченно, а как бы с обращением к лицу слушающему; напр., „того и *жди*", т. е. должно ждать, „хоть шаром *покати*", т. е. можно покатить шаром.

Примеч. 3. В песн. „надевает сапожки зелен сафьян, | пятки гладки, носки плоски, | круг пяты — хоть ицом (т. е. яйцом) *прокати,* | под пяту воробей *проскочи*". — „Ночь осенняя — хоть глаз *коли* — темна!", Цыг., 61.

Или в) оно употребляется вместо изъявительного, для означения быстроты действия и для живости рассказа.

Примеч. 4. У Ф. Виз. „Теперь Игнатий Андреевич *напади* (т. е. как нападет) на меня ни за что ни про что", 54; в Расск. „в то самое время, как располагался уже он от долгов как-нибудь себя избавить, нечаянно *загляни* к нему смерть, и *подкоси* ему ноги", 18; у Дмитр. „а волк и подлинно откуда ни *возьмись,* | во всю несется рысь", III, 122; у Крыл. „*случись* тут мухе быть",

111; „тут вихрь, отколе ни *возьмись*, | и сдунул паука опять на самый низ“, 113; „но скворушка *услышь*, что хвалят соловья“, 127.

4. Первоначально будучи выражением прямого отношения между говорящими, это наклонение впоследствии теряет смысл разговорного характера в некоторых выражениях, принимаемых в отвлеченном смысле (§ 116). Таковы, напр., выражения: „того и жди“, „того и гляди“, употребляемые в смысле „непременно“, „тотчас“ и нек. др. Таково же речение *нибудь* (или *нибуди*), приставляемое к местоимениям и наречиям для означения неопределенности: *кто-нибудь, куда-нибудь* (§ 116).

Примеч. 5. Напр., у Жук. „того и *жди*, что битва загорится“, III, 235. — *Нибуди* вм. *нибудь* весьма употребительно в старинном языке, и притом отдельно от местоимения; напр., в Шуйск. юрид. акт. „а хто шуянинъ въ Шуѣ купитъ какой товаръ *нибуди*“, 1614; в Домостр. „или што гдѣ изваляно, или подралося, и которая на чемъ *нибуди* притча или што не цѣло: и все то исчести, и смѣтити, и записати“. — Сюда же относятся: *знай*, означающее сосредоточенность лица в каком-нибудь действии, продолжение действовать без обращения внимания на что-нибудь другое; напр., „тужите, *знай*, со стороны нет мочи“, Гриб., 13; „орешки, *знай* себе, щелкают да щелкают“, Крыл., 282; *небось*, в значении „верно“, „вероятно“; напр., „попросит *небось* воды со льдом“, Живоп., 1, 80; — *ни дай ни вынеси;* напр., „гвоздит он гвоздит ее бывало, в чем душа останется, а *ни дай ни вынеси* за что“, Ф. Виз., 55; слич. в Зап. Пор. под 1764 г. — *пожалуй* в смысле: „хорошо“, „ладно“. — Точно так же образовались союзы: *диви бы* (т. е. уж пусть бы), *будто* вм. *будь то*, в соответствие белорусскому *будь-си* или *будь-сим* (как будто). В арх. даже просто повелит. *буди* вм. *будто:* „что ты глаза вытаращил, *буди* дикой“.

Примеч. 6. Междометия *ну, на* и безличный глагол *полно* (собственно средний род прилагательного) переходят в глаголы помощию окончания повелительного наклонения: *ну-те, на-те, полно-те*. Частица *ну* иногда употребляется в смысле „начал“; напр., *ну кричать* (вм. *стал, начал, принялся кричать*, или *начни, примись кричать*).

Примеч. 7. Так как повелительное наклонение означает отношение между говорящими, то разговорное начало лежит в основе некоторых сложных имен, образовавшихся посредством этого наклонения; напр., *скопи-дом, свети-цвет, перекати-поле*, олон. *растащи-домка* (мотовка), собств. имя *Положи-шило* и др. Так же образовались народные выражения: *разбалуй-город* — в шутку прозвание Астрахани; в сарат. *не заной-головушка* — человек твердый, которому все нипочем; в погов. „*судй-боги* класть“ (плакаться), „это на *вей-ветер* сказано“, Даль, Послов., 142, 437.

Примеч. 8. Сослагательное и условное наклонения других языков удобно переводятся нашим повелительным, вместо условного с частицею *бы;* напр., лат. „si Neptunus, quod Theseo promiserat, non fecisset, Theseus filio Hippolyto non esset orbatus“ — „*не исполни* (вм. *если бы не исполнил, не исполнил бы*) Нептун своего обещания Тезею, не лишился бы Тезей сына Ипполита“; франц. „plût à dieu que cela fût“, итал. „volesse iddio ch'egli ritornasse“ — „*дай* бог,

чтобы он воротился“; франц. „je serai venu, si j'eusse eu le temps“ — „*имей* я время, пришел бы“; нем. „sprächen die richter ihn schuldig, so wäre seine sache verloren“ — „*обвини* его судьи, он проиграл бы свое дело“.

При частице *не* для усиления отрицания повелит. наклонение из однократного или совершенного вида переходит в продолженный; напр., *сядь здесь* и *не садись, поди сюда* и *не ходи.*

Примеч. 9. Впрочем, в народном языке с частицею *не* употребляется повелит. наклонение и в однократн. или совершенном виде; напр., в олон. былин. „*не зайди*-тко ты больше на царев кабак, | *не выпей*-ка ты больше чары зелена вина... | и *не похвастай* мной, красной девушкой“, Рыбн., II, 262. В дух. стих. „*не срежь* ты главы незрелыя, | *не пролей* ты крови християнской“, Кал., I, 645. В поговорке „*не роди* мать сыра земля“.

§ 193. Сверх собственного окончания, повелительное наклонение обозначается следующими формами:

1) Союзами: *да, пусть, пускай* (§§ 165 и 167).

2) Повелительным наклонением глагола *дать: дай, дайте, давай, давайте,* сочиняемым или с неопределенным наклонением; напр., *дай взглянуть, давайте плакать,* или с изъявительным, и именно с будущим временем; напр., *дай трону, давай взгляну.* В последнем случае выражение состоит из двух предложений *(дай — трону, давай — взгляну),* точно так, как и в повелительных с союзами: *пусть, пускай (пусть — возьмет, пускай — берет).*

3) Настоящим и будущим временем изъявительного наклонения во мн. числе 1-го и 2-го лица; напр., *идем, пойдем.* Тогда для означения 2-го лица к форме 1-го л. присовокупляется *-те: идем-те, пойдем-те.*

От этой формы должно отличать будущее повелительное, употребляемое в обоих числах; напр., „завтра ты воротишься домой!“ (т. е. воротись непременно). „Завтра вы вернетесь домой!“

Примеч. 1. Будущее в смысле повелительного наклонения встречаем и в других языках; напр., в латинской Вульгате так выражаются заповеди: „non *habebis* deos alienos coram me“, „non *occides*“ (т. е. да не бу́дꙋть тебѣ̀ бо́зи и҆нии ра́звѣ менѐ; не ᲂу҆бі́й). Будущее в смысле повелительного встречается и в древнейших немецких законах; напр., в бург. „inter Burgundionum et Romanum haec forma *servabitur*“ (да соблюдается эта форма); в визиготск. „sacramentum praebere *debebit*“ (да идет роте).

Примеч. 2. Вместо повелительного *здравствуй* в народном языке употребляется наст. вр. изъявит. наклонения: *здравствуешь;* напр., в олон. былин. „*здравствуешь,* солнышко Владимир князь“, „уж ты *здравствуешь,* вдова ли, жена ль мужняя!“, Рыбн., I, 261; II, 266. Что же касается до выражения: „здорово живешь!“, — то это собственно вопрос, на который действительно и отвечают ответом: „слава богу“; потом вопрос перешел уже в приветствие. Вероятно, и народное: *здравствуешь,* собственно и первоначально — тоже вопрос.

4) Причастием прошедшим, именно в слове: *пошел!*

Примеч. 3. Причастие прошедшего времени употребляется и в других языках вместо повелительного. Из слав. наречий в сербск.; напр., *„проклет біо,* кои брата не милуе“ — *проклят был,* вм. *да будет проклят.* В немецком; напр., *aufgeschaut! niedergeschrieben!* näher *getreten!* den hut *abgenommen!* die ohren *aufgethan!*

5) Неопределенным наклонением; напр., *молчать! стоять смирно!* В приветствии: *добро пожаловать!* (§ 196).

Примеч. 4. В других языках неопределенное наклонение вм. повелительного: в греч., в приветствии: „χαίρειν“; в нем. „o nicht *weggehn,* lieber vater!“, „junge, dich nicht *rühren*!“, „nichts davon *sagen*!“ В романских языках: в древнефранц. „ne me *mentîr!*“, „ne te *movoir!*“ в итал. у Данта: „non *temer* tu!“, Infern. 21,62; в нынешнем итал. „non *far* questo!“ (не делай этого!), „non *andar* via!“ (не отходи!).

§ 194. Условное наклонение.

В церковнославянском это наклонение употребляется в прошедшем и будущем; напр., **далъ быхъ, далъ бѫдеть** (§§ 88, 167). Остатки той и другой описательной формы доселе сохранились в нашем языке в союзах *бы* и *буде* (§ 77).

1) Прошедшее условное употреблялось и в древнерусском иногда правильно, иногда, как и теперь, неправильно, т. е. с неизменяемым *бы,* вм. **быхъ, быхомъ, быша** и проч.

Примеч. 1. Напр., в Ипат. лет. „аще *быхъ извѣдалъ*, гдѣ Данила и Василка, *ѣхалъ быхъ* на ня“, 183; „аще *бы* Левъ и людье мои сдѣ *былѣ* (т. е. были) вси, то уразъ велій *быша* земли сей *учинилѣ*“ (т. е. учинили), 189—190; в Сл. о полку Игор. „а *быхъ* не *слала* къ нему слезъ на море рано“.

Везде, где бы ни встретился союз *бы,* он относится к глаголу и составляет вместе с ним наклонение условное. Таким образом, самые союзы: *что-бы, да-бы, если-бы,* древн. *а-бы, аже-бы, аж-бы,* состоят собственно из союзов: *что, да, если, а, аже,* и глагола *бы,* входящего в состав описательной формы прошедшего условного; напр., выражение „чтобы пришел“ разлагается на союз *что* и условное прошедшее *пришел бы.* Потому эти союзы употребляются с прошедшим временем, а не с настоящим и будущим (§ 77).

Примеч. 2. Употребление *чтобы* с прошедшим временем, вм. желательного, или повелительного наклонения в описательной форме с *да,* составляет особенность русского языка; напр., в рук. Ветх. зав. XV в., хранящейся в Рум. муз., **того ради чтобы принесли**; в испр. **ꙗко да принесꙋть**, Лев., 17, 5. У Фр. Скорины в переводе Библ. кн. 1517 г. **штобымели** вм. **чьто быша имѣли**, или **чьто имѣли быша** (см. Хр.).

Употребление *бы* при неопределенном наклонении есть уже дальнейшее развитие первоначального прошедшего условного вре-

мени, объясняемое опущением вспомогательного глагола, с которым *бы* составляло описательную форму; напр., *пойти бы* (т. е. можно бы было, хотелось бы и т. п.). Равномерно опущением объясняется сочетание союзов *чтобы, дабы* с неопределенным наклонением; напр., *чтобы узнать* — чтобы я мог узнать, чтобы я узнал.

Прошедшим условным выражаем не только условие, но и желание; напр., „с удовольствием посмотрел бы!"

Примеч. 3. Заклятия в народном языке выражаются или повелительным и желательным, или условным наклонением; напр., в обл. языке; курск. „игрец (припадок, бес) тебя *подыграй!*"; новг. „нарок *бы* тя *изнырял!*"; курск. „нор тебя *изныряй!*"; курск. „облом те *обломи!*"; курск. „причина (падучая болезнь) тебя *побей!*"; новг. „стрела-*б* тебя *убила!*" (т. е. гром).

Равномерно и будущее условное было не чуждо древнерусскому языку и в правильной, и в неправильной форме.

Примеч. 4. Напр., у Нестора по Лавр. сп. лет. „аще ли *взялъ будеть*", „аще ли *купилъ буде* гречинъ подъ хрестомь, достоинъ ему да возметь цѣну свою, елико же *далъ будеть* на немъ", 23. В Русской правде: „оже *будеть убилъ*", „*будеть* ли *сталъ* на разбои". В древнечешск. псалт. XIV в. ač *zapomanul budu* tebe", Псалт., 136, 5 (у нас: аще забуду тебе); в польском наречии и теперь употребительна эта форма; напр., „będę kochał", „będziesz kochał" и проч. (§ 88). Неправильность в употреблении будущего условного оказалась в двух отношениях: 1) в несогласовании чисел, т. е. в употреблении ед. *будет* не только с ед. числом причастия, но и со множественным; напр., у Дан. Зат. по списку XVII в. „аще ли *будеть родилися* въ матерь, и они возростьши мене продадутъ" и 2) в присоединении неизменяемого *будет* к глаголу будущего времени; напр., в Юрид. акт. „а велѣли то вино выняти, что *будетъ найдемъ*", 1615; „а *будетъ* мы архимандритъ и казначей съ братьею *учнемъ* на него на Никиту о размѣнѣ той пустоши царю бити челомъ", 1656. Таким образом, потеряв способность изменяться в окончаниях и отрешившись от причастия прошедшего, вспомогательный глагол будущего условного времени перешел в условный союз *буде* (древн. *будет*).

5. НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ НАКЛОНЕНИЕ, ПРОСТОЕ И ДОСТИГАТЕЛЬНОЕ (СУПИНУМ)

§ 195. Неопределенное наклонение, будучи по этимологическому своему образованию существительным отглагольным, и употребляется в предложении как существительное, означая подлежащее, сказуемое и дополнение; напр., „*исчислять* (исчисление) колонны, статуи, вазы, трофеи, *не есть описывать*" (описание), Карамз., II, 600; „боится *ехать* (поездки) в неизвестную землю". Неопределенное наклонение может быть дополнением при существительных; напр., „философы и нравоучители исписали многие стопы бумаги о науке *жить* счастливо", Ф. Виз., 578,

В народном языке: подлежащее и сказуемое в неопр. наклонении; напр., у Кирши Дан. „на Волге *жить — ворами слыть,*| на Яик *идти* — переход велик", 114; дополнение, напр. *спать* вм. *в сон* при гл. *уснуть* или *заснуть;* напр., в олон. былин. „где ел да пил, тут и *спать уснул*", „и *спать заснул*", Рыбн., I, 211, 37 и на стр. 232 *в сон заснул.*

Означая действие и состояние отвлеченно, эта форма разумеется в среднем роде, почему имена, местоимения и причастия согласуются с ней в среднем роде; напр., „которому в бою *не уступить* | великой частью *озарило б* | мои младые годы", Жук. VI, 105. Впрочем, такие обороты русскому языку несвойственны.

Примеч. 1. Соответствие неопределенного наклонения существительному явствует из того, что обе части речи старинные писатели не затруднялись соединять союзом *и,* как одинаковые члены предложения; напр., „любят все (домашние слуги) *властвовать и* свою *корысть*", Всяк. всяч., 222. Ныне таких оборотов избегают. В древнерусском свободно употреблялось неопр. наклонение в таких дополнениях, которые теперь означаются в форме существительных; напр., в Шуйск. акт. „завелъ я, сирота, у себя *варити* мылишко" (= мыловарню), 1623.

Примеч. 2. В новейших языках, в немецком и особенно в романских, неопределенное наклонение как существительное употребляется с членом и с предлогами и согласуется с прилагательными и местоимениями; напр., в нем. *das essen, zu gehen;* в итал. „un *parlare* elegante" (изящная речь), „il mio *parere*" (мое мнение); в прованск. *lo partirs.* Однако в новофранцузском с членом употребляются только некоторые формы неопределенного наклонения, уже перешедшие в имена: *le lever, le pouvoir,* но теперь уже нельзя сказать: *le mentir, le parler, le vendre, un prier,* как употреблялось в древнефранцузском и даже иногда в XVI в. — С предлогом, во франц. „je viens *de diner*", „nous venons *d'arriver*", „il étoit *à désirer*", „maison *à louer*", „prêt *à mourir*". В немецком языке неопределенное наклонение в форме залога возвратного переходя в существительное отбрасывает местоимение *sich;* напр., „*freuen* und trauern hat seine zeit", „*erinnern* ist süss", вм. *sich freuen, sich erinnern* точно так, как у нас существительные *надежда, боязнь* и др. не нуждаются в *ся,* хотя и происходят от возвратных форм: *надеяться, бояться.*

Примеч. 3. Неопределенное наклонение с предлогом употребляется и у нас в обычном выражении: *от нечего делать,* в котором *от* управляет глаголом *делать,* от которого уже зависит родительный падеж *нечего.*

В церковнославянских книгах по влиянию греческого текста употребляется неопределенное наклонение с членом ѥже (§ 280) и с предлогом, полагаемым перед членом; напр., є̓же впасти, за є̓же оу҆чи́ти, во є̓же служи́ти.

Примеч. 4. Страшно є̓сть є̓же впасти (τὸ ἐμπεσεῖν) въ руцѣ Бга живаго, Посл. к евр. 10, 31; желаще си, за є̓же оу҆чи́ти (διὰ το διδάσκειν) і҆мъ люди, Деян., 4,2. Особенно употребительно во є̓же (εἰς τό) перед неопределенным наклонением; напр.,

во ѐже служи́ти намъ б҃у живу и̂ и̂стину, Посл. к евр., 9, 14. Такие обороты принадлежат к грецизмам.

Примеч. 5. Употребление неопределенного наклонения развивается в языках с течением времени, в ущерб другим формам глагола. Таким образом, вместе с утратою флексий и с господством отвлеченного выражения, в новейших языках возникает естественная потребность в неизменяемой и отвлеченной форме неопределенного наклонения. Потому-то разнообразное выражение мысли, помощию различных форм латинского глагола, в романских языках передается одною и тою же формою неопределенного наклонения.

От настоящих отглагольных имен отличается неопределенное наклонение тем, что с бо́льшею свободою разделяет принадлежности глагола, а именно:

1) Свободнее имен изменяется по видам; напр., *блистать, блестеть, блеснуть.*

2) Входит в состав описательных форм глагола, именно будущего времени; напр., *буду делать, стану говорить.*

3) Означает наклонение, выражая возможность, необходимость и т. п.

Это последнее свойство неопределенного наклонения требует подробнейших объяснений.

Примеч. 6. Об употреблении неопределенного наклонения в предложении сложном см. § 276.

§ 196. Означая необходимость или возможность действия, неопределенное наклонение употребляется как сказуемое безличное, при котором подразумевается: *льзя, нельзя, должно* и т. п.

1. Ставится оно во всех трех временах, с явным или подразумеваемым глаголом:

а) В настоящем; напр., Ипат. лет. „то мнѣ *есть* порока всякого отъ людей *не уйти*“, 35; в Лавр. сп. лет. в речи Святослава „уже намъ нѣкамо *ся дѣти*“ (некуда деться).

б) В прошедшем; напр., „токмо весла *видити,* а человѣкъ *бяшеть не видити*“, Ипат. лет., 59; в пословицах XVII в. „*быть было* ненастью, да дождь помѣшалъ“, „*жить было* въ родѣ, въ своей породѣ“.

в) В будущем; напр., в Древн. русск. стих. „где лежит пуста голова, | *лежать будет* и Васильевой голове“, 177; „моей крови тебе *не пить будет*“, 208. Без вспомогательного глагола, напр. в Сл. о полку Игор. „*быти* грому великому, *итти* дождю стрѣлами съ Дону великаго“; в песн. „*не устать*-то мне во Новгород сходить“, Чулк., 2, 160.

2. Чтобы означить необходимость, возможность или невозможность действия безлично и без отношения к какому-нибудь изве-

стному времени, употребляется неопределенное наклонение без вспомогательного глагола.

Примеч. 1. Напр., в Лавр. лет. в речи Святослава „волею и неволею *стати* противу“ (т. е. мы должны стать). В Дух. стих. „*не бывать* Егорью на Святой Руси, | *не видать* Егорью света белого, | *не обозреть* Егорью солнца красного, | *не видать* Егорью отца и матери, | *не слыхать* Егорью звона колокольного, | *не слыхать* Егорью пенья церковного“, 2, 168—173. У новейших писателей, напр. у Жук. „лишь только б этой песни *не слыхать!*“, VI, 282. — Особенно глаголы *видеть*, *знать* и *чуть* (вместо *чуять*): в Пск. лет. „а во Псковѣ *видѣть* дымъ и огонь“, 154; у Кирши Дан. „как днем-то стрелочек *не видети*“, „*знать*-де полетка соколиная“, „*видеть*-де поступка молодецкая“, 25, 172. У Ломон. „свою полтавску вспомни рану, | что *знать* еще в груди твоей“, Ода 2. Сюда же принадлежит употребляемое в виде безличного глагола: *знать;* напр., „он, *знать*, ушел“ (он, верно, ушел; он, *знамо* — или в древнерусск. *знатно*, ушел). В сказк. „во шуму, во грому ничего *ни чуть* стало, только *чуть* громкой зык от терема княжеского“, Афанас., VI, 311.

В старинных юрид. памятниках повеление выражается обыкновенно неопределенным наклонением, т. е. безлично и безотносительно. Напр., в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. оже придеть кръвавъ моуже (т. е. муж, § 27) на дворъ, оли синь, то видока (т. е. свидетеля, § 107) юмоу не искати, нъ (т. е. но) платити юмоу продажю г҃ (т. е. три) гривнъ; или не боудеть на немь ꙁнамениꙗ (т. е. кровавого или синего пятна), то привести юмоу видокъ; в Догов. смол. кн. Мстислава с Ригою и Готск. берегом 1229 г. тако платити у (т. е. *в*, § 24) смоленьске и у (*в*) ризѣ и на гоуkомь берьꙁѣ (т. е. березѣ, § 27) — таку правду вꙁꙗти русину у (*в*) ризѣ и на гоукъмь березѣ; в Закон. Иоанна III-го: судь судити боꙗромь и околничимь, а на судѣ быти у боꙗрь и у околничихь дїакомь, а посуловъ боꙗромь и окольничимь и дїакомь оть суда и оть печалованїꙗ не имати.

Примеч. 2. Из особенностей в употреблении неопр. наклонения в народном языке должно заметить употребление *быть* (вм. *надобно*) с неопределенным наклонением, в книжном языке опускаемое; напр., в олон. былин. „и мне *быть* своя заповедь *нарушить*“, „*быть натянуть* свой тугий лук“ Рыбн., II, 330; в послов. „сколько ни плакать, а *быть перестать*“, „сколько ни браниться, а *быть перестать*“, Даль, 136, 272.

Примеч. 3. Особенно замечательно в древнем и народном языке употребление именительного падежа вм. винительного при неопределенном наклонении действительного залога. Напр. в юрид. пам. „*дати* ему на то его село и на деревни *своя новая грамота жалованая*“, Ист. акт., № 215; в Договоре смол. кн. Мстислава и именительный, и винительный: такоꙁа правда уꙁꙗте (вм. *взяти*) русину у (*в*) ризѣ и на гоуkомь березѣ — таку правду вꙁꙗти русину у ризѣ и на гоуkомь березѣ. — В песн. начала XVII в. „а свѣты браныи убрусы, | *береза* ли вами *крутити*“; в пословицах XVII в. „барашка убить не *душа погубить*“, „безъ денегъ *вода пить*“, „*говорить правда, потерять дружба*“, „*дать ссуда* — на вѣкъ остуда“, „*любить игра — купить домра*“ (музыкальный инструмент), „*первая пѣсенка* зардѣвся *спѣть*“; в Древн. русск. стих. „хотя *нога изломить*, | а двери выставить“, 52; „где бы Ермаку *зима зимовать*“, 114. Должно заметить, что в этом обороте употребляется имен. падеж вместо винительного только имен женского рода. Впрочем, иногда встречаются и

имена муж. рода; напр., в послов. XVII в. не только *„знать сова* по перью“, но и *„знать соколъ* по полету“, *„лънивой* и по платью *знать“*. Такое сочетание слов и доселе употребительно в областных наречиях; напр., в арх. *„выкупить* буде *права рука“* (т. е. выкупать будет правую руку).

§ 197. Достигательное наклонение (или супинум) в древнейшем церковнославянском языке употреблялось в дополнении к глаголам, означающим движение не только в вещественном отношении (напр., *идти, послать*), но и в умственном *(хотеть)*. Напр., в О. ев. идѫ рыбъ ловитъ, в исправленном тексте Св. писания эта форма заменена неопределенным наклонением: иду рыбы ловити, Ио., 21, 3.

Примеч. Достигательное наклонение употреблялось в древнерусском; напр. у Нестора в Жит. Феодос. изиикь видѣть; в Русск. правде по сп. Кормч. 1282 г. идеть искать коунь (т. е. денег); в Лавр. лет. „идохъ Переяславлю на Сутейску мира *творитъ“*, 103. — Но уже весьма рано стала эта форма заменяться неопределенным наклонением; так, в Реймск. ев. встречается неопределенное там, где в О. ев. достигательное; напр., в О. ев. иже придошѧ послоушать юго и исцѣлитьсѧ; в Реймск. исцѣлитисѧ, Лук., 6, 18; възведенъ бысть Іис д҃хъмь въ поустынѭ искоуситьсѧ; в Реймск. искоуситисѧ, Матф., 4, 1. В греч. подлиннике стоят неопределенные: ἀκοῦσαι, ἰαθῆναι, πειρασθῆναι.

6. ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ

§ 198. Церковнославянские причастия полного и краткого окончания у нас разделились на собственные причастия и деепричастия (§ 54).

1. Употребление собственно причастий должно отличать в русском языке двоякое: в речи книжной и в речи народной, разговорной. В речи книжной свободно употребляются все формы причастий, т. е. настоящие и прошедшие действительного и страдательного залога; напр., *делающий, делавший, делаемый, сделанный.* В речи же разговорной, народной, а потом и в такой книжной, которая сближается с народною, употребительно только страдательное прошедшее (напр., *сделан*), за весьма немногими остатками прочих форм причастий, которые, впрочем, принимают характер прилагательных; напр., *палящий, неминучий, родимый, знамый, знамо, непроходимый* (§ 55).

В речи образованной, по влиянию книжной, хотя и употребляются все формы причастий, но не столько способствуют к ее богатству и силе, сколько к излишнему отягощению и вялости.

Примеч. 1. Как отяготительны причастия в легком слоге, явствует из следующих примеров: у Бат. „юноша, *наливающий* фалернское, дай горького“, I, 14; у Жук. „кто ты, все *озаряющий,* прелестью *дышащий,* душу | радостной мукой *объемлющий?“*, V, 360.

Примеч. 2. Старинные писатели удачно употребляли прошедшее время изъявит. наклонения на *-л* вместо несвойственного нашей речи причастия на *-ший;* напр., в Пс. ох. „гон (т. е. хвост) крепкой, прямой, короткой и не повислой, и никуда на сторону *не скинулся* (вм. *не скинувшийся*), или на спину кольцом *не завернулся* “ (вм. *не завернувшийся*), 25. Слич. § 189.

Малоупотребительные в народной речи формы причастий заменяются у нас двояко: или разложением причастия в придаточное предложение полное; напр., *приходивший — что приходил, который приходил;* или именем существительным; напр., *владеющий — владетель, владелец*. В первом случае замена бывает тогда, когда нужно отличить время действия (напр., *который приходил, приходит, придет*); а во втором тогда, когда означается действователь без отношения к какому-либо определенному времени.

Примеч. 3. И в церковнославянских книгах одно и то же понятие иногда выражается причастием, иногда именем существительным; напр., в О. ев. приступль искоуситель рече юмоу; так же и в испр. йскуситель — ὁ πειράζων, а в Реймском евангелии причастие: искоушаай. — В сербск. списке Библ. XVI в. и проидоше вьсу протезающуюсе; в испр. всю страну, 2-я кн. Цар., 2. 29.

2. Церковнославянские причастия краткого окончания, утратив в русском способность изменяться по родам и числам, перешли у нас в неизменяемую часть речи, в деепричастие, т. е. в наречие отглагольное (§ 54).

Как в древнем церковнославянском, так и в ныне употребительном в церковных книгах, краткие причастия настоящего и прошедшего времени отличаются по родам и числам.

Примеч. 4. Напр., в жен. роде ед. числа: в О. ев. жена же оубоꙗвьшися и трепещѫщи вѣдѫщи юже бысть юи придо; в испр. жена же оубоѧвшися и трепещущи, вѣдащи, еже бысть ей пріидо, Марк., 5, 33; в муж. роде мн. числа: в О. ев. и рѫгаахѫся юмоу вѣдѫще ꙗко оумрѣть; в испр., и ругахуся ему вѣдаще, ꙗко оумре, Лук., 8, 53.

Уже в древнейших памятниках русской письменности эти формы стали искажаться в своих окончаниях, мало-помалу приближаясь к той неподвижности, в какой они употребляются теперь.

Примеч. 5. Напр., в Лавр. сп. Нестора: жен. род. ед. числа, правильно: „она же *разумѣвши* рече ко царю“, „просвѣщена же *бывъши* радовашеся душею и тѣломъ“, „она же *хотящи* домови, приде къ патреарху“, но и неправильно: „тако и си в невѣрныхъ человѣцѣхъ *святящеся* аки бисеръ“; в Поуч. Владимира Мономаха, муж. род мн. числа, и правильно, и неправильно: „да сю грамотицю *прочитаючи* потснѣтеся на вся дѣла добрая, *славяще* бога съ святыми“, „смерти бо ся дѣти не *боячи*“, „ти бо *мимоходячи* прославять человѣка по всѣмъ землямъ“.

Первоначально быв причастием, наше деепричастие могло, как и другие причастия, соединяться с вспомогательным глаголом в описательных формах спряжения; напр., юсть сѫдѧ (есть судящий

или судит), бѣ оучѧ (был учивший или учил), вѣды бѫди (будь ведающий или ведай) и проч.

Примеч. 6. В О. ев. ѥсть иштаи и сѫдѧ; в испр. ѐсть и҆щѧ̀ и҆ сꙋдѧ̀ — ἔστιν ὁ ζητῶν καὶ κρίνων, Ио., 8, 50; в О. ев. и бѣахѫ сѣдѧ́ще; в испр. и бѣхꙋ сѣдѧще — καὶ ἦσαν καθήμενοι, Лук., 5, 17; в О. ев. бѣ бо оучѧ ѧ; в испр. бѣ бо оучѧ ихъ — ἦν γὰρ διδάσκων αὐτούς, Матф., 7, 29; в Супр. рук. свѧтаꙗ же бѣста поѭшта хвалѧшта бога 137. В Нестор. лет. по Лавр. сп. *„бѣ бо имущи* презвутеръ“, „и *бяху ловяще* звѣрь“.

В областном языке употребляется деепричастие вм. глагола; напр., *он пришедши* и т. п., причем подразумевается вспомогательный глагол. В Похожд Ив. *„были* все уже *проснувшись,“* I, 119.

Примеч. 7. О значении причастия и деепричастия в сложном предложении см. в § 275.

§ 199. Времена причастий и деепричастий.

1. Причастия различаются в настоящем и прошедшем временах по видам: 1) в продолженном виде бывают настоящие и прошедшие; напр., *летающий, летящий; летавший, летевший*; 2) в совершенном и однократном, только прошедшие; напр., *прилетевший, дунувший;* 3) в многократном также только прошедшие; напр., *говаривавший.*

Примеч. 1. В старинном языке употреблялись причастия настоящего времени и от глаголов совершенного и однократного вида и имели значение будущего времени; напр., в Лавр. сп. лет. „на *придущемъ* вѣцѣ“, 74; „на *придущее* лѣто“, 117; из новейших писателей у Жуковского (см. § 55).

Примеч. 2. *Будущий,* в соответствие деепричастию *будучи* (§ 55), могло употребляться в смысле настоящего времени; напр., у Котоших. „горе тогда людемъ, *будучимъ* (т. е. будущим, вм. находящимся) при томъ погребенiи“, 17; в Зап. Дан. „по счастию жизнь свою спас, и с *будущими* (т. е. находящимися) при нем людьми“, 124.

2. Равномерно и деепричастия в обоих временах отличаются по видам, а именно: 1) в продолженном бывают и настоящие и прошедшие: *летая, летаючи, летя; летав, летев;* 2) в совершенном и однократном — только прошедшие, каким бы окончанием причастий ни пользовались, прошедшего ли времени: *прилетев, дунув, молвив, увидев,* или настоящего: *молвя, увидя*; 3) в многократном — только прошедшие: *говаривав.*

Примеч. 3. Причастия и деепричастия многократного, в образованной, книжной речи, мало употребительны; но в народной — *пиваючи, едаючи* и некоторые другие деепричастия употребляются.

Примеч. 4. Прошедшие краткие причастия или деепричастия от глаголов совершенного и однократного вида, с окончанием причастия или деепричастия настоящего, весьма употребительны, как в старинном и народном, так и у новейших писателей (§ 54).

3. Причастия и деепричастия, сочиняясь с глаголами, полагаются и в настоящем и прошедшем времени, при глаголах каждого из трех времен.

Причастия и деепричастия полагаются в настоящем времени, когда действие, означенное ими, одновременно глаголу, в каком бы времени он ни стоял, и полагаются в прошедшем времени совершенного вида, когда действие, означаемое ими, предшествует действию глагола. Напр., *увидел приближающуюся тучу; сидя говорил; сидя будет говорить; видит приблизившуюся тучу; когда увидим приблизившуюся тучу; посидев встает; посидев встанет*.

Этому же правилу следует язык в сочинении причастий с деепричастиями; напр., *видя приблизившуюся бурю; увидев приближающуюся бурю*.

Вместо настоящего времени причастие может полагаться в прошедшем продолженном при глаголе прошедшего времени; напр., *увидел приближавшуюся тучу;* но с настоящим и будущим не употребляется; нельзя, напр., сказать *вижу приближавшуюся тучу, увидя приближавшуюся тучу*.

Само собою разумеется, что причастие настоящего времени, означающее постоянный признак предмета, не состоит в связи с глаголом, при котором постановлено; напр., *устремил, устремляет, устремит свой блещущий взор*.

Примеч. 5. Писатели часто употребляют причастие настоящее вм. прошедшего продолженного; напр., Дмитр. „увидя старика, *входящего* с сумою, | собака лаять начала", III, 100; Пушк. „презирая опасности, ему *угрожающие*, поехал обозревать *сетующую* свою епархию", VIII, 209.

Если из двух действий, означенных деепричастиями, одно единовременно действию глагола, а другое предшествует; то первое полагается в настоящем, а последнее в прошедшем; напр., у Дмитр. „прохожий, *видя* то и *выйдя* из терпенья, | кричит ему", III, 42.

Примеч. 6. Деепричастие прошедшее продолженного вида, вм. настоящего, употребительнее в языке народном, нежели в нынешнем книжном; напр., в песн. „к чему ты рано сад расцветаешь, | *расцветавши* (вм. *расцветая*) сад засыхаешь", Прач., 3; „с ним *ехавши* рассказывают", Древн. русск. стих., 262; „не хвались-ко ты в город *ехавши*, | а похвастай-ко выехавши", народн. песн. — И позднейшие писатели позволяют себе прибегать к деепричастию прошедшему продолж. вида вм. настоящего от таких глаголов, которые в деепричастии настоящего времени уже не употребляются; напр., *есть — евши;* у Крыл. „Волк, *евши*, никогда | костей не разбирает", 203. Впрочем, иногда *бывши* употребляется вм. *будучи;* напр., у Крыл. „да чем же ты, Жужу, в случай попал, | бессилен *бывши* так и мал", 265. — Иногда деепричастие прошедшее продолженного вида соединяется союзом *и* с деепричастием настоящего времени, употребляясь в смысле этого последнего; напр., у Дмитр. „и прибыл, наконец, калекою домой, | *таща* свое крыло и *волочивши* ногу", III, 28.

Примеч. 7. Сочетание причастия прошедшего времени совершенного вида с деепричастием настоящего времени *будучи* — у писателей: у Ф. Виз. „сей самый фейерверк, *будучи повторен,* кончил все торжество светлой недели“, 455; у Карамз. „гулял при свете лунном под ветвями каштановых дерев, *будучи углублен* в приятную задумчивость“, II, 293; у Жук. „*будучи призван* им на престол отцовский“, VII, 284; у Пушк. „*будучи отрезан* отовсюду“, V, 60.

7. БЕЗЛИЧНЫЙ ГЛАГОЛ

§ 200. Следующие формы употребляются в нашем языке для означения безличного глагола:

1. 3-е лицо ед. и мн. чисел глаголов всех времен в форме действительного залога; напр., *светает, говорят, рассвело,* „а что *скажут?*“ — В просторечии: *живет* вм. *хорошо, будет* вм. *довольно.* В обл. яз. *бывáть* или *бывaт* (т. е. бывает) вм. *может быть:* „*бывaт,* пойду“; пск. *берет* — идет хорошо, ладно; идет.

Примеч. 1. В 3-м лице ед. числа большею частию полагаются глаголы, означающие явления природы, совершающиеся от силы, простому, безыскусственному наблюдению непонятной; напр., „а как уже гораздо *завесняет*“, Левш. Соверш. ег., 188 (т. е. станет весна); а также — действия от предполагаемой, сверхъестественной или неведомой силы; напр., „эк тебя *догадало, угораздило!*“ (но что именно, какая сила догадала и угораздила — неизвестно). В новг. говорится в безличном глаголе о действии того места, где, по народному верованью, живет нечистый дух и из которого поэтому трудно выйти: „не ходите туда: там *водйт*“, или „там *зáводит*“. Потому же многие заклятия выражаются безлично; напр., в областном языке: арх. „чтоб тя *пристрело!*“, сиб. „чтоб тя *язвило!*“ — Замечательна в обл. языке безличная форма *челó* и с *-сь: челось* (вм. *чалó,* от *чать* — думать); напр., курск. „мне *челó* (казалось), собака, ажно волк“, „ему *чалось* (казалось), я буду просить его“. В дух. стих. „яму *чила* (вм. ему *чело* или *чало*), рай растворился“ — ему казалось, рай растворился, Кал., I, 631. — Слич. народные формы *янчал, мечал* и др. в § 57.

Примеч. 2. При безличном во мн. числе подразумевается подлежащее *люди, многие, некоторые* и т. п. Потому в народном и старинном языке иногда в смысле безличного подлежащего поставляется *люди* или даже *человек;* напр., в пословице: „*люди* белить, а мы места делить“ (т. е. другие стали уже делом заниматься. . .); в Новг. лет. „инѣхъ же церкві не можетъ *человѣкъ* сказати, яко безъ числа“, 1, 29 (т. е. неизвестно сколько, никто не может сказать). В немецком и французском языках безличные местоимения man и on первоначально означали человека, людей, а потом перешли к понятию о ком-нибудь вообще и таким образом вошли в состав безличных глаголов. Франц. on в древнефранц. и провансальском употреблялось в формах: om, um, hom, ближайших к первоначальному значению homme, homo (т. е. человек). В итал. языке у классических писателей l'uomo, l'uom, uom (т. е. человек) употребляется в значении on, man; напр., „come *uom* dice“ (как говорят).

Примеч. 3. В новейшем языке особенно распространилось безличное во мн. числе; напр., *говорят, думают, полагают* и проч. Впрочем, эта форма не чужда и народной речи; напр., в послов. XVII в. „иглою *шьютъ*, а чашею *пьютъ*“, „*сѣютъ* начаяся (т. е. надеяся), а *вѣютъ* смечаяся“ (т. е. смекая).

Примеч. 4. Речение *невесть*, остаток от древнейшего спряжения глагола *вѣмь, вѣси, вѣсть*, употребляется и доселе только в виде безличного глагола; напр., „я, ты, зашел *невесть* куда“; в литературе XVIII в. „к елегиям стремил я весь свой ум, | и тратил я на них и *нивесть* (вм. *невесть*) сколько дум“, Расск., 4.

Глаголы *было* и *бывало*, употребляемые вспомогательными при спряжении других (§ 137), принадлежат к безличным; потому могут отделяться от своего глагола другими словами; напр., во Всяк. всяч., „как она *было* с ума *сошла*“, 21.

2. Возвратный глагол в 3-м лице ед. числа; напр., *хочется, хотелось, спится, спалось, думается, думалось, чудится, кажется, попричилось*.

Примеч. 5. Этой формою наш язык любит выражать внутренние побуждения и явления, независимо от воли человека совершающиеся в его природе, как физической, так и нравственной. Напр., в послов. XVII в. „*ичется* съ голоду, *дрожится* съ холоду“, „къ пиву *ѣдется*, а къ слову *молвится*“; в олон. былин. „*стосковалося* у молодца по свою родимую сторонушку“, Рыбн., II, 265; в Анекд. древн. пошех. „после таких трудов *заснулось* сладко“, 68; у Дмитр. „*поется* мне — пою; невесело — молчу“, I, 104, „признаться, сказывать и лень, | и не *умеется*, и было бы некстати“, II, 138; у Карамз. „никогда не *скучилось* бы вам гулять в Булонском саду“, II, 616; у Цыг. „*пелося* соловьюшку в рощице весной“, 13.

Некоторые из безличных форм на *ся* имеют значение страдательного залога; напр., *говорится* (т. е. бывает говоримо).

3. Средний род причастий и имен прилагательных, с явственным или подразумеваемым вспомогательным глаголом в 3-м лице ед. числа; напр., *можно, должно;* но особенно причастия страд. залога прош. вр. *сижено, хожено, пито* и проч. Сюда относятся употребляемые в смысле союзов: *вероятно, верно* и т. п.

Примеч. 6. Безличный глагол соответствует среднему роду, потому, где позволяет окончание, и принимает он этот род. Потому же и в нем. языке безличные глаголы пользуются местоимением ср. рода *es: es tagt, es scheint* (videtur). Равномерно и во французском *il* должно быть принимаемо в этом случае за средний род: *il pleut, il neige, il gèle, il fait chaud, il me faut*. — Такое соответствие безличного глагола среднему роду объясняется тем, что в безличном глаголе предполагается какое-то отвлеченное, неведомое, неясно понимаемое подлежащее, а отвлеченное и неясно представляемое язык отмечает большею частию средним родом.

Примеч. 7. Как *живет* и *будет*, в смысле „хорошо“ и „довольно“, глаголы безличные, так и *полно* переходит в безличный глагол, принимая зна-

чение „довольно“, „будет“. Напр., у Кант. „знатным *полно* подтверждать или отрицать смело“, Сат. 1; в песн. „тебе *полно,* сын, дурить, за охотою ходить“, Чулк., 2, 187; „*полно,* солнышко, из-за лесу светить“, Прач, 145; в Дух. стих. „не *полно* ли воровати, | вам друг друга продавати“, 8, 366; у Цыг. „без того мне *полно* жить“.

Между безличными глаголами в ср. роде особенно употребительны в народном языке причастия страдательные прошедшего времени, как от действительных глаголов, так и преимущественно от средних; напр., в послов. „*поено* да *кормлено,* а дома не *помолено*“, „и *хожено* и *вожено,* да легче нет“, „*было* и *плыто,* да не *добыто,*“ „*было* Тита (т. е. день), так *было* и *пито*“, и „*жито* забыто, и *пито* не в честь“ (т. е. что жил или жили... что пил или пили) — „в девках *сижено* — горе *мыкано;* замуж *выдано* — вдвое прибыло“, „в девках *сижено* — *плакано;* замуж *выдано* — *выто*“, Даль, 9, 37, 48, 122, 322. „Не дорого *пито,* а дорого *быто*“ (что пил... что был).

Примеч. 8. Еще примеры: в Юрид. акт. „въ анбаръ *лажено*“ (т. е. лазили), Яренск. ст., 1666; в Древн. русск. стих. „не *упито,* не *уедено,* | вкрасне хорошо не *ухожено,* | а цветного платья не *уношено*“, 84; „с молоду *бито* много, *граблено,* | под старость надо душа спасти“, 169; в олон. былин. „*уехано* за охотой“, Рыбн., II, 291; в смол. дух. стих. „у храм божий приухождóно, | на коленоцьки *падзёно*“, Кал., IV, 110. В народной песне:

У дородного добра молодца
Много *было* на службе *послужено:*
На печи *было* в волю *полежано;*
С кнутом за свиньями *похожено;*
Много цветного платья *поношено;*
По подоконью онучей *было попрошено;*
И сахарного куска *поедено:*
У ребят корок *поотымано;*
На добрых конях *поезжано.*

В областном языке вм. *хожено* говорится и *йдено* (в арх.). — В смысле страдательного глагола употребляются некоторые прилагательные; напр., *проходно* вм. *проходимо,* в Лавр. сп. лет. „идеже не бѣ *проходно* полку Олександрову“, 206.

4. Неопределенное наклонение с явным или подразумеваемым вспомогательным глаголом; напр., *ему ехать* (было, будет, должно), *идти дождю стрелами; как быть человек* (т. е. как следует быть); *ни дать, ни взять.* В этом случае неопределенное наклонение, собственно говоря, есть только дополнение к безличному глаголу, точно так, как и в следующих выражениях: *хочу делать, могу делать; можно делать, должно делать.*

Примеч. 9. Некоторые глаголы в неопределенном наклонении совершенно приняли характер безличных. Таковы речения *знать* и *чуть,* причисляемые — первое к союзам (§ 137), а второе к наречиям. (Слич. § 196.) Напр.,

в Супр. рук. ѩко же не ꙁнати пештеры, 159; у новейших писателей: у Пушк. „*знать* сам Борис сей дух в нее вселил“, I, 262; в песн. „в лесу раздается, на нивах *чуть*“, Чулк., 2, 199. Как вместо *чуть* можно здесь сказать *слышно*, так и вместо *знать* в старину употреблялось *знатно;* напр., во Всяк. всяч. „*знатно*, я очень переменился!“, 5; „у кровати занавески были открыты, *знатно*, от духоты“, 70. — Сюда же принадлежат безличные формы *стать* и *стало;* напр., „не ворочаться *стать*“, „не воротиться *стало*“.

5. Существительные и наречия с вспомогательным глаголом, явным или подразумеваемым, в 3-м лице ед. числа; напр., *пора* идти, *лень* работать, *льзя, нельзя* делать; мне *жаль* (при форме имени сущ., напр. в послов. „*жалью* моря не перейдешь“, Даль, 29). Сюда же принадлежит речение *правда* (франц. il est vrai, итал. egli è vero), употребляемое в смысле союза.

Примеч. 10. Вместо *льзя* в древн. цс. употребляется льꙁѣ ѥсть или лѣть ѥсть, лѣтиѭ ѥсть (ἔξεστι, licet). — Теперь более употребляется с отрицанием: *не льзя;* впрочем, у писателей встречаем и одно *льзя:* у Дмитр. „наверно *льзя* сказать, не делая обиды“, I, 53; у Крыл. „про нынешних друзей *льзя* молвить, не греша“, 51; у Жук. „и *льзя* ли жить“, II, 85; у Цыг. „*льзя* ли в будущем, как в прошлом прочитать?“, 40. — *Не* от *льзя* или *льзѣ* отделялося глаголом; напр., в Продолж. Лавр. сп. лет. „яко и птицамъ по аеру *не бѣ лзѣ* летати“, 189.

Сюда же принадлежит церковнославянский безличный: годѣ ѥсть (угодно), употребляемый и в древнерусском; напр., в Продолж. Лавр. сп. лет. „годѣ ти буди“, 178.

Ныне отрицательному *не льзя* противополагают утвердительное *можно;* потому *не можно* мало употребляется; впрочем, встречается вм. *не льзя* и в народном языке, и у писателей; напр., в Древн. русск. стих. „а казакам взять *не можно* их“, 117; у Жук. „ни описать пером того *не можно*“, VI, 236.

Примеч. 11. Вместо греческого безличного в древнейших памятниках встречаем существительное с вспомогательным глаголом, употребляемое в смысле безличного; напр., в О. ев. слоухъ бысть; ἠκούσθη; в исправленном тексте, согласно с греческим: слышано бысть, Марк., 2,1.

6. Собственно безличные глаголы, каковы суть: *довлеет, подобает, нет* (цс. нѣсть при личном нѣсмь, нѣси) и нек. др.

Примеч. 12. У писателей XVIII в. иногда ошибочно употребляется *довлеет* (т. е. довольно) вм. *подобает* (т. е. должно); напр., в Расск. „то и *довлеет* в том, законным приговором, | со Правдой поступить, как с вором“, 1, 53.

Примеч. 13. В областном языке употребляются безличные: тамб. *словеть* или *сливеть* вм. *словно;* напр., „*словеть* рассвело“, пск., арх., курск. *надобе* или *надобеть* и *надоть* вм. *надобно* или *надо. Надобе* или *надобеть* встречается и в старинном языке; напр., в Юрид. акт. „*не надобѣ* моя дань“, 1490 г.; в послов. XVII в. „жару короста не любитъ, а порокъ ей

надобе" (вм. *надобе*). Речение *надобе* произошло от сложения существительного *доба,* в предложном падеже, с предлогом *на.* В форме *надобе-ть, -ть* есть знак глагола 3-го лица, точно так, как в народных *нету-ть* и *надо-ть* или *нада-ть* вм. *нет* и *надо. Надо* и *надобно* употребляются теперь одно вм. другого. Но первоначально обе эти формы существенно отличались между собою: *надобно* есть средний род от прилагательного *надобный,* а *надо* есть собственно безличный глагол, сократившийся из *надобно* или же из *надобе.* Потому *надобно, не надобно,* как прилагательное, изменяется по родам и числам, согласуясь с своим именем; напр., в Древн. русск. стих. „эта мне рука *не надобна*", „а эти губы мне *не надобны*", „и этот язык мне *не надобен*" 146; у Карамз. „правда, *надобны* деньги", II, 398; у Крыл. „где силой взять нельзя, там *надобна* ухватка", 319. Речение же *надо, не надо* не согласуется и употребляется, как самостоятельный безличный глагол, от которого зависят имена; напр., в Древн. русск. стих. „*не надо* мне твоя золота казна" (вм. „твоей золотой казны"), 88; „*не надо* мне эти луки богатырские", 130; у Пушк. „поминутно места *надо*", I, 389.

Примеч. 14. Глагол *нет* (цс. нѣсть) в прочих временах имеет: *не было, не будет,* в цс. не бѣ. Впрочем, иногда настоящее *нет* употребляется и за прочие времена; напр., в песне „он Илья-то тут да и *был* и *нет*".

Исчисленные в этом параграфе формы безличного глагола выражают мысль более или менее отвлеченно; потому-то пользуются или 3-м лицом глагола, означающим указание на неизвестного действователя, или средним родом, или неопределенным наклонением и существительным, выражающими понятие не столь наглядно, как выражает самый глагол, или, наконец, наречиями, т. е. словами, произведенными от имен.

Чтобы придать бóльшую живость безличному глаголу, мы изменяем его в личный и полагаем именно во 2-м лице ед. числа изъявительного наклонения или в повелительном, означая таким образом отношение к лицу слушающему. Разговорная форма придает безличному смыслу глагола бóльшую наглядность и свежесть; напр., в послов. „тише *едешь,* дальше *будешь*"; у Крыл. „того и *жди,* что то же с ним случится", 166.

Примеч. 15. Речения *ведь* и *неведь,* употребляемые безлично, первоначально суть не иное что, как повелительные формы, вм. *веди* и *не веди* (вѣждь, не вѣждь), от глагола *вемь;* напр., в Живоп. „они и *неведь* что затевают", 1,77. Союз *дееши* (откуда *дей, де,* § 77) есть также форма 2-го лица ед. числа, употребляемая безлично. И в других языках употребляется 2-е лицо для означения безличного смысла.

§ 201. Замена личного оборота безличным составляет одну из особенностей нашего языка. Мы обращаемся к безличной форме даже тогда, когда нельзя миновать лица действующего, которое и обозначается тогда различными косвенными падежами, заменившими первоначальный имен. падеж подлежащего.

Важнейшие случаи замены личных оборотов безличными суть следующие:

1. Замена личных безличными возвратного залога с дополнением в дат. падеже, заменившим имен. падеж подлежащего; напр., *я хочу, хотел — мне хочется, хотелось; я думаю, думал — мне думается, думалось.*

2. Замена личных безличными, в форме действ. залога, для означения залога страдательного, но в форме залога среднего, с творительным лица действующего и с винительным предмета, подлежащего действию; напр., *его гром убил — его громом убило* (вм. *он убит громом*).

Примеч. 1. В Пск. лет. „траву *водою* по рѣкамъ и по ручьямъ *отняло*“, 104; в Древн. русск. стих. „*сшибло* с головы золото кольцо | *тою стрелкою коленою*“, 99; в песн. „*занесло* меня *погодою*“, Прач, 159; у Ломон. „господина профессора Рихмана *громом убило*“, I, 670; у Жук. „*холодной дрожью* злодейку *обдало*“, VI, 274; у Крыл. „но *бурею* корабль *разбило*“, 105; „и *ветром* наконец то деревцо *сломило*“, 107; „в оконницах стекло *узорами заволокло*“, 239. Иногда творительный лица действующего опускается, напр., в олон. былин. „(кобыла) жрала-жрала, так *ее* и *треснуло*“, Рыбн., II, 166; в Дух. стих. „на море кораблик *поносило,* | ко Рыму ко граду *примыкало*“, 7, 243—4. Само собою разумеется, что при глаголе среднем стоит только творительный лица действующего, без винительного предмета, подлежащего действию; напр., у Пушк. „*дымом пахнуло:* знать деревня близко“; VII, 78. В народном языке безличным глаголом заменяется даже взаимный залог; напр., в олон. былин. „у моего-то братца с Чурилушкой | платьем *поменялося,* а добрым коням *побраталося*“ (т. е. мой брат поменялся... побратался), Рыбн., II, 125.

3. Замена личных безличными с родительным количества, происшедшим от подлежащего; напр., *наехало гостей, набралось народу* (т. е. много).

Примеч. 2. В Расск. „имел он псарню самую лучшую, а особливо ловчих, *каких* редко *бывает* и у тех, кто его и починовнее“, 1, 65; в Анекд. древн. пошех. „везде *их* (насекомых) *кишмя кишит*“, 101. Сюда же принадлежит выражение: *его стало, его станет,* в смысле „он молодец“, „он постоит за себя“; напр., „на словах его стало“.

4. Замена личных безличными при отрицании, с родительным подлежащего; напр., *нет денег, не было денег, не будет денег.*

Примеч. 3. В цс. употребляется отрицательный безличный вм. греческого личного; напр., в О. ев. и не бѣ има чада — καὶ οὐκ ἦν αὐτοῖς τέκνον, Лук., 1,7; не бѣ има мѣста въ обители — οὐκ ἦν αὐτοῖς τόπος ἐν τῷ καταλύματι, Лук., 2, 7. И в испр. также безличный. — Еще замечательнее в древнейших списках употребление безличного отрицательного оборота, выраженного описательною формою, состоящею из имени в род. падеже с глаголом нѣсть вм. глагола личного; напр., в О. ев. отъ плъти нѣсть польꙃѧ никоѥѩ же, 24 г. — ἡ σὰρξ οὐκ ὠφελεῖ οὐδέν; в исправленном, в согласие с подлинником, выражено лично: плóть не пользуетъ ничтóже, Ио., 6,63.

Примеч. 4. В чистом русском языке отрицательный оборот предпочитается личному; напр., в Юрид. акт. *„земца де Ивашка Муратова* на государевѣ службѣ въ Ямѣ городѣ *не стало“*, 1593 г.; в песн. *„не пришло* еще *поры времени“*, Чулк., 1, 145; у Ф. Виз. „я говорю, что *эдакого скота* еще *не родилось“*, 66; у Карамз. *„ничего не может* быть безобразнее такого убора“, II, 189; у Жук. *„звезд не сверкало* на небе“, V, 28; „ни *облачка* на небе *не бродило“*, VI, 277; у Пушк. *„не вспыхнет мысли* в целы сутки“, I, 198, *„ожидаемой помощи не приходило“*, V, 93. Впрочем, новейшие писатели позволяют себе и личный оборот с местоимением *ничто,* вместо безличного с родительным *ничего;* напр., встречаем не только у Жук. „на лице ее *ничто не выражено“*, VII, 183—4; но и у самого Пушкина „кроме венгерского вина *ничто* мне *не понравилось“*, XI, 284.

Примеч. 5. Соединение количества с отрицанием при безличном видим в следующем месте Шуйск. акт.: „и буде *двороваго человѣка* гдѣ *перейдетъ* или *не достанетъ,* велѣно складыватца съ ближними городами“, 1707 (т. е. где будет одним дворовым человеком больше или меньше).

5. Замена прилагательного или причастия, согласованного с именем, безличным глаголом, состоящим из прилагательного или причастия среднего рода с глаголом вспомогательным, явным или подразумеваемым. Тогда имя становится в зависимость от безличного глагола: напр., *слышно музыку, видно город* вм. *слышна музыка, виден город.*

Примеч. 6. В Древн. русск. стих. *„виноватого назначено* | молода Касьяна сына Михайлова“, 235 (т. е. виновным назначен Касьян); у Пушк. „и *слышно* в тишине степной | лишь *лай* собак да коней *ржанье“*, II, 206.

6. Особенно любима в народном языке замена действительного оборота причастием страдательным, в ср. роде, с дополнением лица действующего помощию предлога *у;* напр., в олон. былин. „впереди его *проехано у богатыря“* (вм. *богатырь проехал*), „по колен было *у бурушка* в землю *зарощено“* (вм. *бурушко* в землю *зарос*), Рыбн., I, 274, 297.

Примеч. 7. Безличн. глагол в форме причастия страд. может в народном яз. управлять падежом не только родительным; напр., в загадках „полно корыто *гусей-лебедей* (или *народу*) *намыто“*, Даль, 335, 1070; но и винительным; напр., в послов. „за мое ж жито, да *меня* же *бито“*, Даль, 122; в белорусск. дух. стих. „а з того древа *крыжы ставляно“*, „а з тых крыжов *косцёл будовано“*, Кал., I, 247. Это оборот польско-русский; слич. у Ант. Радивил. в Огородке Марии 1676 г. огородки ѕвано (см. Хр.).

8. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЙ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ *ЕСМЬ*

§ 202. Важнейшие изменения, которым подвергся глагол *есмь,* состоят в опущении его и в несогласовании его с подлежащим в лицах и числах.

1. Опущение глагола *есмь*, вошедшее общим правилом в язык русский, замечается и в других, не только в новейших, но и в древних.

В книжной речи хотя и допускаются все формы настоящего времени: *есмь, еси* и проч., но в разговорной употребляется только *есть;* напр., *есть легче, есть город,* в котором...

Примеч. 1. Замечательно, что во многих местах греческого подлинника Св. писания опущен глагол *есмь* там, где в славянском тексте, по древнейшим спискам, он удерживается; исправленный текст и в этом случае иногда согласуется с греческим. Напр., в О. ев. чьто ю (вм. юсть) тебѣ — τί πρὸς σέ; в испр. что къ тебѣ̀, Ио., 21, 22; в О. ев. чьто ю (вм. юсть) нама и тобѣ — τί ἡμῖν καὶ σοί; в испр. что̀ намъ и҆ тебѣ̀, Матф., 8, 29; в О. ев. чьто сѫть словеса си — τίνες οἱ λόγοι οὗτοι; в испр. с суть: что̀ су̀ть словеса́ сі̑ѧ, Лук., 24, 17; в О. ев. со сѫть словеса — οὗτοι οἱ λόγοι; в испр. опять с су́ть: сі̑ѧ су́ть словеса̀, Лук., 24, 44. И в О. ев. иногда опускается глагол *есмь;* напр., одно и то же выражение в одном месте употреблено с *есть:* каꙗ бо польꙃа юсть члв҃коу, 131 г, а в другом без глагола: каꙗ бо польꙃа члв҃коу, 244 б. В Изб. 1073 г., именно в послесловии: а҃ коньць въсѣмь книгамъ. оже ти собѣ не лю҃бо. то того и҆ дроугоу не твори (опущение *есть* при причастии прошедшем см. в § 187).

Примеч. 2. Опущение этого глагола в немецком языке: в пословицах: „ein Mann ein Wort“, „frisch begonnen — halb gewonnen“, „besser ein Sperling in der Hand, als zwei auf dem Dach“, „wie der Herr, so der Knecht“; в кратких выражениях и в восклицаниях: „schade!“, „kein Wunder!“, „wunderbar!“ В романских языках: в итал. „grazia a dio!“, во франц. „grace à dieu!“.

2. Несогласование глагола *есмь* в лицах и числах, столь обыкновенное в нынешней разговорной речи, ведет свою историю уже от древнейших памятников русской письменности.

Примеч. 3. Уже в Лавр. сп. лет. этот глагол не согласуется: „се уже *есть* покорился мнѣ“, 30. — Замечательно, что несогласование произошло оттого, что 3-е лицо *есть* стало употребляться вместо всех лиц обоих чисел, напр. вм. 2-го лица: в Древн. русск. стих. „каково про тебя сказывали, | таков *ты* и *есть*“, 28; в олон. былин. „кто *ты есть?*“ — „сирота *я есть* прегорькая“, Рыбн., I, 309; II, 266; в дух. стих. „чем *я* вам *есть* не угоден?“, Кал., I, 158; в Расск. „мужик *ты* пахарь *есть*“, 69; у Дмитр. „*ты* точно лев и *есть*“, III, 65; вместо всех трех лиц мн. числа: в Расск. „властелины *есть* над всем здесь *мы*“, 10; в Живоп. „как вам не быть тем, что́ *вы есть?*“, 110; у Крыл. „могли бы они видеть их (комнаты) такими, каковы *они есть*“, Почт. дух., 1, 9. Сюда же принадлежит употребление *есть* со мн. числом, в значении: находятся, существуют; напр., у Дмитр. „*есть рыбы,* говорят, которые летают“, III, 104. Слич. употребление *есть* в олон. былин. „*есть* еще этих *яблоков,* | только *висят* они высоко *есть*“, „либо батюшко мой *помер есть*“, Рыбн., II, 306, 110. В последнем примере сохранился остаток прошедшего вр. описательного.

Примеч. 4. Все лица настоящего времени глагола *есть* до позднейшего времени удержались кое-где в народном языке. Еще в XVII в. они употреб-

лялись, как это видно из песен того времени; напр., „а *еси* государь нашь крымской царь!“ В Древн. русск. стих. хотя и встречается *еси,* но не всегда согласуется в числе: говорится не только „гой *еси ты*“, но и „гой *еси вы*“, а иногда даже „гой *есть вы*“, 419. В нынешних народных песнях еще находим *естя* вм. *есте,* во 2-м лице мн. числа; напр., в нижег. наречии: „ох *вы* гой *стя,* мои сильны́ могучи́ бога́тыри“, „ох *вы* гой *естя,* мое *вы* два бога́тыря“ (в последнем примере сближение с двойным числом, вероятно, случайное).

В азбуковниках, или старинных словарях, *есмь, еси* объясняются местоимениями *я, ты;* следовательно, только как знаменатели лиц: 1-го и 2-го.

II. МЕСТОИМЕНИЕ[42]

1. МЕСТОИМЕНИЯ ЛИЧНЫЕ И УКАЗАТЕЛЬНОЕ *ОН (ОНЫЙ)*

§ 203. Личные местоимения 1-го и 2-го лица отличаются от местоимения 3-го лица тем, что не изменяются по родам, тогда как это последнее имеет все три рода. Первые два суть собственно личные местоимения, а последнее — указательное (§ 57).

Важнейшие особенности в употреблении личных местоимений суть следующие:

1. Замена личных местоимений (и соответствующих им притяжательных) описательными формами, состоящими из существительного с местоимением, преимущественно притяжательным. Напр., в разговорном языке вм. *я, ты, он, мы* и проч. говорят: *мое дело, твое дело* и проч.: „наше дело невольное“, т. е. мы не вольны; „мое дело небогатое“; „твое дело служивое“, т. е. я не богат, ты служишь. Сюда же принадлежат в народе употребляющиеся описательные формы: *ваш брат, ваша сестра,* вм. *вы; наш брат, наша сестра,* вм. *я, мы.*

Примеч. 1. Выражение *наш брат, ваша сестра* и т. д. собственно означают: „мы и другие нам подобные“, „вы и другие вам подобные“, что́ в романских языках весьма удобно обозначается прибавлением лат. местоимения slteri (т. е. другие) к лат. личным nos и vos (мы и вы): во франц. nous autres, vous autres; в испанск. даже сложные формы: nosotros, vosotros. В итал. к altri, altre даже прибавляются существительные *люди* или *женщины;* напр., *noi altre donne,* pensiamo cosi“ (т. е. „мы другие женщины думаем так“, но собственно по-русски: „*наша сестра* думает себе так“) и т. п.

Описательные формы со словами *тело, рука,* употребляющиеся в других языках, объяснены в §-е 152-м.

Описательными формами язык воспользовался для отличия различных оттенков вежливости и приличия между говорящими. Так, старинное духовенство употребляло форму *наше смирение* вм. *я, мы;* народ обозначает вежливость выражениями: *твоя* или *его, ваша* или *их — милость, честь; твое* или *его, ваше* или *их здоровье.* Этому же правилу последовали формы титлования: *ваше*

благородие, их благородие, его сиятельство и проч. Имена и глаголы, при этих формах, согласуются с естественным родом лица, к которому обращается речь или о котором говорится. Число же полагается или единственное, или множественное. Напр., „твоя милость пришел“, „ее здоровье позамешкалась“, „ваше сиятельство изволите видеть“, „ее сиятельство изволила кушать“.

Примеч. 2. Пример тому, как выражалось старинное духовенство, можно видеть, напр., в письмах патриарха Филарета к царю Михаилу Федоровичу — „по плотцкому рожденiю сыну, о святѣмъ же дусѣ возлюбленнѣйшему сыну *нашего смиренiя*“, как он выражается, под 1619 г. (см. Хр.). — Пример описательной формы с существительными *брат* и *здоровье: „наш брат твоему здоровью* не слуга“, Живоп., 1, 153. — Пример согласования: у Пушк. *„его милость подослан* к нам“, VII, 194.

Примеч. 3. Описательные формы в других языках: в немецком: Hoheit, Durchlaucht, Gnade и др.; а из скромности даже: meine Wenigkeit вм. *я;* в итал. vostra signoria, выражение, заменяемое в разговоре местоимением жен. рода ella; в испанск. vuestra merced (= ваша милость), сокращенно usted.

2. Употребление множественного числа вм. единственного: во 2-м и 3-м лицах, для означения вежливости: *вы* вм. *ты; они* вм. *он; их* вм. *его, ее* и проч.; а в первом лице для означения речи владетельных лиц, напр. „Мы божиею милостию...“ — Замена единственного множественным в третьем лице особенно употребительна тогда, когда говорится о лице присутствующем; напр., *они говорят* вм. *он говорит.*

Сюда же принадлежит употребление литераторами 1-го лица во множественном вм. единственного, для означения писателя и его читателей или вообще исследователей и ученых.

Примеч. 4. Употребление 1-го лица во мн. числе, вм. единственного, владетельными лицами, когда они говорят о себе, обязано своим происхождением римскому и византийскому церемониалу. Западные монархи уже в отдаленные средние века усвоили себе этот обычай: Феодорик, Пепин, Карл говорили о себе во мн. числе, подражая Константину, Феодосию, Юстиниану. — У нас этот обычай введен еще до Петра Великого. Царь Михаил Федорович даже в семейной переписке с патриархом Филаретом говорит о себе во мн. ч.; напр., в письме под 1619 г. „возвѣщаю, государь, вашему святительству, яко *мы* и мать *наша,* благородная государыня инока Марѳа Ивановна... въ село Спасское пришли есмя сентября въ 25 день“ (см. Хр.). Котошихин в своем сочинении „О России в царствование Алексея Михайловича“, в статье „о титлахъ, какъ къ которому потентату московскiй царь пишется“ приводит следующие формы: „божiю милостiю *мы* великiй государь царь“, „брату *нашему* любительному и сосѣду“, 28.

2-е лицо во мн. числе, вм. единственного, для означения вежливости, употреблялось в Германии уже в IX в.; 3-е же лицо sie, в смысле „вы“, введено было в позднейшее время, именно во второй половине XVII в. Между романскими языками во французском особенно распространилось употребление веж-

ливости vous, votre. Этими местоимениями в старину обращались даже к богу; напр., Карл Орлеанский: „Dieu, par vostre courtoisie“. Итальянский и испанский, для выражения вежливости, пользуются упомянутыми в 3-м примечании описательными формами.

У нас употребление *вы* вм. *ты* стало входить в обращение уже в начале XVII в., впрочем, вероятно, только между владетельными лицами и вообще властями, и притом *вы* смешивалось с *ты*. Инокиня Марфа пишет патриарху Филарету в своих письмах — то: „*вашему* святительству“, „сынъ *вашъ*, вкупѣ же и мой“, — то: „челомъ бью *тебѣ* государю“, под 1619 г. (см. Хр.). Так же смешивалось *вы* с *ты* и при Петре Великом. Ф. Визин об этом времени говорит: „тогда один человек назывался *ты*, а не *вы*“, 118. Вот поздравительное письмо из книги „Приклады, како пишутся комплименты“, 1715 г.: „Мои господине. Великое желание, еже я от вас радостное уведомление вашего щастливого состояния получить имею, есть причиною что я *вас* писменным услужением утруждаю, мои господине *изволь* сию высокую склонность мне показати“ и проч., стр. 150—151. И во времена Ф. Визина оба эти местоимения смешивались, а глаголы употреблялись то в единственном, то во мн. числе 2-го лица; напр., „*одолжи* же меня“, сказал граф, „и *принеси* свою комедию завтра ввечеру ко мне. У меня будет мое общество, и мне хочется, чтобы *вы прочли*“, 507. Издатель „Всякой всячины“ в предисловии обращается к читателю и в единственном, и во множественном: „и так *надейтеся*, господин читатель... *прощай*, господин читатель“. У Пушкина в простонародной речи: „думал ли *ты*, *ваше* благородие, что“..., VII, 162. — Такое же смешение чисел 2-го лица встречаем и в древнейших памятниках иностранной литературы; напр., в средневековой латыни, у Григор. Турск. „nolui sine consilio *vestro*; *tu* autem *dixisti*“ (не хотел без *вашего* совета; *ты* же *сказал*). В прочих славянских наречиях вежливость означается также множественным *вы* вм. *ты*, за исключением польского, в котором обращение к лицу: *пан* или *пани*, согласуется со 2-м лицом ед. числа: напр., „*цо пан робиш?*“, „*цо пани робиш?*“ (что вы делаете?).

Примеч. 5. Народный язык, не зная вежливых местоимений 2-го лица мн. числа, выражает различные оттенки в отношениях между говорящими или помощию ласкательных и унизительных окончаний (§ 220), или же помощию имен, означающих родство, каковы: *дедушка, отец мой, мать моя, батюшка, матушка, брат, братец, дядя, дядюшка, тетка, кум, кума*. Такое искреннее обращение к лицам сохранилось до нынешних времен в большом употреблении, преимущественно у нас; в других языках находим только некоторые его остатки; так, напр., у немцев в простонародии: schwager. Кроме того, в народном и в древнем языке вежливость и привет выражаются словом *свет* и т. п.; напр., царевна Ксения Борисовна пишет к своей тетке: „государынѣ моей *свѣту* тетушкѣ княгинѣ Домнѣ Богдановнѣ“ и проч., под 1609 г. (см. Хр.).

3. Сверх того, *мы* и *вы* употребляются вм. *я* и *ты* в том случае, когда 1-е лицо ед. числа соединяется со вторым или третьим и 2-е с третьим, именно: *мы с тобой* вм. *я* и *ты*, *мы с вами* вм. *я* и *вы*, *мы с ним* вм. *я* и *он*, *мы с ними* вм. *я* и *они*, *вы с ним* вм. *ты* и *он*; но *вы с ними* вм. *вы* и *они* не ока-

залось нужным. Такая замена единственного числа множественным употребляется тогда, когда при двух различных лицах стоит один глагол. Хотя в книжной речи в этом случае полагается глагол во мн. числе и в преимуществующем лице, т. е. в 1-м, когда соединяется 1-е со 2-м или 3-м, и во 2-м, когда 2-е соединяется с 3-м: что́ встречается иногда и в пословицах, напр. „*будем* знать, *ты* да *я,* да брат Илья“, Даль, Слов.; но в разговоре такое согласование мало употребительно, потому что искусственно. Таким образом, вм. *я* и *ты идем, ты* и *он идете,* говорится: *мы с тобой идем, вы с ним идете.*

Равномерно и в косвенных падежах употребляются: *нас с тобой* вм. *меня* и *тебя, вам с ним* вм. *тебе* и *ему* и проч.; напр., у Жук. „то будет грех и стыд для *нас с тобой*“, IV, 198.

Примеч. 6. Совокупное действие 1-го лица со 2-м ед. числа означается повелительными формами: *пойдем, скажем* и проч.; и со 2-м мн. числа формами: *пойдем-те, скажем-те.* Первые соответствуют двойственному числу, а вторые множественному. Потому, из вежливости, двойственное изменяется на множественное; напр., вм. *пойдем* (т. е. *я* и *ты*), говорится *пойдем-те* (т. е. *я* и *вы*).

Примеч. 7. В народном языке, особенно в поэтическом, при личных местоимениях иногда ставится и название самого лица, которое заменяют эти местоимения; напр., в Древн. русск. стих. „только *я Владимир князь* холост хожу“, 86; в песн. „ах, как *мне, тиху Дону,* не мутному течи, | со дна *меня, тиха Дона,* студены ключи бьют“, Чулк., 1, 129.

4. Согласно с заменою безличного глагола личным 2-го лица, у нас местоимение *ты* может употребляться вместо кого-нибудь вообще. Такое обозначение неопределенного лица вторым дает общему понятию свежесть непосредственного отношения к лицу слушающему. Напр., у Крыл. „так души низкие, будь знатен, силен *ты,* | не смеют на *тебя* поднять они и взгляда“, 246; у Жук. „то вдруг целая стена треснувши, наклонилась, и грозится *тебя* задавить“, VII, 188. — Впрочем, и в этом случае позднейшая вежливость требует замены единственного *ты* множественным *вы.*

Примеч. 8. Особенную искренность и наивность разговорного начала придавал старинной речи дат. падеж 2-го лица *ти,* употреблявшийся в безличном смысле. Напр., в Поуч. Влад. Моном. „По истиннѣ дѣти моя разумѣите, како *ти* есть человѣколюбецъ богъ милостивъ и премилостивъ“, „не клѣнитеся богомъ, ни хреститеся, нѣту бо *ти* нужа никоея же“. В речи разговорной и доселе: „вот *тебе* раз!“, „вот *тебе* и съездил!“ и т. п.

§ 204. 1-е и 2-е лицо, означая отношение между говорящим и слушающим, принадлежат собственно одушевленным предметам, и преимущественно лицам. Что же касается до 3-го лица, то им можно означать и лица и неодушевленные предметы. В книжном языке принято было отличать последние косвенными падежами полной формы *оный, оная, оное,* именно: *оное, онаго,*

оную, оною; а первые косвенными падежами местоимения и, ѩ, ю: *его, ему, ею* и проч. — Впрочем, писатели, следуя языку разговорному, и о вещах употребляют *его, ея, ее* и проч.

Примеч. 1. Напр., у Жук. „по совершении молебствия начался ход вокруг монумента; первосвятитель окропил *его* (т. е. монумент) святою водою“, VII, 254; у Пушк. „один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил *его* (т. е. ружье) подле покойника“, VIII, 146.

Местоимение *оный* употребляется только в книжном языке, и притом двояко: или 1) в собственном своем значении, как указательное, и тогда стоит при имени; напр., *оный день, оный свет* и проч.; или 2) в значении местоимения 3-го лица.

Примеч. 2. Напр., у Жук. „в *оный день,* как тебя сочетали бессмертную с смертным“, V, 78; у Пушк. „выслушав приказ и хорошо *его* поняв, мы приступили к исполнению *оного*“, XI, 309. В последнем примере к вещи отнесено не только *оного,* но и *его.*

Примеч. 3. Различие в обозначении лиц и вещей местоимением 3-го лица особенно наблюдается во французском. Только именительный и винительный (il, lui, ils, eux, elle, elles) относятся равно и к вещам, и к лицам; в соединении же с предлогом эти местоимения относятся только к лицам и предметам олицетворяемым: *de lui, à lui, d'elle, contre lui* и проч.; о вещах же употребляются, вместо местоимений с предлогами, неизменяемые частицы, т. е. наречия: *en* и *y*; напр., „j'*en* suis content“, „qu'*en* pencez-vous?“, „j'*y* repondrai dans la suite“ (т. е. à la lettre). Частица en есть лат. inde, итал. ne, прованск. en; а *y* — лат. ibi, итал. vi, прованск. *y*, hi, i. Inde и ibi в средневековой латыни употреблялись, как франц. en и y.

Примеч. 4. В старинном и народном языке местоимение *он* иногда ставится при названии самого предмета, на который указывается. Напр. в Пск. лет. „и *они нѣмцы* учали бити челомъ государю“, 198; у Котоших. „*онъ же бояринъ* пріиде къ царю“, 2; „посольскихъ *ихъ дворянъ* верстаютъ на три статьи“, 52. В Древн. русск. стих. „а втапоры *Терентьище* | *он* жены своей слушался“, 15; „*она* тем *узда* дорога“, 33; „а втапоры *Волх он* догадлив был“, 47; „которы *молодцы они* поглавнее, | срезали чембуры шелковые“, 144.

Примеч. 5. Средний род *оно* иногда употребляется вм. *это;* напр., у Жук. „думал: *оно* иначе и быть не могло“, V, 273.

В практическом отношении об употреблении местоимения *он* должно заметить следующее:

1. Это местоимение может заменять только существительные, а не произведенные от них притяжательные прилагательные. Впрочем, писатели позволяют себе и эту последнюю замену.

Примеч. 6. Напр., у Карамз. во II томе: „при сих словах прервался *Лафатеров* голос; *он* (т. е. Лафатер) утерся белым платком“, 235; „физиогномия *Мармонтелева* очень привлекательна; тон *его* доказывает, что *он* жил в лучшем парижском обществе“, 517. Такое сочетание слов в древнем и на-

родном языке весьма употребительно, потому что согласно с тем общим законом, по которому существительное в род. падеже изменяется в прилагательное притяжательное (§ 223).

2. Во избежание двусмыслия местоимение *он, она, оно,* стараются помещать таким образом, чтобы оно указывало только на тот один предмет, о котором говорится, а не на два или несколько, к которым по смыслу оно не относится, но может быть отнесено по грамматическому разбору. Впрочем, и в этом случае, писатели отступают от грамматического разбора, пользуясь в употреблении местоимения *он* более внутренним смыслом, нежели внешнею формою.

Примеч. 7. Напр., у Карамз. в приведенном примере: „при сих словах прервался *Лафатеров голос; он* утерся белым платком", II, 235 — само собою разумеется, что Лафатер, а не голос, может утираться платком; еще пример из того же писателя: „в церкви св. Ефстафия погребен *Кольбер. Памятник* достоин его памяти. *Он* изображен на коленях", II, 555 — конечно, изображен Кольбер, а не памятник, потому что у памятника коленей не бывает. У Пушк. „*лошадь у жены* что-то заупрямилась; *она* (т. е. жена) испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой", VIII, 34. Только в тех случаях следует осторожно употреблять это местоимение, когда оно может вести к действительной обоюдности смысла. В деловом или канцелярском слоге, в этом случае, во избежание всяких недоразумений, ставят при местоимении, в запятых или в скобках, название того предмета, на который именно указывается.

2. МЕСТОИМЕНИЕ ВОЗВРАТНОЕ СѦ, *СЕБЯ*

§ 205. Местоимение возвратное отличается от прочих тем, что не имеет ни именительного, ни звательного падежа, а употребляется только в косвенных, и притом имеет только формы ед. числа, распространяемые и на множественное. Такие этимологические особенности согласуются с самым существом этого местоимения означающего обращение действователя на самого себя, а это может выражаться только косвенными падежами; напр., *знаю себя, доверяю себе* и проч. А так как возвратное действие выражается глаголами возвратными, то местоимение возвратное состоит в теснейшей связи с этими глаголами. Эта связь обозначается в нашем языке тем, что глагол и местоимение ставятся ныне нераздельно; напр., *умываться, надеяться.*

Об употреблении местоимения сѧ, *себя* должно заметить следующее:

1. Оно относится у нас не только к 3-му лицу, но и к 1-му и 2-му, когда они бывают подлежащими; напр., *вижу себя, видишь себя, видит себя, видим себя, гляжу на себя, глядит на себя* и проч. В других языках *себя* относится только к 3-му лицу, а ко 2-му и 1-му—косвенные падежи этих лиц: *меня, тебя, тебе* и проч.; напр., в нем. ich sehe mich, du siehst dich, er sieht sich.

П р и м е ч. 1. Ныне употребительное в русском языке правило наблюдается уже в древнейших церковнославянских памятниках, равно и в нынешних церковных книгах; напр., в О. ев. не могѫ азъ о себѣ (в греч. ἀπ' ἐμαυτοῦ, т. е. *о мне*) творити ничьсоже; в исправленном тоже: ѿ себѣ, Ио., 5, 30; Марка поємь приведи съ собою (в греч. μετὰ σεαυτοῦ, т. е. *с тобою*), 2-е посл. к Тимоф., 4, 11.

П р и м е ч. 2. В нем. языке в некоторых случаях sich относится и ко 2-му и 1-му лицам, как и у нас; напр., „du must nicht *unter sich* sehen"; в старин. памятниках: „wan ich *hinter sich* sech", „ich sahe *under sich*". В народной речи так же; напр., „wir freuen *sich*" вм. „freuen *uns*".

П р и м е ч. 3. Французский язык отличает возвратное *soi* от личного *lui* тем, что первое относит к отвлеченным и безличным понятиям; напр., „le vice est odieux de *soi*", и к таким лицам, которые означены неопределенно; напр., „chacun travaille pour *soi*"; второе же относит к определенным, ясно обозначенным лицам; напр., „il prie Philippe de s'asseoir près de *lui*".

У нас во всяком случае употребляется *себя*, когда только должно показать отношение к подлежащему (которым бы из лиц оно ни означалось) и притом как в полном, так и в сокращенном предложении. Напр., у Карамз. „патриарх (2 марта) собором уставил торжественно просить бога, да сподобит царя благословенного возложить *на себя* венец и порфиру", ИГР, XI, 8.— *на себя*, а не *на него*, потому что сокращенное предложение „возложил *на себя*" разлагается на следующее полное: „чтобы он возложил *на себя*". Напротив того, в следующем месте у Ломон. *себе* должно быть заменено личным *им*: „да движутся светила стройно | в предписанных *себе* кругах", Ода 9 (т. е. „в кругах, которые *им* предписаны").

П р и м е ч. 4. Так как и взаимные глаголы слагаются с *ся*, напр. *драться*, и так как выражения: *друг друга, друг с другом, друг против друга*, означают взаимность; то иногда старинный язык, вместо этих выражений, употребляет возвратное *ся, себя*; напр., в Лавр. сп. лет. „стояша мѣсяцѣ 3 противу *собѣ*" (т. е. друг против друга), 61.

2. В русском языке дат. падеж *себе* иногда употребляется (без ударения) для означения действия или качества какого-либо лица в особенности, действия лица самого по себе и самого для себя; напр., у Крыл. „пускай его *себе* живет", 221; у Пушк. „повремени: дай лечь мне в гроб, | тогда ступай *себе* с Мазепой | мое наследие считать", II, 294.— „Так *себе*".

П р и м е ч. 5. В послесловии Изб. Свят. 1073 г. оже ти собѣ не лѭбо. В послесловии к Псалт. 1296 г. повелѣ собѣ бг҃олюбиваꙗ кнагыни марина списати книгї сиꙗ (см. Хр.).— В Ипат. сп. лет. „нача *собѣ* думати", „тако *собѣ* во сердци мысля", 206. В Мам. поб. „сами есмя *собѣ* два браты". В Кн. Больш. черт. „Мертвый Донецъ... палъ въ море *себѣ* устьемъ", 56. В Древн. русск. стих. „думаем *себе* разумом своим", 96. В олон. былин. „сама ты *себе* спала, *себе* сон видела", „чтó *себе* видел, добрый молодец?", Рыбн., I, 362; II, 271. Иногда в этом же значении, но с некоторым оттенком в мысли, употребляется *ся* в других падежах или с предлогом; напр., в Древн. русск. стих. „а и стал те-то речи размышляти *собою*", 286; „голова его *по себе* лежит, руки, ноги разбросаны",

292. Сюда же принадлежит древнейшее *особѣ* вм. *отдельно;* напр., в Лавр. сп. Нестора: „поляномъ же жившимъ *особѣ*“, 4 (в Кенигсб. сп. *особь*, 7).

Примеч. 6. В церковнослав. памятниках вм. ся иногда употребляется при глаголах си; напр., в Сп. Упиря: ни слезите си ѡ семь (в испр. ниже да слезать ѡ сихъ, Мих., 2, 6). Зѣло ли си жалиши по тыкви. и рече зѣло си жалю до смрти (в испр. ѡпечалилсѧ еси — ѡпечалихсѧ, Ион., 4, 9).

3. МЕСТОИМЕНИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ

§ 206. Притяжательные: *мой, твой, наш* и *ваш*, выражают принадлежность 1-го или 2-го лица, независимо от того, какое бы лицо ни было подлежащим; напр., „я взял *твою* книгу“, „ты взял *мою* книгу“ и т. д. Если же *я, ты, мы* и *вы* составляют в предложении подлежащее, то упомянутые притяжательные заменяются у нас местоимением *свой;* напр., „я взял *свою* книгу“, „ты взял *свою* книгу“ и т. д. В других языках употребляется и в этом случае *мой*, *твой* и проч. — Впрочем, и у нас, как в речи разговорной, так и у образцовых писателей употребляются вм. *свой* и прочие притяжательные.

Примеч. 1. Правило о переходе *мой, твой* и проч. в *свой* наблюдается и в цс. языке, по древнейшим его памятникам. Но в позднейшем, исправленном тексте *свой* изменяется, по большей части, на *мой, твой, наш, ваш,* по свойству греческого подлинника. Напр., в Дамиан. апост. аще прѣдамь тѣло свое, 1-е посл. к Кор., 13, 3; в испр., равно как и в Острожск. мое; в Дамиан. апост. облецисе въ ризу свою, Деян., 12, 8; в Острожск. библ. свою; в испр. твою. Впрочем, должно заметить, что и в древнейших списках попадается мой, твой, нашь и проч. вм. свой; так, напр., в Молитве господней, уже по Остром. списку читается: яко и мы оставляемь длъжьникомь нашимь (а не своимь), и притом в двух местах: 123 в и 272 а. И наоборот, и в нынешнем тексте встречается свой (а не мой, твой и проч.), напр. возлюбиши искреннаго своего (а не твоего), Посл. Иак., 2, 8. В летописях иногда употребляется *свой,* иногда прочие притяжательные; напр., в Ипат. сп. „укрѣпите сердца *ваша,* и подвигнѣте оружье *свое* на ратнѣѣ“, 189. У новейших писателей, по влиянию иностранных языков, весьма употребительны, вм. *свой*, прочие притяжательные; напр., у Ф. Виз. „*мы* в жизни *нашей* не только не едали, даже и не видали такого мерзкого хлеба, какой ели в Вероне“, 425; у Бат. „в молодости *я* странствовал с отцом *моим*“, I, 90; у Жук. „там стадо *моего* отца пасла | *я* с детских лет“, III, 130; „спокой *твое* негодованье, принц“, III, 246; даже у Пушк. „не стала б более иголки дорожить | *я* жизнию *моей*“, II, 368; „*я* спокойно (или беспокойно) наслаждался *моею* славою“, VIII, 25.

Необходимее заменять и в нашем языке местоимение *свой* прочими притяжательными в том случае, когда *мой* и *твой, ваш* и *наш* противополагаются; при этом иногда одно из противополагаемых местоимений заменяется местоимением *свой;* напр., „*я* взял *мою* книгу, а *ты свою*“.

Примеч. 2. Уже в древних текстах для противоположения употребляются, вм. *свой*, прочие притяжательные. Напр., в Дамиан. апост. покажи ми вѣру свою ѿ дѣль твоихъ и азъ покажю тебѣ ѿ дѣль своихъ вѣру мою, Посл. Иак., 2, 18; испр. азъ тебѣ покажу ѿ дѣль моихъ; в остальном согласно с Дамиан. У новейших писателей: у Бат. „я сдержал *мое* слово — сдержите *ваше*", I, 274; „я помню *мое* низкое происхождение, неприличное *вашему* знатному роду", I, 282; у Жук. „святой архиепископ, | *моей* главы коснись *твоей* рукою, | и дочь *свою,* отец, благослови", III, 134; „*твоим* вином *мой* запаленный | язык *я* промочу", III, 78; у Пушк. „с *твоей* судьбой, и бурной и неверной, | соединить судьбу *мою*", I, 323; „он расставил потом караулы (vedettes) со стороны *их,* а *мы* с *нашей*", XI, 329.

Примеч. 3. В старинном и народном языке при местоимениях притяжательных иногда ставится прилагательное притяжательное, произведенное от названия лица, к которому местоимение относится; напр., у Дан. Зат. по списку XVII в., „образъ *твой государевъ* красенъ"; в Юрид. акт. „а оброку бъ у него велѣлъ взяти съ того дикого лѣсу въ *свою государеву* казну", 1587 г.; у Котоших. „въ домахъ *ихъ боярскихъ* учинены приказы", 52; в Живоп. Новик. „указ *твой господский* мы получили", 1, 151.

§ 207. В следующих случаях, вместо притяжательных местоимений, употребляются личные и возвратное:

1. Принадлежность 3-му лицу, когда оно не стоит подлежащим, означается у нас личными в род. падеже: *его, ее, их,* вм. *свой;* напр., „*его* (*ее, их*) дело проиграно". Такая замена необходима потому, что местоимение *свой,* в других языках относящееся к 3-му лицу, имеет у нас значение принадлежности вообще, т. е. значение прилагательного *собственный* или *свойственный,* когда употреблено без отношения к известному лицу; напр., „*своя* ноша не тянет". В Шестодневе Иоанна ексарха Болг. свою (свойственно) бо то ѥсть вѣтру; у Кир. Тур. ѥго же ради и тебе молаше своꙗ жена (собственная твоя).

Примеч. 1. Впрочем, в древнейших церковнославянских памятниках *свой* иногда употребляется вм. *его;* напр., в О. ев. посъла къ нюмоу жена своꙗ; в испр. посла къ нему жена єго согласно с греч. подлинником: ἡ γυνὴ αὐτοῦ, Матф., 27, 19; в О. ев. и облѣкоша и въ ризы своꙗ; в испр. облекоша єго въ ризы єго, равно как и в греч. τὰ ἱμάτια αὐτοῦ, Матф., 27, 31; но в другом месте оба текста, и Остром. и исправленный, имеют *своя* в смысле *собственные* (греч. ἴδια); именно: в О. ев. и облѣкоша и въ ризы своꙗ; в испр. и облекоша єго въ ризы своꙗ; в греч. τὰ ἱμάτια, τὰ ἴδια, Марк., 15, 20.

Примеч. 2. Вм. *свой*, в значении *свойственного, по себе, по своим силам*, иногда употребляется в народной речи *свойский;* напр., в Древн. русск. стих. „не за *свойский* кус ты хватаешься", 331.

Примеч. 3. Родительный падеж *его, ее, их* заменяется притяжательными: в цс. ѥговь, в областном русск. *евойный, евоный, ейный, ихный* (§ 57). Последнее более других областных распространено в просторечии.

2. В древнем цс. иногда вм. *мой, твой* и особенно вм. *свой* употребляются личные местоимения и возвратное в дат. падеже ед. числа: ми, ти, си.

Примеч. 4. Напр., в О. ев. дроугъ ми приде съ пѫти къ мьнѣ; в испр. без ми, как и в греч. тексте, Лук., 11, 6; в О. ев. и самь си несы крестъ; в испр. и нося кр҃ть свой, Ио., 19, 17. В Дамиан. апост. оучеником си вм. своимъ; слꙋжба ми вм. моꙗ. В Ипат. сп. лет. „наутрѣя же приде Данилъ съ многомъ множествомъ полковъ, со братомъ *си* и со сыномъ Лвомъ“, 195. — Сюда же принадлежит *си* в форме *своя си, во своя си, своихъ си;* напр., в Галицк. ев. поѧть ю оученікъ въ своѧси, 224 об.; в О. ев. въ своꙗ; в испр. во своѧси, Ио., 19, 27; в Деян. не ищеть своих-си, 21, 6.

В соответствие этим дательным, вм. притяжательного *его*, употребляется в древнейших списках *ему;* напр., в Супр. рук. и бѣжать отъ лица юмоу (вм. юго) ненавидѧштиі юго, 16.

И наоборот, личные заменяются притяжательными, при сравнении; напр., *лучше моего, твоего, вашего* (вм. *лучше меня,* или *нежели я* и т. д.); „поживи *с мое*“ (вм. *сколько я*).

Примеч. 5. Вместо *ваш*, для означения принадлежности двоим, в древнерусск. употребляется род. пад. личного местоимения в дв. числе; напр., в Сл. о полку Игор. „*ваю* храбрая сердца“ (вм. *ваши*); „не *ваю* ли храбрая дружина“ (вм. не *ваша* ли). Равномерно и *наю* могло употребляться вм. *наш*.

4. САМ, САМЫЙ

§ 208. Местоимение *сам* определяет лицо: *я сам, ты сам, он сам.*

Примеч. 1. Напр., в О. ев. ты о себѣ самь съвѣдѣтельствоуюши, 27; в; ꙗвлѭсѧ юмоу самь, 47 а; в испр. также са́мъ, Ио., 8, 13; 14, 21.

С этим местоимением соединяется понятие о сосредоточенности, о первенстве и самостоятельности, зависящей от личности. На этом основывается состав и значение форм: *сам-друг, сам-третей, сам-пят* и т. д., в которых *сам* первенствует при определительных: *друг, пят* и т. д. — В разговорной речи вм. *хозяина* и *хозяйки* говорят: *сам* и *сама*. — Но так как и неодушевленные, и отвлеченные предметы могут быть принимаемы за одушевленные лица, то и *сам* от определения лиц может перейти к определению предметов.

Примеч. 2. Напр., у Держ. „дела и *сами* наши страсти | — бессмертья знаки наших душ“, I, 10.

Примеч. 3. В народном языке *сам* употребляется иногда вм. личного местоимения, для выражения сосредоточенности лица на каком-либо действии, и ставится при одном из глаголов, когда два или несколько приписываются одному подлежащему; напр., в Древн. русск. стих. „прочитала письмо матера

вдова, *сама* заплакала", 178; в песн. „что пошла ли красна девица, *сама* заплакала", Чулк., 2, 172.

Синтаксическая особенность в употреблении местоимения *сам* состоит в том, что оно может стоять в имен. падеже при деепричастии, в предложении придаточном.

Примеч. 4. Напр., у Жук. „зная людей, изведав тревоги житейские, *бывши* ратником *сам* в молодых летах", V, 181; у Пушк. „*сам заряжая* пушку", V, 60.

Но собственно для определения предметов, а также и лиц одушевленных, без означения их самостоятельной деятельности, употребляется *самый,* произведенное уже от *сам.*

Примеч. 5. Напр., у Жук. „но прелестнейшую картину представляло *самое* озеро", VII, 208; у Крыл. „звери все, и даже *самый* слон...", 102; у Пушк. „*самая* смерть, постигшая его...", VIII, 168.

Местоимение *самый,* означая высшую определительность и происходя от *сам,* имеющего, между прочим, смысл первенства, весьма естественно получило в языке право обозначать превосходную степень, и притом не только качественных прилагательных, напр. *самый добрый,* но и некоторых относительных, напр. *самый сельский.*

Примеч. 6. Напр., у Карамз. „(дом) *самый сельский* и приятный", II, 630. Об употреблении *самый* с прилагательными см. § 69.

В старинном языке даже названия лиц, именно существительные, произведенные от слов, означающих качество, могли употребляться с местоимением *самый,* имеющим в этом случае смысл *настоящего, истинного;* напр., *самый мудрец, самый обманщик* (Барс.). Такое сочетание слов употребляется и теперь, особенно в речи разговорной.

5. ТОТ, ЭТОТ

§ 209. В старинном и народном языке, преимущественно поэтическом, местоимение *тот* иногда употребляется в виде члена, т. е. не указывает на предмет, о котором говорилось, а просто прилагается к названию его, для бо́льшей определенности и живости речи.

Примеч. 1. Напр., в Древн. русск. стих. „и сел на палаты белокаменны, | на *те* на палаты царские, | к *тому* царю индейскому и на *то* окошечко косящатое", 49; „несут Тугарина Змеевича | на *той* доске красна золота", 188; „без бою, без драки великие | и без *того* кроволития напрасного", 244. В Дух. стих. „а скажи, Егорий, kaковá роду? | каковá роду, каковá чину? | Царского роду, аль боярского, | аль *того* чину княжевинского", 2, 31—34; „пошел Алексей почивати | во славные тихие покои, | во *те же* во отхожие чертоги", 7, 98—100.

Средний род *то* и *это*, для живости речи в указании на предмет или даже на всю мысль, выражаемую предложением, иногда

без изменений приставляется не только к именительному, но и к косвенным падежам имен и местоимений всех трех родов, а также и к наречиям. *То* указывает на предмет и иногда означает: *что́ касается до;* напр., „отец-*то* любит, да мачеха-*то* зла" (что касается до отца... до мачехи). *Это* относится к целому предложению; напр., „куда *это* вы идете?", „кому *это* приготовлен подарок?", „как стали *это* они делить добычу" и проч.

Удвоенная форма *то-то* употребляется для усиления речи; напр., „*то-то* человек!" (т. е. очень хороший); „*то-то* повеселились" (т. е. очень много и хорошо); „*то-то!*" („да, действительно", а также в смысле: „ну, смотри же!").

Для усиления же речи, в виде члена, употребляется *т* на конце слов, с некоторыми изменениями в звуках, показанными в § 58; напр. *дом-о-т, княз-е-т* (вм. древних домъ тъ, кънязь тъ, домотъ, кнѧзєтъ, или вм. нынешних: *домъ-то, князь-то*). У писателей: „*мост-а-т* наш каков!", Крыл.; „в ученье *прок-а-т* не велик", Гриб.

Примеч. 2. В народном языке *то* изменяется на *та, ту, те;* напр. *мать-та, мать-ту, люди-те;* а по северному, или новгородскому наречию в таком случае употребляется и мужеское *тот,* равно как и *та, то* и *те,* и притом с склонением по всем падежам обоих чисел; напр., *отец-тот, отца-тово, больной-той жене, людей-тех, дела́м-тем* (Барс.).

6. ВСЯКИЙ И КАЖДЫЙ. ВЕСЬ

§ 210. 1) Различие в употреблении местоимений *всякий* и *каждый* основывается на их производстве: *всякий* (от *весь*) употребляется тогда, когда говорится о всех, в смысле *какой бы то ни было;* напр., „*всякий* хочет наслаждаться", т. е. какой бы то ни было: и богатый и бедный, и глупый и умный и т. д.; *каждый* (кый-*ждо,* къ-жьдо) имеет смысл числительный, обозначая всех поодиночке, самого по себе; напр., у Пушк. „оба мы замолчали, погрузясь *каждый* в свои размышления", VII, 203. Это последнее местоимение собственно обозначает разделение действия между многими лицами и употребляется преимущественно в объяснительном придаточном предложении, при главном; и, так же как *сам* (§ 208), может стоять в именительном падеже при деепричастии, как это видно из приведенного примера.

Примеч. 1. В цс. языке местоимением вьсѣкъ переводится греч. πᾶς (omnis), а местоимением къжьдо — ἕκαστος (quisque). Так как и *весь* (цс. вьсь) значит тоже πᾶς, то в древнейших цс. памятниках иногда употребляется это местоимение вм. вьсѣкъ; напр., в О. ев. да вьсь видѧи сына; в испр. да вса́къ ви́дѧй сн҃а, Ио., 6, 40. В цс. переводе иногда прибавляется вьсѣкъ в тех случаях, где в греч. стоит только существительное, употребляемое в общем смысле; напр., О. ев. веселѧсѧ на вьсакъ день; в греч. только: εὐφραινόμενος καθ' ἡμέραν; в испр. вьсь вм. всѧкъ: веселя́сѧ на вса̀ дни, Лук., 16, 19. Точно так же и теперь говорим в некоторых случаях или *всякий, все,* или без того и другого: *всякий чело-*

век, все люди — или просто *человек*. Сродством слов *всякий* и *все*, как по образованию, так и по значению, объясняется согласование единственного *всякой* с сказуемым множественного числа, в старинном языке; напр., в „И то и се“: „*всякой*, кто ни придет ко мне, *снимает* ее (Поденьшину журнал) со стены и *прочитывают*“, 9. Что касается до **къжьдо**, то уже в древнейших церковнославянских памятниках это местоимение имело то самое значение, которое объяснено выше в этом параграфе. Напр., О. ев. **идѣахѫ вьси написатьсѧ къжьдо въ свои градъ**; в испр. **и҆дѧ́хꙋ вси написа́тисѧ, ко́ждо во свой гра́дъ**, Лук., 2, 3. Здесь, очевидно, противоположение местоимений **вьсь** и **къжьдо**. Исключительность этого последнего ясно обозначается в цс. прибавкою к нему речения **єдинъ** и родительным мн. числа, зависящим как от **къжьдо**, так и от **єдинъ**: по-русски с предлогом *из*: **къжьдо ихъ** — *каждый из них, один из них*. Напр., в О. ев. **начѧшѧ глати юмоу юдинъ къжьдо ихъ**; в греч. εἷς ἕκαστος αὐτῶν; в испр., так же: **є҆ди́нъ кі́йждо и҆́хъ**, Матф., 26, 22. Правильное употребление местоимения *каждый*, согласное с первоначальным его значением, видим и в следующих примерах из нашего языка: в Новг. 1-й лет. „вси 6 князь *кождо* съ своими бояры и дворяны придоша въ шатьръ ею“, 36; „а прочіи вои десятыи приде *кождо* въ свояси“, 41; „придоша *кождо* десятыи въ домы своя“, 50. У новейших писателей: у Карамз. „их (тротуары) *всякое* утро моют служанки, *каждая* перед своим домом“, II, 680; у Жук. „виденные нами предметы имеют, *каждый*, много особенного“, VII, 205; у Пушк., сверх приведенного выше: „переправились через реку, *каждый* держась за хвост своей лошади“, XI, 306.

Примеч. 2. Усеченное *всяк*, как прилагательное, с существительным употребляется более в старинном и книжном языке; напр., у Дан. Зат. по списку XVII в. „*всякъ* бо *человѣкъ* хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ“; у Кант. „веришь ли, что *всяк* тебе *человек* подобен?“, Сат. 2. В собственной же разговорной речи местоимение *всяк* употребляется только одно, т. е. как местоимение существительное; напр., в послов. XVIII в. „*всяк* на себя хлеб добывает“; у Даля в Слов. „не *всяк* пашню пашет, а *всяк* хлеб ест“. Сюда же принадлежит в ср. роде: *всяко*, употребляемое в обычном выражении „*всяко* бывает“, „*всяко* случается“, напр. у Пушк., VIII, 95. — *Всякой* и *всяк* стоят в таком же отношении одно к другому, как франц. chaque и chacun.

2) Из особенностей в употреблении местоимения *весь* замечаются следующие:

а) *Весь* вм. *совсем, окончен;* напр., в поговорке „сказка *вся*, больше сказывать нельзя“, Даль, Слов.

б) *Все*, в ср. р. ед. ч., вм. *всегда;* напр., „*все* бы тебе гулять“.

7. ОДИН И ДРУГОЙ (ОДИН ДРУГОГО, ДРУГ ДРУГА И Т. Д.)

§ 211. Взаимное отношение двух или нескольких предметов означается местоимениями двояко: или а) местоимениями *один* и *другой: один другого, одно другому, одна за другой* и проч., или б) местоимением *друг: друг друга, друг другу, друг за другом* и проч. — И тот и другой способ обозначения взаимности имеют между собою общего то, что из двух речений, из которых

состоит каждый, изменяют второе по падежам и сочиняют с предлогами независимо от первого: *один другого, одно за другим, друг друга, друг за другом.* Сверх того, и в том и в другом случае местоимения эти могут стоять независимо от подлежащего и сказуемого; напр., „солдаты идут *друг за другом*“, „полки идут *один за другим*“.

Особенности того и другого способа состоят в следующем:

1. Местоимение: *друг друга, друг другу* и т. д., состоит из повторения речения *другой* в усеченном окончании (т. е. как бы: *другой другого, другой другому* и т. д.). Но так как усеченное местоимение принимает форму существительного и значение лица (напр. *сам, он, всяк,* в отличие от *самый, оный, всякий*); то и *друг* (от *другой*) принимает форму существительного в смысле приятеля и употребляется преимущественно о лицах как муж., так и жен. рода; впрочем, говорится и о вещах, даже уже в древнейших памятниках; напр., в Изб. Свят. 1076 г. дроугъ дроуга — о ветвии (вм. *одно другого*). При этом должно заметить, что в составном: *друг друга, друг другу* и проч., первое речение, т. е. *друг,* не изменяется ни по родам, ни по числам, ни по падежам, а второе, изменяясь по падежам, остается в одном и том же роде и числе.

Примеч. 1. Напр., у Карамз. „молодые дамы съезжались по вечерам для того, чтобы разорять *друг друга*“, II, 457; у Крыл. „по случаю какому-то, в аду | Змея с Клеветником в торжественном ходу | *друг другу* первенства оставить не хотели“, 181; у Жук. „*друг на друга* взглянули старик и старушка“, V, 189; у Пушк. „*друг другу* тетушки мигнули“, I, 201.

Примеч. 2. Усеченное *друг* вм. *другой, кто-нибудь* в древнем языке было весьма употребительно; напр., в послесловии к Изб. Свят. 1073 г. ѻже ти собѣ не любо то того и҃ дроугоу не твори (см. Хр.). В Договорн. гр. смол. кн. Мстислава с Ригою и Готск. берегом 1229 г. кто биють дроуга дѣревьмь — вариант: кто деревомь оударить ч҃лвка; — аще кто дроуга ранить — вар. аще кого оуранать. — В приведенных примерах *друг* принимается за существительное, а в следующем месте Сл. о полку Игор. — за прилагательное, согласованное с существительным: „аще и вѣща душа въ *друзѣ* тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше“.

Отвлеченное обозначение взаимности местоимением *друг друга* иногда для живости представления заменяется повторенным названием самого предмета; напр., в пословицах: „*ворон ворону* (вм. *друг другу*) глаза не выклюет“, „*рука руку* моет“ (вм. *одна другую*); у Пушк. „*ворон к ворону* летит“. В Сл. о полку Игор. „рекоста бо *братъ брату*“.

Примеч. 3. В старинном языке вм. *друг друга, друг другу* иногда употребляется: *своего брата, своему брату;* напр., в Троицк. сп. лет. „того же лѣта бысть моръ въ Новгородѣ отъ глада, иніи люди рѣзаху *своего брата* и ядяху“, 220. Тем же стремлением — придать бо́льшую точность и изобразительность — объясняется изменение местоимения *друг друга, друг другу,* на выражения: *друг дружку, друг дружке* и т. д.; напр., в Древн. русск. стих.

„друг с дружкой проститися“, 248. В этих выражениях употреблено существительное *дружка,* вм. формы *друг,* стоящей еще на средине между местоимением и существительным, согласно с употреблением сущ. имени жен. р. дроуга в древних памятниках; напр., в Изб. Свят. 1076 г. дроуга къ дроузѣ прѣклАнАющтисѧ (т. е. одна к другой, друг к дружке).

2. Местоимение: *один другого, одна другую, одно на другое, одну за другой* и т. д., употребляется для означения взаимности преимущественно между предметами неодушевленными и отвлеченными. Сверх того, отличается от местоимения: *друг друга,* еще и тем, что *один* изменяется по родам и числам и употребляется не только в именительном, но и в винительном падеже; вследствие чего это местоимение оказывается способнее для означения зависимости от действия; впрочем, преимуществуя перед выражением *друг друга* и проч. в точности, уступает ему в изобразительности и свежести разговорного характера.

Примеч. 4. Напр., у Карамз, во II томе: „вместо крыльца служат два дикие камня, *один на другой* положенные“, 384; у Бат. „открылось великолепное и удивительное зрелище, когда оба войска выстроились *одно против* другого“, I, 240; у Пушк. „видения неслись перед нею *одно за другим*“, VIII, 44; „вынимать бумажки *одну за другой*“, X, 261.

3. Новейшие писатели смешивают местоимения *друг друга* и *один другого,* употребляя одно вм. другого, т. е. первое о предметах, а второе о лицах. Это объясняется олицетворением предметов, с одной стороны, и возведением живого представления о лице до отвлеченного понятия — с другой. Потому последнее более употребительно в книжной речи; первое же весьма обыкновенно в разговорной.

Примеч. 5. а) *Друг друга;* напр., у Карамз. „сердца их разумели *друг друга*“, II 160; у Жук. „и быстро полетели | *друг против друга* две грозы“ VI, 149. — б) *Один другого:* у Хемн. „что ж, скоро ли? *один другому* говорит“, II, 13; у Жук. „нас обменяли *одну на другую,*“ V, 228; „(витязи) полетели *один против другого,*“ VI, 46; у Пушк. „мы все пошли в степи по разным направлениям, удаляясь *один от другого*“, VIII, 280; „(барышни) выбрали себе места *одна подле другой*“, X, 164.

Примеч. 6. Вм. *друг за друга, друг на друга,* употребляется иногда: *один за один, один на один;* напр., в песн. *„един за единого* умерети“ Чулк., 1, № 123.

8. НЕСКОЛЬКИЙ, НЕСКОЛЬКО (СКОЛЬКО, МНОГО, МАЛО, БОЛЕЕ И Т. П.)

§ 212. 1. *Несколько.* Местоимение количественное *несколько* употребляется двояким образом: 1) по своей этимологической форме, как местоимение среднего рода ед. числа, или 2) по значению — как собирательное имя, и тогда согласуется с ска-

зуемым во мн. числе. В первом случае выражение более **отвлеченное и книжное**, потому что основано только на грамматическом соображении внешней формы; во втором — выражение **живее и нагляднее**, потому что основано на смысле речи и на представлении тех предметов, о которых говорится.

Примеч. 1. Напр., а) с ед. числом: у Карамз. „всякой день, говорил он, *умирает* здесь *несколько* человек", II, 410; „по углам комнаты *было* еще *рассеяно несколько* групп", II, 583; у Пушк. „*несколько* казаков *бежало*", V, 60; „около него *стояло несколько* из главных его товарищей", VII, 192. — б) Со мн. числом: в Зап. Дан. „его старанием *несколько* человек из учеников *пожалованы были* в артиллерию сержантами и ундер-офицерами", 31; у Бат. „*несколько* небрежных стихов, иностранцем написанных, *дают* право гражданства", I,78; у Жук. „*несколько* камней, сорвавшись с высоты, *увязли* в ущелье и *образовали* кровлю," VII, 189; у Пушк. „*несколько* солдат и башкирцев *выведены* в поле и *расстреляны* картечью", V, 26; „в некотором расстоянии от Казбека *попались* нам навстречу *несколько* колясок и *затруднили* узкую дорогу," VIII, 151. — в) И с единственным, и со множественным в одном и том же предложении: у Пушк. „по лесу *раздалось несколько* голосов и *стали* приближаться," X, 237; „*несколько* дамских головок *обратилось* к нему и *стали* вызывать его сперва вполголоса, потом громче и громче," X, 260.

2. Точно так же и *сколько*, древнее и цс. *колико* (в просторечии *колько*), согласуется или с единственным, или со множественным числом.

Примеч. 2. Уже в О. ев. *колико* употребляется со множественным, напр., колико на тѧ послоушьствоуѭть, 185 г; колико на тѧ съвѣдѣтельствоуѭть, 197 а; в испр. коли́ка на тя́ свидѣтельствуютъ, Матф., 27,13; со мн. числом ср. рода *колика* как и в подлиннике: πόσα. *Сколько* со мн. числом у новейших писателей; напр. у Бат. „*сколько* и *сколько* приятных минут, проведенных с вами, *дают* мне право на ваше воспоминание", I, 320. *Сколький, столький, несколький*, употреблявшиеся в старинном языке, ныне в разговорной речи имеют только форму ср. рода: в имен. и вин. *сколько, столько, несколько*, и в дательном с предлогом *по: по скольку, по стольку, по нескольку*. У писателей: *сколько, несколько (столько)* в вин. падеже, вместо: *скольких, нескольких*: у Бат. „кормил и одевал *несколько* заслуженных воинов", I, 214; у Пушк. „схватили в городе *несколько* злодеев", V, 38; „я увидел *несколько* башкирцев", VII, 156. Старинные писатели свободнее нынешних обращались с этими местоимениями, употребляя их не только вм. вин. падежа мн. числа, как употребляют нынешние писатели, но и вместо прочих падежей; напр., во Всяк. всяч. „(салфетки) служили за осмью обедами, да *за столько* же ужинами" (вм. *за столькими* же), 93.

3. Прилагательные ср. рода: *много, немного, мало, более, менее*, так же как и *несколько*, употребляются и с единственным числом, и со множественным.

Примеч. 3. Напр.: а) с ед. числом: у Карамз. „*более* тридцати человек *сидело* за столом", II, 405; у Жук. „*много* рыцарей кастильских| к утешенью

дам Заморы | *было сброшено* с седла," V, 60. — б) Со мн. числом: в Новг. 1-й лет. „*мало* ихъ *убѣжаша*", 13; у Бат. „*немного* радостей *награждают* их за беспрерывные мучения", I, 258; у Жук. „*много* рыцарей кастильских вкруг него *стоят* и *плачут*", V, 62; у Пушк. „*более* двух тысяч пятисот карет, колясок, телег малых и больших *попались* в руки неприятелю", XI, 321—322. Как *несколький, сколький, стольний*, выходят из употребления, так и *многий* вм. *много*. — *Многий, многая, многое*, было весьма обыкновенно в цс., откуда заимствовано и в нашу книжную речь; напр., *многая правда, многое благо* и т. п. В разговорном же языке оно употребляется в ед. числе, только в имен. и вин. пад. среднего рода, и притом с усеченным окончанием. Что же касается до мн. числа *многие, многих* и т. д., то хотя эти формы в речи употребительнее косвенных падежей ед. числа, но принадлежат более языку образованному, нежели просторечию. *Многий, многая* и проч. ныне могут быть употреблены только в речи витиеватой; напр., у Пушк. „присмотрена им *многая* неправда", V, 18.

9. МЕСТОИМЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ

§ 213. 1. Местоимения неопределенные бывают двоякого рода: одни состоят из вопросительных с частицами *не-* и *-то: некто, нечто, некоторый, кто-то, что-то, который-то;* другие из тех же местоимений с частицею *ни-* и с глаголом (напр., *будь*): *что-нибудь, какой-нибудь* и проч.

Местоимение *некто* употребляется теперь только в имен. падеже, а *нечто* в именительном и винительном; в косвенных падежах то и другое заменяются формами: *кого-то, кому-то, чего-то* и проч.

Примеч. 1. В Супр. рук. **кьто** неоднократно употребляется вм. **нѣкьто** и **кый** вм. **нѣкый**.

Примеч. 2. В старинном языке и *некто* и *нечто* употреблялись в косвенных падежах; напр., в Анекд. древн. пошех. „почитая ее (машину, т. е. часы) *нечим* одушевленным", 168. — Притом управляющий этими местоимениями предлог ставился между *что* или *кто* и *не-*; напр., в Ипат. сп. лет. „слышавше *нѣ отъ кого*", 5 (слич. § 75).

Местоимение *некоторый*, весьма употребительное в книжной речи, обыкновенно в разговоре заменяется формою *какой-то*. Исключение составляет старинная обычная форма, которою начинаются сказки: „в *некотором* царстве, в *некотором* государстве". Иначе в областном языке: „*не в каком* царстве, *не в каком* государстве" — от *некакой*. У Афанас. *не-в-каком*, VI, 273, 340.

Примеч. 3. Подражая этой сказочной форме, в старину писали, напр.: „молодой дворянин, обучавшийся в *некотором* славном немецком университете", Трут., 1,69; „в *некотором* приказе был судья", ibid, 71. Но совершенно по-книжному употреблено это местоимение, напр., в следующем месте у Бат.: „великие писатели образуют язык: они дают ему *некоторое* направление", I, 234.

Неопределенные местоимения и наречия могут слагаться с различными глаголами; напр., *что-нибудь, куда-нибудь, кто ни попало, кто бы ни был, куда бы ни было, какой ни есть*, или, по старинному и народному, *какой ни-на-есть;* старинные формы: *кто ни-хотя, что ни-хотя* и нек. др.

Примеч. 4. Напр., в Юрид. акт. XIV в. „кто почнетъ вступаться, или въ землю, или въ пожни, или въ лѣсъ, или въ *что ни-хотя*"; в Шуйск. акт. „а хто шуянинъ въ Шуѣ купитъ *какой* товаръ *нибуди*", 1614 г.; „какую *ни на-есть* новинку и смеха и нравоучения тут находим", Всяк. всяч., 14; „того и смотрю, что резнет меня *чем ни попало*", Ф. Виз., 54.

2. Отрицательные местоимения *ничто, никто, никакой, некоторый,* употребляясь с предлогами, разделяются на свои составные части: *ни за что, ни у кого, ни за какие блага, ни за которого.*

Впрочем, когда *ничто* употребляется в смысле ничтожности, как существительное, тогда не разделяется предлогом; напр., „сделать из *ничего*". Этому правилу следует иногда и *никто;* напр., у Гриб. „а нас за *никого* считает", 104.

Примеч. 5. В народном языке *ничто* и в смысле существительного разделяется; напр., в поговорке „ездил *ни по что,* привез ничего"; слич. у Ф. Виз., 105.

Никоторый собственно значит „ни тот, ни другой", но относится к какому угодно числу предметов и употребляется в старинном и народном языке в смысле: „ни один", которым теперь обыкновенно заменяется это местоимение не только в книжной речи, но и в разговорной. Как утвердительному *всякий* соответствует отрицательное *никакой,* так утвердительному *каждый* — отрицательное *никоторый.*

Примеч. 6. Напр., в Юрид. акт. „въ тѣ ему лготные въ два года *никоторыхъ* государевыхъ податей не давать, ни дани, ни оброку, ни мирскихъ разрубовъ", 1604 г. И в старинном уже языке *ни один* употребляется иногда вм. *никоторый*; напр., в Юрид. акт. „до разъѣзда намъ тѣхъ лѣсовъ *ни одному* не сѣчи" (т. е. никому, ни тому ни другому), 1509.

Примеч. 7. О местоимениях относительных и состоящих с ними в связи вопросительных см. §§ 265—268.

III. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

1. РАЗДЕЛЕНИЕ ИМЕН ПО ИХ ЗНАЧЕНИЮ

§ 214. Имена существительные бывают:

1) По объему выражаемого ими понятия — собственные и нарицательные: первыми означается неделимое; напр., *Москва, Волга;* вторыми родовые и видовые понятия; напр., *город, река.*

2) По отношению частей к целому — простые, собирательные и сплошные. Собирательными означается совокупность единиц одного рода; напр., *лес*, т. е. совокупность *деревьев, ельник* — совокупность *елей*; каждая из единиц, входящих в состав понятия собирательного, называется именем простым; сплошное имя означает массу или вещество, делимое на одинаковые по своему существу части; напр., *железо, золото, мыло.*

3) По отношению человека к природе и лица говорящего к предмету речи — одушевленные, неодушевленные и отвлеченные. Одушевленными именами означаются лица и предметы олицетворяемые; напр., *человек, Фортуна* (в смысле богини счастия); неодушевленными именами означаются предметы неодушевленные; напр., *вода, камень;* отвлеченными — отвлеченные понятия; напр., *любовь, ненависть, доброта.*

В синтаксическом учении особенного внимания заслуживают имена собирательные и сплошные и отношение имен одушевленных к неодушевленным и отвлеченным.

Примеч. О сплошных см. в статье о числах, § 219.

§ 215. Имена собирательные. Как русский, так и церковнославянский язык особенно богаты именами собирательными, означающими в единственном числе множество предметов; напр., *братия, братья, каменье, терние.*

Примеч. Напр., в О. ев. употребляются собирательные в ед. числе вм. греческих простых, стоящих во множественном: а) *братия*: вънидє і҃с въ каперьнаоүмь. самъ и м҃ти юго. и братиꙗ юго; также в испр. бра́тїѧ; в греч. οἱ ἀδελφοί, Ио., 2,12; иꙗковь же роди июдѫ и братиѭ юго; также и в испр. бра́тїю; в греч. τοὺς ἀδελφούς, Матф., 1,2. б) *Знание* вм. *знакомые;* в испр. тексте мн. число *знаемые,* согласно с греч. текстом; пример см. далее, под *рождение.* в) *Камение:* рьци да камєниѥ (οἱ λίθοι) се хлѣби бѫдѫть; в испр. также камєнїє, Матф., 4, 3, г). *Рождение* — слово, иногда заменяемое в испр. тексте множественным оу҆жики, сро́дници (греч. οἱ συγγενεῖς): и слышашѧ окрьсть живѫще и рождениѥ юѩ; в испр. и слы́шаша ѻ҆́крестъ живꙋ́щїи и҆ оу҆жикиѧ́, Лук., 1,58; и искааста юго въ рождении. и въ ꙁнании; в испр. и҆ и҆ска́ста его во сро́дницѣхъ и҆ въ ꙁна́емыхъ — согласно с греч. ἐν τοῖς συγγενεῦσιν καὶ ἐν τοῖς γνωστοῖς, Лук., 2,44, д). *Терние*: и въꙁдрастє трьниѥ (αἱ ἄκανθαι); так же и в испр. и҆ воꙁра́стє те́рнїє, Лук., 8, 7. — Эта особенность славянского синтаксиса, господствующая в О. ев., удерживается и в позднейших списках. Так, напр., приведенный из О. ев. под буквою *г* текст значится в Галицк. ев. 1143 г. и искашєта юго въ рожєнїи. и въ ꙁнанїи, 118; в Поликарп. сп. ев. 1307 г. в рожѣньи и въ ꙁнаньи, 114 об. — В Библии 1499 г. и҆ пославъ приведе прїаꙁнь свою (в испр. приꙁва̀ дрꙋги своѧ̀; в Вульгате: amicos suos, Есф., 5, 10). (См. Хр.)

В древнерусском: а) *богомолья* вм. *богомольцы:* в Юрид. акт. „пощади свою государеву *богомолью*", Врем. Феод. Иоанн., под № 32. — б) *Вое* вм. *воины,* весьма часто в летописях, напр. в Новг.: „и нача *вое* свое дѣлити", 1,1. — в) *Дядья* как ед. число: в Юрид. акт. „съ братьею и съ *дядьею*", 1584 г. — г) *Княжья,* ед. число вм. мн. *князья;* в 1-й Новг. лет. „вся *княжья* русь-

кая", 19; „позванъ полотьскою *княжьею*" 20. — д) *Оспода*, как ед. число вм. мн., или *господа;* в Юрид. акт. „передъ *осподою*", 1483. Слич. в сербск. тоже ед. *госпо́да*. вм. мн. (слич. § 97).

Согласно с определительностью позднейшего языка, собирательные формы уступили место или формам простым во мн. числе, напр. *вое — воины*; или удержались только во мн. числе, при единственном имен простых, напр. *деревья, перья, сучья,* при ед. числе *дерево, перо, сук;* или вошли в разряд форм мн. числа: *господа, дядья.* Впрочем, многие собирательные удержались и теперь, как в языке русском вообще, так и в областных наречиях в особенности (§ 61).

§ 216. В цс. и в старинном русском, как сказуемое, так иногда и слова определительные и местоимения, согласуются во мн. числе с собирательными числа единственного.

Примеч. 1. Напр., *народ* в Супр. рук.: въскоръ съвьравъса многъ народъ въ оржжиї поидоша на нь, 37. пакы въскрича стоѩштиимь и зьрѩштимь к немоу народоу глагола, 118. В О. ев.: народь же стоꙗ и слышавь гл҃ахж (т. е. глаголаахж), в греч. ед. ἔλεγε, 42 в, а далее с ед. числом: отъвѣща юмоу народь, 42 г.; в испр. тексте в обоих местах согласно с этим древнейшим чтением; а в греч. в обоих случаях глагол в ед. числе, Ио., 12, 29 и 34; молиша и вьсь народь, 99 в; в испр. в ед. числе: моли єго́ ве́сь наро́дь, как и в греч., Лук., 8,37. — В Острожск. библ. собир. имя *множество* с определительными, стоящими во мн. числе: ведаше бо сѧ старець множество, сѣдинами оукѣлены, в испр. ведо́мо бо баше престаре́лыхъ мно́жество, сѣдинами оукѣлены, в испр. ведо́мо бо баше престаре́лыхъ мно́жество сѣдинами оу́крашенныхъ, 3 Мак., 4,5. — В летописях: у Нестора, по Лавр. сп. „*сѣдять весь*", 6; „*идуть русь*", 18 и 19 (но и „*иде русь*", 19); „*рѣша* же *дружина* Игорева", 19; „ и да не *имѣютъ* власти *русь* зимовати", 24; „кдѣ *суть дружина* наша, *ихъ* же послахомъ по тя?", 29; „а *дружина* сему смѣятися *начнуть*", 34. В Новг. лет. „*приходиша* вся Чудьская *земля* Пльскову", 1,16; „*прокъ* ихъ *разбѣгошася*", 1,42; „ и *чернь* не *хотѣша* дати числа", 1,57. В Ипат. лет. „*народъ двигнушася* и *ѣыломиша* ворота", 34; „ту къ тобѣ *дружина* твоя *вси прїѣдуть*", 55; „*русь перегѣхаша*", 59. В Пск. лет. „*Литва* Москвою *завладѣли*", 215. В Сл. о полку Игор. „храбрая *дружина рыкаютъ*". — В Древн. русск. стих. „и весь *народ* тому *смеялися*", 149; „и *собираются* тут православный *народ*", 224; „втапоры его *дружина* хоробрая | *купалися* во Ердане реке", 174. — В песн. „и *род-племя догадалися*", Чулк., 1, 179. — У писателей XVIII в. хотя и встречается такое сочетание слов, но уже значительно реже; напр., „впрочем принимается оно (грубое, невежественное обыкновение) неведением простова *народа, из которых* многие, не имея ни малейшего просвещения, держатся суеверия", И то и се, 8; „твоя *братья* по невежеству своему не *умеют* иногда и бородавки утаить", Живоп., 2,32. — „*Магистрат... приказали*", Перéсм., 5,214. „И все *собрание* за приближающимся вечером *желали* в Хорасан возвратиться," Похожд. Ив., 2, 121. — У Ф. Виз. „мы приметили, что здесь *женский пол* гораздо умнее мужеского, а притом и очень *недурны*", 360—361; „весь *город* ездит в рощу, и *не выходят* из карет", 378; „после обеда Трентини повез нас в свой загородный дом, где вся его *семья* угощала нас

сколько *могли*,“ 421. Замечательно, как в последних примерах смешивается ед. число со множественным, и притом ближайшее слово согласуется в единственном, по внешней форме слова; а дальнейшее — во множественном, по смыслу. У Держ. по акад. изд. 1864 г. и след. *„хор* муз... *венчают* лаврами тебя“, I, 124; „откуда ни *взялися* | мальчиков крылатых *строй“* — *„молодежь* вдруг *засмеялись“* II, 181, 514.

В современном языке согласование по внешней форме взяло верх над согласованием по смыслу; потому собирательные согласуются со сказуемым ед. числа, за исключением немногих, означающих величину, которые колеблются в согласовании между своею внешнею формою, т. е. формою имен ед. числа, и между значением, соответствующим числу множественному. Эти слова суть: *большая часть, меньшая часть, половина, число, множество* и т. п.

Примеч. 2. Напр., у Ломон. *„некоторое число* римлян, оставив Италию, на южных берегах варяжских *поселились и создали* город“, III, 136; *„великое* голубей и воробьев *множество*, прилетев в свои гнезда с огнем под кровли, в голубятни и на башни, *зажгли* на всех местах город“, III, 170. У Ф. Виз.: „охотники есть, но правду сказать, *большая часть ставят* учительское звание ниже себя, а *хотят* чинов“, 537. Во Всяк. всяч. „так *думают* и *поступают большая часть* мужей“, 300. „Чего ради из них (из дам) *не малая часть сели* на приготовленных нарочно лошадей“, Похожд. Ив., 2,120; у Крыл. „из которых (т. е. из проигравшихся) *большая половина сидели* в отчаянии“, Почт. дух., 1,59. У Бат. *„большая часть* писателей, мною названных, *провели* жизнь свою посреди общества Екатеринина века“, I,45. У Жук. *„часть* (пловцов) за обломки ладьи *ухватились“*, I,40. У Пушк. *часть* и с ед., и со мн. числом: *„большая часть погибла“*, V, 5; *„большая часть* предположений и предписаний *остались* без исполнения“, V, 7; „пятый день *большая часть* офицеров *не ели* хлеба“, XI, 331. Со мн. числом: *„малое число* книг, найденных мною под шкафами и в кладовой, *были вытвержены* мною наизусть“, VIII, 29; *„целый ряд* катаров (мулов), привязанных один к другому и навьюченных по-азиатски, *потянулись* по дороге“, VIII, 154—155.

§ 217. В синтаксическом отношении отличие имен предметов одушевленных от имен предметов неодушевленных и отвлеченных преимущественно оказывается на винительном падеже обоих чисел: форм муж. рода, оканчивающихся на *ъ, ь* и *й;* и форм жен. рода только во мн. числе. Между этими формами, имена предметов одушевленных в винительном сходствуют с родительным, а неодушевленных и отвлеченных — с именительным; напр., „любить *брата, братьев“*, „любить *сестер, дочерей“;* — „строить *дом, дома“*; „переделать *двери, печи“*. С этим правилом согласуется и относящееся к этим именам местоимение *весь*, стоящее при личном *он*; напр., „вижу *всего его* (напр., хитреца) насквозь“, „люблю *их всех“* (напр., братьев); „переделываю *его весь“* (напр., дом); „переделываю *их все“* (дома).

Имена неодушевленных предметов муж. рода сближаются, таким образом, с именами среднего рода, не отличающими винительного от именительного.

Так как говорящий может олицетворять предметы неодушевленные (§ 148), а одушевленные представлять неодушевленными или возводить в отвлеченные, то многие имена неодушевленных предметов в винительном сходствуют с родительным, а предметов одушевленных — с именительным.

I. Винительный предметов неодушевленных бывает сходен с родительным в следующих случаях:

1. Когда название неодушевленного предмета переносится к одушевленному; напр., *мешок, болван, пень*, в смысле неповоротливого, глупого, упрямого: „нашего *мешка* обманули", „посмотри на *болвана*", „этого *пня* не скоро своротишь" (Барс.). Сюда же принадлежит слово *язык*, употребляющееся в смысле оговорщика; напр., „*языка* ведут" (Барс.); у Пушк. „казака, назвавшегося воеводою, взял с собою, как *языка*", V, 130. Сюда же принадлежат названия предметов, одушевляемых в поэзии; напр., в олон. былин. „*меня* государь *Хмеля* знает", Рыбн., I, 488: здесь *хмель* представляется лицом живым и говорящим.

Примеч. 1. Слово *идол* удержало не себе отпечаток языческого представления о предмете одушевленном; напр., „сокрушить *идолов*". Слово *перун*, в значении языческого божества, имеет винительный сходно с родительным; напр., „воздвигнуть *перуна*"; а в значении грома и стрел сходствует с именительным: „метать *перуны*".

Примеч. 2. Название неодушевленного предмета, употребляемое приложением к названию лица, может приниматься за имя одушевленного предмета; напр., „любил читать хороших стихотворцев: в пример на русском, покойного Ломоносова и господина Сумарокова, как *первых* российского Парнаса *светильников*", Всяк. всяч., 75.

2. Когда неодушевленным предметам дается название одушевленных; напр., „изваять *Аполлона*" (т. е. статую), „смотреть в телескоп на *Юпитера*" (т. е. на планету); в обл. языке: „сперва стали есть *именинника*" (так в ворон. называется именинный пирог).

Хотя сюда же относятся названия книг, напр. *Живописец, Трутень, Парнасский Щепетильник* (мелкий торговец), *Вестник, Современник, Москвитянин* и т. п.; однако в употреблении их должно отличать два периода: древнейший и позднейший. В старину такие имена употреблялись как названия предметов одушевленных; напр., „читать *Живописца, Трутня, Щепетильника*"; в новейшее же время составленные в этом роде имена частию принимаются в смысле имен неодушевленных, согласно с логическим понятием о называемых предметах; напр., „читать *Современник, Москвитянин*"; частию же — в смысле одушевленных; напр., „чи-

тать *Антиквария, Астролога, Юрия Милославского, Евгения Онегина*" (т. е. романы под этими названиями).

Примеч. 3. Напр., „увидел я в объятиях моих *Парнасского Щепетильника*" (т. е. журнал под этим названием), Парн. Щеп., 274; „сколько во Франции почитают Боало де Прея, а в Германии Рабнера, столько здесь разумные люди похваляют Всякую всячину, *Трутня* и *вашего Живописца*, их потомка" (т. е. журналы под этими названиями), Живоп., 2,35. — Но *Вестник Европы, Московский Вестник* (журналы) стали употребляться уже по-новейшему; напр., „издавать *Вестник*", „читать *Вестник*".

3. Когда название неодушевленного или отвлеченного предмета оканчивается на суффикс *-тель,* который собственно означает лицо действующее (§ 59); напр., „помножить *числителя* на *знаменателя*".

II. Винительный предметов одушевленных бывает сходен с именительным в следующих случаях:

1. Когда одушевленные предметы называются именами среднего рода на *-о* и *-е;* напр., *божество, создание, лицо.*

Примеч. 4. В позднейшее время слово *лицо*, в смысле особы, стало употребляться некоторыми в вин. падеже, именно во мн. числе, как предмет одушевленный, с окончанием падежа родительного.

2. Когда совокупность лиц означается именем собирательным; напр., „снарядить *полк*", „собрать *войско*", „покорить *народы*".

3. Когда имена муж. и жен. рода употреблены во мн. числе в смысле имен собирательных, отвлеченных и неодушевленных; напр., „произвести *в офицеры*", „записаться *в мастеровые*", „ехать *в гости*", „берут себе *в жены*" (слич. у Ломон., III, 96). Сюда же принадлежат названия игр; напр., „играть *в дураки*". — Имена в этом случае наиболее употребляются с предлогом *в*; напр., „стыдно *в люди* сказать".

Примеч. 5. В старинном и народном языке имена одушевленных предметов весьма часто встречаются в вин. падеже с окончанием именительного, как в единственном числе, так и особенно во множественном. Напр., в Ипат. сп. лет. „дары ему дасть великыа и *конь свой борзый сивый*", 161; в Слове о полку Игор. „Игорь къ Дону *вои* ведетъ"; в песн. XVII в. „*мои малыя дѣти* побити"; в послов. XVII в. „*бѣлки* ловить — ножки отбить", „бывалъ онъ коткомъ, да лавливалъ и *мышки*"; в древн. русск. стих. „на *гуси* и *лебеди*". У писателей XVIII в.; напр., „украл быка и *две козы*", Кур. из ада, 37. У писателей образцовых в высоком слоге — у Держ. „*сыны* сынов своих увидит", I, 39. Имена лиц, перенесенные на названия вещей, разумеются как имена предметов неодушевленных; напр., у Бат. „спешу принесть цветы и ульев сот янтарный, | и *нежны первенцы* полей", II, 131.

Примеч. 6. Уже с древнейших времен стал употребляться винительный падеж имен муж. рода с окончаниями то именительного, то родительного падежа, и не только в русской письменности, но и в церковнославянской. Напр., в русской: в Новг. лет. „вѫда ны *братъ*“ — и „дасть имъ *брата* своего Ярослава“, 1,38. В цс.: в Супр. рук. ꙁа вы и ꙁа вьсего рода крьстиꙗньска, 12; вь отьць и сынъ и свѧтыи доухъ, 60. В О. ев. иже на д҃хъ хоула, 69 а; в испр. иже на д҃ха хулꙋ, Матф., 12,31. — Основания этимологические см. в 1-й части.

2. РОД

§ 218. Род имен существительных зависит или от значения их, или от окончаний. Последние составляют предмет этимологии (§ 60). Различие же родов по значению определяется самым смыслом слов и рассматривается в синтаксисе.

По значению, имена лиц мужеского пола принадлежат к существительным рода мужеского, а имена лиц жен. — к существительным жен. рода. Одушевляя природу неодушевленную, язык переносит это половое отличие и на предметы неодушевленные и отвлеченные (§ 149). Названия таких одушевленных предметов, в которых не означаем полового отличия, именно названия, придаваемые лицам детского возраста, принадлежат к именам рода среднего; напр., *дитя, отроча*; цс. ꙗгнѧ, телѧ и проч. Названия, приписываемые лицам и того и другого пола, суть рода общего; напр., *родня, плакса, сирота.*

Примеч. 1. Понятие о роде общем принадлежит собственно к синтаксису.

О синтаксических особенностях в употреблении рода имен существительных должно заметить следующее:

I. Иногда окончание имени берет перевес над половым отличием называемого предмета, преимущественно в старинном и народном языке. А именно:

1. Имена муж. рода на *-а* или *-я* употребляются в женском, по сближению с именами этого последнего рода, преимущественно отличаемого окончаниями *-а* и *-я*; напр., *сия слуга.* Очевидно, что такие имена первоначально входили в разряд существительных общего рода.

Примеч. 2. Уже в О. ев. слово *слуга* употребляется не только в мужеском, но и в женском роде; напр., слоугы моꙗ оубо подвиꙁалъıсѧ бышѧ, 182 б, где причастие подвиꙁалъıсѧ постановлено в жен. роде вм. подвиꙁалисѧ, как и значится в испр., Ио., 18,36. Древнейшее согласование удерживается и в других списках евангелия; напр., в Галицком 1143 г., в Поликарп. 1307 г. слоугы — подвиꙁалъıсѧ, но в Моисеевском 1355 г. уже подвиꙁалисѧ, согласно с исправленным текстом.

Наш народный язык доселе пользуется этим правилом, напр. слово *слуга* в жен. роде относит к мужчине, в песне: „ответ держит Соловейко разбойник: не *твоя слуга,* не тее (т. е. тебе) служу, не тея (т. е. тебя) и слушаю“;

в олон. былин. „ай же ты, удаленький добрый молодец, | ай же ты, *слуга моя верная, неизменная*"; „*милая скоморошина*"; „*детина приезжая*"; „*детинушка приезжая*", Рыбн., II, 265, 31; I, 143; в поговорках: *галичья воевода* (своевольник), Даль, Послов., 354; *калика* (странник, богомолец, певец духовных стихов): в дух. стих. „*котора калика* заворуется", Кал., I, 22; у Кирши Дан. „а и ты, братец, *калика перехожея*" (вм. *перехожая*), 183; „ай же ты, Марышко, Марышко, Паранов сын, ты *верная слуга неизменная!*", Афанас., VI, 287. Даже собств. имя *Малюта,* только по созвучию, согласуется в жен. р., при глаголе прош. вр. в муж. р., именно в олон. былин.: „*стоял малая — Малюта* Стенька вор Скурлатов сын", Рыбн., II, 214. Так же сочиняются существительные *слуга, воевода* и т. п. и в сербской народной поэзии; напр. „*слуго моя,* Облачитю Раде", „да ти да бог, *Сибиньска войводо*".

2. Потому имена общего рода, мимо полового отличия, принимаются в женском, на том только основании, что оканчиваются на *-а* или *-я;* напр., *эта сирота, эта повеса* (говоря о мужчинах).

Примеч. 3. Напр., в Шуйск. акт. „пожалуй меня, *сироту свою*" (говорит мужчина), 1623. В олон. былин. „али *невежа* тебя на пиру *обесчестила?*", Рыбн., II, 52, 222.—В Расск. „и так *сия повеса,* | желая интереса | *взял* мысли", 42—43; у Емина „Вася сделался *совершенною повесою*", Игра судьбы, 94.

3) Равномерно имена увеличительные на *-а,* означающие мужчин, иногда употреблялись, даже еще в XVIII в., в жен. роде; напр., *старичина, мужичина* (Барс.).

4) Имена же унизительные, увеличительные и уменьшительные, от имен муж. и жен. рода, принимая окончание *-о* или *-е,* употребляются в старинном и народном языке в роде среднем; напр., *сынишко* от *сын, лучишко* от *лук, соловейко* от *соловей, деревнишко* от *деревня, женишко* от *жена, старчище, ямище* от *старец, яма* и проч.

Примеч. 4. Напр., в Юрид. акт. „прiѣхали на другое *мое деревнишко... сынишко мое*", 1525 г.; „за *то службишко*", 1645. В Сказке о Дмитрии Басарге, по рук. 1689 г. „*купчишко пришло*". В Юрид. акт. XVII в., именно в Шуйск.: „*попадьишко — мое*", „съ *попадьишка — моего*" — „покиня у нихъ *женишко свое*" — „на *дочеришко мое*". В олон. былин. „*завозное лученышко, дорозное*" (вм. *дорожное*) — „а *мое*-то есть *конишечко дорожное,* | *дорожное конишечко* заезжено" — „*приходило старчище* не знай собою" (неведомое) — „идет *Иванище сильное*" — „*головище* на ней *толстое*", Рыбн., I, 158, 291, 369; II, 203, 314. В дух. стих. „копали *ямище глубокое*", Кал., I, 27. В сказк. „*было* у нашего у батюшки, у старого у Леонтья-попа, *было коровищё, было обжорищё, ходило* по пивоварням и *съедало* целые кадцы пивоварные с гущею; *дошло коровищё, дошло обжорищё* до озера" и т. д., Афанас., VI, 287. В песнях: „под той под берьозой *соловейко* щекочет. | Ой Дид и Лада! *молодое* щекочет", И то и се, 22.

В книжном и общепринятом языке, все означенные имена употребляются в роде, согласном или с половым отличием, или с про-

изводством; напр., *этот старичина, домина, сынишка, домишко* или *домишка, лучонко; эта деревнишка* и проч.

Примеч. 5. У Крыл. „*домишка старенький* край города *стоял*", 190, Но уже и Древн. русск. стих. по-нынешнему: „есть у меня *лучонко волокитной*", 130.

Примеч. 6. И в нем. языке ласкательные собственные имена лиц жен. пола, но в форме рода среднего, колеблются в члене между женским и средним родом: die и das Mariechen, Dortchen и проч.

II. Имена ср. рода на *-а* и *-я* (-ѧ), *-о,* означающие предметы одушевленные, иногда принимаются в мужеском роде, когда относятся к лицу мужеского пола, каковы: *дитя, отроча, чадо.*

Примеч. 7. Напр., в Расск. „хотя *сей нежной дитя* и *был записан* в службу, но не *был* никогда при должности", 1, 162; у Жук. „*проснулся* ты, *мое дитя*", IV, 62. В народном языке *дитя* употребляется и в ср., и в жен. роде, при неправильном склонении: *дитя,* вин. п. *дитю,* твор. *дитею;* напр., „баю *милую дитю:* | *мое милое дитя,* | *накричалося* вопя", Бессон., Детск. песн., 1, 3. У Держ. „*Отроча порфирородно* | в царстве северном *рожден*". В дух. стих. *чадо* употребляется не только в ср. и муж., но и в жен., в форме *чада;* напр., „держит на руках *своего чаду*" — „*твое чадо*" — „брось ты *свою чаду* в огонь-пламень" — „теперь *моя чада сгорела*", Кал., IV, 122—125.

Слово *животное* в старинном языке употребляется иногда в мужеском или женском роде, смотря по тому, к какому лицу относится — мужеского или женского пола; напр., „*сие отважное животное помирал* со смеху", Пересм., 3, 173.

В немецком ласкательные нарицательные имена лиц жен. пола, выражаемые в форме рода среднего, принято употреблять с членом рода среднего и с местоимением указательным рода женского; напр., „ich erblickte *das Fräulein,* und redete mit *ihr*", „ich begegnete *dem Mädchen,* und sah *sie* genauer an".

Стремлением языка обозначить определенным полом имена одушевленные ср. рода объясняется переход старинных имен ср. рода: *робя, теля, щеня, ягня* и др. в позднейшие рода мужеского: *ребенок, теленок, щенок, ягненок* и проч. (§ 62).

Примеч. 8. В других слав. наречиях, напр. в сербском, и доселе в большом употреблении формы ср. рода для означения детей животных; а также в украинск., и частию в великорусск. по областным говорам.

III. Прочие части речи, употребляемые вм. имен, принимают теперь средний род; напр., *громогласное ура, мое после-обеда.*

Примеч. 9. Из новейших писателей особенно Жуковский любит употреблять формы различных частей речи, в виде сущ. ср. рода; напр., „минутная сладость | *веселого вместе,* помедли, постой", II, 143; „и не промолвит глас родного | ему *того прости святого,* | *которое*...", III, 278; „когда *всемогущее божие буди раздалось* посреди небытия...", VII, 240. О среднем роде при-

лагательных см. в §-с 224-м. У Пушкина частицы, принимаемые в смысле имен, иногда полагаются в роде, согласном с окончанием; напр., *авось* сближено с именами муж. рода в следующем месте: „понадеялся он на *русский авось*“.

Примеч. 10. Некоторые собственные имена на *-ь* колеблются в роде; напр., *Тмуторокань* и муж. и жен. рода; *Рязань* теперь женского, а в старину и мужеского; напр., в Лавр. сп. лет. *„Рязань весь“*, 196. В О. ев. слово *Иерусалим* согласуется в жен. роде, по образцу греч. текста, в котором Ἰερουσαλήμ, т. е. πόλις, принимается в женском: иерслмь иерслмь. избивъшиꙗ пркы и камениемь побиваѭщи посьланыꙗ кь тебѣ; в испр. муж. рода избивый и побиваай, Матф., 23, 37. В Библ. 1499 г. вавулонь великаꙗ (в Вульг. Babylon magna, Дан. 4,27). — У Держ. *лазурь* муж. р.; напр., „по *черному* средь волн *лазурю“*, по акад. изд. II, 286.

3. ЧИСЛО

§ 219. О числах должно заметить следующее:

1. Некоторые существительные употребляются в ед. числе вм. множественного, именно существительные собирательные и сплошные; напр., *березник, бисер, мука* и др. Сюда же принадлежит употребление в русском языке имен нарицательных простых в ед. ч., для означения множественного; как напр. *ягода, птица, рыба* и т. п.; напр., „привалила *птица*“ — „наловить *рыбы*“ и проч.

Примеч. 1. В О. ев. слово *бисер* употребляется иногда в ед. числе для означения греч. множественного; иногда же во мн.; напр., в ед. хлкоу иџжџоу добра бисьра; в испр. во множественном, согласно с греч. текстом: ищущу добрыхъ бисерей (χαλοὺς μαργαρίτας), Матф., 13, 45; — во мн.: не помѣтаите бисьрь вашихъ; так же и в испр. бисерь вашихъ. — В Библ. по сербск. сп. XVI в. погыбе земля пьсїею моухою, в испр. отъ пёсїихъ мухъ, Исх., 8, 24. У Нестора в Жит. Феодос. XII в. оводоу соущоу многоу; отъ множьства же овода и комара. В Юрид. акт. „а *дровно* и *беревно* и *жердь* сѣчи по старинѣ“, 1501 г.; в Мам. поб. „пасти *труру* человѣческому на полѣ Куликовѣ“. В этом же смысле, вм. формы *труп*, употреблялась иногда собирательная *трупье;* напр., в Ипат. сп. лет. „посредѣ *трупья*“, 184. — В Древн. русск. стих. „привалила *птица* к круту берегу“, 216 (т. е. много птиц); у Крыл. *„орешника, березника* и *вязу* | мой Мишка погубил несметное число“, 224; у Пушк. „чтоб барской *ягоды* тайком...“ (т. е. не ели), I, 87. Согласно употреблению слов *дерево, береза, земляника, мак,* в смысле множества или большого количества, народный язык единичность выражает суффиксом *-ина:* пск., тверск. *деревина, березинина, земляничина, мачина* (§ 58). Что же касается до новых писателей, то они, против свойств языка, пользуются в этом случае и мн. числом; напр., у Карамз. „просил меня отведать *картофелей,* сваренных его женою“, II, 348; у Жук. „в тени *шиповников* зеленых“, IV, 60. Иностранное слово *мебель* употребляем только в единственном, как имя собирательное; но у Бат. встречается и во мн. „несколько новых *мебелей“*, II, 188.

Сюда же принадлежит употребление в ед. числе названия народов, вм. множественного; напр., у Пушк. „ходил я под *шведа* и под *турку“*, VII, 105.

Примеч. 2. В старинном языке слово *гость* употребляется в единственном вм. множественного; напр., в Грамоте смол. кн. Александра Глебовича к рижанам, около 1300 г., „гость ко мнѣ пущаите, а путь *имъ* чистъ". В Новг. лет. „*гость многъ*", 1,42; „а что *гости* (т. е. гостя), иноземьця всякаго языка, *затворишася* въ церквахъ", I, 26 (т. е. сколько было гостей, все они затворились...).

2. Хотя имена сплошные, в ед. числе означая бо́льшее или меньшее количество, собственно не нуждаются в числе множественном, напр. *золото, мыло, мясо, серебро* и т. п.; однако некоторые из них принимают множественное в двух случаях: или 1) тогда, когда они означают различные виды вещества; напр., *мыла́, сахара́, масла́* и т. п., или 2) когда из сплошных переходят в простые; напр., „ехать *песками*" (т. е. песчаным местом); „Спас на *Песках*" (на песчаном месте); *мяса́,* не только различные виды мяса, но и части животного (напр., охотничье выражение „черные *мяса*" означает окорока, Пс. ох., 23); *сыры* — круги, в которые сбивается сыр (напр., у Карамз. „они делают большие *сыры*", II, 278). — Сюда же принадлежат имена, означающие хлеба и травы; напр., „яровые *пшеницы* отменно сего года родились", Растопч.; „*сена́* были худые", Живоп., 1, 152.

Примеч. 3. Мн. *мяса* употребляется уже в Супр. рук. доньдеже мѧса юмоу падоша вьса на ꙁеми, 114.

3. Некоторые имена, означающие предметы отвлеченные и умственные, употребляются теперь только в ед. числе; напр., *память, воображение, необходимость, образование, совесть* и т. п. Впрочем, не только в старинном языке, но и у позднейших образцовых писателей попадаются некоторые из таких имен и во множественном.

Примеч. 4. Напр., в древн. языке очень употребительно *памяти* в смысле записок, мемуаров; впрочем, чтоб переводить этот разряд имен во мн. число, древний и народный язык пользовался особым суффиксом на *-щи* как показано в § 59; напр., *радощи, леноши, любощи, забытищи.* У писателей: во Всяк. всяч. „нет возможности исчислить *вреды,* происходящие от сих ударов", 196; „реестр *нерешимостей* моих", 211; „страсти и *воображения* наши", 247. В журнале И то и се: „которые (т. е. мысли) преисполнены были страшными *воображениями*", 10. В Пс. ох. „должность его состоит в смотрении за *всеми поведениями* охотников", 2. У Ф. Виз. „при настоящем развращении *совестей* человеческих", 278.—У Держ. „я знаю, что души моей | *воображения* бессильны | и тени начертать твоей", I, 4.—У Карамз. „обувь и прочие *необходимости*", II, 242; „как различны наши организации, или *образования*...", III, 243.

Примеч. 5. Когда различаются болезни по видам, то полагаются и во мн. числе; напр., *лихорадки, горячки* и проч. Имена же болезней, не различаемых по видам, имеют только ед. число; напр., *оспа, чума.* Впрочем, в Супр. рук. встречаем: осьпами начѧ болѣти страна та, 22.

4. Имена употребляются в ед. числе вм. мн., когда означают какой-нибудь предмет, в отдельности относящийся к каждому из многих, о которых говорится; напр., *их грудь, их голова, их душа* и т. п.

Примеч. 6. Напр., в Новг. лет. „городчане только *душею* осташяся", 1,87 (т. е. у них ничего не осталось); в Пск. лет. „псковичи даша ему на томъ *руку*" (т. е. поручительство), 94. В Древн. русск. стих. „во белом *платьи* сорок калик со каликою", 11. У Карамз. в ИГР „многие люди бежали за царем, держа на *голове* бумагу", XI, 50; в прочих сочинениях: „кровавая *глава* и *грудь* их (т. е. змиев) гордо возвышается над волнами", II, 182; „потупив в землю *взор* свой, медленно друг за другом шли они", II, 413. У Жук. „дайте *руку* друг другу", V, 194. У Пушк. „не обагрилась их *рука*", I, 158 „и старцев *сердце* молодеет", II, 143; „и сны зловещие летают | над их преступной *головой*", II, 194; „в их *сердце* дремлет совесть", II, 202; „явились ко двору с повинною *головою*", V, 4; „повелено брить им *бороду*", V, 8; „возбудить в *душе* несчастных надежду на бога", V, 94; „при первой неудаче они свою *шею* выкупят моею головою", VII, 202; „кучера в *ливрее*", X, 29 „их узкая *талия*", X, 30; „целую груду книг в зеленом и синем бумажном *переплете*", X, 82. — Сюда относятся некоторые имена, употребляемые в виде наречий; напр., „выходить *за муж*"; „садиться *на коня*": у Пушк. „чтоб *на коня* садились", I, 335; *в ружье*: у Карамз. в ИГР „войско стояло *в ружье*", XI, 46; у Жук. „стояла *в ружье* стотысячная армия", VII, 251; у Пушк. „гарнизон стоял *в ружье*", VII, 143. Но наречие *верхом* принимает и мн. число *верхами*, когда относится ко многим; напр., у Пушк. „чиновники разъезжали *верхами* на карабахских жеребцах", VIII, 158; „они (татарки) сидели *верхами*, окутанные в чадры", VIII, 165. Но когда один и тот же предмет относится в отдельности к разным, названным одним собирательным именем ед. числа, тогда название этого предмета ставится во мн. числе; напр., у Пушк. „*народ* снял *шапки*", V, 28.

Примеч. 7. С другой стороны, многие имена, употребляющиеся в виде наречий, приняли мн. число; напр., *в торопях, в головах, в просонках, в сердцах, под устцы,* старинное *на досугах* (Анекд. древн. пошех., 172). В областном языке: вятск., костр., нижег. *в осенях* — прошедшею осенью, пермск. *осенями* — осенью, арх., олон. *во снах, во снях* — во сне, новг., арх., тверск. *в мистя̂х, в ме́стях* или *в местя̂х* — вместе; новг., костр. *на косых* напр. „*на косых* жить" — несогласно жить, не ладить.

5. Некоторые имена, принимая мн. число, изменяются в значении; напр., *час* и *часы, очко очки* и т. п. (§ 98); мн. ч. в названии времени по тому, что́ в то время совершается; напр., „приходи около *вечерен*"; в костр. *пары́* — время, когда парят пар для посеву; в названии урочищ от лиц, там живущих или живших; напр., в Киеве *Кожемяки,* в Москве *Кожевники, Сокольники, Хамовники* (первоначально — мастера, изготовлявшие для царского обиходу так называемую *белую казну,* т. е. полотна, скатерти и т. п.). Сюда же принадлежат множественные: *монахи, священники, офицеры* и другие имена, принимаемые в смысле целого

сословия, чина или известного разряда лиц; напр., „выйти из *монахов*“, „постричься в *монахи*“; „произведен из *офицеров* в *генералы*“.

Примеч. 8. Сюда же принадлежат (сверх означенных в §-е 217-м) собственные имена во мн. числе; напр., „вчера были *Аграфены*, а нынче *Иваны*“ (т. е. от именинниц и именинников название самых праздников); „назван из *Иванов* Поликарпием“ (при пострижении в монахи), Похожд. Ив., 1, 42.

Примеч. 9. Если страны света означаются *полуночью* и *полуднем*, то первое слово употребляется в единственном, а второе в обоих числах; напр., во мн. „проезжая от *полуден* к западу“, Похожд. Ив., II, 117; „к *полдням* уже за треть дороги перебраться“, Дмитр., II, 73.

Примеч. 10. В древнейшем и народном языке замечаем некоторые особенности в употреблении чисел следующих существительных.

1) Слово *брак* употребляется в О. ев. в ед. числе, для означения греч. слова γάμος, во мн.; в испр. тексте, по образцу подлинника, иногда также во мн.; напр., иже сътвори бракъ сноу своюмоу; в испр. иже сотвори браки (γάμους) сыну своему Матф., 22,2. — Замечательно, что в древнерусских памятн. слово *свадьба* употребляется, как греч. γάμος, во мн. числе вм. ед.; напр., в Лавр. сп. лет. „да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны *сватбы* ею, въ пѣсній мѣсто“, 105.

2) Слово *книга* употребляется в О. ев. только во множественном числе, как в смысле писания, письмен, так и в нынешнем значении книги; в испр. тексте стоит или *писание*, или *книга*, в ед. числе; напр., да събждаться кънигы; в испр. да сбудется писаніе, Ио., 19, 36; в греч. ἡ γραφή; и сългнжвъ кънигы; в испр. согнувъ книгу, Лук., 4, 20; в греч. τὸ βιβλίον.

3) В народной словесности слова *ад* и *рай* употребляются иногда во мн. числе; напр., в дух. стих. „ангелы господни! поведите вы эту душу | по *раям* посмотрети, | по *адам* поглядети“, 28, 31—33.

Примеч. 11. О двойственном числе см. § 234.

4. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

§ 220[43]. Между представлениями имен существительных должно отличать два рода: одни касаются величины самого предмета, другие отношений говорящего к предмету речи и к лицу слушающему. В первом случае существительные бывают увеличительные или уменьшительные, напр. *столище, столик;* во втором — ласкательные и унизительные, напр. *Петруша, Петрушка, Петя, Петька* и т. д. В старинном языке, удержавшем на себе сильнее нынешнего книжного следы разговорного начала, отношения говорящих между собою и к предмету речи весьма выразительно обозначались именами уменьшительными или увеличительными, ласкательными или унизительными.

Примеч. 1. Напр., в Лавр. лет. „*мѣстьце* мало“, 68; „поставиша *церковьцю* малу“, 68; *грамотицю*, 100; *словца*, 10; в Юрид. акт. *Семенецъ* (Семен), 1529 г. *помѣстейца, крестьянинецъ*, 1611; *Иринка, Ириньица*, съ *Марьицею* 1694 г. и проч.

Желая выразить смирение или вежливость, наши предки, говоря о себе и о предметах, к ним относящихся, употребляли уменьшительные и унизительные имена.

Примеч. 2. Напр., в Пск. лет. „богъ воленъ да и ты своею отчиною и съ нами *людишками* своими“, 176; Афанасий Никитин в описании своего путешествия говорит: „ту же окаянный азъ *рабище* Офонасей... устремихся умомъ поити на Русь“. — В Шуйск. акт. „вели, государь, намъ бѣднымъ погорѣлымъ *людишкамъ* впредь дати льготье“, 1640 г. В Юрид. акт. „*корешишко* де имянуетца девятины, отъ сердечные скорби держатъ, а *травишко* де держатъ отъ гнѣтишные скорби“, 1680 г.

Этот же способ выражения употребляли в подписи своих имен; напр., *Гришка, Петрище.*

Примеч. 3. Напр., в Юрид. актах: „а подлинную даную писалъ *Гришка*“, XIV и XV в.; „къ сей записѣ попъ *Кирилище* Яковлевъ сынъ и руку приложилъ“, 1588 г.; „попъ *Пантелеище*, попъ *Петрище* (руку приложили)“, 1650 г.; „писалъ попъ *Ульянище*“, 1661 г. и проч.

Сострадание и ласка обозначались именами ласкательными, негодование и презрение — унизительными.

Примеч. 4. Напр., в Пск. лет. „все могилье вскопано бяше по всѣмъ церквамъ; а гдѣ мѣсто воскопаютъ или мужу или женѣ, и ту съ нимъ положатъ малыхъ *дѣтокъ* семеро или осмеро головъ въ единъ гробъ“, 26. — В Житии Кирилла Туровского, в Прологе: „*Ѳедорца* же, за укоризну такъ нарицаема (т. е. уменьшительно), сего блаженный Кириллъ отъ божественныхъ писаній ересь обличи и прокля его“. — Некоторые исторические лица известны только под полуименем; напр., *Василько, Владимирко.*

Даже названиям животных и предметов бездушных, близких быту домашнему или постоянно встречающихся в речи, в старину любили давать дружественный оттенок посредством ласкательного окончания, что́ и до сих пор частию сохранилось в языке народном; напр., *хлебец, водица, лошадушка, денек, ночка, ноченька, солнышко.*

Новейшая книжная речь удалилась от таких имен, как от слов, по своей наивности, не соответствующих строгому логическому течению мыслей; и только писатели, желающие сблизить язык книжный с разговорным, позволяют себе употреблять эти имена.

Примеч. 5. Напр., „к плечу *головушкой* склонилась“, Пушк., I, 83; „а ей (невесте) они на взгляд не женихи, а *женишонки!*“, Крыл., 11 и проч.

Примеч. 6. В древней и народной речи так распространено было употребление имен уменьшительных, унизительных, ласкательных и увеличительных, что они ставились даже там, где им, по строгому логическому смыслу, не следовало бы быть; и особенно замечательно то, что ласкательную форму принимают в народном языке названия таких предметов, к которым, казалось бы, нельзя обращаться с ласкою, каковы, напр., смерть, измена, хворь

и т. п. Напр., в олон. былин. „как повыведу *изменушку* из каменной Москвы“ — „ай же ты, *смертка* — скорая!“ — „поиграть перед скорою *смерётушкой*“, Рыбн., II, 212, 258, 285; в дух. стих. „болин ён ... вяликой *хворобушкой*, все уродливою“ — „даешь... ко лютой змеи на *снеденьицо*“, Кал., I, 69, 509. В пск., тверск. вм. *смерть* говорят и ласкательно: *смерёдушка*.

Из сказанного об употреблении этих имен в древней и народной речи явствует, почему многие слова образовались помощию суффиксов ласкательных, а с течением времени утратили разговорный оттенок, этими суффиксами выражаемый; напр., *солн-це, дон-це, серд-це, яй-це* и проч. (§ 63).

IV. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

1. ФОРМЫ КРАТКИЕ И ПОЛНЫЕ

§ 221. В современном русском языке прилагательные краткие отличаются от полных тем, что первые употребляются в сказуемом, а последние в определении; напр., „эта книга *полезна*“ и „*полезная* книга“. Таким образом, полное окончание служит теперь для совершеннейшего согласования прилагательного с существительным во всех падежах обоих чисел: *полезная книга, полезной книги, полезною книгою, полезными книгами* и проч.; прилагательное же с кратким окончанием, употребляясь в сказуемом и, следовательно, получив смысл глагола, удерживает различие только в родах и числах и употребляется или в именительном падеже, напр. *этот предмет полезен, эти книги полезны,* или в дательном при неопределенном наклонении *быть: быть биту, быть веселу.*

Если вместо краткого употреблено в сказуемом прилагательное полное, то оно имеет смысл определительного, при котором опущено существительное; напр., „эти дома *новые*“ вм. „эти дома суть *дома новые*“.

Некоторые прилагательные краткого окончания и употребляются только в сказуемых; напр., *рад, горазд.*

Примеч. 1. И в церковнославянском *быти раду* употребляется вм. греч. глагола; напр., в О. ев. авраамъ о҃ць вашь радъ бы былъ; в греч. ἠγαλλιάσατο, Ио., 8, 56.

Сказуемые безличных предложений, выражаясь прилагательными, употребляются в кратком окончании; напр., *можно, должно.*

Причастия прошедшие на *-л* в сказуемом имеют форму краткую, напр. *был, жил* и т. д., а в определении, переходя в прилагательные, получают окончание полное: *былой, жилой.*

Там, где согласование не нужно, прилагательное употребляется в форме краткой, а именно: в переходе прилагательных 1) в существительные, напр. *добро, зло,* и 2) в наречия, напр. *направо, наскоро, вскоре* (§ 100).

Примеч. 2. Напр., в О. ев. ничесо же ѕъла сътвори; в испр. ни єдинаго ѕла сотвори, Лук. 23,41. — В старинном языке употребляются в смысле существительных: *грубо, дурно* и т. п.; напр., в Новг. лет. „яко не мыслилъ есмь до Пльскович *груба* ничего же", 1,43; в Юрид. акт. „отъ всякаго *дурна*", 1641 г.; „(он) ни за какимъ *дурномъ* не ходитъ", 1680 г. Иногда, впрочем, эти имена употребляются и в полном окончании; напр., в Юрид. акт. „ни за какимъ *дурнымъ* не ходить", 1686. — Так же употребляются: *много, мало, хорошо;* напр., в Новг. лет. „а и въ мнозѣ богъ, и въ *малѣ* богъ и правда", 1,33; в послов. XVII в. „не по *хорошу мило* живетъ". — *Мал* и *велик* в выражении „от мала до велика" принимаются за существительные, и потому с кратким окончанием. — Сюда же принадлежат старинные и областные: *на ветху* — в последнюю четверть месяца, *на молоду* — в новолуние и мн. др.

Существительному *дева* соответствует прилагательное *девый, девая*; напр., се дѣвая приметь въ чрезъ, Злат. цепь, XIV в.; и наоборот, прилагательное *ярый, ярая, ярое* переходит в существительное *яро* или *яра,* весна; напр., и преде оуже яра, ibid. — Вместо *христианин* в древних памятниках употреблялось прилагательное *христианый* или *христьяный* (христьянъ); напр., в Лавр. сп. лет. „всякый *хрестьяный* радуеться о добрѣмъ", 179 (§ 100).

Примеч. 3. Образцовые писатели употребляют иногда в полном окончании такие прилагательные, которые обыкновенно ходят в кратком; напр., у Пушк. „он, *должный* быть отцом и другом", II, 266; и наоборот, в кратком такие, которые обыкновенно имеют полное; напр., у Крыл. „кто *делов* истинно, — тих часто на словах", 201.

§ 222. В цс. языке прилагательные, и полные и краткие, равно могли употребляться определительными словами и в древнейшую эпоху существенно отличались между собою. Полные соответствовали прилагательным, употребляющимся в других языках с членом, а краткие — употребляющимся без члена. Потому первые в цс. языке именуются определенными, а последние — неопределенными. Напр., в. О. ев. или сътворите дрѣво добро и плодъ юго добръ, 69 б (τὸ δένδρον καλὸν, καὶ τὸν καρπὸν αὐτοῦ καλόν); добры чл҃къ отъ добраաго съкровища износить добраꙗ, 69 в. (ὁ ἀγαθὸς ἄνθρωπος ἐκ τοῦ ἀγαθοῦ θησαυροῦ ἐκβάλλει τά ἀγαθά); в испр. так же: и҆лѝ сотворите дре́во до́бро, и҆ пло́дъ є҆гѡ до́бръ; бл҃гі́й человѣ́къ ѿ бл҃гагѡ сокро́вища износи́тъ блага́ѧ, Матф., 12,33 и 35.

Примеч. 1. Особенно ясно намерение переводчиков передавать греческий член полным окончанием в тех случаях, где в подлиннике стоят рядом два прилагательные или причастия, из которых только при первом употреблен член. В таком случае наши переводчики первое слово ставили в полном окончании, а второе в кратком. Исправители не почли нужным соблюсти этой грамматической тонкости и потому ставили в обоих случаях или краткие, или полные формы; напр., в О. ев. юсть ищѧи и сѫдѧ, 33 б; ἔστιν ὁ ζητῶν καὶ κρίνων; в испр. є҆́сть и҆щѧ́ и҆ сꙋдѧ̀, Ио., 8,50. В О. ев. не сь ли юсть сѣдѧи и просѧ, 38 в. — ὁ καθήμενος καὶ προσαιτῶν; в испр. не се́й ли є҆́сть сѣдѧ́й и҆ просѧ́й, Ио., 9,8. — Впрочем, правило

о соответствии кратких прилагательным бесчленным и полных членным не всегда соблюдается в цс.; напр., в следующем месте наши полные соответствуют греческим бесчленным: слѣпии прозираѭть хромии ходѧть и т. п., О. ев. 266 г; в греч. просто: τυφλοὶ — χωλοὶ и т. д., Матф., 11,5.

Различие в значении между формами краткими и полными уже затерялось как в старинном, так и в народном языке русском, так что употребление той или другой формы по большей части зависит от благозвучия и склада речи.

Примеч. 2. Напр., в Юрид. акт. „*на правѣ* сторонѣ земля Өерапонтова монастыря, а *на лѣвой* сторонѣ земля великаго князя Есунины слободки", 1530 г. — В послов. XVII в. или краткие: „*богатъ* шолъ въ пиръ, а *убогъ* брелъ въ миръ", „*глупъ* да *лѣнивъ* одно двожды дѣлаетъ", „*гнѣвливъ* съ горшки не ѣздитъ", „гостя *безстыдна* пивомъ не выгнать"; или полные: „*бѣдной* въ нужѣ, что́ жаба въ лужѣ", „*голодной*, что́ бѣшеной, рветъ да теребитъ"; или и те и другие рядом: „*битъ не битова* на рукахъноситъ". В Древн. русск. стих. „из-за моря, моря *синего*, | из *славна* Волынца, *красна* Галичья, | из тоя Карелы *богатыя*, | как *ясен* сокол вон вылетывал, | как бы *белой* кречет вон выпархивал", 22. В нынешних народных песнях: „наш батюшков *широкий* двор, | наш матушкин *высок* терем". Хотя народный язык отличается от книжного преимущественно краткими прилагательными, однако в нем употребляются с бо́льшею свободою и полные, напр. в Древн. русск. стих. „и ты втапоры будь *готовая*", 218.

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ

§ 223. Вместо существительного в косвенном падеже без предлога или с предлогом, стоящего при другом существительном, у нас весьма часто употребляется прилагательное относительное; напр., „дело *божие*" вм. „дело *бога*", „страх *божий*" вм. „страх *к богу*". Это свойство нашего языка восходит ко временам перевода Св. писания на славянский язык. Наши переводчики в сказанном случае обыкновенно перелагали греч. существительное славянским прилагательным.

Примеч. 1. Напр., в О. ев. вънити въ цр҃ство божию; в испр. также прилагательное; в греч. εἰς τὴν βασιλείαν τοῦ Θεοῦ, Ио., 3,5. — Ближайший из последователей Кирилла и Мефодия в деле перевода Св. писания, Иоанн ексарх Болгарский, в переводе грамматики Иоанна Дамаскина, родительным падежом от существительных: *человек, жена, естество,* полагает прилагательные: *человеков, женина, естествово,* вм. *человека, жены, естества.* — Такое смешение косвенных падежей существительного с формами прилагательных относительных вводило иногда в неясность; напр., в Драгом. апост.: любы мирскаꙗ вражда божїа есть, вм. исправленного: любы мі́ра сегѡ̀ вражда бг҃ꙋ є́сть, — согласно с греч. текстом: ἡ φιλία τοῦ κόσμου ἔχθρα τοῦ θεοῦ ἐστὶν, Посл. Иак., 4,4. — В Библии по сербск. сп. XVI в. въ градѣ ѹбѣжном; в испр. во градѣ ѹ҆бѣжища є҆гѡ̀, Числа, 35,25.

В старинном языке прилагательные относительные ставились там, где ныне во многих случаях употребляется существительное в косвенном падеже без предлога или с предлогом. Напр., *водная жажда* — жажда воды, *смертная память* — память о смерти, *иконное поклонение* — поклонение иконам, *стрельная рана* — рана от стрелы и т. п.

Примеч. 2. Напр., в летописях: у Нестора по Лавр. сп. „людье изнемогоша *водною жажею*", 75; в Новг. „про *зажьженіе градьное*", 1,27; „отъ *скорби* тоа великія *пожарныя*", 114 (т. е. скорбь от пожара); в Ипат. сп. лет. „преставися князь Изяславъ Глѣбовичь, от *стрѣльной* той *раны*", 126; „Михаилъ же, за *страхъ татарскій,* не смѣ ити Кыеву", 177; „поидоша *неволею татарскою*", 208 (т. е. принужденные татарами); в Пск. лет. „и переняша псковичи *полоняную* свою *вѣсть*", 176 (т. е. весть о своем плене).

Как Иоанн екзарх Болгарский смешал прилагательное с косвенным падежом существительного; так наши образцовые писатели до позднейшего времени употребляли прилагательные притяжательные в смысле существительных имен, от которых они происходят; напр., у Ф. Виз. „картины *Дель-Сартовы,* Венера *Тицианова* и *прочих мастеров*...", 434; у Карамз. „физиогномия *Мармонтелева* очень привлекательна; тон *его* доказывает, что *он* жил в лучшем парижском обществе", II, 517; „я воображал всеобщую ревность лондонских граждан, и солдат *Елизаветиных,* когда *она,* в виде любви и красоты, как богиня явилась между ими", II, 707 (слич. § 204).

3. РОД И ЧИСЛО

§ 224. Род и число прилагательных зависят от существительного, с которым согласуются. Здесь следует заметить о тех только прилагательных, которые стоят сами по себе, без существительного.

Без существительного прилагательное употребляется обыкновенно в среднем роде единственного числа; напр., „соединяй приятное с полезным".

1. Так как средний род прилагательного не рисует нашему воображению никакого предмета; то этот способ выражения по преимуществу приличен отвлеченному мышлению и развивается в языке с успехами письменности и просвещения.

Примеч. 1. Писатели, любящие отвлеченность и неопределенный способ выражения, пользуются прилагательными среднего рода; из новейших особенно Жуковский; напр., „дни чистые, когда все в жизни так прекрасно, так живо *близкое, далекое* так ясно", II, 150; „чтоб *женское* с заботливостию женской | размыслить вместе с ней", III, 183; „умерщвляй одно лишь *смертное*", III, 196; „*великое* свершается в отчизне", I, 215; „друг, ты одно *естественное* видишь... но я *бессмертное* глазами | здесь видела", III, 245; „кто-то светлый к нам летит, | подымает покрывало, | и в *далекое* манит", IV, 131; „иль оплакивать *бывалое* | слез бывалых дайте мне", IV, 141; „в *бездонное* влага его (кубок) не умчала", IV, 188; „счастлив еще, когда при разделе *житейского* был ты", V, 232; „ты вспомнишь и сам о *своем миновавшем*", V, 232.

Но уже и в старину вошли в язык некоторые из этих отвлеченных форм ср. рода, особенно в тех случаях, где самое значение слова соответствует отвлеченной форме; напр., из числительных: *первое, второе, третье* (вм. *вопервых, в другой раз* и т. п.).

Примеч. 2. Напр., в О. ев. помолися третиює; в испр. помолися третиєю, Матф., 26, 44. В Новг. лет. „поиде князь Всеволодъ *другое* изъ Новгорода“, 1, 41.

Наречия, произведенные от прилагательных в среднем роде ед. числа, суть не что иное, как такие формы, в которых качество, выраженное прилагательным, принимается в отвлеченном смысле; напр., *хорошо, быстро, много, мало.*

Примеч. 3. В старинном и народном языке употребляются некоторые формы ср. рода ед. числа в смысле существительных; напр., *тысяцкое* — должность тысяцкого, *хоженое* — род подати; в Новг. лет. „отъяша... *тысяцьское* у Якуна и даша Семьюну Емину“, 1,37; в Шуйск. акт. „а *ходитъ* межъ ихъ же посадской поводчикъ, а *хоженаго* емлетъ на посадскихъ людѣхъ на посадѣ денга“, 1606 г. *Взъезжее* — сбор наместника и других властей при въезде их для вступления в должность; *подушное* или в обл. языке *душевное* — подать с души; *дымовое* — подать с дыму; *железное* — пеня или пошлина с виноватого, за наложение оков; *дуговое, банное* — денежный сбор с дуги, за баню, прибавка жалованья рабочему на баню; *курнóе, тепловое* — плата на постоялом дворе за постой. В обл. языке: новг. *жемчужное* — убор из жемчугу. В послов. „погодить — не устать, было б *потерпéжное*“ (плата за терпение), Даль, 102. Отвлеченные выражения в старинном и народном языке: *иное* вм. *некоторые люди, иные;* напр., в Новг. лет. „бяше же новгородьцевъ мало, ано тамо изъимано вячьшіе мужи, а меньшее они разъидошася, а *иное* помьрло голодомъ“, 1,33. Так же употреблялось и *кое* вм. *которые, некоторые люди;* напр., „а к тому же людства при разных акциях *коé* поубыло, коих поизувечило“, Анекд. древн. пошех., 67—68. — В послов. XVII в. „*зашибено* за *ударено* ставя́тъ“. — Употребление прилагательного в отвлеченном смысле качества и в форме ср. рода ед. числа: „(у птицы гоголя) шея длинная, по плеча белая, между плеч черная, а подле *черного* по обе стороны светло-серая“, Левш., Соверш. ег., 244. — Замечательно употребление среднего рода в следующей песне: „не равно замуж выйдется | не равен черт навернется, | не равен накачается! | либо *старо одушливое,* | либо *младо недужливое,* | либо в ровню — *упрямчивое*“. Неопределенное понятие, означаемое средним родом, иногда выражается в народном языке словом *дело;* напр., в Древн. русск. стих. „а и *женское дело* прелестивое, прелестивое, перепадчивое“, 69 (т. е. женщины впечатлительны и непостоянны); у Котоших. „тотъ человѣкъ прикинулся въ болѣзнь *нарочнымъ дѣломъ*“, 35 (вм. *нарочно*). „В Москве не наше *дело деревенское*“, Похожд. Ив., 1, 122 (т. е. не то, что у нас в деревне). Слич. § 203.

2. Когда прилагательное употребляется в мужеском или женском роде, тогда означает мысль нагляднее, потому что заставляет подразумевать какой-нибудь определенный предмет муже-

ского или женского рода. Особенно употребительны в разговорном языке формы женского рода; напр., *нелегкая, подноготная,* или в виде наречий: „играть *на верную*“, „ходить *за частую*“, „поесть чего *в плотную*“, „веселиться *на пропалую*“, „пьет *во всю пропалую*“, „*в ничью* сыграть“.

Примеч. 4. В послов. XVII в. „живъ человѣкъ *живую* и помышляетъ“, „люди тонутъ, а онъ *веселую* ломитъ“. Старин. послов. „не скажешь *пóдлинную,* так скажешь *подноготную*“ (произошла от пытки: длинники — палки, прутья; в подлинной показал то-то, а в подноготной то и то), Даль, Послов., 193. В обл. языке: пск., тверск. „*частую* ходим“ (часто); *в вольную* — свободно. — В муж. роде: „на *молоду* и под *полон* луны“, Пс. ох., 27. — Вместо неопределенных выражений ср. рода: *что-то белое, что-то черное* и т. п. в народном языке иногда употребляются существительные: *бель, чернь;* напр., в Древн. русск. стих. „как бы *бель* забелелася, будто *чернь* зачернелася, | забелелися на кораблях паруса полотняные, | и зачернелись на море тут двенадцать кораблей“, 107. Впрочем, иногда вместо женских: *нелегкая, подноготная* употребляются и формы ср. рода; напр., „*нелегкое* их угомонило“, Анекд. древн. пошех., 127; „он *все подноготное* узнавает“, Абл., 13.

Примеч. 5. В грамматической терминологии, вм. знак *восклицательный* или *удивительный, вопросительный,* в старину говорили просто: *удивительная, вопросительная,* т. е. просодия (Граммат. Барс.); напр., в Трутне „вместо запятой часто ставлю *удивительную* и *вопросительную*“, 24.

Примеч. 6. Собственные имена некоторых городов и рек суть не что иное, как прилагательные: именно — городов бóльшею частию муж. рода, по существительному *город;* напр., *Архангельск:* еще у Ломон. „*город Архангельской* едва за двести лет принял свое начало“, III, 113; а рек — женского. по слову *река;* напр., *Великая.* Замечательно название *Волхов,* теперь муж. рода, а прежде среднего и женского; напр., в Новг. лет. „черезъ *Волхово*“; в варианте: „черезъ *Волхову* рѣку“, 1,6 (§ 149).

3. С древнейшего времени в книжную речь вошло употребление прилагательных и местоимений в ср. роде мн. числа вм. единственного; напр., *и прочая, во-вся* (ныне *вовсе*), *своя-си.*

В церковнославянском языке, по влиянию греч. текста, прилагательные и местоимения ставятся в ср. роде мн. числа не только вместо ед. числа ср. рода, но и вместо форм муж. или жен. рода мн. числа. Напр., в О. ев. и моꙗ҄ (вм. моꙗ) вьсꙗ твоꙗ сѫть и твоꙗ моꙗ, 47 г. καὶ τὰ ἐμὰ πάντα σά ἐστι, καὶ τὰ σὰ ἐμά, Ио., 17,10; и бѫдѫть стрьпътьнаꙗ въ праваꙗ, 258 б. καί ἔσται τὰ σκολιὰ εἰς εὐθείαν, Лук., 3,5. Так же и в испр.

Примеч. 7. Так как в греческом при подлежащем, выраженном в форме прилагательного или местоимения ср. рода мн. числа, сказуемое ставится в ед. числе; то и в нашем тексте иногда встречается такое же словосочинение; напр., в Острожской библии: вса, елика аще творить, оуспѣеть (κατευοδωθήσεται), Псалт., 1,3. Так же и в испр. тексте. Впрочем, у нас иногда стоит сказуемое и во множественном, вм. греч. единственного, как это видно из приведенного примера: моꙗ вьсꙗ твоꙗ сѫть (ἐστι).

Употребление прилагательных и местоимений ср. рода мн. числа в послов. XVII в.: „крадый *чужая* не обогатѣетъ“. — *Во-вся,* вм. *вовсе,* было употребительно еще в литературе XVIII в., напр. во Всяк. всяч., 216. — Таким книжным формам соответствуют собственно русские разговорные в ср. роде ед. числа; напр., в Сл. о полку Игор. „рекоста бо братъ брату: *се мое,* а *то мое* же; и начяша князи про *малое,* се *великое* млъвити“.

4. При исчислении предметов: *во первых, во вторых, в последних;* а также: *в первые* или *в первыя, в последни.* В олон. былин. *в других* вм. *во вторых;* „позволь-ко мне сыграть *в остатьниих,* | в остатьниих, во последниих“, Рыбн., I, 306; II, 299. Слич. *на последях* (§ 219, примеч. 7).

5. От прилагательных, объясненных в предыдущих четырех статьях, должно отличать такие, при которых непременно подразумевается существительное; напр., *родной,* т. е. человек, *больная,* т. е. женщина. В народном языке таким образом употребляются некоторые из постоянных эпитетов; напр., *ретиво,* т. е. сердце, *горючие,* т. е. слезы: „хоть *горючие* не льются, не текут“, Цыг., 62.

При таких прилагательных может быть постановлено еще прилагательное для определения; напр., *милый ближний, бедная больная* и т. п.

Примеч. 8. Напр., в Ипат. лет. „не вѣсте ли, яко война безъ *падшихъ мертвыхъ* не бываетъ?“, 183. У Карамз. „прислать его имение (т. е. русина, умершего в Греции) в Русь к *милым ближним*“, ИГР, I, 139 (но в лет. выражено существительным с прилагательным: „да возвратитъ имѣнiе къ *милымъ ближникамъ*“, Кенигсб. сп., 31). — У Жук. „был он у *милых родных*“, V, 153; „*прекрасному минувшему*“, V, 299; „моих родных и *милых ближних* | я угощаю“, VI, 80; в перев. Одис. „о *милых погибших*“, IX, 467. У Пушк. „*бедная больная* две недели находилась у края гроба“, VIII, 51.

4. СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

§ 225. Формы сравнительной или превосходной степени полного окончания на *-ший* мы утратили, за исключением весьма немногих; напр., *старший, младший, лучший.* Хотя и в разговоре употребляются: *огромнейший, счастливейший* и др. формы, но они взяты из языка книжного и остаются чужды простому народу.

Примеч. 1. Напр., у Ломон. „о чистый Невский ток и ясный, | *счастливейший* всех вод земных“, Ода 2; „гряди *краснейшая* денницы“, Ода 9. У Жук. в перев. Одис. „*огромнейший* первого камень схватил“, IX, 537.

Зато у нас весьма употребительны формы сравнительной степени краткие; напр., *больше, умнее.* Формы эти не изменяются по родам, падежам и числам и потому могут быть принимаемы за неподвижные формы наречий. Они у нас наиболее употребляются в сказуемых, при явном или подразумеваемом глаголе *быть;* напр.,

„этот дом *просторнее,* был *просторнее,* будет *просторнее*“; а также ставятся одни, сами по себе, в именительном и винительном падежах, с родительным падежом существительных, зависящим от них; напр., „*больше* тридцати кораблей пришло“, „они взяли *больше* тридцати кораблей“. — В определении, в прямых или косвенных падежах, эти формы хотя употребляются и в старинном языке, и у писателей образцовых, но гораздо реже.

Примеч. 2. Напр., во Всяк. всяч. „середовичи хотя сами были таковы (т. е. молоды), но обыкновенно порочат *моложе* их“ (т. е. младших; тех, которые моложе), 339; „у вас у самих есть обычаи гораздо *глупее* и *смешнее*“ (т. е. глупейшие и смешнейшие), 344. У Ф. Виз. „в чужой руке ломоть *больше* кажется“ (т. е. гораздо бо́льшим), 358. У Жук. „и в виду этой скалы воздвигнута ныне другая, несравненно *огромнее* (т. е. гораздо огромнейшая), но уже не дикая“, VII, 256. У Пушк. „не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь *гаже*“ (т. е. худшее), VIII, 139. — Особенно ясно бывает употребление кратких сравнительных вм. полных там, где эти формы стоят рядом с последними, соединенные союзом *и*; напр., у Бат. „вот почему в их творениях (древних поэтов) мы видим *более* движения (т. е. бо́льшее движение) *и лучшее* развитие страстей“, I, 252.

Примеч. 3. Употребление кратких форм вм. полных встречаем уже в старинных текстах церковнославянских; напр., в Дамиан. апостоле: **толико лучє бывъ англъ**, Посл. к евр. 1,4; в испр. **толико лучшiи аггловъ** (в греч. κρείττων γενόμενος).

Формы: *больше, меньше, дальше* и т. д., употребляются у нас двояко: в значении прилагательного и наречия. Формы же *более, менее, далее* и т. д., собственно наречия и принадлежат речи книжной, но писателями употребляются и в смысле прилагательных (слич. § 69).

Примеч. 4. а) Формы на *-ше,* в смысле наречий: у Кант. „не *меньше* стройный других, не *меньше* обильный“, Сат. 2; „не *меньше* мучит себя Зоил наш угрюмый“, Сат. 3; „ласковость *больше* в один час детей исправит, нежь суровость в целый год“, Сат. 7. У Ломон. „и *больше* устраши врагов“, Ода 2. У Ф. Виз. „чем складнее у кого фразы, тем *больше* остерегаться должно какого-нибудь обмана“, 283. У Дмитр. „чем *больше* пьет, тем *больше* жаждет“, 1, 275. В Древн. русск. стих. „и не стал *больше* спрашивати“, 119. В песн. „атамана *больше* нет у нас“, Чулк., 1, 134. — б) Формы на *-ше* в смысле и наречий, и прилагательных; напр., у Ф. Виз. „у меня через полчаса поспела ода, которую тем *больше* (нареч.) хвалили, чем *меньше* (прилаг.) было в ней смыслу“, 379—380. У Крыл. „чем *больше* (нареч.) чистит он, тем только *больше* (прилаг.) пятен“, 255; в послов. „чем *дальше* (нареч.) в лес, тем *больше* (прилаг.) дров“. — в) Формы на *-ее,* в смысле прилагательных; напр., у Карамз. „сделал еще *более*“, ИГР, XI, 60; „в самом деле тут немного сирот, и *более* пансионеров“, II, 259; „он (носорог) *менее* слона, но гораздо *более* всех других животных“, II, 603. У Бат. „чего недоставало ему? Постоянного убеждения, *менее* гордости и страстей, *более* рассудительности и смирения“, I, 20; „пожелаем искусному художнику *более* навыка“, I, 157; „*более* три-

дцати судов колебалось на лазоревой влаге", I, 338. У Жук. „с одной стороны маленькое, светлое озеро, не *более* дождевой лужи", VII, 217. У Пушк. „в своей умилительной простоте заключает гораздо *более* истинного красноречия", VIII, 208. — г) Формы на *-ее,* в смысле наречий; напр., у Бат. „мы все, дети Аполлоновы, *менее* или *более* боролись с несчастием", I, 205; у Жук. „чем *далее* вперед, тем разительнее дикость", VII, 215. — д) В одном и том же предложении формы на *-ее* в смысле прилагательного и формы на *-ше* в смысле наречия; напр., у Крыл. „оставляя свет, чем *менее* (прилаг.) в нем теряет, тем *меньше* (нареч.) о нем сокрушается", Почт. дух., 1,11.

§ 226. Важнейшие описательные формы, употребляемые для выражения степеней сравнения прилагательных и для усиления действия вообще, суть следующие:

I. Для превосходной степени:

1) С частицами *очень, весьма, самый: очень хороший, весьма удачен, самый приятный, самый приятнейший* (§ 69). — Вместо *очень* в цс. употребляется *зело* (т. е. сильно, крепко), как в народном — *больно;* напр., в Древн. русск. стих. „втапоры Владимир князь стольной киевской | *больно* с княгинею возрадовались", 163.

2) С частицею *что ни: что ни лучший.*

Примеч. 1. Эта форма особенно употребительна в народном языке; напр., в Древн. русск. стих. „*что ни лучших* добрых молодцев", 37; в песн. „я возьму коня, *что ни лучшева*", Чулк., 1, 177; „у любимой его яблоньки | оставался *что ни лучший* сук", Чулк., 2, 175. В этом обороте сокращается придаточное предложение, как видно из следующего места в Зап. Дан.: „взял с него закладную в 5000 руб. на село, *что наилучшее*", 35.

3) С частицею *куда;* напр., „*куда* он добрый человек!" — У Крыл. „*куда* он у тебя завидная скотина!", 45.

4) С именами: *ужас* (разговорное *ужасть*), *страх, смерть, до смерти,* в смысле „очень"; напр., „*смерть* хочется", „*до смерти* хочется".

Примеч. 2. Напр., у Дмитр. „тот глуп, другой урод; тот *ужасть* неразлучен", II, 129; у Пушк. „а дело-то на свадьбу *страх* похоже", I, 318. У Жук. для усиления действия: „Ивану Царевичу *смерть* захотелось, в этот город заехать", IV, 319. — И здесь сокращено придаточное предложение: „*страх, как* похоже", „*смерть, как* захотелось" — что́ и употребляется иногда у писателей; напр., у Дмитр. „*ужасть, как* мила!", II, 110.

5) Посредством повторения корня того слова, которое хотим усилить: или в форме наречий; напр., *ливьмя льет,* т. е. очень сильно, много; *высоким высоко,* т. е. очень высоко; или в двух одинаковых словах, отдельных или соединенных союзом; напр., *идет-идет,* т. е. долго идет, *больно да и больно,* т. е. очень больно.

Примеч. 3. Напр., в песн. „я *в упрос* мила друга *просила*“, Чулк., 2, 192; „станьте вы, ведерочки, *полными полны*“, Прач, 50. В украинск. наречии, при сильнейшем движении души, превосходная степень описывается словами: *из чертового сына, из бисового сына* и т. п.; напр., „*из бисового сына* дужий“.

II. Для сравнительной степени:

Наречие *гораздо* теперь более употребляется для усиления сравнительной степени; напр., *гораздо лучше, милее;* в старину же употреблялось и при положительной, в смысле: „очень“, „весьма“; напр., *гораздо умен, гораздо прыток.*

Примеч. 4. *Гораздо* в смысле „много“, „очень“ встречается и ныне, не только в народном языке; напр., в песн. „знать, *гораздо* я князю стал ненадобен“, — но и у писателей образцовых; напр., у Жук. „было *гораздо* за полночь“, VII, 206; у Крыл. „так надобно *гораздо* разбирать, | как станешь грубости кору с людей сдирать“, 32. — У старинных писателей: „восемь человек *гораздо* вооруженных“, Похожд. Ив., 2, 134. Писатели употребляют *гораздо* и при формах сравнительной степени, составленных с предлогом *по;* напр., у Ф. Виз. „сделан каменный берег, но *гораздо похуже* петербургского“, 338.

5. ОБОЮДНЫЙ ПЕРЕХОД ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ

§ 227. Уже в предыдущих параграфах было замечено о переходе прилагательных в наречия. — Сверх того, наречие употребляется вместо прилагательного и прилагательное вместо наречия в следующих случаях:

Наречие вместо прилагательного:

1) В цс. слова *свободь* или *свободъ* и *исполнь,* как неизменяемые наречия, имеют смысл прилагательных.

Примеч. 1. Напр., в О. ев. въ истинѫ свободь бѫдете; в испр. воистинꙋ свобо́дни бꙋ́дете, Ио., 8,36, равно как и в греч. тексте, прилагательное во мн. числе: ὄντως ἐλεύθεροι ἔσεσθε. В Супр. рук. свободь сего сътвориши отъ доуха сего нечистааго, 131. — В О. ев. ві коша испльнь; в испр. двана́десѧть ко́шѧ исполнь, Матф., 14, 20 (т. е. полны, наполнены). У Нестора в Жит. Феодос. XII в. испльнь бо есть пользы слово се. В пск., тверск. и доселе *свободь, посвободь* вм. *свободно, посвободнее;* напр., „когда *свободь* будет, приду“.

2) В русском языке, сверх указанных в § 225, еще в двух случаях может заменяться прилагательное наречием, а именно: 1) в сказуемом, когда прилагательное означает равно и признак предмета, и обстоятельство самого действия; напр., у Жук. „но предназначенный день твой уж *близко*“, V, 95 (т. е. и самый день близок, и находится он уже близко); 2) в старинном и народном языке смягчение и умаление качества выражаются существительными с предлогом в форме наречия; напр., *впрочернь, впробель* и т. п.

Примеч. 2. В Граммат. Ломон. „умаление прилагательных нередко чрез имена существительные с некоторыми предлогами изображается: *черной, чернь, впрочернь; впробель, впрохмель, сукрасень.* Сии умалительные родов, чисел и падежей не имеют; но как наречия употребляются“, § 246.

Прилагательное вместо наречия:

1) В древнем цс.; напр., *правъ* вм. наречий *право* и *прямо,* употребляемых в испр. тексте.

Примеч. 3. Напр., в О. ев. правъ сѫдилъ юси, 223 б; в испр. пра́во судилъ є́си Лук., 7, 43, и в греч. тексте также наречие: ὀρθῶς ἔκρινας. В Библ. по сербск. списку XVI в. и въста мои снопъ правъ, Быт., 37, 7; в испр. пра́мо.

2) В старинном и народном языке: *рад, добр, пеш* и т. п., вместо которых в нынешнем книжном языке употребляются наречия: *радостно, добро, пешком* и т. д.

Примеч. 4. Напр., в Лавр. сп. лет. „и хотѣхомъ съ ними *ради* битися“, 103; „*добри* здорови“, 192; в Ипат. сп. лет. „*пѣшь* ходя“, 155. В Древн. русск. стих. „рад бы, осударь, женился, да негде взять“, 135; в песн. „уж я *рада* бы не плакала“, Чулк., 1, 142; „уж я *рада* бы с тобою говорила“, Прач., 59. У Ломон. „не хотим ни *пеши,* ни на конях идти с вами“, III, 165.

Примеч. 5. И в других языках замечается обоюдный переход прилагательных и наречий; напр., во французском прилаг. вм. наречий „ces fleurs sentent bon, mauvais“, „cette actrice chante faux“, „il parle trop vite“. Самые наречия во франц. языке на -ment произошли от существительного в косвенном падеже: mente (лат. mens — ум, смысл), с прилагательным; напр., bonnement — bona mente; faussement — falsa mente: согласно форме жен. рода ment (mens, итал. mente) и прилаг. bonne, fausse, в жен. р.; потом ment потеряло свое первоначальное значение и без разбору стало присоединяться к прилагательным всякого значения. В нем. языке краткие прилагательные употребляются и в виде наречий; напр., gut, schwach.

Примеч. 6. Переход прилагательных в наречия состоит в связи с утратою древнейших полных флексий. Таким образом произошли наши деепричастия от причастий кратких, которых окончания были впоследствии искажены (§ 54).

V. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 228. Русский язык отличается следующими особенностями в способе счисления:

1) Счет *сороками* и *девяностами;* напр. „*сорок сороков* черных соболей“, „из Киева бежать до Чернигова *два-девяноста*-то мерных верст“, Древн. русск. стих., 55.

Примеч. 1. В Юрид. акт. „*полъшестадесять сороковъ* бѣлки“, „*полъчетверъта сорока* бѣлкѣ“, XIV—XV в.

2) Сложные формы с частицею *пол-* (т. е. половина), означающею при единицах — 1/2 единицы, при десятках — 1/2 десятка, при

сотнях — ½ сотни и т. д. Напр., а) при единицах: *полтора* = 1½, *полтретья* = 2½ и т. д.; а также от 11 до 19 включительно; напр., *полдругынадцатый,* т. е. в половине двенадцатый; б) при десятках: *полтретьядцать* = 25, *полпятадесят* = 45; в) при сотнях: *полтретьяста* = 250, *полчетвертаста* = 350 и т. п.

Примеч. 2. Напр., в Юрид. акт. „въ *получетвертѣ* рублѣ“, 1529; „по *полуосмѣ* деньгѣ“, 1663; „*полосмнадесятъ* лѣтъ“, 1498—1505; „за *полчетвертадцать* лѣтъ“, „за *полшестадесятъ* лѣтъ“, 1534; „на *полчетвертаста* кучь сѣна“, 1532. Когда к *пол-* прилагается еще *пол-,* то означает ¼, а когда к тому еще *пол-,* то ⅛, еще *пол-,* — 1/16. Этот способ был самый употребительный у наших предков в счислении дробей; напр., в Юрид. акт. „*пол-полтины* денегъ“, 1503; „съ полутрети и съ *пол-пол-полчети* сохи“, 1603 (*четь* = четверть); „въ пустѣ четверть и *пол-пол-трети* и *полъ-полъ-четверти* сохи“, 1631. В народном языке: *вполу́полы* — в 4-ю долю.

3) Вычетом из крупных чисел, помощию *предлога;* напр., *тридцать без двух* = 28, *тридцать без одного* = 29.

Примеч. 3. В Юрид. акт. „а уже тому, господине, тридцать лѣтъ *безъ трехъ,* какъ язъ, господине, тую землю дѣлаю“, 1491. В Древн. русск. стих. „собиралися, сходилися | тридцать молодцев *без единого*“, 76. В обл. языке: влад. *без дву* тридцать = 28. Этот способ счисления употреблялся и в дробях; напр., в Юрид. акт. „съ полусохи *безъ пол-пол-чети* сохи“, 1588; „четверть *безъ полутретника* пашни“, 1616.

4) Сочетание десятков с единицами теперь употребляется без союзов, так что все слова, вместе взятые, составляют как бы одно сложное, в соответствие единству выражаемой ими мысли; напр., *двадцать один, пятьсот шестьдесят четыре.* В старину каждая из составных частей таких числительных разумелась сама по себе и соединялась с прочими союзом *и* или предлогом *с.*

Примеч. 4. Напр., в Изб. Свят. 1073 г. **сьборь стъїихъ сьта и пати десать оць — сьта й шести десать й пати оць,** 23. — В Древн. русск. стих. *сорок калик со каликою* = 41 калика; слич. *тридцать кораблей един корабль* = 31 корабль, стих. 1.

5) Местоимение *сам, сама, само,* для означения одного, и притом главного, между многими известного числа: *сам-пят, сам-шост, сам-сем;* напр., „в семье *сам-шост*“ зн. „*сам* хозяин *шестой,* а остальных пятеро“; особенно употребительно при смете урожая; напр., *сам-десят:* под *сам* разумеется посеянное зерно, а остальные девять прибыли уродились.

Примеч. 5. Этот способ счисления употребителен как в древнейших памятниках, так и у позднейших образцовых писателей; напр., в Лавр. сп. лет. „толико *самого* ли *четверта* пусти и къ отцю“, 139. — У Пушк. „*сам шёст* прискакал в лагерь“, XI, 343. В древненем. также встречается, хотя и реже, чем у нас, счет с selbe, selbst; напр., в Gesamtabenteuer Ф. д. Гагена, III, 326: selbvünfte, т. е. selbst fünfte и т. д.

6) Для означения какого-нибудь одного из двух, трех, четырех, десяти и т. д., употребляется порядковое *второй, третий, четвертый, десятый* и т. д., или с местоимением *каждый,* древн. *кождо,* или с названием самого предмета; напр., „*пятый сноп* отдавать“, т. е. из пяти отдавать один.

Примеч. 6. В Новг. лет. „а прочія вои *десятый* приде *кождо* въ свояси“, 1, 41; „придоша *кождо десятый* въ домы своя“, 1, 50. В Юрид. акт. „изъ лѣса *пятой снопъ,* а изъ заозерья *шестой снопъ*“, 1556; „съ четырехъ неводовъ и съ поѣздовъ и съ гаровъ *четвертая рыба*“, 1577.

7) Для означения неопределенного числа употребляются у нас различные описательные формы; напр., *пропасть, необъятная сила, видимо не видимо, не мало число,* в народном языке: *посильно место* и т. п.

Примеч. 7. Напр., в Древн. русск. стих. „прибили казаки тех татар *не мало число*“, 117; в Расск. „именья *многое число* он промотал“, 1, 54; у Абл. „есть также у него *посильно место* мужичков“, 32; „чего нету? скота-то что ли, хлеба-то ли, или другова прочего, *необъятная сила*“, 35. В областном языке: пермск. *рогато* — много, с избытком; пермск. *живота́* — только; напр., „*живота́* побранят“ — только побранят; пермск. *реса́-ресой* — видимо не видимо; волог. *стóгом* (от *стог*) — очень много; слич. в сербск. *листом* — кучею, толпою, вместе; напр., *одоше сви листом* — все вместе шли или пришли и т. д.

8) При числе иногда ставятся в народной речи выражения: *не много не мало, всего на все.*

Примеч. 8. Напр., в Древн. русск. стих. „*не много не мало* вас семь тысячей“, 48; „опущалися в ту пещеру казаки, | *не много не мало* двести человек“, 11.5

9) Для означения числа примерно, приблизительно или употребляются частицы *около, с,* с числительными; напр., *около* 25-ти, *с* 25; или числительное полагается позади существительного; напр., *человек пять.* В последнем случае подразумевается еще следующее за тем числительное: *человек пять, шесть,* что́ также употребляется.

Примеч. 9. Весьма замечателен способ счисления для двадцати с единицами, употребляемый и доселе у чехов, но уже существовавший и в древнейшем славянском языке. Он состоит в названии единиц: *один, два, три* и т. д. с предлогом *между* и с формою дв. числа *десятма: один между десятма, два между десятма,* т. е. *один, два,* между *двумя* десятками = 21, 22 и т. д.; также с порядковыми числительными: четвертыи, пятыи, междоу десятьма и т. д. Напр., в Сп. Упиря и҃ бысть впятое́ междю десятьма лѣто (в испр. въ два́десять пя́тое лѣ́то, Иез., 40, 1); и҃ бы́сть въ седьмое междю десятьма лѣто (в испр. въ два́десять седьмо́е лѣто́, Иез., 29, 17). В Толк. апост. 1220 г. шесть межи десят (т. е. межи десятма = 26). В одном из списков Черноризца Храбра встречается: четыръ между десятма, т. е. 24. В чешском эти формы от сокращения несколько иска-

жены: *еден-мецитма* = 21, *два-мецитма* = 22 и т. д. Сверх того, в древности считались предметы порядковыми числительными с род. падежом следующего десятка: патыи шестаго десяте = 55. Напр., в Сп. Упиря въ четврьтыи третїаго десяте; въ прьвъıи третїааго десяте (в испр. въ два́десять четве́ртый; въ два́десять пе́рвый, Аг., 2, 1, 2).

Примеч. 10. В счете иногда употребляются изобразительные формы; так *раз* собственно „удар", потом считают: *раз, два, три* (§ 151); так же *ряд* в формах *вдругорядь,* волог. *инорядь* — иной раз; сербск. *едан ред, два ред* — однажды, дважды; *у ред, у ред!* (т. е. в ряд) — скорей, беги сюда; а у нас *вряд* — едва ли. Как в итал. via — дорога, путь употребляется при умножении due via tre — 2 × 3, quattro via cinque — 4 × 5; так и в сербск. *пут* (т. е. путь): *едан пут* — однажды, *два пут* — дважды.

§ 229. В словосочинении числительных особенное затруднение представляют количественные; что же касается до порядковых, то они подчиняются общим с именами прилагательными правилам.

Здесь следует заметить только о некоторых особенностях в употреблении порядковых:

1) Старинные порядковые, сложенные с *надесять* (цс. на десѧте), употреблялись у писателей даже в начале текущего столетия; напр., у Карамз. „немецкие рыцари в *третьем-надесять* веке", II, 39.

Примеч. 1. В народном языке этот способ употребляется и доныне, даже с *двадцать, тридцать;* напр., в песн. „становилась ества *пята-надвадцать*". — Но и позднейшая искаженная форма встречается уже в старинном языке; напр., в Юрид. акт. „съ того съ *другонадцатаго* гроба", 1550 (вм. „съ *другаго-на-десять*"). В польско-русском языке старопечатных книг XVI—XVII в. употребляется форма: килько-десять или килько-надцать, по образцу польск. kilkadziesiąt, т. е. сколько-нибудь сверх десяти (*килько* = сколько).

2) *Первый* и *второй* иногда употребляются вм. *один* и *другой.*

Примеч. 2. Напр., в Древн. русск. стих. „под *первый* рог (лука) несут пять человек, | под *другой* несут столько же", 130; „кто из нас прежде умрет, *второму* за ним живому в гроб идти", 218.

3) В цс. и в старинном русском *первый, первое, перво,* употребляется в смысле „прежний", „ветхий", „древний" и восходит по степеням сравнения.

Примеч. 3. Напр., в Поликарп. ев. 1307 г. слышате ꙗко речено бы перв(ѣ)ымь (в испр. дре́внимъ, Матф., 5, 27). В О. ев. прьвѣи мене бѣ, 260 г.; в испр. пе́рвѣе мене, Ио., 1, 30. В Ипат. сп. лет. „не бѣ въ землѣ Русцѣй *первѣе,* иже бѣ воева землю Чешьску", 189. В Древн. русск. стих. „*перво* его", „*перво* меня", 219. „Ныне свет стал гораздо умнее *первого*", Левш. Соверш. ег., 112.

В словосочинении имен количественных должно отличать, вопервых, простые от собирательных и дробных, и количественные *два, три* и *четыре* от всех прочих, означающих как единицы,

начиная от пяти, так и десятки, сотни, тысячи. — Речение *один, един* употребляется по общим правилам с местоимениями указательными.

1. КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ, ОТ *ПЯТИ* И Т. Д.

§ 230. Затруднения в употреблении количественных происходят оттого, что мы постоянно смешиваем два начала: этимологическое и логическое. По этимологическому разбору речения: *пять, шесть, десять, сорок, сто, тысяча* и т. д., суть не что иное, как существительные имена в ед. числе или муж. рода, напр. *сорок,* или женского, напр. *пять, шесть, десять, тысяча* (в древнеболг. тысѭщє или тысѭштє рода среднего, см. § 60), или среднего, напр. *сто, девяносто.* В логическом же отношении имя количественное есть только отвлеченное название числа и потому или, как понятие отвлеченное, обозначается средним родом, или, как имя собирательное и относящееся ко многим предметам, согласуется с формами мн. числа. Начало этимологическое господствует в древнем и частию в народном языке, логическое — в новейшем. Потому в старину говорили: *та десять описана, в ту десять, другая пять шла* и т. д., т. е. эти количественные согласовались в женском роде ед. числа. Ныне же говорят или: *те десять пришли,* или *десять взято,* т. е. или во мн. числе, или в ср. роде ед. числа. *Тысяча,* как существительное, и теперь может согласоваться в жен. роде ед. числа.

Примеч. 1. В О. ев., равно как и в испр. тексте, то в ед. числе, по древнейшему славянскому синтаксису, то во множественном, по влиянию греч. текста; напр., пѧть же бѣ отъ нихъ боуи; в греч. πέντε δὲ ἦσαν ἐξ αὐτῶν μωραὶ, Матф., 25, 2; не пѧть ли пътиць цѣниться, ... , Лук., 12, 6; и слышавъше десѧть начѧшѧ негодовати, Марк., 10, 41. В Изб. Свят. 1073 г. цѣлоуѩ ст҃ыѩ и мирьскыѩ шесть съборь, 23. В древнейших цс. памятниках *пять, шесть* и т. д. согласуются с прилагательным ед. числа жен. рода; напр., в Супр. рук. даждь юмоу дроугѫѭ ѕ҃ ꙃлатиць, 91, т. е. „дай ему *другую шесть* златиц“, вместо нынешнего: „*другие шесть* златиц“. В О. ев. приобрѣте дроугѫѭ е҃ таланть; в испр. уже во множественном: другїѧ пѧ́ть талантъ; в греч. ἄλλα πέντε τάλαντα, Матф., 25, 16. В Острожск. библ. другаѧ седмь, Быт., 41, 6; седмь сїю, Быт., 21, 30 вм. *седмь сихъ.* Но в Списке Упиря *десять* согласуется в муж. роде; напр., въ прьвыи третїаго десѧте, Аг., 2, 2. В древнерусском языке также по бóльшей части в жен. роде ед. числа; напр., в Русск. правде по Кормч. 1282 г. в вин. пад. ед. ч. одиноу і҃ (т. е. десять: единую или одну десять); в Юрид. акт. „*одна шесть* деревень“, 1498—1505; „а *другая пять* вервей *шла* отъ Онтона и отъ Ивана... и язъ Елизаръ порядился на *всю десять* вервей“, 1571; „взяти на мнѣ на Григорьѣ *тридцать* рублевъ *московская* (т. е. московским счетом, или, как в старину говорили, московским числом); „*та десять* копенъ *описана*“, 1654; в вин. падеже: „*семь* рублевъ денегъ *московскую*“, 1571; „въ *ту десять* лѣтъ“, 1679; но уже встречается и со мн. числом: „въ *тѣхъ пятнадцати* рублѣхъ“, 1547; под 1684 г. „въ *ту восмъ* годовъ“ и „въ *тѣ восмъ* лѣтъ“; род. падеж: „*тѣхъ восми* годовъ“; а также и с ср. родом ед. числа: „а своегожъ владѣнья, отъ Елизара *шло*

пять вервей, а *другая пять* вервей *шла...*", 1571. — *Сто* употребляется в виде существительного ср. рода ед. числа; напр., в Сб. Царского XVII в. „въ *третемъ сту* лѣтъ"; в Древн. русск. стих. „*другое сто* рублев", 21. — В древнерусском числительное *сорок* иногда принимается в жен. роде ед. числа; напр., в Юрид. акт. „*сорокъ* рублевъ денегъ *московскую*", 1568.

Если к десяткам, сотням, тысячам прибавляются *один, два, три, четыре;* то с существительным согласуются только эти последние; напр., *двадцать один человек, двадцать одна лошадь, сто два, три, четыре человека.*

Числительные от *одиннадцати* до *девятнадцати* включительно, по древнейшему славянскому синтаксису, употребляются согласно своему этимологическому составу (§ 70), т. е. на десѧте *(-надцать),* состоящее из предлога на и вин. падежа десѧте, остается неизменным; числительные же *два, три, пять, шесть* и т. д. склоняются; а которые из них различаются по родам, изменяются и в роде: дъва на десѧте, двѣ на десѧте, пѧть на десѧте, пѧти на десѧте, пѧтиѭ на десѧте; напр., в О. ев. дъва на десѧте коша, в испр. так же: двана́десѧте ко́ша, Ио., 6, 13; не дъвѣ ли на десѧте годинѣ; в испр. уже по-новейшему: не двана́десѧть ли часо́въ, Ио., 11, 19; на дъвоѭ на десѧте прѣстолоу; в испр. так же, Матф., 19, 28; юдинъ отъ обоѭ на десѧте, Матф., 26, 14; рече же ииъ обѣма на десѧте, Ио., 6, 67. — Это правильнейшее употребление числительных уже в древнерусском стало заменяться нынешним: *одиннадцать, одиннадцати, двенадцатью* и т. д. — Сверх того, в числительном *двенадцать* уже не различается род: говорится *двенадцать* во всех трех родах; тогда как первоначально различались две формы: мужеская два на десѧте и женская и средняя двѣ на десѧте. В Ев. 1537 г. употребляются числительные уже по новейшему словосочинению; напр., двана́десѧтим же а̑пло̑мъ и̑мена соуть сїа, Матф., 10, 2.

В современном языке все количественные имена, не исключая: *двух, трех, четырех,* и собирательные: *четверо, пятеро, шестеро* и т. д., согласуются двояко, или: 1) с формами мн. числа, полагаемыми в том роде, в каком стоит счисляемое существительное; или 2) с формами среднего рода ед. числа. — Такому же двоякому согласованию подвергаются числа, означенные примерно, помощию частиц: *около, с;* напр., „*около пяти* человек", „человек *с двадцать*".

Примеч. 2. Напр., а) во мн. числе: в Древн. русск. стих. „*собиралися, сходилися тридцать* молодцев без единого", 76; „на пристани их *стоят сто* человек", 171; в песн. „*два* братца *сидят,* два родимые", Чулк., 1, 133; в дух. стих. „вот *две* тысячи врагов *возрадовалися*", 22, 18; в олон. былин. „уж как *бегают два* малых вьюношей" (юношей), Рыбн., II, 266. У Ф. Виз. „вдруг по повелению графа *вбежали* в партер человек *с пятнадцать* гренадер", 362. У Карамз. „*пять* дней *прошли* для меня, как пять часов", II, 443. У Дмитр. „*три* путника *нашли* с червонцами мешок", III, 106. У Жук. „*сто* красавиц светлооких | *председали* на турнире", IV, 53; „*тридцать* хохлатых, сереньких уточек подле | берега *плавают;* рядом *тридцать* белых соро-

чек | подле воды на траве *лежат*", IV, 307. У Пушк. „*двести* казаков при капитане Крылове *отряжены были* вперед", V, 18; „*семь* крепостей *были* им *взяты*", V, 30; „на Волге *находились* человек *тридцать*", V, 44; „*тысяч до двух были* кое-как *вооружены*", V, 135; „со мною *сидели два* гусара с саблями наголо", VII, 225; „*около трехсот* семейств *обитают* у подошвы Арарата", VIII, 180. — б) В ед. числе ср. рода: в Древн. русск. стих. „еще тут *пришло семь* братов Сбродовичи", 76; в олон. былин. „*цело три* года", „*друго сорок* тысячей", Рыбн., I, 197, 303; в дух. стих. „*первое семь* волов *проходило*...| *тое семь* волов *проходило*, | *второ семь* волов *проходило*", Кал., I, 165. У Ф. Виз. „в партере *осталось* человек *десятка три*", 363. У Карамз. „*пятнадцать тысяч легло* на месте", II, 25. У Жук. „на месте их *две тысячи легло*", III, 126; „*двенадцать* храбрых дарданян *погибло*", V, 83. У Пушк. „вокруг него *тринадцать* тел *лежало*", I, 310; „*прошло два* лета", I, 217; „с ним *было тысяча пятьсот* человек", V, 36; „*два-три* надгробных памятника *стояло* на краю дороги", VIII, 143; „человек *пятнадцать* наших *было* уже *ранено*", VIII, 179.

Из этих двух способов согласования, первый, т. е. со мн. числом, нагляднее, потому что указывает на предметы, о которых говорится; второй же, с ед. числом ср. рода, отвлеченнее, потому что относится к отвлеченному понятию о числе. Этим последним способом пользуются предложения с глаголами: *есть, было, будет; остается, осталось* и т. п. Напр., у Бат. „нас *было* лишь *трое* на легком челне", II, 184; у Жук. „*шестнадцать было* нас знамен", III, 124; „*семеро* братьев еще у меня *оставалось* в отчизне", V, 70; „и *было* у него *три* сына", VI, 225; у Гриб. „вчера был бал, а завтра *будет два*", 30; у Пушк. „*было два* часа пополудни на наших часах", XI, 313.

Если прилагательное относится к самому числу, то полагается теперь во мн. числе и в роде того существительного, о котором говорится, и притом или в имен. падеже и в вин., сходном с именительным, или в родительном. В последнем случае прилагательное согласуется в падеже с существительным; напр., „*целые пять* лет" и „*целых* пять *лет*". Первое употребительнее.

Примеч. 3. У писателей: а) в вин. и имен. падеже, согласуемом с падежом числительного: у Крыл. „*целые два* дни наблюдаю я поневоле наистрожайший пост", Почт. дух., I, 44. У Жук. „и *целые сорок* он дней и ночей | почти не касался до пищи", IV, 204. У Пушк. „преследовавший его *целые тридцать* верст", V, 125; „*целые шесть* часов сряду шел", V, 137; „*остальные шесть,* увидя Кирджали, вооруженного двумя пистолетами, разбежались", VII, 257; „таковые случаи бывают обыкновенно *каждые семь* лет", VIII, 152. — б) В род. падеже, согласуемом с падежом существительного: у Пушк. „он *целых* восемь *часов* отстреливался", V, 47; „*целых* пять *часов* употреблено было на исправление ошибки", XI, 322.

Неправильное отношение между этимологическою формою и самым значением числительных количественных выразилось в самом сочетании их в десятках и сотнях и в согласовании с суще-

ствительными. *Пять, шесть, десять* и др., как существительные, требуют после себя родительного падежа, который должен бы был остаться неизменяемым при склонении этих числительных; напр., *пять сот, пятью сот, десять человек, десяти человек, десятью человек; восемьдесят человек, осьми-десят человек, осьмью-десят человек* и т. д. Так действительно и встречаем в древнейших церковнославянских и старинных русских памятниках. Но впоследствии, когда отвлеченное понятие числа взяло верх над этимологическою формою числительных, эти имена стали присоединяться к существительным, как определения, или, правильнее, как приложения; напр., *пять-десят, пяти-десяти, пятью-десятью; пять-сот, пятью-стами; десять человек, десяти человекам, десятью человеками.* Само собою разумеется, что такое сочетание слов, основанное только на смысле числительных, совершенно противно первоначальному правильнейшему словосочинению, основанному на этимологической форме. Но господство мысли над формою слова ввело теперь эту неправильность в общее употребление.

Примеч. 4. В О. ев. подобьно ѥсть цр҃ствиѥ небесьноѥ десѧти дѣвъ; также и в позднейших списках: в Галицком 1143 г., в Поликарповом 1307 г.; т. е. десѧти дат. пад. ед. числа, а дѣвъ род. пад. мн. числа (в испр. десѧти́мъ дѣ́вамъ, Матф., 25, 1); четырьмидесѧты и шестиѭ лѣть, т. е. твор. падеж (в испр. четы́редесѧть и҆ шестїю лѣтъ, Ио., 2, 20); и та въдова до осмидесѧть и четырь лѣть (в испр. и҆ та вдова́ ѩ҆ко лѣ́тъ ѡ҆смьдесѧть и҆ четы́ре, Лук., 2, 37); пѧтию (вм. пѧтиѭ) сътъ динарии (в испр. так же, Лук., 7, 41). — В старинном русском языке: „муж *шестидесять* и *семидесять* лет“, Похожд. Ив., 2, 38 (вм. *шестидесят, семидесят*). — В современном языке у писателей образцовых: десятки: у Жук. „с *семидесятью девятью* он сыновьями“, VI, 130; у Пушк. „*шестьюдесятьми* казаками“, V, 84; „остался с *шестидесятью* человеками офицеров и солдат“, V, 137; сотни: У Пушк. „с *шестью стами* мятежниками“, V, 46; „с *четырьмя стами* рядовых“, V, 46; „ехал в карете вдоль правого фланга во *сто шагов* от фронта“, XI, 336; тысячи: у Ф. Виз. „(имение) осталось обремененным *полутораста тысячью* рублями долгу“, 600—601; у Пушк. „они были подкреплены *четырью тысячами* конницы“, VIII, 179. — Из приведенных примеров явствует, что современный язык пользуется значительною свободою в употреблении числительных: единицы и десятки становятся в ед. и мн. числе: *четырьмя* и *четырью, шестьюдесятьми* и *шестидесятью, семидесятью;* после *сто* в косвенных падежах ставится и родительный, зависящий от *сто:* „с четырьмя стами *рядовых*“, и прочие косвенные, согласованные со *сто:* „шестью стами *мятежниками*“. В народн. языке: в олон. былин. „*триста*-то *стрелам* он цену ведает“, Рыбн., 1, 295. Слич. § 105.

Числительные, в сложении с другими именами, могут опускать при себе эти последние, в избежание повторения; напр., „*двадцати* и *тридцати*-летние“.

Примеч. 5. Напр., у Карамз. „я право не удивляюсь теперь, естьли покажут мне *десяти-* или *шестидесяти*-летнюю Сафу“, II, 695.

2. ДВА, ОБА, ТРИ, ЧЕТЫРЕ

§ 231. Числительные *два, оба, три, четыре* тем отличаются в согласовании от прочих количественных, что употребляются в виде прилагательных, согласуясь с своим существительным, в одном и том же падеже; и притом *два* и *оба,* различаясь по родам, согласуются в двойственном числе, а *три* и *четыре,* не отличая родов, — во мн. числе. Такое словосочинение этих числительных строго наблюдалось в древнем цс. языке и значительно удержалось в исправленных текстах.

Примеч. 1. Напр., в О. ев. дъва, дъвѣ: дъва дьни, Ио., 4, 40; дъва гърличища или дъва пътеньца голѫбина, Лук., 2, 24; дъвѣ мелѭщи въ жрънъвахъ, Матф., 24, 41; отъ двоѭ лѣтоу, Матф., 2, 16; дъвѣма господинома, Лук., 16, 13. — Оба, обѣ: оба оученика, Ио., 1, 37; кого хощете отъ обою отъпоущѫ вамъ, Матф., 27, 17; обѣ власти, в послесл., 294 в. — Три: в Супр. рук. бѫште трїи лѣтъ, 8. — Четыре: в О. ев. четыри дни оуже имѫща, Ио., 11, 17; отъ четырь вѣтръ; в испр. ѿ четы́рехъ вѣ́тръ, Матф., 24, 31: носи́ма четырьми, Марк., 2, 3. В Супр. рук. до четырь десѧть дьнїи, 8; въ четырехъ десѧтех̑ лѣтѣхъ, 213.

В нынешнем русском языке словосочинение числительных *два, оба* и *три, четыре* потерпело значительные изменения. А именно:

1. *Два* и *две, оба* и *обе,* удержали в именительном падеже несколько искаженное согласование двойственного числа: *два стола, две книги, оба стола, обе книги, два дерева, оба дерева,* а в прочих падежах склоняются по множественному числу: *двух столов, обеих книг* и т. д. Искажение этих числительных в синтаксисе оказывается еще сильнее в том случае, когда к ним прибавляются имена прилагательные. Эти последние и при именительном падеже числительных полагаются во множественном числе, и притом а) или в именительном падеже, или б) в родительном. Таким образом составились искаженные формы: „два красивые стола“, „два красивых стола“, „две полезные книги“, „две полезных книги“, „оба ученые мужа“, „обе полезные книги“. При *оба, обе* встречается прилагательное в родительном множественного числа реже.

2. Это искаженное словосочинение распространилось и на числительные *три* и *четыре: три стола, три книги; четыре стола, четыре книги; трех столов, книг; четырем столам, книгам; три полезные книги, три полезных книги; четыре новые стола, четыре новых стола.*

Примеч. 2. Примеры для имен. и вин. падежа имен предметов одушевленных и неодушевленных: 1) с окончанием имен. падежа прилагательных при числительных: а) *два:* в Древн. русск. стих. „*два* братца *родимые* по базару похаживают“, 40; „сидят тут *два сизые* голубя“, 62; в песн. „*два* братца сидят тут, *два родимые*“, Чулк., 1, 133; „дает другоей доче и *два* быка, *два* козла *доморощеные*“, Бессон., Детск. песн., 153. У Ф. Виз. „источить из него *два целебные* потока“, 664; во Всяк. всяч. „есть еще *два дурные* качества“,

199; у Жук. „и *два ужасные* гла́за упрутся“, V, 22; у Пушк. „видели мы *два готовые* места“, XI, 310. б) *Три:* в Древн. русск. стих. „лежат *три* дороги *широкие*“, 181; „на *три* братца *названые,* | *свето-русские могучие* богатыри“, 215; в песн. „девушки приготовили, | красные приготовили, | *три* дубины *дубо́вые,* | *три* хворостины *березовые,* | *три* прута *жимолосные*“, Чулк., 1, 189. У Гриб. „на них он выменял *борзые три* собаки“, 60. в) *Четыре:* в песн. „дает на четвертую (т. е. дочь) | *четыре* быка и *четыре* козла *доморощеные*“, Бессон., Детск. песн., 153; у Пушк. „в каждом полку пехотном находились *четыре малые* орудия двух и трех-*фунтовые*“, XI, 293.—2) С окончанием р о д. падежа прилагательных при числительных: а) *два:* в песн. „што это прилетели за *две* пташки, за *две русских?*“, „под столом те сидят | *две* пташки, *обе русских*“. В Дух. стих. „проходят *два* лета, *два теплых*“, 8, 263. У Бат. „*два, грозных* воина, вооружась мечом, | неистовой рукой струят потоки крови“, II, 110. У Жук. „*два чистых* праведника, мнилось, | тут ясным почивали сном“, III, 281; „а ты смотри, там в высоте | *два черных* ворона кружатся“, VI, 44; „*два знаменитых* похода во внутренность степей их ознаменованы победами“, VII, 280. У Пушк. „находились *два новых* лица“, V, 125. б) *Три:* у Жук. „чтоб сохранить тебе *три лучших* блага“, III, 129; „с тех пор должны к нам приходить | *три старших* в роде каждый год“, IV, 224; „были *три родимых* пятна“, V, 224. У Крыл. „*три взрослых* юноши *соседних* рассуждали“, 104. в) *Четыре:* у Пушк. „продолжалось *целых четыре* часа“, V, 102.— Из приведенных примеров явствует, что эти два способа согласования ничем не различаются между собою по значению.

В старинном русском языке числительные *два* и *оба,* в своем словосочинении, представляют колебание между двойственным и множественным числами, так что нынешнее искаженное их употребление оказалось естественным следствием этого колебания. Что же касается до числительных *три* и *четыре,* то они хотя более согласовались во множественном числе, но принимали и окончания двойственного: *трема* (нынешнее *тремя*), *трею, четырьмя.*

Примеч. 3. Напр., а) *два:* в Юрид. акт. „по *двѣма грамотамъ* по *жалованнымъ*“, 1490; „косить *два году*“, 1501; „жилъ *два году*“, 1503; „промежъ *дву кустовъ ивовыхъ*“, 1519; „опричь *тѣхъ дву старожилцовъ*“, 1534; „по *двѣма кабаламъ*“, 1547; „на *два пни олховыхъ*“, 1554; „амбаръ на *дву подклѣтяхъ*“, 1378; „о *дву верха́хъ*“, 1647; „*два запросу*“, 1682. б) *Оба, обе:* в Юрид. акт. „къ *обѣма деревнямъ*“, 1596; в Домостр. „и хто емлетъ, и хто даетъ, *обѣма* то бы было вѣдомо“. в) *Три:* в Юрид. акт. „къ *трема березамъ*“, 1498—1505; „*три годы*“, 1534; „а какъ *та три годы* минетъ“, 1585. г) *Четыре:* „*четыре стожья*“, 1483; „*четыре годы* — въ *ту четыре годы* — *ту урочную четыре годы* — *тѣхъ урочныхъ четырехъ годовъ*“, 1612. — Запутанность в согласовании числительных *три* и *четыре* усиливалась в старинном языке еще тем, что они были сближены с числительными *пять, шесть* и т. д. и, как эти последние, полагались в женском роде ед. числа, а существительное ставилось при них во множественном; напр., *та* (ед. число жен. рода) *четыре годы* (мн. число). Смешение в числах оказалось и в двояком склонении: *четырьмя* и *четырью:* то и другое употребляется и доселе у пи-

сателей (§ 230, примеч. 4). С другой стороны, и *пять* неправильно сближается в склонении с двойственными *двема, обема:* в Юрид. акт. „къ ихъ же *пя́тма* варницамъ“, 1551. — Древн. русск. стихотворения предлагают формы, служащие переходом от приведенных; напр., *„двумя братцами родимыми“* и *„дву удалыми Борисовичи“*, 34; „на беседе сидят *три татарина,* как бы *три собаки наездники“*, 208; „набегали тут *три татарина наездники“*, 211. Прилагательное полное ставится преимущественно в имен. падеже: „как *два ясные соколы* вылетывали“, 180; усеченное же, согласуясь с существительным, ставится в двойственном: „и увидишь в поле *три бела шатра“*, 208.

Местоимения указательные и притяжательные при числительных *два, три,* с род. пад. множественного числа прилагательных, полагаются и в имен. падеже; напр., в Дух. стих. „он берет *свои три родных* сестры“, 2, 369; „ой вы *мои три родных* сестры“, 2, 371.

Числительные *два* и *оба* тем отличаются одно от другого, что первое означает только число, а второе к числу присовокупляет указание на известные предметы и потому иногда может заменяться местоимениями *тот* и *другой;* напр., у Хемн. *„два* были Богача, и *оба* в тяжбе были“, II, 39.

3. ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ СОБИРАТЕЛЬНЫЕ

§ 232. Собирательные: *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д. собственно суть не что иное, как формы ср. рода ед. числа, употребляющиеся в виде существительных собирательных и требующие после себя дополнения в род. падеже мн. числа; напр., *двое детей, пятеро солдат.*

В косвенных падежах эти числительные употребляются двояко: или а) в единственном числе, напр. в наречиях *вдвое, вдвоем, вчетверо;* или б) во множественном, и тогда они, как прилагательные, согласуются с своим определяемым; напр., *двоих детей, троим молодцам.* Эти косвенные падежи мн. числа имеют при себе именительный: *двои, трои, четверы* и т. д. (§ 105), употреблявшийся в старину с именами во мн. числе; напр., *двои мужи, трои подарки.*

Примеч. 1. Напр., а) ед. число: в Супр. рук. юдно отъ двоюго прѣдьложимъ вамъ, 53. В Библ. по сербск. списку XVI в. аще ли сего троего не сътворить ви, Исх., 21,11; в испр. а́ще же си́хъ тре́хъ не сотвори́тъ є́й.— б) Мн. число: в Супр. рук. нынѣ оубо троꙗ соуть пакости дѣѭште намъ, 53 (т. е. трое нам делают пакости). В народном языке: *двое* в ср. р. ед. ч.; напр., в пословице: „холодно, на ком одно, а и *двое,* да *худое,* не лучше того“, Даль, 75. В обл. языке *четвёро* в ср. р. ед. ч. в значении четверни или четверки; именно в счете игральных бабок: *одно четвёро, два четвёра, десять четвёр* (в волог.).

1. Собирательные *двое, трое* и т. д. употребляются при именах одушевленных муж. и ср. родов; впрочем, вместо собира-

тельных ставятся в этом случае и простые числительные; напр., *двое солдат* и *два солдата, четверо сыновей* и *четыре сына, четверых сыновей, четырех сыновей.* Но без существительного о лицах муж. и ср. рода употребляются только собирательные: *двое пришли, пятеро ждут* (опущено, напр., работников, детей); в послов. „*семеро* одного не ждут“.

Примеч. 2. а) Собирательные с именами предметов одушевленных: в Супр. рук. приимъ десатоpо братїа, 205; в Лавр. сп. лет. „(гром) заpази *двои чади* (вар. *дѣтей*)“, 171; в Юрид. акт. „*двое жеребятъ* буро да соврасо ногайскіе“, 1579; „на *троихъ лошадѣхъ*“, 1656; в Шуйск. акт. „а живота, государь, моего пограбили тѣ Дмитріевы люди крестьяне *пятеро лошадей*“, 1619. У Ломон. „пришли из варяг с Руриком *двое знатные бояре*“, III, 147; у Ф. Виз. „*трое итальянцев* в комнате нашумят гораздо больше двадцати немцев“, 421; в Зап. Дан. „напереди ехали *двое верховых*“, 49. У Пушк. „за ними *двое солдат* вывели скованного Кирджали“, VII, 253; „село, принадлежащее *десятерым помещикам*“, VII, 243. — б) Замена собирательных простыми: в Супр. рук. девать мѫжь крьстиıанъı ꙁатворенъı, 187; в Ипат. сп. лет. „отрядилъ есть на тя *два богатыря*“, 180; в Древн. русск. стих. „и посылала она Чесова жена | *любимых своих четырех сыновей*“, 152; в Зап. Дан. „Артемий Осипович имел у себя *два сына*“, 13. У Карамз. „представили царю *двух пленников*“, ИГР, XI, 14; у Бат. „*два сына* мне дала судьба“, 119; у Жук. „*нас было шесть* — *пяти* уж нет“, IV, 3; „призвав к себе *своих трех сыновей*“, VI, 226; „оставивши *своим трем сыновьям*“, VI, 284. У Крыл. „(Лань) нашла в лесу *двух малых волченят*“, 114. У Пушк. „взяв с собой *трех казаков*“, V, 49; „с *тремя своими детьми*“, V, 123. в) И те и другие рядом: в Шуйск. акт. „а кто привезетъ — *гуся два* или *три*, или *поросятъ двое* или *трое*, или *зайца два* или *три*“, 1614. г) В старинном языке иногда употребляются собирательные числительные и с именами предметов неодушевленных; напр., в Юрид. акт. „та купчая и дѣловая и запись, *всѣ трое* рука одна“, 1508.

Примеч. 3. Об употреблении количественных с названиями лиц должно сделать следующие два замечания: 1) простые количественные, вместо собирательных, употребительнее в книжной речи; напр., *два князя, два боярина* (вм. *двое князей, бояр*). Слич. Ломон. Граммат., § 491. — 2) В счете лиц муж. пола, с обозначением звания их, часто, а иногда и необходимо, поставляется перед званием слово *человек*, согласуемое с числительным; имя же, означающее звание, полагается в род. падеже мн. числа; напр., в Шуйск. акт. „съ нимъ *два человѣка молодыхъ подъячихъ*, да *три человѣка приставовъ*, да *пять человѣкъ московскихъ стрѣльцовъ*“, 1688. — По тому же способу, животные считаются головами: „*пять голов* рогатого скота“. В старину головами вели счет и людям; напр., в Софийск. врем. „тутъ судно наше меншое пограбили, и *четыре головы* взяли *русскіе*“, 2, 146.

2. Мн. число *двои, трои, четверы* и т. д. теперь в книжном и общепринятом языке ставится с именами, употребляющимися только во мн. числе, согласуясь с ними в падеже; напр. *двои сутки, четверы сутки;* в старину же, а в народном языке и доселе, и

вообще с именами мн. числа: *двои двери, четверы лошади.* — Впрочем, теперь с именами, употребляющимися только во мн. числе, ставятся и формы ед. числа: *двое, трое, четверо,* с род. падежом мн. числа этих имен; напр., *двое суток, четверо суток.* В народн. языке и *трои сеновалы,* и *семеро саней,* Бессон., Детск. песн., 21. Из этих двух способов согласования, равно употребительных и у образцовых писателей, первый правильнее и древнее.

Примеч. 4. Примеры: а) *двои, трои* и т. д. с именами, употребляющимися только во мн. числе: в Лавр. сп. лет. „въ *двои оковы*", 110; в Юрид. акт. „а у сушила *двои ворота большіе*", 1583. В Инстр. двор. Немчин. „по два крюка, по *двои вилы* и по *двои грабли*", 1724—5. У Ф. Виз. „оттуда проедем в Болонью, где остановимся, может быть, *сутки* на *двои*", 456; „*пятеры щи*", Пересм., 4,217; „*сутки трои* или *четверы*", Пс. ох., 69. В песн. „*трои сани* с козырями", Прач, 145. В послов. „на *семеры сани,* по семеры в сани", Даль, 1091. б) Те же числительные вообще с именами мн. числа: у Нестора в Жит. Феодос. съ трои или четверы пригърщѣ; в Ипат. сп. лет. „*трои чѣпи* сняше *золоты*", 161; в Юрид. акт. „на березу о *двои рубци*", 1555; „*пятеры рукавицы — трои серги — двои ножи угоръскіе*", 1579. В послов. XVII в. „*двои дѣти* водить — однѣмъ досадить". У Кант. „и в помочь свою зовет *ноги* лише *двои*", Сат. 5. В песн. „что расшита легка лодочка | на *двенадцатеры весельцы*", Чулк., 1, 187; „привозили, приносили | *трои дороги подарки*", Прач, 135. В ныне употребляемых послов. „из-под Костромщины шли *четверы мужичины*", Даль, 1092. в) *Двое, трое,* с именами, употребляющимися только во мн. числе: у Ф. Виз. „одинехонек плутал по ней *двое суток*", 414; „*трое римских торжественных ворот*", 423. У Жук. „где *трое суток* я скитался", V, 106. У Пушк. „армия спокойно переправилась в *трое суток*", XI, 347. г) С этими же именами употребляются даже и простые количественные, начиная с *пяти*; напр., у Жук. „так *девять суток* он провел без сна, без пищи", VI, 216.

3. Собирательное *обое* тем отличается от *двое, трое,* что, очевидно, имеет смысл ср. рода ед. числа, как оно действительно и употребляется в О. ев.: оставите коупьно расти обоѥ; в испр. также ѡбоѥ, Матф., 13,30. Мужеский род. ед. числа доселе сохранился в некоторых косвенных падежах; напр., *обоего пола.* Множественное число *обои* употребляется вм. *оба,* напр. в Супр. рук. да ако сѧ приближишѧ обои, 43.

Примеч. 5. В старинном языке: а) *обое:* в Юрид. акт. „и *обоего* живущихъ и пустыхъ дворовъ и мѣстъ 738" (т. е. жилых и пустых, того и другого), 1574; „*обоего* пашни паханые и перелогу и дикого поля двадцеть пять четвертей въ полѣ", 1631; „*обое насъ* родныя братья", 1655. У писателей XVIII в. „случилось с ним *обое* вместе", И то и се, 8. б) *Обои:* в Продолж. Лавр. сп. лет. „поидоша къ собѣ на грунахъ *обои*", 161; в Юрид. акт. „*обои* исци", 1483 и 1526. У Ломон. „*обои* сии (т. е. жизнь и здоровье) медициною сохраняются и продолжаются", I, 573; „*обои* народы одержали великое участие", III, 79.

4. ДРОБНЫЕ

§ 233. Словосочинение числительных дробных весьма неопределенно, вследствие того, что эти числительные разумеются то в ед., то во мн. числе, и притом то в муж. или ср. роде, то в жен. и в разных падежах; напр., „в полуторе версте“ и „в полуторе версты“; „в полуторе верстах“ и „в полуторых верстах“; „с полутора тысячью“ вм. „с полуторою тысячью“, „полуторых тысяч“ вм. „полуторы тысячи“ и т. д.

Правильнейшее употребление имен дробных основывается на этимологическом их разборе. Потому первоначально с существительным в роде и падеже согласуется вторая часть сложного дробного имени (см. § 80). Но, как в старинном языке, так и у позднейших писателей, это правило не строго наблюдается.

Примеч. 1. Напр., в Юрид. акт. „*полвосма рубля* денегъ въ московское число“, 1571; „съ *полуторыхъ обѣжъ*“, 1710. В Кн. Больш. черт. „выше Кіева *полъ-третьи версты*“, 86. У Ломон. „больше *полуторых тысяч лет* стоит“, III, 87. У Ф. Виз. „с *полутора тысячью душами* принялся я за экономию“, 566. У Пушк. „расположились лагерем в *полуторе мили*“, XI, 345.

Дробные имена согласуются либо во мн. числе, либо в ед., и притом или в роде среднем, как понятие отвлеченное, или в роде, определяемом этимологическою формою дробных; напр., „*полтораста* пришли“ и „пришло“; „*одна четверть* рубля“.

Примеч. 2. У Пушк. „человек *полтораста* солдат *высыпало* из лесу и с криком *устремились* на вал“, X, 238. У Ф. Виз. „я заплатил за него *четверть* рубля, *которая принята была* с великою благодарностью“, 426.

Примеч. 3. В старинном языке дробные числа, как и простые, принимаются в жен. роде; напр., в Юрид. акт. „въ *ту полтретьядцать* лѣтъ“, 1503. *Пол-* или *половина*, приложенные к существительному, принимались или в жен. роде, по существительному *половина*, или в роде того имени, к которому *пол-* и *половина* прилагаются. Напр., в Юрид. акт. „къ *тому* половинѣ *селу*... въ *томъ* половинѣ *селѣ* Покровскомъ“, 1582; „а то, господине, *пол*-двора, гдѣ вы стоите, *моя;* а на *моей половины* двора...“, 1532; „на *ту пол*-двора... на *чужую пол*-двора“, 1571; „*тое* полу-*деревни* (род. пад. жен. рода ед. числа) — *ту* пол-*деревни* (вин. жен. рода) — за *тое* пол-*деревни*“.

Примеч. 4. К числительным собирательным относятся существительные счетные, употребляющиеся вместо числительных количественных; напр., *пара, двойка, тройка, десяток, дюжина.* Эти имена отличаются той особенностью, что прилагаются не ко всем предметам без различия, но к некоторым, известного рода; напр., *десяток, дюжина* — собственно к названию предметов и уже переносно к названию лиц; *тройка* употребляется о лошадях, в картах; *двойка* — только в картах; *пара* — и о лицах, и о вещах. Любопытно в старинном и областном языке употребление слова *гнездо* в смысле пары; напр., „сие *гнездо* (т. е. эта пара молодых людей) как горлицы между собою любуются“, Похожд. Ив., I,162 (§ 152).

VI. ПРИБАВЛЕНИЕ К СЛОВОСОЧИНЕНИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ ИЗМЕНЯЕМЫХ

О ДВОЙСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

§ 234. Двойственное число принадлежит к существенным свойствам языка славянского. В древнейших текстах церковнославянских оно употребляется постоянно и правильно, за исключением тех случаев, где переводчики, следуя греческому подлиннику, ставили мн. число вм. двойственного.

Двойственное число проникало весь организм славянского языка и потому проходило по всем изменяемым частям речи.

Так как зерно предложения есть сказуемое при личных местоимениях, означающих говорящего и слушающего, и предмет речи; то и самый источник двойственного числа — в глаголе, и преимущественно в его личных знаменателях, потому что самый глагол получает форму двойственного числа, посредством придачи к нему личных местоимений в двойственном числе. Оттого-то церковнославянский глагол и изменяется по родам в этом числе.

Исходя таким образом от личных местоимений, двойственное число оказалось необходимым, прежде всего, для означения совокупности *двух лиц*, т. е. говорящего и слушающего; *вѣ* (мы двое), *вѣ вѣвѣ* (мы двое знаем).

От местоимений и глаголов это число распространилось и на прочие части речи, между которыми нашло себе самое естественное приложение в числительных, означающих двойство: *два, оба*.

Русский язык, утратив двойственное число в самом существе его, т. е. в глаголе и в местоимении, удержал только некоторые его остатки в именах, о которых упоминается в речи попарно (§ 90), и то только в имен. падеже. В том же падеже удержались у нас двойственные формы *два, двѣ, оба, обѣ*, которым не было причины перейти во мн. число. Но так как склонение двойственного числа у нас забылось, то и эти числительные в прочих падежах приняли форму множественного (§ 105). Искаженное согласование этих числительных объясняется утратою двойственного числа в составе нынешнего русского языка.

В древнем русском языке двойственное число еще употреблялось в спряжениях и в склонениях. В позднейших цс. текстах русской редакции оно хотя и удерживается, по преданию книжному, но постоянно мешается с формами мн. числа, по влиянию греческого подлинника, частию же и по свойству новейшего русского языка.

Примеч. В О. ев. отъвѣщаста имъ родитела юго и рекоста въ вѣвѣ юко сь юсть сынъ нашь; в испр. Ѿвѣща́ша же и҆̀мъ роди́тела е҆гѡ̀ и҆ рѣ́ша: вѣ́мы, ꙗ҆́ко се́й є҆́сть сы́нъ на́шъ, Ио., 9,20; в подлиннике: ἀπεκρίθησαν αὐτοῖς οἱ γονεῖς αὐτοῦ καὶ εἶπαν: οἴδαμεν, ὅτι οὗτός ἐστιν ὁ υἱὸς ἡμῶν. В О. ев. и бѣ оубо въ правьдѫ достоинаꙗ бо юже дѣлахомъ въсприюм-

лювѣ; в испр. и мы ᲂу҆́бо въ пра́вдꙋ досто́йнаꙗ бо по дѣлѡ́мъ на́ю воспрїемлевѣ, Лук., 23,41. В Острожск. библ. прїиди брате мой: изыдевѣ на село, вьдворивѣсꙗ в селехъ, оуранивѣ въ виноградѣхъ, видѣвѣ, Песн. песн., 7,11—12; в испр. изы́демъ — водвори́мсꙗ — ᲂу҆ра́нимъ — ᲂу҆ви́димъ. В древнерусском языке: в Новг. лет. „и вьда имъ Святопольъка *изъ своею руку*“, 1,9; в Ипат. сп. лет. „*наѣхавшима* же *двѣма* Мопъдуничю Шутрови и Стегунови Зебровичю на полкъ“, 167; в Сл. о полку Игор. „*оба есвѣ Святъславлича*“; в Мам. поб. „сами *есмя* собѣ *два* браты“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СЛОВОСОЧИНЕНИЕ В ПРЕДЛОЖЕНИИ ПРОСТОМ И СЛОЖНОМ

§ 235. В словосочинении предложений простого и сложного рассматриваются следующие предметы:

1) Согласование слов в предложении простом и слитном.

2) Управление слов в предложении простом. Сюда принадлежит словосочинение падежей и предлогов, обстоятельственных слов вообще и наречий в особенности.

В этих двух первых статьях обращается внимание только на особенности русского синтаксиса. Общие же всем языкам правила согласования и управления, основанные на логическом сочетании понятий, объяснены в § 121-м.

3) Отрицательные предложения.

4) Сокращение предложений посредством перехода глаголов в имена.

5) Словосочинение сложного предложения. Сюда принадлежит словосочинение местоимений и наречий вопросительных и относительных: первых в связи с предложениями вопросительными, а вторых в связи с предложениями придаточными. Здесь же рассматривается словосочинение союзов в связи с сочетанием двух или нескольких предложений в одном сложном.

6) Порядок слов.

I. СОГЛАСОВАНИЕ СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ ПРОСТОМ И СЛИТНОМ

1. СОГЛАСОВАНИЕ СКАЗУЕМОГО С ПОДЛЕЖАЩИМ

§ 236. В согласовании сказуемого с подлежащим должно отличать подлежащее п р о с т о е от с л и т н о г о.

Простое подлежащее тогда только отклоняется от общих законов согласования, когда, будучи выражено словом собирательным, требует при себе сказуемого во мн. числе (§§ 212, 215, 216 и 230).

Некоторое затруднение представляет глагол *быть,* когда вместе с существительным бывает составным сказуемым. По общему закону он должен согласоваться в числе, а в прошедшем времени и в роде, с подлежащим; напр., у Бат. „*письма* Ломоносова к Шувалову *суть* бесценный памятник словесности русской", I,75; „*все основания* его *суть* добро", I,28. Но так как в разговоре мы не употребляем мн. числа *суть,* то и на письме иногда допускается *есть* вм. *суть*; напр., у Ф. Виз. „*побои не есть* средство к исправлению людей", 482.

Примеч. 1. Иногда по воле говорящего из двух существительных то или другое принимается за подлежащее; напр., у Пушк. „мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, *была береза,* северная береза", II, 189.

Если сказуемое относится вообще к понятию, выражаемому существительным в подлежащем, то ставится в ср. роде ед. числа, как в форме, наиболее соответствующей отвлеченному понятию; напр., в послов. XVII в. „грѣхъ *сладко,* а человѣкъ *падко*", „медъ *сладко,* а муха *падко", „*левъ *страшно*—обезьяна *смѣшно*".

Примеч. 2. Такое сочетание слов можно объяснить или опущением, как напр. в пословице „ум *хорошо,* а два лучше того", т. е. *иметь ум — хорошо;* или, еще скорее—тем, что здесь заменяется прилагательным ср. рода существительное: *ум хорошо = ум хорошая вещь, хорошее дело.* Это последнее объяснение подкрепляется тем, что иногда таким формам ср. рода ед. числа действительно соответствуют существительные, как это видно, напр., в песне начала XVII в. „зимовая *служба* —| молодцамъ *кручинно,* | да сердцу *надсадно...* | весновая *служба* — | молодцамъ *веселье* | сердцу *утѣха*". Последние два стиха можно бы заменить в соответствие предыдущим: „молодцамъ *весело,* сердцу *утѣшно*". Слич. в олон. былин. „мужики залешане — *беда* дремать", Рыбн., I,76.

§ 237. Слитное подлежащее может состоять из двух или нескольких членов, соединенных союзами, показывающими совокупность или раздельность. В первом случае самый смысл речи требует сказуемого во мн. числе; напр., „грамматика и арифметика преподаются в одно и то же время"; во втором — в ед. числе; напр., „грамматика или арифметика будет преподаваться в нынешнем году?" Само собою разумеется, что в последнем случае бывает необходимо отступление в таких предложениях, в которых при подлежащих разных родов стоит сказуемое, изменяемое по родам. Тогда оно ставится во мн. числе; напр., у Бат. „*огонь* небесный, или неутомимая *рука* пахаря, *зажгли* сей бор?", I,171—172. Впрочем, сказуемое во мн. числе допускается образцовыми писателями и без этой причины; напр., у Пушк. „когда бы старой Дорошенко, | иль Самойлович молодой, | иль наш Палей, иль Гордеенко | *владели* силой войсковой", II, 270.

Союз *ни,* будучи причисляем к означающим и совокупность и раздельность действия, соединяет подлежащие при сказуемом,

полагаемом и во мн. числе и в единственном. Напр.: а) во мн.: у Жук. „ни лань, ни антилопа, | ни ветер горный | меня догнать *не могут*", VI, 15—16. У Пушк. „ни клевета, ни подозренье, | ни злобной ревности мученье, | ни скука *не смущали* нас", II, 174. б) В ед. числе: у Карамз. „по сей час ни волк, ни медведь, ни разбойник *не смел* напасть на меня", II, 423.

Как в речи разговорной, так и в книжной, не только в церковнослав. и в старинной русской, но и у образцовых писателей, постоянно встречаются следующие отклонения в согласовании сказуемого с подлежащими, при частицах, означающих совокупность действия:

1. Из нескольких подлежащих, соединенных союзом совокупительным, сказуемое согласуется в роде и числе с ближайшим. (Иногда союз может и опускаться.)

Примеч. 1. Напр., в цс.: в Супр. рук. тьма же и мракъ на анѳупата и на поганыѧ просыпаса, 83; злато твоѥ и сребро твоѥ да бѫдеть съ тобоѭ, 163. В русском: в Юрид. акт., в обычных выражениях при размежёвке земель и вообще при означении собственности, состоящей в лесах и полях: „куда *ходила коса* и сѣкира", XIV и XV в.; „куда изъ тѣхъ земель *плугъ ходилъ* и соха, куда *топоръ ходилъ* и коса", 1484; „куды коса да соха да *топоръ ходилъ* Ѳедоровъ", 1508; „куды плугъ и соха и топоръ и *коса ходила*", 1526; „куды *ходилъ топоръ* и коса и соха", 1546. В Древн. русск. стих. „а от пару было от конинного, | а и месяц, *солнце померкнуло*", 242; в дух. стих. „и *солнце* и месяц *воссияло*", Кал., IV, 121. Из писателей: у Кант. „где тишина и *покой царствует* желанный", Сат. 4. У Ломон. „пустыня, лес и *воздух воет*", Ода 1; „земля и *сердце* в нас *нагрето*", Ода 4; „да *возрастет* ея *держава*, | богатство, счастье и полки", Ода 6. В Граммат. Ломон. „имена существительные, соединенные одним глаголом, часто требуют числа множественного: *мир и любовь да пребудут с вами*. Иногда и единственное число служит: *взгляды, речь и учтивость обольщает*, § 477. У Ф. Виз. „я не знаю, каким образом *попал я* и брат мой в сие число избранных учеников", 495. В Похожд. Ив. „и конь и *седок будет сыт*", 2, 9. У Карамз. „кровавая глава и *грудь* их гордо *возвышается* над волнами", II, 182; „твое счастье и мое *утешение погибло*", ИГР, XI, 52. У Дмитр. „родня и *друг* ее *забыл*", II, 130. У Бат. „книга и *читанное* мною *было* совершенно *забыто*", I, 133; „там *был* его *ум*, его сердце, все воспоминания", I, 253—254. У Жук. „мне *слышался шорох* и звук голосов", II, 144; „пречистая предстала мне, | в руках ея *был меч* и знамя", III, 130. У Гриб. „нет, глупость на меня и *слепота напала!*", 163. У Пушк. „*исчезла ревность* и досада", IV, 151; „*поднялся* в поле *треск* и звон", II, 54; „*был слышен* падших *скорбный стон*, | и русских витязей молитвы", II, 111. — Так свойственно нашей речи это согласование, что в большей части приведенных здесь примеров было бы весьма неприятно слуху и противно употреблению мн. число сказуемого, хотя и согласное с законами логического сочетания понятий. Особенно необходимо единственное число сказуемого при двух или нескольких подлежащих синонимических; напр., „и *будет* | тогда тебе *великий срам* и *стыд*", Жук., VI, 232.

По исчислении нескольких подлежащих иногда означается сумма их в утвердительном предложении словом *все*, а в отрицательном — *ничто*; тогда сказуемое ставится в ед. числе; напр., у Бат. „ни *крик* петухов, ни *стук* топора, ни *топот*, ни *конское ржание*, *ничто* не нарушает глубокого молчания“, I, 218.

2. Местоимения среднего рода ед. числа, соединенные союзом совокупительным, требуют сказуемого в ед. числе; напр., „*то* и *другое полезно*“. Имена же прилагательные ср. рода ед. числа, соединенные таким же союзом, имеют сказуемое иногда в ед. числе, иногда во множественном; напр. „и *хорошее* и *дурное встречается* человеку“ (Восток., Граммат., § 116); у Пушк. „*ужасное* и *смешное* странным образом *перемешаны* между собою“, VIII, 278.

3. Вместо союза, иногда соединяются два или несколько подлежащих совокупительным предлогом *с*. Тогда сказуемое ставится во мн. числе и при подлежащем в ед. числе; напр., „*отец* с матерью *пришли*“ вм. „отец и мать пришли“ или „отец пришел с матерью“. При этом должно заметить, что главное внимание обращается на тот предмет, к названию которого присовокуплены другие имена помощию предлога *с*.

Примеч. 2. Такое согласование весьма употребительно как в старинном и народном языке, так и у писателей образцовых. Напр., в Юрид. акт. „а будетъ *я* строительница Дороѳея *съ сестрами и со вкладчицами* противъ сей записи въ чемъ нибуди *не устоимъ*. . .“, 1679. В Древн. русск. стих. „втапоры *Владимир князь* стольной киевской | больно *со княгинею возрадовались*“, 163. В песн. „по леву руку *стоят* тут *брат с сестрой*“, Чулк., 2,162. У Ф. Виз. „*он с женою* своею Марфою Григорьевною *суть* подлинные Простаковы из комедии моей Недоросль“, 526. Во Всяк. всяч. „*кучер с извощиком* на Москве на улице друг на друга косо *смотрят*...“, 340. У Хемн. „*муж* в ладу *с женою жили*“, II, 30. У Дмитр. „и *ландыш с розой расцветут*“, II, 48. У Бат. „напрасно *Клит с женой* ему *кричали* вслед“, II, 231. У Жук. „*с императрицею король* | за что-то *раздружились*“, IV, 168; „за руки взявшись, *гуляли Ундина с Берталедой*“, V, 229. У Цыг. „*отец с матерью* | *спят* в сырой земле“, 37; „*быль с сказкой сходны*“, 43; „есть ведь дни, в кои *солнышко* | *с* ясным *месяцем видятся*“, 53. У Крыл. „*с Пиладом* мой *Орест грызутся*“, 51. — Вместо *я, ты, он*, употребляются в этом случае *мы, вы, они* (§ 203); напр., у Ф. Виз. „*мы с женою предпочли* видеть Альзиру и приехали в театр очень кстати“, 381. — Приведенные здесь примеры ясно показывают, что согласование сказуемого во мн. числе при единственном подлежащего, соединенного с другим посредством предлога *с*, не только позволительно, но в некоторых случаях и необходимо. Иногда два сказуемые, относящиеся к одному и тому же подлежащему, ставятся одно в ед., а другое во мн., если только подлежащее выражено таким словом, которое может согласоваться и с тем и другим числом. Напр., у Ф. Виз. „однажды *хозяин* мой *с женою* своею *повздорил*, и, по римскому обыкновению, выдернув ножи, *бросились* друг на друга“, 461. у Крыл. „*Старик-крестьянин с Батраком* | *шел* под ве-

чер леском | домой, в деревню с сенокосу, | и *повстречали* вдруг медведя носом к носу“, 71.

§ 238. Когда в слитных предложениях из нескольких одинаковых сказуемых удерживается только одно, а прочие опускаются в избежание повторения, то опущенные могут быть не в том роде, числе и лице, в каких стоит удержанное сказуемое. А именно:

1) При союзах соединительных и означающих последовательность.

Примеч. 1. Напр., у Кант. „*отец* сперва (т. е. волноваться *стал*), потом *мать* волноваться *стала*“, Сат. 5; у Ф. Виз. „не только партер и *ложи* (т. е. *были набиты*), но и весь *театр набит был* людьми“, 362; у Карамз. „*некоторые плафоны* в комнатах очень *хороши;* также и *резная работа*“ (т. е. *хороша*), II, 716; у Пушк. „меж ними *зрится* и беглец | с брегов воинственного Дона, | и в черных локонах еврей, | и *дикие сыны* степей“, II, 193.

2) При союзах разделительных; напр., „или *я скажу,* или *ты* (т. е. *скажешь*)“.

3) При союзах противительных.

Примеч. 2. Напр., в Слове о полку Игор. „аже бы ты былъ, то *была* бы *чага* по ногатѣ, а *кощей* (т. е. *был бы*) по резанѣ“. У Дмитр. „*я,* например, людей к их пользе *уязвляю,* | а *ты* для их вреда (т. е. *уязвляешь*)“, III, 108. У Бат. „много *страдал,* а бедные *соседи* еще более (т. е. *страдали*)“, I, 185.

4) При союзах сравнительных.

Примеч. 3. Напр., у Кант. „таковы ли *дрожжи* | *любы,* как *пиво* ему (т. е. *любо*)“, Сат. 2; у Жук. „*цветы покрыли* землю, как *ковер* (т. е. *покрывает*)“, VI, 271.

5) В соединении двух предложений без союзов: обоих утвердительных или одного утвердительного, а другого отрицательного.

Примеч. 4. Напр., оба предложения утвердительные: у Бат. „*площадь была покрыта* каретами, *бульвар* гуляющими (т. е. *был покрыт*)“, I, 141; одно утвердительное, другое отрицательное: у Дмитр. „*позор* ты мой (т. е. *стал*), не дочь мне *стала!*“, II, 40; у Жук. „но не *труды,* не *хлад,* не *зной* (т. е. *разрушили*) | — *тюрьма разрушила* меня“, IV, 3.

2. СОГЛАСОВАНИЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ СЛОВ С ОПРЕДЕЛЯЕМЫМИ

§ 239. В согласовании определительных слов с определяемыми в предложении слитном должно обратить внимание на два случая: 1) два или несколько определительных могут стоять при одном определяемом; и 2) два или несколько определяемых — при одном определительном.

1) Если два или несколько определительных стоят при одном определяемом, то это последнее может полагаться или в ед. числе, или во мн.; напр., „Белое и Черное море", „Белому и Черному морю"; „Белое и Черное моря", „Белого и Черного морей"; „море Белое и Черное", „моря Белое и Черное" и т. д. Согласование в единственном числе приличнее речи разговорной и безыскусственной; — во множественном же, по большей части, принадлежит языку книжному, более обдуманному.

Примеч. 1. Примеры: а) в ед. числе: у Ф. Виз. „публика не прежде его усмотрела, как между *четвертым* и *пятым актом*", 381; у Жук. „я видел на прекрасной долине, между *Цурихским* и *Ловерцким озером,* развалины горы", VII, 224; у Пушк. „*дается конвой казачий* и *пехотный* и одна пушка", VIII, 141; „его величество повелел их объяснить на *французском* и *немецком языке*", XI, 308. Особенно при местоимениях: у Дмитр. „вчера случилось мне сличать | и *их* и *нашу песнь*", I, 49; у Бат. „столь *многочисленно* и *то* и *другое воинство*", I, 241; у Жук. „начертил для будущих времен *свое* и *мое имя*", VII, 196. Некоторые существительные даже не могут стоять при двух или нескольких определительных во мн. числе, напр. слово *пол*: в Шуйск. акт. „прiѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу пресвятыя богородицы смоленскiя со многихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молиться, *мужескiй* и *женскiй* и *дѣвичь полъ*", 1670. — Само собою разумеется, что определяемое стоит в ед. числе, когда в простом предложении два определительные употреблены в различных падежах: оно бывает в том падеже, в каком поставлено ближайшее к нему определительное; напр., в Зап. Дан. „взят был, указом канцелярии главной артиллерии, из *Московской* в *Петербургскую школу*", 31. — б) Во мн. числе: у Ф. Виз. „*страстная* и *святая недели* были проведены в службе божией", 380; „на *первой* и *последней неделях* великого поста до́ма же моление отправлялось", 488; У Карамз. „в храме св. Михаила пал ниц перед *гробами Иоанновым* и *Федоровым*", ИГР, XI, 6. У Жук. „пространство между *Балтийским* и *Черным морями*", VII, 263; у Пушк. „их рассадили по лавкам *гостинного* и *менового дворов*", V, 11. — Если одно и то же определительное повторяется дважды, один раз в ед. числе, а другой во множественном, то определяемое, будучи упомянуто однажды, полагается при определительном мн. числа, согласуясь с ним в числе; напр., у Карамз. „*какой* или *каким наукам* вы особенно себя посвятили?", II, 119.

2) Если одно определительное стоит при двух или нескольких определяемых, то, по большей части, согласуется в роде и числе с ближайшим; напр. „русский ум и сердце", „русское сердце и ум". Иногда полагается и во множественном при определяемых ед. числа; напр., „старшие сын и дочь".

Примеч. 2. Примеры у писателей, преимущественно в ед. числе: у Ломон. в Граммат. „нередко единственное число с ближним существительным согласно склоняется. *Мой отец и мать, брат и сестра моя*", § 470. У Ф. Виз. „онемение *левой руки и ноги*", 465. У Бат. „полюбуетесь некоторыми произведениями *русского резца и кисти*", I, 136. С местоимениями и 1) в ед. числе: у Дмитр. „да усладит *твое сердце* он *и взгляд*", II, 93; у Крыл.

„чтоб *этому* помочь *убытку* и *печали*", 186; и 2) во мн.: у Ф. Виз. „она приняла нас как *брата* и *сестру своих*", 464.

Определительные в слитном предложении могут быть выражаемы различными частями речи и соединяемы союзами; напр., прилагательным притяжательным и существительным в род. падеже: „Ирина вторично велела ему исполнить волю *народа и божию*", Карамз., ИГР, XI, 10; „увенчать миртами любимца *монархова и муз*", Бат., I,13; прилагательным и существительным с предлогом, в виде наречия: „помните Аманду, которая исходила всю Европу, Азию, Африку, *босая и с распущенными волосами*", Карамз., II, 424.

Примеч. 3. В народных песнях определяемое и его эпитет иногда разлагаются на два предложения, из которых в одном упоминается только определяемое, а в другом его эпитет; напр., „*девушки* пиво варили, | *красные* пиво варили", „*девушки* баню топили, | *красные* баню топили", Чулк., 1,189.

3. СОГЛАСОВАНИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

§ 240. Как сказуемое (§ 125), так и определительные слова согласуются с определяемым, а не с приложением, которое не оказывает никакого действия на согласование прочих слов в предложении.

Примеч. 1. Напр., в Сл. о полку Игор. „*заря* свѣтъ *запала*". В Кн. Больш. черт. „*градъ* Ливны *стоитъ* на рѣкѣ на Соснѣ", 9; „*рѣка* Донецъ Сѣверный *вытекла* изъ чистаго поля", 27. У Ломон. „приморское *место* Дубки *называемое*", Граммат., § 471. У Жук. „на самом рубеже Ирана | *стояла крепость* Белый замок", VI, 42. В песн. „*мой* крута гора высокая, | крепка стена белокаменна, *ты родитель мой батюшко*" (Арх. губ.).

К особенностям языка русского принадлежит разнообразное употребление приложения. А именно:

1. В старинном и народном языке приложение весьма употребительно. Оно бывает двоякого рода: или название предмета видовое при родовом, а также имя собственное при нарицательном; напр., *трость*-дерево, *ковыль*-трава, птица *орел, ворон*-птица, *Иордан*-река; или эпитет, выраженный существительным: *надежда*-государь, *царь*-девица, *удача*-добрый молодец, „правду-*матку* сказать"; в песнях очень обыкновенно: „*родитель*-матушка"; в олон. былин. „*купець*-жена", „*купець*-дочи" вм. *купеческая* жена, дочь, Рыбн., I, 251, 254. Так же в олон. наречии: „*город*-девка" — хорошая невеста, за которою дают большое приданое.

Примеч. 2. Напр. в Сл. о полку Игор. „и рече ему *буй-туръ Всеволодъ*", „слава ... *буй-туру Всеволодѣ*". В Мам. поб. „летѣти главѣ твоей на *траву*-

-ковыль, а чаду твоему Иякову лежати на зеленѣ *ковылѣ травѣ*". В Кн. Больш. черт. „ростетъ *древо листвица*", 196. В Шуйск. акт. „похвалился на монастырскихъ служекъ и крестьянишекъ, по дорогамъ и по торгомъ, въ день и ночью *боемъ-грабежемъ* и смертнымъ убивствомъ", 1647. В Древн. русск. стих. „гой еси *удача* добрый *молодец!*", 205; „*горе* горькая, моя руса коса", 209; у Держ. „без лат я *горе богатырь*", I, 177. В Парн. щеп. „(перстень) не уступал древности *Кремлю городу*", 31; „летит *птица орел*", 46; у Жук. „дворец волшебный *царь-девицы*", II, 52; слич. у Держ. „*царь* жила была *девица*", „шасть к *царю-девице*". У Пушк. „за своего *надежду-государя*", I, 332; „скажи *ворон птица,* отчего живешь ты на белом свете триста лет...", VII, 202. — Сюда же принадлежит выражение *Океан-море,* в котором иностранное слово *океан* принимается простым народом за собственное имя, и потому должно быть причислено к приложениям. Напр., в грамоте Феодора к Елисавете Английской: „и тое божью дорогу, *Окіянъ море,* какъ мочно переняти, и унять и затворить", ИГР, X, примеч., 54. В Сб. Царск. XVII в. „еже есть близь Понта *Окіяна моря*". У Жук. „мелькнуло впереди чертою синей | на крае неба *море Океан*", VI, 251. У Пушк. „волнуяся, как *море Океан*", I, 273.

2. Приложение иногда не с о г л а с у е т с я с своим определяемым ни в роде, ни в числе, ни в падеже.

П р и м е ч. 3. Напр., в Древн. русск. стих. „колоты они (стрелы) из *трость дерева*", 24; „поплыли по *Тоболь реке*", 116; „и поплыли по *Тагиль реке*", 116; „и бросила его в *тое Енисей быстру реку*", 122; „напущалися на *той большой Енисее реке*", 122; „из устья *Ердань реки*", 175; „не доехавши они до *Сафат реки*", 181. В песн. по изд. Чулк. „ты не пей воды на *Дунай реке*", 1,139; „во глубокой во *Дунай реке*", 2,126; „в *Дунай* ли *реке* она потонула", 2,177. В современных песнях: „я убил Соловья вора-*разбойницька,* | *вор-разбойницька* да *вор-Ахматова*"; „со милыми подружками, | *душа красными девицами*". В песнях иногда не согласуется также слово *сын,* употребляемое, как приложение, при имени отческом; напр., в олон. былин. „со царем Кощеем *сын* Трипетовичем", Рыбн., I, 199. У Дмитр. „зрю толпу людей, | за тридевять земель лежавших | два века в *мать-сырой земле*", II, 48. У Жук. см. в предыдущем, т. е. во 2-м примеч. — Впрочем, иногда и нарицательное имя принимается за приложение при собственном; напр., слово *гора*, в следующем стихе Древн. русск. стих.: „у *того Медведя камня у Магницкого-горы* становилися", 115. — Приведенные в этих примерах приложения могут быть рассматриваемы, как первый член сложного слова, в котором вторым членом бывает определяемое: *Тагиль-река, Тагиль-реки, Тагиль-рекой; мать-сыра земля, в мать-сырой земле; царь-девица, царь-девицы, царь-девицей.*

3. Э п и т е т, выраженный существительным с прилагательным, также не согласуется с своим определяемым; напр., „Дмитрий — грозные очи", „Дмитрия — грозные очи", „Дмитрию — грозные очи", „Тур — золотые рога" и т. п. В сказк. „путники перехожие — сумки переметные", Афанас., VI, 286. Сюда же принадлежат приложения из двух или нескольких слов, характеризующие предмет в его более подробном описании.

Примеч. 4. Напр., в древнерусск.: в Юрид. акт. „двои ножи угоръскіе *кости рыбей зубъ наставки*", 1579; так же с числительным именем: „升меринъ совсрасъ *десять лѣтъ*", 1568. В примечаниях к ИГР Карамз. „попонка *бархатъ червчатъ гладкой*", „коверъ *розные цвѣты* съ золотомъ и серебромъ", „камка *шелкъ бѣлъ да червчатъ*", „стоялъ столъ *нѣмецкое дѣло*", „круживо *шелкъ чернъ* съ серебромъ", „башмачки *сафьянъ синь*", X, примеч. 118, 130; XI, примеч. 34,60. В Выходах госуд. цар. и кн. „а на государѣ было платья: *шуба, сукно красномалиново* съ круживомъ, *кафтанъ становой атласъ зеленъ* — *башмаки сафьянъ червчатъ*", 1640, стр. 81; „*стулъ атласъ зеленой золотой*", 1643, стр. 109; „*зипунъ, камка вишнева, исподъ черева лисьи*, съ ожерельемъ бархатнымъ черным; *ферязи тафта зелена, исподъ черева бѣльи; опошень зуфь вишнева,* нашивка тафтяная; *шапка сукно вишнево* съ пухомъ; *чеботы сафьянъ лазоревъ*", 1647, стр. 150; „отпущено государю платья на Дѣвичье поле: *зипунъ объярь серебрена, травы разныхъ цвѣтовъ, подкладка доро́ги свѣтлозелены, подпушка камка червчата травная,* пуговки обнизаны жемчюгомъ; *чуга отласъ рудожелтъ, подкладка доро́ги зелены*", 153, стр. 288. В Древн. русск. стих. „на чердаке была *беседа дорог рыбий зуб*", 3; „обвивается лютой змеей около *чебота зелен сафьян*", 45; „ко третей-то мудрости учился Волх | обертываться гнедым *Туром золотые рога*", 47; „стоит *подворотня-дорог рыбий зуб*", 41; „надевала ... на ноги *сапоги зелен сафьян*", 125. — Словосочинение этих эпитетов объясняется выпуском соединительных слов, составляющих предложение придаточное, но оказавшихся вовсе ненужными и обременяющими речь: „шуба, *сшитая* из сукна красно-малинового"; „башмаки, *сшитые* из червчатого сафьяна"; „туром, *который* имеет золотые рога" или „у *которого* рога", и т. п. — Потому эти эпитеты состоят в ближайшей связи с придаточными предложениями, не соединенными ничем с предложением главным, и употребляющимися в смысле слов определительных. Напр., в Юрид. акт. „къ березѣ да къ осинѣ — изъ одного корени — *стоятъ-свилися* вмѣстѣ" (т. е. *которые, свившись вместе, стоят на одном корню*); „на двѣ березы изъ одного корени, *промежъ ими ива*" (вм. *между которыми ива*); „на четыре березы, да на елку на малую, *стоятъ на лядинѣ* изъ одного корени" (вм. *которые стоят*...), 1498—1505; „на березу, отъ земли голенасту, *вверхъ кудревата*" (вм. *которая вверх кудревата*); „на березу, отъ земли *голенаста-виловата*", 1631 (§ 283). Такие сокращенные предложения, в виде эпитетов, весьма употребительны были в описании природы, в грамотах межевых, или разъездных; точно так, как вышеприведенные эпитеты в описях нарядов и вещей, в Выходах госуд. цар. и кн. и в других тому подобных документах.

От этих старинных и чисто народных выражений должно отличать позднейшие определительные, не согласованные с определяемым, по свойству иностранных языков, и преимущественно французского; напр., у Жук. „спорхнула | с зеленой ветки и умчалась быстро, | *на шее жернов, в правой лапке цепь,* | *а в левой башмаки*" (т. е. имея), VI, 280.

Примеч. 5. Два существительные, сложенные между собою синтаксически, так что одно зависит по падежу своему от другого, могут в народном языке быть освобождены от этого синтаксического сочетания и постановлены в одном и том же падеже, как слово определяемое и его приложение; напр.,

в Юрид. акт. „на ель *на семь верховъ*“ (вм. „на ель *семи верхов*“), 1520; в Кн. Больш. черт. „отъ берега *отъ Донца*“ (вм. „от берега *Донца реки*“), 28; в песн. начала XVII в. „а свѣты *яхонты* серешки“ (вм. „сережки *яхонтовые*“, или *из яхонта*); в Древн. русск. стих. „пошли ко Ваське на широкой двор | к тому чану, *зелену вину*“ (вм. „к чану *зелена вина*“ или „к чану, *наполненному зеленым вином*“), 75. У писателей XVIII в. в Похожд. Ив. „облить *ведром водою*“ (вм. *ведром воды*), 1,132; у Абл. „ведь все уж дочь-то моя будет... хотя за *половиною* да *дворянином*“ (вм. „за *полу*-дворянином“), 51. В этом случае несколько слов могут сливаться как бы в одно сложное; напр., в Юрид. акт. „да съ... ели на ель же въ болотѣ, верхъ очищенъ, да *съ очищенной верха ели...*“, 1540 г. (т. е. *с ели, с очищенного верха,* вм. „с ели, *которой верх очищен*“).

4. Большая часть числительных количественных согласуются с своими определяемыми, как приложение; напр., „*пятью* аршинами, о *пяти* аршинах“, „от *сорока* человек, к *сорока* человекам, о *сорока* человеках“. В последнем случае числительное составляет как бы часть сложного слова: *сорока-человекам* и проч., как *Дунай-реки, Дунай-рекою.*

Примеч. 6. В старинном языке *половина* иногда употребляется в виде приложения; напр., в Юрид. акт. „къ *тому* половинѣ *селу*“, „въ *томъ* половинѣ *селѣ*“, 1582. В Древн. русск. стих. „(купили, ухватил) дубину ременчатую, | *половина* свинцу налиту“, 17 и 20. (У Абл. см. в примеч. 5-м). *Половина* употребляется здесь так же, как *полу*: в *том полу-селе* = в *том половине селе*. И как слово *половина* ставится в предложении отдельно, так и *полу*, и не только в нашем народном языке, напр. в песн. „со вечера добрый молодец коня седлал, | с *полу*-то ночи...“; но и в древнем цс.; напр., в Супр. рук, полоу ношти же бывъшоу, где бывъшоу согласовано с полоу, а не с ношти, 162.

5. Между названиями лиц прежде всего обращает на себя внимание имя *Иисус Христос*. В древнейших памятниках, равно как и в позднейших текстах, *Иисус* принимается за приложение к слову *Христос* и в склонении остается неизменяемым; напр. Їисоусъ Христа, Їисоусъ Христоу и даже при имени прилагательном: Їисоусъ Христовъ, Їисоусъ Христовы.

Примеч. 7. Напр., в О. ев. ї҃с хм҃ь, 3 б; в испр. Ї҃исъ Хр҃стомь, Ио., 1,17. В Изб. Свят. 1073 г. га҃ нашего иисоусь христоса, 27. В Стихир. 1157 г. къ любьзноуоумоу иисоус христоу, 73 об. У Нестора в Жит. Феодос. їисоусь христа.

6. В собственных именах лиц, употребляемых вместе с отчеством, в старинном и народном языке, имя крестное принимается за приложение, и не изменяется в падеже, а отчество и фамилия, изменяясь в падеже, имеют силу определяемого; напр., „*Александр* Ивановича Боброва“, „*Александр* Ивановичу Боброву“ (Барс. Граммат.).

Примеч. 8. Впрочем, в старинном и народном языке иногда отчество и фамилия, принимаясь за приложение при собственном имени, не согласуются с ним в падеже; напр., в Юрид. акт. „*Июдкою* зовутъ *Григорьевъ*", „*Фочкою зовутъ Ѳедотовъ сынъ*, по прозванію Прилукъ", 1680. В Древн. русск. стих. „а зовут меня *Михайлою Козарянинъ*", 205.

7. Титул *князь* принимается в старинном и народном языке также за приложение при собственном имени и не изменяется по падежам; напр., „*князь* Петра", „*князь* Петру".

Примеч. 9. У писателей: у Ф. Виз. „у меня с ума нейдет воспитание нашего *князь* Василья", 194; в Письм. Карамз. к Дмитр. „ждем *князь* Петра", 255; У Гриб. даже: „ждем *князь-Петр*-Ильича", 110. — В старинном языке существительное *князь* переходило в прилагательное *княжъ, княжа, княже*, когда собственное имя князя, о котором говорилось, изменилось в прилагательное притяжательное. Иногда то и другое прилагательное согласовалось с существительным, к которому оба относятся; иногда же согласовалось только последнее; первое же оставалось неизменно в форме *княжъ* или *княже, княжо*. Напр., в Юрид. акт. „во *княжу* въ *Иванову* грамоту" (вм. „в грамоту *князя Ивана*"), 1479—1481; „у *княжи* у *Михайловы* грамоты у жалованные печять не *княжа Михайлова*", „грамоту *княже Михайлову*", „въ грамотѣ — во *княжѣ Михайловѣ*", „у грамоты у *княжѣ Михайловы* печять не *княже Михайлова*", 1485—1505; „по своей грамотѣ по *княжо Михайловѣ*", 1504; „*княжъ Ѳедорова* рука", „*княжъ Ѳедоровы* руки", „прислалъ — *княжъ Ѳедорову* руку дѣловую грамоту, да *княжъ Иванову* руку купчую свою", 1508. Но иногда прилагательное *княжъ* употреблялось и с существительным, именно с собственным именем, вм. *князь*: „*княжъ Ярославъ Васильевича* дьякъ", 1483 (т. е. дьяк князя Ярослава Васильевича).

Ныне принято согласовать в падеже, как собственное имя с отчеством, так и титул *князь*; напр., *князю Ярославу Васильевичу*, вм. древнейшего: *князь-Ярославъ-Васильевичу*.

Примеч. 10. Определение, выражаемое собственными именами, в старинном языке состояло из прилагательного притяжательного, произведенного от имени самого лица, и из род. падежа отчества. Притом притяжательное согласовалось с своим существительным. Напр., надпись на печати при грамоте 1375 г. „*Юрьева* печать *Ивановича*". В заглавии: „Слово о пълку Игоревѣ *Святъславлича*". В Юрид. акт. „до *братнихъ* до *Ивановыхъ Ѳедоровича* до вотчинъ", 1588. — Иногда лицо жен. р. обозначалось только двумя отчествами, именно: отчеством самого лица и его отца; первое изменялось в падежах, последнее же ставилось только в родительном; напр., „оженися князь Ярославичь Андрей *Даниловною Романовича*", Лавр. сп. лет., 202; „и пояша за нь *Петровну Михалковича*", Продолж. Лавр. сп. лет., 148. — С прилагательным *княжъ*: в Юрид. акт. „жалованная грамота *княже Михайлова Ондреевичя*", 1485—1505: „дьякъ *княжъ Ондреевъ Васильевича*", „по осподареву слову *княжу Ондрееву Васильевича*", 1491. — С род. падежом фамилии вм. отчества: в Юрид. акт. „тягались князь Данило да князь Давыдъ

княжъ Юрьевы дѣти *Кемъского* со *княжъ Ѳедоровою* княгинею *Кемъского* съ Анною", 1508; „у тое записи руки прикладываны, *княжо Семенова* рука *Ухтомскаго,* да *княжо Иванова* рука *Головина*", 1509; „се язъ князь Иванъ Нащока, *княжъ Ивановъ* сынъ *Кѣмского*", 1526. — И до сих пор в приложении руки к юридическим актам удержалось древнее употребление слова *княжъ* при отчестве; напр., „князь Георгий *княж Владимиров* сын" и проч., т. е. „князь Георгий, сын князя Владимира".

8. Согласование приложения распространено в нашем языке на некоторые выражения, составляющие особенность разговорной и народной речи. Эти выражения суть:

а) Некоторые синонимы, слагающиеся между собою так тесно, что составляют как бы одно сложное слово; напр., *путь-дорога, драка-бой, бой-драка, конь-добра лошадь, род-племя.* В этом случае определение и сказуемое согласуются иногда с первым, иногда со вторым словом, смотря по тому, на которое, как на главное, говорящий обратил внимание.

Примеч. 11. Напр., в Мам поб. „тогда князь великій наступаетъ на *рать-силу татарскую*". В Древн. русск. стих. „*началась* у нихъ *драка-бой великая*", 78; в песн. „как бежит тут *конь-добра лошадь*", Чулк., 1,139. Впрочем *род-племя* согласуется и со мн. числом: „и *весь род-племя отрекалися*", Песн. Чулк., 1,136. Но в следующем месте из дух. стих. „во огненну *печь*-пламя бросала", Кал., IV, 122 — *печь*, собственно, есть приложение, хотя в стихе и подводится под разряд синонимических сочетаний, каковы *путь-дорога* и т. п.

б) Выражения из двух слов, употребляющихся весьма часто вместе, и по большей части не соединенных союзом; напр., *хлеб-соль, отец-мать.* Такие выражения принимаются за сложные слова. *Хлеб-соль* согласуется и с муж. и с жен. р. Впрочем, если слово *хлеб* остается неизменяемым, то *хлеб-соль* принимается в женском роде: *моей хлеб-соли, моею хлеб-солью. Отец-мать* согласуется преимущественно с мужеским.

Примеч. 12. Напр.: 1) *Отец-мать* (*отец-и-мать*): „имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья *единаго отца и матере*", Лавр. лет., 69; „*отец-мать* молодца у себя во любви *держал*", Древн. русск. стих., 295; „что как я живу молодешенька | у *чужева отца-матери*", Песн. Чулк., 1,152. Но в следующей песне слово *родитель* есть приложение к определяемому *матушка*: „уж ты свет моя милосердая! | в день-денной моя печальщица, | в ночь-ночную богомольщица, | ты *родитель-моя матушка*!" (Арх. губ.). 2) *Хлеб-соль* (*хлеб-и-соль*): у Дмитр. „что ж мне оставить вам за *вашу хлеб и соль*", III, 98. У Крыл. „или *хлеб-соль моя* вам надоела", 242. У Пушк. „благодарю, что вы *моей хлеб-солью*. . .", I,297; „но *хлеб-соль твоя* помрачилась", V, 29; „он часто делал мне честь навещать меня и довольствоваться *моей хлеб-солью*", XI, 335. В песн. „*моего хлеба-соли* не кушаешь".

II. УПРАВЛЕНИЕ СЛОВ

§ 241. В учении об управлении слов должно обратить внимание: 1) на значение и употребление падежей и предлогов; 2) на слова управляющие, именно на управление слов глаголами и именами; и 3) на слова обстоятельственные, частию зависящие от слов управляющих, частию же независимые или самостоятельные. К последнему отделу принадлежит учение о наречиях.

Слова управляющие и управляемые состоят в теснейшей связи между собою; потому в учении о падежах и предлогах необходимо касаться и управления глаголами и именами. С другой стороны, учение о словах управляющих служит не только необходимым дополнением к объяснению значения самых падежей и предлогов, но даже основанием учению о тех и других, потому что слово изменяется в падеже или принимает какой-либо предлог с тем или другим падежом, только по требованию слов управляющих. Сверх того, значение падежей немало зависит от свойства предлогов; предлог же в управлении получает смысл только при падеже.

Как падежи, так и предлоги имеют двоякое значение: вещественное и отвлеченное или умственное (§§ 147 и 162). В истории предлогов вещественное значение предшествует отвлеченному. В падежах же на первом плане выступает значение отвлеченное и умственное; вещественное же есть только как бы применение умственного — к выражению обстоятельств места и времени.

Предлоги суть позднейшая замена падежей (как это видно из языков романских, § 168), и притом замена умственных отношений мысли вещественными, относящимися к пространству (напр., во франц. *à*, *de*).

Так как вещественное предшествует в языке отвлеченному и умственному, то надобно полагать, что и падежи сначала означали по преимуществу отношения предметов в пространстве, а потом уже перешли к обозначению отношений между понятиями. Но этот первоначальный период в истории падежей сокрыт от нас в эпохе доисторической, потому что уже в древнейших памятниках нашего языка видим падежи во всем их полном и богатом развитии, которым уже окончательно заключился период доисторического их образования.

Немногие случаи в употреблении падежей в значении вещественном суть остатки первоначального смысла, какой падежи имели.

§ 242. В этом отделе будет говорено только о косвенных падежах.

В славянском языке вообще и в русском в особенности все косвенные падежи делятся на три отдела: к первому принадлежит винительный; ко второму — родительный с местным; к послед-

нему — дательный с творительным. Это естественное разделение падежей явствует из славянского двойственного числа, в котором родительный сходствует с местным, а дательный с творительным. Что же касается до сходства винительного с именительным в двойственном числе, то здесь принят в рассуждение только тот случай, когда оба эти падежа в названии имен ср. рода и предметов неодушевленных сходствуют между собою.

Примеч. 1. Языки, в которых нет творительного падежа, вместо его употребляют дательный.

Падежи имеют двоякое значение: или 1) показывают отношение действия к действователю и к предмету, на который обращено действие; или 2) показывают обстоятельство, и притом первоначально места, по вопросам: откуда? куда? и где?, а потом, в переносном значении, и прочие обстоятельства, и преимущественно времени.

1. Отношение к действователю и предмету действия:

а) Винительным падежом означается предмет, подлежащий действию другого; напр., *читать книгу.*

б) Дательным и творительным — лицо или предмет, к которому относится действие и которым оно совершается; напр., „дать *кому* книгу", „*хозяином* держится дом".

в) Родительным — частию предмет, подлежащий действию; потому винительный иногда переходит в родительный; напр., „не читай *книги*", „дай *воды*" (при винительном: *читаю книгу, давать воду*); частию — взаимное отношение между предметами и лицами; напр., *восход солнца, сын почтенного отца;* и тогда родительный существительного может переходить в прилагательное относительное: *солнечный восход.*

2. Обстоятельство:

а) По вопросу *откуда?* — употребляется у нас родительный, но только с предлогами; напр., *с горы, из дому.*

б) По вопросу *куда?* — дательный и винительный с предлогом: *Киеву, домови (домой), в город, вон* (§ 72).

в) По вопросу *где?* — местный или предложный и родительный: *Киеве, в Киеве, вне* (§ 72), *дома.*

г) По вопросу *когда?* — родительный, творительный и местный; напр., *сегодня, вчера, днем, ночью, зиме.*

д) По вопросу *как долго?* — винительный: „работать *целую неделю*".

Употребление падежей в значении прочих обстоятельств показано в § 125.

Примеч. 2. Употребление обстоятельств места в косвенных падежах без предлогов весьма употребительно в древних языках; напр., в латинском: а) на вопрос *где?* — родительный (а первоначально и местный) и творительный: Romae, Corinthi, domi (дома), belli domique, Athenis. б) На вопрос *куда?* — винительный: Romam, Athenas, domum (домой), rus (в деревню, в поле). в) На вопрос *откуда?* — творительный: Roma, Athenis, domo (из дому), rure (из деревни, с поля).

I. ЗНАЧЕНИЕ ПАДЕЖЕЙ

А. Родительный

§ 243. Родительный падеж употребляется в следующих значениях:

1. Родительный принадлежности и обозначения; напр., *дом моего знакомого, человек пожилых лет.*

Примеч. 1. Примеры: в Шуйск. акт. „а та, де, церковь, *строенія* Богдана Засѣцкаго“, 1686. — У Ф. Виз. „я еще *той веры,* что ...“, 155. У Бат. „перечитывал стихи *моего сочинения*“, I, 80. У Крыл. „они *такой цены и красоты*“, 17. Из приведенных примеров видно, что родительный обозначения переходит и в сказуемое (с подразумеваемым глаголом *быть*).

Особенности родительного принадлежности и обозначения в русском языке суть следующие:

а) В народном языке вопрос о роде и месте жительства иногда означается родительным падежом, на что и отвечают родительным же; напр., в песн. „ты *каких родов,* да *каких городов?*“ У Чулк. „из которого ты города, | ты *какова отца-матери?* | я *города,* сударь, *Киева*“, 1, 135.

Примеч. 2. Когда говорится о чьем-нибудь сыне, то вместо *сын такого-то человека* употребляется: *сын такого-то отца:* „зажиточного почтенного отца сын“.

б) Фамилии означались в старину весьма часто в родительном, как единственного, так и множественного числа.

Примеч. 3. Напр., в Юрид. акт. „передъ княземъ Иваномъ Григорьевичемъ *Долгорукого*“, 1612; „княжны старицы Александры *Гагариныхъ,* да старицы Ѳедосьи *Давыдовыхъ*“, 1679; в Пск. лет. „князь Иванъ Ивановичъ *Дябренскихъ князей*“, 90. — Из писателей у Ф. Виз. „и я по отце *Скотининых*“, 134. — По этому синтаксическому правилу образовались доселе употребляемые только в родительном некоторые фамилии; напр., *Живого, Мертвого, Дурново* (вм. *Дурнова* или *Дурного*), *Сухоруких, Сухих, Косых* и т. п.

в) Эпитеты в народном языке могут выражаться родительным обозначения, когда они состоят из существительного с опре-

делительным словом; напр., „ты не жги свечи *воску ярого*", Прач, 57; Цыг., 58.

Примеч. 4. В Древн. русск. стих. „кровать *слоновых костей*", 9; „покрыша *седых бобров*", „потолок *черных соболей*", 14; „панцырь *чиста серебра*", 23; „пол, середа *одного серебра*", 159; „лапотки на нем *семи шелков*", 182. У Чулк. „он снимает с себя шапочку *черна соболя*", 1, 163; „брови-то у Аннушки *черна соболя,* | глаза-то у матушки *ясна сокола*", 2, 193. — Вместо *большой, великий, средний, небольшой,* иногда употребляется род. обозначения: *большой руки, средней руки, небольшой руки;* напр., у Крыл. „да только женихи *середней* уж *руки*", 12; „это зло еще *не так большой руки*", 27.

г) Эпитет, выраженный только одним существительным в род. падеже, без определения, принадлежит речи книжной и слогу витиеватому; напр., *муж совета, народы Севера.* Оборот этот заимствован из чужих языков.

Примеч. 5. Напр., в Продолж. Лавр. сп. лет. „*мужь крови* и льстивъ не преполовить днiй своихъ" (из Св. писания), 181. В Дух. стих. „и речет пресвятая богородица, | святая *жена милосердия*", 19, 3—4. У Держ. „тебе, герой! *желаний муж!*"; у Карамз. „здесь покоится *человек истины и природы*", II, 632; у Бат. „история — молчит о *народах Севера*", I, 172; у Пушк. „великий муж! *муж битвы и совета*", I, 314. Но особенно часто попадается этот оборот у Жуковского: „и близ него наш старец, *вождь судьбины*", II, 68; „нет, просвистал в твой парус *ветер ночи*", II, 74; „мне, усладительнице бед, | *вождю спасенья и побед...*", III, 204; „лежит венец, на *мраморе могилы*", IV, 139; „вызов к Сиду, к *мужу чести*", V, 54; „*лев мужества* Рустем...", VI, 13; „иссохла *мужества рука*", VI, 89; „...явившим в Киеве *первых и последних мучеников христианства*", VII, 268. Последнее выражение заимствовано у Карамзина из I-го тома ИГР: „народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына (Феодора и Иоанна), которые были таким образом *первыми и последними мучениками христианства* в языческом Киеве".

2. Родительный количества, как при глаголах, напр. „набралось *воды*", так и при других частях речи; напр., „много *дела*", „двое *детей*", „пять-*десят*" (§ 70); „у него *детей всего* на все один сын".

Примеч. 6. Напр., в Троицк. сп. лет. „бяше бо плетнемъ оплетено то мѣсто и *насовано колья*", 213; в послов. XVII в. „мошна, что квашня: какъ въ нее прибываетъ, такъ *ея прикисаетъ*". В Выходах госуд. цар. и кн. „а на государѣ *было платья:* зипунъ атласъ рудожелтъ" и проч., стр. 237 и во множестве других мест. В Древн. русск. стих. „*есть молодцев* сопротив тебя", 81; „*есть молодцев* за сто человек", 155. У Кант. „*всей* у него *родни* за душою | один лишь внук", Сат. 3. У Держ. „безмерна разных лиц долина, | как *звезд насеялася* вдруг", I, 289. У Дмитр. „не знаю, города какого мещанин, | у коего *детей* — один был только сын", II, 117. У Пушк. „*всего*-то *душ* одна девка", VII, 95.

Важнейшие случаи употребления родительного количества при глаголах суть следующие:

а) При безличных глаголах; напр., „наехало *гостей*", „набралось *воды*" (подразумевается *много*); „кипит *народу* без числа", Хемн., II, 26.

б) При глаголах возвратной формы с предлогом *на-*: „*на*смотреться *чудес*", „*на*есться *хлеба*" (т. е. много).

в) При глаголах действительного залога, обращающих свое действие на часть предмета, или и на весь предмет, но на известное время; напр., *подать воды, посеять пшеницы, одолжить ножа,* „*дать* взаймы *денег*", *занять денег,* „*посулить* кому *лошади*", т. е. не вовсе отдать, но дать на подержание, на некоторое время и с возвратом потом; а „*посулить* кому *лошадь*" — значит отдать совсем, подарить. Так как продолженный вид, по самому своему значению, имеет смысл постоянного течения действия и, сверх того, так как иногда дает действию значение отвлеченное, то вместо родительного требует в этом случае падежа винительного; напр., *сеять пшеницу, занимать деньги.*

Примеч. 7. Родительной части в народном языке; напр., „*подай,* мати, *косаря*... рубить, казнить комара", Бессон., Детск. песн., 185—6. Сверх того, в старинном языке родительным при глаголе действительном означалась учтивость: „*покажи свою книгу* сказано как бы со властию; *покажи своей книги,* речь учтивее" (Ломон., Граммат., § 503; Барс.).

Примеч. 8. Родительный количества же употребляется с глаголом *дать* в некоторых народных выражениях; напр., *дать стречка, дать тумака* и т. п.

После местоимений: *кто, что, кой, весь, один, тот,* особенно в древнем и народном языке; напр., *кто людей, что городов, один их* (вм. *кто из людей, один из них*); у Крыл. „*что дива?* я сказал" — „да только *то беды*", 285, 131.

Примеч. 9. В Новг. лет.: „и кто, братье, о семъ не поплачетъ, *кто* ся *насъ* осталъ живыхъ", 1, 51; „поя дъцерь свою жену Ярославлю, и *что* (вм. *сколько*) *живыхъ новгородць*", 1,35; в Лавр. сп. лет. „и *что городовъ русскихъ,* и изъ тѣхъ людье ѣхаша", 176 (т. е. ехали из всех городов, сколько их есть); в Ипат. сп. лет. „тамо у тебе смолняне и новгородци и *кто ратьниковъ твоихъ*", 36 (т. е. и другие, которые тебе присягали). В Юрид. акт. „а въ серебрѣ есмя и въ росту *всѣ насъ* одинъ человѣкъ", 1524 (т. е. все мы равно ответственны); „а *кой насъ* въ лицѣхъ любъ, на томъ деньги", 1549 (т. е. кто-либо из нас налицо...); „а *кто* у нихъ въ тѣхъ деревняхъ учнутъ жити *хрестьянъ*", 1498—1505.

3. Родительный сравнения, при формах сравнительной степени; напр., *светлее солнца, темнее ночи.* Сюда принадлежат наречия: *прежде, паче, пуще.*

Личные местоимения в родительном сравнения иногда переходят в притяжательные; напр., *больше моего, лучше твоего*. Равномерно и существительные и наречия, означающие обстоятельство времени, места, при сравнении переходят в прилагательные относительные, в род. падеже; напр., в песн. „наделим тебя *больше прежнева*", „не греть солнцу *жарче летнева*", Чулк., 1, 135, 157. „Тебе дома жить будет *веселее петербургского*", Живоп., 1, 92 (вм. „больше, *нежели прежде*", „жарче, *нежели летом*", „веселее, *нежели в Петербурге*").

Примеч. 10. Любопытно употребление род. сравнения в следующем месте дух. стих.: „остался богатый, как *голого перста*", Кал., I, 83.

Местоимение *который* по самой форме своей есть сравнительная степень от *кой* (§ 69), потому, согласно своей этимологической форме, требует после себя родительного сравнения.

Примеч. 11. В О. ев. котораего вась осьль или воль (τίνος ὑμῶν), Лук., 14,5. В Юрид. акт. „а *который насъ* въ лицѣхъ, на томъ деньги", 1577 (т. е. взять деньги с того из нас, кто налицо); „а *который насъ* крестьянинъ въ лицѣхъ...", 1598.

4. Родительный отрицания при глаголах, употребленных с отрицательною частицею *не*.

а) При безличных; напр., „нет *дела*", „не было *дождя*" (§ 201).

б) При действительных; напр., „не читай *письма*", „*ничего* не делаю".

Примеч. 12. В древнейших славянских текстах Св. писания вернее и постояннее позднейших соблюдается это правило об употреблении род. падежа при действительном глаголе с отрицанием. В позднейших же иногда родительный заменяется винительным по греческому синтаксису. Напр., в О. ев. не имаши части сь мьноѭ (в испр. также ча́сти), Ио., 13,8. В О. ев. да не прѣтькнеши о каменьногы твоеѩ; но в испр. но́гꙋ твою, равно как и в греческом: τὸν πόδα, Матф., 4,6. В Дамиан. апост. ниже имамь дꙋше моеѩ честны себѣ, Деян., 20, 24; в Острожск. библ. и в испр. дꙋ́шꙋ мою̀ че́стнꙋ. В древнерусском: „*города не* възяша *ниодиного*", Новг. лет. 1, 10. „Мнѣ было выкупити у нихъ *тое деревни* не мочно", Юрид. акт., 1511. В статье: О днях лунных, по рук. XVI в. садꙋ не сади, Тих. Пам. „*Не* молвя *слова* крѣпися" в послов. XVII в. — Впрочем, иногда употребляется и винительный, как в древнерусском и народном, так и у новейших писателей; напр., „приде *не* успѣвъ *ницто* же", Новг. лет., 1, 7. „*Не* покину *веру* христианскую", Дух. стих., 2,79. „*Кисель* куры *не* клюют", Бессон., Детск. песн., 188. „Близь ложа там во мраке ночи | сидел он *не* смыкая *очи*", Пушк., II, 305. — В песне: „*не* шей ты мне, матушка, | *красный сарафан*", Цыг., 28.

Особенно употребителен винительный у новейших писателей, когда при отрицании действительного глагола стоят описательные формы: *не хочу, не могу, не стану* и т. п.

Примеч. 13. Напр., „*не хочу* видеть *мою комедию* представленною прежде нежели...“, Ф. Виз., 620; „чтобы восхищаться им, *не надобно* иметь *глубокие сведения* в искусствах“, Бат., I, 327. Но преимущественно у Пушк. „я *счастие твое не мог* устроить“, I, 303; „*не мог* привести в порядок *мысли*, смущенные столь ужасными впечатлениями“, VII, 153; „я *не смею* взять на себя столь *великую ответственность*“, VII, 179; „*не стану* описывать *оренбургскую осаду*“, VII, 180; „*не могу* изъяснить *то*, что я чувствовал“, VII, 212. — Впрочем, при этих описательных формах употребляется и родительный; напр., у Бат. „*не умеет* убирать *покоев* и учреждать *порядка*“, I, 284; у Пушк. „*не в силах* Ленский снесть *удара*“, I, 142; „никто в нашем полку *не усомнился* подставить ему *своей головы*“, VIII, 18.

В вопросе, с частицами: *ли, уже ли,* ставится и винительный, и родительный.

Примеч. 14. Напр.: а) Вин.: „*не* терпит *ли* он *холод?* | *не* чувствует *ли голод?*“, Дмитр., III, 26. „Сие беспокойство — желание — предприимчивость — *не* означали *ли великую душу и нечто необыкновенное?*“, Бат. I, 70. „*Уже ли* | *свое дитя* он видеть *не* хотел?“, Жук., III, 223. б) Род.: „*не* позабыл *ли* ты *старой должности?*“, Пушк., X, 21.

Примеч. 15. К родительному отрицания принадлежит *нéчего* при действительных глаголах в неопределенном наклонении; напр., *нéчего делать, нéчего видеть.*

5. Родительный времени; напр., в наречиях: *третьего дня, сегодня, вчерась;* в обстоятельных словах: *7-го января, 1-го мая, той же ночи, вчерашнего дня.*

Примеч. 16. Этот родительный употребляется более при означении дня и числа, а также и части дня; напр., „*2-го сентября* 1812 года“; в пословице: „было *Тита* (т. е. день св. Тита), так было и пито“, Даль, Слов. „А *коего дни* пиръ, *тово вечера* или порану, самому государю пересъмотрити: все ли по здорову“, Домостр. „И *той* же *ночи* в подземелье | зарыл мешок — и с ним свое веселье!“, Крыл., 83. Впрочем, употребляется и при означении времени годами; напр., *прошлого года, третьего году.* В Троицк. сп. лет. „*того* же *лѣта* и Шевкала убиша на Тфери“, 229. Но с числительными, напр. *1812 года,* вм. *в 1812-м году,* теперь мало употребительно.

6. Местоимения *чего* и *ничего,* вм. *что* и *ничто.*

Примеч. 17. Напр., „развалины, временем сделанные, *ничего* (вм. *ничто*) в сравнении с опустошениями“ и проч., Бат., I, 183. „*Чего* же медлишь?“, Жук., VI, 126. „Есть и такое место, которое называется *ничево*“, И то и се, 8. В областном языке: сиб. „*чево* говоришь?“, сиб., смол. „на *чево* тебе?“, пермск. *чево-ко,* в значении „что-нибудь“; напр., „я *чево-ко* несу“. В дух. стих. „*чегó* ты мне тогда не явился?“ (вм. *чтó, почему, от чего*), Кал., I, 109.

Б. Дательный

§ 244. Дательный падеж употребляется в следующих значениях:

1. Дательный о т н о ш е н и я к л и ц у; напр., „дал *кому*“, „сделал добро *кому*“, „друг *кому*“, „*мне* хочется“, „*тебе* думается“, „*мне* можно“, „нельзя *мне*“.

П р и м е ч. 1. В текстах Св. писания: ины сла́ва со́лнцу, и ины сла́ва лунѣ́ и̓ ины сла́ва звѣзда́мъ, 1-е посл. к Кор., 15, 41; а̓ще лѣть ми е̓сть глаго́лати что тебѣ́, Деян., 21, 37. В русском: в Древн. русск. стих. „бросил назад *себе*“, 186. В послов. XVII в. „*кому* болятъ кости, не думаетъ въ гости“, „*лѣнивому* болитъ въ хребтѣ“. — „*Всем* обещает и *никому* не держит слова“, Трут., 1, 6. — „Сам бог блюдет того, | работать *миру* кто отрекся для него“, Дмитр., III, 5. „Как солнца острые лучи, | гранит могучий осыпая, | *ему* пронзить не могут твердой груди“, Жук., VI, 153. Сюда же принадлежит употребление *себе,* в значении отношения к лицу; напр., „думает *себе*“; а также употребление личных *ми, ти, си* и проч. вм. *мой, твой, свой* и проч. (§§ 205 и 207).

2. Для бо́льшей ж и в о с т и речи, родительный принадлежности и обозначения изменяется в дательный отношения к лицу, причем предметы неодушевленные и отвлеченные представляются как бы о д у ш е в л е н н ы м и; названия же лиц означают отношение к лицу в собственном смысле.

П р и м е ч. 2. Напр.: а) Дательный л и ц а вм. родительного; напр., в О. ев. и начать оумывати нозѣ оученикомъ (τῶν μαθητῶν), Ио., 13,5; нѣси дроугъ кесареви, Ио., 19, 12 (в испр. кесаревъ, τοῦ Καίσαρος). Так же и в местоимениях, относящихся к лицу: в О. ев. вьсѣмъ рабъ, Марк., 10,44 (πάντων δοῦλος); дроугыи же отъ оученикъ юмоу рече къ нюмоу; в испр. родительный: ѿ оученикъ е̓гѡ̀, Матф., 8, 21. б) Дательный предмета н е о д у ш е в л е н н о г о и о т в л е ч е н н о г о вм. родительного; в О. ев. гн҃и небеси и земли; в испр. родительный: гд҃и нб҃се и̓ земли̑, Лук., 10, 21, равно как и в греч. Κύριε τοῦ οὐρανοῦ καὶ τῆς γῆς. Пѫть морю; в испр. поуть мо́ря, Матф., 4, 15, равно как и в греч. ὁδὸν θαλάσσης. И въ врѣмя жатвѣ; в испр. и̓ во вре́мя жа́твы, Матф., 13, 30, и в греческом родительный: ἐν τῷ καιρῷ τοῦ θερισμοῦ. Из приведенных примеров явствует, что в позднейших текстах дательный заменяется родительным по греческому словосочинению. В русском: „монастырь *святому Семеону*“, Ипат. сп. лет., 34. „Мужъ *дому* строитель, *нищетѣ* отгонитель“, Послов. XVII в. „Великое светило *миру*“, Ломон., Ода 8. „Поди отсель, уведомь короля | о том, *чему* ты зритель был избранный“, Жук., IV, 202. Сюда же принадлежит дательный вм. родительного при сравн. степени; напр., в О. ев. старѣи мытаремъ, и в испр. так же, вм. греч. сложного ἀρχιτελώνης.

3. Дательный п р и н е о п р е д е л е н н о м н а к л о н е н и и, в предложении безличном, для показания отношения к лицу; напр., в послов. XVII в. „какъ *богу дать,* и въ окошко подасть“ (т. е. подаст), вм. „если *бог даст,* то и ...“, „гдѣ *худу* ни *житъ,* вездѣ ему тужить“, вм. „где бы *несчастный ни жил,* везде ...“

Сюда принадлежит дательный при неопределенном наклонении, означающем необходимость, возможность, повеление и т. п.; напр., „быть *беде*“, „*тебе* идти вперед“, „*судьям* вершить дела“ (§ 196). Сюда же принадлежит дательный прилагательных и причастий при глаголе *быть;* напр., *быть белу, быть умну, быть биту.*

Примеч. 3. Напр., в Послов. XVII в. „бранью *праву не быть*“, „*горду быть* — глупымъ слыть“, „въ горѣ жить — *не кручинну быть*“; так же и в Древн. русск. стих. „а и в горе жить — *не кручинну быть*“, 381. — У позднейших писателей: „мне очень приятно *быть знакому* с человеком ваших качеств“, Ф. Виз., 158. „Зачем же *быть*, скажу вам напрямик, | так *невоздержну* на язык?“, Гриб. 82. „Немцы просили его величество *быть уверену,* что“ и проч., Пушк., XI, 278. — Дательный мн. числа: в Древн. русск. стих. „в Москву идти — *перехватанным быть,* | по разным городам *разосланным*“, 114. — Прилагательное и причастие в дат. падеже при неопределенном *быть* объясняются опущением названия предмета, с которым они согласуются. Следовательно, и в этом случае дательный может быть отнесен к тому общему правилу, по которому этот падеж ставится при неопределенном наклонении вообще, когда оно означает возможность, необходимость и т. п. Напр., *быть умну* (т. е. кому-нибудь), *быть приняту, быть читану* (чему-нибудь); т. е. кому-нибудь *можно, должно, нельзя, следует — быть умну, быть приняту* и т. д. Таким образом эти формы сближаются с дательным существительных при глаголе *быть;* напр., „а *не быть тому грозному послу Василью Ивановичу, быть Ставровой молодой жене*“, 128. — У Ф. Виз. „правду сказать, надобно *быть ангелу,* чтобы сносить терпеливо“ и проч., 391. — При названии самого предмета согласование прилагательного или причастия с дательным существительного очевидно; напр., „*ясну соколу* быть пойману, | обескрылену“, Цыг., 5. — Впрочем, иногда употребляется название лица и не в дательном; напр., „представлен был паше, который присудил *его* (а не *ему*) быть *посаженому* на кол“, Пушк., VII, 255.

Само собою разумеется, что безличные формы: *быть читану, быть слышну, быть скучной, быть полезным* и т. п., изменяются на формы с именительным падежом: *быть читан, быть слышен, быть скучна, быть полезны,* когда к ним присовокупляется подлежащее с личным вспомогательным или с другим каким-нибудь глаголом; напр., „хочу быть *читан*“, „шум может быть *слышен*“, „книга может быть *скучна*“ и т. п.

Примеч. 4. Напр., у Ф. Виз. „видишь, мой сердечный друг, что журнал мой *не заслуживает быть читан*“, 395; „я лучше *хочу не быть читан,* нежели *быть скучен*“, 605. У Карамз. „*может быть счастлив,* и *должен быть счастлив*“, II, 91; „пешие *не боятся быть раздавлены*“, II, 117; в Письм. к Дмитр. „я не имел счастия *быть согласен* с некоторыми его мыслями“, 140. „*Старайся быть полезен* обществу“, Бат., I, 143. „И глас ее *быть слышен перестал*“, Жук., II, 132. У Пушк. „здесь *имел я честь быть представлен* графу Паскевичу“, VIII, 177; „заметно было, что они *боялись быть настигнуты*“, VIII, 256.

Употребление творительного, вм. именительного, см. в § 246.

4. Дательный цели, на вопросы: *куда, для чего* или *с какою целью* употребляется только в старинном языке. Напр., в О. ев. доньдеже положѫ врагы твоꙗ подъножїю ногама твоима, 83а (в испр. винительный без предлога поднóжїє, равно как и в греч. ὑποπόδιον, Матф., 22, 44); но собственные имена употребляются в О. ев. в винительном с предлогом *в:* ѥгда приближиса иїс въ иероусалимъ и приде въ виθфагиѭ, Матф., 21, 1. — В Новг. лет. „приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояры новгородскыя *Кыеву*“, 1, 4. В Сл. о полку Игор. „избивая гуси и лебеди, *завтроку* и *обѣду* и *ужинѣ*“ (от имен. пад. женского рода *ужина* — ужин); „о вѣтре! вѣтрило! *чему,* господине, насильно вѣеши?“

Примеч. 5. Для истории дательного места должно заметить, что в Новгородской летописи, по Синодальному списку (первой половины XIV в.), он постоянно употребляется; по списку же позднейшему, Академическому (конца XV в. и начала XVI в.), заменяется винительным с предлогом *в;* напр., *в Кыев,* вм. древнейшего: *Кыеву*. При дательном места подразумевается предлог *к;* потому иногда встречаем просто *домови* (домой), иногда *къ домови;* напр., в Ипат. сп. лет. „Данилу же возвратившуся *къ домови*“, 160.

5. Дательный самостоятельный или независимый, в котором ставятся причастие и местоимение личное или существительное имя с своими определительными словами, в предложении придаточном сокращенном. Этот оборот принадлежит цс. и древнерусск. языку, но уже чужд новейшему, не только разговорному, но и книжному, несмотря на попытки некоторых писателей ввести его.

Примеч. 6. Наш дательный самостоятельный соответствует в греческом родительному, в латинском — творительному, а в готском — также дательному самостоятельному. Примеры в цс. и древнерусск. литературе: в О. ев. море же вѣтроу великоу дъхаѭщоу въстаꙗше, Ио., 6, 18 (в греч. род. самостоятельный: ἀνέμου — πλέοντος); но иногда и там употребляется дат. самостоятельный, где в греческом, а равно и в нашем исправленном — именительный с глаголом: слнцоу омьрькъшоу — καὶ ἐσκοτίσθη ὁ ἥλιος; в испр. и помéрче слнце, Лук., 23, 45. В Галицком ев. 1143 г. да сьбоудеться реченое исаии пррко глщю, 7 об.; но в О. ев. с творительным лица действующего: да съвѫдеться реченое исаиемь прркмь глщемь. Матф., 4, 14. В лет. „и придоша (половцы) въ монастырь Печерскій, *намъ сущимъ* по кельямъ *почивающимъ* по заутрени“, Лавр., 99. *„Летящу ему* до землѣ, изыде душа его со кровью во адъ“, Ипат., 193. Но особенно при означении обстоятельства времени: *„минувшу велику дни, пришедши праздънѣй недѣли“*, Лавр., 93; *„веснѣ же бывши“*, Ипат., 173. — Из новейших писателей, преимущественно у Жуковского; напр., „вдруг с волной упадает (судно), и, кругом *взгроможденному морю,* | видит как будто из адския бездны далекое небо“, IV, 38. — Ломоносов об этом обороте говорит следующее: „Сожалетельно, что из обычая и употребления вышло славянское в сочинении глаголов свойство, когда вместо деепричастий дательный падеж причастий полагался, который служил в разных лицах: *ходящу мне в пустыне, показался зверь ужасный.* И хотя еще есть некоторые того остатки россий-

скому слуху сносные, как: *бывшу мне на море, восстала сильная буря,* однако прочие из употребления вышли. В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторые принять. Может быть, со временем общий слух к тому привыкнет, и сия потерянная краткость и красота в российское слово возвратится“, Граммат., § 533.

В. Винительный

§ 245. Винительный употребляется:

1. При глаголе действительном для означения предмета, подлежащего действию; напр., „читаю *книгу*“ (§ 175).

2. Для означения обстоятельств:

а) Времени и места, на вопросы: *как долго? как далеко? сколько?* — „идти *всю ночь*“, „ехать *пять верст*“.

Примеч. 1. Употребляемому в разговорном языке наречию *вечóр* соответствует в древнем церковнославянском вин. падеж: вечеръ (в значении „вечером“). Напр., в Списке Упиря: ты жь изидеши вечеръ предъ очима ихъ, Иез., 12,4 (в испр. въ вечеръ). Таким образом в старину иногда употреблялся винительный времени и на вопрос *когда?* Напр., аще не обрящеться кто на рѣцѣ оутро (т. е. утром) в Прологе библ. Моск. дух. типогр.

б) В исчислении предметов: *первое, второе* и т. д., вм. *во первых, во вторых* и т. д.

Примеч. 2. Напр., в О. ев. гла юмоу пакы вътороѥ, гла юмоу третиѥѥ, Ио., 21, 16 и 17; в испр. также вин., равно как и в греческом δεύτερον, τὸ τρίτον. Но в другом месте винительный Остромирова списка соответствует в исправленном творительному, а в греческом — управляемому предлогом: помолися третиѥѥ, Матф., 26, 44; в испр. помолися третицею, в греч. ἐκ τρίτου. В лет. „поиде князь Всеволодъ *другое* изъ Новагорода“, Новг., 1,41. — У позднейших писателей: у Карамз. „я не мог свободно говорить с ним, *первое* потому, что он... а *второе* потому“ и проч., II, 215.

Примеч. 3. В О. ев. вин. падеж чашѫ, вм. исправленного чашею, объясняется грецисмом: напоить — чашѫ студены воды, Матф., 10, 42; напоить вы чашѫ воды, Марк., 9,41; в греч. ποτήριον; также вин. пад. в Галицк., Поликарп. и в других позднейших списках.

Г. Творительный

§ 246[44]**.** Творительный падеж употребляется в следующих значениях:

1. В значении лица действующего при глаголе страдательном; напр., „письмо писано *мною*“ (§ 175).

2. В значении признака или состояния, в сказуемом при глаголах *быть, стать, сделаться, казаться;* напр., „Ломоно-

сов *был рыбаком,* потом *стал* (=сделался) *первым русским писателем*". Неопределенное наклонение этих глаголов требует при себе также творительного: *быть, стать, сделаться, казаться богачом; стать, сделаться, казаться богатым.* Но при глаголе *быть* прилагательное ставится собственно в дательном: *быть богату,* а потом уже по сближению с глаголами *стать, сделаться* и в творительном: *быть богатым.* В изъявительном наклонении (а также в причастии и деепричастии) эти глаголы, сверх творительного, употребляются и с именительным.

Примеч. 1. Напр., у писателей: а) С твор.: „по крайней мере *буду верным* моему слову", Карамз., ИГР, XI, 66. У Жук. „иная слава нам *предметом*", II, 79; „со мной одним *великодушною была* ты", III, 199; „а для нас, богов нетленных, | что *усладою* утрат?", IV, 159. „*Целью* вылазки *было* уничтожение новой батареи", Пушк., V, 91. „И нищий *нищенъким* по-прежнему *остался*", Крыл., 184. б) С имен. у Ф. Виз. „во всю жизнь мою ваша воля *будет мой закон*", 126; „в 1762 году *был* уже я *сержант* гвардии", 499. „Захотел сынок, имевши миллион, | бароном сделаться, и *сделался барон*", Хемн., I, 36. „Я пять лет *купец,* а 24 года *человек*", Карамз., II, 777. „*Став* по нужде *философ*", Дмитр., III, 80. „Ты *узник стал,* Торквато!", Бат., II, 111. У Жук. „отказавшись от бога, *стал грешник*", II, 106; „и эта буря, грозившая природе разрушеньем, *была* мне *друг*", III, 242; „и брат *стал* брату *незнаком*", IV, 5; „и *гроб* тюрьма ему *была*", IV, 7; „его без гроба погребли | в холодном лоне той земли, | на коей он *невольник был*", IV, 9. У Пушк. „для старика *была закон* | ея младенческая воля", II, 166; „*остался* почти *беззащитен*", V, 109; „кто *был скуден, очутился* (вм. *стал, сделался*) *богат*", V, 123; „...коему *был* я *свидетель*", VII, 180; „ненависть к нововведениям *была отличительная черта* его характера", VIII, 102; *казался* очень *озабочен*", X, 46. в) И тот и другой падеж рядом: „муж праведной *стал дуб,* Бавкида *липой стала*", Дмитр., II, 107. „Коли ночь *показалась* нам *коротка,* потому что не были мы обеспокоены, то утро зато *показалось* нам очень *долгим*", Пушк., XI, 326.

Глагол *быть* в настоящем времени изъявительного наклонения употребляется теперь с именительным падежом; напр., „это (есть) *моя цель*"; а в прошедшем и будущем с творительным; напр., „это *было* и *будет моей целью*".

Примеч. 2. Творительный при настоящем времени глагола *быть* составляет особенность польского наречия; напр., „твое слово *пржыказанем*" — „твое слово — *приказание*"; „незрозумялосць есть *едным* з варунков новей поэзии" — „неопределенность есть *одно* из условий новой поэзии". Такой оборот иногда встречается у наших старинных писателей; напр., у Барск. Плак. в Путеш. к св. мест. „тот городок... *есть* бо *пристанищем корабельным*", 46—7; „как бы подарков ни называли, все они *суть покрывалом* подкупа", Всяч. всяч., 200. „И смелый, дерзкий шаг *есть подвигом* геройства", Дмитр., II,5. Но особенно употребителен был этот полонизм в нашей литературе XVII в., проникнутой влиянием Польши,

Творительный падеж при неопределенном наклонении *быть* употребляется в двух случаях: 1) вместо дательного в предложении безличном; напр., „думаешь ли, милый друг, легко *быть забытым* тобою“, Бат., I, 363 (вм. *быть забыту,* т. е. *мне* или *кому другому*); или 2) вместо именительного в предложении личном; напр., в письмах: „честь имею *быть Вашим покорнейшим слугою* такой-то“, вм. „честь имею быть *Ваш покорнейший слуга* такой-то“. Впрочем, употребляется и последнее.

Примеч. 3. В древнем церковнославянском после хоштѫ (хощѫ) и могѫ употребляется глагол быти с именительным, вместо нынешнего творительного; напр., в О. ев. еда и вы хощете оученици юго быти, 40 б. Так и в испр., Ио., 9, 27. В Супр. рук. чрьноризьць хоштѫ быти; чрьньць не можеши быти, 128 (= *чернорuзцем* хочу быть, *чернорuзцем* не можешь быть).

Из приведенных примеров очевидно, что падежи именительный и творительный, при глаголе *быть,* во всех наклонениях, и доселе во многих случаях заменяются один другим, без всякой видимой причины. Впрочем, для руководства в практическом отношении, следует заметить, что творительным имени существительного означается по большей части признак несущественный, при котором, вм. *быть,* можно поставить *сделаться, стать, казаться;* напр., „Ломоносов был *рыбаком*“ (т. е. некоторое время). „Карамзин был *историографом*“ (т. е. сделан). Именительным же падежом имени существительного означается признак существенный; напр., „Ломоносов был *великий человек*“.

3. Творительный признака из сказуемого переходит в определение, причем этот падеж иногда оказывается как бы независимым или самостоятельным, и, следовательно, составляет как бы предложение придаточное сокращенное. Напр., у Пушк. „еще *ребенком* лишилась она матери“, X, 35 (= будучи ребенком, или: она, еще ребенок, лишилась и проч.); „через два часа увидели (мы) Карабахский полк *возвращающимся* с осмью турецкими знаменами“, VIII, 181 (= полк, возвращающийся, — или:... что полк возвращается...); „дозволь им набираться на житье *вольными людьми*“, V, 3 (= как людям вольным, в качестве вольных людей).

Примеч. 4. Переход творительного сказуемого в определение явствует из сличения следующего выражения из Повести о взятии Трои: (Поликсена) лѣпа, голената, дѣвою (Калайд., Иоан. екс. Болг., 183) — с выражением в Лавр. сп. лет. „пострижеся дщи его *дъвою*“, 88. В первом творительный сказуемого, во втором — определения. Творительный древнейших цс. текстов впоследствии исправлялся на именительный; напр., в Острожск. библ. се дщи моа дѣвою; в испр. се дщѐрь моа̀ дѣ́ва, Суд., 19, 24. Творительный определения весьма употребителен в нашем языке; напр., „и никогда себе не воображал видеть подражание натуре столь *совершенным*“, Ф. Виз., 303. „И ты, о труженик святой, | *живым* погребшийся в могиле“, Дмитр., I, 13. „От самой юности игралище

людей, | *младенцем* был уже изгнанник", Бат., II, 11; „ты помнишь, сколько слез *младенцем* пролил я", ibid. „*Дитей* возили на поклон", „ты *дитей* с ним часто танцевала", Гриб., 59 и 110. У Пушк. „возвратился домой со славою, затравив зайца и ведя противника *раненым* и почти *военнопленным*", VIII, 119; „еще *юнкером*, случилось мне быть по казенной надобности", 19, 76. Соответствие этого творительного именительному определения явствует из сличения следующих выражений народной поэзии: „что лежит *убит* добрый молодец", Песн. Чулк., I, 146 (вм. *убитым*); „молился Алексей у отца в доме *невѣмым*", Дух. стих., 7, 321 (вм. *невемый*, т. е. будучи неизвестен, инкогнито).

Иногда, вм. творительного, определение ставится в падеже слова определяемого; напр., „я видел *его здорового*" (вм. *его здоровым*).

Примеч. 5. Напр., у писателей: у Ф. Виз. „дай, боже, чтоб мы нашли *вас здоровых*", 458; „я не помню *себя безграмотного*", 485. — „Видя юного *Феодора*, уже *близкого* к совершенному возрасту...", Карамз., ИГР, XI, 67. „Старожилов, *которого* мы знали в молодости нашей столь *блестящего*, столь *веселого*, столь *рассеянного*, ныне сделался брюзгою", Бат., I, 143. У Пушк. „...*которого* привел *связанного*", X, 112.

4. Творительный обстоятельств:

а) Качества и отношения; напр., „хорош *собою*", „высок *ростом*", „четыре пуда *весом*".

Примеч. 6. В Повести о взятии Трои: **Пріамось тѣломь высокь — чисть бровма; Єкторь — силонь крѣпостїю; Єкави — любоуестива и доброю бесѣдою; Касандра низка, кроуговатымь лицемь, чиста зѣло, моужескымь творомь** (Иоанн. екс. Болг., 182—183). В этих примерах творительный обстоятельства еще соприкасается с творительным определения, объясненным выше. По-русски творительный имени существительного ставится только в смысле обстоятельства при имени прилагательном, согласованном в каком-либо другом падеже с своим определяемым, напр. в Шуйск. акт. „*ростомъ* средней, *волосомъ* темнорусъ", 1673 (вм. древнейшего: *средним ростом, темнорусыми волосами*). — У позднейших писателей: у Жук. „он был из рода Семенгамских | царей, был крепок *силой*, *ростом* | высок; был чуток *слухом*, | и так очами *зорок*, | что ночью видел он как днем", VI, 116.

б) Орудия; напр., „писать *пером*", „делать *руками*". Собственно сюда принадлежит при глаголе страдательном творительный лица действующего, которое более принимается за орудие действия, нежели за самостоятельного действователя. Потому у нас оборот действительный нагляднее выдвигает на первый план действователя, нежели оборот страдательный; напр., „*я* написал письмо", „письмо написано *мною*". Грамматически отличается от этого значения творительный орудия только тем, что может стоять при глаголах и прочих залогов, и даже при именах прилагательных.

Примеч. 7. Примеры: в Новг. лет. „оже ти не угодьно дьржати Новагорода *сыномъ*", 1,38; в Ипат. сп. лет. „тогда Володимеръ Мономахъ пилъ *золотомъ шеломомъ* Донъ", 155; „хощу главу свою приложити, а любо испити *шеломомь* Дону", Сл. о полку Игор.; в песн. „поднеси-ка мне чарычьку похмельную, *которой чарой* пьет Илья Муромец". — У позднейших писателей: у Жук. „и гордый враг *своим* погибнет *счастьем*", III, 117; „но мрачные *печалью* лица их | вдруг стали *радостию* светлы", VI, 91. У Пушк. „так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или *средствами* более *нравственными*, но дикость должна исчезнуть", VIII, 251. — Сюда же принадлежит употребление творительного, вм. винительного, при глаголах действительных; напр., „кривить *делом*", „ускорить *свадьбою*", „разводить *бобами*" (в ворожбе) и т. п. См. § 176.

в) Образа действия на вопрос *как?*, напр. „идти *шагом*", „*сиднем* сидеть".

Примеч. 8. В Новг. лет. „идоша на дворы ихъ *грабежьмъ*", 1,30; „сташа *пълкомъ* на княжи дворѣ", 1,38; „*головою* повалю за Новъгородъ", 1,33; в Ипат. сп. лет. „луче есть на своей землѣ *костью* лечи, нели (т. е. нежели) на чюжѣ славну быти", 155; в Троицк. сп. лет. „а съ нимъ царь Дюдень приде *ратью* на великого князя Дмитрія", 228. „Или хто *хмѣльнымъ дѣломъ* промежъ себя подеретца", Шуйск. акт., 1622. У Котоших. „который женится *другою женою* на дѣвицѣ", 123; „а живутъ они *своими покоями* на томъ же боярскомъ дворѣ", 126. — В Древн. русск. стих. „того самого *головой* возьмет", 33; „*добром* мы у тебя сваталися", 141.

Вместо *по имени, от имени*, в старинном и народном языке употребляется *именем*. Уже в О. ев. встречаем это слово в творительном, который иногда удерживается и в испр. тексте, иногда же заменяется другими выражениями; напр., нищь же бѣ етеръ именемъ лазарь; в испр. также и́менемъ (ὀνόματι); чл҃къ нѣкыи приде къ і҃искви именемъ иаиръ; в испр. прі́йде мѹжъ, є҆мѹ́же и́мѧ І҆аі́ръ, Лук., 8,41 (в греч. ὄνομα).

Примеч. 9. В Лавр. сп. лет. „бѣ тогда царь, *имянемъ* Цѣмьскии", 31; „воевода ихъ, *имянемъ* Прѣтичь", 37. В Древн. русск. стих. „еще как тебя, молодца, *именем* зовут?", 203. Карамзин в ИГР обыкновенно употребляет эту же форму вместо выражений с предлогами: *по имени, от имени*. — В этом же падеже полагаются слова: *прозвище, прирок;* напр., в Ипат. сп. лет. „понеже ужика (родственник) сый Роману отъ племени Володимеря, *прирокомъ Мономаха*", 164.

К творительному образа действия принадлежат: а) творительный усиления; напр., „*высоким* высоко", „вода *водой*"; у Крыл. „идол стал болван *болваном*" (слич. § 226); и б) творительный уподобления; напр., „лететь *стрелою*", „упасть *камнем*" (= как стрела, как камень).

Примеч. 10. Примеры творительного уподобления: в Слове о полку Игор. „полечю, рече, *зегзицею* (кукушкою) по Дунаеви", „(Игорь) скочи

съ него (с коня) *босымъ волкомъ*", „коли Игорь *соколомъ* полетѣ, тогда Влуръ *влъкомъ* потече, труся собою студенýю росу", „Гзакъ бѣжитъ *сѣрымъ влъкомъ*". В песн. „*соколом* время пролетело, | *золотым кольцом* укатилося". Из позднейших писателей: в Письм. Карамз. к Дмитр. „Наполеон бежит *зайцем*, пришедши (в Россию) *тигром*", 167; у Крыл. „а если б *соловьем* запела я в лесу", 300. Творительному уподобления соответствует в старинной письменности творительный, употребляемый для означения суеверных преданий об оборотнях, или о превращении людей в животных, в растения, камни и проч. Напр., в статье О книгах истинных и ложных: „се же есть первое, тѣло свое хранитъ мертво, и лѣтаетъ *орломъ* и *ястребомъ*, и *ворономъ* и *дятлемъ*, рыщутъ *лютымъ звѣремъ* и *вепремъ дикимъ, волкомъ*, лѣтаютъ *змiемъ*, рыщутъ *рысiю* и *медведѣмъ*", Иоанн екс. Болг., 211. В Слове о полку Игор. так говорится о вещем Всеславе: „скочи отъ нихъ *лютымъ звѣремъ* въ плъночи изъ Бѣлаграда — скочи *влъкомъ* до Немиги — а самъ въ ночь *влъкомъ* рыскаше — великому хръсови *влъкомъ* путь прерыскаше". — У новейших писателей: „у дороги | *белым камнем* осталася Марья царевна", Жук., IV, 320.

г) Причины и основания, особенно в старинном языке.

Примеч. 11. В Новг. лет. „а *смородъмъ* не лга вылѣзти", 1,5 (вар. а *смрады* нельзѣ вылѣзти" — т. е. по причине смрада); „въ се же лѣто ходи Всеволодъ въ Русь Переяславлю, *повелѣнiемъ* Ярополцѣмъ", 1,6 (т. е. по повелению); „бяше же на пути тѣснота *доспѣшными людми*", 1,137 (т. е. от доспешных людей). „Нельзѣ бо бяше перевезтися *крами*", Ипат. лет., 13 (т. е. по причине прохода льду по реке). „Игуменъ — *своею простотою* не вписалъ и грамотъ не клалъ", Юрид. акт., 1627—1633 (т. е. по своей простоте). Сюда же принадлежит обстоятельство цели; напр., „а которые иногородцы прiѣдутъ въ Шую *какимъ дѣломъ* нибуди", Шуйск. акт., 1606 (т. е. *по* какому-нибудь делу, и *за* каким-нибудь делом).

д) Времени; напр., *летом, зимою, вечером*. В О. ев. разорите цьркъвь сиѭ. и трьми дьньми въздвигнѫ ѭ, Ио., 2,19.

Примеч. 12. В старинном языке: „Архангельской городъ древянной *однимъ годомъ* поставили" — у Карамз. ИГР, X, примеч. 135. У позднейших писателей: „поди-ка, сын мой, *добрым часом*", Дмитр., III, 94; „я вот свой (дом) достроил *сими днями*", Крыл., 46.

е) Места; напр., „идти *берегом, лесом, горою, путем-дорогою*".

Примеч. 13. „Половци *неготовами дорогами* побѣгоша", Сл. о полку Игор.; „побѣжалъ еси — не *путемъ* еси не *дорогою*, не по знамени не по черному", Песн. начала XVII в.

Примеч. 14. Из иностранных языков преимущественно латинский сходствует с нашим в употреблении творительного падежа. А именно: а) Творительный качества: „Caesar fuisse traditur *excelsa statura, colore candido, teretibus membris, ore* paullo *pleniore, nigris vegetisque oculis, valetudine prospera*", Suet., Caes., 45. б) Образа действия: „injuria fit *duobus modis*, aut *vi*,

aut *fraude*", Cic., Off., 1,13. в) Причины: „Darius *senectute* diem obiit supremum", Nep., 21,1. г) Времени: „caesariani milites — quinque *horis* proelium sustinuerant", Caes., B. C., 1,47. д) Места: „*via breviore* equites praemisi", Cic., Fam., 10,9.

Д. Местный

§ 247. Местный падеж, как показывает самое название его, означает м е с т о, на вопрос *где?* и потом переносно — в р е м я, на вопрос *когда?* Он употребляется в древнейшем языке; напр., *Кіевѣ, Новѣгородѣ, зимѣ* (= в Киеве, в Новгороде, зимою); и частию дошел до нас, только в н а р е ч и я х; напр., *вне, ныне.* См. § 72.

П р и м е ч. В О. ев. местный падеж, в значении места, употребляется в собственных именах только в послесловии: самъ же изяславъ кънязь правлѩаше столъ оца своего ꙗрослава кыѥвѣ. а брата своего столъ поручи правити близокоу своемоу остромироу новѣгородѣ, 294 в. (см. Хр.); в самом же тексте место означается помощию предлога *в;* напр., хотѣаше коньчати въ иерсалимѣ, Лук., 9,31. Но в значении времени, местный весьма употребителен: исцѣлѣ отрокъ томь часѣ; в испр. ѿ часа того, Матф., 17,18 (согласно с греч. ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκείνης). Да не бѫдеть бѣство ваше зимѣ; в испр. въ зимѣ, в греч. χειμῶνος, Матф., 24,20. — В Супр. рук. употребляется и в значении места: ꙗко сѫть съхранены кости наша семь мѣстѣ, 60. В Кн. Руфь по сп. XVI в. се жена лежить ногахъ емѹ (т. е. в ногах, вм. у ног его). — В древнерусской письменности в обоих значениях: в Новг. 1-й лет. „сѣде Святополкъ *Кыевѣ*", 3; „поя Дмитровну *Новѣгородѣ* Завидиця", 5; „*томъ же лѣтѣ* роспрѣся Степанъ Твьрдиславиць съ Водовикомъ", 46. В Ипат сп. лет. „*масленой недѣлѣ* въ четвергъ", 14. В Слове о полку Игор. „дивъ кличетъ *връху* древа", „прысну море *полунощи*", „крычатъ тѣлѣгы *полунощы*", „погасоша *вечеру* зари".

II. ЗНАЧЕНИЕ И УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ И НАРЕЧИЙ ПРЕДЛОЖНЫХ [45]

§ 248. Значение предлогов собственное и переносное объяснено в § 162.

П р е д л о ж н ы м и наречиями называются такие, которые, наравне с предлогами, могут управлять падежами; напр., „*возле* дома", „*напротив* собора", „*вопреки* повелению", „*между* гор" или „*между* горами" и т. п.

В предлогах и предложных наречиях должно отличать их значение от направления, которое дается им глаголами. Так, напр., предлог *в* имеет значение в н у т р е н н о с т и предмета; но с глаголами, означающими движение, этот предлог показывает д в и ж е н и е во внутренность: *идти в город;* а с глаголами, означающими пребывание — п р е б ы в а н и е во внутренности: *жить в городе.* Действие глагола на предлог так сильно, что, смотря по различным глаголам, предлог видоизменяется не только в своем направлении, но и в самом значении; напр., *с,* с глаголами движе-

ния, означает движение с поверхности: *ехать с горы;* с глаголами взаимными — совокупность действия: *мириться с кем-нибудь.*

Предлоги и наречия управляют различными падежами не столько по различию своего значения, сколько по силе глагола, дающего предлогу известное направление; и это-то направление означается тем или другим падежом. Потому один и тот же предлог при различных глаголах управляет различными падежами; напр., *в, с.*

Всегда следует подразумевать глагол, когда предлог употреблен без него, при какой-нибудь другой части речи; напр., *ручка у кресел* (т. е. находящаяся), *подарок в тысячу рублей* (т. е. обошедшийся, вошедший и т. п). Предлоги и глаголы состоят в такой тесной связи между собою, что не только управление предлогов зависит от глаголов, но и значение этих последних от приставки к ним первых; напр., *ехать, взъ-ехать, про-ехать, при-ехать, пере-ехать, у-ехать.* Придавая известное направление действию, предлог видоизменяет самое существо глагола, именно: его залог и вид: *иду, на-йду* (§§ 52, 53 и 181).

Примеч. 1. В старинном и народном языке предлоги приставляются к глаголам с большею свободою, нежели в речи книжной и образованной, и притом не только по одному, но и по два предлога. Напр., в лет. *изнайти*, Ипат. сп., 206; *изотняша*, Пск., 156. „И какъ ѣству *испоставятъ*", Котоших., 7. В Древн. русск. стих. „правая рука *удрогнула*", 62; „*исподернуты* бархатом", 106; „будто зайца в поле *изъехали*", 141; „*приправил* он своего добра коня, | *принастегивал* богатырского", 210; „белые рученьки *исприложены*", 227; „а и сумочки *исповесили*", 228; „в болотах, в реках *притонули* все", 250; „родимую тетушку *повыручил*", 350; „мочалами ноги *изопутаны*", 381; „силы богатырски *проотведати,* | а могучи плечи *приоправити*", 388.

Если один и тот же предлог управляет двумя или несколькими словами, то теперь ставится только один раз; напр., у Карамз. „сего без сомнения хотел Борис, чтобы важным церковным действием утвердить престол *за* собою и своим родом", ИГР, XI, 12; „таковы они *в* своей торговле, политике и частных отношениях между собою", Соч., II, 777. Впрочем, иногда предлог и повторяется; напр., у того же писателя: „я воображал его, как он, *в* бороде и *в* непричесанном парике, сидел...", II, 406. Должно заметить, что в новейшей книжной речи повторение предлога допускается преимущественно для ясности, в старинной же и народной — для плавности и склада, и притом перед определяемым словом и перед каждым из его определительных; напр., в Древн. русск. стих. „*во* стольном *во* городе *во* Киеве", 54.

Примеч. 2. В лет. „Волохомъ бо нашедшимъ *на* словѣни *на* дунайския", Лавр. сп., 3; „послаша *по* Ярослава *по* Всеволодиця, *по* Гюргевъ вънукъ", Новг., 1,32; „*на* городъ *на* Львовъ", Ипат., 212.

Примеч. 3. Сверх того, к особенностям народной речи принадлежит употребление двух синонимических предлогов рядом; напр., „*за* все, *про* все";

в Древн. русск. стих. „*для ради* рожденья богатырского“, 45. В областном языке употребляется выражение *для чего для,* вм. *для чего, за чем* (арх.). В старинном украинск. *за-для:* напр., „*за-для* тебе одного“, „*за-для* промыслу“; в великорусск. дух. стих. „терпел еси раны *за-для* человека“, Кал., IV, 182.

§ 249. Наречия предложные, сверх своего образования (§ 76), отличаются от собственных предлогов тем, что, происходя от имен, сами могут быть управляемы предлогом или же могут употребляться одни, без дополнения; напр., *перед* и *наперед* (где *перед* стоит в вин. падеже в зависимости от предлога *на*); „ходить *вокруг*“, „ходить *около*“ (без дополнения).

Примеч. 1. В Юрид. акт. „со мху доломъ прямо *черезъ поперекъ* бору къ грановитой соснѣ“, 1448—1468; „да на пень же на сосновый *около кругомъ,* да *съ около* того пни на старинную межу“, 1540. Барск. Плак. в Путеш. к св. мест. „идохом бо все *по над* потоками долиною“, „идохом *по между* горами“, „потоки *от между* гор тамо в море текущие“, 24, 27, 45. — В областном языке: олон. *дни нá через* = целый день. О частице *через* см. в § 76.

К наречиям, управляющим падежами, относятся многие существительные и прилагательные с предлогом или без предлога; напр., *кругом, в рассуждении, относительно.* Сюда же принадлежит *место,* с предлогом *в,* в винительном: *вместо,* и в предложном: *вместе.*

Примеч. 2. В цс. и в старинном русском наречия *вместо* и *заместо* разделялись на предлоги *в, за* и сущ. *место,* между которыми ставилось управляемое слово. Напр., в О. ев. и в испр. въ рыбы мѣсто, Лук., 11,11; в Изб. Свят. 1073 г. въ него же ю мѣста рещи, 238 (т. е. вместо того сказать); „*за* города *место* было“, Карамз., ИГР, XI, примеч. 56; „бѣдному кусъ *за* ломтя *мѣсто*“, Послов. XVII в. Иногда управляемое слово из существительного переходит в прилагательное, а из личного местоимения в притяжательное, и согласуется с словом *место;* напр., „*въ* мое *мѣсто*“, Ипат. сп. лет., 206. В Юрид. акт. „*въ* игуменово *мѣсто* Троецкого въ Пасѣино“, 1479—1481; „*въ* матери его *мѣсто въ* княгинино *въ* Марьино“, 1536 (т. е. вместо матери его княгини Марьи); „*въ* шурьѣ своее *въ* Долматово да Васильево *мѣсто*“, 1625 (т. е. вместо шурьев своих, Долмата и Василья). „*Въ* отцово и *въ* материно *мѣсто*“, Котоших., 5.

Согласно с своим образованием, наречия управляют падежом родительным, потому что, наравне с прочими именами, требуют при себе дополнения в родительном (§ 258); напр., *близ чего, вдоль чего, кроме чего, после чего, напротив чего, для чего, чего ради.*

Примеч. 3. Как теперь наречие *вне* требует родительного (напр., *вне города*), так в церковнославянском и соответствующее ему вънѣ: в Библии 1499 г. изведи вънѣ града (в испр. предъ двери, Второз., 17, 5).

Но, принимая на себя служение предлогов, они, сверх родительного, управляют и другими падежами. Это последнее управление наречий есть уже второстепенное; напр., первоначальное управление: *сквозь тумана;* второстепенное: *сквозь туман.* Первое управление зависит от силы самого имени существительного в виде наречия: *сквозь;* второе от направления, данного этой частице глаголом, явным или подразумеваемым: *пройти сквозь туман.*

От этого второстепенного управления наречий должно отличать зависимость слова в каком бы то ни было падеже от глагола, лежащего в основе производного наречия. Так, напр., *вопреки,* хотя и употребляется иногда с родительным, по общему закону наречий, но постояннее и правильнее — с дательным, потому что имеет при себе глагол *перечить,* требующий дательного падежа: *перечить кому, вопреки кому.*

Точно так же наречие *мимо* теперь в книжном языке сближено в управлении с прочими, требующими род. падежа: *мимо чего;* но первоначально, происходя от гл. ми-нѫ-ти (*минуть,* откуда *миновать*), требует вин. падежа, соответственно этому глаголу.

Примеч. 4. У Нестора в Жит. Феодос. XII в. мимо ѥдино село манастырьскоѥ; в Юрид. акт. 1526 г. „прямо *мимо двѣ осины*"; в Шуйск. акт. 1614 г. „поѣдемъ *мимо городъ Шую*"; в Книге Больш. черт. начала XVII в. „рѣка Донецъ Сѣверской... *мимо Бѣлградъ* потекла" (см. Хр.); в олон. былин. „*мимо славен Киев град,* | *мимо ту стенку городовую*" — „прошла она (Волга) *мимо Казань, Рязань* и *мимо Астрахань*", Рыбн., II, 40, 185.

Некоторые наречия вовсе потеряли свое первоначальное управление, и употребляются только с второстепенным, как настоящие предлоги; напр., *через что, перед чем, над чем* и др.

Наречие *ради* ставится и прежде, и после своего дополнения: *ради бога* и *бога ради.* Последний порядок слов древнее.

Примеч. 5. В старинном и народном языке употребляются некоторые существительные, одни или с предлогами, в значении предложных наречий; напр., *конец, по конец:* „хощу бо, рече, копіе приломити *конець* поля половецкаго", Сл. о полку Игор.; слич. с следующим местом в олон. былин. „хватил он камень *конечь* руками", Рыбн., II, 77; „*поконец* хвоста человечья смерть", Парн. щеп., 46, в загадке о ружье. *Встречу* или *встрету,* вм. *на встречу*: у Кирши Дан. „*встречу* им гости корабельщики", 168; „идет *встрету* престарелой женщины", Рыбн., II, 269. В послов. „он без снасти *встречь* воды (против воды) поплывет", Даль, 457. *Доверх, сверх, сниж:* „*доверхъ* рѣчки Марефы", Кн. Больш. черт., 16; „*съверхъ* Кола, по Малокурьи, и *сънижъ* Кола", Юрид. акт., 1530. Существительное *усть* (устье), с предлогами: *на усть, отъ усть:* в Кн. Больш. черт. „*на усть* рѣки Мечи", 44; „а *отъ усть* рѣки Паншины", 52. *Край, покрай, вскрай:* в Жит. Феодос. XII в. въскраи юго сѣда; в Древн. русск. стих. „а и *покрай* было моря синего", 303; „*покрай* реки Смородины", 370. У Дмитр. „и верно б сгоряча *край* света залетел", III, 27. Слич.

с древнечешск. „*покрай* леса“, Краледв. рук., 4; в сербск. „*край* села“, „*край* моря“, „*покрай* села“.

Примеч. 6. Управление наречий, представляющих затруднения в практическом употреблении, объяснено в § 251.

§ 250. Предлоги, по собственному своему значению, определяемому движением *куда* и *откуда* и пребыванием *где,* разделяются на следующие три отдела:

1) Движительные, на вопрос *откуда,* требуют родительного падежа: „*из* городу“, „*от* города“, „*с* горы“.

2) Установительные, на вопрос *куда,* требуют винительного: „*в* город“, „*за* город“, „*на* гору“, „*под* гору“; „представить *перед* кого“, „ехать *по* воду“, „пройти *сквозь* огонь и воду“, „перейти *через* мост“. Сверх того, один предлог требует дательного, именно *к:* „*к* городу“, „*ко* мне“.

3) Местительные, на вопрос *где,* требуют или предложного (местного), или, в замену ему, творительного. Предложного: „*в* городе“, „*на* горе“, „*по* горе“, „*при* мне“. Творительного: „*за* городом“, „*над* городом“, „*под* городом“, „*перед* городом“, „*между* городом и селом“.

Исключение предлагает здесь родительный падеж, который употребляется также с установительным *до:* „идти *до* городу“, и с местительным *у:* „*у* стены“.

Этим предлогам с падежами соответствуют падежи без предлогов: установительным — винительный и дательный места: *вон, домой (домови)*; местительным — местный, творительный и родительный места: „жити *Новегороде*“, „плыть *рекою*“, „сидеть *дома*“. Движительным же, в значении места, не соответствует у нас ни один падеж без предлога.

К объясненному здесь собственному значению предлогов должно присовокупить следующее о значении переносном:

1) Лишительный *без,* соответствуя движительным, управляет родительным: „*без* книги“.

2) Совокупительный *с,* соответствуя местительным, требует творительного: „*с* книгою“.

3) Некоторые предлоги употребляются теперь преимущественно в переносном значении, но первоначально имели и собственное. Таковы предлоги *про* и с предложным падежом *о (об).* Собственное их значение явствует частию из приставок при глаголах: „*про*-ходить через что“, „*об*-ходить что или кругом чего“; частию из древнего и народного их употребления. Так, предлог *о (об)* в цс. и старинном русском употребляется в значении места и с местным или предл. падежом; напр., в О. ев. „иоанъ, имѣаше... поıасъ оусниıанъ о чрѣслѣхъ своихъ“, Матф., 3, 4 (т. е. *на* чреслах, *около* или *вокруг* чресл). С вин. падежом употребление *о* или *об* см. в § 251.

4) Переносное значение, согласуясь с собственным, большею частию требует и падежей по распределению предлогов на движительные, установительные и местительные; напр., „углубляться *в* думы“, „иметь *в* мыслях“, „это было *о* маслянице“ (т. е. около), „говорить *о* человеке“ (как бы *около* или *кругом* человека, как и действительно употребляется в некоторых языках, напр. в итальянском: intorno).

5) В переносном значении предлоги могут легко смешивать направления собственного их значения, т. е. движительное, установительное и местительное. Потому в одном и том же значении *по* употребляется и с дательным, и с предложным; напр., *по сказанному, по мне, по нем.*

Примеч. Для яснейшего обозрения взаимного соответствия предлогов и падежей предлагается здесь следующая таблица:

вин.	*твор.*	*предл.*	*род.*	*дат.*
в	—	в	—	—
за	за	—	—	—
—	между	—	между	—
на	—	на	—	—
над	над	—	—	—
о (об)	—	о (об)	—	—
по	—	по	—	по
под	под	—	—	—
пред	пред	—	—	—
сквозь	—	—	сквозь	—
с	с	—	с	—

Сверх того, только винительным управляют: *про, чрез* (цс. чрѣзъ), цс. вьзъ (*воз-*); только предложным — *при,* только родительным — *без, до, из (из-за, из-под), от, у*, и наречия: *для, ради, кроме,* цс. развѣ и др.; только дательным — *к.*

Из этого перечня предлогов явствует, что меньшее число предлогов управляет дательным; именно: *к* и *по;* бо́льшее — родительным и винительным; на долю же творительного и предложного досталось среднее число предлогов, которые, имея общее значение, дополняют эти падежи друг другом, и таким образом общими силами могут соответствовать или движительным падежа родительного, или установительным — винительного.

Отклонения от общих законов, в этом параграфе объясненных, замечены в следующем параграфе.

§ 251. О значении и употреблении некоторых из предлогов и наречий предложных должно заметить следующее:

1. *В.*

а) В значении места употребляется иногда вм. *на;* напр., „идти *в* поле, *в* гору“, „быть *в* море“.

Напр., въ тьмници или въ мори, Сербск. пам. XIII в. „Народ ходил *в* Девичье поле“, Пушк., I, 270; „*в* гору речки не текут“, Цыг., 47. Сюда принадлежит употребление *острова* у охотников в смысле леса, окруженного полем: *в остров, в острове. Место* в смысле поверхности употребляется с предлогом *на;* в смысле города, урочища, окрестности, одним словом, в смысле всего вмещаемого в пространстве, с предлогом *в;* напр., „я хотел видеть собственными глазами те прекрасные места, *в* которых...“, Карамз., II, 302; „мог рассказывать, как очевидец, о Суворове, которого встретил *в* этом месте“, VII, 214. — Вместо других предлогов: „идти *в* цель“, вм. „*к* цели“: „о трудах своих он не тужит, | идучи прямо *в* цель“, Кант., Сат. 2. „*В* то направление“, вм. „*по* тому направлению“: „я умолял купцов ехать за моими детьми *в* то направление, откуда слышались их крики“, Пушк., VIII, 304. — „Идти *в* след кого“ вм. „*по* следам“.

б) В значении времени, на вопрос *когда,* употребляется и с предложным, и с винительным. Первый падеж показывает вместимость (где = когда), а второй — продолжение; напр., „*в* древнем периоде русской истории“, „*в* 1812 году“, „*во* время войны“, „*в* течение“, „*в* продолжение первых столетий русской истории“.

α) С вин. „по дорогамъ и торгамъ, *въ день* и ночью“, Шуйск. акт., 1647; „я хочу говорить о том времени, *в которое* человек получает“ и проч., Бат., I, 3. β) С предл.; напр., у Бат. в I-м томе: „мы живем *в печальном веке, в котором* человеческая мудрость недостаточна...“, 6; „*в недавнем времени* в Германии...“, 11; „*в первом периоде* словесности нашей со времен Ломоносова, у нас много написано в легком роде“, 41; „и в том же самом городе, *в том же месяце,* 6 числа, в первом часу, 1348 года, сия небесная лампада потухла“, 257. — „Они *во всех* странах и *временах*“, Жук., V, 317; „умершего *в недавних годах*“, Пушк., V, 70. γ) С тем и другим падежом рядом: „что и производилось *во весь тот день* и *в ночи*“, Пушк., XI, 301.

в) В отвлеченном значении требует и винительного, и предложного падежа: первого преимущественно при глаголах движения, а второго — пребывания и вместимости. Эти глаголы могут быть высказываемы или подразумеваемы; напр., „нарядиться *в* цветное платье“ и „быть *в* цветном платье“; „брать *в* долг“ и „быть *в* долгу“.

Особенности отвлеченного значения предлога *в* в русском языке следующие:

1) *С вин. падежом:*

а) В значении качества; напр., Древн. русск. стих. „цена-то шубе три тысячи, | а пуговки *в семь* тысячей“, 7; в дух. стих. „восставайте вы, живые и мертвые! | стары и малы будьте *в тридесять* лет“, 19, 33—34; „и мертвые все восстанут, | *в единый лик* равны они будут“, 17, 14—15. В песн. „што у тея (тебя) дети *в единый лик?*“ — „У воеводы был сын Василий *в мои года* или еще моложе“, Зап.

Дан., 44. — Из позднейших писателей: „играли еще комедию *в один акт,* самую пустую“, Карамз., II, 396. — Сюда принадлежат старинные выражения: *в приметы, в шерсть* и т. п., т. е. *каков приметами, какой шерсти* лошадь; в Юрид. акт. „а *въ примѣты* Конашко ростомъ средней“, 1678; в Шуйск. акт. „а имена людскіе и лошади *въ шерсть* пишутъ въ книги“, 1606.

б) Тождества; напр., в Юрид. акт. „и ся (сия) запись впредь *въ запись* и договоръ *въ договоръ* и дѣлъ (раздел) *въ дѣлъ*“ (т. е. приемлются, будут приняты), 1694; в Шуйск. акт. „и послухи межъ собя ставъ порознятъ (будут говорить разно, будут противоречить), иные молвятъ *въ исцовы рѣчи,* а иные *въ исцовы рѣчи* не молвятъ“, 1606. В Мам. поб. „а не быти тебѣ (Мамаю), *въ Батыя царя*“. — У писателей: „но без товарища и радость нам не *в радость*“, Дмитр., III, 7. „И сон не *в сон,* как тошно жить“, Пушк., II, 15. „Наш воевода | *в родню* был толст, | да и *в родню* был прост“, Крыл., 75.

в) Цели; напр., „расти *в корень, в лист, в сук*“; „бить *в чью голову*“, т. е. делать кого ответственным; „жить *во что*“, т. е. на какой конец, с каким намерением: „все лето Стрекоза *в то* только и жила, что пела“, Хемн., II, 34.

г) Орудия; напр., в послов. XVII в. „хорошо ожерелье на тульское дѣло: *въ три молота* стегано“. В песн. у Чулк., 1, 189: „как учали молодца парити | *в три дубины* дубовые, | *в три хворостины* березовые, | *в три прута* жимолословые“. У Пушк. „приняли было их *в рычаги, копья* и *сабли*“.

2) *С предл.* в значении вместимости вообще; напр., в Новг. лет. „хожашеть *въ своей воли*“, 1, 26; в Шуйск. акт. „и тѣмъ людямъ быть *въ смертной казни*“, 1701. — Сюда принадлежат все случаи о действиях в каком-нибудь отношении и в каком-нибудь роде; напр., в послов. XVII в. „*въ чомъ* дѣду стыдъ, *въ томъ* бабѣ смѣхъ“. У Карамз. „сердце мое не может одобрить тона, *в котором* пишут“, II, 68; „сии два героя были весьма не равны *в великости* духа и дел своих“, II, 402. Пребывание в одежде, а равно и в какой бы то ни было принадлежности внешнего вида, каковы напр. *усы, борода,* означается предлогом *в* с предложным падежом; напр., у Пушк. „молдаван *в усах* и *бараньей шапке*“, VII, 252; „тотчас после обеда явились землемер Шмит, *в усах* и *шпорах* и сын капитан-исправника“, VIII, 46; „стоят чудовища кругом: | один *в рогах* с собачьей мордой“ и проч., I, 126.

2. Вьзъ, *воз, вз.*

В русском языке отдельно не употребляется, но в церковнославянском встречается с вин. падежом, и то в немногих случаях, и притом в значении уже переносном, т. е. нравственном, в смысле *за* или *на;* напр., в О. ев. мы вси пріяхомъ благодать вьзъ благодать, Ио., 1, 16 (χάριν ἀντὶ χάριτος).

В древнейшую эпоху этот предлог, как в переносном, так и в собственном значении, отдельно употреблялся и в церковнославянском (§ 76), и в прочих славянских наречиях. Так, в древнечешском: напр., в Краледв. рук. wz horu = на гору, wz ramena = на рамена, wz chlumek = на холмик, wz wrahi = на враги, wz rucie konie = на быстрые кони. В сербском и доселе отдельный предлог *уз* (т. е. *възъ* или *воз*) имеет значение места, на вопрос: *куда вверх?*, напр., *уз брдо* = на гору.

3. *Для,* цс. дѣлꙗ.

Имеет значение только переносное, но первоначально имел и значение собственное, именно: *подле,* следы чего и доселе сохранились в украинск. наречии (§ 162). Теперь употребляется в смысле цели, для чего или для кого что́ происходит, а также в смысле причины и основания. Это последнее значение встречаем не только в древнейших памятниках, но и у образцовых писателей, от Ломоносова и до Карамзина включительно.

Напр., в Древн. русск. стих. „и *для страху* добыв огня, | зажигал свечи воску ярого“, 223. У Ломон. „единородство славян с сарматами, чуди со скифами, *для многих ясных доказательств,* неоспоримо“, III, 7. У Карамз. „рассказывая сказки, забывают они (ямщики) погонять лошадей, и *для того* приехал я сюда из Петербурга не прежде, как на пятый день“, II, 8; „великий посол литовский, канцлер Лев Сапега, приехав в Москву, жил шесть недель в праздности, *для того,* как ему сказывали, что царь мучился подагрою“, ИГР, XI, 36. — Такое употребление *для,* вм. *по* и *от,* объясняется тем, что это предложное наречие принималось в значении *ради,* имевшего смысл и цели, и причины или основания. Напр., у Ломоносова *ради* и *для* употребляется рядом, в значении основания: „Ольга затворилась в Киеве со внучаты своими Ярополком, Ольгом и Владимиром. Сии *ради малолетства,* она *для старости* не могли стать против тяжкой силы печенежской“, III, 174—175. Иногда, преимущественно в книжном языке, употребляется *для* вместо дательного отношения к лицу; напр., у Карамз. „вообразите мое положение! Ночью на улице, в неизвестном *для меня* городе...“ (вм. *мне*), II, 298; у Жук. „но *для могучего стрелка* | нужду переносить легко“, IV, 8.

4. *До.*

Сверх собственного значения, именно движения до известного места, употребляется для показания отношения к чему- или к кому-либо; напр., „дело *до* кого- или *до* чего-нибудь“ (т. е. касающееся).

Напр., в Юрид. акт. „ни роду моему, ни племяни *до тое вотчины* дѣла нѣтъ никому“, 1582. В Древн. русск. стих. „такова у тебя честь добра *до любимого шурина*“, 43. — Вместо родительного без предлога писатели употребляют иногда при наречии *касательно* предлог *до;* напр., у Карамз. „рассказывал нам некоторые анекдоты *касательно до* его пребывания в Берлине“, II, 79; у Крыл. „*касательно*

до общежития", Почт. дух., 1, 58. В старинном и народном языке *до* иногда употребляется вм. *к;* напр., в Древн. русск. стих. „повезли его *до князя* Владимира", 145. Так же и в украинск., как в новом, так и в древнем, и сверх того в значении предлога *в;* напр., в Чин. львовск. брат. 1668 г. „повиненъ каждый братъ въ четыри недѣли полгроша дати *до* скрынки братской".

5. *За.*

Как в собственном, так и в переносном значении имеет смысл пребывания позади чего-нибудь, или движения назад чего. В первом случае требует творительного, во втором — винительного.

а) Отношение пространственное вполне переносится этим предлогом ко времени; напр., „*за версту* от городу" и „*за неделю* до святок"; „*за горою*" и в пословице XVII в. „*за ночью,* что *за годомъ*". Сверх того, для означения времени этот предлог употребляется вместо *на, в* или *о:* „*за* всякие праздники совершают панихиды", Древн. русск. стих., 104. Так же в украинском; напр., „а се було *за* старого гетмана".

б) Ближайшее перенесение этого предлога к понятиям отвлеченным еще наглядно объясняется его собственным, пространственным значением; напр., „идти *замуж*", „быть *замужем*".

Напр., в песн.: „закричу жене громким голосом: | не умела ты жить *за худым мужем*". — В Юрид. акт. „ся (сия) вкладная дана, *за руками,* на утвержденіе", 1696 (т. е. за подписью). „Давать ему пашпорт *за своею рукою*", Инстр. двор. Немч., 1724—5. „Не имел я *за собою* больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян", Трут., 1, 13. „Без грамоты приехавших держать *за сторожами*", Ломон., III, 160.

в) При означении меры, также наглядно, представляется предлогом *за* пребывание или переход за ту черту, которою что считается или измеряется; напр., „а в колчане было *за триста* стрел", Древн. русск. стих., 23. В Юрид. акт. „а что, господине, *за тою мѣрою* осталось дровъ...", 1490.

Сюда принадлежит областное употребление *за* с вин. падежом, при сравнительной степени, вм. *чем:* „моя шуба лучше *за твою*", т. е. чем твоя, лучше твоей (пск.).

г) В смысле *вместо:* „делать *за* кого", т. е. вместо кого.

д) Для означения побудительной причины, с винительным падежом; напр., „награждать *за труды*", и для означения основания, с творительным, в смысле *по;* напр., *за болезнию, за недосугом.*

Примеры последнего значения у писателей: у Ф. Виз. „сам автор *за болезнию* не видал первой репрезентации", 292; „*за превеликим дождем* не могли мы на поле обедать", 331; „водружен превеликий

крест, которого снизу *за высотою* видеть нельзя", 414. У Карамз. „никак нельзя было проехать *за множеством карет*", II, 734. У Крыл. „он *за рассадою* печь хлеб никак не мог", 319.

В древнейших цс. списках *за* употребляется иногда с вин. падежом вм. *ради;* напр., в О. ев. за страхъ июдеискъ; в испр. стра́ха ра́ди, Ио., 40, 19. За избьраныѩ; в испр. и҆збра́нныхъ ра́ди, Матф., 24, 22. И прискрьбьнъ бысть црь за клятвы; в испр. кля́твы же ра́ди, Марк., 6, 26.

Сверх винительного и предложного, *за* управлял и родительным, как это видно из наречия *завтра,* цс. заоутра. Употребляется и с винительным *за утро.* — В народн. языке с род. пад.; напр., в послов. „*за добра ума* по здорову убираться", Даль, 464.

6. *Из (из-за, из-под).*

Означает движение изнутри чего, как в собственном, так и в переносном значении. В последнем случае повод или побуждение представляется той с р е д о ю, из которой исходит действие; напр., „идти *из* городу", „идет *из* старины", „*из* утра", „сделать *из* сострадания".

Как м а с с а, из которой что-либо берется, представляются предметы, с предлогом *из,* в выражениях: „лучший *из* людей", „первый *из* полководцев" и т. п.

Означая место, *из* соответствует предлогу *в,* означая время — предлогам *в* и *до;* напр., „переезжать *из* одной земли *в* другую", Карамз., 183. „*Изъ* году *въ* годъ"; „а билися *изъ* утра *до* полудни", Мам. поб.

В составных предлогах *из-за* и *из-под* сила управления падежом принадлежит первому члену, т. е. *из;* предлоги же *за* и *под* собственно составляют как бы часть того слова, которым управляет *из: из-за стола = из за-столья, из-под пола = из под-полья.*

7. *К.*

Как в собственном, так и в переносном значении показывает ц е л ь; напр., „идти *к лесу*", „*к чему* раздражаться?" — Соответствует установительным *при* и *у:* „идти *к* кому, *к* чему" — „быть *при* ком, *при* чем", „*у* кого, *у* чего".

Иногда употребляется вместо *в;* напр., „ехал *к* Москве", Похожд. Ив., 1, 122.

8. *Между (меж, межу, межю, межи), промежду (промеж).*

Эти предложные наречия в одинаковом значении пребывания или движения между чем-нибудь употребляются у нас и с творительным, и с родительным, и притом как в древнем и народном языке, так и у позднейших писателей. Но в отвлеченном смысле требуют по преимуществу творительного; напр., „между тем".

Примеры: а) С т в о р.; напр., в О. ев. межѧ нами и вами пропасть велиꙗ оутвьрдисѧ; так же и в испр., Лук., 16, 26. В древнерусском: „Святополкъ *стояше межи двѣма озерома*", Лавр. сп. лет., 61;

так же и в Жит. Бор. и Гл. XIV в. межю двѣма озерама. „Цѣловаста хрестъ *межи собою*“, Ипат. сп. лет., 84. „*Межъ вами* брезгуютъ нами“, Послов. XVII в. У писателей: у Ломон. „крутит река татарску кровь, | что протекала *между ними*“, Ода 1; „стада ходящи *меж цветами*“, Ода 12. У Карамз. „и *между сими*-то *щедрыми долинами мчится* почтенный, винородный Рейн“, II, 179. У Бат. „и ты — уныло *протекал между враждебными полками*“, II, 243. У Жук. „осторожно *пробираются между утесами*“, III, 150; „утесы стояли неподвижно, и *между ними* легким дымом, ничтожными призраками *летали* остатки минувшей бури“, VII, 200. У Пушк. „но дружбы нет и той *меж нами*“, I, 43; „наш караван *ехал* по прелестной долине, *между курганами*“, VIII, 142; „*прохаживались между рядами* гостей“, X, 31. — б) С р о д.; в Острожск. библ. межи себе (в испр. тя́жбы и́мате межд8 собо́ю, 1-е Посл. к Кор., 6, 7). — В древнерусском: в Шуйск. акт. „и послухи *межъ себя* ставъ порознятъ“, 1606. В послов. XVII в. „*межъ глазъ* деревня *сгорѣла*“, „*межъ перстовъ* мясо *не растетъ*“. У писателей: „древле добродетели средину *держали* | *между двух краев*“, Кант., Сат. 8. „*Летит* корма *меж водных недр*“, Ломон., Ода 8. У Карамз. „что *сказано* было *между четырех глаз,* то выдается в публику“, II, 145; „на узкой долине *между гор,* в семи верстах от Цюриха, *лежит* та маленькая деревенька, которая была целию нашего путешествия“, II, 219; „люди, *живущие между скал*...“, II, 384; „большая и лучшая часть города *лежит между рек*“, II, 402. У Жук. „и в высоте, фонарь ночной, | луна *висит меж облаков*“, II, 276; „*приюти между ветвей*“, III, 39; „в оцепенении *стоял,* | без памяти, без бытия, | *меж камней* хладным камнем я“, IV, 13; „*остался* вдвое одинок, | как труп *меж гробовых досок*“, IV, 15. У Пушк. „обычай деспот *меж людей*“, I, 14; „пора *меж волка и собаки*“, I, 114; „но *между вас* я вижу новы лица“, I, 313; „противник его *найден между мертвых тел*“, XI, 302. У Крыл. „а дружбы *между псов,* как будто меж людей, | почти совсем *не видно*“, 51; „да только помните ту разницу *меж нас*...“, 124; „и *завела* домок | под кустиком, в тени, *меж травки,* как раек“, 185; „деревня *между глаз* сгорела“, 308. В песн. „*положьте* меня, братцы, *между трех дорог*“. — в) С т е м и д р у г и м падежом рядом: „долго *висел* он *между небом* и *землею, между жизни* и *смерти*“, Карамз., II, 227. — *Промежду, промежу, промеж* особенно употребительно в старинном и народном языке: а) с т в о р. „по ямамъ *промежъ своими землями* и изгороды *ставити* вобчіе“, Юрид. акт., 1518. „А какъ он *промежъ нами* землю *разводилъ*“, Шуйск. акт., 1672. В Древн. русск. стих. „из Киева *бежать* до Чернигова | два девяноста-то мерных верст, | *промеж обедней* и *заутреней*“, 55; „*промеж плечами* косая сажень“, 243. В былине: „у меня *промеж каждым богатырем* | *были* сваи железныи“; б) с р о д. „Крымская орда *промежъ моря Азовскаго* и *моря Чернаго*“, Кн. Больш. черт., 76. В Древн. русск. стих. „из Киева *скакать* до Чернигова | *промежу обедни, заутрени*“, 57; „*промежу тех дорог лежит* горюч камень“, 181. В Дух. стих. „*промежду обеден, за-*

утрени", 7, 338. В песн. говорится о городе Ярославле: „на горе стоишь, на всей красоте, | *промежду двух рек, промеж быстрыех,* | *промежду Волги реки, промеж Котрасли*", Чулк., 1, 187. Сверх того: в) с вин. падежом; напр., в олон. былин. „и бей бурка *промежу уши,* | и бей бурка *промежу ноги*" — „хлестнул... *промеж ясны очи*", Рыбн., I, 126, 344.

9. *На.*

а) В собственном значении употребляется иногда вм. *в,* особенно в старинном и народном языке; напр., *на Москву, на Москве* (т. е. в город Москву, в городе Москве), *на Симонове на монастыре.*

Напр., при названии городов: „преставися митрополитъ Кипріанъ *на Москвѣ*", Новг. лет., 103. „Поѣха изо Пскова *на Москву*", Пск. лет., 101; „преставися князь Симеонъ Кіевскій *на Кіевѣ*", Пск. лет., 111. „А еще есть *на Москвѣ* семьдесятъ апостоловъ, опришенно трехъ святителей", Песн. начала XVII в. „И тотъ зломышленный бояринъ велѣлъ *на Москвѣ* дворы зажигати", „*на Москвѣ* и въ городѣхъ всѣхъ воровъ освобождаютъ на волю", Котоших., 2, 12. „Потерян мой сын царевич Димитрий | *на Угличе*", Древн. русск. стих., 104. „Окрестил меня приходский поп *на Москве*", Всяк. всяч., 4. „Бей челом *на Туле,* ищи *на Москве*", послов. „Мы поедем *на иной город* гулять", Песн. Прач, 75. Из новейших писателей у Пушкина: „красавиц много *на Москве*", I, 200. — При названии некоторых других местностей: „будьто принесли (кресты и деньги) *на монастырь,* въ келью", Шуйск. акт., 1667. „Пришли они к Марине *на высок терем*", Древн. русск. стих., 70. В старинной пословице: „есть чернцы *и на Симонове*", Похожд. Ив., 1, 3; „оставлен *на кабаке*", „шасть *на кабак*", Жизнь Ваньки Каина, 42. — Сюда же относится *на Руси* вм. *в Руси:* „не бывать Егорью *на святой Руси*", Дух. стих., 2, 168.

б) При означении времени *на,* с вин. падежом, имеет двоякий смысл: или „накануне": „*на пятницу,* ночью" (т. е. *с* четверга *на* пятницу); или „в", „о": *на Петров день.*

в) В отвлеченном смысле означает, с винительным:

аа) Цель; напр., в Древн. русск. стих. „синему морю *на утешенье*", 30; „у ласкова, осударь, князя Владимира | было пированье, почестной пир, | было столованье, почестной стол | *на* многи князи и бояра | и *на* русские могучие богатыри | и гости богатые", 123. В послов. XVIII в. „всяк *на* себя хлеб добывает".

бб) Меру: „взять *на* пять минут, купить *на* сто тысяч, изрубить *на* мелкие куски".

вв) Образ действия и орудия (вм. творительного падежа), особенно в народном языке; напр., в песн. „он пьет ее (чашу) да *на один дух*", „у тя (тебя) нет верно *на кулак* бойца?

на кулак бойца, *на ногу* борца?" Сюда же принадлежат: а) выражения: „драться *на кулачки*" (т. е. кулаками), и с предл. пад. *на рапирах* (рапирами), — и б) дополнения к прилагательным, на вопрос *чем?* или *в каком отношении?* Напр., *не чист на руку, легок на помине* и т. п.

В старинном и народном языке *на* употребляется вместо: *на манер, на образец;* напр., в Выходах госуд. цар. и кн. „пуговицы золоты прорѣзныя *на грушевое дѣло*", 1653, стр. 288. В послов. XVII в. „хорошо ожерелье *на тульское дѣло:* въ три молота стегано".

Выражения: „пить что-нибудь *на молоко, на капусту*" и т. п. (т. е. после молока, капусты), объясняются наглядным значением этого предлога, т. е. положение чего-нибудь *на* что-нибудь.

С предложным падежом, в отвлеченном значении, *на* употребляется или в смысле предлогов: „с", „от"; напр., „брать *на ком* деньги" = с кого, от кого; „даяти *на себѣ* злато и серебро", Лавр. лет., 119 (т. е. с себя, от себя); или в смысле основания какому действию; напр., „*на злате, на серебре* — не погневаться", Древн. русск. стих., 4. „И говорит: спасибо *на приятстве*", Крыл., 84.

В древнерусском: „*на томъ* бо цѣловали бяше хрестъ къ нему", „и цѣловаста хрестъ межи собою *на всей любви*", Ипат. сп. лет., 83, 84.

10. *Над.*

При глаголах движения требует винительного, а при глаголах пребывания — творительного. Ныне употребляется только с творительным; напр., *над берегом, над тучами;* а в старину с обоими; напр., с винительным: поимъше же юго воини ведоша надъ брѣгъ рѣкы, Супр. рук., 117. „*Над тучи* оным простирайся", Ломон., Ода 2.

В отвлеченном значении имеет смысл господства, власти над каким-либо предметом, подлежащим действию; напр., *властвовать над чем, шутить, издеваться, смеяться над чем* и т. п. Сюда принадлежат весьма употребительные в старинном и народном языке обороты: *учинилось над кем, сбылось над кем* и другие тому подобные, которыми обозначается решительное и сильное действие над предметом или лицом.

Напр., „сяко чиниши *надъ мною*", Ипат. лет., 214. В Древн. русск. стих. „по грехам *над Добрынею* учинилося", 62; „*надо мною* сердце не изнести", 208; „никакой *над собой* притки | и скорби Садко не видывал", 266. В послов. „*над кем* пословица не сбывается", Даль, 1086.

11. *О* (*об*).

С предложным падежом, в собственном значении, имеет смысл „кругом чего", „около", в переносном показывает пред-

мет речи или рассуждения (говорить *о чем*), и в старинном языке — причину (напр., *о чем* = почему, для чего).

О месте теперь уже не употребляется этот предлог с предложным; но ко времени — переносится; напр., *о святках*.

В старинном языке: в смысле „около“, „кругом чего“ или „кругом кого“: „новгородьци же сташа твьрдо *о князи Романѣ, о Мьстиславлици о Изяславли вънуци,* и *о посадницѣ о Якунѣ*“, Новг. лет., 1,15. Сюда же принадлежит употребление этого предлога вм. *около* при определении количества или меры: „и паде головъ *о стѣ* къметьства“, Новг. лет., 1,19 (т. е. около ста; вар. „головъ сто доброименитыхъ“). — В значении причины: в Юрид. акт. „*о чомъ* жо ты не искалъ на Ивашкѣ въ ту шесть лѣтъ?“, 1491; „по межамъ *о чемъ* не идешь?“, 1534. „*О чемъ* къ намъ не бывала?“, Домостр. В послов. XVII в. „доброе молчаніе *о чомъ* не отвѣтъ?“, „съ вѣрою лучинка *о чомъ* не свѣча?“ В областном языке: *о чем,* вм. *почему, для чего*. В разделении предмета на части с числ. именами; напр., „дом *о семи комнатах*“, „береза *о пяти верхах*“. Церковнославянское употребление предлога *о*, в переносном смысле, вм. *в* (*во имя, в силу*), доселе встречается в высоком слоге; напр., у Карамз. „здравствуй *о господе*, царь любезный небу и народу!“, ИГР, XI, 19.

С винительным, в собственном значении, имеет смысл смежности; напр., „жить с кем *об* стену, *обо* двор, идти *об* руку“; также предела действию: „ударил *о* земь, *об* землю“, „палец *о* палец ударить“; в перенесении ко времени, означает соответствие: „*об* эту пору; *об* это время“.

Сюда принадлежит церковнославянское обонъполъ (т. е. объ онъ полъ) = по ту сторону; напр., в О. ев. обонъполъ иордана. — В древнерусском *объ ону страну* = по ту сторону: „князи рязаньстіи сташа *объ ону страну* Окѣ“, Новг. лет., 1,30.

В польско-русск. языке писателей XVII в., по влиянию польскому, предлог *о* для означения предмета речи, вм. предложного, управляет винительным; напр., про́сит б҃а а҆лбо пр҃чтꙋю дв҃ꙋ ѡ҆ по́мочъ а людє́й ѡ҆ слꙋха́нїє (т. е. о помощи — о слушании, или внимании), Галятовск., Ключ Разум., 1659 г. (см. Хр.).

12. *От.*

В значении места, соответствует предлогу *до*: „*от* Москвы до Петербурга“; ко времени переносит воззрение места: „*от* 1125-го года до 1132-го“.

Иногда соответствует предлогу *в*; напр., у Крыл. „вот вам *от* слова *в* слово он“ (закон), 317.

Так как *от* означает начало (действию, исчислению, движению и т. п.); то означаемая им причина наглядно представляется началом, от которого исходит действие; напр., „*от скуки* сам

с собой вполголос рассуждая“, Бат., II, 219; „мы лишились множества людей *от безводицы*“, Пушк., XI, 282. — Иногда писатели употребляют *от* вм. *по причине, потому что*: „я не мог лежа напиться *от раненой руки*“, Пушк., VIII, 301.

Лицо действующее, означаемое при страдательном глаголе предлогом *от*, принимается за начало или причину действия; напр., в Древн. русск. стих. „*потерян* мой сын царевич Димитрий Иванович | на Угличе *от* тех *от* бояр Годуновых“, 104 (см. § 179).

Сверх того, в церковнославянском и древнерусском, *от* употребляется вм. *из*; напр., в О. ев. и се дъва отъ нихъ, Лук., 24,13 (вм. *из них*). Сюда же принадлежит означение вещества, из которого что сделано; напр., в Ипат. сп. лет. „и сѣдло *отъ* злата жьжена“, 187; у Кант. „повесь цепь на шею *от* злата“, Сат. 1. Как у нас при сравнении предметов употребляется *из*, напр. „лучший из всех“, так в украинском *вид* или *од* (наше *от*); напр., „лучше вид тебе“ или „од тебе“ — лучше тебя.

13. *По*.

Требует винительного, дательного и предложного. Последние два иногда смешиваются при этом предлоге; именно в местоимениях: *по ком, по нем, по нас, по вас*, вм. *по кому, по нему, по нам, по вам;* а в народном языке употребляется и вин. падеж вм. книжного и общепринятого предложного; напр., в олон. былин. „стосковалося у молодца *по свою родимую сторонушку*“, Рыбн., II, 265. Вопросительное *что* употребляется и *по чему*, и *по чем*, и притом последняя форма соответствует в ответе дательному: „*по чем* покупали? — *по рублю*“.

В Древн. русск. стих. „а и *по чем* они уныли?“, 421. Иногда употребляется *по коем* вм. *по коему*; напр., у Крыл. „а все чуден мост, *по коем* мы пойдем“, 63. У писателей встречается *по ним*, и замена дательного предложным: *по них*: „что ног не замоча, *по ним* (по дачам) бродили мухи“, Крыл., 185; „*по них* выстрелили из пушки“, Пушк., V, 58. В народном языке иногда употребляется с этим предлогом дательный вм. предложного, иногда оба рядом и в одном и том же значении; напр., в послов. „о чем плачешь? *По своему горю*“ (ответ плакуши), Даль, 125. „И обедню с панихидою служил | *по родимом своем батюшке* | *и по всему роду своему*“, Древн. русск. стих., 174. „Мать пречистая богородица | *по Иисусу Христу* сильно плакала, | *по своем сыне по возлюбленном*“, Дух. стих., 11,140. „*По воле* не тужешь, | *по теплому лету*, | *по зеленому лесу*“, Песн. (тульск.). У писателей XVIII в. „вздыхает *по городским забавам*“, Всяк. всяч., 349.

Предлог *по* означает:

1) С винительным:

а) Место, на вопрос *где?* и *до которого места?*; напр., „*по* правую сторону“, „*по* сие место“, „*по* грудь“.

б) Время: „*по* все дни“, „*по* первое число“, „*по* сие время“. В Древн. русск. стих. „а и ходит Садко *по* третий день“, 273.

в) В отвлеченном значении, в смысле *за*; в Древн. русск. стих. „на Волхов реку ходила *по воду*“, 79; „*по меня Садку* смерть пришла“, 339. В пословице: „ходил *не по што* (не по что), принес ничего“. В Расск. „бояться нам его *по што*?“ (Мышам Кошки), 8.

2) С дательным:

а) Место, по вопросу *где?*, с указанием на поверхность: „ходить *по* горам“, „*по* правому берегу реки“, „горы, находящиеся *по той стороне* реки“, Пушк., XI, 323. Сюда принадлежит дополнение к глаголу *стрелять*: „стрелять *по* птицам“.

б) Время, на вопрос *когда*?: „*по* осени, *по* вечеру, *по* утру“.

в) Причину или основание: „отсутствовать *по болезни*“, „судить *по законам*“. Когда мнение принимается за основу рассуждения, то предлог *по* употребляется с дательным имени самого автора: *по Нестору*.

Иногда, вместо *по*, употребляется *по причине*; напр., у Пушк. „*по причине* болезни“, V, 71.

г) Соответствие: „и *по себе* борца не нашел“, Древн. русск. стих., 39.

д) Распределение по предметам: „стоят *по* бокам,“ „усесться *по* местам“, „всем сестрам *по* серьгам“.

Но числительные количественные *два, три, четыре* и собирательные *двое, трое* и др. поставляются в этом случае в винительном: *по два, по три, по двое.*

Также распределение показывает этот предлог, когда означает действие по какой-нибудь части; напр., „служит *по архиву*“, „сочинение *по русской истории*“.

3) С предложным:

а) В значении „после“, и потому преимущественно показывает время: „*по смерти* Александра Великого“, „в 862 году *по Рождестве Христове*“. *По Христе:* „около пятого столетия *по Христе*“, Ломон., III, 115.

б) В переносном значении после глаголов: *остаться по ком, горевать по ком, гнаться по ком* и т. п.

„Данилови же *гонящу по половцѣхъ*“, Ипат. лет., 174.

14. *Подле, возле.*

Теперь управляют оба эти наречия родительным, а в старинном и в народном языке, и винительным; напр., *подле реку, возле реку,* вм. *подле, возле реки.*

Напр., „*възлѣ рѣку Оку*“, Лавр. лет., 181. В Юрид. акт. „тою же изгородою, а *подлѣ изгороду...*“, 1498—1505; „*подлѣ* мокрую лозу“, 1532; „*подлѣ* рѣку“, 1536; „*подлѣ* Шексну рѣку“, 1550. В областном языке: *возле печки* и *возле печку, возле матери* и *возле мать; подле печки* и *подле печку, подле матери* и *подле мать* (пермск.).

15. *Под.*

Употребляется с винительным при глаголах движения, и с творительным при глаголах пребывания: *идти под Царьград, стоять под Царьградом.*

В старинном языке движение реки к какому-нибудь месту означается предлогом *под*; напр., в Кн. Больш. черт. „(Сосна река) изъ подъ Ливенъ потекла *подъ Елецъ*“, 9; „а изъ подъ Смоленска рѣка Днѣпръ потекла *подъ Дубровну*“, 79. — В противоположность пребывания и движения: *против ветру* — употребляется: *под ветром*: „остановиться в удобном месте *под ветром*“, Пс. ох., 58. — Вместо *вызолоченный, высеребренный,* в старинном и народном языке говорится: *под золотом, под серебром;* напр., „и спущали сходню (по которой сходят с корабля) ведь серебряну, | *под красным золотом*“, Древн. русск. стих., 340.

В переносном смысле означает:

а) Время; напр., „хитростью *под час* и силу побеждают“, Хемн., II, 17; „и как я уже приходил лет *под десяток...*“

б) Подчинение; напр., „*быть под надзором* наставника“, „взять кого *под свою защиту*“.

В языке летописей весьма употребительны выражения: *быть под рукою* (т. е. под властию), *взять под свою руку* (под свою власть), принятые и позднейшими писателями; напр., у Ломон. „великому князю российскому Игорю и всем стоящим *под его рукою* быть в мире...“, III, 159. У Пушк. „чтобы он принял их *под свою высокую руку*“, V, 3.

Сюда же принадлежат выражения: „отдыхать *под говор*“ или „*под говором* деревьев, листьев, волн“, „петь *под звуки* органа“ и т. п.

Под говором вм. *под говор* (как *под музыку, под звуки,* а не *под музыкою, под звуками*)—употребляется у писателей; напр., у Бат. „ко страже, дремлющей *под говором* валов“, II, 48; „где путник с радостью от зноя отдыхает, | *под говором* древес, пустынных птиц и вод“, II, 64.

Соответствие; напр., *под пару, под стать.*

16. *Пред, перед.*

С глаголами пребывания требует творительного; напр., *стать перед ханом*; с глаголом движения — винительного; напр.,

„*пред хана* в смутном ожиданье | предстали мы“, Пушк., II, 174.

17. *Про.*

Употребляется в смысле *о, для;* напр., „говорят *про* меня“ (обо мне); „говорят *про себя*“ (о себе, а также и для себя, так чтобы другие не слышали). В Слове о полку Игор. „начяша князи *про малое* се великое млъвити“; у позднейших писателей: „и чистых капель меж листов | оставь *про резвых мотыльков*“, Жук., III, 39.

В старинном и народном языке вм. *за*; напр., „яша Володимира и хотѣша убити *про Игоря*“, Ипат. лет., 34.

18. *Против, противу.*

От собственного значения места переносится к отвлеченному; напр., „действовать *против* кого“. Сверх того, означает соответствие, сравнение; напр., „*против* моего вдесятеро лучше, хуже“.

В старину особенно было употребительно в этом значении; напр., „*сверстался* Алеша Попович млад | *против Тугарина Змеевича*“, Древн. русск. стих., 185. „Когда господинъ со двора выедет и *противу ловчего* и *охотников поравняется*“, Пс. ох., 46. „Однако все-таки *не придет против Адама Адамыча*“, Ф. Виз., 176. Из новейших писателей: „многих животных называют хитрыми; но что их хитрость *против нашей*“, Карамз., II, 603—604.

При означении времени, показывает или соответствие, или переход от одной поры к другой. В обоих значениях употребляется в старинном и народном языке. Напр., „*против* пятницы“, „*против* свету“.

Примеры: „Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою *противу свѣту* перевезеся“, Лавр. лет., 61. В Юрид. акт. о лошади: „толды (т. е. тогда) была она дву лѣтъ *противу третьее*; а нынѣча трехъ лѣтъ *противу четвертые*“. В Шуйск. акт. тоже о коне: „пяти лѣтъ *противъ шестыя*“, 1676; при означении дня: „іюля *противъ 28 числа*“, 1667.

Противу, впротив, иногда употребляется с дательным; напр., „не сотвори брани *противу имъ*“, Новг. лет., 1,27. „*Впротив естественному чину*“, Ломон., Ода 6.

19. *Сквозь.*

Употребляется с винительным и родительным; напр., *сквозь слезы* и *сквозь слез.*

Примеры: а) С винительным: „*сквозь степь* и *блата* Петр прошел“, Ломон., Ода 9. У Карамз. „*сквозь степи* и *пустыни* достигнув до Ханского стана“, ИГР, IV, 33; „вы следуете глазами за Темзою верст 30 в ее блистательном течении *сквозь богатые доли-*

ны“, Карамз., II, 768. „Где ручеек, виясь, бежит зеленым лугом | к реке *сквозь липовой лесок*“, Пушк., I,174. — б) С родительным: в народн. стихе о Борисе и Глебе: „он сам *сквозь сырой земли* провалился“, Максимович, Киевлянин, 3,17. „Летал, и будто *сквозь тумана* | я видел твой веселый ток“, Дмитр., I, 18. „Проказник мой | у зеркала *сквозь слез* | так кисло морщит рожу“, Крыл., 285. У Пушк. „*сквозь слез* не видя ничего“, I,97; „и долго, будто *сквозь тумана*, | она глядела им во след“, I,177. Из приведенных примеров видно, что *сквозь* означает не только движение внутри чего, но иногда — и движение на поверхности, употребляясь вм. *через*.

20. *С*.

Управляет родительным, винительным и предложным.

1) С родительным означает:

а) Движение с поверхности. Соответствует предлогам: *на, по, до, в: с горы на гору, с головы по грудь, с головы до ног, с-верху до-низу, с-верху в-низ*. Переносится ко времени: *со дня на день, с 1-го по 5-е число*.

Так как *на* при означении местности употребляется иногда вм. *в*, напр. *на Москве*; то и самое движение из мест выражается предлогом *с* вм. *из*; напр., *с села* вм. *из села* (уже в Супр. рук. 128); „прiѣхавъ отъ великаго князя *съ Москвы*“, Пск. лет., 103. „Прiѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу пресвятыя богородицы смоленскiя *со многихъ городовъ* и *уѣздовъ*“, Шуйск. акт., 1670.

б) Причину, основание, повод; напр., *со страху, с радости, с виду* (= по виду), *с-глупа, с-проста, с-ведома*.

В народном языке: „а думайте вы думу *съ цѣла ума*“, Песн. начала XVII в. „Думати думушку за единое | *со крепка ума, с полна разума*“, Древн. русск. стих., 113. „И я *с той травы* выкормлю коня“, Прач, 119.

2. С винительным означает:

а) Место, только в старинном и народном языке; напр., *с другую сторону* вм. *по другой стороне*.

В Юрид. акт. „а на томъ разводѣ (т. е. на размежовке земель) были люди добрые, *съ обѣ половины*“, 1505; „*съ другую сторону*“, 1532; „*съ верхъную* сторону“, 1550; „пни выкопаны *съ обѣ стороны*“, 1554; „*съ южную сторону*“, 1674. В Древн. русск. стих. „*с другу сторону* Авдотьюшка Лиховидьевна | скоро втапоры наряжалася и убиралася“, 220. В песне: „ах вы ветры, ветры буйные, | вы буйны ветры осенние, | потяните вы *с эту сторону*, | *с эту сторону, со восточную*“, Чулк., 1,143. В послов. „*с одну сторону* черемиса, а *с другую* берегися“, Даль, Слов. Замечательно, что вини-

тельный места при предлоге *с* употребляется уже как остаток старины, только в некоторых выражениях, каковы: *с половину, с сторону.*

б) Меру и количество: „величиною *с гору*", „ростом *с меня*", „*человек со сто, с десяток*"; в послов. „хлеба *с душу*, денег *с нужу*, платья *с ношу*", Даль, Слов.

3. С творительным означает:

а) Совокупность бытия и действия; напр., в Древн. русск. стих. „берет благословение великое у отца *с матерью*", 353. „Служить вместе *с кем*". Сюда же принадлежит *с* с твор. пад. при глаголах взаимных; напр., *драться с кем.*

б) Обстоятельство образа действия на вопрос *как?*; напр., *одеваться со вкусом, работать с усердием.*

Выражения *со вкусом, с усердием, с набожностию* (вм. *усердно, набожно*), считавшиеся новыми (см. Шишкова Рассуждение о старом и новом слоге рос. языка, 1803 г.), встречаются у писателей XVIII в.; напр., у Ломон. „киевляне тщились как слуги угощать их *с великою ласкою* и *уклонностию*", III, 167. В журналах 1769 г. „критика приносит сочинителям пользу, но критика *со вкусом*", И то и се, 9. „Одеваться *с весьма лучшим вкусом*", Всяк. всяч., 348. — У Карамз. и других позднейших писателей еще употребительнее этот оборот, заимствованный из чужих языков. — Сверх того, у Жуковского встречается еще иностранный оборот с предлогом *с*: „*с моим погибшим телом* | становится ежеминутно хуже", VI, 322.

21. *У.*

Означает пребывание при чем- или при ком-либо. Отличается от *при* тем, что показывает бóльшую зависимость и даже принадлежность; напр., „служить *у кого*" и „служить *при ком*"; „чжить *у кого*" и „жить *при ком*".

Употребляется вм. *от, на;* напр., „тако слышахомъ *у самовидець*", Продолж. Лавр. сп. лет., 193; „а я постерегу тебя здесь *у досугу*", Крыл., 136. В народном языке употребляется при безличных глаголах с названием лица, которому принадлежит действие, выраженное безлично; напр., в олон. былин. „впереди его проехано *у богатыря*" (см. *богатырь проехал*); „*у меня* три года как сосватанось" (т. е. я сосватался); „*у меня* замаленька (с малолетства) да было хожено, | *у меня* замаленька да было боротось" (т. е. я ходил, боролся); иногда соответствует дательному лица; напр., „стосковалося *у молодца*" (вм. *молодцу*), Рыбн., I,274; II, 55, 97, 265. Слич. §§ 201, 6.

22. *Чрез, через.*

Означает переход через поверхность или черту; напр., *идти через пашню, перешагнуть через порог.* Переносится ко вре-

мени: *через час, через день.* Орудие, средство или другое какое обстоятельство отвлеченное, означаемое этою частицею, наглядно принимается за предмет, через который проходит действие; напр., у Пушк. „*через меч* и *огонь* — дикость должна исчезнуть“, VIII, 251.

В этом параграфе не означены некоторые случаи употребления предлогов, нисколько не затрудняющие на практике, а равно и такие частицы, которые не требуют особенных замечаний, каковы: *без, ради* и нек. др.

III. УПРАВЛЯЮЩИЕ ЧАСТИ РЕЧИ

А. Глагол

§ 252. Глагол управляет или только падежом, или падежом с предлогом, т. е. имеет силу или непосредственного, или посредственного управления; напр., „читать *книгу*“, „мириться *со* врагом“. Глаголы, имеющие силу посредственного управления, делятся на два разряда:

1) Одни, сложенные с предлогами, требуют при себе дополнения с соответствующим им предлогом. Соответствие между предлогами может быть полное и неполное. Полное бывает тогда, когда в дополнении употребляется тот же предлог, с каким слагается глагол; напр., „*на*-деяться *на* свои силы“, „*въ*-езжать *в* город“. Неполное соответствие бывает тогда, когда в дополнении употреблен другой предлог, но согласный со смыслом того, с которым сложен глагол; напр., „*по*-лагаться *на* свои силы“, „*при*-выкать *к* труду“. Сюда же принадлежит управление глаголов, сложенных с предлогами слитными; напр., „*вз*-лезать *на* лестницу“, „*пере*-ходить *через* мост“.

2) Другие глаголы, не сложенные с предлогами, требуют при себе дополнения с предлогом только потому, что один падеж без предлога оказывается для них недостаточным; напр., „ехать *в* город“, „смеяться *над* глупыми“, „браниться *с* соседями“.

Один и тот же глагол может иметь по нескольку дополнений; напр., *вспоминать что* и *о чем, пренебрегать что* и *чем.* Различные дополнения дают одному и тому же глаголу разные значения; напр., *бить кому челом — о чем* (просить), — *на чем* (благодарить), — *в чем* (извиняться), — *чем* (поднести в дар), Даль, Слов.

Между дополнениями должно отличать отношение к лицу и отношение к предмету; напр., в выражении *плакаться кому на что: кому* — показывает отношение к лицу, *на что* — отношение к предмету.

Помощию дополнения глагол получает полнейшее значение. Чем обширнее смысл глагола, тем разнообразнее его дополнение; напр., *наблюдать что, над чем, за чем* (§ 154).

В старинном и народном языке глаголы отличаются разнообразием дополнений, соответствующим богатству древнейших этимологических форм и разнообразию представлений, в слове выражаемых.

Несмотря на господство отвлеченной мысли над формою слова в новейшем периоде языка, и нынешний книжный, или образованный язык удержал много разнообразия от древнейшего и народного словосочинения слов дополнительных.

Все сказанное в этом параграфе об управлении глаголов относится и к именам существительным и прилагательным, требующим при себе дополнения.

Примеч. Так как значение и употребление залогов, падежей и предлогов уже объяснено выше (§§ 175—180, 243—247, 251), то здесь следует обратить внимание только на такие глаголы, которые, по различному управлению, или представляют любопытные видоизменения в своем значении и образовании, или оказываются затруднительными на практике. Полнейшее изложение этого предмета принадлежит к словарю. В грамматике предлагаются только общие законы, которым глаголы следуют в управлении.

§ 253. Важнейшие особенности в управлении глаголов падежами суть следующие:

1. Родительный падеж. Некоторые глаголы, как действительного, так и среднего залога, требуют родительного, особенно в старинном и народном языке; напр., *смотреть книг, слушать звону*. Такому управлению следуют и в новейшем языке некоторые глаголы; напр., в выражениях: „*того* и гляди“, „*чего* смотришь“, „просить *милостыни*“. Сюда же принадлежит глагол *ждать, ожидать; ждать чего* и *что*.

Примеч. 1. В Супр. рук. вьси же оуслышашѧ гласа сего, 51; вьслѣдоуи свѣта сего, 207. В О. ев. имать живота вѣчьнаաго; в испр. и́мать живо́тъ вѣчный, Ио., 3,15. живота вѣчнааго имате; в испр. живо́тъ имате, Ио., 20,31. вьзлюби бѣ мира; в испр. міръ, Ио., 3, 16. обличить мира; в испр. міръ, Ио., 16,8. — В Галицк. ев. 1143 г. сьмотріте кріпъ сельныхъ, 13; но в О. ев. сьмотрите кринъı сельнъıѩ, Матф., 6,28. В русском: „позримъ *синего Дону*“, Сл. о полку Игор. В Мам. поб. „посмотримъ *быстрого Дону*“, „испытаемъ *мечевъ своихъ литовскихъ*“. В Юрид. акт. „а *новгородской* ти *души* блюсти“, 1505—8; „слушали *сего* дѣла“, 1584; „учить *серебряного мастерства*“, 1684; „*книгъ* беречь“, „*колоколовъ* смотрѣть“, 1686. „Пѣти *чесныхъ молебновъ*“, Песн. начала XVII в. „Необходимо нужно смотрѣть *довольных* о том *свидетельств*“, Ломон., III, 117. У Ф. Виз., „поутру ходил я по церквам смотреть *прекрасных картин*“, 420; „поедем мы в Лоретто посмотреть *тамошних сокровищ*“, 456; „слушая *гласа* совести...“, 584. Но те же глаголы употребляются и с винительным: „поутру водил я жену мою слушать *органы* и смотреть *дворец*“, 420. — В Древн. русск. стих. „что ты стал, да *чего* глядишь?“, 91; „а скажите вы, молодцы, мне *прямаго пути* | ко святому граду Иерусалиму“, 169. В Дух. стих. „выходил Егорий на святую Русь; | завидел Егорий *свету белого,* | услышал *звону колокольного*“, 2, 191; „чемъ наследо-

вать себе *царствия небесного*", 16, 163; „получите, мои светы, *пресветлого раю*", 41,21. Из новейших писателей, у Крыл. „*твоих* мы *песен* слушать рады", 301. — В бо́льшей части приведенных здесь случаев родительный объясняется количеством.

Примеч. 2. При глаголе *исключать* (*что*) деепричастие *исключая* принимает и вин., и род. падеж (*исключая чего*).

Примеч. 3. Глагол *ненавидеть,* вместо нынешнего винительного, сочинялся в О. ев. и в позднейших текстах с родительным, потому что принимался за действительный с отрицательною частицею *не*; напр., **не навидѣть свѣта,** как и испр., Ио., 3,20. Так же употреблялся в древности и гл. **не годовати**; напр., в Жит. свят. по сп. XIV в. **мѣсть тѣхъ не годоуя** (см. Хр.; слич. § 75, примеч. 2).

Многие глаголы возвратной формы (средние или общие) требуют родительного; каковы, напр., *бояться, взыскаться, дожидаться, хвататься* и мн. др. Этому же управлению следуют и синонимы таких глаголов, в форме действительного глагола: *робеть, искать, ждать* и т. п.

Примеч. 4. Сюда принадлежат многие старинные глаголы, каковы, напр., в Лавр. сп. лет. „единъ *грѣшися Яна* топоромъ", 75 (т. е. промахнулся); „*пожаловатися своея обиды*", 116; „Ярославъ *усумнѣся брата своего*", 192. В послов. XVII в. „кормила баба лилѣка, *начаялась человѣка*". В Расск. „но кто-то *изучась звериного языка*", 23. В Древн. русск. стих. „сива жеребца того не боюсь, | *кологрива жеребца того не блюдусь*", 58.

2. Дательного требуют глаголы для показания лица, к которому действие относится. Это личное отношение может принять на себя и предмет, который в таком случае олицетворяется; напр., *встретиться, полюбиться, показаться кому, радоваться кому, чему*. При глаголах действительных иногда употребляется дательный лица вм. винительного; напр., *подарить кому* что, *простить кому* что, и *подарить кого* чем, *простить кого* в чем. Сюда же принадлежит дательный при глаголе *судить;* напр., в выражении: „суди *ему* бог", по древнейшему словосочинению, встречаемому в О. ев. и в других древнейших списках и бо́льшею частию удержанному в исправленном тексте.

Примеч. 5. Напр., в О. ев. глаголы: **сѫдити, хотѣти, поносити: юда законъ нашь сѫдить чл҃коу**; в испр. также **у чл҃вѣка**, Ио., 7,51. **да сѫдить мироу**; в испр. **мурови**, Ио., 3,17. **юмоу же колиждо хощете, просите**; в испр. **его̀ аще хощете про́сите**, Ио., 15,7. **милостыни хощѫ а не жрьтвѣ**; в испр. **м҃лти хощу, а не же́ртвы**, Матф., 27,43. **и поношаста юмоу**; в испр. также **ѐму** вм. **ѐго̀**, Матф., 27,44. — В русском: в Ипат. сп. лет. „и вси *похвалиша ему*" (вм. *его*). В Древн. русск. стих. „*поздравствовал ему* Владимир князь", 238. В Дух. стих. „а он *своему отцу* не *поспорил*", 7,57. Сюда принадлежит глагол *благодарить.* У Ф. Виз. „*ему единому* за них *благодарю*", 480; „наше общество нижайше *благодарит госпоже Хрипухиной*", Всяк. всяч., 15. Это управление, согласное с самим образованием

глагола благодарить (*дарить кому благо*), доселе сохранилось в деепричастии: *благодаря кому, чему,* и в производных именах: *благодарен кому, благодарность кому.*

Дательный падеж *грамоте* (в виде наречия) сочиняется с глаголами *уметь, разуметь, знать.*

Примеч. 6. Напр., „умеющих *грамоте*", Инстр. двор. Немчин., 1724—5. У Ф. Виз. „девушки *грамоте* умеют", 94; „шевалье и сам не умел *грамоте*", 576. „Довольно разумевши *русской грамоте*", Похожд. Ив., 1,113. „Не знал *грамоте*", Пушк., V, 70. Впрочем, употребляется и *знать грамоту, не знать грамоты;* напр., „*грамоты* не знал за недосугом", Дмитр., II, 57. А в народной словесности и *уметь грамоту;* напр., в песн. „и *русскую умеет* больно *грамоту;* | и четью, петью горазда церковному". Должно заметить, что оумѣти уже в древнейших церковнославянских списках сочиняется с винительным; напр., в О. ев. оумѣють кънигъі, в испр. книги вѣсть, Ио., 7,15.

3. Творительным управляют глаголы:

а) *Именовать, называть, полагать, делать* и т. п. (кого или что́ *чем*); а также и в форме возвратной: *именоваться, делаться, приходиться* и проч. (*чем*). Но глагол *доводиться,* в смысле „приходиться чем в родстве", сочиняется с имен.: „он *доводится* мне *тесть, шурин*". — В народном языке с имен. же сочиняется *слыть:* „потому быстра река *Дунай* слывет", Древн. русск. стих., 101.

Примеч. 7. Сюда же принадлежат глаголы: *обратиться, претвориться, наряжаться (чем* вм. *во что);* напр., „аравитское золото *обратилося солодомъ*", Послов. XVII в. В песн. „*обратись* моя кручина *травой муравою*", Чулк., 1,191; Прач, 54. (Слич. у Жук. с *в:* „наконец дорога наша *оборотилась в* тропинку", I, 195.) В Древн. русск. стих. „скоро Алеша *каликою наряжается*", 184. В Дух. стих. „луна *кровию претворится*", 21,14.

Примеч. 8. В древнем цс. языке глаголы нарицати, творити и т. п. вместо твор. сочиняются с вин., имея таким образом при себе по образцу греческого два винительных; напр., в Изб. Свят. 1073 г. юда кто въісотоу горнѧѧ връхъ или главоу соущѹ нарицаѥ, 238 (т. е. верхом или главою нарицает).

б) Глаголы, означающие власть, начальство: *владеть, управлять, править, предводительствовать (кем, чем).*

Примеч. 9. Этому же управлению следуют иногда и глаголы *начальствовать, военачальствовать,* обыкновенно имеющие при себе дополнение с предлогом *над.* Напр., у Пушк. „*начальствовавший сим отрядом*", V, 57; „которые (т. е. генералы) *начальствовали полками*", XI, 289; у Жук. „его *стамбульскою дружиной* | *военачальствовал* Зевар", VI, 28. Так же употребляется и царствовати в цс. памятниках: царствовати ѥмоу ꙁемльныими, Сербск. пам. XIII в.

Глаголы, имеющие значение власти, в древнечешском управляют дательным; напр., в Суде Любуши: „горе мужем, *им же* жена *владе*" (вм. *ими же*

владеет); „всяк от (т. е. отец) *своей челяди воеводи*" (= *своей челядью воеводит, начальствует*). Этот дательный объясняется отношением к лицу; потому, в том же памятнике, дополнение, означенное названием предмета, полагается в творительном: „дети все ту *сбожем* в едно *владу*" (= дети все тут сбожьем, т. е. именьем, воедино владеют).

Дательным же падежом иногда управляет глагол *власти, владети*, и в древнем церковнославянском; напр., в Списке Упиря: владущеи ѕвѣремъ ѕемльныимъ, Варух., 3,16 (т. е. зверями земными).

в) Многие другие глаголы как вещественного, так и умственного значения, при которых творительный может быть объяснен орудием или средством; напр., *дарить, бить челом, стыдиться, радоваться, скучать* и т. п.

Примеч. 10. Напр., „*таким изобилием* винных бочек больше *стыдиться*, нежели хвастать надлежало", Ф. Виз., 421. „Все *радовались молодыми супругами*", Карамз., II, 266. Сюда принадлежит *поступиться чем* вм. *уступить что*.

В цс. требуют творительного многие глаголы, которые теперь употребляются с другим дополнением; напр., *купить чем* (вм. *на что*), *печься чем* (вм. *о чем*): в О. ев. чимь коупимь хлѣбы, Ио., 6,5; как и в испр.; аште сѧ не печеть богъ мноѭ, Супр. рук. 214; у Нестора в Жит. Феодос. XII в. ть попечетьсѧ нами; в Сербск. пам. XIII в. покоущесе ѕемльными властьми; но в О. ев., как и ныне, с предлогом *о*: и о одежди чьто печетеса, Матф., 6,28. Обычное выражение в древнерусск. языке о действии беса над бесноватым: *удари имъ бѣсъ* или *шибе имъ бѣсъ*, объясняется тем, что гл. *ударити* (и синоним его *шибити, шибнути*) требовал дополнения в твор. падеже; напр., в Стихир. XV в. оударишa собою о перстьнꙋю ѕемлю; в Лет. по Лавр. сп. „да аще твой мужъ *ударить моимъ*, да не воюемъ за три лѣта" — „и удави печенѣзина въ руку до смерти и *удари имъ* о землю", 52,53. Последний пример ясно показывает, что здесь твор. пад. имеет смысл орудия.

4. Винительным, кроме общепринятых правил, управляют в древнем и народном языке глаголы движения; каковы: *возитися, лазить, плыть, перенести* вм. *через что*; напр., в Ефр. Сир. по сп. XIV—XV в. аще и по морю плавишися аще и рѣкꙋ возишися (вм. *через реку*); в Сильвестр. сб. XIV в. перенести рекꙋ (через реку), Тих. Пам.; в Пск. лет. *перебродився Двину* (см. Хр.); в Кн. Большч. черт. *лазятъ рѣку Шатъ, рѣку Упу*; в послов. по Сб. Янькова 1749 г. „лучше *плыть пучину* (т. е. через пучину), нежель терпеть кручину" (см. Хр.); в песн. „*первый ров* (вм. *через первый ров*) его бог *перенес*", Чулк., 2,199.

§ 254. Управление глаголов, сложенных с предлогами. Эти глаголы могут быть как вещественного, так и умственного значения; напр., с предлогами: *в-*: *в*-менить *во* что, *в*-ступиться *во* что, *во*-зриться *во* что (напр., „но, *возряся в певца*, все с дерева дождем", Крыл., 301); *вз-*: *вс*-пало *на* ум, *вс*-клепать

вину *на* кого; *вы-: вы*-жить *из* ума; *до-: до*-йти *до* крайности; *на-: на*-деяться *на* что, *на*-мекать *на* что; *пере-: пере*-лить *через* край; *под-: под*-кладывать *подо* что; *при-: при*-выкать *к* чему, *при*-лежать *к* чему, *при*-равнять *к* чему; *про-:* мороз *про*-бирает *сквозь* шубу; *с-: с*-писать *с* кого, *с* чего, *с*-равнить *с* кем, *с* чем.

Примеч. 1. Старинный и народный язык с бо́льшею смелостию, нежели нынешний книжный, пользуется этим управлением, столь согласным с внешнею формою слова и с наглядным значением, придаваемым выражению предлогом; напр., в Древн. русск. стих. „три корабля свои *под*-писывают | *под* Тугарина Змеевича", 161 (т. е. отдают за своими подписями). В Пс. ох. „зверя из-под гончих *на* себя *на*жидать", 14; „чтобы смаленьку *к* нему *при*знались", 15 (т. е. чтобы собаки привыкли, присмотрелись к охотнику). В песн. „ты *при*стой-ка ноги резвые | што *ко* полу *ко* дубовому" (Арх. губ.). В дух. стих. *вз*-думать, *вс*-помнить, *на*-чаяться (т. е. *на*-деяться) — *на* кого или *на* что: „тогда богатый *на* бога *вз*думав" — „*вс*помниу *на* своего *на* нищего" (смол.) — „*на* кого и *на*чаешься", Кал., I, 63, 130, 528.

Многие глаголы, сложенные с предлогами *до-, из-, от-, с-* и с некоторыми другими, имеют двоякое управление: древнейшее и позднейшее. По древнейшему требуют родительного без предлога, по позднейшему — с предлогами *до, из, от, с;* напр., в цс. в О. ев. отлѫченъ сънборища бѫдетъ, Ио., 9,22; в испр. ѿлꙋченъ ѿ со́нмища бꙋдетъ. В русском: в Юрид. акт. „пашни *от*сталъ", 1512 (вм. *отъ* пашни).

Примеч. 2. Примеры: 1) с предлогом *до-:* дошьдъше же мѣста, Супр. рук., 115. „Переяславля *до*быти", Лавр. лет., 141. В Юрид. акт. „Прокопья убытка не *до*вести", 1583; „слухъ *до*шелъ воеводы", 1615. „А о недовѣдомыхъ духовныхъ вещахъ *до*кладывати насъ патріарха", Шуйск. акт., 1642 (т. е. до нас, до патриарха, вм. нам, патриарху). В послов. XVII в. „по ниткѣ и клубка *до*ходятъ"; „лишняя говоря (т. е. речь) сорома *до*водитъ". — 2) С предлогом *от-:* „того не *от*ступаю", Новг. лет., 1,45. В Юрид. акт. „*от*ступилися Васильевы земли", XIV—XV в.; „пашни не *от*быть", 1680. „Ждать друга — *от*быть плуга", Послов. XVII в. „Добрыня того не *от*пирается", Песн. — Сюда же принадлежал первоначально глагол *от*чаяться; напр., „*от*чаялся жизни", Пересм., 1,184. 3) С предлогом *с-*: „*съ*ступися Твьрдиславъ посадничества", Новг. лет., 1,31. 4) С предлогом *из-* употребляются преимущественно цс. глаголы: иꙁбѫдѡши болѣꙁни тоѩ лютыѩ; да иꙁбѫдѫ сего, Супр. рук., 163. У нас в книжном языке: *избежать суда, избавить муки.*

Это древнейшее словосочинение сохранилось как в языке разговорном, так и у писателей, от Кантемира и Ломоносова до наших времен; но при нем постоянно встречается уже и позднейшее; напр., *от*рещись *чего* и *от чего, до*стигнуть *чего* и *до чего* и т. п.

Примеч. 3. Напр., у писателей: 1) род. пад. без предлога: „лишностей всяких *от*бегаем", Кант., Сат. 5. „Вероятности *от*рещись не могу",

Ломон., III, 134. „Бог меня *из*бавил этой скуки“, Ф. Виз., 94. У Жук. „Реймса я с победою *до*стигну“, III, 132; „и вы меня согласны уж *от*речься“, III, 146. У Пушк. „вот Углича *до*стиг я“, I, 337; „наконец *до*стиг нашей хижины“, VIII, 272. — 2) Род. с предлогом: „*до*стичь *до* счастия“, Ф. Виз., 578. „И тем *от*был *от* ученья“, Зап. Дан. У Карамз. „счастливо они *до*стигают *до* отечества графского“, II, 157; „не многие могут *до*стигнуть *до* сего величия“, II, 252. У Жук. „когда весь свет *от*рекся *от* меня“, III, 240; „площадка, *до* которой в десять минут можно *до*стигнуть“, VII, 213.

Вместо предлога, с которым сложены глаголы, стали в некоторых случаях употреблять другой, близкий к нему по смыслу; напр., „*из*быть *от* чего“: у Ломон. „желая *от* огня *из*быть“, III, 170. При глаголе *достигнуть* вм. *до* у писателей встречаются: *на, в* и *к*.

Примеч. 4. Напр., у Ломон. „*на* высочайший степень величества, могущества и славы *до*стигнул“, III, 73. У Ф. Виз. „сей мой соученик был знаком со мною, *до*стигши уже и *в* совершенный возраст“, 495 (а в другом месте: *до*стиг *до* юношеского возраста“, 491). У Жук. „и *к* господу молитва их *до*стигла“, VI, 270. „История изъясняет нам, чтó был сей народ прежде, чтó он теперь, и *к* чему может он *до*стигнуть“, VII, 262; „солнце садилось, когда *к* благовонной Палладиной роще | вместе *до*стигли они“, Одис., 6,321.

Иные глаголы, переходя от собственного значения к переносному, теряют в дополнении предлог; напр., *находить,* как *наезжать, набегать,* требует вин. с предлогом: „*на* него часто *на*ходит скука“; в переносном же смысле: *находить деньги, время.*

Примеч. 5. Глаголы, сложенные с предлогом *при,* каковы: прикасатисѧ, прилѣплıатисѧ, пристоупати, приклонıатисѧ и нек. др., в древнем цс. управляют местн. падежом без предлога; напр., в О. ев. не прикасаѭть бо сѧ иоудеи самарѣнехъ, Ио., 4,9; в Галицк. ев. 1143 г. также самарѧнехъ, равно как и в списках Евангелия XIII—XIV в.; в Псалтыри 1296 г. ıазыкь мои прилпе гортани моюмь (в испр. гортáни моемꙋ́, 21,16); прилѣплатисѧ бзѣ (в испр. бгови, 72,28); и рана не пристоупить телеси твоюмь (в испр. не приближитсѧ тѣлеси твоемꙋ́, 90,10). В Списке Упиря прилагательное приклоньнъ (= *подобен*), от глагола приклонıати, управляет также местным без предлога; напр., и борови не приклонни вѣѿхъ ѐго ѝ еллоне (вм. елие) не бысть приклонно ѡрасльхъ ѐго, Иез., 31,8. У Нестора в Жит. Феодос. XII в. приближитисѧ юмь (вм. *к нему*). — Но в Филар. ев. 1537 г. прикоснѫтисѧ уже с дательным: ıако аще прикоснѫсѧ ризамь ѐго, Марк., 5,28.

§ 255. Управление глаголов простых падежами с предлогами столь разнообразно, что вполне может быть объяснено только в словаре; напр., „*гадать о* чем *в* карты, *на* воде“; „*искать* чтó *на* ком“ и „*искать в* ком“; „*зариться на* что“, „*биться о* великий заклад“; „*удариться о* своей голове“. Сюда же принадлежат из сложных такие глаголы, которые имеют в дополнении предлог, не соответствующий тому, с которым сложены; напр.,

„*при*ходить *в* меру“, „*по*ходить *на* дело“, „*пере*менить одно *на* другое“ и т. п.

Предлог при падеже иногда опускается и при этих глаголах, как при простых, так и при сложных; напр., „бежать *от* кого, *от* чего“ и „бежать *кого, чего*“. В последнем случае, большею частию, глагол принимается в переносном значении; напр., у Пушк. „зачем *бежала* своенравно | она *семейственных оков?*“, II, 267.

Примеч. 1. У писателей встречаются с таким дополнением многие глаголы, которые в разговоре обыкновенно употребляются с предлогами; напр., „спастися *чего*“ вм. *от чего:* „чтобы *спастись несчастия такова*“, Хемн., II, 18.

Двоякое управление, посредственное и непосредственное, должно отличать при глаголах, означающих отношение к кому- или чему-нибудь, каковы: *отправить, послать, принадлежать, способствовать, приличествовать* и т. п. Они требуют или одного дательного, или с предлогом: *послать* что *кому* и *к кому*. Сюда же принадлежат и сложные глаголы при управлении с соответствующим падежом.

Примеч. 2. Примеры с предлогами: в Супр. рук. да бышь покаꙗль сѧ кь богоу, 126. „Я рассматривал со всевозможным вниманием все то, что́ могло *пособствовать* мне *к* приобретению...“, Ф. Виз., 304. У Карамз. во II томе: „*к* украшению города *служат* также большие площади“, 61; „я еще не *писал к* Вам о здешнем славном цейггаузе“, 291; „каждая мысль, которая *приходила ко* мне в голову“, 316; в ИГР „*целуй* крест *к* великому государю“, XI, 38. — Перемена такого дополнения на дательный без предлога бывает необходима тогда, когда должно показать отношение к лицу: *ему* способствует, служит. *Писать кому* — собственно *для кого;* но употребляется и вм. *писать к кому*. Впрочем, и при отношении к лицу употребляется *к;* напр., в Дух. стих. „*отвещует* прекрасная пустыня | *ко* младу царевичу Осафью“, 9,18.

Глагол коснѫти, коснѫтисѧ управляет сверх местного падежа винительным без предлога и с предлогом *в;* напр., в О. ев. коснѫ и вь ꙗзыкь юго, Марк., 7,33. В Галицк. ев. прїношахоу к немоу дѣти да ѧ коснеть (в испр. да ко́снетсѧ и҆хь, Марк., 10,13). В Библии 1499 г. косни во все ѐже и҆мат (в испр. коснисѧ всѣ́хь, Иов., 1,11); жрьтва же ѐго ѡ҆блацех сѧ коснет (в испр. ѡблакѡ́въ ко́снетсѧ, Иов., 20,6). Также и глагол прикасатисѧ управлял иногда винительным с предлогом *въ;* напр., в Псалт. 1296 г. прикасаꙗисѧ в горахь и вьскоурятсѧ (в испр. прикаса́йсѧ гора́мь), 103, 32.

Глагол *учить, учиться* обыкновенно сочиняется с дательным: „учить *чему*“; но в старинном и народном требует предлогов *к* и *в:* „втапоры поучился Волх *ко* премудростям, | *ко* другой-то мудрости учился он Волх, | *ко* третей-то мудрости учился“, Древн. русск. стих, 47. В олон. былин. „*в* грамоты (вм. грамоте) учился“, Рыбн., II, 111. В обл. языке *пахнуть на что* вм. *чем:* в олон. былин. „калачики пахнут *на* хвою сосновую“ — „оно *на* псину пахнет“, Рыбн., I, 281; II, 307.

§ 256. Глаголы имеют при себе различные дополнения по следующим причинам:

1) По изменению грамматических форм, а вместе с тем и внутреннего их смысла, в историческом развитии языка. Так, напр., глаголы нравственного и отвлеченного значения долгое время колебались между различными дополнениями, каковы: *молить, молиться* (кому, к кому), *веровать* (кому, к кому, в кого), *надеяться* (на что, чего, и с местным падежом), *уповать* (на кого, на что, чем), *каяться* (в чем, чего) и мн. др.

Примеч. 1. а) Молить, молиться; первый глагол требует и в древнейшем языке, как теперь, винительного: и молѣахѫ и; и молиша и в О. ев.; в испр. в обоих случаях: и҆ молѧхꙋ его̀, Лук., 8, 31, 32. Второй глагол употребляется или без дополнения: ты же югда молишисѧ вьниди вь клѣть твоѭ, О. ев., Матф., 6,6; или с дополнением, которое в древнейших памятниках было двоякое, именно дательный с предлогом или без предлога. В Супр. рук. преимущественно с предлогом: помоли сѧ оубо ꙁа мѧ кь богѫ, 163; а также: молитвовати кь богѫ ꙁа ны, 161; в Изб. Свят. 1073 г. кь бо҃у молимьсѧ, 114 л.; в Библии 1499 г. молистасѧ к бо҃у, равно как и в испр. помоли́сѧ ко гд҃ꙋ, Исх., 10,18. В О. ев. просто дательный, как и теперь: молѣаше же сѧ юмоу мѫжь (в греч. ἐδεῖτο δὲ αὐτοῦ ὁ ἀνήρ, Лук., 8,38); молихьсѧ оученикомь твоимь (в греч. καὶ ἐδοήθην τῶν μαθητῶν σοῦ, Лук., 9,40). В народном языке и *молить* сочиняется с дательным: „она *богу молит* об своем сыну“, Дух. стих., 2,211.

б) Верить, веровать. Первый глагол коренной, теперь сочиняется собственно с дательным: *верить кому;* производное от этого глагола существительное *вера,* откуда уже *веровать* — с предлогом *в: в кого, во что.* Но в древнейших цс. памятниках вѣровати сочиняется различно: или требует дательного без предлога, или с предлогом *к,* или винительного без предлога, или с предлогом *в,* или местного с предлогом *о.* Напр., в Супр. рук. вѣрова господоу, вѣровашѧ кь господоу, 14; вѣроуи богоу и христосоу, 122; мы оубо вѣроуюмь вь бога — и не вероуюмь кь чловѣкоу тьлѣньноу; не можевѣ оубо вѣровати вь чловѣка, 189. В Изб. Свят. вѣрова бо авраамь бо҃у: а не вѣрова кь вы, 4 л. об. ꙗко же и҆ фарисѣи родь и҆ лоучаи несьмысльнѣ вѣроуѭть, 114 л. об. В О. ев. преимущественно с предлогом *въ,* а иногда и с *о,* как и в нынешнем тексте: и вѣровахѫ вь Іи҃са (καὶ ἐπίστευον εἰς τὸν Ἰησουν), Ио., 12,11; вѣровати о вьсѣхъ (πιστέυειν ἐπὶ πᾶσιν), Лук., 24,25. В народном языке сочиняется также и с винительным, в выражении „веровать веру“, и с предлогом *на:* „веровать *на что*“, вм. „полагаться *на что*“, „обращать *на что* внимание“. В дух. стих. „ты *поверуй веру,* ты *ко* мне царю, | *ко* мне царю, *к* моим идолам“, 2,37. „Я не *верую веры твоей неверныей,* | ни *твоим богам ко идолам,* | ни *тебе, царищу бусурманищу!* | *Верую в веру крещеную, во крещеную богомольную*“, 2,41. В песн. „Илья *на* то да не *верует*“. У писателей иногда встречается *веровать* с дательным вм. *верить;* напр., у Пушк. „*во* всем ей *веровал*“, I,55.

в) Уповать (оупьвати, пьвати), надеяться. Первый глагол управляет или творительным, или, с предлогом *на,* винительным: в Супр. рук. влъшьбами своими пьваюши, 85; что сѧ надѣюши, или на кого оупваюши, 117. В О. ев. на него же вы оупьвасте (εἰς ὅν ὑμεῖς ἠλπίκατε), Ио., 5,45. В древнерусском, вм. *уповати,* более употребляется *надеятися* с местным: „*надѣя* бо *ся* силѣ своей“, „*надѣяся* бозѣ и силѣ животворящаго хреста“, Ипат. сп. лет., 16, 25. В древнем цер-

ковнославянском надѣꙗтися управляло иногда дательным с предлогом къ; напр., в Библии 1499 г. надѣꙗсѧ къ г҃ви, Иов., 27,9; иногда дательным без предлога; напр., в Жит. Бор. и Глеба, по Сильвестр. сп. XIV в. надѣюсѧ твоюму м҃лрдию; так же в Лавр. сп. лет. „надѣяся *богатству*“; вариант в местн. падеже: *богатствѣ,* 69. Дополнение с предлогом *на* зависит от сложения: „*на*-деяться (§ 154 и 252), и тогда этот глагол сближается с старинными глаголами: оупадатисѧ, укладати, т. е. полагать, возлагать *на* что (и *начаяться*). Напр., в Изб. Свят. 1073 г. не оупадаисѧ на доброту женьскоу, 170 об. (т. е. не полагайся); „на бога, *укладаетъ“,* Лавр. лет., 105. *Надеяться,* как синоним глаголу *ожидать*, согласуется с родительным: „надеясь *твоего прихода*“, Ломон., Ода 11; „что я дерзнул надеяться *победы*“, Жук., VI, 104.

г) Согрешити *к* кому и *в* кого, *во* что; напр., в Галицк. ев. 1143 г. аще съгрѣшїть къ мьнѣ братъ мої (в испр. согрѣшить въ мѧ, Матф., 18,21). О вещественном значении гл. *грешитися* см. § 147. Слич. § 253, примеч. 4

д) Каятися в древнерусском с родительным; напр., у Нестора в Жит. Феодос. XII в. каꙗтисѧ грѣхъ своихъ; в Лавр. сп. лет. „по что же зло створивъ и не каяшися *его?*“, 113.

е) Льстити, ласкати. В О. ев. льстити с винительным: нъ льстить народы (ἀλλὰ πλανᾷ τὸν ὄχλον), как и в испр., Ио., 7,12. В Супр. рук. с родительным: рьци оубо намъ, кто сѫ тако льсти народа, 118. В древнерусском *льстить* и *ласкать* сочиняются с предложными наречиями *подъ* и *около:* „се же рѣша грьци, льстяче *подъ Русью*“, Лавр. лет., 29; ласкаи около всѧкаго ч҃лвка, Злат. цепь XIV в. Ныне, или общеупотребительное сочетание *льстить кому, ласкать кого,* или *льстить* с винительным: „льщу себя (= льщусь) надеждою“; „название секретаря *льстило меня* новыми доходами“, Крыл., Почт. дух., 1,13; или *ласкать,* по сближению с *льстить* — с дательным: „(язычники) лаская *людям* приписывали их пороки божкам“, Всяк. всяч., 98; „который (т. е. поэт) *вам* никогда не ласкал“, Карамз., II, 770.

ж) Подражати употреблялся или с дательным, как и теперь; напр., в Изб. Свят. 1073 г. подражаи мравиѭ о лѣниве, 240; или с винительным: в Супр. рук. подражаѭ отьца своѥго, 6; в Стихир. 1157 года: подражаѭ же на дрѣвѣ распѧтааго, 38 об.; у Нестора в Жит. Феодос. по сп. XII в. подражаꙗ христоса; с тем же падежом и в О. ев., но вместо исправленного ругахѫсѧ, именно: подражаахѫ ї, Лук., 16,14.

з) Жаловати, пожаловати, в древнерусском, с родительным в смысле „жалеть“: „и кто не пожалуетъ *сего?*“, Новг. лет., 1,49; „и мы, господине, жалуючи *того Савки,* да жито ему отдали“, Юрид. акт., 1490.

2. Вследствие забвения народных обычаев, сопровождавших действия, глаголами выражаемые. Позднейший язык в этом случае прибегает к новому сочетанию слов и к описательным выражениям. Так, напр., вместо древнейших форм: *свататься с кем, пить на кого, взяться, ятися по дань, предать работе,* теперь употребляются: *свататься к кому* или *на ком, пить в честь кого, идти в подданство, платить дань, взять в рабство, в плен* и т. п.

Примеч. 2. В Лавр. сп. лет. „рече Котопанъ: „княже! Хочю *на тя пити*", оному же рекшю: „пій", онъ же испивъ половину, и половину дасть князю пити", 71; „вси гради ваши предашася мнѣ, и *ялися по дань* — а вы хочете изъмерети гладомъ, не *имучея по дань*", 25; „и прочая люди оныхъ изби, а другія *работѣ придасть мужемъ* своимъ", 25. — Особенно любопытны в историческом отношении дополнения к глаголам: *жениться, сватать, свататься.* В древнейших цс. рукописях женитисѧ сочиняется с творительным: в О. ев. женѧисѧ потьбѣгоѭ; в испр. также с творительным: пущеницею (ὁ ἀπολελυμένην γαμήσας), Матф., 19,9. В Супр. рук. родителѣ юмоу съвѣштаста сѧ женити ї (т. е. его) дѣвицеѭ именемь Анна, 18. Так же и в древнерусском: „тое же зимы *ожени* Гюрги сына своего Глѣба, въ Руси, *Изяславною* Давыдовича", Продолж. Лавр. лет., 148. Но обыкновеннее глагол възѧти, *пояти кого* (т. е. взять) с местным падежом *женѣ* (вм. *въ жены*). Напр., в Библии 1499 г. вѣно̂м да ю себѣ възмет женѣ (в испр. поймоть ю собѣ въ женꙋ, Исх., 22,16); в Лавр. лет. „хощю тя *пояти* собѣ *женѣ*", 26; в Ипат. лет. „*поими* дщерь его сыну его *женѣ*", 185. Вместо дательного лица, как в этих примерах *собѣ, сыну* (т. е. взять *кому, для кого*), употребляется также с предлогом *за*, как и теперь: „и *пояша зань* (т. е. за него) Петровну Михалковича", Продолж. Лавр. лет., 148. Глаголы *сватанися, сватитися,* в смысле „совещаться", „сноситься", как и другие взаимные, с предлогом *с:* „Изяславъ *сватится* со Всеславомъ, мысля на него", Лавр. лет., 78. *Совещатися,* в смысле согласия или помолвки между женихом и невестою, употребляется у Нестора при описании языческих обрядов славянского брака: „схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, *съ* нею же кто *съвѣщашеся*", Лавр. лет., 6. В Древн. русск. стих. *свататься* употребляется следующим образом: „я хощю *у тебя свататься* | *за* молода Гордена Блудовича | *дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну*", 149; „*сваталась* я *на* ея любимой на дочери Авдотье Чесовичне | *за* тебя сына Гордена Блудовича", 150; „никто уже *на* Настасье не *сватается*, | *посватался* Владимир князь стольной киевской | а *за* молода Алешиньку Поповича", 199. В послов. XVIII в. „*сватались к девушке* тридцать с однем, а быть за однем" вм. *одним* (т. е. искали ее руки многие). У Кант. „*сватается* кто *на ком*", Сат. 3. — *Сватать* же употребляется с дополнениями: *кого за кого:* „ты *сватаешь за дочь-ту* мою *дворянина?*", Абл., 45.

3) Вследствие расширения круга понятий. Потому один и тот же глагол, переходя от одного значения к другому, получает управление тех синонимов, с которыми приводится в связь.

Для практического употребления исчисляются здесь некоторые из глаголов, наиболее затрудняющих на практике.

Внимать, с дательным лица и с винительным вещи: „с жадностью внимает *вдохновенному поэту*", Бат., I, 41. „Она лишь *гетману* внимала", Пушк., II, 268. „Отвсюду *треск* и *громы* внемлю", Дмитр., I, 13. „Ты всюду *гром* трубы французской внемлешь"; „их *стоны* внемлет и грустит", Жук., III, 162, 274. „Внемлите *мой печальный глас*", „внимая *звонкий голос* их", Пушк., I, 10,88.

Впрочем, с винительным и лица: „ты сам, оставя плуг, | придешь *меня* внимать“, Бат., II, 128.

Воевать, в разговорном языке, *с кем,* в книжном также и *кого, что* (напр., у Карамз. в ИГР) и *на кого: „воевал на* уличан и *на* тиверцев“, Ломон., III, 150.

Встретиться, в смысле взаимного глагола *с кем,* для означения лица, и в смысле „попадаться“, „случаться“, с дательным, и лица, и вещи: „встретилось *мне* препятствие“, „горе тому несчастному страннику, который встретится *сим падающим снежным кучам“,* Карамз., II, 270.

Говорить что́ и *о чем,* а также *языком:* „говорят ему русским языком“; и *на языке:* „говорить на французском языке“. Теперь более принято это последнее дополнение. Но у писателей часто встречается и первое; напр., у Ломон. „говорят *языками* не мало сходными между собою“, III, 112; „спрашивал их *языком* о своей лошади“, III, 175. У Карамз. „воображая, что мы не умеем говорить *иностранными языками“,* II, 15; „все хорошо воспитанные англичане знают французский язык, но не хотят говорить *им“,* II, 684.

Дивить, подивить, в смысле „смотреть с удивлением“, „принимать за диво“, „обращать особенное внимание“, с предлогом *на:* „ты, мой батюшка, не *диви на братца“,* Ф. Виз., 134. „А в семью не включат, *на* нас не подиви“, Гриб. *Дивиться, удивляться,* по-старинному *о ком, о чем,* ныне — *кому, чему:* ꙗко дивити се вьсѣмь ѡ семь, Сербск. пам. XIII в.; „удивлялся я ныне памятникам гордых римлян“, Карамз., II, 414.

Ждать, ожидать с винительным и родительным: *ждать что́* и *чего.* Последнее управление ныне употребительнее, но и первое встречается, не только в старинном и народном языке, но и у писателей: „жни баба пшеницу, жди *пироги“,* Послов. XVII в.; „от карт, как от крестьян, он ждал себе *оброк“;* Расск., 55; „*что́* должно ожидать от подлинника“, Крыл., Почт. дух., 1, 33; „*участь* Казани ожидает и Нижний“, Пушк., V, 127.

Заслужить, в смысле „выслужить“, „добывать выслугою“, „заглаживать“, с винительным: „не буду иметь ни малейшего случая заслужить сколько-нибудь *те деньги“,* Ф. Виз., 618; „заслуживать там *свои вины“,* Пушк., V, 4; в смысле „стоить“, „быть достойну“, обыкновенно с родительным; напр., „видели все, что́ заслуживает *внимания“,* Ф. Виз., 460. Но встречается в этом последнем смысле и с винительным; напр., у Бат. „Исторические отрывки Г. Муравьева заслуживают *особенное внимание“,* I, 117. У Пушк. „высказал ему все, *что́* заслуживает его гнусное поведение“, XI, 296.

Злословить обыкновенно *кого, что́,* но иногда и *о ком, о чем* (как синоним глаголу *говорить о ком зло*): „и злословила ль *об ком* его смиренна мать?“, Дмитр., I, 98.

Играть — чем, во что, что́ и *над чем: играть игрушкою, в карты, играть большую игру;* „и мыслит, что мечта во сне *над ней играет“,* Дмитр., II, 125. В старину вм. *играть в игру, в карты* и т. п. говорилось: *играть игрою, картами:* „они думали, *какой*

игрой играть", Песн. Чулк., 1, 167. В Шуйск. акт. *„зернью и карты играетъ"*.

Касаться имеет при себе четыре рода дополнений: а) дательный без предлога и 2) с предлогом *к*; 3) родительный без предлога и 4) с предлогом *до*. Два первые рода управления принимает глагол преимущественно в собственном смысле (=притронуться); а два последние частию в собственном, частию же в переносном (=относиться *до* кого, *до* чего); напр., „не было ни единого дела, относящегося *до* целости и безопасности империи, которое миновало бы его производства или совета", Ф. Виз., 592. — Управление непосредственное, т. е. падежами дательным и родительным, объясняется опущением предлогов *к* и *до*. Примеры: а) С предлогом *к:* „позволь, священна тень! безвестному певцу | коснуться *к* твоему бессмертному венцу", Бат., II, 108. „Молчит — лишь гордою стопою, | касается *ко* праху он"; „на все, *к* чему она коснется, сходит | непостижимое благословенье", Жук., II, 80; III, 85. б) С дательным: „касается *морскому дну"*, Ломон. Ода 2. „Коснешься ли *горам* — дымятся", Держ., I, 17. „Коснуся я *струнам"*, Бат., II, 99. „Нет, никогда ничтожный прах забвенья | *твоим струнам* коснуться не дерзнет", Жук., IV, 137. „Но ты коснуться *льву,* конечно, не дерзнул", Крыл., 246. в) С предлогом *до:* „дело, конечно, важно, когда касается оно *до* воспитания", Ф. Виз., 195. „Разговор наш касается *до* философов", Карамз., II, 149. „Что ж касается *до* дружбы сего министра", Крыл., Почт. дух., 1, 38. „Коснулись *до* зениц копьем своим", Бат., II, 101. „И *до* меча сама не прикасайся", Жук., III, 151. „Коснуться *до* всего слегка", Пушк., I, 4. г) С родительным: „коснусь *волшебныя струны"*, Бат., II, 151. „И скоро *слуха* Кочубея | коснулась роковая весть", Пушк., II, 267.

Клеветать на кого и *кого, что́*. В последнем случае сближается с глаголами *злословить; порицать*. „Клеветал *общество:* следовательно клеветал *человека"*, Бат., I, 26.

Наблюдать — что́, за чем и *над чем*. Первое управление есть собственное *(блюсти что́, хранить что́,* потом *смотреть что́)*. Два последние переносные (§ 154). Впрочем, писатели употребляют и винительный, вместо *над чем:* „ибо вы, м. г., наблюдаете постоянно *ход* наших успехов, как астроном наблюдает *течение* любимой планеты", Бат., I, 209. „Меж горцев пленник наблюдал | их *веру, нравы, воспитанье"*, Пушк., II, 129. Вместо *над чем,* иногда встречается и *за чем:* „вот что сделал Ларошфуко, говоря о человеке и наблюдая *за ним* в прихожей Тюльерийского замка", Бат., I, 28.

Насладиться — чем, в разговорном языке, — и *чего* в книжном: „души де их подлинно будут наслаждаться, *вечных благ"*, Кант., Сат. 13. „Вы скоро, скоро насладитесь | богини щедрыя *очей"*, Ломон., Ода 11. „Приди и насладися *благ"*, Держ., I, 226.

Отказать — собственно *кому что́* (напр. имение по завещанию) и переносно *кому в чем* (напр., „природа отказала ему в красоте"). Но у писателей встречается первое управление и при последнем

значении: „четвертый, отказывая себе *все,* кроме самого необходимого...“, Карамз., II, 781.

Плакаться (= жаловаться) — *кому* и *на что, на кого: „кому* же нам плакаться, как не тебе?“, Живоп., 1, 158. У Крыл. „и только плачется (муха) *на* то, | что ей ни в чем, никто, | никак помочь не хочет“, 111; „добро, не плачься *на* меня“, 140. В старинном языке этот глагол употреблялся вм. *плакать* и согласовался с предлогом *по:* „по трехъ днехъ умре Ольга, и плакася *по* ней сынъ ея, и внуци ея“, Лавр. лет., 28. „Плачется мати Ростиславля *по* уноши“ (т. е. по юноше), Сл. о полку Игор.

Покровительствовать, в смысле „помогать“, „благоприятствовать“, с дательным отношения к лицу, а в смысле „охранять“, „держать под защитою“ и т. п., с винительным предмета, подлежащего действию; напр., „покровительствовать художникам и художества“. Впрочем, винительный принимают и названия лиц, напр. у Ф. Виз. „тогдашний наш инспектор покровительствовал *одного немца“,* 490; „покровительствовал *молодых писателей“,* 500.

Помнить, воспоминать, напоминать кого, что́ (т. е. приводить на память) и *о ком, о чем* (т. е. думать, вздумать). С винительным у писателей: „(впечатления) погружают читателя в сладкую задумчивость, напоминая ему его *собственную жизнь* и *ясную зорю* молодости“, Бат., I, 65. „Быть может, он воспоминает | *реку* своих родимых мест“, Бат., II, 246. „Он вспомнил *некоторые черты* Ибрагимова младенчества“, Пушк., X, 20.

Править, управлять (в смысле „властвовать“) — *чем;* а в древности с винительным: в послеслов. в О. ев. самъ же изаславъ кънѧзь правлꙗаше столъ о҃ца своего ꙗрослава кыевѣ (см. Хр.). Это управление удерживается в народной словесности до позднейшего времени; напр., „управлять *дом мой* и *деревни“,* Инстр. двор. Немчин., 1724—5.

Презирать, пренебрегать — кого, что́ и *кем, чем* (т. е. гнушаться): „чужой ты земли, государь, ищешь, *свою* пренебрегая“, Ломон., III, 176. „Не презирайте днесь *певцами“,* Дмитр., I, 27. „Когда бы ты не презрел *мною“,* Крыл., 117.

Принадлежать, в собственном смысле с дательным лица: „книга принадлежит *мне“;* в переносном, для показания отношения, с предлогами *к* и *до.* Теперь употребительнее первый предлог; напр., „оттуда пошел я в римские бани, принадлежащие ныне *к* женскому монастырю“, Карамз., II, 414. „Все принадлежит *к* вечному и пространному чертежу и входит в состав целого в нравственном мире“, Бат., I, 34. Дополнение с предлогом *до* встречается более в старинной литературе; напр., у Ф. Виз. „это письмо *до* тебя принадлежит“, 158. „Прошу тех, *до* кого принадлежит, остерегаться...“, Всяк. всяч., 259.

Проникнуть — во что и *что́:* то и другое употребляется как в вещественном, так и в умственном значении; напр., в последнем значении у Жук. „душа была полна евангельской святыней, | которая проникнула *в* нее“, VI, 326; „невинность чистая, с какою ребенок за него молился, *всю* | его проникла *душу“,* VI, 325.

Руководствовать: 1) *кого, что́:* „*вас* не руководствует Минерва“, Анекд. древн. пошех., 42; — 2) *кем, чем:* „руководствуйте *сердцем моим*“, „скажите, что руководствует их *мыслями* и *делами*“, Ф. Виз., 148; 213; — 3) *кому,* для показания отношения к лицу: „он остается, и *ему* | уж никакое на пути | не руководствует сиянье“, Жук., VI, 197.

Следить в собственном значении *кого, что́* и *за кем, за чем; следовать, последовать* в том же значении, *за кем, за чем;* в переносном с дательным: „следовать *наставлениям* старших“. Впрочем, и в собственном значении в старину сочинялся с дательным: „что ж се? *Диане* я прекрасной | уже последую в лесах“, Ломон., Ода 10.

Смеяться, посмеяться (засмеяться) обыкновенно употребляются с предлогом *над.* Сверх того, встречаются с предлогом *о:* „и посмеяться кой *о чем*“, Пушк., I, 55; и особенно с дательным, преимущественно в переносном значении, как в старинной, так и в новейшей литературе: „смеются *лютости* Борея“, Ломон., Ода 9. „Мой соученик весьма боялся, чтобы я не стал смеяться *стихам* его“, Ф. Виз., 494. „Мы засмеялись *словам* г. Р-на“, Бат., I, 191. „*Стенаньям* смеется губитель“, Жук., IV, 208. „Не смейся *горестям моим*“, Пушк., II, 141. *Насмехаться* также или с предлогом *над,* или с дательным отношения к лицу: „*тебе князю* насмехается“, Древн. русск. стих., 189; сверх того, с творительным: „тебе ль со мной считаться | и *мною* насмехаться“, Хемн., I, 51. *Улыбаться кому, чему* и *на кого, на что:* „ты улыбнулся, странник, | *на* мой вопрос“, Жук., IV, 56.

Состоять — из чего (т. е. быть составлену) или *в чем* (т. е. заключаться); напр., 1) *Из:* „весь сад состоит *из* нескольких кипарисных алей“, Ф. Виз., 423. „Ужин наш состоял *из* жареной говядины, земляных яблоков, пудинга и сыру“, Карамз., II, 663. „Огромное здание состоит *из* двух замков“, Карамз., II, 721. 2) *В:* у Карамз. во II томе: „праздничное платье цирихских сенаторов состоит *в* черном суконном кафтане“, 231; „развалины, состоящие *в* остатке колоннад“, 297; „кто думает, что счастье состоит *в* богатстве и *в* избытке вещей...“, 780. „Памятники состоят обыкновенно *в* столбах“, Пушк., VIII, 197.

Сравнить, сравнивать — что́ с чем, или с одним винительным; напр., „сравнивая *то* и *другое*“, Ф. Виз., 288 (вм. *одно с другим*). У старинных писателей *что́ чему* (вм. *с чем*): „когда *число* своих побед | *сравнить сраженьям* может воин“, Ломон., Ода 8.

Удовлетво́рить (= делать удовольствие) *кому, чему, в чем* (= делать довольным) — *кого, что́, чем.*

Удостоить (= сделать кого достойным) с родительным, как и глагол *стоить* и прилагательное *достойный:* „удостоить внимания“; — и *чем* (как синоним глаголу *жаловать кого чем*); напр., у Ф. Виз. „разговоры, *коими* он и супруга его меня удостоили...“, 272; „где однако ж ни *сло́вом* гостя не удостаивают“, 301. „Когда удостоивали меня *своею беседою...*“, Крыл., Почт. дух., 1, 8. Но возвратная

форма *удостоюсь* — с родительным: „я почту за истинное счастие, если удостоюся *вашего доброго мнения*", Ф. Виз., 158.

Упрекать (= порицать) *кого, что, в чем* (= делать упрек), *кому, чему, в чем:* „но *счастливому языку* Италии, *богатейшему наследнику* древнего латинского, упрекают в излишней изнеженности", Бат., I, 237.

§ 257. Вместо одного глагола иногда употребляется глагол с именем, служащим ему дополнением; напр., *думать думу* вм. *думать; держать речь* вм. *говорить*. В таких выражениях, разлагающих название действия на глагол и имя, оказывается возможность определять самый предмет: „думать *глубокую думу*" (но *глубоко думать* — не говорится), „держать *умную речь*"(вм. *умно говорить*), „вести разговор *самый жаркий*" и т. п.

В отличие от прочих глагольных форм, эти выражения называются описательными. Некоторые из них выражают ту же самую мысль, как и простые глаголы, впрочем, придавая ей новый оттенок, потому что в языке каждая форма имеет собственный свой смысл; напр., *держать речь* — *говорить;* иные же служат в пополнение недостающим формам глагола; напр., *вести знакомство, вести дружбу* (вместо самостоятельных глаголов, которые следовало бы произвести от существительных *знакомство, дружба*).

Примеч. 1. Вместо нынешней описательной формы *бросать жребий*, в старину говорилось *жеребьевать;* вместо *сделать зверем, стать зверем*, в областном языке: арх. *озверить, озвериться* (в смысле „разъярить", „распалиться гневом"); вместо *привести в слезы* — в областном же арх. *ослезить*.

В состав бóльшей части описательных форм входят такие глаголы, которые имеют самое общее значение. Частное применение их к известному действию выражается уже именем. Употребительнейшие из этих глаголов суть: *брать, вести, взять, дать, держать, имать* или *ять, принять, класть, нести, попасть, творить, ходить, прийти, чинить* и нек. др.

Примеч. 2. Примеры: *брать:* в песне: „люди прядуть, лишь початки гудуть, | а *тебя* на них лишь *завидки беруть*" (тульск.). Здесь *тебя* зависит от этой описательной формы. „*Забрав* у собак и охотников *перед*", Пс. ох., 49.

Вести: „и *съведе* и владыка *въ любъвь*", Новг. лет., 1, 38. „*Введи* мя къ отцю твоему *въ любовь*", Ипат. лет., 52. В Древн. русск. стих. „пир на веселе, *повел столы* на радостях", 38; „*приведите*, казаки, меня *в веру крещеную*", 108; „не *наведи на гнев* князя Владимира", 234; „*танцы водить*", 386. Слич. у Кант. „сгорбясь *танцы водит*", Сат. 5. Послов. XVII в. „тесть *ведетъ честь*, а зять любитъ взять". В песн. „он *крест*-от *кладет* по-писанному, а *поклон*-от *ведет* по ученому"; „стали *пир вести*, потешатися"; в арх. *водить в уме* — думать, рассчитывать. Из новейших писателей: у Пушк. „и тихо он *беседу* с нами *вел*", I, 277. У Крыл. „тогда-то будет нам о чем *повесть словечко!*", 30. — *Ввести в убыток; приводить на память*.

Взять: „хрестъ человаста и *миръ взяста*", Новг. лет., 1, 31. „*Взяша миръ* межи собою", Лавр. лет., 209. Впрочем, с этим глаголом особенно употребительны описательные формы, в которых существительное бывает подлежащим: *сердце взяло, горе взяло, досада взяла, робость взяла, тоска взяла* (вм. *рассердился, опечалился, оробел* и т. д.). В Детск. песн. „*угомон* тебя *возьми*", Бессон., 61.

Дать, давать: „*ускоки давать* конинные", Древн. русск. стих., 56. „Не видел, куда *поездку дал*", Песн. „В нем (в воздухе) смелые *круги даешь*", Держ., I, 223. „Что делать? *Дал* я *промах* важной", Пушк., II, 310. — *Дать чему веру. — Подавать повод. Дать тылка, дать тягу* и т. п.

Держать: „на насъ лиха *сердца* не *держи*", Лавр. лет., 160; „*рать дрьжяти*", Новг., лет., 1, 2; „*любовь держаше* съ нимъ велику", Ипат. лет., 226. „Прiѣзжiе люди всякихъ чиновъ, кои *держатъ вѣру* къ пресвятѣй богородицѣ", Шуйск. акт., 1677. В Древн. русск. стих. „у себя *на уме держит*", 39; „и жену-то *во любви держал*", 15; „в том шатру *опочив держит* красна девица", 94. В олон. былин. „*поворот держал*" — поворотился, обратился, Рыбн., I, 270, 293. — *Держать ответ, путь, совет* и т. д.

Деяти, делать. В цс. дѣꙗти молитвѫ вм. молитисѧ (в О. ев. и в испр., Марк., 1, 35). — В древнерусском: „оже ся есмь труждалъ *пути дѣя* и *ловы*", Лавр. лет., 103. — *Делать* употребляется более в языке книжном; напр. „*делать выговор*" (вм. *дать выговор*); *делать впечатление;* напр., у Бат. „*сделали* в душе моей *впечатление* глубокое и сладостное", I, 333; у Пушк. „*сделали* в Петербурге глубокое *впечатление*", V, 128. Такие выражения относятся к заимствованным из иностранного; равно как и с возвратною формою *сделаться;* напр., у Жук. „но *сделался* ветер противный", V, 190; „собрание *сделалось полным*", в перев. Одис., 8, 24.

Иметь, имети, имати, ꙗти, *принимати.* В цс. вѣрѫ ꙗти, вѣрѫ имѣть, имѣмь, имѣте, имѫть (в О. ев.); отсюда у нас безлично: *веры неймется (мне, тебе* и т. д.). — єдиньнадесѧте племенъ на єдино племѧ рать имѣша, Изб. Свят. 1073 г. „*Имѣя* велику *любовь* къ дѣтемъ", „князи же пиньсцѣи *имѣяху лесть*", Ипат. лет., 159, 188. В Древн. русск. стих. „а *примешь* ты, молодец, | много *холоду, голоду*", 377. В песн. „девка скору *смерть приняла*". Описательные формы с *иметь,* так же как и с *делать,* в новейшем языке принадлежат к иностранным; напр., „и рассказ его *имеет живость* необыкновенную", Бат., I, 235. „(Мы) *имели* прелестный *вид* на окрестность", Жук., VII, 154.

Класть, положить. Положити трѣбоу, Сербск. библ. XVI в.; в испр. пожрѣти, Исх., 8, 29. „Не *положу* того *въ гнѣвъ*", „и *положи* на нихъ *жалобу* велику", Новг. лет., 1, 42, 43. „Втапоры Владимир князь *ни во что положил*", „много *трудов* за их *положил*", Древн. русск. стих., 164, 176. „Притворщик в судьбу свою все *пени клал*", Расск., 1, 21. „Он и *крест кладет* да по-писанному", Песн. (см. под гл. *вести*).

Нести, приносить. „*Приносили жалобу* они великую", Древн. русск. стих., 74. „Другой *службы* не *нес*", Пушк., XI, 292. *Приносить в жертву.*

Попасть, попасться. „Не *попаду в лад*", Живоп., 1, 87. „Хоть иногда и сам *впросак* | он *попадался* как простак", Пушк., I, 146.

Править: „иногда *посольство правити*", Ипат. лет., 218. „Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ волкомъ, Кончакъ ему *слѣдъ правитъ* къ Дону великому", Сл. о полку Игор.

Творить: „*жалобу творит* красна девица“, Песн. Прач., 45.

Ходить: идти, пойти, пошел, пришел и т. д. В цс. ходи въ слѣдъ мене в О. ев. и в испр., Лук., 9, 59 (ἀκολούθει μοι). „А грамота ему *в наук пошла*“, Древн. русск. стих., 73. „Солнышко *на закат пошло,* | красное закатилося“, Дух. стих., 24, 1. „Ко белу-то свету *в обрáт пришел*“ (= воротился), Песн. В областном языке: арх. *в мены придти* — достаться меною, арх. *идти на отжив* — выздоравливать. У писателей: „но *в усталь приходил,* искавши корму бегом“, „а как из шуток речь *пошла* у них *в завязку*“, Расск., 25, 90. „И Альнаскар *пошел на стать*“, Дмитр., II, 118. „И дом во всем *пришел* ему *по нраву*“, „*пошел* топор *в худых*“, Крыл., 131, 170. „Ох род людской! *пришло в забвенье,* | что всякий должен...“, Гриб. „И сахарные яства *на ум нейдут*“, Пушк., V, 67. — *Прийти в ужас, в отчаяние* и т. п.

Чинить (т. е. делать). В Древн. русск. стих. „*обед чинила*“, 29; „*вражду чинить*“, 48; „скоря того богатыри *поездку чинят*“, 89.

Сверх того, в позднейшем книжном языке употребляются: *оказать вежливость, снисхождение, изъявить благодарность, произвесть удовольствие* (напр., у Пушк., X, 38).

Примеч. 3. Дополнения во всех этих описательных формах часто переходят в наречия (§ 263).

Глагол сам по себе выражает действие нагляднее, нежели описательные формы, состоящие из имени и отвлеченного глагола. Потому эти формы состоят в связи, с одной стороны, с описательными формами спряжения, напр. *буду делать, имею сказать;* и с другой — с переходом глаголов в имена (§§ 260 и 261).

Б. Имя существительное

§ 258. Относительно управления должно отличать имена существительные отглагольные от всех прочих. В первом случае управление называется глагольным, во втором именным.

I. Именное управление бывает тогда, когда нужно показать отношение между двумя существительными. Оно выражается родительным падежом; напр., *дом моего отца; человек пожилых лет.* Этому же управлению следуют и другие части речи, происшедшие от существительных или принявшие их форму, как-то: наречия (напр., *около кого, чего, против чего, возле чего*), местоимения (напр., *несколько лет*), числительные (напр., *двое детей, четверо помещиков, пять книг, пятьдесят,* § 70) и прилагательные (*много дела, мало ума*).

Примеч. 1. В древнем языке: юдиноѭ лѣта, Супр. рук., 166 (при наречии юдиноѭ, вм. *однажды летом*). У Нестора в Жит. Феодос. XII в. съ малъмь отрокъ; въвѣсти нѣколикоу братий: род. пад. мн. ч. отрокъ и братий зависит от твор. пад. ед. ч. малъмь (от мало) и от дат. пад. ед. ч. нѣколикоу (от нѣколико — несколько). В Новг. лет. „иде съ Лукъ съ *мáломъ дружины*“, „пошьлъ по нихъ съ Молбовиця *съ нѣколикомъ дружины*“, 1, 25. „Самъ изъ града изыде *съ маломъ дружины*“, Ипат. лет., 176. „На *завтрее суда*“, Юрид. акт., 1547.

II. Глагольное управление существительных бывает посредственное, напр. *любовь к родителям* (любить родителей), и непосредственное, напр. *чтение книг* (читать книги).

Самое простейшее глагольное управление имеют существительные тогда, когда, происходя от предложных глаголов, удерживают их предложное управление; напр., „*в*ход *в* пещеру“ (*в*-ходить *в* пещеру); „*на*дежда *на* детей“; „*от*ступник *от* философии“, Бат., I, 9 (*от*-ступиться *от* чего).

Примеч. 2. И при имени может отметаться предлог, как при сложном глаголе: „по моемъ *от*шествіи *свѣта сего*“, Лавр. лет., 80 (*от*-ходить *свѣта* вм. *отъ свѣта*, § 254).

Примеч. 3. В древнейшем языке отглагольные имена иногда следуют управлению глагола, иногда же отклоняются от него; напр., в Супр. рук. власть — доушеѭ и тѣломь (владеть душою и телом — власть над душою и телом); надежда кь богоу (надеяться на бога), 120, 121.

Глаголы действительные, переходя в существительные, вм. винительного требуют или родительного: *построить дом, читать книги — постройка дома, чтение книг;* или дательного с предлогом *к: любить отца и мать, уважать науки, почитать старших — любовь к отцу и матери, уважение к наукам, почтение к старшим.* Этому последнему управлению следуют также некоторые имена, произведенные от глаголов прочих залогов; напр., *дружить кому — дружба к кому.* Это дополнение принимают иногда и произведенные от глаголов предложных: *отвращаться от зла — отвращение от зла,* а также: *отвращение ко злу, питать к кому отвращение.*

При одном и том же отглагольном имени родительным означается лицо действующее, а дательным с предл. *к* — предмет, подлежащий действию; напр., *любовь отца к детям.*

Дополнение, означенное предлогом *к,* показывает отношение к лицу (и к предмету олицетворяемому); означенное же родительным показывает только связь между двумя существительными. Когда родительный заменяется дательным, тогда этой связи дается живейшее отношение предмета к лицу: *светило миру, конец делу* (§ 244).

Примеч. 4. „В четвьркъ побѣгоша къ Ярославу *преступници кресту*“, Новг. лет., 1, 34. „Взять *тому* письменное *свидетельство*“, Пушк., V, 71.

Существительные управляют различными падежами; напр., „произвести *впечатление в ком*“; *охота до чего, вкус к чему* и *до чего, способ к чему, союз с кем, сходство, сравнение, сближение чего с чем* и *между чем, надежда на что* и *о чем* и проч.

Примеч. 5. Имена, управляющие предлогом *о, об,* могут происходить от глаголов, имеющих другое управление: *надеяться чего* и *надежда о чем:* „прекрасный климат и искусство здешних медиков подают мне превеликую *надежду об* ее выздоровлении“, Ф. Виз., 269. *Уверять в чем* и *уверение*

о чем: „повторить всегдашние мои *уверения о* глубочайшем почтении", Ф. Виз., 321. *Страшиться за кого* и *страх о ком:* „все отечество — *об нем* (о Леониде) *в страхе* и надежде", Бат., 31.

Иногда, вместо глагольного управления, писатели употребляют именное; напр., *любовь славы* (вм. *к славе*), *воспоминание прошлых дней* (вм. *о прошлых днях*), *вход пещеры* (вм. *в пещеру*) и т. п. Это нововведение чуждо народной речи.

Примеч. 6. У писателей: „истребишь в них всяку *любовь славы*", Кант., Сат. 7. „Мы сказали, что правитель Швеции искал *союза России*", Карамз., ИГР, XI, 40. „Эстетика есть *наука вкуса*", Карамз., II, 122. „Все, кроме *надежды будущего*". Бат., I, 12. „Конечно, Ломоносов, в откровенной *беседе ближних и друзей*, любил рассказывать. . .", Бат., I, 73. У Жук. „когда к нему дойдет *молва его неволи*", III, 155; „дать *обет подданства*", III, 173; *„вход пещеры* обсажен цветами", IV, 43; „видишь серебряную струю, перерезывающую надвое темный *вход пещеры*", VII, 194. „Ни дикой *вольности любовь*", Пушк., II, 151. — *Воспоминание чего:* „для *воспоминанья* их *деяний*", Держ., I, 306. *„Воспоминание минут,* с вами проведенных", Карамз., II, 511. „Оставляет в памяти продолжительное *воспоминание своей беседы*", Бат., I, 120. „В нем теснились | *воспоминанья прошлых дней*", Пушк., II, 137. — *Повесть, повествование чего:* „начну тебе длинную *повесть нашего странствования*" — „простым *повествованием всех подробностей*", Ф. Виз., 327, 592. — Сюда же относится новейшее сочетание слов: *чувство изящного, истины, целого;* напр., у Карамз. „имеет природное нежное *чувство изящного*", II, 81; „не имеют *чувства истины*", II, 113; „занимаясь частями, теряем чувство *целого*", II, 672.

Примеч. 7. Иногда, впрочем редко, употребляется у нас винительный при отглагольном существительном; напр., в О. ев. на погребеніе мѧ, Матф., 26,12; в Галицк. ев. так же: на погребенье мѧ, 58 об., равно как в испр. тексте (πρὸς τὸ ἐνταφιάσαι με). Этим управлением в польском языке пользуются имена, произведенные от некоторых возвратных форм глагола; такие имена полагают возвратное местоимение в вин. падеже: *видзѣне-сę, споткане-сę* — свидание, встреча. В украинском, по влиянию польского: *купленеся* (вм. *купленіе ся*) — совокупление, соединение. — Сюда же принадлежит цс. и русск. *себя*-любие.

В. Прилагательное

§ 259. Между прилагательными только качественные и отглагольные могут иметь при себе дополнение. Оно бывает двоякого рода, по различию первообразных и собственных прилагательных от произведенных от глагола. Последние, как и причастия, по большей части заимствуют дополнение от глагола; напр., *склоняться к чему — склонный к чему; уподобить что чему — подобный кому, чему.* Собственные прилагательные пользуются различными дополнениями, объясняемыми отношением качества к предмету; напр., *добр до кого, к кому; хитер на выдумки* и т. п.

Управление прилагательных бывает непосредственное и посредственное.

I. В непосредственном управлении прилагательные сочиняются с падежами:

1) С родительным: *достоин* (стоит чего), *полон, жаден* (жаждать чего). С опущением предлога: *свободен чего* вм. *от чего.*

Примеч. 1. В послов. „кто сеет после Фита, *прост* бывает *жита*", Даль, Слов. „*Жадни веселія*", Сл. о полку Игор. „Ты обнажил *убийства жадный* меч?", Жук., III, 161. „*Земных свободен уз*", Бат., II, 143.

2) С дательным: *подобный, приятный, удобный, милостивый* и многие другие, преимущественно для означения отношения к лицу; напр., „*виновник богу и государю*", Ф. Виз., 108; у Пушк. „не он ли *наущеньям* хана | и цареградского салтана | был *глух*", II, 280; „сохраняя на *чуждой им* родине веру", V, 15.

Вместо дательного употребляются иногда предлоги *к* и *для;* напр., *милостив к кому* и в старину *кому:* „*милостивъ убогымъ*", Лавр. лет., 85; у позднейших писателей: *угоден для кого, для чего; непонятен для кого* (вм. *кому*).

Примеч. 2. „*Угоден* храбрый *для небес*", Жук., III, 273. „О жизни бедной и трудной, о нуждах *непонятных для чад* образованности", Пушк., VIII, 264.

В старинном языке *хитр чему* вм. *на что:* „*хитръ книгамъ и ученью*", Лавр. лет., 89. *Любим чему* вм. *любитель чего:* „Ярославъ — *любимъ* бѣ *книгамъ*" (вар. „*любивъ* бѣ *книги*"), Лавр. лет., 66. — В народном языке *доволен* с дательным: в дух. стих. „с семи лет он *грамоте доволен,* | *божественному рукописанью,* | *евангельскому,* свет, *толкованью*", 7,41.

3) С винительным, в сложном: *себя-любив;* в ср. р. прилагательных, произведенных от причастий страдательных и употребляемых в виде глагола безличного; именно *видно* и *слышно;* напр., *видно деревню, слышно музыку.*

Примеч. 3. В народн. языке вин. пад. ставится при причастии страд. залога; напр., в послов. „за мое ж жито, да *меня* же *бито*", Даль, Послов., 122. (Слич. § 201, примеч. 7.)

4) С творительным: *богат чем, высок ростом* и т. д. (§ 246), *страстен чем* (напр., „как видно, молодец *механикой* был *страстен*", Крыл., 132).

Полный, а также *наполненный, исполненный,* сверх родительного, управляют и творительным. Тот и другой падеж употребляются и в вещественном, и в умственном значении. С творительным принимаются эти прилагательные за причастия страдательного залога, которые, по общему правилу, управляют этим падежом; с родительным же разумеются, как настоящие прилагательные.

Примеч. 4. В цс. плънъ, плънь, управляет родительным: съсждь же стояше плънь оцьта, О. ев., Ио., 19,29. В русском: 1) С род.: у Жук. „*исполнен* смутного *огня*", II, 248; „*полный* студеной *воды* золотой рукомойник", Перев. Одис., 10,369. У Пушк. „так *благочестия полны*", I, 23; „*воспоминаний* тайных *полный*", II, 181; „конюшни *полны* были дорожных *лошадей*", X, 162. В Др. русск. стих. „наливал чан *полон* зелена *вина*", 74. 2) С твор.: у Жук. „ея душа *полна* была | неизъяснимым *ожиданьем*", III, 289; „*полные ветром* попутным, | шумя паруса натянулись", IV, 36; „какой-то тихий, неестественный свет, *полный ангелами*", VII, 183. У Пушк. „из блюда, *полного водою*", I, 121; „*полный* тревожными *мыслями*", VII, 153.

Должен с творительным: „по крайней мере вы должны *учтивостию* дамам", Ф. Виз., 43. „Один честной человек прислал мне червонец, *которым* он мне был должен", Трут., 1,73.

II. В посредственном управлении прилагательные сочиняются с различными предлогами; напр., *нужный для кого, для чего* и *на что; сходный с кем, с чем* и проч. Сюда принадлежат наречия и прилагательные: *согласно с чем* (*со*-глашаться *с* кем, *с* чем), *согласный с кем, с чем; относительно к чему, относительный к чему*. Сверх того, оба эти наречия сочиняются непосредственно: одно с дательным: *согласно чему*, а другое с родительным: *относительно кого, чего* (т. е. вм. *до* кого, *до* чего).

Примеч. 5. *Согласно с чем:* „наконец отпустили жен и дочерей ханских — согласно с желанием тех и других", Карамз., ИГР, XI, 27. „Согласно с мнением ямщика, советовал воротиться", Пушк., VII, 75. — *Относительный* с предлогом *к:* „все его добродетели относительны *к* ближнему", Бат., I, 26; и сверх того, в старинном языке, просто с дательным: „из ваших сочинений, относительных басням", Расск., 5.

Примеры различного управления: *в,* при означении части предмета, тогда как прилагательное отнесено, вместо части, к целому: „(собака) *широкая в* груди и локтях", „*расплюснутая в* лапах", Пс. ох., 23, 33. — *До:* „самый *добродушнейший до* крестьян своих помещик", Расск., 98. „*До* нищих, *до* убогих не *податливые*", Дух. стих., 16,20. — *К:* „*к* божией *проворны* службе", Кант., Сат. 1. — *На:* в Лавр. сп. лет. „*бодру* быти *на* пѣнье церковное", 79; „*теплъ на* вѣру", 85; „*на* милостыню зѣло *охотивъ*", 156. „Я не *завидлив на* богатство", Держ., I, 190. „(Собаки) *позывисты на* рог", Пс. ох., 7. При означении части предмета, как и *в:* „(цапля) *на* ногах *высока*", Левш., Соверш. ег., 237.

III. СОКРАЩЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ФОРМЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ИМЕНИ

§ 260. Когда сказуемое, выраженное глаголом, переходит в существительное, тогда оказывается двоякое изменение в составе речи: во-первых, действие, наглядно выраженное глаголом, с означением времени и отношения между говорящими, переходит в отвлеченное понятие, выраженное существительным; напр., *я жалуюсь, я жаловался, ты жаловался* = *моя жалоба,*

твоя жалоба; и во-вторых, полное предложение сокращается в отдельный член его: *тот, кто виноват = виновник; тот, кто сидит = сидень, сидёлец; на тот случай, когда потребуется = на потребу.*

Так как сказуемое может быть выражено и прилагательным с глаголом вспомогательным, то и прилагательное, как сказуемое, может сокращаться в существительное; напр., *я неволен — моя неволя,* или по-старинному: *неволя ми* (Лавр. сп. лет., 112).

Неопределенное наклонение, причастие и деепричастие, переводя глаголы в имена и наречия, точно так же сокращают предложения (§§ 275 и 276) и частию отвлекают понятие от наглядного представления, выраженного глаголом, впрочем, менее, нежели имена; потому что причастиями и деепричастиями означается время (§ 135).

Таким образом, существительные соответствуют или 1) неопределенному наклонению: *жаловаться мне = жалоба моя, жалоба мне,* или, как в старину говорили, *жалоба ми* (Юрид. акт., 1490); *далеко ехать = не близкая езда;* или 2) причастию: *играющий = игрок; платящий долг, не платящая долга = плательщик, неплательщица;* или 3) деепричастию: *ходя говорить = на ходу говорить;* „скакать к ним, *голову сломя*", Жук., VI, 77 (= *скакать стремглав*).

В предложении эти существительные употребляются двояко: или 1) бывают с явным или подразумеваемым глаголом вспомогательным; напр., *жалоба моя* (т. е. есть) = я жалуюсь, *неволе мне* = я неволен (есмь), и тогда составляют они целое предложение; или же 2) употребляясь без вспомогательного глагола, оказываются частию предложения; напр., „идет *на поклон*".

§ 261. Переход глагола в существительное составляет одну из важнейших особенностей языка русского, как древнего и народного, так и позднейшего, письменного. Он значительно оказался уже и в древнейших памятниках цс. языка. Так уже в О. ев., вместо греческих глаголов, встречаются описательные формы, состоящие из существительного с глаголом вспомогательным: обычаи бѣ (вм. обыклъ юсть); правьда (вм. правьдьно боудеть), кага польза (вм. *что помогает*), слоухъ бысть (вм. слышано бысть).

Примеч. 1. В. О. ев. обычаи бѣ игемоноу; в испр. так же; εἰώθει ὁ ἡγεμὼν, Матф., 27,15; и юже бѫдеть правьда, Матф., 20,4 и 7; ὃ ἐαν ᾖ δίκαιον; но в Галицк. ев. 1143 г. в обоих случаях право: и юже боудеть право, 43 л. В Реймск. ев. в первом месте: по правьдѣ, во втором: право; в испр. в первом: пра́вда, во втором: пра́ведно. Кага бо польза юсть чл҃коу; в испр. также: τί γὰρ ὠφελήσει ἄνθρωπον, Марк., 8,36. Слоухъ бысть, и в Галицк. ев. так же (ἠκούσθη); но в испр. тексте согласно с греческим: слы́шано бысть, Марк., 2,1. — В Супр. рук. какого же обычаа нѣсть къназемь впрашати о вьсемь, 34. В Изб. Свят. 1073 г. жена же прѣльштена въ прѣстоупѣ бысть, 169 об. (т. е. Евва преступила заповедь, стала преступницею); и велико ю трѣбѣ трѣзвьство (т. е. великое (есть) потребно воздержание), 174; слич. в О. ев. юдино

же юсть на потрѣбѫ — ἑνὸς δέ ἐστι χρεία, Лук., 10, 42. В Библ. 1499 г. и вола бы Аммонова погубити вса Іюдеа (в испр. оумысли погубити; в Вульг. „magisque voluit omnem Iudaeorum, qui erant in regno Assueri, perdere nationem“, Есф., 3,6).

В русской речи, старинной и народной, видим ясные следы древнейшего периода в образовании языка, когда глаголы, переходя в имена, состояли с ними в теснейшей связи. Хотя замена глагола существительным вводит в речь некоторую отвлеченность, но такую, которая должна была существовать в языке уже в самую раннюю эпоху, вошедши в него вместе с именами и наречиями.

Формы, составленные из существительных, вместо глаголов, стали такою потребностью нашей речи, что в бóльшей части случаев уже не могут быть заменены соответствующими им глаголами; напр., *мочи нет* (= нездоров, старинное: *не могу*), *проку нет, есть прок, будет прок, спуску нет, не след* (вм. *не следует*), *недосуг, пути нет, не ему чета* и т. п.

Многие имена, уже в раннюю эпоху приняв на себя службу глагола, употребляются в смысле безличных; напр., *жаль, лень*. Особенно удобны эти формы для выражения безличного страдательного глагола; напр., *слух был* = было слышно, *посылка была за тем-то* = было послано.

Примеч. 2. Примеры существительных.

1) В означении самого действия, а также сказуемого вообще: в Лавр. сп. лет. „аще вы сего укора *не жаль*, азъ одинъ погыну“, 62; „*неволя ми* своее головы блюсти“, 112. В Новг. лет. „*нѣту* ны съ тобою *обиды*“, 1,34; „е ли (т. е. есть ли) *вина* его? онъ же рече: *безъ вины*“, 1,37. „*Слава* (т. е. да будет прославляем) Игорю Святъславича, буй-туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу“, Слово о полку Игор. В Юрид. акт. „а то, господине, *сѣча* лѣсъ моя“, 1518 (т. е. я вырубаю этот лес, по вырубке лес принадлежит мне). В Шуйск. акт. „а мы, сироты твои государевы, того Посника въ губные старосты не выбирали, и *выбору* нашего на немъ *нѣтъ*“, 1614; „жалоба, государь, намъ сиротамъ твоимъ, Шуи посаду на земскаго старосту на Ивана Смолянина“, 1665. В Домостр. „коли чему *навозъ*“ (когда какого товару навезут много); „что бы было все *зъ счетѣ* и *въ письмѣ*“ (чтобы все было сочтено и записано). „А не *честь* твоя молодецкая, богатырская“, Древн. русск. стих., 211 (ты не честен, поступаешь нечестно). „Что кокует она и день и ночь, | ни на малой час ей *умолку нет*“, Песн. Чулк., 1,141. „Кому *воля*, кому *нет воли* гулять“, Песн. Прач., 89. В послов. „такой год, что денежкам *не вод*“. У писателей XVIII в. „По тому его челобитью *была* за мною их *посылка*“, Живоп., 1,154. Во Всяк. всяч. „равномерно же *спуска не будет* всему тому“, 23; „*недосуги велики* притом“, 24. В Похожд. Ив. „всем *был смех*“, 1,73 (т. е. все смеялись); „хозяину и *не в примету*“, 1,128. В Анекд. древн. пошех. „это *худые смешки*“, 94 (т. е. плохо смеяться); „и дедам нашим *не в память*“, 212. „На тебя эту ночь сна нет“, Абл., 44. „*Посылка* за отцом, чтоб в полк ему явиться“, Хемн., I,45 (т. е. было послано). — Из позднейших писателей: преимущественно у Крылова: „неужели солнышку лишь только и *заботы*...“, 16;

„судьям *худые шутки*“, 34; „какой где птице боле *вод*“, 103; „*худые песни* Соловью | в когтях у кошки“, 267; „какая от волков овцам *пощада*“, 311.

2) В означении лица действующего: „многимъ *досадникъ*“, Пск. лет., 215. „О землѣ *великой печальникъ*“, Карамз., ИГР, X, примеч. 82 (т. е. много печалуется, заботится). „*Посажникъ былъ* тотъ Валитъ на Корельское владение от Новгородскихъ посадниковъ“, Карамз., ИГР, XI, примеч. 56 (т. е. был посажен). В юрид. акт. „есть ли у васъ *знахари* на тѣ наволоки“, 1490 (т. е. кто из вас знает); „кто его тюремные сѣдѣльцы зарѣзали?“, 1613 (т. е. кто из сидящих в тюрьме). В Домостр. „*недосадитель*... *неосудникъ* всякому человѣку“. „Красильникъ *не сильникъ:* что́ ему дадутъ, то и краситъ“ (т. е. не имеет силы или власти выбирать), Послов. XVII в. „Я вашец, ты вашец (т. е. ваш), а кто ж хлеба *напашец*?“, послов. в Письмовн. Курган. (т. е. кто же будет пахать землю?). „Ты не будь моим *поносителем,* моей чести *повредителем*“, Песн. Прач., 57. В Расск. *ночлежник* (т. е. кого оставили переночевать), *одолженник* (которого одолжили), 1, 190, 198. „На мышей он (еж) великий *искоренитель*“, Левш. Соверш. ег., 98. „Не *жилица* я | на белом свету“, „во своем добре не *укащица*“, Цыг., 60,68. „Вон из Москвы! сюда я больше не *ездок*“, Гриб., 167. В ныне употребляемом народном языке: напр., в послов. „будешь *дахарь,* будешь и *взяхарь*“ (т. е. будешь другим давать, и сам возьмешь).

Существительные, происшедшие от сказуемого, весьма часто употребляются писателями для сокращения придаточного предложения; напр., у Пушк. „под предлогом *разлития* рек“, V, 105 (= что разлились реки); „чувствуя *бесполезность* заступления“, VII, 156 (= что заступление бесполезно). Это сочетание слов, весьма удобное для выражения отвлеченных понятий в современном языке, не чуждо и древнему, потому что состоит в теснейшей связи с переходом сказуемого в народные формы, указанные во 2-м примечании.

Примеч. 3. В церковнослав. въ жрѣніе мнѣ, Сербск. библ. XVI в.; в испр. во е҆же сщ҃еннодѣйствовати мнѣ́, Исх., 28,4. — В русском: „повѣдая ему Игорево *убійство*“, Ипат. лет., 34—35 (= что убили Игоря). В Юрид. акт. „въ томъ *взятьѣ*“ (= в том, что взяли, что взято), 1609; „съ первые поледные *ставки*“ (= как только установится лед), 1674; „въ томъ ножевомъ *рѣзаньѣ*“ (= в том, что зарезал ножом), 1684. — В песне начала XVII в. „за батюшково ли *согрѣшенье,* | за матушкино ли *немоленье*“ (= за то ли, что согрешил батюшко, что не молилась матушка). „Будаев просил на меня *в увозе* жены его“ (= что я увез), Жизнь Ваньки Каина, 81. „Во время *гоньбы* гончими зверя“ (= когда гончие гонят зверя), Пс. ох., 49. Иногда сокращается придаточное через прилагательное при коренном существительном: в юрид. акт. „на меня били челомъ — въ *опойной* крестьянской головѣ Никонка Филипова“, 1642 (били челом в том, что я опоил); „за *недоловную* рыбу платить“, 1674 (за ту, которая недоловлена).

Примеч. 4. Рассмотренному в этом параграфе любимому обороту нашего языка противополагается разложение существительного на придаточное предложение. Такое разложение замечается частию в латинском; напр., ii, qui audiunt (= auditores), ii, qui judicant (= judices) — слушатели, судьи;

из романских же языков преимущественно употребляется в итальянском; напр., у Данте „il maestro di color che sanno“, Infern., 4,131 (= de' sapienti), т. е. учитель тех, которые знают (= знатоков, т. е. мудрых, *мудрецов*); „a chi leggera“ (= al lettore), как и в испанск. „al que leyere“, т. е. тому, кто будет читать, кто прочтет = *читателю*.

IV. НАРЕЧИЯ И ДРУГИЕ СЛОВА, В ВИДЕ НАРЕЧИЙ УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ

§ 262. Обстоятельственные слова, выраженные наречиями и другими частями речи, или стоят под управлением одного из членов предложения, или не стоят. В первом случае они называются зависимыми, хотя бы и не состояли в видимой грамматической связи с словами, которыми управляются; как, напр., „идти *в город*“, „быть *в городе*“ (древнерусск. „ити *Кіеву*“, „быти *Кіевѣ*“), „идти *вон*“ (§ 242). Во втором случае называются независимыми, как, напр., дательный* независимый в церковнославянском и древнерусском (§ 244), все деепричастия.

К независимым же обстоятельственным словам относятся все те, которых нельзя объяснить управлением стоящего при них глагола, прилагательного или существительного. Это бывает в следующих случаях:

1) Когда обстоятельственное слово своим падежом противоречит силе управляющего слова; напр., *вместе,* как местный или предложный падеж, по управлению может сочиняться только на вопрос *где,* с глаголами пребывания; напр., *быть вместе, работать вместе;* но так как с этим наречием соединяем уже понятие и об образе действия по вопросу *как,* то употребляем его и при глаголах движения, показывая направление действия — *куда:* „собирать *вместе*“ (вм. *вместо, в одно место*). В древнем и областном языке это наречие еще следует управлению; напр., в послов. XVII в. „добрая метла *вмѣсто* мететъ, а худая розна“.

2) Когда наречие, утратив свое первоначальное, наглядное значение, употребляется в отвлеченном смысле, не состоящем в прямой связи с этим первым значением; напр., *кроме* в выражении: „все это знают *кроме меня*“ — уже не имеет своего первоначального значения стороны или края, на вопрос *куда*; между тем как в старинном языке дательный падеж *кромѣ* сочинялся по этому вопросу с глаголами движения; напр., „и рече Святославъ, *кромѣ* зря“, Лавр. лет., 30 (т. е. смотря *в сторону,* § 72).

Примеч. 1. Наречие *кроме* от древнейшего значения к нынешнему переходит постепенно, употребляясь как синоним частицам: *вне, далече, лише, без;* напр., в Галицк. ев. 1143 г. да не послѣть ихъ кромѣ страны, 78 (в испр. внѣ страны, Марк., 5,10); а срдце ихъ кромѣ ѿстоить ѿ мене, 84 (в испр. далече ѿстоить,

* Исправлено. В предшествующих изданиях, видимо, ошибочно „творительный“. (*Ред.*)

Марк., 7,6). В Толк. апостоле 1220 г. ѩко снъ ослоушьливыи въ погыбѣль боудеть. послоушьливыи же кромѣ ѩѩ боудеть, 2. В Сербск. библ. XVI в. лишо моужа своего; в испр. кромѣ мужа твоего, Числа, 5,20. — В древнерусском: в Сл. о полку Игор. „тяжко ти головы, *кромѣ* плечю; зло ти тѣлу, *кромѣ* головы, русской земли безъ Игоря". В пск., тверск. доселе, в смысле „кроме", употребляется *сто́ронь*.

3) Когда обстоятельственное слово бывает остатком целого предложения, для восстановления которого нужно подразумевать опущенный глагол; напр., „*то и дело* болтает" (= *то есть и дело,* что болтает). Обстоятельство: *час от часу,* в предложении: „*час от часу* становится темнее" — предполагает глагол, означающий движение от одного пункта к другому, и, вместе с предполагаемым и подразумеваемым глаголом, составляет свое особенное предложение (напр., вроде следующих: „по мере того, как *идет* час *за* часом или как *отходит* один час *от* другого, одна минута *от* другой" и т. п.). Но такие предложения говорящий не находит нужды высказывать, потому что они послужили бы к отягощению речи многословием.

Примеч. 2. В цс. дьнь ото дьнь — со дня на день (de die in diem); напр., в Супр. рук. дьнь ѩте (вм. оте) дьнь на въсотѫ растеть; в Жит. Свят. днь оте днь крѣплашеся дѣца. Наречие *теперь,* т. е. старинное и народное *то перво,* есть такое же целое предложение, именно: *то есть первое*; напр., „*то перво* великъ полкъ назадѣ идеть", Ипат. лет., 104. Так же объясняются целым предложением частицы: *первое, другое, иное* (иногда, только); напр., у Ф. Виз. „дитя, *первое,* ростет; *другое,* дитя и без узкого кафтана деликатного сложения", 85; „*иное,* жаль, жаль, да подумаешь", 135.

Примеч. 3. Зависимые, обстоятельственные слова объяснены в отделе об управлении слов.

Как зависимые, так и независимые обстоятельственные слова употребляются в речи без внимания к их окончаниям, некогда выражавшим дополнения. Потому падежи многих наречий (§ 71) теперь уже нам непонятны. С другой стороны, самые имена и местоимения, входя в состав наречий, сокращают свои окончания, отказываясь тем от прямого указания на свою зависимость от глагола.

Примеч. 4. Так, наречие *особѣ,* еще ясно означающее окончанием свою зависимость, напр. в Лавр. сп. лет. „поляномъ же живущемъ *особѣ*", 4, уже сокращается в Кенигсб. списке: „поляномъ же живущимъ *особь*", 7; в Новг. лет. также *особь,* 51. Впрочем, эта сокращенная форма встречается уже весьма рано, напр. в Словах Григория Богослова по рук. XI в. особь и обьщиною; а также в О. ев. сударь — не съ ризами лежащь нь особь съвить; в испр. особь, Ио., 20,7. — Еще примеры: *прямь:* очи ти прямь да глядають, Изб. Свят. 1073 г., 174 об. — *Засобь:* в Лавр. сп. лет. „волнамъ вельямъ въставшимъ *засобь*", 14. — В Юрид. акт.

„отвѣчаю *засобь* въ своей доли“, 1571; „сбивъ съ ногъ *влежачь*“, 1679; „всѣ деньги взялъ *вручь*“, 1611. „А деньги плати *вѣручь*“, Домостр. В послов. „ни *изручь*, ни в руки“ — у Даля, 459, напечатано *изручь*. В песн. „в сыру землю ушел *допояс*“, „*по плечь* отсечь буйну голову“.

§ 263. Как в цс., так и в русском весьма часто означается наречием или вообще обстоятельственным словом, составленным из имени с предлогом, такое качество предмета или действия, которое в других языках и в нашем книжном обыкновенно выражается прилагательным или наречием в форме среднего рода. Так, напр., в цс., вместо *беспечальны, туне, зѣло,* встречаем в древних памятниках: *безпечали, безума, дозѣла.* В русском: *лежать в пусте* — быть пустым, невозделанным (напр., о земле).

Примеч. 1. В О. ев. и вы беспечали сътворимъ, 204 а; так же и в Галицк. ев. безпечали, 67 об.; но в испр. уже прилагательное безпечальны (как и в греч. ἀμερίμνους), Матф., 28,14. В О. ев. яко възненавидѣша мя безоума, 170 в.; также и в Галицк. ев. безоума, 216 об.; в испр. туне (δωρεάν), Ио., 15,25. В Сербск. библ. XVI в. и вы̃с брань жестокая яко же дозѣла; в испр. жестока зѣло, 2-я кн. цар., 2, 17. В глаголитских памятниках: бездѣла, безотвѣта, безправды, вм. греч. прилагательных: ἄπρακτος, ἀναπολόγητος, ἄδικος, в Glagol. Clozianus. — В русском: „*излиха* (вм. *очень*) же любяше черноризци“, Лавр. лет., 92. „И ту ихъ *досыти* паде“ (вм. *много*), Новг. лет., 1,17. „Не владѣетъ дей имъ (лесом) никто, а лежитъ *впустѣ*“, юрид. акт., 1587. Слич. с формою, означенною прилагательным: „чтоб у них (у мужиков) земля напрасно *пуста* не лежала“, Инстр. двор. Немчин., 1724—5. „Божитца *на кривѣ*“, Домостр. „И будут казаки *на великих на радостях* со добычи казачия“ (вм. весьма радостны), Древн. русск. стих., 109.

Таким образом составленные обстоятельственные слова должно отличать в нашей книжной речи от введенных в позднейшее время из чужих языков. Первые принадлежат к особенностям древнейшего словосочинения; напр., *на роду* вм. *когда-то,* но собственно значит: в течение жизни, с тех пор, как родился: „да с ним *на роду* вот что случилося“, Ф. Виз., 169; последние отзываются речью искусственною, напр. *с кротостию* вм. *кротко:* „с людьми своими обходился *с кротостию*“, Ф. Виз., 482.

Примеч. 2. Народные формы обстоятельственных слов имеют то преимущество перед наречиями, общеупотребительными в книжной речи, что выражают мысль нагляднее; как, напр., в приведенном примере отвлеченное понятие о течении времени вообще — заменено более наглядным *на роду;* или у Пушк. *во сне* вм. *никоим образом:* „а меня и *во сне* не проси“, VII, 139. Стремление дать бóльшую живость и изобразительность обстоятельственным словам иногда оказывается в старинном и народном языке самым склонением, а именно употреблением этих слов во мн. числе; напр., в Сербск. библ. XVI в. на лоукахъ (= лукаво); в испр. по навѣтв, Числа, 35,20. В Новг. лет. „поиде *вѣбързѣхъ* на Тържькъ“, 1, 44 (= борзо, т. е. скоро).

Примеч. 3. История наречий и вообще слов обстоятельственных в цс. книгах представляет следующие замечательные данные:

1) Некоторые из древнейших наречий были впоследствии заменены позднейшими, когда стали исправлять славянский текст по греческому; как, напр., *искони* изменено на ближайшее к греческому: *в начале* (ἐν ἀρχῇ); в О. ев. искони бѣ слово, 2 л. В Галицк. ев. так же искони бяше слово. и слово бяше ѿ ба҃, 180 л. Но в Библии 1499 г. и в Евангелии 1537 г. въ началѣ бѣ слово; в испр. так же: въ нача́лѣ бѣ̀ сло́во, Ио., 1,1. Впрочем, эта исправленная редакция восходит уже до XI в. В Супр. рук. встречается: въ началѣ бѣ слово, и слово бѣ отъ бога, 7.

2) Другие сложные наречия, употребляемые в древнейших списках, представляют первоначальный материал, из которого впоследствии образовались производные прилагательные; напр., *безпечальный* вм. древнейшего *безпечали* (см. примеч. 1), *безпорочный* вм. древнейшего обстоятельственного слова *безпорока;* напр., в О. ев. ходяща въ заповѣдехъ вьсѣхъ и оправьданиихъ гнихъ безпорока, 277 г.; так же и в Галицк. ев. безпорока, 112; в испр. ходя́ще — безпоро́чна, Лук., 1,6. *Изобильный* вм. наречия *изобила:* в Сп. Упиря будеть изобила и благь (в испр. изоби́ленъ и ту́чень Ис., 30,23); дхъ бяаше изобила въ немь (в испр. преизоби́ленъ, Дан., 6,7). *Довольный, довольно,* вм. древнейшего довьлѧ или довьлѧ, или вм. русск. *до воли;* в цс. в Сп. Упиря не довьлѧ ли вамь (в испр. дово́лно ли вамъ, Иез., 34,18). *Безпрестанный* вм. древнейшего наречия безпрѣстани (Стихир. 1157 г., 24 л.). *Различь, разноличь* (откуда *различный*); в Сб. XII в. и в Макар. Чет. мин., апрель, оучаще ны различь; в Библ. 1499 г.: и съсу съсуду не оуподобленъ, но все разноличь, Есф., 1,8.

3) Иные обстоятельственные слова уже самими переводчиками Св. писания прибавлялись для того, чтоб один греческий глагол выразить по-славянски глаголом с обстоятельством; напр., в О. ев. на колѣноу падаѧи γονυπετῶν, 129 б; поклоньшеся на колѣноу γονυπετήσαντες, 198 в.; стоıащааго окрьсть τὸν περιεστῶτα, 139 г.; живѫщихъ окрьсть οἱ περίοικοι, 280 б.

V. ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 264. В русском и церковнославянском предложение отрицательное строго отличается от утвердительного особыми синтаксическими формами. Важнейшие из них следующие:

1. Двойное отрицание, состоящее из отрицательной частицы *не,* полагаемой перед сказуемым, и из отрицательного местоимения или наречия, занимающих место подлежащего, дополнения, определительного или обстоятельственного слова; напр., „*никто не* приходит“, „*никого не* видно“, „*ни один* умный человек *не* скажет этого“, „*никогда* этого *не* будет“.

Примеч. 1. Вместо греческого одного отрицания в древнейших цс. списках встречаем уже два, по свойству славянского языка; напр., в О. ев. и тѣмь вьсѧ быша. и безнего ничьтоже не бысть юже бысть, 2а (καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἕν). Так же и в Супр. рук. вьсѧ тѣмь быша, и безтого не бысть ни едино, еже быст, 7.

В Галицк. ев. также с двумя отрицаниями: и бежнюго нїчто же не бы юже бы, 180 л.; также и в списках евангелий XIII—XV в.; но в Библии 1499 г. и в Ев. 1537 г. уже с одним отрицанием: и безнего ничто же бы҃с, равно как и испр. и҆ безъ негѡ́ ничтѡ́же бы́сть, согласно с греч. текстом.

Оборот с одиноким отрицанием, вместо двойного, заимствованный из греческого, долго господствовал в нашем книжном языке; напр., у Кант. „хотя внутрь *никто видел* живо тело", Сат. 1 (вм. *никто не видал*).

Вместо *совсем, совершенно* и т. п., в отрицательном предложении обыкновенно употребляют отрицательное же наречие: *нисколько, нимало;* напр., вместо „*совсем не* имею охоты" — „*нисколько не* имею охоты". Впрочем, употребляется и утвердительное наречие: „*вовсе не* имею охоты"; у Карамз. „некоторые люди *совсем не* имеют чувства истины", II, 133.

Примеч. 2. Вместо двойного отрицания „*ничего не* возьмешь, *не* сделаешь" в народном языке говорится: „*не* что возьмешь", „*не* что сделаешь"; напр., у Ф. Виз. „после и спохватится, да *не что сделаешь*", 54. В послов. „*не кто* совал (т. е. *никто не совал*), сам попал", Даль, 235.

Примеч. 3. Употребление утвердительного *вечно,* вм. отрицательного *никогда,* усвоенное Жуковским в отрицательных предложениях, принадлежит к искусственным выражениям; напр., „*вечно* мне милого брата *не* будет", II, 106; „прости, тебя (т. е. родину) мы *вечно не* увидим!", III, 122; „уж *вечно* его *не* увидишь | в доме отца", V, 79. См. также II, 105; V, 74; V, 77.

2. Изобразительное отрицание; напр., *ни на волос, ни крошечки* и т. п. (§ 152). Эти описательные выражения употребляются двояко: или с двойным отрицанием, напр. „*не* видно *ни* зги"; „я *не* тронул *ни* волоса чужого добра", Пушк., VII, 251; или с одиноким: „зги *не* видать"; „а проку *на волос* нет в них", Крыл., 28. Описательными формами с одиноким отрицанием объясняются следующие выражения: у Гриб. „три года *не* писал *двух слов*", 36; „*подробности малейшей не* забуду", 38. У Пушк. „*не* позволял себе *малейшей прихоти*", VII, 23.

Примеч. 4. Сверх форм, означенных в § 152, описательное отрицание может быть выражено деепричастием; напр., „этого *родясь* с ним *не* случалось", Хемн., II, 52; повторением корня слова: „видом не видать", „слыхом не не слыхать"; напр., „помчали, и за стол роскошный посадили, | какого и *видом не видано* у нас", Дмитр., III, 136. В народном языке отрицание усиливается также повторением отрицательного местоимения, и то же в твор. падеже, как в приведенных примерах в твор. пад. *видом, слыхом;* напр., в дух. стих. „а я *не* боюсь *ничем ничего*", „а я не блюдусь *никем никого*", Кал., I,74—5.

3. Родительный падеж при глаголах с отрицанием, именно при действительном, напр. „не читай *письма*" (§ 243), и при безличном, напр. „*нет дела, не было дела*" (§ 201).

4. Многократный вид с отрицательною частицею, преимущественно в народном языке, а иногда и у писателей; напр., у Пушк. „никогда не *присылывал*“, V, 189 (§ 188).

Примеч. 5. Об отрицании при форме *есть* в церковнославянском должно заметить следующее: 1) Отдельно употребляемой у нас в сказуемом частице *не* при именах, в церковнославянском, соответствует *нѣсть:* твоѥ послоушьство нѣсть истиньно, Супр. рук., 176 (твое свидетельство не *(есть)* истинно). 2) Вместо *нѣсть ли* и *нѣсть льзѣ*, в древнейших памятниках иногда употребляются сокращенные формы *нѣли, нѣльзѣ;* напр., в Изб. Свят. 1073 г. нѣли пісано въ ꙁаконѣ вашемь. ꙗко аꙁъ рѣхъ б҃ꙁи ѥсте, 7 об.; слоꙁомь же выше словесьныихъ оукаꙁати нѣльꙁѣ, 6.

Примеч. 6. В старинном и народном языке частица *не* повторяется, так же как и предлог (§ 248); напр., в песне начала XVII в. „побѣжалъ еси — *не* путемъ еси *не* дорогою, *не* по знамени, *не* по черному“.

VI. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

А. ПОДЧИНЕНИЕ ОДНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДРУГОМУ

1. ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПОЛНОЕ

а. Употребление вопросительных и относительных местоимений и наречий (= союзов) в связи с указательными

аа) *Кто — тот, что — то*

§ 265. Местоимение *кто* означает лица всех трех родов; напр., „*кто* его *отец? кто* его *мать? кто* его *дитя?*“, но согласуется только в мужеском и женском роде; напр., *кто такой? кто такая?* (но нельзя сказать: *кто такое?*). Местоимение *что* означает собственно предметы неодушевленные и согласуется только в среднем роде; напр., *что такое?*

1. *Кто*. Согласуется как с единственным, так и со множественным; напр., *кто был? кто были?* Согласование со множественным теперь ограничивается только сказуемым таким, которое состоит из вспомогательного глагола с именем мн. числа; напр., „*кто были* первые на земле люди?“ В языке же старинном *кто* могло согласоваться со множественным во всяком случае, когда разумеется множество лиц; напр., „*кто косят?*“, Юрид. акт., 1490.

Примеч. 1. Имя во мн. числе, подразумеваемое при местоимении *кто*, могло быть высказываемо, и притом, или в именительном, или в родительном; напр., в юрид. акт. „*кто* его *тюремные сѣдѣльцы зарѣзали*?“, 1613 (т. е. кто из сидящих в тюрьме...); „а *кто* у нихъ въ тѣхъ деревняхъ *учнутъ* жити *хрестьянъ...*“, 1498—1505 (т. е. кто крестьян... — см. § 243). Единственному *кто* могло соответствовать множественное *те;* напр., в Древн. русск. стих.

„у нас *кто* на море не бывал, | морской волны не видал, | не видал дела ратного, человека кровавого, | от желанья *те* богу не маливались“, 107. Даже в сказуемом, составленном из вспомогательного глагола с именем, при местоимении *кто*, нынешний книжный язык не везде может употреблять множественное число там, где пользовались им в старину; напр., в Шуйск. акт. „или *кто* по мнѣ въ томъ монастырѣ *иныя строительницы и сестры будутъ*“, „*кто* въ томъ Веденскомъ дѣвичѣ монастырѣ *иныя игуменьи и сестры* по ней *будутъ*“, 1679.

Повторение местоимения *кто: кто — кто*, означает „один, другой, третий“ или „тот — тот“; напр., „вся эта сволочь была кое-как вооружена, *кто* копьем, *кто* пистолетом, *кто* офицерскою шпагой“, Пушк., V, 40. „Запели молодцы: *кто* в лес, *кто* по дрова“, Крыл., 6. В этом случае *кто — кто* соответствует повторительным союзам: *когда — когда, где — где* и нек. др.

2. О местоимении *что* должно заметить следующее:

1) Переход местоимения *что* в союз доселе явствует в языке из прямого отношения этого речения к указательному *то*, а именно:

а) Иногда *что* и *то*, как настоящие местоимения, оказываются подлежащим, сказуемым или дополнением; напр., „чистая их вода *то* (сказ.), *что́* (подлеж.) у нас помои“, Ф. Виз., 419. „Он *то* же (сказ.) в стихах, *что́* (подлеж.) Тацит в прозе“, Бат., I, 82. „Оракул наш *что́* (дополн.) молвит, *то* (дополн.) соврет“, Крыл., 15. В древнерусском местоимению *что* может соответствовать *тот*, согласующееся с существительными; напр., „а что́ (подлеж.) въ селѣ Ильинскомъ дворъ боярской, и огородъ, и гумно, и что́ (подлеж.) въ гумнѣ коноплярникъ, и *до того* намъ двора и огорода и до гумна и до конопляника дѣла нѣтъ“, Шуйск. акт., 1657.

б) Иногда одно из этих местоимений оказывается членом предложения, подлежащим или дополнением, а другое употребляется только для связи, как союз; напр., „жаль только *того* (дополн.), *что* (союз) не освещены“, Ф. Виз., 437. „Не проходило почти *того* дня (родительный при отрицании), *что* бы (союз) они между собою не дрались“, Живоп., 2, 143. „*Что* до меня (подлеж., вм. „*что* касается...“), *то* (союз) я клянусь...“, Крыл., Почт. дух., 1,3.

в) Местоимение *что* переходит в союз, через наречие *что*, т. е. через такую местоименную форму, которая, потеряв склонение, имеет еще значение вопросительного или относительного местоимения, употребляясь вм. *какой, по чему, за чем;* напр., „*что* нейдешь?“ Для усиления вопроса к наречию *что* прибавляется союз *ли;* напр., „он родня *что ли?*“ К наречиям же принадлежит неизменяемая форма с частицею *за: что за*, вм. *какой*, употребляемая с именами всех родов обоих чисел: „что за книга?“, „что за люди?“

Примеч. 2. В древнерусском *что* вм. *какой:* „мы же ихъ не вѣмы, кто суть, и отколѣ изидоша, и чтó языкъ ихъ и котораго племене суть, и чтó вѣра ихъ“, Новг. лет., 1,39 (вм. *что за* язык, *что за* вера, но собственно: *чтó есть* язык их, *чтó есть* вера их, т. е. *чтó* употреблено как настоящее местоимение).

г) Наконец *что* и *то,* употребляясь в предложениях независимо, служат, как союзы, только связью между ними; напр., „*что* ужин, *то* расправа“, Крыл., 43 (в смысле частиц *как — так, как скоро — так, когда — тогда*). „И *что* звезда, *то* ясное селенье“, Жук., II, 285.

Примеч. 3. В старинной литературе: „*что* ни вложит кусок в рот, *то* цену считает“, Кант., Сат. 5. „*Что* более зашивает (кафтан), *то* более дерется“, Всяк. всяч., 165. „*Что* ко лбу перст, *то* мысль родится“, Дмитр. II, 124. „*Что* ночь, *то* домовой пугать его ходил“, Хемн., II, 18. Частица *что* объясняется в этих случаях, как наречие, в виде союза употребленное: потому иногда может соответствовать слитному наречию *еже: что* день, то — *еже*-дневно, *что* минута, то — *еже*-минутно; в украинск. *що день* и даже *що дня* — ежедневно. В Яренск. ст. *ежесуботъ* (— что суббота), 1591.

д) Из сказанного явствует, что во всех случаях надобно подразумевать указательную частицу *то,* где бы ни стоял союз *что*; напр., „говорит, *что* придет“ (т. е. говорит *то,* что —); „*что*-бы работать прилежно, надобно любить труд“ (т. е. — *то* надобно любить труд).

В этих случаях частица *то,* подразумеваясь сама собою, обыкновенно опускается.

Примеч. 4. Впрочем, и у писателей встречаем *чтобы — то:* „а *чтобы* было мне из чего почерпнуть правила веры, *то* взял я с собою русскую библию“, Ф. Виз., 510. „*Чтобы* видеть его, *то* надобно поднять две доски“, Карамз., II, 291. У Крыл. „*чтоб* горю пособить, | *то* стали у богов царя просить“, 41; „*чтоб* плод тебе твои труды желанный дали, | *то* надобно...“, 104. Впрочем, иногда местоимение *то* бывает необходимо, именно тогда, когда употреблено в форме местоимения; напр., „я сам без *того* глаз не сведу, *чтоб* выборный не рассказывал мне историй“, Ф. Виз., 167. „Не без *того, чтоб* не вздохнуть“, Пушк., I, 182.

2) *Что* иногда употребляется вместо *который,* как в древнем и народном языке, так и у образцовых писателей. В таком случае это местоимение может относиться к именам всех родов обоих чисел; напр., „человек, *что* приходил вчера“ — „мужики, *что* ходили на сенокос“ —; но употребляется преимущественно в именительном и винительном; в прочих же падежах весьма редко, и то в некоторых случаях.

Примеч. 5. *Что* вм. *который:* в Ветх. зав., по рук. XV в., в Румянц. муз. иже грѣха что л҃юскіи; в испр. ӥже грѣха̀ ра́ди ӥже ѕа лю́ди, Лев., 17,15. — В Юрид.

акт. „отъ столба къ горѣлому дубу и на старую грань, *что* выжжена“, 1611. У Ломон. „как сильный лев стада волков, | *что* кажут острых ряд зубов, | очей горящих гонит страхом“, Ода 1; „крутит река татарску кровь, | *что* протекала между ними“, ibid. Об этом чисто русском обороте, столь употребительном у Ломоносова, Сумароков, заступаясь за искусственность книжной речи, замечает следующее: „а вместо *который, которая, которое,* употребляется *что,* или от неведения, или от нерассмотрения, или от привычки худого и простонародного употребления“. — У Пушк. „Капитана Миронова! того самого, что был комендантом в одной из Оренбургских крепостей?“, VII, 238. — В народн. языке *что* вм. *сколько;* напр., в послов. „*что* в девках не было, да теперь замужем“, Даль, Слов.

Примеч. 6. Об употреблении *что* и *чем* в сравнительном предложении см. в § 282.

бб) *Кой*

§ 266. Местоимение *кой* употребляется в разговорном языке весьма редко, в некоторых только выражениях; в книжном же попадается довольно часто вместо *который.* Средний род *кое* в старину употребляется в смысле местоимения, наречия и союза *что.* Этим объясняется, почему доселе *кое,* как наречие, употребляется в составных формах: *кое-что, кое-где* и т. п.

Примеч. 1. Видите, кою сѫть ваши кози, Супр. рук., 26. „А *кое* ваша вина?“, Ипат. лет., 31. — В Юрид. акт. „у тебя на твою землю крѣпость есть ли, *кое* онъ вашу землю сильнѣ пашетъ?“, „шлетъ ли ся въ томъ, *кое* ихъ полудворомъ не владѣешь“, „шлю же сь въ толкѣ (т. е. в том только), *кое* ихъ есми полудворомъ не владѣю“, 1571.

Множественное *кои* могло соответствовать единственному *тотъ;* напр., „а *коихъ* насъ поручиковъ (т. е. порук) въ лицѣхъ, *на томъ* пеня и порука“, Юрид. акт., 1617.

вв) *Какой, чей*

§ 267. Эти местоимения отличаются в современном языке от прочих тем, что могут не согласоваться с именами и местоимениями, к которым относятся. Впрочем, между ними следующее существенное различие:

1) Местоимение *какой,* иногда относясь во множественном к имени единственного числа, следует старинному соответствию местоимений: *кои — тот, кто — те;* напр., „человек, *каких* мало“. В этом случае не опущено *из таких* (т. е. человек *из таких, каких мало*); потому что множественное *какие* может соответствовать единственному *такой:* „*такой* человек, *каких* мало“ (здесь уже нельзя предположить выражения: „*такой* человек *из таких, каких* мало“).

2) Местоимение *чей,* как и прочие притяжательные: *мой, твой, свой* и т. д., согласуется в роде, числе и падеже с тем именем,

которому служит определением; напр., „это тот самый, *чью* деревню мы видели, *чьи* крестьяне благоденствуют“.

гг) *Который*

§ 268. Первоначальное значение этого местоимения — *кто* или *какой из двух* или *из многих, что из двух* или *из многих* — соответствует самому образованию формы *который* помощию окончания сравнительной степени (§ 69).

Примеч. 1. Напр., в О. ев. **которъıи же отъ васъ рабъ имѣꙗ орꙗщь. или пасꙋщь,** Лук., 17,7. В Юрид. акт. „ережъ сего тѣ деревни и починки за прежними митрополитами за *которымъ* бывали ли?“, 1498—1505. „Ежели не случится кому в великий пост (исповедаться), то можно и в другой *который*“, Инстр. двор. Немчин., 1724—5. В Древн. русск. стих. „*которого* возьмет за руку.| из плеча тому руку выломит“, 254. В олон. былин. „нам *которому* с Чурилой голова рубить?“ — то-есть которому из нас двоих, мне или Чуриле?, Рыбн., I,305. У писателей: „и так еще надлежит рассмотреть, *которому из двух* сих народов свойственно приписать должно имя скифов“, Ломон., III, 116. „Но как можно определить, *которое* имя есть самое употребительное и *которое* нет?“, Ф. Виз., 607. „Подите городом прямо, в *которую* сторону вам угодно“, Карамз., II, 449. „Все они знали, *которая* сторона правая, *которая* левая“, Пушк., VII, 99.

Как теперь местоимение *который* ставится рядом с своим определяемым в предложении вопросительном, напр., „*который* час?“, так в старинном и народном языке употребляется оно и в придаточном; напр., в Древн. русск. стих. „и вздевал на себя шубу соболиную, | *которой* шубе цена три тысячи“, 59.

Примеч. 2. Присоединение местоимения *который* к его определяемому давало возможность свободнее нынешнего употреблять придаточное предложение. А именно: 1) придаточное могло стоять перед главным, и тогда в главном опускалось уже то слово, к которому местоимение относится; напр., в Древн. русск. стих. „и *которые старцы* при церкви живут, | дает золотой казны не считаючи“, 174 (т. е. старцам, которые при церкви живут). 2) Иногда в главном предложении стоит только указательное *тот* или *он;* напр. в послов. XVII в. „*который день* прошелъ, *тотъ* до насъ дошелъ“. В Древн. русск. стих., „а *которые* оставались *люди* похужее, | на другой стороне в такую ж они пещеру убиралися“, 115. 3) *Который* могло относиться к прилагательному, произведенному от того существительного, с которым это местоимение ставится; напр., у Котоших. „(покупают) также на *товарныя* деньги, *которые товары* продаютъ у Архангельскаго города“, 57; „дается на *церковное* строеніе, *которыя церкви* бываютъ разорены“, 58. 4) Иногда *который* с своим именем относится к главному предложению только по смыслу; напр., у Ломон. „восточное плечо реки Немени — называется *Руса, которое имя* конечно носит на себе по варягам россам“, III, 128. В Расск. „не столько нам (т. е. мышам) нужна дневная красота, | как *благосклонная ночная темнота,* | в *которо время* мы без опасенья бродим“, 8.

В нынешнем книжном языке *который* придаточного предложения относится к имени или местоимению главного; напр., у Бат. „не знаете сего *мучения* и *удовольствия, которое* называют метроманиею“, I, 81. При этом наблюдается, чтобы между именем, к которому относится местоимение *который,* и между этим местоимением не было употреблено такого слова, к которому, по грамматической форме, можно отнести *который;* напр., у Бат. „или рев *источника,* образованного снегом, *который* стрелою протекает по каменному дну между скал гранитных“, I, 171. Здесь по смыслу *который* относится к источнику, а по грамматической форме и по близости к *снегу.*

Это местоимение иногда относится и к личным 1-го и 2-го лица, но только в книжной, а не в народной речи; напр., „*мы, которые* участвовали во всех важных происшествиях“ — „от этой работы отказываюсь *я, который* часто не понимал стихов NN“, Бат., I, 321—322. Иногда к местоимению личному прибавляется объяснительное сущ. имя, к которому уже и относится местоим. *который;* напр., „мне больно, что я огорчил *тебя, человека,* который истинно меня любит“, Письм. Карамз. к Дмитр., 74.

По значению своему местоимение *который* иногда еще подходит и теперь к первоначальному, т. е. *кто* или *какой из двух* или *из многих,* преимущественно в предложении вопросительном; но в придаточном употребляется уже бóльшею частию в смысле *какой, кто, кой.* Этим объясняется соединение местоимений *кой* и *который* в одном сложном предложении, иногда употребляемое у писателей; напр., у Пушк. „я всех сильнее прежде сего был привязан к человеку, *коего* жизнь была загадкою и *который* казался мне героем“, VIII, 21.

Примеч. 3. И в старинном языке уже встречаем употребление местоимений *кто* или *кой* и *который,* одного вместо другого; напр., в Юрид. акт. „или *кто* по немъ *инъ* игуменъ будетъ“, 1525; а в другом месте: „или по немъ *который* игуменъ будетъ“, 1559. „А *кой* насъ въ лицѣхъ *любъ,* на томъ деньги или рожъ“ (т. е. рожь), 1549. Впрочем, заметить должно, что вместо *который* употреблялись обыкновенно не просто *кто* или *кой,* но большею частию с такими словами, которые означают выбор из двух или из многих: *кто ин, кой люб,* как это видно из приведенных примеров.

Иногда средний род *которое* встречается вместо *что;* напр., в послов. XVIII в. „не пихай под гору, *которое* катится“.

Как повторительное *кто — кто,* так и *который — который* употребляется в смысле „один — другой“, „тот — тот“; напр., в песне: „посылал Илья Муромец богатырей | побивати силу неверную: | *которых* слал от синя моря, | *которых* слал от чиста поля, | а *которых* от Почап-реки“.

Примеч. 4. *Который,* в значении относительного местоимения, весьма употребительно уже в Библ. 1499 г.; напр., или ты еси гь бъ нашь, котораго ждахомъ; — и мтри ихъ иже родиша ихъ на оцы ихъ ѿ которыхъ колѣнь суть рожени в земли сей, Иер., 14, 22; 16, 3.

дд) *Как — так, когда — тогда, куда — туда, где — там* и т. д. *То*

§ 269. Означая общие понятия о времени и пространстве, вопросительные частицы *когда, куда, где* и др. могут относиться к существительным, которые выражают понятие об известном времени или месте. В таком случае указательные *тогда, там, туда* и т. д. бывают уже лишними; а вопросительные *когда, куда, где* и др. употребляются вместо склоняемых форм: *в которое* (время), *в которые* (места), *в котором* (месте) и т. п. Напр., „я видел страну, близкую к полюсу, соседнюю Гиперборейскому морю, *где* (вм. *в которой*) природа бедна и угрюма", Бат. I, 169. Иногда же вопросительные *когда, куда, где, как* и др. относятся прямо к указательным *тогда, туда, где, так*. В таком случае принято в книжном языке наблюдать соответствие между теми и другими: *когда — тогда, как — так* и проч. Напр., „*когда* зима покрывала реки льдами, сыпала иней и снега, *тогда* дикие чада лесов выходили из логовищей своих", Бат., I, 173. Указательная частица может подразумеваться при вопросительной; напр., „*когда* наступала зима, дикари выходили из своих шалашей". При частице *как* подразумевается не только *так* (напр., „бел, *как* лунь"), но и *то;* напр., „видишь, *как* много сделано" (= видишь *то, как* —). Иногда на месте опущенных указательных частиц, в соответствие вопросительным *как скоро, куда, когда,* ставится *то.*

Примеч. Напр., *как скоро — то:* „*как* же *скоро* Вольтер сел в свою карету, *то* народ, остановив кучера, закричал", Ф. Виз., 293. „*Как скоро* сержант услышал, что я еду из Белогородской крепости, *то* и повел меня прямо в дом генерала", Пушк., VII, 174. — *Куда — то:* „*куда* ни покажуся я, *то* все меня дичатся", Крыл., 300. — Но особенно часто употребляется у писателей соответствие *когда — то*. Напр., у Карамз. во II томе: „*когда* автор еще жив, сказал он, *то* надлежало бы у него спроситься", 340; см. также стр. 354, 415, 698. „*Когда* воображу себе сияние славы, *то* не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечных", Бат. I,161. У Жук. „*когда* воды наморщатся, *то* глубина этих морщин кажется изумрудно-зеленою", VII, 208; „*когда* покажется солнце, *то* оно греет как весеннее", VII, 236. У Крыл. „*когда* пришла весна, | *то* козы дикие все в горы разбежались", 252. „*Когда* уже Лев стал хил и стар, | *то* жесткая ему постеля надоела", 305. В народном языке так же свободно употребляется это соответствие; напр., в Древн. русск. стих. „*куда* ты меня послал, *то* (местоим.) сослужил", 220. Частица *то* соответствует даже местоимению *который,* выражению *кой час* (= когда) и нек. др. Напр., „а которы жеребьи в море тонут, | а и *то* бы душеньки правыя", Древн. русск. стих., 338 (т. е. те будут признаны правыми, чьи жеребьи потонут в море). „*Кой час* дураки войдут, *то* уцепятся друг другу в волосы", Всяк. всяч., 226; или без *то:* „*кой час* отобедал я, простясь, уехал домой", ibid., 19.

б) Повелительное и условное наклонения

§ 270. 1. Повелительное наклонение употребляется двояко: независимо и в зависимости от изъявительного. В первом случае оно не входит в состав придаточного предложения; напр. „*будь* по-твоему!“, „*да будет* по-твоему“. Во втором оно подчиняется изъявительному наклонению и употребляется в предложении придаточном; напр., „*куда* ни *поди,* везде надобно спускаться с горы или всходить на гору“, Карамз., II, 298 (слич. § 192).

Равномерно и частица *да,* сверх повеления и желания, означает подчинение придаточного предложения; напр., в О. ев. аще хощѫ да тъ прѣбываѥть, Ио., 21, 22; в испр. также *да*. Разделенное у нас на два предложения соединено в греческом тексте в одном: θέλω μένειν.

2. В словосочинении условного наклонения должно отличать прошедшее время от будущего.

а) Прошедшее означает не подчинение, а связь двух предложений, главного с придаточным, допускаемую под условием; потому и употребляется и в том, и в другом; напр., в О. ев. аще не бы былъ сь зълодѣи. не быхомъ прѣдали ѥго тебѣ, Ио., 18, 30. Так как наш союз *бы* есть остаток этого наклонения, то и употребляется также и в главном, и в придаточном: „если *бы* не был — то́ не предали *бы*“.

б) Будущее условное употребляется только в придаточном; напр., в Лавр. сп. лет. „аще ли *купилъ буде* грьчинъ, подъ хрестомъ, достоить ему, да возьметъ цѣну свою, елико же *далъ будеть* на немъ“, 21. Потому и происшедший от этой формы союз *буде* служит указателем придаточного предложения: „*буде* купил что-нибудь, пусть продаст за свою цену“; „пусть продаст за свою цену, *что* бы ни купил“.

в) Союзы

аа) *Если — то. Ино*

§ 271. Настоящий знаменатель придаточного предложения есть союз *если* (= есть ли), а также соответствующие ему старинные: *аще, аже, оже, еже,* откуда ныне употребительный *ежели.*

Примеч. 1. О союзах *еже, оже, ежели* см. в § 280.

Условный союз *если,* по существу своему, не нуждается в соответственном ему *то,* как это явствует в предложениях, в которых условие означено после следствия или в которых немногосложность позволяет обойтись без вставки *то;* напр., „прочти, если хочешь“, „если хочешь, прочти“. Только ради ясности и вы-

разительности, особенно в предложении распространенном, оказывается потребность в частице *то* (или народн. и старин. *ино*).

Примеч. 2. Напр., в Грамоте смол. князя с Ригою и Готск. берегом 1229 г. аже латининъ дасть роусиноу товаръ свои оу долго оу смольнске (т. е. в долг в Смоленске) ꙁаплатити нѣмчиноу пьрвѣе. Вариант: оже нѣмѣцкый гость продасть свои товаръ в долгъ въ смолѣньскѣ, а русинъ будеть долженъ руси, ино нѣмцичю напередї вꙁяти.

Примеч. 3. Соответствуя частице *если,* союз *то* имеет значение заключительного; потому может заменяться частицею *так;* напр., „пошел, *так* иди“ (= *если* пошел, *то* иди); союз же *ино, ин* (от *иной*) собственно означает *нечто другое, иной* случай, оказавшийся вследствие предположенного условия. Потому этот союз с понятием о заключении соединяет противоположение; напр., в послов. XVII в. „есть собака, *инъ* камени нѣтъ“. Равномерно и в новейшем языке тем же оттенком отличается *ин* (= ино) от заключительного *так;* напр., у Пушк. „*ин* не бывать же тому!“, VIII, 71. Потому же в областном языке *ино* употребляется в случае недоумения; напр., „как *ино* у тебя дочь-ту зовут?“ Соединенный с *бы,* в областном же языке, означает желание; напр., „*иноб* ты спать лег“. Союз *то* пользуется заключительным смыслом уже в переносном значении: собственно же, и как союз, он только указывает; как, напр., это видно в следующем примере: „а и первая рота шла, *то* донские казаки, | другая рота шла, *то* знамена пронесли“, Чулк., 1, 129. В первом случае *то* есть еще местоимение, но во втором уже союз (т. е. указательное наречие, связывающее два предложения).

Условие, означаемое союзом *если,* как понятие отвлеченное, имеет себе соответствующую форму, более наглядную, в означении времени частицею *когда* и народною *коли.* Потому *когда* — *тогда* и *если* — *то* употребляются одно вместо другого; напр., в следующем месте *если* — *то* могут быть заменены частицами *когда* — *тогда:* „*если* озеро тихо, *то* высокие, пирамидальные утесы, по берегам стоящие, начертываются длинными полосами в зеркале вод“, Бат., I, 170. Что же касается до частицы *коли,* то ей собственно соответствует *толи,* потом *тогда* и уже в переносном значении *то;* напр., у Дан. Зат. по рук. XVII в. „*коли* пожретъ синица орла, *коли* каменіе воспловетъ по водѣ, *коли* свинія почнетъ на бѣлку лаяти, *тогда* безумный уму научится“. „А *коли* умру, *то* дети мои будут страдать еще более“, Пушк., VIII, 280.

Примеч. 4. Иногда, впрочем редко, встречается у писателей соответствие *если* — *тогда;* напр., у Бат. „*если* глаза мои остановятся на розах белых и пурпуровых, собранных в золотом сосуде рукою прелестной девицы: *тогда* мне кажется, что я вижу лицо той, которая все чудеса природы собою затмевает“, I, 265.

Условная связь может быть не только между целыми предложениями (как в приведенных примерах), но и между членами одного предложения. В последнем случае предполагается слияние предложений. Напр., „однако ж небо награждает усердие друзей истины,

и *естьли* не совсем, *то* хотя сколько-нибудь озаряет их светом ея", Карамз., III, 320. „И вид с него, *если* не обширнее, *то* привлекательнее", Жук., VII, 205. В первом примере условием соединены слова обстоятельственные, во втором прилагательные, вошедшие в состав сказуемого.

Примеч. 5. В предложении уступительном замечается переход от подчинения к сочинению. См. § 277.

бб) *Еслибы, дабы, чтобы*

§ 272. Частица *бы,* слагаясь с союзами *если, да, что,* придает им смысл предположения; напр., „офицер имел повеление убить его (т. е. узника), *естьлибы* он снял ее" (железную маску), Карамз., II, 557. В таких предложениях подчинение выражается не частицею *бы,* а теми союзами, к которым она прилагается (= убить *тогда, когда* снимет маску = *тогда бы, когда бы* он снял маску). Равномерно и в союзе *дабы* подчинение означено частицею *да: да* пребывает = *да*бы пребывал. *Чтобы* есть форма чисто русская; ей соответствует в церковнославянском *да.*

Примеч. 1. В церковных книгах уже XV в. встречаем русское *чтобы* вм. *да;* напр., в Ветх. зав., по рук. Румянц. муз. того ра чтобъ принесли; в испр. яко да принесѫть, Лев., 17,5.

В практическом отношении о союзах *чтобы, если бы* и *дабы* должно заметить следующее:

а) Частица *бы* после *чтобы, если бы, дабы* обыкновенно опускается; не принято, напр., говорить: „*чтобы* пошел и принес *бы* мне книгу". Впрочем, иногда, и особенно в предложении распространенном, лучшие писатели позволяют себе отступать от этого правила.

Примеч. 2. Напр., у Крыл. „*чтобы* в моих поместьях никогда | не высыхала *бы* вода", 185. У Пушк. „*если бы* Потемкин и Брант сделали свое дело, и успели *бы* удержаться", V, 124; „первою мыслию моею было опасение, *чтобы* батюшка не прогневался на меня за невольное возвращение под кровлю родительскую и не почел *бы* его умышленным ослушанием", VII, 79; „но я требовал, *чтоб* ее только прогнали из конторы без запасов и запретили *б* туда являться", VIII, 306.

б) В новейшее время введено в наш язык из иностранных такое употребление союза *чтобы,* которого чистая народная речь не допускает. А именно:

α) В том случае, когда чисто по-русски употребляется сокращенное предложение, выраженное неопределенным наклонением; напр., у Жук. „позвольте мне, *чтоб* я *умыл* | вам руки и лицо", VI, 320 (= нем. „erlauben sie mir, dass ich ihnen hände und gesicht wasche" = позвольте умыть вам руки и лицо).

Примеч. 3. У Жук. „если ваша питомица подлинно дочь нам, то *должно, чтоб были* | три родимых пятна“ и проч., V, 224 (= то у ней должно быть три родимых пятна); „пошел он к королю и приказал, | *чтобы* о нем немедля *доложили*“, VI, 286 (= нем. „und befahl, dass man ihn unverzüglich anmelden solle“); „дай мне мешок, да сапоги, *чтоб мог* я, | ходить за дичью по болоту“, 284 (= нем. „gieb mir die jagdtasche und die stiefel, damit ich im sumpfe jagen kann“).

β) *Чтобы,* по французскому словосочинению, для означения предположения; напр., у Карамз. „Ле-Брюн не мог равнодушно слышать, *чтобы* говорили о Ле-Сюеровых картинах“, II, 574 = франц. „Le Brun ne pouvait entendre de sang froid qu'on parlât des tableaux de Lesueur“).

γ) *Чтобы,* употребленное в соответствие местоимениям *кто* и *что* (для выражения французского pour); напр., у Жук. „а ты *кто, чтоб* меня | так дерзостно позорить?“ — „и *кто* же ты, *чтоб* петлей мне грозить? | и *кто* твой Тус, *чтоб* руку на Рустема | поднять в повиновенье | безумной ярости своей?“, VI, 86 (= франц. „et toi, qui es-tu pour m'outrager si hardiment?“ — „et qui es-tu pour me menacer de la corde? et qu'est ce que ton Touss pour lever la main“ и т. д.).

δ) *Слишком, чтобы* (= франц. trop — pour); напр., у Пушк. „я *слишком* был счастлив, *чтоб* хранить в сердце чувство неприязненное“, VII, 116; „Сильвио был *слишком* умен и опытен, *чтобы* этого не заметить“, VIII, 22 (= франц. „j'étais trop heureux pour conserver dans mon coeur un sentiment d'inimitié“ — „Silvio avait trop d'esprit — pour ne pas le remarquer“).

вв) *Будто*

§ 273. Этот союз собственно означает предположение и сомнение и составляет сам собою целое предложение: *буд-то* (будь-то), как и *есть ли* (§ 192); но когда употребляется в придаточном, тогда соответствует указательной частице *то;* напр., „я видел во сне, *будто* плыву по морю“ (= видел — *то, что* плыву = видел *то, что будто*). Таким образом, при *будто* в этом случае предполагается частица *что: что будто.* Теперь принято опускать ее; но как в старинном и народном языке, так и у писателей она весьма часто удерживается.

Примеч. Напр., „Заблуждение его состояло в том, *что будто* не льстя не можно быть учтиву“, Ф. Виз., 495. „Кто как ни говори, *что будто* нет страстей“, Хемн., II, 14. „За старое предание рассказывают, *что будто* бы причиною того был“ и проч., Карамз., II, 199. „Я спал и видел странный сон: | *что будто* светлый Аполлон“ и проч., Бат., II, 251. „И показалось мне, | *что будто* встал я и приполз к его | ногам“, Жук., VI, 327. Слич. также III, 172; V, 212; V, 263; VI, 273. „Едваль соседи и не правы, | *что будто* у него

в шкатулке миллион", Крыл., 296. — В старинном языке: „отвѣтчики сказали на судѣ, *что* де *будто* ся тѣхъ ихъ оброчныхъ земель не пашутъ", Юрид. акт., 1612. Во всех этих предложениях *что* соответствует явному или подразумеваемому местоимению *то*.

2. ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ СОКРАЩЕННОЕ

§ 274. Полные предложения сокращаются в имена существительные, прилагательные и наречия, т. е. переходят в какой-либо отдельный член предложения: в подлежащее, в дополнительное слово, в определительное или обстоятельственное (§ 135). Так как существо предложения состоит в сказуемом, т. е. в глаголе, то этой части речи дана возможность, при сокращении предложений, принимать форму или существительного — в неопределенном наклонении, или прилагательного — в причастии, или наречия — в деепричастии.

Примеч. 1. Сокращение предложения в форме существительного подробно объяснено в §§ 260 и 261.

а) Причастие и деепричастие

§ 275. Словосочинение причастий в отношении к согласованию в роде, числе и падеже ничем не отличается от прилагательных; а в отношении времен подчиняется общим законам с глаголами (§ 199).

Причастия краткие, т. е. наши деепричастия, в цс. изменялись по родам и числам и, следовательно, были такими же прилагательными, как и причастия полные (§ 54); у нас же стали неизменяемыми наречиями.

Деепричастия употребляются в русском языке двояко: 1) в зависимости от главного предложения и 2) независимо от него.

1) Деепричастие, употребленное в зависимости от главного предложения, относится к его подлежащему; напр., „так тяжкий млат, | *дробя* стекло, *кует* булат", Пушк., II, 269: деепричастие *дробя* и глагол *кует* имеют одно и то же подлежащее *млат*. Подлежащее, в этом случае, обыкновенно поставляется в главном предложении вместе с глаголом; а если между подлежащим и сказуемым вставлено придаточное, то это последнее отделяется запятыми. Впрочем, как у писателей, так и особенно в народном языке, подлежащее ставится и в придаточном при деепричастии; напр., у Хемн. „*пришедши мальчик* в лес, | гнездо на дереве увидел и полез", II, 17; у Пушк. „*приехав он* прямым поэтом, | пошел бродить", I, 244.

Примеч. 1. В народном языке: в послов. XVII в. „*видя мышь* кошку, забыла и ложку", „*видя волкъ* козу, забываетъ грозу". „*Хватя он* царевича за белы ручки, | повел царевича за Москву реку", Древн. русск. стих., 329.

В дух. стих. „что жили вы тамо на вольном свету | грехи *вы* ко грехам *прилагаючи,* | про страшен суд *вы* божий *забываючи,* | а про вечное житие *вы* не *вспоминаючи*“, 16, 200.

2) Деепричастие независимое не относится к подлежащему главного предложения и употребляется самостоятельно; напр., „я слыхал пословицу: *не учась,* в попы не ставят“ (т. е. неученых, необразованных в священники не ставят), Ф. Виз., 572. У Даля в послов., и правильное чисто народное сочетание: „*не уча,* в попы не ставят“, и с искусственным, книжным подновлением: *нéуча,* т. е. невежду. „*Армия* наша, вся вместе состоявшая из 79 800 человек, *не считая* казаков и молдаван, — уже не составляла“ и проч., Пушк., XI, 306—7.

Примеч. 2. В старинном и народном языке: в Юрид. акт. „*ѣдучи* отъ Темникова по Чекаевской дорогѣ, на лѣвой сторонѣ у дороги *старая грань*“, 1611; „*ѣдучи* отъ рѣки отъ Уронги до рѣчки до Каменки, на правѣ *земля* села Исакова помѣстія Девятого Змѣева“, 1631. В Кн. Больш. черт. „а ѣдучи въ верхъ тѣми рѣками, на правѣ, подлѣ Муравской дороги, *кладязь*“ и проч., 10. В послов. XVII в. „бобы не грибы: не *посѣявъ* не *взойдутъ*“, „*бьючися* съ коровою, *не молоко*“. В Древн. русск. стих. „и год, другой *тому времени поизойдучи,* | *те татары* — | на Ермака Тимофеева | *напущалися*“, 122; „и мало время *поизойдучи* | *пришел Чурила Пленкович*“, 164; „*оседлавши он Еким* добрых коней, | *наряжаются* они ехать ко городу ко Киеву“, 182. В олон. былин. „только видели молодца *сядучись,* | а не видели удалого *поедучись*“ (как молодец сел, как он поехал); „не учествовать молодцев *приедучись,* | а не ужаловать ти молодцев *поедучись*“ (когда молодцы приехали, когда поедут); „застал ли его *забавлякочись*“ (забавляющегося); „а и видели старика *походючись*“ (идущего); „сквозь воду увидел *пекучись* красное солнышко“ (пекущее, как пекло); „увидел *едучись* старого Никиту Романовича на добром коне“ (едущего), Рыбн., I, 45, 162, 199, 225, 377; II, 217. В дух. стих. „*не дошедши она* до синя моря, | *налетал Змеище Горынище*“, Кал., I, 525.

Независимые деепричастия, таким образом употребленные, соответствуют цс. дательному самостоятельному; напр., в О. ев. поздѣ же бывшоу. приде ч҃лкъ богатъ, 202а (ὀψίας δὲ γενομένης); так же и в Галицк. ев. поздѣ же бывшю, 66, равно как и в испр. Матф., 27, 57.

Независимое деепричастие употребляется в русском языке преимущественно при глаголе безличном; напр., „*родясь* в романической земле, отвечал он, как *не любить* поэзии?“, Карамз., II, 221. „*Велено было идти* в Оренбург, *зарывая* или *потопляя* тяжести и порох“, Пушк., V, 27. „Другой *позволено было* только *сидя дремать*“, Пушк., V, 92. „*Увидя то,* на мысли Волку *вспало,* | что Лев, конечно, не силен“, Крыл., 171.

Примеч. 3. В старинном и народном языке: „*пѣвше* пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ *пѣти*“, Сл. о полку Игор. „И *живучи имъ* въ томъ дворѣ, *владѣть имъ* дворовой и огородной землею и садомъ и хмѣлевыми гнѣздами“, Юрид. акт., 1671. „*Не поклонясь грибу* до земли, не *поднять* ево

въ кузовъ", Послов. XVII в. *„Лежучи* у Ильи втрое силы *прибыло"*, Былин. — В литературе XVIII в. „что ж *делать живучи* в деревне отставному человеку?", Живоп., 99.

В языках романских независимые формы причастий и деепричастий гораздо употребительнее, нежели у нас, и притом столько же при безличных глаголах, сколько и при личных. Напр., во франц. *„lui mort nous n'avont* point de vengeur", Corn. „Notre profond silence *abusant* leurs esprits *ils n'osent* plus douter de nous avoir surpris", Corn. *„L'assemblée finie chacun se retira* chez soi".

В книжном языке, не только в новейшем, но и у писателей XVIII века, должно отличать оборот с независимым деепричастием при личном глаголе, заимствованный из чужих языков, от оборотов чисто русских, народных, которые теперь наиболее сохранились только при безличном глаголе. Напр., у Пушк. „вы согласитесь, что, *имея* право выбирать оружие, *жизнь* его *была* в моих руках", VIII, 24. У Крыл. „хоть я и не пророк, | но, *видя* мотылька, что он вкруг свечки вьется, | *пророчество* почти всегда мне *удается*", 229.

Примеч. 4. О таких иностранных оборотах Ломоносов говорит следующее: „Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи состоит сила: *идучи в школу, встретился я с приятелем; написав я грамотку, посылаю за море*. Но многие в противность сему пишут: *идучи я в школу, встретился со мною приятель; написав я грамотку, он приехал с моря; будучи я удостоверен о вашем к себе дружестве, вы можете уповать на мое к вам усердие;* что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое российское сочинение" (Граммат., § 532). Из писателей XVIII в. особенно часто встречаются такие обороты у Ф. Виз.; напр., *„не имея* третий месяц никакого об вас известия, *нетерпение* наше *было* несказанное", 433; *„приехав* в Белев, по счастию *попалась* нам хорошая квартира", 525.

Примеч. 5. К иностранным же оборотам принадлежит подчинение деепричастия причастию, а притом такому, которое постановлено в косвенном падеже; напр., у Жук. „как бешеный, Зораб впился руками | в его серебряные кудри, | *рассыпанные* по плечам, | в сраженье *выпав* из-под шлема", VI, 154—5.

б) Неопределенное наклонение

§ 276. Полное придаточное предложение, состоящее из глагола с частицами *что, чтобы, дабы,* может сокращаться в форму неопределенного наклонения; напр., у Крыл. „Крестьянина Червяк просил его *пустить* в свой сад", 221 (= *чтобы пустил* в свой сад); у Пушк. „мы поверили только отчасти, хотя повествователь и хвалился *быть* дворянином", XI, 305 (= хвалился *тем, что* он дворянин).

Такое сокращение придаточного может быть как при глаголе, напр. *думаю идти* (= о том, чтоб идти), так и при имени: *пора идти* (= чтоб идти), *охотник кататься* (= до катанья, до того, чтобы его катали).

Если в сокращенном придаточном предложении есть подлежащее, то оно при переходе глагола в неопределенное наклонение иногда опускается, иногда же ставится в косвенном падеже, или 1) в зависимом от глагола главного предложения; напр., „решили *меня* поспешить отъездом в чужие края“, Ф. Виз., 593 (= внушили мне решимость поспешить...); у Гриб. „*от нас* потребуют с именьем *быть* и в чине“, 33 (= потребуют, чтобы мы были...); или 2) в падежах дательном или творительном, не зависимых от главного предложения; напр., с дательным у Пушк. „взяв на себя *самому* ее *выбрать*“, X, 33; „назначил *быть свадьбе*“, X, 215. С творительным: у Дмитр. „а им | печатный всякий лист *быть* кажется *святым*“, I, 53. У Жук. „славлюсь я *быть уроженцем* широкоравнинного Крита“, Перев. Одис., 14, 199.

Примеч. 1. В Супр. рук. молили прити юмоу, 151 (чтоб он пришел). — В послов. XVII в. „ждутъ Ѳому, чаютъ *быть уму*“. У Ломон. „не всяк ли чает *быть* чудесно“, Ода 6. „В чаянии еще *быть* ему *живому*“, Зап. Дан., 128. „В коих (т. е. в порослях) по рассуждению своему чают *быть зверю*“, Пс. ох., 51.

В языках романских особенно распространено употребление неопределенного наклонения с подлежащим в сокращенном придаточном предложении; напр., во франц. „Charles étoit un prince *qu*'on savoit *n'avoir* jamais *manqué* à sa parole“, „les mêmes effets *que* nous avons dit *appartenir* à cette maladie“ и проч.

Примеч. 2. Эти обороты ведут свое начало от латинского словосочинения, по которому придаточное предложение сокращалось в неопределенное наклонение с винительным падежом подлежащего; напр., „constat nivem esse albam“ (= известно, что снег бел).

Винительный с неопределенным наклонением, заимствованный из чужих языков, был весьма употребителен в цс. и в русской старинной литературе. Барсов в своей Грамматике об этом обороте говорит следующее: „хотя с другими глаголами крайне несносно слышать, напр., *я видел вас вчера ехать*, или *я впервые вижу вас играть в эту игру*; но по крайней мере с неокончательным *быть* таковое приведение может иногда иметь место и в российском языке. Напр., *я мню, считаю, что сей человек вам друг, что сия поездка вам полезна, сие происшествие вам полезно, сии люди вам друзья, сии книги, дела вам полезны; я думаю, мню, считаю сего человека вам быть друга, сию поездку вам быть полезну, сих людей вам быть друзей, сии книги, дела вам быть полезны*. Однако последующий винительный в сем случае нередко изображается творительным качества, как-то: *я мню сего человека вам быть другом, сии книги вам быть полезными* и проч.“.

Впрочем, должно заметить, что по большей части винительный у нас употребляли в зависимости от действительного глагола главного предложения;

напр., в Супр. рук. нарєчє тѧ господь патриархоу быти, 92. „*Тебя* душа моя быть *чает*“, Держ., I, 3. — „Я *тебя осуждаю* быть пышным“, Всяк. всяч., 342. „Все хохочут, и *заключают* в нем быть *сумасшедшего*“, Расск., 15.

Сокращаются у нас в неопределенное наклонение с подлежащим преимущественно такие придаточные, в которых сказуемым бывает вспомогательный глагол. А так как этот глагол может опускаться, то обыкновенно мы употребляем сокращенное предложение без неопределенного *быть:* так что вставка этого глагола бывает уже противна русскому словосочинению; напр., в Шуйск. акт. „Ивашко Охапкинъ сказалъ себѣ отъ роду двадцать пять лѣтъ“, 1683 (= что ему 25 лет, = сказал себе быть 25 лет). У Пушк. „полагая его в разъездах“, X, 122 (= что он в разъездах = быть его или ему в разъездах).

Примеч. 3. Иногда придаточное предложение сокращается, вместо неопределенного наклонения, в причастие и прилагательное; напр., в Супр. рук. вьси дивлѣхѫ сѧ видаште дѫва облиствьнѣвьша, ти бо вѣдѣхѫ и иꙁдавьна соухъ, 13. В Новг. лет. „творяхуть бо его перевѣтъ державша къ Михаилу“, 1, 71.

Б. СОЧИНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ РАВНОСИЛЬНЫХ

§ 277. Равносильные предложения сочиняются одно с другим тремя способами: 1) соединительным, 2) противительным и 3) разделительным. Каждый из этих способов пользуется соответствующими ему союзами (§ 165).

Следующие из союзов требуют особенного рассмотрения:

1) Союзы *а, же, да,* означают и соединение, и противоположение, смотря по смыслу речи. *Же* и *да* и теперь употребляются в том и в другом значении; напр., „дети утешение родителям, они *же* и подпора им в старости“, „дух крепок, тело *же* немощно“; у Пушк. „старик сидит *да* пишет“, I, 273; в Древн. русск. стих. „хотел было и этот дом описывать, | *да* отложил все печали на радости“, 29. Что же касается до союза *а,* то теперь в книжном языке он употребляется только в значении противительном; в старинной же и народной речи он имел смысл и соединительного; напр., в Юрид. акт. „язъ, господине, ту грамоту данную писалъ, *а* рука моя“, 1479—1481.

2) Союз *а* тем отличается от *но,* что означает не столько противоположность, как этот последний, сколько раздельность или распределение понятий; как это видно в следующих примерах: „они первую-то часть (т. е. пленников) под меч преклонили, | *а* вторую часть по себе разделили, | *а* третью часть они запродали“, Дух. стих., 5, 28. В Зап. Дан. „отправился с молодою своею супругою, *а* моей матерью“, 18; „мать их, *а* моя бабка, Афимья Павловна была тогда уже вдовою“, 18. У Ф. Виз. „вторая суп-

руга отца моего, *а* моя мать, имела разум тонкий“, 483. У Пушк. „скрыть мишень и другие укрепления, *а* избу разломать“, V, 39.

3) Противительные союзы: *но, однако, впрочем, не то.*

Союзы *однако* и *впрочем* отличаются один от другого самым производством: *однако* = единственно, *только*: как древн. *единако* происходит от *единакий, одинакий,* так и *только* от *толький. Впрочем* = *в-прочем,* т. е. во всем остальном.

Примеч. 1. *Однако* с противоположением соединяет понятие о единстве; напр., в следующей пословице XVIII в. „брито и стрижено, *однако* голо“. В областном языке *однако* значит: 1) в арх., новг., пермск. „одинаково“, „сходно“: „все *однако*“ (= все равно), „убил одново, ухайдакаю и другова: *одна́ко* (одинаково) уж отвечать-то“; 2) в арх., сиб. „кажется“, „как будто бы“: „*однако,* это он идет“ (= кажется, это он идет). — *Только* вм. *однако:* „нрав отца моего был хотя вспыльчив, *только* скоро отходчив и не мстителен“, Зап. Дан., 22. Вместо *только* употребляется иногда *один;* напр., у Бат. „не *однех* побежденных трудностей ищу в картине“, I, 153.

Таким образом *однако* и *впрочем,* по первоначальному значению своему, существенно отличаются от собственно противительного *но.* А так как они содержат уже в себе и противоположение, то союз *но* обыкновенно при них опускается. Потому вообще не принято в книжной речи употреблять: *но однако, но впрочем,* хотя и встречаем эти выражения даже у лучших писателей.

Примеч. 2. Напр., у Ф. Виз. „чувствую, что письмо мое сколь длинно, столь и нескладно, *но однако* посылаю его“, 304. У Крыл. „*но* победителем *однако* ж он остался“, 321. У Жук. „и слушал | его (т. е. ворона) с большим вниманьем Серый Волк, | и мудрости его необычайной | дивился, *но однако* все за хвост | его держал“, VI, 242. У Пушк. „жалею, сказал ему регент: *но впрочем* вы правы“, X, 14.

Однако и *впрочем* (согласно своему происхождению и первоначальному значению) могут противополагать придаточное предложение главному. Хотя употребление этих союзов в подчинении предложений вообще не допускается в книжной речи, но оно весьма обыкновенно, не только в разговоре, но и у писателей. Напр., *однако:* „вчерашний день был без сомнения наилучший в его жизни, *которая однако* скоро пресечется“, Ф. Виз., 294; „поэмы: Триумф Любви, — Непорочности, — Смерти, — Божества, *в которых* самый снисходительный критик найдет множество несообразностей и оскорблений вкуса, *заключают однакоже* в себе неувядаемые красоты слога, выражения и особенно мыслей“, Бат., I, 157—8. „*Негодуя* на свои неудачи, *не терял однакоже* надежды“, Пушк., V, 120.

Вместо „в противном случае“, употребляется иногда *не то,* выражение, состоящее из отрицания *не* и указательной частицы *то;* напр., у Жук. „правду говори, *не то* тебе достанется“, VI,

294. У Пушк. „не смей переманить | работника! *Не то,* в приказ холопей“, I, 301; „не должно пренебрегать этим упражнением, *не то,* отвыкнешь как раз“, VIII, 33.

4) К противительному сочетанию мыслей принадлежит у с т у п и т е л ь н о е. По смыслу уступительное предложение подчиняется противоположному, с ним соединенному; напр., у Крыл. „он с виду *хоть* и прост, | *а* свойство чудное имеет“, 62 (= имеет чудное свойство при всей наружной простоте своей, — несмотря на простоту наружную); но в грамматическом отношении оба предложения оказываются равно главными, состоящими во взаимном отношении при посредстве союзов *хотя — однако.* Потому уступительное предложение может быть разложено на простое противительное: „*хотя* пойду, *но* ничего не найду“ = *и* пойду, *да* ничего не найду.

В практическом отношении об этом предложении должно заметить следующее: 1) В книжном языке преимущественно принято сочинять союз *хотя* с *однако;* но у писателей встречаем весьма часто: *хотя — но, хотя — да, хотя — а.* 2) Этими союзами сочиняются не только целые предложения, но и отдельные части их; и тогда *хотя* может стоять и в средине предложения.

П р и м е ч. 3. Примеры: у Карамз. „Берн есть *хотя* старинный, *однакож* красивый город“, II, 258. У Пушк. „полки сии, *хотя* пехотные, *но* в походе садятся на конь“, XI, 273. У Крыл. „а ты вперед ее *хоть* меньше бей, | *да* кражу отнимай у ней“, 116. Пример соответствию *хотя — а* приведен выше.

Уступительное предложение, в смысле придаточного, может стоять позади или среди главного, которое в таком случае не имеет уже при себе союза противительного; напр., „пойду, хоть и не звали меня“ (= пойду и незваный).

П р и м е ч. 4. В народном языке иногда употребляются союзы *хотя — но* вм. *если — то;* напр., в Древн. русск. стих. „оставь шутку на три дни, | *хоть* (т. е. хотя) не для меня, *но* для своего сына“, 100. См. § 279.

5) Разделительное предложение состоит в тесной связи с вопросительным; напр., „не знаю, пойдет ли“ = „пойдет ли? — не знаю“. Если вопросительное предложение слагается с ответом, то оно подчиняется ему, как придаточное: так в приведенном примере *пойдет ли* есть дополнение к *не знаю.* Здесь должно отличать союз *ли* от *или, либо. Ли* есть собственно вопросительный, но в частице *или* прилагается уже к нему соединительный *и. Либо (любо)* означает то же, что *или.*

П р и м е ч. 5. В придаточном же предложении употребляется *ли* вм. *если;* напр., в Супр. рук. не послоушаюте ли мене молѧштоу ми сѧ вамъ, то поудите мѧ повелѣною отъ цесара сътворити, 133. Соответствие условного предложения разделительному явствует из сличения испр. текста и҆ а҆́ще прїи́детъ во вторꙋю стра́жꙋ, и҆ въ

третїю стра́жу прїи́деть (так же и в греч. καὶ ἐὰν ἔλθῃ ἐν δευτέρᾳ φυλακῇ, καὶ ἐν τῇ τρίτῃ φυλακῇ ἔλθῃ), Лук., 12, 38. — с текстом О. ев. любо въ въторжж любо въ третиѭѭ стражѫ придеть, 106 г. В Галицк. ев. так же: любо въ вторую, любо въ третьюю стражю придеть, 149 л. и об.

В русском *ли* полагается только позади того слова, к которому относится; в цс. же и впереди, в значении „или“, „либо“, и позади — в значении вопроса; напр., в О. ев. ли юдиного дрьжить сѧ а о дроуѕѣмь нерадити начьнеть, Матф., 6, 24. Не д҃вѣ ли надесѧте годинѣ юсте въ дьни, Ио., 11, 9.

Союзами *или, либо* соединяются уже только равносильные предложения или их члены; напр., „многое происходит или от случая, или от судьбы“. Впрочем, при этом постоянно подразумевается главное предложение, которому подчиняются разделительные: = многое происходит неизвестно от чего — от случая ли, или от судьбы.

Иногда при разделительном сочетании слов допускается противительный союз *но*, в смысле „только“; напр., у Бат. „древо наук будет процветать под тению его державы и рано *или* поздно, *но* даст новые плоды“, I, 93.

Разделительность, соединенная с отрицанием, выражается частицами *ни — ни, ни — ниже;* напр., „не хочу *ни* оправдываться, *ни* скрывать истину“ — „*ниже* скрывать истину“.

Примеч. 6. Соответствие частиц *либо* и *нибудь* в местоимениях и наречиях *(кто либо — кто нибудь, куда либо — куда нибудь)* указывает на то, что *нибудь* есть предложение разделительное. Вместо *либо* и *нибудь* в областном языке ставится *ли:* арх. *куда-ли, где-ли, кто-ли* (т. е. куда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь).

Примеч. 7. Разговорная частица *али* (состоящая из *а* и *ли*) встречается уже в XII в., в Галицк. ев. азъ требоую ѿ тебе х҃ртїтїсѧ. алї ты градеши къ мьнѣ, 6 и об.; в О. ев. азъ тръбжѭ отъ тебе крьститисѧ. а ты градеши къ мьнѣ, Матф., 3, 14. В Галицк. ев. иныꙗ спсе. алї себе не можеть спсти, 107 об.; в О. ев. иныꙗ спсе а себе ли не можеть сьпасти, Марк., 15, 31.

Отрицательно-разделительная частица *ни,* будучи употреблена при относительных местоимениях и наречиях, придает им более общий смысл: потому-то и соответствуют они тогда местоимению *весь* и сложным с ним наречиям; *куда ни* = везде, *сколько ни* = все. Само собою разумеется, что такое сочетание слов принадлежит к подчинению. См. § 279.

Об этих относительных частицах должно заметить, что они требуют при себе или изъявительного; напр., *какой ни есть,* или повелительного; напр., *какой ни будь,* или условного; напр., *какой бы ни был, что бы ни было. Ни* имеет здесь значение неопределенности, происшедшей от разделения понятий *(ни = и не):* чем и отличаются эти обороты от форм, сложенных с частицею

то и означающих только неопределенность: *что-то, где-то* и проч.

Предложения с частицею *ни* употребляются различным образом:

1) Или как полные придаточные; напр., у Карамз. „все прекрасное меня радует, *где бы* и в *каком бы* виде *ни находил* его“, II, 95. В песн. „*отколь ни взялся* млад ясен сокол, | он ушиб, убил сизова голубя“, Чулк., 1, 155.

2) Или как слитые с главным; напр., у Кант. „приложил ли к царскому *что ни есть* доходу?“, Сат. 2. Сюда принадлежит оборот с частицами *что ни*, употребляющийся для означения превосходной степени; напр., в песн. „у любимой его яблоньки | отвалился *что ни* лучший сук“, Чулк., 2, 175.

Примеч. 8. В древнерусск. языке *ни* отделялось от глагола; напр., в Торг. договоре между Полоцк. и Ригою, около 1330 г. „какій *ни* товаръ *будеть*“ (вм. — *ни будеть* —). Грамоты, изд. Археогр. ком., 1857 г.

Примеч. 9. В старину для усиления разделительного значения частицы *ни* прибавлялся иногда союз *ли;* напр., „как *ли* я телесными дарованиями *ни* беден...“, Трут., 23.

§ 278. При взаимном сочинении двух или нескольких придаточных предложений в современной книжной речи принято пользоваться следующими правилами, которые, впрочем, не строго наблюдаются и лучшими писателями:

1) Не сочинять союзами соединительными или противительными двух придаточных, одного сокращенного и другого полного, и именно не сочинять причастия и глагола с местоимением *который* или с другою какою-нибудь относительною частицею. Чтобы избегать такого словосочинения, предписывается оба предложения сделать или сокращенными, или полными. Напр., следующее место из Пушк. „они предпочитали кофе, *сваренный* по их обычаю, *и который* пили они целый день“ (XI, 346) — должно бы, по этому правилу, изменить так: „они предпочитали кофе, *который был сварен — и который пили*“ и проч.

Примеч. 1. Примеры уклонения от правила: у Карамз. „потом ввели всех в большую залу, *обитую* черным сукном, *и в которой* окна были затворены“, II, 135. У Бат. „посмотрите, как говорит о беспечном сне Лафонтен, *жертвовавший* ему половиною жизни своей, *и которого* добродушие вошло в пословицу“, I, 229. У Жук. „спустились во глубину долины по лесистой горе, называемой die heiligen Hallen, *и которая,* как необъятный разрушенный амфитеатр“ и проч., VII, 204. У Пушк. „по Спасскому монастырю, *занимающему* ея правый угол, *и коего* ветхие стены едва держались“, V, 115; „две маленькие пушёчки, *найденные* в Яссах на дворе господаря, *и из которых,* бывало, палили“, VII, 249. См. также VIII, 248; XI, 275, 281, 304, 314, 337, 346.

2) Не сочинять союзами причастий с деепричастиями, как, напр., у Дмитр. „бывало, ясною *сопутствуем* луной, | *и* в мыслях *проходя* все наши разговоры“, I, 101; у Жук. „не *подвластный* року, | *и находя* в себе самом | покой“, II, 80.

3) Не сочинять союзами соединительными или противительными придаточных предложений полных или сокращенных с отдельными членами предложения главного. А именно:

а) Не сочинять полного придаточного с прилагательными и вообще с словами определительными.

Примеч. 2. Уклонения от этого правила: у Карамз. „так *называемый* Итальянский театр, *но где* играют одни французские мелодрамы, есть мой любимый спектакль“, II, 480. У Бат. „писателя, *известного* и в странах отдаленных, *и которым* должно гордиться“, I, 50; „мне отвели комнату в верхнем жилье, весьма *покойную, но где* с трудом можно было развести огонь“, I, 196; „вопрос важный, *достойный* внимания мудрецов, *и которого* я решить не смею“, I, 230. У Пушк. „движение *дерзкое, и которое* чуть было не увенчалось бедственным успехом“, VII, 160; „женат на вдове, женщине *хорошей дворянской фамилии, и которая* для него переменила свое вероисповедание“, XI, 252; „был утвержден стол *необыкновенной длины, и за которым* насчитал я до ста десяти кувертов“, XI, 284.

б) Не сочинять полного придаточного с словами дополнительными.

Примеч. 3. Примеры уклонения от этого правила: у Ломон. „Нестор *о* Новегороде упоминает прежде всех городов российских, *и что* дважды строен“, III, 85. У Пушк. „он ко мне пришел поздравить меня *с* достославным нашим отступлением и *с тем, что* генерал Янус благосклонно отзывался ему обо мне“, X, 335.

в) С членами предложения не сочинять придаточных предложений сокращенных, состоящих из деепричастий.

Примеч. 4. Примеры уклонения от правила: у Карамз. „опершись на стол, просиживал я дни и ночи, почти *без всякого движения и закрыв* глаза“, II, 336. У Пушк. „*в таком расположении, и наблюдая* все те же дистанции“, XI, 345.

г) Не сочинять обстоятельств, означенных предлогами при именах, с придаточным, состоящим из союзов *чтобы, дабы,* при неопределенном наклонении; как, напр., у Пушк. „должны были оставаться в Сороке, *дабы сберегать* нам отступления *и для сопровождения* провианта“, XI, 294 (вм. *и сопровождать провиант*).

Примеч. 5. Большая часть уклонений от предложенных здесь правил усвоены нашей книжной речи образцовыми писателями.

В. ПЕРЕХОД СОЧИНЕНИЯ В ПОДЧИНЕНИЕ И ОБРАТНО — ПОДЧИНЕНИЯ В СОЧИНЕНИЕ

§ 279. Уже в предыдущих параграфах было замечено, как в некоторых случаях подчинение переходит в сочинение, и наоборот — сочинение в подчинение (см. § 277, примеч. 4, 5 и др.). Здесь следует обратить внимание на важнейшие формы этого перехода, именно: в церковнославянском сочинении предложений помощию местоимения иже и произведенных от него частиц и в предложениях винословных и сравнительных.

1. ИЖЕ И ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ОТ НЕГО ЧАСТИЦЫ

§ 280. Местоимение иже, ꙗже, єже, состоит из указательного и, ꙗ, є, с союзом соединительным или противительным же. Потому предложение, присоединяемое помощию этого составного речения, не подчиняется другому предложению, а сочиняется с ним; напр., в О. ев. она же рѣста ємоу равви. єже глєть сѧ съказаѥмо оучителю, Ио., 1, 38. — Но уже в эпоху перевода Св. писания это местоимение, утратив свое первоначальное этимологическое значение, приняло на себя значение относительного *кто, что, который;* напр., в О. ев. виждь. чьто творѧть въ сѫботы єгоже не достоить, Марк., 2, 24. иже любить оц҃а, Матф., 10, 37.

Примеч. 1. Иногда вместо иже встречается сьже, *сей же;* напр., в Библ. 1499 г. и постави мѧ срѣдѣ полѧ. сеже бѣаше плъно костїи чл҃чьскь, Иез., 37, 1. В Острожск. библ. и в испр. тексте также сеже. Такое разложение относительного местоимения на указательное и союз встречаем и в других славянских наречиях; напр., в древнечешск. „wlasti na zachodie, wsiechze wlastech luda mnoho zive“, Краледв. рук. (т. е. „власти на заходе, *в сих же* властех люда много живе“ = области на западе, в которых живет много людей).

Как средний род местоимений: *что, кое,* употребляется в значении союза, так и єже из местоимения относительного переходит в союз (=*что*).

От местоимения є и єже с приставками и окончаниями происходят союзы: зане (за-є), *понеже* (по-є-же), *ежели* (єже-ли).

Примеч. 2. Союз єже сократился в польском языке в частицу *же,* имеющую значение: „что“, „чтобы“, „еслибы“, и в этом же значении перешедшую и в украинск. наречие. Напр., в польск. „добрже чыниш, *же* ми помагаш“ (хорошо делаешь, что мне помогаешь). — Условному польскому *же* (єже) соответствует у нас *еже* — в форме *ежели.* — В древнерусском союз єже употребляется в форме *оже* (§ 26), имеющей смысл или условного *если (еже ли),* или относительного *что.* Напр., уже в Изб. Свят. 1073 г. оже ти собѣ не лю́бо. то того и дроугоу не твори, 263 об. (см. Хр.). В Новг. лет. „се слышимъ, *оже* идете противу насъ“, 1, 40. — О взаимном соответствии *еже* и *что* в сложных *ежедневно* и т. п. см. § 265. — В областном языке к *ежели* прилагается отрицание *не:* тверск., нижег. *неежели* = не только.

Славянские переводчики Св. писания пользовались местоимением иже, іаже, юже, в двух важнейших оборотах:

1) В разложении сокращенного придаточного предложения греческого на полное, т. е. в разложении причастия на глагол с местоимением иже; напр., в О. ев. дхъ юсть. иже живить, 24 в; так же и в испр. иже ѡживлѧетъ, Ио., 6, 63; в греческом же причастие *оживляющий* (τὸ ζωοποιοῦν).

Примеч. 3. Еще примеры в О. ев. іаже вѣрова (ἡ πιστεύσασα), 271 а; іаже нарицаються (ἡ ἐπιλεγομένη), 22 г; иже не съвираѭть (ὁ μὴ συνάγων), 69 а. В испр. тексте частию удерживается это древнейшее словосочинение; частию же придаточное полное сокращается; как, напр., в О. ев. достоинаіа бо. юже дѣлаховѣ въсприюмлювѣ, 192 а, б; в испр. достойнаѧ бо по дѣлѡмъ нáю воспрїéмлева, Лук., 23, 41; в Галицк. же ев. достоинаѧ бо дѣломь наю въспрїюмлевѣ, 175 об.; в греч. ὧν ἐπράξαμεν.

2) Греческий член, т. е. местоимение указательное, в некоторых случаях переводчики перелагали этим относительным местоимением, выражая, таким образом, в целом придаточном предложении то, что́ по-гречески означено только какою-либо из частей предложения главного; напр., в О. ев. оче нашь иже юси на нбсехъ, Матф., 6, 9: придаточному предложению иже юси соответствует в греческом только член ὁ (πάτερ ἡμῶν ὁ ἐν τοῖς οὐρανοῖς). Впрочем, иногда переводчики впадали в греческое словосочинение, употребляя это относительное местоимение в смысле указательного, т. е. греческого члена; напр., в О. ев. ис же рече юмоу юже не оубиюши, Матф., 19, 18 (ὁ δὲ Ἰησοῦς εἶπε αὐτῷ τό οὐ φονεύσεις). И в испр. тексте еже.

Примеч. 4. В древнейших церковнославянских памятниках замечается уже двоякое значение этого местоимения, т. е. 1) собственно славянское, согласное с самым производством (и-же), и 2) примененное к греческому словосочинению. Примеры разложения греческого члена в предложении придаточном: в О. ев. іаже сѫть оца моюго въ тѣхъ достоить ми быти, 257 б; так же и в Галицк. ев. не вѣста ли іако іаже соуть оца моюго. въ тѣхъ достоить мі быти, 118 об. (ἐν τοῖς τοῦ πατρός μου δεῖ εἶναί με); в испр. тексте изменен порядок слов и выброшен глагол сѫть, которого нет в греческом, но придаточное предложение удержано: въ тѣхъ іаже оца моегѡ достоѧть быти ми, Лук., 2, 49. Еще пример: в О. ев. идѣта въ вьсь. іаже юсть прѣмо вама, 140 в; Галицк. ев. так же: іаже юсть прѧмо вама, 45 (εἰς τὴν κώμην, τὴν ἀπέναντι ὑμῶν); в испр. идита въ весь, іаже прѧмо вáма, Матф., 21, 2. Но в следующем месте и в О. ев. придаточное без глагола вспомогательного соответствует греческому члену: а юже на дхъ хоула. не отъпоуститьсѧ чловѣкомъ, 69 а (ἡ δὲ τοῦ πνεύματος βλασφημία); в испр. тексте: а іаже на дха хула, Матф., 12, 31. В Галицк. ев. а юже на дхъ врѣдно гланию. не ѿпоуститьсѧ чловѣкомъ, 26. — Различие между Остромировым и поправленным текстом здесь то, что в первом юже = *что*: „а *что* на духъ хула"; во втором же іаже стоит ближе к подлиннику ἡ и может означать и *которая*, и уже греческий член. В Галицк. ев. юже может означать и *что* и *которое*, т. е. *глаголанье*. — В Изб. Свят. 1073 г. иоустина философа о томь

юже ѻ правѣй вѣрѣ, 10 об. (Justini Philosophi de recta fide). — При неопределенном наклонении юже употребляется или в смысле греческого члена; напр., за еже ꙋчити ми люди, Деян., 4, 2 (διὰ τὸ διδάσκειν), слич. § 195; или же в смысле союза *что*, и тогда принадлежит чисто славянскому синтаксису; напр., у Кир. Иерус. (рук. не позднее XI в.): каꙗ бо полѕѣ еже вѣдѣти о бозѣ праваꙗ ꙋчениꙗ добрѣ; в греч. неопределенное наклонение без члена: τι γαρ ὄφελος, εἰδέναι μεν τα περι θεοῦ δόγματα καλῶς.

Иоанн ексарх Болгарский (X-го в.) в своем переводе Грамматики Иоанна Дамаскина буквально переложил грамматическую терминологию с греческого на славянский; но член (ἄρθρον) называет *различием*, потому что посредством его различаются имена по родам. Впрочем, он употребляет местоимение иже в смысле члена; напр., при неопределенном наклонении: юже чести полезно, юже ѣсти потребно, юже играти ꙋкорно (по рук. XVI в.).

Примеч. 5. Местоимение иже пробовали ввести в современный книжный язык Пушкин и Жуковский; напр., у Пушк. „благословится подвиг, | *егож* они прославили заране“, I, 317; „таков вам положен предел, | *егож* никто не преступает“, I, 379; у Жук. весьма часто в переводе Одиссеи, как напр. „и налил целых двенадцать больших мне скуделей вином — *о нем же* не ведал | в доме никто из рабов и рабынь“, 9, 203—5.

2. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ВИНОСЛОВНОЕ

§ 281. Винословное сочетание предложений может выражаться двояко: или 1) подчинением предложений, помощию указательных и вопросительных, т. е. относительных частиц: *потому что, от того что, за тем что, для того что;* или 2) сочинением предложений помощию союзов: *бо, ибо.* К последнему же разряду принадлежат заключительные частицы: *убо, так, и так, потому, оттого, следственно.* По внутреннему же смыслу винословное предложение в обоих случаях подчиняется тому, при котором выражает причину или цель; а заключительному подчиняется то, из которого заключение выводится. Напр., „науки полезны *потому, что* просвещают разум“, = „*ибо* просвещают разум“; „науки просвещают разум: потому они полезны“. Переход от подчинения к сочинению предложений принадлежит здесь собственно грамматическому сочетанию слов, зависящему от свойства самых союзов: *бо, ибо, убо, так* и др.

Винословные предложения с этими последними частицами употребляются в виде главных и полагаются в начале речи; потому и после точки могут стоять союзы: *ибо, потому, и так* и проч.

Примеч. Бо и ꙋбо в цс. ставятся позади того слова, которым начинается предложение; напр., в Изб. Свят. 1073 г. родъ бо нарицають юже можеть по раѕличьныимь глатиса видомь. видъ же юсть подьчинꙗюмою по родь, 227; количьство ꙋбо юсть сама та мѣра мѣраштиꙗ и чьтоуштиꙗ, 231 об. (См. Хр.) В древнерусск. языке: в Сл. о полку Игор. „начати же ся тъи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ *бо* вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу“ и проч. — Но в польск. и в польско-русском языке

XVI и XVII в. *бо* ставится в начале предложения, перед одним из его членов. Соединяясь с *и* и *ли*, союз *бо* образует *ибо* и *либо;* а в церковнославянском с *или* и *не* — образует или бо, не бо; напр., в Изб. Свят. 1073 г. пꙗторо же образьно ѥсть се (т. е. естество) или бо разоумьно ѥсть или слозесьно. или чꙋвьствьно. или растоуштеѥ. или бездоушьноѥ, 323; сѫщиѥ бо подьлежаштеѥ ѥсть ꙗкы вешти дѣлесомь сълоучай же въ соуштий разоумѣваѥмо ѥсть рекъше тѣло и̓ образъ. не бо ѥсть тѣло въ образѣ нъ образъ въ тѣлѣ, 224. Союз *ибо* (вм. *и бо*) в Псалт. 1296 г. ибо тоу роука твоꙗ наставить мꙗ, 254 об. (в испр. и҆ та́мо бо рꙋка твоѧ̀ наста́вить мѧ̀, Псалт., 138, 10).

3. ПРЕДЛОЖЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЕ

§ 282. Сравнение выражается: или 1) членом предложения; напр., „летит *стрелою*", „быстрее *ветра*"; или 2) подчинением придаточного предложения главному; напр., „и вон из стен московских поднялися, | *как* из улья пчельный рой", Крыл., 7; „сия область древней Иверии, менее подверженная набегам дагестанских кумыков, представляла и менее развалин, *нежели* восточная Грузия или Кахетия", Карамз., ИГР, XI, 67; или 3) выражается сочинением предложений; напр., у Пушк. „не серна под утес уходит, | орла послыша тяжкий лет; | одна в сенях невеста бродит, | трепещет и решенья ждет", II, 265.

Важнейшие грамматические формы, употребляемые в сравнительном предложении, суть следующие:

1. В подчинении одного предложения другому:

1) *Как*, цс. и древнерусск. акы, ꙗко, при положительной степени.

Примеч. 1. Примеры в древнерусском: в Лавр. сп. лет. „и облизахутся на насъ *акы* волци стояще", 104; „Бонякъ же раздѣлися на 3 полкы, и сбиша угры *акы* въ мячь, *яко* се соколъ сбиваетъ галицѣ", 115; „идяху стрѣлы *акы* дождь", 115; „заутра поѣха изъ Суждаля борзо, *яко* же и на заяць", 159. В Новг. лет. „вышли есте *аки* рыбы на сухо", 34; в Ипат. лет. „выступиша *яко* борове велицiи", 2. — В народном языке к частице *как* иногда прибавляется *быть:* „глаза-то у страдницы, *как быть* у совы", Чулк., Песн., 2, 193. — Для усиления отрицания употребляется сравнительное предложение: *как нет;* напр., „одного гостя *нет, как нет*", Прач, Песн., 1; у Пушк. „но прежних лет | уж не дождусь: их *нет, как нет*", II, 201. Так как в уподоблении сближаются какие-либо два предмета только по предположению, то в народном языке к частице *как* прилагается условный союз *бы: как бы;* напр., в Древн. русск. стих. „*как бы* лист со травою пристилается, | а вся его дружина приклоняется", 49; „*как бы* русая лиса голову клонила, | пошла то Чурилья к заутрени", 383.

2) *Каков* — *таков, столько* — *сколько, столь* — *сколь*. В двух последних случаях, вместо *сколько* и *сколь,* писатели иногда употребляют *как.*

Примеч. 2. Напр., у Ломон. „знатнее прочих были поляне *не столько* военными делами, *как* торговыми", III, 140. У Бат. „чувствительность народов

южных раздражительнее, сообщительнее: но едва ли *столь* глубока, *столь* сильна, *как* чувствительность народов северных“, I, 95.

3) *Чтó* вм. *как;* напр., у Пушк. „мне виделась Москва, *чтó* муравейник“, I, 274; „девица плачет, *чтó* роса падет“, I, 302; „брат да сестра! бедные дети, *чтó* пташки в клетке“, I, 371.

Примеч. 3. Эта форма употребительнее других в народной поэзии; напр., „а и ноги, нос (у птицы) — *чтó* огонь горят“, Древн. русск. стих., 207. — Уподобление усиливается прибавлением к этой частице местоимения *твой*: тогда сравнительное предложение в виде вопроса может стоять отдельно; напр., в Анекд. древн. пошех. „вдруг все за топоры, сучья валятся, щепы летят, стук раздается. *Что твоя* кузнешная музыка?“, 35.

4) *Чем — тем,* при сравнительной степени; напр., „*чем* дальше в лес, *тем* больше дров“. Частица *чем* употребляется и одна при сравнительной степени, сначала в значении местоимения в твор. падеже *(чем-нибудь, ничем);* напр., „малым *чем* (нибудь) выше, ниже“; „*ничем* не лучше“; потом уже означает сравнение, и тогда при ней подразумевается *того;* напр., у Дмитр. „он госпожу и господина | любил не меньше (т. е. *того*), *чем* родных“, III, 96.

Примеч. 4. Когда эта частица с своим придаточным предложением стоит впереди главного, в котором употреблено прилагательное или наречие сравн. степени, тогда имеет значение *вместо того, чтобы.* Напр., у Крыл. „*чем* на мост нам идти, поищем *лучше* броду“, 64; „*чем* в диких коз терять свой корм напрасно, | не *лучше* ли бы коз домашних поберечь?“, 252. А когда к этой частице прилагается условный союз *бы,* тогда главное предложение обходится без сравнительной степени; напр., „тут *чем бы* вора подстеречь, | и наказать его, а правых поберечь, | хозяин мой велел всех кошек пересечь“, Крыл., 87. В этом случае главное может соединяться с придаточным помощию противительных союзов *а, но;* напр., „*чем бы* пойти, *а* он остался“. Так же сочиняется и *чем было* (вм. *чем*): „отцу *чем было* за сие беззаконие жестоко наказать, *но* он к тому беззаконию прибавит другое“, Похожд. Ив., 2, 32.

5) *Нежели* (древнерусск. *неже*), при сравн. степени; напр., „прежде *нежели* начну мое повествование“, Ф. Виз., 481.

Примеч. 5. Так как *нежели* состоит из трех частиц: из отрицательной *не,* противительной или соединительной *же* и разделительной *ли*; то вместо *нежели* в древнем языке иногда встречается *или (или* = (не)*же-ли);* напр., в Изб. Свят. 1073 г. и҆ оу҆нє жити въ ꙁємли поустѣ. или съ женоѭ ѩзычьноѭ и҆ которивоуѭ 170 (т. е. лучше жить в пустыне, нежели с женою болтливою и вздорною). Но еще чаще употребляется *а не (= не-же(-ли);* напр., у Дан. Зат. по ред. XVII в. „лѣпши бы ми смерть, *а не* Курское княженіе“ (= лучше мне смерть, *неже,* или *нежели* Курское княжение); в послов. XVII в. „лучше хлѣбъ съ водою, *а не* пирогъ съ бѣдою“, „лучше семью горѣть, *а ни* однова вдовѣть“ (т. е. лучше семь раз погореть, нежели однажды овдоветь). Сверх того, вм. *нежели,* в древнерусск. употребляется *нели,* а в областном *несли* и даже *не естьли,* т. е. условное *если* или *естьли* с отрицанием *не;* напр., в Ипат. сп.

лет. „луче есть на своей землѣ костью лечи, *нели* на чюже славну быти", 155; во влад. послов. „лучше семь раз гореть, *не естьли* однажды овдоветь".

В практическом отношении о подчинении сравнительного предложения должно заметить следующее:

а) Родительный падеж при сравнительной степени без нужды не разлагается у нас на придаточное предложение с союзами *чем* и *нежели;* как, напр., у Жук. „утро мудренее, *чем* вечер", VI, 250 (вм. общепринятого: „утро *вечера* мудренее").

б) После тех же союзов не терпится в придаточном предложении неопределенное наклонение, когда в предложении главном, предшествующем придаточному, сказуемое выражено изъявительным; напр., „долго ты по свету должен был странствовать прежде, | *нежели* к нам дорогу *найти*", Жук., V, 155 (вм. *нежели нашел*). Но в придаточном, предшествующем главному, неопр. наклонение терпимо; напр., „*прежде, чем найти* дорогу, долго странствовал".

Оба эти уклонения объясняются влиянием иностранного синтаксиса.

2. В сочинении двух равносильных предложений.

1) Сопоставление двух или нескольких предложений рядом, не соединенных никакими частицами; напр., в Древн. русск. стих. „упала звезда поднебесная, | потухла в соборе свеча местная: | не стало царевича у нас в Москве, | а меньшего Федора Ивановича", 330.

2) Сочинение сравнительного предложения помощию частицы *так*. В этом случае оно стоит после соответствующего ему предложения и может отделяться от него точкою; напр., у Пушк. „но в искушеньях долгой кары, | перетерпев судеб удары, | окрепла Русь. *Так* тяжкий млат, | дробя стекло, кует булат", 269.

3) Сочинение сравнительного предложения с соответствующим ему, помощию целых предложений, каковы: *будто* (будьто), *словно*, древн. *рекше, рци* (т. е. *скажи* или *скажешь*) и т. п.

Союз *будто* означает предположение и потому употребляется в сравнении вместо подчиняющего *как бы;* напр., в Древн. русск. стих. „*как бы* бель забелелася, *будто* чернь зачернелася, | забелелися на кораблях парусы полотняные | и зачернелись на море тут двенадцать кораблей", 107.

Рекше, словно соответствуют предложениям: *то есть, сиречь*, и в сравнительном предложении собственно выражают ту мысль, что уподобление берется для объяснения. *Рци* означает отношение к лицу слушающему, и особенно приличествует речи поэтической; напр., в Сл. о полку Игор. „крычатъ тѣлѣгы полунощы, *рци* лебеди роспущени".

4) Отрицательное уподобление, весьма употребительное в народном языке и частию в книжном. Сближая в уподоб-

лении один предмет с другим, эта форма в то же самое время и противополагает их отрицательною частицею *не,* поставляемою обыкновенно в том предложении, которым выражается уподобление; напр. в песн. „*не* злы вороны налетели, | злы разбойники наехали“, Чулк., 1, 135; „*не* дожжичком белое лицо смочило, | смочило белое личико слезами“, Прач, 55.

Примеч. 6. Эта форма, вполне согласная с логическим смыслом уподобления (т. е. сближения предметов разнородных), есть одна из древнейших в нашем языке. В Сл. о полку Игор. она употребляется или в кратком виде; напр., „Немизѣ кровави брезѣ *не* бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ“ (т. е. кровавые берега Немиги не житом были посеяны, и проч.); или в распространенном: „тогда (Боян) пущаетъ і҃ соколовъ на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣснь пояше (т. е. тот прежде и запевал песню), старому Ярослову, храброму Мстиславу иже зарѣза Редедю предъ пълки Косожьскыми, красному Романови Святъславличу. Боянъ же, братіе, *не* і҃ соколовъ на стадо лебедѣй пущаше, *нъ* своя вещіа пръсты на живая струны въкладаше, они же сами княземъ славу рокотаху“. Вот несколько обычных отрицательных уподоблений из наиболее употребительных в народной речи: „не сизый орел, не ясный сокол подымается“... „не лебедь белая выплывала“... „не белы снеги в чистом поле забелелися“... „не черны леса дремучие чернеются“... „что не пыль в поле подымается“... „не туман сизый с раздолу подымается“ и т. п., Даль, 1090.

Для того, чтобы усилить действие или качество уподобляемого предмета, частица *не* иногда ставится не в сравнительном предложении, а в соответствующем ему; напр., в песне: „из-за лесу, лесу темнова, | из-за гор да гор высоких, | *не* красно солнце выкатилося, | выкатился бел горюч камень, | выкатившись сам рассыпался | по мелку зерну, да по маковому“. Вместо: „*не бел горюч камень выкатился*... выкатилося красно солнце“ и т. д.

Г. СЛИЯНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

§ 283. При слиянии предложений иногда придаточное поглощается главным; напр., „ударил *чем* ни попало“ (т. е. *тем, чтó* ни попало); в послов. „всякий спляшет, да *не как* скоморох“ (т. е. *не так, как*...), Даль, 454; иногда же, наоборот, главное поглощается придаточным; напр., сокращенные предложения: *правда, даром, неравно,* так сливаются с придаточным, что образуют составное речение вместе с относительными частицами: *правда что*... *даром что*... (= хотя), *неравно как*... (= в случае, если... может быть).

Примеч. 1. Примеры поглощения главного предложения: „*даром что* большая из них половина грамоте не знают, однако для воспитания они предорогие люди“, Ф. Виз., 73. „*Не равно как* пошлют в армию“, Живоп., 82. „Не открывай, моя голубушка, окошечка, | *неравно* к тебе, сестрица, сокол залетит“, Чулк., Песн., 1, 180. — В союзе *не только — но и* также сокращено

предложение полное: *не только что* (= не только то, что); потому вместо *не только* и употребляется иногда *не только что;* напр., „он *не только что* сядет перед тобою, но и" и проч., И то и се, 15. — К слитным же предложениям принадлежат *если (есть-ли), будто (будь то)* и нек. др., § 137. — Сюда же относятся в разговорной речи: а) *не знаю, не знай: „не знай* в лесах заплутался, | в невему пустынь удалился", Дух. стих., 8, 335; б) *не весть* (сокращенно: *не весь, ни весь*): „слуги его и все домашние не знали что делать, *не весь* смеяться", Пересм., 1, 96; „попробуй говорить, и *невесть* что наскажут", Гриб. 124; в) простонародное *пытай* (= если бы): *„пытай* кабы да нарядить ее (крестьянку) так, как одеваются городские щеголихи" и проч., Кошел., 98.

Словосочинение вводного предложения объясняется слиянием. Преимущественно бывает это предложение главным; напр., „у меня, *слышь ты,* чтó вошло в ум, тут и засело", Ф. Виз., 104.

Примеч. 2. Потому иногда и случается писателям смешивать вводное предложение с настоящим главным, подчинив вводному придаточное; напр., у Ломон. „положение места, по обстоятельствам *кажется, что* было от устья полуденной Двины недалече", III, 131; у Ф. Виз. „подходя к ним, *кажется, что* идешь в Нептуново царство", 390; во Всяк. всяч. „сие опасение *чаем, что* сделает его осторожным", 216. Чистота речи требует в этих случаях вводные предложения не связывать с главными и потому выпустить лишний союз *что.* Союзы *бишь, де* (= говоришь) суть не что иное, как вводные предложения; напр., „да о чем *бишь* я тебе хотел сказать?", Ф. Виз., 68. „Из леса *де* вышли | пять каких-то зверьков", Жук., IV, 285.

Слияние предложений весьма употребительно при означении обстоятельства времени. Должно заметить, что это обстоятельство означается или в главном предложении, или в придаточном:

1) В главном предложении; напр., „сегодня третий день, *как* начался пост", Ф. Виз., 450; „нет дня, *чтоб* где-нибудь ее я не встречал", Дмитр., III, 24; „она семь лет, *как* умерла", Пушк., VII, 16 (т. е. вот уже семь лет, *как* и проч.). Сюда же принадлежит означение времени помощию частиц: *тому как* или *тому назад как.* Иногда *как* опускается; напр., „недели три тому, пришел я поздно", Пушк., I, 410.

Примеч. 3. У писателей равно употребительны обе формы: и *тому как* и *тому назад как.* Примеры последней: „вероятно и то, что когда они предприняли сии работы, *тому* несколько сот лет *назад,* они уже имели богослужение", Всяк. всяч., 283. „Шестой *тому назад* месяц, *как* прогуливаясь" и проч., Похожд. Ив., 2, 84. „Два дни *тому назад,* мудрый и ученый Маликульмульк, *как* по утру очень рано пролетал я через Париж", Крыл., Почт. дух., 1, 8. „Мимо ужасных развалин горы, задавившей, двенадцать лет *тому назад,* прелестную деревню Goldau, пошел к деревеньке Ловерц", Жук., VII, 211.

2) В придаточном: или а) в слитном с главным; напр., „куча зелий ему в рот разных *что день* входит“, Кант., Сат. 5 (*что день* = *ежедневно*, § 265); „*чем свет* уж на конях сидят“, Пушк., II, 243; или б) в придаточном, без союза: „но выходит со двора, *петухи не пели*“, Кант., Сат. 3.

Примеч. 4. К слитым же предложениям относятся следующие выражения: „знать не знаю, ведать не ведаю“, „скажи пожалуй“, „взял пришол“, „взял сказал“, „идет нейдет“ и т. п. В древнерусск.; напр., в Смол. грам.
с҆ с҆ с҆
1284 г. си же грамота псана бы ищьло было отъ ржтва гна до сего лѣта а лѣть и две сте лѣть и осмьдесать лѣть и три лѣта а на четвертое лѣто псана (см. Хр.).

Д. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 284. Уже в древнейших церковнославянских памятниках встречаем искусственное сочетание предложений, перенесенное в славянскую речь из греческих подлинников. Потому, напр., Остромирово евангелие весьма мало различествует в этом отношении от нынешнего исправленного текста.

Примеч. Напр., в О. ев. аще отъпоустите члкомъ. съгрѣшения ихъ. отпоустить вамъ оць вашь нбсьныи. аще ли не отъпоущаете члкомъ съгрѣшении ихъ. ни оць вашь отъпоустить вамъ съгрѣшении вашихъ, 123 г. — 124 а. В испр. а́ще бо ѿпуща́ете человѣ́комъ согрѣшє́нїѧ
с҆
и҆хъ ѿпу́стить и҆ вамъ оц҃ъ вашъ нбныи: а҆́ще ли не ѿпуща́ете человѣ́комъ согрѣшє́нїѧ и҆́хъ, ни оц҃ъ вашъ ѿпу́стить вамъ согрѣшє́нїй ва́шихъ, Матф., 6, 14—15. Построение этих сложных предложений, составляющих период, вполне соответствует греческому тексту: Ἐάν ἀφῆτε τοῖς ἀνθρώποις τὰ παραπτώματα αὐτῶν ἀφήσει καὶ ὑμῖν ὁ πατὴρ ὑμῶν ὁ οὐράνιος. ἐὰν δὲ μὴ ἀφῆτε τοῖς ἀνθρώποις τὰ παραπτώματα αὐτῶν, οὐδὲ ὁ πατὴρ ὑμῶν ἀφήσει τὰ παραπτώματα ὑμῶν. Частицам *аще, аще-ли, ни* соответствуют в греческом: ἐάν, ἐάν δὲ, οὐδὲ. В Изб. Свят. 1073 г., из Слова Иоанна Златоуста (Ꙁлатооустаαго о҆ть того юже оть мо̑ псалмоса) 130 л. об.: югда бо ти дѣтищь болить то ты чародѣиць иштеши и҆ о҆блишьнаꙗ҆ писаниꙗ҆ на выꙗ҆ дѣтьмь налагаю҆ши, а҆ште и сънь та съмоутить къ сънноуоумоу съказателю течеши. а҆ште и погубиши что. то къ влъхвоу течеши. а҆ште оубоишися врага. то ꙁастоупьника юдино оть члкъ твориши себе. — Художественное построение греческого периода весьма рано было уже усвоено нашими писателями. Так, напр., у Кирилла Туровского, писателя XII в., встречаем следующие периоды, отличающиеся стройностью во взаимном соответствии частей предложения: „ныня солнце красуяся къ высотѣ въсходить и радуяся землю огрѣваетъ; възиде бо намъ отъ гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ“ — „ныня зима грѣховная покаяніемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразуміемъ растаяся; зима убо языческаго кумирослуженія апостольскимъ ученіемъ и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Ѳомина невѣрія показаніемъ Христовъ ребръ растаяся“ и т. д. См. изд. Калайдовича, 31.

§ 285. Независимо от литературного сочетания предложений, уже с древнейшей эпохи господствовало в нашей письменности

разговорное, чисто народное. Так, напр., уже в послесловии к Изб. Свят. 1073 г. читаем приписку писца: а коньць вьсѣмъ книгамъ. оже ти собѣ не любо (т. е. не любо). то того и дроугоу не твори (см. Хр.). В этой приписке, по древнерусскому синтаксису, период после точки начинается союзом а, ни к чему предыдущему не относящимся; употреблено оже вм. аще, вставлено лишнее то при указательном того; наконец, в двух местах опущен вспомогательный глагол *есть: конец есть, любо есть*. Сверх того, все выражение: *оже ти собе не любо,* прямо взято из разговорного языка.

Примеч. 1. Еще пример из памятника XII в., из евангелия по списку Добрилы 1164 г.: написаны быша книгы сия мс҃ца авгоу҃ въ г҃и дьнь многогрѣшьнымь рабомь и дїякомь с҃тыхь ап҃ль костянтиномь а мирьскы добрило (см. Хр.). Последние слова, начинающиеся союзом *а*, сочинены с предыдущими по свойствам древнерусского словосочинения. В Договорн. грамоте смол. князя Мстислава, 1229 г. б҃гъ того не даи, оже розбоя по грѣхомь приг҃одитп (т. е. а в случае — чего боже упаси — если произойдет разбой); аже тиоунь оуслышить латиноскыи гость пришель. послати юмоу люди с возы перевѣсти товарь (т. е. если тиун услышит, что латинские (т. е. немецкие) купцы пришли, то должен послать людей с телегами перевезти товар).

Важнейшие особенности в сочетании предложений древнерусского и народного языка суть следующие:

1. Употребление союзов там, где по связи предложений они оказываются по книжному словосочинению ненужными, а именно:

а) В сочетании придаточного с главным; напр., в Юрид. акт: „Некрасъ да братъ его Дроздъ *прiѣхавши* сеѣ весны *да* тѣ деревни и починки *учали* пахати и косити сильно на себя", 1498—1505; „и мы, господине, *жалуючи* (т. е. жалея) того Савки *да* жито ему *отдали*", 1490; „мы себѣ не *ставя* судей *да помирились*", 1526. В Кн. Больш. черт. „а которые грады по Днѣпру стоятъ, *и* къ тѣмъ градамъ дорога", 78. В Древн. русск. стих. „смотрит царь государь, *что* кому будет божья помочь", 42; „вздел на себя шубу соболиную, | *да* котора шуба в три тысячи", 58.

б) Вставка союза между членами предложения; напр., в Древн. русск. стих. „он будет в городе Киеве, *что* у ласкова князя Владимира", 25; „а во Киеве был счастлив добре | *как бы* молодой Чюрила сын Пленковичь", 27; „положил его *да* на сыру землю", 363. В песн. „вы раздайтесь, расступитесь добрые люди, | *что* на все *ли* на четыре сторонки", Прач, 139. В дух. стих. „повелел Егорья света мучити | он *и* муками разноличными", 2,85. Такая вставка союза, рассекая одно предложение как бы на два, частию придает речи плавность, частию же сосредоточивает внимание на те слова, перед которыми вставляются союзы. Это свойство древнего словосочинения оказывается иногда и в новейшем литературном языке; напр., у Крыл. „что каждый день, *а* что-нибудь из прелестей ея лихое время крало", 12.

в) Многосоюзие, т. е. повторение одного и того же союза, и преимущественно союза *а*; напр., в лет. „оже ти, брате, не досыти всю землю русскую державчи, *а* хочешь и сее волости, *а* убивъ мене, тобѣ то волость", Лавр.,

134; „хоцеши сея волости, *а* убивъ мене, *а* тобѣ волость, *а* живъ не иду изъ своей волости“, Ипат., 16. В Юрид. акт. „язъ, господине, ту грамоту данную писалъ, *а* рука моя, *а* Оѳонасей, господине, тѣ земли въ Кириловъ монастырь въ домъ далъ игумену Игнатью, *а* дѣти, господине, Оѳонасьевы Олеша да Осѣй тутожъ были у грамоты“, 1479—1481.

г) Употребление союзов: *а, да, ино, что, как, как бы, а и* в начале речи и *ли* в средине предложения, преимущественно в песнях, частию для музыкального размера, частию же и для того, чтобы указать этими союзами на отношение к предыдущему, впрочем, не высказанному словами, — войти в самую средину предмета, о котором идет речь. Так, напр., начинаются некоторые из песен начала XVII в.: „*а* всплачетца на Москвѣ царевна | Борисова дочь Годунова“; „*ино* что у насъ въ Москвѣ учинилося: | съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили“ (см. Хр.). В начале некоторых из Древн. русск. стих. „*а* под славным было городом под Ригою“, 299; „*а* из Крыму *ли*, братцы, из Нагаю“, 308; „*а и* по край было моря синего“, 310; „*да* в старые годы, прежние“, 326; „*как* из славного города из Киева | поезжали два могучие богатыри“, 360; „*как бы* во сто двадцать седьмом году“, и проч., 275. В песнях: „*что* во светлой было светлице, | и во новой было горнице, | под косящетым окошечком; тут сидела красна девица“, Чулк., 1, 156. „Говорит *ли* он плачучи: | ты дитя *ли* мое милое, | ты дитя мое разумное“, Прач, 17. В прозе же употреблялся в начале речи особенно союз *а*, и уже в древнейшую эпоху, как это видно из выше приведенной приписки из Изб. Свят.

2. Соединение двух предложений помощию союзов сочиняющих *а* и *и*, в тех случаях, где по смыслу следовало бы одно предложение, как придаточное, подчинить другому. Напр., в лет. „того же лѣта постави преподобныи нареченыи владыка Еуѳимеи полату въ дворе у себе, *а двереи у неи 30*“, Новг., 111 (= в которой было 30 дверей, = с тридцатью дверями); в Ипат. „княже! ать же пойдемъ, а всяка душа, аще и дьякъ, *а* гуменце ему пострижено, *а* не поставленъ будеть, и тъи пойдетъ“, 40 (= пойдем, и все с нами пойдут, даже всякий дьяк, *хотя бы и постриженный, но еще не постановленный*); „меташа бо камнемъ полтора перестрѣла, *а* камень якоже можаху 4 мужа силнiи подъяти“, 174 (= камнем, который могут поднять и проч.). В Пск. „не бывала пакость такова, *и* Псковъ сталъ“, 41: „*и Псковъ сталъ*, не бывало таково“, 160 (т. е. пока стоит Псков). В Юрид. акт. „а князь Иванъ прислалъ грамоту, *а* самъ на великаго князя службѣ въ Новгородѣ“, 1479—1481 (= потому что сам и проч.). — „Видѣхъ великъ звѣрь, *а главы не имѣетъ*“, Дан. Зат. — В послов. XVII в. „добра не смыслишь, *и* ты худа не говори“ (= если не смыслишь добра, то... и проч.). В литературе XVIII в.: в Зап. Дан. „в бытность мою в Данкове подал один помещик, *а фамилию его не упомню*, прошение в воеводскую канцелярию“, 45; „как доехал до глубокого реки стремяни, *а берега были в утес крутые*, то лошадь его и с ним погрузилась в миг в воду“, 426.

3. Употребление частицы *что* в смысле „ибо“, „так что“, „а“ и других союзов; напр., в Древн. русск. стих: „вы к чему на двор идете, | *что* (= ибо хозяина в дому нет“, 18; „не попала ему палица железная, | *что* (= а, только) попала ему ось-то тележная“, 91; „и зашивал гладенько, | *что* (= так что) познать было не можно“, 233.

4. Развитие двух предложений из одного помощию союза *ли*; причем развиваемая часть предложения повторяется с отрицательною частицею; напр., „ушло *ли*, не ушло с десяток человек“, Древн. русск. стих., 112; „что летит *ли*, не летит ясен сокол“, Песн. Прач., 13.

5. Опущение связи при сочетании предложений; напр., в Новг. лет. „а иныхъ паде съ обѣ стороны богъ вѣсть“, 1,96 (= бог весть, *сколько* пало). В песне начала XVII в. „дай, споди, здоровъ былъ государь мой батюшко“ (= дай, господи, *чтобы* здоров был и проч.). В песне: „им подумалось, король земли Шведския“, Чулк., 2,123 (= им, т. е. козакам подумалось, *что* это король и проч.). — Сюда же принадлежит словосочинение придаточного определительного, никакою грамматическою формою не соединенного с главным. Напр., в Юрид. акт. „на двѣ березы изъ одного корени, *промежъ ими ива*“ 1498—1505 (= между которыми ива); „и отъ того пня въ болото жъ на иву, *вверху суковата, безъ верху*“, 1631 (= на иву, суковатую и не имеющую верхушки). В Кн. Больш. черт. „а *отъ той рѣчки 60 верстъ* пала въ море рѣка Куба“, 57 (= на расстоянии 60 верст). Сюда же относится синтаксис эпитетов и приложений, каковы, напр., „что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки“, Песн. Чулк., 1,126 (= с кривыми каблуками, = имеющие кривые каблуки). См. § 240.

Слияние предложений, чисто разговорных, собственно выражающих отношение лица говорящего к слушающему; напр., в послов. XVII в. „выколовъ глазъ, да пей мой квасъ“ (= *да говорит: пей* и проч.). У Хемн. *ешь не хочу*!, II, 46; „сказал, и к лесу *дай бог ноги*“, II, 47.

§ 286. В древнерусской письменности постоянно замечается колебание между двумя началами в составе сложного предложения: между литературным, заимствованным из Византии, и между народным.

Примеч. 1. Для примера предлагается здесь сличение одного и того же текста по двум спискам: в одном XIV в., именно в Златой цепи (в Библиотеке Троицкой Лавры), построение периода литературное: насыщаяся многоразличнаго питья помяни пьюща теплоу водоу отъ солнца встопившюся и тоу праха нападшю отъ мѣста не завѣтрена — възлегъ на многомягцей постелѣ и пространно протягаяся помяни наголѣ з (земле) лежащаго (под) рубомь. и не дерзноувша ногоу простерти зимы ради — слыша ушима своима дождевное множьство помысли о убогыхъ. како лежать нынѣ дождевными каплами яко стрѣлами пронажаеми. — Здесь видим совершенно правильное, в литературном отношении, подчинение придаточных предложений главным. — По списку же XVII в., в Слове о Данииле Заточнике, тот же текст с немногими изменениями уже разложен по русскому сочетанию придаточного с главным помощию союза *а*: „Но *егда* веселишися многими брашны, *а* мене помяни сухъ хлѣбъ ядущь, или піеши сладкое питіе, *а* мене помяни теплу воду пьюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. *Егда* ляжеши на мягъкыхъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, *а* мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе“ (см. Хр.).

В XVII в., рядом с чисто народным синтаксисом главного и придаточного предложения, встречаем уже искусственный период, составленный по риторическим правилам.

Примеч. 2. Таков, напр., период в начале Грамоты об избрании Михаила Феодоровича: „Великаго господа бога отца, страшнаго и всесильнаго и вся содержащаго, пребывающаго во свете неприступнемъ, въ превелицей, и въ превысочайшей, и велелѣпной и святей славѣ величествія своего, седящаго на престоле херувимстемъ съ превѣчнымъ и единороднымъ своимъ сыномъ, господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и зъ божественнымъ и животворящимъ своимъ духомъ, имъже вся освящаютца, единосущныя и нераздѣльныя тройца, равно божественныя, и равночестныя, и равно сопрестольные, и равно сильныя и равно совѣтныя, и равно дѣйственныя, и равно сущныя и соприсносущныя, и собезначальные и единоначальные, и трисоставные и нераздѣльные въ триехъ составехъ единаго божества, царя царствующимъ и господа господьствующимъ, непреодоленнаго и всякие силы крепчайшаго, имъже царие царствуютъ и велицыи величаются, сего въ троице преславимаго *бога нашего недоумеваемыми и недовѣдомыми судбами, и неизреченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье* отъ небытия въ бытие *создаваетца,* и отъ несущихъ въ существо *приводитца,* и отъ рода въ родъ лѣтами исчитаютца; отъ него жъ приимша земля наша русская своими государи обладаема быти, ихъ же великихъ государей, царей россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго цесарскаго престола, и прекрасноцвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа кесаря обладающаго всею вселенною", Собр. гос. гр. и дог., I,599.

Ломоносов дал надлежащую меру частям сложного предложения и указал, как стройно соединять их в искусственной речи периодической. Впрочем, его периоду недоставало легкости и простоты: первая дана была нашему книжному языку Карамзиным, последняя — Пушкиным.

VII. ПОРЯДОК СЛОВ

§ 287. Перед прочими новейшими языками церковнославянский и русский, равно как и другие славянские наречия, пользуются значительною свободою в расположении слов. Это свойство зависит от двух причин: 1) от грамматического состава нашей речи, весьма определительного по богатству и точности этимологических форм, употребляемых для согласования и управления слов, а также и для сочетания целых предложений; и 2) от раннего и сильного влияния иностранных языков на нашу книжную речь; вследствие чего она получила замечательную гибкость к изменению порядка слов, по синтаксису того языка, который оказывал на нее влияние.

Примеч. В истории влияния греческого синтаксиса на порядок слов в церковнославянских книгах должно отличать два периода: древнейший и позднейший. В древнейших рукописях замечается бóльшая свобода в расположении слов, независимо от греческого подлинника. Напр., в О. ев. бѣахѫ же єлини нѣции, 41 г.; в испр. бѧ́хꙋ же нѣцыи є҆ллини, согласно с греческим: ἦσαν δὲ τινες ἕλληνες, Ио., 12,20. В О. ев. въ тѣхъ достоить ми быти, 247 б.; в Галицк. так же, 118 об.; но в испр. согласно с греч. текстом: достóитъ быти ми δεῖ εἶναί με, Лук., 2, 49.

В порядке слов различествуют уже и древнейшие списки. Так, напр., в О. ев. вься си дамь тебѣ, 262. Но в Галицк. ев. вса си тобѣ дамь, 7; в испр. же еще ближе к подлиннику: сїа вса тебѣ дамь (ταῦτα πάντα σοι δώσω), Матф., 4,9. Уже с XVI в. стал оказывать действие на нашу книжную речь латинский синтаксис. Влияние это усиливалось до XVIII в. Периоды Ломоносова отличаются преимущественно латинскою конструкциею. В его периодах искусственно отделяются придаточными предложениями сказуемое от подлежащего, определения и дополнения от определяемых и дополняемых слов. Вследствие того, Ломоносовский период, при всей художественной отделке своей, отличается недостатком легкости и простоты; напр., „Естьли бы в сей пресветлый праздник, слушатели! в которой *под благословенною державою всемилостивейшия государыни нашея покоящиеся* многочисленные народы торжествуют, и веселятся о преславном ея на всероссийский престол восшествии, возможно было нам *радостию восхищенным* вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространного ея владычества, и слышать *от восходящего до заходящего солнца беспрерывно простирающиеся* восклицания и воздух наполняющие именованием Елисаветы; коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось! Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градех *крепче миром, нежели стенами огражденных*, в селах полодородием благословенных, при морях от военной бури и шума свободных, на реках *изобилием протекающих между веселящимися берегами*, в полях довольством и безопасностию украшенных, на горах верьхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах радостию препоясанных, разные обитатели разными образы, разные племена разными языками едину *превозносят*, о единой *веселятся*, единою всемилостивейшею своею самодержицею *хвалятся*!“, Ломон., I,551—2. Потом латинское влияние было заменено французским, особенно с конца прошлого столетия. Только со времени Крылова и Пушкина наш литературный язык стал освобождаться от искусственного порядка слов, заимствованного из иностранных синтаксисов.

§ 288. О важнейших особенностях в расположении слов должно заметить следующее:

I. В простом предложении.

1) Хотя подлежащее обыкновенно стоит перед сказуемым, однако может меняться с ним своим местом, смотря по смыслу, выражению и по ударению голосом; напр., „морозы начались“ и „начались морозы“; „весна пришла“ и „пришла весна“.

Примеч. 1. Такая свобода в порядке слов весьма благоприятствует стихотворной речи; напр., у Жук. „кубки с вином и закуски *носили* меж зрителей *слуги*“, V,219. У Крыл. „*стал* Щуке *Васька* говорить“, 67. Ломоносов, следуя иностранному порядку слов, полагает глагол обыкновенно в конце периода; напр., „*Иорнанд* со славянами и антами, славянским же народом, совокупное их нападение на Римскую державу *описует*“, III, 102.

2) Слова определительные, означенные прилагательными и местоимениями, также свободно поставляются и перед определя-

емыми словами, и после них; напр., „в *это* время“ и употребляемое в церковнославянских книгах: „во время *оно*“.

Примеч. 2. „Возвратился в деревню *свою,* в сельцо Кухтино“, Зап. Дан., 49. „Окрестность *вся* как будто притаилась“, II, 2,275.

Впрочем, собственное место определительного обыкновенно бывает перед определяемым; напр., „*добрые* люди“, „*теплое* время“.

Примеч. 3. Превращение этого порядка иногда бывает нужно для выражения самого смысла речи, именно для того, чтобы обратить внимание на определительное слово: „брань *славна*, луче есть мира *студна*“, Продолж. Лавр. сп. лет., 170; иногда же служит только для плавности речи, как напр. „солнце *вечернее* освещало картину *великолепную*“, Бат., I,335. Этим порядком слов особенно пользовался Карамзин для того, чтобы плавно заключать периоды, предложения и даже отдельные члены предложений. Теперь такой порядок слов кажется манерным.

Прозвища, фамилии и т. п. ставятся позади определяемого; напр., „Георгий *Долгорукий*“, „Борис *Годунов*“, „Иоанн *Грозный*“, „Иоанн *Четвертый*“.

О нескольких определениях при одном определяемом должно заметить следующее:

а) Из двух прилагательных ближе ставится к существительному то, которое означает его ближайший признак; напр., „тихий летний вечер“. Впрочем, народная речь отступает иногда от этого правила; напр., „ночка темная, осенняя“.

Примеч. 4. Иногда ближайшее по значению прилагательное ставится после существительного; напр., у Карамз. „устраним дела внешней политики, чтобы говорить о любопытных, важных происшествиях *внутренних*“, ИГР, X, 115.

б) Местоимение указательное и вообще определительное ставится и перед именем прилагательным, и после него; напр., „*эта* полезная книга“ и „полезная *эта* книга“.

Примеч. 5. У Карамз. „один родится и умирает в отцовской *своей* хижине“, II, 334. У Крыл. „но их безбожных *самых* дел“ и проч., 48. У Пушк. „в смутное *сие* время“, V, 12; „казался мне героем таинственной *какой-то* повести“, VIII, 21. У Жук. „мне строгое *сие* вещала слово“, III, 131.

в) Местоимение *весь* обыкновенно ставится перед указательными и прочими определительными местоимениями; напр., „*все* сии отряды составляли“ и проч., Пушк., XI, 292; но может стоять и после них. Местоимение же *сам* еще с бо́льшею свободою ставится и прежде, и после них; „и *самый тот* пастух“, Крыл., 57; „в *самую эту* минуту дверь отворилась“, Пушк., VII, 211; „на *сем самом* холме играл“, X, 125.

3) Числительные ставятся позади своего существительного, когда означают приблизительный счет; напр., в приписке к О. ев. перегꙁнжвꙁ листа дꙁва, 265 г.

4) В словах дополнительных наблюдается следующий порядок:

а) Одно дополнительное может стоять и перед управляющим словом, и после него; напр., „книги читать“ и „читать книги“.

б) Из нескольких дополнительных, означенных различными падежами, дательный отношения к лицу обыкновенно ставится тотчас после глагола, и потом уже падеж, зависящий от глагола; напр., „дай *мне книгу*“, „дай *мне воды*“, „расскажите *мне о деле*“. Этот порядок изменяется тогда, когда на дат. падеже нужно сделать ударение, и след. постановить на конце; напр., „дай книгу *мне*“ (а не кому другому).

в) Падежи, означающие обстоятельства, ставятся или перед глаголом, или после дополнения, зависящего от глагола; напр., „*чужими руками* жар загребать“, „писать письмо *карандашом — на белой бумаге*“.

Примеч. 6. Родительный, зависящий от существительного, может стоять и перед ним, и после него: „*пожилых лет* человек“ и „человек *пожилых лет*“. В перестановке этого падежа должно избегать двусмысленности, которая может произойти тогда, когда родительный будет приписан управлению какого-нибудь другого слова; как напр. у Бат. „и лавры славные над дряхлой головой | не усладят *певца свирепой доли*“, II, 13 (неизвестно, о чем говорится здесь, о певце ли свирепой доли или о свирепой доле певца). В старинном языке родительный ставился иногда между предлогом и тем словом, от которого этот падеж зависит; напр., в Юрид. акт. „а самъ *на* великаго князя *службѣ*“, 1479—1481; у Ломон. „*в* подданства *знак* твоей державе“, Ода 1; „*от* славных вод Балтийских *края*“, Ода 11. Иногда же родительный ставился перед предлогом; напр., в Зап. Дан. „женился *полковника Ивана Ивановича Чагина* на дочери“, 32; „переписался из Глуховского гарнизона служить *гвардии* в Семеновский полк солдатом“, 33. — Такое расположение слов и теперь допускается в деловом слоге. Впрочем, отделение предлога каким-нибудь другим падежом от того слова, которым этот предлог управляет, теперь в книжной речи не употребительно, хотя и находим такой оборот у некоторых позднейших писателей, напр. у Жук.: „*в сердцем желанную землю* отправлен“, Перев. Одис., 15,339. Еще реже встречается отделение предлога от наречия; напр., Ломоносов отделил *в* от наречия *нутрь*, в след. стихе: „как *в* тяжких Таврских *нутрь* горах“, Ода 5.

Примеч. 7. Местоимение сѧ, как в церковнославянском, так и в русском, может стоять или перед своим глаголом, или позади, отделяясь от него какою-нибудь частицею; напр., в Новг. лет. „тебѣ *ся*, княже, кланяемъ“, 1,45; „княже, кланяемъ *ти ся*“, 1,41. В Юрид. акт. „а вы шлете*лись*“, 1498—1505.

г) Из двух дательных, одного при неопределенном наклонении, а другого, зависящего от глагола и означающего отношение к лицу,

первый обыкновенно ставится перед глаголом; напр., в. Древн. русск. стих. „то *вам* платить *мне* такову же дань“, 78 (т. е. вы должны платить мне).

5) Наречия и вообще слова обстоятельственные пользуются значительною свободою в расположении; напр., „завтра приду“, „приду завтра“.

Не принято отделять наречий от слов, к которым они относятся, в тех случаях, когда может от изменения порядка в словах произойти двусмыслие; как напр. у Крыл. „о львенке ото всех *лишь слышат* похвалу“, 103 (вм. *лишь похвалу*); „что свежесть *лишь вода* движеньем сохраняет“, 129 (вм. *лишь движеньем*); „везде *лишь от него* и грязь и лужи“, 137 (вм. *лишь грязь и лужи*). У Жук. „хоть *строго данную* ей власть | в монастыре она блюла“, IV, 219 (вм. *строго блюла*). Перестановка наречий в тех случаях, в которых не может быть затемнен смысл, весьма употребительна; напр., у Бат. „*скорее обличите* Кантемира в невежестве, нежели в пристрастии“, I,91 (вм. *скорее в невежестве*). У Пушк. „вероятно страдания *очень меня* переменили“, VIII, 304 (вм. *очень переменили*); „сначала *очень была* огорчена“, X, 27 (вм. *очень огорчена*); „в течение четырнадцати месяцев я *только мог* однажды писать“, XI, 285 (вм. *только однажды*).

Примеч. 8. Как наречия *для, ради* ставятся позади своих управляемых (§ 249), так иногда ставится и *мимо*; напр., у Пушк. „швейцара *мимо* он стрелой“, I,16 (вм. *мимо швейцара*).

6) Частица *не* ставится перед тем словом, которое отрицается; напр., у Гриб. „конечно *не меня* искали“ (подразумевается: *а кого-нибудь другого*); на это ответ, выраженный уклончиво: „я *не искала* вас“, вместо прямого ответа: „*не вас* искала я“, 79.

Впрочем, писатели иногда позволяют себе ставить отрицательную частицу и не при том слове, к которому она относится; напр., у Пушк. „путешествие *не показалось* ему столь ужасно“, X, 17 (вм. показалось *не столь ужасно*).

Примеч. 9. В старинном и народном языке некоторые выражения отступают от логического порядка слов в помещении частицы *не*; напр., „тебе меня убить, *не* корысть получить“, Песн. Чулк., 2,199 (вм. *не получить никакой корысти*); „поклоны чуть ему земные *не* кладут“, Хемн., I, 53 (вм. *чуть не земные*).

2. В сложном предложении.

1. Придаточное предложение сокращенное может стоять или перед главным, или позади, или же среди его; напр., перед главным: у Карамз. „*в удовольствие султана оставленный нами городок Терский, несколько времени служив действительно пристанищем для одних казаков вольных,* был немедленно исправлен и занят дружинами стрельцов“, ИГР, X, 64—65. „*Образованный в училище древних,* его слог сохранил на себе их

печать неизгладимую“, Бат., I,122. На конце главного: „всего более нравятся здесь нравственные мысли или сентенции, *иногда самые обыкновенные*“, Карамз., II, 516.

Если придаточное стоит среди главного, то оно не должно его отягощать, нарушая связь между его членами; как напр. у Кант. „и *мечешь горстью* твоих мозольми и пóтом | предков скоплено *добро*“, Сат. 2 (вм. *мечешь горстью добро, скопленное* мозолями и пóтом твоих предков). У Жук. „повалилася мачта, сломясь под *тяжелым* | ветров противных, *слетевшихся друг против друга, напором*“, Перев. Одис., 5, 316—317. „На *его я,* покуда мы шли, *опирался* | руку“, там же, 14,319. У Пушк. „вечером *узнали* через барона Шафирова, прибывшего из турецкого лагеря для объяснения с его величеством о некоторых спорных пунктах и через час уехавшего обратно, *что* все шло хорошо и что конечно мир будет заключен“, XI, 330.

2) Не принято ставить главное предложение среди придаточного; как напр. у Крыл. „и птицам, *грех сказать,* чтобы давал потачку“, 208 (вм. „грех сказать, *чтобы давал птицам потачку*“).

3) Вводное предложение ставится при том слове, к которому относится; и притом в некоторых случаях, в избежание двусмысленности, перед ним. Слич. у Бат. „я видел славную решетку Тюльерийского замка, отягченную, раздавленную, *так сказать, украшениями*“, I,138 (вм. *так сказать раздавленную*).

4) Местоимение *который* или *кой* ставится и прежде и после существительного, с которым оно сочинено в придаточном предложении; напр., „человек, *которого опытности* я доверяю“ и „человек, *опытности которого* я доверяю“.

Примеч. 10. Примеры последнему употреблению: „веселье то лишь непорочно, | *раскаянья за коим* нет“, Держ., I, 196. „Желал быть счастливым божеством источника, *водою которого*“ и проч., Карамз., II, 415.

5) В сочинении двух равносильных предложений, некоторое затруднение на практике предлагают предложения противительные, соединенные с отрицательным. В этом случае принято наблюдать правильное помещение частицы *не.* Так, напр., в этих двух стихах Жуковского: „*не* говори с тоской: их нет, | *но* с благодарностию: были“, IV, 52 — противополагаются тоска и благодарность, отрицание же помещено перед глаголом *говори.*

Примеч. 11. Впрочем, от этого правила встречаем уклонения и в церковнославянском, и в народном русском; напр., в О. ев. не трѣбоуѭть сьдравии врача нъ болѧщеи, Матф., 9,12; в Галицк. (18 л.) и в испр. так же. — В народном языке даже особенно распространено употребление отрицательного *не* перед глаголом, а не перед дополнением, которое собственно отрицается; тогда глагол повторяется, но уже без отрицания; напр., у Кирши Дан. „*не попал* он в сизых голубей, | что *попал* он в окошечко косящатое“, 62 (вм. попал *не*

в голубей, а в окошко). В послов. „*не купи* гумна, *купи* ума“, „*не купи* двора, *купи* соседа“, Даль, 462, 863.

Примеч. 12. Писатели, особенно в стихотворной речи, иногда отступают от обыкновенного порядка слов в помещении некоторых союзов; напр., у Ломон. „корабль *как* ярых волн среди“, Ода 1; „жених *как* идет из чертога“, Ода 13 (вм. *как корабль*, *как жених*). У Держ. „*да честь* твоя пройдет все грады“, I,184; у Жук. „*да бог* благословит | тебя и твоего младенца“, IV, 63; „небесный царь *да ей* простит | твое долготерпенье“, IV, 171; у Бат. даже в прозе: „*да музы* спасут вас и его от бед и горестей житейских“, I,362 (вм. *да пройдет — да благословит — да простит — да спасут*).

Ф. И. Буслаев

ПРЕДИСЛОВИЕ К „ОПЫТУ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА“

(М., 1858)

Руководства русской грамматики, долгое время употреблявшиеся в наших училищах, составляемы были по способу филологическому, заимствованному от филологов, то есть знатоков классической литературы (греческой и римской), которые пользовались этим способом в руководствах к изучению языков классических.

Для филолога язык есть только средство к познанию древней литературы. Он изучает грамматику не для того, чтобы отдавать себе отчет в этимологическом составе каждой грамматической формы; а для того единственно, чтобы удобнее и скорее достигнуть практической цели, состоящей в ясном понимании классических писателей и в умении правильно выражаться изустно и письменно на языке этих писателей. Грамматики, в смысле *науки,* он не понимает; она для него есть только *искусство правильно говорить и писать.*

В этимологии он не останавливается на разборе звуков, приставок и окончаний; и все внимание обращает на изучение склонений и спряжений, как такого предмета, в котором сведения необходимы учащемуся при самом вступлении его в область чужого языка. Зато с особенным тщанием филолог обрабатывает синтаксис, которого правила состоят в ближайшей связи с изучением образцовых писателей и с употреблением языка их, устным и письменным. Так как классические языки дошли до нас преимущественно в литературных произведениях; то само собою разумеется, что филологическая грамматика ограничилась только речью литературною, правда, речью образцовою, но книжною, а не живою, разговорною, которая для потомства погибла невозвратно, вместе с поколениями, ее употреблявшими. Таким образом, уча говорить на языке мертвом, филологическая грамматика составила свой особенный, образцовый язык, на котором, вероятно, никогда не говорили ни греки, ни римляне; но который художественно был обработан их литературою. Из сказанного явствует, что филологи не имели ни повода, ни охоты обращать внимание на язык разговорный, не возделанный искусством.

При всех недостатках своих в теоретическом понимании языка, филологическая грамматика имеет неоспоримое достоинство в отношении практическом. Хотя она ограничивается только *правилами,* извле-

ченными из художественной речи писателей образцовых, и вовсе не знает *законов* языка, которыми объясняются происхождение, существо и видоизменения грамматической формы: однако, направляя все свои замечания к практической цели, учит правильно говорить и писать на каком-либо языке. Хотя ее правила, ни на чем, кроме большинства грамматических случаев, не основанные, только обязательны, но нисколько не убедительны для учащихся; хотя исключения, которыми она сопровождает грамматическое правило, не будучи объясняемы из законов языка, должны быть заучиваемы наизусть, как неправильности, случайно в языке очутившиеся: однако вековой опыт доказал, что многие поколения выучивались отчетливо языкам классическим по этому филологическому способу, — единственно оттого, что грамматика постоянно имела в виду ближайшую цель свою — практическое изучение языка. Филолог *не разумел* внутреннего состава грамматической формы, но *умел* ее правильно употреблять и ясно понимал ее в том значении, в каком встречается она у писателя образцового. Самое учение наизусть, естественно усиленное вследствие безотчетности правил и исключений, приносило значительную пользу учащимся: потому что, в усвоении чужого языка, многое должно приобретаться памятью и навыком; а сверх того самый характер, или гений какого бы то ни было языка, как отдельного организма, усвояется не путем отвлеченного знания, а постоянным заучиваньем грамматических форм и практическим упражнением: чему всеми, зависящими от нее, средствами способствовала грамматика филологическая.

Грамматисты, принимаясь за составление грамматики родного языка, взяли себе в образец филологическую языков древних, совершенно выпустив из виду то обстоятельство, что отношение учащихся к чужому и к родному языку не одинаково: вследствие чего польза филологического способа значительно убавилась, а неудобства увеличились.

Грамматику родного языка, пошедшую по филологическому пути, можно назвать практическою, не потому, чтобы она действительно была такова; а потому, что в практическом применении полагала она единственную цель свою: имела в виду научить правильному употреблению родного языка, не только письменному, но и устному. Эта грамматика определила круг своих действий следующим образом.

1. Она ограничилась речью только писателей образцовых, преимущественно ближайших к современности, признав грубым, неправильным и недостойным науки все то, чего не находила у них. — При содействии Готшеда и Аделунга, более ста лет держалось в Германии это ограниченное понятие о грамматике родного языка. У нас ведет оно свое начало от первых времен нового периода русской литературы, вызванного преобразованиями Петра Великого. Уже Сумароков, в языке Ломоносова, осуждал выражения, усвоенные будто бы „от привычки худого и простонародного употребления"; а в грамматике его видел порчу языка, потому что составитель ее пользовался народною речью, видоизменяемою по местным говорам.

Такая исключительность в выборе грамматического материала, весьма понятная в грамматике языков мертвых, но вредная для языков живых, могла еще иметь некоторый смысл в литературе, уже твердо установившейся, какова литература народов западных. Впрочем, и там писатели даровитейшие, как напр. Гете, восставали против стеснительных мер готшедовской грамматики. В литературе же юной и свежей, какова наша, никоим образом не могла установиться эта разборчивая нетерпимость, которая исключает из грамматических правил все, чего не находит у образцовых писателей. Потому грамматика Ломоносова должна была уступить место руководствам, принявшим за образец речь карамзинскую; но дальнейшие успехи нашего языка в сочинениях Грибоедова, Крылова, Пушкина, уже не нашли себе оправдания в этих руководствах; вследствие чего, первый, художник и знаток русского слова, Пушкин увидел себя в странном противоречии со многими параграфами принятой в его время грамматики. В настоящее время, следовало бы, вновь пересмотрев грамматические правила, присовокупить к ним все то, что́ было прибавлено или изменено, в письменной речи, Пушкиным и его современниками. Но и в этом случае, грамматика представила бы те же препятствия будущим успехам языка, какие были замечены и в прежних руководствах. Мертвящее начало, заимствованное в готшедовскую грамматику, из грамматики языков мертвых, останется в ней до тех пор, пока она не обратится к родному языку, как к живому слову, вечно юному и неистощимо богатому, в его видоизменениях исторических и местных (§ 5); и пока не определит правильного отношения некоторых нововведений и особенностей, внесенных в нашу речь творениями образцовых писателей, к тому живому целому, которое называем языком родным. Только тогда авторитет образцов, не противореча живому слову, и не стесняя, а подкрепляя дарования, принесет нашей литературе желаемые плоды.

2. Не зная законов языка, практическая грамматика ограничилась правилами. Руководства, составленные по методе Готшеда и Аделунга, до того были далеки от всякого понятия о законах, по которым образуются грамматические формы, что подвели под общий уровень с явлениями языка, основанными на его внутреннем построении, многие чисто формальные орфографические приемы. Так, напр., в главе о правописании, помещались правила об употреблении буквы *ѣ*, которой значение определяется только историею славянского языка; и вместе с тем — правила об употреблении прописных букв в начале каждого стиха или в наименовании действующих лиц басни, правила, составленные на основании только условно принятого обычая. — Конечно, благовоспитанный человек, как на письме, так и во всех своих действиях, обязан сообразоваться с общепринятыми правилами приличия; но грамматика должна строго отличать принятое обычаем от того, что́ основано на внутренних законах языка. Так, напр., в ней должно быть упомянуто, в виде правила, об употреблении *ѣ* в речениях *болѣе, менѣе:* но здесь же должно быть сказано, что это общепринятое начертание противоречит законам языка (§§ 25 и 69).

Только тогда для учащихся будет занимательна эта наука, когда они станут ясно понимать ее; а чтобы ясно понимать изучаемый предмет, нужно отдавать себе в нем отчет; правила же и исключения, которыми наполнялись готшедовские и аделунговские руководства, тем отличаются от законов языка, что безотчетны, и оттого трудно усвояются и легко выходят из памяти.

3. Практическая грамматика не входит в отчетливое и обстоятельное рассуждение о звуках и образовании слов, и всю этимологию ограничивает преимущественно склонениями и спряжениями, предлагая ученикам во множестве правил, с неизбежными исключениями, подробные наставления, как склонять и спрягать речения родного языка (в чем весьма редко ошибаются и люди безграмотные). Правда, что из множества этимологических подробностей, известных в родном языке всякому, есть и такие, в которых можно ошибаться. Но эти последние практическая этимология не отделяет от многих других замечаний, которые могут быть полезны только иностранцу. Чтобы вывесть учащихся родному языку из такой запутанной системы в изложении на путь, ближайший к практической цели, грамматисты извлекли из этимологии все то, что́ наиболее затрудняет в родном языке на практике, и составили, таким образом, преимущественно из этимологических отрывков, с дополнением некоторых синтаксических, особую часть грамматики, под именем орфографии, или правописания. Как руководство, назначаемое для справок, при практических занятиях, эта часть грамматики имела бы неоспоримые достоинства, если бы недостатки теоретические не вредили ее практическому применению. Во-первых, в орфографии нет никакой системы: то говорится о звуках и буквах, что́ собственно принадлежит к этимологии; то о знаках препинания, что́ никоим образом не должно быть отделяемо от синтаксиса; многое же, весьма необходимое для руководства в письменном употреблении языка, и вовсе опускается: так что учащемуся часто приходилось, и для правописания, справляться не с орфографиею, а с этимологиею или с синтаксисом. При таком, казалось бы, только теоретическом недостатке в системе, значительно страдала и практика: ибо практическая орфография, по своей неполноте, не достигала предназначенной цели, — и учащемуся предоставлялось, по всем параграфам руководства, отыскивать какую-нибудь одну, несколько затруднительную на письме, грамматическую форму, в тысяче таких, в которых не ошибается ни один русский. — Во-вторых, правила орфографии излагались без объяснения тех оснований, на которых они должны бы держаться. Так, напр., все учение об употреблении букв основывается на этимологии: а практическая этимология говорила о буквах мимоходом, предоставляя этот предмет орфографии; последняя же, не вменяя себе в обязанность рассуждать о свойстве звуков и букв, ограничивалась условно принятыми обычаями письма, вовсе не касаясь причин, почему пишут так, а не иначе; и не затрудняя себя вопросами о том, всегда ли писалось то или другое так, как теперь писать принято. Таким образом, ученикам предоставлялось заучивать, совершенно наобум, правила о том, что

должно писать, напр., *міръ* — в значении вселенной, и *миръ* — в значении спокойствия; *время, бремя* с буквою *е*, а не с *ѣ*, и проч.; между тем как, в сущности, такие правила основаны только на обычае, условно принятом. Конечно, грамматика не должна предписывать правил, противных общепринятым внешним приличиям; но, не выпуская из виду мысли об отличии закона от правила (см. § 10), должна она предоставить на письме двоякое начертание: *миръ* и *міръ*, и употребление *е* в словах: *время, бремя* и в др.; однако, вместе с тем, должна заметить, что двоякое начертание одного и того же слова: *миръ* и *міръ* — есть не существенная принадлежность языка, а позднейшая выдумка грамотных людей, и что начертание слов: *время, бремя,* есть такая же ошибка, как *смотреть,* вместо *смотрѣть* (см. §§ 15 и 25). Сбивчивость орфографических правил увеличивалась многими, вымышленными от грамматистов, нововведениями; так, напр., одни предлагали писать: *лечить,* вм. *лѣчить* (см. § 47); другие — *звѣнѣть, Звѣнигородъ,* вм. *звенѣть, Звенигородъ* (при церковнославянской форме **ѕвѧцати**, откуда наши: *звякать* и *звенѣть,* см. § 28), и проч. — Ясно, что, несмотря на добрую цель, чисто практическую, орфография становилась неприменимою к практике, единственно от недостатка чисто теоретических сведений.

4. Как этимологию и правописание полагала основать практическая грамматика главнейшим образом на правилах приличия, так синтаксис — на требованиях здравого смысла. — Конечно, против здравого смысла, как одной из умственных и нравственных основ действию, ничего нельзя сказать, кроме похвалы, ровно как и против приличия. Но с надлежащей ли осторожностью и точностью пользовалась этими обоими началами сказанная грамматика? — Мы видели, как она пожертвовала законами языка внешним приемам орфографическим; посмотрим, как применила к грамматическим формам правила здравого смысла.

Все действия нашего мышления подводятся к немногим простейшим законам, которых существо определяется в особой науке, известной под именем логики. Следовательно, вопрос о том, в какой мере синтаксические правила сказанной грамматики удовлетворяли требованиям здравого смысла, иначе может быть предложен в таком виде: как понимала эта грамматика отношение языка к логике? — Ограничив свой материал немногими примерами, выписанными из сочинений одного, или много двух, трех образцовых писателей, она видела в языке не иное что, как случайное сочетание звуков, приноровленное писателями к выражению мысли; и, вследствие того, давала господство общим логическим отношениям мысли над этимологическою формою: почему многие явления в языке, совершенно нормальные, выдавала за ошибки. Так, напр., признавая за превосходную степень имена прилагательные, с окончанием сравнительной, на *-шій, -ѣйшій* и *-айшій,* она находила уже противным здравому смыслу поднимать эти прилагательные еще одною степенью выше, помощию присовокупления к ним местоимения *самый*; между тем, как лучшие наши писатели: Карамзин, Батюшков и другие, нисколько не греша против законов

языка, употребляют: *самый пріятнѣйшій, самый опаснѣйшій* и проч. (§ 69). — Думая строго следовать соображениям здравого смысла, она предписывала: все глаголы, выражающие действие одного и того же подлежащего в предложении, полагать в одном времени, виде, наклонении, числе, лице и роде; при этом допускала, однако, различие в виде, под тем только условием, чтобы наречием, или же и другою частию речи, было выражено обстоятельство, объясняющее перемену вида. Эти правила, казалось бы, весьма согласные с требованиями здравого смысла, встречают себе преткновение почти на каждой странице любого образцового писателя. Так, напр., на 126 стр. I-го тома сочинений Пушкина, читаем два стиха, которые, на основании предложенного правила, следовало бы причислить к грамматическим ошибкам, оскорбляющим правила здравого смысла нарушением единства в последовательности видов и времен глагола; а именно: „не шевелится, не дохнет“ и „опомнилась, глядит Татьяна“. Такое странное противоречие грамматических правил языку образцовых писателей дает нам разуметь, что соображения здравого смысла тогда только приносят истинную пользу науке, когда они основаны на подробном и тщательном разборе материалов изучаемого предмета.

Из сказанного явствует, почему грамматисты готшедовской школы, при всех добрых намерениях своих, не достигали предположенной ими цели, то есть не могли своими руководствами удовлетворить практике: противоречили образцам языка, при желании им следовать; а учащихся затрудняли в разговоре и на письме, хотя все внимание свое обращали на обучение говорить и писать на родном языке правильно. Важнейшею причиною такого невыгодного положения этой методы было странное убеждение грамматистов, что они обязаны учить тому, *как должно употреблять грамматические формы родного языка,* а не тому, *как они действительно употребляются писателями образцовыми.* Оттого, хотя составители руководств и следовали образцам, однако думали стать выше их, подвергая их авторитет какому-то высшему суду грамматической критики. Так, напр., они признали за ошибочные, противные правилам языка, деепричастия прошедшего времени, в этимологической форме настоящего, образовавшиеся от глаголов совершенного и однократного вида; каковы, напр., *войдя, брося* и др., вместо: *вошедъ, бросивъ* и др. Но такие деепричастия встречаются у всех образцовых писателей, начиная от Ломоносова до Пушкина и Жуковского, как в стихотворных их сочинениях, так и в прозаических (§ 54). Таким образом, всякий поймет, почему не только трудно, но даже невозможно было выучиться говорить и писать по-русски правильно, по готшедовским и аделунговским руководствам, когда уже внутренний голос, вопреки всем вымышленным правилам, заставляет нас сказать, напр., „*спустя* несколько минут“, „жить, *спустя* рукава“ вместо: „*спустив* несколько минут“, „жить, *спустив* рукава“.

В течение столетий, грамматика была верным отголоском схоластики, поместившей ее в число семи свободных искусств; а в XVIII веке, не изменившись в своих началах, дружественно сошлась она

с французским классицизмом. — Действительно, этому направлению в истории искусств вполне соответствует рассмотренное выше направление в грамматической литературе. И то и другое стремилось за идеальною чистотой, и принесло некоторую пользу успехам просвещения, в эпоху борьбы условных правил изящества с восстановлением более глубоких понятий о жизни и о представлении ее в художественных формах. Как классицизм французской теории вкуса осудил Шекспира в грубости и невежестве; так и готшедовская грамматика, знакомая только с искусственною фразою, видела в языке старинных литературных памятников и в народной речи жалкий лепет младенца, недостойный серьезного изучения. Как французский классицизм покровительствовал искусственному воодушевлению и искусственной постройке стиха; так и грамматика, в своих правилах, тщательно отличала пиитические вольности от простого и естественного выражения мысли, предполагая, что поэзия имеет право быть неестественною.

Впрочем, надобно заметить, что большинство людей образованных, но не посвятивших себя науке, ранее отказалось от условного классицизма, нежели от условных правил грамматики. Причина тому заключается в соответствии безотчетных правил практической грамматики ограниченному понятию о языке, в котором, кроме условных звуков, случайно приноровленных к выражению мысли, ничего не видели и не хотели видеть. Такое ограниченное понятие нашло себе оправдание даже в философской теории, именно, в учении *о механическом составе языка*. По этой теории, казалось возможным предположить, будто язык произошел случайно, вследствие изобретения сначала отдельных звуков, потом слогов и наконец целых слов; будто язык составился людьми грамотными; напр., церковнославянский — переводчиками Св. писания; будто русский язык пошел от церковнославянского, перенесенного к нам в книгах Св. писания; будто наши прилагательные полные составились по образцу греческих; будто двойственное число славяне заимствовали у греков, и т. п. Одним словом, думали, что нет в языке ни одной грамматической формы, которая была бы обязана своим происхождением не случаю, а внутренней потребности человека. Ложное воззрение на историю народов применяли и к истории языка: как в Рюрике и Олеге видели героев новейшей истории; так и позднейшее, искусственное отношение писателей к родному языку переносили к эпохе его образования и возрастания; полагая, что слово, и первоначально, было таким же условным знаком мысли, каким оно кажется теперь, когда в языке отвлеченность понятий и суждений взяла верх над собственным смыслом этимологической формы.

В начале нынешнего столетия возникла, под именем лингвистики, новая наука о языке. В противоположность филологическому, лингвистический способ рассматривает язык не только как средство для знакомства с литературою, но и как самостоятельный предмет изучения. Лингвист мало следит за ходом и судьбою литературы и находит своей любознательности столько же пищи в языке

необработанном, даже в грубом областном наречии, сколько и в художественных произведениях классической литературы: для него лепет народа самого дикого есть уже благородное произведение духовной природы; потому что он видит во всяком языке, как в живом организме, не искусственное изобретение, а естественное выражение дара слова, которым творец премудро отличил человека от прочих животных. Для лингвиста грамматика стала уже не искусством, а положительною наукою о языке, как о явлении природы, основанном на законах, предначертанных самим творцом. В соответствии микроскопическим наблюдениям и химическому анализу, в области естествознания, лингвистика принялась за разложение состава слов на мельчайшие элементы, известные под именем членораздельных звуков, приставок, окончаний; и, на основании своих наблюдений, стремилась открыть законы в образовании языка. Как успехи анатомии и физиологии не мало зависели от сравнения органов и отправлений их у разных животных; так и лингвистика усвоила себе метод сравнительный, извлекающий законы из сличения или целых языков, или же форм одного и того же языка, исторически развившихся одна из другой. В первом случае получила она название *грамматики сравнительной,* во втором — *исторической.*

Блистательные результаты сравнительной грамматики, открывшей единство законов в образовании индоевропейских языков, нашли себе сочувствие между многими грамматистами, которые тотчас же признали необходимым украшением грамматики не только древнего, но и отечественного языка сближения с санскритским и другими коренными языками. Само собою разумеется, что эти сближения, заимствованные из вторых рук, не могли быть основательны: и филологи, а также и грамматисты школы готшедовой и аделунговой, приняв неудачных последователей за двигателей науки, встретили это нововведение неблагосклонно, осудив лингвистику в поверхностном взгляде и в неприменимости к практическому знакомству с языками. Старинные предрассудки долгое время поддерживали недоразумение между враждовавшими партиями. Поборники новизны весьма неудачно защищали правое дело, предавая его своими поверхностными сведениями в области сравнительной лингвистики, ограничивавшимися одним внешним созвучием слов в языках индоевропейских, созвучием, которое было единственным руководителем и прежней теории о механическом составе языка. Защитники старины, привыкшие к остроумным, но ни на чем не основанным догадкам о заимствовании не только языка, но и всей национальности одного народа от другого, видели, в сближении родного языка с санскритским, литовским и другими, намерение лингвистов производить свою национальность от чужой; и никоим образом не умели понять той простой мысли, что целые массы народов точно так же могут быть искони родственны между собою, как и племена одного и того же языка.

К этому переходному времени, ознаменованному борьбою лингвистики с филологиею, относится деятельность Карла Фердинанда Беккера, весьма даровитого грамматиста, который оказал значи-

тельное влияние на преподавание родного языка, не только в Германии, но и у нас. С искренним сочувствием к преобразованиям, совершенным в науке Вильгельмом Гумбольдтом, Яковом Гриммом, Боппом и другими, этот ученый решился построить целую философскую систему, в которой думал изложить все важнейшие результаты лингвистики. Его книга „Организм языка“ подействовала обаятельно на многих педагогов, как новостию содержащихся в ней результатов сравнительно-исторической грамматики, так и стройною системою в изложении предмета, основанною на блистательной мысли В. Гумбольдта об организме языка. Но попытка Беккера была преждевременна. Не только в ту пору, когда он взялся за нее, но и теперь еще не пришло время подводить под общие философские соображения частные выводы науки о языке и давать отрывочным исследованиям вид округленной системы. Недостаточность положительных фактов систематический ум Беккера искусно прикрыл общими выводами отвлеченного, логического содержания. И именно в том, что собственно принадлежит этому грамматисту, то есть в отвлеченных выводах и в философских соображениях, оказалась слабая сторона его системы, как в ученом, так и в учебном отношении.

В ученом отношении, Беккер не умел определить настоящих границ между грамматикою и логикою, по той причине, что, не имея достаточного запаса исторических сведений в языках, он нечувствительно сошел с прямого пути в развитии общих понятий о языке, с пути, предначертанного В. Гумбольдтом, и принял ложное направление старинных, так называемых, *общих грамматик*, имевших целию решение весьма странной задачи оправдать язык логически, то есть доказать, что параграфы схоластической логики удобно применяются к грамматическим фактам. Ограничившись общими понятиями о выражении мысли в формах языка, Беккер все внимание обратил на синтаксис, коснувшись этимологии слегка, только для полноты системы. Вследствие того, его синтаксис, не будучи основан на этимологическом разборе форм, оказался не наукою о языке, а отвлеченным рассуждением о применении законов логики к готовому материалу языка.

В отношении учебном, метода Беккера, удовлетворительная для разбора логического, давала слишком значительный перевес определениям различных логических тонкостей перед положительным изучением самого языка: так что дети, научившись по беккеровским руководствам определять, что́ есть *причина, условие, уступление,* и тому подобное, не умели бы писать правильно на родном языке, если бы не пользовались наставлениями прежних практических грамматик. Ибо беккеровская метода, при своем отвлеченном направлении, не могла сделать никаких улучшений, не только в учении об орфографии, но даже и в синтаксисе, относительно тех вопросов, в которых эта часть грамматики касается не теории языка вообще, а синтаксического употребления языка отечественного. Итак, в практическом отношении, эта метода уступает прежней; в теоретическом же стоит несколько

выше ее. Она правильно определила части речи и части предложения; но не умела дать надлежащего основания синтаксическому учению.

Между тем лингвисты не переставали разрабатывать исторически каждый из языков индоевропейских и полагали, таким образом, прочную историческую основу сравнительной лингвистике. Наконец и филологи увидели, что без этой науки этимология классических языков не может иметь ни твердой основы, ни научного интереса; что только при пособии сравнительно-исторического метода, грамматика могла дойти до той глубокой и простой истины, что в языке, как в живом организме, нет неправильностей и исключений, которые, будучи основательно поняты, не подводились бы под общее начало. Таким образом, в новейшее время, при изучении не только родного языка, но и классических, мало-помалу стала оказываться потребность в более основательном объяснении грамматических форм, по мере того, как в области сравнительно-исторической лингвистики возникали важнейшие вопросы о внутреннем построении языка. Эта наука рассматривает слово уже не только как средство для взаимного сообщения мыслей, но и как живой памятник духовного бытия народов, и притом памятник древнейший, которого история может быть постановлена во главе истории умственного развития человечества.

Само собою разумеется, что сравнительно-историческая грамматика, в таком глубоком смысле и в таких широких размерах, не может быть предметом начального обучения родному языку. Но так как ход науки, в высших ее областях, всегда оказывал действие и на успех учебников, которые, заимствуя свое направление, а частию и содержание из общего достояния науки, применяют сведения, выработанные веками, к возрасту учащихся и к потребностям их учебного курса, то господствующее в наше время направление науки о языке, очищенное критикою в продолжительной борьбе филологов с лингвистами, не могло миновать и учебников родного языка.

Самым отношением учащихся к грамматике родного языка определяется уже необходимость исторического метода этой науки. Бекеровские руководства, развивая в учащихся природный дар слова логическим разбором прочтенного образца, опускали из виду то важное обстоятельство, что дети должны усвоить себе по грамматике многие формы языка книжного, завещанные нам по преданию; формы, хотя родственные и понятные ученикам, но в разговоре неупотребительные, книжные. Прежние практические руководства, напротив того, сосредоточившись на языке литературном, не хотели допустить родной, разговорной речи в грамматику родного языка, и рассматривали речь книжную не так, как явление, происшедшее вследствие необходимых причин исторического развития языка, а как нечто случайно составленное и совершенно отвлеченное от естественной способности учеников — говорить на родном языке. — Историческое направление примиряет эти оба противоположные учения. Оно признает и права родной, разговорной речи, и права языка литературного. Оно видит в русском книжном языке результат исторического движения и взаимного влияния русской речи, разговорной, видоизменяемой по местным

говорам, и языка церковнославянского, положенного в основу нашей грамотности, с отдаленных времен внесения христианства в Русскую землю.

1. Отправляясь от этой простой мысли о современном состоянии языка русского, историческая грамматика ведет изучение этого языка в непрерывной связи с изучением церковнославянского. Так как наши предки учились грамоте по церковнославянской азбуке и на чтении книг Св. писания; то грамматика полагает в основу исторического исследования книжной речи язык церковнославянский. Эта древняя основа составляет необходимейший предмет учебника русской грамматики, в трояком отношении: во-первых, при объяснении законов языка, дает науке преимущества сравнительно-исторического метода, в сближении форм русского языка с формами одного из славянских наречий, ранее прочих усвоившего себе письменность, и потому сохранившего, в бо́льшей полноте и чистоте, первоначальные свойства славянского языка; во-вторых, служит источником для объяснения многих, как этимологических, так и синтаксических форм нашей книжной речи, образовавшихся под влиянием церковнославянской письменности; и наконец, в-третьих, в отношении педагогическом, скрепляет теснейшими узами живую связь нашей родной речи с языком церкви.

2. Историческая грамматика не ограничивается языком русским книжным, потому что не может объяснить всех грамматических форм его, не входя в подробное рассуждение о речи разговорной. Ибо, под именем книжного языка, она разумеет не только слог высокий (чем ограничивалась старинная практическая грамматика), но и речь разговорную, в сочинениях содержания повествовательного, драматического и т. п. Притом, она находит столь же правильный русский язык в сочинениях стихотворных, как и в прозаических, полагая, что всякая, так называемая, пиитическая вольность (если только она не бессмыслица) должна иметь свое разумное основание в законах языка. Грамматические особенности, замечаемые в сочинениях образцовых писателей, она влагает в обширную раму, которая объемлет всю область языка русского, как разговорного, по местным его видоизменениям, так и книжного, в его историческом движении. Авторитету писателей и грядущим успехам языка полагает она в основу историческое предание, почерпая из него законное оправдание первому и свежие силы последним. Таким образом, сочувствуя старине и держась авторитета, она имеет целию не стеснять, а руководить возникающие дарования учащихся.

3. Все свои выводы историческая грамматика основывает на авторитете не только письменных, но и устных памятников языка, подчиняя личное суждение грамматиста свидетельству фактов. Авторитета образцов она не ограничивает двумя, тремя писателями (как это замечено в грамматике практической), а тщательно изучает всех лучших авторов, начиная от Ломоносова до Пушкина включительно, приводя из сочинений их примеры, как для объяснения законов языка, так и в образец практическому употреблению.

Практическая грамматика проходила молчанием некоторые формы языка в писателях образцовых, отличающихся свежестию выражения, заимствованною из живой, разговорной речи; напр., в стихотворениях Державина, в комедиях Фон-Визина, в сочинениях Крылова, Грибоедова, Пушкина. Грамматика историческая вменяет себе в обязанность упоминать, в своих параграфах, о всех таких формах, не с тем, чтобы осуждать их в неправильности против языка, а с тем, чтобы предъявить права устной речи в участии, какое принимает она в образовании языка книжного.

В самом выборе примеров историческая грамматика держится известной системы. Во-первых, она почитает совершенно ненужным приводить из писателей цитаты в объяснение таких правил, на которые приходят примеры сами собой в голову не только учителю, но и ученику; так, напр., на правила о согласовании прилагательного с существительным в одном роде, числе и падеже. Тем с бо́льшею тщательностью основывается она на авторитете писателей в тех случаях, где употребление языка может затруднить учащегося; напр., в правилах о согласовании сказуемого, то в единственном, то во множественном числе, с подлежащими: *несколько, большая часть* и т. п. Беккеровская грамматика поступала иначе: она приводила примеры из образцовых писателей на всевозможные логические сочетания мыслей, в предложениях и периодах; напр., для объяснения обстоятельств времени, места, причины, цели и т. п.; и не исчерпывала авторитета образцов там, где учащийся должен бы ожидать того, для руководства в правильном употреблении языка. — Во-вторых, в образцовых писателях историческая грамматика не должна утаивать таких выражений, о которых прежние руководства умалчивали, может быть, потому, что находили в этих выражениях противоречие своим правилам. Так, напр., предписывалось употреблять частицу *между* или *меж*, с родительным падежом, при означении движения, и с творительным — при означении покоя. Но сам Жуковский, осторожнейший из современных стилистов, противоречит этому правилу; напр.; в прозе: „утесы стояли неподвижно, и *между ними* легким дымом, ничтожными призраками *летали* остатки минувшей бури“, VII, 200, в стихах:

Остался вдвое одинок,
Как труп *меж гробовых досок,* IV, 15.

Ограждая себя авторитетом образцов, историческая грамматика освобождает учащегося от многих условно принятых правил готшедовской грамматики, объясняя фактами, что эти правила, будучи выдуманы грамматистами, теряют свою обязательную силу, противореча образцам. Так, напр., полагалось правилом — с подлежащим: *несколько*, согласовать сказуемое в среднем роде единственного числа, когда сказуемое следует за подлежащим; при этом допускалось исключение: дозволялось ставить сказуемое и во множественном числе, когда оно предшествует подлежащему: *несколько*. Но Жуковский убеждает нас, что, в некоторых случаях, следует пользоваться

согласованием слов, совершенно противоположным этому правилу. Так, напр., он говорит: „*несколько* камней, сорвавшись с высоты, *увязли* в ущелье и *образовали* кровлю“, VII, 189; „*несколько* елей, выросших на высоте, *кажутся* букетом“, VII, 204. — Еще пример. Признавалось ошибкою соответствие союзов *когда — то,* вместо *когда — тогда.* Но тот же писатель говорит: „*когда* покажется солнце, *то* оно греет как весеннее“, VII, 236. — Раз отправившись по пути изобретения условных правил, стилисты готовы были осудить всякое выражение, несколько отступающее от простейших законов согласования и управления слов; и тяжелая мысль о невозможности угодить какому-нибудь вновь выдуманному правилу невольно приходила в голову всякому, кто только брался за перо. Так, напр., некоторые пуристы запрещали писать и говорить, при обозначении меры прошедшего времени: *тому назад,* предписывая употреблять что-нибудь одно: или *тому,* или *назад.* — Но если так выражается сам Жуковский, осторожнейший из пуристов нашего времени (напр., „мимо ужасных развалин горы, задавившей, *двенадцать лет тому назад,* прелестную деревню Goldau, пошел к деревеньке Ловерц“, VII, 211), — то к чему же затруднять учащегося лишним правилом в грамматике?

4. Историческая грамматика вменяет себе в обязанность положить в основу изучения подробный этимологический разбор форм языка, для того, чтобы из этого разбора извлечь грамматические законы, понятные и убедительные в теоретическом отношении, и, вместе с тем, применительные к практике. Орфографию основывает она на этимологии, а в синтаксисе стремится определить правильнейшее отношение отвлеченных приемов логики к формам языка. Упростив, таким образом, метод изучения, она имеет в виду заменить безотчетные, и потому невразумительные правила готшедовской грамматики общепонятным объяснением законов языка. Вследствие того, она весьма часто бывает обязана представлять учащемуся предмет исследования совершенно с новой стороны. Так, например, в речениях *больше, дальше, меньше, тоньше,* практическая грамматика видела только имена прилагательные краткие среднего рода, а в речениях *более, далее, менее, тонее* — только наречия. Грамматика историческая видит в первых общеупотребительные русские формы, а во вторых остатки старинных прилагательных среднего рода: болѥ, мьнѥ и проч. (§ 69), с приставкою звука ѥ на конце этих речений (т. е. болѥ-ѥ и проч., § 30); следовательно, и те и другие признает, по происхождению их, прилагательными краткими среднего рода, имеющими способность — по общему закону — переходить в наречия. Потому почитает равно правильными выражениями: „тише едешь, *дальше* будешь“ и „*более* или *менее* подробный“; и отличает их только тем, что первое относит к речи разговорной, а последнее к книжной. — Практическая грамматика, случайно приняв какое-нибудь основание для своего правила, видела в формах языка, противоречащих правилу, отступление, которое выдавала за *грамматическую фигуру.* Отношение таких грамматических фигур к выражениям, основанным на правиле, предлагалось в том же смысле, в каком схо-

ластическая риторика понимала отношение, так называемого, *украшенного языка* к *естественному* или *простому*. Так, например, в согласовании подлежащего: *большая часть*, со сказуемым, эта грамматика отличает правильное, или логическое употребление от фигурного: по правилу, будто бы следует согласовать сказуемое в единственном числе и в женском роде, если изменяется оно по родам; напр., „большая часть людей всегда трудилась"; в виде же грамматической фигуры, допускалось сказуемое и во множественном числе; напр., „большая часть людей трудятся". Само собою разумеется, что это чисто внешнее деление выражений, на простые и фигурные, ничего не объясняет, потому что не основывается на законах самого языка. Согласно с этим распределением, следовало бы признать за грамматическую фигуру употребление числительных *пять, шесть, десять* и др., со сказуемым множественного числа; напр., „десять лошадей скачут, везут" и проч.; ибо, по этимологическому образованию, эти числительные суть не что иное, как существительные собирательные, наравне с речениями: *сонм, толпа, часть,* в выражении *большая часть,* и др. (§ 61). — Предложенные здесь затруднения, в согласовании слов, историческая грамматика объясняет следующим образом. Положив в основу синтаксическому учению закон о двояком сочетании слов: 1) по внешней этимологической форме и 2) по внутреннему значению слова, она видит, в выражении „большая часть людей всегда трудилась", согласование сказуемого с внешнею формою подлежащего, как существительного ед. числа, жен. рода; а в выражении „большая часть людей трудятся" — согласование сказуемого с самым смыслом подлежащего, как имени собирательного. По всей истории нашего языка проходит этот простой закон, определяемый отношением первоначальной логики самого языка к отвлеченному мышлению, которое оказывает свою силу на язык уже впоследствии. Так, напр., с числительными *пять, восемь, десять* и др., образовавшимися в форме существительных собирательных женского рода, согласовались слова определительные и сказуемые в единственном числе женского рода; напр., в юридических актах, под 1654 годом: „та десять копенъ описана", под 1679 годом: „въ ту десять лѣтъ" и мн. др. В современном синтаксисе, внутренний смысл числительных взял верх над внешнею, этимологическою формою. — Сверх того, в древнерусском и церковнославянском, допускалось сказуемое в множественном числе, при подлежащем, выраженном в форме существительного собирательного, в единственном числе. Напр., в Остромировом списке евангелия: „и молишѧ и вьсь народъ", Ев. от Лук., 8,37; в летописи, по Лаврентьевскому списку: „идуть Русь", „рѣша же дружина Игорева", „дружина сему смѣятися начнуть"; в древних русских стихотворениях: „весь народ тому смеялися", „собираются тут православный народ" и мн. др. — Таким образом, подлежащие *несколько, большая часть* и т. п., на основании общих законов языка, выразившихся в историческом развитии его форм, могут равно правильно согласоваться со сказуемым и единственного, и множественного числа.

5. Историческая грамматика соединяет оба способа изучения языков, то есть филологический и лингвистический. — Вернее старинной практической грамматики она следует способу филологическому, в подробном и тщательном изучении образцовых писателей, не ограничивая произвольно числа их. С другой стороны, основываясь на законах языка, открытых сравнительно-историческою лингвистикою, она расширяет область филологической грамматики отчетливым исследованием форм языка, на основании исторического их развития.

Если обучение языкам классическим (греческому и латинскому) может быть, до известной степени, заменено обучением языку родному, то, без сомнения, в том только случае, когда отечественная грамматика, основанная на исторических началах, будет изучаема в постоянной связи с чтением важнейших литературных памятников, которые должны быть изданы для училищ, с необходимыми грамматическими объяснениями, в исторической хрестоматии.

Такое знакомство с родным языком полезно в двояком отношении: в теоретическом и практическом. В отношении теоретическом, оно ведет к ясному уразумению грамматических форм родного языка, указывая на их первоначальный вид и позднейшие видоизменения и объясняя современную речь, как совокупность этих форм, дошедших до нас от различных эпох, но подчиненных общему им всем синтаксическому началу. В практическом отношении оно служит пособием при изучении литературных памятников и руководствует учащихся в употреблении современного языка, объясняя законы как изустной речи, видоизменяемой по областным наречиям, так и письменной, основанной на историческом предании.

Само собою разумеется, что историческая грамматика, предназначаемая для училищ, должна ограничить свой объем, применительно к общей потребности людей образованных, к потребности в основательном изучении языка, преимущественно современного: потому она касается древних форм языка более для того, чтобы ими объяснить ныне употребительные. При таких умеренных требованиях и в таком ограниченном объеме, опыт русской исторической грамматики возможен и в настоящее время, несмотря на то, что мы еще не имеем не только полного изложения истории нашего языка, но даже и надлежащего запаса изданных, по этому предмету, монографий. Ученые, специальные труды по истории русского языка впоследствии внесут значительнейшие улучшения в историческую методу. Но уже и в настоящее время, в ожидании этих улучшений и с полною готовностию ими воспользоваться, учебник русского языка должен быть построен не на прежних, умозрительных, а на более положительных, сравнительно-исторических основаниях.

Изданный ныне „Опыт“ составлен по изложенным здесь соображениям. В какой степени автор успел удовлетворить им, предоставляется на суд читателей. Всякое замечание людей знающих и опытных, клонящееся к успехам общеполезного дела — обучения родному языку, автор примет с благодарностью и не замедлит им воспользоваться.

Применительно к преподаванию родного языка, „Опыт исторической грамматики“ имеет двоякое назначение: 1) для учащих служит пособием в преподавании, при объяснении грамматических правил; и 2) для учащихся предлагает справочную книгу, в которой они могут находить решение затруднительных вопросов грамматических, встречающихся им на практике; а именно: при чтении произведений церковнославянской и русской литературы, учащиеся могут справляться с этою книгою, для объяснения отдельных слов и целых выражений; при собственных же письменных упражнениях могут руководствоваться ею в правильном употреблении языка.

Сообразив с объясненным здесь назначением „Опыта исторической грамматики“ современные требования науки о языке, в применении ее к преподаванию, автор должен был сделать в этой книге некоторые, по его мнению, необходимые уклонения от системы в изложении, принятой прежними учебниками. А именно.

1. Предполагая в учащихся, которые будут пользоваться этою книгою, уже первоначальные, приготовительные сведения в отечественной грамматике, какие могут быть приобретены в течение двухлетнего, преимущественно практического обучения, автор не счел за нужное начать историческую грамматику ни логическим разбором предложения, ни синтаксическим объяснением значения частей речи и их принадлежностей. И то и другое отнесено в „Опыте“ к синтаксису.

2. Строгое отделение этимологии от синтаксиса дало автору возможность — как он осмеливается думать — упростить изучение родного языка, и в теоретическом, и в практическом отношении. Исключив из этимологии все относящееся к синтаксису, он внес в нее учение о правописании, основанное на исторических данных. Вследствие того, 1) этимология (несмотря на исторический ее характер) получила значение практического руководства; и 2) оказалась вовсе ненужною особая часть грамматики, помещаемая в учебниках под именем орфографии. Эта часть особенно скучна и трудна была для учащихся, потому что ни на чем, кроме случайностей употребления, не основывалась. В исторической этимологии автор желал дать отчетливое объяснение каждому правилу орфографическому.

3. Так как словосочинение имеет предметом уже не отдельные звуки, приставки и окончания, а сочетание слов, выражающее мысль, то эта часть исторической грамматики начинается введением, посвященным определению отношения между грамматическими формами и законами мысли. Здесь, на основании истории языка, полагаются границы между логикою и грамматикою, неточно обозначенные в так называемых общих, или философских грамматиках. Затем, в первой главе, излагаются общие понятия о составе предложений и о значении частей речи, которых полное определение собственно принадлежит к синтаксису. Потом уже следует историческая часть словосочинения, состоящая в подробном синтаксическом разборе не только предложений, но и отдельных грамматических форм, каковы: залоги, виды, времена и проч. (что́ особенно важно в практическом отноше-

нии). Сверх того, во многих параграфах 2-й части грамматики, где оказалось только нужным, предложены общие основания для изучения отечественного языка сравнительно с иностранными, и преимущественно с новейшими, в отношении синтаксическом. Практическое значение этого предмета весьма ощутительно в переводах с одного языка на другой.

4. Так как всякий учебник имеет целию применение к потребностям учащихся и упрощение сведений, уже выработанных наукою и в ней установившихся; то автор вменял себе в обязанность, в изложении предмета, следовать лучшим сочинениям в литературе грамматической, не увлекаясь своими собственными исследованиями и соображениями. В сочинениях В. Гумбольдта, Я. Гримма, Дица и других лучших лингвистов нашего времени читатели найдут оправдание тому, в чем автор отступил от прежних, аделунговских руководств. Впрочем, составляя свой „Опыт“, он имел осторожность — постоянно сверять его с этими практическими учебниками, для того, чтобы непрестанно иметь в виду практическую цель в изучении родного языка. — Сверх того, он воспользовался многими замечаниями профессора славянских наречий, О. М. Бодянского, которому изъявляет свою искреннюю благодарность.

5. Важнейшие уклонения от прежних руководств „Опыт исторической грамматики“ предлагает в тех случаях, где авторитет литературных образцов противоречит наставлениям сказанных руководств. Потому все правила, в которых этот учебник отступает от прежних, подтверждаются свидетельством писателей. — Объяснение сокращений, которыми означены имена авторов и названия сочинений, прилагается в конце 2-й части.

Сочинения авторов, еще не переставших трудиться на поприще нашей литературы, предоставляется внести в грамматический материал будущим грамматистам, для которых словесные произведения нашего времени могут быть предметом уже беспристрастного исторического исследования.

6. Предметам, еще не обработанным наукою, автор не имел права давать место в своем учебнике. Таково, между прочим, учение об этимологическом ударении.

Учебник исторической грамматики напечатан двумя шрифтами: крупным и мелким. Крупным шрифтом отличены основные положения науки и сведения, необходимейшие для учащихся; а мелким — подробности, важные частию для объяснения общих понятий, изложенных в основных положениях, частию же для справок при практических упражнениях в языке. Сверх того, к концу 1-й части присовокуплены приложения, не обязательные для учащихся, но полезные для тех, кто пожелает в бóльшей подробности изучать грамматические формы.

Для желающих короче познакомиться с литературою сравнительно-исторической грамматики предлагается здесь перечень важнейших сочинений по этому предмету.

I. Для изучения языков индоевропейских вообще.

1) В. Гумбольдта „Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts“, сочинение, изданное в виде предисловия к исследованию этого ученого: „Ueber die Kawi-Sprache auf der Insel Java“, 1836 г., и потом перепечатанное в 1848 г., в 6-м томе его сочинений („Wilhelm von Humboldt's gesammelte Werke“, 1841 г. и след.). Сверх этого сочинения, весьма важны отдельные монографии В. Гумбольдта, в разные времена выходившие в „Abhandlungen“ Берлинской Академии наук и в других изданиях и частию перепечатанные в собрании его сочинений. Таковы монографии: О местоимениях и наречиях („Ueber die Verwandschaft der Ortsadverbien mit dem Pronomen in einigen Sprachen“), О двойственном числе („Ueber den Dual“) и др.

2) Боппа „Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Altslawischen, Gothischen und Deutschen“ в шести выпусках (1833—1852 гг.). Славянский язык введен только со второго выпуска (1835 г.). В отношении этого языка необходимые дополнения к Грамматике Боппа были сделаны Миклошичем, в рецензии этого сочинения, помещенной в Венском ученом журнале: „Jahrbücher der Literatur“, 1844 г., № 105.

3) Боппа „Glossarium sanscritum in quo omnes radices et vocabula usitatissima explicantur et cum vocabulis graecis, latinis, germanicis, lithuanicis, slavicis, celticis comparantur“, 1847 г.

4) Я. Гримма „Deutsche Grammatik“, в четырех частях (1-я часть вышла в 1819 г., потом вторым изданием в 1822 г. и третьим — в 1840 г.; 2-я часть вышла в 1826 г.; 3-я в 1831 г. и 4-я в 1837 г.). Важнейшее дополнение к учению Я. Гримма о звуках гласных предложил Бопп в сочинении: „Vocalismus oder sprachvergleichende Kritiken über J. Grimm's deutsche Grammatik und Graff's althochdeutschen Sprachschatz“, 1836 г.

5) Я. Гримма „Geschichte der deutschen Sprache“, 1848 г., в двух частях. Необходимое дополнение к этому сочинению для изучения языка в связи с историею народного быта предлагают исследования того же ученого: „Deutsche Mythologie“, 2-е изд., 1844 г., и „Deutsche Rechtsalterthümer“, 1828 г.

6) Я. и В. Гриммов „Deutsches Wörterbuch“, издание, выходящее выпусками с 1852 г.

7) Дица (Diez) „Grammatik der romanischen Sprachen“, в трех частях, 1836—1844 гг. Исправления и дополнения к этому сочинению сообщает Диц в Словаре романских языков, изданном в 1853 г. под заглавием: „Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen“.

8) Потта „Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen“, в двух частях, 1833—1836 гг. Систематическое обозрение языков индоевропейских Потт предложил в статье

под заглавием: „Indogermanischer Sprachstamm", напечатанной в 18-й части второго отдела Всеобщей Энциклопедии Эрша и Грубера, в 1840 г. В отношении исторического развития языков, статья эта дополняется лингвистическими исследованиями Шлейхера, изданными в двух выпусках: первый под заглавием: „Zur vergleichenden Sprachengeschichte", 1848 г., и второй под заглавием: „Die Sprachen Europas in systematischer Uebersicht", 1850 г.

9) Для изучения наречий языков классических:

а) Аренса (Ahrens) „De Graecae linguae dialectis", в двух частях.

б) Ауфрехта и Кирхгофа „Die umbrischen Sprachdenkmäler", сочинение, издаваемое выпусками с 1849 г.

в) Моммсена „Die unteritalischen Dialecte", 1850 г.

10) Лингвистические журналы:

а) Гёфера „Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache", издаваемый с 1845 г.

б) Ауфрехта и Куна „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung", издаваемый с 1852 г.

II. Для изучения славянских наречий вообще и русского языка в особенности.

1. Славянский язык и его наречия вообще

1) Шафарика „Slowanské starožitnosti", 1837 г. Это сочинение переведено на русский язык и издано профессором Бодянским в 1848 г., под заглавием: „Славянские древности".

2) Шафарика „Slowanský narodopis", с картою, изд. 2-е, 1842 г. Это сочинение переведено на русский язык и издано профессором Бодянским в 1843 г., под заглавием: „Славянское народописание".

3) Шафарика лингвистические статьи в журнале Чешского Музеума (Časopis českého Museum); именно: а) об образовании слов посредством удвоения корня, 1846 г.; б) о развитии глагольных корней посредством вставки и приставки согласных звуков, 1846 г.; в) об изменении гортанных согласных, 1847 г.; г) объяснение некоторых грамматических форм славянского языка, именно: местного падежа, склонения прилагательных, времен глагола, 1847 г.; д) лингвистический разбор числительных имен, 1848 г.

4) Миклошича „Vergleichende Grammatik der Slawischen Sprachen", 1852 г.

2. Церковнославянский язык

1) Добровского „Institutiones linguae slavicae dialecti veteris", 1822 г. Это сочинение переведено на русский язык и издано профессорами Погодиным и Шевыревым в 1833—1834 г.

2) К. Калайдовича „Иоанн ексарх Болгарский", 1824 г.

3) Востокова „Остромирово евангелие", 1843 г., с грамматикою и словарем. Необходимое дополнение к этому изданию предложено в исследовании Востокова о славянском языке, которое напечатано

в 17-й части Трудов общ. любит. рос. слов., 1820 г. Лучшая рецензия издания Остромирова евангелия, составленная Миклошичем, напечатана в Венском ученом журнале: „Jahrbücher der Literatur“, 1847 г., № 119.

4) Копитара „Glagolita Clozianus“, 1836 г.

5) Шафарика „Památky hlaholského písemnictví“ (т. е. памятники глаголитской письменности), 1853 г.

6) Бодянского „О времени происхождения славянских письмен“, 1855 г.

7) Кеппена „Собрание словенских памятников“, 1827 г., с грамматикою и словарем.

8) Миклошича „Lautlehre der altslovenischen Sprache“, 1850 г.

9) Миклошича „Formenlehre der altslovenischen Sprache“, 1850 г.

10) Шлейхера „Die Formenlehre der kirchenslawischen Sprache“, 1852 г.

11) Билярского „Судьбы церковного языка“, в двух выпусках, 1847—1848 гг.

12) Лучшие словари: а) Миклошича „Radices linguae slovenicae veteris dialecti“, 1845 г. б) Того же автора „Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti“, 1850 г.

13) Лучшие описания рукописей: а) Востокова „Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума“, 1842 г. б) Горского и Невоструева „Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый“, 1855 г.

3. *Русский язык*

1) Каткова „Об элементах и формах славяно-русского языка“, 1845 г.

2) Бетлинга „Beiträge zur russischen Grammatik“, сочинение, напечатанное в Bulletin de la Classe des sciences histor., philol. et polit. de l'Académie Impér. des sciences de St. Pétersb. T. IX. Nro. 3—7, 1851 г. В русском переводе издано в Ученых записках императорской Академии наук, по 1-му и 3-му Отделениям, т. I, вып. 1, 1852 г.

3) Павского „Филологические наблюдения над составом русского языка“, изд. 2-е, в четырех выпусках, 1850 г. Рецензия этого сочинения напечатана в Отечественных записках за 1852 г., т. LXXXI.

4) Максимовича „Начатки русской филологии“, 1848 г.

5) Срезневского „Мысли об истории русского языка“, 1850 г. Рецензия этого сочинения напечатана в Отечественных записках за 1850 г., т. LXXII.

6) П. Лавровского „О языке северных русских летописей“, 1852 г.

7) Для областных наречий русского языка:

а) „Опыт областного великорусского словаря“, изданный Вторым отделением императорской Академии наук, 1852 г. Рецензия этого издания, составленная Далем, напечатана под заглавием: „О местных наречиях русского языка“ в Вестнике императорского Русского

географического общества за 1852 г. Другая рецензия этого же издания напечатана в Отечественных записках за 1852 г., т. LXXXV.

б) „Этнографический сборник“, издаваемый императорским Русским географическим обществом с 1853 г.

8) Периодическое издание, посвященное исследованиям о русском языке и словесности и обнародованию материалов для изучения этих предметов: „Известия императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности“. Издается с 1852 г.

4. Прочие славянские наречия

1) Лучшие грамматические сочинения:

а) Шафарика „Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart“, 1833 г.

б) Вука Караджича „Kleine serbische Grammatik“, 1824 г. При этой грамматике напечатано предисловие Я. Гримма, имеющее предметом сравнительно-историческое изучение славянского языка.

в) Копитара „Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark“, 1808 г.

г) Добровского „Lehrgebäude der böhmischen Sprache“, 1819 г.

д) Шафарика Грамматика древнечешского языка, помещенная во введении к собранию памятников чешской литературы, изданному этим ученым в 1845 г., под заглавием: „Wýbor z literatury české“. Необходимое дополнение к этой Грамматике составляют филологические исследования о языке древнейших произведений чешской письменности, помещенные в книге, изданной Шафариком и Палацким, под заглавием: „Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache“, 1840 г.

е) Смита (Smith) „Grammatik der polnischen Sprache“, 1845 г.

ж) Новикова „О важнейших особенностях лужицких наречий“, 1849 г.

з) Бессонова Грамматика новоболгарского языка, присовокупленная к его изданию болгарских песен, во Временнике императорского Московского общества истории и древностей российских, 1855 г., и в отдельных оттисках.

2) Лучшие словари:

а) Линде „Słownik języka polskiego“, в шести частях, 1807—1814 гг.

б) Юнгмана „Slowník česko-německý“, в пяти частях, 1834—1839 гг.

в) Вука Караджича Сербский словарь, изд. 2-е, 1852 г., под двумя заглавиями: под сербским: „Српски рјечнiк“, и под латинским: „Lexicon serbico-germanico-latinum“.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *К § 1.* О происхождении языка см. подробнее: „О преподавании отечественного языка“, ч. II, раздел „Ономатика“, подраздел „Слово, поэзия, чародейство, знание и пр.“, М., 1844, стр. 173—177.

[2] *К § 5.* Об отражении диалектных черт в языке древнерусских памятников см. подробнее: „О преподавании отечественного языка“, ч. II, раздел „Провинциализмы“, стр. 338—343.

[3] *К § 13.* О начальном периоде в истории славянских языков см. также: „О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию“, раздел „Возведение истории славянского языка к IV веку“, М., 1848, стр 90—101.

[4] *К § 17, пункту 1.* О роли церковнославянского языка в истории русского языка см.: „По поводу памяти святых Кирилла и Мефодия“, „Кирилло-Мефодиевский сборник“, М., 1865, стр. 520—527. См.: Библиография трудов Ф. И. Буслаева..., № 68.

[5] *К § 17, пункту 2, б.* О значении диалектных данных для сравнительного и исторического изучения языка см.: „Словарь областных речений великорусского наречия“, „Известия второго отделения Академии наук“, 1852, т. I, вып. 4, стр. 167—177.

[6] *К § 22.* О различии между гласными и согласными звуками см.: „О преподавании отечественного языка“, ч. II, раздел „Членораздельные звуки“, стр. 15—16.

[7] *К § 24, 25, 27.* О гласных звуках русского языка в сопоставлении со звуками других индоевропейских языков см.: „О преподавании отечественного языка“, ч. II, раздел „Звуки гласные“, стр. 16—26.

[8] *К § 26, примеч. 1.* „Суд Любуши“ (или иначе „Зеленогорская рукопись“), а также „Краледворская рукопись“, ошибочно принимаемые Ф. И. Буслаевым за памятники древнечешской письменности, в действительности являются подделками чешского литератора и библиотекаря Национального музея в Праге В. Ганки.

[9] *К § 27.* О редуцированных ъ, ь см. подробнее: рецензия на „Филологические наблюдения над составом русского языка“ Г. П. Павского, „Отечественные записки“, т. LXXXI, 1852, апрель, отдел V, стр. 49—71. Статья содержит замечания сравнительно-исторического характера и о других звуках.

[10] *К § 28.* О носовых ǫ, ę см. также: „О преподавании отечественного языка“, ч. II, в разделе „Звуки полусогласные: придыхания и плавные“, стр. 32—35.

[11] *К § 31.* О согласных звуках русского языка в сопоставлении со звуками других индоевропейских языков см.: „О преподавании отечественного языка“, ч. II, в разделе „Звуки согласные“, стр. 38—44.

[12] *К § 31, примеч. 2.* О чередовании звуков *к* и *с* см. также: „Словарь областных речений великорусского наречия", стр. 168.

[13] *К § 32.* О звуке *в* см. также: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Звуки полусогласные: придыхания и плавные", стр. 27—32.

[14] *К § 33.* О плавных звуках см. также: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Звуки полусогласные: придыхания и плавные", стр. 35—38.

[15] *К § 33, примеч. 3.* О переходе *д* в *р*, а также об обоюдном переходе звуков *н, м* и *р, л* см. также: „Словарь областных речений великорусского наречия", стр. 167—169.

[16] *К § 36.* О звуках *д* и *т* см. также: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Звуки согласные", стр. 44—48.

[17] *К разделу „Образование частей речи", подразделу „Местоимение", § 57, 58.* О формах русских местоимений в сопоставлении с формами местоимений в других индоевропейских языках см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, раздел „Производство местоимений", стр. 78—85.

[18] *К § 58.* Об участии местоимений в образовании других частей речи см. также: „О преподавании отечественного языка", ч. II, разделы „Склонение" (стр. 87—89), „Спряжение" (стр. 89—92).

[19] *К § 59, пункту 15.* Об употреблении существительных с суффиксом *-ище* в языке древнерусских памятников см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Приставки и окончания", стр. 59—60.

[20] *К § 62, пункту 1.* О суффиксе *-(м)ен-* см. также: „Словарь областных речений великорусского наречия", стр. 170—171.

[21] *К § 66, пунктам 7—10.* Об употреблении прилагательных с суффиксами *-ст, -т* в памятниках древнерусского языка и об индоевропейских соответствиях суффиксов *-ст, -т* см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Приставки и окончания", стр. 58—59.

[22] *К § 67, пункту 3.* О суффиксе *-ск* в индоевропейских языках см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Приставки и окончания", стр. 57—58.

[23] *К § 68.* Об оттенках значения, выражаемых формами сравнительной степени см. подробнее: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Степени сравнения", стр. 134—136.

[24] *К § 69.* Об образовании форм сравнительной степени в индоевропейских языках см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Степени сравнения", стр. 136—140.

[25] *К разделу „Наречие", § 71—75.* О формах русских наречий в сопоставлении с формами наречий других индоевропейских языков см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, раздел „Образование наречий", стр. 69—78.

[26] *К § 73.* См. также раздел „Местоименные наречия" в книге „О преподавании отечественного языка", ч. II, стр. 85—87.

[27] *К § 76.* См. также раздел „Предлог" в книге „О преподавании отечественного языка", ч. II, стр. 159—162.

[28] *К разделу „Слова сложные", § 79, 80, 81.* См. также раздел „Сложные слова" в книге „О преподавании отечественного языка", ч. II, стр. 60—69.

[29] *К § 84, примеч. 5.* В своде глагольных форм славянских языков Буслаев, очевидно, использовал книгу Ф. Миклошича „Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen", т. III. Поэтому все примеры оставляем без изменений, хотя авторы других грамматик (более поздних) приводят формы, в некоторых случаях отличающиеся от тех, которые дает автор настоящей книги. Отме-

тим только следующее: Буслаев, вслед за Миклошичем, в 3-м лице мн. числа глагольных форм болгарского языка употребляет букву *ъ*, обозначавшую гласный звук: *плетохъ, бихъ, плетехъ, бияхъ* (ср. у Миклошича: pletohъ и т. п.); по старой орфографии этот звук обозначался буквой *ѫ (плетохѫ)*, в настоящее время — буквой *а (плетоха)*.

В преходящем времени, вместо болгарских форм bijah, biješe, biješe, отмеченных Миклошичем, в книге Буслаева представлены формы *биях, бияше, бияше*.

[30] *К § 95.* Приведенные парадигмы склонения существительных, а также прилагательных (§ 99) и числительных (§ 105), несмотря на имеющиеся в них несоответствия фактам старославянского языка, оставляем без изменения, так как они, по-видимому, отражают понимание автором „Грамматики" системы склонения в старославянском языке.

[31] *К § 99.* О склонении прилагательных см. также: рецензия на „Филологические наблюдения" Г. П. Павского, стр. 36—42. См. также примеч. 30.

[32] См. примеч. 30.

[33] *К § 115, примеч. 2.* См. также раздел „Тавтология" в книге „О преподавании отечественного языка", ч. II, стр. 192—195.

[34] *К § 138.* О знаменательных и служебных частях речи см. также: „О преподавании отечественного языка", ч. II, „Введение", стр. 6—8.

[35] *К разделу „Выражение представления и понятия в отдельном слове", § 140—157.* О многих вопросах, рассматриваемых в этом разделе, см. подробнее: „О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию", „О преподавании отечественного языка", ч. II, „Материалы для русской стилистики".

[36] *К § 141, примеч.* См. примечание 8.

[37] *К § 149.* См. также раздел „О родах имен существительных" в книге „О преподавании отечественного языка", ч. II, стр. 104—131.

[38] *К § 151.* Об изобразительном выражении см. также „Словарь областных речений", стр. 172—177.

[39] *К § 160.* О функции и значении местоимений, о классификации местоимений см. также в статье „О местоимениях вообще и о русских в особенности", „Москвитянин", 1845, ч. I, № 2, Критика, стр. 47—50.

[40] *К § 181, 182.* О категории вида и времени см. также в рецензии на работу К. С. Аксакова „О русских глаголах", „Отечественные записки", т. CI, 1855, август, отдел III, стр. 23—46.

[41] *К § 185.* О сложных формах будущего времени в русском языке, а также в некоторых других индоевропейских (преимущественно славянских) языках см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Глагол", стр. 154—156.

[42] *К разделу „Местоимение", § 203—213.* О происхождении и значении некоторых местоимений см. также в статье „О местоимениях вообще и о русских в особенности", стр. 50—55.

[43] *К § 220.* О формах с суффиксами ласкательными и уничижительными в древнерусском языке см. также: „О преподавании отечественного языка", ч. II, раздел „Архаизмы", в подразделе „Быт семейный и общественный", стр. 252—254.

[44] *К § 246.* Об употреблении форм творительного падежа в древнерусском языке сравнительно с чешским и латинским см.: „О преподавании отечественного языка", ч. II, в разделе „Имя", стр. 147—149.

[45] *К разделу „Значение и управление предлогов и наречий предложных", § 248—251.* См. также раздел „Предлог" в книге „О преподавании отечественного языка", ч. II, стр. 159—162.

ОБЪЯСНЕНИЕ СОКРАЩЕНИЙ, УПОТРЕБЛЕННЫХ В УКАЗАНИИ ИСТОЧНИКОВ, ИЗ КОТОРЫХ ВЗЯТЫ ПРИМЕРЫ [1]

1. Церковнославянская и древнерусская письменность до Петра Великого

[*Ав.* — Книга пророка Аввакума (часть библии).]

[*Авд.* — Книга пророка Авдия (часть библии).]

[*Аг.* — Книга пророка Аггея (часть библии).]

[*Акт.* — Акты.
См. по алфавиту следующие сокращения: *Акт. арх. эксп., Ист. акт., Юрид. акт., Шуйск. акт.*]

[*Акт. арх. эксп.* — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Академии наук, т. I, СПБ, 1836.]

[*Ам.* — Книга пророка Амоса (часть библии).]

[*Ант. Радивил. Огородок Марии богород.* — Книга Огородок Марии богородицы, изданная наместником Киево-Печерской Лавры, иеромонахом Антонием Радивиловским. Изд. Киево-Печ. Лавры, 1676.]

Апост. — Апостол.
[См. по алфавиту следующие сокращения: *Апост. Драгом., Апост. старопеч., Апост. толк., Дамиан. апост.*]

[*Апост. Дамиан.* — см. *Дамиан. апост.*]

Апост. Драгом. — Драгомиров кодекс, по указанию [И.] Добровского в его Грамматике славянского языка.

[*Апост. старопеч.* — Старопечатный апостол, изданный в 1564 г. в Москве.]

Апост. толк. — Апостол толковый 1220 г. [так называемый Ростовский апостол], рук. Моск. Синод. библ., под № 7.

[*Беседа трех святителей* — рук. (См. Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. II, М., 1863.)]

Библ. — Библия.
[См. по алфавиту следующие сокращения: *Библ. кн. Фр. Скорины 1517 г., Острожск. библ., Сербск. сп., Сп. Упиря.*]

[*Библ. кн. Фр. Скорины 1517 г.* — Библейские книги в переводе доктора Франциска Скорины; всего было издано 22 книги под общим заглавием „Библия руска, выложена доктором Франциском Скориною из славнаго града Полоцька...“, Прага, 1517—1519; Вильна, 1525.]

[*Библ. по сербск. сп.* — см. *Сербск. сп.*]
[*Библ. 1499 г.* — см. *Сп. Упиря.*]

[1] Список составлен Ф. И. Буслаевым. В квадратные скобки заключено то, что добавлено редакцией. *(Ред.)*

[*Болг. парем.* — Болгарский паремейник.]

[*Болг. сб. 1345 г.* — Болгарский сборник по списку 1345 г.]

[*Быт.* — Первая книга Моисеева. Бытие (часть библии).]

[*Варух.* — Книга пророка Варуха (часть библии).]

Ветх. зав. — Ветхий завет по рук. XV в. в Румянц. муз. — См. [А. Х.] Востоков, Описание [русских и словенских] рукописей Румянцевского музеума, [СПБ, 1842.]

Волынск. ев. XIV в. — Волынский список евангелия XIV в., в Румянц. муз., под № 112.

[*Волынск. лет. XV в.* — Волынская летопись по Ипатьевскому списку. ПСРЛ, т. II, СПБ, 1843.]

[*Воскресенск. лет.* — Воскресенская летопись XVI в. ПСРЛ, т. VII—VIII, СПБ, 1856; 1859.]

[*Врем. Феод. Иоан.* — Временник Феодора Иоанновича.]

[*2-я кн. цар.* — Вторая книга царств (часть библии).]

[*2-е посл. к Тимоф.* — Второе послание к Тимофею (часть библии).]

[*Второз.* — Пятая книга Моисеева. Второзаконие (часть библии).]

[*Вульгата.* — Латинский перевод библии блаженного Иеронима. Первое издание с поправками и изменениями: Biblia sacra vulgatae edicionis, Romae, 1590.]

Выходы госуд. цар. и кн. — Выходы государей царей и великих князей, по изд. [П. М.] Строева, [М.] 1844.

Галицк. ев. 1143 г., Галицк. сп. ев. — Галицкий список 1143 г., рукопись в Моск. Синод. библ. *Примеч.* И в Описании слав. рук. Моск. Синод. библ. [А. В. Горского и К. И. Невоструева], и в моей Исторической хрестоматии, это евангелие неправильно отнесено к 1144 г.

[*Галятовск. Ключ разум. 1659 г.* — „Ключ разумения", книга, изданная Иоанникием Галятовским в Киево-Печерской Лавре в 1659 г.]

[*Георг. Амарт. XV в.* — Хроника Георгия Амартола по списку XV в.]

Глаголит. — глаголитские памятники, по изданиям Копитара и Шафарика. [Kopitar, Bartholomaeus, Glagolita Clozianus id est Codicis Glagolitici inter suos facile antiquissimi... Vindobonae, 1836. — P. J. Šafařik, Glagolitische Fragmente, Prag, 1857.]

Гр. — Грамота *.
Грамоты даются по изданию: „Собрание Государственных грамот и договоров [хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел", ч. 1—5, М., 1813—1894], и по изданию Археографической комиссии [СПБ], 1857.

Григ. Богосл. — Слова Григория Богослова, рук. XI в., в Петербургской Публичной библиотеке.

[*Григ. Турск.* — Григорий Турский, франкский историк (ок. 540—594).]

[*Густ. лет. XVII в.* — Густынская летопись XVII в., СПБ, 1843. — Чт. в Общ. истор. и древн. рос., М., 1848, кн. 8.]

[*Дамиан. апост.* — Дамианов апостол.]

[*Дан.* — Книга пророка Даниила (часть библии).]

---

* Отдельные грамоты, использованные автором, в списке не приводятся, за исключением постоянно упоминающейся Договорн. гр. 1229 г. *(Ред.)*

Дан. Зат. — Слово о Данииле Заточнике, по изд. [К. Ф.] Калайдовича в Памятниках российской словесности XII в., [М.], 1821 [рук. XVII в.], и по изд. [В. М.] Ундольского в „Русской беседе“ за 1856 г., кн. 2 [рук. XV в.].

Дан. Паломн. — Даниил Паломник, по изд. [А. С.] Норова: Путешествие игумена Даниила по Святой земле, СПБ, 1864.

[*Деян.* — Деяния святых апостолов (часть библии).]

[*Добрил. ев. 1164 г.* — Добрилово евангелие по списку 1164 г., рукопись Румянцевского музея.]

[*Договорн. гр. смол. князя Мстислава 1229 г.* — Договорная грамота смоленского князя Мстислава с Ригою и Готским берегом 1229 г. (Собрание государственных грамот и договоров, т. II, М., 1819).]

Домостр. — Домострой, по изд. [Д. П.] Голохвастова во „Временнике Моск. общ. истории и древн. рос.“, 1849.
См. по алфавиту следующие сокращения: *Волынск. ев., XIV в., Галицк. ев., 1143 г., Ев. XII в., Ев. 1270 г., Ев. XIII в., Лук. ев., 1409, Моис. ев., Мстисл. ев., О. ев., Поликарп. ев. 1307 г., Реймск. ев., Толк. ев. 1434 г., Филар. ев., Чешск. ев.*

Ев. — Евангелие.

[*Ев. XII в.* — Евангелие XII в.]

[*Ев. 1270 г.* — Евангелие 1270 г.]

[*Ев. XIII в.* — Евангелие XIII в.]

Ев. 1307 г. — см. *Поликарп. ев. 1307 г.*

[*Ев. 1537 г.* — См. *Филаретово ев.*]

[*Ездр.* — Книга Ездры (часть библии).]

[*Еккл.* — Книга Екклесиаста, или Проповедника (часть библии).]

[*Есф.* — Книга Есфирь (часть библии).]

[*Ефр. Сир. по сп. XIV—XV в.* — Поучения Ефрема Сирина по списку XIV—XV вв.]

[*Жит. Бор. и Гл.* — Житие Бориса и Глеба по Сильвестрову сб. XIV в.; изд. [И. И.] Срезневского: Сказания о святых Борисе и Глебе, СПБ, 1860.

[*Жит. Иоан. Злат.* — Житие Иоанна Златоуста.]

[*Житие Кирилла Туровского* — рук.]

[*Жит. свят. по сп. XIV в.* — Жития святых по списку XIV в.]

[*Жит. свят. XV в.* — Жития святых по списку XV в.]

[*Жит. свят. XVI в.* — Жития святых по списку XVI в.]

[*Жит. Тихона Воронежск.* — Житие Тихона Воронежского, по изданию: „Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, всея России чудотворца“, изд. 2, СПБ, 1862.]

Жит. Феодос. — Несторово Житие Феодосия XII в., по изд. [О. М.] Бодянского в Чтениях в Общ. истор. и древн. рос., 1858, кн. 3.

[*Задонщ.* — Задонщина.]

[*Закон. Иоанна III* — Законник, или, иначе говоря, Судебник великого князя Ивана III 1497 г. До 1858 г. было издание: Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым, М., 1819.]

[*Злат. матица XV в.* — Златая матица XV в. по рук. имп. Публ. библ., из древлехранилища Погодина, № 1024.]

Злат. цепь — рукопись XIV в., в библ. Троицк.-Серг. Лавры.

[*Златостр. XII в.* — Златоструй XII в., рук. Публ. библ.]

[*Иез.* — Книга пророка Иезекииля (часть библии).]

[*Иер.* — Книга пророка Иеремии (часть библии).]

Изб. Свят. 1073 г., Изб. 1073 г. — Изборник Святославов, рукопись 1073 г., в Моск. Синод. библ.

Изб. Свят. 1076 г., Изб. 1076 г. — Изборник Святославов, рукопись 1076 г., в Петербургской Публичн. библ.

[*Измар. 1509 г.* — Измарагд по рукописи 1509 г.]

[*Измар. XVI в.* — Измарагд по рукописи XVI в.]

[*Иконописн. подлин. XVII в.* — Иконописный подлинник по рук. графа С. Г. Строганова.]

[*Иоан. Леств. XII в.* — Лествица Иоанна Лествичника, рук. Моск. Рум. муз., № 198.]

Иоанн екс. болг. — Иоанн, ексарх Болгарский, по изд.: К. Ф. Калайдович, Иоанн, ексарх Болгарский, [М.], 1824.

[*Иов.* — Книга Иова (часть библии).]

[*Иоиль.* — Книга пророка Иоиля (часть библии).]

[*Ион.* — Книга пророка Ионы (часть библии).]

Ипат. лет., Ипат. сп. лет. — Ипатьевский список летописи, ПСРЛ [т. 2, СПБ, 1843.]

[*Ипат. мучен.* — Ипатиево мучение по сербской рукописи XV века, принадлежащей профессору В. И. Григоровичу (См. Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. I, СПБ, 1863.)]

[*Ис.* — Книга пророка Исаии (часть библии).]

Ист. акт. — Акты исторические, [собранные и изданные Археографическою комиссиею т. 1—5, СПБ, 1841—1843. Сравн. также: Дополнения к Актам историческим, изданным Археографическою комиссиею, т. 1—12, 1841—1875.]

[*Исх.* — Вторая книга Моисеева. Исход (часть библии).]

[*Кенигсб. лет.* — Кенигсбергская, или Радзивилловская, летопись, рук. XV в., 1-е издание (только части летописи) СПБ, 1767 г.]

Кир. Иерус. — Поучения Кирилла Иерусалимского, рукопись XI в., по изданию проф. [В. И.] Григоровича, Известия 2-го отд. Акад. наук [т. I, СПБ, 1852.]

Кир. Тур. — Слова и другие сочинения Кирилла Туровского, по изд. [К. Ф.] Калайдовича, в Памятн. рос. слов. XII в. [М., 1821.]

[*Ключ разум. Галятовск.* — См. *Галятовск. Ключ. разум., 1659.*]

Кн. Больш. черт. — Книга, глаголемая Большой чертеж, по изд. [Г. И.] Спасского, М., 1846.

Кн. Числ. — см. *Числа.*

[*Колядн. XV в.* — Колядник по списку XV в. (Сборник бывш. Кирилловской библиотеки № 22/1099. — См. Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. II, М., 1863.)]

Конст. Манас. 1350 г. — Хроника Константина Манассии по списку 1350 г.]

[*Кормч. XIII в.* — см. *Новг. Кормч. 1282 г.*]

[*Кормч. 1282 г.* — см. *Новг. Кормч. 1282 г.*]

[*Кормч. XVI в.* — Кормчая XVI в.]

Котоших. — Котошихин по изд.: О России в царствование Алексея Михайловича, соч. Григория Котошихина. СПБ [Археограф. комиссия], 1840.

[*Краледв.* рук. — Краледворская рукопись, 1-е изд. В. Ганки: Rukopis Kraledworský, Praha, 1819.] *

Лавр. лет., Лавр. сп. лет. — Лаврентьевский список летописи по изд. Тимковского [М., 1824] и в ПСРЛ [т. I, СПБ], 1846.

[*Лев.* — Третья книга Моисеева. Левит (часть библии).]

[*Лексик. Памвы Берынды 1653 г.* — Лексикон Памвы Берынды, по изданию в Кутеинском монастыре в 1653 г.]

Лет. — Летопись.
[См. по алфавиту следующие сокращения: *Волынск. лет. XV в., Воскресенск. лет., Густ. лет. XVII в., Ипат. лет., Кенигсб. сп. лет., Лавр. лет., Новг. лет., Переясл. лет., Продолж. Лавр. сп. лет., Пск. лет., Софийск. врем., Троицк. сп. лет.*]

[*Лимонарь,* по Киевскому изд. 1628 г.]

Лук. ев. 1409 — Лукин список евангелия 1409 г., рукопись Моск. Синод. библ., под № 71.

[*Макар. Чет. мин.* — см. *Чет. мин.*]

[*Максимович, Киевлянин.* — М. А. Максимович (ред.), сб. Киевлянин, т. 3., М., 1850.]

Мам. поб. — Мамаево побоище, по изданиям: [И. М.] Снегирева в Русск. историческом сборнике, издаваемом Обществом истор. и древн. рос., 1838; и [В. М.] Ундольского и [И. Д.] Беляева во Временнике того же Общества [кн. 14, М., 1852.]

[*Мерил. праведн. XIV в.* — Мерило праведное по списку XIV в.]

[*Мин. XI в.* — Минеи XI века.]

[*Мих.* — Книга пророка Михея (часть библии).]

Моис. ев. 1355 — Моисеевский список евангелия 1355 г., рукопись Моск. Синод. библ., под № 70.

Мстисл. ев. — Мстиславово евангелие, рукопись 1125—1130 г., в Библиотеке московского Успенского собора.

[*Наум.* — Книга пророка Наума (часть библии).]

[*Новг. жит. XVI в.* — Новгородское житие XVI в.]

[*Новг. Кормч. 1282 г., Кормч. XIII в., Кормч. 1282 г.* — Новгородская Кормчая 1282 г., рук. Синод. библ., № 132.]

Новг. лет. — Новгородские летописи, в ПСРЛ [т. III, СПБ, 1841; т. IV, СПБ, 1848.]

[*Номокан. 1624 г.* — Номоканон, сиречь законоправильник, изданный в Киево-Печерской Лавре в 1624 г.]

[*Оглашения Кир. Иерусал. по рук. XIII в.* — Оглашения (или Огласительные слова) Кирилла Иерусалимского по рукописи XIII века.]

[*О днях лунных* — О днях лунных, по рук. XVI в.; см.: Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. II, М., 1863, стр. 388—395.]

О. ев., Остром. список ев. — Остромиров список евангелия, по изд. [А. Х.] Востокова, [СПБ], 1843.

---

* См. примеч. № 8 к § 26.

О кн. ист. и ложн. — О книгах истинных и ложных и о суевериях, по изданию: [К. Ф.] Калайдович, Иоса

[*Ос.* — Книга пророка Осии (часть библии).]

Острожск. библ. — Острожская библия, 1581.

[*Паис. сб. XIV в.* — Паисиев сборник XIV в., рук. Кирилло-Белозерского монастыря, № 410.]

[*Пам. слов. XII в.* — К. Ф. Калайдович, Памятники российской словесности XII века, изданные с объяснением, вариантами и образцами почерков, М., 1821.]

Парем. — Паремейник, рукопись XII в., принадлежащая профессору [В. И.] Григоровичу.

[*Парем. 1271 г.* — Паремейник 1271 г.]

[*Парем. XIV в.* — Паремейник по рукописи XIV в.]

[*Патер. житие Симона еписк.* — Патериковое житие Симона епископа.]

[*1-я кн. Мак.* — Первая книга Маккавеев (часть библии).]

[*1-я кн. цар.* — Первая книга царств (часть библии).]

[*1-е посл. к кор.* — Первое послание к коринфянам (часть библии).]

[*1-е посл. к Тимоф.* — Первое послание к Тимофею (часть библии).]

[*Переясл. лет.*— Переяславская летопись [сп. XV в.] по изд. кн. [К. М.] Оболенского во Временнике Общ. истории и древн. рос. [М., 1851.]

[*Перл. многоцв.* — Транквиллион „Перло многоцветное“, Чернигов, 1646 г.]

[*Песн. песн.* — Книга Песни песней Соломона (часть библии).]

Печерск. патер. по сп. 1460 г. — Печерский патерик по списку 1460 г.

[*Пов. об Акире Премудр. XV в.* — Повесть об Акире Премудром XV в. (по сборнику, находящемуся в библ. Моск. общ. ист. и древн. рос., отд. № 1, № 189).]

[*Пов. о взятии Трои* — Повесть о взятии Трои.]

[*Повесть о Горе-Злочастии.*]

[*Повесть о Дракуле по сп. XV в.*]

[*Пов. о раз. Тр.* — см. *Пов. о взятии Трои.*]

Поликарп. ев. 1037, ев. 1307 г. — Поликарпов список евангелия 1307 г., рукопись Моск. Синод. библ., под № 740.

Посл. Иак. — Послание Иакова (часть библии).]

[*Посл. Ивана Грозн. в Кирил. монаст.* — Послание царя Иоанна Васильевича Кирилло-Белозерского монастыря игумену Козме с братиею, ок. 1578 г. (Акты исторические, изд. Арх. комиссией, т. I, СПБ, 1841.)]

[*Посл. к евр.* — Послание к евреям (часть библии).]

[*Поуч. Влад. Моном.* — Поучение Владимира Мономаха (по списку Лавр. летописи).]

[*Притч. Солом.* — Книга притчей Соломоновых (часть библии).]

[*Притчи Солом. Фр. Скорины* — Притчи Соломона по изданию Фр. Скорины. См. *Библ. кн. Фр. Скорины.*]

Продолж. Лавр. сп. лет. — Продолжение Лаврентьевского списка летописи, [т. е. Суздальская летопись, ПСРЛ, т. I, ч. 3].

Прол. — Пролог
Пролог библ. Моск. дух. типогр. — Пролог библиотеки Московской духовной типографии.

[*Пропов. Кир. Тур.* — см. *Кир. Тур.*]

[*Прор. по сп. XV в.* — см. *Сп. Упиря.*]

[*Прор. по сп. Упиря.* — см. *Сп. Упиря.*]

Псалт. — Псалтырь, рукопись 1296 г., в Моск. Синод. библ., под № 235.

Пск. лет. — Псковская летопись, по изд. [М. Н.] Погодина [М., 1837.]

[*ПСРЛ* — Полное собрание русских летописей, изданное Археографическою комиссиею, тт. 1—24, СПБ, 1846—1921.]

[*Путешествие Стеф. Новг.* — Путешествие Стефана Новгородца середины XIV века.]

[*Пчела XIV в., рук. Синод. библ., № 579.*]

Реймск. ев. — Реймское евангелие, по изданию [В.] Ганки [Прага], 1846 г.

[*Римск. деян. по сп. XVII в.* — Римские деяния, из сб. по рук. Моск. архива мин. иностр. дел, № 250.]

[*Рук. Рум. муз. XVI в.* — рукопись Румянцевского музея XVI в.]

[*Рук. XVII в.* — рукопись XVII в.]

[*Русск. правда* — Русская правда по рукописи 1282 г., изданной в 1-й ч. Русских достопамятностей [М.], 1815.

[*Руфь* — Книга Руфь (часть библии).]

[*Сб. 1345 г.* — см. *Болг. сб. 1345 г.*]

[*Сб. XIII в.* — Сборник XIII в.]

[*Сб. XV в.* — Сборник XV в.]

[*Сб. XVII в.* — Сборник XVII в.]

[*Сб. Царского XVII в.* — Сборник Царского XVII в., рук.]

[*Сербск. библ. XVI в.* — см. *Сербск. сп.*]

[*Сербск. громн. XV в.* — Сербский громник XV века, из собрания рукописей П. И. Севастьянова. (Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. II, М., 1863.)]

[*Сербск. коледарн. XV в.* — Сербский коледарник XV в. Собрание рукописей П. И. Савастьянова, № 2. (Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. II, М., 1863.)]

Сербск. памятн. — Памятники сербской письменности, по изданию [П. И.] Шафарика.

[*Сербск. рук. XV в.* — Сербская рукопись XV в.]

Сербск. сп. — Сербский список библии XVI в., принадлежащий профессору [В. И.] Григоровичу, в Одессе.

[*Сербск. требн. 1423 г.* — Сербский требник 1423 г., рук. Моск. Синодальной библиотеки, № 303.]

[*Сильвестр. сб. XIV в.* — Сильвестровский сборник серед. XIV в., рук. Моск. Синод. типографии, № 53.]

[*Синод. ев. 1537 г.* — см. Филар. ев.]

[*Синопсис. Иннок. Гизеля 1674 г.* — Книга Συνοψις или краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа и проч. Иннокентия Гизеля, по изд. в Киево-Печерской Лавре, 1674—1680.]

[*Сказание о седми русск. богатырях по рук. XVII в.*]

[*Сказание о седми русских богатырях по сб. повестей XVIII в. принадл. автору.*]

[*Сказка о Дмитрии Басарге по рук. 1689 г.*]

[*Скитск. патер.* — Скитский патерик по рукописи 1296 г. Синод. библ., № 836.]

[*Следован. псалт. 1296 г.* — Следованная псалтырь 1296 г., рук. Синод. библ. № 235 (отрывок см. в Хр., стр. 83—91).]

Сл. о полку Игор. — Слово о полку Игореве.

[*Собр. гос. гр. и дог.* — Собрание государственных грамот и договоров, т. I, СПБ, 1813.]

Софийск. врем. — Софийский временник [по изд.: Софийский временник или Русская летопись с 862 по 1534 год, изд. Павел Строев, ч. 1, М., 1820.]

[*Сп. библии 1499 г.* — см. *Сп. Упиря.*]

Сп. Упиря — Книги пророков по списку Упиря Лихого 1047 г., помещенному в Синодальной рукописной библии 1499 г.

[*Статейн. сп.* — Статейный список.]

Стихир. — Стихирарь, рукопись 1157 г., Московской Синод. библ., под № 589.

[*Стихирарь XIV в. на бомбицине,* принадл. автору.]

[*Суд.* — Книга судей Израилевых (часть библии).]

[*Супр. рук.* — Супрасльская рукопись, по изд. [Ф.] Миклошича [Вена], 1851.

Тих. Пам. — [Н. С.] Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы [т. I — II], СПБ, 1863.

[*Толк. апост.* — см. *Апост. толк.*]

Толк. ев. 1434 г. — Толковое евангелие по списку 1434 г.]

Толк. прор. — см. *Сп. Упиря.*

[*Толк. псалт. XI в.* — Толковая псалтырь по Евгениевскому списку, рук. XI в. Публичн. библиотеки.]

[*Толк. псалт. XII в.* — Толковая псалтырь XII в., рук. Публичной библиотеки, собрание Погодина.]

[*3-я кн. цар.* — Третья книга царств (часть библии).]

[*Трефол. 1260* — Трефолой 1260 г., рук. Синод. библ., № 895.]

[*Троицк. сп. лет.* — Троицкий список летописи. Сгорел в 1812 году. Отрывки сохранились в трудах историков, в частности в примечаниях к „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина.]

[*Улож. 1649 г., Уложение царя Алекс. Мих.* — Уложение царя Алексея Михайловича, по моск. изд. 1649 г.]

[*Урядник сокол. пути* — Урядник сокольничья пути, по изд. Н. И. Новикова, в Древн. Рос. вивлиофике.]

[*Уст. церк.* — Устав церковный.]

Филар. ев., Синод. ев. 1537 г. Ев. 1537 г. — Филаретов список евангелия 1537 г., рукопись Моск. Синод. библ., под № 62.

[*Фр. Скорина.*] *Кн. Иова* — см. *Библ. кн. Фр. Скорины.*]

[*Фр. Скорина.*] *Перевод библ. 1517 г.* — см. *Библ. кн. Фр. Скорины.*]

[*Фр. Скорина.*] *Притч. Солом.* — см. *Библ. кн. Фр. Скорины.*]

[*Фрейзинг. рук.* — Фрейзингская (Фрейзингенская) рукопись.]

[*Хожд. богород.* — Хождение богородицы по мукам. Н. С. Тихонравов, Памятники отреченной русской литературы, т. II, М., 1863.]

Хр. — Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, изд. автором Исторической грамматики в 1861 г.

[*Хроногр. 1494* — Хронограф 1494 г.]

[*Хроногр. Серг. Кубас. XVII в.* — Хронограф Сергея Кубасова, по изд. К. Ф. Калайдовича, „Русские достопамятности", ч. 1, М., 1815.]

[*Цвет духовн.* — Цвет духовный, изд. в Москве в 1682 г.]

[*Черноризец Храбр* — Сочинение черноризца Храбра „О писменах" по списку 1348 г. (изд.: К. Ф. Калайдович, Иоанн, ексарх Болгарский, М., 1824).]

[*4-я кн. цар.* — Четвертая книга царств (часть библии).]

Чет. мин. — Четьи минеи митрополита Макария [рук. библиотеки Успенского собора].

[*Чешск. ев. X в.* — Чешское евангелие X в.]

[*Чин львовск. брат. 1668* — Чин львовского братства, 1668 г.]

[*Числа* — Четвертая книга Моисеева. Числа (часть библии).]

[*Шестоднев Иоанна екз. Болг.* — см. *Иоанн екз. Болг.*]

Шуйск. акт. Шуйск. юрид. акт. — В. Борисов, Старинные акты, служащие дополнением к описанию города Шуи [М., 1853].

Юрид. акт. — Акты юридические [или Собрание форм старинного делопроизводства, СПБ, Археографическая комиссия, 1838.]

Яренск. ст. — Яренские столбцы, по выпискам из них, помещенным в Известиях 2-го отд. Академии наук.

Примечание. Ссылки на некоторые памятники заимствованы у Востокова из Словаря церковнославянского языка [ч. 1 и 2, СПБ, 1858—1861] и у Горского и Новоструева из Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки [вып. 1—5, М., 1855, 1857, 1859, 1862, 1869].

2. Народная словесность

Афанас. — [А. Н.] Афанасьев, Народные русские сказки [вып. 1—8, 1855—1863].

[*Бессон. Детск. песн.* — см. *Детск. песни.*]

Даль, Послов. — [В. И.] Даль, Пословицы русского народа [М., 1862.]

Даль, Слов. — [В. И.] Даль, Толковый словарь живого великорусского языка [М., 1861—1866.]

Детск. песн. — [П. А.] Бессонов, Детские песни, М., 1868.

Древн. русск. стих. — „Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные", изд. [К. Ф.] Калайдович, [М.,] 1818.

Дух. стих. — Духовные стихи, по изд.: [П. В.] Киреевский, Русские народные песни — в „Чтениях Общества истории и древностей российских" [1848, т. VIII]. [П. А.] Бессонов, Калики перехожие [ч. I, II, М., 1861].

Кал. — Калики перехожие (см. *Дух. стих.*).

Кирша Дан. — см. *Древн. русск. стих.*

[*Олон. былин.* — Олонецкие былины, по изданию П. Н. Рыбникова (см. *Рыбн.*).]

Песн. — Песни по изданиям: „Песни, собранные П. В. Киреевским", изданные Обществом любителей российской словесности, вып. 1—8, М., 1860—1870;

„Песни, собранные П. Н. Рыбниковым“, 1861—1864; Известия 2-го отделения Акад. наук; Этнографич. сборник Географич. общества и другие сборники и периодические издания.

Песн. нач. XVII в. — Песни начала XVII в., изданные в Известиях 2-го отд. Академии наук.

Песн. Прач., Прач. — Песни по изд.: [И.] Прач. [Собрание народных русских песен..., 1-ое изд. СПБ, 1790.]

Песн. Чулк., Чулк. — Песни по изданию [М.Д.] Чулкова.

Послов. — Пословицы, употребляемые ныне в устах народа, даются преимущественно по изд. Даля (см. *Даль, Послов.*).

Послов. Даль — см. *Даль, Послов.*

Послов. XVII в. — Пословицы XVII в., по рукописи, хранящейся в библиотеке Моск. архива иностр. дел, под № 250.

Послов. XVIII в. — Пословицы XVIII в., по рукописям: Погодинской, 1714 г. [в тексте сокращ. также *Послов. 1714 г., Послов. нач. XVIII в.*], и Янькова, 1749 г., и по изданным в Собрании 4291 древн. рус. посл., [М.] 1770 г.

Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым [М.] 1861—1864 гг.

Сверх того, ссылки из областной речи приведены по Опыту областного великорусского Словаря 1852 г. и из Дополнения к этому словарю 1858 г., а также из Толкового словаря Даля [см. *Даль, Слов.*].

3. Произведения русской литературы от Петра Великого до наших времен

Абл. — [А. А.] Аблесимов, Сочинения, по изд. [А. Ф.] Смирдина [СПБ, 1849].

Анекд. древн. пошех. — Анекдоты древних пошехонцев, Соч. Вас. Березайского, СПБ, 1789.

Барс., Барс. Граммат. — [А. А.] Барсов, Грамматика русского языка. По двум рукописным экземплярам, хранящимся в библиотеке Московского университета.

Барск. Плак. Путеш. к св. мест. — Пешеходца Василия Григоровича Барского-Плаки-Албова, Путешествие к святым местам, СПБ, 1778.

Бат. — [К. Н.] Батюшков, Сочинения, по изд. Смирдина [2 ч., СПБ, 1850].

[*Восток., Граммат.* — А. Х. Востоков, Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПБ, 1842, 1844, 1874; есть еще и „Сокращенная русская грамматика“, годы изд. 1857 и 1877.]

Всяк. всяч. — Всякая всячина, периодическое издание [СПБ], 1769 г.

Гнед. — [Н. И.] Гнедич, Сочинения, преимущественно перевод Илиады.

Гриб. — [А. С.] Грибоедов, Горе от ума, М., 1833.

Держ. — [Г. Р.] Державин, Сочинения, по изд. Смирдина [и по Акад. изд. 1864 г.].

Дмитр. — [И. И.] Дмитриев, Сочинения, М., 1814.

[*Ёмин, Игра судьбы.* — Н. Ф. Емин, Повесть „Игра судьбы“ (1789; изд. 2, 1798)].

Живоп. Новик., Живоп. — Живописец. Периодическое сочинение Н. Новикова, 1-е изд. 1772 г., 4-е изд. 1781 г.

Жизнь Ваньки Каина — Жизнь Ваньки Каина, им самим рассказанная, изд. Гр. Книжника, СПБ, 1859.

Жук. — [В. А.] Жуковский, Сочинения, по изд. [СПБ] 1849.

Зап. Дан. — Записки... [М. В.] Данилова, написанные им в 1771 г., М., 1842.

Зап. Пор. — Записки [С. А.] Порошина, СПБ, 1844.

Зап. русск. люд. — Записки русских людей, по изд. Сахарова, 1838.

Инстр. двор. Немчин. — Инструкция дворецкому Немчинову, 1724—1725 гг., помещенная в Москвитянине.

И то и се. — И то и се, периодическое издание 1769 г.

Кант. — [А. Д.] Кантемир, Сатиры.

Карамз. — [Н. М.] Карамзин, по изд. Смирдина (кроме ИГР и писем).

Карамз., ИГР — [Н. М.] Карамзин, История государства Российского, по изд. 1824 г.

Карамз., Письм. к Дмитр. — Письма Карамзина к Дмитриеву, СПБ, 1866.

Кошел. — Кошелек, еженедельное сочинение, 1774 г.

Крыл. — [И. А.] Крылов, Басни, по изданию 1843 г.

Крыл., Почт. дух. — [И. А.] Крылов, Почта духов, ежемесячное издание СПБ, 1789.

Кур. из ада. — Ф. Емин, Курьер из ада, [СПБ] 1788.

Левш., Соверш. ег. — [В. А.] Левшин, Совершенный егерь, СПБ, 1779.

Ломон. — М. В. Ломоносов, Сочинения, по изд. [А. Ф.] Смирдина.

[*Новиков, Древн. вивл.* — Н. И. Новиков, Древняя российская вивлиофика т. II, М., 1788.]

[*Одис.* — Одиссея в переводе Жуковского.]

Озер. — [В. А.] Озеров, Сочинения, по изд. Смирдина, СПБ, 1846.

Парн. щеп. — Парнасский щепетильник, периодическое изд. 1770 г.

[*Письм. Карамз. к Дмитр.* — см. *Карамз., Письма к Дмитр.*]

Пересм. — Пересмешник или славянские сказки, изд. 3, М., 1789.

[*Письмовн. Курганова.* — Н. Г. Курганов, Письмовник. Первое издание вышло под заглавием: „Российская универсальная грамматика, или вобщее письмословие“, СПБ, 1769. Второе издание: „Книга-письмовник, а в ней наука российского языка, с седмью присовокуплениями разного учебного полезнозабавного вещесловия, 2 части, СПБ, 1777. Был ряд других изданий до 1837 г.]

Похожд. Ив. — Похождения Ивана Гостиного сына и другие повести и сказки 2 части, СПБ, 1785—1786.

Пс. ох. — Псовый охотник, М., 1785. (Замечательное по языку, сочинение это перепечатано во 2-м изд. Совершенного егеря, СПБ, 1791.)

Путеш. к св. мест. Барск. — см. *Барск., Путеш. к св. мест.*

Пушк. — [А. С.] Пушкин, Сочинения, по изд. 1838—1841 гг.

Расск. — Рассказчик, периодическое издание 1781 г.

Растопч. — Растопчин, Сочинения, по изданию профессора Тихонравова в Отеч. зап. 1854 г., т. XCV, стр. 1—70, и Смирдина.

[*Сб. пов. XVIII в., принадл. автору* — Сб. повестей XVIII в., принадлежащий автору.]

[*Скар. Шутл. пов.* — см. *Тепл. перевод Скар. Шутл. пов.*]

Совершен. ег. Левшина 1779 г. — см. *Левш., Соверш. ег.*

Сум. — Сумароков, Сочинения, по изд. Смирдина.

[*Тепл. перевод Скар. Шутл. пов.* — П. Скаррон, Веселая повесть, перевод В. Теплова, 1763.]

[*Тих. Лет.* — Летописи русской литературы и древности (под ред. Н. С. Тихонравова).]

Трут. — Трутень, периодическое издание 1769 г.

Ф. Виз. — [Д. И.] Фон-Визин, Сочинения, по изд. Смирдина [СПБ, 1846].

Хемн. — [И. И.] Хемницер, Басни и сказки, изд. 5, СПБ, 1820.

Цыг. Песн., Цыг. — Цыганов, Русские песни, М., 1834.

[*А. С. Шишков, Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, СПБ., 1803.*]

Примечание. Смирдинское издание русских писателей цитируется потому, что оно более прежних изданий распространено в читающей публике. Но оно постоянно было проверяемо по текстам, более исправным.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

акад. — академический
англ. — английский
англосакс. — англосаксонский
арх. — архангельский
астр. — астраханский

безличн. — безличный
белорусск. — белорусский
болг. — болгарский
буд. вр. — будущее время
бург. — бургундский
былин. — былины, былинный

вар. — вариант
везиготск. — везиготский (вестготский)
великорусск. — великорусский
вин. пад. — винительный падеж
влад. — владимирский
вм. — вместо
волог. — вологодский
волынск. — волынский
ворон. — воронежский
восточн. — восточный
вр. — время
вспом. гл. — вспомогательный глагол
вятск. — вятский

гл. — глагол
глаголитск. — глаголитский
готск. — готский
граммат. — грамматика
грамматич. — грамматический
греч. — греческий
губ. — губернский

дат. пад. — дательный падеж
датск. — датский
дв. ч. — двойственное число
дееприч. — деепричастие
действ. залог — действительный залог
догов. — договор
донск. — донской
дополн. — дополнение
достиг. накл. — достигательное наклонение
древн. — древний
древнейш. — древнейший
древнерусск. — древнерусский

еврейск. — еврейский
ед. ч. — единственное число

жен. р. — женский род
жит. — житие

заключит. союз — заключительный союз
западн. — западный
зап. — записки
зват. пад. — звательный падеж
зендск. — зендский (зенд)
зн. — значит

изъявит. накл. — изъявительное наклонение
имен. пад. — именительный падеж
иностр. — иностранный
иркутск. — иркутский
испанск. — испанский
испр. — исправленный
итал. — итальянский

казанск. — казанский
калужск. — калужский
камч. — камчатский
карпатск. — карпатский
кн. — книга
косв. пад. — косвенный падеж
костр. — костромской
курск. — курский

л. — лицо
ласкат. — ласкательный
лат. — латинский
лит. — литовский
литерат. — литература
луж. — лужицкий

местн. — местный
местн. пад. — местный падеж
местоим. — местоимение
мифологич. — мифологический
мн. ч. — множественное число
моложск. — моложский
моск. — московский
муж. р. — мужской род

напр. — например
нареч. — наречие
народн. — народный
наст. вр. — настоящее время
нем. — немецкий
неопр. накл. — неопределенное наклонение
нижег. — нижегородский
новг. — новгородский

обл. — областной
общеупотреб. — общеупотребительный
общ. р. — общий род
однократн. — однократный
олон. — олонецкий
оренб. — оренбургский
орл. — орловский
оскск. — оскский (язык)

пам. — памятник, памятники
пенз. — пензенский
перев. — перевод
пермск. — пермский
песни — песня, песни
письмен. — письменность
пов. — повесть
повелит. накл. — повелительное наклонение
погов. — поговорка, поговорки
подлеж. — подлежащее
полож. степ. — положительная степень
полоцк. — полоцкий
польск. — польский
послесл. — послесловие
послов. — пословица, пословицы
предл. — предлог
предл. пад. — предложный падеж
предполаг. — предполагаемый
преходящ. вр. — преходящее время
придых. — придыхательный
прилаг. — прилагательное
прилож. — приложение
примеч. — примечание
принадл. — принадлежит
прич. — причастие
прованск. — прованский
продолж. — продолжение
продолж. вид — продолжительный вид
проповед. — проповеди
прор. — пророк
проч. — прочие
прош. вр. — прошедшее время
пск. — псковский

род. пад. — родительный падеж
рук. — рукопись
Рум. муз. — Румянцевский музей
русск. — русский
ряз. — рязанский

сакс. — саксонский
санскр. — санскрит
сарат. — саратовский
сб. — сборник
св. — святой
Св. писание — Священное писание
северн. — северный
сербск. — сербский
сиб. — сибирский
симб. — симбирский
синтакс. — синтаксис
сказ. — сказуемое
сказк. — сказка, сказки
сканд. — скандинавский
склон. — склонение
сл. — слово
слав. — славянский
след. — следующий
слитн. — слитный
слич. — сличите
сложн. — сложный
смол. — смоленский
смягчен. — смягчение
собир. имя — собирательное имя
собств. имя — собственное имя
сп. — список
спряж. — спряжение
сравн. степ. — сравнительная степень
ср. р. — средний род
ст. — столбец, столбцы
стих. — стихотворение
страд. — страдательный
старин. — старинный
стихир. — стихирарь
суф. — суффикс
сущ. — существительное

тамб. — тамбовский
тверск. — тверской
твор. пад. — творительный падеж
тобольск. — тобольский
тульск. — тульский

указат. — указательный
украинск. — украинский
уменьш. имя — уменьшительное имя
унизит. — унизительный
уральск. — уральский
успенск. — успенский (пост)

франц. — французский

хорватск. — хорватский
хорут. — хорутанский
хр. — хрестоматия

царегр. — цареградский
церк. — церковный
цс., церкслав. — церковнославянский

чешск. — чешский
числ. — числительное

шведск. — шведский
шенкурск. — шенкурский

южн. — южный

яз. — язык
яросл. — ярославский

УКАЗАТЕЛЬ*

---

* Указатель слов по своему составу не отличается от предшествующих изданий. Изменения внесены лишь в написание некоторых слов, что обусловлено переводом на современную орфографию части примеров в „Синтаксисе“ (см. предисловие). Слова в указателе даются в том же написании, что и в тексте книги. В тех случаях, когда при слове указывается несколько страниц, оно приводится в том написании, как на первой из этих страниц. *(Ред.)*

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Ф. И. БУСЛАЕВА ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ[1]

1841 г.

1. (Рец.) Об „Опыте руководства к преподаванию и изучению русской грамматики для русских“ Виктора Половцева, М., 1841. [Отдельная брошюра.]

1842 г.

2. О звуковом методе в обучении азбуке, М., 1842.

3. (Рец.) Практическая орфография, П. Перевлесского, старшего учителя Ярославской гимназии, М., 1842. — Практический синтаксис сложного предложения и стихосложения, его же, М., 1842. — Москвитянин, 1842, ч. V, № 9, стр. 178—202.

4. * Сербская сказка о царе Трояне. К объяснению „Слова о полку Игореве“. — Москвитянин, 1842, ч. VI (№ 11), Критика, стр. 203—205.

1843 г.

5. (Рец.) Заметки о книге Павского „Филологические наблюдения над составом русского языка“. — Москвитянин, 1843, ч. I—III, № 2, стр. 203—205; № 3, стр. 195—200; № 5, стр. 178—195. [Статья подписана инициалами И. Д. (Иван Давыдов); одна часть ее написана Буслаевым. (См. Русский архив, 1888, кн. 8, стр. 482.)]

1844 г.

6. О преподавании отечественного языка. Сочинение Федора Буслаева, старшего учителя 3-й Московской реальной гимназии, ч. I—II, М., 1844.
То же. Изд. 2, сокращ., М., 1867.
То же. Перепечатка 2-го изд.: Л., Учпедгиз, 1941.

7. Опыт начального обучения отечественному языку, М., 1844.
[Брошюра издана без подписи; о принадлежности ее Буслаеву см. в Журнале Министерства народного просвещения, 1846, ч. XLIX, январь, отд. III, стр. 23.]

8. О преподавании азбуки в приходских школах, М., 1844.
[Брошюра издана без подписи; о принадлежности ее Буслаеву см. в Журнале Министерства народного просвещения, 1846, ч. XLIX, январь, отд. III, стр. 23.]

9. (Рец.) Нечто о русском слоге для Программы к годичному испытанию в Аренсбургском уездном дворянском училище 20 и 21 декабря 1843 г. Рассуждение учителя высших классов русского языка Николая Варадинова, Дерпт, 1843.

---

[1] Звездочкой отмечены те труды, которые не посвящены специально лингвистическим проблемам, но содержат отдельные попутные замечания по языку.

Опыт пояснения видов русских глаголов. Рассуждение И. Николича, старшего учителя русского языка при Дерптской гимназии, Дерпт, 1843. — Москвитянин, 1844, ч. III, № 5. Библиография, стр. 55—59.

1845 г.

10. О воспитании в начальном обучении родному языку. Библиотека для воспитания. Отделение II, ч. I, М., 1845, стр. 3—27.

11. (Рец.) Русские достопамятности, издаваемые имп. Обществом истории и древностей российских. Часть третья, содержащая в себе „Слово о полку Игореве", объясненное по древним письменным памятникам магистром Д. Дубенским, М., 1844. — Москвитянин, 1845, ч. I, № 1. Критика, стр. 29—40.

12. (Рец.) М. Сперанский, Правила высшего красноречия. — Москвитянин, 1845, ч. I, № 2, Библиография, стр. 43—44.

13. (Рец.) „Сборник палеографических снимков". — Москвитянин, 1845, ч. I, № 2, Библиография, стр. 44—45.

14. (Рец.) Учебная книга русской словесности, или избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики и обозрения истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. Издание третье, исправленное и пополненное. Четыре части. СПБ, 1844. — Москвитянин, 1845, ч. I, № 2. Библиография, стр. 45—49.

15. (Рец.) Материалы для русской грамматики. О местоимениях вообще и о русских в особенности. Первая статья по отделению русского языка и словесности, напечатанная в особом прибавлении к журналу Bulletin Scientifique, издаваемому от Историко-филологического отделения имп. Академии наук. — Москвитянин, 1845, ч. I, № 2. Критика, стр. 41—55.
То же. Отд. отт. 41—55 стр. Без м. и г.

1846 г.

16. (Рец.) * Буслаев Ф. И. и Галахов А. Д.
С. Шевырев „История русской словесности". — Отечественные записки, 1846, т. XLVI, май, отд. V, стр. 17—36; т. XLIX, декабрь, отд. VI, стр. 57—72.

17. (Рец.) * Буслаев Ф. И. и Галахов А. Д.
Московский учено-литературный сборник. — Отечественные записки, 1846, т. XLVII, июль, отд. VI, стр. 13—31.

1848 г.

18. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию, написанный на степень магистра кандидатом Ф. Буслаевым, М., 1848.

1849 г.

19. * Об одном старинном заклятии (письмо к М. П. Погодину). — Москвитянин, 1849, ч. V, № 20, отд. III, Науки и художества, стр. 103—112.

1850 г.

20. Лингвистическое недоразумение (М. П. Погодину). — Москвитянин, 1850, ч. III, № 9, отд. IV, Критика и библиография, стр. 29—30.

21. (Рец.) * Об эпических выражениях малорусской поэзии (По поводу „Сборника малорусских песен", изданного М. А. Максимовичем). — Москвитянин, 1850, ч. V, № 18, отд. III, Науки и художества, стр. 19—47.

То же. Исторические очерки..., т. I, стр. 203—230. См. № 64.

22. * Дополнения и прибавления ко II тому „Сказаний русского народа", собранных И. Сахаровым. — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. В. Калачовым, кн. I, М., 1850, отд. IV, стр. 1—48.

23. (Рец.) Мысли об истории русского языка И. Срезневского. — Санкт-Петербург, 1850. — Отечественные записки, 1850, т. LXXII, октябрь, отд. V, стр. 31—58.

1851 г.

24. Значение собственных имен: **лютичи, вильцы** и **волчки** в истории языка. — Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 10, М., 1851, отд. I, стр. 11—17.
То же. Отд. отт. Без м. и г.

25. Русские народные обычаи, язык и предания. (По поводу статьи г-на фон Кремера, помещенной в „Воронежских губ. ведомостях" под заглавием: „Обычаи, поверья и предрассудки крестьян села Верхотишанки".) — Московские ведомости, 1851, № 75, стр. 675—676.
То же. Исторические очерки..., т. I, стр. 242—249. См. № 64.

26. * Эпическая поэзия. — Отечественные записки, 1851, т. LXXVII, июль, отд. II, стр. 1—44; август, стр. 45—78.

1852 г.

27. Буслаев Ф. И. и Галахов А. Д.
Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, СПБ, 1852.

28. (Рец.) Павский Г. П., Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. Рассуждения 1—3, СПБ, 1841—1842. — Отечественные записки, 1852, т. LXXXI, апрель, отд. V, стр. 49—76; т. LXXXII, май, стр. 21—48.

29. (Рец.) Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. — Отечественные записки, 1852, т. LXXXIII, август, отд. VI, стр. 89—104.

30. (Рец.) Опыт областного великорусского словаря, изданный вторым отделением имп. Академии наук, СПБ, 1852. — Отечественные записки, 1852, т. LXXXV, ноябрь, отд. V, Критика, стр. 1—54.
Исторические очерки..., т. I, стр. 151—209. См. № 64.

31. (Рец.) Словарь областных речений великорусского наречия. — Известия имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности, ИОРЯС, т. I, вып. 4, СПБ, 1852, стр. 167—177.
То же. Отд. отт., СПБ, 1852, 16 стр.

32. Рассуждение о составе словаря и о методах подбора иллюстративного материала. — ИОРЯС, т. I, вып. 8, СПБ, 1852, стр. 393—394.
То же в кн.: Мнения о новом издании русского словаря и правила издания, утвержденные Вторым отделением имп. Академии наук, СПБ, 1854.

33. * Дополнение к первому тому. Письмо профессора Ф. И. Буслаева к автору „Истории России". — С. Соловьев, История России, т. II, М., 1852, приложение, стр. 13—48. [О древнейших русских обычаях и преданиях.]

34. (Рец.) Казембек А. К. Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков. Профессора мирзы А. К. Казембека. — ИОРЯС, т. I, СПБ, 1852. Материалы для словаря, стр. 22—37, 71—80; т. II, СПБ, 1853, стр. 385—390.

1854 г.

35. * Русские пословицы и поговорки. (Дополнение к изданию И. Снегирева: „Русские народные пословицы и притчи“, М., 1848.) — Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. В. Калачовым, кн. II, половина II, М., 1854, отд. IV, стр. 1—176.
То же. Отд. отт., М., 1854.

1855 г.

36. Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV-ти рукописей Московской Синодальной библиотеки, с приложением 22 снимков. Сб. „Материалы для истории письмен восточных, греческих, римских и славянских“. Юбилейное издание Московского университета, М., 1855, стр. 1—58.

37. Извлечение из „Русской грамматики“ профессора Барсова, по двум рукописным экземплярам библиотеки Московского университета. — Сб. „В воспоминание 12 января 1855 года“, М., 1855, стр. 1—16.
То же. Отд. отт., М., 1855.

38. (Рец.) О русских глаголах, Константина Аксакова, М., 1855. — Отечественные записки, 1855, т. CI, август, отд. III, стр. 23—46.
То же. Отт. 23—46 стр. Без м. и г.

39. (Рец.) Сравнение русских слов с санскритскими г. Хомякова. — Отечественные записки, 1855, т. CII, сентябрь, отд. IV, стр. 36—57.

1856 г.

40. О преподавании русского языка и словесности. Заметки на статью г. Греча в № 7 „Морского сборника“. — Отечественные записки, 1856, т. CIX, декабрь, отд. I, стр. 327—344.

41. * Древняя русская словесность. Повесть о горе-злочастии. — Русский вестник, 1856, т. IV, июль, кн. 1, стр. 5—52; кн. 2, стр. 279—322.

42. (Рец.) Русская старина. [Новые книги архимандрита Саввы и профессоров Горского и Новоструева.] — Русский вестник, 1856, т. I, январь, кн. 1, Современная летопись, стр. 34—41.

43. (Рец.) Греч Н. И. Практическая грамматика русского языка, изданная Н. Гречем, СПБ, 1827. — Отечественные записки, 1856, т. CIX, декабрь, отд. I, стр. 338—339.

44. (Рец.) * Народная литература. Русские сказки, изд. А. Афанасьева. — Русский вестник, 1856, т. I, январь, кн. 2, Современная летопись, стр. 85—94.

1857 г.

45. (Рец.) * Древне-северная жизнь. По поводу книги „Altnordisches Leben“, von Karl Weinhold. Berlin, 1856. — Русский вестник, 1857, т. VII, февраль, кн. 2, Современная летопись, стр. 259—269.
То же. Исторические очерки..., т. I, стр. 257—268. См. № 64.

46. (Рец.) Индо-германцы или сайване. Опыт свода и поверки сказаний о первобытных населенцах Германии (с приложением карты) А. Вельтмана, М., 1856. — Отечественные записки, 1857, т. CXII, июнь, отд. I, стр. 737—752.

47. * Изображение страшного суда по русскому подлиннику XVII в. — Современник, 1857, т. LXV, октябрь, отд. II, стр. 139—156.

48. (Рец.) * О народности в древнерусской литературе и искусстве. По поводу новых сочинений и изданий епископов Филарета и Макария, гг. Пы-

пина, Ровинского, Сухомлинова и Ундольского. — Русский вестник, 1857, т. X, август, кн. 1, отд. II, стр. 352—392.
То же. Исторические очерки..., т. II, стр. 64—96. См. № 64.

49. (Рец.) Ульфила. Фотографические копии с „Серебряной рукописи". — Русский вестник, 1857, т. IX, июнь, кн. 1, отд. IX, Современная летопись, стр. 207—210.

1858 г.

50. Опыт исторической грамматики русского языка. Учебное пособие для преподавателей, ч. I—II, М., 1858. (Учебные руководства для военно-учебных заведений.)
То же под названием: Историческая грамматика русского языка, изд. 2-е, передел., ч. I—II, М., 1863.
То же. Изд. 3, испр. и доп., ч. I—II, М., 1868—1869.
То же. Изд. 4, испр. и доп., ч. I—II, М., 1875.
То же. Изд. 5, I—II, М., 1881.

51. * Русские подлинники в литературном отношении. Из лекций по истории русской словесности. — Атеней, ч. III, 1858, № 19, стр. 137—172.

52. * Песни древней Эдды о Зигурде и Муромская легенда. Четыре лекции из курса об истории народной поэзии. — Атеней, ч. IV, 1858, № 30, стр. 191—229.
То же. Отд. отт., М., 1858.
То же. Исторические очерки.., т. I, стр. 269—300. См. № 64.

53. * Подлинник по редакции XVIII века. — Русский вестник, 1858, т. XVI, июль, кн. 2, отд. II, стр. 241—276.
То же. Исторические очерки..., т. II, стр. 409—429. См. № 64.

1859 г.

54. * О народной поэзии в древнерусской литературе. Речь, произнесенная в торжественном собрании имп. Московского университета 12 января 1859 года. — Речи и отчет Московского университета за 1859 год, стр. 1—51+1—32.
То же. Московские ведомости, 1859, № 11, стр. 78—80; № 12, стр. 86—88; № 13, стр. 93—96; № 14, стр. 102—103.
То же. Отд. отт., М., 1859.
То же. Исторические очерки..., т. II, стр. 1—63. См. № 64.
Отрывок из этой речи Буслаева под заглавием „Народные предания о лихорадках" напечатан в „Медицинской газете", 1859, № 16.

55. * Русская поэзия XI и начала XII в. — Летописи литературы и древности, т. I, кн. 1, М., 1859. Отд. I, стр. 3—31.
То же. Исторические очерки..., т. I, стр. 377—400. См. № 64.

56. (Рец.) * Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, 1858. — Летописи русской литературы и древности, т. I, кн. 1, М., 1859, отд. III, стр. 74—101.

57. * Повесть града Иерусалима. — Летописи русской литературы и древности, т. II, кн. 3, М., 1859, отд. III, стр. 34—43.
То же. Отд. отт., М., 1860.

58. * Предисловие к „Русским народным песням", собранным П. И. Якушкиным. — Летописи русской литературы и древности, т. I, кн. 2, М., 1859, отд. II, стр. 69—106.
То же. Отд. отт., М., 1860.

59. * Заметки о старине и народности. — Летописи русской литературы и древности, т. I, кн. 1, М., 1859, отд. III, стр. 149—152.

1860 г.

60. * Правила, постановленные на Соборе 1551 года, 23 февраля: Стоглав краткой редакции. — Архив исторических и практических сведений о России, кн. V, СПБ, 1860, отд. II, стр. 1—44.

61. * Древнейшие эпические предания славянских племен. — Русское слово, 1860, № 10, отд. I, стр. 246—269.

62. * Славянские сказки. (Из лекций о народной поэзии, читанных в 1857/58 и 1858/59 акад. годах.) — Отечественные записки, 1860, т. CXXXII, октябрь, отд. I, стр. 641—688.

1861 г.

63. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков, М., 1861.

64. * Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I—II, СПБ, 1861.

1862 г.

65. * Местные сказания владимирские, московские и новгородские (Две лекции из курса русской литературы). — Летописи русской литературы и древности, т. IV, М., 1862, отд. I, стр. 3—24.

66. * Следы русского богатырского эпоса в мифических преданиях индоевропейских народов. — Филологические записки, год второй (Воронеж, 1862—1863), вып. II, стр. 69—85; вып. III, стр. 86—99.
То же. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 42, СПБ, 1887.

67. (Рец.) * Русский богатырский эпос. Песни, собранные П. И. Рыбниковым, ч. 1. Народные былины, старины и побывальщины, М., 1861. — Песни, собранные П. В. Киреевским, изд. Об-ва люб. российск. слов., четыре выпуска, М., 1860—1861. — Русский вестник, 1862, т. XXXVIII, март, отд. I, стр. 5—64; т. XLI, сентябрь, отд. I, стр. 5—102; октябрь, отд. II, стр. 523—571.
То же. Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 42, СПБ, 1887.

1863 г.

68. По поводу памяти святых Кирилла и Мефодия. — Московские ведомости, 1863, № 101.
То же. Кирилло-Мефодиевский сборник, М., 1865, стр. 520—527.

69. (Рец.) * И. Е. Забелин, Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. — XXXII-е присуждение Демидовских наград, СПБ, 1863.

70. Новая программа русского языка и словесности для желающих поступить в студенты Московского университета. — Циркуляр по управлению Моск. учеб. округом, 1863, № 9.
То же. Современная летопись, 1863, № 13.

71. * Для определения иностранных источников повести о Мутьянском воеводе Дракуле. — Летописи русской литературы и древности, т. V, М., 1863, отд. III, стр. 84—86.

1864 г.

72. Из Праги. — Современная летопись, 1864, № 6, стр. 3—7.

73. * Песня о Роланде. — Отечественные записки, т. CLVI, сентябрь, 1864, отд. I, стр. 161—190.

То же. Сб. Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. 42, СПБ, 1887.

1865 г.

74. Ломоносов как грамматик. — В кн. „Празднование столетней годовщины Ломоносова Московским университетом“, М., 1865, стр. 67—74.

1866 г.

75. * „Письма русского путешественника“. Речь в день карамзинского юбилея. — Московские университетские известия, 1866, № 3, стр. 13—27.

То же. Московские ведомости, 1866, № 254.

То же в кн. „Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Московского университета“, М., 1867, стр. 13—27.

1867 г.

76. Краткое руководство к первоначальному преподаванию русского языка, М., 1867.

[Это сокращенное издание книги „О преподавании отечественного языка“.]

77. История русского языка. Лекции, читанные в 1866/67 акад. году. Б. М., Мавродиади и Десницкий, б. г., 147 стр., изд. литографированное.

78. О преподавании церковнославянского языка в средних учебных заведениях. — Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. CXXXIII, январь, отд. II, стр. 58—75.

79. (Рец.) * Разбор издания „Слово о полку Игореве“, напечатанное Н. С. Тихонравовым. — Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. CXXXIII, февраль, отд. II, стр. 441—455.

80. (Рец.) Иностранные слова в славянских наречиях. Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen. Von. Dr. Franz Ritter von Miklosich, Wien, 1867. — Журнал Министерства народного просвещения, 1867, ч. CXXXV, август, отд. II, стр. 540—560.

То же. Отд. отт., СПБ, без года.

1868 г.

81. * Этнографические вымыслы наших предков. — Известия Общества любителей естествознания, т. VII, кн. 1, М., 1868, стр. 93—101.

То же. Отд. отт., М., 1868.

1869 г.

82. Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянскою, с приложением образцов грамматического разбора, М., 1869.

То же. Изд. 2, М., 1870.
То же. Изд. 3, М., 1873.
То же. Изд. 4, М., 1874.
То же. Изд. 5, М., 1878.
То же. Изд. 6, М., 1882.
То же. Изд. 7, М., 1889.
То же. Изд. 8, М., 1896.

1870 г.

83. (Рец.) * В. Стасов, Происхождение русских былин. — Отчет о XII присуждении наград графа Уварова, СПБ, 1870.

То же. — Отд. отт., СПБ, 1869.

84. Начальное обучение в народной школе и отечественный язык в гимназиях. — Журнал Министерства народного просвещения, 1870, ч. CLI, сентябрь, отд. IV, стр. 106—121.

85. Русская хрестоматия. Памятники древнерусской литературы и народной словесности, с историческими, литературными и грамматическими объяснениями, с словарем и указателем, М., 1870.
То же. Изд. 2, испр., М., 1877.
То же. Изд. 3, испр. и доп., М., 1881.
То же. Изд. 4, испр. и доп., М., 1888.
То же. Изд. 5, без испр., М., 1891.
То же. Изд. 6, без испр., М., 1894.
То же. Изд. 7, без испр., М., 1898.
То же. Изд. 8, без испр., М., 1901.
То же. Изд. 9, просмотренное и исправленное А. И. Соболевским, М., 1904.
То же. Изд. 10, М., 1907.
То же. Изд. 11, М., 1909.
То же. Изд. 12, М., 1912.
То же. Изд. 13, доп. и испр. акад. А. И. Соболевским, М., 1917.

1871 г.

86. (Рец.) * Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом народного русского эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское. Профессора О. Ф. Миллера, СПБ, 1870. — Журнал Министерства народного просвещения, 1871, ч. CLIV, апрель, отд. II, стр. 203—239.
То же в кн.: Отчет о четырнадцатом присуждении наград гр. Уварова, 25 сентября 1871 года, СПБ, 1872, стр. 64—89, под заглавием: Разбор сочинения О. Миллера: „Сравнительно-критические наблюдения...“.
То же. 1) Отд. отт., без места и года.
2) Отд. отт., СПБ, 1872.
3) Сборник Отделения русского языка и словесности Акад. наук, т. 42, СПБ, 1887.

1872 г.

87. * Сравнительное изучение народного быта и поэзии. — Русский вестник, 1872, т. CI, октябрь, стр. 645—727; 1873, т. CIII, январь, стр. 293—329; т. CIV, апрель, стр. 568—649.

1873 г.

88. * Догадки и мечтания о первобытном человечестве. О соч. Отто Гаспари „Die Urgeschichte der Menschheit mit Rücksicht auf die natürliche Entwicklung des frühesten Geistesleben. Bd. I, II., Leipzig, 1873. — Русский вестник, т. CVII, 1873, октябрь, стр. 689—764.
То же. Ф. И. Буслаев, Сочинения, т. I, СПБ, 1908, стр. 459—522.

89. (Рец.) * А. Веселовский, Славянские сказания о Соломоне Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине, СПБ, 1872. — XVI присуждение наград гр. Уварова, СПБ, 1873.
То же. Отд. отт., СПБ, 1874.

90. Книгообразные надписи ахеменидов в издании профессора К. А. Косовича. Jnscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum etc archetyporum typus primus edidit et explicavit Dr. Cajetanus Kossowicz, Petropoli, MDCCCLXXII. — Русский вестник, 1873, т. CVIII, декабрь, стр. 692—726.
То же. Сочинения, т. I, СПБ, 1908, стр. 523—552.

1874 г.

91. Из Парижа, письмо об отношении современной Франции к России в области языкознания. — Московские ведомости, 1874, № 222.

1875 г.

92. Об одной славянской рукописи, находящейся в Пармской публичной библиотеке. — Журнал Министерства народного просвещения, 1875; ч. CLXXX, август, стр. 238—244.

93. (Рец.) * Appunti di Mitologia Slava. Lettera al professor Angelo de Gubernatis. — La Rivista Evropea, vol. I, fasc. III, pag. 433—446.
То же. Отд. отт. Firenze, 1875.
[По поводу книги Де Губернатиса „Mitologia Vedica".]

94. (Рец.) * Альбом русских народных сказок и былин. Составлен под редакцией П. Н. Петрова. Изд. Германа Гоппе, СПБ, 1875. — Учебно-воспитательная библиотека, т. I, М., 1876, отд. III, стр. 498—507.

1876 г.

95. М. П. Погодин как профессор. Читано в публичном заседании Общества любителей российской словесности 21 марта 1876 г. — Газета Гатцука, 1876, № 16—18.
То же. Отд. отт., М., 1876.

96. Лекции по истории русского языка и литературы в 1876/1877 акад. году, литографированное издание.
[Лекции 14—22. История русского языка.]

1879 г.

97. Об элементарных правилах филологической критики. По поводу книги архимандрита Амфилохия „Описание Юрьевского евангелия". — Филологические записки, 1879, вып. III, стр. 1—30.
То же. Отд. отт., Воронеж, 1879.

1881 г.

98. Введение к изданию „Факсимиле из Следованной Псалтыри XV века" Образцы письма и украшений из Псалтыри с восследованием по рукописи XV века, хранящейся в библиотеке Троицко-Сергиевской Лавры под № 308(481), изд. имп. Об-ва любителей древней письменности, СПБ, 1881, № LXXIV, 79 стр. + 60 таблиц.

1884 г.

99. (Рец.) * Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Собрал и исследовал В. Стасов, вып. I, СПБ, 1884. — Журнал Министерства народного просвещения, ч. CCXXXIII, 1884, май, отд. II, стр. 54—104.

100. * Русский Лицевой апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX, М., 1884.

1889 г.

101. Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских средне-учебных заведениях. — Пантеон литературы, 1889, кн. 11 и 12.
То же. Отд. отт., СПБ, 1890.

1891 г.

102. Отзыв о программе русского языка и словесности, составленной учителями гимназий Московского учебного округа на съезде 1866 года в Москве. — Сборник Общества любителей российской словесности на 1891 год, М., 1891, стр. 87—96.

ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ

103. * Собрание сочинений, тт. I и II, СПБ, 1908—1910; т. III, Л., 1930.

104. * История русской литературы. Лекции, читанные Е. И. В. наследнику Николаю Александровичу (1859—1860). Сб. „Старина и новизна“, кн. 8, 10, 12.

То же. Отд. отт., вып. 1—3, М., 1904—1907.

105. Письма Ф. И. Буслаева к А. А. Краевскому [1855 г. По поводу рецензии автора на лингвистические статьи писателей-славянофилов Аксакова и Хомякова. Публикация Г. Прохорова.] Сб. „Шестидесятые годы“, М. — Л. 1940, стр. 441—443.

106. О преподавании отечественного языка, Л., 1941.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Федор Иванович Буслаев

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Редактор *В. В. Иванов*
Художник *Г. В. Смелова*
Технический редактор *Н. П. Цирульницкий*
Корректор *Н. Г. Дмитракова*

* * *

Сдано в набор 5/IX 1957 г.
Подписано к печати 14/VIII 1958 г.
60 × 92 1/16. 39 п. л. + 0,12 вкл.
Уч.-изд. л. 39,75 + 0,04 вкл.
Тираж 12 000 экз. А 07366.

Учпедгиз. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.
Заказ № 860.

* * *

Ленинградский Совет народного хозяйства.
Управление полиграфической промышленности.
Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Цена без переплета 11 руб. 25 коп.
Переплет 1 руб. 50 коп.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
3	16 св.	памятников до XVII в.	памятников до XVIII в.
24	13 сн.	§ 68	§ 67
31	3 св.	помиловавь	помиловавъ
32	11 сн.	ы	ꙑ
33	18 св.	ү̀ ү	ү ѵ
34	3 св.	҂а ҂в ҂г	буквенные обозначения 1000, 2000, 3000
36	1 св.	звук *н*	звук *и*
40	5 сн.	старомѣ	старомь
40	8 сн.	вѣчєнїкы, вѣвидѣвъ	вьчєнїкы, вьвидѣвъ
41	19 св.	ольтарь	олътарь
42	5 сн.	ы	ꙑ
43	1 св.	на -ы	на -ꙑ
43	1 св.	напр. добры	напр. добрꙑ
43	3 св.	или добрыи	или добрꙑи
76	22 св.	*безумеле*	*безумле*
77	2 сн.	тў҇ћ.	тȗћ.
79	9 св.	*гляттъ*	*глятъ*
96	7 св.	воискꙑй,	воискꙑй
111	12 св.	би-в-ъши	би-въши
116	17 сн.	и-ꙑ	н-ꙑ
116	8 сн.	чи	чии
122	2 св.	*то-па-н-ье*	*топа-н-ье*
139	20 сн.	обилия	обилия,
141	17 сн.	олов-ѣ-нь	олов-ѣн-ъ
143	17 св.	горьскьй	горьскꙑй
150	22 св.	О	От
159	7 сн.	навидѣти	навидить
160	6 св.	чрезъ	чрѣзъ
169	10 сн.	σῖεφανη-	στεφανη-
169	3 сн.	φιλο-δοζία	φιλο-δοξία
173	15 св.	слов;	слов,
181	14 сн.	тльч-еши	тльч-еши
182	17 сн.	ко-в-ж	к-ов-ж
182	2 сн.	оумрьль	оумьрлъ
189	14 сн.	дад-у-ть	дад-у-тъ
212	16 св.	кам-ен-ен	кам-ен-е
229	3 св.	тврьда-юго	твръда-юго
229	3 св.	прька-юго	прьва-юго
231	17 сн.	бижщ-емь	бижщ-емь
231	10 сн.	бижщи-ихь	бижщи-ихъ
239	9 св.	пѧтихь	пѧтихъ
239	14 св. и 20 св.	десѧть	десѧ̇ть
245	14 сн.	ιορχάς	ζορχάς
260	6 сн.	̂еть	е̂сть
276	3 св.	переходящих	непереходящих
286	12 сн.	в одно,	в одно
297	6 сн.	т сѣдии	т сѣди
330	17 св.	missus	missus,
349	19 св.	ѧ	сѧ
349	4 сн.	se mèfier	se méfier

Заказ 860

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
359	9 сн.	с ы҃ нимь	с҃ынимь
359	8 сн.	р с҃ ти́ть	кр с҃ ти́ть
364	6 св.	лучьшаго	лучьшего
377	18 св.	ьсꙋ	вьсꙋ
396	3 св.	аꙁь	аꙁь
404	19 сн.	нѣкьто	нѣкьто
406	13 сн.	ꙁна́емꙑхь	ꙁна́емꙑхъ
420	3 сн.	ӑστιу	ӗστιу
433	17 сн.	дроугꙑѩ г҃	дроугꙑѭ ѕ҃
437	14 св.	вѫште	ваште
496	9 сн.	мѵрови	мірови
502	19 сн.	вероуемь	вѣроуемь
516	22 сн.	*неволе*	*неволя*
518	5—6 св.	владение от х	владѣніе отъ х
529	2 сн.	иӣ	и : ӣ
541	1 сн.	вѵ	вь
542	3 св.	стражѭ	стражѫ
553	9 св.	а лѣть	(1000) лѣть
553	21 сн.	вашихь	вашихъ
553	12 сн.	ѕастоупьника	ѕастоупьника
589	6 сн.	Спб., 1843	ПСРЛ, т. II, Спб., 1843.
593	2 св.	Иоса	Иоанн, ексарх Болгарский, — М. 1824
593	14 сн.	1037	1307
596	20 сн.	Новоструева	Невоструева
597	8 св.	Чулкова.	Чулкова [Собрание разных песен, ч. I—IV, Спб., 1770—1774].
597	16 св.	1770 г.	1770 г. и в Письмовнике Курганова
598	8 св.	Москвитянине	Москвитянине, 1854 г. (январь, февраль).
598	16 сн.	вобщее	всеобщее
603	13 св.	брать-сестрь	брать-сестръ
606	29 сн.	неукложій	неуклюжій
606	19 сн.	отказать 50—507	отказать 506—507
608	1 сн.	фряжескій	фряжскій 58
613	19 сн.	Новоструева	Невоструева
617	11 сн.	т. СУП	т. СШ
617	5 сн.	Книгообразные	Клинообразные